

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.com

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

4 ЕВРОПА НОВОГО ВРЕМЕНИ
(XVII-XVIII ВЕКА)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт всеобщей истории

Институт российской истории

Институт славяноведения и балканистики

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

в восьми томах

С ДРЕВНЕЙШИХ
ВРЕМЕН
ДО НАШИХ
ДНЕЙ

Главная редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН — председатель,

Ю.Б. ВИППЕР, В.К. ВОЛКОВ,

В.В. ЖУРКИН, В.М. КАРЕВ — ученый секретарь,

М.П. КИМ, И.Д. КОВАЛЬЧЕНКО,

Ю.С. КУКУШКИН, М.М. НАРИНСКИЙ,

А.П. НОВОСЕЛЬЦЕВ, Т.Т. ТИМОФЕЕВ,

С.Л. ТИХВИНСКИЙ, В.Г. ТРУХАНОВСКИЙ

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

том четвертый

ЕВРОПА НОВОГО ВРЕМЕНИ
(XVII—XVIII ВЕКА)

Редакционная коллегия тома:

М.А. БАРГ — ответственный редактор,

В.А. ДЬЯКОВ,

В.Н. МАЛОВ — заместитель ответственного редактора,

А.А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, Е.Б. ЧЕРНЯК,

Г.С. ЧЕРТКОВА — ответственный секретарь

Рецензенты:

доктор исторических наук А.В. Адо,
доктор исторических наук К.М. Андерсон

На форзацах:

Дворец в Версале

*Вид Аничкова дворца (дома Разумовского)
и Невского проспекта
в середине XVIII столетия.
С гравюры того времени Бодуэна*

И 89 История Европы. Т. 4. Европа нового времени (XVII—XVIII века). М.:
Наука, 1994. — 509 с.
ISBN 5-02-009794-2

Том посвящен событиям полуторастолетнего периода, с середины XVII до конца XVIII в., времени очень сложного, ознаменованного противоречивыми процессами развития капиталистической мануфактуры на Западе и закрепощения крестьянства на Востоке Европы, становления парламентского конституционализма в Англии и решительных успехов в утверждении бюрократизированных абсолютных монархий на континенте.

В это же время через успехи рационалистического подхода к действительности вызревает и в XVIII в. становится определяющей составной культурного климата Европы идеология Просвещения, творящая новое культурное единство на светском, надконфессиональном уровне.

Для широкого круга читателей.

И 0503010000-079
042(02)-94 Подписное издание

ББК 63.3(0)

ISBN 5-02-009794-2

© Коллектив авторов, 1994
© Российская академия наук, 1994

ВВЕДЕНИЕ

В четвертом томе речь пойдет о полутора столетиях европейской истории после Вестфальского мира (1648 г.), положившего конец длительному вооруженному противоборству блоков католических и протестантских держав. При размытости (и в определенном смысле условности) границ, разделяющих исторические эпохи, освещаемые в томе события и процессы образуют особый этап истории Европы, а вследствие того места, которое она занимала во взаимоотношениях континентов, — и во всемирном развитии.

В Европе в это время проходили разнонаправленные, но тесно связанные механизмом рынка процессы — развитие мануфактуры на Западе и закрепощение крестьянства на Востоке. В передовом регионе (Англия, Голландия) они сопровождались заметно ускоренным Английской революцией середины XVII в. и “Славной революцией” 1688 г. становлением раннебуржуазных государств, в которых господствующее положение наряду с дворянством принадлежало верхушечным слоям торговой и финансовой буржуазии. В Англии, при сохраняющемся полном исключении из политической жизни основной массы народа, утвердились некоторые институты парламентской демократии. В остальной части континента развитие шло в противоположном направлении — резкого укрепления позиций абсолютизма, которому удалось, опираясь на вновь созданные постоянные армии и строго централизованную бюрократию (содержащиеся в значительной мере за счет материальных ресурсов капиталистического уклада в экономике), ликвидировать сепаратизм феодальных магнатов, ограничить или даже свести на нет автономию провинциальных сословных учреждений, права религиозных меньшинств. Сдвиги в социальной психологии способствовали секуляризации жизни образованной части общества при сохранении традиционной роли церкви, изменению космологических воззрений, “научной революции”, распространению Просвещения в качестве главной идеологии эпохи.

Итак, речь идет об одном из переломных периодов европейской истории, когда ее течение совершило крутой поворот от изживших себя феодальных порядков старого режима к новому общественному строю — капитализму. Новая эпоха, характеризовавшаяся особым развитием первой формы буржуазных производственных отношений (“мануфактурного капитализма”), заявила о себе вначале только в передовых в общественно-экономическом отношении странах — Голландии и Англии. Вместе с тем более или менее ярко выраженные свидетельства ее приближения давали о себе знать и в хозяйственном укладе ряда других стран континента. Общие условия в каждой из стран в разной степени допускали или, напротив, исключали создание крупного мануфактурного производства, вызываемого к жизни состоянием внутреннего и внешнего рынков сбыта.

Мощным ускорением разложения традиционных и становления новых хозяйственных форм являлся сложившийся к тому времени в Европе капиталистический рынок, посредством которого разрушалась былая хозяйственная замкнутость отдельных стран и регионов. Складывавшаяся на этой основе новая общеевропейская экономическая система все более ориентировалась на возможности капиталистической мануфактуры, прежде всего в Англии и Голландии.

Однако капиталистическая мануфактура не имела количественного преобладания над преимущественно докапиталистическими формами общественного

производства. Для понимания европейской истории XVII—XVIII столетий важно уяснить тот механизм сложного взаимодействия различных общественных укладов, который привел в конечном итоге к повсеместному утверждению капиталистических отношений. А этот механизм не исключал и такого на первый взгляд противоречащего ведущей тенденции эпохи явления, как утверждение к востоку от Эльбы крепостного права, приобретшего особо жестокие формы со второй половины XVII в. Он действовал и при обнаружившихся в Европе XVII в. признаках хозяйственного кризиса, сказавшегося прежде всего в свертывании внешнеторговой активности. Тема глубинной перестройки экономических и других общественных отношений является одной из важнейших тем данного тома.

Период, начавшийся в середине XVII в., был отмечен глубокими сдвигами не только в экономике, но и в политике. Собственно мануфактурной стадии капитализма в передовых странах Европы теперь соответствовали ранние формы буржуазного политического устройства. Вместе с тем изменения, происходившие в государственном строе большинства стран Европы, стали как бы прямым отрицанием принципов этой перспективной линии политического развития. Монархическая власть не только не была поставлена под вопрос, но, наоборот, тенденции к усилению абсолютистских режимов оставались преобладающими. Как же совместить историческую перспективу политической истории Европы с усилением абсолютистских режимов на большей части Европейского континента? В чем глубинная причина относительной устойчивости социально-политического строя большинства феодальных государств Европы в наступившее новое время? Такова вторая проблема, которую предстоит осветить в данном томе.

Наконец, глубокими и необратимыми в период мануфактурного капитализма были перемены в духовной жизни европейских народов. Наиболее крупным интеллектуальным сдвигом стала секуляризация взглядов европейцев как на природу, так и на общество: утверждение естественно-научной системы воззрений, базирующейся на успехах математики и механики. Суть этого эпохального переворота в общественном сознании европейских народов наиболее ярко проявилась на завершающем этапе “научной революции”, отмеченной именами И. Ньютона и Дж. Локка. Огромная дистанция разделяет основы мировоззрения людей, живших в середине XVII в. и естественно-научные представления поколения, видевшего падение Бастилии. Столь же кардинальными были изменения в господствующих философских, экономических и социально-политических взглядах. Каким образом идеология Просвещения, зародившись в Англии, стране, уже пережившей буржуазный переворот, могла оказаться на континенте в своей основе идеологией, готовившей новую буржуазную революцию? Почему носители идеологии Просвещения могли полагаться на просвещенный абсолютизм как на реальную силу, призванную решать назревшие задачи общественного прогресса? В этих тесно взаимосвязанных вопросах заключена еще одна узловая проблема, стоявшая перед авторами настоящего тома.

Говоря о сравнительно быстрых и крутых изменениях в духовной жизни европейского общества рассматриваемого периода, необходимо четко уяснить, что они происходили в условиях в целом медленного, эволюционного развития экономики, характерного для мануфактурного капитализма.

В этом крылось одно из противоречий переходного периода. Совокупность общественных антагонизмов вызывала обострение борьбы социальных групп как в раннебуржуазных странах, так и в странах, где сохранялись устои феодализма. Это находило выражение прежде всего в цепи крестьянских волнений и выступлений городского плебса. В то же время в феодальных странах усиливались противоречия между буржуазией и дворянством, а также между носителями реакционных и прогрессивных тенденций внутри самого господствующего класса феодалов.

С самого зарождения капиталистической эры различные страны Западной Европы — Испания, Португалия, Голландия, Англия — более или менее последовательно выступали носителями различных моментов первоначального накопления. К концу XVII столетия эти моменты системно проявляются в раннебуржуазной стране — Англии — в форме колониальной системы, системы государственных займов, системы, меркантилизма, т.е. политики поощрения промышленности внутри страны, таможенного протекционизма и защиты интересов своей мануфактуры на внешних рынках. Англия, к тому времени уже обогнавшая страну торгового капитализма — Голландию, совместно с ней образует раннебуржуазный регион. Что же касается остальных стран, то их региональная принадлежность определяется мерой приближения или отдаления эволюции их социально-экономического строя от развития раннебуржуазного региона.

* * *

В заключение следует обратить внимание на особенности построения данного тома. Оказавшись перед выбором — освещать историю интересующего нас периода по странам или по проблемам, авторский коллектив отдал предпочтение последнему варианту. Важным аргументом в пользу проблемного освещения истории интересующего нас периода стала специфика самого исторического материала. Она заключается в том, что смысловое содержание его сосредоточилось вокруг двух фундаментальной важности процессов: во-первых, становление новой капиталистической экономической и политической системы и, во-вторых, политическая и экономическая реакция на эти процессы стран, в которых старый режим оставался господствующим. Нетрудно убедиться в том, что само историческое сопряжение этих процессов диктовало проблемное освещение фактического материала.

* * *

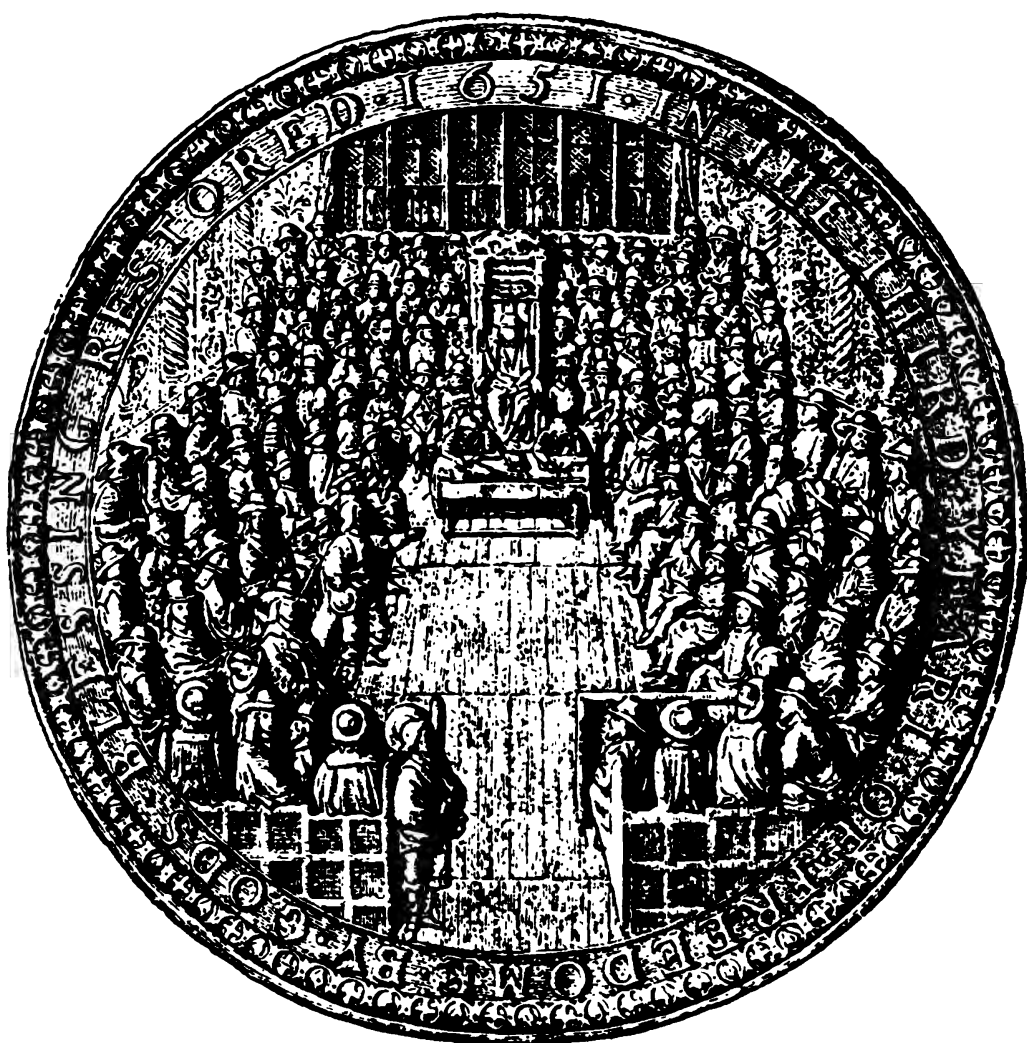
Библиография составлена В.Н. Маловым с использованием материалов авторских глав и картотеки ИНИОН РАН; указатели — Г.А. Сибиревой.

Хронологическая таблица составлена Е.М. Михиной. Карты подготовлены В.С. Горсковым.

Бригадир тома — И.В. Дмитриева.

Часть первая

АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕВРОПА В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

- 1. Английская революция середины XVII века*
- 2. Фронда*
- 3. Каталонское и португальское восстания 1640 года*
- 4. Революционное движение в Неаполитанском королевстве в середине XVII века*
- 5. Восстания конца 40-х годов XVII века в России*

Глава I

АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА

Эпоха ранних буржуазных революций, к которой принадлежит Английская революция середины XVII в., — одна из самых сложных в истории нового времени. В ней все причудливо и неожиданно переплетено, все противится хрестоматийной ясности явлений и слов, посредством которых они обозначались. Буржуазный экономический уклад, развитию которого эти революции должны были предоставить широкий простор, сам еще только формируется; основные социальные деления (структуры) рождающегося капиталистического общества находятся в мучительном процессе классовообразования; революционное действие зачастую выступает в неадекватной ему (и впоследствии отбрасываемой) идеологической оболочке.

Не приходится удивляться, что эта эпоха и в отечественной и в зарубежной историографии остается объектом не только не затихающих, но и все более обостряющихся споров. Твердое, устоявшееся мнение отсутствует даже в вопросе о том, каковы ее реальные хронологические рамки и какие из крупных политических переворотов периода поднимающегося капитализма могут быть с основанием отнесены к разряду раннебуржуазных революций.

В этих условиях единственно надежный путь для исследования интересующей нас революции с целью выяснения ее специфических особенностей — в ряду других революций той же эпохи — открывается, только если обозреть ее в этом ряду. Известно, что установление особенного может последовать за выяснением характерного для всех явлений, связанных с данным классом. С другой стороны, если учесть, что в ходе Английской революции середины XVII в. выявились классические черты ранних буржуазных революций, то станет ясно, что ее изучение приобретает *познавательное значение* — самой историей произведенного — *образца*, который в его отправных чертах будет повторяться и в других революциях указанной эпохи.

Английская революция середины XVII в. представляла *победу нового строя*, победу буржуазной собственности над феодальной. Как кульминационный пункт социально-классовых противоречий, разрывавших европейское общество в XVII в., Английская революция сопровождалась *одновременными* широкими общественными движениями в других странах континента (так называемая Фронда во Франции, восстания в Неаполе, Барселоне, Лиссабоне, восстание во главе с Богданом Хмельницким на Украине). И хотя эти движения носили еще характер классовых столкновений в рамках “старого порядка”, они свидетельствовали о том, что он вступил в полосу всеобщего кризиса. На этом фоне Английская революция середины XVII в. — событие, к которому стягиваются и находят свое объяснение — при всей их видимой разнородности — основные коллизии европейской истории этого столетия.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ

В 1603 г. на английском престоле произошла смена династии: королей дома Тюдоров после смерти Елизаветы I сменил шотландский король Яков VI, ставший родоначальником новой здесь династии Стюартов (и поэтому значившийся “первым”). Это, казалось бы, чисто внешнее событие в действительности стало важной вехой в истории Англии. Яков I — человек недалекий, но невероятно самоуверенный, плохо знавший условия страны, которой он призван был управлять, и отталкивавшийся в своей политике от готовой догмы так называемой “королевской прерогативы” (т.е. абстрактно выраженных прав короны); столь же порочный, сколь и приверженный к роскоши, он быстро оказался во власти фаворитов, превративших свое положение при дворе в орудие собственного возвышения и обогащения.

По иронии судьбы такому королю предстояло стать кормчим страны в период надвигавшейся бури — резкого обострения ее внутренних противоречий и усложнения ее международного положения. В результате уже давно назревавший конфликт между силами, требовавшими обновления всего уклада жизни страны, и силами, отстаивавшими существующий порядок вещей, вскоре стал открытым и непримиримым. Это обстоятельство и позволило Марксу усмотреть в правлении Якова I (1603—1625) “пролог” революции.

К началу XVII в. “старая веселая Англия” уже давно отошла в прошлое. На смену пришла Англия, полная скорби и отчаяния тысяч и тысяч ее сыновей и дочерей, оказавшихся на положении изгоев в своей собственной стране. Для них наступил “железный век”. Как это случилось?

Население Англии к середине XVII в. едва достигало 4,5—5 млн человек. Единственным крупным городом страны был Лондон (200 тыс. жителей), другие города (Ньюкасл, Йорк, Норидж, Плимут, Бристоль) не шли с ним ни в какое сравнение. По типу экономики она оставалась страной преимущественно земледельческой — четыре пятых населения проживало в деревнях и занималось сельским хозяйством.

Тем не менее бродило хозяйственной жизни страны стали уже промышленные отрасли производства, среди которых на первом месте по роли в национальной экономике стояло сукноделие. И хотя по уровню техники и технологии английская промышленность в целом (и производство шерстяных тканей в частности) намного уступала промышленности не только Голландии, но и Прирейнской Германии, те ее отрасли, которые работали не только на внутренний рынок, но и на экспорт, были пронизаны капиталистическими формами производства.

Три района Англии являлись по преимуществу сукнодельческими — юго-западные графства (Глостершир, Сомерсетшир, Девоншир); на востоке (графства Эссекс и Норфолк); на севере (Йоркшир, Уэстморленд). Этому региональному делению соответствовали три сорта шерстяных изделий: на севере производились грубые сукна (в основном на внутренний рынок), на юго-западе — широкие и тонкие, но некрашенные ткани, шедшие на экспорт в Голландию, где их окрашивали и с высокой прибылью (для голландцев), затем перепродавали, и, наконец, восточные тонкие крашенные ткани (технология их производства привезли осевшие здесь эмигранты из Голландии, бежавшие в конце XVI в. от террора испанцев), шедшие также на экспорт. Этому районированию соответствовало преобладание двух основных политико-экономических типов производства: традиционного — на севере (здесь ремесленник, работавший совместно с подмастерьями и учениками, оставался в основном самостоятельной фигурой в процессе производства и сбыта на рынке произведенного) и нового, капиталистического — на юго-западе и востоке, где преобладала капиталистическая мануфактура¹.

¹ Отсюда два значения термина “clothier” (“суконщик”): 1) ткач, сам покупавший на рынке необходимое ему сырье и сам сбывавший свои изделия, 2) владелец мануфактуры, предприниматель, лично уже не участвующий в производстве и сохранивший в своих руках только связи с рынком сырья и рынком готового продукта.

Рабочий день длился 15 часов, что же касается заработной платы рабочих по найму, то она устанавливалась каждый год решением мировых судей исходя из цены минимума необходимых рабочему жизненных средств. За получение рабочими платы, превышавшей установленный максимум, предусматривались штраф и тюремное заключение.

Нетрудно убедиться, что наемный труд в исследуемую эпоху оставался не только фактически, но и юридически подневольным, сохраняя немало черт только недавно изжитого в этой стране крепостничества.

Обратим теперь внимание на судьбу старых ремесленных корпораций, т.е. цехов. В большинстве случаев они внутренне переродились. В результате социально-имущественной дифференциации в них выделилась верхушка разбогатевших мастеров, превратившихся по сути в работодателей (наподобие владельцев раздаточных контор). А основная масса членов таких корпораций оказалась на положении надомных рабочих. Так, например, возникли в Лондоне 5 из 12 так называемых “ливрейных компаний”, являвшихся уже в начале XVII в. купеческими объединениями, но с ремесленными названиями.

В другом случае разбогатевшие корпорации, обычно занимавшиеся конечными операциями в данном производстве, например в сукноделии аппретурщики, стригали, красильщики, подчиняли себе экономически цехи, занимавшиеся начальными операциями в данном производстве (в частности, в сукноделии — мойщики и чесальщики шерсти, прядильщики). В целом же существовавшие в корпоративных городах цехи играли двойственную роль: с одной стороны, они сами сближались с капиталистическими формами промышленного производства, а с другой — стесняли их развитие на территории города, поскольку своими регламентами не допускали появления внецеховой промышленности.

Очевидно, что в условиях преобладания капиталистической мануфактуры судьба последней зависела прежде всего от состояния внутренней и внешней торговли. В начале XVII в. еще сохранялась в общем благоприятная для Англии внешнеторговая конъюнктура. Испания все больше клонилась к упадку, Голландия все еще находилась в состоянии войны с ней, Франция только начала оправляться после затяжных гражданских войн. Одним словом, на торговой конъюнктуре Англии все еще сказывались результаты ее победы над “Великой Армадой” (1588).

В начале XVII в. внешнеторговые связи Англии простирались уже довольно далеко за пределы ближайших европейских соседей. На это указывают сами названия торговых компаний, осуществлявших эти связи. Так, к этому времени уже функционировали компании: Московская (для торговли с Россией); Марокканская; Остзейская (для торговли с Прибалтикой); Левантйская; Гвинейская. В 1600 г. была основана Ост-Индская компания, получившая право монопольной торговли со странами “к востоку от мыса Доброй Надежды до Магелланова пролива”. В 1617 г. она уже насчитывала 9514 пайщиков с капиталом в 1629 тыс. ф. ст. Так как торговля с новооткрытыми землями в Америке, Африке и Азии тесно переплеталась с прямым грабежом и началом колониалистской политики, она являлась не только экономическим фактом², но и военно-политическим инструментом. Однако к 20-м годам XVII в. рыночная конъюнктура резко ухудшилась. Наступил затяжной торговый кризис — в Европе началась Тридцатилетняя война, плавание на морях все чаще блокировалось пиратами. В особо тяжелом положении оказалось английское сукноделие: многие тысячи

² Разумеется, дальняя заморская торговля являлась в тех условиях предприятием рискованным (корабли захватывались пиратами, шли ко дну чаще, чем возвращались на родину), но и прибыли были заманчивыми. Так, например, перец в Индии покупался по цене 3 пенса за фунт, а продавался в Англии по цене 20 пенсов. Мускатный орех покупался по 3 пенса за фунт, а продавался по цене в 78 пенсов и т.д. В результате, если из трех отправленных на Восток кораблей домой с грузом возвращался лишь один, предприятие оказывалось прибыльным.

прядильщиков и ткачей остались без работы. Сократился спрос на промышленные изделия и на внутреннем рынке. Сукнодельческие районы были охвачены народными волнениями. Основную причину наступавших бедствий современники усматривали в торговой политике Якова I, отдавшего практически всю внешнюю торговлю на откуп компаниям, преимущественно лондонским. В то же время и внутренняя торговля была опутана густой сетью всякого рода монополий, лицензий, запретов и изъятий, преследовавших единственную цель — обогатить казну. “Все суконщики, — заявила в 1604 г. палата общин, — и по существу все купцы Англии горько жалуются на сосредоточение торговли в руках богатых купцов Лондона, что ведет к разорению купцов остальной Англии”.

Как уже отмечалось, к этому времени Англия оставалась аграрной страной с резким преобладанием земледелия над промышленностью, деревни над городом. По вычислениям Петти, капитализированная рента земли и связанного с ней имущества составляла сумму, в пять раз превышавшую стоимость всего остального капитала. Даже в первой половине XVIII в. Джон Смит в “Заметках о шерсти” отмечал, что “Великобритания отличается от Голландии как деревенский арендатор отличается от лавочника”. И тем не менее сказанное не означает, что Англия слишком медленно продвигалась по капиталистическому пути. Наоборот, особенность социально-экономического развития этой страны состояла в том, что наиболее интенсивная перестройка средневекового уклада жизни на капиталистический лад началась в деревне гораздо раньше, чем в городе, и протекала здесь радикальнее всего.

Дело в том, что сельское хозяйство стало в Англии более чем выгодным объектом прибыльного вложения капитала уже на грани XV и XVI в. Этим и были обусловлены печально знаменитые огораживания, сопровождавшиеся не только вытеснением мелкого хозяйства крупным, но и прямым и насильственным очищением земли от традиционных ее мелких держателей. Овцеводческие хозяйства, возникавшие на ранее культивировавшихся землях, требовали больших площадей и ничтожно мало рабочих рук. В результате сотни деревень либо полностью исчезали с лица земли, либо превратились в хутора, состоявшие из одного или нескольких подворий.

Огораживания конца XV — начала XVI в. стали прологом так называемой “аграрной революции”, продолжавшейся до XVIII в. Когда первые Тюдоры в финансовых и военных интересах короны начали осуществлять политику “защиты крестьян” (запретив снос дворов и изгнание их обитателей), тот же процесс тем не менее продолжался, но уже под покровом “права”. Крестьяне ставились в условия, делавшие невозможным их пребывание на земле манора.

Дело в том, что по юридическому статусу английское крестьянство делилось на два количественно неравных слоя: абсолютное меньшинство их являлись так называемыми фригольдерами, чьи повинности лордам были незначительными (а временами чистой символическими) и неизменными, поэтому их титул на землю приближался к частной собственности; абсолютное же большинство английских крестьян, так называемые колигольдеры, являлись, как правило, только *срочными держателями* (на срок от “одной до трех жизней”, измерявшихся 21 годом), на этот срок их повинности оставались фиксированными обычаем данного манора. По истечении срока их документа на держание (т.е. “копии”) вступала в силу “воля лорда”, во-первых, сводившаяся к требованию произвольного, так называемого “вступного платежа”, который предшествовал получению новой “копии” на продолжение держания на новый срок, а во-вторых, лорд мог потребовать повышения ежегодных платежей. Эти обстоятельства делали положение копигольдеров крайне шатким, юридически не обеспеченным и бесправным (они не могли обжаловать действия лордов в королевских судах).

Над копигольдерами все еще тяготело их крепостное прошлое (хотя формально они считались лично свободными), они должны были посещать

заседания манориальных судов, приносить лордам, помимо денежных платежей, еще и “дары” натурой и нередко отбывать барщинную повинность. О том, как возрастали повинности копигольдеров в период, предшествовавший революции, свидетельствуют следующие данные. В графствах Норфолк и Суффолк рента за пахоту возросла за полстолетия (1590—1640) в 6 раз; в Эссексе за столетие (середина XVI — середина XVII в.) — в 4 раза; в Ноттингемшире — в течение XVI в. — в 6 раз. И это при формально остававшемся “неизменным” манориальном обычае. Еще более поразительной была динамика “вступных платежей”. Так, например, если в маноре Браунхен с 31 мая 1554 г. по 25 октября 1557 г. файны (штрафы) копигольдеров принесли лорду 256 фр. 8 шил. 4 п., то в конце XVI — начале XVII в. они уже составили 647 фр. 5 шил. 8 п. Аналогичные платежи на земле коронного домена в 1614—1615 гг. в 10 раз превышали их прежние размеры.

Что же давало лордам маноров такую неограниченную власть над традиционными держателями? Разумеется, не только срочный характер владений последних. Разгадка нового положения вещей заключалась в том, что в деревню буквально хлынули денежные люди из города, которые в условиях роста цен на продукты сельского хозяйства увидели в приобретении земельных держаний возможность прибыльного употребления денег.

К 1629 г. цена на пшеницу удвоилась в сравнении с началом века (вместо 9 шил. 6,5 пенса за квартал (четверть) теперь требовали 19 шилл. 3,5 пенса). Отсюда непрерывные жалобы крестьян на “жадных”, “прожорливых” волков, собирателей крестьянских наделов в одни руки. “О, если бы купец, — читаем мы в одной из них, — ограничился бы лишь торговлей и оставил землю тем, кто добывает на ней свой хлеб!” Отсюда же и растущее самоуправство манориальных лордов, которым сдавать землю крупным арендаторам было гораздо выгоднее, чем иметь дело с мелкими держателями земли.

Не приходится поэтому удивляться, что в предреволюционную эпоху получила распространение практика превращения копигольда в лизгольд, аренду, рентные платежи за которую диктовались уже конъюнктурой сельскохозяйственного рынка. Неудивительно, что в правление Якова I и его наследника Карла I поднялась новая волна огораживаний.

В результате число крестьянских хозяйств в деревне систематически сокращалось, их сменили крупные арендаторы — держатели с приписками “мистер”, “рыцарь” и “эсквайр”, “клирик” и т.п.

Все вышесказанное свидетельствует, что, во-первых, земледельцы-копигольдеры, составлявшие львиную долю английского крестьянства как класса, являлись наиболее поработленным и эксплуатируемым слоем в английской деревне предреволюционного времени и, во-вторых, от судьбы копигольда зависела дальнейшая судьба английского крестьянства как класса.

Социально-классовая структура английского общества первой половины XVII в. отмечена сложностью, характерной для переходных межформационных периодов в истории общества. С одной стороны, еще полностью сохранялась унаследованная от средних веков его сословная разгороженность и обособленность каждого из сословий. Начать с того, что двумя привилегированными сословиями в этом обществе по-прежнему оставались дворяне и клирики. Однако английское дворянство (в отличие, к примеру, от французского) даже в своих высших эшелонах являлось не столь родовитым (большая часть старых дворянских родов была уничтожена в ходе войны Алой и Белой роз и в правление Генриха VII Тюдора, беспощадно подавлявшего остатки феодальной вольницы), сколь обязано было своим возвышением королевской воле. В самом деле, еще король Генрих VI призвал в парламент 53 светских лордов, однако в парламенте Генриха VII их оказалось только 29; в парламенте 1519 г. их оставалось только 19; позднее, при Елизавете I, их число было увеличено и доведено до 61, а при Якове I — до 91. В итоге более половины состава палаты лордов

1642 г. получили свои титулы после 1603 г. Таким образом, титулованная светская знать при первых Стюартах имела в общем и целом весьма короткую во времени родословную.

Если столь недавним происхождением отличалась высшая светская знать предреволюционной эпохи, то не приходится удивляться тому, что низшие ряды дворянского сословия являлись еще более открытыми. Практически дворянином в Англии той поры считался тот, кто мог вести образ жизни, “приличествующий” дворянину.

К тому же при Якове I продажа дворянских титулов практиковалась столь широко, что существовала официальная такса на каждый из дворянских титулов. Итак, одной из особенностей английского дворянства являлась его «открытость» для наиболее преуспевших в накопительстве “простолюдинов” (об этом свидетельствует и сама возможность смешанных браков наследников знатных родов с наследниками денежных мешков³).

Вторая особенность этого дворянства состояла в его сугубом “прагматизме” во всем, что касалось возможностей увеличить свои доходы. Так, среди пайщиков основателей Ост-Индской компании мы находим 15 герцогов и графов, 13 графинь и других титулованных дам, 82 кавалера различных орденов. Если подобную свободу от сословных предрассудков по отношению к источникам доходов проявляла титулованная знать, то низшие слои дворянства в этом отношении практически не отличались от представителей третьего сословия. Эта специфика дворянского этоса отразилась в наличии обширного слоя так называемого “нового дворянства”. Деление английского дворянства на “новое” и “старое” отражало различия не только в этике, но и, что более важно, в социально-экономическом облике соответствующих слоев.

Дело в том, что по источникам дохода “новое дворянство” не противостояло буржуазии (как это было характерно для “старого дворянства”), а было чрезвычайно близким к ней. Иными словами, понятия *новое* и *старое* дворянство обозначали слои дворянства, в первом случае тесно связанные с капиталистическим укладом хозяйства, а во втором — представлявшие отжившие феодальные общественные отношения.

Хотя основой социального статуса *нового* дворянина оставалось землевладение, доставлявшее ему земельную ренту, последняя сплошь и рядом дополнялась в его доходах капиталистической прибылью. Этот дворянин мог выступать арендатором земли, ведущим на ней капиталистически поставленное хозяйство, но он также — промышленник, коммерсант, судовладелец, человек свободных профессий — нотариус и землемер, адвокат или врач, служилый человек в одной из королевских канцелярий. И во всех сферах своей деятельности он выступал проводником новых экономических отношений. Для завершения его облика следует отметить, что как лорд манора новый дворянин был беспощадным к традиционным держателям, всеми средствами выживающим их с земли. Им он явно предпочитал крупных арендаторов. В свою очередь, он не брезговал и держаниями по “копии” в соседних манорах, если только они обещали прибыль. Он разводил стада овец и молочных коров, доставлял не только в Лондон, но и за море шерсть, сыр, мясо и масло. Ситуацию эту метко охарактеризовал современный событиям наблюдатель Оглендер: «Для простого сельского джентльмена нет возможности когда-либо разбогатеть. Для этого он должен иметь какое-нибудь другое “призвание”».⁴

Столь же сложным был облик английской буржуазии предреволюционной эпохи. Деление ее на крупную (торгово-финансовую), среднюю (предпринима-

³ Так, например, лорд Комптон женился на дочери Джона Спенсера, мэра Лондона, наследство которого оценивалось в 300 тыс. ф. ст.; лорд Уймоуби женился на дочери олдермена Кокни, принесшей ему приданое в 10 тыс. ф. ст., и т.д.

⁴ Цит. по: Лавровский В.М., Барз М.А. Английская революция XVII в. М., 1958. С. 98.

тельскую) и, наконец, мелкую олицетворяло в конечном счете их позицию в нараставшем сопротивлении абсолютизму Стюартов. Крупные торгово-финансовые воротилы — прежде всего Лондона — были тесно связаны с королевским двором. Выступая в роли его ростовщиков и откупщиков (пошлин и налогов), они являлись основными получателями патентов на монополию (исключительное право) торговли в той или иной части света, равно как и внутри страны. Естественно, что этот слой буржуазии весьма напоминал патрициат в средневековых городах и вел аналогичную консервативно-соглашательскую политику по отношению к властям предрежащим.

К средним предпринимательским элементам буржуазии, помимо промышленников, принадлежали и крупные арендаторы. Оттесненные системой монополии от выгод заморской и внутренней торговли, ограниченные в своей деятельности сохранявшим свою силу регламентом корпоративных городов, эти слои, естественно, чаще всего находились в оппозиции к крайним домогательствам короны.

Наконец, слой мелкой буржуазии, включавший мелких торговцев и ремесленный люд, чаще всего становился жертвой торговых кризисов, вызванных “экономической политикой” Стюартов, — дороговизны жизненных средств, отсутствия занятости и т.п. Естественно, что зревшее в недрах этого слоя социальное недовольство зачастую выливалось в формы открытого протеста — городские волнения и бунты.

По-новому в рассматриваемой перспективе предстает и класс крестьянства. С одной стороны, его теснил слой капиталистических арендаторов, сложившийся в английской деревне к концу XVI в. Так, одним из немаловажных моментов, предрешивших исход борьбы за землю в английской деревне, была сравнительно ранняя и глубокая дифференциация крестьянства, которая по мере генезиса капитализма постепенно превращалась из имущественной в социально-классовую⁵.

Среди трех обычно встречающихся в эту эпоху прослоек крестьянства — держателей крупных, средних, мелких и мельчайших наделов — особенно велик был удельный вес последней прослойки⁶. Естественно, что подобная внутриклассовая структура английского крестьянства не оставляла места для былой внутриобщинной солидарности и резко ослабляла его позиции перед лицом произвола лендлордов. Однако эта же социальная структура английского крестьянства XVII в. оказалась весьма выгодной для капиталистических форм производства не только в земледелии, но и в промышленности.

С одной стороны, только наличие в деревне огромной массы фактически обезземеленных крестьян может объяснить широкое распространение там не только крупной, рассчитанной на применение наемного труда аренды, но и рассеянной мануфактуры, капиталистической работы на дому⁷. С другой стороны, только возможность найти в деревне заработок на стороне может объяснить, каким образом вся эта масса полупролетаризованных крестьян могла столь упрямо цепляться за свои крохотные наделы (а то и за одни лишь деревенские хижины), предпочитая горький удел “люмпен-земледельца” прозябанию в городах.

⁵ Два примера проиллюстрируют интенсивность указанного процесса. В конце XV в. в маноре Ист-Дирхем (Норфолк) 15 держателей владели 44% держательской пахоты (в среднем каждый из них держал 49 акров). В то же время 166 держателей владели только 20% пахоты (в среднем каждый из них держал менее 3 акров). Иными словами, слой неимущих здесь в 11 раз количественно превосходил прослойку богатеев.

⁶ По подсчетам Кинга (конец XVII в.), в Англии насчитывалось 40 тыс. крупных фригольдеров; 120 тыс. мелких фригольдеров, 40 тыс. арендаторов и около 400 тыс. бедных и батраков.

⁷ О феномене так называемой коттеризации английской деревни подробнее см.: Барз М.А. Народные низы в Английской революции. М., 1967. Гл. 1.

Это обстоятельство объясняет нам видимый парадокс: с одной стороны, начиная с последней трети XV в. мы сталкиваемся с несмолкающими жалобами на исчезновение крестьян, непрерывное сокращение их численности; с другой — английская деревня, поскольку она сохранилась (т.е. не была стерта с лица земли огораживаниями), все время полна мелких и мельчайших держателей. Иными словами, видимая непрерывность скрывает от нас действительный перерыв, глубочайший сдвиг в политико-экономическом облике крестьян. Вместо ведущих самостоятельное хозяйство, имущественно независимых йоменов деревню все больше заполняют коттеры — наемные рабочие с мелкими наделами или вовсе безнадельные (отсюда их название).

Однако прежде, чем покинуть пределы деревни, мы должны остановиться еще на одном сельском классе, сложившемся в процессе генезиса капитализма, — речь идет о классе капиталистических фермеров. Три фактора превратили Англию в страну классического фермерства: 1) наличие общенационального сельскохозяйственного рынка; 2) наличие дешевой и легкодоступной рабочей силы; 3) сравнительно выгодные условия аренды благодаря тенденции к застыванию арендаторских рент (арендные договоры нередко заключались сроком на 99 лет) в условиях непрерывного роста цен на сельскохозяйственные продукты⁸. Социальные прослойки, из рядов которых чаще всего рекрутировались представители рассматриваемого класса, были в общем и целом те же, что участвовали в генезисе “нового дворянства”. Отличие заключалось в том, что в среде крупных арендаторов чаще других встречались разбогатевшие йомены, с одной стороны, и предприимчивые джентльмены — с другой. Хотя какие-либо статистические данные полностью отсутствуют, но по частным наблюдениям можно заключить, что именно “новым дворянам” принадлежала большая часть арендованной земли. Во всяком случае вторая половина XVI и начало XVII в. — “золотой век” предпринимательского фермерства⁹.

Однако наши сведения о социально-классовой структуре английского общества в канун революции были бы неполными, если бы мы не остановились, хотя бы вкратце, на количественно растущем слое пауперов. В городе это были многочисленные поденщики, грузчики, разносчики, слуги, матросы и им подобные деклассированные элементы; в деревне — батраки без надела и бесчисленное множество бродяг и нищих, т.е. людей, лишенных источников существования в ходе аграрной революции и не нашедших приложения своему труду за пределами родной деревни.

Нетрудно заметить, что именно в рамках этого общественного слоя формировался эмоционально наиболее легко воспламеняющийся при первых же раскатах грома революции социальный материал той эпохи. Доведенных до отчаяния бродяг и нищих жестоко преследовали и при Тюдорах, и при Стюартах, отправляя их в тюрьмы, исправительные дома, на виселицы по обвинению в праздности, злостном бродяжничестве. Поистине жертвы своекорыстия имущих становились вторичными жертвами так называемого кровавого законодательства, цель которого не только оградить имущих от голода и возмущения бедняков, но и приучить вчерашних крестьян к дисциплине казарм труда по найму. Этой цели служили работные дома и “исправительные” дома (принудительного, подневольного труда).

⁸ Стоимость продуктов сельского хозяйства в течение XVI в. возросла в 6 раз, между тем доход фермеров за тот же период возрос в 12 раз.

⁹ Так называемые манориальные описи полны колоритных фигур подобного рода джентльменов. Так, некий Томас Филлипс в маноре Брамpton (Хантингдоншир) снимал в аренду 4000 акров земли, за которую выплачивал ежегодно 247 фр. 10 шил. 10 п. (для сравнения укажем: рента всех обычных держателей в этом маноре приносила лорду в год всего лишь 22 фр. 14 шил. 4 п.) Другие примеры см.: Лавровский В.М. Исследование по аграрной истории Англии в XVII—XVIII в. М., 1966.

ПУРИТАНИЗМ —

ИДЕОЛОГИЯ НАЗРЕВАВШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

Одна из важнейших особенностей Английской буржуазной революции — своеобразие идеологической драпировки ее классовых и политических целей. Революция стала последним в европейской истории социальным движением, проходившим под знаменем борьбы приверженцев одной религиозной доктрины против приверженцев другой. Вопрос о том, почему роль “боевой теории” антифеодальной революции в Англии была призвана сыграть идеология пуританизма (т.е. кальвинизма на английской почве), неизбежно уводит к истокам английской реформации Генриха VIII. Будучи по своему характеру “королевской”, английская реформация затронула канонический строй церкви в этой стране ровно настолько, насколько этого требовали интересы укрепления абсолютизма Тюдоров. Закрывание монастырей и секуляризация в пользу короны их недвижимого и движимого имущества должны были наполнить опустевшую в правление Генриха VIII казну и при помощи щедрых раздач накрепко привязать к правящей династии обширный слой владельцев бывших церковных вотчин.

Замена папского верховенства королевской супрематией расширяла базу абсолютизма, поставив под его контроль не только церковную иерархию, но также само вероучение и проповедь. Однако во всем остальном реформированная англиканская церковь на первых порах мало чем отличалась от традиционного католицизма. Хотя в правление Елизаветы I реформация была значительно углублена (появились так называемые “39 статей” англиканского вероисповедания, близкого к догматике кальвинизма, составлены новые богослужебные книги и изменены формы отправления культа), многое в церкви по-прежнему напоминало о ее католическом прошлом. Прежде всего была оставлена в неприкосновенности церковная иерархия: устройство церкви оставалось по своему принципу монархическим, с тем только отличием, что вершину этой иерархии вместо папы теперь венчал король. Не было реализовано и требование об упрощении и удешевлении церковного культа. Одним словом, строгие последователи Кальвина имели все основания считать англиканскую реформацию половинчатой и требовать ее продолжения и завершения.

Распространение пуританизма, ставшее особенно заметным в 90-е годы XVI в., объяснялось по сути не догматическими разногласиями с господствующей англиканской церковью, а главным образом тем фактом, что эта церковь, вместо того чтобы оказаться в руках самих верующих, а точнее, толстосумов среди них (или, на деле, и богатейших из них, отмеченных провиденциальной печатью предпринимательского успеха), превратилась в инструмент королевского самовластия.

Не находя выхода в официальную политику, пуританизм проявлялся не только в распространении полулегальных конгрегаций, управлявшихся избранными старейшинами — пресвитерами (из “лучших людей” общины) и приглашенными проповедниками. Уже в конце 90-х годов XVI в. в среде пуритан наметились два течения: умеренное (пресвитерианство), приверженцы которого стремились к строго централизованной церкви, основанной на принципе формальной выборности и осуществляющей строгий контроль за “образом мыслей” и поведением верующих, и радикальное (индепендентство), адепты которого выступали за автономность каждой конгрегации, являвшейся высшей инстанцией не только в вопросах отправления культа, но и в вопросах вероучения. Всякая форма принудительно-централизованного единообразия отвергалась индепендентами как “новая форма старой тирании”.

Поскольку, как было отмечено, пуританизм не мог противопоставить англиканству принципиально отличного исповедания веры (кроме чисто внешних атрибутов культа: упразднения всех остатков пышного убранства в церкви и одежде священнослужителей, удаления органа, песнопений и т.п.), постольку эта форма религиозного диссента проявлялась главным образом в этике.

Как известно, Макс Вебер усмотрел в протестантской (точнее, кальвинистской) этике едва ли не решающий фактор в процессе генезиса капитализма. Продолжающаяся до сих пор дискуссия вокруг этого тезиса выявила, помимо его общеметодологической спорности, еще и чисто историческую необоснованность притязаний Вебера на универсальное объяснение генезиса капитализма. Несомненно, однако, что сформулированное в XVII в. учение о так называемом “светском призвании” верующего явилось своего рода религиозной санкцией для буржуазной этики в эпоху первоначального накопления.

Согласно пуританскому учению “спасение” верующего совершается не без его ведома и не без его участия. Никто не спасется против его желания. “Избранный” ощущает милосердие божие еще здесь, в земной жизни, преуспевание в этой жизни может служить свидетельством “спасения” в той. Отсюда следовал вывод: чем энергичнее верующий следует своему “земному призванию” — удачно ведет хозяйство, торговлю и т.п., т.е. чем богаче он становится, — тем очевиднее свидетельство его “избранности”. Отсюда такие качества пуританина, как скопидомство, презрительное отношение к бедным, упорство и целеустремленность в достижении поставленной цели, мужество и неустранимость. Иначе говоря, пуританизм развязывал силы индивидуума для достижения им индивидуального же блага. От общества лишь требуется невмешательство в эту войну “всех против всех”. Пуританин приносит потребности своей плоти в жертву не идеальному божеству, а золотому фетишу. Он живет бедно, чтобы умереть богатым, он отрешается от внешних проявлений богатства ради богатства действительного — капиталистического накопления. Но чтобы удержать у себя деньги как капитал, он препятствует их растворению в средствах потребления. Трудолюбие, бережливость и скупость — его основные добродетели; много продавать — мало покупать — в этом его политическая экономия. Одним словом, этика пуританизма противопоставила потребляющему богатству феодалов производящее богатство буржуа.

Ни для Елизаветы I, ни для ее преемников Стюартов не оставалось тайной потенциальное социальное и политическое содержание пуританизма. Хотя на первый взгляд речь шла лишь о завершении реформации англиканской церкви, очищении ее от остатков “католических суеверий”, проповедовавшиеся пуританами принципы церковной организации означали покушение на монархический строй, ибо, по словам Якова I Стюарта, “нет епископа — нет и короля”. Еще в 90-е годы XVI в. Елизавета писала королю Шотландии (т.е. тому же Якову Стюарту — своему будущему преемнику на престоле Англии): “Позвольте предостеречь Вас: как в Вашем, так и в моем королевстве возникла секта, угрожающая опасными последствиями. Они желали бы, чтобы совсем не было королей, а только пресвитеры, они стремятся занять наше место, отрицают наши привилегии, прикрываясь словом божьим”. Вскоре после восхождения на английский престол Яков I заявил на конференции по вопросам церковного устройства страны: “Собрание пресвитеров... так же согласуется с монархией, как черт с богом”. А его наследник Карл I считал пуритан “корнем всех мятежей”, непослушания и всей смуты в стране. Неудивительно, что в начале XVII в. пуританин — это не столько религиозный схизматик, сколько бунтовщик, ниспровергатель властей предрержащих. Одним словом, политический подтекст пуританизма был очевидным как для его приверженцев, так и для противников. Отсюда жестокие преследования, обрушившиеся на пуритан в правление первых Стюартов, — от публичного бичевания подозреваемых в принадлежности к ним до отсечения ушей и пожизненного заключения, назначавшихся тем, чья причастность к “мятежной секте” была доказана.

По мере того как в стране нарастала революционная ситуация, пуританизм из доктрины сравнительно узкого круга богословов превращается в идеологию масс. “Набожность”, распространившаяся среди простонародья, явление столь бросающееся в глаза каждому, кто соприкасался с английской действительностью тех лет, религиозное доктринерство, захватившее, казалось, самые неискушен-

ные в вопросах веры народные низы, — все свидетельствовало о глубоком брожении и одновременно о пробуждении умов. Если пуританская оппозиция и не ослабла в результате жестоких преследований и массового исхода из страны ее приверженцев в американские колонии, то это объяснялось прежде всего тем, что ее идеология нашла отклик в народных низах. Почву для этого подготовили условия затяжного экономического кризиса, когда тысячи и тысячи мануфактурных рабочих оказались без работы и лишились средств к существованию. Именно во второй половине 20-х годов и в особенности в 30-х годах XVII в. в пуританизме формируется народно-реформационное течение. Страна покрывается густой сетью полулегальных конгрегаций, сыгравших роль своеобразных революционных клубов. Бедный люд, никогда раньше не отличавшийся внутренней религиозностью, проявляет жадный интерес к таким, казалось бы, абстрактным вещам, как *предопределение, оправдание, спасение*. Лудильщики и кузнецы, портные и седельщики, плотники и стекольщики стекались на воскресные проповеди и вели долгие беседы по поводу услышанного. Так, например, на проповеди некоего Сэмюэла Кларка аудитория собиралась в радиусе 7 миль — стар и млад, мужчины и женщины, летом и зимой.

Совершенно очевидно, что эта вдруг захватившая народные низы волна благочестия была не только формой реакции на условия их повседневной жизни, но и свидетельством животрепещущего интереса к тому кругу идей, которые впервые им открылись. Это был энтузиазм людей, обретших пророков и выразителей своих чаяний. Уже сам по себе факт обращения пуританских проповедников к низам требовал от них внесения значительных коррективов в строгий кальвинизм, поскольку их новые слушатели были полностью лишены “земных свидетельств” принадлежности к разряду “предопределенных к спасению”.

Известно, что согласно учению Кальвина “избранные” составляют лишь незначительную часть людей, большинство принадлежит к разряду “отверженных” и “проклятых”. При этом воля верующего совершенно исключалась из акта спасения. “Наша сила, наше знание, наши заслуги ничего не значат в деле спасения”. Однако, обратившись к народным низам, пуританские проповедники на время “забыли” наставления вероучителя. Вместо того чтобы сеять сомнения относительно “избрания” своих слушателей, они взяли на себя более благодарную в тех условиях задачу — укреплять в них уверенность в своем спасении. Дорога к спасению, наставляли они свою аудиторию, открыта для всех, кто желает по ней идти. Иными словами, судьба верующего вручалась ему самому. Отход от догмата о предопределении сказывался и в другом отношении — согласно кальвиновской ортодоксии верующий остается до конца жизни в полном неведении относительно своей посмертной судьбы. Он вечно терзаем “страхом и сомнениями”, ему нужны постоянные “знамения” и “откровения”, укрепляющие его дух.

Однако народно-реформационное течение в пуританизме давало на вопрос “об избрании” куда более определенный ответ. Так, Джон Престон в проповеди “Новое соглашение”, изданной в 1629 г. и многократно переиздававшейся в последующие годы, поучал: “Чтобы спастись, достаточно, чтобы мы уверовали в свое спасение”. Спасение перестало быть загадкой: “Может ли человек держать в своих руках огонь и не чувствовать его... может ли человек обладать сокровищем и пребывать в неведении о нем, наконец, может ли он сомневаться в платье, в которое он одет?” Нечего говорить, что обратившиеся к народным низам пуританские проповедники не оставляли камня на камне от пресвитерианского идеала единообразно всеобъемлющей церкви, возглавляемой “лучшими людьми”. Они настаивали на том, что, с одной стороны, Библия — единственный источник истины, а с другой — каждый в состоянии самостоятельно воспринять эту истину, поскольку главный инструмент в этом познании не разум, а сердце.

Проповедник Сэмюэл Хоу в 1639 г. пошел еще дальше, объявив, что человеческая наука бесполезна, более того, она помеха на пути к истине откровения. В своем сердце верующий знает больше об Иисусе Христе, чем все

доктора университетов. Ученые только извратили Священное писание, так как стремились доказать то, что им было угодно, а вовсе не заботились об открытии истины. Но если каждый верующий может собственными силами постичь истину, то каждый ремесленник и пахарь становится правомочным толкователем Писания, в делах веры для него нет больше принудительных авторитетов.

Во всяком случае речь может идти лишь о человеческом мнении и не больше. В этом собственно и заключалась суть религиозного индипендентства, доведенного до логического конца. Верующего можно убеждать, но его нельзя принудить. Ни одно мнение не имеет за собой божественной санкции. Легко представить себе, сколь разрушительными казались подобные воззрения “ортодоксальным кальвинистам” — пресвитерианам. Между тем работа народно-реформационной мысли только началась. Получив толчок от пуританских проповедников, их слушатели вскоре сами начинали проповедь “открывшейся” им истины. 30-е годы XVII в. стали периодом интенсивного распространения в народных низах Англии революционного по своей сути сектантства. Секты баптистов, милленариев, райтеров, фамилистов, сикеров и др., в большинстве случаев занесенные в Англию с противоположного берега Ла-Манша, нашли здесь благодатную почву. Поскольку большинство из перечисленных сект основывались на мистических учениях, они были крайне враждебны рациональной теологии Кальвина. Место кальвиновского догмата о предопределении заняло в них учение о всеобщем искуплении и оправдании. Представление о присутствии Христа в душе каждого человека, о боге как универсальной сущности добра невозможно было совместить с догматом об осуждении большей части человечества. В сектантских учениях “гнев господний” сменила его беспредельная любовь к своему творению, “дети греха” стали “детьми света”, духовный индивидуализм сменило духовное братство, место “спасенных” и “отверженных” заняли люди, “любящие бога” и “ненавидящие его”. Одним словом, в народных сектах ковалось идеологическое оружие народной революции.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОППОЗИЦИИ

С воцарением на английском престоле династии Стюартов (1603 г.) система абсолютизма вступила в этой стране в свою нисходящую кризисную фазу. Хотя признаки наступившего перелома уже довольно отчетливо проявились в последнее десятилетие правления “великой королевы” Елизаветы I, однако ореол ее “удачливого правления” помешал им вылиться в открытый политический кризис. Он разразился вскоре после того, как на английский престол взошел шотландский король Яков I. Стечение ряда обстоятельств объясняет относительную скоротечность системы абсолютизма в Англии. Разумеется, решающую роль в этом процессе сыграло исключительно быстрое созревание капиталистического уклада в экономике страны. Иными словами, период, в течение которого этот уклад нуждался в покровительстве двора, оказался в Англии исключительно кратким. Уже в конце XVI в. система “покровительства” стала восприниматься носителями этого уклада как система в высшей степени стеснительная, в правление же Якова I — почти как система его удушения. В результате экспансия капитала как производителя богатства стала несовместимой с сохранением абсолютистских форм правления.

Вторая по значению причина заключалась в относительно быстром сужении социальной базы абсолютизма даже в среде самого дворянства. Как уже отмечалось, Тюдоры немало потрудились не только в деле завершения разгрома старой феодальной знати, но и над созданием новой землевладельческой аристократии, целиком и полностью обязанной своим возвышением новой династии и поэтому безраздельно ее поддерживающей. Однако в течение XVI в. дворянство, вскормленное Тюдорами, в свою очередь расслоилось: значительная его часть, связав свое экономическое благополучие с капиталистическим способом производства,

тем самым оказалась в открытой оппозиции к абсолютизму, особенно к той его форме, в которой он проявлялся в правление первых Стюартов. Итак, раскол английского дворянства на два антагонистических класса — уникальный по своей завершенности факт в европейской истории — не мог не ускорить наступление кризиса системы правления, на этот класс прежде всего опиравшейся.

В ряду причин, обусловивших скоротечность системы английского абсолютизма, важное место следует также отвести резкому обострению борьбы классов (и прежде всего на почве аграрного вопроса), вылившемуся в 1607 г. в крестьянское восстание, охватившее центральные графства страны. Известно, что тюдоровское законодательство, направленное против огораживаний, потерпело полную неудачу. Конец XVI и начало XVII в. совпали с новой волной огораживаний, намного более опустошительной в сравнении с прологом огораживаний в конце XV — начале XVI в. Причина этой неудачи лежит на поверхности: контроль за соблюдением законов против огораживаний был возложен на аппарат власти, так называемых мировых судей, находившийся в руках самих виновников огораживаний. Зато рвение тех же властей в преследовании бродяжничества превосходило все ожидания. Бродяги — жертвы огораживаний — забивались в колодки, заключались в работные дома, в тюрьмы, свозились в заморские колонии, их вешали десятками за кражу ковриги хлеба. Естественно, что откровенно террористическая политика по отношению к низам могла только усилить антиправительственное брожение в их среде, переросшее в открытое восстание в первые годы правления Якова I.

Таковы основные объективные причины кризиса системы английского абсолютизма. Однако немаловажную роль сыграли и субъективные причины — появление чужеземной династии на английском престоле несомненно ускорило наступление развязки. С одной стороны, парламентская оппозиция решила воспользоваться этим обстоятельством, чтобы в надежде на благодарную уступчивость и недостаточную осведомленность короля относительно английских порядков потребовать от него такого рода уступок, о которых она и мечтать не смела в правление королевы Елизаветы. С другой стороны, и Яков I Стюарт именно в силу своей “чужеземности” прибыл в Англию с далекими от реальности представлениями о границах королевской прерогативы в Англии. Разочарование и отчуждение с обеих сторон наступило очень скоро. В свою очередь, то обстоятельство, что в Англии сохранилось центральное сословно-представительное учреждение — парламент, содействовало тому, что кризис системы абсолютизма принял форму конфликта между королем и парламентом (точнее — с организованной оппозицией палаты общин). Очевидно, что в такой преобразованной и опосредствованной форме проявлялось постепенно разделявшее страну на два лагеря глубокое размежевание общественных классов по основным вопросам внутренней и внешней политики Якова I.

Столкновение между расширительным истолкованием королем прерогатив короны и не менее расширительным толкованием оппозицией привилегий парламента проходит красной нитью через парламентскую историю с 1603 по 1629 г., т.е. до того момента, когда наследник Якова Карл I распустил парламент, решив попытаться править страной без участия парламента. Конфликтные ситуации возникали почти по любому поводу, однако наибольшей остроты достигали при обсуждении торгово-промышленной, финансовой и религиозной политики короны.

Уже в первом созванном Яковом I парламенте палата общин представила на его рассмотрение документ, озаглавленный “Апология палаты общин”. В нем (в противовес абсолютистским притязаниям Стюарта, изложенным в трактате Якова под названием “Истинный закон свободных монархий”) подчеркивалось, что английский король не является ни абсолютным, ни независимым от парламента главой государства. “Апология” объявляла верховным органом государства парламент во главе с королем, но отнюдь не короля, действующего

независимо от парламента. Решительно отрицая принцип божественности королевской власти, авторы “Апологии” заявляли, что власть смертного короля не является ни божественной, ни единоличной, что права и вольности подданных не являются временной уступкой короля и не ограничены сроком заседаний парламента, а представляют собой “исконное право” свободных общин страны. Это прирожденное право свободнорожденных англичан, закрепленное в “Великой хартии вольностей”¹⁰ и других статутах королевства.

Источником прав английского народа является, по мысли авторов “Апологии”, писаное право, фиксированное в законодательных актах, в противовес так называемому общему праву, основанному на прецедентах. Важно отметить, что завязавшийся спор между королем и парламентом по вопросу о королевской прерогативе и привилегиях парламента был менее всего спором отвлеченным. Его суть заключалась в стремлении буржуазно-дворянской оппозиции абсолютизму с самого начала правления “чужеземного” монарха точно обозначить границы его прав и полномочий. Иными словами, этот спор прямо отражал стремление оппозиции оградить экономические интересы буржуазии и “нового дворянства” от фискальных притязаний короны и воспрепятствовать внешней и внутренней политике, шедшей вразрез с этими интересами, изменениям в вероучении и церковной организации¹¹. И в том и в другом случае на карту ставились судьбы буржуазного уклада.

Правление Якова I (равно как и его преемника Карла I) — это период углубляющейся феодально-абсолютистской реакции. Поскольку по любому сколько-нибудь важному вопросу внутренней и внешней политики позиции двора и парламента были по сути диаметрально противоположны, то неудивительно, что Стюарты созывали парламенты крайне редко и в большинстве случаев их сессии вскоре прерывались заявлениями о роспуске. В то же время без вотума парламента король не мог ни вводить новые налоги, ни собирать налоги традиционные. Именно это обстоятельство вынуждало Стюартов вопреки всему обращаться к парламенту, последний же решительно отказывался вотирировать субсидии королю, не получив от него требуемых уступок. Одним словом, механизм власти в стране, столь безотказно функционировавший в пору, когда роль абсолютизма еще была исторически прогрессивной, теперь пришел в полное расстройство.

Склонный к роскоши и мотовству, Яков I испытывал постоянную финансовую нужду, усугублявшуюся непомерной щедростью к фаворитам. Естественно, что в условиях все обостряющегося конфликта с парламентом ему ничего не оставалось, кроме как прибегать к сбору незаконных (т.е. не вотированных парламентом) налогов и пошлин. Если же их не хватало, вспоминали старинные, давно отжившие свой век феодальные права короля как верховного сюзерена держателей земли на так называемом рыцарском праве или открыто прибегали к принудительным “займам”. Парламент же со своей стороны, как только представлялся случай, делал все от него зависящее, чтобы законодательным путем закрыть королю доступ к внепарламентским источникам пополнения казны.

Так, например, второй парламент Якова I предложил ему сделку — “большой договор”: за 200 тыс. ф.ст. освободить, точнее, отменить держание земли на рыцарском праве и тем самым все вытекавшие из него повинности в пользу короля. Этим актом “новое дворянство” стремилось приблизить свои земельные владения к свободной буржуазной собственности. После длительного торга Яков I отказался от этого предложения, поскольку справедливо увидел в нем угрозу резкого сужения границ прерогативы короны. В том же парламенте король был вынуж-

¹⁰ Этот типично средневековый, феодальный документ парламентская оппозиция неоднократно привлекала для подкрепления своих требований, чаще всего антифеодального и антиабсолютистского характера. Подобный же анахронизм допускался и в отношении других актов феодальной эпохи.

¹¹ Дело в том, что Якова I подозревали в тайных симпатиях католицизму и склонности попустительствовать католикам.

ден согласиться на билль, запрещавший сбор пошлин без разрешения парламента. Однако из всех проявлений королевского произвола наибольшее возмущение вызывала политика продажи монополий. В ней представители оппозиции усматривали наиболее вопиющее расширение прерогативы короны за пределы законности. И хотя под давлением финансовых затруднений Яков I был вынужден согласиться на законодательное запрещение подобной практики, она тем не менее продолжалась вплоть до начала революции.

Наконец, и внешняя политика Якова I была предназначена как будто только для того, чтобы вызвать ропот и возмущение в стране. В самом деле, еще со времени Елизаветы I Испания рассматривалась в качестве “национального врага” Англии. К торговому и колониальному соперничеству примешивался конфессиональный антагонизм: Испания вдохновляла и воз-

Карл I

главляла европейскую католическую реакцию, Англия же как страна протестантская считала своим долгом всеми силами противостоять контрреформации. Однако Яков I начал осуществлять политику “примирения” с Испанией, т.е. политику, которую нельзя было расценить иначе как “антинациональную”. Так, он под предлогом финансовых затруднений заключил с Испанией перемирие, позволив испанским войскам занять владения его зятя пфальцграфа Рейнского. Испанский посол в Лондоне Гондомер приобрел при дворе огромное влияние.

В конце концов возник план женить наследника английского престола принца Уэльского Карла на испанской инфанте. Естественно, что буржуазно-дворянской оппозиции этот брак казался совершенно неприемлемым — он не только шел вразрез с коммерческими интересами Англии, но и грозил усилением “католической опасности” в самой Англии. В конце 1621 г. королю была представлена петиция палаты общин, содержавшая резкие нападки на проект испанского брака, в котором усматривались “дьявольские интриги” английских и испанских папистов против “истинной религии”. Крайне раздраженный стропами палаты, король на заседании Тайного совета в присутствии лордов и наследного принца собственноручно вырвал из журнала палаты общин текст представления, чтобы “воспрепятствовать использованию в будущем его двусмысленных выражений в качестве прецедента для дальнейших вторжений в область королевской прерогативы”. Отказ испанского двора от предложенного ему брачного союза разоблачил всю беспочвенность и абсурдность внешнеполитических планов Якова I. На словах он “повинился” перед последним своим парламентом (1624 г.), на деле же он продолжал свои интриги против него. Так, вопреки обещанию не заключать без ведома и согласия парламента договоров с иностранными государствами Яков I заключил секретное соглашение с Францией о браке наследного принца, будущего Карла I, с сестрой французского короля Генриеттой Марией, ревностной католичкой. При этом будущий король подписал секретное обязательство предоставить сопровождающим Генриетту католическим священникам “свободу вероисповедания” (т.е. католицизма) при английском дворе.

Таков был пролог английской революции. Конфликт между буржуазными слоями и феодально-абсолютистским режимом, принявший форму конфликта между парламентом и королем, только обострился в правление Карла I (1625—

1649). Роспуском парламента в 1629 г. он добился лишь одного — оппозиция перенесла свою деятельность в графства, организуя на местах сопротивление всему тому в политике двора, в чем она усматривала покушение на интересы капиталистического развития страны. Характерным примером может служить попытка Карла I собрать неразрешенный парламентом налог под названием “корабельные деньги”¹². Хотя отказ уплатить этот налог грозил тюремным заключением и принудительным его изъятием, на всю страну прогремело дело одного из лидеров (в прошлом) парламентской оппозиции Джона Гемпдена, отказавшегося уплатить налог и потребовавшего судебного разбирательства дела. И хотя приговор суда был вынесен в пользу короля, протест Гемпдена не остался одиноким. Неискренность, фаворитизм, интриги, а главное, полное пренебрежение к реальному соотношению общественных сил в стране — таковы характерные черты внутренней и внешней политики Карла I в период его беспарламентского правления (1629—1640). Вспыхнувшая в 1639 г. англо-шотландская война поставила двор перед выбором: военное поражение или созыв парламента. Средств для ведения войны у короля не было, без парламента их невозможно было получить. Избрав последнее, Карл избрал революцию.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1640—1642).

ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ

С созывом Долгого парламента 3 ноября 1640 г.¹³ стало очевидно, что попытки первых двух Стюартов установить в Англии абсолютистские порядки по “французскому образцу” обречены на неудачу. Финансовая зависимость короля от согласия парламента вотировать так называемые субсидии была теперь столь полной (только парламент мог обеспечить снаряжение достаточных сил для изгнания вторгшихся в страну шотландцев), что парламентарии решили действовать. Революция началась. История революции делится на три этапа: 1) “мирный”, или конституционный, когда революционные по своей сути акты парламента получали вынужденное одобрение короля; 2) первая (1642—1646) и вторая (1648) гражданские войны; 3) республиканский период. В первый из указанных периодов Долгий парламент, опираясь на поддержку вставших на его сторону народных низов столицы, прежде всего покончил с наиболее одиозными орудиями королевского самовластия. Суды королевской прерогативы¹⁴: Звездная палата, Советы по делам Севера и Уэльса, суд по церковным делам — “Высокая комиссия” — были уничтожены. Все патенты на монополии были аннулированы, а их обладатели изгнаны из парламента. Для того чтобы сделать невозможным повторение опыта беспарламентского правления в стране, Долгий парламент объявил себя “нераспускаемым” до тех пор, пока он сам того не пожелает. Наиболее ненавистные советники короля в период его беспарламентского правления — граф Страфффорд и архиепископ Лод как основные вдохновители его абсолютистских притязаний были преданы суду и казнены. В начале 1641 г. парламент приступил к обсуждению петиции (а вслед за ней и билля) “О корне и ветвях”, т.е. об уничтожении епископального строя англиканской церкви. Архиепископы и епископы, архидьяконы и дьяконы, значилось в ней, это “члены антихристового клана”, поддержкой и сохранением которых в английской церкви корона дискредитирует себя в глазах Англии. Это требование провели в жизнь явочным порядком низы Лондона: они окружили па-

¹² “Корабельные деньги” — старинная повинность прибрежных графств снаряжать и поставлять на “королевскую службу” определенное число кораблей. Впоследствии эта повинность была заменена денежной субсидией. В нарушение этой традиции Карл I потребовал под этим названием налог и с населения внутренних графств.

¹³ Даты по английской истории до 1752 г. (времени перехода Англии на новый стиль) в томе даются по старому стилю. — *Ред.*

¹⁴ Так именовались чрезвычайные судебные палаты, в которых в противовес так называемым судам общего права разбирательство происходило без участия “присяжных” в заседаниях.

лату лордов с целью преградить епископам вход в парламент. И хотя соответствующий билль был принят позднее, епископальное устройство церкви практически перестало существовать. Наконец, были отменены так называемые “корабельные деньги” как незаконные, а приговор по делу Гемпдена объявили недействительным.

Следует подчеркнуть, что все эти революционные завоевания стали реальностью только благодаря энтузиазму десятков тысяч лондонцев, которым каждый раз приходилось под угрозой применения оружия вырывать у короля согласие на очередной акт парламента. Как же социальные союзники, представителям которых принадлежало подавляющее большинство в палате общин, сформулировали свою программу в начавшейся революции? Ответ на этот вопрос нам дает знаменитая “Великая ремонстрация”, формально содержавшая жалобы общин на нарушение королем законов страны в период его беспарламентского правления (1629—1640).

В действительности же за каждой жалобой стояло требование далеко идущих перемен в существующем порядке. Основной вопрос, волновавший составителей этого обширного документа, сводился к следующему: каким образом обеспечить неприкосновенность буржуазной собственности на землю и движимое имущество, т.е. на доходы от торгово-промышленной деятельности? Ответом на него служил длинный перечень запретов, которых должна придерживаться королевская власть, претендуя на кошелёк подданных. Кстати, упразднение Звездной палаты и других судов прерогативы мотивировалось их незаконными вторжениями в эту святая святых буржуазного правопорядка. Характерно, что в качестве таких же незаконных вторжений в отношения буржуазной собственности рассматривались и попытки Карла I регулировать (хотя бы в интересах фиска) огораживания. Составителям “Ремонстрация”, наоборот, нужна была полная свобода действий огораживателей и новых собственников земли. Второй по важности вопрос, поднятый в “Ремонстрации”, заключался в следующем: как отвести угрозу возврата страны к католицизму? Если вспомнить, сколь велики были имущественные интересы, связывавшие буржуазно-дворянскую оппозицию с реформацией, то станет само собой разумеющимся внимание составителей “Ремонстрации” к судьбам реформационного процесса в стране.

Однако уже при обсуждении билля “О корне и ветвях” обнаруживались острые расхождения между крупными лендлордами и близкими к ним буржуа, с одной стороны, и джентри (мелкими и частично средними дворянами) — с другой. Первые прежде всего боялись самого принципа самоуправления, который должен был возобладать в церкви в случае упразднения епископата, — в их глазах это было бы равносильно торжеству “народоправства”. Член парламента Эдмунд Уоллер заявил: “Наши законы и существующее церковное устройство перемешаны как вино и вода. Я смотрю на епископат как на наружное укрепление или оплот и говорю себе, что если оно будет разрушено народом, то

Граф Томас Страффорд

будет разоблачена тайна...” И предупреждал: если епископат будет уничтожен, “мы должны будем взять на себя тяжелый труд защиты нашей собственности (от притязаний бедных), подобно тому как мы ее недавно отстаивали от притязаний короля”.

Еще отчетливее глубина размежевания интересов в среде членов Долгого парламента обнаружилась при обсуждении “Великой ремонстрации”. В ноябре 1641 г. она была принята палатой общин ничтожным большинством в 11 голосов (159 — “за”; 148 — “против”). В этот день палата общин заседала 14 часов без перерыва. Во время голосования был момент, когда члены палаты схватились за мечи и дело едва не закончилось кровавой свалкой.

В поддержке парламента низами столицы Карл I, не без оснований, усмотрел наибольшую угрозу режиму и решил перехватить инициативу в свои руки. 4 января 1642 г. после того, как палата общин отказалась выдать по требованию прокурора пять предводителей оппозиции (Пима, Гемпдена, Гольза и др.), король лично явился в палату в сопровождении вооруженного отряда. При входе короля члены палаты встали, но на приветствие короля не ответили. Король поименно перечислил членов палаты, подлежащих выдаче, но те были своевременно предупреждены и успели скрыться, найдя убежище в лондонском Сити. На обратном пути королю пришлось пробираться сквозь возмущенную толпу вооруженных лондонцев. Столица окончательно отказала королю в повиновении. 10 января 1642 г. Карл I ее покинул, чтобы через семь лет вернуться сюда пленником парламента. Этим по сути завершился “мирный” (т.е. конституционный) период в истории революции середины XVII в. Как в парламенте, так и в стране к этому времени стало очевидным глубокое размежевание сил. Значительная часть членов парламента открыто встала на сторону короля. В то же время Карл I, признав введенное шотландцами у себя пресвитерианское церковное устройство, заручился их поддержкой. Неудивительно поэтому, что король уехал на север страны с целью подготовиться к вооруженной борьбе с парламентом.

Уже в этот первый период революции в парламенте, призванном в политическом, а вскоре и в военном отношении возглавить ее, обнаружились два крыла: *большинство* его составляли *пресвитериане*, в политическом отношении выступавшие за поиск путей “примирения” с королем, и *меньшинство* его — *инdependенты* требовали подготовить сторонников парламента к вооруженной борьбе с королем и его приверженцами.

События первой гражданской войны наглядно раскрыли ее сугубо социальный характер, проявившийся внешне даже в географической локализации обоих лагерей: на стороне парламента выступили наиболее развитые в экономическом отношении юго-восточные графства страны во главе с Лондоном, т.е. регион с наибольшим удельным весом капиталистического уклада; на стороне короля оказались графства северо-западной Англии, т.е. регион в экономическом отношении наиболее отсталый и полностью подвластный феодальным кланам. Публичная жизнь страны на время как бы раздвоилась, в ней с течением времени оказалось два парламента — парламент, возглавивший восстание против короля в Лондоне, и парламент роялистский, заседавший в Оксфорде и состоявший из “перелетчиков” — членов Долгого парламента, перешедших на сторону короля; две казны и, самое важное, две воюющие друг с другом армии. Хотя у короля было гораздо меньше средств, чем у Долгого парламента, его армия (так называемые “кавалеры”), состоявшая преимущественно из дворян во главе с принцем Рупрехтом, была намного боеспособнее армии парламента (так называемые “круглоголовые”), состоявшей на первых порах преимущественно из наемников, отмеченных всеми чертами ландскнехтов¹⁵.

¹⁵ Большие займы королю предоставили тесно связанные с двором финансовые воротилы Сити, а также богатые аристократы, нередко снаряжавшие за свой счет целые воинские подразделения в армию короля. Примером в этом смысле может служить граф Гламорген, предъявивший после реставрации династии Стюартов королю Карлу II счет на сумму в 918 тыс. ф. ст.

Неудивительно, что первый период гражданской войны прошел под знаком военного преимущества короля, нанесшего парламенту ряд ощутимых поражений, и это случилось вопреки тому, что на стороне парламента находились все важнейшие порты, все города, арсеналы и военно-морской флот. 26 июля 1643 г. роялисты овладели Бристолем — вторым после Лондона городом Англии, вскоре они захватили Эксетер, важный экономический и стратегический центр на пути в Лондон, в осаде оказался и Глостер. Однако, помимо чисто военных причин, неудачи парламента объяснялись главным образом политической позицией его пресвитерианского крыла — оно не желало военной победы над королем, более того — страшилось подобной перспективы и делало все, чтобы ее избежать. Только этим обстоятельством объяснялась военная тактика графа Эссекса, который либо уклонялся от битвы с армией короля, либо добровольно покидал поле боя, даже при перевесе сил на его стороне. Подобной же тактики придерживался и другой парламентский военачальник, граф Манчестер, стоявший во главе сражавшихся на стороне парламента военных сил восточной ассоциации (восточноанглийских графств).

Только тогда, когда судьба парламента оказалась поставленной на карту, в военной политике парламента наступил перелом. Пресвитерианское командование было отстранено, и руководящая роль на поле брани перешла к индипендентскому меньшинству. К этому моменту был уже замечен военный талант члена Долгого парламента провинциального сквайра Оливера Кромвеля. После битвы при Марстон-Муре (2 июля 1644 г.), в которой Кромвель командовал кавалерией парламента, нанесшей первое крупное поражение армии короля (из 18 тыс. роялистов 3 тыс. остались на поле боя, 1600 были взяты в плен — в этой битве Кромвель получил прозвище “Железнобокого”), он стал признанным лидером индипендентов в парламенте. Теперь он был в состоянии потребовать реорганизации военных сил парламента. В ответ на реплику графа Манчестера: “Если мы разобьем короля девяносто девять раз, он все-таки останется королем. Как и потомки его после него” — Кромвель произнес свои знаменитые слова: “Если это действительно так, милорд, то зачем же нам было братья за оружие? Если это так, то заключим мир, сколь бы унижительными ни были его условия”. И он продолжал: “Если армия не будет устроена другим образом, а война не будет вестись более решительно, то народ не сможет дольше ее переносить и заставит нас принять позорный мир”.

В январе 1645 г. палата общин постановила: “Все члены парламента, занимающие в армии командные должности, должны немедленно сложить свои полномочия”. Исключение было сделано только для Кромвеля. Этим же постановлением создавалась новая армия, получившая название “Новой модели” (образца), которая должна была состоять из 10 полков кавалерии, 12 полков пехоты, 1 полка драгун — общей численностью 22 тыс. человек.

Главкомандующим этой армии был назначен 33-летний Томас Ферфакс. Его заместителем стал Оливер Кромвель. “Новая модель” — армия, несравненно

Оливер Кромвель

лучше снаряженная и оплачиваемая, стала ударной силой парламента. Ее солдаты, одетые в красные мундиры йомены и ремесленники, сражались не столько за плату, сколько по убеждению в том, что король — тиран, от победы над которым зависит их благополучие. Важным новшеством в этой армии был принцип выдвижения на командные посты не по происхождению, а по признанию личной доблести, таланта и преданности делу революции. Так, к примеру, полковник Прайд в прошлом был извозчиком, полковник Ньюсон — бывший сапожник, полковник Фокс — в прошлом котельщик, полковник Рейнсборо — в прошлом корабельный шкипер.

14 июня 1645 г. при Нэзби произошла решающая битва первой гражданской войны. Ее исход снова решила кавалерия под командованием Оливера Кромвеля. 5 тыс. роялистов сложили оружие, “круглоголовые” захватили всю артиллерию врага, весь обоз и личный кабинет Карла I с его секретной перепиской.

Развязка первой гражданской войны наступила почти через год — в мае 1646 г., когда король бежал из Оксфорда на север и сдался на милость шотландцев. Однако те в обмен на 400 тыс. ф.ст. выдали его парламенту, заключившему его как пленника в замке Холмби (на севере Англии).

Война всей тяжестью легла на плечи широких масс. Она нарушила обычное течение хозяйственной жизни: торговля как внутренняя, так и внешняя была подорвана, из-за отсутствия сбыта десятки тысяч ремесленников, подмастерьев и учеников либо оставались без работы, либо вынуждены были работать за мизерную плату. Не лучше было и положение крестьян. С началом революции парламент санкционировал все огораживания, произведенные ко дню открытия Долгого парламента. Военные постой и продвижения войск разорили деревню. Так, жители западных графств жаловались (в 1643 г.) в парламент: “Неужели вы не знаете, что наши дома ограблены, что плоды наших долгих трудов отняты у нас, что наши поля лежат необработанными, в то время как ваши солдаты отнимают у нас лошадей...”

Однако парламент оставался глух к подобным жалобам. Его политика в эти годы обнаруживала всю меру своекорыстия союзников и пренебрежения интересами народных низов, своим героизмом и самоотверженностью завоевавших победу над королем. В мае 1643 г. акцизным сбором (т.е. косвенным налогом) было обложено пиво, мясо, ткани, топливо и т.п., что привело к росту цен на предметы первой необходимости. Иначе говоря, акцизные сборы являлись способом переложить на плечи трудящихся основную тяжесть военных расходов.

Столь же односторонним, исключительно в интересах указанных классов, явился изданный парламентом акт от 24 февраля 1646 г. об упразднении “палаты по делам опеки”, которым отменялся феодальный характер землевладения дворян-лендлордов (они освобождались от всех повинностей в пользу верховного сюзерена, т.е. короля). В результате дворянское землевладение приближалось вплотную к юридически признанной частной собственности. “Все держания, — значилось в этом документе, — основанные на оммаже (т.е. рыцарском держании), все файны, захваты, платы при отчуждении, равно как и все другие связанные с ними обязательства, отменяются”. Односторонний характер этой отмены феодального порядка землевладения поддерживался тем обстоятельством, что полностью сохранялось феодальное право, регулировавшее держание по копии, и тем самым сохранялись все повинности и службы лендлордам, причитавшиеся с держателей копигольда, т.е. преобладающей массы английского крестьянства. К тому же сохранялось политическое бесправие огромного большинства английского народа, поскольку право участия в парламентских выборах по-прежнему связывалось с обладанием фригольдом, приносящим 40 шил. годового дохода. Одним словом, военная победа парламента не принесла облегчения участи народных низов, а, наоборот, усугубила ее.

“Вы богаты, — значилось в одной из жалоб тех лет, — в изобилии обладаете всеми благами и ни в чем не нуждаетесь, как же вы можете сочувствовать страданиям умирающих с голоду братьев”.

Обострение классовых противоречий внутри лагеря революции выявило к началу 1647 г. наличие в нем четырех политических сил:

- 1) пресвитерианское большинство в Долгом парламенте;
- 2) индепендентское меньшинство в Долгом парламенте;
- 3) гражданские и военные левеллеры;
- 4) армия “нового образца”, командование которой находилось в руках индепендентов.

Рассмотрим, хотя бы вкратце, каждую из этих сил в отдельности.

1. *Пресвитерианское большинство в Долгом парламенте* представляло интересы обуржуазившейся крупной земельной знати и верхних слоев торгово-ростовщической буржуазии. Свою ближайшую задачу после окончания гражданской войны это большинство видело в скорейшем роспуске армии “нового образца”, внушавшей ему большие опасения из-за индепендентских настроений, и в достижении соглашения с пленным королем об условиях его возвращения в Лондон на “родительский” престол.

2. *Индепендентское меньшинство в парламенте* опасалось, что за роспуском “новой модели” королю будут сделаны столь большие уступки, которые поставят под угрозу основные, с его точки зрения, завоевания революции (существование независимых церковных общин, лишение короля права распоряжаться так называемой милицией, т.е. военной силой, нераспускаемость парламента без его согласия). Сила этого меньшинства заключалась в том, что в его руках находились высшие командные посты в армии “нового образца”.

3. *Левеллеры* на последнем этапе гражданской войны в среде индепендентов сформировались, а затем полностью от них — в политическом смысле — отделились и противопоставили себя им как партия уравнилелей, наиболее выдающимися деятелями которой были Джон Лильберн, У. Уолвин, Р. Овертон и др. Если в вопросах церковного устройства левеллеры в общем оставались на почве индепендентства, то в вопросах политического устройства страны это движение боролось за углубление демократического содержания революции, за радикальную демократизацию всего механизма власти и авторитета в стране¹⁶.

Основные конституционные требования левеллеров были ими сформулированы в направленной в парламент петиции под названием “Ремонстрация многих тысяч граждан” (июль 1646 г.). В ней содержались следующие пять требований: уничтожение власти короля и палаты лордов; установление верховенства палаты общин как единственной представительницы народа; ответственность этой палаты перед избирателями; ежегодные выборы в палату общин; неограниченная свобода совести.

“Мы — ваши принципалы, — утверждали авторы петиции, обращаясь к членам палаты общин, — вы — наши уполномоченные”.

Джон Лильберн

¹⁶ Впоследствии левеллеры именовали военную верхушку индепендентов “шелковыми индепендентами”.

Эти конституционные требования, несомненно демократические по самой сути своей, основывались на доктрине естественного права, утверждавшей, что по рождению все люди равны и, следовательно, обладают равным и суверенным (неотчужденным) правом гражданина страны, в которой они родились.

На этом этапе революции левеллеры являлись выразителями распространенного в народных низах острого недовольства тем, что все плоды победы, завоеванной дорогой ценой, присвоили себе имущие классы, в то время как на их долю достались лишь одни жертвы, тяготы и страдания.

4. Наконец, *демократическое движение в армии*. Когда солдаты армии “новой модели” узнали о принятом в парламенте постановлении распустить армию, оставив из 40 тыс. человек только 16 тыс. для гарнизонной службы в Англии, а 12 тыс. человек отправить в Ирландию для нового завоевания этой страны¹⁷, возмущение в их среде стало всеобщим. Задумав отделаться от “новой модели”, проникнутой “мятежным духом”, парламент не позаботился выплатить ей огромную задолженность, достигшую 331 тыс. ф.ст. К тому же парламент бросил на произвол судьбы тысячи и тысячи солдатских вдов и сирот, оставшихся без кормильцев. Естественно, что армия отказалась подчиниться парламентскому приказу, так начался конфликт между армией и парламентом. Вместо 12 тыс. солдат в Ирландию согласилось отправиться только 2300. В ответ на требование парламента в 8 кавалерийских полках были избраны солдатские *уполномоченные*, так называемые агитаторы (по два от каждого полка), для совместных действий в защиту интересов солдат.

В мае 1647 г. их примеру последовали пехотные полки. Власть агитаторов в армии была столь велика, что по их решению смещались с должностей, обесоруживались и брались под стражу офицеры, предававшие дело солдат. “Армия распоряжается всем, — сообщал в те дни один наблюдатель, — а в самой армии заправляют агитаторы”. Когда стало очевидно, что пресвитерианское большинство собирается за спиной армии заключить по сути капитулянтское соглашение с королем, армия решила действовать. 2 июня 1647 г. посланный на Север отряд драгун окружил замок Холмби, в котором находился Карл I. Он был во второй раз пленен и доставлен в распоряжение армии.

До этой поры позиция Кромвеля в конфликте между армией и парламентом оставалась двойственной. С одной стороны, он не желал лишиться влияния в армии, т.е. этой главной опоры своей позиции в парламенте, где он противостоял пресвитерианскому большинству, которому не доверял. С другой стороны, он с подозрением относился к малейшему проявлению политической самостоятельности рядовых солдат и молодых офицеров, выходцев из простонародья, требуя от них полного повиновения. Когда же король оказался в руках армии, Кромвель явился в ее расположение, чтобы продемонстрировать свою приверженность общему делу. Но его позиция продолжала оставаться двойственной. Так, когда в июле 1647 г. в Лондоне произошел контрреволюционный переворот и из парламента были изгнаны индипенденты, Кромвель решил двинуть армию на Лондон — шаг, на который он вопреки воле солдат долго не решался. 4 августа армия вошла в Лондон без единого выстрела. Индипенденты были возвращены в парламент. Но в то же время Кромвель стал сам заигрывать с королем, добиваясь его согласия вернуться на трон на условиях, приемлемых для индипендентов. Однако вся эта политическая игра происходила за спиной армии и имела целью добиться нового политического устройства страны без ее участия.

Нет ничего удивительного в том, что именно в это время усилилось влияние политических идей левеллеров на рядовой и младший офицерский состав армии. Левеллеры призывали находившихся вблизи столицы солдат: “Не доверяйте ва-

¹⁷ Ирландское восстание, вспыхнувшее с началом революции в Англии, было направлено против английского владычества и угнетения коренного населения. На то время, пока парламент был поглощен войной против сил короля, Ирландия фактически стала независимой страной.

шим офицерам... пусть ничего не делается и не решается без вашего согласия”. Брожение среди солдат стало угрожающим. 15 октября от имени агитаторов пяти полков были переданы требования, озаглавленные “Дело армии, правильно изложенное”. Его автором был левеллер Джон Уайлдмэн. В конце октября на основе этого документа агитаторы выработали политический манифест армии, известный под названием “Народное соглашение”. Это был по сути левеллерский проект нового государственного устройства Англии, требовавший: безотлагательно распустить Долгий парламент, впредь парламент должен переизбираться каждые два года, пропорциональное представительство избирательных округов соответственно численности населения. Но самое главное в этом документе заключалось в требовании *всеобщего избирательного права* для мужчин с 21 года. Власть короля и палаты лордов в этом документе полностью игнорировалась, даже не упоминалась. Верховная власть в стране должна была принадлежать однопалатному парламенту. Наконец, левеллеры требовали возвращения огороженных земель в общинное пользование, уничтожения монополий, церковной десятины, акциза (замена косвенного обложения прямым налогом на имущество), бедняки и престарелые должны содержаться за счет казны.

Однако левеллеры как сторонники частной собственности не только не решались включить пункт об отмене копигольда — это основное требование крестьянского аграрного переворота, но и не распространяли принцип всеобщего избирательного права на людей, получающих милостыню и работающих по найму, т.е. лишенных независимых источников существования.

Несмотря на это, “Народное соглашение” привлекло на сторону армии все революционные демократические силы. Желая овладеть этим движением в армии, чтобы обезглавить его, Кромвель согласился “обсудить” “Народное соглашение” на заседании Общеармейского совета (в него наряду с агитаторами входили представители высшего офицерства). Собравшийся в Пэтни 28 октября 1647 г. совет провел четкую разграничительную линию между грандами, или “шелковыми индипендентами”, сторонниками Кромвеля, и левеллерами. В противовес “Народному соглашению” левеллеров гранды представили свой проект политического устройства Англии, известный под названием “Главы предложений”, автором его был зять Кромвеля Айртон. Достаточно заметить, что согласно этому проекту власть короля и палаты лордов стала составным элементом новой конституции Англии.

Во время обсуждения в Пэтни левеллерского “Народного соглашения” Айртон заявил: “Я никогда не пойду заодно с теми, кто ищет гибели парламента и короля”. “Ваши предложения новы для меня, — заявил председательствовавший на этой конференции Кромвель. — Они предусматривают важные изменения в образе правления, а подумали ли Вы о последствиях, какие они могут иметь? Не будет ли вызвана этим полная смута?..” Отстаивавшие принцип всеобщего избирательного права для мужчин левеллеры аргументировали это требование принципом естественного права. На это Айртон отвечал: “Мне думается, что не существует общего для всех права... Что никто не имеет права принимать участие в решении дел королевства... кроме тех, кто имеет в нем постоянную заинтересованность” (т.е. кто обладает собственностью).

И далее: “Здесь говорили о естественном праве... Но на основании его вы не имеете большего права на этот кусок земли или на какой-нибудь другой, чем я; я в такой же мере, как и вы, волен захватить все необходимое для моего пропитания... Я прихожу в ужас от тех последствий, какие может иметь подобное предложение”. Такова была позиция грандов, откровенных защитников строя частной собственности. Но ведь и левеллеры на нее не замахивались¹⁸. В целом

¹⁸ Вопреки этому гранды нарекли их устрашающим для собственников именем “уравнители”. Впервые этот термин возник во время крестьянского восстания 1607 г. — им обозначили тех, кто сносил возведенные на общинных землях ограды.

проект левеллерской конституции пугал грандов своим демократизмом и республиканизмом. Как и следовало ожидать, в Пэтни не было достигнуто согласия ни по одному пункту требований “Народного соглашения”.

В результате огонь возмущения в армии вспыхнул ярким пламенем солдатского мятежа, когда разнеслась весть о том, что король бежал на о-в Уайт, чтобы еще раз поднять свое мятежное знамя и снова попытаться военное счастье. На 15 ноября Кромвель назначил смотр одной трети состава “новой модели” (5 полков). Однако вместо 5 на смотр прибыли 7 полков. Полки Гаррисона и Роберта Лильберна (брата Джона Лильберна), прогнав своих офицеров, самовольно явились на смотр, приколов к головным уборам отпечатанные тексты “Народного соглашения”. Кромвель потребовал сорвать листовки. Подавляющее большинство солдат повиновались. 14 зачинщиков не повиновались, были арестованы и тут же подверглись военному суду. Из трех солдат, приговоренных к смерти, перед строем расстрелян был один — Ричард Арнольд.

1648 год был одним из самых критических моментов в истории Английской революции. Монархические симпатии мутным потоком разлились по стране — они завладели почти всеми толстосумами, терявшими голову при одной лишь мысли о возможности утратить собственность. Роялистские мятежи вспыхнули не только на севере и в Уэльсе, но и в Кенте, Суррее, Суссексе и, наконец, в самом Лондоне. Роль главных защитников монархии взяли на себя шотландские пресвитериане — аристократы, вступившие в сговор с Карлом I. Шотландская армия вторглась в северные графства Англии. К тому же парламенту отказал в повиновении флот.

В лагере революции царили разброд и бесконечные интриги. Армия находилась в руках индипендентов, в парламенте же заправляли пресвитериане, их ненавидевшие и не доверявшие армии. Не было единства и в самой армии — кровь солдата Арнольда оттолкнула от Кромвеля близких к левеллерам солдат.

В апреле 1648 г. на совещании высших офицеров армии было решено: “Карл Стюарт... должен быть призван к ответу за пролитую им кровь и за тягчайшие преступления против Бога и народа”.

В результате у левеллеров вновь появились надежды на Кромвеля. Единство в армии было восстановлено. Военные действия против шотландцев развернулись летом 1648 г. после подавления роялистского мятежа на западе страны в Уэльсе. 17 августа в сражении при Престоне Кромвель нанес шотландцам сокрушительное поражение — 10 тыс. человек сложили оружие и сдались в плен, только немногие шотландцы избежали подобной участи.

Тем временем Ферфакс подавил роялистское восстание в Кенте и приступил к очищению восточных графств от очагов роялистского мятежа.

К концу августа вторая гражданская война была в основном закончена. Однако пресвитерианское большинство в парламенте продолжало плести интриги против армии и за ее спиной, все еще надеясь на возможность достижения соглашения с королем. На остров Уайт, где в это время находился король, была направлена депутация парламента для ведения переговоров. Чтобы сорвать их, армия 2 декабря 1648 г. снова вступила в Лондон. Одновременно ее посланцы захватили короля и заключили его в уединенный замок Херст-Касл. После того как 5 декабря палата общин постановила, что сделанные королем уступки вполне достаточны для достижения с ним соглашения, отряд драгун под командованием полковника Прайда занял 6 декабря все подступы к Вестминстерскому дворцу и по заранее составленному списку задерживал роялистски настроенных членов парламента — пресвитериан. Всего из палаты общин было таким образом удалено более 140 ее членов. Это была так называемая “прайдова чистка” парламента. В результате индипенденты получили в ней большинство. 28 декабря было принято постановление о суде над королем.

Революционный процесс получил новый импульс. 4 января 1649 г. Палата общин объявила себя носителем верховной власти в Англии. 26 января 1649 г.

специально созданный суд вынес королю смертный приговор. 30 января 1649 г. при огромном стечении народа Карлу Стюарту отрубили голову. Буржуазная революция в Англии достигла апогея. Вслед за казнью короля актом парламента от 17 марта 1649 г. королевская власть как “ненужная, обременительная и опасная” для блага народа была уничтожена. Через два дня ее судьбу разделила палата лордов. 19 мая Англия была провозглашена республикой, которая, как гласило постановление, “отныне будет управляться высшей властью нации, представителями народа, в парламенте при этом не должно быть ни короля, ни палаты лордов”.

Очевидно, что “шелковые индипенденты” во главе с Кромвелем только под давлением снизу превратились из монархистов 1647 г. в республиканцев 1649 г., но, став ими, они явно перехватили у левеллеров инициативу в свои руки с тем, чтобы остановить дальнейшее развитие революции по восходящей. Исполнительная власть была вручена так называемому Государственному совету, в котором решающую роль снова-таки играл Кромвель. В действительности это была только видимость “разделения властей”. После “прайдовой чистки” от парламента осталось только “охвостье” — заседания палаты общин посещали не более 50—60 человек, из которых 31 одновременно являлись и членами Государственного совета. Иными словами, республика 1649 г. больше напоминала прикрытую республиканским убором военную диктатуру, возглавляемую Кромвелем, чем республику, учреждения которой добивались левеллеры. “Новыми цепями Англии” назвал Лильберн власть индипендентов.

РЕСПУБЛИКА 1649 ГОДА.

ПРОГРАММА ИСТИННЫХ ЛЕВЕЛЛЕРОВ.

ПРОТЕКТОРАТ КРОМВЕЛЯ И РЕСТАВРАЦИЯ СТЮАРТОВ

Экономическое положение страны в результате двух гражданских войн было крайне тяжелым. Длительный застой в торговле и промышленности разорил и довел до нищеты многие тысячи ремесленников и мелких торговцев. Безработица стала подлинным бичом английских городов и промысловых деревень. Разорение крестьян солдатскими постоями и реквизициями увеличило число бродяг и выпрашивавших милостыню нищих. Недороды 1647—1648 гг. вызвали неслыханный рост дороговизны — хлеб стал роскошью, недоступной даже для мелких собственников. Смерть от голода и эпидемий собирала богатую жатву. К тому же вся тяжесть содержания 40-тысячной армии падала на плечи трудящихся. По-прежнему сохранялся акцизный сбор, нетронутой осталась церковная десятина. «О, члены парламента, — значилось в одной из петиций, направленных им в те дни, — нужда не признает законов... матери скорее уничтожат вас, чем дадут погибнуть плоду их чрева... а голоду нипочем сабли и пушки... прислушайтесь к нашим дверям, как дети кричат “хлеба”, “хлеба”... Мы взываем к вам: сжальтесь над поработленным и угнетенным народом».

Однако индипендентская республика 1649 г. оставалась глухой к подобного рода жалобам. Зато гранды делали все возможное, чтобы богатые еще более обогатились. Обширные земельные владения, конфискованные в ходе гражданских войн у роялистов, церкви, а после казни короля и земли короны щедро раздавались высшим офицерам в награду за военные заслуги, остальные были проданы с молотка, чтобы пополнить вечно пустую казну республики. Почти за бесценок они доставались главным образом дельцам Сити, кредиторам парламента, всякого рода перекупщикам и спекулянтам. Если к этому прибавить позднейшие конфискации обширных земельных владений во вновь завоеванной Ирландии, то станет очевидным процесс создания нового слоя лендлордов, ставших одной из опор нового буржуазного правопорядка в стране. Теперь после победы над королем и перехода власти к “шелковым индипендентам” последние

прекратили былое заигрывание с левеллерами — в их помощи они больше не нуждались.

Само название *левеллер* теперь вызывало только страх и острую ненависть, поскольку оно ставило под вопрос принцип неприкосновенности частной собственности. “Народное соглашение”, переданное левеллерами еще в январе 1648 г. на рассмотрение парламента, было окончательно положено под сукно. Левеллеры, не без оснований, сочли себя обманутыми Кромвелем. Его сторонникам в армии и парламенте Лильберн в те дни писал: “Народ низведен до ничтожества, между тем ему льстят, уверяя, что он — единственный источник всякой справедливой власти на земле”. Религиозные секты, казавшиеся чересчур революционными, преследовались, критиковавшие новые порядки сочинения уничтожались, право петиций и право собраний попирались самым беззастенчивым образом.

Разочарование и недовольство масс сказались и в армии. Солдаты, как и гражданские левеллеры, требовали осуществления “Народного соглашения”, восстановления армейского совета и избрания агитаторов. В письме солдат Ферфаксу и Совету офицеров значилось: “Мы — английские солдаты, собравшиеся под [вашим] знаменем для защиты свободы Англии, а не иностранные наемные войска, которые могут за плату избивать народ и служить пагубным честолюбивым стремлениям различных лиц”. Авторы письма — восемь подписавших его солдат — после унижительной процедуры разжалования (перед строем над их головой ломали шпаги) были изгнаны из армии. Солдатам впредь запрещалось подавать петиции, собираться на сходки. В памфлете, опубликованном от имени уволенных солдат, “Охота на лисиц... пятью гончими” Кромвель был назван “предателем” и “обманщиком”: “Видели ли когда-нибудь поколение людей более лживое, предательски клятвопреступное, чем эти люди? (т.е. гранды)”.

Со своей стороны и гражданские левеллеры — Лильберн, Уолвин, Овертон, Принс — опубликовали против Кромвеля бичующий памфлет — это была вторая часть “Новых цепей Англии”. В ответ Лильберна и его товарищей бросили в тюрьму. Против них пустили в ход клевету: “Они хотят, чтобы никто не мог назвать какую-либо вещь своей; по их словам, власть человека над землей — тирания, по их мнению, частная собственность — дело рук дьявола”. В ответ вожди левеллеров ответили специальным манифестом: “Мы объявляем, что у нас никогда и в мыслях не было уравнивать состояние людей. Наивысшим нашим стремлением является такое положение республики, при котором каждый с наибольшей обеспеченностью мог бы пользоваться своей собственностью”. В последний (четвертый) вариант “Народного соглашения”, опубликованный 1 мая 1649 г., был внесен специальный пункт, запрещающий парламенту отменять частную собственность. Однако война грандов с левеллерами вскоре из памфлетной стала кровавой. Полки, отобранные по жребию для отправки в Ирландию с целью ее повторного — в какой уже раз — завоевания, отказались покинуть Лондон. Еще 25 апреля поднял мятеж драгунский полк Уолли. Однако Кромвелю удалось быстро восстановить порядок. И снова перед строем был расстрелян один из зачинщиков — 23-летний солдат Локьер, семь лет сражавшийся за дело парламента. Лильберн назвал этот акт “убийством и государственной изменой”.

9 мая Кромвель производил смотр войск в Гайд-парке, и снова солдаты явились на него с эмблемами левеллеров. На этот раз Кромвель прибег к посулам (вскоре будет распущен Долгий парламент и состоятся новые выборы и т.п.), и волнения улеглись. Но пламя солдатского восстания перекинулось в графства. В Бэнбери (вблизи Оксфорда) восстали драгуны во главе с капитаном Томпсоном, в Солсбери восстал полк Скруппа, и его возглавил знаменщик Томпсон. Восстание охватило значительную часть и трех других полков. Однако отсутствие единого руководства восстанием, разрозненность сил восставших предрешили его исход. Кромвель во главе 4 тыс. верных ему кавалеристов сравнительно быстро разгромил силы восставших. Погиб в бою капитан

Томпсон, знаменщик Томпсон и два капрала были расстреляны по приговору суда. Столь же беспощадно были подавлены волнения левеллеров в Ланкашире, Дербишире и ряде других графств.

Англия собственников вздохнула с облегчением. Парламент объявил Кромвелю “благодарность за услугу нации”. Оксфордский университет поспешил избрать его своим почетным членом. В Сити в честь победителей Кромвеля и Ферфакса был устроен роскошный банкет, им преподнесли драгоценные подарки. Перед угрозой народной революции Сити и республика “шелковых индипендентов” оказались по одну сторону баррикад. Движение левеллеров потерпело поражение. Виной этого, разумеется, была прежде всего политическая незрелость народных низов, незавершенность размежевания сил в их среде. Но одна из причин, и притом немаловажная, заключалась в мелкобуржуазной ограниченности программы левеллеров, в игнорировании ею основного требования крестьянского аграрного переворота — отмены копигольда и превращения его во фригольд. Этому помешал разделявшийся левеллерами принцип неприкосновенности частной собственности как основы политического устройства.

Но именно тогда, когда новые правители Англии посчитали, что с уравнилелями покончено, левеллерское движение, по крайней мере в программном отношении, поднялось на несколько ступеней выше. Требования “Народного соглашения”, которые не могли принести облегчения основной части английских крестьян, мало что сулили в будущем и тем слоям английского народа, которые были лишены какой-либо собственности и оказались на положении пауперов.

Выдающаяся роль “истинных левеллеров” в истории Английской революции в том и заключалась, что они объединили в своей программе интересы большинства английского народа — огромной массы обезземеленных бедняков и держателей копигольда. Наиболее выдающимся представителем “истинных левеллеров” был Джерард Уинстенли, который в годы революции разделял участь то мелкого арендатора, то батрака, познав при этом всю горечь нищеты и несправедливости. В многочисленных памфлетах он обосновал крестьянско-плебейскую аграрную программу революции. Источник царящего в Англии зла Уинстенли справедливо усмотрел в системе лендлордизма, т.е. в присвоении немногими лордами маноров в свою исключительную собственность земли, которая изначально призвана служить общей сокровищницей всех людей. “Я утверждаю... — писал он, — что земля была сотворена для того, чтобы служить общим достоянием всех живущих на ней, но если это так, то никто не должен быть лордом... над другим”. И он продолжал: “Власть лордов установилась в Англии вследствие норманнского завоевания. Теперь, когда норманнское ярмо уничтожено, она должна быть уничтожена и власть над землей потомков завоевателей отменена”. “Разве вы не обещали свободу всей нации, — спрашивал Уинстенли у новых властителей Англии, — после того как будет изгнана партия кавалеров? Почему же теперь вы ищете свободу только для себя... отрицая такое же право за простым народом...” Иными словами, Уинстенли гораздо глубже трактовал понятие свободы в сравнении с пониманием его в “Народном соглашении”. “Нет и не может быть свободы для тех сотен тысяч англичан, которые лишены достойных, независимых от чьей-либо власти источников существования, т.е. свободного доступа к земле как общенародному достоянию. Власть лендлордов, — продолжал Уинстенли, — королевского происхождения, и она прекратилась. Вместе с падением монархии держатели копигольда освобождены от подчинения лордам маноров”. И, обращаясь к этим держателям, Уинстенли разъяснял: “Теперь вы пришли к такому положению, когда вы можете освободиться, если вы встанете за свою свободу”. Специфика этой защиты копигольдеров заключалась, как мы видим, в том, что она включала в качестве предпосылки отрицание института частной собственности на землю в целом. И в этом состоянии примитивно-коммунистическая суть учения “истинных левеллеров”.

«Пусть земля, какой она была первоначально сотворена... такой и останется для всех людей — общей сокровищницей, никем и нигде не огороженной и не закрытой, и пусть никто не скажет: “Это мое”. И когда люди будут обеспечены пищей и одеждой, их разум созреет и сможет погрузиться в тайны мироздания. Ибо страх перед нуждой... мешал осуществлению многих редких изобретений». Однако Уинстенли не только убеждал словом, но и предпринял попытку основать на одной из пустошей в графстве Суррей колонию безземельных, в которой был бы реализован его призыв: “Работайте вместе и вместе ешьте свой хлеб”.

В апреле 1649 г. в Государственный совет донесли, что в местечке Кобхем, в 30 км от Лондона, группа в 30—40 человек, вооруженных лопатами, приступила к обработке пустоши на холме Св. Георгия. Их прозвали диггерами (копателями). Против них был направлен отряд кавалерии. Однако, обнаружив, что перед ними сугубо мирно настроенные люди, надеявшиеся “победить” не оружием, а “любовью”, командир отряда выразил удивление, по каким “пустыкам” беспокоили Государственный совет. Тем не менее он обязал предводителей — Уинстенли и бывшего солдата Эверарда — явиться в Лондон к генералу Ферфаксу для объяснения. О том, как эти встречи прошли, известий не сохранилось, но, так как они заверили генерала в том, что не намерены вторгаться в чью-либо собственность или сносить изгороди, что они хотят воспользоваться только тем, что “осталось еще неразделенным”, их отпустили с миром.

Тем не менее местные лорды и крупные фригольдеры отнеслись к начинаниям диггеров иначе — они усмотрели в этом прямую угрозу своей собственности и, как следствие, обрушили против них не только клевету, но и повседневные жестокие преследования. Построенные диггерами хижины разрушались, инвентарь ломался, посевы вытаптывались, копателей до полусмерти избивали, их прогоняли с холма, на котором они обосновывались. Но через несколько дней те снова возвращались и принимались за работу, твердо решив осуществить свое право, отвечая на насилие лишь проповедью и терпением.

Движение диггеров перебросилось в другие графства. Таких колоний было основано около десятка. Однако и враги диггеров не дремали — повсеместно их разгоняли, штрафовали, арестовывали. И просто поразительно, что в такой обстановке повседневного террора диггеры продержались почти целый год. И только когда преследования стали невыносимыми, их движение было подавлено. Позднее Кромвель заявит: “Дворяне, джентльмены, йомены — между ними существуют различия. Это очень важно для нации. Но разве это естественное состояние нации не было растоптано... людьми, исповедующими уравнилельные принципы. Разве их целью не было сделать держателя столь же свободным, каким является лорд”.

Расправа с левеллерским движением, равно как и вся внутренняя политика индипендентской республики, оттолкнула от нее широкие народные массы. Следствием этого фундаментального факта могло быть только крушение республиканского устройства. В этой связи следует указать и на факт перерождения армии — некогда революционная “новая модель” постепенно превращалась в орудие удушения брожения в народных низах не только в Англии, но и в Ирландии и Шотландии. Кровавые экспедиции Кромвеля в эти страны, особенно в Ирландию (треть ее населения погибла сопротивляясь завоевателям), содействовали не только перерождению армии, но, как уже отмечалось, созданию нового слоя лендлордов — колонизаторов, ставших оплотом реакции внутри самой Англии.

После неудачного эксперимента по замене Долгого парламента так называемым “парламентом святых” (1653), состоявшим из представителей местных индипендентских конгрегаций¹⁹, Кромвель решил отбросить республиканский убор, прикрывавший до тех пор военную диктатуру.

¹⁹ Настроения членов этого парламента показались Кромвелю слишком опасными для стабильности строя частной собственности. Позднее он вспоминал: «Если кто-либо имел 12 коров, конвент (т.е. “парламент святых”. — *Авт.*) полагал, что он должен поделиться с соседом, не имевшим ни одной. Кто мог бы назвать что-либо своим, если бы эти люди продолжали хозяйничать в стране?»

История протектората является историей превращения установившейся в результате революции власти социальных слоев-союзников в открытую контрреволюционную силу, подготовившую переход от республики к монархии как условию устойчивости существующей системы собственности. Конституция протектората — так называемое “Орудие правления” — предоставляла законодательную власть лорду-протектору совместно с парламентом. Парламент должен был созываться каждые три года. Из 400 мандатов в его единственную палату две трети отдавались графствам и одна треть — городам и так называемым “парламентским местечкам”. Избирательное право предоставлялось только обладателям годового дохода в 200 ф.ст. Иными словами, в парламенте протектората могли быть представлены одни лишь крупные и средние слои буржуазии и дворянства. На всей конституции лежала печать недоверия к “простому люду” страны. Исполнительная власть вручалась протектору совместно с Государственным советом, члены которого назначались протектором и были несменяемы. В результате в руках лорда-протектора были сосредоточены полномочия как во внутренней, так и во внешней политике, которым мог бы позавидовать казенный король Карл I. Протектор являлся главнокомандующим армии и флота Англии, Шотландии и Ирландии, он ведал сбором налогов, контролировал территориальную милицию и правосудие, руководил внешней политикой, с согласия Государственного совета объявлял войну и заключал мир, в перерывах между парламентами издавал от своего имени указы, имевшие силу закона.

С первого взгляда может казаться, что конституция больше всего заботилась об ограничении власти протектора, на самом же деле один лишь протектор связывал и ограничивал всех. Так, например, Государственный совет в составе семи офицеров и восьми гражданских лиц контролировал военную и административную деятельность протектора, однако освободившиеся в Совете места замещал по своему выбору протектор.

Точно так же формально парламент ограничивал политику протектора и Государственного совета, но в то же время послушный протектору Государственный совет утверждал полномочия избранных депутатов. Одним словом, Кромвель стал, в сущности, неограниченным властелином страны. “Конституционный” характер своей власти Кромвель решил продемонстрировать и в своем уборе — черный бархатный костюм сменил мундир генерала, туфли и чулки заменили ботфорты со звенящими шпорами, походный плащ уступил место черной мантии, шляпа лорда-протектора украсилась золотой лентой. Режим протектора опирался, как указывалось, на администрацию, контролировавшуюся военными.

Летом 1655 г. страна была разделена на 17 округов, во главе которых были поставлены генерал-майоры (Ламберт, Флитвуд, Дезборо и др.). Это были протекторы в миниатюре, они наделялись чрезвычайными полномочиями для поддержания порядка: малейшее сборище народа разгонялось, массовые увеселения строго запрещались. Англия становилась наподобие Женевы времен Кальвина угрюмой и молчаливой, и все эти меры предосторожности были не напрасны — и слева и справа протекторату грозила опасность. В первом случае речь идет о приверженцах олигархической республики в среде самих грандов (Брэдшоу, Гезльриг, Скотт и др.), не говоря уже об ушедших в подполье левеллерах. Однако главная угроза стабильности нового режима исходила не от них, а от революционных сект — прежде всего со стороны так называемых “людей пятой монархии”, учивших, что “свобода и собственность не являются признаками царства Христова”. Их проповедники переходили из селения в селение, сея семена народного восстания. “Господи, хочешь ли ты, — восклицал один из них, — чтобы Оливер Кромвель или Иисус Христос царствовал над нами?” Их попытка открытого мятежа была подавлена в зародыше.

Опасность справа исходила от роялистов, не прекращавших плести заговоры против режима и лично Кромвеля именем Карла II, провозглашенного в эмиграции королем Англии сына казненного Карла I. Только хорошо поставленная служба тайных осведомителей давала протектору упредить удары роялистов, готовивших восстание внутри страны и интервенцию извне.

Самым характерным для протектората актом внутренней политики явился документ 1656 г., которым подтверждалась односторонняя отмена феодальных отношений собственности, т.е. отмена исключительно в интересах лендлордов. Ибо, освобождая держателей земли на рыцарском праве от всех повинностей и служб в пользу сюзерена, он оставил копигольдеров в прежнем положении держателей “на воле лорда”.

Точно так же правительство протектората встало на сторону огораживателей общинных земель. Внесенный на рассмотрение второго парламента протектората билль “Об улучшении пустошей и предупреждении обезлюдения” (1656) был провален потому, что палата усмотрела в нем покушение на право собственности лендлордов. Ничего не сделал протекторат для реформы устаревшего и запутанного английского права, хотя в прошлом сам Кромвель утверждал, что старые законы “безнравственны и отвратительны, вешая человека из-за 6 пенсов и оправдывая убийцу”. Наконец, все заботы протектората о бедных свелись к запрету беднякам покидать пределы своих приходов. Всякий уличенный в выпрашивании милостыни за пределами “родного прихода”, гласил акт от 1657 г., будет “считаться бродягой и грабителем, и с ним будет поступлено соответственно”.

Столь же жестко подчинена была интересам социальных слоев-союзников и внешняя политика протектората. Ее целью являлось завоевание Англией торгового преобладания с помощью созданной революцией военной мощи. “Нельзя выращивать дуб в цветочном горшке, — писал один из публицистов того времени, — он должен иметь достаточно земли для своих корней и неба для своих ветвей”.

Испания все еще продолжала оставаться наиболее обширной колониальной державой, и Кромвель, подталкиваемый дельцами Сити к колониальным захватам, должен был искать союзников против нее. Таковыми могли стать Голландия, только недавно обретшая юридический статус независимости от Испании, и Франция, находившаяся с Испанией в состоянии войны. Однако с Голландией Англия находилась в состоянии войны, а во Франции против Англии интриговали бежавшие туда роялисты.

1 апреля 1654 г. после длительных переговоров был подписан мир с Голландией: она вынуждена была признать статью Навигационного акта 1651 г., согласно которой импортируемые товары в Англию должны были доставляться на английских кораблях либо на кораблях стран, откуда эти товары вывозились. Это означало, что впредь Голландия не могла перепродавать Англии импортируемые ею самой товары или перевозить чужие товары на своих кораблях. Однако Голландия решительно отвергла предложения Кромвеля о заключении оборонительно-наступательного союза с Англией — она являлась ее торговой соперницей как в Европе, так и за ее пределами.

В июле 1654 г. был подписан торговый договор с Португалией, дававший Англии значительные преимущества в торговле с ней сравнительно с другими странами. Выгодные торговые договоры были также заключены с Данией и Швецией. Отныне Балтика была открыта для английских купцов.

В январе 1654 г. в Вест-Индию была отправлена экспедиция с целью захватить о-в Эспаньолу. Однако это предприятие закончилось провалом и вместо обширной Эспаньолы пришлось удовлетвориться второстепенным о-вом Ямаикой. В ответ Испания объявила Англии войну. В тот самый день, когда испанский посол покидал Лондон, Кромвель подписал договор о союзе с Францией

(секретный его пункт содержал обещание Мазарини не допускать Карла II Стюарта во Францию). Адмирал Блейк повел против Испании корсарскую войну, нападая на испанские корабли как в открытом море, так и в испанских гаванях. Однако захваченная в этих экспедициях добыча не могла покрыть большие материальные издержки этой войны. Кроме того, в стране усиливался ропот на возникший из-за нее застой в торговле. Государственный долг достиг по тем временам огромных размеров — 2 млн ф.ст. Налоги собирались с большим трудом, Сити отказывало Кромвелю даже в незначительных кредитах.

Собравшийся в этой обстановке второй парламент протектората (17 сентября 1656 г.) потребовал в обмен на утверждение новых налогов уничтожить режим генерал-майоров, и Кромвель вопреки недовольству офицерской верхушки должен был утвердить этот акт.

И здесь случилось на первый взгляд неожиданное: парламент предложил Кромвелю принять королевский титул и возложить на себя корону английских королей. В действительности это предложение было глубоко продуманным и далеко идущим. В случае согласия протектора Англия вернулась бы к “традиционной” конституции, страна избавилась бы от военного режима, были бы подорваны надежды на восстановление прежней династии, что грозило не только расправой с активными сторонниками Долгого парламента за “грехи революции”, но и потерей земельных приобретений из фонда конфискованных парламентом земель. К тому же был бы положен конец всем надеждам народных низов на улучшение их положения. В марте 1657 г. палата 123 голосами против 63 приняла постановление: “Просить Кромвеля принять титул короля”. Этим документом предусматривалось основание новой династии (наследственность титула в роду Кромвеля), восстановление палаты лордов, назначаемых пожизненно королем, расширились полномочия нижней палаты.

Но здесь в ход событий активно вмешалась офицерская верхушка, опасавшаяся, что королевский титул покончит с их политической ролью и влиянием в стране. Посетившая Кромвеля делегация офицеров “просила” его не давать согласия на предложение парламента. Королевский титул “не нравится армии, он является скандальным”. В эти дни “люди пятой монархии” — несколько десятков сектантов предприняли попытку поднять вооруженное восстание, которое было подавлено в зародыше. Хотя офицеры, наиболее активно воспрепятствовавшие принятию Кромвелем предложения парламента, расстались со своими постами, но они сделали свое дело. Кромвель ответил парламенту отказом.

Однако резонанс всей этой истории был огромным: стало очевидным, сколь широко монархические настроения распространились в среде социальных слоев-союзников, из чего следовало, что режим протектората вряд ли переживет самого Кромвеля. Надежды на стабильность строя частной собственности отныне связывались все более определенно с реставрацией монархии.

Оливер Кромвель умер 3 сентября 1658 г., за несколько часов до кончины он успел назвать преемником своего старшего сына Ричарда. Однако дни протектората были уже сочтены: Ричард Кромвель, не унаследовавший ни воли, ни ума отца своего, вскоре оказался игрушкой в руках офицерской верхушки. Его добровольное отречение от власти и восстановление республиканского устройства (1659) оказались лишь прелюдией к реставрации Стюартов на английском престоле.

В этой обстановке генерал Монк, в прошлом один из наиболее доверенных офицеров Кромвеля, во главе с верными ему шотландскими войсками предпринял поход на Лондон и, завладев столицей, подготовил политические и военные условия возвращения Карла II.

Весной 1660 г. Сити бурно выражало свою радость — торжественная процессия купцов и банкиров встречала “законного” монарха Англии.

Глава 2

ФРОНДА

Сложный комплекс охвативших Францию в 1648—1653 гг. социальных движений, объединяемых под названием *Фронда*, издавна был загадкой для историков. “Была ли Фронда феодальной реакцией или попыткой буржуазной революции?” — так сформулировал основную историографическую дилемму в 1948 г. Б.Ф. Поршнев. Сам он полагал, что речь должна идти именно о последней¹.

Однако французская буржуазия в середине XVII в. была слишком незрелой для того, чтобы совершить буржуазную революцию. Равным образом и вся расстановка социальных сил была в тот период совсем иной, отличной от их расстановки накануне буржуазной революции. Страну волновали другие вопросы, и на политической поверхности оказывались иные конфликты.

Французская буржуазия в XVII в. была глубоко роялистской. Опыт гражданских войн XVI в. убедил ее в неосуществимости программы муниципальной автономии; в то же время правительство с конца XVI в. стало исповедовать принципы меркантилизма, и еще слабая на мировой арене буржуазия осознала свою зависимость от поддержки абсолютистского государства. Разумеется, это не значит, что между буржуазией и правительством не существовало противоречий — особенно в годы тяжелых войн, сопровождавшихся введением новых налогов, — но это были противоречия временного характера, и осознавались они именно как противоречия с правительством, с министрами, а не с монархией. Но и в этих случаях на роль руководителя антиправительственных движений французская буржуазия не претендовала.

Сторонники трактовки Фронды как неудавшейся буржуазной революции исходили из того, что являвшийся ее организационным центром на первом этапе движения Парижский парламент (а на местах провинциальные парламенты) представлял высшую прослойку буржуазии, “чиновную буржуазию”. Новейшие исследования опровергают это представление. Высшие французские должностные лица были особым социальным слоем в составе дворянства (“дворянство мантии”). Должность советника Парижского парламента автоматически давала дворянство, но редко возникала необходимость пользоваться этим средством одворянивания: подавляющее большинство парламентариев уже были дворянами к моменту приобретения должности, а к тому ручейку, который все же притекал в корпорацию из третьего сословия (за счет покупки должностей финансистами и их родственниками) Парижский парламент относился резко отрицательно и всячески старался его перекрыть.

“Дворянство мантии” осознавало свою корпоративную солидарность и выработало систему воззрений, соответствовавшую его представлениям о собственном высоком месте в обществе. Связанная с охраной корыстных кастовых интересов, эта идеология в то же время поддавалась “облагораживанию”, у некоторых парламентариев вполне искреннему: они считали себя хранителями законности, обязанными проявлять гражданское мужество при ее защите, — разумеется, не переставая при этом быть верными слугами монархии. Королевский адвокат Парижского парламента Омер Талон в годы Фронды сравнивал короля с солнцем, а парламент с облаками: солнце, податель всех благ, не обижается на облака, которые иногда заслоняют от него землю — ведь если бы этого не было, все на земле было бы сожжено.

Почему же парламент и другие высшие судебные палаты, созданные как органы монархии и верно ей служившие, смогли на время возглавить антиправительственный лагерь? Потому что в тяжелой обстановке разорительной Тридцатилетней войны

¹ Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648). М.; Л., 1948. С. 553.

тилетней войны остро встал вопрос о путях развития французского абсолютизма. Парламенты представляли исторически выверенный, постепенный путь укрепления абсолютизма в рамках традиционной законности — через судейские корпорации. Но были и другие возможности, которые в военных условиях оказывались наиболее эффективными и соблазнительными. При Ришелье на местах усилилась роль интендантов, исполнявших специальные королевские поручения и целиком зависевших в этом качестве от правительства. Они получили право не только следить за взиманием налогов, но и взять в свои руки само их распределение, оттеснив от исполнения этой функции традиционные местные учреждения (финансовые бюро).

А так как денег требовалось все больше и доставать их надо было быстро, правительство в центре и интенданты на местах все шире пользовались услугами финансистов. Последние давали деньги взаймы под проценты, далеко превышавшие официально разрешенную норму. Чтобы расплатиться с ними, не признаваясь открыто в этом правонарушении, финансовой администрации приходилось придумывать якобы полученные государством займы, платить по этим дутым займам вполне реальные “проценты”, потом имитировать выкуп этих “займов” и т. п. Широко применялись и платежи кредиторам из фонда секретных расходов. Для проведения этой политики снова и снова повышались налоги.

Хищения достигли крайней степени, деньги текли в карманы финансистов и руководителей финансового ведомства. Скрамному парижскому рантье, лишенному протекции, приходилось годами ждать, пока он получит от государства свои законные проценты, но влиятельный финансист мог, скупив по дешевке рентные обязательства у этой “мелюзги” и приписав их к “хорошим”, еще не истощенным фондам, получить огромную прибыль. Контакт с финансистами позволял монархии меньше считаться с возражениями высших судебных палат, регистрировавших финансовые эдикты; поэтому для “дворян мантии” финансисты были такими же приспешниками деспотизма, как и интенданты. Лозунги борьбы с хозяйничаньем финансистов, упразднения интендантов и вообще наведения порядка в управлении страной легли в основу политической позиции Парижского парламента на первом этапе Фронды, в годы так называемой “парламентской Фронды” (1648—1649). Они обеспечивали ему популярность у измученного войной и поборами народа.

Второй этап Фронды (1650—1653) носит название “Фронда принцев”, поскольку тогда руководство антиправительственным движением перешло к аристократии. Определение политической линии принцев как линии феодальной реакции было бы неправильным. На деле у них не было никакой программы, выходящей за рамки удовлетворения собственного честолюбия или корыстного интереса. Никакого иного государственного строя, кроме абсолютизма, принцы себе не представляли. Определенная стародворянская программа разрабатывалась собравшимися в Париже в 1651 г. и потребовавшими созыва Генеральных штатов представителями провинциального дворянства, но именно эту программу принцы не захотели поддержать. Сила фрондерской аристократии состояла как в опоре на собственную разветвленную клиентелу, так и в особенности в том, что ей подчас удавалось использовать энергию плебейских движений для подчинения себе парламентов и городского патрициата. Отличаясь абсолютной беспринципностью, фрондирующие аристократы оказались гораздо больше, чем парламентские лидеры первой Фронды, способными заигрывать со стихией народных волнений.

Ни первая, ни вторая Фронда были бы невозможны, если бы не атмосфера широкого народного недовольства, царившего в то время во Франции. Фронда проходила под гул антиналоговых восстаний, начавшихся задолго до нее и не прекратившихся вместе с ней. Наиболее яркую страницу в историю Фронды вписало демократическое движение в Бордо, где в 1652—1653 гг. дело дошло до фактического установления в городе плебейской диктатуры.

* * *

Политическая ситуация, приведшая к Фронде, складывалась с 1643 г. В первые годы Тридцатилетней войны беспрецедентный рост военных расходов осуществлялся прежде всего путем повышения крестьянского налога — тальи; поступления от нее в казну выросли с 1635 по 1643 г. более чем в 8 раз. Однако к 1643 г. возможности дальше повышать талью (что правительство могло делать, не встречая возражений со стороны судебных палат) оказались исчерпаны: деревня была истощена, недоимки достигли огромных размеров. Перед правительством встала нелегкая задача корректировки финансовой политики, повышения сборов с горожан и привилегированных, прежде всего в самом Париже.

В 1643 г. умер король Людовик XIII и на престол вступил его 5-летний сын Людовик XIV. Настало время регентства королевы Анны Австрийской, с неизбежным ослаблением авторитета центральной власти. Права регента вообще считались ограниченными, а Анна к тому же даже возможностью править без регентского совета была обязана кассировавшему завещание Людовика XIII Парижскому парламенту. В столицу вернулись все изгнанные при Ришелье аристократы-оппозиционеры. Теперь они жаждали наград и отличий, удовлетворить их аппетиты не могла даже благожелательная к ним королева; не получая желаемого, они перешли в оппозицию к быстро занявшему свое место у трона первому министру кардиналу Мазарини.

В такой сложной обстановке в финансовой политике регентства стала обнаруживаться крайняя неуверенность. Новые налоги вводились и после протестов парламента отменялись; правительство пыталось повысить сборы с ввоза в столицу продовольствия, обложить то домовладельцев (которые в ответ повышали квартплату), то вообще всех зажиточных, то купцов, то ремесленников: повсюду оно сталкивалось с протестами и волнениями, все новые группы парижского населения начинали видеть в парламентариях защитников своих интересов, а в парламенте уже звучали речи о том, что всем бедам придет конец, если обложить ненавистных всем финансистов. Наконец, в 1648 г. правительство решилось ущемить материальные интересы самого “дворянства мантии”, попытавшись отменить *полетту* — сбор, гарантировавший наследственность должностей. Тогда высшие судебные палаты Парижа: парламент, Счетная палата, Палата косвенных сборов и Большой совет — объединились и 16 июня 1648 г. начали проводить совместные заседания в Палате святого Людовика вопреки прямому запрещению двора, заявляя о своем стремлении провести общую государственную реформу. Это было уже начало Фронды. Направившуюся в этот день в королевский дворец депутацию парламента сопровождала большая толпа, требовавшая “пожалеть бедный угнетенный народ”.

Политика министерства Мазарини по отношению к оппозиции была колеблющейся и непоследовательной, карательно-запретительные тенденции блокировались нежеланием начинать серьезную гражданскую войну, которая могла бы сорвать приближавшееся заключение Вестфальского мира. Начав с запретов, правительство вскоре пересмотрело свою позицию, санкционировав деятельность Палаты святого Людовика без ограничения сферы ее компетенции. С 30 июня по 10 июля эта последняя вотировала и представила на рассмотрение королевы предложения о реформе (“27 статей”), которые тогда же начали проводиться в жизнь, поскольку правительство взяло курс на объявление государственного банкротства, дабы самому поживиться за счет финансистов. 9 июля получил отставку покровитель финансистов сюринтендант финансов Эмери. 11 июля было объявлено об отзыве из округа Парижского парламента почти всех интендантов, о сокращении тальи на 1/8 (“27 статей” предлагали сокращение на 1/4) и отмене недоимок по всем налогам. 13 июля было обещано создание Палаты правосудия для суда над финансистами. 18 июля решение об отзыве интендантов было распространено на всю страну, власть немногих оставшихся в пограничных про-

винциях интендантов была ограничена консультативными и военно-административными функциями. 20 июля парламент зарегистрировал декларацию о том, что впредь все эдикты о налогах должны утверждаться в высших судебных палатах; все не утвержденные ими поборы парламент объявил при этом отмененными.

Легко представить себе, как всколыхнули всю страну эти решения. Финансовая администрация во многих местностях была парализована, развернулись антиналоговые выступления. Крестьяне сплошь и рядом отказывались платить даже утвержденные парламентом налоги. 20—23 июля в самом Париже происходили демонстрации 6-тысячной толпы пришедших в город крестьян, которые требовали дальнейшего снижения талы.

Напуганное правительство быстро стало тяготиться политикой уступок парламентариям. 31 июля через парламент была проведена в принудительном порядке “королевского заседания” декларация, утверждавшая “27 статей” лишь с существенными оговорками. Правительство особенно противилось одному из основных требований палат — уничтожению практики арестов без суда по простым королевским предписаниям (“леттр де каше”). Недовольный парламент начал обсуждать вопрос о недостаточности уступок правительства. Мазарини быстро разочаровался и в кампании борьбы против финансистов. Известные дополнительные средства она дала, но и кредит был основательно расшатан, а парламент грозил подорвать его вконец, требуя суда над финансистами, — 22 августа он даже решил начать такое расследование собственными силами, не дожидаясь созыва Палаты правосудия.

В такой обстановке в Париж пришло известие о блестящей победе французской армии принца Конде над испанцами при Лансе 20 августа 1648 г. Явно переоценив свои силы, Мазарини принял импульсивное решение воспользоваться этой победой для перехода в наступление против оппозиции, арестовав ее лидеров в самый день благодарственного молебна 26 августа.

В этот день действительно были арестованы два парламентария, одним из которых был популярный в народе Пьер Бруссель. Народ пытался отбить арестованного, а когда это не удалось, Париж стал быстро и стихийно покрываться баррикадами. Маршал Ламейрэ, посланный с отрядом гвардейцев восстановить порядок, был окружен толпой и с трудом вернулся во дворец. На другой день, 27 августа баррикады были уже повсюду. Взялась за оружие и городская милиция — где из сочувствия к восстанию, где из опасений как бы народ не начал громить дома богачей, а иногда и просто под прямым давлением плембса. Народ напал на направлявшегося в парламент канцлера Сегье и чуть было не сжег его в доме, где он укрылся, спасло канцлера только прибытие отряда королевских войск. Парламент послал во дворец депутацию требовать

Кардинал Джулио Мазарини

освобождения арестованных. Королева обещала это только при условии прекращения общих заседаний парламента, и депутация отправилась обратно обсудить это предложение.

Но тут-то и проявилось, сколь далеким от пиетета было даже тогда отношение плебса к Парижскому парламенту. Возвращавшиеся ни с чем депутаты были освистаны народом, сам первый президент парламента Моле подвергся нападению отряда под началом какого-то подмастерья. Народ верил отдельным парламентариям — таким, как отличавшийся политической честностью и радикальными речами старик Бруссель, но вовсе не был склонен слепо доверять парламенту как корпорации. Парламентарии так и не смогли пробиться сквозь толпу и принуждены были вернуться во дворец, все более напоминавший осажденную крепость. Это произвело такое впечатление, что королева распорядилась освободить арестованных, и сразу после их возвращения в Париж 28 августа волнения прекратились.

Прошло еще два месяца в новых колебаниях правительства, то грозившего начать блокаду Парижа, то вступавшего в переговоры, — и наконец 22 октября 1648 г., в обстановке постоянных волнений парижского плебса, королева без изменений подписала составленный парламентом текст большой декларации, принимавшей все требования “27 статей”, в том числе и пункт о прекращении произвольных арестов. Некоторые историки придавали особое значение этому требованию как провозглашению принципа свободы личности. Между тем парламентарии заботились прежде всего об обеспечении собственной безопасности и охране своей компетенции как судебного трибунала; само по себе требование о предъявлении обвинения не позже чем через 24 часа после ареста имело вполне традиционный характер — прецедентом для него было, как ии странно, одно из предписаний державшего своих опальных в клетках Людовика XI. Норму сокращения тальи определили в 20% — на 10 млн ливров, косвенные налоги были сокращены на 5 млн ливров. Отменены были также все данные частным лицам торговые привилегии. При утверждении декларации в Счетной палате и Палате косвенных сборов в нее были внесены новые поправки: запрещалось сдавать на откуп талью и ограничивался 3 млн ливров фонд секретных расходов.

Декларация 22 октября 1648 г. для парламентского руководства Фронды означала, в сущности, конец развития движения по восходящей линии. Палаты были вполне довольны установленным на бумаге новым порядком и стремились охранять его, а это оказалось совсем непросто.

Вестфальский мир был заключен 24 октября 1648 г., но война с Испанией продолжалась, и конца ей не было видно. Для утверждения нового порядка нужен был прежде всего мир, но вопросы войны и мира не входили в компетенцию парламента. Поскольку же наладить снабжение армий регулярными методами представлялось невозможным, их командирам пришлось в тем большей мере рассчитывать на самоснабжение — иными словами, на откровенный грабеж крестьянского населения в тех местностях, где эти армии были расквартированы, причем применялись самые изощренные насилия, а всякие попытки сопротивления беспощадно подавлялись. Вплоть до окончания Фронды именно эта практика стала основным методом снабжения всех армий. Все запрещавшие ее постановления парламента (а они принимались уже с декабря 1648 г.) оставались гласом вопиющего в пустыне и только демонстрировали неэффективность парламентского “правления”.

Мазарини не собирался мириться с условиями декларации от 22 октября и стремился при первой же возможности разгромить парламентскую Фронду. Теперь, когда международная обстановка прояснилась, он мог пойти и на гражданскую войну в расчете на то, что она будет короткой и как раз займет армии во время зимнего перерыва в военных действиях. После того как к Парижу были стянуты королевские войска под командованием самого Конде, в ночь на 6 января 1649 г. двор втайне бежал из столицы в Сен-Жермен и оттуда

послал всем высшим судебным палатам повеление немедленно выехать из Парижа. В ответ на это парламент предписал Мазарини в течение недели покинуть Францию и наложил секвестр на его имущество. Война была объявлена. На сторону парламента перешли некоторые недовольные правительством аристократы, командующим набранной парламентом армии стал брат Конде принц Конти.

Королевских войск было явно недостаточно для штурма города, но Мазарини рассчитывал справиться со столицей, перекрыв подвоз туда продовольствия, а также надеялся противопоставить парламенту муниципалитет Парижа. Муниципалитет попытался, было, воспрепятствовать набору солдат в парламентскую армию, но под давлением окружившей ратушу 9 января толпы народа быстро уступил во всем. Блокада принесла большие тяготы, но никаких капитулянтских настроений в среде парижан не обнаруживалось — виновником своих бедствий они считали не парламент, а Мазарини. Народные волнения происходили неоднократно, но народ требовал не мира, а решительной войны, хотел чтобы генералы вели его на Сен-Жермен; раздавались и призывы громить дома финансистов. Правительству пришлось идти на мир, тем более что в марте во Францию вторглась испанская армия, призванная на помощь Парижу фронтдерами-аристократами. Парламент также тяготился войной: его не прельщала перспектива союза с испанцами и беспокоила активность народа. Как раз тогда, 9 февраля н. ст., в Англии был казнен Карл I, и известие об этом умиротворяюще подействовало на парламентариев, внушив им опасения, как бы война против королевского правительства не привела к слишком далеко идущим последствиям. Начавшиеся переговоры быстро привели к заключению мира (1 апреля 1649 г.).

Этот мир нельзя считать ни капитуляцией, ни даже поражением парламента, хотя ему и пришлось отказаться от своего требования отставки Мазарини и дать обязательство временно (всего лишь до конца года) воздерживаться от проведения общих заседаний. Не следует забывать, что для парламента война была оборонительной, и восстановление довоенной ситуации удовлетворяло именно его, но никак не Мазарини, которому пришлось примириться с невозможностью силой взять обратно уступки, вырванные у правительства в 1648 г. Не сумев покорить Париж, кардинал только заслужил его ненависть. “Мазарини хотел уморить Париж голодом” — эта мысль была прочно усвоена парижским плебсом, окрестившим именем министра как кличкой (“мазарены”) не только его прямых агентов и соглашателей, но и своих социальных врагов — богачей и спекулянтов. Для дальнейшей политической борьбы это ослаблявшее позиции Мазарини обстоятельство приобрело немалое значение. Но в новых схватках Парижский парламент уже не был способен играть роль лидера — не из-за якобы понесенного им поражения, а потому, что его социальная программа изжила себя, обнаружила свою неэффективность, выдвинуть же новые популярные лозунги он не мог. Перейти от контроля над властью к взятию власти в свои руки неразрывно связанный с монархией парламент был не в состоянии.

Впрочем, вся вторая половина 1649 г. относится еще к этапу парламентской Фронды, только теперь борьба, утихшая в столице, продолжалась в провинциях. Движение приобретало характер затяжного вооруженного конфликта там, где после упразднения интендантов развернулась борьба за власть между парламентами и губернаторами — в Гиени и в Провансе. В обоих случаях расстановка социальных сил была сходной. Парламенты Бордо и Экса могли рассчитывать на сочувствие городского плебейства, части местного дворянства, в известной мере крестьян. На стороне губернаторов было большинство дворян и крупная буржуазия, настроения которой выражали соперничавшие с парламентами муниципалитеты. Подобно парижским парламентариям, их провинциальные собратья также приобрели популярность выступлениями за снижение налогов.

Правительство Мазарини в своем отношении к провансальским (а на первых порах и к гиеньским) событиям занимало позицию посредника, не вполне доверяя своевольным действиям губернаторов-аристократов. В августе 1649 г. ему удалось на время восстановить мир в Провансе, не позволив губернатору довести до сдачи блокированный им Экс. В Гиени с июля 1649 г. правительство, напротив, открыто встало на сторону губернатора, отдав распоряжение о роспуске Бордосского парламента, но здесь военные действия затянулись, и 26 декабря 1649 г. Мазарини, готовившийся к борьбе за власть с принцем Конде, предпочел пойти на выгодные для парламента условия мира.

“Фронда принцев” началась после того, как 18 января 1650 г. по распоряжению королевы были заключены в тюрьму принц Конде, принц Конти и их зять герцог Лонгвиль. Хотя этот акт был грубым нарушением декларации 22 октября 1648 г., Парижский парламент, видевший в Конде своего врага, вначале отнесся к аресту принцев с одобрением. На первых порах двор с легкостью подавлял очаги сопротивления приверженцев Конде. Однако положение изменилось, когда в конце мая отряд сторонников принцев (одним из его командиров был герцог Ларошфуко, будущий автор знаменитых “Максим”) прорвался к Бордо, намереваясь там закрепиться. К этому времени ситуация в столице Гиени уже изменилась по сравнению с периодом парламентской Фронды. Бордосский парламент был вполне удовлетворен условиями мира, чувствовал себя неоспоримым хозяином города и не хотел ссориться с правительством, принимая в Бордо кондеянцев. Своекорыстная финансовая политика парламента разочаровала народные массы, на которые перелagалась вся тяжесть чрезвычайных поборов, необходимых для расплаты города с его кредиторами. Между тем Конде пользовался популярностью в Бордо, поскольку было известно, что во время войны 1649 г. он, будучи врагом губернатора Гиени Эпернона, защищал в королевском совете интересы бордосцев. Поэтому мятежным аристократам удалось опереться на поддержку плебса, который, восстав, открыл перед ними городские ворота и 22 июня 1650 г. заставил парламент изменить политику, заключить союз с кондеянцами. Осадив Бордо, королевская армия столкнулась со стойким сопротивлением, и только 1 октября 1650 г. благодаря посредничеству Парижского парламента был подписан мир. Кондеянцы оставили Бордо, но не разоружились, сохранив свои укрепленные замки и возможность в любой момент возобновить войну под лозунгом освобождения принцев. Ненавистный парламенту губернатор Эпернон был отозван, а платежи Гиени по талье снижены более чем вдвое.

К концу 1650 г. положение Мазарини сильно пошатнулось. Война с кондеянцами оказалась обременительной, тем более что пока главная королевская армия была занята в Гиени, испанские армии, пользуясь заключенным Испанией союзом с мятежниками, почти беспрепятственно вторгались из Южных Нидерландов далеко в глубь французской территории. В Париже оживились антимазаринистские настроения; в кардинале стали видеть главного виновника гражданской войны, развязавшего ее своими незаконными действиями, а популярность заключенных принцев очень возросла. В конце концов Мазарини оказался в полной политической изоляции. Против него выступили и парламент, и открывшееся в Париже собрание представителей провинциального дворянства, и ассамблея французской церкви; его отставки потребовал дядя короля герцог Орлеанский. В ночь на 7 февраля 1651 г. Мазарини бежал из Парижа. Королева вместе с королем собиралась последовать его примеру, но дворец был оцеплен городской милицией, и королевская семья оказалась под домашним арестом, длившимся почти два месяца. Анне Австрийской пришлось принять требования об изгнании Мазарини из Франции и освобождении принцев.

Антимазаринистская коалиция оказалась очень непрочной. В собрании дворянства стали раздаваться жалобы на нарушения дворянских привилегий: на то, что фермеры дворянских доменов обременены налогами, что дворян судят про-

столюдины и т. п. Выступавшие требовали отмены полетты и предоставления большей части парламентских должностей родовитым дворянам. Стремясь провести эту стародворянскую программу в жизнь, собрание потребовало созыва Генеральных штатов. 15 марта лозунг созыва штатов поддержала ассамблея французской церкви, раздраженная требованием парламента об исключении из Королевского совета кардиналов. Духовенство обвиняло парламентариев в том, что они, сами себя сделав высшим сословием, разрушают традиционный трехсословный строй. Тогда парламент принял постановление о роспуске дворянского собрания и мобилизовал городскую милицию. Королева в принципе согласилась с созывом Генеральных штатов, но их открытие было назначено на 8 сентября 1651 г., что было равносильно отказу, поскольку с 5 сентября 13-летний король юридически становился совершеннолетним и правительство могло от его имени отменить все решения, принятые в годы регентства. После этого никого не обманувшего обещания дворянам пришлось в

конце марта разойтись под угрозой разгона их собрания вооруженной силой. Ассамблея церкви смирилась с поражением и также вскоре самороспустилась.

Притязания Конде на руководство правительством привели к возобновлению гражданской войны в сентябре 1651 г. Как и в прошлом году, главной опорой кондеянцев стал Бордо, где Конде смог утвердиться на легальных основаниях: по освобождении из тюрьмы ему удалось получить от королевы пост губернатора Гиени. Мятежники вновь заключили союз с Испанией. Военные действия развивались при явном перевесе правительственных войск, когда 23 декабря 1651 г. произошло событие, резко осложнившее ситуацию: пребывавший в Германии Мазарини по приглашению королевы вторгся с армией во Францию. Парижский парламент, ранее осудивший мятеж Конде, теперь объявил вне закона Мазарини. Поскольку выехавший на войну с Конде двор находился в провинции, возвращение в Париж вместе с вернувшимся кардиналом оказалось для него закрытым. Положение стало запутанным: обстоятельства толкали парламент к коалиции с Конде, и в то же время парламентарии не хотели открытого союза с мятежником: парламент поручил герцогу Орлеанскому набрать армию для борьбы с Мазарини, а герцог вступил в прямой союз с Конде и его войско фактически перешло под командование принца. При всем том парламент не хотел тратить на ведение войны (герцог Орлеанский собирал армию на собственные средства) и решительно не желал открывать городские ворота перед отрядами кондеянцев.

В апреле 1652 г. главные военные действия были перенесены в окрестности столицы, и возможности лавирования для парламента резко сузились. Вся его политическая программа сводилась к антимазаринистским лозунгам, и ненавидевший кардинала парижский плебс на них горячо откликнулся. Но народ не пони-

Принц Луи Конде

мал нерешительности парламента. Парижане видели, что войска Мазарини стоят у стен города, что снабжение столицы все время ухудшается, что ей снова, как и три года назад, грозит блокада, а городские власти почему-то не хотят вступить в открытый союз со своими французскими принцами против угнетающего всех министра-иностранца. Прибывший в Париж 11 апреля Конде был с восторгом встречен народом. Обстановка в Париже была крайне напряженной. В конце апреля — начале мая чуть ли не ежедневно происходили народные волнения. Громили бюро налоговых сборов, лавки хлеботорговцев, имели место нападения на членов муниципалитета и отдельных сторонников Мазарини. Повсюду видя происки “мазаренов”, народ склонялся к самочинной расправе с ними. Фрондирующие аристократы широко использовали столь благоприятные условия для развертывания своей демагогии, стремясь захватить власть над Парижем. Особенно отличался в этом герцог Бофор (внук Генриха IV), взявший на себя командование большим отрядом, набранным из парижских нищих, и выступавший с откровенно подстрекательскими призывами к избиению и грабежу “мазаренов”.

Постепенно настроения народных масс стали меняться. 16 июня король дал понять депутации парламента, что Мазарини будет уволен при условии полного разоружения принцев-фрондеров. Обсуждение этого предложения в парламенте 21 и 25 июня сопровождалось манифестациями у его ворот; народ по-прежнему не хотел Мазарини, но он уже жаждал мира, и требования мира во что бы то ни стало звучали весьма внушительно. Опасаясь, что время работает против них, принцы прибегли к решительной мере. После того как армии Конде, разбитой 2 июля у Сент-Антуанских ворот, удалось войти в Париж, 4 июля 1652 г. по прямому наущению принцев было произведено вооруженное нападение на собравшийся в ратуше Большой городской совет; одни были убиты, другие бежали или заплатили выкуп.

Нельзя отрицать, что в действиях толпы, собравшейся в этот день перед парижской ратушей, проявилась извечная вражда плебейства к городской олигархии: советников и парламентариев избивали всех подряд, не разбираясь в их мазаринистских или фрондерских убеждениях. Настроение в народе было тогда весьма неустойчиво, и принцы еще вполне могли этим воспользоваться. Но все же в резне 4 июля слишком активное участие принимали переодетые солдаты Конде и люмпены Бофора, чтобы она заслуживала чести называться подлинно народным восстанием. Это подтверждают последующие события. После 4 июля старый муниципалитет был распущен, провозглашен союз с принцами, купеческим старшиной был назначен популярный Бруссель. Но ни к какому росту политической или социальной активности народных масс эта “победа” не привела — напротив, народом овладевает явная апатия, растет понимание того, что принцы ведут столь же своекорыстную политику, что и Мазарини. Зато напуганная погромом буржуазия поняла, что с Фрондой надо кончать.

События развивались непреложным ходом. 12 августа король дал почетную отставку Мазарини, и кардинал вторично покинул Францию. 23 сентября в Париже была распространена королевская прокламация, приказывавшая парижанам братья за оружие, чтобы восстановить старый, низвергнутый 4 июля муниципалитет. В Пале-Рояле состоялось большое собрание буржуа-роялистов, на их сторону перешла городская милиция, и уже 24 сентября Бруссель подал в отставку. 13 октября Конде выехал из Парижа, чтобы еще 7 лет воевать против своей родины вместе с испанской армией. 21 октября 1652 г. в столицу въехал король, даровавший общую амнистию, из которой были поименно исключены наиболее активные фрондеры; последние были отправлены в ссылку. Хотя декларация 22 октября 1648 г. не была отменена открыто, фактически было покончено с притязаниями высших судебных палат участвовать в управлении страной иначе, чем традиционным путем представления ремонстраций. 3 февраля 1653 г. в Париж как неоспоримый хозяин положения вернулся Мазарини.

Последним оплотом Фронды оставалась Гиень, в Бордо сидел принц Конти.

Социальная ситуация здесь в корне отличалась от парижской. Если в столице плебейское движение, при всей его остроте, за все время Фронды никогда не пыталось идейно и организационно эмансипироваться от парламентского или аристократического руководства, то в Бордо была создана настоящая организация городской демократии Ормэ, взявшая власть в городе в свои руки и удерживавшая ее более года. Это не означало отказа от союза с принцами, но формально возглавлявший управление городом Конти во всех вопросах внутригородской политики должен был исполнять волю бордосского плебейства.

Название “Ормэ” происходит от слова “орм” (вяз) — сходки ормистов собирались на поляне под вязами. В массовых собраниях под открытым небом ормисты видели показатель демократичности своего движения.

Руководители Ормэ не были выходцами из городских низов. По данным автора монографии об Ормэ С.А. Уэстрича², больше всего среди них было мелких лавочников, низших судейских и муниципальных служащих, цеховых мастеров. Две трети их имели права полноправного бордосского гражданства (“права буржуазии”), для чего требовалось владеть собственным домом определенного достатка. Два наиболее влиятельных лидера Ормэ — Кристоф Дюртет и Пьер Виллар принадлежали к низшей адвокатуре. Опора на городские низы была источником силы движения, но ни одного простолюдина, стоявшего на социальной лестнице ниже мастера-ремесленника, среди видных ормистов не имелось. Практически отсутствовали также и представители городской элиты, узурпировавшие власть и богатство парламентарии, городские советники, консулы биржи, крупное купечество — их замкнутый олигархический мир для руководства Ормэ был миром чуждым и враждебным.

Чего именно хотела Ормэ, какова была ее идеология?

Историки зачастую преувеличивали значение документа под заглавием “Народное соглашение”, распространившегося в Бордо при Ормэ группой англичан-левеллеров во главе с Сексби и представлявшего из себя сокращенный и слегка переработанный текст “Народного соглашения” Джона Лильберна. В нем видели доказательство широкого усвоения ормистами левеллерской идеологии. Однако специальные исследования не оставляют места для предположения о том, что “Народное соглашение” было когда-либо принято ормистами в качестве официального документа³. Текст его был передан Конти левеллерами Сексби и Аранделом; он является, конечно, ярко республиканским произведением и в то же время наполнен лозунгами, порожденными английской революционной действительностью вроде требований всеобщего избирательного права и периодических выборов парламента (в английском и современном значении этого слова). Сексби и его сподвижники выполняли в Бордо роль неофициальных агентов английского правительства, которое в данном случае не смущали их левеллерские убеждения. Их агитация, очевидно, находила отклик в основном в радикальных гугенотских кругах. Конти и руководство Ормэ должны были прислушиваться к предложениям республиканской группировки ввиду критического положения осажденного Бордо и желательности получения помощи от Англии. Но все же влияние гугенотов-республиканцев было столь слабым, что даже в состав отправленного по их настояниям посольства в Англию они не смогли включить ни одного своего представителя, и все призванные заинтересовать англичан намеки бордосских послов на некие предстоящие после получения английской военной помощи политические преобразования в Бордо облекались в весьма туманные формулировки.

В настоящее время в научный оборот введено несколько памфлетов ормистского происхождения, которые дают яркое представление об идеологии Ормэ как движения французского городского плебейства.

² Westrich S.A. The Ormée of Bordeaux: A revolution during the Fronde. Baltimore; L., 1972.

³ Westrich S.A. Op. cit.; Knachel Ph.A. England and the Fronde. Ithaca; L., 1967.

Причиной всех бедствий является чрезмерное богатство немногих, — утверждает “Апология Ормэ”. Эти грабящие народ богачи являются сообщниками тирании. Только народ может возродить Францию, а поэтому ему необходимо иметь вождей из своей среды. Ормэ были присущи явные черты плебейского товарищества взаимопомощи. Ормисты должны были защищать друг друга, предоставлять беспроцентные ссуды обремененным долгами собратьям, обеспечивать работой обедневших, а если это невозможно — просто давать им деньги на прокормление, но так, чтобы об этом никто не знал (последняя оговорка учитывала интересы мелких хозяев, озабоченных сохранением своей кредитоспособности). Несмотря на ненависть к богачам, ормистские памфлетисты выступали против посягательств на частную собственность.

Социально-политическая программа ормистов была заострена против парламентов и вообще против особого кастового положения судебных чинов. Уже отсюда видно, как изменилась ситуация в Бордо по сравнению с этапом парламентской Фронды, когда бордосское плебейство склонно было видеть в парламенте своего заступника. Должны быть назначены справедливые судьи, которые решали бы все дела в 24 часа, заявлялось в “Манифесте бордосцев”. Тяжущиеся будут защищать свои интересы сами, не должно быть ни адвокатов, ни ссылок на старые законы и прецеденты. Юриспруденция вообще бесполезна, ибо знание права не увеличивает добродетели. Можно считать близким к истине утверждение одного анонимного корреспондента Мазарини о том, что ормисты стремились покончить с продажностью должностей. Пока же этого не произошло, Ормэ обеспечивала своим членам разбирательство их взаимных споров внутри самой организации. Ормисты давали клятву в том, что они будут подчиняться судебным решениям Ормэ, выносимым путем арбитража или процесса перед назначаемым этой организацией трибуналом; апелляция на эти решения не допускалась. Когда Ормэ пришла к власти, в ее практике стало проявляться стремление поставить под вопрос само право на существование вышестоящих корпораций, наделенных особыми привилегиями. Известен случай, когда ормисты запретили корпорациям адвокатов, консулов биржи и “буржуа” участвовать в одной официальной процессии, заявив, что единственно законной корпорацией города является сама Ормэ, так как она включила в свои ряды членов всех других корпораций.

Все памфлеты ормистов заверяют в их лояльности королю, ненависти к Мазарини и верности принцу Конде. Руководители Ормэ не были республиканцами. Но та форма монархии, которую они считали идеальной, должна была в корне отличаться от существующей отсутствием многоступенчатого судебно-административного аппарата, вследствие чего местным народным собраниям (организованным по типу Ормэ) было бы возвращено естественное право народа самому отправлять правосудие. Следует отметить, что кругозор ормистов не ограничивался локальными рамками, они хорошо понимали общепарижское значение своей программы. Ормистские памфлеты распространялись в Париже; в них говорилось, что бордосцы борются за возвращение всему королевству свобод, потерянных в последние столетия, и что пример Бордо вскоре будет одобрен всей Францией.

Нам неизвестно точное время и обстоятельства организации Ормэ. Открытая борьба ормистов с “отцами города” за власть началась с мая 1652 г. и сразу же приобрела очень резкий характер. Ормэ требовала провести чистку парламента от советников, подозреваемых в мазаринизме, и организовывала нападения на них; парламент и ратуша, опираясь на содействие Конти, пытались запретить сходки ормистов. Происходили постоянные стычки между отрядами ормистов и буржуа. 24 июня 1652 г. большой отряд вооруженных буржуа, стремясь разогнать ормистов, вторгся в ремесленный квартал Сен-Мишель. Там их встретили баррикадами и после трехчасовой борьбы отразили. Ормэ перешла в контрнаступление. 25 июня ормисты захватили ратушу и городской арсенал, после чего их 3-тысячный отряд двинулся на квартал богачей Шапо-Руж. Преодолев ожесточен-

ное сопротивление противника (с обеих сторон действовала артиллерия), Ормэ одержала решительную победу, получив полное господство над городом.

27 июня собрание Ормэ избрало из своей среды “Палату 30-ти” для контроля над муниципалитетом и осуществления высшей исполнительной власти в городе. 29 июня оно же решило немедленно изгнать неугодных парламентариев и уволить воевавших с ормистами офицеров городской милиции, заменив их своими людьми; принца Конти предупредили, что все эти меры будут приняты независимо от его согласия. Смирившийся с таким поворотом дел Конти стал считаться с Ормэ как с единственной реальной властью в Бордо. 21 августа ормисты установили свой контроль над городской финансовой комиссией, ранее зависевшей от Бордосского парламента. Правда, ни парламент, ни муниципалитет не были распущены, но было бы явной натяжкой видеть в этом, вслед за Э. Коссманом⁴, показатель некоего мелкобуржуазного благодушия Ормэ. Все что мы знаем об Ормэ говорит о ней как об очень решительной организации, никогда не останавливавшейся перед применением насилия. У ормистов и не было повода к нерешительности — ни в рамках, ни за рамками Ормэ не возникало каких-либо широких течений, отходивших влево от ее основной платформы. Сохранение старых учреждений объяснялось чисто тактическими соображениями. Фактически же и “охвостье” парламента, и ратуша, в которую Ормэ удалось провести своих представителей, действовали под полным контролем собственно ормистских органов — Большого совета Ормэ и “Палаты 30-ти”.

Как мы видели, у ормистов не было никакой программы преобразований в сфере собственности. Но в своей практической деятельности они не останавливались перед нанесением явного ущерба крупной собственности своих противников. Так, 27 июля 1652 г. Большой городской совет под давлением ормистов принял решение разрушить все замки в окрестностях Бордо. Мотивированная военными соображениями, эта мера в то же время наносила тяжелый удар по собственности парламентариев и городских советников. Явившуюся с протестом депутацию парламента попросту прогнали, а заступничество за нее Конти не было принято во внимание. Взимание насильственными методами контрибуций с богачей при ормистах стало постоянным способом пополнения городских финансов. Наконец, надо упомянуть о проведенном 15 января 1653 г. принудительном снижении платы за аренду помещений на 25%, что очень озлобило крупных домовладельцев. Их сопротивление выливалось во множество конфликтов; некоторые же, идя на вынужденные уступки, предусмотрительно заявляли перед нотариусами, что оставляют за собой право востребовать свои деньги после восстановления в городе “настоящей законности”.

Больше года над башнями столицы Гиени развевались красные знамена Ормэ. Плебейская диктатура показала умение защищаться, обезвредив несколько опасных заговоров. Но силы были слишком неравными. После ликвидации парижской Фронды к Бордо были стянуты большие королевские армии, кольцо окружения сжималось все теснее, Англия, занятая войной с Голландией, так и не прислала помощи, военная помощь испанцев была недостаточной. Возросли материальные лишения, с февраля 1653 г. пришлось ввести вызвавший ропот в народе соляной налог. Ненавидевшая Ормэ крупная буржуазия подняла голову и вновь стала создавать свои вооруженные отряды. 10 июля 1653 г. Ормэ попыталась повторить принесшее ей успех год назад вторжение в богатые кварталы, но уже не смогла собрать достаточных для этого сил, после чего ее слабость стала очевидной. Дальнейшей борьбы не последовало. 19 июля большое собрание представителей городских верхов потребовало от принца Конти распустить Ормэ, сместить всех капитанов городской милиции и просить мира. На другой день все эти требования были приняты, и 3 августа в капитули-

⁴ Kossmann E.H. La Fronde. Leyde, 1954. P. 250.

ровавший Бордо вступила королевская армия. Последний очаг Фронды был ликвидирован.

Чем же была Фронда? Ее нельзя определить ни как феодальную реакцию, ни как буржуазную революцию. Время антиабсолютистского феодального сепаратизма уже отошло в прошлое, время буржуазных революций во Франции еще не настало. Именно невозможность найти для Фронды место в этой привычной системе исторических координат делают ее такой трудной для понимания. Уже из-за разнородности социального состава участников Фронда как политическое движение не обладала внутренней цельностью. Но если все же попытаться определить ее одной формулой, учитывая интересы наиболее широкого слоя участников движения на его начальном этапе, когда дело еще не было до такой степени осложнено привходящими моментами, то точнее всего назвать ее широким антианалоговым движением народных масс.

Глава 3

КАТАЛОНСКОЕ И ПОРТУГАЛЬСКОЕ ВОССТАНИЯ 1640 ГОДА

С начала XVII в. Испания переживала глубокий экономический и политический упадок, в основе которого лежал начавшийся кризис ее феодально-абсолютистского великодержавия. Особенно тягостными для Испании оказались последствия европейской экономической депрессии, приведшей к обострению социальных противоречий. Рост обезземеливания крестьянства, эпидемии чумы, продолжение Тридцатилетней войны, препятствовавшее развитию торговли, — все это вело не только к обнищанию сельских и городских трудящихся масс, но и к ослаблению торговой буржуазии.

Первый министр и фаворит короля Филиппа IV Гаспар де Гусман Оливарес (он занимал этот пост с 1621 по 1643 г.) стремился укрепить абсолютистскую власть в стране, проводя политику централизации и “кастилизации”. Все руководящие посты в государстве, как светские, так и духовные, занимали представители кастильской знати, тогда как аристократия других провинций могла рассчитывать лишь на участие в местном управлении, функции которого всячески ограничивались центральным правительством. Оливарес приступил к созданию Союза армий, куда должны были войти военные силы всех провинций и который должен был содержаться за счет провинций. Эти меры вызвали недовольство во всех испанских землях, даже в сердцевине страны — Кастилии. Но особенно активным было противодействие им в Каталонии — области, издавна управлявшейся в соответствии с собственными законами и установлениями. Противоречия между центральным правительством и жителями Каталонии чрезвычайно обострились после того, как в мае 1635 г. началась война Испании с Францией. Роль Каталонии, непосредственно граничащей с Францией, стала для Испании особенно важной. Ведь территория провинции служила местом размещения испанского войска, которое, по мысли правительства, в своей значительной части должно было состоять из каталонцев и содержаться каталонским населением. Положение осложнилось тем, что центральное правительство, не располагающее никакой статистикой, определяло огромные размеры поборов с Каталонии в соответствии со своими крайне преувеличенными представлениями о ее ресурсах.

На протяжении 1635—1639 гг. между правительством Мадрида, действовавшим через вице-короля (в 1637 г. им стал Санта Колома), и местными властями, высшим органом которых была Депутация — комиссия, избиравшаяся каталонскими кортесами, шли бесконечные препирательства. Кортесы пытались дока-

зять неспособность Каталонии поставить требуемое количество солдат и средств для снабжения армии. В 1639 г. Каталонии стала главным театром военных действий и соответственно усилилось давление на эту провинцию со стороны Мадрида. Летом 1639 г. кампании шла весьма неудачно для Испании. Каталонские отряды, сражавшиеся с французами, терпели поражения. Росло дезертирство: из официально поставленной Каталонией армии в 12 тыс. человек в августе 1639 г. в стране осталась половина, а к декабрю — лишь 800 человек. Непосильным грузом легло на каталонское население содержание всех расквартированных в Каталонии вооруженных сил.

Отношения между местными жителями и военными отрядами были настолько враждебными, что то и дело вспыхивали острые столкновения. Между тем Оливарес усиливает нажим на каталонские власти. В феврале 1640 г. он требует все новых и новых солдат для ведения войны не только на территории Каталонии, но и в Италии, а также дополнительных средств на содержание армии. Члены Депутации передают через своего представителя, посланного в Мадрид, что требования правительства неосуществимы, ибо “крестьянство совершенно разорено, а города остались без средств”¹. Однако правительство приказывает вице-королю осуществить его распоряжение, применив силу.

В Каталонии назревал взрыв. Первым его проявлением стали апрельские события в небольшом городке Санта-Колома-де-Фарнес, жители которого не подчинились требованиям властей и не впустили в город подошедший к его стенам военный отряд. Завязалась перестрелка. На помощь горожанам пришли вооруженные крестьяне из окрестностей. Военный отряд вынужден был отступить.

Первая неделя мая ознаменовалась началом массовой вооруженной борьбы каталонских крестьян. Колокольный звон, приглашавший к выступлению, раздавался во все большем числе деревень. Крестьяне поднимались на борьбу не только для того, чтобы отомстить за жестокие расправы с жителями Санта-Колома-де-Фарнес и окрестных деревень, разрушенных до основания. Ими двигало прежде всего стремление изменить свое отчаянное положение, любой ценой преодолеть нищету, голод, болезни, усугубленные в тот год засухой и неурожаем. Вооруженные отряды приблизились к столице Каталонии Барселоне и 22 мая ворвались в город с возгласами “Смерть предателям!”, “Долой дурное правительство!” и “Да здравствует король!”. Сохраняя веру в добрые намерения не только короля, но и “своего” епископа, крестьяне по требованию последнего вскоре покинули Барселону. Но восстание охватывало все новые и новые районы. В городке Вик, где местные советники отказались передать войску призыв крестьян присоединиться к ним, вскоре появились листовки, обвинявшие советников и всех богачей в предательстве. Дома многих из них сжигались. Подобные сцены повторялись не однажды и в других местах.

Растерянность, страх перед все шире распространявшимся пламенем восстания на первых порах привели в замешательство местные власти Каталонии. Центральное правительство также пребывало в нерешительности, не сумев трезво оценить ситуацию в восставшей провинции. Попытки каталонской Депутации убедить правительство вывести из Каталонии войска по-прежнему оставались безуспешными.

7 июня 1640 г. в центре событий вновь оказалась Барселона: дома, в которых жили представители центральных властей, были разграблены и сожжены. Затем подверглись разгрому жилища богачей. Повстанцами был убит Санта Колома, к тому времени уже отстраненный правительством от должности вице-короля. В течение пяти дней городские власти были не в состоянии обуздать движение. По всей Каталонии бушевало пламя восстания. Правящие круги Каталонии оказались в очень тяжелом положении. С одной стороны, они были недовольны политикой Мадрида и выступали инициаторами борьбы за сохранение автономии

¹ Elliott J.H. The revolt of the Catalans. Cambridge, 1963. P. 406.

своей провинции. Поэтому когда повстанцы выдвигали требования очистить Каталонию от войск, сократить поборы, наказать бесчинствовавших солдат, они поддерживали их или по крайней мере не препятствовали их выступлениям. Нередко представителей местной власти заставляли действовать подобным образом опасения, что иначе повстанцы расправятся с ними как с “предателями”. С другой стороны, размах массовой борьбы, ее социальная направленность не могли не пугать правящие круги Каталонии и не вызывать у них желания подавить движение.

После того как 22 июля умер вице-король Кардона, Депутация оказалась единственной представительницей власти в Каталонии. Перед ней встала дилемма: либо обуздать стихийное движение, возглавив его, либо пойти на соглашение с испанским правительством и попытаться подавить борьбу масс, рискуя погибнуть под ее натиском. Депутаты выбрали первый путь. При этом они понимали, что смогут сохранить свои позиции лишь заручившись поддержкой извне. Такой силой стала Франция, тесные торговые и культурные связи каталонцев с которой существовали издавна. Хотя далеко не все мятежные силы и даже не вся аристократия сразу повернулись лицом к Франции, все же профранцузская ориентация одержала верх к концу лета 1640 г. среди руководителей движения. Возглавил его священник Кларис. 7 сентября было подписано соглашение с Францией. В ответ на распоряжение испанского правительства о подготовке к подавлению каталонского движения местные власти в начале сентября созвали кортесы, которые сформировали Хунту для обороны провинции.

Однако ни Оливарес, ни Кларис не спешили начать гражданскую войну. Мешало отсутствие средств и людей. Всю осень в Каталонии наблюдались волнения в городах и селах в связи с попыткой руководителей набрать военные отряды для защиты родины. Сопротивлявшиеся приказам о мобилизации крестьяне и горожане подвергались суровым наказаниям. С не меньшими трудностями сталкивался и Оливарес в своих попытках собрать силы для борьбы с каталонцами. Именно в те дни он теряет надежду на успешное решение каталонского вопроса. Он признается в одном из писем, что 1640 год стал “самым несчастным годом жизни испанской монархии”².

Оливарес намеревался использовать для борьбы с каталонцами португальских дворян. Однако и здесь его ждала неудача. 1 декабря 1640 г. произошел переворот в Португалии. Причины, вызвавшие его, во многом совпадали с причинами каталонского движения. Еще острее, чем в Каталонии, стоял в Португалии вопрос о независимости. Ведь Португалия хорошо помнила времена до установления испанского господства в 1580 г.

Включенность Португалии в испанскую монархию в наибольшей степени сказалась на ее международном положении. Ряд внешнеполитических и военных неудач Испании (начиная с гибели “Непобедимой армады”) подорвали международный престиж Португалии, что выразилось в учащении нападений англичан и голландцев на португальские колонии и корабли. Часть заморских владений была потеряна, связь с оставшимися затруднена. И все же отношение к унии в Португалии не было ни однозначным, ни неизменным. Значительная часть крупной знати, хотя и была традиционно связана с заморской торговлей, сумела переориентироваться на иные источники получения доходов, и прежде всего от службы при дворе испанского короля. В этой ситуации она в целом сохранила свое экономическое положение. Сокращение колониальных доходов, видимо, сильно ударило по среднему и мелкому дворянству. Поэтому можно говорить о его объективной заинтересованности в отделении от Испании. В то же время существовала и субъективная причина: национальная монархия могла бы лучше обеспечить его выдвижение, чем служба королю в условиях соперничества с кастильским дворянством.

² Цит. по: Ibid. P. 504.

Для торгово-предпринимательской верхушки, в основном инонационального, еврейского, происхождения, уния Португалии с Испанией имела как положительные, так и отрицательные последствия. На первых порах она не только сохранила, но и расширила свои возможности: многие дельцы финансировали мадридский двор; через Мадрид они были связаны с европейскими компаниями, банкирскими домами и т. д.; более того, они получили доступ, несмотря на попытки ограничений, в испанские колонии, где развернули самую бурную деятельность. До 1640 г. финансисты из Португалии пользовались монополией на работоторговлю. В то же время нарушение связей с колониями вызывало заметные сложности в городской экономике. Учитывая все вышесказанное, не приходится говорить о единой позиции торгово-предпринимательских слоев.

В равной мере это относится и к позиции португальского духовенства — высшие иерархи в целом благожелательно относились к унии, а низший клир находился в некоторой традиционной оппозиции, которая до поры до времени не проявлялась открыто.

К XVII в. в крайне неблагоприятных условиях оказалось португальское крестьянство, страдавшее от увеличения рентных платежей и роста налогового обложения. Становилось все больше заброшенных земель, сокращались посевы зерновых, ощущался недостаток хлеба. Он был особенно замечен в 1635—1636 гг. в Бейре, Алентежу и других районах, тем более что в 30-е годы центральные и южные районы страны систематически поражали жестокие засухи.

Рост налогов и платежей в условиях испанского владычества воспринимался населением как его проявление и следствие, тем более что положение Португалии в составе Испании решительно изменилось в период правления Филиппа IV в связи с проведением в жизнь политики Оливареса — плана объединения испанских земель на основе единого налогообложения и создания общеиспанской армии. Эти планы в Португалии, равно как и в Арагоне, Валенсии и Каталонии, поддержки не нашли. Тем не менее Оливарес предпринял, хотя и неудачную, попытку проведения денежной реформы, а также вводил один за другим крупные экстраординарные сборы на военные нужды. Введенные в 1631 г. налог на соль и в особенности так называемый реал д'агуа — налог на мелкие сделки — ударили по низшим слоям населения. Распространение реал д'агуа на духовенство вызвало его откровенное недовольство Мадридом. В то же время Оливарес обратился к португальской знати с предложением о введении ежегодного налога в размере 500 тыс. крузаду «для защиты страны и заморских владений».

Популярности мадридского правительства не способствовали и поражения в португальской Бразилии, разгром в 1626 г. снаряженного португальцами флота, утрата в конце 30-х годов таких источников золота, как Мина и Аргин. Начало военных действий с Францией в 1635 г. усилило стремление Мадрида к преодолению автономии Португалии и ответное сопротивление.

Двойственность позиции господствующего класса и верхушки торгово-предпринимательских слоев долгое время оставляла их нейтральными по отношению к Мадриду. В то же время с конца 20-х годов XVII в. все активнее проявлялось недовольство непривилегированных слоев. Антиналоговые волнения имели место летом 1628 г. в Лиссабоне, осенью 1629 г. в Порту, в 1630 г. в Сетубале и т. д. В некоторых из них уже тогда проявилась антикастильская направленность. Во второй половине 30-х годов прошла новая волна этих выступлений. Наконец, вершиной народных движений стало восстание в Эворе.

В августе 1637 г. в соответствии с полученными из Лиссабона указаниями в Эворе должна была быть проведена раскладка единовременного налога, весть о котором уже успела вызвать недовольство в городе. Волнения начались с того, что городские должностные лица отказались производить раскладку. Их поддержал народ, собравшийся на площади перед домом коррежедора. Недовольство переросло в мятежные действия: горожане осадили и подожгли резиденцию коррежедора, причем сам он едва спасся; в костер на площади

полетели налоговые списки, городской архив был разгромлен, из тюрьмы освобождены заключенные.

Восстание началось как антиналоговый бунт, однако очень скоро в нем проступили иные черты. В так называемых “манифестах Мануэлиню” — распространившихся в городе криптонимных воззваниях — бедственное положение города и страны связывалось с испанской тиранией. В источниках обнаруживаются чрезвычайно скудные данные о том, что восставший народ, отвергнув попытки посредничества со стороны дворянства, пытался создавать неизвестные нам собственные органы городского управления. Все попытки умиротворить город, предпринятые мадридским и лиссабонским правительствами, разбивались о стойкость горожан. Когда же граф Линьярес, представитель короля Испании, попробовал проводить более жесткую политику по отношению к руководству восставших, он был изгнан из Эворы. Сведенный о конкретных требованиях восставших у нас мало, но о том, что выступление переросло рамки антиналогового мятежа, свидетельствует и стремление эворских жителей действовать совместно с другими городами. В результате волнения охватили почти всю провинцию Алентежу и затронули Алгарви. Широкое распространение восстания за пределы города и поддержка со стороны крестьян и жителей других городков объясняются, разумеется, прежде всего популярностью антиналоговых лозунгов. Но принципиально новым по сравнению с другими восстаниями 20—30-х годов является то, что Эвора выступает не как стихия мятежа, а как организующая сила движения.

Поскольку ни одно из мирных средств не возымело действия, а восстание не замирало, но, напротив, втягивало все новые районы, мадридскому правительству пришлось пойти (а лиссабонскому — согласиться с этим) на вооруженное подавление восстания. Вступление в Португалию кастильских войск весной 1638 г. положило ему конец.

Португальскому дворянству Эворское восстание продемонстрировало, с одной стороны, готовность народа к вооруженной борьбе под лозунгами независимости страны (и это обеспечило почву для политических притязаний португальской знати), а с другой — опасность того, что во главе такого движения могут оказаться не привилегированные и господствующие, а иные слои.

Восстание 1640 г. в Каталонии послужило вдохновляющим примером для португальских дворян и оттянуло на себя силы испанской монархии. Положение усугублялось попыткой Оливареса использовать португальцев для подавления каталонского восстания. В результате участники давно зревшего в среде португальского дворянства заговора, имевшего целью восстановить суверенитет Португалии и поставить во главе королевства герцога Браганского, перешли к открытым действиям.

Ранним утром 1 декабря 1640 г. заговорщики направились к дворцу, который охранялся отрядами кастильцев и немцев. Вице-королева Маргарита была арестована. Государственный секретарь Мигел ди Вашконселлуш, пользовавшийся репутацией верного прислужника Кастилии, был убит, а труп его выброшен на улицу. С балкона дворца была провозглашена свобода страны, герцог Браганский объявлен королем под именем Жоана IV. В этот же день полутысячный гарнизон кастильцев сдал восставшим лиссабонский замок Сан-Жоржи. Были нейтрализованы испанские галеоны на р. Тежу. В ближайшие же дни были захвачены и портовые укрепления. Захватив Лиссабон, заговорщики 3 декабря сообщили Жоану об успехе предприятия.

В декабре вся территория Португалии перешла на сторону Жоана IV. Кастильские чиновники и гарнизоны изгонялись из городов и крепостей. В январе 1641 г. были созваны кортесы, которые закрепили обретенную независимость страны и утвердили принципы политической системы королевства.

События 1 декабря 1640 г. непосредственно были подготовлены и осуществлены силами части дворянства и чиновничества. Против отделения выступала часть знати, тесно связанная с Испанией семейными узами, имущественными интересами и

должностным положением. Последнее в наибольшей степени относится к высшему чиновничеству. Неоднозначность отношения дворянства к процессу восстановления суверенитета страны выразилась как в заговорах против Жоана IV, так и в том, что многие португальские дворяне принимали участие в войне против Португалии на стороне Кастилии.

Что же касается торгово-предпринимательской верхушки, то, по общему мнению португальских историков, она не участвовала в подготовке событий декабря 1640 г. Более того, для части предпринимателей, связанных деловыми интересами с Испанией, выход из состава испанской монархии представлялся весьма нежелательным, тогда как предприниматели, заинтересованные в колониальной торговле, участники североευропейских деловых контактов открыто поддерживали восстановление самостоятельности Португалии.

Сами события 1 декабря имели характер скорее государственного переворота, чем революции, как зачастую именуют их в историографии. Однако это отнюдь не значит, что отделение Португалии было случайным. Доказательством тому стали широкая поддержка провозглашения суверенитета народными массами и решительное сопротивление претензиям Мадрида восстановить свое господство, выразившееся в оборонительных войнах на протяжении 28 лет.

Иной оказалась ситуация в Каталонии. В конце ноября 1640 г. там начались военные действия испанской армии против восставших. Однако конфликты внутри каталонского движения и огромные трудности для испанского правительства, оказавшегося между двумя очагами восстания на полуострове, принудили обе стороны пойти на соглашение в конце декабря 1640 г. Перемирие длилось недолго. Под давлением снизу руководители каталонского движения вынуждены были возобновить борьбу. Они вновь обращаются за помощью к Ричелье. 26 января 1641 г. франко-каталонские войска одержали верх над испанскими, и на некоторое время Каталония была потеряна для Испании. Поражения в Португалии и Каталонии, означавшие крах политики Оливареса, решили его судьбу. В 1643 г. он вынужден был уйти в отставку.

Развитие дальнейших событий в Каталонии не благоприятствовало сохранению ее независимости. Смерть Клариса в 1641 г. нанесла движению большой урон: оно не смогло более выдвинуть столь авторитетного вождя. Вместе с тем союз с Францией оборачивался для каталонцев самой неблагоприятной своей стороной. Гнет Испании сменился теперь столь же тягостным французским гнетом. Содержавшаяся на каталонской территории французская армия требовала от населения больших жертв. Каталония фактически превращалась во французскую провинцию. В 1643 г. основные военные действия французов против Испании были перенесены из Каталонии в Италию, и, таким образом, роль каталонцев в борьбе Франции с Испанией существенно уменьшилась. После того как в самой Франции вспыхнула Фронтда, военная помощь французов каталонцам заметно сократилась. Следствием всех этих обстоятельств стало примирение Каталонии с Испанией. Власть Мадрида над Каталонией была в октябре 1652 г. восстановлена, но при этом король Филипп IV должен был подтвердить сохранение всех каталонских вольностей и привилегий.

В каталонском движении переплелись два течения — антифеодальная борьба сельских и городских масс и национально-сепаратистское, антииспанское течение, в котором участвовали дворянство, духовенство и патрицианско-бюргерская городская верхушка. Оба эти потока в известные моменты выступали совместно против испанского гнета. Но союз их — вследствие все более остро обнаруживавшихся социальных противоречий между ними — был крайне непрочен. Страх правящих кругов Каталонии перед социальным движением масс и привел в конечном счете к поражению восстания.

В целом же следует подчеркнуть прогрессивный характер каталонского и португальского восстаний (как и других революционных движений середины XVII в. в Западной Европе), расшатывавших основы феодально-абсолютистского строя испанской монархии.

Глава 4

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ
В НЕАПОЛИТАНСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ
В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

Восстание 1647—1648 гг. является для европейца одним из наиболее известных эпизодов неаполитанской истории. Объясняется это широким размахом движения и его длительностью, фантастически быстрым возвышением и трагической гибелью одного из первых вождей восстания, Томмазо Аньелло (Мазаньелло), по имени которого оно получило свое название. Но главной причиной того широкого резонанса, который получило это восстание уже в XVII в., является его совпадение по времени с развитием революционного движения в крупнейших странах Европы.

Подлинно же научное изучение этой темы началось лишь в 20-е годы XX в. В 1925 г. опубликовал свое известное исследование Микеланджело Скипа¹, который впервые использовал в чрезвычайно широком объеме многочисленные и разнообразные источники XVII в., что позволило ему дать подробнейшее описание событий неаполитанской истории конца XVI — первой половины XVII в. и показать, что восстание 1647—1648 гг. имело глубокие социальные и политические корни. Но в работе М. Скипы проявилась одна из характерных особенностей итальянской историографии того периода — отсутствие связи между исследованиями по политической и экономической истории. Изучение восстания Мазаньелло в самом широком контексте стало достижением послевоенной итальянской историографии, проявившей интерес к многообразным проблемам национального развития XVI—XVII вв. и их комплексному рассмотрению. Наиболее значительными, в определенном смысле этапными, работами этого периода стали исследования Розарио Виллари и Джузеппе Галассо, вышедшие в свет в 60—70-е годы² и отличающиеся широким спектром поднятых вопросов. Оба историка признают важное значение событий 1647—1648 гг. и их последствий для дальнейшего развития Юга Италии, согласны в том, что восстание в столице сопровождалось повсеместными антифеодальными выступлениями крестьянства. Но они расходятся при оценке степени социальной активности участвовавших в восстании слоев и политической глубины революционного движения в целом. Предлагая отличные друг от друга в важных своих элементах концепции восстания, Р. Виллари и Д. Галассо показывают неоправданность пренебрежительного отношения к нему многих крупных историков (Б. Кроче, Ф. Николини и др.) как к движению, лишенному внутренней серьезности, движению “без настоящего и будущего”³.

Восстание 1647—1648 гг. было обусловлено всем ходом социально-экономического и политического развития Неаполитанского королевства в конце XVI — первой половине XVII в. Некоторый подъем сельского хозяйства Южной Италии, характерный для XVI в., в конце его сменился периодом застоя, который продолжался почти все следующее столетие. Изменение европейской экономической ситуации вызвало тяжелые последствия для промышленности и сельского хозяйства Неаполя, ориентированных в основном на испанский рынок. Трудности, с которыми сталкивались неаполитанская промышленность и торговля, возрастали также в результате укрепления экономических позиций Англии, Франции и Голландии.

¹ *Schipa M. Masaniello*. Bari, 1925.

² *Villari R. La rivolta antispannola a Napoli: Le origini (1585—1647)*. Bari, 1967; *Idem. Ribelli e riformatori dal XVI al XVIII secolo*. Roma, 1970; *Galasso G. Intervista sulla storia di Napoli*. Roma; Bari, 1978.

³ *Croce B. Storia del regno di Napoli*. Bari, 1966. P. 32.

Резкое сокращение населения страны, вызванное неурожаями, эпидемиями чумы и последствиями Тридцатилетней войны, пагубно сказалось на сельском хозяйстве Неаполя. Все перечисленные факторы, породив падение цен на продукты земледелия, привели к сокращению доходов с земли. Неизбежным следствием этого стало усиление феодальной эксплуатации крестьянства. "Восстановление и умножение ... феодальных привилегий (прежде всего юридических и фискальных), увеличение различных видов феодальных поборов, ухудшение условий крестьянского землепользования и аренды, присвоение общинных земель и ограничение сервитутов — таковы проявления этого феодального нажима, который в XVII в. в той или иной форме обнаруживался в большинстве областей Италии"⁴. Восстановление утраченных феодальных прав старого дворянства шло параллельно с распродажей феодалов представителям городской буржуазии, предпочитавшим вкладывать свои капиталы в земельную собственность и стремившихся упрочить свои права с помощью покупки титулов, а также фискальных и судебных прав. Расширение рядов баронства, которое всеми средствами добивалось увеличения своих доходов, привело к резкому ухудшению экономического положения всех слоев крестьянства. Процесс феодальной реакции затрагивал интересы не только мелкого и среднего, но и крупного крестьянства, так называемых "массари", которые, несмотря на изменение экономической конъюнктуры, должны были выплачивать в установленном ранее размере феодальную ренту и церковные десятины.

Таким образом, кризисные явления затронули в первой половине XVII в. все слои неаполитанской деревни. Стремление к переменам нашло свое выражение в участвовавших крестьянских бунтах, в развитии крестьянского бандитизма. К середине XVI в. закончился начавшийся еще до установления испанского господства процесс слияния феодальной аристократии со столичным патрициатом, что послужило изменению, "облагораживанию" ее обычаев и стиля жизни. Новая, осевшая в городе знать тратила огромные средства на строительство и украшение дворцов, на устройство пышных празднеств, содержала труппы актеров и бесчисленное количество слуг.

Потеря крупными баронами политической независимости компенсировалась дарованными им привилегиями. Наряду с испанскими грандами столичная аристократия освобождалась от налогов и повинностей и имела преимущественное право занимать высшие государственные должности. Городская джунта (муниципалитет) Неаполя находилась также под контролем аристократии. Из шести членов джунты пять были выборными представителями дворянства от пяти городских районов, и лишь один "выборный от народа" представлял недворянское население Неаполя.

Столичное дворянство стремилось к сохранению своей строгой замкнутости и всеми средствами препятствовало проникновению в свою среду представителей буржуазии. Это создавало в неаполитанском обществе напряженность, постоянно усиливавшуюся в связи с численным ростом различных групп буржуазии.

Хотя главной опорой власти испанского монарха в Неаполе была феодальная аристократия, наиболее умные и дальновидные вице-короли верно оценивали и использовали политические и социальные устремления крупной буржуазии, недовольной ростом дворянских привилегий. Основанием для роста влияния крупной буржуазии стало ее участие в управлении государством, явившееся результатом широкой продажи должностей, характерной для политики испанского абсолютизма. Кроме того, благодаря ростовщичеству, вложению средств в государственные займы и участию в продовольственных поставках и откупных операциях она сумела в отличие от обремененной долгами феодальной аристократии накопить огромные денежные капиталы.

⁴ Бондарчук В.С. Итальянское крестьянство в XVI—XVIII вв. // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 3. С. 151.

Однако скрытое недовольство зажиточной буржуазии сохранением дворянских привилегий никогда не переходило в открытый протест. Соперничая с нобилиями, она старалась “перетянуть веревку в свою сторону”, но только до определенного предела, и “никогда не доходила до того, чтобы ради своих амбиций подвергать опасности свое общественное положение и возможность мирно пользоваться уже достигнутыми преимуществами”⁵.

Громадный мятежный потенциал накапливался в народной среде Неаполя — в среде мелких ремесленников, торговцев и представителей городского плебса. На протяжении всего периода, охватившего конец XVI — первую половину XVII в., происходило постоянное пополнение рядов низших групп населения столицы, лишенных какой-либо собственности и перебивавшихся случайными заработками. Число этих обездоленных людей росло главным образом за счет крестьян, бежавших из разорявшихся деревень в поисках работы и пропитания. Масштабы этого явления дает понять изменение численности населения Неаполя за столетие, с середины XVI до середины XVII в. она выросла с 200 тыс. до 400 тыс. человек, что составляло 1/5 жителей королевства.

Рост налогового гнета и повышение цен на продовольствие вызывали внезапные стихийные выступления плебса. Они нередко встречали сочувствие в среде чиновников, адвокатов, небогатых купцов и зажиточных ремесленников, которые также страдали от роста дороговизны и налогов. К этому надо добавить частые задержки выплат процентов по заемным бумагам и постоянное снижение их курса. Но политическая ориентация средней буржуазии была неустойчивой и не раз менялась под влиянием обстоятельств.

Тенденция к дальнейшему нарастанию социальных противоречий в неаполитанском обществе проявилась уже в первые десятилетия XVII в. Отражением этой тенденции стали события, относящиеся к правлению вице-короля герцога д’Оссун (1616—1620). Трезвая оценка сложившейся ситуации привела вице-короля к решению осуществить ряд мер, способных, по его мнению, ослабить социальную напряженность в столице. Он отменил вызывавший всеобщее негодование налог на фрукты и пытался усилить свое влияние в городской джунте, назначив “выборным от народа” Д. Дженоино.

Джулио Дженоино происходил из семьи среднего достатка; по настоянию родителей он стал священником. Получив диплом юриста, в возрасте 28 лет он вступил в коллегия адвокатов. Ко времени правления д’Оссун он был известен в Неаполе как фанатичный поборник идеи, будто король Федерико Арагонский (1496—1501) нарушил существовавшее до этого устойчивое равенство прав народа и нобилей. Дженоино считал, что настала пора довести до конца дело Фердинанда Католика и Филиппа II, якобы предполагавших восстановить эти права. Именно об этом шла речь в двух его сочинениях, написанных в 1620 г., — “Манифесте” и “Прошении к королю Филиппу II”. Дженоино уверенно писал о существовании документов, неоспоримо доказывающих его правоту.

Назначение Дженоино “выборным от народа” до предела обострило конфликт д’Оссун с нобилиями, поддерживавшими его предшественника дона Фердинандо де Кастро. В конце концов д’Оссун был отозван в Испанию, а Дженоино арестован, приговорен к каторжным работам, а потом выслан — сначала в Тоскану, затем в Африку.

Но Дженоино не считал свою миссию законченной и с энтузиазмом, которому не мешал преклонный возраст (ему было около 80 лет), после возвращения в Неаполь в 1638 г. снова начал бороться за осуществление выдвинутой и выстраданной им идеи. Обстановка, сложившаяся к тому времени в столице королевства, была чрезвычайно благоприятна для успеха развернутой им деятельности.

Продолжавшаяся Тридцатилетняя война, политические и военные усилия Испании в борьбе за гегемонию в Европе требовали огромных финансовых

⁵ Galasso G. Op. cit. P. 40.

средств, которые она стремилась получить, постоянно увеличивая налоговое обложение жителей своих многочисленных владений. В Неаполе каждый год вводились два, а иногда и три новых налога, которые поступали в государственную казну или в распоряжение городской джунты, обязательства которой перед центральным правительством также постоянно возрастали. Усиление налогового гнета сочеталось с другими формами узаконенного грабежа жителей Неаполитанского королевства — снижением на 1/5 курса государственных заемных бумаг, введением гербовой бумаги и т. д.

Все эти меры правительства привели к застою в экономической жизни столицы, к банкротству и разорению представителей различных групп буржуазии, к обнищанию низших слоев ее населения и обострению отношений между классами, к новому росту отчаяния и надежд.

И достаточно было возобновления налога на фрукты, отмененного д'Оссунной в 1619 г., чтобы в Неаполе вспыхнуло восстание, которое испанцам не удавалось усмирить в течение девяти месяцев.

Первые выступления против налога на фрукты произошли 26 декабря 1646 г., когда в городе распространилась весть о намерении вице-короля одобрить решение городской джунты возобновить налог на фрукты. Взмолвленная толпа остановила карету вице-короля, когда он направлялся в церковь дель Кармине, находившуюся вблизи рынка, и потребовала отмены ненавистной пошлины. Растерянный и испуганный герцог д'Аркос дал обещание удовлетворить просьбу народа. Тем не менее в совете вице-короля в конечном счете возобладало мнение тех, кто был заинтересован в восстановлении налога, кто рассчитывал на большие прибыли от получения откупов и поэтому старался убедить вице-короля, что «неаполитанский народ труслив и заслуживает кнута»⁶. 3 января 1647 г. в Неаполе были развешаны печатные объявления с указанием размера пошлины, которую полагалось платить за каждый вид фруктов.

Однако проведение жесткой линии, которая, по мнению ее сторонников, могла привести к укреплению власти и авторитета вице-короля, вызвало обратный результат. Каждый день в наиболее людных местах столицы и ее пригородов на стенах домов и лавок появлялись листовки, содержавшие упреки в адрес неаполитанцев, которые терпят такое усиление налогового гнета и не следуют примеру жителей Палермо, восставших незадолго до этого и добившихся от вице-короля Сицилии отмены всех пошлин. Неизвестные составители этих печатных и рукописных листовок предрекали всем, кто не хочет защитить интересы народа, страшное мщение.

Начались новые поиски выхода из создавшегося положения. Однако предложение об отмене пошлины, вызвавшей столь яростное сопротивление народа, вновь было встречено враждебно крупными государственными сановниками, участвовавшими в откупных операциях. Маневрируя, они выдвигали в качестве условия отмены выплату им огромных сумм, которые должны были восполнить их издержки. Все возможные варианты решения проблемы обсуждались в дворянских собраниях и собраниях различных районов Неаполя, но ни одно из них не сумело прийти к какому-либо определенному решению.

Дальнейший ход событий старался тайно направлять Дженоино, который хотел использовать ненависть народа к правительству и откупщикам для осуществления своих прежних планов и надежд. Он установил контакты со старшинами прилегавших к городскому рынку кварталов.

К организованному им заговору примкнули также торговцы и ремесленники. Сторонники Дженоино старались внушить жителям населенных беднотой кварталов, что их бедственное положение — результат корыстолюбия и самовластия нобилей, неизбежное следствие неравенства их власти и власти народа. Постоянное увеличение податей, говорили они, вызвано дурным устройством городско-

⁶ Schipa M. Op. cit. P. 76.

го управления и бессилием “выборного от народа”, который не может вести борьбу в одиночку и поддается влиянию и подкупу “выборных от дворянства”.

Моментом начала восстания должны были стать заранее подготовленные выступления участников праздничного турнира, посвященного Мадонне дель Кармине. Попечение об организации этого турнира было возложено старшиной квартала Меркато на монаха Савино Боккарди, одного из близких знакомых Дженоино. Монах обязался набрать и обучить две команды “герольдов”, которые могли бы принять участие в штурме и защите построенного на рыночной площади специально к этому празднику небольшого деревянного замка. Командиром “герольдов” вызвался быть друг С. Боккарди Томмазо Аньелло (Мазаньелло) — уличный торговец рыбой.

Мазаньелло был молод, предприимчив, дерзок и весел и потому известен многим из жителей кварталов, прилегавших к Главному рынку. Занятие контрабандой не раз приводило его в одну из городских тюрем, и у него были свои счета с полицией и сборщиками налогов.

В конце июня — первые дни июля босоногие, оборванные мальчишки, составлявшие отряды Мазаньелло, расхаживали по улицам города, напоминая его жителям о предстоящем турнире. Неистово колотя в дырявый барабан, потрясая тростниковыми пиками, украшенными вместо штандартов разноцветными тряпками, они кричали под окнами резиденции вице-короля: “Долой пошлину!”

Ранним утром 7 июля, предварительно обсудив план действий с Дженоино, Мазаньелло привел “герольдов” на рыночную площадь. Здесь же собрались его ближайшие друзья и родственники — Савино Боккарди, владелец колбасной и фруктовой лавок Джироламо Доннарумма, богатый булочник Карло Катания и др. Постепенно рыночная площадь все больше наполнялась лавочниками и покупателями. Вскоре к ним присоединились владельцы фруктовых садов из пригорода Неаполя Поццуоли, которые приплыли в столицу с грузом плодов, предназначенных для оптовой продажи.

После шумных обсуждений и споров собравшиеся приняли решение, разделившись, отправиться к вице-королю и “выбранному от народа” Наклерио и просить у них отмены пошлины на фрукты. Однако обе депутации не добились никаких результатов. Весть о неудавшихся переговорах вызвала ярость выросшей за это время рыночной толпы. Она достигла предела, когда полицейские начали угрожать суровым наказанием одному из жителей Поццуоли, родственнику Мазаньелло, Мазе Каррезе, который кричал, обращаясь к народу: “Господь послал нам изобилие, а дурное правительство повергает нас в нищенское состояние”. Вzbешенный угрозами полицейских, Каррезе стал выбрасывать из корзин и топтать привезенные им фрукты, сопровождая свои действия громкими восклицаниями: “Не хочу продавать, не хочу платить пошлину!” Его примеру последовали многие владельцы фруктов. Они бросали в толпу плоды смоковницы, приглашая всех принять участие в “пиршестве”.

Первыми откликнулись на этот призыв “герольды” Мазаньелло. Непрерывно скандируя “Не хотим пошлины! Да здравствует король Испании, смерть дурному правительству!”, они стали забрасывать фигами наступавших на толпу полицейских. Вскоре в ход пошли не только фрукты, но и камни, один из которых ранил появившегося на площади “выборного от народа” Наклерио, что вынудило его и других представителей власти поспешно скрыться в королевском дворце.

Народ праздновал свою первую победу, которая привела к росту числа участников восстания — к ним примкнули многочисленные группы подростков и взрослых жителей окрестных кварталов, вооруженных дубинками, жердями, холодным и огнестрельным оружием. Непрерывно увеличиваясь, толпа, возглавляемая Мазаньелло, направилась сначала к строению, в котором находились сборщики фруктовой пошлины, сбежавшие при приближении опасности, разорвали в клочья конторские книги, а затем подожгли здание.

К середине дня восставшие, число которых возросло до 1300 человек, пришли к королевскому дворцу. Их решительное поведение, попытки обезоружить и изгнать дворцовую охрану, заставили герцога д'Аркоса искать спасения в церкви Сан-Луиджи. Понимая безвыходность своего положения, вице-король приказал известить неаполитанцев о своей готовности выполнить требования народа.

Но уступки уже не могли остановить развитие событий. Утро 8 июля принесло восставшим новые успехи: к ним присоединились отряды городской милиции. В тот же день Мазаньелло получил от Дженоино список домов, принадлежавших инициаторам введения нового налога. К полудню все эти дома, а также дворцы многих знатных вельмож и откупщиков превратились в руины — они были разрушены и преданы огню, как и здания учреждений, занимавшихся сбором различных налогов.

Вице-король с помощью архиепископа, обратившегося к народу с увещанием, сумел скрыться в замке Кастельнуово. Но он не решился прибегнуть к силе, к чему его призывали некоторые из придворных, и пошел на новые уступки. Он приказал, не повышая цены, увеличить вес поступавшего в продажу хлеба и издал указ об отмене всех пошлин, введенных после правления императора Карла V.

Понимая, что рост влияния Мазаньелло на жителей Неаполя представлял угрозу его собственной власти, герцог д'Аркос с помощью доверенных лиц попытался подкупить его. Когда эта попытка не удалась, нобили 10 июля подослали наемного убийцу. Но Мазаньелло остался жив.

Успехи, достигнутые восставшими, рана, нанесенная Мазаньелло заговорщиками, согласие многих знатных граждан выполнять его приказы и прислать своих слуг и оружие способствовали росту его известности, что было использовано находившимся с ним в тесном контакте Дженоино. Он внушил Мазаньелло и его ближайшим соратникам мысль о сокрытии правительством старой Хартии, содержащей привилегии, дарованные народу Карлом V, и о необходимости ее признания вице-королем. По требованию Мазаньелло герцог д'Аркос приказал отыскать эти документы. Они были обнаружены среди бумаг, помещенных на хранение в один из неаполитанских монастырей, и торжественно доставлены в церковь дель Кармине, названную восставшими “резиденцией народа”.

Публичное чтение документов было поручено Дженоино, который при первом знакомстве с ними обнаружил, что “Привилегии” Фердинанда Католика и Карла V не содержат некоторых важных статей, о существовании которых он твердил на протяжении многих лет. Дженоино вынужден был импровизировать и при молчаливом согласии присутствовавшего в церкви кардинала прочитал свой собственный вариант найденных бумаг, что было одобрено Мазаньелло, заявившим собравшимся в церкви дель Кармине, что не все изначальные статьи входят в состав найденных документов — самые важные из них находятся среди бумаг, спрятанных в Испании, но они знакомы дону Дженоино, одному из сподвижников герцога д'Оссуна.

На следующий день, 12 июля, ссылаясь на найденные документы, Дженоино огласил в церкви дель Кармине проект договора о примирении, который предстояло представить вице-королю. Проект состоял из 23 статей, содержавших в себе в основном следующие требования: равное представительство народа и нобилей в городской джунте; отмена всех пошлин, введенных после Карла V; обязательство властей принимать лишь те решения, которые будут одобрены народом; изгнание с государственных постов всех, чьи дома были разрушены и сожжены; пресечение всех видов спекуляций съестными припасами; прощение всем участникам восстания. Непреложным доказательством незыблемости народных прав должны были стать мраморные монументы с высеченными на них статьями договора.

На следующий день проект договора был одобрен герцогом д'Аркосом и

заключено перемирие. Однако текст этого документа должен был получить окончательное утверждение в Мадриде.

Во время переговоров с вице-королем Мазаньелло заявил, что он действовал в интересах испанской короны и что свидетельством его преданности королю послужит миллион дукатов, которые он намеревается послать в Мадрид, не прибегая к сбору новых налогов. Со своей стороны герцог д'Аркуэ подарил Мазаньелло золотую цепь и согласился признать законным присвоенный им себе титул "главнокомандующего верноподданнейшего народа".

События 7—13 июля 1647 г. еще раз ясно показали, что недоверие и ненависть к нобилям и королевским чиновникам соседствовали в народном сознании со стойкой верой в справедливого могущественного монарха. Поэтому оказались неудачными первые попытки установить контакты как с восставшими, так и с той частью дворянства, которая была настроена враждебно по отношению к Испании, предпринятые герцогом Генрихом Гизом, кого Мазарини намеревался использовать в качестве проводника французской политики в Неаполе. Направленные Гизом из Рима агенты, а также добровольные посредники, способствовавшие их встречам с Дженоино и Мазаньелло, были обезглавлены по приказу последнего как бунтовщики, восставшие против короля и народа.

Огромная власть, оказавшаяся в руках Мазаньелло, стала для него тяжелым испытанием, которое ему не суждено было выдержать. Он окружил себя княжеской роскошью и с готовностью принимал приглашения вице-короля участвовать в дворцовых трапезах. С каждым днем все более росла его вера в свою миссию, все явственнее стали проявляться высокомерие (даже в отношениях с ближайшими помощниками) и пугавшая многих из них легкость, с которой главнокомандующий отдавал приказы, вызывавшие аресты и убийства.

Все это привело Мазаньелло к скорой гибели. 16 июля он был убит в монастыре дель Кармине. Он был объявлен изменником делу народа, останки его осквернены и брошены на одной из окраин Неаполя. И целый день неаполитанский плебс праздновал победу над врагами, к которым был причислен и недавно почитавшийся им Мазаньелло. Но уже назавтра настроение народа изменилось, к чему привело произошедшее в этот день сокращение на одну треть веса хлеба при сохранении прежней цены. Повсюду снова стало звучать имя Мазаньелло, его опять стали называть народным заступником. Опасаясь новых волнений, городские власти приказали торжественно захоронить его останки в церкви монастыря дель Кармине.

Смерть Мазаньелло нанесла первый удар революции, но не лишила ее политического руководителя. Истинная роль Дженоино не оставалась тайной как для вице-короля, так и для других участников и внимательных наблюдателей событий. Стремясь сохранить достигнутое после подписания соглашения о перемирии относительное равновесие сил, герцог д'Аркуэ назначил Дженоино первым президентом Налоговой палаты (Camera della Sommaria). Но с течением времени все больше начинали проявляться ограниченность политической программы Дженоино и его неспособность дать революции новый импульс.

Уже в июле стало очевидно, что восстание в столице вызвало новый взрыв антифеодальной борьбы, которая была характерной чертой социальной жизни провинций Южной Италии на протяжении первых десятилетий XVII в. Отказываясь признавать экономические, юридические и административные привилегии баронов, многие сельские коммуны Кампании, Базиликаты, Апулии, Абруцци и Калабрии требовали и добивались возврата захваченных у них общинных угодий, лесов и пастбищ и прекращали вносить поземельные платежи. Наилучшим выходом из всех затруднений, самым приемлемым путем освобождения от отвергаемой ими власти баронов крестьяне считали переход коммун в королевский домен, под непосредственное управление монарха, что не мешало им требовать отказа от введения новых государственных налогов, хотя следует отметить, что требования эти в потоке антифеодальной борьбы в

деревне “играли скорее подчиненную роль”⁷. Сельские коммуны проявляли неослабевавший интерес к развитию событий в столице, некоторые из них прислали на помощь участникам неаполитанского восстания свои вооруженные отряды. Первый из них, состоявший из жителей окружавших Неаполь деревень, прибыл сразу же после начала революции.

Дженоино и другие представители различных групп буржуазии и ремесленников, оказавшиеся во главе революции, принимали помощь сельских коммун, но не стремились взять на себя руководство движением в провинции и выдвинуть перед ним позитивные задачи.

Неспособность Дженоино и его окружения разработать новую программу, которая открыла бы перед восставшими более широкие перспективы и содействовала подлинному объединению всех повстанческих сил в столице и провинции, в первую очередь и предопределила их поражение. Кроме того, на развитие событий в Неаполе в значительной степени повлияло изменение международной обстановки.

Военные неудачи Испании во Фландрии, Каталонии и Португалии создали благоприятные условия для деятельности в Неаполе противников Филиппа IV, среди которых были не только проживавшие там французы, савойцы и пьемонтцы, но и не очень многочисленная, однако усилившая свою пропагандистскую деятельность прослойка местных дворян и представителей буржуазии, по различным причинам находившихся в оппозиции к испанской монархии.

Эти не связанные между собой группы и отдельные влиятельные лица направляли своих посланцев (выдававших себя за сторонников Дженоино и Мазаньелло) в Рим, к французскому послу Фонтане, пытаясь убедить его в необходимости военного вмешательства Франции, перед которой, по их мнению, открывались возможности нанести смертельный удар Испании. Руководствуясь инструкциями, полученными от Мазарини, Фонтане рекомендовал участникам восстания направить свои силы на освобождение от испанских солдат всех сохранившихся в их руках неаполитанских укрепленных замков. Он настаивал на том, что только окончательное изгнание испанцев послужит прочной гарантией выполнения всех требований неаполитанцев.

Успеху профранцузской пропаганды препятствовали, однако, власть и популярность Дженоино, отличавшегося непоколебимой преданностью испанской короне. Но многочисленные враги Дженоино использовали против него нараставшее недовольство участников восстания отсутствием известий об одобрении Филиппом IV условий перемирия и интуитивно ощущавшееся многими из них исчезновение перспективы развития движения. В конце концов Дженоино был обвинен в лицемерии и предательстве. Он избежал мучительной смерти, которой требовала и готовила ему разъяренная толпа городского плебса, только благодаря заступничеству вице-короля. Но 4 сентября он вынужден был покинуть Неаполь и удалиться в вечное изгнание.

Сразу же после отставки Дженоино представители разных групп участников восстания фактически принудили знатного дворянина дона Франческо Торальдо князя ди Масса принять титул и обязанности “главнокомандующего верноподданнейшего народа”. Ему пришлось столкнуться с новой волной народных волнений, которая была вызвана прибытием к неаполитанским берегам испанского флота во главе с доном Хуаном, внебрачным сыном Филиппа IV, назначенным им вице-адмиралом и главнокомандующим всех сухопутных сил, размещенных в Италии.

Несмотря на то что к осени 1647 г. отдельные выступления превратились во всеобщее восстание, охватившее большинство провинций, и крестьяне уже не раз оказывали помощь столице, новые руководители революции не могли

⁷ Бондарчук В.С. Указ. соч. С. 170.

решиться на полный разрыв с законной монархией, и испанские солдаты все еще занимали наиболее важные городские укрепления.

Нерешительность и бездействие князя ди Масса, угрозы дона Хуана начать бомбардировку Неаполя и распространившиеся обоснованные слухи о гневе короля Филиппа IV и его отказе принять условия восставших до предела накалили обстановку в столице. Советы кардинала Филомарино, старавшегося удержать вице-короля и дона Хуана от насильственных действий и с помощью уступок и уговоров заставить народ разоружиться, были отвергнуты.

4 октября начался и продолжался в течение нескольких дней артиллерийский обстрел Неаполя. Его вели орудия, расположенные на испанских судах и в городских замках-крепостях. Одновременно перешли в наступление отряды дворянского ополчения, прибывшие к стенам столицы из различных провинций Южной Италии. Однако эта попытка сломить сопротивление восставших закончилась для испанцев и их сторонников неудачей.

Участники обороны не были сломлены и проявили готовность к упорному сопротивлению. Улицы города покрылись траншеями и баррикадами. Успешно действовала находившаяся в распоряжении восставших артиллерия — она заставила отойти испанский флот к берегам столичного пригорода Байя. В то же время отряды городской милиции изгнали испанских солдат из одного из укрепленных пунктов столицы и захватили главную городскую тюрьму.

Такое развитие событий, а кроме того, реальная возможность столкнуться с бунтом собственных матросов, оборванных, голодных и долгое время не получавших никакой платы, побудили дона Хуана начать переговоры, пойти на уступки и заявить о прекращении военных действий и необходимости заключения соглашения.

Предложения испанцев были без колебаний и с радостью приняты роялистски настроенным командующим революционной армией князем ди Масса.

Временное равновесие было вновь нарушено в середине октября, когда стало известно о тайном обсуждении плана, разработанного некоторыми из руководителей восстания, в основном представителями городской буржуазии. План, предусматривавший отставку герцога д'Аркоса и передачу управления королевством дону Хуану, не был поддержан большинством восставших.

Стремления и надежды этого большинства отразил “Манифест верноподданнейшего народа”, который 17 октября был направлен папе, императору, королям и владетельным князьям всего христианского мира, он изобличал испанцев и просил у всех помощи в освободительной войне против Испании. Но авторы “Манифеста” были далеки от единства. Некоторые из них являлись сторонниками полной независимости Неаполитанского королевства. Ими был опубликован манифест под названием “Речь, обращенная к народу, чтобы побудить его к свободе”. Авторы “Речи...” старались убедить народ Неаполя, что достигнутый в середине октября мир, “вместо того чтобы стать спасительным лекарством”, превратился во “вредоносный яд”, и призывали его “изгнать врага из всех нор и пещер, в которые он скрылся и не страшиться тех, кто был изгнан из Голландии и Португалии”⁸.

Но силы сторонников независимости были невелики, и их пропаганда не имела серьезного успеха, о чем свидетельствует крах попытки добиться избрания королем Неаполя командующего повстанческой армией. Князя ди Масса страшила даже мысль об открывшейся для него возможности занять неаполитанский трон. Он отказался от командования, вступил в переговоры с доном Хуаном и тем самым способствовал успеху “французской партии”. 21 октября князь ди Масса был обвинен в предательстве и обезглавлен по приказу капитана Аннезе, ставшего на следующий день новым руководителем восстания.

⁸ Schipa M. Op. cit. P. 134.

Дженнаро Аннезе, бывший “мастер по выделке щетины”, не обладал обаянием и умом, присущими первому народному вождю Мазаньелло. Возвышение Аннезе, человека весьма ограниченных способностей и низкой культуры, движимого лишь неумолимой жаждой власти и богатства, которые он добывал, не выбирая средств, означало новое поражение восстания.

Одним из первых актов нового правительства стало “провозглашение республики”, что, однако, вовсе не означало перехода на новый, более высокий этап восстания. Аннезе и его помощники не сходились в толковании этой новой для Южной Италии формы власти. Наиболее радикальными являлись идеи, которые развивал Винченцо д’Андреа, выходец из скромной буржуазной семьи, занимавший пост генерального интенданта и пользовавшийся благодаря бурной энергии и честности большой популярностью в Неаполе. Д’Андреа предлагал в качестве образца для подражания Голландскую республику и считал, что только государство такого типа способно сблизить провинцию и столицу и положить тем самым конец испанскому господству. Маркантонио Бранкаччио (глава Военного совета) утверждал, что для неаполитанского королевства предпочтительнее преобразование в республику типа Венецианской и Генуэзской, а в качестве наилучшего средства для скорого достижения цели предлагал призвать на помощь правительству герцога Гиза. Для Аннезе и его ближайшего соратника дель Ферро республика была лишь одной из форм прямой передачи власти в руки французов.

Отсутствие у многих из новых руководителей восстания понимания истинной сущности республики как особой формы власти подтверждают даже названия, которые она получила в Неаполе на протяжении недолгого своего существования: Королевская неаполитанская республика, Верноподданнейшая республиканская монархия, Верноподданнейшая республика неаполитанского королевства.

24 октября, отказавшись от дальнейшего обсуждения различных образцов республиканского строя, новые руководители восстания направили письма Людовику XIV и герцогу Гизу, в которых от имени народа просили их покровительства и помощи.

В декабре прибывший в Неаполь герцог Гиз был назначен главнокомандующим армией, а затем провозглашен дожем республики. Он сумел осуществить реорганизацию повстанческих войск и повысить их дисциплину и боеспособность. Именно в этот период крестьянские отряды, насчитывавшие до 4—6 тыс. человек, неоднократно одерживали победы над дворянским ополчением.

Однако в целом война против испанцев носила оборонительный характер, что определялось раздорами между вождями революции, их неспособностью подойти к решению выдвинутых новыми условиями экономических и политических проблем, а также фактическим отказом Франции оказать новой республике эффективную военную помощь.

В апреле 1648 г. сопротивление неаполитанской республики было сломлено и в столицу вошли испанские войска.

Как же следует определить сущность неаполитанских событий 1647—1648 гг.? Поиски ответа на этот вопрос еще не закончены. Они предполагают дальнейшую тщательную разработку многих важнейших проблем экономического и социального развития Южной Италии.

Современное состояние историографии позволяет с уверенностью говорить о подъеме в этот период на Юге Италии антифеодального крестьянского движения. Однако, в сущности, нет никаких весомых доказательств, что оно имело подлинные продуктивные связи с городским восстанием. Несомненно, что отсутствие таких связей наряду с другими упоминавшимися выше факторами является показателем его недостаточной политической глубины, что объяснялось слабым развитием новой силы — различных групп буржуазии.

Глава 5

ВОССТАНИЯ КОНЦА 40-х ГОДОВ XVII ВЕКА В РОССИИ

Начало правления царя Алексея Михайловича (1645—1676) привело к некоторым перестановкам в российских правящих “верхах”. На молодого монарха почти неограниченное влияние оказывал его воспитатель (“дядька”) боярин Борис Иванович Морозов. О нем отзывались нелестно в том смысле, что любимец царя был человеком, одержимым духом стяжательства. По словам одного современника событий — иностранца, у Морозова жажда золота была “как обыкновенная жажда пить”. Энергичный и властный, он тотчас воспользовался всеми рычагами доверенного ему государственного управления в целях обогащения. За короткое время он превратился в одного из самых состоятельных феодалов, в руки которого перешли огромные земельные владения, тысячи дворов и крепостных крестьян. Чтобы утвердить свое положение при дворе, Морозов породнился с царем, женившись на свояченице Алексея Михайловича. Вместе с Морозовым выдвинулся и тесть царя Иван Данилович Милославский. Новые фавориты постарались пристроить на выгодные правительственные должности своих людей. В течение 1646—1647 гг. было заменено большинство начальников приказов.

Лихоимство и продажность приказного аппарата первых лет нового царствования приняли огромные размеры, получили широкую огласку в стране. Изощренным вымогательством прославился глава Земского приказа, ведавшего Москвой, Л.С. Плещеев. Другой ставленник Б.И. Морозова — П.Т. Траханиотов, судья Пушкарского приказа, произвольно и не без корысти сокращал жалованье подведомственным людям. Сам Морозов, ведавший стрельцами, действовал сходным образом.

Недовольство выражали как столичные, так и провинциальные дворяне. Они требовали устранения “неправедных судей”, докучали правительству челобитьями об отмене ограничения сыска беглых крестьян и холопов. Еще больше оснований для самого решительного протеста имели трудящиеся города и деревни, на которых все сильнее давил феодально-крепостнический гнет. Положение народа резко ухудшилось с 1646 г.

В феврале 1646 г. последовал царский указ о введении повышенных пошлин на соль. Изыскивая возможность пополнения государственной казны, придворные финансисты разработали, казалось бы, хитроумный план. С каждого пуда продаваемой соли предписывалось взыскивать в казну по две гривны. Инициаторы реформы рассуждали, что это нововведение способно так пополнить казну, что не потребуется взыскивать с населения основные прямые налоги — стрелецкие и ямские деньги. Широковещательно объявлялось, что соляная пошлина “всем будет равна и в избылых никто не будет и лишнего платить не станет”. Во главе этого дела были поставлены Б.И. Морозов и дьяк Назарий Чистый, вчерашний крупный торговец.

Осуществление нового финансового эксперимента выявило его полную несостоятельность. Население страны резко сократило закупки соли вследствие ее дороговизны. Вместо пополнения казны произошло катастрофическое падение государственных доходов. Тогда правительство всполошилось и вернулось к прежним порядкам налогообложения. С тяглых людей в начале 1648 г. было указано взыскать стрелецкие и ямские деньги сразу за три года (1646—1648). Власти не отказались от взыскания недоимок за минувшие годы по всем другим налогам. В результате сложилась экстраординарная обстановка. На жителей государства обрушился шквал денежных поборов, которые осуществлялись нередко с применением грубой силы (правежа). Многие города и уезды приходили в разорение, население их разбредалось “розно”. В Москву со всех

концов страны стекались челобитчики с жалобами на бедственное положение народа. Это переполнило чашу терпения. Социальный взрыв назрел.

Признаки нарастающего протеста обнаружились в разных местах, в частности на юге. В Ельце восстание началось еще в 1646 г. В Тотьме жители изгнали сборщиков недоимок и стрелецкую команду при них. Новоприбывшие в войско стали разбегаться из полков. Но самые грозные события разразились в 1648 г. Их кульминацией стало восстание в Москве.

Посадские люди Москвы (как и многих других городов) давно добивались от правительства перевода в тягло “беломестцев”, т.е. освобожденных от государственных повинностей жителей во владениях и дворах светских и духовных феодалов на территории городов. Накаленная обстановка ускорила открытое выступление “черных людей” столицы. К лету 1648 г. скопилось множество иногородних искателей правды в приказах, съехались провинциальные дворяне по служебным и судебным делам.

Открытому выступлению предшествовали многолюдные сходки у московских церквей во время богослужения. На этих сходках созрело решение обратиться к царю с челобитьем о народных нуждах и жалобой на “неправедных судей”.

1 июня 1648 г., когда царь и царица возвращались с богомолья из Троице-Сергиевского монастыря, от толпы, встретившей кортеж, отделилась группа людей, пытавшихся передать челобитье в руки Алексея Михайловича. Но оно не было принято, а охрана разогнала толпу, были произведены аресты. Это создало в городе самое отрицательное впечатление и усилило брожение.

На следующий день царь участвовал в традиционном крестном ходе из Кремля в Сретенский монастырь. Во время церемонии к нему двинулась группа посадских и служилых людей с челобитной. Из толпы раздавались требования о выдаче народу Плещеева и освобождении задержанных накануне челобитчиков. Противодействие окружавших царя бояр и приказных людей вызвало бунт, бурный протест. Следуя за царской свитой, возвращавшейся из монастыря, многотысячная толпа ворвалась в Кремль. Чтобы усмирить поднявшийся народ, Б.И. Морозов приказал стрелецким полкам прибыть в Кремль. Однако стрельцы отказались повиноваться, заявив, что присягали царю, а “сражаться за бояр против простого народа они не хотят”. Более того, стрельцы выказали готовность оказать помощь восставшим. Только личная стрелецкая гвардия царя в то время осталась верной правительству. Но ее сил было явно недостаточно, чтобы справиться с “чернью”.

Для переговоров с восставшими вышли бояре, но их попросту прогнали, не желая иметь с ними дело. Порядком испуганный Алексей Михайлович был вынужден сам появиться перед народом и выслушать его требования. Держа в руках икону, царь стал уговаривать восставших, “чтобы им от шуму перестать”. Однако “шум” все более нарастал. По городу пошли погромы дворов Морозова, Плещеева, Траханиотова, родственника царя Н.И. Романова, а также богатых купцов. Характерной чертой этих действий был ясно выраженный их социальный смысл. Так, разгром двора ненавистного Морозова сопровождался не расхищением награбленных им у народа богатств, а их уничтожением. Восставшие ничего не разрешали уносить с собой. При этом раздавались возгласы: “То наша кровь”, а имущество уничтожалось. Драгоценные камни дробили до состояния порошка, затаптывая в землю; ломали золотые и серебряные вещи, рубили дорогие предметы. Очевидцы уверяли, что во дворе Морозова повстанцы даже гвоздя в стенах не оставили. Обрушившись на двор Н. Чистого, они отыскивали перетрусившего хозяина, пытавшегося укрыться под грудой банных веников, и расправились с ним.

Случилось так, что социальная буря тогда соединилась со стихийным бедствием, столь обычным в городах того времени. 3 июня в Москве вспыхнул большой пожар. В народе говорили, что виновниками его были слуги Морозова, по наущению своего господина совершавшие поджоги, чтобы отвлечь внимание

восставших. Пожар уничтожил тысячи домов, повлек большие человеческие жертвы. Сгорели хлебные запасы на казенном Житном дворе.

На Красной площади вновь забушевало людское море. Народ осаждал кремлевские палаты, требуя немедленного наказания Морозова, Плещеева и Траханиотова. Положение правительства оказалось критическим. Оно потеряло контроль над городом, будучи бессильно что-либо предпринять против восставших. Царь пошел на уступки. Плещеев был выдан и тут же казнен восставшими на Красной площади. Но другие вельможи выданы не были. Это не удовлетворило повстанцев.

4 июня восставшие опять подступили к царской резиденции с требованием выдачи Морозова и Траханиотова на расправу. Правительство пыталось спасти Траханиотова, отправив его на воеводство в Устюжну Железопольскую. Но под давлением народа царь вернул его с дороги и распорядился передать в руки восставших. Траханиотова казнили на Лобном месте. Хотел скрыться и Морозов, но его опознали ямщики, и он едва избег участи Плещеева и Траханиотова. Убежищем ненавистного народу временщика стали царские покои.

На следующий день восстание продолжалось и достигло высшей точки. Повстанцы упорно добивались передачи в их руки Б.И. Морозова. Царь вновь появился перед возмущившимся народом и со слезами на глазах стал упрашивать, чтобы Морозову сохранили жизнь. Он обещал, что отстранит боярина от управления государственными делами и вышлет из Москвы. Восставшие поверили царю, и жизнь Морозова, висевшая на волоске, оказалась спасенной.

Перед лицом грозной народной стихии правящие верхи принимают лихорадочные меры. Чтобы удержать на своей стороне находившихся в Москве провинциальных дворян, правительство пообещало им новые земельные пожалования и прибавку денежных окладов. Царица посылала подарки, всячески задабривала “чернь”. Боярин И.Д. Милославский устраивал встречи со “знатнейшими гражданами” Москвы, заигрывал с верхушкой московского посада. Патриарх и духовенство также стремились всячески воздействовать на “православных”, призывая к “умиротворению”.

Задержка высылки Морозова грозила новой вспышкой волнений. Поэтому царь, скрепя сердце, под охраной отправил своего любимца в Кирилло-Белозерский монастырь. Власти монастыря получили личное послание Алексея Михайловича, в котором он просил позаботиться о безопасности боярина за монастырскими стенами, суля не забыть эти услуги. Согласно современному событиям свидетельству, как только несколько улеглось возмущение народа в начале июня 1648 г., царь распорядился тайно снабдить боярские дворы мушкетами на случай возобновления восстания.

Одновременно власти начали аресты и высылку отдельных участников восстания под всякими благовидными предлогами (якобы за недозволенное держание табака, игру в карты и кости и т.д.). Открыто принимать репрессивные меры опасались, так как обстановка оставалась напряженной.

10 июня 1648 г. состоялось совещание провинциальных служилых людей с торговой верхушкой (гостями, членами гостиной и суконной сотен). Участники совещания потребовали у царя созыва Земского собора, на что тотчас получили согласие. Но прежде чем осветить дальнейшее развитие событий, важно остановиться на вопросе о движущих силах восстания 1648 г. в Москве, на характере выдвинутых его участниками требований.

Изучение разнообразных документальных свидетельств, отражающих ход восстания, позволяет поддержать бытующее в специальной литературе мнение, что главной силой движения был простой люд города Москвы. На этот счет довольно единодушно высказываются отечественные и иностранные источники, современные событиям.

Вернувшиеся в Томск из столицы служилые люди рассказали о московских

вестях своим согражданам так: "... на Москве чернь стала в скопе и бояр побили"¹.

Почти в тех же словах о восстании сообщила "Летопись о многих мятежах": "... бысть волнение, а воссташа чернь на бояр". Ей вторил "Новый летописец": "Посадские и всякие черные люди скопом на дворец с великим невежеством" приходили к царю и обратились к нему "с жестоким челобитьем". Хронограф оценил московские события июня 1648 г. в определенно официальном духе: "... возмyotaшася народи по действу диаволу и пограбиша многие боярские и окольничьих и ближних и думных и дьячьи и гостиные дворы". Церковное сочинение того времени поведало: "Чернии люди яко без ума восшаташася и взволновавшеся, пограбивше дома многих бояр; иных же честных людей и побиша"². Один из дворян в челобитной той поры поименовал московские события как "смутное время черных людей"³.

Сколь-нибудь активное участие провинциального дворянства в восстании весьма сомнительно. Судя по их челобитным, они "в смутное время были у тебя, государя, вверху (т.е. во дворце. — *Авт.*). Твоего государева здоровья оберегали"⁴. Но, воспользовавшись фактическим бессилием правительства в этот момент, дворяне не приминули извлечь из этого выгоду, подталкивая царя на расширение их привилегий. Народное требование устранения "неправедных судей" их также устраивало. Внутренние противоречия в стане феодалов имели определенное значение. Правда, есть упоминание, что к "черным людям" "присташа служилые люди"⁵. Участие стрельцов в восстании отмечено в документах.

К движению примкнула часть холопов. По некоторым свидетельствам, их массовое выступление в Москве относится к концу июня 1648 г., когда схлынула волна восстания. Отзвуком горячей поры июня 1648 г., ее идейно-психологическим отражением и своеобразной программой послужили те коллективные челобитные, которые народ пытался вручить царю. В распоряжении исследователей имеются два очень близких по содержанию документа, по видимому восходящие к упомянутым челобитным. Обращение к ним помогает реконструировать те требования и чаяния, которые исходили от восставших.

Шведский резидент Поммеренинг, находясь тогда в Москве, раздобыл, как он полагал, "челобитную простого народа в России, поданную великому князю 2 июня 1648 г.". Документ был переведен на шведский язык и в таком виде сохранился. Его обратный перевод на русский, теряя колорит, тем не менее передает существо изложенных в челобитье требований. Документ составлен от имени "всяких чинов людей и всего простого народа". Он призывает царя привлечь к ответу лихоимцев. Это они, "властолюбивые и нарушители крестоцелования, простого народа мучители и кровопийцы наши и наши губители, всей страны властвующие, нас всеми способами мучат, насилья и неправды чинят". Составители челобитной напомнили, что еще при Михаиле Федоровиче (1613—1645) было намечено расследование обид, причиняемых народу. Но возглавлявшие комиссию И.Б. Черкасский, Ф.И. Шереметев и Б.И. Морозов не дали хода этому делу, так как они "не меньше, чем другие, были участниками в этом безобразии". Мздоимцы из приказов, дьяки и подьячие грабят народ и строят себе дома, неподобающие их чину, собирая "груды сокровищ". Но и этим не ограничивается зло в государстве. Челобитчики прямо связывают сложившуюся ситуацию с противостоянием царя и его подданных. Притеснители "твое царское величество против народа, а народ против твоего царского величества возбудили". Вследствие этого в Москве и других городах и

¹ Городские восстания в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1935. С. 82—83.

² Там же. С. 77—81.

³ Зерцалов А.Н. О мятежах в городе Москве и селе Коломенском в 1648, 1662 и 1771 гг. М., 1890. С. 25.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Городские восстания... С. 78.

уездах “большая буря подымается”. В документе недвусмысленно дается понять, что дело идет к такой же “смуте”, которая разразилась в начале XVII в., как выражение “божьего гнева” на процветание беззакония.

Авторы документа были знакомы с историей других государств и пытались убедить царя примерами из прошлого, в частности Византии. В челобитной говорится, что император Юстиниан издал закон о прекращении “неправд” на почве “притеснения бедных”, чем отвел “божий гнев” от своей страны. Призывая монарха последовать этому мудрому образцу, челобитная требует немедленного ответа и принятия неотложных мер: “... откладывание и отсрочка здесь ни к чему не приведут и могут причинить твоему царскому величеству большое затруднение и тяготы”.

Составители петиции рекомендуют царю поставить перед правящими лицами два вопроса: 1) какая причина, что многие города запустели? 2) кто притесняет народ и позволяет себе подкупы, взятки, лихоимство? Вернувшись к теме о положении населения России, документ подчеркивает, что “среди всех черных людей слышится возмущение и мятеж от неправд”. Челобитчики видят выход из положения в том, чтобы “неправедных судей искоренить, неразумных сменить”, вместо них выбрать справедливых, ответственных перед царем.

Но исправление системы управления и назначение на должности, полагают авторы, столь необходимы, что позиция царя не может быть в данном случае решающей. Челобитчики предусмотрели и такую ситуацию, когда венценосец не согласится с ними и все останется по-прежнему. “А если нет, — значит далее в документе, — тогда твое царское величество должен указать всяким людям самим всех служащих и судей назначать своими собственными средствами”. Это снимет с царя и бояр тяготы управления. Идея выборности чиновников при сохранении монархии в качестве формы государства прозвучала здесь достаточно ясно. Но царская власть, согласно смыслу челобитья, ограничивается, а высшим феодалам предусматривается возможность больше заниматься домашними делами, т.е. хозяйством.

Яркое своеобразие этого документа свидетельствует, что он представляет собой не столько челобитную-жалобу, сколько публицистическое произведение на злобу дня, ходившее по рукам. Здесь усилена и углублена критика правительства, которой оно подвергалось на Земском соборе 1642 г.

Восстание 1648 г. в Москве вызвало к жизни другой памфлет, в котором развиваются сходные идеи. Источник написан на русском языке и сохранился в фондах Госархива Эстонии в Тарту. Достоинство особого внимания, что этот текст в еще более недвусмысленной форме ставит вопрос о возможности фактического устранения царя от управления государством, оставляя ему “ведати о своем царском венце”. Новым в сопоставлении со шведским экземпляром челобитной является то, что перед царем выдвигается требование созвать Земский собор и на нем рассмотреть жалобы на существующие порядки.

Вести о московском восстании быстро достигли разных уголков страны, и там прошли вооруженные выступления. Посадские люди Сольвычегодска уже 22 июня по вестям из Москвы отказались от уплаты податей. Разнеслись слухи, что деньги собирали “на изменника Бориса Морозова”. В осаде оказался местный воевода.

В Великом Устюге вести о “смятении черных людей” в Москве и о волнениях в Сольвычегодске дали толчок бурному выступлению посадского и крестьянского населения, в ходе которого беднота направила свои действия и против богатеев. Как и в Москве, царская администрация оказалась отстраненной от власти и фактически изолированной. Лишь с помощью присланного из столицы стрелецкого отряда восстание было подавлено, а его зачинщики казнены.

Главными действующими лицами восстаний 1648 г. в южных городах были казаки, стрельцы и другие мелкие служилые люди “по прибору”. Восстания

вспыхнули в Козлове, Воронеже и других пунктах. В Курске приборные служилые люди и крестьяне уезда захватили воеводскую канцелярию. Воевода укрылся в церкви, а ненавидимый стрелецкий голова был убит. Среди участников восстания возникло намерение уничтожить не только воевод, но также “дворян и лучших мужиков богатых”. И здесь потребовались правительству дополнительные военные силы для подавления движения. Угрожающий характер имели волнения 1648 г. в Томске и других городах Сибири.

Можно понять, почему патриарх Иосиф в августе 1648 г. обратился к пастве всего государства с посланием, где писал: “В нынешнем во 156 году июня во 2 день учинилась на Москве и по городам междоусобная брань и поныне по городам мятеж”. Не умолчал патриарх и о том, что социальные потрясения сопровождались “хлебным недородом и скотским падежом”. Иосиф призывал к прекращению “междоусобной брани” среди православных, рекомендовал усиленно молиться “о вселенском устроении” и в течение этих двух недель соблюдать пост.

Разумеется, власть имущих не могла ограничиться мерами, предложенными патриархом. Земные дела должен был решать созванный в спешном порядке Земский собор. В то же время правительство для разрядки обстановки убрало со сцены наиболее одиозные фигуры из окружения Б.И. Морозова. Их разослали на воеводские должности в различные города. Вернулись к власти недруги царского “дядьки” — Н.И. Романов и Я.К. Черкасский. Земельные владения казенных восставшими Плещеева и Траханиотова были конфискованы и распределены между беспоместными и мелкопоместными дворянами. Приостановили взыскание недоимок, удовлетворили отдельные просьбы челобитчиков.

Что же касается созванного 16 июля 1648 г. Земского собора, то он вынес решение о разработке нового кодекса законов, который надлежало рассмотреть на специальном Земском соборе с более широким представительством. Проект “Уложения” было поручено составить комиссии во главе с князем Н.И. Одоевским.

Выборы на новый собор в ряде местностей сопровождались острыми столкновениями различных социальных групп.

Земский собор открылся в начале сентября 1648 г. и заседал до конца января 1649 г. Число его участников приближалось к 350, из них 316 человек подписали “Уложение”. В состав собора входило 14 представителей высшего духовенства, 40 — от бояр, столичных дворян и приказных дьяков, 153 — от провинциального дворянства, 3 — от гостей, 12 — от московских посадских сотен и слобод, 15 — от московских стрелецких полков, 79 выборных представляли посадское население других городов. На соборе не было представителей крестьянства, не было также выборных от Сибири и из района Нижней Волги. Характерной чертой собора было преобладание на нем провинции. Собор делился на две палаты. Нижняя палата объединяла “земских людей” — депутатов от городов и рядового дворянства, верхнюю составляли царь, патриарх с “освященным собором” (высшими иерархами), Боярская дума.

Основная задача, которую решал собор, состояла в обсуждении и редактировании нового законодательства — “Уложения”. Главным средством воздействия на выработку “Уложения” в своих интересах депутаты от дворянства и посадских считали коллективные челобитные. Время заседаний собора отнюдь не было временем общественного успокоения. Социальное брожение, столкновение интересов — все это как в фокусе отражалось на деятельности собора.

Одним из самых решительных моментов было 30 октября 1648 г. В этот день правительство получило челобитные от дворян, представителей торговых корпораций вместе с “черными” посадскими людьми. Речь в этих петициях шла о ликвидации в городах беломестных слобод. Дворяне упрекали правительство в том, что оно допускало переход на посады помещичьих крестьян, утверждая, будто ранее такого порядка не было “и мятежу такова и междоусобия не бывало ж”.

Дворяне видели зло в притоке на посады крепостных крестьян. Представители посадов со своей стороны жаловались, что беломестные слободы вносят смутение в торги и промыслы, отягощают положение тех, кто со своих занятий вынужден платить налоги, тогда как беломестные тягла не тянут. В пункте о судьбе беломестных дворов требования дворянства и посадов совпадали, и это возымело действие. По докладу Н.И. Одоевского царь приказал зачислить в городское тягло население беломестных слобод. Этим шагом правительство решило в принципе провести “посадское строение”, осуществление которого приходится на 1649—1652 гг.

Представители дворянства и городов усиленно добивались также секуляризации церковных земель. За счет конфискуемого земельного фонда церковных феодалов рекомендовалось обеспечить дворянскую мелкоту. Но центральная власть затормозила решение этого вопроса, не считая возможным в напряженной обстановке тех месяцев ущемлять интересы церкви. Ей уже был нанесен ощутимый урон отпиской тягло-беломестных городских слобод. Дворянство же было удовлетворено щедрым денежным жалованием. Получили двойной денежный оклад стрельцы. Кроме того, в процессе подготовки “Уложения” издаются царские указы о разрешении обмена поместий на “кормовые деньги”, детям боярским “украинных” городов дозволено раздавать во владение “порозжие” земли и “из диких поль”. В интересах широких слоев дворянства издается указ о раздаче оброчных земель, с которых в казну поступает оброк не более 3 руб. в год. Им даже обещано преимущество перед крупнопоместными феодалами, они получают земли в первую очередь. Правительство стремится укрепить и расширить свою социальную опору.

“Уложение” было утверждено Земским собором 29 января 1649 г. Оно отвечало интересам прежде всего дворянства и верхушки торгово-промышленного населения посадов. Новый закон в оперативном порядке был напечатан и разослан по стране.

Новое законодательство не разрешало да и не могло разрешить социальные проблемы. Введение крепостного права предельно обострило классовые противоречия и таило в себе источник грозных общественных движений народа. Вместе с тем удовлетворение основных требований дворянства и городской верхушки позволило царскому правительству как-то сгладить ситуацию.

О том, что в Москве и начало 1649 г. было беспокойным, говорят факты крамольных речей, за которые жестоко поплатились их произносившие. Как раз в день принятия “Уложения” “урезали язык” стрельцу Андрею Ларионову за распространение слухов насчет того, что “быть замятне в крещение”, а стрельцам придется “мужиков побивать”. О возможности подобного течения событий свидетельствовало и дело по обвинению крестьянина Саввы Корепина. Нелестно отозвавшись о царе (“черт-де у него ум отнял”), Корепин грозил привлечь к новому выступлению “ярыжек... от тех-де и почин будет”. В споре с неким калужским дворянином он заявил в ответ на угрозу последнего расправиться с “мужиками”: “Мы-де вас всех из изб побьем из пицалей, а холопи-де ваши с нами ж будут”. Померенинг доносил шведской королеве, что в конце января 1649 г. в Москве двоим отрубили головы и двоим вырезали язык за предсказание еще более сильного “бунта”, нежели летом 1648 г. Он же сообщал в апреле, что “народ очень ропщет” и “волнения не утихают”⁶.

Если эти предположения не сбылись в ближайшее время в Москве, то иначе дело обстояло для других районов государства. В 1650 г. вспыхнули восстания в крупных городских центрах страны — в Новгороде и Пскове. В этих движениях отчетливее, чем в предыдущих народных выступлениях против угнетателей, проявились черты совместных действий городского люда и крестьянства.

⁶ Там, же. С. 45, 85—87.

В псковской округе 1649—1650 годы выдались неурожайными. Не считаясь с этим, правительство поручило псковскому богатому купцу Ф. Емельянову произвести на местном рынке закупки хлеба. Эта мера была вызвана тем, что Россия по договору со Швецией обязалась поставить ей большие партии хлеба в качестве компенсации за переход на русскую территорию населения из пограничных шведских областей, уступленных Россией по Столбовскому миру 1617 г. Емельянов, известный псковичам по махинациям во время сбора соляного налога, рьяно взялся за дело, сулившее ему немалые выгоды. Хлебные цены на рынке поднялись как на дрожжах, что в первую очередь ударило по “беспашотной посадской бедноте”, вынужденной обращаться к покупному хлебу.

26 февраля 1650 г. “посадские и всяких чинов многие люди” пришли на двор псковского воеводы Н.С. Собакина с просьбой задержать передачу хлеба шведской стороне. Они говорили, что “псковичам хлеба купить стало негде”. Воевода оставил просьбу без ответа. На следующий день жители города обратились к архиепископу Макарию, чтобы тот поддержал их и урезонил воеводу. Духовный пастырь, не слишком желая разбираться в этом деле, послал за воеводой, тот явился и повел себя крайне вызывающе, обозвал челобитчиков “кликунами” и приказал переписать имена некоторых из них и сообщить в Москву. “Лучшие” люди испугались угроз и покинули покои Макария, обвиняя стоявшую на улице толпу “в шуме”. Однако события вышли из-под контроля городской верхушки.

На площади у соборной церкви скопилось множество горожан. Они решительно заявили воеводе, что не позволят вывоза хлеба из Пскова. Собакин на сей раз уступил. Но Псков продолжал бурлить даже ночью. Группы вооруженных псковичей по 20—50 и более человек ходили по городу.

28 февраля народ стал сходиться на площадь для составления челобитной царю. В это время в Пскове появился Нумменс — уполномоченный шведского правительства по приему хлеба. Еще до его приезда в Псков стало известно об этом визите. Молва связывала появление Нумменса с тайными переговорами изменников-бояр со шведами. Посланца Швеции толпа задержала, у него отобрали деньги, предназначенные для покупки хлеба, и различные документы. Все изъятые у Нумменса сложили в земской избе, опечатали и поставили караул. Одновременно восставшие ринулись к Ф. Емельянову, его двор был разграблен, хозяин успел скрыться. Царскую грамоту, которая была у Емельянова, забрали и огласили на сходке горожан.

Светские и духовные власти пытались погасить восстание, воздействуя на религиозные чувства псковичей. Макарий с иконой в руках в сопровождении других священнослужителей, воеводы и дьяков вышел на площадь и стал уговаривать народ, но тщетно. И на следующий день архиепископ во время церковной службы обращался к согражданам с призывом отпустить Нумменса, прекратить неповиновение — опять-таки безрезультатно.

После 1 марта в городе создалось как бы “двоевластие”. Воевода Собакин фактически оказался не у дел, его власть была скорее символической. Отписки в Москву он должен был отправлять украдкой, “чтобы из тех людей, которые тот гиль завели и смуту учинили, никто не ведал”. Фактически хозяином положения в городе, его настоящей властью стала “всегородная изба” — орган мирского управления. Город разделился на два лагеря — в одном верхи и богатеи, в другом рядовая масса, беднота. Воевода оценил положение вполне определенно. По его мнению, в восстании участвовали “посадские люди и стрельцы, и казаки... и всякие... черные люди... опроче псковичь лутчих посадких и прожиточных людей”. Противниками восстания являлись дворяне, командиры стрелецких частей, большая часть духовенства.

Социальное размежевание в мятежном Пскове выражалось и чисто внешне. На собраниях народа “лучшие” люди стояли “в особых толпах”. Под покровом этого бездействия зрели заговоры против повстанцев. Но пока слишком явным

был перевес “молодых” людей. Именно из их среды выдвинулись руководители движения, непримиримые борцы против угнетателей. Но пока в городе наступило некоторое затишье.

Во враждебных восстанию кругах созрела идея отправить в Москву челобитчиков. Знаменитый впоследствии А.Л. Ордин-Нащокин был в их числе. Позже он выехал в Москву, чтобы “объявить государю про псковский мятеж и бунтованье и отчего и какими обычаями то дурно учинилось”.

Едва правительство получило вести о восстании в Пскове, как поступили тревожные сообщения из Новгорода. Там в середине марта также разразился “мятеж”. Ход событий здесь очень напоминает то, что произошло во Пскове. В Новгороде также резко обозначился антагонизм между “лучшими” и “молодыми” людьми. Он вырвался наружу во время выборов на Земский собор 1648 — января 1649 г., когда каждая из партий отстаивала своих кандидатов. Известия о восстании псковичей ускорили открытое выступление в Новгороде против царской администрации и воротил торгового мира Стояновых. Эти последние весьма мало считались с воеводой. Ограничения во внутригородской торговле хлебом вызвали опасение новгородцев, что у них также возникнут трудности на почве закупок для Швеции. К тому же упорно поговаривали о возможности шведского вторжения. Когда же новгородский воевода Ф.А. Хилков в марте 1650 г. арестовал псковских челобитчиков, направлявшихся в Москву, жители Новгорода вышли из повиновения царским властям. Восставшие направились на шведский двор и арестовали агента по хлебным закупкам Эршвиллера. Инициатором выступлений был сапожник Елисей Лисица, который ходил по городской площади и кричал, что гость Семен Стоянов провозит за рубеж хлеб и мясо, а немцы “везут с Москвы многую денежную казну”. На площади собралась большая толпа и двинулась в Каменный город, опрокинула караулы, и зазвучал набатный колокол. К посадским присоединились стрельцы новгородского гарнизона. Воевода укрылся на дворе митрополита Никона (будущего патриарха). Стояновы, находившиеся в родственных связях с псковскими купцами Емельяновыми, испытали вместе со своими приспешниками немалую “кручину”: восставшие разгромили их дворы. Пытавшегося скрыться С. Стоянова изловили и арестовали. Власть в Новгороде перешла к земской избе.

В отличие от псковского восстания в Новгороде большую, почти решающую роль играли стрельцы. Как и во Пскове, новгородские дворяне заняли враждебную позицию. Верхи посада также не желали поддерживать движение, а во время его подавления открыто перешли на сторону правительства. Митрополит Никон предал проклятию руководителей восстания, за что его новгородцы основательно поколотили.

На подавление восстания в Новгороде правительство послало войска под командованием князя И.Н. Хованского. Царский военачальник пообещал новгородским стрельцам полное помилование, если они прекратят мятеж и впустят его в город. Посадская и стрелецкая верхушка искала соглашения с правительством. Менее чем через месяц после начала восстания войска Хованского вступили в Новгород. Своих обещаний князь не сдержал, последовали аресты, затем казни.

Поражение восстания в Новгороде не только не привело к спаду движения в Пскове, но, напротив, вызвало там бурное развитие событий. Уже первые вести о выступлении новгородцев нашли живой отклик у псковичей. Произошли серьезные перемены в составе повстанческого руководства. Верх взяли более решительно настроенные “молодые” люди, которых возглавили вновь избранные земские старосты Гаврила Демидов и Михаил Мошницын. Правительство, чтобы восстановить власть царской администрации в городе и уезде, решило заменить воеводу Собакина князем В.П. Львовым. Собакин и сам был не прочь покинуть мятежный город, но восставшие не позволили ему выехать из Пскова. Его рассматривали как заложника на случай, если бы в

Москве что-либо случилось с посланными туда псковскими челобитчиками. Затем был низложен и новый воевода. Его принудили передать городские ключи земским старостам. Псков всецело стал управляться повстанческим органом.

Псковичи, прибывшие в Москву с челобитьем от “всего города”, задали правительству нелегкую задачу. Царский фаворит Б.И. Морозов, к тому времени опять занявший главенствующее положение в правительстве, не спешил с репрессивными мерами по отношению к псковским ходатаям, тем более что челобитная содержала довольно умеренные требования. Но один пункт последних, содержащий намек на выборность административных должностей и перекликавшийся с челобитными московского восстания 1648 г., вызвал самое решительное возражение центральной власти: “Николи не бывало, что мужикам з бояры... и воеводы у росправных дел бытъ и вперед того не будет”. Ответная царская грамота призывала псковичей принести повинную.

Но в Москве не слишком полагались на уговоры. Одновременно в Псков была направлена карательная экспедиция во главе с душителем народного новгородского восстания Хованским. Его отряд, усиленный солдатами из полков “нового строя” и казаками, в конце мая подступил к городу. Псковичи готовили ему отпор. Взять штурмом хорошо укрепленный и вооруженный город Хованский не смог.

За три месяца осады Хованский понес значительные потери. Но главная опасность для карателей состояла в том, что псковичей в их борьбе поддерживали крестьяне уезда и других районов. Они выражали открытое сочувствие восставшим, поднимаясь против своих помещиков. На огромной территории от Пскова до Новгорода запылали помещичьи усадьбы. Наибольший размах крестьянские волнения приобрели летом 1650 г. Шла настоящая война между отрядами служилых людей и поднявшимися крестьянами. Местные дворяне и войска Хованского досаждали правительству просьбами отпустить их в оставленные на произвол судьбы имения.

Неспокойно было летом 1650 г. и в самой столице. Псковские известия будоражили умы: “Носитца-де площадная речь, будто будет на Москве грабеж”. Иностранцы наблюдали возможность повторения событий 1648 г. Борьба в придворных сферах распространилась и на вопрос об отношении к восставшему Пскову. Морозову, стороннику решительных мер, пришлось уступить более умеренным, которые предлагали начать переговоры с псковичами. Умеренных поддерживал и Никон, влияние которого на царя возрастало.

Правительство сочло необходимым созвать Земский собор для обсуждения псковского вопроса. Собор открылся 4 июля 1650 г. Состоялось три заседания, последние из них — уже после “замирения” Пскова в октябре.

По решению Земского собора в Псков направили делегацию во главе с епископом Коломенским Рафаилом. Царская грамота псковичам требовала выдачи зачинщиков восстания и настаивала на том, чтобы Хованского впустили в город.

Среди делегатов, отправленных в мятежный город, находились московские посадские люди, тесно связанные с торгово-промышленной жизнью Пскова и, следовательно, небезызвестные там. В городе зрел заговор против восстания, его участники тайно сносились с Хованским. Свой план подавления выступления предложил Ордин-Нащокин, что впоследствии сыграло роль в его карьере, равно как и в карьере Никона. План предусматривал углубить раскол среди населения города и воспользоваться этим.

Между тем псковское повстанческое правительство во главе с Г. Демидовым проводило ярко выраженную антидворянскую политику. Чтобы спасти бедноту от голода, всегородская изба реквизировала хлебные запасы дворян и пустила их в раздачу. Дворы и имущество многих дворян и богатых посадских подверглись конфискации, в том числе имущество Ф. Емельянова. Однако врагам восстания удалось добиться смещения Демидова и его помощников еще до приезда делегации Земского собора.

Когда посланцы собора во главе с Рафаилом вступили в Псков, начались переговоры. Казалось, движение стало затихать. Но 21 августа во время чтения крестоцеловальной записи в соборной церкви наметившееся соглашение едва не было сорвано. В записи содержались слова о “воровстве” псковичей, т.е. тяжкое обвинение политического характера. Присутствовавшие подняли “шум великий и многие пошли из церкви вон”. Рафаилу в конечном счете удалось склонить псковичей к присяге при условии, что Хованский снимет блокаду города и отведет войска. После удовлетворения этих требований в мятежном Пскове восстанавливалась власть царской администрации. Руководители восстания Г. Демидов, И. Копыто, П. Коза и др. были брошены в тюрьму. Опасаясь нового взрыва народного протеста, правительство ограничилось высылкой их из Пскова.

Самую активную роль в подавлении псковского восстания сыграли церковники. В критические моменты движения они объявляли о “чудесах”, устраивали крестные ходы, во время богослужений призывали небесные силы “укротить распри”, избавить от “междоусобные брани”. В домах “лучших” людей “плакали” иконы, когда повстанцы терпели неудачи или принимали антиправительственные решения. Это, несомненно, действовало на колеблющихся. Патриарх специальной окружной грамотой предписал включить в “вечный синодик” крупнейших монастырей имена “дворян, детей боярских и всяких чинов людей” из войска Хованского, убитых в боях с псковичами-“изменниками”.

Падение Пскова подорвало повстанческие силы, действовавшие в прилегающих районах, но крестьянское движение не прекратилось. В Порховском и Ржевском уездах зимой 1650/51 г. крестьянские отряды нападали на помещичьи усадьбы. Был раскрыт заговор крестьян и посадских людей, намечавших возобновить восстание весной 1651 г., действуя так, “как-де и было в псковскую смуту”. Здесь еще живы были традиции Первой крестьянской войны и последующих восстаний, что нашло отражение в именовании восставших крестьян “шишами”. Одно из обвинений, предъявленных Г. Демидову “лучшими” людьми Пскова, состояло в том, что он “велел побивать по уездам дворян”. В псковском восстании 1650 г. участвовало население “пригородов” и их округ (Гдова, Изборска, Острова, Воронича).

Псковское восстание является одной из самых примечательных страниц народной борьбы против эксплуататоров, оно отличалось более высокой организацией повстанцев, участием крестьянства и длительностью открытого сопротивления с правительством и его войсками.

Классовая борьба в России первой половины XVII в., особенно в 40-х годах столетия, достигла высокого уровня, что заметили современники-иностранцы. О московском восстании 1648 г. в том же году была опубликована анонимная брошюра в Лейдене, появились описания этого события в печати других стран. Посетившие Россию в 60—70-х годах XVII в. иностранцы (А. Мейерберг, Я. Рейтенфельс, С. Коллинс) в своих записках не преминули сообщить о московских восстаниях 1648 и 1662 гг.

Часть вторая

ЕВРОПА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

- 1. Европа и остальной мир в XVII веке*
- 2. Социальная структура европейской экономики*
- 3. Феодалные отношения и начало генезиса капитализма в России*
- 4. Англия в 1660—1689 годах*
- 5. Европейский абсолютизм*
- 6. Перерастание сословно-представительной монархии России в абсолютистскую*
- 7. Изменения в системе европейских государств*
- 8. Россия на международной арене*
- 9. Культура России до начала XVIII века*

Глава I

ЕВРОПА И ОСТАЛЬНОЙ МИР В XVII ВЕКЕ

ЕВРОПА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ МИРА В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

Население Европы в середине XVII столетия составляло, по ориентировочным подсчетам, только около одной пятой всего населения земного шара, которое оценивается в 553 млн человек. Большая часть населения жила в Азии — 380 млн человек, из них в Китае и Индии по 150 млн человек. В Африке насчитывалось 60 млн человек, в Америке — 1 млн человек, в Океании — 2 млн человек. В Европе, таким образом, проживало 100 млн человек. Но именно Европа, где в середине XVII в. уже получили значительное развитие капиталистические отношения, сыграла основную роль в образовании мирового рынка, в укреплении единой системы государств и народов земного шара, в становлении нового, капиталистического общества.

Какова же была структура мира за пределами Европы к середине XVII в., когда разворачиваются эти процессы?

Крупнейшей страной на востоке Евразийского континента являлся Китай. Феодалная империя Мин переживала глубокий упадок. На северных рубежах Китая образовалось маньчжурское государство, маньчжуры с 1618 г. развернули успешные военные действия против империи Мин, захватывая все новые территории. Глава маньчжур Абахай в 1636 г. провозгласил себя императором, принял для своей династии наименование Цин, в том же году был объявлен монгольским ханом в Южной Монголии. Корея в 1637 г. была поставлена им в вассальную зависимость.

В условиях маньчжурского наступления в Китае разразилась великая крестьянская война, которая охватила значительную часть территории империи Мин. В 1644 г. восставшие вошли в столицу Пекин, империя Мин потерпела крушение и была установлена власть повстанцев. Для борьбы с ними минские феодалы призвали маньчжуров, маньчжурская армия заняла Пекин. Сын Абаха в 1644 г. был провозглашен императором Китая. Маньчжурская армия с помощью многих китайских феодалов подавила крестьянское восстание и в течение 40 лет завершила покорение страны. Китай до 1912 г. подпал под власть маньчжурской династии Цин. В завоевании Китая маньчжуры использовали и помощь западноевропейцев, в захвате последнего оплота сопротивления завоевателям о-ва Тайвань принимали участие западноевропейские корабли.

Проникновение европейцев в Китай имело к середине XVII в. длительную историю. В условиях ослабления империи Мин португальцам уже в 1557 г. удалось установить фактический контроль в Аомыне (Макао), в 1624 г. голландцы захватили часть Тайваня и удерживали его многие годы, в 1637 г. после бомбардировки английскими кораблями был открыт для западноевропейской торговли порт Гуанчжоу (Кантон). Но заход европейских кораблей в другие порты Китая был запрещен. Одновременно в Китай проникают и западноевропейские миссионеры, среди которых особенно надо отметить иезуитов.

В первой половине XVII в. устанавливаются русско-китайские связи. В 1618 г. русские получили от императора право приходить с посольствами и торговать в Китае.

Феодально-абсолютистский режим сёгунов дома Токугава, объединивший феодальную Японию, в ответ на проникновение в страну западноевропейских торговцев и миссионеров, с большим успехом распространявших христианство, подверг жестоким репрессиям японцев-христиан, десятки тысяч которых были казнены. Японцам под угрозой смерти было запрещено покидать родину, а европейцам приезжать в страну. Только за голландцами была сохранена торговая фактория на островке около Нагасаки, куда с 1641 г. ежегодно разрешался заход 5 голландских судов, чтобы торговля производилась только на этом острове. Так через 99 лет после обоснования европейцев в Японии был установлен режим самоизоляции, который тяжело отразился на экономическом и политическом положении страны.

Как видим, к середине XVII в. ощущается уже в известной мере присутствие европейцев в странах Восточной Азии. Значительно большей была роль западно-европейских колонизаторов в Южной и Юго-Восточной Азии, в тех регионах, которые европейцы XVII—XIX вв. называли Ост-Индией (Восточной Индией).

В середине XVII в. в Юго-Восточной Азии существовали многочисленные государства — восточные деспотии, находившиеся на различных стадиях развития феодальных отношений. Юго-Восточная Азия являлась регионом обширной морской торговли. Борьба за торговые пути и рынки была важнейшей частью европейской экспансии в этом регионе. Некогда сильные позиции здесь португальцев оказались подорваны вторжением голландцев и англичан во время испано-португальской унии с 1581 по 1640 г. Особенно успешно шло наступление голландцев.

Голландская колониальная экспансия в Юго-Восточной Азии к 40-м годам XVII в. дала заметные результаты. Экспансию осуществляла голландская Ост-Индская компания, утвержденная актом Генеральных штатов в 1602 г. и имевшая монополию на торговлю в регионах от мыса Доброй Надежды на юге Африки до Магелланова пролива на юге Америки. Компания строила и основывала новые фактории и форты, заключала договоры с правителями государств. Голландские колонизаторы успешно преодолевали сопротивление португальцев, а также испанцев, базой которых была Манила на Филиппинских о-вах. Голландская Ост-Индская компания укрепляется на Молуккских о-вах и создает там плантации для выращивания пряностей, захватывает позиции на Яве. Компания навязывает многим местным правителям на о-вах Ява, Калимантан, Суматра свое покровительство, добивается монопольного права на торговлю пряностями. Компания решительно вытесняет португальцев из региона и захватывает их позиции. В 1641 г. она устанавливает свое господство в Малакке, изгнав португальцев.

С тех пор в португальском владении в Юго-Восточной Азии осталась только половина о-ва Тимор. Так создалась голландская империя в Ост-Индии, основанная на морском господстве и жесточайшей эксплуатации местного населения. Голландская империя расширялась, шло голландское проникновение в Бирму, на Индокитайский полуостров и, как было уже отмечено, в Японию и Китай. Нарастали голландско-английские противоречия в Юго-Восточной Азии, принимавшие все более ожесточенный характер, примером чего стала “Амбоинская резня” в 1623 г., когда служащие английской фактории на Амбоине (остров в Молуккском архипелаге) были казнены голландцами.

Англо-голландская борьба происходила и в других регионах, шла она и в Индии. К 40-м годам XVII в. основной силой на Индостанском полуострове продолжала оставаться феодальная Могольская империя, правителя которой в Европе называли Великим Моголом. Под властью Моголов на северо-западе находилась часть Афганистана с Кабулом, на севере их владения простирались до Гималайских гор, а на востоке после завоевания Бенгалии граничили с Ассамом. Войска Моголов вели завоевательные войны на южных границах, подчиняя феодальные деспотии на Деканском плоскогорье и упорно продвигаясь в Южную

Индию. Временами войны шли и на восточных, западных и северо-западных рубежах.

В борьбе с португальскими колонизаторами, кроме их английских и голландских конкурентов, участвовали и войска Могольской империи, в 1632 г. ее 150-тысячная армия в войне против португальцев лишила их опорной базы в Хугли (Калькутте) в Бенгалии. На смену португальцам пришли английские и голландские колонизаторы, соперничавшие друг с другом, ряд португальских опорных пунктов был захвачен голландской Ост-Индской компанией. Английская Ост-Индская компания, утвержденная в 1600 г., со своей стороны в 1612 г. основала с согласия падишахов Могольской державы факторию в Сурате, важнейшем индийском порту в Гуджарате — экономическом центре Могольской державы, а в 1649 г. — факторию в Мадрасе, на восточном побережье Индостана. Английские и голландские купцы в стремлении покупать индийские товары дешевле, без посредников, проникали и во внутренние районы Индии, устанавливали торговые связи с местным купечеством, индуистами и мусульманами, и с феодальной верхушкой, включая самих падишахов и их родственников.

Из Индийского океана Ост-Индские компании район своей деятельности распространили и на Персидский залив. Английская Ост-Индская компания, разгромив в 1620 г. португальский флот в заливе, оказала союзническую помощь своим флотом в 1622 г. шаху Ирана Аббасу I Сефевиду в изгнании португальцев из Ормуза, была уничтожена португальская монополия на морскую торговлю с Ираном. В новом порту на Персидском заливе появилась торговая фактория английской Ост-Индской компании, а вслед за ней и фактория голландской Ост-Индской компании, которые получили право на вывоз из Ирана шелка-сырца. Как морская, так и сухопутная торговля европейских стран с Сефевидской монархией к середине XVII в. приобретала все более широкие размеры.

На росте торговли в значительной степени сказался хозяйственный подъем в государстве Сефевидов в XVII в. Так, шелководство в Иране приняло тогда самые широкие размеры за всю историю страны. Шелк-сырец и шелковые ткани составляли значительную часть вывоза из Ирана в Западную Европу, куда также шли кожи, фаянсовая посуда, ювелирные изделия, а в Россию направлялись различные виды шелковых тканей и шелк-сырец, овечьи шубы, оружие, сухофрукты и т.д. Из Западной Европы в Иран вывозились сукна (из Англии, Голландии, Франции), стекло (из Венеции), бумага, предметы роскоши, вива и т.д.; из России — железо, медь, стекло, меха и т.д.

Английская Ост-Индская компания стала играть заметную роль в торговле Сефевидского государства. За помощь против португальцев английская Ост-Индская компания получила право беспошлинной торговли, долю доходов от таможенных сборов в Бендер-Аббасе, где располагалась и торговая фактория компании. Но английская компания не смогла добиться желаемых прав экстерриториальности для английских подданных в Сефевидском государстве по образцу режима капитуляций в Османской империи и монополии на вывоз шелка (продажа которого в Иране являлась монополией шаха) из Ирана в Европу, что представлялось важным, так как покупка шелка в Иране была для английских купцов в полонии дешевле, чем покупка в Халебе (Алеппо) — главном шелковом рынке Леванта. Привилегии английской Ост-Индской компании в Иране были много скромнее ее намерений и были предоставлены за ее помощь с учетом выгод для монархии Сефевидов.

Последняя к 40-м годам XVII в. уже прошла зенит своего могущества, но продолжала оставаться сильным многонациональным государством. В державу Сефевидов входили Азербайджан и Восточная Армения, грузинские цари Картли и Кахети являлись вассалами Ирана. До 1639 г. монархия Сефевидов вела с переменным успехом ряд войн с Османской империей за кавказские и арабские земли. Преимущественно в связи со своей антиосманской политикой Сефевиды обменивались посольствами и устанавливали дипломатические отношения с

рядом европейских стран — Голландией, Францией, Россией, Испанией, с императорами Священной Римской империи и папами римскими.

Основным противником Сефевидской монархии была Османская империя — мировая держава, раскинувшаяся на больших территориях в трех частях света: в Азии, Европе и Африке. Османская империя, со столицей в Стамбуле (Константинополе) на берегу Босфора, была и значительным европейским государством, владевшим, включая вассальные страны, Балканами, Валахией, Молдавией, Трансильванией, Венгрией (за исключением небольшой части). Власть Османской империи распространялась на земли арабских народов от Сирии до Алжира, за Ирак шли войны с монархией Сефевидов и только по мирному договору 1639 г. Ирак стал окончательно принадлежать Османской империи. Под властью Османской империи находились и значительная часть Армении, Западная Грузия, некоторые другие земли на Кавказе. Крымское ханство было в вассальной зависимости. Под османским господством находились о-ва в Эгейском и Ионическом морях, Кипр.

Внутреннее положение Османской империи ухудшалось. Сельское хозяйство во многих районах пребывало в упадке, падало и ремесленное производство, податное население нищало, что вело к сокращению поступлений в казну. Росло недовольство, выливавшееся в восстания как турецкого, так и покоренного населения, в мятежи янычар. Шла непрерывная борьба между группировками за власть, в результате часто происходили восстания крупных феодалов и дворцовые перевороты. Усиливалась освободительная борьба многих покоренных народов против османского владычества. Военно-ленная система переживала кризис. Все это привело к тому, что военная мощь османской державы уменьшилась, ее военное превосходство над странами Европы ушло в прошлое, чему во многом способствовало и значительно более быстрое развитие европейских стран.

К 40-м годам XVII столетия наступательная мощь Османской империи на западноевропейском направлении угасла, ее войска терпели поражения. Еще в 1606 г. султан признал в договоре с императором Рудольфом II Габсбургом его достоинство и отказался от получения ежегодной дани в размере 200 тыс. дукатов, а в 1615 г. по особому договору все католики в Османской империи получили право строить церкви, что в Вене рассматривалось как покровительство императора над католическим населением Османской империи, тогда же право капитуляций и другие привилегии по торговле в Османской империи, которыми уже давно обладали подданные Франции и Англии, а в 1612 г. получили и голландские купцы, было распространено на австрийских подданных. Торговля западноевропейских купцов в Османской империи расширялась.

Но одновременно продолжались завоевательные походы османских войск против Сефевидской монархии на Кавказе и в Восточной Европе. Удерживая устье Дона с крепостью Азовом и важные крепости в Восточном Крыму, Османская империя имела сильные позиции против южных районов Русского государства. Ее вассал, хан крымский, неоднократно предпринимал походы против Русского государства и на Украину.

В Северной Африке османская экспансия остановилась на границах Марокко, которое осталось независимым, но после 1610 г. находилось в состоянии междоусобиц. Южнее Марокко в Африке все в большей степени сказывалась колониальная политика западноевропейских государств, росло колониальное соперничество. Вслед за Португалией все большую активность проявляли Нидерланды, Франция, Англия, основывавшие торговые фактории и строившие крепости. Рос вывоз африканских рабов в европейские колонии в Америке.

Америка являлась основным объектом европейской колониальной экспансии, которая проходила в борьбе между державами. Франция, Англия, Нидерланды стремились подорвать колониальное господство Испании и Португалии, проводили очень активную колониальную экспансию в Северной Америке и Вест-Индии.

Для Франции колониальная экспансия в Северную Америку играла по-преж-

нему большую роль. Генрихом IV посылались экспедиции в Канаду, туда назначались вице-короли, направлялись партии колонистов. В 1604 г. Пьером де Моном и Самуэлем де Шампленом основана колония в Акадии (ныне Новая Шотландия), в 1608 г. Шамплен основал Квебек, ему удалось в 1635 г. (год его смерти), используя межплеменные противоречия между союзами алгонкинских и гуронских племен и союзом ирокезских племен и помогая алгонкинцам и гуронам против ирокезов, которых поддерживали англичане, установить влияние Франции на большой территории в бассейне р. Св. Лаврентия и Великих озер.

Колониальная экспансия в более широких масштабах осуществлялась кардиналом Ришелье. В его колониальной политике очень большую роль играли как религиозные цели, так и стремление к укреплению могущества французского короля в борьбе за верховенство в католическом мире против Габсбургов. Поэтому кардинал поддерживал миссионерскую деятельность за океанами, ратовал за переселение во французские колонии ремесленников. Он организовал строительство флота, оказывал очень широкую поддержку торговым компаниям, осуществлявшим захват и эксплуатацию колоний. В 1625 г. были захвачены отдельные районы на о-ве Св. Христофора (Сент-Кристофер). В 1626 г. основана Компания св. Христофора (в 1635 г. компания была реорганизована под названием Компания островов Америки), которая в 1635 г. захватила о-в Гваделупу, в 1638 г. — о-в Мартинику и вскоре ряд других островов в пределах Малого Антильского архипелага. Были попытки французских захватов на Южноамериканском континенте — в Гвиане. В 1626 г. французское поселение появилось в Кайенне, впоследствии французские власти распространили свое влияние на прилегающий район. Продолжалось освоение Канады. В 1627 г. была основана “Компания ста” для освоения и заселения Канады. В 1642 г. основан город Монреаль.

Активная колониальная экспансия развернулась в Северной Америке, где непрерывно расширялись французские владения. Французы продвигались все дальше в глубь материка, устанавливая свой контроль, правда слабый, над огромными территориями.

Феодально-абсолютистская Франция стремилась установить в Канаде тот же общественный строй, что и в метрополии; предпринимались попытки распространить на Новую Францию феодальные отношения с феодальным держанием земли, верховным собственником которой считался французский король. В 1627 г. Канада превратилась в лен, в феодальное держание “Компании ста”, которая впоследствии стала именоваться “Компанией Новой Франции”. Со своей стороны эта компания пожаловала около 60 ленов. Огромную роль играла в Канаде католическая церковь, там действовали различные религиозные ордена, в том числе и орден иезуитов. Церковные держания занимали весьма видное место в Новой Франции.

Сеньоры, в том числе и церковные, со своей стороны раздавали небольшие участки земли, преимущественно в виде цензивы крестьянам-цензитариям, обязанным своим сеньорам феодальными повинностями, различными рентами, платежами, предоставлением права охоты и т.д. Однако наличие незанятых земель давало возможность крестьянам покидать своих сеньоров и искать счастья, как в поселении на этих землях и превращении в свободных фермеров, так и в переходе к занятиям охотой, рыболовством, торговлей мехами, рыбой и лесом. В силу этого установить в Канаде общественный строй, аналогичный строю во Франции, было невозможно. Непосильной задачей стало и распространение таких порядков на индейцев.

Среди переселенцев в Новую Францию имелось много солдат, рабочих и ремесленников, которых часто прибывало больше, чем крестьянских семей. Очень большую роль играли завербованные бедняки — кабальные слуги, обязанные по контракту трудиться на своих хозяев от трех до пяти лет за определенное вознаграждение, часто натурой. Этим людям, в массе своей

испытывавшим крайнюю бедность на родине, переселение в Новую Францию, во время которого многие, иногда до одной трети, погибали, не приносило избавления. В Канаде они также подвергались очень сильной эксплуатации, мало получая за свой труд, к тому же часть из них погибала в борьбе с аборигенами-ирокезами.

Колониальная экспансия Франции в Америке встречала противодействие Англии, которая также осуществляла там колониальную экспансию и к 40-м годам XVII в. имела в Северной Америке уже ряд колоний. Еще в 1584 г. английские моряки основали на побережье Северной Америки колонию, получившую название Виргиния. Эта первая попытка колонизации окончилась неудачей, но была возобновлена. В 1606 г. Виргинская акционерная компания получила хартию на колонию, и в апреле 1607 г. сошедшая на берег партия колонистов основала у устья реки Джеймс поселение, ставшее потом Джеймстауном. Новая колония в Виргинии претерпела большие трудности: голод, вооруженное сопротивление индейцев, острую внутреннюю борьбу, но все же доказала свою жизнеспособность.

Вслед за Виргинией в течение трех десятилетий в Новом Свете появился еще ряд английских поселений: в Нью-Гэмпшире, Массачусетсе, Мэриленде, Коннектикуте, Род-Айленде. Английская колонизация Америки в XVII в. осуществлялась в условиях формирования капиталистического строя в Европе. Переходный период со своей многоукладностью и разнообразием общественных отношений наложил отпечаток на английскую колонизацию.

Весьма заметную роль в колонизации играла торговая и мануфактурная буржуазия, которая создавала торгово-колонизационные компании. Заинтересованные в рынках сбыта и получения сырья, эти компании стремились к торговой эксплуатации занятых земель и уничтожению испанской колониальной монополии в Америке.

Вместе с тем важнейшей движущей силой колонизации были разорившиеся и изгнанные в результате “огораживаний” крестьяне метрополии и мелкобуржуазные элементы, которые и составили основную массу колонистов. Среди последних выделялись враждебные королевскому абсолютизму и господствующей англиканской церкви “диссиденты”-пуритане. В 1620 г. “избранные богом” колонисты (“отцы-пилигримы”) с корабля “Мейфлауэр” высадились на Американском материке, положив начало колонии и будущему городу Нью-Плимут. К северу от Нью-Плимута пуритане из Компании Массачусетского залива высадили три партии колонистов и в 1630 г. основали Бостон, центр колонии Массачусетс. Среди этой группы были представители как титулованной знати, так и нового дворянства и буржуазии.

В колониальной политике абсолютизма Стюартов дворянско-феодалы интересы, стремление воспроизводства феодального общества также занимали довольно видное место. Примером этого, в частности, является пожалование колонии Мэриленд лорду Балтимору, который становился “истинным и абсолютным” ее владельцем, феодальным сеньором. В ряде колоний, особенно южных, в земельных отношениях были очень заметны элементы феодализма. Так, существовали латифундии, господствовал майорат, поселенцам земля предоставлялась на условиях фиксированной ренты, что очень затрудняло внедрение буржуазной собственности.

В английских колониях широко применяется принудительный труд. Это были в первую очередь так называемые “контрактованные слуги” (сервенты), которые, не имея средств для оплаты переезда за океан, обязывались по контракту работать от 2 до 7 лет. Их положение на время действия контракта оставалось близким к положению рабов. Нередко на Британских островах захватывали детей, которых продавали колониям, направлялись туда и осужденные. Но применение “белого рабства” не решало проблему рабочей силы, особенно на юге, где уже начинала складываться плантационная система.

Коренное индейское население, численность которого в Северной Америке до реки Миссисипи, по некоторым подсчетам, составляла 200 тыс. человек, не могло стать поставщиком рабочих для колоний. Отношения колонистов с индейцами, первоначально зачастую благожелательно встречавшими пришельцев, воспринявших от них многие культуры (в том числе картофель, кукурузу, табак, помидоры), скоро стали приобретать враждебный характер. Колонисты захватывали землю индейцев, грабили и убивали их. Попытки превратить индейцев в рабов не давали результатов. Сопротивление аборигенов росло. В 1622 г. в Виргинии вспыхнуло восстание индейцев, вылившееся в многолетнюю войну. В ней одержали верх колонисты, уничтожившие множество индейцев, исходя из принципа “хорош только мертвый индеец”.

В 1619 г. в Виргинии появились первые рабы-африканцы. Их труд стал все больше применяться на возникавших плантациях риса, табака и других культур, а впоследствии они становятся основной производящей силой на плантациях южных колоний. Ввоз рабов-африканцев непрерывно и весьма быстро увеличивался. Возрастали и различия в хозяйственном стиле южных и северных колоний. В Северных колониях, называемых Новой Англией, широко развивалось мелкое хозяйство фермерского типа. Несмотря на противодействие верхушки колонистов свободные переселенцы, превращаясь в скваттеров, захватывали земли на границе с индейскими племенами. В борьбе за “свободные” земли колонисты-скваттеры несли горе и смерть индейцам. Развивалось ремесло, появлялись мастерские, в 1631 г. было построено первое морское судно для каботажного плавания.

В колониях шел процесс первоначального накопления, развивались капиталистические отношения. При этом заметную роль играл пуританизм, ставший идеологией складывания буржуазного колониального общества. В 1636 г. в Кембридже (в Массачусетсе) был создан университет, первый в Северной Америке.

Ряд общих черт с английскими колониями в Северной Америке имели голландская (основана в 1613 г.) и шведская (основана в 1638 г.) колонии, которые отделяли Новую Англию от Мэриленда. Центром Новых Нидерландов был Новый Амстердам. Между английскими, голландскими и французскими колониями в Северной Америке росли противоречия. Еще более сильными являлись противоречия с испанской колониальной империей.

К середине XVII в. испанская колониальная система в Америке приобрела уже законченные формы. Процесс конкисты завершился в середине XVI в., но подавление очагов сопротивления индейцев как в Северной Америке, так и на полуострове Юкатан и в Чили продолжалось. В административном отношении Испанская Америка делилась на два вице-королевства: Новая Испания и Перу, управляемые вице-королями, присылаемыми из Испании, и подчинявшиеся королю и Высшему королевскому совету Индий.

Господствующей формой феодально-колониальной эксплуатации индейцев-общинников была энкомьенда — предоставление владельцу поместья (испанскому дворянину) права распоряжаться трудом и землей приписанных индейцев взамен его обязательства приобщить индейцев к католической религии и обеспечить поступление от них подати.

Индейское население обязано было на началах трудовой повинности работать на рудниках, где добывалась огромная масса вывозившихся в Европу серебра и золота — основных предметов экспорта испанских колоний.

Быстрое сокращение индейского населения и трудности, возникавшие при его эксплуатации, уже в XVI в. привели к ввозу африканцев-невольников. Впервые это произошло в 1505 г., широкая торговля началась с 1518 г., а к середине XVII в. сотни тысяч рабов с западного побережья Африки были привезены на рынки Карибской и Южной Америки, причем примерно 20% невольников погибало при переезде через океан. Подавляющая масса рабов использовалась на плантациях

антильских островов и Португальской Бразилии, где в первую очередь выращивали сахарный тростник и производили сахар. До середины XVII в. официальную монополию на ввоз в Америку невольников-африканцев имела Португалия, владевшая колониями на западноафриканском берегу. Работоторговля приносила колоссальные барыши.

Как в испанских колониях, так и в Бразилии расширялось ремесленное производство, возникали местные рынки, которые, однако, не охватывали значительных территорий. К середине XVII в. капиталистические отношения здесь не развивались или почти не развивались.

ЕВРОПА В СИСТЕМЕ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ XVII ВЕКА

К середине XVII в. мир уже представлял в известном отношении экономическое единство, в создании которого роль Европы была ключевой.

Когда в XVI в. географические рамки торговых операций европейцев быстро распространились до пределов всего земного шара, это означало рост потребности в драгоценных металлах как средстве при международных расчетах. В самой Европе развивались прогрессивные формы безналичного расчета, кредитно-банковская система (на пути этого развития были свои трудности), но покрыть отрицательный баланс, существовавший в торговле Европы с Азией, можно было только перекачкой массы звонкой монеты.

Этот отрицательный баланс не был случаен. Европа как континент с более динамичными темпами развития обладала и большим динамизмом вкусов и потребностей, жители Азии были более консервативны в своих привычках и сравнительно мало нуждались в европейских товарах. В то же время в странах Азии (в отличие от Америки) почти не имелось крупных европейских колоний поселенческого типа, которые могли бы предъявить большой спрос на европейские продукты и изделия (там возникали колонии-фактории). Итак, выражением неравномерности темпов экономического развития континентов и в то же время их складывающейся экономической общности стал постоянный перелив драгоценных металлов с Запада на Восток.

Если мы взглянем под этим углом зрения на карту тогдашнего мира, то прежде всего выделим главный источник поступления в Европу серебра — испанские колонии в Америке. Разработка серебряных руд в самой Европе (Германия, Чехия, Словакия), имевшая весьма существенное значение в первой половине XVI в., к XVII в. пришла в упадок. Золото поступало из Африки благодаря неэквивалентной торговле европейцев с местными племенами, и отчасти из Испанской Америки; только с начала XVIII в. в дело вступит новооткрытое бразильское золото. Широкий прилив американского серебра с середины XVI в. привел к тому, что серебро постоянно дешевело по отношению к золоту; впрочем, для торговли со странами Азии, где в ходу была серебряная монета, важным оставалось главным образом именно серебро.

Основная масса американского серебра пересекала Атлантику на испанских судах и попадала в Севилью или ее аванпорт Кадис и оттуда полулегальными, но налаженными путями (официально вывоз драгоценных металлов из Испании запрещался) благодаря пассивному балансу испанской внешней торговли расходилась в другие европейские страны, снабжавшие Испанию и ее колонии необходимыми им товарами. Меньшая часть американского серебра переправлялась через Тихий океан в испанские Филиппины.

Существенная часть постукившего в Европу серебра уходила в сокровища, в ювелирные изделия, другая часть циркулировала в виде монеты, активизируя товарную экономику, но львиная доля переправлялась на Восток по трем основным

¹ Такая ситуация складывается примерно с XI в., до того положение было противоположным. См.: Attman A. The bullion flow between Europe and the East, 1000—1750. Göteborg, 1981.

каналам: через Балтику и Архангельск, через страны Леванта и морским путем вокруг мыса Доброй Надежды. По оценке официального голландского документа 1683 г., в Республику Соединенных Провинций ежегодно ввозилось из Испании на 15—18 млн гульденов драгоценных металлов, из них 13 млн реэкспортировались (в том числе 9 млн гульденов непосредственно на Восток).

Через Архангельск, Прибалтику, Польшу серебро поступало в Россию и вывозилось оттуда в юго-восточном направлении — в Иран и Среднюю Азию. Османская империя получала серебро и через Балканы, и через средиземноморские порты, но вывозила его в Иран. Иран частично вывозил драгоценные металлы в Индию и в Батавию на Яве, центр владений могущественной голландской Ост-Индской компании. Последняя, пользуясь своим монопольным положением на мировом рынке пряностей, активно участвовала в торговле со странами Индийского океана и Дальнего Востока и обслуживала своими судами торговлю между этими странами, получая деньги за фрахт. Ее торговый баланс был активным по отношению к Ирану (с 1630-х годов) и Япония, но пассивным по отношению к Индии и Китаю. Необходимые для торговли запасы валютного металла компания получала разными путями: из Ирана, Филиппин, а также из Японии, где были собственные разработки серебряных руд и где с 1630-х годов право на ограниченную торговлю имели только голландцы (но в 1668 г. японское правительство запретило вывоз из страны серебра).

Индия и Китай являлись двумя полюсами притяжения для мировых запасов валютных металлов, которые здесь и оседали.

Определенная, со временем возрастающая часть поступившего в Европу серебра уходила обратно через Атлантический океан, в те колонии европейских держав, которые не имели собственных серебряных рудников. Отлив сюда монеты обеспечивался общим платежным балансом (жалованье служащих администрации, солдат, моряков), поскольку торговый баланс колоний, нуждающихся в европейских товарах, оставался неизбежно пассивным, а также специальными мерами монетной политики: для колоний чеканилась особая монета, которую было невыгодно вывозить обратно в Европу.

Следуя меркантилистским рецептам, европейские страны стремились сосредоточить в своих руках, отнять у соседей как можно больше звонкой монеты. Успехи в развитии производства, обеспечивавшие положительный торговый баланс в торговле с Испанией, были важным, но отнюдь не единственным средством достижения победы, ибо не существовало пропорционального соответствия между положительным сальдо торгового баланса и получаемой данной страной массой валютных металлов. При прочих равных условиях драгоценные металлы имели тенденцию стягиваться туда, где они были дороже. А дороже всего они были там, где на них был особый спрос, — в странах, занявших место у тех “кранов”, через которые европейская монета “отливалась” на Восток, — прежде всего в Голландии, затем в Англии. Такие страны выигрывали и на вексельном курсе. Необходимость избавиться от посредников, завоевать для себя независимые позиции в мировой торговле на всех ее важнейших направлениях к середине XVII в. осознавалась все отчетливее.

Важность монетарного фактора привела в историографии к стремлению найти именно в нем объяснение тех кризисных явлений в европейской экономике, которые были поспешно объединены в понятие “всеобщий кризис XVII века”. В основе всех затруднений глобального характера видели последствия, казалось, непреложно установленного факта резкого сокращения ввоза серебра из испанской Америки.

В 1934 г. вышла оказавшая очень большое влияние на западную историографию книга американского историка Э. Гамильтона “Американские сокровища и революция цен в Испании 1501—1650 гг.”². Автор привел данные о ввозе в

² Hamilton E.J. American treasure and the price revolution in Spain, 1501—1650. Cambridge (Mass.), 1934.

Испанию из ее американских колоний золота и серебра. Они свидетельствовали о крутом росте среднегодового ввоза драгоценных металлов с 1536—1540 гг. (3,9 млн песо) до кульминационных 1590-х годов (34,8 млн песо). Далее этот рост прекратился, период 1600—1639 гг. Гамильтон рассматривал уже как время заметного снижения ввоза (в среднем 25 млн песо в 1626—1630 гг.), а затем последовало резкое падение до 3,4 млн песо в 1656—1660 гг. После 1650-х гг. данные Гамильтона, работавшего в архивах Севильи (через которую проходила вся официально разрешенная торговля Испании с Новым Светом), обрывались, поскольку тогда была отменена обязательная регистрация ввоза золота и серебра частными лицами; он предполагал, что и во второй половине XVII в. ввоз драгоценных металлов в Испанию оставался небольшим.

Американский ученый вычислил и общий индекс движения испанских цен в переводе на серебро. Оказалось, что цены постоянно росли до 1601 г. (индекс 1501 г. — 33, индекс 1601 г. — 144, если принять за 100 средний показатель 1570-х годов), а затем начался длительный период их стагнации вплоть до 1650 г. (до которого доведена таблица Гамильтона) с колебаниями индекса в пределах 101—146. Таким образом, перелом кривой движения цен совпал во времени с переломом кривой ввоза драгоценных металлов, и возникла возможность объяснить феномен падения цен всецело на базе количественно-монетарной теории. Подобно тому как революция цен XVI в. объяснялась прежде всего ввозом американского серебра, так и падение или стагнация цен в переводе на серебро в XVII в. стали объясняться нехваткой драгоценных металлов в условиях еще недостаточно развитой кредитно-банковской системы.

Цифры Гамильтона произвели тем большее впечатление, что они относились к действительно ключевому географическому пункту. Значимость его результатов была подтверждена в 1950-х годах капитальным исследованием французского историка П. Шоню о севильской торговле³. Он вычислил по разрозненным архивным данным тоннаж прибытий и отплытий кораблей, крейсировавших между Севильей и Америкой. Он определил, что фаза длительного подъема испанской трансокеанской торговли продолжалась до 1590-х годов (общий тоннаж отплытий вырос с 47 тыс. т в 1556—1560 гг. до 114 тыс. т в 1586—1590 гг.), после чего началась длительная фаза колебаний вокруг достигнутого уровня (максимум 127 тыс. т в 1606—1610 гг.), продолжавшаяся до 1620-х годов, когда восторжествовала тенденция спада, особенно с 1630-х гг., и в 1646—1650 гг. общий тоннаж отплытий составлял всего 60 тыс. т. Таким образом было установлено совпадение изменений в объеме торговли с движением ввоза драгоценных металлов по данным Гамильтона. Благодаря этому популярность концепции общего кризиса XVII в., поставленной в тесную связь с количественно-монетарной теорией, к концу 1950-х годов достигла высшей точки. Истоки кризиса стали искать в самом начале XVII в., конец же относили к началу XVIII в.

Итальянские историки К. Чиполла⁴ и Романо⁵ подчеркивали значение кризиса 1619—1622 гг., оказавшего решающее разрушительное воздействие на итальянскую промышленность, следствием чего была аграризация экономики Италии. Действительно, в Ломбардии период 1580—1610-х годов стал временем большой экономической активности, сочетавшейся с демографическим подъемом; 1613—1619 годы были временем “бума”, и контраст со сменившим расцвет глубоким кризисом оказался очень резким. Страшная чума 1630 г. довершила упадок. К 1640 г. объем шерстоткацкого производства в Милане упал в 5 раз по сравнению с 1620 г. (3 тыс. кусков в год против 15 тыс.). Кризис итальянской экономики,

³ Chaunu H. et P. Séville et l'Atlantique. Partie I. P., 1956, T. VI 1; Chaunu P. Ibid. Partie II, t. VIII 2/2. P., 1959.

⁴ Cipolla C.M. Mouvements monétaires dans l'Etat de Milan (1580—1700). P., 1952.

⁵ Romano R. Tra XVI e XVII secolo: Una crisi economica, 1619—1622 // Rivista storica italiana. 1962. Vol. 74, fasc. III.

следовательно, был синхронен падению испанской трансатлантической торговли; это понятно, если учесть тесные экономические связи Италии и Испании. Вместе с тем именно 1620-е годы стали временем серьезных затруднений в левантийской торговле. Резко сократилось венецианское судоходство: взимавшийся в Венеции сбор со стоянки кораблей, который давал в 1603—1605 гг. рекордную среднегодовую сумму 6,6 тыс. дукатов, к 1623 г. укал до 1,6 тыс. дукатов и продолжал падать далее, в 1630-е годы он составлял менее 1,2 тыс. дукатов.

Имел ли кризис начала 1620-х годов еще более широкое значение, охватил ли он север Европы? Именно так считал Р. Романо, который делал этот вывод исходя из анализа международного судоходства в другом его ключевом пункте — Копенгагене. Датские историки в 1906—1953 гг. издали 7 томов статистических данных о взимавшихся датской короной с иностранных кораблей зундских пошлинах за 1497—1783 гг.⁶ Согласно этим данным среднегодовое число рейсов через Зунд достигло максимума в 1590-е годы (5623 против 1336 в первой половине XVI в.), затем снижалось, причем снижение в 1620-е годы было весьма заметным (3726 против 4779 в 1610-е годы) и дошло до минимума в 1660-е годы (2600 рейсов). При учете другого показателя — размеров тоннажно-стоимостного сбора — максимум приходился на 1610-е годы. Если рассматривать движение отдельных товаров, то 1620-е годы ознаменовались резким падением вывоза балтийского зерна в 1622—1624 гг. из-за неурожаев в Польше и затем из-за новых неурожаев и блокады воевавшими с Польшей шведами устья Вислы в 1627—1629 гг.; этому соответствовало сильное сокращение ввоза на Балтику соли — главного импортного товара для прибалтийских стран.

Однако статистическая серия зундских пошлин имеет существенную лауну — в ней отсутствуют сведения о тоннаже судов. Французский историк П. Жаннен проделал специальные изыскания, чтобы установить эволюцию тоннажа зундского судоходства разных стран по соответствующим данным для Кёнигсберга⁷. Оказалось, что в первую половину XVII в. тоннаж голландских кораблей очень сильно вырос (а они составляли 60—70% общего числа), так что общий вид кривой с учетом тоннажа стал выглядеть совсем иначе. Если показатели 1590-х годов для голландских судов принять за 100, то индекс 1646—1653 гг. будет по числу кораблей 62, а по их тоннажу — 136, вместо падения получается рост; последствия кризиса 1620-х годов (индекс 1624—1631 гг. по тоннажу 75) были преодолены благодаря последовавшему подъему. Аналогичные результаты были получены для английских судов: при показателях 1623—1625 гг., принятых за 100, индекс 1635—1640 гг. составил 109 по числу кораблей, зато 196 по тоннажу. Жаннен обратил внимание и на то, что кризис 1620-х годов затронул не все статьи балтийской торговли: вывоз льна и пеньки возрастал и в это время. По всем этим соображениям он отверг мысль Романо об общеевропейском значении кризиса 1620-х годов и пришел к выводу, что решительный перелом вековой конъюнктуры на Балтике следует связывать с другим, более всеобъемлющим кризисом 1650-х годов. Тем самым утверждалась идея о постепенном распространении кризиса, охватившего вначале средиземноморский юг Европы и лишь затем, к середине века, затронувшего и север континента.

Новое фактическое ограничение хронологических рамок общего кризиса принесло изучение конъюнктуры последних десятилетий XVII в. Авторитетный французский историк-экономист Ж. Мёвре обратил внимание на то, что с 1680-х годов намечается некоторое оживление деловой активности⁸. Жаннен также

⁶ Bang N.E. Tabeller over skibsfart og varentransport gennem Øresund 1497—1660. København, 1906—1933. D. 1—3; Bang N.E., Korst K. Tabeller over skibsfart og varentransport gennem Øresund 1661—1783 og gennem Storebaelt 1701—1748. København, 1930—1953. D. 1—4.

⁷ Jeannin P. Les comptes du Sund comme source pour la construction d'indices généraux de l'activité économique en Europe, XVIe—XVIIe ss. // Revue historique. 1964. N 1—2.

⁸ Meuvret J. La conjoncture internationale de 1660 à 1715 // Bulletin de la Société d'histoire moderne. P., 1964. N 28.

отметил, что 1680-е годы были временем крутого роста зундского судоходства (4 тыс. среднегодовых рейсов, что означало рост более чем на 50% по сравнению с 1670-ми годами), несмотря на то что хлебные цены в Амстердаме находились тогда на самом низком уровне. Польские экспортеры стремились компенсировать падение хлебных цен ростом вывоза — хороший пример, подтверждающий отсутствие жесткой прямой связи между движением цен и торговой активностью. Правда, в следующие 30 лет число рейсов через Зунд показывает тенденцию к падению (тоннаж судов тогда существенно не менялся), но если мы учтем, что в 1690—1700-х годах сильно увеличивается число незарегистрированных рейсов (вместе с ростом шведского судоходства, освобожденного от уплаты зундских пошлин) и используем данные Жанненом оценки доли таких рейсов, то окажется, что и эти два десятилетия следует отнести к фазе высокой торговой конъюнктуры. Резким спадом балтийской торговли ознаменовались только 1710-е годы, что было явно связано с войной на Балтике, а уже с 1720-х годов после заключения мира и активного подключения к балтийской торговле России начинается характерный для XVIII в. устойчивый постоянный рост зундского судоходства. Статистическим данным о переломе конъюнктуры в 1680-е годы соответствуют и цифры депозитов Амстердамского банка. Именно в эти годы размер вложенных в него капиталов, снизившийся было в 1660—1670-е годы с 8,32 млн до 5,95 млн гульденов, вновь, как и в первой половине XVII в., начал быстро расти, дойдя к концу 1690-х годов до 13,75 млн гульденов.

Новые исследования подмывали теорию общего кризиса, побуждая вносить в нее все новые оговорки. Картина общности средиземноморского кризиса с 1620-х годов была нарушена благодаря исследованию М. Морино марсельской торговли⁹. Портовый сбор в Марселе очень резко вырос после заключения франко-турецкого торгового договора 1604 г. и неуклонно рос вплоть до Фронды, составив в 1642 г. 29 тыс. ливров против 4,8 тыс. ливров в 1603 г. Этот шестикратный рост объяснялся тем, что через Марсель шло снабжение сырьем успешно развивавшейся лионской шелкоткацкой промышленности.

Особенно тяжелый удар по теории общего кризиса нанесли другие работы того же М. Морино, лишившие эту теорию ее казавшегося столь прочным количественно-монетарного основания¹⁰. Морино поставил целью проверить правильность мнения Гамильтона о низком уровне ввоза американского серебра во второй половине XVII в. Он сделал это опираясь на подсчеты регулярно печатавшихся в голландских газетах данных о прибытии в Испанию драгоценных металлов. Результаты оказались сенсационными. Уже в 1661—1665 гг. среднегодовой ввоз составлял минимум 28,8 млн песо (ср. с приводившимися выше цифрами Гамильтона), а в 1670-е годы, 1686—1690 и 1695—1700 гг. цифры ввоза превышали рекордный уровень 1590-х годов (максимумом стал среднегодовой ввоз последнего пятилетия века, составивший 46,2 млн песо). Проверив на своих источниках результаты американского историка, Морино выявил ряд не учтенных им рейсов, из-за чего степень падения ввоза в 1630—1660 гг. оказалась преувеличенной. Тот факт, что докризисный уровень ввоза был восстановлен в первое же пятилетие после Пиренейского мира 1659 г., непреложно свидетельствовал об обусловленности всей кризисной фазы военной обстановкой. Впрочем, уже Шоню отметил связь между спадом испанской трансатлантической торговли с 1620-х годов и возобновлением в 1621 г. испано-голландской войны в условиях, когда голландский флот стал проявлять особую активность именно на атлантических морских путях. Стало ясно и то, что количественно-монетарная теория не объясняет движения цен в XVII в., коль скоро широкий ввоз серебра после 1660 г. не мешал стагнации цен. Вся мировая

⁹ Morineau M. Flottes de commerce et trafics français en Méditerranée // XVIIe siècle. P., 1970. N 86— 87.

¹⁰ Ср.: Morineau M. Incroyables gazettes hollandaises et fabuleux métaux américains. L.; P., 1985.

экономическая конъюнктура XVII в. представляется сейчас гораздо более сложной, противоречивой и богатой компенсационными возможностями.

Такие возможности имелись и на самом рынке драгоценных металлов, о чем можно судить по статистическим данным о торговле голландской Ост-Индской компании. Падение ввоза серебра через Испанию во второй четверти XVII в., видимо, сказалось на временном сокращении вывоза компанией драгоценных металлов в Азию. Среднегодовой размер этого экспорта, составлявший 0,97 млн гульденов в 1610-х и 1,25 млн гульденов в 1620-х годах, затем сократился примерно на треть, равняясь в 1630, 1640 и 1650-х соответственно 0,89; 0,88 и 0,84 млн гульденов. Но уже в 1660-х годах уровень 1620-х годов был практически восстановлен (1,19 млн гульденов), а с 1680-х годов (1,97 млн гульденов) начался крутой и необратимый рост (в 1720-е годы голландская Ост-Индская компания вывозила на Восток ежегодно в среднем на 6,6 млн гульденов). Примечательно, однако, что отмеченное выше временное падение валютного экспорта не привело ни к какому сокращению закупок компании в Азии. Сумма их росла неуклонно (в 1620-е годы — 1,53 млн., в 1630-е — 2,17 млн, в 1640-е — 2,56 млн, в 1650-е — 2,67 млн, в 1660-е годы — 3,14 млн гульденов). Испытывая трудности с получением серебра из Европы, компания обратилась к другим источникам его поступлений, активизировав свою торговлю с Ираном, Японией и Филиппинами (куда американское серебро попадало на испанских судах более спокойным тихоокеанским путем). Вывоз компанией серебра из Японии в 1650-е годы даже превышал размеры вывоза его из Европы.

Система мировой торговли была налажена достаточно прочно, чтобы выдержать испытания, предлагавшиеся ей изменчивой экономической и политической конъюнктурой.

Глава 2

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Английская революция середины XVII в. не только придала процессу генезиса капитализма необратимый характер, но также открыла новую стадию этого процесса, на которой не торговля, а промышленность стала решающим фактором экономического прогресса. Английская революция сформировала в Европе раннебуржуазный регион (к которому наряду с Англией принадлежала и Голландия), являвшийся вплоть до Французской революции конца XVIII в. в международном масштабе бродилом процесса перехода от феодализма к капитализму.

Однако составившие “ядро” буржуазных порядков в Европе Англия и Голландия не только ускорили этот процесс в странах Западной Европы, в глубинных и скрытых его основаниях, но и затормозили его — на уровне социальных и политических структур (постепенное вырождение абсолютизма, ужесточение системы сословных статусов, истолкование феодальных прав в терминах римского права и т.п.), а в странах Центральной и Восточной Европы новая фаза процесса генезиса капитализма обернулась утверждением крепостничества.

Отталкиваясь от указанных процессов, уже нетрудно типологизировать течение экономической истории второй половины XVII в. в различных странах Европы. При этом совершенно отчетливо вырисовываются *четыре региона*, каждый из которых оказывался в специфическом общественно-экономическом положении в рамках системы общеевропейского взаимодействия: 1) регион, в котором господствовал раннекапиталистический уклад, наиболее полно

выражавший суть собственно мануфактурной фазы общественного производства (Голландия и Англия); 2) регион, где эта фаза общественного производства воплощалась лишь в укладе, остававшемся подчиненным в господствующей феодальной структуре (Франция, ряд районов Германии, Швеция); 3) регион, в котором в XVII в. отмечается общественно-экономический регресс, попятное движение в сравнении с XVI в. (Испания, Португалия, Северная Италия, Юго-Западная Германия); 4) регион крепостничества (Заэльбия, Чехия, Венгрия, Польша, Прибалтика, Россия).

Итак, раннекапиталистическая “сердцевина” европейской экономической жизни локализовалась в XVII в. на Северо-Западе Европы, прежде всего в Голландии и Англии. Здесь находился “узел” всей совокупности противоречивых тенденций века, связанных с *консолидацией* капиталистических форм хозяйства в общеевропейском масштабе. И случилось это потому, что и Голландия и Англия, к тому времени успешно *проделавшие свои буржуазные революции*, обеспечили, хотя и в разной степени, достаточные условия для развития этих форм. В этом регионе капиталистические общественно-экономические распорядки стали господствующими в обществе, в то время как феодальные отношения — поскольку они еще сохранялись — *оказались оттесненными в разряд изжившего себя уклада*. Поскольку Нидерландская революция без малого на 100 лет опередила Английскую революцию, поэтому не приходится удивляться, что XVII век в экономической истории Европы был отмечен гегемонией Соединенных провинций, что именно для них этот век оказался “золотым”. Только после так называемой “славной революции” — переворота 1688 г. Англия стала воспримницей былой гегемонии Голландии в европейском мировом хозяйстве.

Общепризнана торговая экспансия Голландии с указанием на дешевизну морских перевозок как на важный фактор в превращении Амстердама в перевалочный центр международной торговли того времени. Мы же подчеркнем, что речь должна идти прежде всего о превосходстве этой страны в сфере производства, а также торговли и финансов. Чтобы открыть для себя мировой рынок в качестве его законодателя у Голландии — малой страны с населением, едва достигавшим 2 млн человек, — имелось только одно средство — сделать собственную продукцию единственной в своем роде в сравнении с тем, что могли предложить соперники, — голландские сукна, полотно, продукты сельского хозяйства, прежде всего молочные (сыр), морского хозяйства (сельдь) не имели себе равных на рынках Европы. Если в XVII в. казалось, что торговое превосходство основано на сельском промысле, а Даниэлю Дефо представлялось в 1724 г., что богатство Голландии зиждется на функции “всемирного перевозчика”, то современные нам исследователи делают упор на эффективности производственного механизма, на новые, капиталистические основания его функционирования.

В середине XVII в. половина жителей таких провинций, как Голландия, Утрехт, Фрисландия и Гронинген, питались привозным хлебом. Однако голландцы сумели извлечь выгоду из неблагоприятных естественных условий. Откачка воды требовала насосов, а последние требовали двигателей. В результате страна покрылась сетью ветряных двигателей, приспособленных для откачки воды. Такова была первооснова расцвета в стране инженерного дела, так называемой “древесной механики”. Отвоеванные у моря земли — *польдеры* — стали рассадниками интенсивного земледелия. Здесь в XVII в. выращивали главным образом технические и овощные культуры, а также фрукты. Голландцы того времени слыли их наиболее искусными производителями. Значительный сдвиг в сельском хозяйстве в сторону интенсификации возделывания трав, обогащавших почву, распространение кормовых культур, создававших условия для зимнего содержания скота, органические удобрения и тщательная обработка почвы, обеспечивавшие высокую урожайность полей (1:8 — 10), — все это открывало возможность для роста городского населения — урбанизации и индустриализации. Пра-

вомерно поэтому заключить, что Голландия почти столетием раньше, чем Англия, пережила агрикультурную революцию.

Однако Голландия была не только ведущей сельскохозяйственной страной Европы, но и наиболее эффективным индустриальным ее центром. Прежде всего прогресс коснулся традиционной отрасли промышленности — текстильной. Ее центром стал Лейден, куда бежало много мастеров из южных (испанских) провинций и где было основано производство новых тканей (байки, саржи, камлота и др.). Если взять за 100 их производство в 1584 г., то в 1664 г. оно уже составило 545, т.е. в 5,5 раза больше.

О том, насколько голландский шерстяной промысел превосходил в первой половине XVII в. английский, свидетельствует то обстоятельство, что завершающие операции по изготовлению английских так называемых широких сукон — окраска и отделка — производились не в Англии, а в Голландии, что влекло за собой потерю 40% стоимости готового продукта в пользу последней. Когда же по предложению лондонского олдермена Кокни Яков I Стюарт попытался запретить вывоз из Англии неокрашенных сукон (1614 г.), то из этого ничего, кроме ущерба для английского экспорта, не вышло (Голландия — основная производительница красителей — ответила запретом вывоза их в Англию и ввоза оттуда окрашенных сукон). В конечном счете через три года от этой затеи Лондону пришлось отказаться, так как Англия ни технологически, ни по состоянию торгового флота еще не была готова к тому, чтобы соревноваться с голландцами в этой сфере.

Второй по удельному весу отраслью голландской промышленности являлось судостроение, высокий технологический уровень которого обеспечивался переходом к использованию стандартных деталей и методов. Кроме того, голландцы добились механизации ряда весьма трудоемких операций (ветряные лесопилки, блоки и краны для подъема тяжелых бревен и т.п.). Возникли и вспомогательные отрасли, такие, как производство канатов, парусов, навигационных инструментов, карт и т.д.

В Голландии в XVII в. существовали и новые отрасли промышленности — рафинирование сахара, производство бумаги, кирпичная, керамическая, книгопечатание, табачная, спирто-водочная и др. Нельзя сбрасывать со счетов и производство военного снаряжения — отрасли весьма важной, если учесть 80-летнюю войну Голландии с Испанией.

В 1609 г. был учрежден вексельный банк Амстердама, вскоре ставший центром европейского депозита (вкладов) и обмена. В течение столетия депозиты банка возросли с 1 млн до 16 млн гульденов. Здесь находили прибежище капиталы Европы, безопасность которых на родине вызывала тревогу их собственников. В результате Амстердам стал центром международной платежной системы. С помощью векселей на Амстердамский банк можно было оплачивать любую торговую сделку в любом уголке Европы. Накопив сундуки драгоценного металла, Амстердам стал единственным в Европе центром, куда он не только притекал, но откуда он столь же свободно вывозился. Наконец, низкий банковский процент сделал Амстердам центром кредита и вывоза капитала за рубеж. И хотя предпринимательские начинания голландцев были здесь значительными (примером может служить процесс создания голландской колониальной империи в течение первой половины XVII в.), вложение денег в государственный долг как самой Голландии, так и других стран стало с середины этого столетия основной формой использования денежных резервов.

Либерализм в международной торговле, выраженный в тезисе Гуго Гроция “Свободное море”, разумеется, вытекал из склоняющейся в сторону Голландии чаши весов в международной торговле и был направлен против Испании, проводившей в жизнь политику противоположную — “Закрытого моря”.

Либерализм внутренней политики был обусловлен прежде всего особенностью государственного устройства Голландии — возможностью существования

сильной централизованной власти при децентрализованной политической структуре страны¹. Наконец, веротерпимость сделала Голландию XVII в. прибежищем европейского свободомыслия.

Между тем "золотой век" Голландии означал лишь "золотой век" голландской буржуазии. Это она безраздельно распоряжалась властью, это ей принадлежали польдеры, большая и лучшая часть торгового и рыболовного флота, она организовывала торговые и колонизаторские экспедиции в Новый Свет и Азию, основывала мануфактуры, пользуясь во всех своих начинаниях наемным трудом сотен тысяч ткачей, красильщиков и др. Большую долю среди них составляли женщины, дети, работавшие за нищенскую плату. В целом реальная заработная плата в течение XVII в. снизилась — экономическое процветание плутократии шло рука об руку с ростом бедности рабочих людей. Критическими были их жилищные условия — около половины населения Амстердама ютились в чуланах, подвалах, погребках. Для этого люда "золотой век" Голландии, очевидно, оборачивался железным веком.

Гегемония Голландии в мировой экономике длилась до 70-х годов XVII в. Затем начался процесс оттеснения Голландии Англией по всему фронту на задний план. Еще в ходе революции середины XVII в. Англия бросила вызов Голландии изданием так называемого "Навигационного акта", и затем в результате англо-голландских войн она утвердила свое экономическое и военное превосходство. Одна из важных причин этого поворота в судьбе Голландии коренилась во внутренней структуре ее экономики. Прежде всего следует обратить внимание на скудость внутренних сырьевых ресурсов этой страны. Недаром еще в XVII в. было замечено, что Голландия "одалживает" свою мануфактуру, так как она почти целиком зависит от доставки сырья для нее из-за границы. И. Бехер, экономический советник императора Леопольда в Вене, писал в 1673 г.: "Голландцы производили шелк, однако он не произрастает в этой стране, они покупали лен и коноплю за границей, производят кружево и красивые полотна, которые они обратно вывозят, они перерабатывают чужеземную шерсть в сукно, которое снова-таки вывозят; они производят кожу из чужеземного сырья и вывозят ее"². Другими словами, перед нами образец развитой промышленности, целиком зависевшей от выгодно сложившихся международных условий и морского могущества страны.

Английский "Навигационный акт" 1651 г. — первый вызов этим условиям. Две первые англо-голландские войны рассматриваются как поворотный пункт в истории Голландии, обнаруживавшей первые признаки слабости перед лицом открытого вызова ее господству на море и, следовательно, экономической гегемонии в мире. В 1672 г. разразилась третья англо-голландская война, и одновременно Франция начала наступление со стороны Испанских Нидерландов. Если первая завершилась неопределенным исходом, то французское наступление привело к временной оккупации значительной части страны. Роль Голландии в мировой политике начинает падать.

Наблюдавшаяся в середине XVII в. переориентация голландских капиталовложений в государственный долг (собственной страны или за рубежом) — признак и немаловажная причина кризиса голландской мануфактуры. Тысячи буржуа предпочитали получить сравнительно невысокий, но гарантированный доход по рентам, нежели пытаться счастья в качестве промышленников и пайщиков торговых компаний. Трансформация аскетичного предпринимателя-коммерсанта в любящего роскошь и бездеятельного рантье — красноречивое свидетельство начавшегося упадка.

Итак, Голландия — первой в Европе проделавшая свою победоносную

¹ Подробнее о государственном строе Голландии в XVII в. см.: Boxer C.R. The Dutch Seaborne Empire, 1600—1800. N.Y., 1965. P. 54—55.

² Klima A. Mercantilism in Habsburg Monarchy // Historica. 1965. Vol. 10. P. 97.

буржуазную революцию страна, экономика которой служила предметом удивления и откровенной зависти и казалась недостижимым образцом даже для шедшей в XVII в. во втором эшелоне хозяйственного развития Англии, — все же не стала колыбелью промышленного переворота, а Англия стала. В чем же причина этого парадокса? Для понимания этого нам следует хотя бы вкратце обрисовать специфику социально-экономического развития Англии в столетии “общего кризиса” феодальной Европы.

Первая и основная причина столь быстрого превращения Англии из страны-“завистницы” в страну, торжествующую над предметом своей зависти, сводилась к тому, что она пережила ломку феодальной социально-экономической структуры задолго до своей революции середины XVII в., причем ломку, неизмеримо более радикальную, чем какая-либо другая страна континента³. И именно потому, что центр тяжести английского хозяйственного механизма находился в сельском хозяйстве. Ровно настолько, насколько Голландия опередила Англию в агрикультурной революции, последняя опередила первую в перестройке аграрных отношений в соответствии с требованиями капиталистического способа производства. Процесс создания в результате огораживаний крупных поместий нового времени и соответственно замены средневековой двучленной структуры землевладения (лорд—земледелец) трехчленной (лендлорд—арендатор—наемный рабочий), шедший с конца XV в., получил мощный импульс в период революции середины XVII в.

Именно в аграрном перевороте следует доискиваться истоков всех других внутренних причин успехов капиталистического уклада Англии. Прежде всего этот переворот создал *уникальный тип* крупного землевладельца, поскольку в его лице сочетался получатель капиталистической земельной ренты и капиталистической прибыли в качестве предпринимателя⁴. Столь же важную роль в продвижении английской экономики по капиталистическому пути сыграл слой малоземельных и безземельных сельских жителей — жертв огораживаний. Поскольку эти массы оставались пауперами с более или менее фиксированным местом жительства, они в качестве неисчерпаемого — в тех условиях — резерва дешевой рабочей силы сыграли важную роль в привлечении мануфактурного производства в деревню, в расцвете *рассеянной мануфактуры*, свободной от цеховой регламентации, и стали причиной столь ранней капитализации английского сельского хозяйства. И наконец, преобладание в деревне — особенно послереволюционной — слоя коттеров (с крохотным наделом или без него) создавало емкий внутренний рынок сельскохозяйственных продуктов.

Чтобы завершить обрисовку роли столь рано созданного, ни в одной стране в ту пору не встречавшегося резерва дешевых рабочих рук, следует указать на учрежденную как первыми, так и последними Стюартами систему *принудительного труда* (сперва под видом елизаветинского статута о бедных, а затем под эгидой статута 1664 г., прикрепившего, по сути, безземельных крестьян к приходу). Поистине курс обучения дисциплине наемного труда рабочие люди Англии прошли гораздо раньше и в более массовом порядке, нежели это имело место в других странах. Вторая принципиальная особенность собственно мануфактурной фазы генезиса капитализма в Англии заключалась в том, что она — в отличие от Голландии — не “одадживала” свою мануфактуру, поскольку последняя здесь — в решающих отраслях промышленности — обеспечивалась местным сырьем. Это характеризует, разумеется, прежде всего английское сукноделие. Кроме всего прочего, важно учесть, что Англия обладала

³ См.: Барг М.А. Народные низы в английской революции XVII в. М., 1967. Гл. 1.

⁴ Хотя торгово-промышленные начинания крупных землевладельцев были известны во многих ареалах Европы, однако это обстоятельство не затрагивало феодального характера их поземельных доходов, а, наоборот, окрашивало в “феодальные тона” и неземледельческие доходы. См.: Kellenbenz H. The Rise of European Economy. L., 1976.

Таблица 1. Английское судоходство в 1700 г.

Ареал	Тоннаж, тыс. т	Стоимость, млн ф. ст.	Стоимость тонны груза, ф.ст.
Ост-Индия	5	0,9	180,00
Средиземноморье, Испания и Португалия	71	1,5	21,13
Вест-Индия	43	1,3	30,23
Северная Америка	33	0,7	21,21
Северная Европа	218	0,9	4,13
Другие ареалы Европы	224	5,1	22,77
<i>Итого</i>	594	10,4	

собственным сырьем для металлургии, и прежде всего для выплавки железа. Когда каменный уголь пришел здесь на смену древесному, путь к промышленному перевороту в этом смысле был открыт.

Равным образом нельзя не учесть особенности в направлениях торговой экспансии Англии в сравнении с Голландией. Разумеется, международная торговля (особенно с Новым Светом и Азией), сопровождавшаяся время от времени прямым грабежом, сыграла и в экономике Англии важную роль в деле первичного накопления капитала. Однако если по тоннажу центр тяжести в XVII в. все еще падал на торговлю Англии со странами Европы, то на стоимости одной тонны груза торговля с Индией была более прибыльной. Приведем некоторые данные (табл. 1).

Однако ост-индская торговля была односторонней (т.е. сводилась в основном к импорту) и, следовательно, требовала наличных денег. Среди процветавших торговых компаний выделялась Королевская Африканская компания, основанная в 1672 г. Между 1672 и 1712 гг. она отправила 500 кораблей, доставивших на рынки Карибского бассейна 100 тыс. рабов, а оттуда в Англию 30 тыс. т сахара. В целом соотношение промышленного (точнее, вложенного в производство) и торгово-финансового капитала было в Англии в период, предшествовавший промышленному перевороту, принципиально иным, чем в Голландии.

Наконец, и политическая структура Англии в конце XVII — начале XVIII в. была гораздо лучше, нежели в Голландии, приспособлена для проведения в жизнь меркантилистской доктрины. Речь идет не только об унитарной структуре власти в противовес федеральной структуре Соединенных провинций, но и о более “равномерном” представительстве интересов различных слоев буржуазии в государственной политике. Покровительство “национальной” промышленности и заморской торговле, по крайней мере со времен “славной революции”, являлось одним из трех “китов” системы меркантилизма в этой стране. “Век мануфактуры” недаром оказался в Англии и “веком меркантилизма”.

Все остальные преимущества Англии перед Голландией уже вытекали из указанной специфики. Так, например, голландские шерстяные ткани были высокого качества, но их дороговизна суживала рынки сбыта. Английские ткани, наоборот, хуже выделанные, были зато дешевыми и быстро завоевывали рынки сбыта. На такой путь толкала острота проблемы занятости. Известно, что от одной четвертой до половины трудоспособного населения Англии состояло не только из пауперов, но и из наемных рабочих, зависящих главным образом от регулярной занятости в производствах, работавших на экспорт. Стремление же предпринимателей к конкурентоспособности своих изделий приводило в условиях господства ручного труда к таким формам трудовых отношений, которые мало чем отличались от принудительных.

Но поскольку популярный среди меркантилистов тезис об “обязанности трудиться” не оборачивался для тысяч и тысяч пауперов правом на свободный труд, то обучение обездоленных дисциплине наемного труда происходило не только в мануфактурах под наблюдением надсмотрщиков, но и в работных “исправительных” домах на положении каторжников.

Для завершения перечня условий, обеспечивших Англии гегемонию в мировом капиталистическом хозяйстве Европы в собственно мануфактурный период (1660—1760), следует еще указать на емкость английского внутреннего рынка, которая оборачивалась не только общественным разделением труда в рамках каждого из районов и в стране в целом, но и наличием огромной массы населения, обращавшейся к рынку за многими из тех изделий, которые в других странах производились самостоятельно — каждый в своем дворе. Дело в том, что в Англии у этой массы уже не было собственных дворов.

* * *

Франция и Швеция — единственные в своем роде страны континента, в которых регрессивные явления XVII в. в феодальной системе Европы в целом не только не привели к исчезновению сложившегося было ранее капиталистического уклада, но и не помешали ему, хотя и медленному, прогрессу. При всем том этот уклад оставался по-прежнему полностью подчиненным интересам феодально-абсолютистской монархии. Именно по этой причине Франция и Швеция XVII в. выделены в особый (2) тип развития, столь же отличный от англо-голландского, как и от иберо-итальянского.

Обратимся прежде всего к аграрному сектору. Несомненно, в изучаемый период во Франции, как и в Англии, имел место процесс вытеснения слоя мелких земледельцев и роста слоя относительно крупных крестьян. Однако все дело в пропорциях. В Англии основной путь мобилизации земли пролегал через специфику копигольда, позволявшего лендлорду по истечении срока копии сравнительно легко (в рамках “обычного права”) выжить неугодного держателя со двора. Во Франции мелкие держатели цензив разорялись (в особенности на севере страны) не только в силу сравнительно низкой продуктивности их хозяйства, но главным образом в результате тяжелого налогообложения, ставшего специфической для этой страны формой первоначального накопления, — королевской талли и соляного налога. Оказавшись к определенному сроку неплатежеспособным и вынужденным обращаться к ростовщику, мелкий крестьянин вскоре в такой степени запутывался в долгах и процентах, что очень часто вынужден был уступить свой надел покупщику, которым мог оказаться все тот же городской ростовщик, зажиточный сосед или сам сеньор. Различные пути “очищения” земли от мелких ее возделывателей означали и различную интенсивность этого процесса. Но главное заключалось в том, каким образом новые собственники земли утилизировали свою собственность.

Именно во Франции, если взять страну в целом, крупные собственники и арендаторы, как правило, сдавали свои земли мелкими участками в аренду и субаренду исполщикам. Господство же мелкой агрикультуры, являвшейся препятствием на пути к агротехническому улучшению, объясняет ничтожность излишков, предназначенных для сбыта на рынке, и хроническую напряженность продовольственных ресурсов, становящуюся катастрофической в года недородов.

Англия стала поставщицей зерна на европейский рынок благодаря меньшему, чем во Франции, разрыву между размерами земельной собственности и размерами производящих хозяйств.

Принципиально иной была и позиция французского абсолютизма в вопросе об охране цензитарного держания в сравнении с позицией английского государства начиная со времен революции в вопросе об охране копигольда. Поскольку французский крестьянин был основным налогоплательщиком, постольку правительство Франции одновременно с нещадным налоговым его ограблением

проводило политику охраны *наследственности крестьянского владения*⁵. Таким образом, фискальные интересы короны получали приоритет перед собственническими вожделениями сельских сеньоров. Последние, однако, не оставались в бездеятельности. Они оживляли старые феодальные повинности (такие, например, как *mainmorté*, согласно которым сеньор наследовал выморочные дворы своих держателей). В этом же ряду находятся и огораживания сеньором 1/3 общинных угодий (триаж) в свою исключительную собственность.

Наряду с этими признаками сеньориальной реакции в XVII в. распространились и такие формы землепользования, как половничество, находившееся на полпути к превращению феодальных форм землепользования в коммерческие. Стоявшие над ними генеральные арендаторы выступали собирателями рент, вместо того чтобы самим вести хозяйство. Очевидно, что правомерность их причисления к сельской буржуазии является более чем сомнительной. Наконец, следует упомянуть сельских батраков — слой, многочисленный на севере Франции. Они находили работу по найму в хозяйствах состоятельных крестьян, имевших 100 и более га земли, дюжину лошадей, много другого скота. Именно из рядов этой крестьянской аристократии и формировалась будущая сельская буржуазия. Однако поскольку мы остаемся в рамках XVII в., постольку на первом плане остаются отношения феодальной эксплуатации, на которых базировалась структура общества и власти.

Обратившись к промышленности Франции, мы столкнемся с тем же тотальным подчинением капиталистического уклада интересам феодально-абсолютистской монархии. Наиболее характерной чертой функционирования этого сектора французской экономики являлся недостаток капиталов вследствие крайне вялого притока в него частных средств. Городские толстосумы в условиях Франции Людовика XIII и тем более Людовика XIV предпочитали вкладывать деньги в покупку должностей или земель, не только обеспечивавших регулярный доход, но и приносивших их владельцам если не дворянские титулы, то во всяком случае социальный престиж, — обстоятельство, высоко ценимое в бюргерской среде. Абсолютной монархии, разумеется, в ее собственных интересах приходилось всячески побуждать толстосумов к промышленным начинаниям, даруя грюндерам королевские привилегии и субсидии. Так, при Кольбере, министре финансов Людовика XIV, во Франции было основано несколько десятков таких “привилегированных мануфактур”. Таким образом было налажено производство ковров (ранее ввозившихся из Южных Нидерландов), стекла (ранее ввозившегося из Венеции), гобеленов, фарфора и других предметов роскоши.

Имелось много причин подобного “равнодушия” обладателей денежного капитала. И первая из них — сам абсолютистский режим, создавший своей откупной системой (при сборе налогов и пошлин) и продажей должностей более легкий путь для умножения капиталов, чем предпринимательская деятельность. К этой же исходной причине тяготеют и все другие производные от нее факторы. Немаловажную роль здесь сыграло сохранение чисто средневековой цеховой регламентации промышленного производства в городах. Правительству цехи представлялись в высшей степени полезными, в том числе и в целях социального и политического контроля ремесленного населения в городах. В 1673 г. специальным королевским указом предписывалось, чтобы все французские ремесла были организованы по принципу цехов.

В том же ряду помех на пути развития капиталистического уклада в промышленности следует упомянуть и узость внутреннего рынка, обусловленную в немалой мере налоговым ограблением крестьянства. Развитию внутренней торговли препятствовали многочисленные таможенные барьеры, мешавшие свободной циркуляции товаров в пределах страны. Наконец, религиозная нетер-

⁵ Эта политика пользовалась неизменной поддержкой бюргерства, заботившегося о регулярном поступлении от крестьян процентов по долгам, принявших форму сверхцензов.

пимость привела (особенно после отмены Нантского эдикта в 1685 г.) к утечке из страны многих столь нужных ее экономике капиталов, предприимчивых людей, знатоков технологии, купцов и финансистов. Бюрократизация публичной жизни, усилившаяся при Кольбере, продиктованная стремлением регулировать и контролировать все стороны общественной жизни, сыграла роль тугого корсажа, надетого на живое тело нации.

Разумеется, мы находим во Франции XVII в. уже довольно развитой капиталистический уклад в промышленности: внушительные по размеру, более крупные, чем в Англии, централизованные мануфактуры гобеленов в Париже, шелков в Лионе, сукна в Абвиле, металлические в Амьене и т.п. На севере Франции широкое распространение нашла капиталистически организованная работа на дому — производство полотна и кружев. В стране функционировали торговые компании, ведущие торговлю с Азией и Вест-Индией, прокладывались дороги и каналы (был построен канал, соединивший Средиземное море с Гаронной). Однако везде и всюду требовалась инициатива, исходившая от правительства, чтобы побудить денежных людей к деятельности в этих сферах: субсидии, привилегии, монополии и прямые правительственные капиталовложения (им принадлежала ведущая роль в отраслях, обеспечивающих военные нужды абсолютизма). Правительственные инициативы были, как правило, связаны с перспективой роста экспортных возможностей или возможностями сократить импорт и тем самым сберечь в стране драгоценные металлы. Иными словами, достигшая при Кольбере кульминации политика меркантилизма была лишь обратной стороной политики возвышения абсолютизма.

В свете вышеизложенного несколько наивным представляется бытующее недоумение, почему Англия и Франция оказались приверженными к столь различному стилю экономической политики государства? Казалось бы, оба эти государства во второй половине XVII в. являлись растущими центрами сельского хозяйства и промышленного производства. Более того, в политике меркантилизма Франция была даже более последовательной, чем Англия, французская текстильная промышленность возродилась после коллапса ее в старых городских центрах (Бове, Амьен, Лилль, Реймс) только благодаря воздвигнутому вокруг нее таможенному барьеру и практике правительственных субсидий экспортерам сукна. Благодаря подобным же мерам, предпринятым Кольбером, пробудилось к жизни сельское сукноделие в Лангедоке. Вывоз шерстяных тканей через Марсель резко возрос к концу XVII в.

Однако трудно не заметить, сколь различными были в указанных странах общественно-экономические условия для предпринимательской деятельности. Достаточно только сопоставить факт одворянивания значительной части бюргерства и инкорпорацию “дворянства мантии” в социально-политическую систему феодально-абсолютистской Франции и, наоборот, обуржуазивания значительной части английского дворянства и его включения в сферу общественно-политических интересов буржуазной системы хозяйства, чтобы ответ на поставленный выше вопрос не представлялся столь трудным. Различия в исторических судьбах капиталистических структур в Англии и во Франции в XVII в. — это явления, производные от двух кардинальных фактов их истории: победоносной буржуазной революции в Англии и одновременного с ней торжества “классического” абсолютизма во Франции.

Феномен Швеции, превратившейся в XVII в. в одну из самых могущественных держав Европы, в своем роде уникален, хотя и сравнительно легко объясним. От средних веков она унаследовала слаборазвитую экономику: редкую заселенность большей части территории, немногочисленные городские центры, низкий уровень общественного разделения труда и, следовательно, обмена. Однако именно эта страна обладала в известном смысле наиболее передовой по тем временам социально-классовой структурой, что проявлялось в сохранении сословия *свободных крестьян*, выступавшего на политической арене

официально признанным *четвертым сословием* страны. Это из его среды в этой стране формировался так называемый “средний класс”. Именно в этой специфике и заключалась основная предпосылка экономического и военно-политического взлета страны в XVII в. То же обстоятельство, что эта страна оказалась богатой медно- и железорудными залежами в сочетании с лесами, обильно питавшими топки плавильных печей, приобрело значение мощного экономического фактора только тогда, когда в эту страну прибыли голландцы, привезшие с собой и капиталы, и знатоков горного дела и металлургии. К этому следует присовокупить политику благоприятствования промышленным начинаниям со стороны правительства, обуреваемого великодержавными притязаниями. Медь стала первым продуктом шведского экспорта, приобретшим общеевропейское значение. Однако даже в период высшего подъема вывоза меди — в XVII в. — железо все же составляло 50% шведского экспорта, а в 1720 г. его доля уже составляла 75% (на долю меди приходилось только 10%). Между 1680 и 1770 гг. производство железа возросло в 5 раз, составив 35% общеевропейского производства. Оно было организовано на капиталистических началах, регулируемых абсолютистским государством. Аналогичным образом капиталистические элементы функционировали в торговле и финансах.

Таким образом, при всей специфике шведских условий перед нами пример такого же полного подчинения формирующегося капиталистического уклада интересам абсолютизма, что и во Франции, да, кстати, с таким же результатом этого подчинения — капиталистический уклад лишь два столетия спустя смог перерасти в капиталистический общественный строй.

* * *

То обстоятельство, что к 3-му типу развития общественно-политических структур оказались причастными, с одной стороны, регионы, составляющие “становой хребет” европейской экономики в средние века (Фландрия, Прирейнская и Южная Германия и Северная Италия), а с другой — Испания и Португалия, первыми воспользовавшиеся великими географическими открытиями и основавшие обширные заморские колониальные империи, отнюдь не было случайностью. В обоих случаях сказались историческая связь и преемственность экономических процессов, обусловленная переносом в результате Великих географических открытий международных торговых путей с закрытых морей в открытый океан. В одном случае происходила экономическая деградация из-за перемещения торговых путей, в другом — благодаря переносу основных источников пополнения казны за пределы страны, в колонии.

Наиболее показательным примером процесса “размыва” капиталистических структур в течение XVII в. являлась, пожалуй, экономика Испании. Страна, превратившаяся в XVI в. в крупнейшую империю мира (“страна незаходящего солнца”), дважды потерпела в том же столетии государственное банкротство из-за непомерности великодержавных амбиций Филиппа II и явила в XVII в. картину глубокого экономического упадка.

Начать с сельского хозяйства. Характерной чертой его в этом столетии стало запустение многих ранее культивировавшихся земель, и в частности резкое сокращение площади орошаемых земель. Правительственный контроль за хлебными ценами (установленный в 1539 г.) сделал производство зерна, в частности в климатических условиях Кастилии, убыточным. Уже в 1590-е годы Испания вынуждена была ввозить зерно (Голландия перепродавала ей зерно Прибалтики), чтобы восполнить его растущую нехватку. Земледельцы же Кастилии заменяли посевы пшеницы посевами других злаков — сорго, ячменя. Наконец, за счет сокращения посевов зерновых возросли размеры виноградарства.

Стагнирующий характер земледелия иллюстрируется урожайностью, которая здесь не превышала 1:3 и даже в лучшие годы составляла всего лишь сам-четыре.

Неудивительно, что к середине XVIII в. Испания уже ввозила ежегодно более миллиона бушелей зерна.

Немаловажную роль в упадке земледелия в Испании XVII в. сыграло перегонное скотоводство, сосредоточенное в руках кастильской знати — грандов, обладавших признанной законом монополией. Объединение этих крупнейших овцеводов, так называемая Места, своими многотысячными кочующими отарами (перегонявшимися дважды в год: к зиме — с севера на юг и к лету — в обратном направлении) опустошало крестьянские поля. Вместе с тем крестьянам запрещалось возводить ограды вокруг своей пашии, передаваемой таким образом на произвол Месты⁶.

Разумеется, в отсталости и упадке испанского сельского хозяйства повинна была не только правительственная политика, но прежде всего чисто феодальная структура земледелия, при которой львиная доля территории страны являлась непосредственной (домениальной) собственностью дворянства и церкви, и такая экстенсивная форма ее хозяйственного использования, как пастбищная, требующая столь немногих рабочих рук. И хотя кастильское крестьянство было преимущественно сословием лично свободных людей, оно находилось в тяжелой кабале и нужде. Множество сельских жителей, не находя приложения своему труду, подавались в города, в монастыри, в армию, превращались в бродяг. Бродяжничество стало в Испании XVII в. эндемическим.

Правда, в провинциях, расположенных по Средиземноморскому побережью, мы на первый взгляд сталкиваемся с интенсивными формами земледелия, к примеру в Валенсии и Мурсии, где трудами морисков (христианизированных мавров) была создана ирригационная система и выращивались рис, сахарный тростник, шелковица. Однако и здесь правительство проявило негативную суть своей политики: изгнав в 1609—1614 гг. морисков из Испании, оно одним ударом подорвало экономику этих провинций. Исключением в этом ряду оставалась Каталония. Только там благодаря ослабленному влиянию центрального правительства и существованию столь значительного центра, как Барселона, сельское хозяйство в XVII в. проявляло признаки прогресса. Земледельцы, рента которых была фиксированной, вели на своих огороженных наделах рыночное хозяйство, поставляя в Барселону зерно, вино, овощи и фрукты.

Однако этот контраст лишь подчеркивал всю меру упадка и запустения деревни большей части страны. Положение вещей в испанской деревне XVII в. в ряду других факторов обусловило судьбу капиталистических структур промышленности — они задохнулись от узости внутреннего рынка и конкуренции более дешевых импортированных изделий (из Голландии, Англии и Франции). Еще в XVI в. Испания являлась центром развитого мануфактурного производства, пришедшего, однако, очень быстро в полный упадок. К середине XVII в. этой стране уже нечего было предложить европейскому рынку, помимо соли и сырья (шерсть, хлопок). Наиболее наглядно упадок испанской мануфактуры дал о себе знать в текстильном производстве. Некогда центр шелковой и полотняной промышленности Толедо в течение 20 лет (1600—1620) почти полностью лишился этого положения. Так, из 50 мануфактур, производивших здесь полотно, к середине XVII в. осталось лишь 13.

Судьбу Толедо разделили Севилья и Куэнка. Это означало, что кризис охватил не только текстильное производство, но и металлургию и судостроение. Эти три ведущие отрасли промышленности мануфактурного периода лишились внутреннего, европейского и значительной части колониальных рынков сбыта.

Кроме узости внутреннего рынка, следует обратить внимание на относительно дороговизну изделий испанской мануфактуры по сравнению с продукцией Голландии, Англии и даже Франции. Характерно, что Испания, столь неистово

⁶ Но даже дела Месты в XVII в. ухудшились — численность овец сократилась вдвое в сравнении с XVI в.

охранявшая монополию на торговлю с заморскими колониями, открывала свой рынок для импортируемых изделий английских и голландских мануфактур ввиду их относительной дешевизны — в угоду знати и двору. К тому же этим обеспечивались более высокие прибыли при перепродаже их в колониях.

На то же, каким образом подобная политика отразится на состоянии отечественной мануфактуры, испанский двор внимания не обращал. Сокровища Вест-Индии оказались более легким и заманчивым источником обогащения. Наконец, купцы Голландии и Англии, ломая монополию, все более усиленно проникали в Новый Свет. Следствием различия в эффективности мануфактурного производства в Испании и странах, с ней конкурировавших, стала довольно быстрая деиндустриализация первой. Вместе с тем продолжавшиеся впрыскивания в испанскую экономику драгоценных металлов из Нового Света не способны были ее оживить. Во-первых, они непрерывно сокращались в объеме; во-вторых, большая их доля уходила на оплату всевозрастающего импорта и, в-третьих, они бросались в горнило военно-политических амбиций испанской монархии, приведших к Тридцатилетней войне. Этим же расточительством объяснялось возрастающее налогообложение, выкачивавшее и без того скудные денежные ресурсы провинций.

В ответ последовали восстания в Порту (1623), Сантарене (1629), в провинции басков (1632), наконец, в Каталонии (1640). Одновременно от Испании откололась Португалия (1640), покончив с 60-летним пленением. Ослабление Испании было столь велико, что испано-американская торговля практически перешла в руки ее торговых конкурентов. В самой же Испании рушилась гегемония Кастилии — вся ее административная и экономическая система лежала в развалинах. Ее уделом стала разорительная экономическая зависимость от более развитых стран Европы. В аналогичной экономической ситуации пребывала и Португалия.

Одновременно капиталистический уклад оказался в значительной степени “размытым” во Фландрии, Южной и Западной Германии и Северной Италии, традиционные же хозяйственные структуры торжествовали, и прежде всего в сельском хозяйстве. Разумеется, внешние факторы сыграли немаловажную роль в экономическом упадке указанных регионов. Однако было бы ошибочно не замечать и роли внутренних условий. В Италии это была политическая раздробленность (сохранявшаяся не в малой степени стараниями папства). Подобную же роль сыграла и политическая раздробленность Германии, закрепленная Аугсбургским религиозным миром (1555), а также зависимость мануфактуры от привозного сырья (шерсти — в Северную Италию, хлопка и красителей — в Южную Германию).

Бросающееся в глаза вялое течение процесса так называемого первоначального накопления приводило к тому, что вытесненные из землепользования слои крестьянства из-за личной зависимости в одних случаях и слабой горизонтальной мобильности в других оставались в недрах традиционных феодальных или полуфеодальных структур на положении коморников, мелких исполщиков и т.п. Мануфактура здесь оставалась по преимуществу городской. К тому же надо отметить узость внутреннего рынка, как сельскохозяйственного, так и промышленного. Проиллюстрируем сказанное.

Сельское хозяйство Венеции, Ломбардии и Пьемонта приобрело в конце XVI в. европейскую репутацию образцово поставленного. В отличие от сельского хозяйства Сицилии и Южной Италии оно было многоотраслевым (поликультурным), включало культивирование как продовольственных, так и технических культур (в частности, шелковицы, красителей и др.). Здесь отсутствовала стеснительная система открытых полей, не существовало столь тесной зависимости между количеством скота и площадью пахоты. Скот в этой системе земледелия играл меньшую роль, чем в Северо-Западной Европе. Нехватка скота и удобрений здесь восполнялась более тщательной ручной обработкой участков

(сочетание плодовых, в частности оливковых, деревьев с виноградником или овощными культурами и т.п.).

Падение рыночных цен на сельскохозяйственные продукты в результате резко сократившегося спроса (эпидемии первой половины XVII в. и сокращение рождаемости, что сказалось также в падении и земельных рент) изменило к худшему ситуацию в аграрном секторе североитальянской экономики. Он пережил глубокие социальные потрясения. В деревню устремились городские толстосумы, стремившиеся вложить свои капиталы в земельную собственность. Так, например, венецианская знать в 1600 г. владела 11% культивировавшейся земли в пределах итальянских владений республики. К 1740 г. в ее руках уже находилось 20% этих земель: постепенно торгово-финансовая аристократия превращалась в земельную.

Аналогичный процесс наблюдался в Ломбардии, где городской патрициат, некогда сменивший старую феодальную знать в качестве земельных собственников и успевший “рефеодализироваться”, в XVII в. значительно пополнился новыми представителями городского нобилитета (торгово-финансового происхождения) и дворянства мантии (того же происхождения) — держателей должностей. К концу XVII в. городской патрициат в этом регионе по роду доходов уже полностью стал слоем землевладельческим. Крупные землевладельцы сдавали свои владения арендаторам, ведшим с помощью наемных батраков коммерческие хозяйства. Однако абсолютное большинство новых землевладельцев городского происхождения сдавало свои земли небольшими участками в аренду исполу. Для массы издольщиков это была поистине “голодная аренда”, обрекавшая их на ведение примитивного потребительского хозяйства. Эта система поземельных отношений оказалась господствующей в Пьемонте, Тоскане и Венеции (76% венецианской знати сдавало свои владения участками менее 5 га). Очевидно, что способ эксплуатации крестьянства в этом регионе практически “рефеодализировался”, а уровень ее значительно повысился.

Итальянский исследователь Р. Романо характеризует экономическую ситуацию в этом регионе как “упадок”, коснувшийся прежде всего городов вследствие исхода значительной части их населения в деревню, сокращения промышленной продукции в ее традиционных центрах (Флоренции, Милане, Венеции), свертывания внутренней торговли и, наконец, сокращения количества денег (золотой и серебряной монеты, находившейся в обращении)⁷.

То, что Романо именует “депрессией городской экономики”, было проявлением процесса размыва капиталистического уклада, оказавшегося в крайне стесненном положении в рамках новой системы мирового хозяйства, а главное, лишенного необходимых для его развития условий внутри страны. Так, например, шерстяной промысел Милана, насчитывавший в начале XVII в. 60—70 мануфактур и поставлявший в год 15 тыс. кусков сукна, к 1640 г. вырабатывал в год всего лишь 3 тыс. кусков; к 1682 г. этот промысел свелся к 5 предприятиям, из которых к 1700 г. оказалось только одно, производившее 100 кусков сукна в год. Такую же картину упадка в XVII в. дает нам история шерстяного промысла Генуи и Венеции. В последнем случае его продукция в конце XVII в. составляла лишь 1/10 объема в начале этого века. Не лучше обстояли дела в шелковой промышленности. Так, в Генуе число ткацких станков в этой отрасли в течение XVII в. сократилось с 1700 до 300.

В итоге города Северной и Средней Италии (Тоскана) из международных центров организованного по-капиталистически промышленного производства превратились в изучаемый период прежде всего в феодально-династические центры, хозяйственная жизнь которых во всевозрастающей степени определя-

⁷ Romano R. Italy in the Crisis of 17th Century // Essays in European Economic History, 1500—1800 / Ed. P. Earle. Oxford, 1977. P. 185 f.

лась потребностями княжеских дворов и связями с сельскохозяйственной округой. Именно в сторону последней сдвинулся центр тяжести хозяйственной жизни этого региона.

Постепенное угасание городов означало, что капитал, изъятый из промышленного производства, искал новых, более выгодных сфер приложения. Одной из них являлось землевладение. Однако этот процесс не приводил здесь к переустройству производственных отношений на капиталистический лад. Наоборот, в большинстве случаев его следствием было распространение мелкой полуфеодальной аренды, т.е. своеобразная рефеодализация держателей.

Другой способ привести в движение капитал, ставший бездеятельным, предполагал его вывоз в новые центры европейской экономики, где возможности прибыльного приложения были неизмеримо шире, чем на родине. Примером могут служить перенесение деятельности частных банков из Генуи в Амстердам, “миграция” шелковой промышленности из Венеции в Лион и т.п. Попытки приостановить этот процесс с помощью “меркантилистского” законодательства не дали желаемых результатов. Так, в 1588 г. в Венеции был издан закон, запрещающий вывоз шелка-сырца. Однако поскольку цены на него на внутреннем рынке упали, то развернулась широкая контрабандная торговля им. В итоге к 1694 г. 2/3 венецианского шелка-сырца вывозилось контрабандным путем.

Аналогично складывалась хозяйственная жизнь Южной и Западной Германии в XVII в. И в этом регионе капиталистический уклад, сформировавшийся в XVI в. в промышленности (в горном деле, металлургии, текстильном производстве) в условиях XVII в. под воздействием внешних и внутренних причин более или менее “растворился” в феодальной структуре до такой степени, что даже, внешне сохранив былые формы производства, утерял прежнюю политико-экономическую их суть.

Конечно, было бы ошибкой не учитывать ту роль, которую в этом перерождении сыграли опустошения Тридцатилетней войны, равным образом как и перенос центра международной торговли со Средиземного моря в Атлантику, обусловивший утрату былого хозяйственного значения торгового пути с севера на юг — по Рейну и альпийским перевалам. Однако без учета внутренних условий — политической раздробленности страны, отсутствия единого централизованного рынка со свободной циркуляцией товаров в национальном масштабе, наконец, живучести феодальных структур как в деревне, так и в городах — объяснить тип социально-экономического развития Германии в XVII в. невозможно.

Начнем наш анализ именно с последнего обстоятельства. Господствующая форма землепользования в Западной Германии в изучаемый период оставалась феодальной, что означало поземельную и ту или иную форму личной зависимости земледельцев от феодальных земельных собственников. Наиболее свободные формы крестьянского землепользования сохранялись в Северо-Западной Германии, где восторжествовала крупнокрестьянская вечнонаследственная (майерская) аренда за фиксированную натуральную и денежную ренту. Однако цена этой свободы была дорога — большая часть деревни оказалась практически безнадельной и, таким образом, была низведена до положения батраков, работавших во дворах своих зажиточных соседей. По мере продвижения на юг крестьянское землепользование становилось более мелким и более отягощенным тяжелыми поземельными рентами и личными службами держателей. Здесь довольно частыми являлись крупные домены, на которых их “благородные” владельцы вели самостоятельное хозяйство, опираясь частично на наемный труд, частично на барщинные повинности зависимых земледельцев. Близкой к этому типу была структура аграрных отношений в Юго-Западной Германии, с тем только отличием, что здесь формы крестьянской зависимости были еще более ярко выраженными, а повинности более тяжелыми.

Среди исследователей нет разногласий по вопросу о глубине упадка городов в рассматриваемом регионе. Имперские города — Аугсбург, Ульм, Нюрнберг —

колыбель капиталистической мануфактуры в этом регионе в XVI в. — к середине XVII в. полностью утратили свое бывшее значение. Если истоков их упадка следует доискиваться в упадке традиционных торговых связей, то процесс этот был в XVII в. усугублен опустошениями Тридцатилетней войны. Что же касается прирейнских городов, то они больше всего пострадали от конкуренции Голландии, подчинившей многие из них своей экономической гегемонии.

Восторжествовавший княжеский абсолютизм еще больше содействовал разрыву хозяйственных связей между отдельными германскими территориями и содействовал вырождению меркантилистской политики покровительства “национальной” промышленности и торговли в инструмент удушения и той и другой, задохнувшихся в прокрустовом ложе “государственных интересов” мелкокняжеских территорий.

Принципиальное отличие стран 4-го типа, в которых капиталистический уклад в предшествующий период не сложился (или только находился в самой зачаточной фазе своего формирования), а к ним относится весь восточноевропейский регион к востоку от Эльбы, в том и заключается, что “кризис XVII в.” здесь протекал в условиях относительно поздно сложившихся к XII—XIII вв. феодальных структур (регион “новой сеньории”). Очевидно, что направление развития последних могло быть только альтернативным, т.е. либо этим структурам к XVII в. суждено было захиреть, “не успев расцвести”, либо им, наоборот, предстояло расцвести, проделав “положенный им” цикл развития, прежде чем захиреть. К началу генезиса капитализма в странах Западной Европы (т.е. в странах так называемой “старой сеньории”) феодальные отношения в странах так называемой “новой (или поздней — XVI в.) сеньории” отличались теми же чертами, что и на Западе. В самом деле, в хозяйствах “новой сеньории” не было сколько-нибудь значительных доменов, и, следовательно, центром сельскохозяйственного производства здесь оставался крестьянский двор. Крестьянству в этих странах фактически принадлежала абсолютно преобладающая часть обрабатываемой земли. Основными формами крестьянских повинностей оставались платежи деньгами и натурой. Что же касается барщинных повинностей, то они являлись эпизодическими и сводились к нескольким дням в году (доставка дров, сена на господский двор). И наконец, основная масса земледельцев жила в условиях личной свободы.

Мы не можем входить здесь в сколько-нибудь подробное рассмотрение вопроса, почему развитие феодальных отношений к востоку от Эльбы как бы началось с конца, т.е. с отработочной ренты. Заметим лишь, что речь идет о регионе в значительной мере новоколонизованном, куда предстояло сперва привлечь колонистов, создать деревни.

В результате в условиях, когда в странах Западной Европы начал складываться капиталистический уклад и в связи с пролетаризацией значительной части их населения возник обширный рынок сельскохозяйственных продуктов, который не удовлетворялся местными ресурсами, феодалы в регионе к востоку от Эльбы увидели в этом свой шанс — их ожидала роль экспортеров хлеба в страны Запада. Таким образом, развитие аграрных отношений на Востоке повернулось вспять, т.е. к тем формам феодальных отношений, которые на Западе характеризовали ранние и наиболее грубые формы феодальной эксплуатации. Рыцари приступили к формированию за счет крестьянского землевладения и общинных угодий обширных домениальных хозяйств, требуя от живущих на данной территории земледельцев барщинных повинностей; за барщиной следовало прикрепление земледельцев к поместьям, т.е. крепостничество.

Этот поворот, наметившийся уже в конце XIV в. и представлявший собой не что иное, как феодальную реакцию на генезис капитализма в странах Запада, окончательно в его классических формах определился только в XVII в. Тридцатилетняя война значительно ускорила эти процессы в Мекленбурге, Бранденбурге и Померании. В 1653 г. в Бранденбурге было узаконено крепостное

состояние крестьянства. Закон гласил: “Крестьяне являются крепостными в случае, если они не могут доказать обратное”, причем речь шла о прикреплении земледельцев к личности господина, что низводило их до положения холопов. Этим же законом курфюрст отказывался от введения пошлины на экспорт зерна, что могло бы отразиться на доходах юнкерства. Юнкерству было выдано с головой не только крестьянство, но и бюргерство, поскольку ему была предоставлена монополия на вывоз зерна за границу, равно как и на производство и сбыт спиртного на внутреннем рынке и ряд других рыночных привилегий. В итоге самовластие дворянства стало полным.

Битва при Белой горе (1620), приведшая к полному политическому подчинению Чехии Габсбургской монархии, имела своим результатом тот же поворот феодальных отношений к наиболее грубым и жестоким методам эксплуатации крестьянства — к крепостничеству. Это значит, что феодальная зависимость земледельцев и здесь приняла форму их прикрепления к земле. Чешская буржуазия была удушена как экономическая категория, а чешское дворянство, поскольку оно сохранилось, отныне пошло в услужение Габсбургской монархии. Здесь поворот вспять оказался гораздо более значительным, чем в Бранденбурге, Мекленбурге и Померании. Чехия уже в XV в. являлась относительно густонаселенной страной, покрытой сетью развитых городских центров, в отличие от восточноэльбских земель Германии с их редким населением и крайне слабо развитой городской экономикой.

Дворянству Венгрии, наоборот, удалось отстоять значительную часть своей автономии, чему немало содействовало соседство турок, однако судьбы крестьян от этого не стали лучшими.

Силезия в промышленном отношении была наиболее развитой на Востоке Европы “промышленной зоной”. Силезские полотна пользовались широкой известностью и покупались английскими, голландскими и гамбургскими купцами для перепродажи в другие страны Старого и Нового Света. Основой этой промышленности являлись сельские домашние промыслы. Продукцию отдельных дворов скупали местные торговцы, которые, в свою очередь, ее сбывали оптовым торговцам, ведущим экспортную торговлю. Во многих случаях речь шла о поместных полотняных мануфактурах, на которых трудились безнадельные крестьяне за ничтожную плату.

В целом XVII век в странах так называемого “второго издания крепостничества” был временем, когда обнаружились все последствия хищнического пользования со стороны дворянства производительными ресурсами крестьянского двора. Урожайность повсеместно либо стагнировала на одном и том же уровне, либо даже сокращалась. Таков был неизбежный результат подчинения барщинного хозяйства рыночным интересам класса землевладельцев. Всевозрастающий объем барщинных повинностей толкал многих крестьян к отказу от ведения собственного хозяйства и переходу в разряд безнадельных “коморников” на месячине.

В то же время падение урожайности толкало дворян к восполнению убыли в объеме продукции с единицы площади за счет расширения площади помещичьих хозяйств⁸, что опять-таки влекло за собой “неутолимую жажду барщины”. Порочный круг замыкался, и в этом сказывалась основная посылка конечного кризиса и крушения всей этой системы. Совокупный экспорт зерна на Запад сократился с 100 тыс. ласт пшеницы в конце XVI в. до 30 тыс. ласт ежегодно в начале XVII в. и 10 тыс. ласт в начале XVIII в.

В какой степени эти данные объясняются сокращением потребностей Запада в восточном зерне, а в какой степени кризисом барщинного хозяйства, трудно сказать. Во всяком случае, по-видимому, следует считаться с воздействием каждого из этих факторов.

⁸ С этим связаны насильственный сгон многих крестьян с земли и перевод их в помещные.

Вместе с тем в этот период возрастает импорт в страны Центральной и Восточной Европы западных промышленных товаров, прежде всего предметов роскоши. Результатом этих ножиц было превращение активного баланса внешней торговли стран этого региона в XVI в. в близкий к пассивному в XVII в. Таким образом, в исторической перспективе утверждение крепостничества оказалось формой разложения феодального способа производства, процессом, опосредованным наиболее беспощадной системой эксплуатации крестьянства, оставившей в наследство экономическую отсталость.

Глава 3

ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И НАЧАЛО ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА. ВТОРАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА. РАСКОЛ

Тяжелое хозяйственное разорение времен иностранной интервенции начала XVII в. и его последствия Россия преодолела лишь к 30—40-м годам. Последующее развитие экономики также не представляло собой плавного восхождения. В период русско-польской войны 1654—1667 гг. обнаружилось серьезные трудности. Стихийные бедствия (неурожаи, моровое поветрие 1654 г. и др.) усугублялись условиями военной обстановки, когда были мобилизованы десятки тысяч людей в армию.

Кроме того, правительство само немало способствовало дезорганизации экономики в эти годы. Проведение денежной реформы на первых порах окрылило придворных финансистов. Введение медных денег на правах сохранявшейся в обращении серебряной монеты давало ощутимый эффект, казна получала большие доходы. Реформа не распространялась только на Сибирь, куда запрещалось ввозить медные деньги. Но довольно скоро неумеренный выпуск медных денег стал вызывать падение их курса. Казна своими действиями дискредитировала собственное начинание: налоги с населения собирали только серебром. В результате лаж серебряной монеты стал стремительно расти, в 1661—1662 гг. за серебряный рубль давали 10—15 медных, цены на рынке поднялись как на дрожжах. К тому же в разных местах появились фальшивомонетчики, что также наносило немалый урон казне. Во всех слоях общества нарастало резкое недовольство. Особую опасность представляли волнения в армии, на театре военных действий. Но и в глубоком тылу обстановка создавалась самая накаленная.

В июле 1662 г. в Москве разразилось стихийное восстание жителей, вошедшее в историю под названием “медного бунта”. Тысячи москвичей подступили к царской резиденции в селе Коломенском и потребовали выдачи “изменников” — бояр и купцов, причастных к денежной реформе и якобы переметнувшихся на польскую сторону. В самой Москве шли погромы дворов феодалов и именитых торговцев. Наученное опытом предыдущих народных восстаний, правительство сумело овладеть положением. Вызванные в Коломенское войска учинили кровавую резню безоружной толпы. Участников “бунта” сурово покарали, одна за другой следовали казни, многих сослали в отдаленные места. Но от медных денег пришлось отказаться.

Мало-помалу хозяйственная жизнь налаживалась, чему способствовало окончание войны с Польшей. До исхода XVII столетия экономика страны заметно двинулась вперед. Сельскохозяйственное производство росло преимущественно

за счет освоения земель на окраинах государства (на юге, в Поволжье, на Урале), хотя имела место и внутренняя колонизация в старинных районах. Возделывание зерновых культур являлось ведущей сферой в земледелии. Несколько повысилась доля пшеницы в ассортименте злаков, привычных для земледельца. Постепенно вырисовывался процесс хозяйственной специализации. В уездах Северо-Запада и Запада (Новгородско-Псковский край, Смоленщина) растущее значение приобретало выращивание льна и конопли. Все более заметную роль стали играть районы южнее Оки в качестве очагов зернового хозяйства. В районах Европейского Севера небезуспешно развивалось животноводство мясомолочного уклона. Сельскохозяйственная продукция активнее, нежели раньше, вовлекается в рыночные отношения, будучи также источником сырья для растущей обрабатывающей промышленности.

Закладывались основы будущего разделения Европейской России на Нечерноземную и Черноземную зоны с соответствующей специализацией экономики.

Промышленность России в течение XVII в. выросла количественно и качественно. Мелкое производство, оставаясь решительно преобладающим, постепенно втягивается в товарно-денежный оборот. Ремесло (особенно в городах) обретает черты мелкого товарного производства, сфера последнего все более расширяется.

Рост общественного разделения труда определенно сказывается на развитии городов. В результате отписки “на государя” свыше 10 тыс. посадских дворов от “беломестцев” городские тяглые общины несколько окрепли, а позиции частнофеодального сектора оказались потесненными. Это “посадское строение” было проведено в 1649—1652 гг. В таких центрах, как Ярославль, Казань, Калуга, число ремесленных специальностей достигало 100—200 наименований. Москва имела ремесленников более 250 профессий. Хотя в стране больших городов (свыше 500 дворов) было менее двух десятков, их роль в промышленно-торговой жизни страны нельзя недооценивать. Кроме того, немалое число сельских пунктов показывает явные признаки превращения в средоточие неземледельческого населения и по своему хозяйственному профилю приближается к городам. Только в пределах центральных регионов страны к концу XVII в. насчитывалось не менее 400 промыслово-торговых сел и деревень, жители которых занимались выработкой промышленных изделий и активно действовали на рынке. В это время выделяются такие сельские пункты с чертами городского профиля экономики, как Иваново, Павлово, Лысково, Мурашкино и др.

Определяются районы металлообработки (Поморье, Серпухов, Тула), кожевенного дела (Ярославль, Казань), деревообделочных производств (Калуга, Вятка), солеварения (Старая Русса, Соль Камская) и др. Одним из показателей роста хозяйственных связей стала доставка в пункты переработки дальнотранспорта сырья, что нарушало средневековую замкнутость и жесткую зависимость соответствующих производств от местных сырьевых ресурсов.

Характерным явлением в развитии не только промышленности, но и сельского хозяйства становится внедрение в сферу сбыта торгового посредника — скупщика. В межобластном и всероссийском обмене верховодят “капиталисты-купцы”, они подчиняют мелких товаропроизводителей, отрезают их от рынка. Лишь на торжках местного значения эти последние продолжают сохранять некоторые позиции, но и здесь их положение оказывается довольно неустойчивым.

Начальный этап формирования всероссийского внутреннего рынка заявил о себе в изучаемое время. В условиях необычных для остальной Европы огромных территорий, неравномерной, зачастую малой их заселенности, трудностей коммуникации, постоянной внешней опасности создание всероссийского рынка проходило тем не менее заметными темпами. Столь грандиозный рынок мог начать складываться лишь на базе возникновения буржуазной организации обмена, хотя и стесненной рамками феодально-крепостнических общественных отношений. Единый внутренний рынок рос по мере генезиса капиталистических отношений.

Феодализм не мог обеспечить базы для создания экономического единства страны в силу пестроты местных особенностей и натурального типа хозяйства. Едва ли не самым показательным в этом отношении явилось включение в общероссийские рыночные связи огромного региона Сибири. Структура товарных масс и их номенклатура здесь со временем все более соответствовали другим районам.

Центрами внешней торговли России были Архангельск (со странами Запада) и Астрахань (с государствами и народами Востока). Отсутствие удобных выходов к морям, удаленность от основных мировых торговых путей создавали серьезные препятствия для развития России. Усиливающееся русское купечество доби- валось от царского правительства ограждения своих интересов перед лицом более организованных западноевропейских собратий. Издание Новоторгового устава 1667 г. имело значение в конкурентной борьбе отечественных и зарубеж- ных торговцев за русский рынок. Устав носил черты меркантилизма и покрови- тельствовал русским предпринимателям (повышенные пошлины, запрещение розничной торговли иностранцам и т.д.).

Во второй половине XVII в. крепостное право приобретает общегосударствен- ный характер. Оно знаменовало решительное наступление феодалов на жизнен- ные интересы крестьянства. Этот усиливающийся нажим осуществлялся не только путем ужесточения всех форм угнетения. Его материальной основой служило дальнейшее развитие феодальной собственности, прежде всего земель- ной. Уже к середине XVII в. в пределах центральных районов России практи- чески исчезает черное крестьянское землевладение — оно поглощается феода- лами при самом активном участии верховной власти. Правительство щедрой рукой раздает населенные земли дворянам. Шаг за шагом расширяются владель- ческие права феодалов, в первую очередь светских. Еще Уложение 1649 г. зафиксировало сближение поместий и вотчин с юридической точки зрения. Оно санкционировало ранее установившуюся практику передачи поместья целиком или частично от отца к детям. Было разрешено (хотя и с ограничениями) отчуждение поместий путем обмена на вотчину, дарения, а также в качестве приданого. Под обменом чаще всего скрывалась купля-продажа, ибо денежные расчеты при этом дозволялись. Вторая половина XVII в. прошла под знаком дальнейшего сокращения разницы между этими формами феодальной собствен- ности. Поместье все более обретает черты вотчины, т.е. наследственного владе- ния служилого человека “по отчеству” — дворянина. Отменили обязательность регистрации актов обмена в Поместном приказе, в 1682 г. упростили процедуру продажи вотчины. Допускалась продажа владельцу его поместья, после чего оно становилось вотчиной. О размахе операций с поместьями-вотчинами в среде феодалов говорит хотя бы тот факт, что только за 1688—1700 гг. в запис- ных книгах Поместного приказа зарегистрировано до 10 тыс. земельных сделок.

Одновременно с увеличением власти феодала над личностью крестьянина и землей наблюдается изменение в структуре господствующего класса. Падает роль старой аристократии. Широкие слои служилого сословия все более состав- ляют основную социальную опору центральной власти. Система частнофео- дального вассалитета как анахронизм встречается лишь в церковной организа- ции. Но вследствие ослабления позиций церкви и этот институт постепенно сходит на нет. Тем не менее церковь продолжала оставаться крупнейшим земле- владельцем.

В плане консолидации господствующего класса немаловажное значение имел акт упразднения местничества в 1682 г., обставленный весьма торжественно и сопровождавшийся публичным сожжением соответствующих документов.

Вместе с тем правительство принимает меры к тому, чтобы ограничить доступ в дворянство выходцам из других сословий. Тенденция к превращению дворянства в замкнутую корпорацию особенно усилилась после того, как правительство убедил- ось в ненадежности многочисленной группы служилых людей “по прибору”, кото-

рые активно участвовали в Крестьянской войне под предводительством С.Т. Разина. Но эта линия нарушалась самим правительством, так как противоречила объективному процессу усиления социальной мобильности в условиях начала “нового периода” отечественной истории. Это было учтено Петром I при подготовке к введению в жизнь знаменитой “Табели о рангах”, когда принцип личной выслуги, а не родовитость стал главным критерием при продвижении по службе.

После принятия Уложения 1649 г. общность интересов всех разрядов феодалов выразилась также в практике подачи коллективных челобитных правительству. Лейтмотивом таких обращений обычно служили просьбы о совершенствовании государственной системы сыска беглых крестьян и холопов. В обстановке укрепления крепостнических порядков помещики получили больше возможностей для усиления эксплуатации зависимых крестьян. Это проявилось в развитии барщины, которая стала во второй половине XVII в. наиболее распространенной формой феодальной ренты в Центральной России. В свою очередь данное обстоятельство отозвалось на обострении противоречий в деревне, усилении сопротивления крестьянских масс, распространении бегства из феодальных владений. Одновременно повысилась доля денежных оброков. Продуктовая рента обычно служила придатком к барщине и денежному оброку. Весьма частым явлением было наличие смешанных форм ренты в феодальных имениях. На землях дворца и в некоторых казенных владениях существовала “десятинная пашня” (казенная барщина). Почти исключительно на денежном оброке находились крестьяне Поморья.

Углубление социальных антагонизмов позднефеодального общества в России отразилось в явлениях деформации господствующих производственных отношений, а также генезиса капитализма. Под воздействием товарно-денежного хозяйства некоторые феодалы начинают приспосабливаться к нему, ориентируются на производство продукции для рынка. Помещики всех рангов стали чаще торговать хлебом. Постепенная передвижка феодального землевладения в более плодородные южные районы имела своей целью обеспечить условия для повышения товарности помещичьих хозяйств. Идя навстречу этим тенденциям, правительство в 70-х годах XVII в. отменяет прежние ограничения на распространение крупного частного землевладения в зоне “засечных черт” на юге страны. Обширное дворцовое хозяйство также не гнушается продажей хлеба со своих полей. В горячую страдную пору привлекаются сотни наемных работников на уборку урожая.

И в области промышленности заметны черты предпринимательства у части феодалов. Металлургическими заводами владели, например, боярин Б.И. Морозов, тесть царя Алексея И.Д. Милославский. Широко было развито в среде помещиков поволжских и западных местностей производство выгодного экспортного товара — поташа. На “будных станах” и “майданах” трудились тысячи работников, получавших денежное вознаграждение. Быстро оценили выгодность своего положения власти Макарьева Желтоводского монастыря, во владении которого стремительно набирала силу ставшая скоро всероссийско-знаменитой Макарьевская ярмарка. Многочисленный сонм царских воевод на местах изрядно наживался за счет поборов с торговцев и личного (или через посредников) участия в торговых операциях. Ближе к концу XVII в. помещики все активнее обращаются к производству водки, выступая в качестве поставщиков хмельного зелья.

Дух обогащения и стяжательства у феодалов, включая придворных, заметили современники, в том числе иностранцы. Распространение в среде феодалов несвойственных их положению коммерческих занятий подчеркнули в своей “сказке” 1660 г. представители крупного купечества: “Ныне всякими большими и лутчими промыслами и торгами владеют и промышляют духовный и воинский и судебный чин, оставя и презрев всякое государственное правление”¹. Даже со скидкой на

¹ См.: *Зерцалов А.Н.* О мятежах в городе Москве и селе Коломенском в 1648, 1662 и 1771 гг. М., 1890. С. 263.

преувеличение этот факт достаточно красноречив. Феодално-натуральные устои владельческого хозяйства стали подрываться товарно-денежным началом в качестве дополнительного источника дохода.

Противоречивость социально-экономического развития обнаруживалась и в том, что процессу закрепощения, а следовательно, и "привязки" населения к местам обитания противостояли факторы иного порядка. Так, в деревне всех разрядов, включая частновладельческую, крепостную, приобретает со временем растущее значение отход на заработки. Крестьяне отправляются подчас в отдаленные районы наниматься на речные суда (прежде всего, на Волгу и Северную Двину) в качестве грузчиков, бурлаков и т.д. Бродят они по Руси в артелях плотников, ходят с купеческими обозами, ищут случайного заработка в городах. Известны факты поступления таких отходников на работу по найму к богатым посадским и крестьянам.

По масштабам отходничества на первом месте стоял речной транспорт. Множество пришлых людей устраивались на крупнейших в стране солеваренных промыслах Прикамья, где на рубеже XVII—XVIII вв. действовало до 200 варниц, которые обслуживались в основном за счет наемного труда. Претерпевает изменения во второй половине XVII в. строительное дело. Распространяется подрядная система ведения работ, с "повольной" оплатой и взаимными договорными обязательствами сторон, отмирают категории "залисных" (казенных) ремесленников, обязанных выполнять заказы на возведение зданий и других сооружений. Тысячи людей устремляются на пушные промыслы Сибири, нанимаясь в артели звероловов — "покручников". Рыбные угодья Мурмана и Каспия привлекают на крупные купеческие предприятия людей, нуждающихся в стороннем заработке для поддержания своего существования, поправки хозяйства. Появляются разнообразные документы, фиксирующие наемную работу (рядные и наемные записи), а также разрешающие отход на заработки (отпускные письма, проезжие "памяти" и др.). Крепостническое законодательство допустило в Уложении 1649 г. специальную статью, разрешавшую крестьянам и бобылям наниматься на работу "с записями и без записей", запрещая их закрепощать за работодателем (ст. 32, гл. XI).

Иными словами, в России начал складываться рынок рабочей силы, что указывало на возникновение буржуазных отношений, пока еще слабых, но имеющих тенденцию развития. Наслоения феодально-крепостнического строя давали себя ощутимо почувствовать во многих областях жизни общества, где начинают давать о себе знать новые явления. Но процесс генезиса капиталистических отношений был уже необратимым. Верным его показателем стало развитие мануфактурного производства. Оно, как правило, возникало в районах, где ранее существовало мелкое товарное производство в соответствующей отрасли промышленности.

В исследуемое время мануфактуры централизованного типа возникли в металлургии (близ Тулы, Каширы, на Урале, в Поморье), судостроении, солеварении, канатно-прядельном деле, обработке кож и другого животного сырья, силикатном производстве. Среди предпринимателей были как отечественные, так и иностранные коммерсанты (среди первых Светешниковы, Гурьевы, Панкратьевы, Тумашевы, Микляевы, ко вторым относились А. Виниус, П. Марселис, ван Сведен, Бутенант и др.). На заводах Тульско-Каширской группы, устроенных А. Виниусом и Ф. Акемой, впервые в России было использовано доменное производство железа с применением гидросиловых установок. Существовали также казенные и дворцовые мануфактуры, связь которых с рынком была гораздо слабее.

Практически не поддается учету рассеянная мануфактура, а также простая капиталистическая кооперация. В источниках лишь случайно можно встретить глухие и по преимуществу косвенные сведения о предприятиях этих видов. Но следует признать, что таких предприятий было немало в стране. На это указывает тот факт, что наблюдается устойчивый спрос на определенные виды

сырья со стороны торговых людей в одних и тех же местностях. И одновременно на рынке обращается изрядное количество товаров, представленных полуфабрикатами промышленных изделий, деталями орудий производственного назначения (части кожаной обуви, рыболовных снастей, детали ткацких станков и пр.). Поэтому весьма затруднительно привести сколько-нибудь достоверные цифровые показатели по мануфактурным предприятиям этого времени. Все приводимые в литературе данные на этот счет не могут претендовать на точность. Кроме того, существуют разногласия насчет критериев отнесения тех или иных предприятий к мануфактурам, что также влияет на результаты предпринимаемых подсчетов. Представляется гораздо важнее подчеркнуть то обстоятельство, что мануфактурная форма производств стала устойчивым компонентом социально-экономического развития страны. Наличие на ряде заводов несвободного труда работников основного и вспомогательного производств указывает на сложность процесса генезиса капиталистических отношений в стране, где господствовал класс феодалов-крепостников.

Использование рычагов внеэкономического принуждения входило в арсенал первоначального накопления в России, источники и пути которого имели свои особенности. Но основным путем накопления капиталов была торговля. Наиболее надежный барыш давала именно она. Торговый капитал главенствовал в экономических связях и хозяйственной жизни страны. Накопленные в сфере обмена капиталы находили частичное применение в различных видах производства. Изученные к настоящему времени исторические факты позволяют утверждать, что не только крупное привилегированное купечество обзаводилось теми или иными предприятиями, но и более широкая среда торговцев-оптовиков не обходилась без устройства разного рода промышленных заведений. Последние нередко были своеобразными придатками торговых фирм, имели подчиненное значение (мельницы, солодовни, салотопни, сушильные сараи и т.д.).

Для понимания генезиса капитализма в России XVII в. весьма существенное значение имеет вопрос о социальном расслоении посада и деревни. В литературе давно замечено, что "лучшие", "нарочитые", "первостатейные" люди, упоминаемые источниками, представляли собой бюргерскую верхушку в городах и зажиточный слой в сельских местностях. В противоположность этим социальным типам известны отделенные частично или полностью от средств производства "молодые", "худые", "маломочные", бездворные и скитающиеся по миру жители, гулящие, ярыжные и другие, уделом которых чаще всего была наемная работа. Та нищета, которая создавалась феодально-крепостническим строем, передавалась как по наследству зарождавшимся буржуазным формам дифференциации общества. Рост феодальных повинностей приводил в напряженное состояние маломощные крестьянские хозяйства, ставил их в такие условия, когда им грозило разорение, а продолжение самостоятельного производства на своем клочке земли оказывалось подчас возможным лишь на пониженном уровне. В деревне растет число бобылей, половников. В тех районах, где преобладали отношения государственного феодализма (Поморье), заметна земельная мобилизация в крестьянской среде, а также переход участков в руки купечества и церковных феодалов. Правительство принимает охранительные меры к тому, чтобы не выпустить крестьянские угодья из тягла, запрещает продажу и заклад земель, особенно феодалам и горожанам. Но это мало соблюдалось на практике. Казенное попечительство не могло сгладить процесса социальной дифференциации.

Поскольку социальное расслоение влекло за собой углубление противоречий в посадских и крестьянских общинах, некоторые наиболее дальновидные царские администраторы пытались найти выход из положения, предлагали проекты преобразований. В этом плане представляет интерес деятельность А.Л. Ордина-Нащокина в Пскове. После "псковской смуты", обнаружившей резкую противоположность интересов верхов и низов посада, Ордин-Нащокин пред-

принял местную реформу, от которой ожидал немалого эффекта. Он, опираясь на посадских богатеев, расширил права земских органов, включая суд, улучшил условия торговли. Самая главная мера заключалась в том, что жителей города распределили по ремесленно-торговым специальностям с условием, что зажиточные люди должны были отвечать за бедняков и кредитовать их. Правительство не утвердило этих нововведений.

Широкомасштабные миграции населения при внимательном рассмотрении оказываются не только естественным движением в поисках лучших условий для самостоятельного хозяйствования на новых местах или перемены социального статуса на более высокий. В ряде случаев миграции совершаются в поисках иных источников существования, каковыми выступает наемная работа. Закладываются элементы той подвижности населения, которую предполагает и без которой не может развиваться буржуазный способ производства.

Таким образом, в России XVII в. происходили глубокие внутренние перемены, связанные как с ужесточением крепостнического режима, так и с зарождением и ростом тех самых “связей буржуазных”, характеризующих сущность нового периода русской истории и созидание единого всероссийского рынка. Экономическое слияние ранее обособленных областей, земель и княжеств обозначало возникновение национальных связей. При всех особенностях и различиях Россия в социально-экономической области развивалась в том же направлении, что и другие европейские страны. Менее благоприятные условия этого развития сказались на замедленности общественного прогресса. Гигантская территория страны, разнообразие природно-климатических, историко-экономических, этнокультурных явлений приводили к неравномерности развития в пределах самой России.

Вторая половина XVII в. прошла в России под знаком обострения классовой борьбы. Народные массы не остались безучастными к нарастанию феодально-крепостнического угнетения. После введения в действие Уложения 1649 г. знакомое по предыдущей поре помещикам и царским властям бегство крестьян стало приобретать угрожающие масштабы. Военная обстановка 1654—1667 гг., когда многие дворяне были созваны в полки и оставили свои владения, послужила благоприятной почвой для избавления крестьян от крепостного ярма путем бегства. Далеко не пассивный характер этого явления подтверждается тем фактом, что уход крестьян нередко сопровождался разорением или сожжением двора феодала, расправой над ним самим и его семейством. Далеко не исключением были такие случаи, когда беглые возвращались в родные места, подговаривали к уходу оставшихся крестьян и вместе с ними нападали на помещичьи имения. Тревожные сигналы такого рода поступали правительству отовсюду. Усилились жалобы на разбойничество, которое также подчас имело связь с действиями беглых людей. Центральная власть издает строгие указы по борьбе с беглыми и разбойниками, грозит им жестокими карами, вплоть до смертной казни. Она не могла не учитывать деморализующего воздействия самого факта бегства крестьян на поведение находившихся в армии помещиков. Эти последние далеко не всегда считались с дисциплиной и самовольно оставляли службу, возвращались в свои имения, чтобы управиться с делами, уберечь добро, удержать в повиновении крестьян. За подобные проступки правительство сулило суровые наказания. Однако, как и бегство крестьян, дезертирство служилых людей из армии продолжалось.

Предзнаменованием новой волны открытого противоборства народных масс со своими угнетателями уже в 1666 г. послужил поход отряда Василия Уса по южным районам России. Восставшие казаки и крестьяне громили помещиков, карали местных администраторов. Дойдя до Тулы, Василий Ус повернул обратно. Впоследствии он стал одним из ближайших сподвижников С.Т. Разина.

В следующем году в Москву поступили вести, что в Паншине и Качалинском острожке на Дону собираются казаки, стекаются туда беглые “боярские люди и

крестьяне с женами и с детьми”. Донские места тогда были в зоне набегов кочевников, и земледелие там почти не могло развиваться. Поэтому приток населения вызвал обострение продовольственной проблемы, на Дону стал ощущаться голод. Кроме того, правительство запретило казакам походы “за зипуном”, т. е. набеги (нередко ответные) на Крым и подвластные ханству территории. Это также вызывало недовольство казачества.

Скопившаяся на Дону гольтыба избрала своим предводителем известного на Дону мужественного и инициативного Степана Тимофеевича Разина. Атаман оценил обстановку и повел большой отряд казаков на Волгу, а оттуда — на Каспийское море. По дороге были захвачены суда, принадлежавшие царю и феодалам, разгромлены встретившиеся по пути отряды стрельцов. Судовые работники влились в разинскую ватагу. Практически без боя был взят Яицкий городок (Гурьев), здешние жители, работавшие на рыбных промыслах, поддержали восставших и многие вступили в их ряды. Флотилия Разина прошла вдоль западного и южного побережья Каспия и оказалась близ крупных торговых иранских городов. Разинцы захватили там богатую добычу, нанесли поражение флоту шаха. Местная беднота активно выступила на стороне казаков. В 1669 г. войско Разина вернулось в пределы России. Молва разнесла по Руси вести об удачливом атамане, который привел к Астрахани свое роскошно разодетое войнство, обремененное всевозможными восточными товарами и драгоценностями. Астраханские воеводы побоялись вступать с Разиным в открытый конфликт, тем более что простой народ встречал атамана с восторгом, как героя. Разин потребовал пропуска своего войска на Дон, на что царские власти, скрепя сердце, согласились. К тому времени у атамана уже сложилось твердое намерение поднять широкое восстание против притеснителей народа.

Один осведомленный иностранец сообщил в своих записках, что еще по пути из персидского похода к Астрахани Разин “сулил вскоре освободить всех от ярма и рабства боярского, к чему простолюдины охотно прислушивались, заверяя его, что все они не пожалеют сил, чтобы прийти ему на помощь только бы он начал”. Так и случилось, когда С.Т. Разин с Дона двинулся вновь на Волгу, но его действия теперь приобрели вполне отчетливый антиправительственный и антифеодальный характер. Всюду к разинцам присоединялись обездоленные, жаждущие освобождения и лучшей жизни люди. В июне 1670 г. войско Разина без боя овладело Царицыным. Спустившись к Астрахани, повстанцы окружили город. При помощи посадских людей Разин взял город и в течение месяца стоял здесь, чиня суд и расправу над дворянами и богатеями, казнил воеводу князя Прозоровского.

Оставив в Астрахани гарнизон во главе с В. Усом, атаман двинул войско на север. В Поволжье запылала крестьянская война, ее очаги распространились в зоне укрепленных пограничных линий (Симбирской, Тамбовской). Здешние государственные служилые люди “по прибору” часто присоединялись к восстанию. Причин для недовольства своим положением у них было более чем достаточно. Их притесняли командиры, на них возложили обременительную повинность обрабатывать пашню и вносить в казну оброк (“четвериковый хлеб”). Разинцы взяли Саратов и Самару, подошли к Симбирску. В руках повстанцев оказались многие другие пункты на обширной территории. Движение перекинулось за Волгу, в него включились не только русские люди, но также татары, мордва, чуваш, марийцы. Пылали помещичьи усадьбы, приказные избы в городах. Царских чиновников отстраняли от власти, нередко расправляясь с ними. Вчерашние посадские и крестьяне объявили себя вольными казаками и поднимались на борьбу.

С.Т. Разин и его атаманы рассылали всюду свои призывы-прокламации (“преlestные письма”). Содержание этих документов не оставляет сомнений в направленности движения, его социальной сущности. За некоторой туманностью целей восстания достаточно ясно проступает главная идея — “из Московского государ-

ства вывести изменников бояр и думных людей и в городах воевод и приказных людей", "мирских кровопивцев", как говорилось в разинских грамотах. Царистские иллюзии восставших сказались в том, что в их лозунгах выдвигалась защита "государя". В разинской флотилии был струг, о котором распускали слух, будто там находится сын царя Алексей Алексеевич. Предводитель повстанцев не скрывал, что он ведет свое войско на Москву.

Но продвинуться далее Симбирска Разину не удалось. Засевшие в остроге царские войска упорно оборонялись. К ним на помощь подоспели большие силы. Правительство провело мобилизацию служилых людей и, воспользовавшись перемирием в войне с Польшей, приняло энергичные меры для подавления восстания. Церковь провозгласила анафему Степану Разину, его сподвижники были объявлены богоотступниками. Дабы противостоять "прелестным" грамотам разинцев, власти пускаются на всевозможные ухищрения и посулы. Тем, кто не примкнет к восстанию, обещали льготы от налогов. Восставших царские грамоты пытались представить в личине разбойников, именовали разинцев "бездомовными людьми", для которых безразлично, кого разорять и грабить. Между тем ориентация руководителей движения на трудовой народ, на униженных и обделенных вполне вырисовывается из прокламаций и конкретных действий. Разин приглашал в войско людей "кабальных и опальных", грамоты его самого и других повстанческих атаманов были адресованы "всей черне". Характерно, что продолжение похода повстанцы связывали с той порой, покуда "хлеб с поля не спрячют", т. е. с завершением трудовой страды².

Но в сентябре 1670 г. под Симбирском войско Разина потерпело поражение от царской армии. Сам атаман был ранен и едва спасся с группой повстанцев, отправившись на Дон. Здесь он намеревался собрать новое войско, призвать на помощь калмыков и продолжить борьбу. Зажиточные казаки схватили атамана и выдали царским карателям. Однако крестьянская война продолжалась. По разным местностям страны действовали подчас многочисленные отряды восставших во главе с разинскими атаманами, среди которых была женщина — оставившая сан монахиня Алена. Движение перекинулось на Слободскую Украину. В среде повстанцев лесного Заволжья возникла мысль прорваться к большим городам Вятке и Соли Камской, чтобы поднять там посадскую бедноту и работников солеваренных промыслов. Далее предполагалось идти вызволять из неволи Разина. Долгое время держалась непокорная Астрахань — один из оплотов восстания. На крайнем севере, в Соловецком монастыре, не без участия разинских эмиссаров и бежавших от расправы участников крестьянской войны

Степан Разин.
Западноевропейская гравюра XVII в.

² Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1954. Т. 1. С. 221.

под флагом “старой веры” происходило восстание, подавленное лишь в 1676 г. Волновались работные люди и приписные крестьяне Тульских заводов. За Уралом произошли в ряде пунктов выступления крестьян. Туда удалось пробраться некоторым разинцам. На заставах были учреждены усиленные караулы для поимки повстанцев.

Исключительной жестокостью отличалось подавление восстания в основных районах движения. В одном Арзамасе каратели казнили не менее 11 тыс. человек. Дворяне — участники борьбы с восставшими получили прибавку жалованья и земельных окладов. И напротив, те, кто не явился в полки карателей или бежали, лишались половины поместий и вотчин. В Кремле царь устроил торжественный прием для участников борьбы с Разиным. Командиры царских ратников заслужили особые монаршие милости, они успешнее стали продвигаться по службе. Патриарх распорядился повсюду служить благодарственные молебны.

С.Т. Разина после нечеловеческих истязаний казнили на Красной площади в Москве 6 июня 1671 г. Мужественно принял смерть народный предводитель. Таким он и запечатлелся в памяти трудового люда. О нем слагали песни, легенды, предания, переходившие из поколения в поколение. Воздействие крестьянской войны на современников было очень велико. Она стала важным рубежом в освободительной борьбе народа. Спустя много лет о Разине вспоминали в разных уголках России. Находились смельчаки, которые открыто говорили о том, что надо продолжать дело Разина. Во время значительных крестьянско-казацких выступлений 1682 г. на юге страны о Разине говорили неоднократно. Уцелевшие разинцы берегли реликвии времен восстания, в том числе знамена. Спустя 20 лет после крестьянской войны в далеких сибирских краях имя Разина было символом борьбы за волю во время восстаний крестьян и служилых людей.

Крестьянская война под предводительством С.Т. Разина вызвала широкий международный резонанс. О ней много писали в газетах и хрониках немецких, французских, голландских и шведских. Движение Разина послужило темой защищенной в Виттенберге диссертации И.Ю. Марция (Мерца), а в 1671 г. о Разине была издана первая брошюра в Лондоне. Интерес к этому событию подогревался еще и тем, что в самой Москве времен восстания было неспокойно, власти ожидали волнений, а находившиеся в столице иностранцы пребывали в смятении. Согласно одному из иностранных сочинений о Разине, изданному в 1674 г. в Виттенберге, крестьянская война вызвала страх правящих верхов не только России, но и всей Европы³. В некоторых зарубежных сообщениях Степан Разин именовался “всемирно известным, главным и первейшим мятежником против Москвы”⁴.

Поражение крестьянской войны не заглушило острых социальных конфликтов в стране. На некоторое время вооруженная борьба с угнетателями отступила на задний план. Однако неповиновение населения, отдельные выступления против властей и помещиков продолжались. А бегство из крепостной деревни не ослабевало. Ширилось движение старообрядцев-раскольников.

* * *

Если до середины XVII в. официальной церкви противостояли разрозненные и немногочисленные группы еретиков, то теперь на арену выступили широкие народные массы. Раскол русской православной церкви приобрел характер и масштабы общенациональные, что указывало на кризис религиозной идеологии и церковной организации. Внешнее выражение раскола (расхождение в обрядах, толковании канонических текстов и т. п.) не может скрыть глубинной социальной подоплеку этого движения.

³ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 5.

⁴ Иностранные известия о восстании Степана Разина. Л., 1975. С. 125.

Как известно, раскол церкви обычно связывают с деятельностью энергичного и властного патриарха Никона и его сторонников. Заняв патриарший престол в 1652 г., Никон стал добиваться на церковных соборах последующих лет утверждения намеченных им реформ. В 1656 г. церковный собор с участием антиохийского патриарха Макария отлучил от церкви всех противников реформ. В середине 50-х годов XVII в. Печатный двор усиленно выпускал в свет вновь переведенные или исправленные богослужебные и другие церковные книги. В самой идее правления и проверки находившихся в обиходе богослужебных книг с целью их приведения в соответствие с наиболее ранними творениями "отцов церкви" ничего угрожающего как будто не предвиделось; парадокс состоит в том, что инициаторы этого дела, строго говоря, и были "старообрядцами", так как стремились возродить искаженные временем и обстоятельствами тексты церковной литературы. Но старообрядцами стали именовать тех, кто воспротивился реформам Никона и считал их делом богопротивным.

Патриарх Никон

Нововведения в церковной жизни осуществлялись крутыми мерами, что усиливало недовольство "никонианами". Раскол быстро перешагнул рамки духовного сословия и стал распространяться на все социальные слои, превращаясь в своеобразное знамя борьбы с церковными и светскими властями. Угнетенным народным массам казалось, что их бедственное положение, усугубленное войнами, неурожаями, эпидемиями, имеет отношение к проводимым церковным реформам. "Шатость" в вере стала проявляться еще более наглядно, чем ранее, власти были озабочены уклонением верующих от исповеди. В 1660 г. последовало распоряжение строго соблюдать это правило, составлять списки не бывших на исповеди и присылать их в Монастырский приказ для принятия мер противслушников. Полицейские санкции в идеологической сфере побуждались известными, подобными тем, которые поступали из Астрахани. Там работные и гулящие люди распространяли какие-то "богоотступные письма".

Десятки тысяч людей отказались принять нововведения. Подвергаясь гонениям, они покидали свои жилища и семьями уходили в леса, селились в труднодоступных "зверопастенных" местах, подальше от всякого административно-религиозного контроля. Север, Заволжье, Урал и Сибирь стали основными районами, где водворились старообрядцы. Но и в городах, включая Москву, Новгород и другие пункты, это движение стало внушительным. Имели место прямые столкновения старообрядцев с царскими войсками, проводившими облавы на "богоотступников".

Политический крах Никона, его отлучение от патриаршества, подтвержденное церковным собором 1666 г. в присутствии восточных патриархов, не погасили пламя раскола. Оно бушевало во многих местностях. Наиболее известно Соловецкое восстание 1668—1676 гг., в ходе которого старообрядцы сыграли огромную роль. "Прения о вере" бурно протекали в столице. У церквей собирались "мужики простые купами", вызывая обоснованный страх в верхах. Восстание 1682 г. в Москве также имело самое прямое отношение к движению старо-

обрядцев, в их среде было много стрельцов. Официальная церковь и правительство пытались сокрушить раскольников и в богословских спорах, но безуспешно. Вызванный на диспут в присутствии царевны Софьи один из лидеров старообрядцев, Никита Пустосвят, после словесного поединка был схвачен и отправлен на плаху. Неистовый противник церковных нововведений протопоп Аввакум оказался в долгой пустозерской ссылке и там подвергся жестокой казни — его сожгли в срубе.

Независимо от воли расколоучителей движение старообрядцев выливалось в различные формы протеста против существующих порядков, приобретало социальную окраску. Фанатичные представители раскола стали прибегать к изуверским способам отказа от официальной церкви. Они толкали своих последователей, включая детей, женщин и стариков, на коллективные самоубийства. Из разных мест страны (прежде всего с Севера и из Сибири) стали поступать страшные вести о самосожжениях десятков и сотен людей. Проповедь “крещения огнем” как знака приверженности “истинной” вере и средства очищения от “земных грехов” уводила сторонников раскола от активной борьбы с социальным злом. Вместе с тем столь страшный исход, как самосожжение, указывал на непримиримость вовлеченных в раскол людей с господствовавшей общественной системой.

Адаптация старообрядческого движения к условиям эпохи проходила с большим трудом. Во второй половине XVII в. старообрядчество из эфемерного состояния начинает дифференцироваться, из него выделяются различные течения — “толки”. Нередко под термином “раскольник”, “старообрядец” скрывались самые разнообразные оппозиционные церкви элементы, в том числе те, которые стали именоваться сектантами. Одной из наиболее ранних сект, истоки которой лежат в дониконовском периоде истории православной церкви, были последователи старца Капитона (их нередко именовали “капитонами”). Аскетический образ жизни капитонов, участие в труде, отказ от некоторых обрядов, отрицание священств и таинств импонировали крестьянской рядовой массе и множили число последователей учения в уездах Центральной России. Возникли секты не признававших священников (беспоповцы), иконоборцев, “бегунов” и др. Но они были еще малочисленными по составу и главную оппозиционную массу составляли раскольники-старообрядцы.

Особого обострения вопрос о старообрядцах достиг в годы патриаршества Иоакима — их яркого противника. Стремясь идейно разоружить и подавить отступников, официальная церковь не жалеет сил и средств на публицистическо-разоблачительные произведения. В ответ появляется старообрядческая литература, обличающая “никониан”. Рукописные произведения этого рода получили широкое хождение по стране. Укрываясь в далеких краях от преследователей, старообрядцы везли с собой рукописи и старопечатные книги, которые нещадно уничтожала никонианская церковь при поддержке светской администрации. Современные археографические экспедиции в места обитания раскольников обнаружили там и сохранили для науки немало ценных литературных памятников. В культурно-историческом плане такие находки в сочетании с изучением художественного и музыкального наследия старообрядческих общин дали очень много для понимания путей духовного развития на пороге перехода от средневековья к новому времени.

При всем различии старообрядческой и официальной церкви у них было нечто общее — враждебность в отношении к светской культуре, к гражданскому образованию. Протопоп Аввакум в “Беседе о внешней мудрости” страстно выступал против интересующихся астрономией, философией, обрушивая свой гнев на “альманашников и звездочетцев... злодейщиков”. Но, будучи в оппозиции к властям духовным и светским, идеологи раскола логикой вещей оказались в стане критиков и обличителей существующего строя. Тот же Аввакум в своих сочинениях осуждал царя Алексея Михайловича, не желая принимать

Диспут с раскольниками в присутствии царевны Софьи

санкционированного князьями церкви чрезмерного возвеличения монарха: “А ныне у них все накое да поперек: жива человека в лице святым называ”⁵. Обращаясь к сюжетам легендарно-историческим, Аввакум недвусмысленно дает понять, что его обличения глубоко современны и относятся к царской особе. И после вступления на трон Федора Алексеевича “огнепальный” протопоп находит возможности из заточения через единомышленников нарушить благолепие пышного праздника в Москве в начале 1681 г., когда там “безстыдно и воровски метали свитки богохульные и царскому достоинству безчестныя”. Враги обвинили Аввакума в том, что он, сидя в тюрьме, “на берестяных хартиях начертывал царские персоны и высокия духовные предводители с хульными надписаниями и толковании”⁶. Один из активных сторонников старообрядчества, С. Денисов, составил “Виноград Российский” — сборник житий пострадавших от репрессий мучеников за старую веру.

О сложности и неоднозначном характере происходившей на религиозной почве идейной борьбы свидетельствует полемическое сочинение инок Ефросина, в котором он осудил самосожжения старообрядцев. Выступая против пессимистического восприятия мира, он именует жизнь человека “великим даром божьим”. Тот, кто толкает на самоубийство, представляется Ефросину врагом “светлой России”⁷.

Консервативно-охранительные начала в деятельности православной церкви проявились также в борьбе против проникновения “латинства”. Впрочем, люте-

⁵ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие сочинения. М., 1960. С. 154.

⁶ Мальшев В.И. Новые материалы о протопопе Аввакуме // Труды отдела древнерусской литературы. М., 1965. Т. 24. С. 343.

⁷ Елеонская А.С. Русская публицистика второй половины XVII в. М., 1978. С. 220.

ранам и кальвинистам разрешили в России иметь свои церкви в отличие от католиков. Патриарх Иоаким столь же яро и последовательно проводил эту линию, как и против раскольников. Но в данном случае ему пришлось столкнуться с серьезным противодействием в правящих сферах, не говоря уже о том, что объективный ход событий вел к сближению с культурой Запада. В кругах ученых монахов, чаще всего выходцев с Украины и из Белоруссии, идеи “западничества” были сильны. Симеон Полоцкий пользовался особым расположением царского дома и таких влиятельных вельмож, как В.В. Голицын.

Однако Иоакиму удалось осуществить репрессивные акции, направленные против сторонников сближения с Западом. Так, после падения Софьи при поддержке партии Нарышкиных он добился отстранения от дел и казни Сильвестра Медведева — соратника Симеона Полоцкого, известного писателя. Патриарх настоял на проведении судебного процесса над “еретиками” К. Кульманом и К. Нордерманом. Кульман недолго пробыл в России, куда приехал проповедовать свое учение. Он был последователем мистически настроенных западноевропейских авторов, которых осудили и предали смертной казни церковники Саксонии и Империи.

Суть нового учения состояла в том, что оно предрекало неизбежность кровопролитных войн между христианским и мусульманским мирами. Эти катаклизмы должны в итоге привести к тому, что “будет едино стадо и один пастырь”. Враждующие религии погибнут, и на их месте утвердится новое вероучение — езуелитское, отличающееся не только от христианства и мусульманства в целом, но и от каждого из их течений и оттенков. Сторонники этой теории тем самым предсказывали крах и православной религии. Кульман энергично взялся за распространение своих взглядов в России. Против Кульмана объединились церковные иерархи и лютеранское духовенство, его обвинили в действиях, вредящих России, что последний решительно отрицал во время допросов с пристрастием. Финал был трагичным: “еретиков” приговорили к лишению жизни. В октябре 1689 г. Кульмана и Нордермана сожгли в срубе на Болотной площади Москвы.

Организаторов расправы пугали не только религиозные построения Кульмана. Во время допросов выяснилось, что проповедник отстаивал взгляды, согласно которым осуждалось существующее устройство общества. Кульман утверждал, что после осуществления развиваемой им идеи “явится всякая правда... а царей, и королей, и великих государей, князей, и иных вельмож не будет, а будут все равные и все вещи будут общественные, и никто ничего своим называть не будет”. Следователи заключили, что взгляды Кульмана перекликаются с некоторыми положениями русских раскольников. Но никакими гонениями и казнями уже невозможно было поддержать сильно пошатнувшийся авторитет православной церкви, которая переживала глубокий идейный кризис и все более теряла свое место в обществе.

Глава 4

АНГЛИЯ В 1660—1689 ГОДАХ

Политический строй, утвердившийся в Англии в результате победоносных буржуазных революций, отличался рядом важных особенностей, которые позволяют усмотреть в нем особый (“ранний”) тип в истории буржуазной государственности.

Наиболее характерной среди этих особенностей является сугубо олигархический характер власти в центре и на местах. Формировавшаяся посредством высокого имущественного ценза так называемая “политическая нация” (т. е. то

абсолютное меньшинство народа, которое пользовалось избирательным правом) и сама процедура выборов были обусловлены сосредоточением всей полноты политической власти в центре и на местах в руках предельно узкой прослойки крупных собственников.

Вторая характерная особенность раннебуржуазного государства состояла в своеобразном разделе “власти и интереса” между буржуазной и законодательной знатью, давно уже связанной с капиталистическим укладом хозяйства. Поскольку, с одной стороны, дворянство обладало гораздо большим политическим и военным опытом в сравнении с буржуазией и, с другой — постольку последняя все еще оставалась по преимуществу буржуазией торговой и денежной, политически крайне консервативной, гораздо более опытной в искусстве извлечения прибылей, чем в искусстве политического маневрирования, постольку устанавливался до поры до времени своеобразный “баланс сил” — преобладание буржуазных интересов в законодательстве и внешней политике и дворянского “представительства” в центральных органах управления.

Наконец, отличительная особенность раннебуржуазного государства заключалась в его открыто репрессивной роли по отношению к народным “низам”. Законодательное исключение последних из “политической нации” дополнялось политикой наследственного подчинения труда власти капитала и беспощадного подавления малейших проявлений протеста со стороны угнетенных. Проследим историю формирования английского варианта раннебуржуазной государственности.

РЕЖИМ РЕСТАВРАЦИИ ПРИ КАРЛЕ II

В последние месяцы Второй республики (1659—1660) Англия переживала глубокий экономический и политический кризис, создавший реальную угрозу нового революционного подъема. Устав от кровопролитных войн, анархии, опасаясь нового взрыва народной стихии и желая установления “твердой власти”, союзники — буржуазия и новое дворянство — пошли на компромисс с остатками феодального дворянства и реставрировали монархию Стюартов. 25 апреля 1660 г. парламент принимает решение о том, что правительство Англии в соответствии с древней конституцией королевства должно состоять из короля, лордов и общин, и направляет к сыну казненного короля Карлу II Стюарту уполномоченных с предложением возвратиться на законный престол. Ответ не заставил себя долго ждать: в специальной Бредской декларации Карл обещал политическую амнистию всем участникам революции (кроме лиц, названных самим парламентом), сохранение конфискованных во время революции имений их последним владельцам, веротерпимость, созыв “свободного” парламента.

29 мая после 17-летней эмиграции Карл II торжественно въехал в Лондон. Встреча “законного монарха” напоминала хорошо отрепетированный спектакль. Очевидец событий Джон Эвелин с восторгом описывал происходившее в тот день: “Улицы украшены цветами, знаменами и гирляндами. Вино бьет из фонтанов. Лорды, знать — в одежде, расшитой золотом и серебром. Громкая музыка. Радостные крики. Толпы народа заполнили улицы. Такого радостного дня нация еще не знала”¹.

Впрочем, радость по поводу Реставрации переживали далеко не все англичане. В парламент поступали сведения о беспорядках в отдельных районах королевства, о “возмутителях и подстрекателях общественного спокойствия”, “недоброжелателях”, изъявлявших готовность убить короля собственной рукой. Особое беспокойство вызывала армия, в рядах которой было немало сторонников Кромвеля. Лица солдат, выстроившихся для встречи монарха, “были угрюмы

¹ Evelin J. The diary. Oxford, 1955. Vol. 3. P. 246.

и пасмурны, и, дай они волю своим чувствам, торжественное празднество, в котором они нехотя приняли участие, имело бы плачевный и кровавый конец².

Недовольство Реставрацией проявляли и сектанты. Местным властям предписывалось принять меры для подавления “возмутительных сборищ” анабаптистов и квакеров. Во время торжественной церемонии восшествия короля на трон два десятка вооруженных “людей пятой монархии” с криками “Никакого короля, кроме Христа” учинили серьезные беспорядки на улицах Лондона.

Что же представлял собой новоиспеченный монарх, которому суждено было править страной в течение 25 лет? По воспоминаниям современников, Карл II был убежден, что трон принадлежит ему на основе божественного права, подданные, якобы полученные им в наследство, должны беспрекословно повиноваться, а королевская власть не имеет иных ограничений, кроме тех, которые сама себе устанавливает. Полагают, что подобные взгляды о неограниченности королевской власти сложились у короля под влиянием известного философа Томаса Гоббса, бывшего в годы эмиграции его учителем.

Следует заметить, что вопреки вышеизложенным отвлеченным представлениям о характере королевской власти Карл II фактически вернулся в Англию на “договорных” началах, а отнюдь не в качестве абсолютного монарха. Так, он вынужден был официально подтвердить ряд важнейших конституционных актов — “Великую хартию вольностей”, “Петицию о правах”, исключительное право парламента вотиловать налоги. За исключением постоянной дворцовой охраны и немногочисленных гарнизонов в Ирландии и Шотландии, у него не было постоянной армии. Не были восстановлены уничтоженные революцией суды королевской прерогативы, Звездная палата, Высокая комиссия — основные средства подавления политической оппозиции. Наконец, в связи с подтверждением им отмены рыцарских держаний король лишился и прав верховного сюзерена.

Таковы были новые условия функционирования реставрированной монархии. Тем не менее шатания политики Карла II между абсолютистскими притязаниями “наследственного” монарха и фактическим положением “договорного” короля составляли специфическую черту политической истории Англии поздних Стюартов.

Придя к власти, Карл II, блестящий, веселый “любитель развлечений и удовольствий, довольно беспечный насчет требований морали и каких бы то ни было убеждений”, окружил себя “алчными царедворцами и еще более алчными любовницами”³. При его дворе все были заняты исключительно интригами, празднествами и всякого рода увеселениями. “Король развлекался, не ограничивая в расходах ни себя, ни тех, кто составлял ему компанию”, — вспоминал его министр граф Кларендон⁴. Своим прямым обязанностям Карл II уделял внимание достаточно редко.

Образ жизни Карла II требовал значительных расходов. Постоянно испытывая недостаток в деньгах, король был вынужден обращаться за помощью к парламенту. Финансовая зависимость от парламента еще более укрепляла его в стремлении избавиться от парламентской опеки и добиться установления деспотического правления. Однако достигнуть этой цели Карлу II так и не удалось.

Своим главным совещательным органом король вновь сделал Тайный совет, упраздненный в годы революции. Поскольку его полномочия не были четко определены, Тайный совет представлял собой “скорее частный, нежели общест-

² Маколей Т.Б. История Англии от восшествия на престол Иакова II. // Полн. собр. соч. СПб., 1861. Т. 6. С. 148.

³ Гардинер С. Пуритане и Стюарты (1603—1660). СПб., 1896. С. 243.

⁴ Clarendon E. The history of the rebellion and civil wars in England. Oxford, 1843. Vol. I. P. 1099.

венный институт” и его решения могли задерживаться из-за отсутствия тех влиятельных лордов, к мнению которых король относился с особым вниманием⁵.

Законодательную власть в стране после Реставрации формально осуществлял “король в парламенте”, где была восстановлена палата лордов. Однако и здесь революция не прошла бесследно — в общем и целом уменьшилось экономическое и политическое влияние палаты лордов, одновременно более могущественной стала палата общин. Ни одна субсидия не давалась без ее одобрения, и ни один законопроект не становился статутом без ее согласия.

Первый парламент Карла II (25 апреля — 24 декабря 1660), предложивший королю вернуться в Англию, назывался Конвенционным. Свою работу он начал с обсуждения законопроекта об амнистии участникам революции, в связи с чем ему предстояло назвать лиц, амнистии не подлежащих. После долгих дебатов остановились на списке из 70 фамилий. Жестоким преследованиям подверглись не только участники судебного процесса над Карлом I, но и многие активные республиканцы. 29 из них, оставшиеся в живых и не успевшие бежать за границу, были казнены. Не пощадили даже прах вождей революции: Кромвеля, Айртона, Брэдшоу, Прайда. Их останки были извлечены из гробниц Вестминстерского аббатства, повешены, а затем погребены под виселицей.

Важное место в работе парламента занял также вопрос о землевладении. Короне и церкви были возвращены конфискованные революцией владения. Что же касается претензий роялистов, то возврату прежним владельцам подлежали только земли, распроданные парламентом. Те же владения, которые оказались в руках новых собственников в результате добровольного отчуждения их самими делинквентами, возврату не подлежали. 16 июля 1660 г. парламент издал указ о восстановлении короля и королевы во всех их земельных владениях; распродажа делинквентских земель признавалась недействительной, земли роялистов предлагалось вернуть прежним владельцам. Однако лишь немногие дворяне-роялисты добились возвращения своих владений. В то же время лишь некоторые из новых владельцев получили компенсацию за то, что вернули земли. Лендлорды и наиболее активные сторонники короля получили секвестрованные земли, но лишились земель, проданных в частном порядке. Итак, новое дворянство и буржуазия потеряли земли, приобретенные у государства после секвестра, но сохранили те, что были приобретены путем частных сделок. Такое компромиссное решение отвечало “интересам двух различных частей политического блока, силами которого проводилась Реставрация, т. е. феодальной знати, с одной стороны, нового дворянства и буржуазии — с другой”⁶.

Ряд актов революции был подтвержден реставрационным парламентом. Так, в декабре 1660 г. им был принят закон “Об упразднении палаты по делам опеки и отчуждений”, который освобождал землевладельцев от феодальных повинностей, но сохранял феодальный статус держаний крестьян на правах копигольда. Этим по сути были подтверждены соответствующие акты Долгого парламента (1646) и протектората (1656).

Второй парламент Карла II оказался самым длительным (8 мая 1661 — 24 января 1679), за что и получил свое второе название “Долгий парламент Реставрации”. Поначалу он не был оппозиционным по отношению к королю. Но постепенно отношения изменились. Коррупция и распущенность двора, непопулярная внешняя политика и всеобщий страх перед усилением католицизма объединили ряды недовольных. И уже к 1667 г. палата общин превращается в “палату критиков”, где формируется оппозиция режиму Стюартов. Возникают политические

⁵ Ogg D. England in the reign of Charles II. Oxford, 1955. Vol. I. P. 190.

⁶ Архангельский С.И. Крестьянские движения в Англии в 40—50-х годах XVII в. М., 1960. С. 293. В целом “земельные перестановки”, произведенные в ходе революции, оказались незначительными. Конфискованные у роялистов владения, распродававшиеся парламентом, сплошь и рядом выкупались их собственниками через подставных лиц. См.: Thirsk J. The Restoration land settlement // The Journal of Modern History. 1954. № 4.

партии: правительственная (“партия двора”) и оппозиционная (партия страны). С 1679 г. за ними закрепляются более лаконичные названия — *тори* и *виги*.

Являясь по своему составу и идейно-политическим убеждениям партией земельной и финансовой аристократии, тори в принципе отстаивали интересы монархии, поддерживали prerogatives короля.

Социальный состав ранних вигов был более пестрым. Наряду с крупными землевладельцами в этой партии имелось немало представителей высших слоев буржуазии — фабрикантов, купцов, финансистов. Партия вигов выступала за ограничение prerogatives королевской власти, добиваясь усиления парламента. Видя в угрозе, исходившей от народных масс, средство политического давления, с помощью которого можно достичь своей цели, виги в ходе внутрипарламентской борьбы не раз обращались к ним за поддержкой. Однако даже самые стойкие из приверженцев оппозиции нисколько не заботились об интересах народных “низов”, от лица которых они будто бы выступали.

В феврале 1667 г. в парламенте обсуждался вопрос о Трехгодичном акте, обязывавшем короля созывать законодательное собрание не реже одного раза в три года. Короля явно не устраивал этот закон, и при поддержке тори он неоднократно предпринимал попытки от него избавиться. Несмотря на сильную оппозицию вигов, тори одержали победу и отменили Трехгодичный акт.

Однако чаще победа оказывалась на стороне оппозиции. Виги открыто вмешивались во внешнюю политику, проводимую королем. Нередко парламент отказывал в субсидиях королю, если тот самостоятельно принимал решения по вопросам внешней политики. В 1668 г. Англия заключила Тройственный союз с Голландией и Швецией. Однако Людовик XIV вступил в переговоры с Карлом II и добился от него разрыва Тройственного союза в обмен на значительную денежную субсидию. Подписанный в Дувре в мае 1670 г. договор превращал Англию в союзницу Франции в ее борьбе с Голландией. В соответствии с Дуврским договором английский король в тайне от парламента должен был получить 150 тыс. ф. ст. и по 225 тыс. ежегодно в течение военной кампании.

Война Англии и Франции против Голландии действительно началась весной 1672 г. Однако король не нашел поддержки в парламенте. 31 октября 1673 г. в палате общин обсуждался вопрос, выделять ли денежную субсидию королю на ведение войны с Голландией. Виги требовали ограничить короля в средствах, выделявшихся на ведение войны, и настаивали на том, чтобы “денежные средства использовались по назначению”. В палате общин был поставлен вопрос об условиях мирного договора с Голландией. В феврале 1674 г. мир с Голландией был заключен, что, правда, не помешало Карлу II продолжать за спиной парламента тайные переговоры с Людовиком XIV.

Дебаты в палате общин по поводу различных prerogatives короля свидетельствовали об усилении роли парламента в конституционном устройстве Англии. Критика prerogatives короля становилась в палате общин привычной.

В 1672 г. король издал Декларацию о веротерпимости, которая предоставляла свободу богослужения как сектантам, так и католикам. В стране же были сильны антикатолические настроения. Отождествление папизма с абсолютизмом прочно укоренилось и широко распространилось со времен гражданских войн. Поэтому неудивительно, что королевская декларация вызвала бурю негодования. Сторонников даже среди тори оказалось немного. Противники декларации заявили, что “приостановка королем репрессивных законов против сектантов противозаконна”, так как это prerogative парламента. Под натиском обеих палат Карл II был вынужден отменить декларацию. Это было значительной победой парламента над королем.

Парламент сумел добиться установления контроля над финансами страны. Ежегодно вотируемые Карлу II денежные субсидии становились рычагом давления на короля.

Не менее важным достижением парламентариев стало признание законом принципа ответственности министров перед парламентом. В 1660—1667 гг. каби-

нет министров возглавлял Эдвард Гайд, граф Кларендон. Будучи убежденным роялистом, Кларендон полагал, что законодательные функции должны принадлежать “королю в парламенте”, а исполнительные — “королю в государственном совете”. В период его правления страна пережила ряд бедствий (чума, сильный пожар в Лондоне, война с Голландией в 1665—1667 гг.). Все это сделало министерство Кларендона непопулярным. В 1667 г. парламент выдвинул против Кларендона ряд обвинений, в том числе в государственной измене. Кларендон был отстранен от должности. Его ожидало тюремное заключение. Но он успел бежать из страны. Вспоминая позднее события тех лет, Кларендон объяснял свои несчастья тем, что “потерял доверие общин... главным образом из-за своего недоброжелательного отношения к их часто повторяемым аргументам о власти”, и признавал, что действительно противился усилению палаты общин⁷.

На смену правительству Кларендона пришло так называемое правительство “Кабал” (1667—1673), которое состояло из пяти человек и получило название от начальных букв фамилий каждого из них⁸. Наиболее значительной фигурой в правительстве стал лорд Эшли, позднее получивший известность как лидер вигов под именем графа Шефтсбери.

В 1674 г. положение в стране осложнилось. Приостановка королем выплаты платежей по займам, сопровождавшаяся финансовым кризисом, издание Декларации о веротерпимости, воодушевившей католиков, профранцузская внешняя политика, приведшая к новой англо-голландской войне (1672—1674), — все это вызвало серьезные разногласия в правительстве. Шефтсбери и Бекингом перешли на сторону оппозиции. “Кабал” распался.

Новое правительство с 1674 г. возглавлял граф Дэнби. Ревностный роялист, сторонник англиканского вероисповедания, Дэнби, подобно своим предшественникам, пытался занять “промежуточное” положение между королем и парламентом. Охраняя национальные финансы, он надеялся обеспечить независимость короны, а подкупая депутатов парламента, намеревался “закрыть рот” оппозиционерам. Он утверждал, что предпочитает иметь 99 молчаливых законодателей, чем одного противника.

Желая расширить prerogatives короля, Дэнби стремился укрепить в парламенте партию, преданную Карлу II. Используя различные средства (подкуп, патронаж), он стремился обеспечить своей партии большинство мест в парламенте. Ему удалось провести в депутаты палаты общин парламента двух своих сыновей, брата, трех шуринов, зятя и еще ряд дальних родственников, разделявших, разумеется, его интересы. Однако положение министра было неустойчивым. В 1678 г. оппозиция выдвинула против него ряд обвинений, и Дэнби был смещен с занимаемого поста. Отныне парламент неослабно следил за действиями королевских министров, систематически требуя от них отчета о деятельности, принимал решения об их отставке.

В феврале 1679 г. состоялись выборы в новый парламент. Впервые с момента реставрации монархии они проводились в обстановке ожесточенных распрей между партиями. Большинство мест в парламенте заняли виги.

За время своей непродолжительной работы (две сессии в течение одного года) парламент принял знаменитый *Хабеас корпус акт*, гарантировавший подданных от произвольного ареста и заключения без суда. Этот закон, предусматривавший обязательное представление арестованного в суд для рассмотрения вопроса о законности ареста, явился результатом десятилетней борьбы (1668—1679) вигов в парламенте против “двора”. Действие акта не распространялось на лиц, заключенных в тюрьму за долги. А поскольку в эту категорию попадали, как правило, неимущие, то очевидной становится направленность закона. “Крестьяне

⁷ Clarendon E. Op. cit. P. 1204.

⁸ Клифорд — лорд-казначей; Арлингтон — государственный секретарь; Бекингом — сын фаворита Якова I и Карла I; Эшли (Ashley); Лодердейл — наместник Шотландии.

и ремесленники напрасно рассчитывали на помощь этого закона”, — признавал английский историк Дж. Роджерс⁹.

Время работы первого вигского парламента совпало с усилением антикатолических настроений в стране. В августе 1678 г. в Тайный совет явился бывший католический священник Титус Оатс и сообщил, что ему известно о заговоре католиков, стремящихся произвести государственный переворот убив Карла II и посадив на трон его брата герцога Йорка, открыто исповедовавшего католицизм. Хотя “признание” Оатса вызывало сомнения уже тем, что указанное им число “заговорщиков” (200 тыс.) намного превышало число католиков, проживавших в стране (13,6 тыс.), однако вымыслу поверили, точнее, было выгодно поверить тем, кто в “католической опасности” видел угрозу потерять находившиеся в их руках монастырские владения. Повсюду власти прочесывали дома католиков в поисках оружия. На улицах Лондона день и ночь дежурили вооруженные отряды милиции. По всей стране прокатилась волна антикатолической истерии. Всевозможные нелепые домыслы о заговоре порождали в стране панику. Парламент вынужден был срочно принять серию репрессивных законов против католиков. К принятому в 1673 г. Закону о присяге, предписывавшему принесение присяги по англиканскому обряду всем должностным лицам, добавились акты: об удалении католиков из обеих палат парламента, о принятии эффективных мер для подавления роста католицизма в стране, о лишении католиков права вести торговлю или дело в Лондоне и ряд других.

В 1679 г. в парламенте началось обсуждение билля об исключении герцога Йорка из престолонаследия. Антикатолические настроения в палате общин вспыхнули с новой силой. Борьба в парламенте вокруг билля “Об исключении...” положила начало политическому кризису в стране. С судьбой этого законопроекта обе партии тесно связывали вопрос о власти. Кто одержит победу в споре о престолонаследии, король или парламент, тот станет хозяином положения в стране. Это особенно хорошо понимали представители буржуазии и нового дворянства — виги, принявшие самое активное участие в парламентских прениях вокруг билля “Об исключении...” “Протестанты и католики не могут жить вместе в Англии, — заявил один из них — Томас Плей. — И пока католики надеются, что у них будет король одной с ними веры, они не оставят попыток покушения на жизнь короля-протестанта”¹⁰. Большинство парламентариев высказались в поддержку билля уже при первом чтении. Рассерженный король 12 июня 1680 г. распустил ставший неугодным ему парламент.

В стране разгорелась борьба за созыв нового парламента, наибольшую активность в которой проявляли виги. Им удалось занять большинство мест в палате общин в четвертом парламенте, созванном 21 октября 1680 г. В первую же сессию виги вновь обратились к биллю “Об исключении...” Характерно, что в поддержку этого закона выступили и многие тори, полагавшие, что сохранить протестантскую религию при короле-католике невозможно. Стойкие защитники королевских прерогатив, тори на этот раз выступили заодно со своими политическими противниками. Страх потерять награбленные церковные земли, владельцами которых были многие представители обеих партий, преобладал над их политическими и религиозными принципами, заставляя отдельных представителей правительственной партии поддерживать оппозицию во время дебатов о билле “Об исключении...”.

В результате продолжительных и жарких споров билль “Об исключении...” был одобрен парламентом, однако король отказался признать его законным. Он поспешил распустить парламент, надеясь, что в результате новых выборов в палате общин займут места более сговорчивые депутаты. Но Карл II просчитался. Новые выборы проходили в обстановке острой политической борьбы. Многие выборщики инструктировали своих депутатов посредством печатных

⁹ Rogers J.E.T. A history of agriculture and prices in England. Oxford, 1887. Vol. 5. P. 103.

¹⁰ The parliamentary history of England from the earliest period to 1803. L., 1807. Vol. 4. P. 1126.

памфлетов, побуждая их настаивать на билле “Об исключении...” Когда же парламент собрался, то оказалось, что из 513 членов палаты общин 405 были депутатами предыдущего, а из 108 новых представителей лишь немногие стояли на стороне “партии двора”. Тогда же король решил избрать местом созыва парламента город Оксфорд, известный своими симпатиями к партии тори. За неделю до открытия сессии Карл II самолично выступил перед горожанами.

К моменту открытия парламента, по мере того как съезжались его депутаты, мирный город все больше становился похож на военный лагерь. Пешая и конная охрана короля заполнила улицы. Депутаты палаты общин въехали в Оксфорд также в сопровождении своих хорошо вооруженных сторонников. На голубых сатиновых лентах их шляп было начертано: “Долой папство! Долой рабство!” Улицы были запружены каретами и вооруженными всадниками.

Виги выставили требования созыва ежегодных парламентов и признания законным билля “Об исключении...” Они выразили протест против постоянной армии и отказались вотировать деньги королю до тех пор, пока он не согласится выполнить их требования. В ответ король 28 марта 1681 г. (спустя неделю после открытия) объявил о роспуске парламента. Начался период беспарламентского правления Карла II.

Чтобы ослабить влияние вигов в городах, король лишил многие бурги законных хартий, одновременно пожаловав таковые тем городам, где было сильно влияние тори.

Лишившись возможности легально бороться за власть, виги перешли к заговорщической деятельности. Однако и на этом поприще их ждало поражение. Выступление вигов в 1683 г. было подавлено. Их идеолог Олджернон Сидней сложил голову на плахе, лидер парламентской оппозиции граф Шефтсбери бежал в Голландию. По стране прокатилась волна арестов. Последовали многочисленные судебные процессы над заговорщиками и оппозиционерами. Партия вигов оказалась разобщенной и дезорганизованной.

6 февраля 1685 г. Карл II скончался. На трон вступил его брат Яков II Стюарт.

Уничтожение внутренних монополий, бесконтрольность огораживаний, присвоение имущими в частную собственность недавно еще “ничейных” мелиорированных пустошей, покровительство заморской торговле — все это оживило экономику страны, ускорило накопление капиталов. По подсчетам экономиста и статистика конца XVII в. Чарлза Дэвенанта, промышленность и торговля, а также морской флот с 1660 по 1688 г. удвоились. Столь быстрого экономического развития Англия никогда еще не знала. На фоне укрепления и расширения капиталистического уклада хозяйства острым политическим диссонансом прозвучала весть о воцарении на английском престоле брата Карла II Стюарта.

Реставрация династии Стюартов не смогла приостановить движение Англии по капиталистическому пути.

“СЛАВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ” 1688—1689 ГОДОВ

Первые шаги правления нового короля показывают, в какой степени он боялся смуты. В стране явно росло возбуждение, множились слухи об убийстве Карла II католиками, эту “весть люди обсуждают в кофейнях и прямо на улице”, вооруженные люди собираются толпами, “вновь говорят о наследственных правах герцога Монмаута”, — пишет очевидец¹¹. Король отдает распоряжение об опросе всех пассажиров, прибывших с континента, во всех графствах милиция

¹¹ Calendar of state papers. Domestic 1685. L., 1959. P. 37, 42, 21. Герцог Монмаут — незаконнорожденный сын Карла II — родился в Голландии в 1648 г., когда его отец находился в изгнании. После реставрации монархии занял при дворе место, более подобающее законному наследнику, чем бастарду. В условиях, когда решался вопрос о передаче трона законному наследнику — брату короля герцогу Йорку, ярому католику, вигская оппозиция сплотилась вокруг герцога Монмаута, протестанта, связав с его именем программу будущего политического устройства.

приведена в боевую готовность. В такой обстановке началась кампания выборов в новый парламент.

Сама предвыборная кампания стала первым смотром сил. Король руководил выборами через посланных в графства чиновников, “рекомендуя”, “советуя”, настаивая на нужной кандидатуре. Документы королевской канцелярии свидетельствуют об активном сопротивлении в ходе выборов воле королевской администрации. И если в парламент все-таки были выбраны “удобные лица”, то на местах оппозиция оставалась в силе. Новый состав парламента predetermined его решения. Король заявил в тронной речи, что лучший способ собирать парламент чаще — вести себя хорошо. Парламент утвердил требуемый Яковом пожизненный доход короля, выделил средства на экстраординарные расходы, связанные с подавлением восстания Монмаута (парламент уже заседал, когда оно началось). Воспользовавшись восстанием, король поставил на голосование билль об учреждении постоянной армии, и билль прошел в обеих палатах. Парламент пошел даже на то, что был отменен “Хабеас корпус акт”. Яков II открыто выступил против свободы печати: новые правила для компании книгоиздателей ограничивали число типографий, сокращали списки торговцев книгами, а владельцы типографий отныне должны были представляться королю лично. Концентрированным выражением опасной направленности политики короля стало насаждение католицизма. Когда палата общин рекомендовала опубликовать адрес королю об использовании существующих законов против диссентеров от англиканской церкви, в число которых попадали и католики, Яков II усмотрел в этом оскорбление персоны короля. Абсолютистские поползновения короля открыто угрожали основаниям того общественного устройства, которое сложилось в результате революции 40-х годов.

В первый же год правления Якова II были предприняты две попытки свергнуть его режим. В мае-июне граф Арчибальд Аргайл, глава клана в горной Шотландии, связанный с вигами, поднял восстание. Но отсутствие единства действий, уособицы между кланами, которые лишили Аргайла поддержки, предрешили его поражение. Вместе с Аргайлом был захвачен и казнен кромвелевский офицер левеллер Ричард Рембольд.

Вскоре после этих событий, 10 июня 1685 г., на юго-западном побережье Англии с отрядом в 150 человек высадился герцог Монмаут. За один день его “десант” превратился в тысячный отряд добровольцев, а через неделю это была целая 7-тысячная армия пеших и 300 всадников.

Путь Монмаута проходил по юго-западным графствам Дорсет, Девон, Сомерсет, Уилтшир — традиционному району развитой шерстяной промышленности. Стихийный рост армии герцога, массовый переход на его сторону милиции западных графств заставили Якова II думать не столько о разгроме мятежников, сколько о том, чтобы удержать провинцию от присоединения к “бунтовщикам”. Об этом свидетельствуют многочисленные распоряжения королевской канцелярии. Чем дальше развертывалось восстание, тем яснее становилось, что армия Монмаута пополняется за счет простых людей. Последнее обстоятельство не только лишало предводителя конницы, но и меняло весь смысл предприятия.

Чтобы легализовать себя в глазах “честных джентльменов”, Монмаут принял титул короля. Декларация нового короля, обнародованная в Таутоне спустя неделю после начала выступления, стала политической программой восстания. В ней легко видеть преемственность между “вечными” формулировками Великой ремонстрации и аргументами вигских идеологов. Сочетание “величия и чести короля” с “правами и прерогативами народа” выдают сокровенную надежду на сбалансированную конституционную монархию. Во второй части документа перечислялись конкретные шаги, которые будут осуществлены новым королем после свержения власти “тирана и католика Якова”. И здесь слышен трезвый голос английского буржуа, добивавшегося участия во власти: ежегодный созыв парламента, возвращение бургам их старых хартий, введение нового порядка

выборов шерифов, смена судей, роспуск постоянной армии, наконец, веротерпимость с уничтожением всех актов, направленных против диссентеров. Слова о “правах и свободах английского народа”, включая сюда и свободу диссентерства, легко завоевывали сердца простых людей.

Вскоре военный успех изменил Монмауту. После Бристоля его действия теряют целеустремленность. Наконец, вернувшись к Бриджуотеру, Монмаут решил дать сражение королевским войскам среди болот Седжмура. Битва началась в ночь с 5 на 6 июля и продолжалась целый день. Письма, дневники, донесения, исходившие от противников восставших (и это придает им еще большую достоверность), в один голос свидетельствуют о том, что в самые напряженные часы боя повстанцы обнаружили такое мужество, самоотверженность, понимание военных задач, какие можно ожидать только от ветеранов. Монмаут, который умело начал сражение, теперь почти отстранился. На рассвете он бежал с несколькими офицерами, и бой продолжался без предводителя. К вечеру бой разгорелся с новой силой. Это была последняя героическая попытка обреченных. Вечером 6 июля командующий королевскими войсками послал донесение королю о “великой победе”.

Итак, прямая атака на политический режим последних Стюартов со стороны оппозиции была отбита. Однако следует отметить, что во время восстания Монмаута партия вигов получила поддержку самых широких слоев демократии. Правда, программа переворота, подготовленная вигами, не отличалась определенностью, а их тактика зачастую оставалась нерешительной. Это особенно заметно проявилось, когда “высокие виги” (верхушка партии) отреклись от поддержки восстания в самый критический момент, предоставив рядовых повстанцев их собственной судьбе.

К осени 1685 г. соотношение политических сил в стране позволило Якову II надеяться, что он сумеет развить успех, которым для него ознаменовался разгром оппозиции. По существу Яков II пытался осуществить государственный переворот, причем легально, преобразовав три части государственного механизма: во-первых, он сменил аппарат чиновников в центре и на местах; во-вторых, реорганизовал судебную власть; в-третьих, создал постоянную армию как инструмент насилия. Наконец, он пробует вернуть страну в лоно католицизма.

Абсолютистские поползновения короля открыто угрожали основаниям того общественного устройства, которое заложила революция 40-х годов. Однако возможности революционного взрыва ограничивались своеобразной расстановкой сил в лагере противников режима последних Стюартов. В политическом плане это было связано с изменением соотношения политических сил в пользу реакции. Порвав с радикализмом, виги отныне стали рассчитывать только на борьбу в парламенте. Однако они не получили представительства в палате общин, которая с самого начала продемонстрировала свою лояльность. Менее надежна, с точки зрения Якова, была палата лордов, где лидировали представители тори — лорд Ноттингем и граф Бэт. После разгрома восстания 1685 г. выявилась разница в истолковании политической ситуации королем и его недавними союзниками — тори. Если тори полагали, что отныне устранена последняя угроза прочной королевской власти и Яков сможет править в рамках существующего политического устройства, то сам король намеревался воспользоваться восстанием как поводом для усиления своей власти, расширения прерогатив монарха в сравнении с условиями договора о Реставрации Стюартов в 1660 г.

Следующий шаг был сделан Яковом в направлении ужесточения контроля над англиканской церковью. Он начал с того, что запретил проповеди лондонского епископа и одновременно потребовал выполнения специальных указаний к проповедям, выпущенных в 1662 г. Католические же священники пользовались полной свободой. В ответ участились нападки на католических священников прямо во время их проповедей. Суд церковной комиссии, отмененный револю-

ционными установлениями, был восстановлен королем во всем объеме его прав и полномочий. Отныне он мог не только судить клириков, но и инспектировать колледжи и университеты. В руках короля-католика и его приспешников церковный суд превратился в оружие, направленное против англикан. А в июле 1686 г. католики заняли большинство мест судей. Фактическая передача государственного аппарата в руки католиков шла быстрыми темпами. К концу этого года пять католиков были введены в Тайный совет, а правительственный комитет с их участием инспектировал работу комиссий мировых судей. В результате к январю 1687 г. почти повсеместно были сформированы новые комиссии.

Стремясь ввести веротерпимость, чтобы легализовать положение католиков в государстве, Яков II изменил политику в отношении диссентеров. Первыми это испытали на себе квакеры. Еще в 1686 г. на протяжении всего года шли процессы против приверженцев этой секты, и мера наказания определялась жестокими приговорами, а в марте 1687 г. всем квакерам было даровано общее прощение, тюрьмы раскрыли ворота перед заключенными, процессы и преследования прекратились. Некоторые анабаптисты обратились к королю с петицией, подчеркивая свое послушание и покорность, и также получили прощение. Появились целые конгрегации сектантов, где за несколько десятков шиллингов с семьи получали разрешение на свободное богослужение. Однако оставались значительные группы таких диссентеров, которые справедливо опасались, что дарованная королем свобода совести рассчитана именно на католиков, а потому отказались получать эту милость из рук короля.

Кульминацией всей кампании стала Декларация о веротерпимости, обнародованная 4 апреля 1687 г., которая официально приостанавливала действие уголовных законов против всех диссентеров, в том числе и католиков, а также отменяла Акт о присяге, принятый вигским парламентом и запрещающий католикам занимать государственные должности.

Новый поворот в политике короля поставил тори, по преимуществу англикан, перед необходимостью возглавить оппозицию. Вторая Декларация о веротерпимости от 4 мая 1688 г. была встречена единодушным протестом самых влиятельных кругов англиканского духовенства. Епископы отказались от публичного чтения ее во всех церквях Англии, как было предписано, и передали королю петицию с просьбой вообще отказаться от декларации. Характерно, что идейные аргументы англиканского протеста были заимствованы у вигской оппозиции периода “кризиса исключения”. Эта петиция была перепечатана и распространена. Яков отдал приказ об аресте епископов и заключении их в Тауэр. Начался процесс по обвинению епископов в распространении направленного против короля памфлета. Однако суд присяжных Лондона оправдал епископов, и они были освобождены. Таким образом, союз короля с тори-англиканами, обеспечивший поддержку Карлу II в момент политического кризиса 1679—1681 гг., окончательно распался. Яков продолжил поиск новых союзников в деле реализации своей стратегии — обеспечить такую надежность нового парламента, которая бы гарантировала легализацию государственного переворота.

Упор был сделан на перемены на местах, прежде всего в бургах. В преобладающем большинстве малых бургов был изменен состав правящей верхушки. Список лиц, подлежащих замене, возглавила корпорация Лондона. Шесть олдерменов, включая лорда-мэра столицы, оставили свои места. За этим последовали изменения в городской ливрейной компании. Королевская администрация распространила своеобразную анкету среди членов городских корпораций об отношении к веротерпимости, ответы на которую рассматривались как условие их избрания в парламент. Неудобные ответы вели к новым чисткам в городском управлении, лишению бургов старых хартий. Массовый характер этих замен свидетельствовал о сильном недоверии к местным властям.

И все же, несмотря на смену лордов-наместников в графствах (к февралю 1688 г. 15 католиков заняли посты лордов-наместников), джентри игнорировали анкету короля о веротерпимости, отказываясь давать информацию о своей благонадежности. Если в период политического кризиса конца 70-х годов тори уступали вигам в борьбе за влияние в бургах и виги получали бесспорную поддержку на парламентских выборах, то теперь на первый план выдвинулась борьба короля с провинциальными джентри и земельной аристократией. Итак, конкретная политическая ситуация последних лет правления Якова II сделала олигархию ведущей силой в борьбе против короля, придав этой борьбе особый характер.

В июне 1688 г. произошло событие, ускорившее развязку, — у королевы родился сын. В Англии появился новый претендент на трон вместо дочери короля от первого брака Марии — протестантки, супруги статхаудера Республики Соединенных Провинций Вильгельма Оранского. Новая угроза сплотила вигов и тори. Тем временем в королевской канцелярии готовились списки кандидатов в парламент, одобренных королем. Созыв нового парламента назначили на ноябрь. В ответ на этот шаг короля было составлено письмо Вильгельму Оранскому с призывом предпринять военное вторжение. Письмо подписали четыре виги, три тори и один епископ.

10 октября Вильгельм опубликовал декларацию, где обещал явиться в Англию и помочь английской нации сохранить "протестантскую религию, свободу, собственность и свободный парламент". Новость застала Якова II врасплох. Он немедленно приостановил кампанию против муниципалитетов. Больше того, король выпустил специальную прокламацию, где обещал немедленно восстановить все прежние хартии, начиная с хартии Лондона, и созвать "свободно избранный парламент". Англиканские епископы были демонстративно приглашены в Уайтхолл для совета. Однако эти судорожные попытки выправить положение уже запоздали.

19 октября 1688 г. 600 кораблей голландского флота направились к берегам Англии. 15-тысячное войско высадилось на юго-западе и начало продвижение к Лондону. Второй раз за последние четыре года юго-западные графства Англии стали ареной вторжения из Голландии. Новый десант встретили настороженно. Только во второй половине ноября джентри юго-запада оказали открытую поддержку Вильгельму Оранскому. Большая по численности армия Якова II оказалась ненадежной, ее офицеры и солдаты стали переходить на сторону Вильгельма уже в середине ноября. В стране ширилось движение против короля.

В конце ноября — начале декабря пришли известия о восстаниях в разных концах страны. Так, в Чeshire восстание возглавил активный участник вигской оппозиции лорд Деламер, в Ноттингемшире — граф Девоншир. Все крупные города Англии оказали поддержку вторжению. Якову II не оставалось выбора, и он решил бежать на континент. Бегство короля прорвало долго копившееся возмущение и вызвало массовые выступления в столице. Толпа разрушила несколько католических церквей и разгромила дома наиболее ненавистных католиков.

Вильгельм III Оранский

Боясь потерять контроль над столицей, аристократы и Сити создали временное правительство под руководством умеренного тори лорда Галифакса. Теперь уже официально Вильгельма приглашали как можно скорее прибыть в столицу “для наведения порядка” — как записано в дневнике Генри Кларендона. Его позиция отражала точку зрения той части аристократии, которая еще недавно возмущалась “изменниками”, предавшими своего короля, но после событий в Лондоне не видела другого выхода, как самим перейти на сторону чужеземца, у которого была реальная сила против нарастающего недовольства в стране.

14 декабря 1688 г. Вильгельм подошел к Виндзору. В это время возникло непредвиденное обстоятельство. Яков II, опознанный толпой местных крестьян в графстве Кент, был схвачен и только благодаря наместнику — горячему приверженцу короля — был освобожден и вернулся в столицу. В этих условиях Вильгельм Оранский не хотел прибегать к насилию и побудил своего тестя бежать во второй раз — побег фактически был подстроен. 18 декабря Вильгельм вступил в Лондон, а три дня спустя уже заседал парламент, собранный из депутатов “вигских парламентов” 1679—1681 гг. Именно это собрание и утвердило Вильгельма в качестве временного главы государства, с тем чтобы он разослал письма по графствам для выборов представителей учредительного парламента-конвента. Сторонники старого режима не оказали сопротивления, поскольку основная его опора — армия оказалась ненадежной, к тому же массовые выступления против Якова в городах и графствах, в первую очередь в самой столице, не оставляли сомнения относительно исхода событий. Что касается Сити, то крупная буржуазия продемонстрировала свое отношение к событиям, немедленно предоставив новому главе государства заем в 200 тыс. ф. ст.

Сразу же встал вопрос об утверждении нового политического порядка, определяемого конституцией. Кто будет диктовать ее основные главы? Лагерь победителей отличался пестротой, и с самого начала не было ясности, кто станет ведущей силой. Тори-англикане опасались, что “принц Оранский сделает своей опорой диссентерские элементы — тогда мы будем иметь республику и все погибло” — так передает слова сэра Сеймура в своем дневнике Генри Кларендон. События конца 1688 г. вновь всколыхнули надежды на переустройство всего управления. В обстановке, когда запреты на свободу печати рухнули вслед за бегством короля, волна памфлетов захлестнула страну. Авторы разрабатывают свои конституционные проекты, дают советы, предлагают наилучшие, с их точки зрения, решения.

Мысль о праве народа вмешиваться в дела управления, чтобы исправить “нарушения в конституции”, или о том, что “общество передает верховную власть временно и на определенных условиях назначенным лицам”, служила обоснованием для расширения доступа к власти широких слоев буржуазной демократии. Это грозило повторением уроков 40-х годов. Олигархия страшилась, что политические перемены будут связывать с изменениями собственности. “Если следовать законам природы, согласно которой все люди равны, все вещи общи, то я сомневаюсь, можно ли удержать от нового раздела земель”, — утверждал автор памфлета, обращаясь к парламенту-конвенту.

Как видим, пришли в движение идеи, знакомые со времен “старого доброго дела”. От монархии, имеющей договорное происхождение, до выборной монархии — один шаг, а отсюда недалеко до ликвидации монархии вообще. “Не должны ли мы заключить, что плохое управление Якова II не только покончило с его королевским саном, но и распространилось на монархию вообще?” — с тревогой спрашивает автор памфлета, где излагаются предложения Вильгельму Оранскому.

Активизировались все идейно-политические течения — от радикалов до умеренных либералов. В этом пробуждении политической активности ини-

циаторы переворота увидели грозное предостережение. Выход из междоусобицы был найден в том, чтоб предложить корону дочери Якова II, супруге принца Оранского — это сразу поставило бы управление на законную почву и лишило силы доводы, которые могли привести на трон самого принца, подорвав устои законной монархии вообще. Такого варианта придерживались в основном умеренные тори. Виги продолжали настаивать на том, что после бегства короля трон свободен, но и среди вигов точка зрения тори находила понимание. Резолюция учредительного парламента-конвента, собравшегося в конце января 1689 г., подтвердила, что король Яков II отрекся от власти, разорвав первоначальный договор между королем и народом. Члены палаты лордов исправили слово “отрекся” на “оставил власть”.

Прениям между общинами и лордами, затянувшимся на неделю, положил конец сам Вильгельм. Он просто пригрозил отъездом в Голландию, если не будет избран королем. В этом случае решение вопроса о власти вышло бы за стены парламента, а это грозило имущим слоям общества последствиями гораздо более серьезными, чем избрание Вильгельма. Лорды быстро отказались от своей поправки, и обе палаты вместе, хотя и не единодушно, избрали Вильгельма и Марию королем и королевой, фактически же королем становится один Вильгельм. 13 февраля 1689 г. была принята Декларация прав, а в октябре 1689 г. она была закреплена как Билль о правах. Фактически оформление политических результатов переворота 1688 г. продолжалось на протяжении последнего десятилетия XVII в. и захватило начало следующего, когда шел процесс “доделывания” политической надстройки государства в виде серии актов, следовавших за Биллем о правах.

На первом месте по значимости стояло определение статуса королевской власти и парламента. В клятве при коронации подчеркивалось, что король будет управлять народом, согласно статутам парламента, законам и обычаям. Ранее монархи давали клятву править согласно прерогативе короны и дарованным законам и обычаям. Важнейшее отличие от прошлого состояло в том, что трон занял не король “божьей милостью”, а ставленник парламента.

В новых условиях король лишился диспенсионного права, т.е. права отменить законы парламента о наказаниях. Отныне он не мог приостанавливать действие других законов без согласия парламента. Акт о присяге 1679 г., направленный против предоставления католикам государственных должностей, отныне распространялся и на короля — в силу этого акта король не мог выбрать в супруги католичку. Вмешательство короля в отправление правосудия ограничивалось. Церковная комиссия как судебный орган перестала существовать. Королевская власть лишилась независимости от парламента: во-первых, в виде пожизненного дохода, во-вторых, в виде постоянной армии. Доход короля определялся парламентом на месяцы и даже на недели, причем на военные нужды предназначались отдельные суммы, но они порой были так мизерны, что королю приходилось обращаться к парламенту довольно часто. Таким образом идет сужение границ королевской прерогативы, тогда как положение парламента укрепляется. Король обязывался часто собирать парламент, а тот способ парламентских выборов, когда будущие делегаты подбирались “сверху”, осуждался как незаконный. Членам парламента гарантировалась свобода слова. Вместе с тем принятые законы не устанавливали прямого парламентского правления; король оставался свободным в выборе и смещении министров, судей, сохраняя за собой по-прежнему право созыва и роспуска парламента.

Избирательное право не нашло отражения в Билле о правах, хотя требование представительства пропорционально уплачиваемому налогу, другими словами, в зависимости от размеров собственности давно было поставлено на первый план торговой и промышленной буржуазией.

Положение судебной власти регулировалось специальными разделами Билля о правах. Суды не должны прибегать к чрезмерным залогам, штрафам и жестоким

наказаниям; практика искусственного подбора присяжных пресекалась; суд присяжных отныне был правомочен разбирать и дела о государственной измене; конфискация имущества арестованных запрещалась вплоть до окончания решения их дела судом присяжных.

Пытаясь привлечь на свою сторону верхушку буржуазии в лице ее пресвитерианской части, инициаторы переворота намеревались предоставить большую свободу в отправлении культа, церковной доктрине и церковном устройстве пресвитерианам, но не крайним сектам диссентеров, основной контингент которых составляли низшие прослойки населения. Согласно Биллю о веротерпимости (июнь 1689 г.) только отдельные группы диссентеров освобождались от притеснений и то при условии принесения присяги англиканской церкви, хотя некоторые положения ее молитвенника они могли считать для себя необязательными. Доступ к государственной службе по-прежнему определялся принесением присяги по всем пунктам англиканского исповедания веры. Крайние сектанты, не признававшие основного догмата христианства о троичности Бога, преследовались по всей строгости.

Таким образом, Билль о правах и последующие акты, его уточняющие, не отличались новизной содержания. Основные их положения повторяют конституционные документы периода революции 40-х годов и Реставрации периода “вигских парламентов”. Основное значение Билля о правах состоит в том, что он утвердил, оформил и закрепил основные завоевания буржуазной революции. С этой точки зрения переворот 1688—1689 гг. следует рассматривать как один из моментов общего революционного процесса, начало которому положила революция 40-х годов XVII в.

Глава 5

ЕВРОПЕЙСКИЙ АБСОЛЮТИЗМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII — НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Тридцатилетняя война и последовавшие за ней затяжные войны второй половины XVII — начала XVIII в. способствовали развитию абсолютизма в целом ряде государств Европы. Войны потребовали непривычно высоких расходов, сильно увеличилась общая численность армий и наметилась тенденция к тому, чтобы сделать их состав постоянным, не распуская солдат после окончания военных действий. Покрывать растущие расходы становилось труднее, особенно когда существовала необходимость испрашивать согласие сословных собраний на введение новых налогов; чрезвычайные поборы постоянно вызывали народные восстания. Среди правящих слоев росло понимание того, что укрепление власти монарха является необходимым условием ведения успешной внешней политики и поддержания социального порядка внутри страны.

Вместе с тем становилась все ощутимее неадекватность традиционной системы обложения, неразрывно связанной с феодальными привилегиями. Оставаясь феодальными по своему характеру и потому призванные быть охранительницами феодальных привилегий, европейские монархии не могли не учитывать и объективной необходимости перехода к более рациональному и равномерному обложению. Это важнейшее противоречие внутренней политики абсолютизма решалось в ту или иную сторону в зависимости от конкретного соотношения социальных и политических сил, от политических традиций и множества побочных факторов, обеспечивающих относительную независимость государственной власти и возможность перехода к бюрократической системе управления.

В широком социальном плане рост буржуазии, еще нуждавшейся в опеке со

стороны национальной монархии, составлял важнейший, хотя и не единственный, фактор складывания и развития абсолютизма. Но и функция монархии как охранительницы феодализма повсюду оставалась действенной, тем более что монархия имела дело с буржуа, которые в массе своей еще не противопоставляли себя старому строю, но, напротив, сами мечтали вклиниться в феодальную систему и приобщиться к феодальным привилегиям.

XVII век был веком рационализма политической мысли, первым веком новой, экспериментальной науки и философии. Это не могло не оказать существенного влияния на идеологию и практику абсолютизма. Вместе с тем политика еще не опиралась на разработанные теоретические схемы социологического или политэкономического характера; ее рационализм был тесно сопряжен с эмпиризмом, с впервые достигнутым тогда пониманием необходимости длительного изучения вопроса, детальных статистических обследований существующей практики (а солидная статистика экономики и демографии еще практически повсюду отсутствовала, и ее только предстояло наладить), прежде чем принять то или иное решение, причем главным критерием повсюду была возможность конкретной, сугубо практической выгоды в плане усиления власти, богатства и международного престижа монарха. Этот эмпирический настрой политики в общем соответствовал умеренности, сдержанности социального экспериментирования.

Эмпиризмом отличалась, в частности, и экономическая политика абсолютных монархий. Развитие капитализма в рамках сложившихся государственных образований, обстановка постоянной внешнеполитической напряженности, необходимость защиты недостаточно сильной национальной буржуазии в борьбе с иностранной конкуренцией, постоянная нужда всех государств в звонкой монете и кредите — все это породило традицию активного вмешательства монархий в сферу экономики и привело к широкому усвоению ими ряда принципов, впоследствии объединенных под наименованием *меркантилизма*. Тем не менее меркантилизм был скорее сводом конкретных практических “рецептов”, чем продуманной экономической теорией; наряду с ним были широко распространены и представления о необходимости свободы торговли для ее процветания, так что и здесь различные повороты политики абсолютизма определялись эмпирическими, а не теоретическими соображениями.

Процесс развития абсолютизма в европейских странах нельзя представлять себе изолированно, не учитывая взаимного влияния опыта разных стран. Политическая система французской монархии Людовика XIV оказала сильное непосредственное влияние на Пьемонт, позднее — на бургундскую Испанию, абсолютистские порядки в Дании — на соседнюю Швецию. Только буржуазные государства, Англия и Голландия, могли видеть источник своей силы в принципах, противоположных абсолютистским, но все феодальные государи Европы должны были учитывать, что отставание в монархической централизации грозит поставить их страны в невыгодное положение по сравнению с опередившими их соседями.

ФРАНЦИЯ

Франция раньше других стран встала на путь перехода к абсолютистской форме правления. Уже к середине XV в. французская монархия получила в основной части страны важнейшее для абсолютизма право собирать налоги, не испрашивая согласия сословного представительства. Французским королям практически не требовалось перенимать опыт других стран в построении абсолютной монархии, не нужно было слишком сильно форсировать ход эволюции, догоняя ушедших вперед соседей. Поэтому темпы складывания абсолютизма во Франции оказались замедленными, развитие его, растянутое на несколько столетий, было пронизано компромиссностью. Старые учреждения, как правило, не отменялись, но

продолжали существовать, постепенно теряя свое значение и уступая место новым. Королевское законодательство непременно должно было согласовываться с очень богатой правовой традицией, используя соответствующие элементы ее для своих целей и развиваясь преимущественно в форме фиксации и регламентации уже наметившихся на практике тенденций.

Политический союз монархии с городским сословием был давней традицией, материализовавшейся в двух важных явлениях, определивших существенные особенности развития Франции. Во-первых, французская буржуазия очень рано специализировалась на кредитовании государства и стала приобщаться к налоговой эксплуатации своей обширной и богатой страны, покупая финансовые должности и вкладывая деньги в широко разветвленную систему откупов. Во-вторых, в XVI в. генерализировалась система продажности не только финансовых, но и других должностей, в первую очередь судебных. Это также было формой кредитования государства (цена должности представляла ссуженный капитал, жалование — проценты с него), но имело и политический смысл: благодаря продажности должностей монарх получал аппарат должностных лиц, не обязанных своим возвышением системе вельможных клиентов. В 1604 г. собственность на должности была окончательно закреплена с введением полетты — сбора, гарантировавшего наследственность должностей.

Оба отмеченных явления играли немалую роль в деле укрепления финансовой и социальной базы французской короны. Однако в XVII в. стали остро ощущаться и их отрицательные с точки зрения интересов монархии стороны. Отвлечение значительной части капиталов на кредитование государства мешало развитию национальной торговли и промышленности. Таковы же были последствия покупки должностей, а связанное с этим одворянивание переводило в разряд привилегированных наиболее богатых налогоплательщиков.

С политической точки зрения продажность судебных должностей привела к складыванию особого социального слоя должностных лиц, все более стремившегося к кастовой замкнутости и осознавшего свои особые корпоративные интересы. Сила этой социальной группы состояла в том, что ее возглавляли парламенты и другие высшие судебные палаты (где должности также были продажными и наследственными), обладавшие такой политической прерогативой, как право регистрации королевских эдиктов и представления королю своих возражений. Судейские чины претендовали поэтому на роль особого сословия, толкующего законы и стоящего на страже законности. Если в обычной обстановке это не мешало им служить интересам короны, нуждавшейся в консультации квалифицированных юристов, то в чрезвычайных условиях военного времени, когда монархии приходилось прибегать к непопулярным фискальным мерам, высшие палаты, как показал опыт Фронды, борясь против ущемления своих привилегий, превращались в авторитетный рупор общественного недовольства, выполняя тем самым роль не созывавшихся с 1614 г. Генеральных штатов. Другие страны тоже знали продажность и наследственность должностей государственного аппарата, но только во Франции эта система приобрела особый размах, завершенность и привела к последствиям политического характера.

Говоря о Франции, надо особенно помнить, что сам термин *чиновничество* в применении к французским должностным лицам несет налет модернизации. Следует различать такие категории, как должностные лица (*оффисье*), *комиссары* и собственно чиновники в современном смысле слова, причем последние появляются во Франции не раньше XVIII в., в некоторых специализированных ведомствах (их предшественники, служащие бюро государственных секретарей и других министров, считались частными, а не государственными служащими). Оффисье был собственником своей должности и в этом смысле независимым от короны лицом. Только когда речь шла о самых высоких должностях (статус оффисье имели, например, государственные секретари), монарх постоянно пользовался правом сместить неугодно-

го оффисье, уплатив цену его должности; рядовой парламентарий или докладчик мог опасаться этого лишь в исключительных случаях. Провести общее сокращение числа должностей можно было только путем их выкупа. Естественно, что корона предпочитала пользоваться комиссарами, т.е. лицами, которые получали от короля специальное поручение (“комиссию”) и могли быть в любой момент отозваны. Комиссарами являлись, например, интенданты. Но и комиссары принадлежали к той же социальной среде, что и оффисье, они сами были вовлечены в систему торговли должностями. Так, интенданты назначались из числа королевских докладчиков, а это была продажная и наследственная должность.

Победив в борьбе с Фрондой и приведя в 1659 г. к победоносному завершению длительную войну с Испанией, французский абсолютизм вступил в самую блестящую фазу своего развития, связанную с именем короля Людовика XIV (1643—1715). Начало в марте 1661 г. его личного правления ознаменовалось существенными переменами в государственном аппарате, прежде всего в структуре Государственного совета.

Государственный совет был сильно разветвленным органом, в котором сочетались секции (советы) правительствующие и вспомогательные, ведавшие текущей судебно-апелляционной и административной работой; в эти последние имели доступ королевские докладчики. Право быть членом совета давало звание государственного советника (не продажное, но предоставляемое королевским патентом) или соответствующий пост в высшем государственном аппарате. Правительствующих советов к середине XVII в. было пять: 1) издавна существовавший Узкий (“Верховный”) совет, обсуждавший важнейшие вопросы внутренней и все вопросы внешней политики; членство в нем оформлялось специально, его участники именовались государственными министрами; 2) возникший в XVI в. Совет финансов (“Большая дирекция” во главе с канцлером) с подготовительным комитетом (“Малая дирекция” во главе с сюринтендантом финансов); 3) Совет депеш (окончательно оформился к середине XVII в.), ведавший вопросами внутреннего управления; 4) Военный совет (с 1643 г.) с участием маршалов и других военачальников, действовавший в военное время; 5) Совет по делам церкви (также с 1643 г.) с участием назначенных королем прелатов.

В Узком совете к марту 1661 г. состояло 16 членов, причем количественно преобладали представители высшей аристократии. Это соответствовало неустойчивой политической ситуации, сохранявшейся после Фронды в условиях военного времени. Молодой король прежде всего распустил весь состав совета, организовав новый Узкий совет в составе всего трех членов (сюринтендант финансов Фуке, государственный секретарь по военным делам Летелье и ведавший иностранными делами де Лионн). После ареста Фуке в сентябре 1661 г. его заменил Жан-Батист Кольбер (1619—1683), постепенно сосредоточивший в своих руках управление экономикой и внутренней политикой. Все

Жан-Батист Кольбер

министры были представителями нового дворянства, почему аристократы с неодобрением говорили о "трех буржуа, правящих Францией". Членство в Узком совете, собиравшемся практически ежедневно, отныне не оформлялось никаким королевским патентом: чтобы министр перестал быть министром, королю достаточно было перестать приглашать его на заседания.

Падение Фуке означало и упразднение его поста сюринтенданта финансов. Сюринтендант являлся комиссаром, подотчетным только монарху и имевшим право самостоятельно предписывать казначейству выплаты по государственным расходам. Людовик XIV решил впредь лично подписывать все направляемые в казначейство платежные документы и учредил в помощь себе специальный Королевский совет финансов в составе пяти членов, главную роль в котором стал играть Кольбер. Старая "Большая дирекция" превратилась теперь из правительствующего во вспомогательный совет. Когда в 1665 г. Кольбер приобрел должность генерального контролера финансов, именно с этой должностью стали связываться сконцентрированные в его руках громадные полномочия в области всей внутренней политики. Отныне уже не канцлер, но генеральный контролер стал подбирать интендантов и руководить их работой, оказавшись главой самой надежной части абсолютистского аппарата на местах.

Как уже говорилось, интенданты назначались из числа королевских докладчиков. Выполнение миссии было для них вопросом карьеры: хорошо зарекомендовав себя, они могли надеяться на патент государственного советника и переход в центральный правительствующий аппарат. Функции интендантов стали расширяться уже в годы Тридцатилетней войны. Определенным рубежом стал регламент 22 августа 1642 г., доверивший интендантам не только контроль над сбором талли, но и распределение этого налога, бывшее ранее делом старых учреждений, финансовых бюро. Именно обеспечение сбора налогов превратилось в основную задачу интендантов, тогда как контроль над местными судебно-административными органами отошел на второй план.

Другой важной функцией интендантов стала опека над городами и сельскими общинами в связи с проводившейся короной политикой форсированного погашения их долгов. Исключительно многообразными сделались при Кольбере обязанности интендантов по выполнению чрезвычайных поручений правительства; от них требовалось, в частности, заботиться о развитии мануфактур и оказывать нажим на должностных лиц и купцов, не желавших вкладывать средства в торговые компании. Наконец, особо важной задачей интендантов, по мысли Кольбера, должен был стать сбор информации о социальной, хозяйственной и демографической ситуации на местах; впоследствии составление ими обширных записок о положении в их округах стало традицией.

Для выполнения столь разнообразной работы интенданты должны были обзавестись собственным аппаратом. Уже регламент 1642 г. дал им право назначать субделегатов из местных лиц с определенными конкретными полномочиями; постепенно они стали превращаться в постоянных агентов с самой широкой компетенцией. Правда, еще Кольбер выступал против подобной практики, но жизнь брала свое, и к XVIII в. институт постоянных субделегатов вполне сложился.

Наряду с использованием аппарата интендантов монархия в 1660-е годы активно применяла и традиционные приемы социального регулирования, причем даже с большим размахом, чем когда-либо раньше. Сразу после ареста Фуке в 1661 г. была создана Палата правосудия для суда над виновными в злоупотреблениях финансистами. В палату вошли специально отобранные королем члены высших судебных палат (как парижских, так и провинциальных), на местах у нее имелись полторы сотни субделегатов; во всех церквях после мессы читали специальные обращения к населению, дабы выявить возможных свидетелей против финансистов. Срок давности расследования доходил до 1635 г., т.е. охватывал все годы участия Франции в войне. Кроме ведения судебных дел,

палата издала ряд постановлений и ликвидации или выкупе по пониженной ставке многих государственных долговых обязательств. Правда, ее карательная деятельность не удовлетворяла Кольбера, считавшего эту палату слишком мягкой и приверженной букве закона.

Процесс Фуке, проходивший в обстановке грубого давления на судей, вызвал повышенную строптивость палаты. Задача не брезговавших недозволенными приемами агентов Кольбера была не из легких: нужно было осудить Фуке на смерть как главу финансистов, не задевая при этом ни памяти наживавшегося за счет казны покойного первого министра Мазарини, ибо это означало бы косвенную реабилитацию Фронды, ни имени Кольбера, управлявшего ранее хозяйством Мазарини и имевшего среди финансистов свою клиентуру. Непопулярные меры правительства по редукции государственных займов вызвали тем временем рост оппозиционных настроений в средних слоях парижского населения, где имелось много держателей государственных рентных обязательств, и с самообладанием защищавшийся Фуке стал восприниматься как невинная жертва деспотизма. Корона фактически проиграла этот процесс, поскольку суд большинством голосов в декабре 1664 г. приговорил Фуке лишь к изгнанию, которое Людовик XIV уже от себя заменил пожизненным тюремным заключением.

Вскоре, в июле 1665 г., был издан эдикт об амнистии финансистам, прямо признававший невозможность эффективных судебных расследований и заменивший их выплатой финансистами или их наследниками больших штрафов. Благодаря этой политике организованного банкротства монархия смогла покончить с огромной задолженностью и собрать фонд, достаточный для выкупа значительного числа должностей.

Другой чрезвычайной мерой, имевшей целью укрепление расшатанной за военные годы социальной дисциплины в провинциях, стала посылка в 1665 г. специально отобранной королем делегации из числа членов Парижского парламента на выездную сессию в Овернь; сфера компетенции этой чрезвычайной палаты распространялась и на целый ряд других центральнофранцузских провинций, куда она направляла своих комиссаров. Особое внимание уделялось искоренению злоупотреблений сеньоров по отношению к крестьянам (произвольное повышение поборов, насилия над личностью и т.п.). Некоторые виновные дворяне заплатились изгнанием за пределы округа Парижского парламента с конфискацией имущества, срытием замка и ликвидацией права сеньориальной юстиции. Сессия вызвала исключительный интерес среди местных крестьян, подчас наивно полагавших, “что король теперь только с ними и считается”¹; иногда они пользовались ситуацией, чтобы вернуть себе земли, проданные сеньорам еще их отцами или получить за них дополнительную компенсацию. Работа Овернской сессии парламента полностью соответствовала старой внутривластной линии французской монархии, которая в принципе выступала против стремления дворян пересмотреть в свою пользу традиционный уровень крестьянских повинностей, дабы не подрывать общей устойчивости порядков, освященных обычаем. Поэтому французский абсолютизм не был пригоден для проведения политики сеньориальной реакции в централизованном порядке, что вовсе не исключало возможности таких попыток в масштабе локальном благодаря связям сеньоров с местным судебным аппаратом.

Кампания по выявлению “узурпаторов” дворянского звания была начата еще декабрьским эдиктом 1656 г. и велась вначале под руководством комиссий из советников палат косвенных сборов, что было определенным новшеством, поскольку до этого аналогичные проверки проводились на местах, в финансовых бюро. В 1664 г. она резко активизировалась после того, как срок давности

¹ Fléclier V.E. Mémoires sur les Grands Jours d'Auvergne. P., 1862. P. 170.

розыска был отодвинут с 1606 до 1560 г. и было объявлено об отмене всех грамот об аноблированиях, проданных самой короной с 1634 г.; в 1665 г. ведение расследования было отнято у палат косвенных сборов и передано интендантам. Следствием их деятельности, продолжавшейся до 1670 г., стало заметное сокращение численности дворянства, в основном за счет исключения мелких дворян.

В дальнейшем возобладала тенденция к отказу абсолютной монархии от чрезвычайных методов социального регулирования. Палата правосудия созывалась еще только раз, в 1716—1717 гг., вскоре после окончания Войны за испанское наследство, и действовала с гораздо меньшим размахом; очень скоро она пошла по пути замены судебных преследований наложением штрафов. Опыт показал очевидную неэффективность попыток судебных расправ короны с ее кредиторами. В 1718 г. была упразднена последняя комиссия по проверке дворянства. Овернская выездная сессия 1665—1666 гг. для Парижского парламента вообще оказалась последней в его истории несмотря на успех ее работы. На смену проводившимся от случая к случаю кампаниям пришел постоянный надзор со стороны укрепившегося интендантского аппарата.

Людовику XIV удалось добиться полного политического подчинения парламентов. В июле 1661 г. верховным палатам было запрещено ставить под сомнение решения Государственного совета, тогда как последний имел право взять к себе любое дело, в них разбиравшееся. Тем самым была отвергнута претензия парламентов править вместе с Государственным советом и зафиксировано их низжестоящее положение. В 1667 г. было ограничено жестким недельным сроком право верховных палат на представление ремонстраций, причем им было запрещено издавать постановления, интерпретирующие королевские акты. Затем, в 1673 г., право на ремонстрации было ограничено еще более — отныне ремонстрацию можно было представить всего один раз, и достаточно было немотивированного отклонения ее королем, чтобы вопрос считался закрытым. Тем не менее в принципе право на ремонстрации отменено не было, и в сентябре 1715 г., сразу после смерти Людовика XIV, наложенные им ограничения были сняты. В XVIII в. парламентской оппозиции суждено было сыграть роль важного дестабилизирующего фактора в политической жизни Франции.

В 1665 г. Кольбером был разработан план преобразования социальной структуры французского общества, связанный с идеей необходимости поощрять полезные для монархии профессии (торговцы, земледельцы, ремесленники, военные) и всячески сокращать численность профессий, отвлекающих от этих полезных занятий (финансисты, юристы, монахи). Позиции финансистов, по мысли Кольбера, были тогда уже подорваны; он надеялся, что кампания преследований послужила им уроком и что теперь их капиталы легче будет привлечь к финансированию торговли и промышленности. Для желаемого сокращения судейских должностей, как полагал Кольбер, потребовалось бы 10—12 лет последовательной политики. Надо было снизить цены на должности, систематически выкупать их; через 4 года можно было бы отменить полетту, подорвав принцип наследственности должностей; через 7—8 лет сократить состав Парижского парламента и других палат более чем в два раза, благодаря чему можно было бы, увеличив жалованье судей и отменив гонорары с тяжущихся, сделать судопроизводство бесплатным. Что касается сокращения числа монахов, то здесь предполагалось резко повысить возраст принесения монашеских обетов, отменить вступительные взносы и установить максимум ежегодных платежей на содержание монахов. Важнейшую роль в разработке планов реформирования всех сословий призвана была сыграть новая секция Государственного совета — Совет по законодательству, созданный в сентябре 1665 г. и разделенный на комиссии по реформе духовенства, дворянства и судейского аппарата. В конечном счете он должен был создать полный систематизированный свод всех

королевских законов; как об оптимальной цели Кольбер говорил даже о полном единстве права, мер и весов. Эти широкие планы не осуществились. К снижению цен на должности, правда, приступили, и в декабре 1665 г. были фиксированы максимальные цены на ряд высших судейских должностей. В долговременном плане 1660-е годы действительно оказались рубежом, завершившим период крутого роста рыночных цен на судейские должности, затем обозначилась тенденция к их падению. Но далее не пошли, отменить полетту так и не решились, хотя некоторое время ее и продлевали на весьма короткие сроки. Затем военная обстановка сняла этот вопрос с повестки дня.

Проект монастырской реформы был разработан, но на стадии утверждения в январе 1667 г. как противоречащий нормам Тридентского собора он столкнулся с сильным сопротивлением в правительственных, церковных и парламентских кругах и был провален. Курс на сокращение числа монахов продолжал действовать в его традиционных формах согласований и компромиссов с церковными властями, без внесения обязывающих корректив в законодательство.

Единый свод королевских законов создан не был. Однако дело общенациональной кодификации права все же сделало большие успехи благодаря серии ордонансов, посвященных отдельным вопросам и как бы надстраивавшихся над бесконечным многообразием французских кутюм. Таковы были разработанные Советом по законодательству ордонансы о судебной процедуре в гражданских (1667 г.) и уголовных делах (1670 г.), подготовленный созданным в 1664 г. Советом по делам торговли ордонанс о торговле (1673 г.), ордонансы о водах и лесах (1669 г.), о морском праве (1681 г.).

Французская монархия чувствовала себя гораздо увереннее, когда речь шла не о социальных реформах, а о социальном реставраторстве, восстановлении нарушенных порядков. Именно такой характер носили уже упомянутые нами меры по проверке дворянства. Государство было заинтересовано также в поддержании традиционного городского строя и общинной организации в деревне. В целях восстановления кредитоспособности сильно задолжавших за военные годы муниципалитетов была развернута проходившая под контролем интендантов широкая кампания по проверке и погашению коммунальных долгов путем специального самообложения. Эдикт 1683 г. установил, что города и общины могут брать в долг лишь в строго определенных обстоятельствах и непременно с разрешения интендантов, которые должны были отныне составлять городские бюджеты в их расходной части и представлять их на утверждение Государственного совета. Запрещалось отчуждать общинные земли; их участки, проданные или заложенные за долги, подлежали согласно эдикту 1667 г. немедленному возвращению с последующим внесением выкупа, средства на который должно было дать поимущественное обложение жителей данного прихода по разверстке, составленной интендантом, причем в платеже надлежало участвовать даже привилегированным — сеньорам и их фермерам. Понятно, что подобная реставрационная политика была связана с установлением жесткого повседневного контроля интендантов над жизнью городов и общин.

Не было принято никаких мер по уничтожению внутренних таможен, хотя вопрос об этом был поставлен еще в наказе третьего сословия на Генеральных штатах 1614 г. Издавна сложившаяся свободная от внутренних таможен “зона пяти больших откупов” занимала примерно половину Франции с центром в Париже. На севере таможенная граница отделяла от нее Артуа и Фландрию, на западе — Бретань, на юге — Сентонж, Ангумуа, Марш, Овернь, Лионне, Дофине, на востоке — Франш-Конте и Лотарингию. Земли за пределами этой зоны делились на более мелкие таможенные округа, соответствовавшие провинциям или их группам. Создание единой таможенной системы потребовало бы унификации налогообложения, поскольку отсутствие внутренних таможен в “зоне пяти больших откупов” рассматривалось как компенсация центральным провинциям за их переобложенность; кроме того, пришлось бы преодолеть

значительные технические трудности, связанные с перестройкой налаженной откупной системы. Поэтому отменить внутренние таможи французская монархия так и не смогла до самой революции. Все же определенные изменения в таможенной системе при Кольбере произошли, и они были связаны с его тарифной политикой.

Умеренно протекционистский тариф 1664 г. был еще составлен применительно к “зоне пяти больших откупов” и не имел общефранцузского значения. Он усилил спаянность этой зоны, унифицировав тарифные ставки на всех ее границах. Напротив, выдержанный в ультрапротекционистском духе тариф 1667 г. относился уже ко всему королевству. До Кольбера лишь очень немногие сборы устанавливались в общефранцузском масштабе, и в основном это были введенные в 1577 г. сборы с экспорта хлеба, вина, овощей, полотен, вайды и реэкспорта шерсти; единственной общей для государства импортной пошлиной был сбор со ввоза квасцов. Между тем почти все пошлины, введенные в 1667 г., были импортными и имели целью помешать ввозу во Францию готовой иностранной продукции. Таким образом, только со времени Кольбера можно говорить о появлении общефранцузской таможенной системы, приспособленной к защите национальной промышленности.

Здесь можно лишь вкратце сказать о протекционистской политике Кольбера в области торговли и промышленности, ставшей образцом для многих абсолютистских правителей Европы. Основанная на принципах максимально возможной автаркии и перетягивания запасов звонкой монеты из других стран, она требовала постоянного государственного стимулирования отстающих отраслей. Большие торговые компании создавались на таких направлениях, где до этого французы вообще практически не торговали (Ост-Индская компания, Северная компания), где нужно было обеспечить французскую колониальную монополию (Вест-Индская компания) или улучшить структуру торговли (Левантийская компания). При этом политика Кольбера отличалась гибкостью: Вест-Индская компания была лишена монополии, когда обнаружилось, что она мешает выросшей торговле купцов-частников, Левантийская компания с самого начала не обладала монополией. Ост-Индская компания, перед которой стояли особо сложные задачи, организовывалась с беспрецедентным размахом, подписке на ее акции был придан характер общенационального дела, применялись всевозможные методы принуждения. Король вносил львиную долю капитала во все монопольные компании.

Правительство поощряло организацию мануфактур, связанных со внедрением новых отраслей производства или новой технологии, предоставляя им различные привилегии и монополии. Особое же внимание уделялось строительству военного флота и отраслям, обслуживавшим армию и флот; именно здесь создавались крупные государственные мануфактуры. По отношению к традиционным отраслям производства главной заботой Кольбера было поднять репутацию французской марки, улучшить качество изделий, устранить элементарное обмеривание. Этой цели были посвящены многочисленные регламенты 1660-х годов для текстильного производства. В целом кольберовские регламенты, составленные по рекомендациям крупных купцов-оптовиков, не страдали мелочностью в отличие от обширных постановлений XVIII в., обращая главное внимание на соблюдение размеров кусков тканей. Важным мероприятием, призванным усилить контроль над качеством продукции, стало создание корпуса инспекторов мануфактур (1669 г.), исполнявших свои функции в порядке комиссии.

Французская налоговая система строилась на сочетании прямых и косвенных налогов. Основной прямой налог (талья) превратился фактически в крестьянский: привилегированные от него освобождались, города откупались за гораздо меньшие суммы. Между тем именно благодаря беспрецедентному увеличению тальи Франция смогла вынести огромные военные расходы, связанные с ее вступлением в Тридцатилетнюю войну: чистый доход короны от

тальи с 1635 по 1643 г. вырос с 5,7 млн до 48,2 млн ливров. К концу войны крестьянство было истощено, недоимки достигали огромных размеров. Талью начали снижать, как только стало чувствоваться приближение конца войны; с 1657 по 1669 г. она сократилась с 52 млн до 33 млн ливров, но, конечно, довоенный уровень восстановлен не был. Вместе с тем наметилась тенденция к уменьшению удельного веса тальи, к переносу центра тяжести с прямых на косвенные налоги. Тем самым рассчитывали сделать взимание налогов более равномерным, поскольку косвенные налоги меньше щадили привилегированных и позволяли увеличить обложение горожан. Доля тальи в ординарных доходах брутто с 1661 по 1671 г. снизилась с 50 до 34%.

Затяжные войны конца XVII — начала XVIII в. стимулировали принципиальные нововведения во французскую налоговую систему: именно тогда появляются прямые подоходные налоги, взимавшиеся и с привилегированных. В 1695 г. была введена капитация, которая раскладывалась в соответствии с заранее принятым делением налогоплательщиков на 22 класса, по теоретической оценке доходов разных профессий и состояний. Отмененная в 1698 г., она была восстановлена в 1701 г. и стала постоянной, причем с 1705 г. для непривилегированных она взималась пропорционально талье, а привилегированные платили по теоретической расценке, но многие откупались от налога, выплачивая меньше, зато сразу. Кроме того, капитация имела весьма существенный изъян с точки зрения пропорциональности обложения — от нее было освобождено духовенство.

С 1710 г. стала взиматься, уже с реальных доходов, *королевская десятина*, здесь впервые во Франции был применен принцип определения доходов по автодекларациям. Новый налог должен был распространяться на всех, включая и духовных лиц, однако уже в 1711 г. духовенство освободилось от его уплаты ценой увеличения своего “добровольного дара”, вотируемого ассамблеей французской церкви и взимавшегося церковными властями. Многие города и провинции откупались и от этого налога. Идея королевской десятины была подсказана работой знаменитого французского экономиста Вобана, но характерно, что если Вобан связывал с ее введением уничтожение всей старой системы налогообложения, то корона просто прибавила новый сбор к уже существующим, так что неравномерность обложения была только смягчена, но не устранена даже в принципе. В 1715 г. из общей массы ординарного дохода брутто основные откупа дали 36%, талья — 28, капитация — 16, королевская десятина — 15%. Однако королевская десятина с самого начала мыслилась как временная мера и в 1717 г. после заключения мира была отменена. Впоследствии она вводилась еще дважды, в связи с войнами (в 1733—1736 и 1740—1748 гг.), пока в 1749 г. не была введена постоянная *королевская двадцатина*.

Французская армия после Пиренейского мира была сокращена в меньшей мере, чем можно было ожидать, примерно до 40—45% состава, и очень скоро начался ее новый рост. В 1667 г. ее численность составляла 72 тыс. человек, к февралю 1672 г. — 120 тыс., к началу 1678 г. в ходе войны она выросла до 279 тыс., и расходы на армию уже далеко перекрывали рекорды Тридцатилетней войны. К 1710 г. в разгар Войны за испанское наследство французская армия насчитывала примерно 300 тыс. солдат и была, бесспорно, самой многочисленной армией Европы. В своей основе она по-прежнему оставалась наемной, профессиональной; вербовка солдат, разумеется постоянно сочетавшаяся с обманом и принуждением, производилась по королевским патентам на основе частного предпринимательства отдельными полковниками и капитанами (эти должности были продажными), немалое значение имели и иностранные наемники (швейцарцы, пьемонтцы). Благодаря энергии военного министра Лувуа в армии была укреплена дисциплина (в частности, во время постоев), улучшена выплата жалованья, введена униформа. Окончательно сложилась система непродажных воинских должностей (лейтенант, майор, подполковник, бригадир), делавшая, необязательной для карьеры покупку капитанских и полковничьих званий.

Потребность в солдатах привела к организации в 1688 г. *королевской милиции* — новых частей полурегулярного характера, строившихся уже на основе принципа воинской повинности. Каждая деревня должна была выставить солдата, избираемого, если не было добровольцев, по жребию. Вначале созыв милиции рассматривался как временная мера, и ее отряды распускались по заключении мира, затем она стала постоянным учреждением. Командирами в ней становились провинциальные дворяне, получавшие тем самым занятие, соответствовавшее дворянской этике. В принципе милиция несла гарнизонную и караульную службу, но в военные годы она становилась важным источником пополнения регулярной армии; в самые тяжелые годы Войны за испанское наследство набираемые рекруты посылались прямо в действующую армию, минуя милицейские отряды. Целью организации милиции было, в частности, извлечение для армии людских ресурсов из деревни, поскольку при системе вольного найма городская беднота откликалась на посулы вербовщиков охотнее, чем привязанные к земле крестьянские парни; поэтому до 1743 г. милиционная система во французских городах вообще не действовала. Общая организация сбора милиции и командование ею в рамках генеральств были возложены на интендантов, что привело к еще большему расширению их функций.

Флот обогнал сухопутную армию в деле организации принудительного набора: еще в 1669—1673 гг. все жившее морем мужское население побережья было разделено на три класса, каждый из которых должен был служить в военном флоте по очереди в течение года. Служба французских моряков в иностранном флоте, даже в торговом, стала рассматриваться как государственное преступление.

Огромная армия делала возможной активную завоевательную политику, к которой стремилось воинственное французское дворянство; весьма заметно улучшились возможности военной карьеры. Миролюбивый внешнеполитический курс после Пиренейского мира был в 1660-е годы тем более неприемлем для дворянского “общественного мнения”, что военная слабость старого соперника — Испании стала теперь очевидной, а все потенциальные противники Франции были разобщены между собой; казалось, что Франции остается только в легких кампаниях пожинать плоды вековых кровавых усилий. Встав с середины 1660-х годов на путь развязывания европейских войн, Людовик XIV действовал как первый дворянин своей страны, тем лучше понимавший чаяния своего класса, что они вполне соответствовали его представлениям о необходимости для монаршей славы лавров короля-завоевателя. Именно эта политика втянула Францию в затяжные войны с европейскими коалициями, нанешие большой ущерб ее экономике.

Но армия не оставалась без дела и в мирное время. Она использовалась для подавления антиналоговых восстаний, для взимания недоимок, широко известна роль драгунских постоев (“драгонады”) в деле насильственного обращения протестантов в католичество перед отменой в 1685 г. Нантского эдикта о религиозной веротерпимости. Укрепление армии, таким образом, позволило монархии увереннее контролировать положение в провинциях.

Вопрос о личности более полувека стоявшего у руля французской монархии короля Людовика XIV, прозванного “Король-Солнце”, имеет особую значимость уже потому, что для его современников и потомков он стал как бы воплощением самой идеи абсолютного монарха. Чем объяснить такой успех этого короля в его исторической роли?

Стиль поведения Людовика XIV позволял ему очень удачно сочетать выполнение функций представительства и реального управления. Стройный, ловкий в спортивных упражнениях, король был очень красив в молодости. При этом он был достаточно доступен, чужд чопорности, неизменно учтив в обращении, в то же время никогда не допуская фамильярности. Он обладал хорошим вкусом, любил театр, музыку, часто танцевал в придворном балете, необычайно сильна была его страсть к роскошным увеселениям и королевской пышности. Все это

очень импонировало придворным, настроенным на обожание своего монарха, и позволило французскому двору стать самым блестящим в Европе. Другие европейские монархи подражали французскому двору в модах, этикете, заводили свои резиденции, равняясь на пример Версаля.

Вместе с тем Людовик XIV был необычайно пунктуален в исполнении своих функций правителя. Ежедневно он, следуя строгому расписанию, председательствовал в одном-двух советах, работал наедине с министрами. Король был человеком долга; приписываемое ему изречение “государство — это я”, якобы произнесенное 17-летним монархом перед непокорным парламентом, скорее всего, является легендой. Это был долг перед своим государством и перед собственным королевским достоинством. Настоящий король, по представлениям Людовика XIV, должен управлять сам, вникая во все детали, быть единственным источником милостей для своих подданных (просить короля за других при нем строжайше запрещалось). Он не имеет права делиться своей властью с фаворитами и фаворитками. Очень влюбчивый по натуре, этот внук Генри-

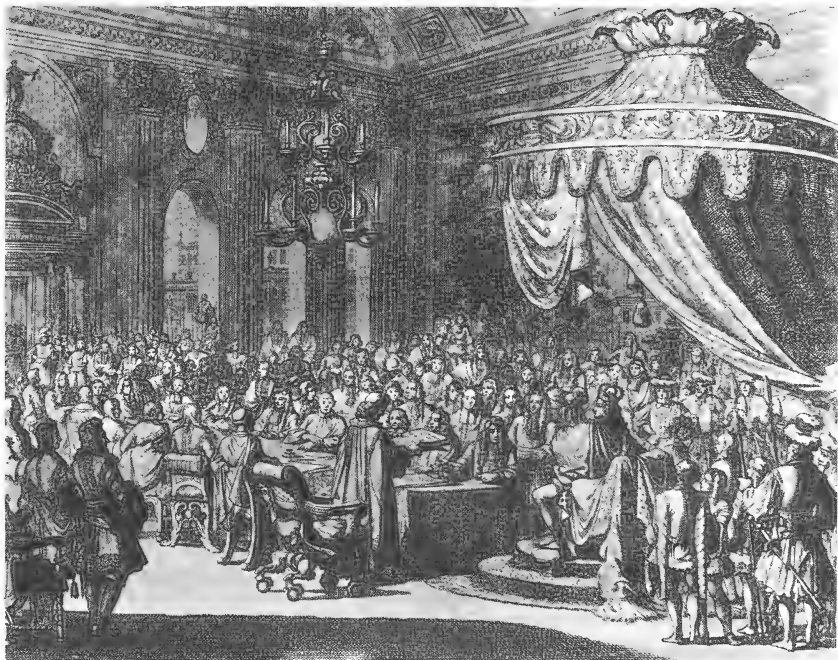
ха IV все же в отличие от деда не был способен на безрассудные любовные эскапады; его фаворитки были окружены всем подобающим блеском, но не играли серьезной политической роли. Разумеется, король обязан заботиться о благосостоянии своих подданных и согласно с традиционной фразеологией защищать слабых от притеснений сильных; в то же время он должен строго соблюдать законы и соответственно привилегии каждого сословия — позиция, постоянно склонявшая Людовика XIV к социальному консерватизму. Но всего сильнее звучал для него голос долга перед монаршей славой, слишком охотно ассоциировавшейся с военным могуществом и внешним престижем.

Частые выезды на войну Людовик XIV обставлял также в соответствии с представлениями о королевском достоинстве. Он никогда не участвовал в полевых баталиях, да генералы и не могли бы решиться при нем на подобный риск. Наиболее подобающей для себя ролью на войне он считал роль покорителя крепостей, милостиво принимающего ключи от побежденного города, и следил за тем, чтобы значение взятой крепости соответствовало чести монаршего присутствия.

Король, детство которого прошло в смутные годы Фронды, не получил хорошего книжного образования. Тем не менее незаурядные природные способности позволяли ему успешно играть роль правителя: он мог с умом и тактом руководить заседаниями советов, быстро схватывал суть дела, любил узнавать новое и охотно выслушивал объяснения сложных вопросов. Король умел поддерживать дисциплину среди своих министров, используя таланты каждого в его сфере деятельности, и особенно гордился непроницаемой для иностранных агентов секретностью французской политики. Но, разумеется, уровень королевских способностей не находился ни в каком соответствии с официальным поклонением, доведенным почти до обожествления. “Великий король” не был по-

Людовик XIV

Отмена Людовиком XIV Нантского эдикта

настоящему великим государственным деятелем. Его теоретический багаж оставался крайне скуден, целиком сводясь к идее необходимости всемерного укрепления королевской власти. Даже в молодости он не проявлял устойчивого интереса к возможности каких-либо широких социальных преобразований, а в старости стал относиться с особой враждебностью к “хиерам” реформаторов.

Душевные качества Людовика XIV также далеко не соответствовали его официальному образу. Воспитанный Фрондой, король с детства приобрел умение притворяться, подозрительность, на первых порах смешанную еще с опасениями повторения фрондерских движений. Задетый за живое, он был способен на редкую злопамятность.

С годами в обстановке постоянной лести слабела способность короля разбираться в людях. Усилились религиозные настроения, сразу же вылившиеся в желание совершить во имя церкви “истинно королевский” подвиг искоренения гугенотской “ереси”. Работоспособность же и чувство королевского достоинства и в старости не изменяли Людовику XIV никогда.

ИСПАНИЯ

Во второй половине XVII в. отставание Испании от Франции в уровне централизации стало очень заметным, и при слабом правительстве последнего Габсбурга Карла II (1665—1700) не предпринималось серьезных попыток к ликвидации этого отставания. В отличие от Франции, всегда знавшей лишь одного короля, Испания возникла как федерация двух равноправных королевств — кастильского и арагонского, причем земли арагонской короны делились на три разобщенные

части: Арагон, Каталонию и Валенсию. Две последние области были населены каталонской народностью, и официальным языком там был каталанский. До начала XVIII в., когда в политической структуре страны произошли глубокие и крутые перемены, абсолютной монархией, строго говоря, можно было называть лишь политический строй Кастилии (за исключением ряда автономных северных областей кастильской короны — Наварры, Страны Басков, Астурии и Галисии, где имелись регулярно собиравшиеся собрания местных представителей). Именно здесь прежде всего сложилась единая налоговая, таможенная и административная система.

В отличие от Франции кастильская абсолютная монархия после подавления движения комунерос (1521 г.) развивалась в условиях политического союза короны с аристократией. Это сказалось прежде всего в том, что места советников в королевских советах были практически монополизированы представителями знати, существовавшая и в Испании продажность должностей на них почти не распространялась. Система заседавших в Мадриде советов была очень разветвленной. Высшим и правительствующим был Государственный совет (соответствовавший французскому Узкому совету), заседавший обычно под председательством короля или первого министра; все его члены входили также в специальный Военный совет. Ниже стояли советы, исполнявшие консультативные функции и ведавшие текущим судебно-административным управлением в рамках всех владений испанской державы: Совет по делам Индий, Кастильский, Арагонский, Итальянский, Фландрский советы, а также Инквизиционный совет, осуществлявший правительственный контроль над инквизицией. Особое влияние имел Кастильский совет, управлявший землями кастильской короны; ему подчинялись, в частности, и два высших судебных трибунала Кастилии, Вальядолидская и Гранадская “канцелярии” (не имевшие, в отличие от французских парламентов, никаких политических функций). Подчинен Кастильскому совету был и специальный Совет финансов (*Асьенда*). Вообще все советы имели свои ответвления, вспомогательные комитеты и комиссии с большим штатом служащих. Должности последних являлись по большей части продажными; таким образом приобщались к управлению страной дипломированные в университетах специалисты (летрадос).

Продажность должностей (не дошедшая, как во Франции, до стадии полной гарантии их наследственности) никогда не воспринималась в Испании как явление, подрывавшее традиционную социальную иерархию, — и в силу особенностей испанского политического строя, и потому, что она не имела решающего значения для одворянивания: слой мелкого дворянства в Испании со времен Реконкисты был относительно гораздо более многочисленным, чем во Франции, и корона активно продавала дворянские жалованные грамоты.

Из-за аристократического засилья в королевских советах в Кастилии не было возможности постепенного формирования послушной монархии управленческого аппарата министерского типа на базе традиционных учреждений (подобно тому как французские государственные секретари вели свое происхождение от клерков государственной канцелярии, а должность генерального контролера возникла в недрах Совета финансов). Здесь был намечен иной путь не контролируемого аристократией выдвижения креатур монарха из секретарей его личного кабинета. С 1621 г. существовала должность секретаря королевского кабинета, обычно осуществлявшего и функции секретаря Государственного совета. Но лишь в начале XVIII в. на базе королевского кабинета был создан кабинет-совет: секретари стали министрами и возглавили специализированные ведомства. Кстати, в дальнейшем именно традиционная испанская практика выдвижения фаворитов через королевский кабинет (“камара”) породила ставший международным термин “камарилья”.

Кастильские кортесы, превратившиеся с XVI в. в представительство небольшой группы привилегированных городов (в 1660-е годы право участия в

них имел всего 21 город), со второй половины XVII в. вообще уже не собирались. Правда, это не означало, что юридически они перестали существовать: как и все испанские сословные собрания, они имели свой постоянный орган — заседавшую в Мадриде “депутацию”, и согласие кортесов на сбор налогов было по-прежнему необходимо. Однако с 1660-х годов закрепилась практика, позволявшая правительству обходиться как без созыва кортесов, так и без консультаций с их депутацией. При необходимости ввести новый налог или продлить действие старого правительство проводило опрос представленных в кортесах городов поодиночке и объявляло о принятии решения, когда набиралось большинство голосов; подобные опросы проходили в обстановке нажима сверху, проводившие их коррехидоры имели право распускать непокорные муниципалитеты.

Однако в повседневной жизни кастильские города пользовались почти неограниченной автономией. Для кастильской монархии был вообще характерен контраст между развитостью мадридской бюрократии и отсутствием надежных исполнителей на местах, то был еще абсолютизм без интендантов. Институт коррехидоров (назначаемых короной губернаторов городов), созданный еще в конце XV в., с течением времени утратил свою былую эффективность: коррехидоры обжились на своих местах, вошли в городское общество, должность их стала продажной (как и подавляющее большинство муниципальных должностей). Между тем именно коррехидоры являлись почти единственным связующим звеном между центральным аппаратом и городскими советами.

В налоговом отношении Кастилия была явно переобложена. Основными налогами были сдававшиеся на откуп косвенные сборы: алькабала (общий сбор с товарооборота) и мильонес (группа косвенных сборов в основном с предметов питания); в 1702 г. алькабала вместе с надбавками давала 31%, мильонес — 26% доходов брутто кастильской короны. Важнейшим прямым сбором являлась причитавшаяся королю треть церковной десятины (“терсиас реалес”). Сбор как прямых, так и косвенных налогов был сопряжен с многочисленными изъятиями — ни дворяне, ни духовные лица налогов не платили. Возможности перехода к более равномерному обложению связывались с введением прямого подоходного налога. В начале 1680-х годов в правительственных кругах активно разрабатывался проект замены им откупной системы, но в 1684 г. большинство Асьенды отвергло план реформы.

Совсем в ином положении испанский монарх находился по отношению к землям арагонской короны. Все они имели свои незыблемые обычаи (фуэрос), и каждый король должен был приносить присягу в их соблюдении лично, как Карл II в 1677 г. перед кортесами Арагона, или через вице-королей. Во всех областях имелись свои обладавшие правом законодательной инициативы кортесы, которые, правда, созывались очень нерегулярно. Арагонские кортесы при Карле II собирались только дважды, каталонские и валенсийские не собирались вообще. Однако большую политическую роль играли их постоянные депутации, а сословия Валенсии, кроме того, широко пользовались правом каждого сословия заседать сепаратно. Самой широкой местной автономией пользовались города, где корона не имела и таких агентов, какими в кастильских городах были коррехидоры. Особу монарха в арагонских землях представляли вице-короли из высшей мадридской аристократии, довольно часто сменявшиеся. Им были подчинены королевские суды — аудиенсии. Особенностью судебной системы Арагона являлось еще сохранявшееся существование наряду с аудиенсией высшего местного суда *великого хустисии*; сам хустисия назначался пожизненно королем, но другие члены трибунала избирались кортесами и также были в принципе несменяемы. Арагонский совет в Мадриде ведал делами всех земель арагонской короны.

Созывать кортесы мог только король, который, как мы видели, старался не прибегать к этой мере, не будучи уверен в политической лояльности сословий (особенно каталонских, после того как в 1640 г. Каталония перешла, восстав,

под покровительство Франции и 12 лет оставалась под ее властью). Но за это приходилось расплачиваться: только кортесы могли вотирировать прямой налог в пользу короля, кастильская же система косвенных сборов на земли арагонской короны не распространялась. Отказ от созыва кортесов, таким образом, означал вынужденное согласие короны с явно привилегированным в налоговом отношении статусом арагонской части Испании. В обычных условиях король мог рассчитывать здесь в основном на доходы от регальных прав и земель его домена, причем эти деньги расходовались на месте, почти не доходя до Мадрида. Так, в 1678—1679 гг. 84% королевских доходов с Арагона давали таможенные пошлины и дорожные сборы. В Валенсии, где был очень высок уровень поземельных повинностей крестьянства, в 1685 г. 48% доходов короны давали земли домена, 33% — дорожные сборы и пошлины.

Земли арагонской и кастильской корон были разделены таможенным барьером, но кроме того, таможенные границы отделяли друг от друга каждую из трех больших арагонских земель. В пределах владений кастильской короны полной таможенной автономией обладали Наварра и Страна Басков, тогда как все остальные кастильские земли были едины в таможенном отношении.

Конечно, не следует и недооценивать реальную власть испанского короля в его арагонских владениях. По меркам сословно-представительной монархии она была крепкой, хотя ей и нельзя было воспользоваться для завинчивания налогового пресса. Все главные должностные лица назначались королем; отсутствие регулярной деятельности кортесов вело к атрофированию зависевшего от них административного аппарата. После возвращения Каталонии в 1652 г. в состав Испании король даже стал пользоваться правом замещать членов постоянной депутации каталонских кортесов, хотя осуществление этого права сталкивалось с сильным противодействием каталонцев. Большое значение для укрепления реальной власти короля имел далеко зашедший процесс слияния местной аристократии с кастильской. Все это способствовало необратимости того крутого перелома, который произошел в начале XVIII в. в отношениях короны с ее арагонскими подданными и соответственно во всей политической структуре Испании.

Первым королем новой, бурбонской династии, сменившей в 1700 г. угасшую испанскую линию Габсбургов, стал внук Людовика XIV Филипп V (1700—1746), опиравшийся в борьбе за утверждение своей власти на широкую военную поддержку Франции. Вначале новый король был настроен предупредительно по отношению к каталонцам. Уже в 1701—1702 гг. он созвал долго не собиравшиеся каталонские кортесы, подтвердил фуэрос, даже предоставил Барселоне права порто-франко и торговли с Америкой; признавшие нового монарха кортесы вотировали сбор налогов. Однако каталонские сословия втайне не доверяли новой династии, опасаясь проведения ею централизаторской политики французского образца, и это сказалось в ходе тяжелой Войны за испанское наследство.

В октябре 1705 г. высадившийся в Барселоне австрийский претендент на трон эрцгерцог Карл был с восторгом принят каталонскими кортесами, затем Филиппу V изменили Арагон и Валенсия (в последней сепаратистское движение тесно переплелось с ожесточенной крестьянской войной против сеньоров). Итак, все земли арагонской короны, нарушив верность признанному ими сюзерену, лишились правовых оснований сохранения своих привилегий, и победившая с французской помощью бурбонская династия воспользовалась этим обстоятельством со всей решительностью.

После победы при Альмансе 25 апреля 1707 г. Валенсия и Арагон были отвоеваны Филиппом V. Сразу же были уничтожены их привилегии. Арагонская корона была объявлена упраздненной, кортесы всех ее областей вместе с их депутациями — распущенными, Арагонский совет в Мадриде прекратил свое существование, в покоренные города были назначены королевские коррегидоры. Валенсия (в отличие от Арагона и Каталонии) потеряла даже свое гражданское право, и в дальнейшем испанский язык вытеснил здесь каталанский.

Каталония упорно сопротивлялась Бурбонам. Каталонские сословия отказались принять Филиппа V и после Утрехтского мира 1713 г., признавшего за ним права на Каталонию при условии амнистии восставшим, но без обязательства соблюдать местные привилегии. Осажденная Барселона отчаянно боролась еще год и только 11 сентября 1714 г. была взята штурмом. В Каталонии установился режим террора и военной оккупации.

В январе 1716 г. появился декрет об управлении Каталонией. Отныне высшим представителем короны стал здесь наделенный диктаторскими полномочиями *капитан-генерал*, совмещавший функции военного и гражданского губернатора и председательствовавший в аудиенсии. Городское самоуправление было разгромлено. Провинция была разделена на округа, в центральные города которых король стал назначать коррехидоров (многие из них являлись военными) и городских советников (рехидоров). Муниципалитеты более мелких городов назначались аудиенсией. Со старой системой избрания на муниципальные должности по жребию было покончено. Декрет отменил традиционное запрещение назначать на должность некаталонцев, и многие посты были заняты кастильцами.

Официальным языком в каталонской аудиенсии стал испанский, и в 1717 г. коррехидорам было послано предписание негласно способствовать распространению в их городах испанского языка. Но все же и каталанский язык, и собственное каталонское право устояли, так что впервые общие для всей монархии законы были распространены на Каталонию только в ходе первой буржуазной революции Кадисскими кортесами.

Символом ликвидации арагонской короны стало появление общеиспанских кортесов. Впервые они были созваны уже в 1709 г., с участием представителей Арагона и Валенсии. В кортесах 1712 г. уже участвовали и депутаты покоренных районов Каталонии. Всего общеиспанские кортесы созывались 4 раза между 1709 и 1724 гг. Однако сессии этих кортесов были весьма короткими, они были всецело посвящены вопросам династической политики; кортесы не вотировали никаких налогов и, естественно, не имели своего постоянного органа.

На все земли бывшей арагонской короны были распространены некоторые кастильские налоги — сбор с торговли шерстью, соляная и табачная монополии. Однако основные косвенные сборы — алькабала, миллионес и др. — так и остались чисто кастильскими. Испанский абсолютизм не стал распространять на новые земли всю систему кастильских косвенных сборов, вызывавшую критику в самой Кастилии. Зато бывшие арагонские области, и в особенности Каталония, стали как бы опытным полем для проведения широких абсолютистских экспериментов в области налоговой и административной политики.

После составления земельного кадастра в Каталонии был введен прямой подоходный налог “катастро” (10% с земельных и 8% с промышленных доходов), распространявшийся и на привилегированных. Кроме того, каталонские недворяне стали платить еще капитацию. Прямые подоходные налоги появились в Валенсии (“эквиваленте”) и на Мальорке (“талья”).

В 1717 г. Испания, намного опередив в этом отношении Францию, отменила свои внутренние таможенные границы (только Наварра и Страна Басков сохранили таможенную обособленность). Это означало большой шаг в укреплении внутреннего рынка, особенно за счет интенсификации связей между кастильской и каталонской экономикой. Однако унифицированная таможенная система Испании еще не могла стать орудием протекционистской политики из-за слабости испанской буржуазии; находившейся в компрадорской зависимости от иностранных купцов.

Важные изменения произошли под прямым влиянием опыта французского абсолютизма в центральном аппарате монархии. Как мы уже упоминали, только при Филиппе V возник настоящий аппарат министерств во главе с бывшими секретарями личной королевской канцелярии; в 1714 г. был создан Совет минист-

ров, заменивший в качестве правительствующего органа бывший Государственный совет. Старые королевские советы теперь превращаются в высшие апелляционные трибуналы и чисто консультативные органы, тогда как функцию текущей административной работы они утрачивают и в них усиливается роль *фискалов*, непосредственно представляющих интересы короны. Кастильский совет слился с Государственным, компетенция его распространилась на всю страну.

Апробированное на опыте Каталонии военное управление капитан-генералов распространяется на некоторые другие провинции, и не только в бывших арагонских, но и в кастильских землях. К 1718 г. относится первая попытка поставить во главе провинций интендантов, распространив власть армейских интендантов и на гражданское управление. В Каталонии эта попытка оказалась успешной, но во всех других провинциях интенданты столкнулись с ожесточенным противодействием местных властей и в 1724 г. были упразднены. Появление во всех провинциях гражданских интендантов французского типа произошло только в 1749 г. и было связано с началом работ по составлению земельного кадастра и в Кастилии.

Тенденция к определенной милитаризации управления при Филиппе V была связана с увеличением армии. Как и во Франции, в Испании в годы Войны за испанское наследство были приняты меры к введению милиционной системы, возродившей на новом, более контролируемом центральной властью уровне традиционную испанскую систему провинциальных отрядов (*терций*). Для сельского населения кастильских провинций была введена система *кинта* (набор по жребию одного из пяти юношей), в 1726 г. распространенная и на Каталонию. Однако в целом численность испанской армии, очень сильно сократившейся после Пиренейского мира, не достигла уровня эпохи испанского великодержавия, и в число ведущих военных держав Испания не вернулась.

Итак, в начале XVIII в. были достигнуты большие успехи в деле абсолютистской централизации Испании. При этом политическая география страны радикально изменилась: из федерации двух монархий Испания превратилась в единую монархию, хотя фактически разнородность составляющих ее частей по-прежнему оставалась очень велика. Но если в XVII в. Кастилия далеко опережала земли арагонской короны по уровню централизации, то в результате событий начала XVIII в. сложилась прямо противоположная ситуация — сравнительно мало затронутая централизаторскими усилиями Бурбонов Кастилия стала отстающей по сравнению с бывшими арагонскими землями. Наварра и Страна Басков в награду за их преданность Филиппу V в годы войны полностью сохранили все свои традиционные учреждения.

ПОРТУГАЛИЯ

Политический союз с аристократией являлся давней и прочной традицией португальской монархии. Национальная португальская буржуазия вплоть до XVIII в. была очень слаба, действовала только в локальных масштабах и не могла стать противовесом знати; от ключевых позиций на денежном рынке ее оттесняли еврейские финансисты. Зато корона благодаря португальской колониальной империи и огромному домену обладала такими ресурсами, которые в XVI в. позволяли ей удовлетворять аппетиты аристократии, сохраняя свою самостоятельность.

Однако, когда в 1640 г. восставшая против испанского владычества Португалия вернула себе независимость, положение было совершенно иным. За время унии с Испанией колониальное хозяйство было основательно расшатано, торговля молуккскими пряностями перешла в руки голландцев, они же захватили Бразилию, которую еще надо было отвоевывать. Стране предстояло еще долго отстаивать свою независимость в войне с Испанией, продолжавшейся до 1668 г., и

только победа при Вила-Висозе в 1665 г. устранила угрозу нового испанского завоевания.

Наиболее горячими сторонниками независимости были средние и мелкие городские слои, провинциальное дворянство. Аристократия же оказалась расколотой: в ее среде уже шел процесс кастилианизации, многие аристократические семьи переехали в Мадрид и после восстановления независимости отпали от португальской короны; первый король из дома Браганса Жоан IV (1640—1656), стремившийся восстановить привычную социальную опору монархии, должен был проводить политику воссоздания аристократии, пополнения португальских грандов за счет преданного династии мелкого дворянства. Вместе с тем Жоан IV в условиях тяжелой войны, не чувствуя свое положение достаточно прочным, хотел заручиться максимально широкой поддержкой сословий.

По всем этим причинам в Португалии временно усилилась роль сословного собрания. Вплоть до 1668 г. страна была сословно-представительной монархией с сильной властью кортесов. Последние собирались достаточно часто, отрицали право короля на сбор не утвержденных ими налогов, имели свой постоянный орган — Комитет трех сословий для наблюдения за финансовой администрацией.

После заключения мира с Испанией активной роли кортесов сразу же пришел конец. Отныне они стали созываться лишь изредка и не вотировали налогов, но занимались только вопросами престолонаследия и династических союзов. Сложившийся к 1670-м годам государственный строй очень напоминал кастильский. За время испано-португальской унии и при Жоане IV в Лиссабоне развилась построенная по мадридскому образцу бюрократия центральных королевских советов, в которых также ключевые позиции принадлежали аристократии, тогда как проводниками королевской воли, как и в Кастилии, были секретари королевского кабинета, один из которых, ведавший общей политикой, именовался государственным секретарем. Современный португальский историк А. Оливейра Маркиш оценивает сложившуюся в конце XVII в. ситуацию как “раздел власти поровну между королем и аристократией”².

Налоговая система Португалии целиком строилась на косвенных налогах, причем основные доходы давали сборы с внешней торговли. В 1681 г. португальская корона получила около 75% своих ординарных доходов благодаря обложению внешней торговли: европейской (40%) и трансокеанской (35%). Подъем колониального хозяйства, наметившийся с конца XVII в. и связанный с началом добычи бразильского золота, непосредственно способствовал росту финансовых ресурсов монархии.

Уже в первой половине XVIII в., при Жоане V (1706—1750), в Португалии наметилось нарастание абсолютистских тенденций, причем, как и в Испании, королевские секретари превратились в министров и возглавили специальные ведомства, благодаря чему была ограничена компетенция аристократических советов.

ДАНИЯ

Датский абсолютизм в социально-типологическом отношении может быть сопоставлен с классическим французским вариантом, поскольку и здесь абсолютная монархия возникла в обстановке определенного равновесия сил между приходящим в упадок дворянством и поднимающейся буржуазией. Но если во Франции абсолютизм развивался эволюционно, замедленными темпами, то Дания перешла к нему сразу, одним скачком от сословной избирательной монархии в результате государственного переворота 1660 г., своего рода “абсолютистской революции”; поэтому датские абсолютные монархи были гораздо меньше связаны необходимостью соблюдения традиций. Обращает на

² Oliveira Marques A.-H.de. Historia de Portugal. Lisboa, 1976. Т. 1. Р. 388.

себя внимание и то обстоятельство, что несмотря на легкий, бескровный характер переворота сложившийся в результате него государственный строй оказался очень прочным — поколебать его и двинуть развитие вспять уже не могли ни военные неудачи, ни посредственность отдельных занимавших престол монархов.

До 1660 г. датский король выбирался трехсословным собранием (ригсдагом) и Государственным советом (ригсродом). Сам выбор был фактически предрешен, власть всегда переходила от отца к старшему сыну. Однако, получая ее из рук сословий, новый монарх подписывал “капитуляцию”, жестко ограничивавшую его полномочия. Заполненный занимавшими высшие государственные должности аристократами ригсрод был как бы постоянным контрольным органом при монархе, в его одобрении нуждались все королевские акты, он выполнял функции верховного суда и следил за управлением коронными землями. Но все же реальное соотношение сил между короной и знатью оставалось неустойчивым, поскольку у короля имелись и свои независимые от ригсрода источники доходов: датские монархи были вместе с тем и герцогами богатого Шлезвиг-Гольштейна, а кроме того, взимали дань с международной балтийской торговли в виде зундских пошлин.

Центральный управленческий аппарат оставался весьма рудиментарным. Местный же аппарат строился еще в целом на средневековой основе: страна делилась на лены, во главе которых стояли ленсмены, непременно из дворян, отправлявшие свою должность в порядке феодальной службы и сосредоточивавшие в своих руках функции администратора, коменданта крепостей, налогового сборщика и управителя коронных земель; часть коронных доходов ленсмены оставляли себе.

Датское дворянство обладало огромными привилегиями. Дворяне не платили никаких налогов со своих доменов. Они имели фактическую монополию на частное владение землей: свободные крестьянские дворы в Дании почти исчезли, городское землевладение отсутствовало, переход земель в руки недворян запрещался. В 1652 г. коронные и церковные земли (последние после Реформации фактически принадлежали короне) охватывали 50% крестьянских дворов, дворянам же принадлежало 44%. Только дворяне могли занимать государственные должности и управлять коронным имуществом.

Но слабостью датского дворянства была его крайняя малочисленность: оно составляло лишь 0,2—0,3% общего населения страны. Уже более века дворянство являлось фактически замкнутым сословием, доступ в него был исключительно затруднен. Из-за отсутствия притока свежих сил становился ненормально высок и постоянно возрастал удельный вес высшего слоя дворян: в 1660 г. к высшему дворянству принадлежало 49% дворян против 30% в XVI в., на долю провинциальной половины сословия приходилось лишь 6% дворянской собственности. Не будучи настоящими предпринимателями-агряриями (их домены в 1682 г. занимали лишь 8% принадлежавшей им пахотной земли), датские дворяне паразитировали на выгодной аграрной конъюнктуре XVI в. и оказались в затруднительном положении, когда она изменилась к худшему. Лишь очень небольшая часть дворянства состояла на государственной службе (в 1625 г. — только 5%). По всему этому политический крах старого дворянства в 1660 г. произошел с поразительной легкостью.

Политическая ситуация, непосредственно предшествовавшая перевороту 1660 г., складывается с 1645 г., после проигранной войны со Швецией 1643—1645 гг. Поскольку до этого, после неудачи Кристиана IV в войне с Габсбургами 1625—1629 гг., страной фактически правил ригсрод, то отвечать за разгром пришлось на этот раз аристократии. Ригсдаг 1645 г. ознаменовался расколом в среде дворянства (провинциальные дворяне выступили с особыми требованиями) и наметившимся политическим блоком горожан и духовенства (верхушка лютеранского духовенства непосредственно зависела от короля, назначавшего

всех епископов, а низшая часть сословия постоянно конфликтовала с дворянством из-за спора вокруг доли десятины, присваиваемой дворянами в контролируемых ими приходах). В результате горожане получили тогда право ежегодно проводить собрания своего сословия, а провинциальные дворяне стали выбирать окружных комиссаров для управления и контроля над местными финансами, причем за этими комиссарами было признано право представлять королю кандидатов в члены ригсрода.

Избирательный ригсдаг 1648 г. закрепил линию на обеспечение постоянного участия сословий в политической жизни страны — была установлена обязательность ежегодного созыва ригсдага для вотирования налогов. Ригсрод продолжал выполнять контрольные функции при монархе, его согласие требовалось по всем вопросам внешней политики, таможенного и монетного законодательства, но в случае несогласия между королем и ригсродом следовало созывать ригсдаг. Таким образом, сословное собрание приобщалось отныне к постоянному участию в управлении и брало на себя роль высшего арбитра. Внешне это еще более ограничивало возможности монархии, но фактически оказалось в дальнейшем ей на руку, позволив противопоставить ригсдаг ригсроду. На таких условиях стал королем и подписал последнюю в истории Дании “капитуляцию” основатель датской абсолютной монархии, умный и скрытный Фредерик III (1648—1670).

Разгром Дании в новой войне со Швецией (1657—1658) поставил страну на грань потери независимости. Почти сразу же начавшаяся новая датско-шведская война (1658—1660) оказалась столь же тяжелой, и хотя благодаря вмешательству иностранных держав и стойкому сопротивлению народа шведским оккупантам Дании удалось внести некоторые поправки в очень тяжелые условия мира 1658 г., ей в конечном счете пришлось смириться с потерей богатейшей области Сконе и восточного берега Зунда.

Дворянство еще раз провалило свою роль защитника страны, и сохранение его привилегий стало выглядеть неоправданным в общественном мнении. Напротив, выросло политическое значение горожан Копенгагена, стойко выдержавших шведскую блокаду; усилились симпатии копенгагенской буржуазии к королю Фредерику III, лично руководившему обороной столицы. Еще в августе 1658 г. в системе дворянских привилегий была пробита первая брешь: бюргеры Копенгагена получили равное с дворянами право покупки земель, управления коронным имуществом и занятия должностей.

В такой обстановке в сентябре 1660 г. в Копенгагене открылся ригсдаг, которому предстояло решить вопрос о средствах погашения накопившегося за военные годы государственного долга. Выдвинутый правительством план акцизного сбора столкнулся с возражениями в дворянской палате ригсдага — дворяне соглашались платить новый сбор лишь с большими изъятиями в свою пользу. Тогда буржуазия и духовенство, лидерами которых в ригсдаге были бургомистр Копенгагена Нансен (предок мореплавателя) и епископ Зеландии Сване, объединились против дворян под лозунгом “Равенство для всех”, требуя полной отмены дворянского иммунитета; вместе с тем союзники предлагали пересмотреть всю систему находившегося в ведении дворянства управления коронными землями. Страсти накалились, и скоро стала ясна невозможность для сословий прийти к соглашению.

Тогда в среде копенгагенских горожан, втайне поощряемых королем, начала распространяться мысль о необходимости перехода к наследственной абсолютной монархии, полновластной в сфере налоговой политики. 8(18) октября собрание депутатов буржуазии и духовенства приняло постановление о наследственной монархии. Дворянская палата и ригсрод попытались сопротивляться, но Фредерик III заявил, что в случае отказа дворянства он примет наследственную корону от двух низших сословий. Копенгагенская милиция была мобилизована, городские ворота заперты. Этой угрозы насил

оказалось достаточно, чтобы сломить сопротивление. 13(23) октября все сословия и ригсрод на официальной аудиенции просили короля о превращении Дании в наследственную монархию. Королевская “капитуляция” 1648 г. была кассирована, и 18(28) октября состоялась церемония присяги на верность новому государственному строю. В декабре 1660 г. ригсдаг был распущен и более уже не собирался. Ни Сване, ни Нансен в дальнейшем не играли ведущей политической роли, вся власть перешла к королевскому окружению.

Ригсрод также прекратил свое существование. Центральные органы управления были организованы по новому типу коллегий. В отличие от Франции и Испании, где министерства строились на принципе единоначалия, в Дании утвердился уже принятый в Швеции принцип коллегиального руководства специализированными ведомствами. Каждая коллегия возглавлялась президентом и состояла из 8—12 советников как дворянского, так и буржуазного происхождения. Тем самым выходцы из буржуазии были допущены к участию в управлении на правительственном уровне. Еще в 1650-е годы в порядке ограничения компетенции ригсрода возникли специализированные королевские советы: Адмиралтейский (1655 г.) и Военный (1658 г.). Теперь они были преобразованы в коллегии, и наряду с ними появились новые: Государственная (для общего руководства страной), Казначейская, Коллегия канцелярии, Торговая и Мануфактурная коллегии. Затем над всеми этими коллегиями был организован Тайный совет как высший совещательный орган при монархе, увенчавший собой новопостроенную бюрократическую систему.

В корне преобразовано было и местное управление. Институт ленсманов был упразднен, как и сами лены; новым административным делением стали более крупные амты во главе с получавшими от короны жалованье амтманами. Эту должность занимали дворяне, но их полномочия уже не носили того всеобъемлющего характера, как у ленсманов: исполняя роль гражданских губернаторов, они не ведали ни налогообложением (в каждом амте были особые налоговые чиновники), ни гарнизонами, ни управлением коронными землями.

В феврале 1661 г. был создан Верховный суд, иногда заседавший под председательством монарха и заполненный представителями аристократии (такой состав суда соответствовал тому, что ранее эту функцию выполнял ригсрод). Ниже его находились провинциальные суды (ландсдаги) и копенгагенский суд бургомистров, еще ниже — городские и окружные судьи. Во всех судах судьи назначались королем и могли в любой момент быть отозваны. В то же время наряду с королевскими судами еще сохранялась старая сеньориальная юстиция.

Абсолютная монархия наложила руку и на городское самоуправление. Бургомистры и городские советники стали назначаться королем, городские выборные участвовали только в разверстке налогов. Место копенгагенского бургомистра занял назначаемый королем президент города.

Основным законом датской монархии стал т.н. “Королевский закон”. Подписанный в 1665 г., он был оглашен в Тайном совете в 1670 г., опубликован в извлечениях в 1683 г., — но только в 1709 г., когда он был обнародован целиком, датчане смогли полностью ознакомиться со своей “конституцией”. Принцип абсолютной монархии был сформулирован здесь с непревзойденной четкостью и последовательностью. Автор текста королевский секретарь Шумахер, сын копенгагенского виноторговца, в юности учился в Англии, и в его творении усматривают влияние политических идей Гоббса. Было провозглашено, что король стоит над законами и может менять их, назначает всех чиновников; все привилегии, если они вступают в противоречие с интересами монархии, могут и должны быть отменены. Возможные ограничения королевской воли сводились лишь к самым общим установлениям: лютеранское вероисповедание и защита лютеранской церкви, запрет нарушать целостность королевства и порядок престолонаследия.

Положение о наследственности монархии было распространено на принадле-

жавшую Дании Норвегию в 1661 г. решением специально созванного норвежского ригсдага (также оказавшегося последним в истории своей страны). Эта акция подтвердила большое значение Норвегии для монархии, несмотря на то что формально особая норвежская корона была упразднена еще в 1536 г. Датские административные и судебные реформы распространялись и на Норвегию.

Предложенный ригсдагу 1660 г. акцизный сбор, высокие ставки которого вызывали большие жалобы, не стал основным средством погашения военных долгов. Превратившись в абсолютного монарха, Фредерик III счел более осмысленным расплатиться с кредиторами путем широкой распродажи коронных земель. Это привело к некоторому изменению в распределении земельной собственности: в 1682 г. коронные и церковные земли охватывали 32% крестьянских дворов (против 50% в 1650 г.), дворянам принадлежало 50%, горожанам — 15%, свободным крестьянам — всего 3% дворов.

Главным налогом стал не акциз, а прямой подоходный налог, введенный в 1660-е годы (раньше, чем где-либо еще в Европе) и распространявшийся на все сословия. Его введению предшествовало проведение (1664 г.) общего земельного кадастра с оценкой доходов в условных бочках зерна, налог выплачивался пропорционально этой оценке. Новый сбор означал и резкое повышение общего уровня обложения (в 5 раз к 1670 г. по сравнению с 1650 г.). В дальнейшем оценки кадастра корректировались с тенденцией понизить обложение деревни и увеличить ставки налога на городское население.

Уже с 1664 г. началась работа по унификации датского права, завершившаяся в 1683 г. публикацией единого свода законов. Этот кодекс, провозгласивший принцип равенства всех перед законом, был бесспорным достижением датского абсолютизма. Даже автор резкого антидатского памфлета англичанин Моульсуорт, обличавший в 1690-е годы датскую “тиранию” с позиций английского парламентаризма, принужден был воздать должное логичности, четкости и краткости датского кодекса, позволившего, по его словам, грамотным датчанам не нуждаться в адвокатах³. В 1687 г. был издан аналогичный свод законов для Норвегии, причем представленный норвежскими законоведами проект радикально переработали в Копенгагене с целью приблизить его к датскому кодексу.

Говоря о прогрессивной стороне деятельности датской абсолютной монархии, нельзя не отметить также осуществленную с 1702 г. постепенную отмену существовавшей в части страны (на островах Зеландия, Лолланн, Фальстер и Мён) личной крепостной зависимости крестьянства. Правда, фактически для всех пригодных к военной службе крестьян известным эквивалентом прикрепления к поместью стала введенная с 1701 г. и окончательно оформившаяся с 1733 г. милиционная военно-приписная система, но юридическая основа этого прикрепления являлась в принципе иной.

Как мы видели, дворянское землевладение после установления абсолютизма не только не сократилось, но даже выросло. Но то было уже иное, новое по составу дворянство. Абсолютная монархия сняла барьеры, мешавшие одворяниванию, и сама широко раздавала датское дворянство выказавшим преданность трону датчанам-разночинцам и немецким дворянам из Шлезвиг-Гольштейна. Процесс обновления состава дворянства шел весьма интенсивно: если в 1660 г. старому дворянству принадлежало 96% дворянской собственности, то в 1700 г. — только 44%. Не отличаясь от старых дворян по методам хозяйствования на земле, новые дворяне все же представляли новый социальный тип. В массе своей они были обязаны дворянством службе в государственном аппарате, и, хорошо сознавая, что только победа абсолютизма сделала возможным их выдвижение, были всецело преданы новому государственному строю.

³ Molesworth. Etat présent de Danemarc. L., 1694. P. 225.

Таким образом, абсолютизм не изменил дворянского характера датской монархии. Напротив, он укрепил дворянское сословие, влив в него новые силы. Лишившись полного налогового иммунитета и монополии на государственные должности, дворяне тем не менее сохранили ряд привилегий, свидетельствовавших об их повышенном социальном статусе: судебную власть над крестьянами, свободу от выплаты десятины, монополию на охоту и рыболовство, свободу от ареста и т.п. Характерно, что король Кристиан V (1670—1699) принял меры и к воссозданию на новой основе датской аристократии: в 1671 г. были введены отсутствовавшие ранее общеевропейские титулы графов и баронов, которые давались в основном новым дворянам; проводивший реформу Шумахер стал графом Гриффенфельдом. Новоиспеченные аристократы получали большие земельные владения, которые освобождались от налогов в отступление от принципов налоговой реформы 1660-х годов; стабильность земельной собственности знати гарантировалась введением правила майората. После установления в XVIII в. военно-приписной системы датские дворяне получили сильное дополнительное средство давления на своих крестьян, среди которых они имели право отбирать рекрутов для службы в милиции.

Датскому абсолютизму принадлежит приоритет в изобретении так называемой “Табели о рангах” (1671 г.), установившей четкое соответствие между различными гражданскими, военными и придворными чинами и связанные с подъемом вверх по этой лестнице нормы одворянивания. Впоследствии эта практика была перенята рядом других монархий, в частности и Россией.

Выходцы из буржуазии широко использовались в государственном аппарате. В 1670 г. они составляли 38% высших чиновников, в 1700 г. — 52%. Покровительствуя буржуазии, датская монархия проводила сходную с кольбертистской политику протекционизма, связанную с поощрением организации новых мануфактур и государственным субсидированием крупных торговых компаний.

ШВЕЦИЯ

Абсолютизм в Швеции имел ту уникальную социально-типологическую особенность, что при общем сходстве расстановки социальных сил с соседней Данией в антиаристократический блок входили не только буржуазия и духовенство, но и многочисленное в Швеции свободное (государственное) крестьянство. Имевшее свою палату в риксдаге, оно было одним из элементов баланса сил, способствовавшего утверждению абсолютной монархии. Кроме того, в Швеции абсолютизм в гораздо большей мере, чем в Дании, мог опереться на старое мелкое дворянство, заинтересованное в государственной службе благодаря военному характеру сословия.

Укрепление шведской монархии в первой половине XVII в. происходило в обстановке прочного политического согласия короны со всем дворянством в целом, включая и аристократию, на базе общей заинтересованности в широкой завоевательной политике. Поэтому оказалось возможным создание достаточно разветвленного центрального аппарата без ущерба для политического влияния аристократии и без нарушения принципов сословной монархии. Каждый из пяти несменяемых высших государственных сановников-аристократов: риксканцлер, риксмаршал, риксдротс (хранитель печати), риксскатместер (главный казначей) и риксадмирал — с 1620-х годов возглавлял крупное центральное ведомство, организованное по типу коллегий — соответственно коллегия канцлерскую, военную, судебную, казначейскую и морскую. Они же руководили деятельностью делившего с монархом исполнительную власть аристократического риксрода.

Вместе с тем немалое политическое значение имел достаточно часто созывавшийся четырехсословный риксдаг (дворяне, города, духовенство и крестьяне). Он не только вотирует чрезвычайные прямые и косвенные налоги, но и участ-

вовал в законодательстве, по его решению периодически производились рекрутские наборы. Дворянская палата имела определяющее влияние в риксдаге, ее председатель (лантмаршал) обычно являлся и председателем сословного собрания (правда, сам он назначался королем). Между сессиями риксдага действовал его постоянный орган (Секретный комитет), где дворяне имели две трети мест, а крестьянские депутаты не были представлены вовсе.

К середине XVII в. шведское дворянство по сравнению с датским было и относительно более многочисленным, и гораздо более организованным и жизнеспособным. Оно не замыкалось в себе, постоянно пополняя свои ряды как за счет иностранцев, так и за счет выходцев из низших сословий, причем это пополнение находилось под контролем дворянской палаты риксдага (*Рыцарского дома*), где происходила имматрикуляция новых членов сословия. Но дворянство даже формально не являлось единым. Рыцарский дом делился на три курии: титулованного дворянства, нетитулованных членов риксрода (сенаторская курия) и рядовых дворян. Обсуждение вопросов было совместным, но голосовали курии порознь (каждая имела один голос), и это давало монархии возможность маневра. В отличие от Дании, принявшей общеевропейскую аристократическую титулатуру только в 1671 г., в Швеции графы и бароны появились еще во второй половине XVI в.

Привилегии дворянства в целом были велики. Земли дворянских доменов полностью освобождались от обычных налогов. Принадлежавшие дворянам крестьянские дворы в радиусе “заповедной мили” вокруг усадьбы были полностью избавлены от рекрутской и извозной повинности и практически не платили налогов; все прочие дворянские земли платили налоги и давали солдат в половинном против обычного размере. Высокие государственные должности должны были замещаться исключительно дворянами. Правда, рядовые шведские дворяне в отличие от датских (за исключением дворянства вошедшей в состав Швеции с 1658 г. бывшей датской области Сконе) не имели права суда над своими крестьянами, не являлись по отношению к ним сеньорами. Право назначать судей в своих землях давалось как особая прерогатива лишь шведским аристократам, чьи привилегии были еще более широкими: владения графов и баронов имели полный налоговый иммунитет и свободу от рекрутской повинности.

Политический союз короны с дворянством в первой половине XVII в. скрепляла широкая раздача шведскими монархами дворянам земельных владений, причем не только из фонда коронных земель, — раздаривались и дворы государственных крестьян, которые отныне должны были платить основной налог натурой не государству, а получившему их в дар феодалу; по своему фактическому положению такие крестьяне сближались с помещичьими. Рядовые дворяне получали земли в порядке условного дарения, которое в принципе могло быть взято обратно, но для знати в ходу были дарения безусловные, наследственные. В результате к середине 1650-х годов, в момент наивысшего роста дворянского землевладения, дворянству принадлежало около двух третей всех земель, корона и государственные крестьяне владели оставшейся третью. В социальном плане это означало реальную угрозу ликвидации свободного крестьянства, а в подходящих для того условиях и переход к барщинно-крепостнической системе хозяйства — пример крепостнических фольварков в захваченной шведами Прибалтике начал оказывать влияние и на шведских феодалов. Но, кроме того, рост привилегированного землевладения был связан с сокращением налоговых поступлений и рекрутских контингентов, и государство пыталось парировать это нежелательное последствие своей политики введением все новых чрезвычайных прямых и косвенных налогов, взимавшихся и с дворянства. Необычайное усиление дворянского сословия привело к сплочению антидворянской оппозиции трех низших, податных сословий (духовенство, горожане и крестьяне), выдвинувших своим лозунгом требование так называемой редукации, возвращения государству розданных дворянам земель. Отныне вопрос о редукации стал ключевым во внутривнутриполитической жизни страны.

Шведское лютеранское духовенство, как и датское, находилось в постоянном конфликте с дворянством из-за вопроса о дворянской опеке над приходами. Лютеранский клир был по большей части скромного происхождения. Даже епископы происходили из буржуазии (в отличие от Дании они не назначались короной, но избирались клиром, и относительная бедность шведской церкви не прельщала дворянские семьи), а среди рядовых пасторов имелось немало выходцев из крестьян. Приходские собрания становились организационной формой, в которой осуществлялось руководство антидворянским движением крестьян со стороны низшего духовенства.

Слабая шведская буржуазия, зависевшая от проводившейся государством протекционистской политики, являлась глубоко роялистской по своим убеждениям. Правда, она была более разобщенной, чем датская, поскольку Стокгольм не мог играть роли ее организующего центра в той же мере, как Копенгаген в Дании.

Но наиболее активным участником антидворянского блока стало крестьянство, чьим социальным позициям непосредственно угрожала экспансия дворянского землевладения. Помимо борьбы через риксдаг, крестьяне пользовались и тем обстоятельством, что в низших, уездных судах архаичного происхождения (тингах) еще участвовали крестьянские заседатели, на сочувствие которых можно было рассчитывать при разборе споров крестьян с феодалами.

Крестьянские депутаты прямо поставили вопрос о редукации уже на риксдаге 1644 г., получив тогда резкий отказ от правительства регентов. На риксдаге 1650 г. требование редукации стало общим для всех податных сословий; в то время правительство королевы Кристины, пользовавшееся движением оппозиции в чисто тактических целях, отказалось его удовлетворить, ограничившись некоторыми частными мерами в защиту переданных феодалам государственных крестьян. В 1653 г. социальная напряженность в деревне привела к взрыву — крупнейшему крестьянскому восстанию в области Нерке.

Преемник Кристины Карл X (1654—1660), который нуждался в деньгах для возобновления широкой завоевательной политики, прервавшейся после окончания Тридцатилетней войны, уже сам поставил вопрос о редукации на риксдаге 1655 г. Получив поддержку податных сословий и используя рознь среди дворянства, он издал постановление об умеренной, так называемой “четвертной редукации” (о возвращении в будущем дворянами четверти всех дарений, полученных ими от государства после 1634 г., и о немедленном сборе с них “контрибуции” за эти земли). В дальнейшем внимание короля было отвлечено на ведение завоевательных войн, и размеры редукации были сокращены еще более.

Со смертью Карла X эпоха завоевательных войн кончилась. Шведская держава достигла своих крайних пределов и ощутила невозможность идти дальше. Пришел конец эйфории заморских походов, дававших богатую добычу, но осталась необходимость больших военных расходов, чтобы охранять захваченное. На престол вступил малолетний Карл XI (1660—1697), настало время регентства с неизбежным усилением влияния аристократии. Но ситуация в стране была уже такой, что знати пришлось разделить свою власть с риксдагом, выговорившим себе, согласно принятому в ноябре 1660 г. дополнению к “Форме правления” 1634 г., право регулярного созыва и выбора членов риксрода; при этом податные сословия, не желая связывать на будущее короля, добились того, что новое государственное устройство было объявлено временным, только на срок несовершеннолетия монарха (т.е. до 1672 г.). То же постановление запрещало отчуждение коронных земель, и редукация все еще проводилась, однако на практике регентское правительство не соблюдало данного запрета, и новые раздачи земель свели на нет редукационные мероприятия.

В это время отчетливо обозначился раскол внутри дворянского сословия в связи с вопросом о редукации. Мелкое дворянство, рассчитывавшее, что широкая редукация при соответствующем способе ее проведения затронет только земле-

владение знати и вместе с тем делает ненужным различные задевавшие дворянство чрезвычайные налоги, стало на сторону редуccionной политики. При такой расстановке сил в 1680 г. произошел переход Швеции к абсолютизму.

Уже с 1675 г. в риксдаге встал вопрос о проверке финансового управления бывших регентов и начала работу специальная комиссия по расследованию. Война 1674—1679 гг. не принесла лавров шведскому оружию, и после ее окончания короне понадобились деньги для погашения большого государственного долга. В октябре 1680 г. после установившего вину бывших регентов доклада комиссии Карл XI повелел риксдагу назначить из своего состава судебную палату. Эта так называемая Большая комиссия действовала в 1680—1682 гг.; в ней было 36 членов, по 9 от каждого из четырех сословий. По примеру французской Палаты правосудия 1661—1669 гг. она приговорила виновных к крупным реституциям, использованным для расплаты с кредиторами. В общей сложности эти штрафы составили 4 млн. риксдалеров, т.е. 80% ординарного годового дохода. Когда риксрод стал протестовать против учреждения этого не имевшего прецедентов в шведской истории чрезвычайного трибунала, риксдаг дезавуировал его протест, вынеся в декабре 1680 г. постановление о том, что король имеет неограниченное право как давать, так и отнимать и что он, отвечая лишь перед Богом, вовсе не обязан во всем советоваться с риксродом. Тем самым “Форма правления” 1634 г. была официально объявлена уничтоженной, а роль риксрода сведена к функциям консультативного органа.

В ноябре 1680 г. была создана и комиссия по проведению редуccion. Согласно постановлению риксдага, редуccion должны были подвергнуться только земельные владения с годовым доходом свыше 600 риксдалеров, что гарантировало неприкосновенность собственности мелкого дворянства. Одновременно были уничтожены особые привилегии аристократии в области налогового и судебного иммунитета, отделявшие ее от рядовых дворян; ее безусловные земельные владения были объявлены условными. Единственным престижным отличием шведских графов и баронов остались их громкие титулы. Появившаяся в 1680 г. шведская “Табель о рангах” всецело определяла место человека в социальной иерархии его служебным положением (в отличие от более компромиссной датской табели, учитывавшей факт обладания аристократическим титулом).

Главное значение “великой редуccion” состояло в том, что она бесповоротно устранила угрозу закрепощения государственного крестьянства. Об ее общем итоге можно судить по тому факту, что к 1700 г. короне, дворянам и крестьянам принадлежало примерно по трети дворов и, таким образом, доля дворянского землевладения сократилась вдвое. Правда, в качественном отношении потери дворянства были меньшими. Как правило, в Швеции землевладельцам оставались крупные хозяйственные комплексы на лучших землях, под редуccion же попадали разрозненные дворы, находящиеся вдалеке от имений. В заморских владениях, особенно в Лифляндии, где редуccion проводилась интенсивнее, корона возвращала себе и крупные имения, но там бывшие собственники оставались на местах, превращаясь в арендаторов государственной земли. В целом благодаря редуccion ежегодные ординарные доходы короны выросли к 1697 г. на 40% по сравнению с 1679 г.

Сразу же после установления абсолютной монархии были фактически уничтожены должности всех пяти высших государственных сановников, благодаря чему аристократия лишилась своих признанных руководителей. Во главе ранее подчиненных им коллегий отныне встали назначенные королем президенты. Продолжала действовать наметившаяся еще раньше тенденция к увеличению числа коллегий, к росту их специализации и вообще бюрократизации управления. Бывший риксрод в знак понижения его статуса с 1682 г. стал именоваться Королевским (но не Государственным!) советом. 8 из 15 его членов были осуждены Большой комиссией, и их места заняли новые, преданные королю люди.

Риксдаг еще неоднократно собирался при Карле XI. Удовлетворенный политической линией монархии, он в стремлении укрепить королевскую власть не раз добровольно отказывался от своих традиционных прерогатив. В 1682 г. риксдаг пожертвовал своими законодательными функциями, всецело уступив их королю. В том же году в связи с проведением военной реформы отпала необходимость в согласии риксдага на сбор армейских контингентов. За собранием оставалось только право вотирования чрезвычайных налогов, но и здесь оно было ограничено условиями мирного времени — в годы войны король, согласно декларации риксдага 1693 г., мог собирать чрезвычайные сборы и выпускать займы под гарантией риксдага, даже не созывая его (через существовавший с 1668 г. так называемый Банк сословий).

Важнейшей реформой Карла XI стала военная (1682 г.), сущность которой состояла в отказе от рекрутских наборов и переходе к системе постоянной “поселенной армии” (“инделта”). Если раньше крестьяне должны были время от времени по решению риксдага выставлять по одному рекруту от группы дворов, то теперь пополнение армии становилось автоматическим. Каждый выделенный определенной группой дворов солдат-пехотинец получал специальный участок в той же местности. Проходя военную подготовку, он в мирное время вел свое хозяйство, а в военное призывался под ружье, и тогда его участок обрабатывали в пользу его семейства соседи. Денежные расходы на содержание солдат в годы мира были, таким образом, минимальными. Солдатские участки могли принадлежать только солдатам: в случае смерти солдата соседи обязаны были в 3-месячный срок подобрать нового и передать ему участок, а вдова с детьми должны были уйти. Поскольку “поселенная армия” была организована по территориальному принципу, солдаты-соседи являлись однополчанами, и в той же местности имели свои получаемые за службу коронные участки (“бостели”) их офицеры. Кавалеристы и все офицеры были распределены между содержащими их группами крестьянских дворов, которые за это освобождались от уплаты государственного налога. На системе “инделта”, находившейся в определенном соответствии с недостаточной для содержания многочисленного контингента наемников степенью развития товарного хозяйства, строилась вся шведская армия, кроме гвардии и артиллерии.

В 1686 г. Карл XI, воспользовавшись полученным им правом бесконтрольного законодательства, издал новый “Церковный закон”, провозгласивший монарха главой шведской лютеранской церкви. Отныне король стал назначать епископов и их коадьюторов (из числа кандидатов, представляемых ему консисториями пасторов), а также пасторов “коронных” приходов. Каждый пастор получал от короны бостель, приравниваясь, таким образом, к офицеру.

Активизировался процесс одворянивания: за 1680-е годы было причислено к шведскому дворянству всего лишь в 2 раза меньше семейств, чем за семь предшествовавших десятилетий, 41% новых дворян составляли чиновники и офицеры. Но, конечно, при общей опоре короля на старое мелкое дворянство этот процесс не мог иметь здесь того социального значения, как в Дании.

Политика шведского и датского абсолютизма вообще была во многом различна, что обуславливалось отмечавшейся выше разницей в расстановке политических сил. Если расколотый противоречиями датский ригсдаг в 1660 г. оказался неспособен выработать конкретный план реформ и мог только передать королю под определенным нажимом практически неограниченные полномочия, после чего сразу же сделался ненужным, то в Швеции риксдаг продолжал функционировать и после абсолютистского переворота, оказывая моральную поддержку исполнявшей его редуccionную программу монархии. Карл XI проводил редуccion — Фредерик III, напротив, распродал коронные земли. Датский абсолютизм был способен на фискальные реформы, ущемлявшие привилегии дворянства в целом, но не опасался наделять особыми иммунитетами своих новоиспеченных графов и баронов. Шведский абсолютизм,

наоборот, уничтожил особые привилегии аристократии, но все общедворянские иммунитеты остались в полной сохранности, и шведская буржуазия, в отличие от датской, официально получила право покупать дворянские земли только в 1723 г., уже после краха абсолютной монархии.

Благодаря сокращению и жестким мерам экономии Карл XI удалось к 1690-м годам добиться перевеса доходов над расходами в государственном бюджете. Но это было равновесие на низком уровне расходов, возможном только в мирное время. Перевод армии на натуральное довольствие годился именно для "поселенной армии", но должен был обнаружить свою непригодность, если бы вновь пришлось вести затяжные военные действия за морем.

После 1679 г. Карл XI стремился жить в мире с соседями. Эта внешнеполитическая линия объяснялась трезвым учетом соотношения сил, пониманием того, что политика дальнейших завоеваний была бы не под силу шведской экономике. Этого не понял сын и преемник Карла XI Карл XII (1697—1718), доведший страну до полного разорения своей авантюристической военной политикой. Разгром под Полтавой в 1709 г. сразу же вывел Швецию из числа великих держав, в стране расширялась и крепла антиабсолютистская оппозиция, легко восторжествовавшая после гибели Карла. По конституции 1719 г. абсолютизм был уничтожен, началась так называемая "эра свобод", когда власть делилась между риксродом и риксдагом, а полномочия монарха были крайне ограничены. Но результаты "великой сокращения" пересмотрены не были, антиаристократический блок в риксдаге продолжал действовать в новых условиях, сохранился и достигнутый уровень бюрократизации управления страной.

БРАНДЕНБУРГСКО-ПРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

В восточноевропейских странах, где к середине XVII в. уже была закреплена основная масса крестьянства, где слабая буржуазия не могла быть противовесом всецелому дворянству, складывание абсолютных монархий проходило в совершенно иной социальной обстановке, чем в странах классического абсолютизма, и требовало иных политических предпосылок. Гораздо большее значение имели здесь факторы внешнеполитического характера; элемент балансирования между дворянством и буржуазией в политике монархии отсутствовал; прочность абсолютистского строя требовала полного политического согласия с дворянами-крепостниками, которые только при условии гарантии всех привилегий могли смириться с лишением своих сословных органов прямого участия в управлении государством. Все эти моменты очень хорошо видны на примере истории бранденбургско-прусского государства. Вместе с тем абсолютизм обладал здесь уникальными особенностями, сказавшимися в крайней милитаризации всей жизни страны.

Бранденбург вышел на арену широкой европейской политики только в 1610-е годы, когда курфюрст Иоганн Сигизмунд получил по праву наследования сначала половину земель бывшего Клеве-Юлихского герцогства (1610 г.), а затем и большое Прусское герцогство, бывшую землю Тевтонского ордена, находящуюся в ленной зависимости от Польши (1618 г.). Так возникли три группы владений бранденбургских Гогенцоллернов: центральная, собственно бранденбургская, со столицей Берлином, восточная с центром в Кёнигсберге и западная в виде небольших, но богатых территорий по Рейну (Клеве и Марк). Сфера политических интересов бранденбургских курфюрстов стала простирается от Нидерландов до Лифляндии, но земли их разделялись владениями других государей. После Вестфальского мира 1648 г. центральная часть их владений была увеличена присоединением Восточной Померании.

Владения Гогенцоллернов к середине XVII в. представляли типичное "лоскутное государство", объединенное только личной унией. Очень небольшой Тай-

ный совет, группировавшийся вокруг курфюрста, являлся, по сути дела, единственным общим центральным органом управления. Вместе с тем политические условия повсюду были сходными в одном — все владения Гогенцоллернов были землями с сильным сословным представительством и ограниченной властью государя. В Бранденбурге курфюрсты не могли без согласования с ландтагом вести внешнюю политику и набирать войско, поскольку ландтаг вотирует основной прямой налог (“контрибуцию”) и собирал его через свой налоговый аппарат. В начале Тридцатилетней войны бранденбургская армия даже присягала не только курфюрсту, но и сословиям. Еще более крепкими являлись позиции прусского ландтага; поскольку Пруссия была леном польской короны, то не только ландтаг в целом, но даже его меньшинство обладало признанным правом апеллировать, в случае несогласия с решениями своего герцога-курфюрста, к польскому сейму.

*Курфюрст Фридрих-Вильгельм
Бранденбургский*

В социальном же отношении все земли курфюрста, за исключением рейнских герцогств (которые так и остались при особом статусе, и абсолютистская перестройка на них не распространилась), характеризовались господством крепостничества, абсолютным преобладанием юнкерства, слабостью городов; как в бранденбургском, так и в прусском ландтаге горожанам отводилась роль бессильной оппозиции, безрезультатно жаловавшейся на вредные для городской экономики дворянские привилегии. Поддержка дворянства в его борьбе против городов была прочной традицией династии Гогенцоллернов, которые в XV в. громили тогда еще политически влиятельные, входившие в Ганзу бранденбургские города, а в XVI в. издавали закрепостительные акты. Вотируемая бранденбургским ландтагом “контрибуция” с давних времен распределялась между городом и деревней в пропорции 2:1. Из-за обеднения бранденбургских городов и роста товарности сельского хозяйства эта норма находилась в кричащем несоответствии с действительностью; тем не менее в 1643 г. она была лишь немного пересмотрена, и выплачиваемая городами доля стала составлять 59%. Дворянские домены вообще не платили “контрибуции”, и все, что приходилось на долю деревни, выплачивали крестьянские хозяйства. Иная ситуация наблюдалась в Пруссии, где дворянство не пользовалось налоговым иммунитетом, и поэтому прусский ландтаг вотирует не прямые, а косвенные налоги, ложившиеся основной тяжестью на торговлю богатого Кёнигсберга.

Основателем бранденбургско-прусского абсолютизма стал курфюрст Фридрих-Вильгельм (1640—1688), известный в историографии под именем Великого курфюрста. Прежде всего новые порядки утвердились в самом Бранденбурге.

Бранденбург был крайне разорен в годы Тридцатилетней войны. Иностранные армии, прежде всего шведская, беспрепятственно грабили область, насильственно выколачивая из населения “контрибуции”. Пример оказался заразительным, и курфюрст Георг-Вильгельм (1619—1640) в 1630-х годах, заведя небольшое наемное войско, начал с его помощью и теми же методами собирать

налоги со своих собственных подданных, не спрашивая согласия ландтага. Тайный совет, где преобладало бранденбургское юнкерство, с 1630 г. не собирався, и место его занял небольшой Военный совет, состоявший из курфюрста, среди которых не было ни одного местного дворянина.

Наследовавший отцу Фридрих-Вильгельм начал с того, что постарался вернуться к регулярным методам управления и восстановил Тайный совет. Первое десятилетие его правления прошло в согласии с ландтагом, регулярно вотиновавшим “контрибуцию”. Но после заключения Вестфальского мира бранденбургское юнкерство, стремившееся прежде всего к восстановлению своего крепостнического хозяйства, начало проявлять строптивость по отношению к широким внешнеполитическим планам курфюрста. В 1650 г. ландтаг отказал в деньгах на войну со Швецией из-за Померании, в 1651 г. под его давлением курфюрсту пришлось отказаться от проекта введения гербового сбора. Желавший во чтобы то ни стало собрать армию Фридрих-Вильгельм прибег к чрезвычайной мере, созвав в 1652 г. “большой ландтаг” (не созывавшийся с 1615 г. и оказавшийся последним в истории Бранденбурга), где имели право присутствовать все дворяне и депутаты всех городов. (Обычно созывались лишь “депутационные ландтаги”, где представительство было ограничено двумя дворянскими депутатами от каждого округа и десятью главными городами.) Этому собранию курфюрст предложил свой план введения акцизного сбора с торговли основными предметами потребления, который должен был в принципе распространяться на всех без исключения. Разумеется, все юнкерство ландтага, поддержанное дворянскими членами Тайного совета, резко выступило против подобного приравнивания дворянства к другим сословиям, и курфюрст не настаивал на своем предложении.

Дворянский контрпроект предусматривал вотинование ландтагом традиционной “контрибуции” при условии подтверждения курфюрстом всех прав юнкеров над их крепостными и всех дворянских привилегий. Большое постановление 1653 г. в основном удовлетворило эти чаяния бранденбургского юнкерства. Были подтверждены, в частности, права помещика на стог с земли “непокорных” крестьян, на арест и содержание в барской тюрьме крестьян-жалобщиков, если их жалобы признавались необоснованными; отныне в местностях, где крепостное право вошло в обычай, оно стало считаться естественным состоянием крестьянина, который, если он претендовал на статус свободного, должен был представить доказательства своей свободы. Было крайне ограничено право бюргеров на приобретение дворянских земель. Все эти благодеяния династии были весьма кстати для помещиков, которые могли теперь с уверенностью восстанавливать свое хозяйство на крепостнических основах, несмотря на невыгодную конъюнктуру демографического спада. За это курфюрст получил сроком на 6 лет контрибуцию в 530 тыс. талеров, благодаря чему смог набрать более чем 20-тысячную армию и принять активное участие в войне 1655—1660 гг. сначала как союзник, а затем как противник Швеции.

Этот момент оказался поворотным в истории бранденбургского государства. Получив в свои руки достаточно большую армию, Фридрих-Вильгельм сразу же начал пользоваться ею как испытанным инструментом для взыскания произвольных “контрибуций”, налагавшихся помимо той, которая была предоставлена ему ландтагом и далеко не соответствовала уровню военных расходов. Уже за первые два года войны по произвольным сборам было взыскано в 2,5 раза больше средств, чем по официальному. Крестьянское восстание против новых поборов в марке Пригниц (1656 г.) было подавлено. После заключения мира курфюрст сохранил под ружьем значительную часть армии, и расходы на ее содержание продолжали взиматься теми же методами.

Особенно страдали города, поскольку и новые “контрибуции” взимались в соответствии с той же невыгодной для них нормой раскладки, что и старые. В 1660-е годы в городах Альтмарка развернулось широкое движение плебса и

средних слоев за введение акциза, в котором измученные горожане стали видеть спасение от всех зол. Они уже не доверяли своим патрициям, узурпировавшим городское представительство в ландтаге и голосовавшим вместе с дворянами против акциза, подозревая их в том, что они, будучи владельцами крупных пивоварен, руководствуются корыстными побуждениями. Когда в 1667 г. собрался очередной ландтаг, обстановка в городах была столь накаленной, что городские депутаты стали просить курфюрста о немедленном введении общего акциза, но дворяне по-прежнему яростно отстаивали свои привилегии. Курфюрст принял компромиссное решение, объявив о введении акциза на 3 года только в городах, предоставив им право выбирать между старым и новым способом обложения. Поскольку, однако, он не собирался уменьшать общий размер сумм, причитавшихся ему с городов по нормам “контрибуции”, новый налог скоро разочаровал горожан, так что его продолжали взимать только в Берлине и Франкфурте.

Решительный шаг был сделан в 1680 г., когда Фридрих-Вильгельм уже без санкции ландтага распорядился об обязательном введении акциза в сильно расширенном и детализированном виде во всех курфюршеских городах. В 1681 г. акциз был, также без согласия ландтага, распространен и на города, принадлежавшие дворянам. Впрочем, это посягательство Великого курфюрста на дворянские права оказалось единственным — на деревню акцизный сбор распространен не был, здесь продолжали взимать старую “контрибуцию”, которую дворяне не платили. Одностороннее подчинение городов акцизной системе грозило обернуться невыгодой для городского ремесла из-за возможного переселения ремесленников в деревню; фактически оно означало дарование юнкерству еще одной привилегии. Вместе с тем введение акциза обозначало и конец городского самоуправления, поскольку ведать взиманием нового налога (который в Бранденбурге не сдавался на откуп финансистам) должны были не городские власти, а назначаемые лично курфюрстом налоговые комиссары (штейерраты), подчиненные новому правительственному органу — генерал-кригскомиссариату. Ввиду полной замены в городах “контрибуции” акцизом участие городских депутатов в ландтагах, по старинке вотировавших “контрибуцию”, потеряло смысл, и их туда более не приглашали.

Появление должности генерал-кригскомиссара датируется 1660 г., когда после окончания войны из трех обер-комиссаров, ведавших организацией снабжения армий, было сокращено двое, и оставшийся стал выполнять эти функции для всех владений Гогенцоллернов. Вскоре он стал фактически независим от Тайного совета, обладая собственным управленческим аппаратом — ему были подчинены провинциальные комиссариаты, ниже их стояли армейские комиссары и правившие в городах штейерраты, у последних был свой штат акцизных сборщиков. С 1682 г. возникло единое для всей страны Главное военное казначейство.

Штейерраты впервые появились в 1667 г., вместе с первым опытом введения акциза, и с 1677 г. финансами Берлина правил “акцизный директор”. В 1680 г. одновременно с проведением общей акцизной реформы им была дана инструкция проверять счета городских сборщиков, а по ордонансу 1684 г. к штейерратам перешел надзор над всей городской жизнью: над системой мер и весов, торговлей, цехами, городскими финансами. Поскольку вся городская экономика оказалась, таким образом, включенной в систему военного управления, было естественным, что после учреждения в 1680 г. коммерц-коллегии для решения торговых споров она была также подчинена генерал-кригскомиссариату; у этой коллегии были свои комиссары в важнейших городах. Генерал-кригскомиссариату подчинялась и созданная в 1685 г. Французская коллегия, ведавшая устройством иммигрантов-гугенотов.

Параллельно с военной бюрократией развивалась гражданская. Из Тайного совета в 1651 г. выделился ряд специализированных комитетов, в частности финансовый (камеррат) и заседавший под председательством курфюрста

кабинет-совет, занимавшийся внешней политикой, в 1658 г. появился юстиц-комитет. Впрочем, судебная функция постепенно становилась важнейшей для самого Тайного совета — по мере того как выделявшиеся из него комитеты развивались в самостоятельные административные органы. До 1697 г. Тайный совет еще исполняет роль координирующего центра между своими комитетами, затем он эволюционирует в высший апелляционный трибунал и в 1724 г. переименовывается в Государственный совет юстиции. С начала XVIII в. возрастает роль секретарей собственной канцелярии монарха, эти кабинет-секретари становятся во главе ведомств министерского типа.

Итак, с 1680-х годов в Бранденбурге устанавливаются как бы две системы управления — гражданская и военная, причем первая осуществляется в деревне, вторая — в городах. “Контрибуция” вотируется местными окружными ландтагами, и ее сбором ведают выборные из среды местного дворянства так называемые ландраты. В отличие от других сословий дворянство — и это его новая привилегия! — сохранило определенное сословное самоуправление. Но на практике и в гражданскую сферу дотягиваются щупальца генерал-кригскомиссариата, поскольку курфюрст по-прежнему не склонен держаться в рамках вотируемых размеров контрибуции, и военная администрация бесцеремонно отдает ландратам соответствующие распоряжения. В 1673 г. бранденбургский ландтаг уже мог лишь выразить робкое пожелание, чтобы все жалобы местных ландтагов рассматривались только в Тайном совете (т.е. гражданской, а не военной администрацией). В дальнейшем ландраты все более приближаются к государственным чиновникам, в то же время не теряя своего качества представителей местного дворянского общества.

В Пруссии абсолютизм также неуклонно (хотя и медленнее, чем в Бранденбурге) устанавливает свое господство. Очень важным был итог войны 1655—1660 гг., в результате которой Польша отказалась от сюзеренитета над Пруссией. Потеря возможности апеллировать к Польше была болезненно воспринята прусскими сословиями, в особенности горожанами Кёнигсберга. В 1662 г. город находился на грани открытого восстания против власти Гогенцоллернов и своего соглашательского патрициата, и только неожиданный арест популярного вождя движения Иеронима Рота позволил Фридриху-Вильгельму овладеть положением. Все же за признание прусскими сословиями нового статуса герцогства и вотивирование нового акциза ему пришлось дать ландтагу право регулярного созыва (каждые три года) и подтверждение всех его прерогатив. В дальнейшем с 1670-х годов герцог-курфюрст и здесь стал с помощью армии и военной администрации добиваться сбора нужной ему суммы денег, и к концу правления Фридриха-Вильгельма работа по-прежнему вотивировавшего налоги ландтага проходила под сильнейшим нажимом сверху. Но только в 1716 г. государство, воспользовавшись жалобами мелкого прусского дворянства на потворство магнатам со стороны налоговой администрации, отстранило ландтаг от распределения введенного в Пруссии единого поземельного налога.

Естественно, что установление государственной опеки над городами сделало абсолютистское правительство непосредственно заинтересованным в успешном развитии городской экономики, которое, однако, должно было сочетаться с сохранением основных экономических привилегий дворянства. Тем более необходимой становилась решительная меркантилистская политика покровительства отечественному производству, проводившаяся подчас в очень грубых формах, поскольку этим занималась военная администрация.

Впрочем, большее значение для бранденбургской экономики имела удачная иммиграционная политика. Очень важным было то, что в Бранденбурге не существовало религиозной нетерпимости. Лютеранская церковь была огосударствлена в высшей степени со времен Реформации: ею управляла консистория, все члены которой назначались курфюрстом, причем характерно, что среди ее членов имелись как духовные, так и светские лица. В 1613 г. курфюрст Иоганн-Сигиз-

мунд, нуждавшийся в союзе с Голландией, перешел в кальвинизм; кальвинистами являлись и его преемники. Однако Гогенцоллерны не стали насаждать в своей стране кальвинизм и, как это ни парадоксально, продолжали назначать членов лютеранской консистории. Существование лютеранства как религии большинства населения и кальвинизма как религии курфюршеского дома предполагало веротерпимость. Бранденбург смог извлечь из этого пользу, приглашая к себе на льготных условиях протестантов различных толков, особенно гонимых на родине в ходе католической контрреформации. Известно широкое переселение в Бранденбург французских гугенотов после отмены в 1685 г. Нантского эдикта; среди них были искусные ремесленники, привезшие с собою свои производственные секреты.

Важнейшим событием правления курфюрста Фридриха III (1688—1713) стало принятие им в 1701 г. от императора королевской короны, после чего он стал уже именоваться королем Фридрихом I. Характерно, что хотя политический центр государства оставался в Бранденбурге, королем Фридрих стал по своему сюзеренному владению Пруссии, не входившей в состав Священной Римской империи, чем и подчеркивалась независимость нового короля от императора.

При втором прусском короле Фридрихе-Вильгельме I (1713—1740) окончательно определились специфические черты бранденбургско-прусской монархии как милитаристского государства. Человек малообразованный и грубый, сделавший девизом своего правления окрик “Не рассуждать!”, он больше всего любил армейскую муштру и по заслугам получил прозвище “короля-капрала”. По отношению к своим подданным он старался выступать в роли строгого, но справедливого отца-государя, вникающего в нужды простого народа. Король запросто расхаживал по улицам Берлина, собственноручно избивая тростью уличенных им нарушителей установленных предписаний. С той же тростью в руках он требовал, чтобы его не боялись, но любили. При всем том Фридрих-Вильгельм I был способным администратором и рачительным хозяином-скопидомом.

Крупнейшей реформой “короля-капрала” стал кантональный регламент 1733 г., означавший законодательное оформление воинской повинности крепостного населения. Необходимость этого акта диктовалась уже тем, что помещики, беря, как то было обычно для наемных армий, подряды на набор воинских подразделений, насильно записывали в них своих крестьян и присваивали полученные от казны деньги. Отныне военным учетом была охвачена основная масса мужского населения деревни с 10-летнего возраста, за исключением двух его полюсов: от службы освобождались семьи крепких хозяев, чтобы не подрывать их хозяйства, и, с другой стороны, безземельные бобыли, неспособные тратить на свое солдатское содержание, стоимости которого далеко не соответствовало казенное жалованье. Это обстоятельство стало

Фридрих-Вильгельм I, король Пруссии

важным мотивом, побуждавшим государство препятствовать процессу раскрестьянивания. Особой привилегией для иммигранта-колониста было освобождение от военной службы его самого и потомков.

Отслуживший полтора-два года в регулярных войсках призывник, приписанный к определенному военному округу (кантону), жил затем в своем кантоне жизнью крестьянина, ежегодно два-три месяца проходившего военные сборы. Количество дворов в кантоне регламентировалось: полк пехоты набирался от 5 тыс. дворов. Кантонисты обязаны были носить униформу; это относилось и к взятым на учет мальчикам. Как правило, помещик являлся военным командиром своих крепостных, что необычайно усиливало его власть над ними. Бежавший кантонист рассматривался как дезертир и подлежал военному суду. Чтобы обосноваться в кантоне, требовалось согласие его капитана. Помещик-капитан давал (зачастую продавал) разрешения на брак, вмешивался в вопросы наследования, следя за тем, чтобы отцовский двор получал сын, наименее пригодный к военной службе.

Кантонисты составляли две трети армии Фридриха-Вильгельма I, остальная треть по-прежнему приходилась на наемные, чаще всего иностранные контингенты. Численность армии к 1740 г. доходила до 80 тыс. человек, что равнялось примерно 3,7% общей численности населения — безусловный европейский рекорд для мирного времени (для Франции в те годы это соотношение оценивается в 0,6%).

Бранденбургско-прусское дворянство к началу XVIII в. уже полностью оценило выгоды для него от содержания большой постоянной армии. Офицерская карьера давала хорошие возможности для устройства младших сыновей юнкерских фамилий, к 1720-м годам уже почти все дворяне являлись офицерами или бывшими офицерами. Кантональная система стала надежной гарантией того, что на командных постах местное дворянство не будет оттеснено иностранцами. Военная профессия считалась первой в стране и намного превосходила по достоинству штатскую службу: по “Табели о рангах” 1713 г. высший военный чин фельдмаршала на 5 рангов превосходил высшую гражданскую должность действительного тайного советника, т.е. министра.

За все эти преимущества дворянство должно было заплатить подчинением жесткой государственной дисциплине. Юнкеры со времен “короля-капрала” были в принципе обязаны служить в армии, каждый округ должен был ежегодно поставлять для военной службы определенное число молодых дворян. Дворянину запрещалось служить за границей, заниматься торговлей, брать на откуп королевские имения. Поездка его за рубеж без разрешения короля вела к конфискации имущества, под фактическим запретом находилась учеба в иностранных университетах. Отчуждение дворянских доменов по бранденбургскому праву всегда требовало согласия родственников, но Фридрих-Вильгельм I дополнительно установил, что для этого требуется еще и разрешение монарха.

Вместе с тем все основные социальные привилегии помещиков остались неприкосновенными. Единственной податью, наложенной на бранденбургское дворянство Фридрихом-Вильгельмом I, стал очень умеренный сбор, введенный взамен фактически уже не практиковавшейся конной феодальной службы. Но и это новшество вызвало оппозицию не привыкшего к таким “тяготам” юнкерства. Любопытно, что среди наиболее ярых оппозиционеров числилось тогда семейство Бисмарков. В целом же дворянство получило монархию по своему вкусу, поскольку оно ставило свои социальные привилегии гораздо выше политических прав своего сословия.

ДЕРЖАВА АВСТРИЙСКИХ ГАБСБУРГОВ

Государственный строй державы Габсбургов характеризовался очень сложным и противоречивым сочетанием разветвленного центрального бюрократического аппарата и активных сословно-представительных органов, причем и в местном управлении чиновники, назначаемые монархом, действовали параллельно с

сеймовой администрацией. Традиционное определение этого строя как абсолютизма для второй половины XVII в. вызывает возражения в историографии, и, например, французский историк Ж. Беранже, автор большой монографии о финансах австрийской монархии, приходит к выводу, что “австрийский абсолютизм — пустое слово”⁴. Из нижеследующего изложения читатель сможет составить представление о доводах в пользу как одной, так и другой точки зрения. Прежде всего следует рассмотреть вопрос о положении в австро-чешских землях, где уровень централизации к середине XVII в. был гораздо выше, чем в землях венгерской короны.

Держава Габсбургов представляла собой конгломерат разных государственных образований, объединенных личной унией. Австрийские герцогства являлись старинными наследственными владениями Габсбургов, в Чехии они стали наследственными монархиями с 1627 г., после подавления национального восстания, тогда как венгерская корона была избирательной до 1687 г. Сверх того, Габсбурги оставались выборными императорами Священной Римской империи. Хотя всякая возможность реального усиления власти императора была заблокирована условиями Вестфальского мира, императорский сан давал не только высокий международный престиж и позицию авторитетного арбитра во внутригерманских спорах, но и определенные возможности получения от германских государств военной и финансовой помощи, особенно в моменты обострения турецкой опасности. Император Леопольд I (1657—1705) пользовался этим для укрепления своей власти в наследственных габсбургских землях.

Как австрийские герцогства, так и три земли чешской короны (Чехия, Моравия, Силезия) имели влиятельные сословно-представительные органы (ландтаги, сеймы), собиравшиеся практически ежегодно. Как правило, они были четырехпалатными: магнаты и рядовое дворянство составляли отдельные палаты. Роль в этих собраниях городских представителей повсюду была приниженной: в Нижней Австрии горожане не участвовали в постоянных комиссиях ландтага; в моравском сейме они могли присутствовать только при обсуждении непосредственно касавшихся их дел и также не вошли в учрежденный с 1686 г. постоянный комитет сейма; как в моравском, так и в чешском сеймах был принят дискриминирующий горожан способ голосования (мнение городской палаты считалось всего за один голос, тогда как в высших палатах отдельно считался голос каждого члена). Как видим, дворянство безраздельно господствовало в собраниях.

К середине XVII в. некоторые старинные прерогативы сословных собраний были уже утрачены ими или находились в стадии отмирания. Это относится, в частности, к их праву на участие в законодательстве. Хотя собрания еще издавали свои постановления, с их притязаниями на монополию в этой сфере было покончено, и право монарха законодательствовать без согласия сословий утвердилось бесповоротно. Более того, сеймы чешских земель утратили даже право законодательной инициативы: в делах, затрагивающих интересы короны, они могли обсуждать только вопросы, поставленные перед ними монархом, а для обсуждения менее важных дел требовалось согласие коронного комиссара на сейме. Австрийские ландтаги еще сохраняли право на законодательную инициативу, но и их постановления все более заменялись мандатами и патентами императоров.

Другое важное право — контроль над пополнением дворянского сословия было отнято у сеймов чешской короны в 1627 г., благодаря чему Габсбурги смогли полностью обновить состав некогда оппозиционного протестантского чешского дворянства, раздав конфискованные земли преданным монархии людям. В австрийских герцогствах процедура утверждения новых дворян

⁴ *Bérenger J.* Finances et absolutisme autrichien dans la seconde moitié du XVIIe siècle. Lille; P., 1975. P. 484.

ландтагами еще сохранялась, но уже превратилась в формальность. Право императора на беспрепятственное аноблирование или инколат (включение в состав местного дворянства иностранцев) было тем более важным, что он должен был считаться с расколотостью дворянского сословия в его владениях: австрийский дворянин не мог быть использован для службы ни в Чехии, ни даже в Штирии или Каринтии, не став предварительно чешским или штирийско-каринтийским дворянином (дворянство всех земель чешской короны было общим, но в австрийских герцогствах такой общности не сложилось).

И все же два важнейших права сословных собраний оставались неприкосновенными: право вотирования налогов и право набора воинских контингентов. Эти права являлись тем более крепкими, что в обоих случаях в роли осуществлявших их на местах исполнителей выступали сами феодалы. Они были и взаимосвязаны: собранные сеймом налоги шли на содержание сеймовых войск.

Социальные условия в австрийских и чешских землях сильно различались: в первых существовал сеньориальный строй западноевропейского типа, в последних в XVII в. прочно утвердилась барщинно-крепостническая система. Австрийский дворянин должен был платить общий налог с земель своего домена и специальный сбор со своих сеньориальных прав, чешский феодал все более освобождался от выплаты ординарного прямого налога за своей фольварк и в 1705 г. получил официальное утверждение этой привилегии. Лично свободный австрийский крестьянин мог апеллировать на решения сеньориального суда в коронный суд, — чешский крепостной в 1627 г. был лишен прав юридического лица, объявлен находящимся, наподобие несовершеннолетнего, под вечной опекой своего помещика, и только после большого крестьянского восстания 1680 г. жесткость этой официальной позиции стала смягчаться. Но в одном отношении положение австрийских и чешских феодалов было вполне сходным — после утверждения сословными собраниями суммы налога и размера войскового контингента они вступали в дело, распределяя этот налог между своими крестьянами или набирая из них новых рекрутов. Господствуя в ландтагах и на сеймах, дворяне являлись и основными агентами сословной администрации, ее сборщиками налога и военными комиссарами.

Сословные собрания вотировали основной прямой налог (“контрибуцию”), обычные косвенные налоги (акциз с напитков) и такие чрезвычайные прямые сборы, как “турецкие деньги”. Делали они это вовсе не формально: например, между 1660 и 1700 гг. нижнеавстрийский ландтаг, собиравшийся практически ежегодно, только один раз утвердил именно ту сумму, которая была у него запрошена. Согласие сословий требовалось и для введения новых налогов; мы еще увидим, как активно выступали они против налогов, способ взимания которых был связан с нарушениями сословных привилегий.

Системе сословно-представительных учреждений противостоял уже очень сложный и разветвленный центральный аппарат со многими советами и канцеляриями, круг компетенции которых оставался предметом постоянных межведомственных конфликтов.

Первоначально единственным органом, решавшим вопросы общей политики применительно ко всем землям, признававшим власть Габсбургов (в том числе и к Священной Римской империи), был Тайный совет. В 1665 г. из его состава выделилась немногочисленная Тайная конференция, ведавшая внешней политикой, ее члены обсуждали вопросы в отсутствие императора и представляли ему аргументированные письменные рекомендации; собственно Тайный совет приобретает функции судебно-апелляционного органа. В дальнейшем Тайная конференция расширялась и делилась на комиссии, и в 1709 г. из нее выделилась Узкая тайная конференция, осуществлявшая общее руководство габсбургской дипломатией.

Общегосударственным органом финансового управления являлась гофкамера. Этот коллегиальный орган, в котором было очень сильно влияние специалистов,

ведал взиманием домениальных и регальных доходов короны и стремился поставить под свой контроль финансовые камеры сеймов. Иногда гофкамере удавалось и непосредственно вторгнуться в компетенцию сословных собраний: так, чешский акциз с напитков утверждался сеймом, но собирали его чиновники гофкамеры. Здесь же разрабатывались проекты финансовых реформ, которые затем передавались на рассмотрение сословных собраний. На базе гофкамеры в 1666 г. была создана и несколько лет проработала коммерц-коллегия, в которой участвовал один из виднейших экономистов, автор меркантилистских трактатов и советник Леопольда I по вопросам экономики Иоганн Иоахим Бехер.

Управление армией и ведение военных операций находились в руках Придворного военного совета (гофкригсрата). Однако ему административно подчинялись только собственно императорские войска, нанятые на коронные доходы и экстраординарные сборы, да еще военные поселенцы на турецкой границе; сеймовые же контингенты, в военных условиях исполнявшие распоряжения имперских военачальников, в остальном подчинялись офицерам, назначенным сословиями. Радикальное расширение компетенции гофкригсрата было возможно только благодаря росту императорского войска и падению значения сеймовых контингентов.

Этот процесс действительно наметился с последней четверти XVII в. Императорская армия, еще в 1668 г. имевшая всего 14 тыс. солдат, к 1673 г. в связи с военной оккупацией Венгрии и началом войны с Францией выросла до 60 тыс. После мира 1679 г. последовало некоторое сокращение, но далеко не до прежнего уровня, однако в 1682 г. перед турецким вторжением армия снова выросла за один год с 37 тыс. до 62 тыс. человек, и этот подъем оказался уже необратимым. Многолетняя успешная война с турками, завершившаяся отвоеванием всей Венгрии, способствовала поддержанию высокой численности армии — “война кормила войну”, и армейские начальники не церемонились с наложением произвольных “контрибуций”. В 1703 г. имперская армия имела уже 129 тыс. солдат.

В 1681 г. из гофкригсрата выделился и вскоре приобрел полную самостоятельность генерал-кригскомиссариат, ведавший снабжением армии.

Особенностью административной истории габсбургской монархии стала ведущая роль государственных канцелярий в складывании ее центрального бюрократического аппарата. Этих канцелярий было несколько — для каждой из частей державы. Делами Священной Римской империи ведала рейхсканцелярия, австрийские земли находились в ведении гофканцелярии, существовали также Чешская и Венгерская канцелярии, с расширением габсбургских владений появились и новые Трансильванская (1693 г.), Итальянская (1713 г.), Нидерландская (1719 г.). Все они находились в Вене и осуществляли связь между центральным правительством и местными органами.

Канцелярии оказались удобной формой управления, поскольку благодаря своему качеству универсального экспедирующего органа, общего для всех советов, они соприкасались с самым разнообразным кругом вопросов и были гораздо лучше обеспечены штатами исполнителей, чем советы. Выдвижение канцелярий отражало, таким образом, рост бюрократизации управления. В особенно выгодном положении находилась гофканцелярия, управляемая с 1654 г. коллегиально гофканцлером вместе с “советом ассистентов”. В ее составе имелся специальный судебный отдел, исполнявший задачи ревизионного органа, а также особые чешская и венгерская экспедиции, игравшие роль тайных кабинет-секретариатов монарха по сношениям с Чехией и Венгрией; это позволило гофканцелярии претендовать на гегемонию над Чешской и Венгерской канцеляриями, выступавшими в более официальной функции. Отразив попытки гофкамеры вмешиваться в вопросы внутреннего управления, вытеснив Тайный совет с его позиций в судебной сфере и даже постепенно присвоив себе функции Тайной конференции в сфере внешней политики, гофканцелярия к началу

XVIII в. превратилась в наиболее влиятельный административный орган. По регламентам 1705 и 1720 гг. она была разделена на две большие секции, сообразно с ее новыми функциями, причем одна из них ведала внешней политикой и придворными штатами, а другая — внутренней администрацией и судейскими делами. Уже в 1742 г. первая секция стала Государственной канцелярией, после чего Тайная конференция перестала существовать, а вторая в 1749 г. была объединена с Чешской канцелярией в Директорию внутренних дел.

В целом следует отметить, что командные посты во всех центральных правительственных органах, как правило, принадлежали придворной аристократии. Это было неизбежно при многонациональном характере державы Габсбургов, поскольку именно аристократия представляла собой наиболее космополитически настроенный общественный слой, способный без оглядки на национальные права и местные привилегии сплотиться вокруг монархии. Сила Габсбургов состояла именно в том, что к середине XVII в. немецкая и обновленная чешская аристократия уже слились в единую правящую социальную группу (куда, правда, венгерские магнаты пока еще не входили).

Помимо центральных органов, император формировал и многие органы местного управления, некогда зависевшего от сословных собраний. Прежде всего это относится к центральным органам целых земель. В австрийских землях Габсбурги давно уже назначали центральные административно-судебные советы во главе с наместниками. В Чехии аналогичную роль играло Чешское наместничество. Кроме того, в Праге действовал коронный Апелляционный суд, подотчетный Чешской канцелярии; его ассессоры назначались монархом при соблюдении сословного принципа — из панов, шляхты и горожан. В Моравии и Силезии имелись свои земские старосты, назначение которых с 1627 г. зависело только от монарха, причем каждые 5 лет они слагали полномочия и от императора зависело, продлить их или нет.

На более низком, окружном уровне императорскими назначенцами стали чешские окружные старосты (“крайские гетманы”); окружные чешские сеймики с середины XVII в. совершенно перестали созываться. На крайских гетманов с 1685 г. было распространено правило о сложении ими полномочий перед монархом через 5 лет. Они выполняли самые разнообразные поручения короны, и именно они считаются наиболее надежными агентами центральной власти на местах, максимально возможным в условиях габсбургской монархии приближением к типу французского интенданта или бранденбургского штейеррата. Но тут имеется глубокое различие, обнаруживающее двойственность этого института. Прежде всего окружные старосты не были единоличными правителями своих округов — то была коллегия из 4 (затем 2) членов. Крайскими гетманами могли стать только местные дворяне, причем при формировании их коллегии император был еще связан обычаем, согласно которому одна половина старост должна была представлять магнатов, а другая — шляхту. Принадлежность окружных старост к местному дворянскому обществу делала их, в частности, малопригодными к исполнению возложенной на них патентом 1680 г. обязанности рассматривать жалобы крепостных на их господ.

Во второй половине XVII в. габсбургская монархия неоднократно предпринимала попытки взимать новые налоги или экстраординарные сборы, связанные с ущемлением сословных привилегий дворянства. При этом она сталкивалась с постоянным противодействием сословных собраний.

Традиционным экстраординарным сбором являлись собиравшиеся для борьбы с турками так называемые “турецкие деньги” — прямой налог на имущество, выплачивавшийся всеми сословиями. Понятно, что он был крайне неприятен для сословных собраний. Нижнеавстрийский ландтаг в 1659 и 1665 гг. прямо отказывался платить этот налог. В 1682 г. сбор “турецких денег” ввиду угрозы османского нашествия был декретирован Леопольдом I без консультации с сословными собраниями и затем, в годы турецкой войны, стал постоянно

возобновляемым. Сословия стремились избавиться от этого сбора, выплатив вместо него эквивалентную сумму денег, собранную уже с учетом иммунитетов и привилегий.

В 1690 г. гофкамера предложила ввести капитацию, которая, как и введенная 5 лет спустя французская капитация, основывалась на оценке положения каждого плательщика в социальной иерархии. Новый налог был также введен императорским патентом, и поведение сословных собраний было аналогичным. Нижнеавстрийский ландтаг выплатил капитацию в 1691 г., но в следующем году заменил ее увеличением своего войскового контингента, а затем еще 4 года выплачивал вместо капитации “контрибуцию” в повышенном размере. Чешский сейм принял капитацию только в 1693 г., но уже с 1695 г. половина ее была заменена соответствующим увеличением “контрибуции”.

Предложения гофкамеры о переносе центра тяжести на косвенное налогообложение путем распространения акцизного сбора с напитков также на муку и продукты животноводства были решительно отвергнуты как чешским сеймом (1676 г.), так и нижнеавстрийским ландтагом (1682 г.). Обладавшие товарными излишками дворяне явно предпочитали “контрибуцию”. Только в Силезии в 1706 г. в порядке эксперимента удалось осуществить переход от “контрибуции” к общему акцизу.

* * *

Политическое устройство Венгерского королевства в середине XVII в. не давало Габсбургам легальных возможностей к утверждению сильной монархической власти. Венгрия являлась избирательной монархией, и за сословиями признавалось право на отказ в повиновении государю. Венгерский сейм обладал неприкосновенностью всеми прерогативами, уже потерянными сословными собраниями австро-чешских земель, в частности и правом законодательной инициативы: в 1662 г. императору пришлось даже специальным декретом утверждать свое право на то, чтобы вопросы, поставленные им перед венгерским сеймом, рассматривались в первую очередь. Сейм утверждал заключенные Габсбургами международные соглашения, касающиеся Венгрии, и давал разрешение на присутствие в стране иноземных войск. Он пожизненно избирал главу местной администрации (палатина) из 4 кандидатов, предложенных монархом. Преобладание аристократии сказалось на строении сейма, где светские и духовные магнаты составляли особую верхнюю палату; в нижней палате были представлены курия дворянства, духовенства и королевских городов. Но если в австро-чешских землях Габсбурги уже имели на своей стороне политически лояльную аристократию, то венгерская знать в целом еще не доверяла иноземной монархии. Поэтому венские власти старались по возможности дольше не созывать венгерского сейма и в случае смерти палатина надолго затягивать избрание нового — это давало императору возможность править при посредстве назначенного им наместника.

Очень часто собирались окружные (комитатские) сеймы, где численно преобладало мелкое дворянство; их созыв не зависел от разрешения монарха. Правда, император пожизненно назначал главу комитата ишпана, от которого зависело назначение низшей комитатской администрации, но часто аристократические роды имели посты ишпанов в своем фактически наследственном обладании. Комитатские сеймы избирали вице-ишпана и состав комитатского суда; только к этому сословному дворянскому органу могли обращаться с жалобами на помещиков крепостные крестьяне.

Не удовлетворяло Габсбургов и религиозное состояние Венгрии. Если австро-чешские земли во второй половине XVII в. были уже полностью окатоличены, то здесь протестантизм сохранял еще свою силу — даже из четырех представляемых монархом кандидатов в палатины двое должны были быть протестантами.

Бурная политическая и военная история Венгрии второй половины XVII — начала XVIII в. ознаменовалась рядом кризисов, в ходе которых соотношение сил между монархией и сословиями определялось не абстрактными конституционными положениями, а практической реальностью, причем Габсбурги могли рассчитывать на свое военное превосходство, если только их армии не были отвлечены действиями на других фронтах.

При вступлении на венгерский трон Леопольд I обещал созывать сеймы раз в три года; фактически, однако, за его 48-летнее правление сеймы собирались только четыре раза. Два первых сейма (1659, 1662 гг.) были созваны согласно обещанию, но уже Вашварский мир 1664 г., уступивший туркам некоторые венгерские земли, привел к росту оппозиционных настроений среди аристократии и рядового дворянства. Император уклонился от созыва как очередного, так и чрезвычайного, “палатинского”, сейма, который должен был бы избрать преемника скончавшемуся в 1667 г. палатину Вешшеленьи. Этот последний, как потом выяснилось, сам был организатором антигабсбургского заговора знати, в 1670 г. вылившегося в сравнительно легко подавленное восстание.

Воспользовавшись победой над восставшими, габсбургские власти ввели в Венгрии режим военной оккупации, наводнив страну иностранными войсками. В правительственных кругах торжествовали сторонники жесткого курса, рассчитывавшие использовать венгерскую “измену” для того, чтобы поступить со страной так же, как поступили с Чехией после Белогорской битвы. Деятельность сейма была приостановлена, должность палатина упразднена. Губернатором Венгрии в 1673 г. был назначен немец, и немцы же составляли половину губернаторского совета, вопреки правилу, запрещавшему занятие венгерских должностей иностранцами. Развернулись массовые гонения на протестантов, около 800 протестантских храмов было отдано католикам, проповедников изгоняли или репрессировали. С 1671 г. Венгрия стала регулярно платить “контрибуцию” (в 1678—1680 гг. по 1 млн форинтов в год), был введен и акциз с вина и мяса.

Рост народного сопротивления оккупации, подъем национального движения “куруцев” в конце 1670-х годов заставили, однако, Леопольда I понять невозможность подобной репрессивной политики. В 1681 г. в Шопроне был созван сейм, ознаменовавший возвращение к традиционным методам управления. Губернаторский совет был ликвидирован, сейм избрал нового палатина, была провозглашена свобода вероисповедания и объявлено о частичном возвращении протестантам их храмов, акциз отменили, а контрибуцию снизили сразу с 1 млн до 100 тыс. форинтов.

Разгром турецких армий под Веной в 1683 г. и начавшееся изгнание турок из занятой ими части Венгрии вновь изменили ситуацию. Император смог воспользоваться освобождением Венгрии от турок для того, чтобы в 1687 г. добиться от сейма провозглашения наследственности венгерской короны в доме Габсбургов. После этого сын императора Иосиф был коронован в Братиславе, и из его присяги исключили пункт, осылающий право сословий на неповиновение монарху. Так Венгрия из избирательной монархии стала наследственной.

Длительные военные действия, размещение в Венгрии большой императорской армии дали венскому правительству возможность ввести здесь сбор “контрибуции” явочным порядком, опираясь на грубую военную силу и не спрашивая согласия сейма. Уже с 1684 г. в Венгрии стали собирать ежегодно по 800 тыс. форинтов контрибуции, с 1690 г. эта норма возросла до 2 млн, а с 1698 г. — до 4 млн форинтов. Сейм больше не собирался, крисккомиссары требовали денег на содержание армии непосредственно от комитатов. В 1696 г. Леопольд I решил, что может позволить себе даже нарушить налоговый иммунитет венгерского дворянства. Ни отказы собраний венгерских нотаблей (созывавшихся вместо бездействовавшего сейма), ни протест палатина не изменили его решения. Норма распределения “контрибуции” была выработана в

Вене (крестьяне платили 10/16, магнаты, дворяне и духовенство — 5/16, королевские города — 1/16), и ее стали взимать в принудительном порядке. Впрочем, дворяне сумели переложить на подвластных им крестьян 80% своей доли; кроме того, крестьяне страдали и вследствие перехода от натурального снабжения войск к денежным платежам.

Но методы, применимые в Бранденбурге или Пруссии, оказались непригодными в венгерских условиях. Ответом на беспрецедентный рост налогового гнета и насилия солдатни стала национально-освободительная война венгерского народа под руководством Ференца Ракоци (1703—1711).

Одержав победу, Габсбурги все же должны были вернуться к “конституционным” формам правления. Однако некоторые необратимые изменения при этом произошли. Венгерская аристократия переориентировалась, став лояльной к габсбургскому режиму. Теперь уже Габсбургам было на кого опереться в Венгрии, и венгерский сейм начали созывать регулярно. Прерогативы сейма остались неприкосновенными: он по-прежнему выбирал палатина, вотировал налоги и даже сохранил право на законодательную инициативу. Но при палатине в 1723 г. был с согласия сейма учрежден постоянный Наместнический совет, все члены которого назначались императором.

Политическая лояльность венгерского дворянства была гарантирована Габсбургам в особенности разрешением давнего большого вопроса об их праве держать иностранные войска на территории Венгрии. В 1715 г. сейм, ранее всегда возражавший против этого, признал такое право за своим монархом. Тогда же была учреждена с санкции сейма постоянная венгерская армия, которую Габсбурги могли использовать в других частях своих владений для борьбы с национальными движениями других подвластных им народов.

Таким образом, политические условия в Венгрии сблизились с теми, которые уже имелись в австро-чешских землях. Тем самым была вновь подтверждена устойчивость абсолютистских тенденций в габсбургской монархии, хотя сословно-представительный строй еще сохранялся.

Глава 6

ПЕРЕРАСТАНИЕ СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ МОНАРХИИ РОССИИ В АБСОЛЮТИСТСКУЮ

На протяжении XVII в. государственное устройство России претерпело существенные изменения. В это время происходит процесс перерастания сословно-представительной монархии в абсолютистскую. Главные причины подобной эволюции лежали в области социально-экономической, отражая поступательное развитие страны в начале “нового периода русской истории”.

Расстановка социальных сил под воздействием обострившейся классовой борьбы народных масс диктовала господствующим слоям задачу укрепления верховной власти. Противоречия между княжеско-боярской аристократией и рядовыми дворянами также требовали усиления роли центрального правительства. От последнего широкие круги феодалов ожидали не только ограничения своеволия “сильных людей”, но и системы общегосударственных мер, закрепляющих их права над крепостным крестьянством и монополию дворянского землевладения. Феодалы также стремились к более отчетливому отдалению от других социальных слоев и превращению в замкнутое привилегированное сословие.

Торгово-промышленные слои населения, эта предтеча буржуазии, добивались

ликвидации средневековых перегородок в области широкого обмена и предпринимательства, ограждения своих материально-правовых интересов от посягательств феодалов, а также от народных восстаний, практика которых показала растущий антагонизм “лучших” и “молодших” людей на посадах и в деревне.

В укреплении буржуазии, в осуществлении ею своей исторической миссии по сплочению государства были в конечном счете заинтересованы и широкие массы трудящихся и деревни и города, из среды которых формировались кадры наемных работников, создавался предпролетариат. Кроме того, выступая против феодального угнетения, народные массы питали надежду на государство в лице царя, что рано или поздно наступит облегчение от налогов и повинностей, от произвола господ. Установление крепостного права резко обострило поляризацию социальных слоев и их антагонизм. Но в крестьянской среде сохранилась вера в то, что крепостное право не вечно, оно может быть и должно быть отменено справедливой высшей властью. Самодержавие умело поддерживало эти иллюзии отдельными уступками, одергиванием особенно зарвавшихся царских администраторов в центре и на местах, а также путем повседневной идейно-психологической обработки умов.

Для самой верховной власти возрастающее значение приобрело “нормальное” функционирование всех звеньев усложняющейся государственной организации — армии, бюрократии, карательных и судебных органов, финансов. Все это требовало, чтобы подданные монарха (в том числе крестьяне) сохраняли некий минимум экономических возможностей для поддержания жизнеспособности государства. Между тем рост привилегий дворянства за счет ущемления и подавления имущественных и личных прав крестьянства постепенно приходил в противоречие не только с социально-экономическими потребностями развития страны, но в известной мере и с эволюцией государственной надстройки в направлении абсолютизма.

Эти противоречивые тенденции создавали сложнейший конгломерат отношений и интересов классов-сословий и государства. Логика классовой борьбы не раз сталкивала восставших с царским правительством, но порожденные этим столкновением проблески осознания истинной роли монарха — стража и защитника интересов господствующих слоев общества — не закреплялись в их представлениях. Царизм умел создать атмосферу ожидания и терпения. В практику управления вошли демагогические обещания, адресованные недовольному люду. При смене уездных воевод (обычно раз в два года) правительство объявляло свободную подачу жалоб на отъезжавшего восвояси, охотно признавало всякого рода “неправды” и “утеснения”, чинимые народу. Новому воеводе наказывалось искоренить беспорядки, ободрить жителей уезда, что теперь все пойдет иначе. Эти благие намерения надлежало довести до сведения всех слоев населения. Шло время, и все повторялось по новому кругу. Отсюда живучесть такого явления, как самозванчество, возросшее на несбыточных ожиданиях “хорошего”, “справедливого” царя.

При рассмотрении вопроса о перерастании сословно-представительной монархии в абсолютную нужно учитывать и внешнеполитический фактор. Для решения международных проблем Россия нуждалась в совершенствовании своих вооруженных сил, в расширении контактов с другими государствами и освоении их опыта. Все XVII столетие, по сути дела, прошло под знаком тех намечающихся сдвигов, которые повлекли “европеизацию” России в период реформ Петра I.

Таким образом, историческая обстановка, складывавшаяся в России XVII в., создавала условия и предпосылки для нового этапа централизации государства — превращения его в абсолютную монархию.

Первые годы правления династии Романовых проходили в сложной внутриполитической и международной обстановке. Тогда Земские соборы превратились в почти постоянно действующий орган, без которого не решались никакие дела государственного значения. Ведущую роль при этом играли феодалы. Представи-

тели других сословий и в численном отношении, и по части реального веса занимали подчиненное положение.

По мере изживания последствий интервенции и гражданской войны правительство все менее обращалось к созыву Земских соборов. После 1626 г. почти десятилетие шло без соборов. Но в 1632—1634 гг., когда шла Смоленская война, правительство вновь обратилось к “земле”, так как возникла необходимость введения чрезвычайных налогов для содержания армии. В 1636—1642 гг. причиной созыва Земских соборов стали также внешнеполитические события (судьба Азова, взятого казаками, и отношения с Крымским ханством и Турцией).

В 30—40-е годы XVII в. становится характерной подача челобитных царю от сословий (служилых людей, торговых). Каждая такая акция как бы предваряет созыв Земского собора. Представители сословий не оставляли своих просьб верховной власти о насущных нуждах, так что, помимо рассмотрения вопросов, выдвигаемых правительством, соборы уделяли внимание разбирательству этих челобитных. Иными словами, проблемы внутренней жизни страны практически были объектом обсуждения на всех соборах. В этом плане особое значение имели соборы 1648—1650 гг., созданные после крупнейших городских восстаний. Остается под вопросом, был ли созван в 1645 г. после смерти царя Михаила Федоровича “избирательный собор”, утвердивший на престоле его сына Алексея Михайловича. Такое предположение отвечает реальной ситуации той поры, когда смена лиц на троне после кончины Ивана Грозного происходила при участии Земских соборов.

Земские соборы 1651 и 1653 гг. были вызваны развернувшейся на Украине и в Белоруссии народно-освободительной войной и просьбами гетмана Б. Хмельницкого о воссоединении Украины с Россией. Во многих отношениях они оказались этапными, так как позже практика созыва Земских соборов пресекается. Этот факт лишь отчасти может быть объяснен вступлением России в долгую и трудную войну против Речи Посполитой. Ранее, напротив, военная ситуация или ее угроза вызывали к жизни Земские соборы. После 1653 г. царское правительство предпочитает созывать не соборы, а совещания с представителями отдельных сословий. Даже критические условия завершающего периода провалившейся денежной реформы (1660—1663) не повлекли за собой нового Земского собора. Последующие Земские соборы начала 80-х годов свидетельствуют о затухании этих сословно-представительных учреждений. Но это не мешает царизму сохранять некое подобие сословно-представительного начала в отношениях Украины с Россией. Во время гетманства Д. Многогрешного не раз ставился вопрос, чтобы в Москву для переговоров приезжали не только представители казацкой старшины и духовенства, но также от “служилого и мещанского чину и от поселян”¹.

Во второй половине XVII в. вырисовываются явления, указывающие на усиление царской власти, на постепенное превращение ее в еще более самостоятельную силу, чем в предыдущие десятилетия. Уложение 1649 г. утвердило ряд законодательных норм такого характера. Ограждение личности и достоинства царя занимает в статьях нового кодекса значительное место. Была введена новая особая глава “О государственной чести и как его государское здоровье оберегать”. Здесь шла речь о смертной казни для лиц, которые замыслили или попытаются осуществить “злое дело” на государя, вознамерятся завладеть Московским государством, сдадут “изменою” город неприятелю.

Особые статьи посвящены борьбе со “скопом и заговором” против царя, пресечению таких действий и в отношении царских администраторов. Жесткие карательные меры предусматривались и за сокрытие дел или мыслей, клонящихся к названным выше категориям преступлений против величества. Согласно закону репрессиям подлежали и члены семей обвиненных. Особо была выделена гла-

¹ Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1894. Кн. 3, отд. 3. С. 499, 515—516.

ва XIV о крестном целовании — присяге на верность государю. Разработанный в 1651 г. текст присяги государю включал все важнейшие положения об охране чести и жизни монарха, о неучастии "в скопе и заговоре" и т.д. Просматривается прямая связь этих законоположений с опытом борьбы против народных восстаний предыдущей поры. Характерна переключка некоторых норм главы II со статьями, защищающими жизнь отдельных феодалов.

События второй половины XVII в. подтвердили, что накал противоборства сил не пошел на убыль. Крестьянская война под предводительством С.Т. Разина убедила господствующий класс в решимости народа всемерно сопротивляться растущему крепостническому угнетению. Восстания в Москве 1662 и 1682 гг. дали наглядные примеры того, сколь шатким оказывается положение центральной власти, когда у нее под рукой нет организованной военной силы — регулярной армии. Особенно в этом плане предметный урок был подан в 1682 г., когда на некоторое время правительство сделалось игрушкой в руках разбушевавшейся стихии московских стрельцов. Все это заставляло верхи идти по пути укрепления царской власти. Отчетливо эту мысль выразил приехавший в Россию хорват Ю. Крижанич, считавший, что укрепление царской власти и привилегий дворянства может избавить "от домашних простого людства бешеных и нечестных навалов"².

На этом пути перед центральной властью стояло немало помех, восходящих к живым следам политической раздробленности страны, к установившейся иерархической структуре общества.

Одним из наследий прошлого было местничество. Замещение государственных должностей осуществлялось по принципу родовитости, знатности происхождения. На этот счет бывший подьячий Посольского приказа Григорий Котошихин писал с издевкой: "А иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвечают, потому что царь жалует... не по разуму их, а по великой породе". Бесконечные распри на почве "мест" создавали много осложнений в практической деятельности всех звеньев государственного аппарата. Особенно отрицательно это сказывалось в военные годы, когда высший командный состав вместо решения насущных дел нередко занимался выяснением отношений по этой линии, засыпая царя челобитьями. Показателем грядущих перемен в этой области послужил царский указ, запрещающий челобиття по местническим делам во время "свадебного чина" и после царской свадьбы с угрозой смертной казнью³.

Вскоре после объявления войны Речи Посполитой Алексей Михайлович повелел всем дворянам, находившимся на службе, быть "без мест", запрещалось возбуждение местнических дел. Тринадцатилетняя война 1654—1667 гг. между Россией и Речью Посполитой не только создала перерыв в местническом соперничестве феодальных верхов, но и одновременно накопила опыт "кадровой политики" правительства в условиях отказа от этого стародавнего феодального института. А в 1682 г. при преемнике Алексея Михайловича местничество было упразднено, документы по местническим делам были публично преданы огню. Это означало важный шаг в сторону принципов комплектования правительственного аппарата, когда во главу угла ставились деловые качества, выслуга перед государем. Конечно, при этом не исключался признак знатности, поскольку он, как правило, сочетался с другим — наличием крупной земельной собственности и крепостническим душевладением. Преобладание у кормила правления крупной земельной аристократии (старой и новой) надолго осталось характерным признаком абсолютной монархии в России.

Царское правительство, постоянно сталкиваясь с уклонением дворян от службы, ищет пути поощрения тех, кто выполнял свои обязанности. В этом

² Крижанич Ю. Русское государство в первой половине XVII в. / Изд. П. Бессонов. М., 1859. Т. 1. С. 311—312.

³ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906. С. 6—7.

плане представляют интерес факты вознаграждения дворян за активную военную службу. Царский указ 1666 г. предусматривал повсеместную замену воевод по городам ранеными или побывавшими в плену дворянами, а не нюхавших пороха тыловых, пригодных к службе, надлежало призвать в армию. Если учесть, что должность воеводы всегда считалась выгодной, из-за назначений разыгрывались острые баталии между претендентами, то этот шаг правительства приобретает особое значение.

В это время постоянно действующим органом при царе оставалась Боярская дума. Царские указы обычно имели преамбулу: "Царь указал, бояре приговорили..." В отсутствие царя делами вершила Боярская дума. Правда, такие отлучки имели место нечасто (например в 1654—1655 гг. во время известного похода Алексея Михайловича с войсками против Речи Посполитой). К исходу XVII в. значение Боярской думы снижается. Вместе с тем в ее составе возрастает роль неродовитой приказной бюрократии — думных дьяков, что свидетельствовало о постепенном приближении этого аристократического учреждения к разряду всецело подчиненных царю.

Усиление значимости личных качеств монарха в управлении государством особенно отчетливо проявилось в годы правления Петра I (1682—1725), но некоторые черты этого давали о себе знать и при его отце. Вероятно, самым выразительным фактом стало противостояние царя и патриарха Никона. В 1652 г. церковные власти с необычайной пышностью и помпой произвели перенесение в Москву мощей первого патриарха Иова. Это должно было символизировать силу и авторитет церкви. Старикам такой великолепной процессии не припоминали едва ли за 70 лет.

Будучи личностью незаурядной, волевой и энергичной, Никон все же не смог одержать верх в борьбе против царя. Его позиция отражала исторически обреченный запоздалый всплеск претензий духовной власти на приоритет перед светской. Царю удалось добиться победы при поддержке зарубежных патриархов, которые осудили своего собрата и лишили его высшего церковного сана. Конечно, дело было не столько в личных качествах Алексея Михайловича, сколько в существенных изменениях во внутривластной и международной обстановке, в которой протекал конфликт царя и патриарха. Крушение Никона стало важным этапом на пути утверждения абсолютизма в России. Оно в известной степени подготовило радикальный шаг Петра I, связанный с фактическим упразднением патриаршества в 1700 г.

На эволюцию государственной надстройки указывали и другие перемены в России второй половины XVII в., имеющие отношение к сфере управления. В

Восстание стрельцов, 1682 г.

стареющей системе центральных органов — приказов возникает орган с необычайными функциями, выводящими его за рамки компетенции Боярской думы или какого-либо иного государственного учреждения. Речь идет о Приказе тайных дел, учреждение которого относится к 1654 г. Сущность деятельности нового приказа, согласно Котошихину, состояла в том, чтобы “его царская мысль и дела исполнились все по его хотению, а бояре б и думные люди о том ни о чем не ведали”. Служащие приказа рыскали по стране и докладывали царю о состоянии умов, злоупотреблениях администраторов. “И те подьячие, — писал тот же автор, — над послы и над воеводами подсматривают и царю, приехав, сказывают”. Притом Приказ тайных дел пользуется особым положением и доверием царя, “и в тот приказ бояре и думные люди не входят и дел не ведают, кроме самого царя”⁴.

Такое обособление личной канцелярии царя с функциями контрольно-полицейского характера говорило о многом. Приказ активно занимался проведением сысков не только по делам светского характера, но и по религиозным, почитавшимся особо одиозными (раскол). Важной отраслью ведения нового учреждения было личное царское хозяйство, поставленное на широкую ногу. Это также свидетельствовало о том, что происходит мобилизация материальных и денежных ресурсов короны с целью укрепления ее независимого положения. Той же цели служила финансовая политика царизма, когда казна объявила монополию на некоторые ходовые в зарубежной торговле товары (поташ, пеньку, сало и др.). Это приносило большие доходы. Есть основания считать, что так называемая “кабацкая” реформа 1652 г. (сокращение производства и продажи вина) была во все не актом “морального” порядка, а скорее одной из мер расширения хлебной торговли казны.

Попыткой в какой-то мере согласовать деятельность громоздкого и неслаженного аппарата центрального управления служило учреждение особого Счетного приказа, призванного координировать финансовую деятельность приказов. Известно, что почти все центральные учреждения наряду с административно-судебными функциями имели также и финансовые, отвечая за сбор налогов по территориям, группам населения или по отдельным видам налогообложения. Хотя реальных дел за Счетным приказом почти не числилось, его возникновение — симптом времени, предвосхищающий позднейшие учреждения петровского времени с общегосударственным объемом прав.

Намеком на необходимость приведения в систему обширного и разноречивого фонда летописей стало создание Записного приказа, недолго просуществовавшего и оставившего мало следов деятельности. Опять-таки осознание подобной задачи само по себе немаловажно.

Таким образом, история государственного аппарата России второй половины XVII в. позволяет говорить о назревавших переменах, имеющих ясную тенденцию перехода к абсолютизму. Столь же характерны сдвиги и в области практической деятельности царских учреждений того времени. Она все более обретает черты бюрократизации, выделения слоя приказных людей, профессионально занимающихся делами управления. Уже в московском восстании 1648 г. выявилась линия протеста против приказных дельцов — дьяков, подьячих и прочих “канцеляристов”. За вторую половину XVII в. число приказных людей в Москве возросло стремительно, достигнув к 1698 г. 2750 человек против 673 человек в 1626 г. За 40—90-е годы XVII в. в местных приказных избах число служащих выросло более чем в 8 раз. Предпринимались шаги по упорядочению повседневной работы приказов, регламентации делопроизводства и распорядка дня. Было составлено расписание, в какие дни недели какие приказы “вносят” свои дела в Золотую палату для слушанья боярам. Несанкционированные в Москве земельные разда-

⁴ Там же. С. 85.

чи на местах объявлялись недействительными. Равным образом лишались законной силы сделки между дворянами, объектом которых были земельные угодья. Требовалась неременная регистрация этих сделок в приказах. Все это не шло в сравнение с петровскими преобразованиями, но робкие опыты в данном направлении осуществлялись.

К 1669 г. относится правительственное распоряжение об укреплении низшего звена местной администрации в лице выборных должностных лиц посадских и крестьянских “миров” — сотских, пятидесятских и десятских. Предписывалось ориентироваться при этом на “добрых и прожиточных” людей, т.е. на верхушку крестьянско-посадского населения. Этим развивались соответствующие меры Уложения 1649 г. Кстати, речь идет о дополнительных, “новоуказных” статьях к Уложению.

Административное устройство России в XVII столетии имело в своей основе уездное деление (до 220 уездов на конец века). Одновременно начинается тенденция к укрупнению административно-территориальных единиц. Создаются так называемые “разряды”, объединяющие группу уездов, прежде всего в военном отношении (например, Белгородский разряд на юге). Несколько разрядов возникло в пределах Сибири (Тобольский, Томский, Енисейский, а в конце XVII в. — Верхотурский).

“Родимые пятна” удельно-княжеских порядков в административно-территориальном плане в изучаемое время еще сказывались на столице государства — Москве. Будучи крупнейшим городом России, Москва, с точки зрения управления, суда и налогово-финансового устройства, являла собой весьма пеструю картину. Хотя уже в XVI в. ушло в прошлое деление города на “трети” между старинными представителями правящей династии, сохранились другие черты разобщения групп ее населения и отдельных районов столицы. Жители Москвы представляли собой смесь сословно-групповых объединений разной ведомственной принадлежности, своеобразный конгломерат слобод, сотен и других поселений. Лишь в полицейском отношении наблюдалось наличие общего для всего населения города органа — Земского приказа. Что же касается суда и фискально-налоговой системы, то тут имело место большее многообразие. Почти треть жителей столицы составляли стрельцы, пушкар и другие мелкие служилые люди “по прибору”. Ими ведали особые приказы — Стрелецкий и Пушкарский, ямщиками занимался Ямской приказ. Особую подсудность имели жители частновладельческих, а также церковно-монастырских слобод в Москве. То же можно сказать о казенных и дворцовых ремесленниках, членах торговых корпораций. Своей жизнью жила Немецкая слобода.

Вся эта калейдоскопичность, свойственная средневековой социальной структуре, приходила в вопиющее противоречие с процессом социально-экономического развития, идущего к размытию этих граней, выделению иных категорий населения безотносительно к их сословно-ведомственным и узкоместным признакам. Она изживалась постепенно, и это изживание находило официально законодательное отражение с большим отставанием от жизни. Лишь в течение первой четверти XVIII в. произошла соответствующая перестройка, но ее проявление стало ощущаться ранее.

В результате “посадского строения” 1649—1652 гг. в стране в государево тягло было перечислено более 10 тыс. дворов беломестцев, в том числе почти 1,5 тыс. — в Москве. Реформа дала определенный эффект, но ее практическая реализация постоянно наталкивалась на противодействие духовных и светских феодалов. В некоторых случаях правительство отступало от исходных принципов “строения”, потрафляя крупным землевладельцам. Объявляя в Уложении 1649 г. об отписке частновладельческих беломестных слобод в тягло, правительство обещало пострадавшим от этого феодалам компенсацию за счет раздачи “государевых сел”. Но главное положение о неотчуждении тяглых дворов и участков беломестцев было подтверждено указом 1660 г. Площадным подьячим строго запрещалось составлять документы на такие сделки.

“Посадское строение” следует рассматривать как существенную уступку городскому населению и, прежде всего, его предпринимательской верхушке, тем “капиталистам-купцам”, которые были хозяевами формирующегося всероссийского рынка. Именно купечество было связано наиболее непосредственно с товарно-денежными отношениями, казна от него получала большие доходы. Представители торгового капитала широко привлекались для выполнения всевозможных государственных служб, особенно тех, которые имели финансово-хозяйственный характер. Купцов назначали управителями казенных предприятий, таможенными головами, ответственными за сбор налогов. О весомом для государственного бюджета значении этих “служб” говорит хотя бы тот факт, что ежегодные сборы таможи в Архангельске, к которым были приставлены богатейшие купцы, приносили доход до 300 тыс. руб. в год.

Разработка финансовых и в более широком плане экономических мероприятий проводилась при активном участии людей “торгового чина”. Так, введение соляной пошлины в значительной мере было инициативой Назария Чистого, начинавшего свою карьеру в качестве гостя. У истоков денежной реформы (введение в оборот медной монеты) стоял гость В.Г. Шорин. Высший слой купечества — гости, члены гостиной и суконной сотен — находился на привилегированном положении, а гости имели право наряду с дворянами владеть вотчинами. Правительство не раз прибегало к услугам торговых людей для выполнения ответственных дипломатических поручений в других странах.

Поэтому царское правительство прислушивалось к голосу отечественных коммерсантов и учитывало в своей политике их требования. Под влиянием купцов принимались меры по унификации таможенного обложения и его упрощению. Уставной таможенной грамотой 1653 г. были отменены многочисленные мелкие сборы и введена единая “рублевая” пошлина. Новоторговый устав 1667 г., имея ярко выраженную протекционистскую окраску, значительно облегчил конкурентную борьбу на рынке местным торговцам, для иностранных негоциантов ввели повышенные пошлины и ограничили операции внутри России. Предпринимались также шаги, направленные на поощрение отечественной промышленности.

Все это представляло собой проявления политики меркантилизма, ее буржуазных черт. Ставя на первый план интересы феодалов, царизм вместе с тем учитывал импульсы, идущие от торгово-промышленных кругов России. Следовательно, налицо был еще один признак, указывающий на эволюцию монархии в абсолютистскую. Как и в других европейских странах, используя нарождающуюся буржуазию в качестве своего “союзника”, монархия нередко грабила ее беззастенчивым образом. Этим объяснялся крах немалого числа торговых домов России.

Становление абсолютной монархии было обусловлено изменениями в иерархии феодального общества. Эти изменения выражались в постепенном упрощении структуры и “чинов” господствующего класса. По мере возвышения царской власти происходит сокращение ступеней иерархической лестницы. Если в начале XVII в. крупные феодалы еще имели своих вассалов, то на исходе этого столетия лишь в некоторых звеньях высших церковных кругов сохраняются, например, дети боярские — в качестве служилых людей-вассалов. Светские феодалы в своей массе от князей до захудалых городских дворян и детей боярских становятся непосредственными вассалами государя. Между ними и царем исчезают какие-либо промежуточные стадии феодально-служебных связей. Следовательно, расширяется социальная база формирующейся абсолютной монархии, что находит воплощение в едином для дворянства судебном-правовом статусе.

Консолидация дворянства отразилась и в представлениях современников. Г. Котошихин сообщал, что в России “из посадских людей и из поповых и из крестьянских детей и из боярских людей (т.е. холопов. — *Авт.*) дворянство не дается ниному” — за редким исключением⁵. Крестьянская война под предводительством

⁵ Там же. С. 28.

С.Т. Разина заставила царизм еще более осторожно отнестись к пополнению служилого сословия за счет инородных социальных элементов. Для дворян во второй половине XVII в., прежде всего после отмены местничества, был введен порядок представления родословных документов для подтверждения принадлежности к этому сословию. Тогда на свет божий явилось множество не только подлинных, но и вымышленных "рописей" генеалогического порядка. Этими вопросами занималась специально созданная Палата родословных дел.

Своего рода "чистке" подверглись даже приборные служилые, в которые указ 1671 г. запрещал верстать "пашенных крестьян".

Аналогичное ограничение было указано правительством для духовенства. Церковные власти должны были наблюдать за тем, чтобы в священнослужители не принимали беглых крестьян и холопов, так как подобный переход для них во все не связан с религиозными чувствами, а отражает стремление избежать зависимого положения ("не хотя рабы в рабех, а крестьяне во крестьянстве быти")⁶. Согласно царскому указу запрещалось принимать на службу в качестве подьячих "расстриг" — попов и дьяконов.

Естественным продолжением политики предшествующего времени стали меры правительства, цель которых — упразднение последних иммунитетных прав духовных и светских феодалов (за исключением, разумеется, основных, связанных с монополией на земельную собственность и крепостные рабочие руки). Речь идет о ликвидации частной судебной юрисдикции феодалов. Это нашло выражение в отмене выдачи несудимых грамот, столь характерных для периода классического феодализма. Государство (за редкими исключениями) отменяет практику освобождения феодалов и их зависимых людей от платежа таможенных пошлин.

В некоторых случаях центральная власть пытается даже вторгнуться в те области отношений, которые почти не поддаются государственному регулированию. Так, правительство (особенно в условиях войн или восстаний) настоятельно проводило линию на установление твердых "указных" цен для покупки хлеба и другого продовольствия на нужды ратных людей. Оно предпринимало шаги по "огосударствлению" деятельности скупщиков на рынке, рассчитывая превратить их в послушных агентов казны. Но все эти усилия вызывали недовольство товаропроизводителей и торговцев. Крепостнические поползновения властей даже торговлю превратить для крестьян в разновидность "государева тягла" были обречены на неудачу.

В арсенале средств воздействия на подданных, который был в ходу у правительства и способствовал укреплению абсолютистских начал, находилась и довольно гибкая национальная политика. Будучи многонациональным государством, Россия оказалась жизнеспособной перед лицом всевозможных внешних воздействий и внутренних потрясений. Водораздел классовых интересов обозначился в XVII в. столь разительно, что прошел и по всем населяющим страну народам, разделив их отнюдь не по национально-этническому признаку. Конечно, речь идет о самых начальных фазах этой поляризации, но она уже проявлялась. Наиболее наглядно она сказывалась в ходе открытых и широких классовых битв — крестьянских войн. В стане антифеодальной борьбы очутились трудящиеся массы русского и других народов государства, их противниками выступали господствующие слои общества, включая местную знать нерусского населения. Этому во многом содействовал сам царизм, который не выделял русских тружеников из массы многоязычных жителей России, не давал им каких-либо преимуществ перед "иноземцами". И тем, и другим доставалась доля угнетенного, приниженого люда, противостоящего привилегированным слоям общества. В то же время правительство нередко пригревало верхушку туземного населения, "лучших" людей, "князцов" и др., даже допускало ее представителей в ряды дворянства. Впро-

⁶ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1. С. 704.

чем, такая политика не была всеобщей. В некоторых местностях царизм проводил линию на ограничение влияния местных феодалов, а подчас и на устранение их с политической арены. Все зависело от конкретной обстановки в отдельно взятом регионе. Как бы то ни было, царизм не имел заинтересованности в физическом уничтожении нерусских народов, ему нужна была населенная земля.

Известно много случаев, когда правительство и его местные органы в судебных делах, возникавших между русскими и людьми других национальностей, решали вопрос в пользу последних независимо от правоты. И объяснение здесь было одно — это делалось, учитывая, что вторая тяжущаяся сторона — не из русских. “Для иноземчества” — такой выглядела формула положительных решений для спорных дел.

Известная осторожность правительства в политике на территориях, населенных другими народами, сказалась на условиях вхождения их в состав России. Обычно (по крайней мере, на первых порах, а иногда и довольно долго) царизм не посягал на внутреннюю жизнь того или иного народа, сохраняя бытовавшие там порядки. Так было, например, после воссоединения Украины с Россией, когда для новой “государевой вотчины” оставили гетманское управление. Города Украины и Белоруссии получили разрешение сохранить действующее в них магдебургское право. Власти запрещали русским служилым людям закрепощать казаков и “белорусцев пахотных людей”. Но одной рукой поддерживая горожан и крестьян в этих районах, царизм в качестве компенсации шляхте, изгнанной оттуда, выделил 200 тыс. руб. Когда в границах России очутились прикочевывавшие из степей Центральной Азии калмыки, они получили дозволение занять своими улусами значительные территории на юго-востоке России. Здесь возникло автономное Калмыцкое ханство, правители которого являлись полновластными хозяевами в улусах. Карелы переселялись в Россию из Финляндии. Районы Среднего Поволжья в XVII в. знали так называемые “татарские избы” — местные учреждения, где решались дела нерусского населения, совершались земельные и иные сделки, употреблялся свой язык.

Правительство поддерживало меры православного духовенства по христианизации нерусского населения. Но в тех случаях, когда дело доходило до широких конфликтов, грозя вспыхом восстания, оно дезавуировало действия местной администрации, подчеркивая свою веротерпимость.

Даже в тех случаях, когда царизм пытался ввести ограничения в торговый обмен с “иноземцами”, запретив, например, продажу им металлов, изделий из них, оружия, — это не имело эффекта. Русские торговцы мало считались с такими запрещениями, о чем знало само правительство, отмечая в одной из грамот 1675 г.: “За Уралом... объявились у многих башкирцов... пищали, винтовки многие”, причем башкиры “пищальной-де стрельбе изучились, а лучную стрельбу покинули”⁷. Вероятно, здесь допущено преувеличение распространенности огнестрельного оружия у кочевников, но сам факт достоин внимания. Что же касается торговли в более широком плане, то царская власть порой шла на освобождение “иноземцев” — подданных России — от уплаты таможенных сборов (например, башкир).

Наблюдения современников вполне согласуются с данными других источников об усилении роли не только центральной власти, но и лично царя. Котошихин, сопоставляя Алексея Михайловича с его отцом, писал: “Царь Михайло Федорович, хотя самодержцем писался, однако без боярского совету не мог делати ничего”. Что же касается его сына, то он действительно самодержец “и государство свое правит по своей воли”⁸. Посол герцога Тосканского Я. Рейтенфельс отметил, что бояре, высшее духовенство “все полагают на мудрость царя и предоставляют ему полную власть выбирать и решать, как ему угодно, как единственному и высшему издателю законов”⁹. В записках личного врача царя Алексея Михайловича С. Кол-

⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией: Т. 1—5. СПб., 1841—1843. Т. 4. С. 541—542.

⁸ Котошихин Г. Указ. соч. С. 42.

линса говорится о намерении Алексея Михайловича “ходить и осматривать бумаги дьяков своих, чтобы видеть, какие дела решены и какие просьбы остаются без ответа”. Он же писал о широком потоке притекающей информации от множества шпионов¹⁰.

Царь при жизни хотел закрепить преемственность династии посредством широковещательных мер в связи с совершеннолетием старшего сына Алексея в 1667 г. По этому случаю состоялась торжественная церемония в столице, дворяне получили придачу к своим поместным и денежным окладам. Алексей Михайлович и в малолетство этого сына стремился внушить всем особыми распоряжениями, что в его отсутствие грамоты будут составляться от имени царевича, а отписки должны поступать на имя наследника.

Долгое время в историографии с легкой руки официальных ее представителей дореволюционного времени господствовало представление о царе Алексее Михайловиче, как о “тишайшем”. Рисовался идеа-

Царь Алексей Михайлович

лизированный образ богобоязненного, кроткого и доброго государя. Между тем очевидцы иначе описывали поступки и характер этого монарха. Англичанин С. Коллинс вспоминал случай, когда Алексей Михайлович ударом жезла в грудь напавал сразил челобитчика-дворянина, пытавшегося вручить ему свою просьбу. А. Мейерберг, посол Империи, сообщал о весьма бесцеремонном обращении Алексея Михайловича со своим тестем боярином И.Д. Милославским. Тот от державного зятя не раз “отведал тряски за волосы на голове и бороде, кулачных тузов”. Однажды царь в сердцах пинками выгнал Милославского с заседания боярской думы и сам запер за ним дверь¹¹. Как уже отмечалось, в конфликте с патриархом Никоном царь проявил все что угодно, только не кротость нрава. Есть свидетельство, согласно которому еще до открытого разрыва царь позволил себе во время службы Никона в Успенском соборе произнести в адрес патриарха совсем не подобающие моменту слова, прервав его окриком. Он с особым почтением относился к Ивану Грозному, которого почитал образцовым правителем. Царь любил рассказы о старине, держал при дворце для этой цели ветхих столетних старцев. Развлечения Алексея Михайловича также не всегда были тихими и безобидными. В одном из своих писем он с упоением описывал сцену охоты любимого сокола на уток, в другом сообщал: “Тем утешаюся, што стольников беспрестани купаю ежеутр в пруде... человека по четыре, и по пяти, и по двенадцати”. Невольные купальщики, правда, не оставались в накладе: их после “водных процедур” ожидало царское угощение. Поскольку царь прибегал к этой потехе в

⁹ Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905. С. 103.

¹⁰ Коллинс С. Нынешнее состояние России. М., 1846. С. 35.

¹¹ Мейерберг А. Путешествие в Московию. М., 1874. С. 35.

наказание за опоздание служилых на смотр, те нередко намеренно опаздывали, чтобы доставить удовольствие монарху и попасть в поле его внимания.

Если окинуть взглядом правительственную политику времен Алексея Михайловича, то нельзя не заметить, что она в ряде случаев представляла собой как бы прообраз, подступы, элементы будущих деяний его великого сына. В отечественной историографии вопрос о предпосылках петровских преобразований поставлен давно. Ученые подтвердили и развили тезис об исторической обусловленности реформ Петра I, их глубоко национальных корнях. И в самом деле об этом говорят многочисленные факты.

Предвестником регулярной армии Петра I были полки “нового строя”, начало которым на русской почве было положено еще во время Смоленской войны 1632—1634 гг. Впоследствии эта военная сила занимала все более заметное место в составе войска России, постепенно оттесняя поместное дворянское ополчение. Для обучения личного состава этих полков широко практиковалась распространенная по всей Европе вербовка на службу иностранцев — младших и особенно старших офицеров. Мейерберг записал: “Этих иноземцев набралась такая пропасть в Москву на царскую службу из Германии, Батавии (так! — *Авт.*), Англии, Шотландии и других стран: в 1662 г. кроме двух полных генералов и двух генерал-майоров, я мог бы прочесть записанные в моей памятной книжке имена более ста иностранных полковников... и назвал бы почти бесчисленное множество капитанов и прапорщиков. Всем им Алексей (т.е. царь. — *Авт.*) не тяготился платить жалованье и даже задаром в мирное время”¹².

Последнее свидетельство указывает на весьма важное обстоятельство: в России наемников содержали и в мирное время, что для других стран Европы было необычным.

Комплектование войск за счет мобилизации тяглых людей по определенной разверстке (“даточные люди”) широко применялось в годы войны с Речью Посполитой. Такие наборы проводились неоднократно и напоминали рекрутскую повинность времен Петра I, ставшую системой более чем на полтора столетия.

Династические осложнения после смерти юного царя Федора Алексеевича (1682 г.) не способствовали последовательному продолжению перемен в военной организации России. Но короткое правление Федора показало, что наметившаяся тенденция продолжается. В 1680 г. была осуществлена военно-окружная реформа, сыгравшая известную роль в совершенствовании вооруженных сил. Тогда же принимаются меры по упорядочению центрального управления войсками.

Известны также меры правительства царя Алексея Михайловича по созыву в Москву для казенных надобностей в условиях войны ремесленников разных специальностей из различных районов России. Так, из Тихвина и Новгорода было указано в 1665 г. выслать кузнецов и мастеров ствольного дела, в 1663 г. из церковных владений Вологодской епархии затребовали скорняков и портных. Собирали подводы из монастырских владений по разнарядке в том же году. Правительство не останавливалось перед решительными мерами реквизиции денег из казны тех же монастырей. Архимандрит Тихвинского монастыря получил царскую грамоту, в которой прямо указывалось: “Ведомо нам учинилось, что у вас в монастыре есть деньги многие. И мы указали взять у вас из монастыря на жалованье нашим ратным людям денег 10 тысяч рублей”¹³. Дело внешне было обставлено как заем, но обещанного возврата не состоялось и после окончания войны. С. Коллинс по поводу таких царских займов иронизировал, что они возвращаются “после дождичка в четверг”¹⁴.

Черты перерастания сословно-представительной монархии в абсолютную, таким образом, нашли на почве России второй половины XVII в. разнообразное выражение, готовя страну к эпохе реформ Петра I.

¹² Там же. С. 177.

¹³ Дополнения к Актам историческим. Т. 4. С. 7—8.

¹⁴ Коллинс С. Указ. соч. С. 37.

Глава 7

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII — НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Вестфальский мир 1648 г., хотя и не привел к коренной перестройке политической карты Европы, зафиксировал глубокие сдвиги во всей системе международных отношений. Точнее, дело шло о создании новой системы международных отношений, которая просуществовала в целом почти полтора века — несмотря на происходившие за этот период войны, притом войны, вовлекавшие в свою орбиту почти все государства континента и приведшие к значительному изменению границ между ними или даже исчезновению некоторых из них с карты Европы. Перестройка системы международных отношений была прежде всего следствием их деидеологизации. Сошел с исторической арены лагерь контрреформации, возглавлявшийся габсбургскими государствами и претендовавший на установление вселенской католической монархии, а это, в свою очередь, привело к распадению противостоящего ему антигабсбургского лагеря. Взаимоотношения между европейскими государствами перестали быть опосредованными их отношением к лагерю, к которому они принадлежали, а поскольку речь идет о лагере контрреформации — к господствующей его силе — австрийским и испанским Габсбургам. Из внешнеполитических целей правительств исчезли идеологические задачи — подавление “ереси”, утверждение религиозного конформизма в региональном или даже континентальном масштабе, объективно бывшие стремлением к экспорту социальной и политической реакции.

Вместе с тем естественно отпала и необходимость противодействия этим стремлениям. Государственные интересы, которые ранее нередко выступали прикрытыми религиозными и другими идеологическими мотивами, теперь представляли без этой порой мистифицирующей и искажающей их оболочки.

Однако деидеологизация международных отношений означала не только отбрасывание отжившей формы, она вызвала существенные изменения всей структуры этих отношений. Восстановление без идеологических подпорок прежних, потерпевших крушение планов создания вселенской монархии оказалось не под силу даже наиболее мощной из европейских держав. Их сменили планы утверждения не господства, а относительно преобладающего положения в Западной Европе, которые, однако, встретили быстро нараставшее противодействие со стороны государств, еще недавно принадлежавших к различным лагерям. Идеологические мотивы потеряли прежнее значение как для феодально-абсолютистских, так и для раннебуржуазных государств. Столкновения между раннебуржуазными государствами, прежде сдерживавшиеся угрозой со стороны реакционного габсбургского блока, теперь проявились с полной силой, отражая интересы нового восходящего слоя — буржуазии.

Религиозные споры, отражавшие в конечном счете противоборство между феодальным и идущим ему на смену капиталистическим строем, теперь были фактически исключены из сферы межгосударственных отношений. Однако продолжавшаяся экономическая борьба между старым и новым строем еще не получила и теперь прямого, лишнего религиозных покровов выражения на международной арене. Она лишь в весьма ограниченной степени была осознана современниками, тем более что в раннебуржуазных государствах еще не сложилось господство буржуазии в ее чистых, развитых формах. В то же время правительства феодально-абсолютистских стран, исходя из собственных целей,

пытались в определенной степени отстаивать внешнеполитические интересы “своей” буржуазии.

Разумеется, все эти новые тенденции не исключали остаточного воздействия старых конфликтов, отдельных локальных попыток подкрепить религиозными или другими идеологическими мотивами различные внешнеполитические цели, строить планы антиреволюционного интервенционизма. Требования установления религиозного униформизма перестали накладывать определяющий отпечаток на международные отношения. Тем не менее роль религиозного фактора не была целиком сведена на нет. Преследование гугенотов во Франции после отмены Людовиком XIV Нантского эдикта способствовало сплочению протестантских государств. Английская королева Анна в начале XVIII в. призывала своих католических союзников проявлять терпимость к их протестантским подданным, даже когда такие просьбы путали карты британской дипломатии. А австрийский император Леопольд I, в свою очередь, не скрывал неприязни к “еретикам”, с которыми он был принужден вступать в союз.

В отличие от религиозных династические интересы в большей мере сохранили влияние на поведение держав. В какой-то мере династические притязания даже целиком приняли на себя функцию идеологического обоснования торговых и стратегических интересов, которую они раньше делили с религиозными мотивами внешней политики. При этом удельный вес династических мотивов был значительно выше в абсолютистских, чем в раннебуржуазных государствах, где они действительно были сведены к роли юридического и пропагандистского прикрытия реальных внешнеполитических целей. Защита интересов господствующего класса и — в его понимании — государственных интересов неизменно определяла действия дипломатии, то принимая форму отстаивания династических или религиозных целей, то, наоборот, отбрасывая их в сторону как ставшую в том или ином случае ненужной внешнюю оболочку подлинных мотивов, намерений и задач внешней политики.

В 1660 г. после реставрации Стюартов Карл II не только отказался от союза с испанским королем Филиппом IV, оказывавшим ему поддержку в годы эмиграции, не только пренебрег своими тайными симпатиями к католицизму, но и вступил в союз с Португалией, которая в 1640 г. отделилась от Испании, но продолжала считаться в Мадриде законным владением испанской короны. Филипп, несмотря на весь свой многолетний дипломатический опыт, был приведен в оцепенение подобным цинизмом и горестно писал: “Бог покарает этот зловерный союз, потому что один из его участников восстал против своего бога, а другой — против своего короля”.

Однако эти жалобы очень мало стоили, когда подданные “восставшего против своего бога” Карла II рассчитывали благодаря поддержке восставших против Филиппа португальцев извлечь выгоды от торговли с португальскими колониями. А Мадрид, в свою очередь, сблизился с голландскими “еретиками”, против которых вел войну в течение 80 лет. Голландские военные корабли в 1661 г. прикрывали испанский серебряный флот, доставлявший драгоценные металлы из колоний в Америке, от нападения англичан. Голландцы стали строить военные корабли для Испании. Голландские купцы получили привилегии в торговле с испанскими владениями. Во время второй англо-голландской войны в Европе предрекали даже вооруженный конфликт между Англией и Мадридом, неофициально вступившим в союз с Гаагой. В 70-е годы Испания держала сторону Нидерландов в войне против Людовика XIV, формально требовавшего свободы отправления католического культа на голландской территории, как раз того, чего Мадрид тщетно пытался вооруженным путем добиться в предшествующие десятилетия. Династические интересы, когда они служили лишь внешним выражением государственных интересов, могли побуждать и к поддержке выступлений против “законных” монархов в других странах.

Деидеологизация международных отношений способствовала тому, что были

отброшены оказавшиеся неосуществимыми цели уничтожения и подчинения противника, которые преследовал лагерь контрреформации. Внешнеполитические цели потеряли прежний максималистский характер, стали более реалистическими. Это, в свою очередь, заметно изменило характер войн — даже в наиболее крупных из них, в которых участвовали все главные европейские державы, цели столкнувшихся коалиций были сравнительно ограниченными, как правило, не включали полного сокрушения неприятеля. Вместе с тем в подавляющем большинстве этих войн полностью отсутствовала прогрессивная освободительная тенденция, которая была присуща борьбе антигабсбургских держав против лагеря контрреформации в предшествующую историческую эпоху.

С середины XVII в. отмечалось быстрое возрастание хозяйственного значения колоний раннебуржуазных государств и Франции с ее расширяющимся капиталистическим укладом. Именно тогда эти государства превратились в крупные колониальные империи. Эксплуатация их заморских владений становилась экономически значительно более важной, чем прежние усилия Голландии и Англии путем захвата испанских торговых кораблей перераспределять в свою пользу богатства, извлекавшиеся Мадридом из своих колоний в Новом Свете. На смену голландско-испанской борьбе за колонии, к которой лишь эпизодически присоединялись другие государства, приходило многостороннее острое соперничество ряда западноевропейских стран — особенно между самими раннебуржуазными государствами, а также между ними и Францией. Объектом противоборства становились не только собственные владения этих стран, но и необъятные территории, принадлежащие ослабевшей Испании и Португалии. Борьба за колонии оказывалась многими нитями переплетенной со столкновениями всех этих держав на Европейском континенте.

Абсолютистские правительства, утверждение которых было прямым следствием исторических закономерностей развития феодальной формации в Европе, являлись государственной формой власти, верховный носитель которой обладал относительно наибольшей автономией по отношению к господствующим слоям. В глазах современников и апологетов абсолютизма, как и критиковавших многие его стороны идеологов Просвещения, вся история нередко представляла следствием честолюбия и капризов королей, интриг фаворитов и фавориток и карьеристских расчетов министров. В известном смысле и в известной мере это даже отражало действительное положение вещей, особенно поскольку дело шло о сфере межгосударственных отношений, о дипломатии и внешней политике.

Однако те же объективные условия, которые с необходимостью породили возможность возведения частных склонностей монархов в ранг государственных интересов, вместе с тем жестко ограничивали эту возможность пределами, в которых она была лишь формой проявления исторической необходимости. Конечно, при абсолютизме особое значение приобретают личные взгляды, интересы и планы правящего монарха. Представления Людовика XIV о королевской “славе” не были только порождением посредственного ума и непомерного тщеславия, сконцентрированного на достижении показного помпезного величия. Эти представления объективно весьма соответствовали задаче повышения престижа монархии, еще совсем недавно победившей Фронду, и интересам господствующих классов, которым шли на пользу и завоевательные войны, и меркантилистская политика, продолжением которой они являлись.

Представления Людовика XIV о “славе” заставляли его в 60-е годы тяготиться зависимостью от каких-то голландских торговцев, помощь которых на море была необходима для успешной войны против Испании. Но эта же королевская забота о “славе” крайне способствовала стараниям Кольбера создать мощный военный флот для обеспечения торговых интересов французской буржуазии. Однако, по мере того как войны Людовика XIV становились все более

дорогостоящими и все менее успешными, “слава” короля и интересы господствующих классов переставали соответствовать друг другу. Никакими преимуществами меркантилистской политики нельзя было компенсировать разорительное бремя огромных военных расходов. Никакое честолюбие Людовика XIV или Филиппа II не могло заставить их действовать по-иному, чем это было возможно при тогдашних методах ведения войны постоянными армиями, состоящими из наемных солдат, что, в свою очередь, целиком обуславливалось уровнем социально-экономического развития, социальной структурой тогдашнего общества. И сами монархи, как правило, вполне разделяли и следовали той системе представлений о своих и государственных интересах, которые порождались этими условиями в сознании правящих кругов.

Французский абсолютизм ранее других достиг полного успеха в подавлении всех своих внутренних противников и унификации законодательства во всех основных областях, касающихся отношений монархии с ее подданными, высокой степени религиозного единства. Между тем Испания во второй половине XVII в. даже формально не считалась единым государством, и ее король официально являлся монархом Кастилии, Арагона, Наварры, а наравне с этим Сицилии, Фландрии, Франш-Конте и других владений.

В итоге Франция явно превосходила многие другие западноевропейские страны по совокупности таких компонентов мощи, как величина территории, численность населения, естественные полезные ископаемые, по способности правительства изымать у населения экономические ресурсы и распоряжаться ими в дипломатических и военных акциях, наконец, по географическому положению, позволяющему с наибольшей эффективностью использовать эти ресурсы для внешнеполитической экспансии. Между 1640 и 1680 гг. во Франции была создана крупная постоянная армия, намного более многочисленная, лучше обученная и дисциплинированная, чем у любой другой европейской державы того времени. В 1688 г. ее численность составляла 290 тыс. и затем даже в мирное время не опускалась ниже 200 тыс., а в середине XVIII в. (если считать и военноморской флот) временами достигала 500 тыс. человек. Соответственно возрастали вооруженные силы и других европейских государств. Прусская армия увеличилась с 6 тыс. в 1660 г. до 83 тыс. в 1740 г. и до 200 тыс. в 1786 г.

Французский абсолютизм в начальный этап полуторавекового периода развития между Фрондой и Великой Французской революцией обладал наибольшей относительной автономией от господствующих классов. Она включала и возможность проведения, не вызывая открытой оппозиции, внешнеполитических акций, которые значительная часть собственников и особенно буржуазия могли считать не соответствующими их интересам. Только в подобной атмосфере могли быть написаны Людовиком такие откровенные слова о начале его правления: “Повсюду царило спокойствие. С моими соседями был заключен мир на столь длительный срок, сколь я сам пожелал... Мой возраст и удовольствие находиться во главе моих армий пробудили во мне желание к большей активности за границей”¹.

Многократно повторявшиеся в работах западных историков утверждения, будто Людовик XIV ставил главной задачей завоевание Францией ее “естественных” границ по Пиренеям, Альпам и Рейну, опровергаются последующими исследованиями². Хотя в XVII в. идея “естественных границ” и встречается в сочинениях отдельных публицистов, она никак не вяжется с планами и целями правительства Людовика XIV, который даже само королевство Франции рассматривал как совокупность принадлежащих ему наследственных земель.

¹ *Louis XIV. Oeuvres*. P., 1806. T. 1. P. 14—18.

² Ср.: *Roosen W.J. The Age of Louis XIV: The Rise of Modern Diplomacy*. Cambridge (Mass.), 1976. P. 55—56.

Контуры экспансионистской политики Людовика начали вырисовываться вскоре после заключения в 1659 г. Пиренейского мира.

На европейской арене (поскольку речь идет о западной и центральной части континента) по-прежнему сохраняли ранг великих держав Франция, Англия, Нидерланды, государство Габсбургов, глава которого был императором Священной Римской империи германской нации, Швеция, Испания, удерживавшая свое место скорее из-за еще свежих воспоминаний о ее прежнем могуществе. Меньшую, но все же, как правило, относительно независимую роль играли германские государства — Бавария, Бранденбург и Саксония, в Италии — Венеция и Папство, герцогство Савойское, а также Португалия на Юге Европы и Дания на Севере. Положение в Восточной Европе определялось отношениями между Россией, Польшей, Швецией и германским императором.

В 50-е годы, несмотря на окончание общеевропейской Тридцатилетней войны, продолжался испано-французский конфликт. Затяжной характер, который он принял, был связан с тем, что на протяжении нескольких лет почти все ресурсы правительства Франции были скованы борьбой с Фрондой, а также тем, что французские армии потерпели два чувствительных поражения — в 1655 г. при Павии в Италии, а в следующем году при Валансьенне во Франции. Но эти победы Испании не отражали реального соотношения сил, что стало особенно ясным после того, как в 1655 г. по предписанию Оливера Кромвеля британские эскадры атаковали испанские владения в Карибском бассейне. Мазарини поспешил заключить соглашение с Кромвелем. Испанский флот, перевозивший серебро, стал в значительной своей части добычей британских кораблей, а в июне 1658 г. союзные англо-французские войска захватили крупный порт Дюнкерк во Фландрии. Линии связи между Испанией и ее владениями в Европе и Западном полушарии оказались под сильнейшим давлением, и провозгласившая независимость Португалия играла ту же роль, которая в предшествующие десятилетия принадлежала восставшим Нидерландам, отвлекая значительную часть испанских войск.

Правительство Филиппа IV пошло в 1659 г. на заключение Пиренейского мира с Францией не только в результате истощения финансовых ресурсов Испании, но и в надежде развязать себе руки для нового завоевания Португалии. Мазарини согласился прекратить помощь Португални и возвратить вождю Фронды принцу Конде его земли во Франции, испанское правительство, в свою очередь, уступило Франции ряд территорий. Скрепивший мир брачный контракт между французским королем и дочерью Филиппа IV Марией Терезой предусматривал отказ инфанты от прав на испанский престол в обмен на выплату Мадридским двором ее приданого в размере 500 тыс. экю. Эта выплата не была произведена, что и послужило юридическим предлогом для последующих притязаний Людовика XIV. Одним из первых действий французского короля после того, как он принял бразды правления, стало возобновление помощи Португални, получавшей также английскую поддержку. На протяжении почти целого десятилетия, примерно с 1657 по 1665 г., правительство в Мадриде предпринимало отчаянные попытки подчинить Португалию, которая, однако, опираясь на французские и английские субсидии, успешно отразила нападения плохо вооруженных и обученных испанских войск, обладавших лишь тенью своей былой мощи.

В начале 1660-х годов в масштабах Европы в целом установился недолгий мир. Со сцены сошли политические деятели, ранее руководившие дипломатией европейских государств. На смену им пришли во Франции Людовик XIV, ставший после смерти кардинала Мазарини в 1661 г. собственным первым министром. На императорский трон с 1658 г. был избран Леопольд I. В 1660 г. вернувшийся из изгнания Карл II занял английский престол. В Испании в 1665 г. Филиппу IV наследовал его больной и слабоумный сын Карл II. Еще ранее в 1660 г. умер шведский король Карл X, власть перешла к регентам при его малолетнем сыне.

Цепь разнородных испанских владений, протянувшихся от берегов Северного моря через Южные Нидерланды, рейнские и итальянские области вплоть до Мессинского пролива, временами прерывалась или вытягивалась в узкую линию, особо уязвимую для нападения со стороны враждебных соседей — Франции, западногерманских княжеств, Савойи, Венеции, которые были расположены на обоих флангах этой цепи и занимали стратегически господствующие позиции. Вестфальский мир и последовавший за ним Пиренейский мир 1659 г. между Францией и Испанией способствовали резкому упадку военного и политического могущества Испании. В результате владения испанских Габсбургов, окружавшие с трех сторон Францию, — северные провинции Испании, Южные Нидерланды (Бельгия), Франш-Конте и Миланское герцогство — стали все более превращаться в первоочередные объекты завоевательной политики Людовика XIV.

С заключением Вестфальского мира существенно изменилось положение Нидерландов в системе европейских держав. Отпала испанская угроза, которая в течение многих десятилетий висела над этим государством, возникшим в результате буржуазной революции во второй половине XVI в. Хозяйственное истощение германских княжеств в результате Тридцатилетней войны, гражданская война в Англии и Фронда, временно поглощавшие военные ресурсы обеих стран, способствовали быстрому возрастанию удельного веса экономически процветающей Голландии в европейском балансе сил. Географическое положение страны, расположенной в устье Рейна и на месте смыкания Северного моря с проливами Па-де-Кале и Ла-Манш, позволяло мощному голландскому военному флоту контролировать важнейшие торговые артерии Европы и охранять преобладающую позицию страны в торговом судоходстве. Голландия к середине XVII в. имела больше кораблей, чем все остальные страны Европы, вместе взятые, или в 10—15 раз больше, чем любой из ее соперников — и это во время, когда морские перевозки товаров были намного быстрее и дешевле, чем их транспортировка сухопутным путем в условиях повсеместного бездорожья и бесчисленных таможен.

Голландская буржуазия сосредоточила в своих руках большую часть торговли Северной Европы, перевозки товаров по Рейну и Маасу, где голландцы содержали свои гарнизоны в ряде крепостей. Амстердамский банк был самым крупным финансовым учреждением Европы. Денежные воротилы, диктовавшие свою волю банку, а также голландской Ост-Индской и голландской Вест-Индской компаниям, образовали олигархию “регентов”, управлявшую важнейшими торговыми городами, заседавшую в провинциальных законодательных собраниях и нидерландских Генеральных штатах. Однако преимущественное положение Голландии покоилось на недостаточно прочной основе. Страна с относительно слабо развитой мануфактурной промышленностью, небольшим населением, с уязвимыми границами вскоре ощутила всю силу конкуренции со стороны переживавшей период буржуазных преобразований Англии и вставшей на путь меркантилистской политики Франции. Реставрация Стюартов в Англии, временно ослаблявшая силу британской конкуренции, сопровождалась, однако, угрозой, связанной с влиянием, которое приобрел Людовик XIV на внешнюю политику английского короля Карла II.

К первым десятилетиям нового времени относятся три первые войны между раннебуржуазными государствами — Англией и Голландией в 1652—1654, 1664—1667 и 1672—1674 гг. Характер этих войн не изменился даже после того, как режим протектората Кромвеля сменила реставрированная монархия Стюартов. По своему происхождению две первые из них были в основе чисто торговыми войнами, лишенными внешней оболочки борьбы за какие-либо религиозные, династические и другие неэкономические цели. Причины третьей войны носили в большей мере общеполитический характер и были связаны с курсом Карла II на союз с Францией.

То обстоятельство, что война велась между раннебуржуазными государствами,

в которых играло немалую роль общественное мнение, точнее, мнение господствующих слоев общества, заставляло правительства и в Лондоне, и в Гааге для воздействия на него все шире прибегать к политической пропаганде.

Как уже отмечалось, после Реставрации Стюартов установились тесные связи между Людовиком XIV и Карлом II. Поскольку Франция по Пиренейскому договору обязалась не вмешиваться в войну, которую вел Мадрид в целях восстановления своей власти над Португалией, то, отнюдь не желая подобного усиления Испании, Людовик XIV подтолкнул Карла II к оказанию помощи Лиссабону. Тем самым Людовик XIV стремился не только продолжать политику, направленную на дальнейшее ослабление Испании, но и устранял возможность союза между Лондоном и Мадридом, подобно тому как связи Парижа с Гаагой и острое англо-голландское торговое соперничество не позволяли наладить сотрудничество между морскими державами, предотвращение которого также составляло одну из главных задач французской дипломатии. Объектом французских экспансионистских планов стали прежде всего Южные Нидерланды и другая испанская провинция — Франш-Конте, овладение которыми заметно увеличило бы экономические ресурсы Франции и улучшило бы ее военно-стратегическое положение в Западной Европе.

После 1643 г. голландцы заметно ослабили нажим на испанские (Южные) Нидерланды и способствовали тому, чтобы Вестфальский мир не привел к переходу их под власть Франции. Это определялось не только опасением получить мощного соседа на границах республики, но и стремлением не допустить возрождения Антверпена в качестве порта мирового значения, соперничающего с Амстердамом, что стало бы вполне реальной перспективой в случае присоединения Южных Нидерландов к Франции. Именно поэтому голландцы отклонили предложения Мазарини о разделе Южных Нидерландов, полагая, что Франция, будучи “добрым другом”, станет “плохим соседом”. Правда, обострение соперничества с Англией побудило правящую олигархию Нидерландов и ее главу Де Витта стремиться к возобновлению бывшего союза с Францией. Однако вместе с тем в Гааге не хотели отказаться от противодействия французским планам частичной или полной аннексии испанских Нидерландов.

В апреле 1662 г. был подписан договор, по которому Франция и Соединенные провинции взаимно гарантировали друг другу их владения. Но уже через несколько месяцев, в октябре, Людовик подписал с Карлом договор, согласно которому англичане передавали Франции за крупную денежную сумму завоеванный за время правления Кромвеля Дюнкерк. Усиление позиций Франции побудило великого пенсионария Голландии Яна Де Витта предложить преобразование Южных Нидерландов в самостоятельное государство, но этот проект не встретил поддержки даже среди его коллег, опасавшихся, что это может привести к восстановлению прежнего торгового значения Антверпена. А в Версале решили, учитывая быстро надвигавшуюся новую англо-голландскую войну, пока сохранить свободу рук, чтобы, дождавшись смерти Филиппа IV и основываясь на “правах” его дочери — супруги Людовика XIV, выдвинуть “законные” притязания на все Южные Нидерланды.

Летом 1664 г. вспыхнула давно назревавшая война между Англией и Голландией. Боевые действия велись у берегов Африки, в Карибском бассейне, на Североамериканском материке. Англичане захватили Новый Амстердам, переименованный ими в Нью-Йорк. Основываясь на договоре с Францией, голландцы запросили у нее помощи. Между тем в сентябре 1665 г. смерть испанского короля Филиппа IV снова поставила вопрос о Южных Нидерландах в повестку дня европейской дипломатии. После некоторых колебаний в Версале решили повременить с выдвиганием притязаний на эту испанскую провинцию — пока не будет подготовлена достаточно сильная армия. Вместе с тем Людовик XIV объявил войну Англии, но его поддержка Нидерландов была ограниченной.

Успешное сопротивление голландцев значительно более сильному противнику

было связано не только с тем, что им удавалось обеспечить единое и достаточно эффективное руководство, не только с талантами голландских адмиралов Рейтера и Тромпа, но и с тем, что Гаага располагала более крупными финансовыми ресурсами, чем удавалось мобилизовать на военные цели даже Оливеру Кромвелю, не говоря уже о министрах Карла II. Военные действия на море приносили огромные убытки и Нидерландам, и Англии. Война с Англией тяжело сказалась на экономике Соединенных провинций. Тысячи нидерландских кораблей стали значительно более легкой добычей для англичан, чем сравнительно немногочисленные британские суда — для голландцев. Да и морская торговля имела несравнимо большее значение для Голландии, чем для Англии. Но и той было не легче. К тому же в Англии вспыхнула эпидемия бубонной чумы, к которой прибавился страшный пожар, уничтоживший значительную часть Лондона.

В мае 1667 г. сильная французская армия вторглась в Южные Нидерланды и, легко преодолевая слабое сопротивление испанцев, начала захватывать одну за другой считавшиеся сильными крепости. В тех местах, где в прежних войнах борьба шла за каждый клочок земли, французские войска, не встречая серьезного сопротивления, занимали один за другим укрепленные города. Становилось ясно, что уже в следующем году вся Фландрия будет занята французскими войсками. Даже после Пиренейского мира на протяжении еще нескольких лет Испании, несмотря на очевидный упадок ее могущества, продолжали рассматривать в качестве противовеса растущей мощи Франции и потенциально ведущей державы антифранцузского лагеря, “Деволуционная война”³ (1667—1668) рассеяла эту иллюзию. Однако Людовик XIV слишком рано раскрыл свои карты. Успехи французского союзника вызвали такие опасения голландцев, что заставили их стремиться как можно скорее заключить мир.

В июне 1667 г. голландский флот ворвался в устье Темзы, сжег многие лондонские склады и доки, потопил или увел в качестве призов стоявшие на якоре английские военные корабли. Тем не менее многих в Лондоне более встревожили успехи Людовика, чем победы голландцев. Это побудило и Голландию, и Англию ускорить начавшиеся еще весной мирные переговоры. Новый тур переговоров был завершен в течение всего пяти дней подписанием 31 июля 1667 г. мира в городе Бреда. Карл II, несмотря на стремление опираться на поддержку Людовика в случае столкновения с парламентом, вынужден был под давлением общественных настроений пойти даже на союз с Голландией, к которому обещанием субсидий побудили присоединиться также и Швецию. Так называемый Тройственный союз решил выступить посредником между Францией и Испанией, а в случае отказа Людовика XIV от переговоров объявить ему войну. Испания со своей стороны согласилась признать независимость Португалии.

Однако, стремясь не допускать дальнейших захватов Людовика XIV, ни в Гааге, ни в Лондоне не хотели терять его в качестве союзника. Поэтому свое противодействие английские и голландские дипломаты стремились облечь в форму содействия удовлетворению официально выдвигаемых Францией требований, которые, правда, составляли лишь меньшую часть ее действительных притязаний. Тройственный союз направил свой нажим не столько на Версаль, что было небезопасно, сколько на Мадрид, требуя немедленного заключения мира. Но Людовик не дал себя обмануть, затаив злобу на, как он считал, предательство со стороны “неблагодарной республики торговцев селедкой”. Зимой 1668 г. армия под командованием принца Конде заняла Франш-Конте, что дало Людовику дополнительные козыри на переговорах. Тем не менее Людовик XIV стремился пока поддерживать добрые отношения как с Англией, так и с

³ Деволуция, деволуционное право — право детей на общее имущество родителей после смерти одного из них. “Война деволуции” — война за признание наследственных прав инфанты Марии Терезы.

Нидерландами. Он поэтому был вынужден пойти в 1668 г. на заключение Аахенского мира, лишь отчасти достигнув поставленных целей.

Людовик XIV оказался перед выбором удержания либо завоеванной части Фландрии (Южные Нидерланды), либо Франш-Конте. Он предпочел сохранить земли и крепости во Фландрии, рассматривая ее как плацдарм для будущих наступательных войн. Сохранение оставшейся части Южных Нидерландов за Испанией было гарантировано Англией и Голландией. Франш-Конте возвращалось Испании. Некоторые из перешедших к Франции по Аахенскому договору городов в Южных Нидерландах (Лилль, Шарлеруа и др.) представляли собой анклавов на территории, оставшейся в руках испанцев, а, напротив, испанские крепости — анклавов в районах, перешедших к Франции. Граница, установленная в 1668 г., явно носила временный характер.

Тройственный союз выявил опасность, которую представлял для планов Людовика союз "морских держав", как современники именовали Англию и Нидерланды. Эта первая попытка создания блока раннебуржуазных стран оказалась недолговечной. Его подрывало продолжавшееся торговое и колониальное соперничество между ними. А далеко не закончившийся и даже временно обратившийся вспять процесс перестройки на буржуазных началах политического устройства Англии создавал немалые возможности для французской дипломатии продолжать оказывать воздействие на политический курс лондонского правительства.

Однако, несмотря на острые противоречия между Англией и Голландией, на сильное французское влияние при дворе реставрированных Стюартов, Лондон и Гаагу объединяло стремление ни в коем случае не допускать, чтобы побережье Фландрии оказалось в руках Людовика XIV. И тогда, и впоследствии считалось не подлежащим сомнению, что переход этих районов под власть Франции сделал бы возможным для нее, контролируя проливы Па-де-Кале и Ла-Манш, в любой момент создавать препятствия для голландского мореплавания и угрожать высадкой десанта в Англии. Борьба против этой временами становившейся вполне реальной перспективы определяла очень многое в позиции Англии и Голландии, а следовательно, и в расстановке фигур на шахматной доске европейской дипломатии.

Участвуя в Тройственном союзе, Карл II хотел продемонстрировать Людовику XIV свою ценность как будущего союзника и вместе с тем усилить враждебность Версальского двора к Нидерландам как организатору антифранцузской коалиции. Войны 60-х годов были торговыми войнами европейских наций, которые вели начало с отпадения Нидерландов от Испании и ареной для которых служил земной шар. За годы после Аахенского мира французская торговля колониальными продуктами — кофе, сахаром, хлопком — стала расти более быстрыми темпами, чем британская. Сторонники господствующей системы меркантилизма рассматривали благоприятный баланс внешней торговли как источник возрастания богатства страны.

Известный английский статистик Г. Кинг в 1688 г. к слоям, умножающим национальное богатство, относил в первую очередь поземельное дворянство, чиновников, купцов, ведущих морскую торговлю, священников, морских и армейских офицеров; напротив, в непроизводительную сферу, "уменьшающую" богатства королевства, включались матросы и солдаты, крестьяне, земледельческие рабочие, пауперы и нищие, являющиеся, мол, бременем для общества... Удивительно ли, что обеспечение интересов внешней торговли, возможное наилучшим образом посредством войн и завоеваний, считалось путем к умножению богатств страны, как бы ни страдали от этого "непроизводительные" общественные низы? "Торговля, — полагал Кольбер, — побудила народы Европы и в военное и в мирное время постоянно сражаться за то, кто из них получит от нее наибольший выигрыш"⁴. Кольбер в этой связи добавлял: "Насколько мы

⁴ Cole C.W. Colbert and a Century of Mercantilism. N.Y., 1939. Vol. 1. P. 343; Doyle W. The Old European Order. Oxford, 1978. P. 266.

сможем уменьшить доходы, которые получают голландцы от подданных короля, и потребление поставляемых ими товаров... настолько мы увеличим мощь, величие и изобилие государства"⁵. Он горячо одобрял вторжение войск Людовика XIV в Нидерланды, рассчитывая, что это нанесет уничтожающий удар голландской торговле.

В проведении меркантилистской политики правительства раннебуржуазных государств могли опираться не только на собственно буржуазные круги, но и на значительную часть обуржуазившегося поземельного дворянства, нередко вкладывавшего капиталы в торговлю и заинтересованного в ее развитии. Такие явления были значительно более редки во Франции во второй половине XVII и в первые десятилетия XVIII в. Поэтому там дворянская оппозиция меркантилистской политике Кольбера, которую связывали со стремлением финансировать разорительные войны Людовика XIV, приняла даже характер недовольства промышленным и торговым развитием, разрушавшим, по мнению выразителей взглядов так называемой "партии благочестивых", традиционный социальный порядок и подрывающим уважение к религии и основам морали.

Важным новым фактором в 60-е годы XVII в. стало впервые (со времени начала гражданских войн предшествующего столетия во Франции) появление сильного французского военного флота, построенного по настоянию Кольбера. Этот флот в количественном отношении еще уступал английскому и голландскому и был укомплектован менее опытными командами. Однако сооружение крупного военно-морского порта в Бресте, расположенного с наветренной стороны по отношению к британским гаваням, давало французам возможность контроля торговых путей в Атлантику и высадки десанта на западном побережье Великобритании и в Ирландии. Опасения Англии, что французский военный флот предназначался именно для этих целей, оказались преждевременными. Непосредственной целью его создания было освободить Людовика XIV от необходимости добиваться помощи голландцев в военных операциях против испанских средиземноморских владений и развязать ему тем самым руки и в принятии мер, направленных на подрыв торгового преобладания Нидерландов. Одновременно со строительством флота Кольбер резко повысил ввозные пошлины.

Масштабы морских войн создали во многих странах серьезные проблемы для администрации, занятой строительством и ремонтом военных кораблей. В доках и арсеналах, превратившихся в самые крупные по размерам промышленные предприятия тогдашней Европы, трудились тысячи рабочих различных специальностей. Производство пороха, парусов и других видов снаряжения для военного флота предъявляло высокие требования к квалификации рабочей силы. Военно-морское ведомство должно было решать и другие трудные задачи — вербовки десятков тысяч матросов, лечения больных и раненых, содержания военнопленных.

* * *

По мнению современников, Людовик XIV накануне и после Аахенского мира занял позицию, позволяющую ему выдвигать притязания на преобладание в Западной и Центральной Европе. Это с особой остротой ощущали в Вене, где еще недавно — в первой половине XVII в. — строили подобные же планы. Император Леопольд I решил, что в создавшихся условиях будет выгоднее заранее договориться о разделе "испанского наследства" после ожидавшейся в недалеком будущем смерти больного короля Испании Карла II Габсбурга. Заключенный договор (так называемый первый договор о разделе) не был осуществлен — вопреки расчетам дипломатов испанский король прожил еще три десятилетия. Тем не менее договор на время улучшил отношения между

⁵ Deyon P. Le mercantilisme. P., 1969. P. 100.

Францией и императором. (А это позволило Людовику XIV выступить против, как он теперь считал, своего главного врага — голландцев, которые путем создания Тройственного союза порушили планы Людовика, намеревавшегося в результате войны с Испанией установить свой контроль над Южными Нидерландами. Однако для успешной войны против Нидерландов надо было подорвать снова возобновленный в январе 1670 г. Тройственный союз. Большим успехом французской дипломатии стал подрыв этого союза в его самом слабом звене — Лондоне. Английский Карл II с его тайными симпатиями к католицизму, стремлением к максимально возможному в послереволюционных условиях расширению прерогатив монарха тяготился сотрудничеством с голландскими кальвинистами. Вдобавок Карл II Стюарт испытывал постоянную острую нужду в деньгах, которые позволили бы ему стать независимым от парламента. Для этого требовались немалые средства, которые можно было получить только у Версальского двора.

Решив круто изменить внешнеполитический курс, Карл II учитывал, что при усиливавшихся антифранцузских настроениях это могло быть осуществлено только в глубокой тайне. Обычные дипломатические каналы здесь не подходили. Поэтому шифрованную переписку оба монарха вели через сестру Карла Генриетту, бывшую замужем за братом Людовика XIV. В ходе переговоров Карл Стюарт дал даже обязательство перейти в католицизм, что получило огласку и могло стоить ему короны. Впрочем, британский монарх и не думал серьезно о выполнении данного слова, собираясь попросту надуть своего партнера.

По расчетам Карла, Людовик должен был убедиться в том, что английский король бесповоротно связал себя с Францией и, следовательно, заслуживает всяческой, особенно же финансовой, поддержки. Вместе с тем это обещание Карла могло, по его мнению, стать предлогом для бесконечного откладывания выполнения других обязательств, принятых в отношении Франции. Дело в том, что выбор момента публичного объявления Карлом о переходе в католичество был оставлен на усмотрение самого английского монарха, а до этого договор должен был оставаться мертвой буквой — кроме особо интересовавшей Карла статьи о французских субсидиях. 22 мая (1 июня) 1670 г. во время визита принцессы Генриетты в Дувр секретный договор был подписан. Людовик XIV постепенно тоже разобрался в том, чего стоят обещания Карла II, но считал, что они открывали множество возможностей для шантажа. Конечно, дары из Версаля при этом поступали к Карлу II отнюдь не в том количестве, как он желал и ожидал.

Дуврский договор сохранялся в тайне даже от большинства английских министров. Поэтому стало необходимо наряду с действительным договором заключить мнимый, опустив в нем статью об обязательстве Карла принять католицизм. Но тем самым английская сторона лишала себя права определения даты выполнения других предусмотренных обязательств — в первую очередь срока начала войны против Голландии. Договорились, что он наступит весной 1672 г. Английское правительство публично мотивировало необходимость заключения договора с Францией ссылками на экономическое соперничество с Голландией, подыгрывая настроениям влиятельных буржуазных кругов, считавших, что прогресс английской торговли невозможен без подрыва позиций Нидерландов.

Надо добавить, что к заключению договора Англии с Францией влекло и стремление обоих правительств подготовиться к возможному разделу испанских колоний и не останавливаться ради этого даже перед совместным нападением на ослабевшую Испанию. И в Версале, и в Лондоне были отлично осведомлены о полной неспособности испанского правительства, глава которого регентша Марианна (вдова Филиппа IV) как раз в это время больше всего была озабочена обсуждением догмата о непорочном зачатии и поддержкой духовенства в Милан-

ском герцогстве, требовавшего признания этого догмата Римским престолом в качестве символа веры.

Как Кромвель до него, так и Карл II действовали в явном противоречии с теорией баланса сил, объединяясь с сильнейшей континентальной державой против более слабого противника. Такой альянс предохранял от риска серьезных поражений, но создавал опасность, что слишком мощный союзник будет действовать пренебрегая английскими интересами. Вдобавок этот союзник возбуждал серьезнейшие подозрения в оппозиционных буржуазных кругах, с полным основанием догадывавшихся, что Людовик XIV является прежде всего союзником не Англии, а Карла II в его планах восстановления королевского абсолютизма и даже реставрации католичества. Именно поэтому Карл II, запрашивая финансовые ассигнования у парламента, уверял устами своих министров, что деньги якобы нужны не на войну против Нидерландов, а для того, чтобы с другими участниками Тройственного союза поставить предел завоевательным планам французского короля.

Лишив голландцев их важнейшего союзника и заручившись помощью Карла II, Людовик предпринял дальнейшие усилия, чтобы обеспечить дипломатическую изоляцию Нидерландов. Шведы в обмен на солидную денежную субсидию тайно согласились выйти из Тройственного союза, император обещал сохранять нейтралитет, кёльнский архиепископ — пропустить через свои владения французские войска для нападения на голландцев, курфюрст Баварский был завербован в число союзников. Французской дипломатии не удалась лишь нейтрализация Испании и Бранденбурга, но военные ресурсы этих государств казались слишком ограниченными, чтобы их возможная помощь Нидерландам могла воспрепятствовать осуществлению планов Версальского двора. Столь впечатляющие успехи дипломатии Людовика XIV оказались столь же непрочными и подорванными успехами французского оружия, испугавшими как союзные, так и нейтральные страны.

Война против Голландии преследовала далеко идущие цели — прежде всего, конечно, подрыв ее экономического и тем самым военного могущества в интересах французского купечества. Разгром голландцев должен был уничтожить и главное препятствие к приобретению французами Южных Нидерландов, которые не имели возможности защищаться опираясь только на собственные силы. Летом 1672 г. дело шло к разгрому голландцев, французская армия быстро продвигалась вперед, а англо-французский флот господствовал в Северном море и Ла-Манше. Людовик XIV отвергал предлагавшиеся выгоднейшие условия мира, рассчитывая уничтожить самые основы могущества Нидерландов. В отчаянии голландцы открыли дамбы, наводнение остановило продвижение французских войск. В самой Голландии произошел переворот. Де Витт был устранен от власти и убит. Контроль над правительством перешел к статхаудеру Вильгельму Оранскому, который стал не без успеха искать союзников в борьбе против Франции. Он их нашел в императоре, германских князьях, в Испании. Даже в Лондоне стали склоняться к заключению мира.

Французская армия опустошила занятые ею районы Нидерландов, но это лишь усилило сопротивление голландцев. Людовик XIV должен был направить крупные силы и в Германию, и против испанских войск в Южных Нидерландах. Это ослабило армию, действовавшую против Голландии. К 1673 г. стала — впервые после 1668 г. — формироваться новая коалиция против Людовика. Созданная же им группировка развалилась — в 1674 г. Англия, а также германские государства Кёльн и Мюнстер вышли из войны, оставалась лишь Швеция, не проявлявшая активности в ведении военных действий, а в 1675 г. потерпевшая серьезное поражение от войск бранденбургского курфюрста Фридриха-Вильгельма. Император Леопольд мог вскоре пополнить лагерь противников Франции. Людовик вынужден был в целом перейти к обороне.

В 1674 г. французы заняли Франш-Конте, однако несколько сражений в 1674 и

1675 гг. в общем закончились неблагоприятно для французской армии. Даже победа французского флота над эскадрой знаменитого голландского адмирала Рейтера около Сицилии имела скорее невыгодные для Людовика XIV последствия, вызвав серьезные опасения Англии в связи с таким ростом могущества Франции на море. (К 1677 г. французский флот уже насчитывал более 100 линейных кораблей, не считая большого количества судов меньшего размера.) Это усилило тенденцию к англо-голландскому сближению. Для Англии третья война с Голландией закончилась фактически безрезультатно. Карл II был принужден к заключению мира в 1674 г. не только из-за отсутствия успехов в морской войне, но и установления голландцами связей с оппозиционными кругами в Англии, опасавшимися последствий союза с Францией. В свою очередь, Людовик XIV, решив сконцентрировать силы для захвата средиземноморских владений Испании, менее нуждался в помощи Англии.

Карл II не имел законных детей, ему должен был наследовать его брат-католик, герцог Йоркский (будущий Яков II). Старшая дочь Якова протестантка Мария была выдана замуж за Вильгельма Оранского, который являлся сыном принцессы из дома Стюартов. Так исподволь закладывалась возможность обеспечения не только “протестантского престолонаследия”, но и династических связей, могущих способствовать англо-голландскому союзу против Франции. В конце 1677 г. английский парламент заставил Карла II вступить в союз с Голландией. Формально новый договор, как и заключенное за десять лет до того соглашение, был направлен на то, чтобы добиться мира между Испанией и Францией. Однако теперь союзный договор предусматривал совместные вооруженные действия Англии и Голландии против той страны, которая откажется от подписания мира, а ею могла быть только Франция.

Война, приведшая к росту налогов, вызвала во Франции широкое народное недовольство. В 1675 г. вспыхнули восстания в Бордо и других местах Западной Франции. Во взбунтовавшиеся районы были направлены снятые с фронта полки, тысячи повстанцев были повешены, только после этого удалось вернуть на театр военных действий войска, отозванные для подавления внутренних волнений. Начиная с 70-х годов народные выступления и карательные экспедиции против “мятежников” стали постоянными спутниками завоевательных войн Людовика XIV.

В 1677 г. влиятельные купеческие круги в Голландии стали склоняться в пользу достижения компромисса с Францией. Вопреки сопротивлению Вильгельма Оранского они настояли на принятии условий, предложенных Людовиком, — “исправления” границы между Францией и Южными Нидерландами. По Нимвегенскому миру в 1678 г. Франция отказалась от ряда анклавов, полученных по Аахенскому миру, но зато приобрела более удобную для обороны границу и добилась перехода к ней Франш-Конте и других земель. Были отменены некоторые введенные Кольбером покровительственные пошлины. Принятие Гаагой этих условий заставило согласиться на них также Испанию и императора, которые, оставшись одни, не могли рассчитывать на успешное продолжение борьбы.

Нимвегенский мир можно рассматривать как вершину успехов Людовика XIV. Однако этот договор, если исходить из целей, которые преследовал французский король, был явной неудачей его политики. В итоге войны в основном уже сформировался союз Нидерландов с императором, Испанией и Англией. Правда, этот союз пока оставался еще непрочным в своем важнейшем звене — Англии, которую по-прежнему разделяло острое соперничество с Нидерландами и король которой был особенно податлив к дипломатическому давлению, подкрепляемому финансовыми субсидиями Версальского двора.

После окончания третьей англо-голландской войны Людовик XIV занялся подкупом лидеров британской оппозиции, чтобы они воспрепятствовали планам нового главы правительства Дэнби начать войну против Франции. Эти маневры

очень облегчили французской дипломатии ее успехи во время переговоров, приведших к заключению Нимвегенского мира. Французское золото продолжало притекать к лидерам британской оппозиции и впоследствии, когда они пришли к выводу, что Карл II и Дэнби намеревались использовать постоянную армию, содержать которую им разрешил парламент, для утверждения абсолютизма. Версаль тайно была инспирирована кампания против Дэнби. Французское золото стало поступать в карманы лидеров парламентской оппозиции за их отказ предоставить первому министру средства для содержания армии, призванной действовать против французов во Фландрии. А поскольку Дэнби все еще оставался у власти, французский посол Барийон организовал разоблачение оппозиционными депутатами в парламенте того, что первый министр, призывая к войне с Людовиком, вел также переговоры с Версальским двором о получении французской субсидии. Это разоблачение способствовало падению Дэнби, роспуску парламента, обострению в конце 70-х годов внутривластного кризиса и тем самым крайнему ограничению активной роли Англии на европейской арене.

Такое развитие событий было как нельзя на руку Людовику XIV, и поэтому он оставлял без внимания просьбы Карла II о финансовой поддержке для борьбы против внутренней оппозиции. А одновременные попытки английских министров сколотить новый антифранцузский союз разбились о недоверие к Карлу II, у которого в результате конфликта с парламентом не было средств для ведения войны и которого не без основания подозревали в готовности в любой момент предать своих партнеров по переговорам за французские субсидии. (Лишь Испания в 1680 г. пошла на заключение договора о взаимной помощи с Англией.) Однако вскоре Людовик XIV вновь сменил тактику — в Англии ожидался приезд главы голландского правительства Вильгельма Оранского, который стремился сплотить враждующие английские политические группировки на платформе борьбы против католической угрозы, олицетворяемой “королем-солнцем”. Поэтому Людовик предпочел в апреле 1681 г. заключить новый тайный договор с Карлом о предоставлении ему крупных денежных средств, которые позволяли английскому королю править, не созывая парламента. Эти субсидии, постепенно сокращавшиеся, продолжали поступать вплоть до 1685 г., когда после смерти Карла престол занял Яков II. Поскольку наступил временный перерыв в завоевательных походах Людовика XIV, он считал излишним по-прежнему оплачивать фактическое неучастие Англии в европейской политике.

* * *

Все приобретения Франции по Нимвегенскому миру были сделаны за счет Испании, а не Нидерландов. После Нимвегенского мира заметно стало охлаждение Людовика XIV к Кольберу, который в немногие оставшиеся ему годы жизни (он умер в 1683 г.) потерял главенствующее положение в Королевском совете. Военный министр Лувуа был известен как сторонник сосредоточения всех ресурсов и усилий на укреплении армии, даже за счет ослабления французской мощи на море. После Нимвегенского мира новый “испанский брак”, на этот раз французской принцессы Марии Луизы Орлеанской и короля Испании Карла II, разумеется, несколько не ослабил, а скорее даже укрепил намерение Версальского двора при первой благоприятной возможности захватить Южные Нидерланды. Такая возможность представлялась вполне реальной, поскольку присоединение к Франции рейнских городов не встретило прямого сопротивления других держав.

Хотя в результате Нимвегенского мира мало что изменилось в отношениях императора и других германских государств с Францией, произошли существенные сдвиги в соотношении сил. После заключения мира император по примеру Франции не распустил свои войска, сохранив большую постоянную армию. Вестфальский мир 1648 г. не уточнял вопрос о многочисленных феодальных пра-

вах и обязанностях, вытекавших из владения территориями, которые перешли к Франции в результате произведенной тогда перекройки карты Европы. В особенности это касалось Эльзаса, включившего города и церковные держания, ранее непосредственно подчинявшиеся императору. Людовик XIV выдвигал свои притязания на основе того, что те или иные анклавов входили в территории, перешедшие к Франции. Ссылаясь на более чем сомнительные старинные права, которые спешили признавать раболепные суды, Людовик приказывал занимать облюбованные им владения, хотя уже на протяжении нескольких поколений они принадлежали другим монархам. Даже у самого верного союзника, у шведского короля, был отнят принадлежавший ему город Цвейбрюккен.

Заседавшие в Меце, Безансоне и Брейзахе специальные судебные палаты продолжали вызывать все новых германских владетелей и представителей различных рейнских городов для выяснения, являются ли они вассалами французского короля. В случае неявки эти города и территории без промедления оккупировались французскими войсками. Уже в 1681 г. в получивших широкое распространение в Германии антифранцузских памфлетах утверждалось, что после заключения мира Людовик XIV присоединил больше территорий, чем получил по Нимвегенскому договору. 30 сентября 1681 г. французы заняли Страсбург, что вызвало еще большее возбуждение в Германии. В июне 1682 г. был подписан союзный договор между императором и несколькими германскими князьями, согласно которому они обязывались выставить 30-тысячную армию. А еще через несколько месяцев, в начале 1683 г., был заключен оборонительный союз, в который вошли император, Нидерланды, Швеция, Испания, курфюрсты Баварии и Ганновера.

Тем временем французская армия вступила в пределы герцогства Люксембург и осадила его столицу, которую оборонял испанский гарнизон. Казавшемуся неминуемым началу общеевропейской войны помешало резкое изменение ситуации в Юго-Восточной Европе — к Вене впервые после полуторавекового перерыва подступила огромная 200-тысячная турецкая армия. Людовика XIV не без основания подозревали в том, что он, следуя традиционной линии французской политики, начало которой было положено еще полтора столетия назад при Франциске I, действовал заодно с султаном против императора, а также и его союзников по антитурецкой Священной лиге — папы, Венеции и Польши.

Людовик XIV демонстративно отозвал свои войска из Люксембурга, заявив, что предоставляет спорные территориальные вопросы на решение английского короля, так как не желает мешать борьбе против турецкого нападения. Он умолчал лишь о своей собственной роли в подготовке османского нашествия, за которую “христианнейший король” (таков был официальный титул Людовика XIV) получил ироническое прозвище “христианнейший турок”. Когда папа Иннокентий XI призвал французского короля принять участие в борьбе против неверных, угрожающих христианской Европе, из Версаля последовал иронический ответ, что крестовые походы вышли из моды. Французские послы в различных европейских столицах прилагали усилия, чтобы и другие державы не следовали этой устаревшей “моды” и не пытались оказать помощь императору. В Версале рассчитывали, что занятие Вены позволит Людовику XIV выступить в качестве спасителя Европы, отбросив турок, уже одним этим установить французское преобладание на континенте.

30 августа 1683 г. Франция предъявила ультиматум испанскому губернатору Южных Нидерландов, требуя уступки областей, которые по решению палаты в Меце принадлежали Франции. А на следующий день войска Людовика снова вступили в Люксембург и вторглись во Фландрию. Испания ответила объявлением войны. 12 сентября турки были принуждены снять осаду Вены и начать поспешное отступление, которое явилось крупным поражением и французской политики. Уже одна перспектива оттеснения османских войск, расширения владений императора на Балканах оказала заметное влияние на баланс сил в Европе.

Однако вместе с тем добиться успеха Вена могла, только сосредоточив все свои силы на Востоке, а это требовало достижения соглашения с Версалем.

В июне 1684 г. капитулировал испанский гарнизон города Люксембурга. По заключенному в Регенсбурге 15 августа 1684 г. соглашению Людовик XIV сумел добиться удовлетворения большинства своих территориальных требований. Испания, чтобы вернуть территории во Фландрии и Каталонии, оккупированные французскими войсками, должна была согласиться на уступку герцогства Люксембург. Новые очертания французских границ позволяли без помехи воздвигать линии крепостей. Вдобавок французский король еще мог делать вид, что пошел на это соглашение только для того, чтобы развязать руки императору в войне против неверных. Однако расчеты Людовика, что Вене не удастся добиться серьезных успехов в этой борьбе, не оправдались.

Принц Евгений Савойский — отпрыск французской линии Савойской династии, сын племянницы кардинала Мазарини, не подчинился приказу Людовика принять духовное звание и в 1684 г. поступил на службу к императору, где вскоре достиг выдающихся успехов в войне против Порты. Со времени последнего турецкого нашествия в 1683 г. на Вену начался быстрый упадок могущества Османской империи. Под руководством принца Евгения Савойского турки были окончательно вытеснены из Венгрии, под власть императора перешла значительная часть Сербии, Валахии и Боснии.

В 1685 г. во Франции было объявлено об отмене Нантского эдикта. Эмиграция гугенотов — ремесленников и купцов, как показали недавние исторические исследования, не нанесла такого ощутимого ущерба французской промышленности и торговле, как это предполагали историки прежде. Вместе с тем она способствовала мобилизации против французского короля общественного мнения в протестантских странах, и так враждебно настроенного из-за захватов, предпринятых Францией после Нимвегенского мира.

* * *

В конце жизни Кольбер пришел к грустному выводу, что Людовик XIV — “величайший из королей, когда-либо занимавших престол... предпочитал войну всему другому и рассматривал управление его финансами... как утомительную деталь, которая при естественном и нормальном положении не должна занимать внимание монархов”. Значительно большим уважением и вниманием пользовались вопросы дипломатии. Годы его правления отмечены быстрым ростом дипломатического ведомства, из сравнительно небольшой канцелярии оно превратилось в крупное административное учреждение. В 1712 г. французский министр иностранных дел де Торси основал даже Политическую академию для подготовки дипломатов — первое учебное заведение такого рода, которое, впрочем, вскоре после смерти Людовика XIV было распущено за отсутствием средств на содержание.

Французская дипломатия, располагавшая большим числом профессионально подготовленных опытных кадров, оперировавшая значительно большими материальными средствами, чем располагали ее противники, пыталась активно влиять на поведение других государств. Хотя финансовые субсидии давно уже стали обычным средством приобретения союзников, только испанский король Филипп II за век до этого использовал это оружие в таких масштабах, как то стали делать посланцы Людовика XIV. Французское золото, как уже говорилось, было “нервом” тайного Дуврского договора, оно позволило Карлу II вести третью англо-голландскую войну, не испрашивая финансовых ассигнований, а тем самым и согласия парламента. Оно оказывало и в последующие годы значительное воздействие и на ход внутренней борьбы в Англии и на тесно связанную с ней внешнюю политику Лондона. В 1683 и 1684 гг. секретные связи, установленные французскими послами в Гааге, привели к тому, что Генеральные штаты не позволили статхаудеру Вильгельму Оранскому прийти на помощь

Испании в войне против Франции. Насколько эффективной являлась порой эта секретная дипломатия, свидетельствует тот факт, что в значительной мере благодаря ей Франции удалось присоединить Страсбург и Люксембург, не вызвав общеевропейской войны.

В десятилетие, предшествующее “Славной революции” — перевороту 1688 г., вопрос об английском престолонаследии имел не меньшее международное значение, чем вопрос об “испанском наследстве”. Вопрос заключался в том, удержится ли на троне династия Стюартов, представители которой Карл II и сменивший его на престоле католик Яков II благодаря лелеемым ими планам абсолютистской реставрации должны были постоянно оказываться в зависимости от французских субсидий. В международном аспекте вопрос об “английском наследстве” сводился к тому, займет ли Великобритания место постоянного участника и в перспективе даже главной силы антифранцузской коалиции, или ее король будет в решающие моменты играть роль сателлита Людовика XIV. Однако сам Людовик далеко не определенно представлял себе подлинный смысл возможного исхода внутренней борьбы в Англии и поэтому неверно оценивал ее международные последствия. А после того как в Нидерландах и Вильгельм Оранский, и его противники — республиканцы объединились в противодействие планам французского короля, последний одно время считал выгодной для себя перспективу вмешательства Вильгельма во внутривнутриполитическую борьбу Англии; это ведь могло рассорить голландского статхаудера, выступавшего под знаменем воинствующего протестантизма, с его католическими союзниками — императором, рядом германских князей и римским папой.

Такая перспектива казалось тем более заманчивой Людовику XIV в связи с тем, что к середине 80-х годов Франция оказалась в полной изоляции — против нее выступали все державы, в прошлом возглавлявшие лагерь контрреформации и протестантизма: обе габсбургские монархии — император и Испания, Англия, Швеция, Нидерланды, статхаудер которых взял на себя инициативу объединения противников Людовика XIV в Аугсбургскую лигу. Англия с точки зрения Версальского двора являлась самым слабым звеном складывавшейся антифранцузской коалиции, Людовик XIV предложил Якову II, стремившемуся к несбыточной цели — к полному возрождению абсолютизма и даже католической реставрации, свою помощь в борьбе против нараставшей оппозиции, которая предполагала передать английский престол Вильгельму Оранскому.

Однако Яков II не понимал всей шаткости своего положения и при всем присущем ему узколобом католическом фанатизме не желал прислушиваться к тем предостережениям, которые он получал из Версаля, предпочитая остаться в рядах пестрой коалиции противников Людовика XIV. Просчет Якова II оказался и крупнейшим просчетом французской дипломатии. Возможно, это было результатом прямой измены его советников, готовившихся перебежать в лагерь Вильгельма Оранского. Более того, летом 1688 г. Яков резко протестовал против вторжения войск Людовика XIV в Рейнскую область как нарушения условий Нимвегенского мира и предложил предпринять совместные с другими державами действия против Франции. В Версале ясно представляли себе, что свержение с престола Якова II будет серьезнейшим поражением французской политики и оказались бессильными что-либо предпринять из-за ослепления, в котором пребывал английский король.

Оказались построенными на песке и надежды Версаля, что сильная партия противников Вильгельма Оранского в самих Нидерландах не позволит ему осуществить намеченный десант на британской территории. Да к тому же была надежда, что эта высадка приведет к гражданской войне в Англии, которая надолго устранил ее из числа активных участников любой антифранцузской коалиции, что эта борьба поглотит все внимание как Англии, так и Нидерландов и развяжет Людовику XIV руки для его завоевательной политики в Германии.

Людовик не оказал никакой реальной помощи Якову II, более того, он даже лишил себя возможности оказать такую помощь, направив осенью 1688 г. — накануне высадки Вильгельма на английской земле — свой флот из северных гаваней в Средиземноморье, тогда как часть французских войск была отвлечена военными операциями в Германии — далеко от голландской границы.

Переворот 1688 г. привел к резкому возрастанию удельного веса как военной силы Англии, так и ее роли в системе европейских государств. Он исключил возможность проведения королевскими министрами внешней политики, не соответствующей воле парламента, что обеспечило его поддержку правительственной политике путем выделения нужных финансовых средств на ее осуществление. Вильгельм Оранский, занявший британский престол, не только ставил своей задачей устранение опасности абсолютистской и католической реставрации, сохранение власти парламента и протестантизма. Новый король стремился добиться прочного включения Англии в антифранцузскую коалицию, что соответствовало коренным интересам английской буржуазии и оказалось невозможным при Стюартах.

Но все это проявилось не сразу, а когда осенью 1688 г. события на континенте стали развиваться быстрыми темпами, Людовик XIV в ультимативной форме потребовал превращения Регенсбургского перемирия в постоянный мирный договор к 1 января 1689 г. В сентябре 1688 г. французские войска вторглись в Рейнскую область. Крепость Филиппсбург задержала осаждавших на месяц, до конца сентября, операция затянулась.

Уже в последние годы, предшествовавшие Нимвегенскому миру, одной из целей французской политики стали не просто территориальные приобретения, но “упорядочивание французских границ”. В третьей четверти XVII в. большой прогресс был достигнут в области фортификации. Французская школа, возглавляемая знаменитым военным инженером маршалом Себастьяном Вобаном, стала первой в Европе. Хотя у нее не имелось ни одного принципа, который не был бы заимствован у итальянцев, голландцев или немцев, она сумела свести искусство фортификации к точным математическим правилам, к цельной системе и нашла методы умелого применения научной теории к самым разнообразным требованиям местности.

Под упорядочением границ в Версале понимали прежде всего ликвидацию анклавов, что позволило бы построить непрерывную цепь фортификаций, спланированную Вобаном и призванную надежно защищать Францию от не раз повторявшихся вторжений, особенно во время Тридцатилетней войны. Разумеется, это менее всего свидетельствовало об оборонительных планах — как раз наоборот, линия сильных крепостей должна была сковывать основные силы неприятеля, тогда как главная французская армия могла вести наступление в избранном ею направлении. Иными словами, опыт войны привел Людовика XIV к выводу, что его широких внешнеполитических целей было невозможно достичь без строительства такой системы пограничных укреплений. Однако создание линии крепостей требовало не столько отказа от отдельных анклавов, сколько дальнейшего “округления” французских границ, в частности путем аннексии имевшего важное стратегическое значение Страсбурга или графства Монбельяр, разделявшего вновь приобретенные Эльзас и Франш-Конте.

В соответствии с господствующей военной доктриной, которую разделяли Лувуа и сам Людовик, считалось необходимым создать широкое предполье перед системой крепостей, и из Версаля последовал приказ о полном опустошении и изгнании населения с занятых территорий, который стал безжалостно приводиться в исполнение. Эти разрушения, живо напомнившие еще не забытые трагические события Тридцатилетней войны, вызвали взрыв возмущения в германских государствах против Франции, который был использован противниками Людовика XIV. Занятость французских войск в Германии делала невозможным их вторжение в Голландию. Устранение этой опасности ослабило

те круги в Голландии, которые возражали против планов Вильгельма Оранского осуществить высадку в Англии для свержения с престола Якова II.

В начале 1689 г. заседавший в Регенсбурге рейхстаг Священной Римской империи германской нации объявил войну Франции. Мадрид пригласил германские войска в крепости Южных Нидерландов. Людовик ответил в апреле 1689 г. объявлением войны Испании. А послав французскую эскадру на помощь ирландским католикам, восставшим против Вильгельма Оранского (формально в поддержку Якова II), Людовик XIV сам дал новому правительству удобный повод для вступления в войну против Франции. “Славная революция” не привела к гражданской войне, в короткий срок Вильгельм утвердился на троне. Оба раннебуржуазных государства, Англия и Нидерланды, таким образом, обрели единого правителя, поставившего себе целью ликвидацию французской гегемонии в Европе. Яков II бежал во Францию, где Людовик принял его как законного монарха, свергнутого “узурпатором Англии”. В мае началась война Франции против Англии и Нидерландов. Число врагов французского короля все возрастало. Сторону императора приняли Бавария и ряд других южногерманских княжеств. Против Людовика выступили Испания и Савойя. Франция оказалась окруженной плотным кольцом врагов, как столетием ранее, в период наибольшего преобладания габсбургских государств.

К лету 1690 г. Франция находилась в состоянии войны с мощной коалицией, не имея шансов на победу. Впрочем, и коалиция, объединенная лишь общим противодействием планам Версальского двора, не могла договориться о совместных военных операциях против мощной французской армии, опиравшейся на линию сильных крепостей. На море боевые действия уже в это время стали склоняться в пользу англичан и голландцев. После предоставления им базы в испанском городе Кадисе они могли действовать как в Атлантике, так и в Средиземноморье. Существовавшая поначалу реальная возможность французского десанта в Англии, который мог бы быть поддержан восстанием якобитов — сторонников свергнутой династии Стюартов, постепенно сошла на нет, после того как подобная попытка потерпела полную неудачу в 1692 г. Значительно менее удачными оказались для Англии и Голландии попытки пресечь действия французских каперов, активность которых достигла в это время невиданных ни ранее, ни позднее масштабов и которые причинили серьезнейшие потери торговле и судоходству морских держав.

Война Франции против Аугсбургской лиги растянулась на девять лет (1688—1697). Хотя главной военной целью лиги было недопущение гегемонистских устремлений Людовика XIV и особенно занятие французами испанских Нидерландов, большое значение приобрели вопросы торговли, борьбы держав за колонии в Западном полушарии. Подобно тому как неверная оценка Людовиком XIV перспектив развития событий в Англии накануне “Славной революции” подтолкнула его к началу военных действий, такой же просчет побуждал Версальский двор строить свою стратегию и действия своей дипломатии на никогда не осуществившейся надежде на свержение с престола Вильгельма III и вторичную реставрацию Стюартов, переход Англии во французский лагерь.

Впрочем, Версальский двор пытался нащупывать почву для сепаратного соглашения и с другими участниками неприятельской коалиции. После долгих и настойчивых усилий этого удалось достичь в отношении Савойи. В результате долгих переговоров в августе 1696 г. был заключен Туринский договор. Версаль согласился вернуть крепости в Северной Италии, захваченные в ходе войны, уступить город Пинероло, который почти полвека находился во владении Франции; дочь савойского герцога должна была выйти замуж за внука Людовика XIV, являвшегося потенциальным наследником престола, Европа уже давно привыкла к тому, что Савойя постоянно переходила то на одну, то на другую сторону в войнах между Францией и габсбургскими державами.

Мир, заключенный с таким небольшим государством, не мог серьезно повли-

ять на противоборство Людовика XIV с Аугсбургской лигой. Все же герцог Савойский побудил императора вывести свои войска из Северной Италии. За этим последовала переброска значительной французской армии из Италии на север — против Англии и голландцев, что сделало их более уступчивыми. В мае 1697 г. во дворце Вильгельма в голландском городе Рисвике начались переговоры, которые уже в сентябре привели к подписанию мира Франции и с Англией, и с Испанией, и с Нидерландами. Хотя Франция сохранила большую часть своих прежних завоеваний, включая Франш-Конте, договор был поражением Людовика. В правление Вильгельма Оранского установилось “равновесие сил в Европе”.

Формально Рисвикским договором было зафиксировано лишь признание Людовиком XIV Вильгельма Оранского законным королем Англии и сохранение голландских гарнизонов в южнонидерландских крепостях. Остальные вопросы, включая торговые, были оставлены для специальных соглашений. Открытым остался также вопрос о статусе свергнутого с престола Якова II, который жил в предоставленном ему Людовиком Сен-Жерменском дворце и агенты которого продолжали плести сети все новых заговоров против Вильгельма. Только на содержание призрачного двора Якова II в Сен-Жермене оскудевшая французская казна отпускала ежегодно 600 тыс. ливров, тогда как на прокладывание и ремонт дорог по всей Франции расходовалось всего 120 тыс. ливров. И что самое главное, не получил никакого решения вопрос о судьбе “испанского наследства” — едва ли не центральный вопрос с точки зрения поддержания баланса в Европе и (что не менее важно) перспектив утверждения колониального преобладания Англии или Франции. Император первоначально не хотел признавать Рисвикский мир, но вскоре выяснилась невозможность продолжать борьбу без поддержки военного флота и финансовых ресурсов морских держав. По Рисвикскому миру, Людовик возвратил Испании Люксембург — эта уступка была следствием не только желания добиться мира, в котором он нуждался, но и надежды перетянуть Испанию во французский лагерь.

После Рисвикского мира произошло временное сближение между смертельными врагами — Людовиком и Вильгельмом Оранским. Учитывая уступки, сделанные французами, — отказ от некоторых завоеваний в Германии, удовлетворение отдельных пожеланий голландцев в области торговли, наконец, признание Вильгельма законным королем Великобритании, — французский монарх решил, что можно достигнуть компромиссного соглашения в важнейшем вопросе об “испанском наследстве”. В результате этой дипломатической революции возник новый договор о разделе испанских владений.

Сразу после подписания Рисвикского мира Людовик XIV снова приступил к дипломатической подготовке выгодного для него варианта решения вопроса об “испанском наследстве”. Он в это время вполне осознавал, что ему никак не удастся заполучить под свою власть всю Испанию с ее огромными европейскими и колониальными владениями в Западном полушарии: война против могущественной коалиции, которая воспротивилась бы осуществлению этих планов, как уже показал опыт, имела весьма малые шансы на успех. Оставалось вести переговоры о разделе испанских владений лишь с некоторыми из заинтересованных держав. Император Леопольд I — партнер по первому “договору о разделе” — по крайней мере временно — отпадал.

В Вене в то время строили планы возведения на трон в Мадриде младшего сына императора, в результате чего к представителю австрийских Габсбургов должно было перейти все, чем владела испанская ветвь этой династии. В Версале учитывали, что перспектива возрождения угрозы преобладания Габсбургов столь же мало устраивала правительства в Лондоне и Гааге, сколь и объединение Франции и Испании под властью одного монарха. В сознании английской буржуазии французы постепенно занимали место голландцев в качестве главного торгового соперника. А вслед за переворотом 1688 г. Франции стали опасаться

как главной силы, способной помочь якобитам в новой реставрации Стюартов. Однако после Рисвикского мира эти страхи в значительной мере рассеялись — считалось, что война выявила недостижимость завоевательных целей французского короля, он ведь должен был согласиться на занятие ряда крепостей (так называемого "барьера") в Южных Нидерландах голландскими гарнизонами, возвратить некоторые из захваченных германских земель на Рейне. Вместе с тем крупные успехи императора в войне с Портой также изменили соотношение сил в Европе не в пользу французского короля. В этих условиях занятие испанского престола близким родственником императора должно было привести к дальнейшему сдвигу в европейском балансе сил, который уже не считали выгодным для себя ни в Лондоне, ни в Гааге. Следовательно, Англия и Нидерланды оказывались тем самым подходящими партнерами для Версаля в переговорах о разделе "испанского наследства".

Однако втянуть обе страны в переговоры оказалось для французской дипломатии совсем нелегким делом. Прежде всего морским державам вовсе не улыбалось наблюдать и даже способствовать значительному возрастанию и без того чрезмерного, по их мнению, могущества Франции в результате присоединения к ней, хотя бы части, земель испанской короны в Европе и, конечно, огромных колониальных владений в Новом Свете. Кроме того, уже само вступление морских держав в переговоры с Версальским двором о судьбе испанского наследства было бы немалой — и ничем не компенсированной — уступкой с их стороны. Ведь тем самым Лондон и Гаага заранее соглашались признать, что Людовик XIV имеет законные права на испанские владения, хотя они основывались лишь на "правах" его жены, а сама инфанта торжественно отреклась от них при вступлении в брак. Вдобавок такое признание "прав" никак не могло распространяться лишь на какую-то часть владений, а не на все земли, находившиеся под властью испанского короля Карла II Габсбурга.

Это были юридические "тонкости", но их никак нельзя было сбрасывать со счетов при определении английским и нидерландским правительствами своей позиции. Имея все это в виду, дипломаты Вильгельма III любили ссылаться на то, что их беспокоило меньше всего — что-де не подобает распоряжаться владениями державы, с которой поддерживаются мирные и даже дружественные отношения, и что морским державам придется нарушить соглашение с императором Леопольдом, заключенное во время войны Аугсбургской лиги против Франции, согласно которому император признавался законным наследником испанской короны. В ответ Людовик XIV ознакомил представителей Лондона и Гааги с тайным договором о разделе владений испанской монархии, заключенным в 1668 г. между императором и французским королем. Но все это, конечно, не сдвинуло бы дело с мертвой точки, если бы не воздействие одного важного фактора — внутриаполитической ситуации в Англии, а также в Нидерландах.

Переворот 1688 г. поддержала почти вся собственническая Англия, но последовавшее за возведением на престол Вильгельма Оранского возвышение лондонских банкиров и биржевых спекулянтов, действовавших рука об руку с частью аристократии, пришлось явно не по душе более широким слоям землевладельческих дворян. Они слабо понимали цели войны против Франции и не очень сочувствовали этим целям. После заключения Рисвикского мира дворянство и выражавшая его настроения палата общин и слышать не желали о новом конфликте с Францией, требовавшем огромных расходов. Вильгельма III подозревали, что он стремится к войне, чтобы иметь наготове многочисленную постоянную армию, которая могла быть использована для восстановления королевского абсолютизма. Сторонники свергнутого с престола Якова II — якобиты подливали масло в огонь, пытаясь вызвать недоверие к любым планам Вильгельма. В результате, как и рассчитывал Людовик XIV, английский парламент потребовал и добился роспуска армии военного времени, после

длительного торга согласившись сохранить под ружьем всего 7 тыс. человек. У Вильгельма осталось лишь оружие дипломатии, к которому он и вынужден был обратиться. В 1698 г. начались длительные тайные совещания английских и голландских дипломатов с посланцами Людовика XIV, которые начали перекраивать карту Европы, даже не задумываясь о чувствах и интересах народов, населявших передаваемые из рук в руки территории.

Партнеры французского “короля-солнца” не согласились на передачу ему (формально его сыну, наследнику французского престола) Милана и Наварры, предлагая взамен Неаполь и Сицилию. Милан собирались отдать эрцгерцогу Карлу, младшему сыну императора Леопольда. Стороны никак не могли договориться об испанских Южных Нидерландах, учитывая их стратегическое значение. Саму Испанию и ее владения в Западном полушарии решено было, дабы не нарушать “европейское равновесие”, вручить португальскому королю или баварскому принцу. В конечном счете после долгих колебаний предпочли принца, являвшегося родственником Леопольда. При этом высокие договаривающиеся стороны сочли за благо оставить в неизвестности и императора, и испанского короля Карла II о подписанном ими осенью 1698 г. новом “договоре о разделе” испанского наследства. В феврале следующего, 1699 г. скончался баварский принц, его смерть спутала все карты, и переговоры пришлось начать заново. За отсутствием кандидата, имевшего хоть какие-то права на испанский престол и не принадлежавшего ни к династии Бурбонов, ни к династии Габсбургов, потребовалось волей-неволей привлечь к переговорам императора. По второму англо-франко-голландскому договору о разделе, заключенному в марте 1700 г., Испания и большинство ее владений должны были достаться младшему сыну Леопольда, а Неаполь, Сицилия и Милан — французскому дофину. Однако император не согласился с этим решением, поскольку переход итальянских территорий в руки Франции создал бы барьер между австрийскими и испанскими владениями Габсбургов. Возникла угроза войны за осуществление положений “второго договора о разделе” между Францией и императором. Второй договор, как только его положения стали известны, вызвал резкую критику и в английском парламенте. Оппозиция считала, что Вильгельм и Людовик нарезали куски Европы “как голландский сыр”, что недостаточно были учтены британские интересы, что переход к Людовику Неаполя и Сицилии был бы невыгоден английской левантийской торговле, а так как император все равно не согласится на переход этих земель к Франции, осуществление договора приведет к новой общеевропейской войне. В свою очередь, Людовик считал, что уступил слишком многие земли, которые, как он полагал, “по праву” должны были быть унаследованы домом Бурбонов.

* * *

1 ноября 1700 г. умер Карл II Габсбург. Фактический глава правительства в Мадриде Портокарреро был ловким политиканом, хотя лишенным реальных знаний и проницательности, необходимых государственному деятелю (при дворе острили, что его библиотека была одной из трех мадридских девственниц — двумя другими были королева и меч герцога Медины Сидония, известного своей трусостью). По завещанию Карла II, Портокарреро был назначен регентом, на него возлагалась передача испанской короны младшему внуку Людовика герцогу Анжуйскому, что он и выполнил с немалой ловкостью. Завещание Карла II не было ни случайностью, ни даже результатом интриг влиятельной и активной французской агентуры при испанском дворе. Переход престола к любому другому претенденту, кроме внука Людовика XIV, неизбежно повлек бы за собой раздел владений испанской монархии. Австрийские Габсбурги, если бы их представитель эрцгерцог Карл был приглашен на испанский престол, в лучшем случае могли бы обеспечить ему итальянские владения — Миланское герцогство, Неаполь и Сицилию. Напротив, Франция, учитывая ее центральное географи-

ческое положение и наличие мощного флота, была в состоянии помочь своему претенденту сохранить все земли испанской монархии на Пиренейском полуострове, в Италии и Южных Нидерландах.

В Версале до самой последней минуты полагали, что в завещании Карла II его наследником будет назван австрийский эрцгерцог. Принятие короны, предложенной внуку Людовика XIV несмотря на связанную с этим перспективу войны против мощной коалиции, было вызвано не только династическими интересами, но и оговоренным в завещании условием, что в случае отказа Версаля от предложенного дара он будет сделан Вене, эрцгерцогу Карлу.

Переходный характер эпохи проявился, в частности, и в том, что не только в раннебуржуазных государствах, но и в феодально-абсолютистских странах со значительно развитым капиталистическим укладом возникало осознание далеко не полного тождества династических и государственных интересов. В раннебуржуазных странах это сказывалось нередко в полном или частичном отказе представительных учреждений от поддержки внешнеполитических действий, которые считались продиктованными чисто династическими интересами. В феодально-абсолютистских государствах растущее понимание такого несовпадения нашло выражение в различном отношении к проблеме “испанского наследства”. Сторонники династического подхода отдавали предпочтение варианту, при котором Испания со всеми ее владениями переходила бы под власть короля из дома Бурбонов.

Другая группировка среди советников Людовика XIV, отражая взгляды растущей буржуазной по своему происхождению бюрократии — сборщиков налогов, чиновников, ведавших делами мануфактур и торговли, строительством флота и крепостей, вербовкой, обучением и снабжением постоянных регулярных армий, — имела свои представления о соотношении интересов государства и династии. Эти взгляды представляли собой еще в зародыше просветительскую теорию, согласно которой монарх является лишь “первым слугой государства”. Эта теория объективно по своим тенденциям была противоположна идее о божественном праве монархов, абсолютизовавшей династические интересы, даже если они не только не совпадали, но и вступали в противоречие с государственными и национальными интересами. Влиятельная группа высших сановников, приближенных Людовика XIV, полагала, что представитель французской королевской династии, заняв трон в Мадриде, вскоре станет таким же испанцем, точнее, выразителем испанских интересов, как и его предшественники, следовательно, для Парижа куда выгоднее не решаться на войну с рядом европейских держав за право одного из бурбонских принцев занять вакантный престол в Мадриде, а договориться о разделе испанских владений и присоединении хотя бы части из них к Франции.

На другой день после того, как испанский посол сообщил содержание завещания Карла II, Людовик XIV представил собравшимся своего внука герцога Анжуйского, как нового испанского короля Филиппа V. Прежде, чем противники Людовика XIV успели что-либо предпринять, Филипп, сопровождаемый свитой французских военных и гражданских чинов, воцарился в Мадриде. Французские офицеры установили контроль над испанской армией. Французский посол Марсен стал главным советником юного короля. Французские войска в 1701 г. под командой маршала Буфлера вступили во Фландрию и учредили в Брюсселе правительство, являвшееся по сути дела ставленником Версальского двора. Французы добились от герцога Савойского согласия на передвижение через его страну французской армии, занявшей другое важнейшее испанское владение — Милан.

Приписываемые Людовику слова при принятии Филиппом V испанской короны о том, что “Пиренеи больше не существуют”, если и были произнесены, то не “королем-солнцем”, а испанским послом. Эти слова, однако, выражали общераспространенное мнение насчет последствий перехода испанской державы

под власть принца из дома Бурбонов. Конечно, ни одна из европейских держав не была склонна примириться с подобным усилением могущества Франции. Впрочем, вначале казалось, что Людовику ценой второстепенных уступок удастся предотвратить складывание антифранцузского союза. Прежде всего целый ряд государств, включая Баварию, Португалию, Римский престол и герцога Савойского, признали Филиппа королем Испании, а за ними, хотя и крайне неохотно, последовали Англия и Голландия. Объединение французской и испанской короны создавало бы географически единый комплекс из Испании, Франции, Южных Нидерландов и большей части Италии, глава которого мог бы претендовать на гегемонию в Европе и вместе с тем на колониальную гегемонию.

Тем не менее первоначально и в Лондоне, и в Гааге влиятельные буржуазные круги не разделяли мнения Вильгельма Оранского, будто действия Людовика XIV делают неизбежной войну за испанское наследство. Им казалось, что нет достаточных оснований нести огромные издержки, связанные с войной, ради передачи испанского престола австрийскому эрцгерцогу. Ведь Филипп V был лишь третьим по счету наследником французского короля, а его старший брат герцог Бургундский мог иметь сыновей, что делало еще более проблематичной для Филиппа перспективу наследовать своему деду и объединить французскую и испанскую короны. Людовик попытался достичь соглашения с Веной, но натолкнулся на решительный отказ. Император Леопольд I считал, что после мира с турками в 1699 г. он избавлен от угрозы войны на два фронта, и твердо решил оспаривать у Людовика владение “испанским наследством”. Но один император был не в состоянии противостоять Франции.

Однако рядом неосторожных шагов французский король сам сплотил своих врагов. Французские купцы были поставлены в привилегированное положение в торговле с испанскими колониями — к ущербу для голландцев и англичан. Баланс сил в Европе оказался подорванным, опасность нависла над важнейшими торговыми интересами Голландии и особенно Англии. Лондонское Сити заявило, что неизбежен крах торговли, а следовательно, и страны, если произойдет прочное объединение Франции и Испании. Поэтому расчет Леопольда, что в борьбу против Людовика обязательно включатся морские державы, оправдался, хотя и не сразу.

Как уже отмечалось, по приглашению Филиппа французские войска вступили в Южные Нидерланды. Было выдвинуто требование эвакуации из ряда крепостей во Фландрии голландских гарнизонов, которые находились там по прежним соглашениям с Мадридом. Тем не менее ни английский парламент, ни нидерландские Генеральные штаты не были склонны начинать войну, и это заставило Вильгельма III в марте 1701 г. пойти на переговоры с Людовиком XIV, которые продолжались до августа. Обе стороны, что редко случалось ранее, вели эти переговоры только в расчете повлиять на общественное мнение. Вильгельм намеревался убедить английские и голландские политические круги, а также иностранные государства, что с Людовиком невозможно никакое соглашение, а последний старался представить своего противника стремящимся вновь разжечь пожар общеевропейской войны. Французский король отказывался даже обсуждать вопрос о дележе “испанского наследства” с императором, на чем настаивали морские державы, а это делало войну неизбежной.

К тому же Людовик XIV своими действиями лишь ускорил разрыв. Портовые власти Франции, и так крайне враждебно относившиеся к английским купцам, получили приказ о конфискации британских кораблей, находившихся во французских гаванях. В сентябре 1701 г. умер живший в изгнании Яков II, и Людовик XIV в полном противоречии с Рисвикским трактатом признал его сына королем Яковом III. Напрасно французские дипломаты утверждали, что этот шаг не нарушает признания Вильгельма III. Своим поведением Людовик укрепил подозрения, что целью его политики являются реставрация Стюартов в Англии и

тем самым полное подчинение Лондона видам Версальского двора. Людовик XIV хотел иметь своего ставленника не только на испанском, но и на английском престоле. Это был явный вызов буржуазной Англии, ее правящим классам, изгнавшим Якова II в 1688 г. и твердо решившим не допускать восстановления королевского абсолютизма. Оппозиция против Вильгельма III быстро растаяла. Новые выборы в парламент дали большинство вигам — сторонникам войны, утвердившим огромные ассигнования на флот и армию. У Вильгельма были развязаны руки для приготовления к войне. Когда в марте 1702 г. Вильгельм Оранский скончался, пожар войны уже охватил всю Западную Европу.

Исторические исследования вполне подтверждают мнение современников, что главной целью Людовика XIV было добиться допуска к торговле с испанскими колониями в Западном полушарии или даже установления над ней контроля. В войне за “испанское наследство” Людовику противостоял мощный союз государств, который уже фактически нанес ему поражение в войне с Аугсбургской лигой. Антифранцузская коалиция даже расширилась за счет Бранденбурга и некоторых других германских княжеств, а также Дании. Правда, Испания, где утвердился Филипп V, теперь выступала на стороне Франции, но Людовику XIV пришлось подкреплять французскими войсками шаткий трон внука, который не раз грозили опрокинуть неприятельские армии и поддерживавшая их “австрийская” партия. В 1702 г. в бухте Виго англичане захватили испанский флот, перевозивший драгоценные металлы из колоний, уничтожили или взяли в плен сопровождавшие его французские военные корабли. Это убедило правительство в Лиссабоне, что ни Франция, ни Испания вне зависимости от хода войны в Европе не смогут защитить португальское судоходство.

Результатом такого убеждения были отказ в 1703 г. от союза с Францией и заключение англо-португальского договора (точнее, договоров), получившего название Метуенского по имени британского посланника. Экономические статьи договора предусматривали предоставление льгот для вывоза английского сукна в Португалию и португальских вин в Англию. Португалия оказалась на столетия тесно привязанной к Англии, а после того Лиссабон, как и в прошлую войну, был превращен в базу британского флота для операций в Атлантике и Средиземном море. Землю Испании топтали солдаты из всех стран, прежде бывших ее союзниками, неприятелями или даже провинциями некогда могущественной державы Карла V и Филиппа II, — австрийцы, французы, англичане, голландцы и валлоны, португальцы и итальянцы.

Не оправдались расчеты Людовика XIV, что ему удастся широко использовать потенциально обширные испанские ресурсы. Население Фландрии и Милана враждебно встретило французскую оккупацию. В 1705 г. вскоре после захвата англичанами Гибралтара и присоединения Португалии к антифранцузской коалиции союзные войска высадились в Барселоне, Валенсии и Малаге и заняли значительную часть Испании. Все средиземноморские владения Испании подчинились власти австрийского эрцгерцога Карла, двоекратно — в 1706 г. и потом еще раз в 1710 г. — объявленного союзниками испанским королем Карлом III. Защита трона Филиппа V поглотила значительно больше французских войск и материальных средств, чем можно было получить помощи от Испании в войне, принимавшей для Людовика XIV все более неблагоприятный характер.

Во время войны за “испанское наследство” пропаганда Бурбонов постоянно изображала участников антифранцузской коалиции как “врагов веры”, твердила о заговоре еретиков — англичан и голландцев, к которым присоединились португальцы, в целях искоренения католицизма. Это была пропагандистская кампания, схожая с той, которая на протяжении полутора веков велась австрийскими и испанскими Габсбургами против Англии, Голландии, Франции, протестантских государств Германии, Скандинавии; теперь она оказалась обращенной против самих Габсбургов. Она, впрочем, не принесла заметных успехов Франции.

В начале войны Людовик заручился помощью Баварии, Португалии, Савойи и

курфюрста Кёльнского. Однако по мере успехов противников Людовика союзники один за другим либо покидали его, как архиепископ Кёльна, заявив о своем нейтралитете, либо переходили в неприятельский лагерь, как сделал в 1703 г. португальский король, подписавший Метуенский договор с Англией и ее союзниками. Но за ним через полгода последовал герцог Савойский Виктор Амадей, которому обещали за очередную измену на этот раз испанские владения в Италии. Курфюрст Баварии вынужден был искать убежища во Франции, надежды Версальского двора найти поддержку в Восточной и Северной Европе были развеемы вовлечением государств этого региона в Великую северную войну.

В сражении при Бленхейме (Гохштедте) — селении около города Аугсбурга в Баварии — 13 августа 1704 г. англичане под командой Мальборо, прибывшие из Фландрии, и австрийские полки принца Евгения Савойского разгромили французскую и баварскую армии, которыми командовал маршал Таллар. Общие потери французов и баварцев убитыми, ранеными и пленными, среди которых был и сам маршал Таллар, достигли 30 тыс. человек. Победители потеряли около 11 тыс. человек. После поражения при Ауденарде 11 мая 1708 г. Фландрия оказалась под властью англо-голландских и имперских войск.

В годы Войны за испанское наследство и Великой северной войны в Европе в последний раз создалось положение, когда на ее территории происходило одновременно два прямо не связанных между собой крупных вооруженных конфликта. Однако косвенно связь между обоими была уже настолько тесной, что никакое крупное решение политического и военно-стратегического характера не принималось враждующими сторонами, втянутыми в один конфликт, без постоянного учета хода войны в другом регионе Европы. Вена и ее союзники были заинтересованы в вовлечении Османской империи в войну с Россией, что обеспечивало бы безопасность юго-восточной границы, когда австрийские войска были заняты вооруженной борьбой в Италии, Германии и Южных Нидерландах. В подталкивании Турции к нападению на Россию был в определенные моменты заинтересован и Версальский двор. Необходимость для России воевать на два фронта — против Османской империи и против Швеции — могла бы освободить большую часть армии Карла XII для выступления на стороне Франции. Русская победа под Полтавой положила конец надеждам Людовика XIV повернуть в свою пользу ход войны за испанское наследство, добившись выступления шведов против императора. В этом смысле битва на полях Украины не только разом изменила баланс сил в Восточной Европе, но и подвела черту под возможностью завоевания одной из европейских держав господствующего положения на континенте.

До последнего десятилетия XVII в. войны и экономические меры, направленные против голландцев, способствовали быстрому росту французской внешней торговли, особенно бурному, поскольку речь шла о торговле с колониями. К началу 1690-х годов основная часть экспортируемых товаров перевозилась уже на французских, а не на голландских кораблях. (Исключением являлась лишь балтийская торговля). Война против Аугсбургской лиги и особенно Война за испанское наследство положили конец этому торговому процветанию. Ресурсы Франции подходили к концу. Неурожай 1708 г. добавил к бедствиям войны. Страна голодала. Оставались безуспешными попытки французской дипломатии нащупать почву для компромиссного мира. А война на многих фронтах требовала все новых и новых жертв, поглощала все больше и больше средств.

Отчасти это было связано с быстрым развитием военной техники. Австрийцы первыми вооружили штыками свою пехоту. Пруссия последовала их примеру в 1689 г., а у французов пика была вытеснена в 1703 г. В годы Войны за испанское наследство пика полностью исчезла и пехота состояла из одного типа солдат, вооруженных кремневым оружием со штыком. Еще в 1690 г. во Франции была учреждена Артиллерийская академия, по крайней мере в течение полувека единственная в мире. Обычными стали артиллерийские парки по 100—200 ору-

дий, а в сражении при Мальплаке 11 сентября 1709 г. с обеих сторон действовало около 300 орудий. Такой кровавой битвы, как при Мальплаке, в Европе не происходило потом еще на протяжении целого столетия. Хотя французский командующий Вилар был серьезно ранен, а его заместитель Буфлер отдал приказ об отступлении, французы отошли в полном порядке, а потери войск Мальборо и Евгения Савойского были почти вдвое большими, чем у неприятеля. Голландские полки потеряли четверть своего состава. Битва при Мальплаке дала Людовику XIV столь необходимую ему передышку.

Условия, на которых союзники в 1709 г. были готовы пойти на мир, сводились не только к требованию, чтобы Людовик XIV перестал поддерживать Филиппа V, но в случае, если последний не откажется от испанской короны, чтобы французский король участвовал в военных действиях с целью силой принудить своего внука к отречению от престола. В 1710 г. Людовик был уже готов согласиться на такое унижение, как выплата денежных субсидий на содержание войск, которые будут сражаться против его внука. К этому времени, однако, наметилась трещина во вражеской коалиции. После смерти преемника Леопольда I императора Иосифа ему наследовал эрцгерцог Карл, которого союзники прочили на испанский престол. Перспектива соединения испанской и императорской короны, как в первой половине XVI в., во времена Карла V никак не устраивала морские державы. К тому же на парламентских выборах 1710 г. в Англии победили тори, опиравшиеся на среднее и мелкое дворянство, среди которого война не была популярной из-за связанного с нею роста налогов. Начались взаимные попытки враждующих сторон найти почву для заключения мира. Все стороны нарушили свои обязательства перед союзниками. Англия — вступив в секретные переговоры с Францией и бросив на произвол судьбы восставших каталонцев. Вена — дав согласие на сохранение на престоле Филиппа V, Эльзаса в составе Франции и т. д.

Утрехтский (1713 г.) и Раштаттский (1714 г.) мирные договоры зафиксировали коренные изменения в соотношении сил и новые линии связей и противоречий между державами. Утверждение династии Бурбонов взамен Габсбургов в Мадриде отнюдь не превратило Испанию в вассала Франции, как того опасались противники Людовика XIV, и даже не предотвратило, особенно в первое время, серьезные трения между обеими державами. Однако впоследствии династические связи облегчили объединение усилий Франции и Испании в борьбе против раннебуржуазных государств. Утрехтский мир подвел черту под соперничеством Великобритании и Голландии, решенным не на полях сражений, а в результате экономической победы английской мануфактуры над голландским торговым капиталом. По характерному выражению прусского короля Фридриха II, Голландия стала лишь “шлюпкой, следующей в английском фарватере”.

Война за испанское наследство положила начало австро-прусскому дуализму, который отягощал политическое и национальное развитие германских земель на протяжении более чем столетия. Для получения королевского титула курфюрсту Фридриху III, впоследствии королю Фридриху I, нужно было согласие германского императора. Чтобы получить это согласие, против которого возмущалась католическая совесть императора, Фридрих III подкупил иезуита Вольфа — духовника Леопольда I — и в придачу подбросил 30 тыс. бранденбуржцев, которые должны были служить пушечным мясом в войне Австрии за испанское наследство. Условия, возникшие после заключения Утрехтского мира способствовали возникновению тенденции к группировке германских княжеств вокруг двух государств — Австрии и Пруссии, добившейся ранга великой державы. Это было лишь частично компенсировано для Австрии возможностью восстановить свою власть над всей Венгрией, долгое время находившейся под господством Турции, и сохранить сделанные во время войны приобретения в Италии.

Новый баланс сил в Европе, сложившийся в результате ослабления и Франции, и Габсбургов, расширил возможности для английской колонизации Северной Америки — таков был один из итогов завоевательной политики французского короля.

Глава 8

РОССИЯ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

К середине XVII в. международное положение России характеризовалось сложным переплетением внешнеполитических и внутренних проблем. В центре внешней политики основными направлениями были западное и южное. Жизнь со всей очевидностью показала глубокую взаимосвязь этих направлений, требовавших постоянного и неослабного внимания. Русское правительство извлекло уроки из неудачной Смоленской войны. Опасность с юга заявила о себе тогда самым серьезным образом. В то время когда Россия вела войну на западе, активизировались крымские орды, вторжения которых нанесли огромный ущерб. Многие тысячи русских и украинцев стали жертвой жадных до добычи степных феодалов. На невольничьих рынках Османской империи и Крымского ханства шла бойкая торговля “живым товаром”.

Чтобы уменьшить опасность со стороны Крыма, правительство России вынуждено было выплачивать значительные денежные суммы в качестве регулярных “поминок” хану и его приближенным. Крымские правители стремились представить эти “поминки” как дань, т. е. признак зависимости, но русская сторона никогда не соглашалась с такой трактовкой и отвергала притязания ханов. С точки зрения международных отношений этот вопрос имел немаловажное значение, и Россия отстояла свой суверенитет в системе тогдашних государств.

В течение XVII столетия задача укрепления безопасности южной границы России оставалась одной из первоочередных. Далеко не случайно, что внешнеполитические акции на западе не могли обрести стабильности и нужного направления до тех пор, пока не были приняты широкомасштабные и достаточно энергичные меры против Крыма.

Поэтому правительство в 30—50-е годы XVII в. осуществляет грандиозные оборонительные работы в степном пограничье. Возводится Белгородская засечная черта протяженностью свыше 500 км. Вырастали десятки крепостей-острогов, между которыми устроили лесные засеки и земляные валы. Основные дороги (“сакмы”), по которым крымцы врываются в мирные области страны, неся смерть и разрушение, оказались перекрытыми. Во второй половине столетия линия укреплений была проложена далее на восток — в районы Тамбова, Пензы, Симбирска. А в начале 80-х годов южнее Белгородской была построена Изюмская засечная черта. Россия неуклонно продвигала свою границу в сторону Черного моря, чему способствовало воссоединение Украины с Россией. Примечательно, что Россия вступила в войну с Речью Посполитой за Украину в 1654 г., т. е. после того как основные объекты Белгородской черты были закончены и опасность с юга в этой связи несколько уменьшилась.

Но как ни стремилась Россия избегать военных конфликтов одновременно на западе и юге, суровая действительность порой опрокидывала эти стратегические установки. И тогда России приходилось вести борьбу на два фронта. Так случилось на одном из этапов войны с Речью Посполитой, когда крымцы выступили заодно с польскими войсками и гетманом И. Выговским. Вслед за Украиной в 1656 г. молдавский господарь Стефан отправил в Москву полномочное посольство с просьбой о русском подданстве, на что было получено согласие царского правительства. Но сложности международной обстановки (войны с Речью Посполитой и Швецией) не способствовали тогда присоединению Молдавии к России. В 1674 г. в Москву приехали послы Молдавии и Валахии с просьбой о помощи против Турции.

На исходе XVII в. Россия предпринимает военные походы против Крымского ханства, войска достигают Перекопа. Хотя удача не сопутствовала этим действиям, сам факт знаменателен. Если в конце XVI в. орды крымцев подступали к

Москве, то теперь положение коренным образом изменилось. Впереди были десятилетия тяжелой борьбы. Но теперь без военной помощи со стороны своего сюзерена — турецкого султана крымские правители редко отваживались на самостоятельные военные действия против России. Усиление позиций в этом регионе создало для России обстановку постоянной напряженности в отношениях с Турцией. Последняя стала больше внимания и сил уделять делам на севере, а это не могло не сказаться на ослаблении османского нажима против соседних стран — Речи Посполитой и Священной Римской империи. Это все отчетливее понимали в государствах, испытывавших опасность нашествия османов. На приеме у царя (декабрь 1671 г.) полномочный посол Речи Посполитой Я. Гнинский заявил: «Ты побеждаешь диких наследников Батыя и Темир-Аксака и защищаешь Европу, зеницу вселенные»¹. Создавались предпосылки для развертывания освободительной борьбы народов Балканского полуострова, ожидавших помощи от России. Проблема антитурецкого союза стала одной из ключевых во внешнеполитических сношениях Москвы. Даже когда дело не доходило до открытого разрыва с Портой, позиция России говорила сама за себя. Так, во время осады Вены османской армией русское правительство не прелятствовало своим подданным (казакам и калмыкам) принять участие в военных действиях на стороне антитурецких сил. По случаю поражения турок под Веной в Москве не скрывали радости. В некоторых боярских домах устраивали пиры, в церквях служили благодарственные молебны.

Конец XVII столетия ознаменовался русско-турецкими войнами. В 1677—1678 гг. огромное турецкое войско подступило к Чигирину, но добиться перевеса над русско-украинскими силами не удалось. В 1695—1696 гг. армия Петра I дважды осаждала сильнейшую турецкую крепость в устье Дона — Азов. Первый поход был неудачным. А в 1696 г. при поддержке созданного на верфях Воронежа флота (по преимуществу галерного) русские войска одолели противника. Азов был взят и по условиям Константинопольского мира отошел с частью побережья Азовского моря к России. Этот успех во многом предопределил перенесение внешнеполитических действий России на запад и начало Северной войны России со Швецией за выход к берегам Балтики.

Но еще задолго до этого Россия предприняла попытку прорваться к Балтийскому побережью во время войны со Швецией в 1656—1658 гг. В правящих кругах тогда возобладали позиции сторонников антишведской ориентации во главе с влиятельным государственным деятелем и дипломатом А.Л. Ординым-Нащокиным. Казалось, обстановка содействовала такой переориентации. Речь Посполитая в начале войны с Россией потерпела серьезные поражения. Смоленская земля, почти вся Белоруссия и значительная часть Правобережной Украины были заняты армией Алексея Михайловича. Несколько лет в руках

А.Л. Ордин-Нащокин

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 6. С. 406.

русских находилась столица Великого княжества Литовского — Вильнюс. В ставке царя разрабатывались планы похода в глубь Польши. Швеция воспользовалась ослаблением Польши и захватила жизненно важные центры этой страны, включая Варшаву. Это не входило в планы московских политиков, не желавших столь стремительного усиления Швеции вблизи русских границ. Заключив перемирие с королем Яном Казимиром, Россия направила оружие против Швеции. Успехи военных действий в Прибалтике оказались непрочными, и Россия вынуждена была пойти на мирные переговоры со шведской стороной. Если согласно Валиесарскому перемирию 1658 г. Россия удерживала за собой ряд отвоеванных городов по Западной Двине, то “вечный мир”, подписанный в Кардиссе (1661 г.), не принес России территориальных приращений, выйти на Балтику не удалось. Мир был заключен в то время, когда возобновились военные действия на русско-польском фронте и царские войска испытали ряд неудач.

В обстановке русско-шведской войны польский народ нашел силы для изгнания шведских войск из своей страны и освободил Варшаву. Польские магнаты не отказались от реванша за воссоединение Украины с Россией. Продолжение русско-польской войны оказалось неизбежным. Война шла с переменным успехом, изрядно истощая силы соперников. В самый критический момент войны, когда в 1660 г. под Чудновом потерпела поражение большая русская армия, царское правительство приняло меры для оповещения общественного мнения Западной Европы о событиях с позиций русской стороны. С этой целью были использованы газеты Любека, в которых печатались сообщения из России и рассылались в другие страны.

Война завершилась в 1667 г. Андрусовским перемирием, согласно которому Речь Посполитая признавала факт воссоединения Украины с Россией, отказываясь от претензий на территории Левобережной Украины. Киев временно оставался в руках России, но через два года его надлежало передать Речи Посполитой. К России отошли также Смоленск и Северские земли. Хотя Правобережная Украина оставалась под властью Речи Посполитой, тамошнее население не оставляло надежд на соединение с Россией. Уже после заключения Андрусовского перемирия, в 1674 г. казаки и посполитые 10 правобережных полков обратились в Москву с просьбой принять их в русское подданство и утвердить Ивана Самойловича гетманом всей Украины. Московское правительство благосклонно отнеслось к этой просьбе. В дальнейшем, однако, дело не продвинулось, а “Вечный мир” 1686 г. между Россией и Речью Посполитой подтвердил сохранение Правобережной Украины за королем. Многолетние дипломатические дебаты, предшествовавшие “Вечному миру”, привели к тому, что Киев и Запорожская Сечь были признаны в этом акте владением России.

Правительство России расценило “Вечный мир” как выдающееся событие. По этому случаю были произведены массовые раздачи земель и крестьян дворянству, помещики получили право часть владений перевести в вотчину. Последовали щедрые денежные вознаграждения, не оставили без внимания и верхушку купечества. Печатный двор в Москве типографским способом издавал формуляры жалованных грамот. Правительница царевна Софья осыпала милостями своего любимца князя В.В. Голицына, подписавшего от имени России текст договора.

Андрусовское перемирие и “Вечный мир” с Речью Посполитой обозначили важные вехи на путях сближения двух государств и имели широкий международный резонанс. Общие цели борьбы с османско-крымской опасностью служили внешнеполитической основой этого сближения, что нашло соответствующее отражение как в андрусовских статьях, так и особенно в тексте “Вечного мира”. Речь шла о союзном оборонительно-наступательном договоре, в котором его участники хотели заинтересовать не только давних противников Турции — Империю и Венецию, но также Францию, Голландию, Англию и Данию, что явствовало из содержания соответствующих статей.

Русская сторона практическими действиями показала намерение осуществить пункты договора о походе царских войск непосредственно против Крымского ханства. Обещание было выполнено в 1687—1689 гг. путем двукратного похода русских войск на Крым. Шаг за шагом Россия все теснее связывалась с системой государств той поры, ее участие в общеевропейских делах постепенно возрастало. Это, в частности, выразилось в расширении деятельности Посольского приказа, в увеличении штата его чиновников.

Неизменным компонентом всех двусторонних договоров России являлись обоюдные торговые интересы. Кардисский договор со Швецией, “Вечный мир” с Речью Посполитой преследовали цели развития экономических связей.

Еще в условиях Тридцатилетней войны царское правительство разрешило королю Густаву Адольфу закупить на русском рынке большие партии зерна. Эта своеобразная субсидия оказалась как нельзя более кстати для Швеции. На этой операции королевская казна получила огромный доход, что обеспечило успешное ведение военных действий. Русские купцы, кроме того, поставляли хлеб и другое продовольствие шведским войскам в Германии, за что одного из них король обещал пожаловать землями и крестьянами. Шведским авторам И. Кильбургеру и де Родесу наука обязана подробными описаниями русской внешней торговли середины XVII столетия. В глазах партнеров России вопросы торговли были столь важны, что занимали в политических акциях весьма заметное место. Тайная и явная дипломатия ряда государств была постоянно нацелена на решение этих задач. Швеция, в частности, усиленно добивалась перенесения русской заграничной торговли из Архангельска в балтийские порты, контролируемые шведской стороной. На этот счет разрабатывались хитроумные проекты, которые хотели внедрить в умы московских политиков и коммерсантов. Ф. Крузенштерн в 1660 г. представил шведскому королю обстоятельную записку о русской торговле и напомнил о давнем намерении “вернуть в Балтийское море богатую, выгодную, крайне необходимую для всей Европы русскую торговлю”. Этот мотив прозвучал и в королевском мемориале шведским послам в Россию (1673 г.). Россия также была заинтересована в торговле со Швецией, откуда поступали металлические изделия и некоторые транзитные товары западноевропейского производства. Тем не менее русская сторона не пошла на подчинение своей внешней торговли Швеции путем переноса центра обмена из Архангельска в подконтрольные Швеции порты. В Москве понимали невыгодность такого шага. Россия стремилась иметь независимую торговлю на Балтийском море.

Сношения со Швецией в начале 70-х годов XVII в. обрели новые черты, обусловленные событиями польско-турецкой войны и взятием османской армией сильной крепости — Каменец-Подольска. В конце 1673 г. в Москву приехал шведский посол граф Оксеншерн с предложением русско-шведского военного союза против Турции.

Дипломатическая переписка датского двора с русским правительством на протяжении всего XVII столетия свидетельствует о постоянном внимании к политическим и торговым связям с Россией. Перед их лицом иной раз отступали на задний план некоторые трения по поводу пограничных территорий в Лапландии. В 1640 г. король Кристиан IV в инструкции своим послам, отправленным к царю Михаилу Федоровичу, предписывал заключить более тесный союз с Россией, добиваться разрешения для датчан устраивать в России канатные заводы, учредить компанию для вывоза кож и юфти, ежегодно вывозить некоторое количество хлеба. Датчане закупали зерно в России на льготных условиях. Согласно царской грамоте 1653 г. королю Фредерику III устанавливается факт продажи 109 тыс. четвертей (т. е. почти 1 млн пудов) хлеба “беспошлинно и малую ценою”. В преддверии войны с Речью Посполитой царь со своей стороны просил разрешения закупить в Дании 20 тыс. мушкетов “добрых”.

Оживленные сношения конца 70-х — начала 80-х годов XVII в. между Данией и Россией касались сложных международных дел. Кристиан V предлагал русскому правительству совместное выступление против Швеции, информировал Москву о намерениях шведского двора, просил двинуть русские войска в Лифляндию. В одной из грамот короля царю Федору Алексеевичу содержалось поздравление по случаю победы над турками под Чигирином. Внимательно следили в Копенгагене за положением дел в правящих кругах России, собирались сведения о событиях 1682 г. В 1683 г. датский посланец Гильдебранд получил указание в Москве выразить “особое уважение и любовь короля” к младшему царю, т. е. юному Петру I. Весь ход русско-датских связей конца XVII в. указывал на то, что создавались предпосылки для будущего союза в борьбе со Швецией (Северного союза).

Активизация внешней политики России в течение XVII в. отразилась в расширении дипломатических связей не только с сопредельными европейскими странами, но и с более отдаленными государствами Западной Европы. Воцарение Алексея Михайловича ознаменовалось оживлением связей на международной арене. Из Москвы едва ли не во все страны континента были направлены специальные посольства с извещением о перемене монарха и с предложениями поддерживать связи в будущем.

Когда назревала война с Речью Посполитой в связи с воссоединением Украины, царское правительство не преминуло объявить зарубежным государствам “неправды” польского короля и тем придать грядущим военным действиям своего рода международно-правовую основу. Успешный поход русской армии 1654—1655 гг. во главе с царем Алексеем Михайловичем был воспринят в ряде европейских стран как явление чрезвычайно большого значения и во всяком случае далеко не регионального масштаба. Венский двор и Бранденбург предлагали свои услуги в урегулировании русско-польского конфликта.

Повышенный интерес других стран к русско-польским отношениям подогревался тем обстоятельством, что в Речи Посполитой влиятельные круги (прежде всего из Литвы) поддерживали кандидатуры Алексея Михайловича и его сыновей Алексея и Федора на престол шляхетской республики. В Вене и Париже не желали порывать династических связей с королями Речи Посполитой, напротив, стремились укрепить их. В немалой мере поэтому и Франция предложила воюющим сторонам посредничество для заключения мира. Московские дипломаты не забыли об этом. Один из мотивов отправки посольства стольника П.И. Потемкина в Испанию и Францию состоял в том, чтобы известить королей о заключении Андрусовского перемирия и подтвердить намерение России наладить дружественные отношения с Испанией и Францией. Согласно полученным инструкциям Потемкин сначала посетил Испанию, а оттуда проехал во Францию (1668 г.). Посланник вручил Людовику XIV “любительную” грамоту Алексея Михайловича, получил ответное послание короля царю. Дипломатические контакты оказались небезуспешными и обещающими. Вряд ли русская сторона всерьез рассчитывала на встречный шаг Франции в смысле антитурецкой политики. Но ненавязчивый зондаж Людовика XIV был проведен, разнообразная информация о внешних связях Франции собрана. Посланник с тщанием описал состояние отношений Франции практически со всеми странами тогдашней Европы. Не была обойдена вниманием и маленькая Швейцария.

Потемкин объявил французским государственным деятелям, “чтоб на обе стороны великих государей подданные торговые люди ходили и торговали”². Эта мысль вызвала большой интерес. Русским послам немедля было сделано встречное предложение — засвидетельствовать своими подписями составленные французской стороной “статьи” о порядке торговли. Не имея полномочий на этот счет, Потемкин уклонился от письменной фиксации вопроса о торговле

² Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 264.

между русскими и французскими купцами, словесно подтвердив желательность взаимных торговых связей. Представители французского купечества посетили русского посланника и расспрашивали его относительно состава товаров для обмена и условий торговли в Архангельске, выразив готовность снарядить коммерческие корабли для плавания в Россию. Таким образом, Потемкин мог воочию убедиться в стремлении французской стороны поставить дело торговли на практическую почву.

Тема русско-французских торговых отношений заняла преобладающее место в ответной грамоте Людовика XIV. В 1669 г. по инициативе Кольбера была создана торговая Северная компания, в число задач которой входило укрепление торговых сношений с Россией. Посольство Потемкина послужило серьезным стимулом для деятельности этой компании. В феврале 1671 г. Кольбер поддержал намерение директоров Северной компании отправить торговый корабль к Архангельску, не дожидаясь поездки французского посольства в Россию. Французский министр внимательно изучал торговые связи России с Англией и Голландией, через своих агентов он получил тексты внешнеторговых договоров России, надеясь и для французских купцов выхлопотать привилегии на русском рынке. В статейном списке русского посольства во Франции были обстоятельно изложены все перипетии переговоров.

Но, видимо, Потемкин счел не совсем уместным включать в свой посольский отчет некоторые факты, связанные с пребыванием в Париже и его окрестностях. Это касалось своего рода “культурной программы”, которая имела развлекательно-познавательный характер. Из французских источников можно узнать о том, что члены русского посольства по приглашению хозяев побывали в Венсенне, где осматривали замок и парк, во дворце Тюильри; им показали знаменитую мастерскую гобеленов. Потемкин и его спутники смотрели пьесу “Амфитрион” в театре Ж.-Б. Мольера, причем посланник остался очень доволен представлением и благодарил актеров и автора.

В правление царевны Софьи в Москве побывал агент французского правительства де Невилль. Его записки предназначались для осведомления о положении дел в России. В частности, автор этих записок сообщал о повышении в России интереса к связям с Францией. Одив из сыновей князя Я.Ф. Долгорукого был послан во Францию для изучения французского языка. Двоюродный брат В.В. Голицына М.А. Голицын пригласил с собой в Белгород француза, который обучал его языку своей родины.

Оживленные дипломатические и торговые связи развивались между Россией и Голландией, чему не препятствовала разница в государственном устройстве. Хотя в России даже некоторые прогрессивные государственные деятели, сторонники сближения с Западом вроде А.Л. Ордина-Нащокина считали республики “матерями ереси и бунтов”³, связи и с Голландией шли по восходящей линии. Обмен посольствами осуществлялся довольно регулярно. По-видимому, магистрат Амстердама выделил денежный заем русскому правительству для ведения войны против Турции и Крыма. Молодой Петр приветствовал победу англо-голландского флота над французским и распорядился произвести салют на кораблях Переславской флотилии.

Показателем постоянного характера связей России с Голландией явилось еще необычное для русской дипломатической службы учреждение должности резидента, которым в Гааге стал англичанин И. Гебдон. Несколько раньше постоянным представителем России в Речи Посполитой был назначен В. Тяпкин.

Послереволюционная Англия не оставила попыток вернуть былые привилегии своим купцам, торговавшим с Россией. Об этом просило правительство О. Кромвеля, но безуспешно. Занявший трон король-изгнанник Карл II также об-

³ Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. М., 1846. С. 33.

ратился к Алексею Михайловичу с грамотой, в которой выражал настойчивое пожелание, чтобы ограничения для английских купцов на русском рынке были сняты. Король отправил в Москву в 1664 г. высокопоставленного посла, своего родственника графа Г. Карлейля с женой и сыном. До этого в Лондоне побывало русское посольство во главе с князем П. Прозоровским и дворянином И. Желябужским, принятое с исключительным почетом.

Однако деловая часть обоих посольств не принесла сторонам ожидаемых результатов. Английский король отклонил просьбу царя о денежной субсидии, а в Москве ничем закончились переговоры о привилегиях английских купцов. Русское правительство взяло решительный курс на покровительство отечественной торговле и отказалось поставить английских купцов в особое положение. Вступивший вскоре в силу Новоторговый устав 1667 г. четко зафиксировал эту позицию по отношению к иностранным купцам. Более того, именно в 60-е годы XVII в. правительство России вознамерилось для торговли с другими странами использовать морские гавани Курляндии, рассчитывая на дружественную позицию ее герцога. Ставился вопрос о возможности строительства торгового флота за счет царской казны. Но эта акция не принесла результата, герцог уверял царя в финансовой нецелесообразности задуманного дела.

В середине XVII в. возобновились связи с государствами Апеннинского полуострова. Венецианская республика в своем противоборстве с Турцией искала союзников. В столицу России нанесло визит венецианское посольство с просьбой провести отвлекающие военные удары по туркам силами донских казаков. Одновременно Венеция выразила заинтересованность в развитии торговых сношений с Россией. Занятое войной с Речью Посполитой и Швецией, московское правительство воздержалось от антитурецких действий, но в Венецию было направлено посольство стольника И.И. Чемоданова, встреченное с большим почетом. Торговлю у Архангельска венецианцам разрешили, были даны туманные обещания насчет возможных в будущем совместных действий против Турции. Главная цель русской миссии состояла, однако, в другом. Царь обратился к Венеции за денежным займом, на что не последовало положительного ответа. Чемоданов посетил также Флоренцию и был принят герцогом. Вскоре во Флоренции и Венеции побывали другие русские посольства. Прямые сношения по дипломатическим каналам и в области торговли дополнялись посредническими коммерческими операциями английских и голландских купцов, которые таким образом участвовали в русско-итальянской торговле.

Дипломатические контакты осуществлялись также с Ватиканом. К папе Клименту X было направлено посольство Менезиуса. Среди посольств итальянских государств в Москву выделяется поездка Я. Рейтенфельса от герцога Тосканского, результатом которой явилось подробное описание этой посольской миссии и личных впечатлений автора от пребывания в России. Рейтенфельс, в частности, счел нужным в своем “Сказании” подчеркнуть: “И, поистине, это государство — самое обширное и самое могущественное в Европе!”⁴.

Подобные признания свидетельствовали об усилении роли России на международной арене. В той или иной форме связи поддерживались почти со всеми странами Европы.

В условиях частых военных конфликтов на континенте другие страны не пренебрегали дружественными отношениями с Россией и пытались обратить ее в своего союзника. Как отмечалось, Россия также проявляла заинтересованность в поисках партнеров для продолжения борьбы с Турцией. Высокая активность в этом направлении отмечалась в начале 70-х годов XVII в. Так, в 1672 г. из Москвы почти одновременно отправились посольства в Вену, Лондон, Париж, Мадрид, Стокгольм, Копенгаген и Гаагу.

⁴ Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1906. Кн. 2, отд. 3. С. 198.

Война между коалициями западных стран (1672—1679) не способствовала успеху русского замысла по созданию антитурецкого союза. Антифранцузский блок держав (Империя, Голландия, Дания) тем временем пытался привлечь в свой лагерь Россию, чтобы противодействовать союзной Франции Швеции. В том же духе действовала Пруссия. В Москве не остались безучастными к этим дипломатическим акциям, надеясь в перспективе добиться реализации антитурецкого союза. Между Россией и Империей в 1675 г. было заключено соглашение, по которому Австрия обещала войти в антитурецкую лигу после завершения войны с Францией. Русская сторона обязалась оказать соответствующее давление на Швецию. Были предприняты дипломатические демарши, к шведским рубежам в Ливонии двинулись царские войска. Эти демонстрации помогли Пруссии и Империи. Согласно признанию голландских дипломатов, успеху союзников больше всего способствовало вмешательство России. Но лишь после заключения мира с Речью Посполитой в 1686 г. оказалось возможным создать союз держав против Турции с участием Империи и Венеции (“Священная лига”).

Определенную роль в сношениях с народами Балканского полуострова, подпавшими под иго османских завоевателей, играли связи по религиозной линии. Греческие и югославянские церковные деятели поддерживали отношения с московской патриархией и правительством. Некоторые из них переселялись в Россию. Константинопольский патриарх временами сообщал в Москву ценную политическую информацию. Через антиохийского патриарха осуществлялись спорадические связи с Ближним Востоком.

Чтобы оценить трудности и значение таких связей, имеющих русскую ориентацию, уместно вспомнить о судьбе сербского патриарха Гавриила. В 1653 г. он уехал в Россию, где пробыл три года, пользуясь большим доверием царя и патриарха Никона. Гавриил выступал сторонником сближения с Россией, за что по возвращении на родину был казнен турецкими властями. Но репрессивные меры не пресекли тяготения южных славян к России, в которой они видели надежного союзника в борьбе против иноземного господства.

Во взаимоотношениях с западноевропейскими странами немаловажное значение, как уже говорилось, имели торговые интересы, которые охватывали не только область двусторонних связей с тем или иным государством. В течение всего XVII столетия не прекращались попытки добиться у России права на транзитную торговлю с Востоком. Эта тема многократно обсуждалась по инициативе купцов и дипломатов Англии, Голландии, Голштинии и других стран.

Русское правительство ревниво оберегало интересы казны и отечественных купцов, получавших большие выгоды от торговли с Ираном и Средней Азией по сухопутью и Каспийскому морю. В начале 70-х годов XVII в. компании армянских купцов разрешили транзит восточных товаров к Архангельску, Новгороду и Смоленску, но вскоре под давлением русского купечества соглашение было расторгнуто. Армянские торговцы тем не менее добились определенных льгот, и им принадлежало видное место в развитии обмена России с восточными странами. В Астрахани и Москве постоянно проживали в особых кварталах купцы и ремесленники из Армении. Поселения армян появились также на Украине.

Значительное место во внешнеполитических сношениях России занимали страны и народы Востока. На протяжении XVII в. эти связи расширились и укрепились.

В середине века завершился процесс добровольного присоединения калмыков к России. Еще в первом десятилетии XVII в. калмыки прикочевали из степей Центральной Азии к границам Сибири и вступили в контакты с русской администрацией, обратившись с просьбой о принятии их в подданство России, на что был получен положительный ответ из Москвы. Но лишь в 50-е годы XVII столетия это подданство обрело реальное содержание: калмыцкие тайши дали присягу с обязательством военной службы и приняли участие в боевых действиях против крымцев. Со своей стороны царское правительство разрешило калмыкам

занять кочевьями Нижнее Поволжье (по обе стороны Волги). Калмыцкие тайши сохранили право управления в подвластных улусах, царская администрация долгое время не вмешивалась во внутренние дела Калмыцкого ханства. Значительную самостоятельность сохранили правители калмыков и во внешних сношениях.

Развивались связи с народами Северного Кавказа. Важным пунктом внешних сношений стал Терский городок. Отсюда направлялись русские посольства на Кавказ и в Иран. Наиболее тесные связи существовали с Кабардой, еще в середине XVI в. принявшей русское подданство. В Москву с предложениями и просьбами о русском подданстве обращались владельцы Дагестана, чечено-ингушские общины, адыгейские племена. Перед лицом неослабевающего давления со стороны султанской Турции и шахского Ирана народы Северного Кавказа искали поддержки со стороны России, но мирные отношения с Ираном царское правительство не хотело разрывать, а поэтому не всегда удавалось блокировать претензии шахов на некоторые северокавказские области. Иметь в этом регионе сразу двух сильных противников (Турцию и Иран), хотя и враждовавших между собой, в Москве считали нецелесообразным. К тому же с Ираном шла взаимовыгодная торговля. В 1647 г. царю была доставлена “любительная” грамота шаха, в которой говорилось о “великом и чистом” торговом пути между Россией и Ираном. Тем не менее постепенное усиление русской ориентации на Северном Кавказе имело место и способствовало вхождению народов края в состав России.

Соперничество Турции и Ирана пагубно отражалось на положении народов Закавказья. Достигнутое между этими державами разделение Закавказья на сферы господства грозило вековым гнетом грузинам, азербайджанцам и армянам. Естественным своим союзником в освободительной борьбе народы Закавказья считали Россию, которая для Грузии и Армении была к тому же страной единоверцев-христиан. Реальная историческая обстановка не способствовала активной военной поддержке этой борьбы со стороны России, но посильную помощь, политическую и материальную, московское правительство оказывало. Наметившиеся ранее связи с Грузией продолжались. В Имеретинское и Кахетинское царства ездили русские посольства, туда доставлялись деньги, дорогие меха, церковная утварь. Москва пыталась дипломатическими путями воздействовать на Иран и Турцию в плане сдерживания их грабительских походов на Закавказье. Грузинские владельцы отправляли в Москву своих посланцев, а царь Кахетии Теймураз сам приехал в Москву и просил там убежища для себя, своего семейства и приближенных. Имеретинский царь Арчил переселился в Россию, его дети поступили на службу к царю. Постепенно создавались предпосылки для последующего вхождения Грузии в состав России. В царском титуле прочно значилась “Иверская земля”, т. е. Грузия. С просьбой о заступничестве к Алексею Михайловичу обращался тайно от иранских властей католикос Армении. Освободительное движение армянского народа все более приобретало русскую ориентацию.

Политические и торговые связи продолжали развиваться с государствами Средней Азии — Бухарским, Хивинским и Балхинским ханствами. Обычно посольства являлись одновременно крупными торговыми экспедициями. В Москве послы из Средней Азии были нередкими гостями. Царское правительство время от времени направляло в ханства своих представителей. Особой активностью в этом отношении отмечены 40-е годы XVII в., когда в Хиву, Бухару и Балх дважды ездил с царскими грамотами торговый человек Анисим Грибов. Во втором случае посольству Грибова не удалось достигнуть Средней Азии из-за междоусобных войн в этом районе. Но первое посольство было вполне успешным. Среднеазиатские владельцы подтвердили свою приверженность связям с Россией (быть “в ссылке и в вечной дружбе”). Предметом постоянной озабоченности с обеих сторон было обеспечение условий

торгового обмена. Сухопутная дорога пролегла по степям и пустыням в зоне обитания кочевых народов. Морской путь по Каспию также не всегда был безопасен, хотя купцы пользовались им более охотно. Взаимная заинтересованность в регулярных торговых сношениях создавала общность политико-дипломатических целей России и среднеазиатских государств.

Разумеется, были и противоречия, споры, но центростремительные тенденции в отношениях преобладали. Одним из выражений этого явились неоднократные обращения со стороны хивинского хана, среднеазиатских и индийских купцов к русскому правительству в 70-е годы XVII в. с настойчивыми просьбами построить на Мангышлакском полуострове город, который бы стал опорным пунктом России в этом районе и смог обеспечить безопасность торговли между купцами Средней Азии и России. По мере освоения Сибири русскими налаживались торговые связи со Средней Азией и с этой стороны. В Тобольске и его окрестностях обосновалась группа “бухарцев” — выходцев из Средней Азии.

В связях России со Средней Азией выявились два новых момента. Во-первых, русская сторона проявила повышенный интерес к экспорту шелка-сырца из Средней Азии. В наказе дворянам Пазухиным (посланникам в Среднюю Азию) содержалось предписание убедить “шелковых промышленников” привозить свой товар в Астрахань и Москву. Вторая задача была связана с установлением прямых торговых (а по возможности и дипломатических) отношений с Индией. Соответствующие инструкции получили отряженные с посольской миссией в Индию купцы Никита Сыроежин, Родион Пушников с Иваном Деревенским, а также Мухаммед-Юсуф Касымов. Но только в 1695 г. купец Семен Маленький смог побывать на приеме у главы империи Великого Могола и получить от его имени грамоту о беспошлинной торговле и свободном проезде. Несмотря на запретительную политику царского правительства, стремившегося оградить интересы русского купечества от конкуренции зарубежных коммерсантов, индийские торговцы проникали на рынки Центральной России, действовали на Макарьевской ярмарке, обзаводились дворами в Астрахани и Москве.

Как только пределы России достигли южносибирских степей, завязались дипломатические и торговые отношения с правителями Казахстана и Монголии. В середине 30-х годов XVII в. Государство алтын-ханов направило в Москву посольство с просьбой о принятии в русское подданство, на что был дан положительный ответ. Однако этот акт оставался формальным и не нашел реального воплощения. Но дружественные отношения с алтын-ханами сохранились вплоть до времени подчинения их ханства Джунгарией. С последней также поддерживались дипломатические и торговые отношения. Казахские владетели в своей борьбе с наступавшими на них джунгарскими феодалами искали поддержки со стороны России. Царское правительство проводило в этом регионе весьма осторожную политику, предпочитая не вмешиваться в военные конфликты и поддерживая мирные отношения с враждующими сторонами. В Москве отдавали себе отчет в том, что внешнеполитическая ситуация на сибирских рубежах зависела не только от двусторонних отношений с соседями, но и от взаимоотношений между государствами региона (монгольскими, Джунгарией, Китаем). С середины XVII в. Россия стала постоянно действующим политическим фактором в международной жизни Центральной Азии и Дальнего Востока.

По мере освоения Забайкалья и Приамурья Россия оказалась в соседстве с Китаем. На первых порах сведения об этой стране были весьма смутными, и царское правительство не форсировало установления с ней прямых дипломатических отношений, хотя в результате поездки И. Петлина в Китай оттуда была доставлена грамота императора династии Мин, которую не смогли тогда перевести на русский язык. Но в середине XVII в. положение изменилось. Стало известно, что на юге от Амура находится большое и сильное государство, взаимоотношения с которым необходимо ввести в привычное русло. С этой целью в Пекин было направлено посольство Федора Байкова (1654 г.). Однако

эта миссия оказалась неудачной. Не принесла успеха и миссия Н. Спафария (1675 г.).

Русские дипломаты столкнулись с весьма необычными порядками, царившими в правящих кругах Китая, к тому времени оказавшегося под властью императоров маньчжурской династии Цин. Любое посольство из другой страны воспринималось в качестве признака вассальной зависимости ее от императора Китая. Заранее предполагалось неравноправное положение другой стороны. Лишь со временем цинские политики начали осознавать уязвимость подобной позиции в сношениях международного плана. А тогда эта доктрина действовала безоговорочно.

Вполне естественно, что столь принципиальное расхождение не могло не вызвать острых конфликтов, которые переросли в военное противостояние помимо воли правительства России. Несмотря на весьма ограниченные военные силы в Забайкальско-Приамурском регионе, Россия нанесла ряд ощутимых контрударов по войскам Цинов, пытавшимся помешать заселению этих краев русскими людьми. Тогда на север были двинуты крупные военные контингенты Цинской империи, противостоять которым не могли малочисленные русские гарнизоны, хотя они героически сражались с превосходящим противником. В такой обстановке Россия пошла на мирные переговоры с Китаем, завершившиеся заключением Нерчинского мира (1689 г.). Переговоры проходили в тяжелой обстановке для русской стороны, под угрозой большого цинского войска, готового в любой момент нанести удар. Физическая расправа нависла над русским посольством во главе с Ф.А. Головиным. В силу этих причин Нерчинский договор не являлся равноправным, и Россия временно утратила часть территорий в Приамурье, хотя четкого географического разграничения проведено не было, а с точки зрения права трактат был весьма несовершенен. При всем том после Нерчинского договора стала развиваться русско-китайская торговля, хотя цинские власти придерживались ограничительной политики в отношении русского купечества.

Итак, во второй половине XVII в. Россия укрепила свои позиции на международной арене. В ее внешней политике постепенно проступали те черты, которые затем воплотились в энергичных мероприятиях правительства Петра I, позволивших выйти на новые рубежи в отношениях с другими странами.

Глава 9

КУЛЬТУРА РОССИИ ДО НАЧАЛА XVIII ВЕКА. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

Культурное развитие России в XVII в. ознаменовалось существенными сдвигами, направление которых отмечено нарастающим ее “обмирщением”. Широкие слои трудового люда обрекались всей обстановкой тогдашнего общества на фактическое отстранение от овладения образованием, знаниями. Но жизнь брала свое, а народ стремился к свету, создавал замечательные произведения во всех отраслях культуры, утверждая в ней демократическую струю.

От той поры сохранилось немало записок иностранцев о России. Для большинства из них осталась почти незамеченной тяга русских людей из простонародья к просвещению. Такие писатели обычно ограничивались общими рассуждениями о грубости, необразованности москвитов. Действительные исторические факты иначе говорят об этом. В Ватиканском архиве осели, например, собственноручные расписки русских ямщиков в получении денег на провоз высокопоставленных папских посланцев в 1677 г. Изучение рукописных и старопечатных книг

выявило немало владельческих записей, принадлежавших перу крестьян, посадских, холопов.

Стремление к овладению грамотой в разных местностях страны и не только представителями господствующих слоев мирян и священнослужителей было широким и устойчивым. Так, учебные книги — азбуки, псалтыри, часословы — были самыми ходовыми и печатались большими тиражами (за вторую половину XVII в. число таких книг, изданных Печатным двором в Москве, достигло 450 тыс. экз.) В течение мая—августа 1650 г. разошелся тираж азбуки (2900 экз.), а в 1651 г. за один день, 19 июня было продано почти 2400 азбук. Среди покупателей (в основном оптовых) были москвичи, галичане, вятчи, нижегородцы, казанцы, холмогорцы. Значительная часть книг явно предназначалась в отвоз для распродажи на местах. Доступность этой учебной литературы подчеркивалась ее невысокой ценой — подчас одной копейкой за книгу.

Сохранившиеся отрывочные сведения о состоянии грамотности относятся большей частью к городам и черносошной (государственной) деревне. Крепостные селения, видимо, в этом отношении отставали, хотя и там из числа крестьян известны старосты и приказчики, знавшие письмо и счет. В больших вотчинах существовали конторы с неплохо поставленным делопроизводством. Есть сведения и о частной переписке в крепостной деревне. Тщательно хранились и описывались документы богатого архива Строгановых. Письменное начало уже заметно проникло во все поры жизни общества. В Москве на Ивановской площади Кремля бойко действовали писцы-подьячие, составлявшие различные документы — челобитные, судебные иски, разнообразные частные акты на куплю-продажу и завещание имущества, подрядные записи для выполнения работ и т.п. Такие же нотариальные конторы существовали близ центральных приказов, были они и во многих городах и в крупных сельских пунктах.

Ужесточение крепостного режима вызвало к жизни документы, удостоверявшие личность и долженствовавшие подтвердить, что такой-то крестьянин или бобыль — не беглый человек. В городах и на таможенных заставах у всех проходящих и проезжающих требовали того или иного документа, которым могла быть проезжая или отпускная грамота, таможенная выписка о наличии товаров и денег (для торговцев), квиток об уплате установленного сбора с ищущих заработка скитальцев вроде “гулящих людей”. Крестьянские и посадские общины на свои средства нанимали письмоводителей для ведения текущего делопроизводства и переписки с царскими властями. К XVII в. восходят частные архивы отдельных посадских и крестьянских семей. Уже упоминалось в этом плане о крупных феодалах. Например, хозяйственная документация боярина Б.И. Морозова составила несколько томов, когда ее частично издали. Не отставали в этом деле от светских феодалов их духовные собратья. За монастырскими стенами дотошно составлялись всевозможные хозяйственные документы, старцы вели приходно-расходные книги, фиксируя в них поступление денег из сугубо мирских источников.

Чтению, письму и счету обычно обучались на дому, учителями чаще всего были церковники. Школьное образование находилось еще в зачаточном состоянии. Системы государственных училищ тогда не существовало, она появилась при Петре I. И все же отдельные школы известны от той поры. Некоторые приказы (Посольский, Аптекарский) имели училища для подготовки служащих по соответствующему ведомству (включая изучение иностранных языков). При Андреевском монастыре в Москве открыл школу приближенный царя Ф.М. Ртищев. Известны школы при церквях и московских слободах (в Барашах, в Мещанской слободе).

В 1668 г. прихожане церкви Иоанна Богослова в Китай-городе предприняли попытку открыть “гимнасион” для изучения “грамматической хитрости языков

славянского, греческого и латинского и прочих свободных учений". Желание выйти за рамки церковной учености здесь проявилось отчетливо. Своеобразным руководством для учителей считалась тогда "Грамматика" Мелетия Смотрицкого, в которой автор предпринял опыт научного освещения морфологических и синтаксических проблем.

В 1687 г. открылось первое высшее учебное заведение в России — Славяно-греко-латинская академия. Ее разместили на территории Заиконоспасского монастыря, в центре Москвы. Для преподавания в академии пригласили греков братьев Иоанникия и Софрония Лихудов. Первыми студентами стали некоторые ученики типографской школы и молодые люди из знатных дворянских родов. Учебная программа охватывала широкий круг богословских предметов (грамматику, философию, риторику, психологию, физику и др.). Впоследствии здесь учился Михаил Васильевич Ломоносов.

Книга в России XVII в. продолжала существовать как печатная, так и рукописная. Частных типографий тогда не было. Издание книг осуществлял Печатный двор в Москве, который считался государственным предприятием. Самое близкое отношение к издательской деятельности Печатного двора имели высшие церковные иерархи. Они следили за тем, чтобы в печать не попали сведения, подрывающие веру в догмы православной церкви. Печатный двор в середине столетия был перестроен и расширен. Его штат достиг 160 человек. При типографии находились специальные мастерские: словолитная, рисовальная и граверная, переплетная, а также столярная, кузнечная и др. Обязанности редакторов и корректоров возлагались на "справщиков", ими были наиболее образованные люди того времени, авторы литературных произведений и переводчики (А. Суханов, Е. Славинецкий, С. Медведев, Ф. Поликарпов).

Продукция Печатного двора за XVII в. составила около 500 наименований книг. Хотя в списке тогдашних изданий преобладала церковная литература, со временем увеличивается доля книг светского содержания. В 1650 г. было напечатано Уложение — новый свод законов России, утвержденный Земским собором. Это издание (около 1200 экз.), несмотря на высокую цену, разошлось достаточно быстро. Его охотно приобретали дворяне, а также приказные люди и духовенство. Военное руководство ("Учение и хитрость ратного строения пехотных людей") находило спрос в среде знати и служилых людей. Назидательное чтение в виде "Прологов" и "Соборников" поставляли в разные концы страны торговые люди — посредники. Такая литература встречалась в библиотеках волостных приходских церквей русского Севера. Ближе к концу XVII в. правительство стало загружать Печатный двор заказами особого рода. В типографском исполнении выходят жалованные грамоты.

Середина XVII в. ознаменовалась новшеством в книжной торговле. Если ранее книги Печатного двора распространялись путем правительственных поручений тем или иным торговцам или полупринудительной рассылки на места под ответственность церковных властей, то теперь с открытием книжной лавки Печатного двора продажа книг стала свободной. Образовался книжный рынок. Услугами лавки пользовались жители почти ста местностей России. Торг книгами и рукописями шел также в московских "рядах". Бытование книги подчеркивалось наличием в некоторых городах людей, кормившихся от своего ремесла — переплетного дела. Книги входили в состав имущества, передаваемого по наследству.

В изучаемое время оформились обширные библиотеки крупнейших монастырей (Соловецкого, Кирилло-Белозерского и др.). Здесь хранились многочисленные рукописные книги, существовали книгописные мастерские. Возникли также библиотеки при некоторых приказах (Посольском, Пушкарском, Аптекарском).

Обширным книжным собранием обладал Печатный двор. У видных государ-

ственных деятелей (А.Л. Ордина-Нащокина, А.С. Матвеева, В.В. Голицына и др.) составились личные библиотеки из русских и иностранных книг. Значительной библиотекой обладал царь Алексей Михайлович. Внимание к книге как объекту познания выразилось в составлении профессионально подготовленного библиографического описания "Оглавление книг, кто их ложил", автором которого был ревнитель просвещения Сильвестр Медведев.

Исследователи обратили внимание на то, что в составе книжных фондов русских частных библиотек XVII в. до 40% изданий поступило из-за рубежа. Наиболее значительную прослойку светских книг иностранного происхождения составили сочинения античных авторов, из которых наиболее популярными были Аристотель, Гомер, Плутарх и Демосфен. Ранее античная тема была достоянием узкого круга духовенства.

Во второй половине XVII в. культура античного мира вызывает интерес у более широкого слоя читателей. В их числе лица светских профессий — своего рода русская "протоинтеллигенция".

В русской литературе середины и второй половины XVII в. протекали сложные и противоречивые процессы. Происходила острая борьба религиозного и светского начал. Церковные писатели в ряде случаев и сами посвящали свои усилия созданию произведений мирского содержания. Но еще явственнее сказывалось развитие светских жанров литературных сочинений, прежде всего демократическо-сатирического направления.

Тон задавал город, посад. Именно в этой среде возникают популярные повести о Ерше Ершовиче, Шемякином суде, голом и небогатом человеке, о горе и злочищении, о Савве Грудцыне. Горькая судьба посадского бедняка, которого всюду подстерегают беды, козни "богатых мужиков", продажный царский суд, была близка и понятна простому люду. Доставалось в этих произведениях и боярам, и судьям-лихоимцам, жадным до наживы купцам. Написанные колоритным разговорным языком, пересыпанные народным юмором, они ходили по рукам в многочисленных списках.

Одновременно из оппозиционных официальной церкви кругов священнослужителей выдвигается такой талантливый и самобытный автор, как протопоп Аввакум. Он составил автобиографическое жизнеописание, отличающееся яркой, образной речью, меткостью бытовых и психологических зарисовок, достоверностью описания русской жизни середины XVII в. Публицистические произведения Аввакума, направленные против церковного синклита и самого царя, снискали ему широкую известность.

К XVII столетию относятся первые сборники русских пословиц и поговорок, разнообразных и богатых по содержанию. Отдавая должное труду, мирной жизни, честности и правдолюбию, народные изречения не обходили острых социальных вопросов, смыкаясь в этом отношении с посадской демократической литературой.

Немаловажное место в литературе занимали героико-патриотические произведения. Наблюдается повышение интереса к истории борьбы русского народа за свое освобождение от захватчиков в минувшие века. Именно тогда появляется множество списков "Сказания о Мамаевом побоище", в том числе иллюстрированных ("лицевых"). Пятилетняя героическая оборона Азова донскими казаками породила популярные сказания об этом выдающемся событии.

В придворных кругах (особенно во второй половине столетия) получает распространение торжественно-панегирическая литература, посвященная коронованным особам по случаю знаменательных дней и событий (рождения, именин, восшествия на престол, военных побед и т.п.). В поэтическом жанре наибольшую известность получили стихотворения Симеона Полоцкого. Он занял особое положение при дворе, для него устроили даже специальную ("Верхнюю")

типографию, которая издавала произведения этого одаренного и трудолюбивого автора.

На литературно-художественную жизнь России второй половины XVII в. большое влияние оказало воссоединение с Украиной. На Русь переселилась большая группа украинских и белорусских писателей, художников, ученых. Приезжали также образованные люди из других стран. Хорват Юрий Крижанич долго жил в России, испытыв немало превратностей судьбы. Здесь он написал свои основные литературно-исторические и философские сочинения, отстаивая идею единства славянских народов под эгидой России. Заметный след в культурной жизни России оставил молдаванин Николай Спафарий-Милеску. Характеризуя итог литературного процесса в России второй половины XVII в., можно сказать, что наметился качественный сдвиг в художественном мироощущении, означавший переход к литературе нового времени.

В еще большей степени, нежели в литературе, тяготела церковная идеология над искусством. Культовая архитектура была определяющей — здания церквей возвышались в городах и селах, создавая своеобразные доминанты в облике населенных пунктов. Со времен патриаршества Никона было строго запрещено столь любимое народом нарядное “узорочное” оформление церквей. Стали изгонять из архитектуры храмов шатры. Но строители не без успеха обходили эти запреты, увенчивая шатровыми завершениями колокольни.

Практика применения приемов деревянного зодчества к возведению каменных построек выразилась и в элементах внешнего декора. Изящная резьба, цветной кирпич, расписные изразцы придавали зданию праздничный вид, радовали глаз. Зодчие тонко чувствовали особенности ландшафта и умело вписывали свои творения в окружающую природу. Этим достигалось совсем не отрешение от мира. Человек прежде всего видел и воспринимал красоту земного бытия и очарование родной природы. Впрочем, и церковь сама отступала от собственных установок в области архитектуры. Так, знаменитый Кремль в Ростове Великом был построен в виде хорошо укрепленного города, а сооружался он при авторитетном церковном деятеле митрополите Ионе. Если взглянуть на стены и башни Кирилло-Белозерского монастыря, возведенные в середине XVII в., создается такое же впечатление. Богатые купцы Никитниковы не пожалели средств на постройку замечательного храма во имя Троицы в центре Москвы. Своим великолепием и некоторыми конструктивными особенностями он напоминал богатый дворец.

Шаг за шагом гражданское зодчество завоевывает позиции, задает тон в строительстве. В известной мере этому способствовало правительство. Москва украшается великолепным Теремным дворцом, строятся в Кремле здания приказов. Против царской резиденции вырос капитальный Гостиный двор. Для иностранных представителей соорудили весьма выразительное по архитектурным формам здание с богатым интерьером. Любимые загородные усадьбы царского семейства — Измайлово, Коломенское — превращаются в дворцовые ансамбли. Особенно прославился деревянный дворец в Коломенском, построенный зодчими Семеном Петровым и Иваном Михайловым. Его именовали “восьмым чудом света”. Знать и богатое купечество заказывают каменные постройки не только в Москве, но и в других городах. Характерным для эпохи было возведение в Пскове палат купцов Поганкиных. Палаты напоминали крепость. Тут располагались контора, склады и жилье этого семейства, от которого многое зависело в жизни города.

Довольно широко осуществлялись градостроительные работы, в частности, на южных рубежах государства. Вопреки долго бытовавшему мнению о хаотической, неорганизованной застройке тогдашних русских городов в настоящее время все больше сторонников приобретает иная точка зрения. Она сводится к признанию определенной градостроительной системы со значительной долей регулирования со стороны властей, применением разнообразных приемов изме-

рения расстояний, площадей, высот, а также расчета необходимых возможностей для поселения жителей в соответствующем месте.

В области живописи господствовали каноны иконописания. Они давали себя знать не только в сугубо религиозных по содержанию росписях церквей, но также в изображении человеческого облика. Ведь православная церковь не признавала "натуры", почиталось греховным делом рисовать обнаженное тело. Талантливыми живописцами были Симон Ушаков, Иван Салтанов. В среде художников уже просыпалось чувство неудовлетворенности, они искали пути к преодолению устоявшихся канонов. Так, С. Ушаков в иконе "Великий архиерей" (1657 г.) решительно порвал с традиционной манерой. Вместо стандартно-строгого лика на зрителя смотрит прекрасное, одухотворенное лицо живого человека. Вместо пугающе темных тонов — рельефность изображения, реалистический контраст света и тени. Школа Ушакова оказала сильное влияние на русскую живопись того времени. Порой религиозная символика смыкалась с картинами повседневной жизни, отраженными на иных иконах и фресках. Случалось и так, что библейско-евангельские сюжеты в действительности использовались живописцами для осуждения социального зла и его носителей. Реставрированные не так давно фрески Костромского Ипатьевского монастыря помещают человека в царской короне в котел с кипящей водой. На иллюстрации одной из рукописей — купец-сребролюбец, считающий деньги, изображен в личине нечистой силы. В росписях церкви Ильи Пророка в Ярославле мастера нашли место для земного глобуса, экватора и меридиана, предметов явно не традиционных. Иконописные изображения исторических личностей (например Дмитрия Донского) позволяют говорить о том, что работе мастеров предшествовало знакомство с письменными источниками, ей также сопутствовало глубокое идейное осмысление фактов прошлого.

В 1672 г. искусными мастерами был выполнен царский заказ на портретные изображения всех великих князей и царей Руси, а также современных монархов других государств. Чем ближе к времени составления этого "Титулярника", тем заметнее тенденция художников изображать венценосные особы в приближенном к действительности виде.

Показательно и обращение некоторых художников к античной тематике. Таким образом, накапливались те явления художественного мировосприятия людей XVII столетия, которые нельзя иначе квалифицировать, как зримые признаки грядущих перемен в этой сфере, "обмирщения" искусства.

Столь же сложными были пути развития зрелищно-музыкальных видов искусства. Народный театр скоморохов подвергался гонениям не только церковных, но и светских властей. Издавались царские и патриаршие указы о борьбе с театрализованными действиями скоморохов. Музыкальные инструменты и маски насильственно изымались у населения и уничтожались. "Веселых" (так называли скоморохов) строго наказывали, изгоняли из городов. Кукольный театр Петрушки (зачастую сатирический, совсем небезобидный в социальном отношении) пользовался большой популярностью, как и медвежий цирк. Одна из иллюстраций в книге А. Олеария изображала кукольника.

Правящие верхи, однако, не чуждались театрально-музыкального времяпровождения. Еще при царе Михаиле придворные круги слушали музыку "скрыпотчиков", органистов, не говоря уже о гусярах, домрачеях и пр. Алексей Михайлович учредил придворный театр, поручив это дело немцу И.Г. Грегори. Первое представление состоялось в 1672 г. На сцене шла пьеса "Артаксерксово действо".

Сравнительно недавно в российских архивах и архивах Франции были обнаружены и опубликованы считавшиеся утраченными тексты этой пьесы. Значительно ранее "Тишайший" наказывал "призвать в Московское государство из немецких земель... мастеров комедии делать". На историческую тему, восходящую к нашествию Тимура, был дан спектакль "Темир-Аксаково действо".

Здесь проявилось знакомство авторов и постановщиков с античной мифологией (действовал Марс, упоминался Плутон). В.В. Голицын в своем доме разыгрывал “Доктора поневоле” Ж.Б. Мольера.

В сфере музыкальной культуры выкристаллизовываются (особенно со второй половины XVII в.) новые черты, свидетельствующие о постепенном отходе от обычаев церковного пения. Само оно претерпевает известную эволюцию: на место многогласия приходит (хотя и не без труда) единогласие, за которое ратовали просвещенные церковники. Не чужд был сочинению музыки царь Федор Алексеевич. Серьезным образом в среде тогдашних музыковедов обсуждался вопрос об издании нотных книг, об изучении различных школ композиторско-певческого искусства в России. Черты барокко проникают и в русскую музыку.

Ближе к концу XVII в. создаются оригинальные полифонические произведения В. Титова, Н. Калачникова и др. Происходило взаимообогащающее развитие русской национальной музыкальной культуры и культуры других народов, прежде всего славянских.

Шаг вперед совершили научные и технические знания в России. Были предприняты усиленные попытки разведать рудные месторождения, в первую очередь серебра и меди. Все больше внимания стал привлекать Урал, собирались сведения о его природных богатствах. Несколько лет там действовала поисковая экспедиция во главе с думным дворянином Я.Т. Хитрово. В ее состав входили сотни людей, местные жители привлекались для транспортных и других работ. Был построен укрепленный “Уральский городок”. Но миссия Хитрово не принесла успеха, экспедицию вернули с Урала, а городок сожгли. Частные рудознатцы и предприниматели обнаружили впоследствии знаменитые уральские самоцветы, залежи слюды, железа и приступили к их эксплуатации. Небольшие предприятия, промыслы возникали в тех местах, на которых позже выросли крупные мануфактуры по разработке горных недр.

Одновременно предпринимались робкие попытки защиты окружающей среды. Из Москвы в 1659 г. на места послали указ с запрещением без ведома правительства отводить участки под “будные станы”, требовавшие больших вырубок леса.

В производственной сфере обогатился арсенал орудий и инструментов. С введением в строй Тульских и Каширских заводов на Руси начали осваивать доменное дело. Поскольку предприятия были вододействующими, потребовалось строительство сложных гидротехнических сооружений – плотин с системой мельничных колес и передаточных устройств. Оборудование этих заводов отвечало техническому уровню эпохи, был использован передовой опыт западноевропейских стран. Примечательно появление переводных технических описаний и руководств по “мельничным заводам”.

Растущие масштабы деревообработки способствовали усовершенствованию техники и здесь. Наряду с традиционным орудием русского плотника — топора — появляется пила. Возникают крупные предприятия по изготовлению досок — “пильные мельницы”.

Товарно-денежные отношения, развитие торгового оборота, военного дела стимулировали углубление математических знаний. Издаются удобные в пользовании таблицы умножения. На исходе столетия появляется пособие в переводе “Приемы циркуля и линейки”. В практику широко входят счеты с передвижными косточками. К середине XVII в. относятся достаточно точные известия о гелиоцентрической системе Коперника, ставшие достоянием пока еще узкого круга образованных людей. От той поры сохранились книги и рукописи астрономического содержания, в основном это были переводные или компилятивные сочинения.

Заметно повышается интерес к различным отраслям ботаники, зоологии, медицины. Аптекарский приказ из придворного ведомства превращается в

общегосударственное учреждение со штатом докторов, лекарей, аптекарей. При нем открыли “Школу русских лекарей”. Используя данные западноевропейских авторов, русские знатоки лекарственных трав существенно дополняли соответствующие труды (лечебники, фармакопеи) отечественным материалом. Немало в этой области сделал холмогорский епископ Афанасий. Вековой опыт народной медицины оказывал свое сильное влияние.

Говоря о гуманитарном цикле научных знаний, следует отметить поступательное движение исторической науки. В изучаемое время она обнаружила признаки отхода от провиденциалистских установок традиционного летописания. Попытки подняться на новый уровень отразились в ряде исторических произведений (“Скифская история” А. Лызлова). В известной мере систематическое изложение истории заключал “Синописис” И. Гизеля, первоначально изданный в Киеве и опубликованный затем в Москве с дополнениями из русских летописей. Эта книга надолго стала учебником по отечественной истории.

О предназначении истории как науки ясно высказался один анонимный автор того времени, назвав ее “свидетельницей всех веков светом истине, жизни учительницей”.

Общее направление развития русской культуры изучаемого времени не осталось незамеченным для наиболее вдумчивых и наблюдательных иностранцев, не склонных только в уничижительном плане отзываться о нашей стране в XVII столетии. Отмечалось, в частности, что даже за 30 лет изменения в культурной жизни отличаются “как день от ночи”.

На культурно-исторический процесс в России влияло растущее международное общение. Интерес к другим странам и народам отвечал назревшим потребностям дальнейшего развития русского общества. Этот интерес не был исключительной принадлежностью небольшой группы “западников” в лице А.Л. Ордина-Нащокина, В.В. Голицына, А.С. Матвеева и др. Подобно тому, как английский и голландский флоты строились в немалой мере из русского леса, оснащались канатами из русской пеньки, в России широкое хождение имели разнообразные товары западноевропейского и восточного производства. В Россию все чаще приезжали иностранцы, чтобы поступить на службу и обосноваться здесь. В течение XVII в. сформировалась довольно устойчивая группа “московских торговых иноземцев”, которые владели дворами в столице, жили тут постоянно с семьями (Виниусы, Вестовы и др.). На пороге XVIII в. Немецкая слобода была одной из самых многолюдных в Москве, служа своеобразным связующим звеном между Россией и Западом.

Одним из самых выразительных фактов укрепления отношений с другими европейскими странами в культурной сфере служит наличие большого фонда немецких газет XVII в. в русских архивах того времени. Среди них — уникальные издания, не встречающиеся в хранилищах самой Германии и других государств. На основе данных зарубежных газет, официальной и частной переписки в Посольском приказе составлялись рукописные “Вести-Куранты” для осведомления правительства обо всем, что происходило в тогдашнем мире.

С 60-х годов XVII в. была налажена регулярная почтовая связь с Ригой (“рижская почта”). Благодаря этому улучшилась коммуникация с другими странами Европы, возросли возможности взаимной информации. Богатейшие сведения были собраны о других государствах и народах благодаря частым поездкам русских посольств за рубеж. Статейные списки послов сообщали разнообразный материал о жизни, нравах и обычаях иных стран. Причудливое отражение фантастических сюжетов как Запада, так и Востока в национальной обработке являли собой некоторые русские сказки, записанные в XVII в., например, сказка о Еруслане Лазаревиче. Ранее шла уже речь о распространении в России переводной литературы самого разного содержания. В бытовом укладе жизни также заметны признаки того явления, которое получило позже наименование “европеизации”.

Яркую страницу в истории великих географических открытий вписали русские люди. К середине XVII в. мореплаватели и землепроходцы, двигаясь “встречь солнца”, достигли северо-восточной оконечности Евразии, побережья Тихого океана, вышли на Амур. Тысячеверстные неизведанные дотоле просторы Сибири и Дальнего Востока были побеждены и стали раскрывать свои тайны перед мужественными, трудолюбивыми и пытливыми первопроходцами. Это великое движение на восток было продолжением освоения русским народом Севера Европы предыдущей поры. Его пионерами были жители Поморья — крестьяне и посадские промышленники — охотники, торговцы. Сибирь привлекала правительство России и торгово-промышленных людей своими пушными богатствами, ценность которых особенно возросла после открытия торговли с Западной Европой через Архангельск.

Как известно, идея достижения Индии и других южных стран Северным морским путем не раз возникала в кругах западноевропейских правителей, ученых, мореплавателей, искателей добычи и приключений. Но к тому времени русские мореходы уже освоили путь в Мангазею, этот участок Северного морского пути был им хорошо знаком, и они делились своими познаниями с западными путешественниками, которые им встречались в водах Баренцова моря. По словам русских современников, из Архангельска в Мангазею “по вся годы ходят кочами многие торговые промышленные люди со всякими немецкими товарами и с хлебом”.

Богатый материал, добытый учеными, с неопровержимостью доказал, что русские полярные мореплаватели были оснащены самыми передовыми для того времени средствами навигации и ориентировки (компас, солнечные часы, карты-лоции и т.п.). Есть основания полагать, что суда строились не “на глазок”, а по чертежам, применялось моделирование. Да и сам город Мангазея предстает ныне перед нами как явление поистине замечательное с точки зрения планировки и застройки, архитектурных форм, бытового уклада жизни. Выясняется, что это был не перевалочный пункт для сотен и тысяч промышленников, а настоящий город с постоянным населением, развитым ремеслом, налаженным городским хозяйством.

Правительство стремилось взять контроль за положением дел в Сибири в свои руки. Для проводывания новых “землиц” и приведения в подданство аборигенов в целях обложения их налогом пушвиной (ясаком) снаряжаются отряды служилых и “охочих” людей. Нередко такие экспедиции организовывались на страх и риск частных лиц. Все далее в тундру и тайгу севера, в степи юга Сибири продвигались обычно немногочисленные отряды казаков, промышленников, торговцев — людей инициативных, смелых, готовых на лишения и непредвиденные трудности дальних походов.

Продвижения землепроходцев и мореходов, как правило, сопровождались и завершались составлением письменных “сказок” и “рописей” о местах, где они побывали, с описанием природы и населения. Эти документы — неоценимого значения источники об открытиях русских в Сибири.

Наряду с такими повествовательными материалами русские землепроходцы составляли “чертежи” новых земель. Необходимость представления “чертежей” подчеркивалась во многих правительственных наставлениях местным воеводам и начальникам отрядов служилых людей. Это способствовало накоплению географических знаний и подготовке сводных “чертежей” — по сути своей карт Сибири XVII в.

Первая такая карта появилась уже в 1667 г. (так называемый “Годуновский чертеж” Сибири — по фамилии тогдашнего тобольского воеводы Петра Ивановича Годунова).

Этапами географических открытий явилось последовательное продвижение землепроходцев к четырем великим сибирским рекам — Оби, Енисею, Лене и Амуру.

Относительно Оби в Западной Европе долгое время существовали весьма смутные и противоречивые представления. Как только бассейн нижнего и среднего течения Оби оказался в пределах России, об этой реке появились сообщения в русских дипломатических документах, предназначенных для информирования иностранцев.

Чрезвычайно важным было установление того факта, что Енисей впадает в то самое “Студеное море”, по которому из Западной Европы плавают к Архангельску.

Дальнейшее продвижение в восточном направлении привело к открытию русскими “великой реки Лены”. Здесь в 1632 г. был построен Якутск, ставший опорным пунктом для новых экспедиций.

К великому географическому открытию привело плавание С. Дежнева — Ф. Алексеева. Дежнев еще в 1647 г. пытался морем пройти на таинственную реку Анадырь, о которой ходили слухи среди русских людей, но его “ледом до Анадыри-реки не пропустило”, вследствие чего пришлось вернуться. Но решимость достигнуть намеченной цели не покинула Дежнева и его товарищей. Они стали готовиться к новому походу.

20 июня 1648 г. из устья Колымы отправилась новая экспедиция на семи кочах, на которых находилось 90 человек экипажа во главе с С. Дежневым и Ф. Алексеевым. Начало плавания не предвещало ничего доброго. Вскоре после выхода в море из вида исчезли четыре судна. Участники экспедиции терялись в догадках, но ничего о судьбе товарищей так и не узнали, вестей от них не поступало. Но плавание было продолжено. Оставшимися тремя судами командовали Дежнев, Алексеев и Герасим Анкудинов. Недалеко от “Чукотского носа” (позже названного мысом Дежнева) погиб коч Анкудинова. Суровые ледовые просторы заявляли о себе ежеминутно. Продолжать путь становилось все труднее. Однако русских мореходов это не остановило. Экспедиция двинулась далее, приняв на борт оставшихся двух судов потерпевших кораблекрушение. В отписке Дежнева якутскому воеводе было рассказано о дальнейших событиях похода 1648 г. скупо, но выразительно.

В сентябре 1648 г. Дежнев и Алексеев обогнули крайнюю оконечность материка, пройдя проливом, отделяющим Евразию от Америки. По словам отписки С. Дежнева, миновав “нос”, мореходы высаживались на берег. В стычке с чукчами был ранен Ф. Алексеев. Дальнейшее плавание протекало с невероятными затруднениями. “Того Федота (Алексеева. — А.П.) со мною, Семейкою, — поведал позже Дежнев о превратностях похода, — на море разнесло без вести, и носило меня, Семейку, по морю... всюду... и выбросило на берег... за Анадырь-реку”. Это случилось примерно в октябре 1648 г. С Дежневым находилось 25 служилых и промышленных людей. Оказавшись южнее устья Анадыря, участники экспедиции шли “все в гору, сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы”. Десять недель длилось это изнурительное путешествие, прежде чем Дежнев со спутниками увидел устье долгожданной реки Анадырь — их заветной цели. Слухи о богатых лежбищах морского зверя в этих местах подтвердились, обнаружилось на морском берегу и кости моржей (“рыбий зуб” — драгоценный материал для всевозможных поделок, желанная добыча охотников).

Лишь в следующем году Дежнев и немногие его товарищи, оставшиеся в живых, построили лодки и двинулись вверх по Анадырю. Выполняя полученный наказ, землепроходец обложил ясаком местных жителей, основал зимовье (позже — это Анадырский острог) и наконец добрался до своих. Места по реке Анадырь Дежнев изобразил на “чертеже”.

Судя по всему, Семен Дежнев и его спутники не придали значения своему открытию — оно для них было лишь одним из эпизодов их ледовой многотрудной одиссеи. Но потомки оценили этот выдающийся подвиг и воздали должное героям.

Остается открытым вопрос о том, был ли повторен в XVII в. путь Дежнева—Алексеева через пролив. Высказывалось мнение, что это состоялось где-то в середине 60-х годов XVII в., но сведения на сей счет очень скудны. Длительное время живший в Сибири (1661—1676 гг.) Юрий Крижанич вынес из Тобольска сведения, согласно которым русские землепроходцы разрешили сомнения, соединяется ли Северный Ледовитый океан с Тихим. Они утверждали, что “сказанные моря ничем друг от друга не отделены..., Сибирь, Даурия, Никания и Китай с востока омываются сплошным океаном”. Здесь имелось в виду по меньшей мере плавание Дежнева—Алексеева, а, возможно, и какие-то последующие, о коих не сохранилось письменных известий. На русских картах Сибири 1667 и 1672 гг. показывали свободным проход от Колымы до Амура.

Эта идея воплотилась и на некоторых западноевропейских картах. На анонимной карте (Лейден, 1736 г.) изображена северо-восточная оконечность Азии, сопровождаемая подписью: “Русские суда проходят здесь, чтобы идти на Камчатку”. Почти одновременно на изданной в Амстердаме карте встречается текст о русских судах, на которых совершаются плавания для торговли с камчадалами.

Шведский ученый Стралленберг поднес Петру I составленную им карту, где против устья Индигирки значилась надпись: “Отсюда русские... достигли с громадным трудом и опасностью для жизни Камчатки”. Впоследствии возможность осуществления таких плаваний предполагала одна запись о Северном Ледовитом океане из неопубликованного географического словаря второй половины XVIII в.: “... по найденным в Якутском архиве известиям явствует, что с 1636 года начали ездить из Якутска по Ледовитому морю и что российские промышленные и козаки около так называемого Чуконского носа дошли до Камчатки”. Но в географической науке XVII — начала XVIII в. продолжали бытовать и представления о существовании непреодолимого, теряющегося во льдах “камня”. Вопрос о том, соединяется ли Азия с Америкой, еще требовал новых исследований.

О судьбе сподвижника С. Дежнева — Ф. Алексеева сохранилось свидетельство жителей Камчатки — ительменов. Они поведали С.П. Крашенинникову, когда он путешествовал по Камчатке, что в тех местах первым русским был некто Федот, который долго жил между ними, в его честь назвали речку Федотовщиной. Дежнев долгие годы нес службу на далеком севере и старался разузнать о Ф. Алексееве. По его данным, Ф. Алексеев и Г. Анкудинов “померли цынгою”, а другие уцелевшие с их судна мореходы в лодках отправились в неизвестном направлении. В научной литературе не отвергается мысль, что какие-то русские люди, возможно из дежневской экспедиции, достигли Аляски.

Выдающихся результатов в обследовании районов Восточной Сибири и Дальнего Востока достигли другие русские экспедиции середины XVII столетия.

В 1638 г. из Бутальского зимовья вышел отряд из 30 служилых людей под началом Ивана Юрьевича Москвитина. Задача перед И. Москвитиным была поставлена такая: выйти “на большое море-окиян, по тунгусскому языку Ламу”. Речь шла о продвижении к Охотскому морю, т.е. к Тихому океану. Москвитин проплыл по Алдану, поднялся вверх по его притоку Мае. Затем отряд волоком перебрался на реку Улью, которая вывела его на побережье Охотского моря. Москвитин и его сподвижники были первыми русскими, по сухопутью достигшими побережья Тихого океана. Они провели на побережье два года и предприняли большое каботажное плавание, обследовав значительный участок берега Охотского моря от устья реки Тауй на севере до устья реки Уды на юге. От местных жителей они узнали также о лежащей южнее реке Амур.

Несколько позже отряд Алексея Филиппова представил в Якутске после возвращения из похода “Роспись от Охоты реки морем идти подле земли... каковы где

места и сколько где ходу и где каковы реки пали в море и где морской зверь ложитца и на которых островах". Перед нами — первая лоция северо-западного побережья Охотского моря.

Для исследования и присоединения земель по Амуру было предпринято несколько экспедиций из Якутска. В июле 1643 г. якутский воевода П.П. Головин вручил наказ письменному голове Василию Даниловичу Пояркову. Наказ повелевал отряду В.Д. Пояркова "иттить ... на Зию и Шилку реку для ясачного сбора и прииску неясачных людей и для серебряной и медной и свинцовой руды". Предписывалось также "чертежи и роспись дороге своей и волоку и Зие и Шилке рек и падучим в них рекам... прислать за своей Васильевой рукой". С Поярковым в поход отправился отряд из 132 человек. Путь пролегал вниз по Лене, затем по Алдану до устья реки Учур. Далее Поярков преодолел волок ("через Зийские хребты") и по реке Зее достиг Амура. Проплыв по Амуру до его низовьев, отряд Пояркова собрал разнообразные сведения о "Даурской земле" (так тогда именовалось Приамурье) и ее населении, описал путь экспедиции, продолжавшейся три года. Землепроходцы обследовали также прибрежную полосу Охотского моря, пройдя по нему на судах до устья реки Ульи. Экспедиция Пояркова на Амур — первое путешествие европейцев в эти места, занимающее почетное место в географических открытиях эпохи.

Вернувшись в Якутск, Поярков представил обстоятельные отчеты о походе, что стимулировало новые меры по исследованию и присоединению Приамурья. Вести об этих благодатных краях широко разнеслись не только в Сибири, но в других районах России.

В глазах людей того времени "Дауры" представлялись едва ли не сказочной страной, где можно поселиться в поисках лучшей жизни.

В 1649—1652 гг. плавание по Амуру повторил Ерофей Павлович Хабаров во главе отряда, в состав которого входили также вольные "охочие" люди. Хабаров в одном лице сочетал должность приказного человека и частного предпринимателя.

К этому времени он хорошо освоился в Сибири. Еще в феврале 1632 г. его имя встречается среди торговых людей, прошедших "с Руси" на нартах через г. Березов. Спутник Хабарова Иван Нагиба с горстью казаков проделал путь по Амуру до его впадения в море. Их судно погибло, казаки до берега добрались вплавь.

Экспедиция Хабарова существенно пополнила сведения об Амуре, его притоках, о туземном населении и его занятиях. С той поры путь из Якутска на Амур обычно избирался не по Алдану, как при Пояркове, а по Олекме и далее через Тугирский волок. Русскими была открыта и описана еще одна дорога на Амур — из Забайкалья. По этим путям в Приамурье двинулись самовольно большие группы людей для поселения в тех местах. Один такой отряд состоял из 300 человек.

Продвижение русских землепроходцев к берегам Тихого океана и Амура сопровождалось также другими открытиями. В 1643 г. было открыто озеро Байкал.

Во время похода И. Москвитина в 1640 г. его участники оказались вблизи острова Сахалин — на три года ранее голландского мореплавателя Де Фриза. Об этом загадочном острове более подробные данные сообщили поярковцы. Еще до завершения экспедиции Пояркова в Якутске побывал его посланец, казак Микула Тимофеев. Он и рассказал о Сахалине в Якутской приказной избе. Один из отрядов экспедиции Хабарова, во главе которого находился О. Степанов, проплыл вверх по Уссури, т.е. побывал в пределах современного Приморья. К середине XVII в. относится открытие русскими Курильских островов. Походы В. Атласова в конце XVII в. закрепили за Россией гигантский полуостров Камчатка.

Все эти замечательные события на востоке Азии составляют подвиг русских землепроходцев и мореплавателей. За короткое время было совершено множест-

во выдающихся географических открытий. Не все они были оценены современниками, но уже тогда европейская наука обогатилась за счет огромного материала о неизвестных землях и морях, с невероятными трудностями, нередко ценой жизни, добытых русскими людьми. Карты Сибири XVII в., имевшие хождение в странах Европы, по существу были русскими картами. Географические и этнографические труды (Ф. Авриля, Н. Витзена и др.) также базировались в основном на материалах русских источников информации о Сибири. Разведанные русскими посольствами и описанные ими в отчетах (статейных списках) сухопутные дороги в Китай вызвали большой интерес в странах Европы и были учтены тогдашней наукой.

Часть третья

ЕВРОПА В ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ

- 1. Развитие промышленности и торговли Западной и Центральной Европы*
- 2. Европейская агрикультура в XVII–XVIII веках (к западу от Эльбы)*
- 3. Социально-экономическое развитие России*
- 4. Экономика и социальное развитие Славяно-Балканского региона*
- 5. Европейское Просвещение*
- 6. Общественная мысль и культура России*
- 7. Культура и общественная мысль славянских и балканских народов*
- 8. Ранние буржуазные государства и “просвещенный абсолютизм” в Европе*
- 9. Религия и церковь в Западной Европе*
- 10. Государственный строй России*
- 11. Церковь и государство в России*
- 12. Классовая борьба в России*
- 13. Начало промышленного переворота в Англии*
- 14. Система международных отношений в Европе*
- 15. Внешняя политика России*

Глава 1

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ ЗАПАДНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

В XVIII в. Англия была страной, где различные направления первоначального накопления, исторически распределявшиеся между разными странами (Испанией, Португалией, Голландией, Францией и самой Англией), систематически объединились в колониальной системе, системе государственных займов, современной налоговой системе, системе протекционизма. Превращение в единую систему всех составных частей первоначального накопления капитала стало возможным в результате внутренней и внешней политики, проводившейся после “славной революции” 1688 г. и в конечном счете определявшейся интересами буржуазии. Развитие мануфактурного капитализма в национальном масштабе было немыслимо без сложного комплекса социально-экономических преобразований. Для создания инфраструктуры, необходимой для интенсивного прогресса мануфактуры, требуются кооперация в течение длительного времени массы рабочих разнообразных специальностей, концентрация этой массы, не сообразующаяся во многих случаях с традиционным размещением населения.

Уровень налогообложения в Англии во второй половине XVII в., по мнению известного статистика того времени Г. Кинга, составлял лишь треть голландского. При этом система налогообложения в значительной мере обходила капитал, вложенный в промышленность. Именно в Англии благодаря первоначальному накоплению задолго до окончания мануфактурного периода были созданы наиболее благоприятные условия для развития капиталистической промышленности. Продолжающийся процесс первоначального накопления, переплетаясь со спецификой функционирования раннего капитализма, образовал в XVIII в. в Англии обширнейший рынок рабочей силы.

То же можно сказать и о природных ресурсах. Они давали исходное сырье, прежде всего железную руду, каменный уголь, шерсть, для тех отраслей производства, которые были призваны сыграть ведущую роль в последующем промышленном развитии. Те виды сырья, которых недоставало в самой Англии, бесперебойно и полностью обеспечивались поставками в достаточном количестве и по сравнительно низким ценам из английских колониальных владений и других стран. Однако было бы ошибочным преувеличивать значение природных факторов. Богатые запасы железной руды, угля, изобилие леса и шерсти имелись и в некоторых других странах Западной Европы, а уровень технических знаний, в частности в горном деле и металлургии, был выше на континенте, чем в Англии, по крайней мере до второй трети XVIII в.

Английская революция середины XVII в. была первой буржуазной революцией европейского масштаба, но отнюдь не первой из ранних буржуазных революций. Вернее было бы сказать, что она была последней из них (если не считать “славной революции”, завершившей ее дело). Кроме того, она была отделена более чем полутора столетиями от следующей крупной буржуазной революции – Французской. Такой разрыв во времени во многом определил создание благоприятных международных условий для развития английского капитализма. При этом выгодные для Англии “аспекты” внешней среды были связаны не только с уровнем развития других европейских стран, но и с тем

влиянием, которое она оказывала на них. Как известно, мануфактурное разделение труда развивает и расширяет общественное разделение труда, что можно проследить в XVIII в. не только в самой Англии, но и в других странах Европы. Нельзя забывать и о возможностях, которые открывались для английской буржуазии в торговле с колониями. Автор известного описания Англии в начале XVIII в. Дж. Чемберлен с удовлетворением констатировал: «Наша торговля самая значительная во всем свете, и, по правде говоря, среди всех стран Великобритании является наиболее подходящей для торговли как по причине своего островного положения, так и благодаря своей свободе и превосходной конституции»¹.

В начале XVIII в. мануфактурное производство в Европе вступило в последний этап своего развития, непосредственно предшествовавший промышленной революции. Мануфактура нигде не могла охватить общественное производство во всем его объеме и преобразовать его до самых основ, которыми оставались городское ремесло и сельские промыслы. Тем не менее в некоторых районах в определенных отраслях производства мануфактура полностью подчиняла себе ремесло. Так, в середине XVIII в. (в 1751 г.) французский правительственный чиновник сообщал, что в городе Анже «очень много ткачей, однако почти все работают на счет буржуа, которые снабжают их пряжей, и почти нет работающих за свой счет»². Полное преобладание мануфактуры над ремеслом было достигнуто лишь в XVIII в. в Англии и Голландии, в ряде отраслей производства Франции и в отдельных производствах в других странах. При этом в Англии и Голландии и, в значительно меньшей степени, во Франции речь шла о преимущественно зрелых формах крупного мануфактурного производства, тогда как в других странах такие формы встречались скорее в виде исключения.

Общий хозяйственный подъем приводил к демографическому росту, в свою очередь имевшему серьезные социальные и экономические последствия. Население Европы возросло примерно со 118 млн человек в 1700 г. до 140 млн в 1750 г. и 187 млн в 1800 г. Несомненно, что этому росту способствовали не только создание дополнительных рабочих мест благодаря развитию мануфактур, но некоторые улучшения медицинского обслуживания части населения, распространение в быту элементарных гигиенических норм, введение прививок против оспы. Наиболее быстро росло население в Англии, за столетие оно увеличилось вдвое — с 5—6 млн до 11 млн человек. Во Франции население возросло с 16 млн в 1715 г. до 26 млн в 1789 г. В европейской части России численность населения увеличилась примерно на половину — с 18 млн до 27 млн, но этот рост частично объясняется вхождением в состав российского государства новых земель.

Несомненно, что последствия демографического роста были различными в зависимости от общественных условий в разных европейских странах. В раннебуржуазных странах и во Франции он способствовал умножению на рынке труда свободных рабочих рук, в которых нуждалась мануфактура, расширению емкости рынка для сельскохозяйственных и промышленных товаров. В феодальных странах он подтолкнул процесс расслоения крестьянства, увеличивая число обезземеленных и малоземельных. Бросается в глаза относительно медленное возрастание за немногими исключениями (Лондон и др.) населения городов — оно нигде в Европе не превосходило 20% всего населения, кроме Фландрии и Брабанта (24%), Голландии (55%) и Сицилии. Миграцию деревенского населения в города значительно ограничивало развитие капиталистической домашней промышленности в сельских районах.

Одной из особенностей экономического развития Европы в XVIII в. являлось

¹ *Chamberlayne J. Magnae Britanniae Notitia or the Present State of Great Britain. L., 1708. Vol. 1. P. 42.*

² *Dauphin V. Recherches pour servir à l'histoire de l'industrie textile en Anjou. Angers, 1916. P. 60, 122.* Цит. по: *Далин В.М. Из истории революционного и социалистического движения во Франции. М., 1970. С. 318–319.*

то обстоятельство, что особо быстрый рост промышленности наблюдался на двух ее полюсах — на крайнем Западе, в раннебуржуазных государствах, а также Франции с ее уже развитым буржуазным укладом, а с другой стороны — на крайнем Востоке, в России, где, несмотря на господство феодального строя, отмечалось ускоренное развитие крепостной мануфактуры. За первую половину XVIII в. Англия укрепила свое положение наиболее развитой в промышленном отношении страны Европы. Франция сумела сохранить и даже несколько увеличить удельный вес своей промышленности по сравнению с другими европейскими странами. Напротив, буржуазная Голландия утратила былое значение. В целом медленные темпы развития сохранялись в Центральной Европе (за исключением отчасти Пруссии, Саксонии, районов Нижнего Рейна и Чехии, входившей в состав габсбургской державы). Рост добывающей промышленности происходил временами в Швеции. Не только не ослабела, но еще более отчетливо проявила себя тенденция перехода экономического преобладания от районов Южной Европы (даже там, где, как в Северной Италии, были заметны признаки преодоления длительного упадка) к северо-западной ее части, особенно к раннебуржуазным государствам и странам с относительно развитым капиталистическим укладом. Общую картину не меняло и то, что Испания постепенно стала оправляться от глубокого хозяйственного упадка второй половины XVII — начала XVIII в. Что касается Юго-Восточной Европы, входившей в состав Османской империи, а также Польши, то там отдельные черты подъема были слабо различимы на общем фоне экономического застоя.

* * *

В XVIII в. уровень развития мануфактуры определялся прежде всего широтой охвата ею различных отраслей промышленности, степенью воздействия на общественное производство, а не преобладанием централизованной или рассеянной ее формы. Скорее, как раз широта распространения мануфактурного производства приводила к снижению удельного веса централизованной мануфактуры. В Баварии при существовании трех-четырёх десятков централизованных мануфактур к 1770 г. на них было занято лишь 0,12% населения. Централизованные мануфактуры, как государственные, так и частные, в большинстве стран выполняли нередко главным образом правительственные заказы на оружие, боеприпасы, снаряжение либо сосредоточивались на изготовлении дорогостоящих предметов, как, например, фарфоровые мануфактуры в Саксонии, Пруссии, Баварии, мануфактура тонких сукон в Гвадалахаре в Испании и т.п. Эти последние в большей степени зависели не только от правительственных заказов, но и от государственных дотаций, поскольку не могли рассчитывать на весьма нестабильный спрос на внешних рынках (успех саксонских фарфоровых изделий был скорее исключением из правил). Выбатывавшиеся ими изделия — часы, зеркала, дорогие ткани — медленно входили в обиход относительно широких кругов населения.

Конечно, централизованная мануфактура обладала рядом преимуществ, она была более удобной формой при специализации производства, отпадали расходы, связанные с перевозкой полуфабрикатов, поскольку весь производственный процесс от начала и до конца осуществлялся под одной крышей. Но эти преимущества уравновешивались издержками, связанными со строительством и содержанием специальных зданий, расходами, которые были необходимы для переселения работников с их прежнего места жительства, и т.д. В большинстве производств централизованная мануфактура не являлась более рентабельной, чем рассеянная мануфактура. Даже спорадическое применение рабочих машин в отдельных операциях оказывалось возможным в обоих видах мануфактуры.

Централизованные мануфактуры в обрабатывающей промышленности, основанные частными предпринимателями, существовали, как правило, лишь в раннебуржуазных странах или странах с уже развитым капиталистическим укладом.

Характерным примером создания крупной централизованной мануфактуры было предприятие, основанное Джоном Ламбом. Выходец из семьи нориджского промышленника, Ламб отправился в Италию, где, работая на шелковой мануфактуре, сделал чертежи применявшихся там станков. После возвращения в Англию в 1718 г. Ламб получил королевский патент и с помощью инженера из Дерби Д. Сорколда, а главное — финансовой поддержки со стороны родственников, основал крупную шелковую мануфактуру. К 1724 г. на ней в две смены, круглосуточно, трудилось более 300 рабочих, в основном женщин и детей. Ламбу удавалось продавать шелковые ткани по цене на треть более низкой, чем стоили импортируемые итальянские изделия.

Распространенным видом централизованной мануфактуры были предприятия, выросшие из ремесленных мастерских и нанимавшие обычно лишь по несколько рабочих. Такие предприятия находились в Шеффилде, Бирмингеме и других центрах британской железоделательной промышленности. По сути дела, аналогичными были формы шерстоткацкого производства в Йоркшире, где владельцы небольших мастерских, являвшиеся обычно и собственниками 10–15 акров земли, исполняли сами с помощью членов семьи или, в большинстве случаев, немногих наемных рабочих все производственные процессы (кроме конечной обработки сукна) и продавали готовую продукцию на местном рынке. Расширение размеров такой мастерской превращало ее в небольшую централизованную мануфактуру. Более крупные централизованные мануфактуры развивались там, где производство сосредоточивалось в городах — например, в рафинировании сахара, мыловарении, пивоварении, винокурении. Надо учитывать, что производство алкогольных напитков стало одной из быстро растущих отраслей промышленности. Так, в Англии производство джина выросло с 0,5 млн галлонов в 1680 г. до 7 млн в 1751 г.; столь же быстрыми темпами увеличивался и импорт. Впрочем, и эти цифры не дают полной картины, поскольку не включают не учтенные статистикой производство и контрабандный ввоз алкоголя.

Образцами крупной централизованной мануфактуры являлись судоверфи и военные предприятия, принадлежавшие казне. Литье пушек, мортир, гаубиц, а также производство пороха осуществлялось на государственных мануфактурах. Однако значительная часть оружия изготовлялась на частных предприятиях, обычно небольшого размера, по заказам военного ведомства.

Казенные предприятия преобладали в добывающей промышленности Швеции, которой до середины XVIII в. принадлежало первое место в вывозе железной руды. В ее добыче широко применялась сила воды (“вододействующие” машины и другие механизмы), в качестве топлива использовались дерево и древесный уголь.

Во Франции централизованные мануфактуры получили широкое распространение в военном производстве, в добыче полезных ископаемых. Примером могут служить Анзенские каменноугольные копи. Владевшая ими компания нанимала в 1732 г. сотни, а к 1789 г. уже четыре тысячи рабочих. В 80-е годы XVIII в. во Франции производилось 130–140 тыс. т чугуна — вдвое больше, чем в Англии. На крупных металлургических предприятиях Дитриха в Страсбурге было занято 800 рабочих. Казна владела большими железоделательными мануфактурами в Бресте и Тулоне. Ей принадлежали также мануфактуры, изготавливавшие предметы роскоши (выделка гобеленов в Париже и т.д.). Эти мануфактуры имели многочисленные льготы. Крупные централизованные мануфактуры встречались также в шерстоткацком производстве. В 40-е годы XVIII в. на централизованной мануфактуре Ван-Робэ в городе Абвиле было занято около 1800 прядильщиков и ткачей. Еще не менее 10 тыс. рабочих из окрестных мест поставляли на мануфактуру полуфабрикаты. В городе Вьенне (в Дофине) накануне 1789 г. существовала мануфактура, на которой было занято 517 человек, на нее, кроме того, работало еще 1500 рабочих. В мастерских ситценабивной

мануфактуры Пурталеса-Риго в середине XVIII в. было занято 700 человек, на мануфактуре Дольфюса в Тане — 724. Почти все владельцы ситценабивных мануфактур нанимали в Вогезских долинах прядильщиков и ткачей: Стефан (в 1786 г.) — 1200, Зенн-Биндерман — 1800, Пурталес — 2300.

Примерно такое же положение наблюдалось и в Чехии, где на централизованной мануфактуре в Нова-Кидне в 1770-х годах работало 297 человек, и в то же время 1400 прядильщиков и 100 ткачей-надомников доставляли на мануфактуру изготовленные ими изделия. Подобного рода предприятия как исключение встречались и в других странах, в том числе в Швейцарии, Испании, Пруссии. Однако как раз пример Пруссии показывает, что нередко организация централизованной мануфактуры диктовалась не ее большой рентабельностью, а являлась вынужденной мерой, поскольку она была основана на использовании принудительного труда. В Пруссии в первые десятилетия XVIII в. к прядению хлопка и шерсти широко привлекали солдат, и казармы становились своеобразной централизованной мануфактурой. В некоторых странах в такие мануфактуры превращались различные заведения, имеющие возможность применять принудительный труд, — сиротские приюты, исправительные и рабочие дома, иногда даже тюрьмы.

Основной формой и на последнем этапе мануфактурного периода оставалась рассеянная мануфактура. Ее широкое распространение, рентабельность и конкурентоспособность не только были обусловлены организационными или техническими причинами — прежде всего они являлись следствием взаимодействия капиталистического уклада с феодальным и другими хозяйственными укладами. В Англии интенсивный процесс обезземеливания крестьянства, а в странах континентальной Европы кризис феодального строя (хотя они переживали разные стадии этого кризиса) создавали почти повсеместно в деревне многочисленный слой людей, в основном, но еще не полностью отчужденных от средств производства. Эти лица, владевшие на основе старых держательских прав или аренды крохотными участками, не могли жить на доходы от занятия сельским хозяйством, но продолжали цепляться за свои клочки земли. Остро нуждаясь в дополнительных источниках существования, эта часть деревенского населения оказалась наиболее подходящим объектом для превращения в рабочих капиталистической домашней промышленности. Иногда — хотя вовсе не обязательно — подобному превращению предшествовало занятие деревенскими промыслами, которые постепенно подчинял себе купец-предприниматель.

Рост товарно-денежных отношений и общая тенденция к усилению феодальной эксплуатации и фискального гнета со стороны абсолютистского государства заставляли искать дополнительные источники дохода и среднее крестьянство. А деревенская верхушка по тем же причинам оказывалась склонной к принятию на себя функций посредника между купцом-предпринимателем и непосредственными производителями (занимаясь раздачей сырья и получением готовой продукции) или к превращению в мелких хозяйчиков, использовавших труд одного или нескольких наемных рабочих и тоже нередко являвшихся своего рода приказчиками купца-мануфактуриста. В этих условиях низкая, как правило, оплата рабочих домашней промышленности, возможная как вследствие их разобщенности, так и потому, что они имели другим источником существования сельское хозяйство, делала особенно выгодной для капиталистов форму рассеянной мануфактуры. Она избавляла их от затраты средств на содержание производственных помещений, от многих других издержек. К тому же централизованные мануфактуры обычно возможно было создавать лишь в городах, где еще подчас было сильно сопротивление цехов и гильдейских компаний. Все эти преимущества рассеянной мануфактуры с точки зрения капиталиста обычно перевешивали неудобства, которые вызывались тем, что рабочие домашней промышленности значительную часть года должны были сочетать мануфактурный труд с занятием сельским хозяйством. К тому же работники деревенской

промышленности нередко оказывались менее строптивыми, чем городские мануфактурные рабочие. Новейшие исследования доказывают правильность наблюдений, сделанных ведущими представителями русской школы историков Франции И.В. Лучицким и Н.И. Кареевым и подтвержденных фундаментальными исследованиями выдающегося российского ученого Е.В. Тарле, который писал: “Колоссальная промышленная деятельность почти целиком была сосредоточена в деревне, а не в городе”³.

Рассеянная мануфактура укоренялась как в бедных отсталых районах, где занятие земледелием не давало большей части крестьян достаточных средств к существованию, например во французских Бретани или Нижнем Мэне, так и в районах со значительно более высоким уровнем сельскохозяйственного производства, например во Фландрии, Верхней Нормандии или Пикардии.

Рассеянная деревенская мануфактура в целом вряд ли быстро усваивала и внедряла новые методы производства, но даже в старых отраслях она все же проявила способность к обновлению технологии. Это четко прослеживается в английской шерстяной промышленности. Ее большие успехи были вызваны освоением производства “новых материй”, с техникой изготовления которых англичан ознакомили еще в XVI в. беженцы из Фландрии. Использование так называемой длинной шерсти позволило наладить в больших количествах производство легких сукон, которые благодаря своим потребительным свойствам и относительной дешевизне сумели завоевать рынки многих стран, прежде всего стран с теплым климатом, как государства Средиземноморья, многие колонии в Западном полушарии. Наряду с высоким качеством сырья и относительной легкостью его обработки (этому иностранцы и в XVIII в. и позднее приписывали успех английских простых сукон) развитию данного производства в немалой степени способствовала система правительственных мер, включавшая запрет экспорта необработанной шерсти и импорта иностранных сукон, а также активность британской дипломатии, добивавшейся допуска английских материй на иностранные рынки.

Во Франции шерстяное производство в XVIII в. давало от 15 до 20% всей промышленной продукции. Одной из быстрорастущих промышленных областей стала Дофине, где в суконном производстве сформировался ряд центров, на которые работали десятки окружающих деревень. Только в округе Валанс предпринимателями было роздано 900 шерстопрядильных станков.

Рассеянная мануфактура оказалась настолько конкурентоспособной, что вызвала “бегство” ряда производств в сельскую местность даже из тех старых центров, где ей не воздвигалось препятствий со стороны цехов. Так, в 1730 г. лондонские обувщики, несмотря на обещание всяческого содействия со стороны властей, предпочли переселиться в район Ноттингема — там издержки производства были значительно ниже, чем в столице. Часто случалось, что деревенская промышленность отвоевывала у городской одну за другой производственные операции, необходимые при изготовлении определенного вида изделий. Например, если на протяжении XVII в. деревенская мануфактура переняла у голландского города Харлема прядение и ткание полотна, то в первой половине XVIII в. предприниматели из Брабанта и Вупперталя учредили в сельских районах белильные мастерские, тем самым полностью завершив перебазирование отрасли из ее прежних центров. Деревенская промышленность в XVIII в. принимала иногда форму специализированной мануфактуры определенного района, выполнявшей те или иные операции производственного цикла.

Развитие новых промышленных районов нередко шло за счет упадка старых. Это происходило вследствие того, что в новых районах лучше прививались более гибкие и эффективные способы организации производства, выделка изделий в соответствии с менявшимися запросами рынка. Здесь налаживалось производство

³ Тарле Е.В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. СПб., 1911. Т. II. С. 86.

товаров, конкуренции которых не выдерживала продукция старых центров. Так, серж-шерстяная костюмная ткань, производившаяся в Девоншире, была почти целиком вытеснена с внутреннего и внешнего рынка более дешевыми и отвечающими моде сукнами из Нориджа. Следует добавить, что заработная плата ткачей в Норидже была на 40% ниже, чем в Девоншире, что на 8–10% снижало издержки производства. В период расцвета шерстяных мануфактур Нориджа в районе города и его окрестностей насчитывалось 12 тыс. станков, на которых трудились 72 тыс. рабочих (по шесть человек на каждом станке), выполняя заказы примерно 30 крупных фирм. В 1736 г. в Норидже было создано объединение предпринимателей (такого типа торгово-промышленные палаты в других местах появились лишь почти через полвека). Однако в 70-е годы мануфактуры Нориджа уже показались английскому экономисту А. Юнгу инертными, лишенными духа предпринимательской активности, что проявлялось в ограниченных размерах новых капиталовложений. В этом отношении Норидж далеко уступал центрам шерстяной промышленности в Йоркшире, не говоря уже о районах металлургии, хлопчатобумажного производства.

На протяжении первой половины XVIII в. наблюдался постоянный, хотя и сравнительно медленный, рост хлопчатобумажных мануфактур в Ланкашире и Шотландии, в окрестностях города Глазго и во многих сельских районах, где еще ранее получили широкое распространение рассеянные полотняные мануфактуры. Ткани из хлопка с примесью льна изготавливались в Европе в подражание индийским чисто хлопчатобумажным изделиям, овладеть техникой производства которых европейцам так и не удалось. Ввоз индийских тканей в Англию был запрещен в 1722 г. в интересах защиты шерстяной промышленности, но это лишь стимулировало производство изделий из смеси хлопка и льна.

Во Франции хлопчатобумажное производство развивалось в Париже, Амьене, Нанте, Орлеане и других городах и районах, особенно в Эльзасе. Сбыт большей части продукции на дальних, в том числе иностранных, рынках (у некоторых эльзасских мануфактур до 9/10 продукции шло на экспорт), трудности в получении сырья, необходимость значительных затрат на оборудование способствовали увеличению удельного веса крупного капиталистического производства. Центры производства тканей из смеси хлопка и льна выросли в других странах — Швейцарии, Испании (в Каталонии).

В Италии, в Турине, швейцарским предпринимателем была основана в 1704 г. крупная суконная мануфактура. На работу в ней были привлечены мастера из Англии, Голландии и Франции. Возникшая в 1717 г. в Толмеццо, в области Венеции, мануфактура занимала 200 ткачей, работавших на 150 станках, и 2500 прядильщиков. Через 60 лет, в 1784 г. это предприятие насчитывало уже 1000 станков, на которых работали 1000 ткачей, а также несколько тысяч прядильщиков, производивших льняные и хлопчатобумажные ткани. Во второй половине века возрастает число новых предприятий в Турине, Милане, Флоренции, Неаполе с 300–400 наемными рабочими на каждом из них.

Зависимость многих мануфактур от привозного сырья и дальних, тем более зарубежных, рынков неизменно приводила к тому, что производство даже на первоначальных этапах велось на капиталистических основах.

Характерным для XVIII в. стало и сравнительно быстрое развитие центров производства полотна, спрос на которое постоянно возрастал, в частности на колониальных рынках, где из него шили одежду для рабов, мешки для кофе и других продуктов плантационного хозяйства. Производство полотна предъявляло значительно меньшие требования к квалификации работника, чем выделка других тканей, и это способствовало быстрому распространению его в деревенских районах. А ориентация не столько на местные, сколько на далекие, часто иностранные, рынки ускорила победу мануфактуры над ремеслом и создание крупных промышленных районов полотняного производства. В Шотландии и Ирландии выделка льняных тканей выросла с 3,2 млн ярдов в 1700 г. до 20 млн ярдов в

1750 г. В 1711 г. был создан даже Государственный совет по полотну для обучения более совершенным приемам производства тканей. При этом использовался и опыт других европейских стран. Крупными районами полотняной промышленности стали Фландрия (экспортировавшая в 1766 г. — главным образом, в Испанию и ее колонии — более 200 тыс. кусков льняных тканей), французская Бретань, Вестфалия и особенно Силезия.

Уже в 20-е годы XVIII в. полотняная промышленность австрийской (позднее прусской) Силезии сконцентрировалась в районах у подножия Исполиновых гор. В 1726 г. здесь насчитывалось более 287 деревень, где почти все взрослое мужское население, оставив сельское хозяйство, было занято работой на ткацких станках. Во второй половине века количество ткацких деревень значительно возросло. В середине 80-х годов в них насчитывалась 21 тыс. ткацких станков, а ежегодный экспорт полотна достиг 8 млн талеров — очень крупной суммы по масштабам того времени.

На протяжении всего века простое полотно, изготовлявшееся в районах Ландсхута (соврем. Каменна-Гура), батист из Хиршберга (соврем. Еленя-Гура) успешно конкурировали с дешевыми ирландскими тканями. Силезские льняные изделия через порты Северного и Балтийского морей вывозились в Кадис и Лиссабон, а оттуда в испанские и португальские колонии в Америке и, через посредство английских купцов, в американские владения Великобритании. Значительная часть силезского полотна шла в Италию, находила сбыт в портовых городах Северной Африки и Леванта.

В первой половине XVIII в. с отчетливостью проявилась в масштабах всей Западной и Центральной Европы победа капиталистической домашней промышленности, обосновавшейся в сельской местности, над городским ремеслом. Обширные сельские районы в Йоркшире, Ланкашире, Юго-Восточной Англии, в ирландской провинции Ольстер, в Голландии, во Фландрии, в ряде районов Северо-Западной, Восточной и Южной Франции, в Вестфалии, Южной Саксонии, Силезии далеко обогнали по своему промышленному значению как старые городские центры ремесленного производства в городах Южных Нидерландов, Рейнской и Южной Германии или Северной Италии, так и разбросанные по различным областям, сравнительно немногочисленные централизованные мануфактуры.

Таким образом, для последнего этапа мануфактурного капитализма оставалось характерным не только сохранение, но и дальнейшее распространение рассеянной мануфактуры, в том числе и в экономически наиболее передовой стране — Англии.

Победа Англии в экономическом соревновании с Голландией была победой не только английского промышленного капитализма над голландским торговым капитализмом, но и победой британской капиталистической домашней промышленности над городской мануфактурой ее соперницы. Деревенская рассеянная мануфактура в Англии, использующая дешевую рабочую силу, оказалась более конкурентоспособной, чем образованная из городских ремесленных мастерских голландская мануфактура. Голландия не могла соперничать с Англией в металлургии, которая постепенно становилась ведущей отраслью мануфактурного производства в связи с постоянно растущим спросом на ружья и пушки, лемехи для плугов, ножи, топоры, гвозди, вагонетки для шахт и на другие предметы из железа. Единственный вид топлива, которым располагали голландцы, — торф, вполне пригодный при отбелке тканей, пивоварении, винокурении, производстве соли и сахара, не создавал достаточно высокой температуры, требующейся при плавке металла.

Преобладающие позиции были завоеваны рассеянной мануфактурой в экономике другой главной соперницы Англии — Франции. Это преобладание утвердилось как в старых (например, сукноделие), так и в новых отраслях производства.

Размеры рассеянной мануфактуры могли быть различными, иногда большими

по масштабам эпохи. Один предприниматель в английском городе Уоррингтоне, занятый производством парусины, нанимал более 5000 рабочих. Более крупные мануфактуры возникали там, где требовались значительные вложения в сырье и оборудование и где поэтому непосредственный производитель оказывался в полной зависимости от капиталиста. Таким, например, было положение в английской чулочной промышленности. Типичной стала фигура капиталиста, владевшего 100 и более дорогими станками, раздававшего с помощью посредников эти станки и сырье рабочим, которые сдавали ему готовую продукцию. Число рабочих, имевших собственные станки, было невелико, к тому же и они зависели от купца-мануфактуриста, от которого получали сырье и которому сдавали готовые изделия.

Во Франции в районе Блуа один предприниматель нанимал 2100 рабочих разных профессий — прядильщиков, ткачей, аппретурщиков и др. На крупных хлопчатобумажных мануфактурах в районе Руана было занято в 80-е годы XVIII в. около 190 тыс. прядильщиков, не считая многих тысяч рабочих других специальностей. Вокруг города Эльбефа примерно в то же время 15 тыс. рабочих трудились в шерстоткацких мануфактурах. В Седане на 25 предпринимателей-суконщиков работало 15 тыс. крестьян. В перчаточном производстве Гренобля в 1737 г. насчитывалось 64 предпринимателя и 6254 работника, занятых этим промыслом. Впрочем, значительно более часто встречались средние и мелкие мануфактуры. В 1788 г. в Лионе около 500 купцов-промышленников раздавали шелковую пряжу примерно 7000 хозяев ткацких мастерских, в которых было занято 58 тыс. рабочих. В Париже наряду с централизованными было значительное количество рассеянных мануфактур среднего и крупного размера, занимавших по 300, 500 и даже 800 рабочих. Однако в целом по столице число работников, работавших по найму, лишь в 2–3 раза превышало число хозяев. Мелкая рассеянная деревенская мануфактура сохраняла позиции в металлургии, например в Верхней Нормандии, несмотря на то что она работала на привозном английском и шведском железе.

Заметно проявлялась тенденция превращения деревень, становившихся средоточием домашней промышленности, в новые небольшие или средние по размеру города, которые обычно оказывались объединенными в крупные промышленные районы.

Капиталистический характер производства способствовал также усилению тенденции к преобразованию (там, где позволяли технические условия) гетерогенной мануфактуры в органическую. Широкое распространение получил и смешанный тип мануфактуры, когда после механического соединения самостоятельно произведенных частичных продуктов они подвергались на конечной стадии последовательному ряду связанных между собой производственных манипуляций, характерных для органической мануфактуры. Кроме того, растущая специализация отдельных промышленных центров приводила к тому, что продукты, вырабатывавшиеся органической мануфактурой, объединялись на конечной стадии с полуфабрикатами, произведенными другими мануфактурами или мастерскими. Процесс концентрации и специализации мануфактуры достиг особого развития в Англии, с которой в середине столетия ни одна страна не могла соперничать и в разнообразии отраслей промышленного производства.

В середине XVIII в. английская шерстяная промышленность, по словам современника, была “разделена на различные части или отрасли, закрепившиеся в определенных местах, где все производство сводится целиком или преимущественно к этим отраслям: тонкие сукна производятся в Сомерсетшире, грубые — в Йоркшире, двойной ширины — в Эксетере, шелк — в Садбери, креп — в Норидже, полушерстяные материи — в Кендале, одеяла — в Уитни и т.д.” Во Франции в первой половине века ткалось более 100 видов разнообразных шелковых материй. В Силезии большинство промысловых деревень округа Хиршберг занималось почти исключительно производством батиста и вуали и

т.д. Рост специализации приводил к тому, что укоренение мануфактурного производства способствовало переходу от ремесла к мануфактуре в смежных отраслях промышленности, особенно если они объединялись общим производственным процессом.

Усиливавшийся процесс специализации сопровождался созданием комбинации различных мануфактур. На этих комбинированных мануфактурах производство средств производства оказывалось связанным с производством продукта. Вместе с тем мануфактура продукта оказывалась связанной с мануфактурой, для которой данный продукт являлся исходным сырьем.

Легкая промышленность далеко обгоняла по масштабам производства тяжелую. Так, во Франции в конце века по некоторым подсчетам годовая продукция текстильной промышленности составляла в денежном выражении 1906 млн ливров, металлургии — 88 млн, добыча минерального топлива — 10 млн.

Темпы роста промышленности были невелики. Для Франции, например, они составляли в среднем 1,5%, в том числе для шерстоткацкого производства они были не выше 1%, а льняного — 1,5%, так же как и для выплавки металла, но для железоделательной промышленности — 2,4%.

Экстенсивные факторы роста ещё полностью преобладали над интенсивными. Правда, основание мануфактур в определенном районе влекло за собой увеличение производительности труда по сравнению с прежними ремесленными формами производства. Однако рост производительности в рамках уже утвердившейся мануфактуры происходил, как правило, медленными темпами, за счет специализации, тогда как совершенствование технологии протекало эволюционным путем. Увеличение размеров производства в основном достигалось в результате увеличения числа мануфактур и занятых на них рабочих.

На протяжении XVIII в. повсеместно происходил процесс формирования мануфактурного пролетариата. В разных странах этот процесс находился на разных стадиях. Превращение крестьянина, для которого работа на купца-предпринимателя была лишь побочным занятием, в рабочего, живущего целиком или почти целиком на заработную плату, протекало обычно постепенно, порой застывая на промежуточных стадиях. Вместе с тем было немало примеров, когда такое превращение занимало сравнительно короткий период времени, как это, например, произошло в производстве часов в Швейцарии. Превращение крестьянина в рабочего деревенской мануфактуры, ориентированной на национальный, а то и на мировой рынок, представляло собой важный шаг в капиталистическом развитии всего Европейского континента.

Надо учитывать, что эта ведущая тенденция далеко не везде проявляла себя прямолинейно. Часто этот процесс затемняли возникавшие многочисленные промежуточные формы частичной зависимости непосредственного производителя от предпринимателя, сосредоточения в таких случаях в руках капиталиста контроля только над значительными производственными операциями либо над рынком сырья, а также соглашения между группами предпринимателей и артелями работников, частично владевших средствами производства, включение в эти отношения посредников, сохранявших известную экономическую независимость, и т.п. Утверждение таких промежуточных форм, при которых сохранялась относительная самостоятельность непосредственного производителя (как, например, ткачей шерсти в Юго-Западной Англии), не вело к перевороту в старом способе производства, а скорее консервировало его.

Развитие капиталистической мануфактуры сопровождалось постепенным уничтожением сельских домашних промыслов. Однако, исчезая в местах наибольшего развития мануфактуры, они возникали в других, экономически отсталых районах. Такие промыслы могли быстро превратиться в придаток мануфактуры, в поставщика ей сырья, подвергавшегося лишь первичной обработке. Преобладание рассеянной мануфактуры, не ломавшей в корне привычную картину деятельности сельского населения и его традиционный уклад жизни,

приводило к тому, что происходившие глубокие изменения лишь частично осознавались большинством современников. Характерно, что даже в конце XVIII в. известный швейцарский экономист Иоганн Херреншванд считал обособление промышленности от земледелия крайне рискованной авантюрой с неясными последствиями.

Вне зависимости от того, становился ли купец мануфактуристом или, наоборот, мануфактурист купцом, и несмотря на растущую специализацию мануфактур, их владелец в большинстве случаев оставался экспортером своих товаров.

Миграция мануфактуры из города в деревню, снижая издержки производства и обеспечивая свободу от стеснительной регламентации, отнюдь не являлась гарантией успеха. Он был очень частичным, например в Северной Италии, где подобное перебазирование лишь приостановило происходивший в предшествующем столетии упадок шерстяного производства, которое безвозвратно утеряло иностранные рынки. Для успеха требовалось соединение ряда экономических, политических и социально-психологических факторов (от наличия дешевого сырья до государственной поддержки в борьбе за внешние рынки), достаточное развитие инфраструктуры, существование определенного социально-психологического климата, необходимого для мобилизации капиталов и обеспечения нужных условий производства.

Зрелость мануфактуры сама по себе еще не вызывала промышленной революции. Вызревание условий для начала промышленного переворота определялось не преобладающей формой мануфактуры, а характером ее внутренней и внешней среды, т.е. тем, была ли мануфактура частью капиталистической экономики или только частью капиталистического уклада в рамках феодальной страны. На определенной стадии развития в условиях буржуазной страны становилась ощутимой узость технического базиса мануфактуры, а в феодальной стране — узость внутреннего рынка, различные ограничения капиталистического предпринимательства вследствие сохранения феодальных отношений. В середине XVIII в. мануфактура в национальном масштабе только в Англии достигла уровня зрелости, при котором ее технический базис вступил в противоречие с ею самой созданными потребностями производства и запросами внутреннего и внешнего рынка. Тем самым только в Англии появились экономические и социально-политические предпосылки для начала промышленной революции.

* * *

В XVIII в. уменьшение рабочего времени, необходимого для производства товаров, становится сознательно провозглашенным принципом, повторяемым многими политическими теоретиками и памфлетистами. Однако это относится к раннебуржуазным странам в большей мере, чем к другим, и сам принцип осознавался все более широко по мере того, как век приближался к своей середине. На протяжении первой половины XVIII столетия производительность труда развивалась еще весьма медленно по сравнению с последующим периодом. В исторической ретроспективе очевидно, что это было время прогресса на данном техническом уровне, подготавливавшего революционное обновление технологии в главных отраслях производства. Такая подготовка, слабо осознаваемая современниками, по крайней мере до середины века, включала и развитие механики как научной основы будущего крутого переворота в технике.

На завершающей стадии мануфактурного периода в Англии была осознана перспективность применения силы пара. Пар придал ценность английским запасам железа и угля. На протяжении всей первой половины XVIII в. sporadически использовались машины. Однако это были не рабочие машины, но двигательные механизмы, не революционизировавшие технику производства. Паровая машина, изобретенная еще в конце XVII в., применялась только в качестве двигателя. В

1752 г., по мнению осведомленного современника, в Англии насчитывалось не более сотни “огненных механизмов” (т.е. паровых машин)⁴.

Разделение в мануфактуре процесса изготовления продукта на ряд отдельных однообразных производственных операций являлось предпосылкой для создания инструментов (а впоследствии и относительно простых рабочих машин), осуществлявших эти операции. В XVIII в. быстро умножалось число технических новшеств, которые вносили изменения в эмпирически найденные и закрепленные на длительное время традицией формы разделения труда. Это особенно относится к мануфактурам, образовавшимся в ранее не существовавших отраслях промышленности, в частности в производстве средств производства — все более сложных инструментов и паровых машин.

Поскольку в Англии шерстяная промышленность оставалась господствующей отраслью мануфактуры, именно в ней была проделана большая часть экспериментов, результаты которых были использованы позднее в других отраслях текстильной промышленности, особенно в хлопчатобумажном производстве. Число сложных станков в чулочном-вязальном производстве быстро возрастало, особенно в новых для него районах Ноттингема и Лейстера. В 1727 г. насчитывалось 2,5 тыс. станков близ Лондона и 5,5 тыс. в других районах страны. Более сложный инструмент, делавший излишней долгую выучку рабочего, стал использоваться при изготовлении многих товаров, в частности хозяйственных предметов, рассчитанных на массовый спрос, — подсвечников, кофеварок, металлических кувшинов и т.п. В отличие от железа плавка меди, бронзы и других цветных металлов осуществлялась не на дефицитном древесном топливе, а на угле. Развитие этих производств не могло не стимулировать опыты использования минерального топлива и в черной металлургии. Усовершенствование производства различного рода железных изделий — ружей, пушек, ножей — требовало более качественного сырья. Это, в свою очередь, служило стимулом для технических нововведений в черной металлургии и во всей добывающей промышленности. Важным было то, что в стране создавались условия, при которых новые изобретения не оставались долго не востребованными. Обогнав другие страны, Англия могла также более эффективно использовать технологические новшества этих стран, не находившие там применения.

Успехи в заимствовании чужого технического опыта, успехи промышленного развития зависели в главном и основном не от того, где были сделаны изобретения, а от того, насколько широко и интенсивно они внедрялись в производство. А это, в свою очередь, определялось экономическими условиями и социально-психологическим климатом, благоприятствовавшими или препятствовавшими внедрению новой технологии.

Прогрессирующее разделение труда, концентрация орудий производства и рабочих, специализация районов потребовали коренного улучшения средств транспорта. Еще в начале XVIII в. Англия отставала в этом отношении не только от Франции, но и от Италии. За первую половину XVIII в. протяженность вновь проложенных или фундаментально улучшенных дорог в Англии составила 1600 миль. В 1673 г. путешествие в почтовой карете из Лондона в Эксетер занимало от 8 до 12 дней, а в 1760 г. — от 4 до 6 дней. Стоимость перевозок постоянно сокращалась. К 1760 г. Англия располагала судоходными реками и каналами, протяженность которых составила 1460 миль. Половина из них стала пригодной для прохода судов в результате инженерных работ, проводившихся за предшествующие сто лет. Строительство дорог и каналов успешно осуществлялось и в других странах. К середине XVIII в. было закончено сооружение магистральных дорог, связывавших Париж с границами Франции. На поездку из Парижа в Лион в 1660 г. затрачивали 10 дней, а в 1770 г. — лишь 5 дней. Однако в континентальной Европе многие вновь построенные дороги были ориентированы только на местные и областные рынки. Они еще не связывали районы мануфактурного производства с мировым рынком.

⁴ *Tucker J. Reflections Relating to Arts and Commerce. L., 1752. P. 66.*

* * *

Развитие мануфактуры сдерживалось многими препятствиями. Среди них прежде всего надо упомянуть относительную узость внутреннего рынка вследствие частичного либо полного сохранения устоев феодализма. Другой пережиток феодализма — цеховые привилегии, которые всюду и всегда являлись барьером на пути развития мануфактуры. Они оказались особо живучими во Франции, германских государствах, Испании. Попытки некоторых европейских правительств ликвидировать часть цехов, а остальные поставить под свой контроль, ограничив их полномочия, далеко не везде приводили к желаемому результату. Цехи сохранили значительную часть своих привилегий. К этому следует добавить различные исключительные права местных феодалов, внутренние таможи, стеснительные нормы, отсутствие единой монеты, мер и весов, другие бесчисленные рогатки на пути мануфактурного производства.

Повсеместно развитие мануфактуры происходило в условиях постоянно возникавших противоречий. Из-за недостаточной емкости внутреннего рынка и зависимости от внешней торговли мануфактура не могла обходиться без государственного покровительства. Ведь было достаточно малейших перемен в других странах, чтобы она оказалась вытесненной с мирового рынка. Вместе с тем распространение в XVIII в. рассеянной мануфактуры в деревнях привело к тому, что она успела срастись с жизненным укладом огромной массы людей. По одному этому ни одна страна не могла осмелиться ставить на карту существование мануфактуры, тем более что она являлась одним из важнейших объектов налогового обложения и ее продукция была необходима для армии и флота. Однако государственные меры, даже формально направленные на защиту мануфактуры, оказывались нередко безуспешными, как при попытках ограничения цехов, или даже давали эффект, противоположный ожидаемому.

Абсолютистские государства финансировали создание государственных или смешанных (при участии частного капитала) централизованных мануфактур, шли на субсидирование отдельных предприятий, не принадлежавших казне, ограждали мануфактуры протекционистскими тарифами от иностранной конкуренции и т.д. Порой при этом абсолютистские правительства руководствовались не экономическими соображениями, а мотивами престижа, как это было при приобретении фарфоровой мануфактуры в Севре. Некоторые из этих мероприятий и в XVIII в. приводили к определенному успеху. Государственные субсидии способствовали распространению шерстяной промышленности в сельских районах Южной Франции, что компенсировало начавшийся упадок таких старых центров, как Реймс, Лилль, Амьен. Темпы роста шерстяной промышленности Лангедока составляли в 1715—1763 гг. 4,2% в год. Вывоз шерстяных изделий из Южной Франции на протяжении первой половины XVIII в. увеличился в 5 раз. Французские ткани стали успешно конкурировать с английскими на рынках Северной Африки и Леванта. Общий подъем производства, особенно после 1720 г., благоприятно сказался и на положении некоторых районов шерстяной промышленности Северной Франции.

Во Франции, несмотря на цеховые стеснения, лишь отчасти ликвидированные после эдикта 1762 г. о свободе промысловой деятельности в деревнях (вместе с тем существовало немало отраслей в городах, свободных от цеховой регламентации), развитие мануфактуры шло весьма быстрыми темпами. Число лиц, занятых промышленным трудом, по некоторым, может быть преувеличенным, подсчетам достигло примерно 9 млн человек, т.е. примерно трети всего населения Франции. Крупными центрами мануфактурного производства стали Лион, Сент-Этьен, Руан, Седан, Каркассон. Мануфактура прочно утвердилась, помимо шерстяной промышленности, в льняной, хлопчатобумажной, кожевенной, железоделательной, свечной, фаянсовой и многих других отраслях производства. Мануфактурное производство достигло зрелости в национальном масштабе, развиваясь в рамках ка-

питалистического уклада феодальной страны. Однако это был единственный пример достижения зрелости в феодальной стране, и оно не сопровождалось заметными попытками перехода к машинному производству, которое было несовместимо с сохранением старого режима.

Вместе с тем препятствия для совершенствования мануфактуры в Англии были сведены к минимуму, вполне совместимому с ее интенсивным развитием. Борьба городов, обладавших цеховым корпоративным строем, против учреждения мануфактур не могла воспрепятствовать образованию их в морских гаванях и внутри страны во всех новых пунктах, находившихся вне контроля старых городов. Правда, и эти пункты часто были во владениях крупных лендлордов, требовавших высокую ренту и вмешивавшихся во многие стороны жизни нарождавшихся промышленных центров. Все же подобные помехи были несравненно меньше, чем те рогатки, которые создавались сохранением феодально-абсолютистского порядка.

Преодоление таких преград происходило в немалой степени благодаря обратному влиянию самого развития мануфактурного производства. Особое в этом отношении положение раннебуржуазных стран было осознано современниками. Адам Смит отмечал, что после 1688 г. “в Великобритании промышленности совершенно нечего опасаться; если она и не пользуется полной свободой, то тем не менее так же или более свободна, чем в любой другой части Европы”.

Однако и Англии потребовались десятилетия, чтобы создать социально-психологический климат, благоприятствовавший крупным вложениям в промышленность. Свободные капиталы имелись в наличии задолго до того, как их стали широко инвестировать в мануфактурное производство. В эпоху реставрации Стюартов за три дня удалось не только собрать по подписке, но и превысить намеченную сумму в 2 млн ф.ст. для основания Новой Ост-Индской компании. А 80 лет спустя успешно действовавшая фирма Болтона и Уайта, производившая паровые двигатели, едва не обанкротилась, так как не получила кредит всего в несколько тысяч фунтов стерлингов. На протяжении всего XVIII в. мануфактуристы не могли соперничать по размерам капитала с финансистами и купцами. Исключения — вроде семьи Кроули, которая владела железоделательными мануфактурами в Мидленде (средних графствах) и капитал которой в 1720-е годы достигал четверти миллиона фунтов стерлингов, — лишь подтверждают правила (часто условием успеха являлось то, что купец и мануфактурист были объединены в одном лице). Положение менялось постепенно. В середине XVIII в. известный литератор С. Джонсон писал: “Наше время помешалось на нововведениях”. В 1754 г. в Англии было создано “Общество поощрения искусств, мануфактур и торговли”. Постепенно вера в технический прогресс, столь характерная для общественной мысли эпохи Просвещения, стала немаловажным фактором, способствовавшим притоку капиталов в промышленность.

Большое значение имели и те изменения, которые претерпела банковско-кредитная система. В Англии в XVII в. функции банкиров выполняли ювелиры, золотых дел мастера. Даже в конце века преобладали ссуды земельным собственникам на непроизводительные цели. По свидетельству Д. Норта, автора “Трактата о торговле”, опубликованного в 1691 г., только десятая часть денежных ссуд под проценты доставалась купцам и предпринимателям. Создание в 1694 г. Английского банка послужило толчком к изменениям в кредитной сфере. На протяжении XVIII в. происходило заметное удешевление кредита. В Голландии он временами — как это было, например, в 1737 г. — предоставлялся из 1—2,5% годовых. В наиболее развитых странах к 70-м годам XVIII в., по свидетельству А. Смита, уровень процента, требовавшийся за ссужаемый капитал, снизился с 10 и более до 2—4 и во всяком случае не превышал 6%. Вместе с тем даже в Англии в течение всего столетия золото в обращении — особенно в провинции — еще полностью преобладало над банкнотами. Лишь в 20-е годы XVIII в. в Англии финансистов наряду с их прежним названием “ювелиров” стали именовать “бан-

кирами". В начале следующего столетия известный публицист У. Коббет писал, что некоторые люди еще помнят время, когда торговец или фермер никогда в жизни не видели ни одной банкноты. При этом дело шло о банкнотах Английского банка. Банкноты местных банков вообще не были известны.

Англия обгоняла по развитию своей банковской и кредитной системы, а также страховых компаний другие страны. Правда, и в них наблюдались определенные сдвиги. Успех Английского банка вызвал подражания. Правительства ряда европейских государств приняли меры к созданию в своих столицах центральных банков. В 1706 г. возник Венский городской банк, в 1736 г. — банк в Копенгагене, в 1765 г. — в Берлине. Амстердам сохранял роль крупнейшего инвестора капитала за рубежом. По подсчетам современников, голландские капиталовложения в Англию в 1737 г. составили 11 млн, а в 1776 г. достигли 59 млн ф.ст. Во Франции медленные темпы развития кредитных учреждений несколько ускорились лишь в десятилетие, предшествовавшее 1789 г. Банкиры Женевы, Цюриха и Берна, связанные с испанскими портами, куда доставлялись благородные металлы из американских колоний, играли в силу этого особую роль в международных финансах.

* * *

XVIII столетие было веком торговли. Интенсивный рост внешней торговли, о котором пойдет речь ниже, не должен заслонять менее впечатляющее увеличение торговли внутренней, происходившее несмотря на множество стесняющих ее препятствий. Развитие внутренней торговли, как правило, не фиксировалось никакой статистикой, поэтому невозможно привести цифры, которые хотя бы приблизительно свидетельствовали об ее возрастании. Однако самые разнообразные источники говорят о повсеместном росте местных и областных рынков, что отражало крайне неравномерное в разное время и в разных районах Европы усиление позиций буржуазного уклада.

Первые две трети XVIII в. были временем более быстрого развития внешней торговли по сравнению с развитием мануфактуры, которая к тому же первоначально в Англии и во Франции (в отличие от Италии, Фландрии и в значительной мере Голландии) была в большой степени ориентирована на внутренний рынок. Это, однако, не означало, что спрос на мануфактурные изделия постоянно превышал предложение — в большинстве случаев дело обстояло как раз наоборот. Благодаря увеличению ввоза в страны-метрополии колониальных продуктов и их реэкспорта в другие государства внешняя торговля по темпам роста значительно опережала промышленность.

Концентрация капитала в торговле, как правило, по-прежнему обгоняла его концентрацию в промышленности. Капиталы верхушечных слоев буржуазии были заняты преимущественно вне промышленности — в торговле, судостроении, банковском деле, не говоря уже о таких непроизводительных сферах, как откуп налогов, государственные займы, покупка государственных должностей.

Торговля европейцев со странами Азии сводилась с пассивным балансом. Долгое время в ней преобладали восточные ремесленные изделия — индийские хлопчатобумажные ткани, китайский и японский фарфор, для подражания которому были созданы мануфактуры в Голландии, Германии и Англии и увеличившийся спрос на который был связан со все более широким потреблением чая и кофе, также ввозимых с Востока. Из Западного полушария доставлялся в растущих количествах табак, что послужило стимулом для попыток сеять его во многих, прежде отсталых, районах Европы. В торговле с Америкой часто главной статьей ввоза туда становились обращенные в рабство африканцы.

В XVIII в. экспорт в слабонаселенные французские колонии развивался значительно медленнее, чем вывоз оттуда колониальных изделий. Напротив, Англия удалось превратить свои владения в Америке в обширный, быстро расширявшийся рынок для своих мануфактурных товаров, прежде всего изделий из метал-

ла, а также шерстяных, полотняных и хлопчатобумажных тканей. Британские товары широко проникли на рынки Португалии и ее владений. Слабо развитая промышленность Португалии не могла удовлетворить растущий спрос, вызванный приливом золота, которое стали с 1693 г. доставлять из ее колонии Бразилии. Английская торговля с Португалией выросла за первую половину XVIII в. в 4 раза. Реэкспорт колониальных товаров наряду с вывозом мануфактурных изделий привел к заметному возрастанию балтийской торговли. Он увеличил заинтересованность дворянства и купечества стран Восточной Европы в вывозе продукции сельского хозяйства и добывающей промышленности, чтобы получить средства для приобретения колониальных товаров, не говоря уже о европейских промышленных изделиях.

Как уже отмечалось, рост мануфактуры в рамках всей Европы сопровождался значительно более интенсивным ее развитием в наиболее мощной раннебуржуазной стране — Англии. Это вело к ускорению концентрации мануфактурного производства, происходившему под прямым воздействием сосредоточения в руках английской буржуазии большей части европейской внешней торговли и, в свою очередь, усиливавшему британское коммерческое преобладание. Уже к началу XVIII в. заметно изменился характер английской торговли, причем в последующие десятилетия эти сдвиги стали еще более значительными. При общем росте экспорта вывоз сукна, ранее являвшийся почти единственной крупной статьей экспорта, теперь составлял только половину объема экспорта, тогда как другая часть включала полотняные материи (их вывоз вырос с 1,7 млн ярдов в 1710 г. до 11,2 млн в 1750 г.), хлопчатобумажные ткани, изделия из металла, а также реэкспортируемые колониальные товары. Резко увеличилось значение колониальных рынков. Если в 1700—1701 гг. на американский рынок шло 10%, то в 1772—1773 гг. — 37% британского экспорта. Роль привилегированных торговых компаний заметно пошла на убыль, хотя они почти полностью сохраняли свои позиции в торговле с некоторыми странами Азии.

Главным европейским перевалочным пунктом в заморской торговле стал Лондон. Английская столица сменила в этой роли голландский порт Амстердам. К началу XVIII в. положение Голландии было в корне подорвано развитием английских мануфактур, далеко превзошедших голландские, и ростом британского торгового флота, который благодаря навигационным актам приобрел фактическую монополию на вывоз британских изделий. Английский торговый флот, насчитывавший в 1702 г. 3300 судов общим водоизмещением в 260 тыс. т, в 1764 г. включал уже 8100 судов водоизмещением в 590 тыс. т. Интересно отметить, что к 1775 г. примерно треть британского торгового флота была построена на верфях в ее колониальных владениях. В колониях других стран судостроение не получило развития.

Следует сказать, что Лондон, заняв ведущее место в заморской торговле, не приобрел монопольного положения, которое прежде принадлежало Амстердаму. С Лондоном делили роль центров заморской торговли сохранявший какую-то долю бывшего значения Амстердам, Бордо, Гамбург и даже Лиссабон.

Серединные десятилетия XVIII в. были переломными в том смысле, что торговое преобладание Англии на мировом рынке, способствуя созданию основ английской промышленной гегемонии и превратившись в мощный фактор перехода от мануфактурного к фабричному производству, в свою очередь, стало подкрепляться ее промышленным превосходством. В результате в Англии — и, видимо, только в ней — в самый канун промышленной революции мануфактура не могла уже удовлетворять растущий спрос. В других странах развитие мануфактуры тормозилось узостью как внутреннего, так и доступной части мирового рынка.

Как известно, в мануфактурный период торговая гегемония обеспечивала промышленное преобладание. Она достигалась во многом благодаря действию внеэкономических причин, но способствовала значительному мануфактурному раз-

витию только там, где условия для этого создавались еще в средние века. Более быстрое развитие мануфактуры приводило к подрыву торговой монополии соперника.

Единственным серьезным торговым конкурентом Англии в XVIII в. оставалась Франция, в которой быстро развивался буржуазный уклад и которая по численности населения более чем вдвое превосходила свою соперницу. В первой половине века быстрыми темпами росла судостроительная промышленность Франции. Со времени окончания войны за испанское наследство и до 1789 г. вывоз французских сельскохозяйственных и промышленных товаров вырос в 2,5—3 раза, а колониальных продуктов — более чем в 10 раз. Наиболее прибыльные отрасли внешней торговли были прочно захвачены купцами и судовладельцами нескольких крупных портовых городов, особенно Бордо и Нанта. Французские купцы пытались не очень отставать от своих английских конкурентов в работоторговле. К 1789 г. по крайней мере от трети до половины импортируемых в Нант колониальных товаров являлись платой за рабов, купленных у нантских купцов.

В канун 1789 г. торговля Бордо достигла 250 млн ливров, тогда как в 1717 г. — максимум 13 млн. Ежегодные темпы роста составляли 4,4%. Для сравнения укажем темпы роста французской промышленности — 1,19—1,5%.

В конечном счете борьба стран-конкурентов велась и решалась с помощью торговых войн. Войны не только велись во имя интересов торговли, но во многих случаях способствовали ее развитию и финансировались в немалой мере за счет доходов от торговли. “Что же позволило Англии, — писал еще в 1696 г. известный экономист Ч. Давенант, — нести расходы, связанные с дорогостоящей войной, как не великие богатства, которые тридцать лет притекали к нам в результате нашей внешней торговли”⁵. Эти слова в еще большей степени применимы к финансированию войн, происходивших в последующие десятилетия. Подчеркивая, что, по общему мнению, богатства Великобритании проистекают главным образом из торговли, английский министр Холдернес в 1757 г. добавлял: “Наша торговля зависит от соответствующего использования нашей морской мощи, и торговля и морская мощь зависят друг от друга”⁶. Благодаря превосходству своей промышленности и флота Англии к 60-м годам удалось добиться значительного перевеса в борьбе с Францией, но эта борьба была еще далеко не завершена и продолжалась в течение всей оставшейся части XVIII и начала XIX столетия.

* * *

Экономические перемены вызвали заметные сдвиги в социальной структуре европейского общества. Буржуазия была неоднородна во всех европейских странах, но степень этой неоднородности была различной. Привилегированные верхи состояли из купцов-пайщиков монопольных компаний, финансистов, откупщиков налогов, крупных негоциантов и судовладельцев. Удельный вес и политическое влияние верхушечного слоя буржуазии были весьма различными в разных странах. В раннебуржуазных государствах именно он фактически стоял у власти, даже если высшие посты в государственном аппарате занимали, как в Англии, представители сблизившейся с ним дворянской аристократии. Влияние буржуазных верхов ощущалось и во Франции, хотя власть целиком оставалась в руках дворянства. Позиции этого слоя были слабыми в экономически менее развитых государствах Центральной и Северной Европы. Но и в них дворянское государство не могло не считаться с интересами узкой привилегированной верхушки буржуазии.

Новым слоем в составе буржуазии стали мануфактуристы. Однако значительная их часть совмещала роль промышленника с ролью купца. Даже в Англии и во Франции в первой половине XVIII в. мануфактура вызвала к жизни лишь

⁵ Davenant Ch. An Essay upon The East India Trade. L., 1696. P. 7.

⁶ Heihard G. Handel und Krieg in der britischen Weltpolitik, 1738—1768. München, 1979. S. 47.

немногочисленную крупную промышленную буржуазию. Несколько более широким был слой предпринимателей средней руки. Эти новые предприниматели, вкладывавшие капитал в производственную сферу, редко происходили из старых буржуазных семей. Интересно, что еще в 1696 г. английский статистик Г. Кинг не вводит категорию промышленника-предпринимателя, а немногим более чем через столетие, в 1803 г. другой крупный экономист, П. Калхаун, определил их число уже в 25 тыс. человек.

К концу мануфактурного периода, т.е. примерно в 60—70-е годы XVIII в., в наиболее развитой стране, Англии, начал проявлять себя скрытый конфликт между правящей землевладельческой аристократией и ее союзниками — привилегированными буржуазными верхами и новой промышленной буржуазией. Уже в конце 60-х годов внимательный современник констатировал как общеизвестную истину: “Земельные собственники и промышленники вечно враждуют между собой и завидуют выгодам друг друга”⁷.

Развитие мануфактуры привело к значительному умножению рядов мануфактурного пролетариата. Новые промышленные центры были районами концентрации большой массы мануфактурных рабочих. Так, в середине XVIII в. в хлопчатобумажной промышленности Ланкашира было занято не менее 30 тыс. человек, в горнодобывающих областях между Ньюкаслем и Сандерлендом — до 40 тыс. шахтеров, докеров, транспортных рабочих, в металлообработке в Бирмингеме — 45 тыс. рабочих. Все большее разделение труда снижало требования к квалификации рабочих. Лорд Шелборн в 1766 г. приводил пример пуговичного производства: “Пуговица передается из рук в руки пятьюдесятью людьми, каждый из которых, вероятно, ежегодно имеет дело с тысячью штук; в результате работа настолько упрощается, что в пяти случаях из шести ее могут не хуже взрослых выполнять шести- или восьмилетние дети”. Владельцы некоторых мануфактур использовали полуидиотов для выполнения простых операций; это, однако, составляло производственный секрет. Вместе с тем в отдельных производствах наблюдалась и противоположная тенденция. Внедрение сложного инструмента, увеличивавшего производительность труда, требовало высокой квалификации от части рабочих, и наличие в данной отрасли таких подготовленных кадров являлось предпосылкой для последующего перехода к машинному производству.

Значительные изменения произошли в составе городского плебса. К его верхним слоям относились квалифицированные ремесленники, хозяева мастерских, нанимавшие одного или нескольких работников, а также частично сохранившие независимость рабочие рассеянной мануфактуры, владевшие собственными станками и нанимавшие себе помощников, низшие слои мелкой и торговой буржуазии — лавочники, коробейники, держатели трактиров и т.п. К мелкобуржуазному слою примыкал полупролетарский, состоящий главным образом из цеховых мастеров и рабочих рассеянной мануфактуры, владевших собственными средствами производства, но не эксплуатировавших наемный труд. Наконец, пролетарский (точнее, предпролетарский) слой составляли рабочие централизованных, а также рассеянных мануфактур, не владевшие собственными средствами производства, все подсобные рабочие, ремесленные подмастерья, поденщики, ученики, слуги и др. Соотношение между различными слоями городского плебса и состав каждого из них в конечном счете определялись уровнем развития мануфактурного производства. Широкое распространение мануфактуры в сельских районах приводило к тому, что там также с известными модификациями воспроизводились эти категории жителей, с тем отличием, что некоторые из них оставались частью крестьянского населения.

⁷ Forster H. An Enquiry into the Causes of the Present High Price of Provision etc. L., 1767. P. 22.

Поскольку мануфактура снижала требования к квалификации большинства рабочих, она тем самым ослабляла их способность к сопротивлению предпринимателям. Однако оно было повсеместно достаточно сильным, чтобы ставить пределы безудержной эксплуатации. В итоге в Англии сохранялись законы об ученичестве, предусматривавшие семилетний срок обучения и ограничивавшие предпринимателя в свободном найме рабочей силы. Это было одним из факторов недолговечности многих мануфактур, которые исчезали вследствие миграции рабочего населения.

Глава 2

ЕВРОПЕЙСКАЯ АГРИКУЛЬТУРА В XVII—XVIII ВЕКАХ (К западу от Эльбы)

В XVII—XVIII вв. Европа все еще в значительной степени была “аграрным” континентом. Развитие сельского хозяйства, повышение его продуктивности, как и прежде, были необходимым условием существования и нормального функционирования общества, тем более в период демографических и социальных изменений в его структуре, столь характерных для XVIII столетия.

Даже в наиболее развитых в промышленном отношении и урбанизированных странах большинство рабочего населения было занято в сельском хозяйстве. Например, в Англии в начале XVIII в. сельскохозяйственным трудом занималось 75% населения (в 1846 г. — всего 26%), во Франции — 80—85% (в 1856 г. — 54%), в Финляндии — 81%, в Ломбардии — 74%.

Разумеется, тип аграрного развития в различных регионах Европы был неодинаков. Причиной существования весьма значительных региональных особенностей в развитии аграрной жизни Западной Европы периода мануфактурного капитализма являлось прежде всего различие в путях эволюции форм земельной собственности, унаследованное от предшествующих столетий. В XVIII в. на территории этого континента воспроизводились оба теоретически намеченных впоследствии К. Марксом варианты разложения феодальных земельных отношений: эволюция денежной формы феодальной ренты по направлению к превращению земли в мелкую крестьянскую собственность; к форме капиталистического производства, к ренте, уплачиваемой капиталистическим арендатором. В классическом виде переход к поместью нового типа, т.е. трехчленному, характерному для капиталистического способа производства, делению сельского общества (наемный рабочий — капиталистический арендатор — лендлорд) совершался только в Англии. Основой этого процесса явилась экспроприация крестьянства, заключительным аккордом которой были парламентские огораживания конца XVIII — начала XIX в. Однако, будучи классическим в Англии, процесс насильственной экспроприации вовсе не являлся по форме преобладающим в остальных странах Европы.

Воспроизведение английского варианта капиталистической аграрной эволюции, отмеченной, впрочем, чертами своеобразия, было характерно для Северной Франции (Парижский бассейн, Французская Фландрия, Северо-Восточная Нормандия). Крупный фермер Северной Франции организовывал производственный процесс, пользуясь собственным инвентарем и наемной рабочей силой. Он выступал как сельский капиталист, получаемая им прибыль была предпринимательским доходом, а арендная плата, поступавшая помещику, являясь избытком над средней прибылью, приобретала характер капиталистической ренты. Становление таких крупных ферм во Франции имело предпосылкой экспроприацию мелкого крестьянства за счет интенсивного наступления на него крупных землевла-

дельцев и буржуазии, скупавших мелкие держания. Вот почему образование фермерских хозяйств было наиболее характерным для районов с преимущественным наличием крупного дворянского и церковного землевладения. Таким образом, аграрное развитие Севера Франции может быть рассмотрено в качестве варианта английского пути развития капитализма в сельском хозяйстве.

Однако на большей части территории Европы XVIII столетия господствовало мелкое крестьянское землевладение с характерным для него формированием капиталистических элементов из межкрестьянских отношений, в результате социально-экономической дифференциации сельскохозяйственных производителей. Различия заключались в большей или меньшей степени экономической самостоятельности такого хозяйства. Если в Южной Франции, Южной Италии (Неаполитанское королевство), Северной Испании (Страна басков, Галисия, Гипускоа, Астурия), Северо-Западной Германии (Вестфалия и Нижняя Саксония), Вюртемберге и некоторых других областях крестьянское держание при относительной хозяйственной самостоятельности все же являлось "собственностью в пределах сеньории", т.е. было специфической формой позднефеодального держания, то Фландрия и Брабант, а в особенности Северные Нидерланды (Голландия, Зеландия, Фрисландия) являли собой пример максимальной экономической мобильности, т.е. наиболее устойчивых рыночных связей мелкого крестьянского хозяйства.

Особенности скандинавского варианта развития феодализма также предопределили наличие в XVIII в. у крестьянства мелкой земельной собственности и отсутствие личной зависимости.

Резкий контраст в этом отношении в XVIII столетии представляло положение в сельском хозяйстве Андалусии и Арагона, Сицилии и Сардинии, Савойи, герцогства Мантуя, папских владений в Италии, Тироля и Гессена, где сохранялись крупные латифундии светских и церковных феодалов и где наиболее тяжелым было положение непосредственного производителя.

Известно, что для Европы в целом издавна (с XIV в.) был характерен аграрный дуализм. Если к западу от Эльбы с XVI в. определяющим моментом была буржуазная перестройка деревни, то на востоке феодальные производственные отношения характеризовались превращением в хозяйственную доминанту фольварка — помещичьего хозяйства на домене, основанного на труде крепостных-барщинников и работающего на рынок. Фольварк, конечно, не являлся просто увеличенной копией феодального домена в силу уже одной своей ориентации на международный рынок. Это глубоко противоречивое явление, порождение деформированного развитием капиталистического способа производства феодализма, связанное с разложением феодального базиса и в то же время являющееся основой его консервации.

Наиболее близким к ситуации, сложившейся на Востоке Европы, было положение крестьянства в латифундиях Андалусии, Арагона, Валенсии. Над тружениками Арагона и в XVIII в. продолжала витать тень "дурных обычаев", дававших сеньору неограниченные права над личностью крестьянина вплоть до права лишать его имущества и даже предавать смерти. Валенсийские крестьяне, находясь в поземельной зависимости от сеньора, были вынуждены, помимо продуктовой и денежной ренты, нести барщину в латифундиях, участвовать в работах по орошению, уплачивая одновременно ряд повинностей, связанных с признанием судебной юрисдикции феодала. В Восточной Австрии, Тироле, южной и центрально-западной областях Германии (Гессен, Рейнланд, Саар), Люнебурге, Падерборне, Швабии, Бадене и к концу XVIII в. сохранялись домениальные хозяйства феодалов, функционировавшие на основе использования барщинного труда крестьян.

Различные регионы Европы отличались и по типу исторически сложившейся сельскохозяйственной специализации. Хотя в XVIII столетии по-прежнему имел место приток в Западную Европу дешевого зерна из Польши и Пруссии, однако и

на западе континента существовали свои житницы. В Испании такими районами были Арагон, Андалусия и Новая Кастилия, снабжавшие хлебом малоплодородные Галисию и Бискайю. Пшеница латифундий Южной Италии была важной статьёй экспорта и — прежде всего — значительным вкладом страны в средиземноморскую торговлю.

В Северной Франции основными районами производства зерна были Парижский бассейн, области Бос и Бри, Восточная Нормандия и Пикардийская равнина. Область Бос через Орлеанский хлебный рынок снабжала зерном часть Берри и Ниверне. На Юге Франции центром хлебной торговли была Тулуза, через которую хлеб шел в Нижний Лангедок, в Прованс, а затем на экспорт. Во второй половине XVIII в. в качестве такого центра возвышается Бордо, куда привозилось зерно из Гаскони и, частично обращенное в муку, отправлялось в колонии. Из Бургундии хлеб спускался по Роне в Лион, затем до Прованса, откуда шел на юг — в Испанию и Италию. Франция не только всегда снабжала себя зерном и в этом смысле не зависела от экспорта балтийского хлеба, но являлась поставщиком его на рынках Европы.

В Западной Германии XVIII столетия основными районами производства зерна (ржи) были ее северное побережье, юг Нижней Саксонии, Вюртемберг и Вестфалия. В Южной и Центральной Германии пшеница постепенно вытесняла полбу, которая издавна возделывалась в Швабии, Гессене, Рейнланд-Пфальце. В целом же низкие цены на зерно из Восточной Германии и Польши закрывали западногерманскому хлебу доступ к мировому рынку. Западная Германия в основном производила хлеб для собственного потребления и даже импортировала его из других стран.

В Нидерландах основными районами возделывания зерновых были Льеж, Намюр, Люксембург (полба) и, особенно, Зеландия и Фрисландия (пшеница).

Центрами виноделия в Европе по-прежнему являлись Франция, Испания и Италия. Во Франции в XVIII в. в сферу экспортной торговли прочно вошли низкие сорта вин, производившиеся в большей степени мелкими виноделами. Старейшими центрами виноделия в Испании оставались Леон и Старая Кастилия, в XVIII в. к ним прибавляются Андалусия и Гранада. Испанские, французские и итальянские вина вывозились в Америку, Нидерланды, Англию, Польшу, Северную Германию, Северную Африку. Виноградарство и производство вин были развиты также в Нижней Австрии, Южном Тироле, в предгорьях и на восточных склонах австрийских Альп.

Испанская провинция Валенсия и Южная Италия являлись главными европейскими экспортерами шелка-сырца и шелковой пряжи, риса, оливкового масла, сахарного тростника, овощей и фруктов.

Животноводство, торговля скотом, шерстью и молочными продуктами были особенно характерны для Нидерландов, Швеции и Англии. За счет поступлений от традиционного производства шерсти национальный доход Англии между 1770 и 1810 гг. увеличился почти на 60%. Очень крупные голландские овцы и ломовые лошади Фрисландии и Зеландии не только экспортировались в страны Европы, но вывозились и в Новый Свет. В XVIII в. не Англия и Испания, а Швеция и Голландия становятся наиболее активными экспортерами скота (овец), шерсти, масла, сыра и ветчины, молока.

В связи с падением цен на зерно более выгодным становится скотоводство. В Европе первой половины XVIII в. наблюдается тенденция превращения пашни в пастбища и связанный с этим превращением переход к овцеводству и продуктивному животноводству, который достиг наивысшего размаха в 1719—1725 гг. Так, в Англии, стране, где процесс превращения пашни в пастбище еще с XVI в. принял классическую форму огораживаний (в XVIII в. — огораживаний, санкционированных парламентом), уже к первому десятилетию XVIII в. было огорожено около половины пахотной земли. В 1761—1792 гг., согласно парламентским актам, здесь было огорожено 500 000 акров.

Помимо Англии, наиболее рельефно процесс “запуска” пахоты под пастбище проявился в Савойе, Бургундии (Франция), Шверине, Илле, Эмментале (Германия). В Швейцарии между 1735 и 1775 гг. зерновое хозяйство сократилось наполовину.

Для некоторых областей Европы первой половины XVIII в. (особенно в 1727—1731 гг.) была характерна тенденция в периоды низких цен на зерно использовать пахотную землю не только под пастбище, но и под виноградники. В Южной Франции, например, с 1676 по 1734 г. только за этот счет площадь земли под виноградниками увеличилась на 20%. В тот период небольшой виноградник Южной Франции, расположенный на известковой почве, мог давать доход, в 5—8 раз превышавший доход от пашни на единицу площади. Имеются и свидетельства фермеров Каталонии, Швейцарии, Эльзаса о том, что “виноградники съели пашню”.

С 1750 г. по всей Западной Европе наблюдается расширение сельскохозяйственного производства, в немалой степени связанное с ростом населения. Так, в наиболее густонаселенной области Европы, Брабанте¹ (Южные Нидерланды), только сельское население с 1755 по 1784 г. возросло на 44%, а в окрестностях Брюсселя — на 61%. Растут цены на сельскохозяйственную продукцию, и прежде всего на зерновые. В Англии, например, возрастание цен на зерновые в 1750—1799 гг. было несколько выше, чем на молоко и мясо (в %):

Англия 1750—1799 гг. (1720—1744 гг. = 100)

Зерно, мука, овес, бобы	137,7
Масло, молоко, сыр	130,6
Мясо (говядина, баранина, свинина)	127,6

Во Франции рост цен на продукты сельского хозяйства в 70—80-е годы XVIII в. был еще более заметным (в %):

Франция 1771—1789 гг. (1726—1741 гг. = 100)

Пшеница — 156	Овес — 147	Говядина — 157
Рожь — 160	Бобы — 160	Баранина — 142
Ячмень — 152	Вино — 142	Свинина — 166

С повышением цен на зерновые росли земельные ренты и цена земли. Так, в швейцарском кантоне Во к концу XVIII в. цена земли возросла втрое по сравнению с 50-ми годами этого столетия. Цена земли и ренты увеличились не только в Швейцарии, Франции, Англии, Испании, но и в Германии. Так, в Шлезвиг-Гольштейне за вторую половину XVIII в. они возросли следующим образом (в %):

Шлезвиг-Гольштейн (1741—1760 гг. = 100)

Цены на злаковые	Ренты	Цена земли
1761—1780 138,6	108,0	195,0
1781—1790 162,0	108,0	—
1791—1800 174,0	154,0	241,0

Увеличение спроса на землю и рост цен на зерно побуждали землевладельцев к пересмотру условий аренды. В Италии, например, этот процесс был особенно ярко выражен в Пьемонте. Так, в провинции Верчелли итальянцы отдавали господину в 1,5 раза больше яиц и живой птицы по сравнению с XVII в. Кроме того, здесь вновь была введена наиболее архаичная форма рентных отношений — барщина: крестьянин был обязан отработать четыре дня с упряжкой волов на господской земле.

¹ В начале XVIII в. плотность населения в Нидерландах составляла около 70 человек на 1 км² (в Англии и Франции — лишь 40 человек), в 1800 г. — 85 человек.

Во Франции в период феодальной реакции сеньориальные платежи всех видов изымали от 10 до 26% валового урожая в крестьянском хозяйстве.

В связи с повышением цен на зерно во второй половине XVIII в. отмечается и падение уровня реальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих. Так, в Испании, где за период между 1750 и 1800 гг. цены на хлеб удвоились, заработная плата наемных сельскохозяйственных рабочих возросла лишь на 20%. В Англии того времени только на хлеб и муку наемные рабочие крупных ферм были вынуждены тратить до 50% заработной платы. Во Франции в период 1726—1741 гг. семья сельскохозяйственного рабочего, состоящая из пяти человек, тратила около 45% заработной платы на ржаной хлеб, в 1785—1789 гг. уже — 58%, а в 1789 г. — 98%.

В северонидерландской провинции Оверэйссел уровень реальной заработной платы сельскохозяйственного рабочего на протяжении века менялся в зависимости от колебаний цен на зерно следующим образом (в %):

Оверэйссел (1701—1710 гг. = 100)

Период	Цена ржи	Реальная заработная плата	Период	Цена ржи	Реальная заработная плата
1701—1710	100,0	100,0	1751—1760	98,6	101,2
1711—1720	107,2	93,3	1761—1770	126,4	79,1
1721—1730	95,7	104,5	1771—1780	146,6	68,2
1731—1740	95,2	105,0	1781—1790	146,2	68,4
1741—1750	96,2	104,0	1791—1800	176,4	56,7

В какой же степени растущее население Европы, особенно в условиях постоянно меняющейся рыночной конъюнктуры, в условиях развивающейся промышленности было обеспечено основным продуктом питания — хлебом? Ответ на этот вопрос может быть дан прежде всего с учетом такого важнейшего показателя, как урожайность зерновых культур.

В XVII — начале XVIII в. для Европы в целом была характерна очень язкая урожайность зерновых — 4:1². Это означало, что семья, состоявшая из пяти человек и обрабатывавшая участок в 20 акров при среднегодовом потреблении зерна каждым ее членом в 250 литров (около фунта в день), могла практически обеспечить лишь саму себя. При повышении урожайности вдвое (8:1) такая семья, помимо самообеспечения, могла прокормить еще 10 человек. Разумеется, повышение урожайности зерновых являлось необходимым условием увеличения объема сельскохозяйственного производства, воспроизводства рабочей силы, особенно в период бурного роста промышленности.

Растущая промышленность XVIII в. требовала, помимо рабочей силы, и значительного количества сырья, производимого в аграрной сфере (шерсть, кожи, лен, технические культуры: конопля, шафран, вайда, марена и т.д.).

В XVIII в. проблема повышения объема сельскохозяйственного производства решалась, во-первых, традиционным путем, т.е. путем так называемого экстенсивного земледелия, основой которого являлось расширение посевных площадей, за счет дренажа болот и применения (в частности, в приморских районах) голландской системы польдеров. Мелиорация земель и польдеризация были особенно распространены, помимо Голландии, в Англии, Франции, Южных Нидерландах и Дании. Многочисленные участки, расположенные ниже уровня моря, осушались с помощью возведения насыпей и дамб. Образующиеся между дамбами внутренние сектора, откуда вода выкачивалась с помощью ветряных насосов и где земля была необычайно плодородна, представляли прекрасную возмож-

² В отдельных странах урожайность зерновых была несколько выше. Так, в Германии в XVII в. она равнялась 4:1, а в первой половине XVIII в. — 5:1 (благодаря более плодородным областям — Шлезвиг-Гольштейну и Восточной Фрисландии). В Нидерландах и Англии урожайность еще в XVII в. составляла 6:1.

ность для культивации зерновых. Темпы польдеризации в приморских районах Европы хорошо иллюстрируют следующие данные (в %) (1715—1739 гг. = 100):

Период	Показатель польдеризации
1690—1714	117,6
1715—1739	100,0
1740—1764	94,8
1765—1789	168,3
1790—1814	148,8

Если в среднем в указанном регионе Европы с 1690 по 1739 г. за счет применения системы польдеров у моря было отвоевано 927 га земли, то за следующие 50 лет — уже 1121 га.

Но, разумеется, проблема увеличения объема сельскохозяйственного производства не могла быть решена за счет простого расширения посевных площадей. Необходимы были и качественные изменения в сельском хозяйстве, как в области социальных отношений, так и в области производительных сил, что в свою очередь позволило бы создать предпосылки для промышленной революции. И именно XVIII в. является поэтому для большинства стран Западной Европы веком качественно новых явлений в сельском хозяйстве. Считают, что родиной новой системы земледелия еще в XVI—XVII вв. были провинции Южных Нидерландов — Фландрия и Брабант, откуда ее в XVIII в. заимствовали англичане и, начав практиковать в Норфолке, Суффолке и Эссексе, распространили затем по всему миру. Так или иначе, но в XVIII в. именно Англия с ее известной норфолкской системой земледелия была “Меккой для всех тех, кто хотел изучать нововведения в сельском хозяйстве”.

Как же объяснить тот факт, что, несмотря на высокий уровень сельскохозяйственной техники и урожайность, в 2—3 раза превышавшую ее норму по Европе в среднем, Южные Нидерланды в XVIII в. играли все же второстепенную роль по сравнению с Англией? Дело в том, что при относительно высокой урожайности производительность в зерновом хозяйстве Брабанта и Фландрии с господством на их территории мелкой крестьянской собственности была ниже, чем в Англии, где преобладала система аренды и крупных фермерских хозяйств. К середине XVIII в. во Фландрии и Брабанте средняя площадь землевладения одного крестьянского двора уменьшилась по сравнению с XVI в. примерно в 2 раза в связи с увеличением численности сельского населения. Тенденция к уменьшению нормы землепользования самого многочисленного производителя — крестьянина понижала производительность такого хозяйства и требовала интенсификации и специализации сельскохозяйственного производства, что вело к повышению урожайности. И хотя в XVIII в. урожайность зерновых во Фландрии и Брабанте была необычайно высокой (средняя — 1:13, максимальная — 1:20), валовое производство зерна уже не могло конкурировать с продуктивностью английского поместья нового типа.

Итак, в чем же заключался переворот в области сельскохозяйственного производства Европы XVIII столетия? Прежде всего он означал переход к интенсивному земледелию, т.е. замену двух- и трехпольных севооборотов многопольными. Как известно, традиционным для северо-запада континентальной Европы и Англии являлся трехпольный севооборот³. В первый год поле засевалось озимыми культурами (рожь, пшеница), после сбора которых весной следующего года оно отводилось под яровые (ячмень, овес и др.). Затем в целях восстановления плодородия почвы в течение третьего года поле оставалось под паром. Таким образом, фермеру или крестьянину нужно было по меньшей мере

³ В основе трехпольного севооборота лежит запрет повторять один злак подряд на той же почве. Для озимых этот закон непреложен, иначе пашне грозит быстрое истощение.

три участка с тем, чтобы в каждый данный год обеспечивать указанный сельскохозяйственный цикл.

В средиземноморском регионе и Скандинавских странах была распространена менее интенсивная двухгодичная система севооборота, при которой половина полезной площади каждый данный год лежала под паром.

Вполне понятно, что увеличить объем сельскохозяйственного производства можно было прежде всего за счет введения в практику таких севооборотов, при которых бы практически отсутствовал пар. Однако необходимым условием при этом должно было оставаться предохранение почвы от истощения и эрозии.

В XVIII в. наиболее отчетливо прогресс в области введения принципов интенсивного земледелия был замечен в Англии с ее знаменитой норфолкской системой, которая явилась впоследствии необходимым условием качественных сдвигов в агрокультуре поместья нового типа. В Норфолке XVIII столетия, особенно в северо-восточной его части, был в основном распространен шестипольный порядок севооборота, наиболее подходящий для легких суглинистых почв, не отличающихся особым плодородием. Культуры чередовались в следующей последовательности: 1) пшеница, 2) ячмень, 3) турнепс, 4) ячмень, 5) клевер, 6) райграс. В юго-восточной части графства, где почва была плодороднее, применялся четырехпольный севооборот: 1) пшеница, 2) ячмень, 3) турнепс, 4) клевер. В сотне Флег, на юге Норфолка, где особенно хорошо росла пшеница, была распространена следующая последовательность культур в севообороте: 1) пшеница, 2) ячмень, 3) клевер, 4) пшеница, 5) овес, 6) пшеница. Таким образом, перед нами — травопольные системы с включением в порядок севооборота корнеплодов (турнепса) как основы для откорма товарного скота. Эта система требовала деления ферм на участки. Норфолкскому фермеру нужно было не менее 19—20 отдельных участков, чтобы, комбинируя их по 6 основным частям (на которые делилась ферма в соответствии с порядком севооборота), использовать их все в известной последовательности, причем практически без применения пара.

Введение севооборотов с кормовыми культурами (турнепс, репа) и травосеянием (клевер, вика, райграс) вело к росту поголовья скота, а следовательно, к увеличению количества удобрений и к повышению урожайности.

В качестве удобрений применяли, как правило, навоз, жженую сухую траву (пепел), морской песок с водорослями и ракушками. Во второй половине XVIII в. стали практиковать известкование почвы, изготовление компоста, печную золу, овечий и птичий помет (особенно в хозяйствах, специализировавшихся на производстве овощей и фруктов). При шестипольном севообороте обычно применялось от 28 до 36 кг удобрений (навоза) на акр (heavy dressing), при двухпольном и трехпольном — от 8 до 15 кг (light dressing).

Разумеется, принципы интенсивного земледелия, столь характерного в XVIII в. для передовых графств Англии, Фландрии, Брабанта и Северных Нидерландов, “приживались” далеко не всюду.

Во Фландрии, Эльзасе, Шлезвиг-Гольштейне и некоторых графствах Англии было распространено переменное (переложное) земледелие, предполагавшее периодическое обращение всей пахотной земли в пастбище, что зачастую диктовалось условиями самого капиталистического земледелия в периоды кризисных явлений в экономике.

Во Франции по-прежнему применялись традиционные севообороты, не снижавшие ввиду достаточного плодородия почв обычных норм урожайности. Здесь, так же как и в Англии, Западной Германии, а особенно во Фландрии и на западе Брабанта, зачастую применялся способ смешанного посева пшеницы и ржи. В Эльзасе сеяли вместе ячмень и овес или рожь, ячмень и овес. Эти культуры обладали различной степенью морозоустойчивости, и комбинированный посев снижал опасность недостаточно высокого урожая в холодные весны. Во Франции особенно была распространена следующая комбинация: пшеница, ячмень и овес. В Оверэйсселе был известен одновременный посев ржи и бобов, ржи и ячменя.

XVIII век является веком окончательного внедрения в сельскохозяйственную практику и континентальной и островной Европы таких важнейших культур, как гречиха, маис (кукуруза) и картофель.

Появившись через Португалию из Нового Света, маис распространился сначала на Пиренейском полуострове, затем, к концу XVI в., — в Тироле, Бургундии, Франш-Конте. В XVIII в. он прочно вошел в рацион не только скота, но очень часто служил пищей и для людей, особенно для беднейших слоев населения. Маис давал урожай 1:40 — 1:50. Его потребление способствовало увеличению пищевой нормы людей и позволяло увеличивать экспорт пшеницы.

В XVIII в. повсеместно распространилась и высокоурожайная гречиха. Для питания беднейших слоев населения она была так же важна, как и рожь, особенно в периоды дороговизны. Так, в 1798 г. доля гречихи в общем продуктовом фонде, например Голландии, достигла 17%.

Что касается картофеля, то известно, что европейцы далеко не сразу приняли эту культуру, оказывая ее внедрению упорное сопротивление. Они считали, что неизвестное растение несет с собой проказу, сап, лихорадку и т.д.

Особенно быстро эта культура стала распространяться в 50-е годы XVIII в., когда в результате частых недородов возросли цены на зерно. В больших количествах потребление картофеля в XVIII в. было наиболее характерно для Ирландии, чем частично можно объяснить прирост населения в этой стране во второй половине столетия. Этим же можно объяснить и прирост населения в Эльзасе и швейцарском кантоне Во. В Англии, Шотландии и Уэльсе картофель культивировался в основном в промышленных районах в качестве основного продукта питания. В наибольшей степени распространился он в Англии с 1770 по 1860 г., когда цены на зерно были особенно высокими. Во Фландрии к использованию картофеля стали прибегать во время Войны за испанское наследство (1702—1713). Из Фландрии эта культура проникла и в Голландию. В Западной Фландрии к 1800 г. картофелем было занято уже 15% полезной площади. В крестьянских хозяйствах Саксония валовой сбор картофеля с 1755 по 1830 г. возрос в 23 раза (с 144,5 тыс. до 3540,5 тыс. шэфелей). Во Франции эта культура была в основном распространена на севере, в то время как кукуруза — на юге. В Европе преобладала следующая система посадки картофеля: земля глубоко вскапывалась, делилась на узкие гряды, в которых проводились глубокие борозды, куда и сажали картофель, поливая его жидким удобрением. Позднее стали использовать метод посадки клубней под плуг.

Ирландская система (*Lasy beds*) была иной. Борозды выкапывались на лугу на расстоянии полутора метров друг от друга специальной лопатой (заступом). На дерн разбрасывалось удобрение, поверх которого раскладывался картофель. Затем его (вне борозд) засыпали землей. Когда он начинал прорастать, его вновь присыпали землей. Борозды хорошо задерживали влагу, способствуя дальнейшему прорастанию картофеля.

XVIII век также был веком распространения технических культур, возделывание которых было связано со значительными затратами труда. Недаром в Голландии на плодородных почвах полейдеров предпочитали выращивать именно технические культуры. Их преимуществом являлась высокая урожайность с малой площади. Так, для удовлетворения своих потребностей семья могла ограничиться посевом льна на площади всего 0,65 га.

Введение травосеяния, новых пищевых, кормовых и технических культур, равно как и бонификация земель, также означало переход к интенсивной системе земледелия.

Не менее важным явлением были и нововведения в области сельскохозяйственной техники. Одним из крупных изобретений в середине XVIII в. являлся легкий брабантский плуг (получивший в Англии название норфолкского), позволявший не только увеличивать глубину вспашки до 40—50 см, но и способствовавший тем самым борьбе с сорняками. Первоначально брабантский

плуг был предназначен для подъема целины и каменистых почв, но вскоре вследствие наличия механизма фиксации для заглублия лемеха он стал использоваться и на сравнительно легких землях. Для боронования в XVIII в. в Нидерландах, а впоследствии в Англии применялась фламандская борона, которая годилась и для дробления крупных комьев и для заделки семян в землю, а также для рыхления твердой послежидовой корки.

Для сева зерновых известный английский агроном Джетро Тулл (1674—1741) в своем трактате “Новое конно-мотыжное земледелие” предлагал применение рядовой сеялки и конной мотыги. Однако даже в передовом Норфолке преобладал ручной сев на основе дибблинга зерновых. Для этой цели использовался прокатный вал (dibbling roller) с рядами наклонно расположенных шипов с тем, чтобы проделывать в распаханной земле ямки для зерен пшеницы. Самое высевание проводилось ручным способом.

Для прокатывания почвы перед севом и после него в Норфолке применялся heavy roller — тяжелый деревянный вал, вращающийся на оси, к концам которой были прикреплены два деревянных бруса, иногда соединяемых между собой в форме рамы. Для очистки полей с турнепсом от снега применяли snow sledge — сани в форме сбитого из досок разностороннего треугольника, которые приводились в движение лошадей.

Что касается Испании, Италии, Франции, то в этих странах в XVIII в. прогресс в области сельскохозяйственной техники во время уборки урожая выражался преимущественно в замене привычного серпа косой. Кроме того, для сельскохозяйственных работ в Европе все в большей степени в качестве тяглового скота применялись лошади (вместо быков).

В конце XVIII в. даже для интенсивной, норфолкской системы земледелия, основанной на многопольных севооборотах с почти полным устранением пара, были характерны значительное однообразие и простота орудий и отсутствие сельскохозяйственных машин. Технический переворот в сельском хозяйстве был возможен лишь в теснейшей связи с промышленной революцией и развитием промышленного капитализма. В результате технического переворота как одного из проявлений аграрной революции на место рутинного производства необходимо должно было явиться “сознательное технологическое применение науки”⁴.

Различия в сроках промышленных революций в Европе определили и различную периодизацию аграрных революций. Вот приблизительные даты начала аграрных революций в отдельных странах Европы: Англия — 1690—1700 гг.; Франция — 1750—1760 гг.; Швейцария — 1780—1790 гг.; Германия, Дания — 1790—1800 гг.; Австрия, Италия, Швеция — 1820—1830 гг.; Испания — 1860—1870 гг.

Даже в Англии, “передовой” по срокам и степени интенсивности протекания аграрной революции стране, начало систематического применения машин в сельскохозяйственной сфере относится к 20—30-м годам XIX в. С одной стороны, технические возможности развития сельского хозяйства в этой стране в начале XIX в. были неотделимы от роста промышленного капитализма, фабричной машинной индустрии в целом, с другой — вполне закономерно ограничивались той самой системой лендлордизма, в существовании которой заключалось в прошлом основное условие дальнейшего развития капиталистического фермерского хозяйства. Земельная монополия лендлордов становится фактором, ограничивающим возможности капиталистического земледелия в Англии, очень часто приводит к истощению земли, сокращению запашки и повышению уровня хлебных цен. В свое время К. Маркс наметил границу возможного прогресса капиталистического земледелия, основанного на земельной монополии крупных землевладельцев-лендлордов: всякий прогресс капиталистического земледелия

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-изд. Т. 23. С. 514.

есть не только прогресс в “искусстве грабить рабочего“, но и в “искусстве грабить почву“.

Одним из важнейших социальных сдвигов периода аграрных революций в Европе явилась постепенная ломка общинных сервитутов, расхищение общинных имуществ и связанное с этими процессами исчезновение крестьянства, в классическом виде происходившее, однако, лишь в Англии, где в результате парламентских огораживаний исчезали последние остатки системы общинных полей, что было проявлением процесса окончательного отделения английского крестьянина от средств производства.

Для крестьянства континентальной Европы община также издавна играла “оградительную“ роль, защищая крестьян от проявлений “злой воли“ господина. Кроме того, система общинных полей позволяла труженику-крестьянину вести хозяйство с применением традиционных агротехнических методов в рамках классической системы двух- и трехпольных севооборотов. Переход же к интенсивному земледелию с его сложными севооборотами и нововведениями в сельскохозяйственной технике требовал ломки общинной системы в целях расширения полезной площади за счет использования коммунальных полей и пастбищ. Этим и объясняется стремление “новых“ собственников земли буржуазного типа, равно как и собственников феодальных, к захвату и переделу общинных земель.

Фонды перераспределения общинного земельного фонда в отдельных странах Европы были, разумеется, неодинаковы, но смысл этого процесса заключался в общей для западноевропейских стран тенденции постепенного отделения непосредственного производителя — крестьянина от средств производства.

Так, в Италии обострение проблемы крестьянской общины было связано во второй половине XVIII в. с рядом государственных реформ, предусматривавших, наряду с выкупом со стороны крестьян-общинников феодальных повинностей, а также созданием слоя мелких землевладельцев, ликвидацию в некоторых провинциях общинного выпаса с последующим разрешением огораживаний. В Испании также довольно значительно проявилась тенденция к уменьшению крестьянских наделов: общинная пахотная земля делилась на участки и раздавалась в пользование отдельных семей.

Капиталистическая перестройка в аграрной сфере Европы XVIII в. не была прямолинейной, она свершалась с отступлениями к феодальному прошлому, примером чего могут служить и проявления сеньориальной реакции, особенно характерные для французской деревни второй половины века, когда рыночная конъюнктура резко увеличила цену земли. Сеньориальная реакция была своеобразным показателем трансформации феодального поместья, вынужденного в условиях роста товарно-денежных отношений приспособляться к развитию капиталистического уклада. Тщательное приведение в порядок поместных описей (террье) должно было иметь следствием реинтеграцию старых феодальных прав и повинностей крестьянства. Помимо увеличения натуральных и денежных рент, в отдельных провинциях Франции (например, Северной Бургундии) наблюдался отход к барщине. Кроме того, значительное развитие получила и “централизованная форма“ феодальной ренты — главным образом в виде налогов и пошлин. Во Франции роль централизованных форм феодальной ренты играли прежде всего прямые и косвенные налоги. Так, основной прямой налог — талья — вырос с 40 млн ливров в 1715 г. до 64 млн в 1789 г. Если в 1725 г. поступления в казну от прямых налогов составляли 87,5 млн ливров, а от косвенных, наиболее ненавистным из которых для народных масс был соляной налог — габель, — 99 млн, то в 1788 г. эти цифры равнялись соответственно 179,3 млн и 243,5 млн ливров. С помощью этих налогов не только ликвидировался разрыв между размером избыточного продукта крестьянского хозяйства и феодальными повинностями последнего, но зачастую извлекалась и часть необходимого продукта.

В период феодальной реакции, характерной в той или иной степени для ряда

стран Европы XVIII в., у сеньоров, как и прежде, существовали также определенные права, которые могли рассматриваться как проявления публично-правовой власти. Объем этих прав был особенно велик в Испании, где существовала традиция взимания феодалами определенной доли государственных налогов. К концу XVIII в. доходы испанских феодалов от алькабалы составляли около 750 млн реалов.

Формы и размеры рент в Западной Германии были свидетельством недостаточно интенсивного развития капитализма в сельском хозяйстве даже по сравнению с такими регионами Европы, как Южная Франция или Северная Испания. Так, помимо обычных рент натурального и денежного характера, с крестьян Западной Германии взимали и вступительный сбор при смене владельцев земельного участка, и 5%-ный посмертный побор при наследовании, и территориальный налог князю. Существовала и отработочная рента.

Таким образом, если в отдельных районах Западной Европы (Франция, Италия) в XVIII в. так называемая сеньориальная реакция в ее многообразных формах была все же свидетельством постепенного, через отступление к старому, развития капитализма в аграрной сфере, то в таких странах, как Испания и отчасти Западная Германия, производственные отношения в сельском хозяйстве и в XVIII в. все еще были отмечены наличием классических черт феодального способа производства, в меньшей степени деформированного развитием капиталистического уклада.

Наиболее ярким показателем развития буржуазного способа производства в земледелии стран Западной Европы XVIII в. явилась, несомненно, эволюция арендных отношений в капиталистическом направлении, когда арендная плата превращалась в избыток над средней прибылью.

В классическом виде процесс становления крупной коммерческой аренды, в основе которого лежало отделение непосредственного производителя — крестьянина от средств производства, совершался лишь в Англии в эпоху массовых парламентских огораживаний, которые представляли собой санкционированное парламентом массовое обезземеливание крестьянства.

Особенностью таких стран, как Италия и Франция, было существование издольщины — краткосрочной крестьянской аренды с преобладанием натуральных платежей. В XVIII в. наблюдалась тенденция к эволюции мелкокрестьянской и посреднической аренды в капиталистическом направлении. Арендаторы, по преимуществу крупные, стали все чаще использовать собственный инвентарь и труд наемных рабочих для возделывания арендуемой земли. Утеря отношений хозяйственного паритета в отношениях аренды и означала постепенную эволюцию ее мелкокрестьянских полуфеодальных форм в капиталистическом направлении.

Для этих стран, особенно для Франции, не исключалась возможность развития капитализма в сельском хозяйстве по английскому образцу. Однако значительное территориальное преобладание областей “мелкой культуры” способствовало тому, что в целом развитие капитализма пошло через крестьянское хозяйство, фактически и юридически освобожденное Великой революцией, в результате которой французские цензитарии превратились в собственников буржуазного права, нашедшего классическое выражение в кодексе Наполеона.

В целом для Европы XVIII в. были характерны тенденции: 1) изменения структуры аренды; все более явного вытеснения мелкой крестьянской, “голодной” аренды крупной коммерческой; 2) значительно большего вовлечения наемного труда в арендные отношения; 3) увеличения нормы эксплуатации мелких арендаторов за счет как прямого роста арендных платежей, так и изменения их формы и структуры (так, в годы дешевых цен на хлеб возрастал объем денежной арендной платы, в периоды же роста дороговизны происходила реставрация натуральных поборов и отработочных повинностей, характерных для феодального способа производства). Тем не менее даже для такого

высокоразвитого региона Европы, как Северные Нидерланды, и в XVIII в. все еще были характерны реликтовые формы арендных платежей.

Общеввропейский процесс развития капиталистической аренды был неотделим от процесса социально-экономической дифференциации крестьянства, образования наемной рабочей силы — "резервной армии труда", с одной стороны, и буржуазных элементов в лице зажиточного крестьянства — с другой.

Итак, мы видим, что в западноевропейской деревне происходили сложные процессы. К традиционным противоречиям между сеньорами и крестьянами в XVIII в. присовокупились проявления антагонизма между сельской и городской буржуазией, с одной стороны, и пролетаризированными массами крестьянства — с другой.

Глава 3

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

В экономическом и социальном развитии России в XVIII в. произошли глубокие изменения. Они затронули все стороны народного хозяйства и социального облика страны. В основе этих изменений лежал процесс разложения феодализма и генезиса капиталистических отношений, начавшийся еще в прошлом столетии. В рассматриваемую эпоху названный процесс приобрел особую силу, вследствие чего и его воздействие на общественное развитие приобрело более широкий характер. В результате экономический и социальный строй России в конце XVIII в. стал во многом другим, чем был в начале этого века.

ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

Территория и население России на протяжении XVIII в. значительно выросли. Площадь страны в начале XVIII в. равнялась примерно 14 млн кв. верст, а в 1791 г. — около 14,5 млн кв. верст, т.е. увеличилась почти на 0,5 млн кв. верст. Расширение территории происходило в основном в результате успешных войн со Швецией, Польшей и Турцией.

Намного выросло и население страны. По первой ревизии, проведенной в 1719 г., численность мужского населения составляла 7,8 млн человек. Если прибавить сюда и женское население, взяв его приблизительно равным мужскому, то общая численность населения в то время была примерно 15,6 млн человек. Подавляющую часть населения составляло феодально-зависимое крестьянство — более 6,8 млн человек мужского пола, или 87,1% всего мужского населения страны. Так называемое неподатное население, которое не несло государственных налогов (дворяне, духовенство, чиновники и др.), равнялось 0,5 млн человек мужского пола, или приблизительно 6,4% всех мужчин. Городские сословия (купцы, мещане, ремесленники и др.) насчитывали 0,3 млн человек, или 3,9% общего их числа. В армии и флоте было 0,2 млн человек мужчин, или 2,6% всей их численности.

По пятой ревизии, проходившей в 1795 г., имелось уже 18,6 млн человек мужского пола, а вместе с женщинами — 37,2 млн человек, т.е. общая численность населения страны за указанное время возросла почти в 2,4 раза. Увеличение населения шло главным образом за счет естественного прироста. Как и ранее, основными категориями населения являлись феодально-зависимое крестьянство — 16,3 млн человек мужского пола (87,7% всех мужчин), неподатное население — 1,1 млн мужчин (5,8%), городские сословия — 0,8 млн

мужчин (4,3%), армия и флот — 0,4 млн (2,2%). Как видим, в абсолютных цифрах численность всех разрядов населения выросла в 2 и более раза¹.

Густота населения в разных частях страны была весьма различна. В конце XVIII в. в районах черноземного и нечерноземного центра на 1 кв. версту приходилось 23—26 человек, а в Среднем Поволжье и Приуралье — только 4—5 человек. Продолжался процесс миграции населения, особенно крестьянства. Из центральных губерний, являвшихся районами наибольшего развития крепостничества, крестьяне стремились уйти на окраины, где они получали больше свободы и возможностей для развития своего хозяйства.

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В сельском хозяйстве хотя и медленно, но происходит дальнейший рост производительных сил. Он выразился прежде всего в освоении под пашню новых земель. Распашка велась главным образом на окраинах государства: в южных степях, Поволжье, на Урале и в Сибири. Только за последние два десятилетия XVIII в. в Центрально-Черноземном районе площадь под посевами увеличилась на 60—100%. Южнее его, в области Войска Донского, земледелие становится одним из главных занятий населения, хотя в предшествующее время оно не играло сколько-нибудь заметной роли. В Саратовской и Оренбургской губерниях посевы выросли в 2 раза. В Сибири в начале XVIII в. пашня составляла немного более 100 тыс. десятин, а к концу века только в Западной Сибири — уже около 800 тыс. десятин. Введение в сельскохозяйственный оборот новых земель, хотя и в меньших размерах, происходило и в старопахотных областях. Так, в Северо-Западном и Центрально-Промышленном районах в 80—90-х годах XVIII в. посевы выросли на 30—40%. Общая площадь пашни в европейской части страны в 1796 г. составляла более 71,5 млн га.

Господствующей системой земледелия продолжало оставаться трехполье. В некоторых местах, особенно на севере и в лесных районах, практиковалась также подсечная система, а на юге — перелог. Однако все заметнее становится стремление усовершенствовать трехполье. Это выражалось прежде всего в улучшении обработки пашни перед посевом — ее двоеении и троеении. Двойная вспашка земли особенно широкое распространение получила в таких черноземных губерниях, как Воронежская и Харьковская. В Северном районе, где почвенно-климатические условия для земледелия были менее благоприятны, использовалась и трехразовая вспашка. Важным средством улучшения трехполья и поднятия плодородия полей являлись удобрения, главным образом навоз. Наряду с ним в лесных районах применялась зола, полученная от сжигания деревьев и лесных отходов, а в некоторых местностях торф. В Выборгской губернии для удобрения использовался прудовой ил, известь и мергель.

Одновременно с улучшением трехполья предпринимаются попытки найти новые системы земледелия, ввести многополье с плодосменом и травосеянием. В некоторых хозяйствах Московской губернии на паровом поле сеяли репу, а после нее на следующий год — яровую пшеницу. В Тверской губернии на лесных росчистях первый год сеяли овес, второй год — рожь, третий — ячмень. В Курской губернии на новых землях первые три-четыре года сажали арбузы и сеяли пшеницу и просо, а затем уже основные зерновые культуры. В Вологодской и Архангельской губерниях начались посевы травы тимopheевки, а в других районах клевера и люцерны.

¹ Цифровые данные (в округленном виде) о численности населения берутся из книги В.М. Кабузана "Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в." (М., 1971. С. 63—70, 87, 90, 107—118), а процентные соотношения разрядов населения вычислены нами; процентные соотношения разрядов населения Прибалтики по первой ревизии определяются исходя из соотношений, имевшихся в этом крае по третьей ревизии 1762 г.

Традиционные орудия земледельческого труда — соха, борона и серп — сохраняли свое первенствующее положение. Вместе с тем идет их усовершенствование, а также введение новых сельскохозяйственных средств и орудий. Так, повсеместное распространение получает наиболее производительный вид русской сохи с отвалом. Но наряду с ней все шире применялись плуг и орудия плужного типа, являвшиеся переходными от сохи к плугу. Заметное распространение плуг получил в черноземных районах, особенно при подиятии степной целины — в Курской, Воронежской и Харьковской губерниях. У крестьян последней в большие плуги впрягали по 4—10 волов. Одной из разновидностей плуга был сабан, который применялся на полях Казанской, Оренбургской и Уфимской губерний. В Центрально-Промышленном районе и на Севере широко использовалась косуля — орудие плужного типа. Появляются более совершенные бороны с железными зубьями. Применение всех этих новых орудий крестьянского труда было тесно связано с введением в хозяйственный оборот новых земель и улучшением обработки пашни, в частности ее двоением и троением. При уборке хлебов вместо серпа все чаще использовались более производительные косы-литовки.

Важные изменения происходили в структуре и распространении сельскохозяйственных культур. Как и прежде, рожь, овес и ячмень занимали главное место среди продовольственных и фуражных культур. Все больший удельный вес приобретали наиболее ценные культуры — пшеница, гречиха и просо. Только за последние 20 лет XVIII в. в Центрально-Черноземном районе посевы пшеницы увеличились в 2 раза, а по отдельным губерниям и того больше: в Курской — в 3 раза, в Воронежской губернии — в 8 раз. С конца XVIII в. посевы яровой пшеницы заметно возрастают в Северном Причерноморье и Крыму. Такое же явление наблюдается и на востоке страны — в Среднем Поволжье, на Южном Урале и в Зауралье. Например, в Уфимской губернии производство пшеницы увеличилось в 3 раза. Даже в центральных нечерноземных и северных районах возросли посевы пшеницы. Намного расширились посевы крупяных культур. Так, в Рязанской губернии посевы гречихи начали занимать половину всего ярового поля, увеличилось ее производство в нечерноземных и северных уездах. В Черниговской губернии доминирующее положение среди яровых хлебов заняло просо.

Урожайность основных хлебных и фуражных культур (рожь, овес, ячмень) была невысокой. Для нечерноземных районов она составляла в среднем сам-2 и сам-3, а в черноземной полосе сам-5 и сам-6. В целом для XVIII в., за исключением Севера, прослеживается тенденция к повышению урожайности, особенно в Центрально-Черноземном районе. Нередко случались неурожаи и как следствие их — голодовки, однако общих или повсеместных неурожаев за это время в стране не было.

Животноводство являлось, вслед за земледелием, второй основной областью сельскохозяйственного производства. Обеспеченность крестьянских хозяйств скотом была крайне неравномерной и зависела как от природно-климатических, так и от социальных условий. В свою очередь животноводство, поставляя навозное удобрение, в значительной степени определяло уровень как зернового хозяйства, так и производства технических культур, льна и конопли.

Существенной особенностью развития животноводства в рассматриваемое время являлось выделение регионов, в которых оно становится преобладающей отраслью хозяйства, а также специализация внутри самого животноводства. Определенные успехи были достигнуты в выведении и распространении новых пород скота. На севере страны, в Архангельской и Вологодской губерниях, преобладающим становится мясо-молочное направление в развитии животноводства, основой которого стала холмогорская порода коров, выведенная еще в прошлом веке. Отсюда скот поступал на продажу даже в Москву и Петербург. В Центрально-Черноземном районе, особенно в Воронежской и Тамбовской губерниях, с предпринимательской целью возникают и получают распространение крупные конные и овечьи заводы помещиков. Среди них следует особо отметить конный

Хреновский завод графа А.Г. Орлова, основанный в 1776—1777 гг. в Бобровском уезде Воронежской губернии. Именно на нем была выведена знаменитая порода беговых лошадей — орловские рысаки. В южных степях, богатых пастбищами, начинает развиваться новая отрасль животноводства — тонкорунное овцеводство.

Крупный район товарного животноводства складывается в степной части Левобережной Украины. По данным конца XVIII в. здесь на территории будущей Полтавской и частично Черниговской губернии имелось 199 конных заводов, 207 заводов крупного рогатого скота и 209 овечьих заводов. На некоторых конных заводах числилось от 110 до 270 голов лошадей и разводились не только простые, но и породистые лошади стоимостью от 100 до 500 рублей. Другие заводы также были крупными — на заводах рогатого скота насчитывалось по 200—300 голов, на овечьих — по несколько тысяч. Торгово-промышленный район животноводства возникает в степном Заволжье, центрами его становятся Оренбург и Уфа. Все сказанное дает основание считать, что и в развитии животноводства наблюдается определенный прогресс.

Заметным явлением в истории сельского хозяйства XVIII в. стал процесс территориального разделения труда, начавшийся еще в прошлом столетии. В основном завершилось формирование районов, специализировавшихся на производстве определенной сельскохозяйственной продукции, четче стала вырисовываться их торговая направленность. В земледелии главным направлением было производство хлеба. Сложились районы, в которых имелись товарные излишки зерна, и районы, где ощущалась нехватка его. Основным поставщиком товарного хлеба стал Центрально-Черноземный район — Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Тамбовская, Воронежская и Липецкая губернии. В 80-е годы XVIII в. хлебные излишки здесь составляли почти 4 млн четвертей, а в конце века — более 10 млн четвертей. Товарный хлеб производился также в Среднем Поволжье — Нижегородская, Казанская, Симбирская и Саратовская губернии, в Приуральском районе — Вятская, Пермская и Оренбургская губернии и Юго-Западном районе — Харьковская и Малороссийская губернии. Потребляющим являлся Центрально-промышленный район — Московская, Владимирская, Ярославская, Костромская, Тверская и Калужская губернии, где нехватка хлеба в 80-е годы XVIII в. исчислялась в 5—6 млн четвертей. Недоставало хлеба в Северо-Западном районе — Смоленская, Псковская, Новгородская и Петербургская губернии и Северном промышленном районе — Архангельская, Олонецкая и Вологодская губернии.

Наряду с районами зернового направления определились и районы производства технических культур, среди которых ведущее место занимали лен и конопля. Лен преимущественно возделывался в Северо-Западном районе, в Псковской и Новгородской губерниях, на западе Центрально-Промышленного района — в Тверской губернии и на границе последнего с Северным районом — в Костромской и Вологодской губерниях. Основными центрами товарного производства льна стали Псковская и Вологодская губернии. Урожай семян льна в среднем составлял сам-2, в редких случаях достигая сам-3. Но низкая урожайность семян для этой культуры не является определяющим показателем, поскольку главную ценность в ней представляло волокно. Конопля с предпринимательскими целями широко возделывалась в Калужской, Могилевской, Смоленской и Орловской губерниях. Урожай семян конопли здесь достигал сам-4. Необходимо отметить, что с потребительскими целями лен и конопля возделывались во многих других областях. В целом по стране посевы конопли примерно в 2 раза превышали посевы льна.

В XVIII в. дворянское землевладение заметно увеличилось. Помещикам раздавались государственные и дворцовые крестьяне, а также незаселенные земли. Лишь в 1682—1711 гг. они получили более 43,6 тыс. дворов дворцовых крестьян и значительно более миллиона десятин пахотной земли, лугов и леса. В областях,

прилегающих к Петербургу, дворяне получили за первые четыре десятилетия XVIII в. около миллиона десятин земли. Во второй половине столетия огромные площади земель помещикам были розданы в Центрально-Черноземном районе и Среднем Поволжье. В ходе проведенного в то время генерального межевания земель дворянству за бесценок было продано или просто даром "примежевано" около 50 млн десятин казенной земли. В последней четверти XVIII в. в Крыму и Северной Таврии помещики получили не менее 625 тыс. десятин. Екатерина II за время своего царствования в последней трети XVIII в. раздала дворянам более 800 тыс. государственных и дворцовых крестьян обоего пола.

С развитием в стране товарно-денежных отношений земля также постепенно превращалась в товар, который, однако, обращался еще главным образом среди дворянства. Этот процесс вел, в свою очередь, к заметному перераспределению земельной собственности внутри господствующего класса. К 1800 г. только в центральных кредитных учреждениях дворяне заложили в счет погашения своих долгов 1 365 000 душ мужского пола (около 15% всех крепостных крестьян).

Говоря о расширении дворянского феодального землевладения, нельзя не отметить, что в то же время все явственнее и заметнее получало распространение и такое явление, как купеческая и крестьянская земельная собственность, которая носила по существу буржуазный характер. Наиболее широко купеческое землевладение распространялось на севере страны, где почти не было помещиков. Здесь купцы и другие городские жители покупали в собственность землю у черносозных крестьян. Крестьяне теряли землю и по закладным документам, если вовремя не погашали займа. Купеческое землевладение образовывалось и в других районах страны, причем нередко земля и крестьяне приобретались купцами на имя подставных лиц, имевших на это официальное право. Шел также процесс складывания крестьянской собственности на землю. Приобретали землю богатые крестьяне, оформляя покупки на имя своих помещиков. Среди них можно назвать таких "капиталистских" крестьян, как Грачевы, Горелины, Ямановские и др., из села Иванова, принадлежавшего графам Шереметевым. Земли покупали как у посторонних, так и у своих помещиков. Покупные земли оказывали заметное влияние на развитие крестьянского хозяйства. Формирование купеческой и крестьянской собственности на землю подтачивало основы феодальной земельной собственности, свидетельствовало о разложении последней.

Феодальные повинности помещичьих крестьян к концу XVIII в. характеризуются следующими данными. В 13 губерниях нечерноземной полосы 55% крепостных крестьян находились на денежном оброке и 45% — на барщине. Однако специфика распределения оброка и барщины в этом районе не исчерпывается приведенными цифрами. Наряду с преобладанием денежно-оброчной системы здесь имелись области, в которых господствовала барщина: например, в Московской и Смоленской губерниях барщинных крестьян насчитывалось 70%, а в Псковской — 79%. С другой стороны, в некоторых губерниях нечерноземной зоны, особенно в Костромской и Ярославской, денежный оброк занимал еще более преобладающее положение, чем в среднем по данному району, здесь на оброке находились 78—85% крестьян. Другая картина наблюдается в семи черноземных губерниях, где 74% помещичьих крестьян несли барщину и лишь 26% крестьян платили денежный оброк. Но и тут в ряде мест барщина уступала место денежному оброку: так, в Воронежской губернии 64%, а в Пензенской 52% крестьян несли оброк. Барщина преобладала в Поволжье, а на Украине она занимала господствующее положение: более 90% крестьян работали на господской пашне.

Территориальные различия в распространении оброка и барщины в помещичьей деревне объясняются главным образом особенностями хозяйственного развития тех или иных географических районов. В нечерноземных губерниях развивалась промышленность, в том числе крестьянская, росли города, и в этих условиях крестьяне имели больше возможностей для уплаты оброка. Учитывая к тому же, что неплодородные земли этого района были менее пригодны для соб-

ственного господского хозяйства, помещики переводили крестьян на денежный оброк, размер которого они могли повышать за счет неземледельческих заработков крестьян. С другой стороны, барщина развивалась не только в местностях, где имелись плодородные черноземные почвы, но и там, где поблизости находились хорошие рынки сбыта. Именно этим объясняется преобладание барщины в Московской губернии, сельскохозяйственная продукция барских имений которой успешно реализовалась в Москве, а также в Смоленской и Псковской губерниях, ориентировавшихся на рынки Петербурга и Прибалтики. К тому же, в обеих столицах в большом числе жили дворяне, потребности которых могли лучше удовлетворяться за счет продукции их ближайших владений.

Для монастырской деревни вплоть до секуляризации 1764 г. характерно сочетание барщины и денежного оброка с постепенным увеличением удельного веса последнего. После секуляризации и превращения монастырских крестьян в государственных все они переводятся на денежную форму ренты. Схожий процесс наблюдается и среди дворцовых крестьян. Обработка десятинной пашни на дворцовое ведомство, занимавшая в первой половине XVIII в. заметное место, во второй половине века почти повсеместно была заменена денежным оброком.

Подавляющая часть государственных крестьян уже в начале XVIII в. платила денежную ренту. В 1762 г. на нее были переведены и государственные крестьяне Сибири, обрабатывавшие до этого казенную десятинную пашню.

Размеры феодальной ренты на разных этапах были неодинаковы. Так, в первой четверти XVIII в. отмечается определенная стабильность владельческих повинностей, вызванная довольно значительным повышением государственных налогов, что ставило некоторые пределы росту феодальной ренты. Довольно четкая тенденция к увеличению денежного оброка и барщины прослеживается только с последней трети XVIII в. В 60—70-е годы денежный оброк обычно равнялся 2—3 руб. в год с души мужского пола, а в 90-е годы он поднялся до 5 руб., а в отдельных имениях — до 10 руб. и более. Но при исчислении реальной тяжести оброка необходимо иметь в виду, что почти на протяжении всего XVIII в. происходили рост цен на сельскохозяйственную продукцию и падение ценности денег. Увеличивалась и барщинная повинность: к концу века она достигла наиболее высокого размера в 1—1,5 десятины на душу мужского пола, что отнимало у крестьян 3—4 дня в неделю. В то же время появилась так называемая месячина, при которой крестьяне вообще лишались своего земельного надела и, получая от помещика ежемесячное продовольственное содержание, все свое время были заняты на барщине.

Распространение денежной ренты свидетельствовало о том, что разрушалась натуральная основа крепостного хозяйства. Денежная рента предполагает уже значительное развитие в стране торговли и городской промышленности, вообще товарного производства и связанного с ним денежного обращения. При этом основой товарного производства становится крестьянское хозяйство, поскольку непосредственный производитель должен теперь часть своего продукта превратить в товар. При барщинной системе также развивалось товарное производство, хотя его основой являлось господское хозяйство. Дело в том, что в изучаемый период барщина в значительной мере меняет свое назначение. Если раньше она использовалась прежде всего для обеспечения потребностей феодала, то теперь ее основной целью становится производство товаров.

Помещичье хозяйство постепенно становилось на путь товарного производства. На продажу производился прежде всего хлеб и другая сельскохозяйственная продукция. Такой характер носило крупное хозяйство А.Д. Меншикова и других менее состоятельных владельцев. Во второй четверти века на предпринимательской основе были организованы хозяйства Головкиных, Мусиных-Пушкиных, Макарова и др. В последней трети века процесс товаризации помещичьего хозяйства становится более интенсивным. Один из крупнейших землевладельцев того времени, С.К. Нарышкин, в наказе приказчику крапивенской вотчины прямо

требовал сеять прежде всего такой хлеб, от которого “урожай бывает больше и продавать можно с прибылью”. Поэтому расширяется господская запашка, увеличивается производство таких товарных хлебов, как гречиха, просо и пшеница. В результате количество помещичьего хлеба, поступившего в последней трети XVIII в. на рынок, заметно увеличилось. Именно в это время помещиками основываются крупные конные и овечьи заводы с коммерческой целью. Большой доход приносили леса, поскольку спрос на лесную продукцию в связи с ростом городов, строительством промышленных предкрийтий и судов непрерывно расширялся.

Важным показателем растущей связи помещичьего хозяйства с рынком служит дворянское промышленное предпринимательство. Особое развитие оно получило в отраслях, основывавшихся на переработке сельскохозяйственного сырья, которое имелось в феодальной вотчине. Прежде всего необходимо сказать о винокурении. Уже в первой половине XVIII в. оно получило такой размах, что правительство, идя навстречу дворянским интересам, в 1754 г. запретило купеческое винокурение, считая, что помещичьи винокуренные заводы могут полностью удовлетворить спрос на вино. О размахе винокурения в имениях вельмож дают представление следующие цифры: в 1764—1765 гг. граф А. Шувалов поставил на продажу около 258 тыс. ведер вина, генерал-прокурор Глебов — более 179 тыс. ведер, мощность трех заводов Куракиных в Городищенском уезде Пензенской губернии превышала 100 тыс. ведер, а завод В.В. Долгорукова в Рязанской губернии давал до 70 тыс. ведер вина в год. Помещики строили также полотняные и суконные мануфактуры, стекольные и поташные заводы и другие промышленные предприятия.

Интерес дворян в этой области зашел так далеко, что они уже не ограничивались собственным сырьем и своей крепостной рабочей силой. Для производства товарной продукции они начали закупать необходимые первичные материалы на рынке, а также использовали вольнонаемный труд, вкладывая полученную прибыль в дальнейшее расширение производства. Эти явления свидетельствовали о начавшемся буржуазном перерождении феодальной вотчины. Они еще не приобрели массового характера, но уже стали, особенно в конце века, заметной чертой феодального хозяйства.

Крестьянское хозяйство в основе своей носило патриархально-натуральный характер. Будучи ограниченным по своим производственным возможностям, оно способно было главным образом лишь к простому воспроизводству. Однако происходившие в стране перемены не могли не затронуть крестьянское хозяйство и вели к подрыву его натурально-потребительского базиса.

Одной из причин, заставлявших крестьян обращаться к рынку для продажи своей сельскохозяйственной продукции, было все большее распространение денежной формы феодальной ренты и государственных налогов. При этом крестьянин нередко вынужден был продавать не только излишки, но и необходимую часть своих продуктов.

Помимо этого, общее развитие товарно-денежных отношений в стране неумолимо втягивало в свою сферу крестьянское хозяйство, которое медленно, но неуклонно становилось на путь мелкого товарного производства. По данным последних исследований уже в первой половине XVIII в. крестьяне являлись основными поставщиками сельскохозяйственной продукции на местных рынках. В дальнейшем процесс товаризации крестьянского хозяйства еще более усиливается. Например, в Курской губернии, одной из наиболее крупных хлебопроизводящих губерний, доля крестьян в губернской реализации товарного хлеба в последней четверти XVIII в. составляла более 90%. Крестьянское хозяйство было также основным производителем технических культур, льна и конопли, значительная часть которых шла как на внутренний, так и на внешний рынок. При этом доля их на внешнем рынке в последней трети XVIII в. значительно выросла: конопли примерно с 2 млн пудов до 3 млн пудов, т.е. на треть, а льна с 700 тыс. до

1,3 млн пудов, или почти в 2 раза. Товарное производство получает развитие и в таких отраслях крестьянского хозяйства, как огородничество, садоводство и пчеловодство.

Крестьянство производило на рынок не только сельскохозяйственную продукцию, но и продукцию сельских промыслов. В Центрально-Промышленном районе большое развитие получило текстильное, особенно полотняное, производство. Им славились села и деревни Московской и Владимирской губерний. Большое количество холста поступало на ярмарки, в том числе на Макарьевскую, а также шло за границу. Наряду с полотном здесь производились шелковые и бумажные ткани.

Изготовление полотна на продажу получило широкое распространение и в других экономических районах страны: на севере — в Вологодской и Архангельской губерниях, а в Среднем Поволжье — в Нижегородской и Казанской губерниях.

Развиты были и крестьянские железоделательные промыслы. Большинство из них обслуживало местный ограниченный рынок, но некоторые железоделательные центры имели и общероссийское значение. Одним из наиболее крупных и известных было с. Павлово в Нижегородской губернии. Еще в 1730 г. современник писал о его жителях, что они “все суть замошники или кузнецы, делают очень чистую работу и известны по всей России”. В конце XVIII в. в селе и окружавших его девяти деревнях проживало несколько тысяч крестьян. При этом жители самого села уже не занимались земледелием, а крестьяне соседних деревень соединяли сельское хозяйство с промысловым трудом. В то время в с. Павлове и тянувшихся к нему деревнях имелось 4 завода, на которых выплавлялось 6500 пудов стали, а также 323 слесарных мастерских, принадлежавших крестьянам. Крестьяне вырабатывали в них в год до 900 тыс. замков, до 21 тыс. дюжин столовых и складных ножей, до 21 тыс. ножниц и около 3 тыс. ружей. Общая стоимость этой продукции оценивалась, по самым скромным подсчетам, в 240 тыс. руб. Изделия павловских крестьян расходились по всей стране, а частично вывозились и за границу.

Помимо указанных, широко были развиты и другие крестьянские промыслы, в частности деревообрабатывающий и кожевенный, продукция которых также поступала на рынок в больших размерах.

Богатая крестьянская верхушка не только продавала продукцию, произведенную в собственном хозяйстве. Значительная часть ее выступала и в качестве скупщиков, закупаая на местных рынках сельскохозяйственные и промышленные товары и перепродавая их в других местах по более высоким ценам. Для некоторых деревенских богатеев торговля вообще стала важной частью хозяйственной деятельности, оттесняя на задний план их земледельческие занятия, и они превращались по существу в сельских купцов. Вообще крестьянская торговля в описываемое время становится настолько заметным явлением, что находит отражение даже в публицистике. Например, уже в начале XVIII в. выдающийся писатель и экономист И.Т. Посошков писал, что среди новгородских крестьян “есть и такие богачи, что сот на пять-шесть (рублей. — *И.Б.*) имеют у себя торгу”. Петербургский магистрат в 1782 г. доносил в Сенат, что “здесь торгующих крестьян своим собственным капиталом до несколько тысяч человек... а торгующих крестьян, которые под именем купцов лавки имеют... находится более 2 тыс. человек, а с их помощниками не менее 10 тыс. человек”. Крестьянская торговля на протяжении всего XVIII в. является предметом пристального внимания правительства.

В тесной связи с развитием товарно-денежных отношений в крестьянском хозяйстве в нем протекал и другой, еще более глубокий, процесс — его перестройка на капиталистических началах. Процесс этот начался в XVII в., а в XVIII столетии проявился более отчетливо и рельефно. Остановимся лишь на некоторых примерах.

В Северо-Западном районе страны яркая картина капиталистической органи-

зации хозяйства наблюдается у дворцовых крестьян с. Царского (Копорский уезд). Здесь выделилась зажиточная крестьянская верхушка, которая вела товарное земледельческое хозяйство, в том числе садоводство и огородничество, владела мельницами, занималась торговлей, подрядами и откупами. Крестьянские богатеи широко использовали в своем хозяйстве наемный труд, причем численность наемных работников неуклонно возрастала и абсолютно и относительно. Так, в четырех слободах с. Царского с приписными к ним деревнями в начале 1730 г. значилось 123 наемных работника, что составляло 9% к общему числу живущих здесь крестьян. А в 1765 г. число наемных работников было уже 531 человек, или около 17% общей численности населения. При этом наблюдалась концентрация наемных работников в наиболее зажиточных крестьянских дворах: так, если в 20-е годы XVIII в. нанимали обычно 1—3 работников, то в 40-е годы имелись уже дворы, где работали до 13 наемных работников, а в 50-е годы — и до 24 работников. Некоторые хозяйства начиная с 20-х годов XVIII в. систематически на протяжении десятилетий прибегали к найму рабочей силы. Наем различался двух видов, постоянный и временный, на сезон. На протяжении всей первой половины XVIII в. прослеживается тенденция к увеличению числа дворов с постоянным наймом, а сезонный наем приобретает более регулярный, систематический характер.

С другой стороны, среди населения этого села сформировалась группа обедневших и беднеющих крестьян. Значительная часть их нанималась на работу к своим же односельчанам. В некоторых деревнях число крестьян, работавших по найму у односельчан, достигало 25% общей численности их жителей. Некоторая часть бедняков становилась отходниками и продавала свою рабочую силу на стороне.

Показательно, что среди обеих групп уже наблюдались случаи, когда крестьяне начинали терять интерес к земледельческим занятиям. Богачи или вообще бросали свои надельные земли, или использовали для их обработки наемных батраков, а сами сосредоточивались на промысловой деятельности, торговле, скупке и т.д. Некоторые крестьяне из бедняков, хотя и по другим причинам, но также забрасывали свои земли и “питались только работою своею”.

Такова картина буржуазного расслоения крестьян в дворцовых имениях, расположенных недалеко от Петербурга.

В том же Северо-Западном районе, в Присвирье, находилась вотчина Александро-Свирского монастыря. В силу природных условий, мало благоприятных для земледельческого производства, в хозяйстве здешних монастырских крестьян широкое развитие получили различные промыслы, в особенности деревообрабатывающие. На почве занятий ими и шел процесс социальной дифференциации крестьян. Среди них выделилась группа плотников-предпринимателей, которая представляла собой подрядчиков по строительству жилых и хозяйственных зданий и судов, в процессе которого они использовали вольнонаемную рабочую силу. Доходы их были довольно значительными. Так, плотники-подрядчики Кондужской волости, которые специализировались на возведении жилых и хозяйственных построек, получали около 100 руб. в год. В марте 1732 г. четыре крестьянина д. Мирошкинской заключили подряд с петербургским купцом Овчинниковым на постройку трех мореходных судов на сумму 1025 руб. Подрядчик И.Ф. Покора в 1734 г. за строительство Олонецкой нижней мельницы получил 147 руб., а в 1745 г. за ее перестройку — 90 руб. Для сравнения укажем, что годовой заработок рядовых плотников и наймитов не превышал 20—25 руб. Некоторые из богатых крестьян и свое земледельческое хозяйство вели на предпринимательской основе. Для производства товарной продукции они использовали труд “казаков-наймитов”, “подворников”, живущих у них в хозяйстве, и т.д.

На другом полюсе находились бедные крестьяне. Определенная их часть

работала у соседей-богачей на различных подрядных работах в качестве наемных рабочих. В первой половине XVIII в. значительно возрос отход бедняков-крестьян на заработки. Каждое второе хозяйство вотчины отправляло на заработки одного работника мужчину. Основная масса отходников устремлялась в Петербург, часть устраивалась на суда, некоторые находили работу на промышленных предприятиях Олонецкого уезда.

В Центрально-Промышленном районе особенно яркая картина буржуазного расслоения крестьян наблюдалась в Ивановской вотчине Владимирской губернии, принадлежавшей графам Шереметевым. Здесь уже в 40—50-е годы XVIII в. выделилась группа “капиталистских” крестьян, основавших полотняные мануфактуры, — Ф. Грачев, И. Гандурин и др. Они же вели крупную торговлю, в том числе на Макарьевской и Ирбитской ярмарках. В 1789 г. в с. Иванове имелось 20 мануфактур по производству набойки и другие предприятия. Работали на них по найму как свои местные крестьяне, так и пришедшие по паспортам из других уездов. Некоторые из крестьянских “фабрикантов” вели и довольно большое земледельческое хозяйство. Как уже говорилось выше, именно эти крестьяне стремились к покупке земли и крепостных (формально на имя своих помещиков). Многочисленная деревенская беднота работала по найму на предприятиях и земле своих зажиточных односельчан. Особенностью буржуазного расслоения здесь было то, что оно в основном связано не с земледельческой, а с торгово-промышленной деятельностью крестьян. В ответе на сенатскую анкету 1765 г. по Шуйскому уезду также говорится о богатых крестьянах, занятых торгами и обрабатывающих свою пашню наемными работниками.

В Тульской губернии, в селе Серебряные Пруды Веневского уезда, принадлежавшем Шереметевым, также выделилась богатая верхушка. Сверх наделной земли она обрабатывала большое количество покупной и арендной земли и регулярно поставляла хлеб на рынок. Отдельные, наиболее зажиточные крестьяне имели до 20 и более лошадей, всего около 100 голов скота на двор. Они занимались торговлей и извозом, переработкой сельскохозяйственного сырья, держали маслобойни и салотопки. Капиталы отдельных крестьян оценивались в 40—50 тыс. руб. Вместе с тем в вотчине имелась многочисленная категория крестьян, которая вынуждена была на прокормление и посев покупать хлеб. Прямых свидетельств об использовании наемного труда в крестьянском хозяйстве названной вотчины нет. Однако не может быть сомнения, что богатые крестьяне при таких больших размерах своего хозяйства просто не могли обойтись без наемных работников. С другой стороны, бедняки, у которых вообще не было никаких запасов хлеба, естественно, не могли прожить без продажи своей рабочей силы, и, возможно, прежде всего своим богатым односельчанам. Поэтому вполне определенно можно утверждать, что и в данном случае перед нами выступают представители нарождающейся сельской буржуазии и сельского пролетариата.

Вопрос о состоянии и путях дальнейшего развития сельского хозяйства в XVIII в. вызывал большой интерес у современников. Но существо его сводилось главным образом к обсуждению агротехнической стороны дела, так называемому кризису трехполья и способам его преодоления. Заметный вклад в это обсуждение проблемы внесли труды Вольного экономического общества, основанного в 1765 г. В них печатались как отечественные, так и иностранные сочинения, содержащие советы и рекомендации по повышению продуктивности сельского хозяйства. Больших успехов добилась русская агрономическая наука, созданная работами А.Т. Болотова, И.М. Комова, Е.А. Левшина и др. Особенно много ими было сделано в разработке учения о системах земледелия. Вопросы улучшения сельского хозяйства находят отражение, особенно с середины века, в помещичьих “инструкциях” для управляющих их имениями. В них подробно перечислялись различные агротехнические мероприятия, которые должны были

способствовать поднятию земледелия и скотоводства, особое внимание уделялось производству культур, имевших товарный характер, вообще заметно стремление к рационализации и упорядочению хозяйства.

Но “кризис трехполюя” являлся не только агротехнической, но и социальной проблемой. Прогресс в сельском хозяйстве тормозился прежде всего феодально-крепостническими отношениями, господствовавшими в стране. Обладание дворянами монопольным правом собственности на землю и крестьян мало способствовало их поискам нового и прогрессивного. Достижения науки и передового опыта внедрялись, как правило, только в тех помещичьих хозяйствах, которые переходили к товарному производству и буржуазным формам организации труда. Применялись они и в хозяйстве зажиточных крестьян. Однако основная масса сельского населения, задавленная нуждой и угнетением, не имела возможности сколько-нибудь широко использовать новшества в своем хозяйстве.

РОСТ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Промышленное развитие проходило в двух основных формах — мелкого товарного производства и крупного, мануфактурного производства. О соотношении их из-за отсутствия необходимых данных трудно судить. Но, несомненно, доля крупного производства неуклонно росла. С другой стороны, имелись и такие отрасли промышленности, в которых мелкотоварное производство по-прежнему занимало ведущие позиции.

Учета мелкотоварного производства не велось, поэтому каких-то обобщенных данных о его продукции привести нельзя. Но и отдельные примеры дают представление о его размахе. Так, в середине XVIII в. выработкой холста занимались приблизительно 960 тыс. крестьян, которые на 155 тыс. станах изготовляли до 140 млн аршин. А сукна в то же время вырабатывалось крестьянами до 15 млн аршин. Особенно крупными центрами текстильного мелкотоварного производства являлись Московская, Владимирская и Костромская губернии.

Широкое развитие получили добыча и обработка железа. В конце XVIII в. в Новгородском наместничестве только в бассейне рек Чагодоши, Колпи и Суды насчитывалось 10 тыс. домников и 5 тыс. кузнецов. Можно назвать еще несколько важных районов металлургического мелкотоварного производства — Тульско-Серпуховский, Нижегородский, Ярославский, Восточное Поморье, Левобережная Украина. Центрами обработки благородных металлов являлись Москва, Новгород и Псков. Производством кожевенных товаров славились Ярославль, Казань, Кострома, Чебоксары, Тобольск и некоторые другие города. В Московской губернии лишь в 1724—1726 гг. было продано более 1,6 млн кож. Мастерство русских кожевников получило признание и за границей. Широко было развито мелкотоварное производство и в других отраслях промышленности — деревообрабатывающей, кирпичной, мукомольной и пр.

Основной тенденцией в развитии мелкотоварного производства было его постепенное перерастание в предприятия типа кооперации и мануфактуры. Но выделение и обобщение данных о предприятиях типа кооперации весьма затруднительно из-за скудости источников. Например, в нашей историографии до сих пор не решен окончательно вопрос о типе предприятий в солеваренной промышленности: одни ученые относят их к мануфактурам, а другие считают простой кооперацией. Тем не менее имеются более или менее устоявшиеся наблюдения. Общепризнано мнение о том, что на принципах кооперации была организована работа на водном транспорте, который играл большую роль в экономической жизни России. Отметим здесь, что в конце XVIII в. только на реках европейской части страны использовалось не менее 10 тыс. судов. Довольно широко кооперация использовалась и на рыбных промыслах. При этом в обеих названных отраслях в больших масштабах применялся вольнонаемный

труд, так что имеются все основания говорить о преобладании в них не простой, а капиталистической кооперации.

Более высокой формой промышленного производства была мануфактура. Процесс ее возникновения и роста, начавшийся в предшествующий период, стал в XVIII в. значительно более интенсивным. В результате преобразований Петра I в первой четверти столетия в развитии мануфактурной промышленности произошел резкий скачок. По сравнению с концом XVII в. число мануфактур увеличилось примерно в 5 раз и в 1725 г. составило 205 предприятий². Особенно большие успехи были достигнуты в металлургической промышленности, мануфактур этого профиля насчитывалось 69, что составляло около 34% общего их числа. Именно в то время началось широкое освоение железных и медных руд Урала, который вскоре стал основной металлургической базой страны. Выплавка чугуна достигла 815 тыс. пудов в год, и по этому показателю Россия вышла на третье место в Европе, уступая только Англии и Швеции. Было организовано крупное производство меди. На втором месте шли текстильные мануфактуры — 32 предприятия (17%). Среди них особенно крупными были мануфактуры по изготовлению парусного полотна (оно шло на оснащение русского флота) и сукна для армии. Вместе с тем на текстильных предприятиях производилось льняное полотно, скатерти, салфетки, шелковые изделия и др., которые поступали на рынок. Таким образом, металлургические и текстильные мануфактуры составляли половину промышленных заведений. Кроме них имелись также лесопильные, кожевенные, стекольные, писчебумажные и другие мануфактуры.

В развитии крупной промышленности на данном этапе большую роль сыграло государство. Оно само строило многие заводы, помогало деньгами и материалами частным предпринимателям, заботилось об обеспечении мануфактур рабочей силой. Однако многие казенные предприятия уже вскоре начали передаваться в частные руки. Например, выстроенный на Урале в 1699 г. Невьянский завод, один из крупнейших в металлургии, уже в 1702 г. был отдан тульскому промышленнику Никите Демидову. В результате в 1725 г. большая часть крупных предприятий принадлежала частным лицам, в основном купечеству, и в меньшей степени дворянам и крестьянам.

На мануфактурах использовался как вольнонаемный, так и принудительный труд. Среди вольнонаемных рабочих были крестьяне различных категорий, отпущенные их владельцами на заработки, горожане и так называемые гулящие люди, среди последних имелось и свободное население, и беглые крепостные крестьяне. Принудительный труд был представлен крестьянами, которые работали на вотчинных предприятиях своих владельцев, в основном помещиков, в силу своей крепостной зависимости, а также приписными крестьянами из государственной и дворцовой деревни (приписки их к мануфактурам начались еще в XVII в.). Указом 1721 г. купцам была разрешена покупка к своим заводам крепостных крестьян, получивших впоследствии название посессионных, однако в первые годы после его издания указ мало использовался. Следовательно, в зависимости от характера применяемого труда мануфактуры по своей экономической природе были капиталистическими, крепостными или смешанными. Исходя из того, что в первой четверти XVIII в. произошел скачок в развитии крупного производства и в использовании вольнонаемного труда, можно считать это время вторым этапом в начальном периоде генезиса капиталистических отношений в промышленности России (первый этап падает на XVII в.).

² Здесь и далее имеются в виду только так называемые "указные" предприятия, т.е. основанные по специальному разрешению правительства, в их число входят и казенные предприятия, и все они, как правило, относятся к мануфактурам централизованного типа; неуказные предприятия и рассеянная мануфактура не учитывались официальной статистикой, так что фактически численность мануфактур была больше приводимых цифр.

Следующим, третьим этапом в развитии крупной промышленности явились середина 20-х — 60-е годы XVIII в. В конце 60-х годов в различных отраслях насчитывалось уже 663 мануфактуры, т.е. по сравнению с серединой 20-х годов их общее число выросло более чем в 3,2 раза. Среди них в обрабатывающей промышленности насчитывалось 481 предприятие, а в горнозаводской, или металлургической — 182. Ведущее положение по-прежнему занимала металлургическая промышленность, численность мануфактур в ней выросла по сравнению с 1725 г. в 2,6 раза. В основе ее развития лежали все возрастающие потребности как внутреннего, так и внешнего рынка. Подавляющая часть заводов строилась на Урале, который превратился в главную металлургическую базу страны. Русская металлургия заняла в это время передовые позиции в Европе и мире. Ее отличал высокий технический уровень, уральские домны были значительно более производительными, чем западноевропейские. Именно в этой отрасли была изобретена и применена первая в мире паровая машина для производственных целей, созданная гениальным И.И. Ползуновым — в 1766 г. она в течение трех месяцев приводила в действие воздухоудные меха на алтайском Колывано-Воскресенском заводе. Уже в 30-е годы XVIII в. Россия по производству чугуна вышла на первое место в Европе и мире. В дальнейшем темпы роста выплавки еще более возросли, и в 1770 г. производилось уже 5,1 млн пудов чугуна, а в Англии только около 2 млн пудов, т.е. более чем в 2,5 раза меньше.

Большие успехи были достигнуты в производстве меди. Медеплавильные заводы строились главным образом на Южном Урале, который и стал центром добычи меди. Выплавка ее только на частных заводах составила в 1767 г. более 190 тыс. пудов, т.е. по сравнению с серединой 20-х годов выросла более чем в 60 раз. В середине XVIII в. на Урале основываются первые золотопромышленные предприятия.

На втором месте после металлургии шла текстильная промышленность. Число мануфактур в данной отрасли увеличилось в конце 60-х годов столетия до 151: их стало в 4,7 раза больше, чем в 1725 г. Особенно значительно выросли парусно-полотняное и суконное производства. Рост первого из них во многом стимулировали тесные связи с внешним рынком. Высокое качество русской парусины обеспечивало ей растущий спрос со стороны европейских морских держав, которые использовали ее для оснастки своего флота. И наоборот, развитие суконной промышленности определялось в основном внутренними потребностями, поскольку сукно, изготавливавшееся на крупных мануфактурах, шло преимущественно на снабжение армии и флота. Прочные позиции заняла шелкоткацкая промышленность, которая стала обслуживать не только господствующие верхи, но и широкие массы народа (изготовление платков, лент и др.). Было положено начало хлопчатобумажной промышленности. Первые мануфактуры являлись здесь ситценабивными предприятиями, на которых занимались окраской и набивкой рисунка на привозимых из-за границы хлопчатобумажных тканях.

Важные изменения происходили в размещении предприятий текстильной промышленности. Если в первой четверти XVIII в. большинство их находилось в Москве, то в дальнейшем они все чаще основывались в провинции, там, где для этого имелось необходимое сырье и были развиты соответствующие крестьянские промыслы. Последнее позволяло, в частности, организовать рассеянную мануфактуру, когда работа выполнялась на дому. Например, парусно-полотняные предприятия возникают в Вологде, Ярославле, Калуге и других районах, которые издавна славятся разведением и обработкой льна и конопли.

Получили дальнейшее развитие и другие отрасли промышленности — стекольная, кожевенная, бумажная и т.д., но их достижения не были столь впечатляющими, как металлургии и текстильного производства.

При рассмотрении состава владельцев мануфактур необходимо отметить сле-

дующие моменты. Строительство предприятий велось как частными промышленниками, так и казной, государством. Но общая тенденция сводилась к тому, что частные заводы все более теснили казенные и с 60-х годов XVIII в. заняли господствующие позиции. Среди частных владельцев преобладало купечество. Дворяне наиболее успешно действовали в таких отраслях, как суконная и винокуренная промышленность, что связано было с наличием у них собственного сырья и рабочей силы. С 1754 г. была введена монополия дворянства на винокурение. Более заметной становится фигура крестьянина — владельца крупного предприятия.

Состав и характер рабочей силы на мануфактурах претерпевали противоречивые изменения. С начала 30-х годов наметилась тенденция к росту принудительного труда. Она нашла выражение в более широком по сравнению с петровским временем использовании указа 1721 г. о покупке к предприятиям крепостных крестьян, особенно в металлургии. Получила значительное распространение практика приписки государственных и дворцовых крестьян к заводам. В 1736 г. был издан указ, по которому квалифицированные рабочие люди навсегда прикреплялись к тем мануфактурам, при которых они обучались (их владельцы — помещики, церковь, дворцовое ведомство — получали от мануфактуристов денежную компенсацию). По ревизии 1743—1747 гг. за мануфактурами были закреплены наемные рабочие из беглых, незаконнорожденных и не помнящих родства. Все это заметно увеличило долю несвободного, принудительного труда на предприятиях крупной промышленности, однако не сделало его безраздельно господствующим.

Даже на тех мануфактурах, которых коснулись меры 30—40-х годов, оставался слой наемных и не закрепленных за ними рабочих — это неквалифицированные рабочие. Кроме того, указанные меры по существу не затронули мануфактуры рассеянного типа. Они не коснулись и так называемой неуказной промышленности. Необходимо также иметь в виду, что указ 1736 г. и ревизские решения имели единовременный характер и не распространялись на будущее время. Поэтому еще с начала 50-х годов применение наемного труда стало снова расти, особенно на вновь строящихся предприятиях. В 1760 г. прекращается приписка крестьян к фабрикам и заводам, а в 1762 г. отменяется указ 1721 г. о покупке крестьян к промышленным предприятиям.

В результате удельный вес наемного труда на мануфактурах в 60-е годы достиг высокого уровня. Так, по официальным данным в 1767 г. в обрабатывающей промышленности было занято 43 600 рабочих, из которых 17 900 человек, или 41% от общего числа, были уже вольнонаемными, работников принудительного труда насчитывалось 25 700 человек, или 59%. В некоторых отраслях обрабатывающей промышленности процент вольнонаемных рабочих был еще более высоким, например в текстильном производстве он составлял 60%, т.е. занял ведущее место. Широкое применение вольнонаемный труд получил на речном транспорте, в 60-е годы на судах было занято не менее 120 тыс. наемных рабочих. Принудительный труд преимущественное распространение получил в горнозаводской, или металлургической промышленности. Однако и здесь доля вольнонаемных рабочих была не такой уж малой. Особенно заметной была их роль на подсобных работах — заготовке и доставке руды, топлива и т.п. Общая численность вольнонаемных рабочих в европейской части страны в промышленности, включая занятых на неуказных предприятиях и на водном транспорте, составляла в 60-е годы XVIII в. примерно 230 тыс. человек. Эта цифра ниже действительной, но в основном правильно отражает положение дела.

Заметный удельный вес вольнонаемного труда в промышленности, производство товарной продукции в сельском хозяйстве с использованием наемного труда, новые тенденции в экономической и социальной политике правительства, определенные изменения в сфере идеологии, выразившиеся в осознании передовыми

кругами дворянства необходимости смягчения и даже отмены крепостного права, — все это дает основание утверждать, что в России в 60-е годы XVIII в. в недрах феодально-крепостнического строя образовался капиталистический уклад, чем и заканчивается первый, начальный период генезиса капитализма.

С 70-х годов XVIII в. начался второй период генезиса капитализма, который продолжался до крестьянской реформы 1861 г.; это время развития и все большего усиления капиталистического уклада.

Общее число промышленных предприятий в конце XVIII в. составило 2294, т.е. выросло по сравнению с 60-ми годами примерно в 3,5 раза. Среди них насчитывалось 2094 предприятия обрабатывающей промышленности и 200 горнозаводской. В числе предприятий обрабатывающей промышленности имелось немало и мелких заведений; это было вызвано тем, что с 1796 г. Мануфактур-коллегия начала учитывать, хотя и неполно, также неуказные предприятия (к мануфактурам можно отнести примерно 1200 предприятий). Но даже с учетом этой поправки нельзя не видеть, что рост производства шел в основном в тех отраслях, где значительную роль играл наемный труд. А горнозаводская промышленность, в которой преобладал принудительный труд, развивалась намного медленнее. И хотя за последнюю треть XVIII в. выплавка чугуна в России возросла почти в 2 раза и достигла около 10 млн пудов (что позволило сохранить по этому показателю первое место в Европе и мире), все же темпы развития русской металлургии по сравнению с английской металлургией, в которой начался промышленный переворот, значительно снизились.

Обрабатывающая промышленность, помимо сказанного выше, характеризовалась следующими данными. В 1799 г. в ней по официальной статистике числилось 81 747 рабочих, в том числе 33 567 (41,1%) человек вольнонаемных и 48 180 (58,9%) принудительных. Следовательно, общая численность рабочих за истекшие 30 лет выросла почти в 2 раза. При этом темпы роста вольнонаемного и принудительного труда были одинаковыми, т.е. в равной мере развивалась как капиталистическая, так и крепостная мануфактура. Но показательно, что такая новая отрасль, как хлопчатобумажная промышленность, и по темпам развития намного обогнала другие текстильные производства, и по своей социально-экономической природе стала почти сплошь капиталистической. Только зародившись в 50-е годы XVIII в., она в конце столетия насчитывала уже около 200 предприятий. Характерно, что большая их часть находилась в руках предпринимателей из крестьян, а среди рабочих 92,1% человек были вольнонаемными. В полотняной и шелковой промышленности численность вольнонаемных рабочих составляла около 65%. Новые мануфактуры, выраставшие в этих двух отраслях, по своей социально-экономической сути носили двойкий характер: это были или капиталистические предприятия на вольнонаемном труде, принадлежавшие купечеству и крестьянам, или вотчинные предприятия дворян на крепостном труде. Суконная промышленность держалась главным образом на крепостном труде, вольнонаемные рабочие составляли здесь лишь около 16%. Во всех отраслях обрабатывающей промышленности продолжали существовать мануфактуры смешанного типа.

Общая численность вольнонаемных рабочих в промышленном производстве и на транспорте в конце XVIII в. составила примерно 420 тыс. человек, т.е. по сравнению с 60-ми годами увеличилась почти в 2 раза. Это свидетельствует о том, что темпы роста вольнонаемного труда в последней трети века стали выше, чем в предшествующее время. Особенно быстро росла численность рабочих в судостроении, а также на указных и неуказных предприятиях обрабатывающей промышленности. Выросло и число рабочих на речном транспорте — со 120 тыс. до 200 тыс. человек, однако их доля в общей массе наемных работников несколько снизилась. Численность вольнонаемных рабочих на предприятиях горнозаводской промышленности осталась на прежнем уровне.

Таким образом, в развитии промышленности России в XVIII в. произошел на-

стоящий скачок. По сравнению с концом XVII в. во всех отраслях промышленного производства многократно выросли численность крупных предприятий мануфактурного типа и объем их продукции. Особенно большими были успехи черной металлургии, основным центром которой стал Урал. По выплавке чугуна Россия вышла на первое место в Европе и мире и стала его крупнейшим экспортером. Несомненными достижениями отмечено развитие парусно-полотняной промышленности. Были созданы и получили быстрое развитие новые отрасли промышленности — хлопчатобумажная, золотодобывающая и др.

Наряду с количественными в российской промышленности происходили и очень важные изменения социально-экономического порядка. Растет численность вольнонаемной рабочей силы на промышленных предприятиях. Несмотря на замедление в 30—40-е годы, в целом данный процесс приобрел устойчивый и необратимый характер. А это, в свою очередь, вело к тому, что капиталистическая мануфактура заняла видное место в промышленном производстве, и можно констатировать, что в 60-е годы XVIII в. в стране сложился капиталистический уклад. В последней трети века рост капиталистического производства становится еще более заметным, и, наоборот, отрасли, основанные на принудительном труде, в особенности горнозаводская, явно замедляют темпы своего развития.

ТОРГОВЛЯ

Несмотря на господство феодально-крепостнического строя, социально-экономические процессы, протекавшие в стране в XVIII в., в целом благоприятствовали развитию торговли. Все исследователи единодушны в том, что процесс складывания единого национального рынка в XVIII в. шел ускоренными темпами.

Развитию этого процесса способствовала правительственная политика в области торговли, хотя она и была не всегда последовательной. Здесь прежде всего нужно отметить таможенную политику, которая носила покровительственный характер в отношении внутренней торговли и ограждала ее от конкуренции иностранного капитала. Наряду с этим, постепенно в течение века были отменены стеснявшие развитие торговли казенные монополии и частные откупа на некоторые товары. Очень важные меры, способствовавшие торговле, были проведены в середине XVIII в. Наиболее крупной из них было уничтожение внутренних торговых пошлин. Еще ранее в привилегиях, которые давались промышленникам при основании ими мануфактур, иногда содержалось и право на беспошлинную покупку и продажу товаров. А указом от 20 декабря 1753 г. внутренние торговые пошлины вообще ликвидировались, а внутренние таможи закрывались. В 1754 г. были учреждены первые банки — один для дворянства, другой для купечества. Купцам ссуды выдавались из 6%, что было значительно ниже обычного процента того времени, сроком на полгода, а затем и до года. С 1762 г. снимались ограничения на экспорт хлеба. Правительственное законодательство, несмотря на определенные колебания, создавало более благоприятные условия и для торговой деятельности частновладельческих крестьян. Так, в петровское время им предоставлялось право записываться в купечество. В дальнейшем начинается правовое регулирование сельской торговли крепостных крестьян. А в самом конце века они получили возможность заводить торговые лавки, т.е. заниматься постоянной торговлей в Петербурге и Москве, что было запрещено им Уложением 1649 г. Все сказанное, несомненно, стимулировало развитие внутренней торговли.

Одним из общих и важных показателей состояния внутренней торговли является торговая сеть страны, а также ее изменения за рассматриваемое время. К сожалению, данные о ней имеются только за вторую половину XVIII в., но и они основную тенденцию развития, конечно, показывают. В 50-е годы имелось 608 городских и сельских торговых пунктов с постоянной (лавочной) и

периодической (базарной и ярмарочной) торговлей, а к концу 90-х годов насчитывался уже 2571 пункт, т.е. число их за полвека выросло более чем в 4,2 раза. За этот же период численность базаров увеличилась с 575 до 1330, или почти в 2,3 раза, а ярмарок — с 627 до 4044, или более чем в 6,4 раза. Из-за отсутствия данных нет возможности проследить динамику численности постоянных торговых заведений, т.е. торговых лавок, но укажем, что в конце 90-х годов их насчитывалось 14 060. Таким образом, за вторую половину XVIII в. торговая сеть страны расширилась в несколько раз, что свидетельствует о значительном развитии внутренней торговли.

Наиболее важные процессы, наметившиеся на первоначальном этапе формирования всероссийского рынка в предшествовавшем столетии, получили дальнейшее развитие в XVIII в. Так, еще более возросла роль Москвы как центра всероссийского рынка. Намного увеличился объем продукции московских мануфактур и ремесленников, поступавшей на московский рынок. Помимо этого, сюда стекались промышленные и сельскохозяйственные товары из многих районов страны, а также из-за границы. Железо поступало с уральских и подмосковных заводов, а мелкие железные изделия — из Устюжны Железнопольской и Ярославля. Полотно привозилось из расположенных севернее Вологодского, Костромского, Пошехонского и Ростовского уездов, а деревянная посуда — в основном из Белозерского и Костромского уездов. Северные и северо-восточные районы поставляли соль. Основная масса хлеба шла из южных черноземных уездов летом водой по Оке и Москве-реке, а зимой — гужом. Поволжье и Яик давали большое количество рыбы и рыбопродуктов; кожу и овчину поставляли Казань, Воронеж и Украина; Север и Сибирь являлись основными поставщиками меха. В Москве сходились основные потоки иностранных товаров: западноевропейские товары (дорогие сукна, предметы роскоши, вино) шли главным образом через Петербург и Архангельск, восточные товары (шелк, бумага, ткани) — через Астрахань и китайские (шелковые и бумажные ткани, чай) — через Сибирь.

Из всей той массы товаров, которая поступала в Москву, потреблялась на месте, конечно, лишь небольшая ее доля, а основная часть расходилась по стране. Хозяевами московского рынка были местные крупные купцы. Московское купечество составляло самый крупный отряд российского купечества — в середине 60-х годов XVIII в. оно насчитывало 8733 человека, или 6,7% общего количества по стране. Но сила московского купечества была не столько в численности, сколько в капиталах, которые концентрировались в руках его верхушки. Ее составляли 93 купца первой гильдии, капитал которых в середине 60-х годов равнялся 1 млн 175 тыс. рублей. В зависимости от них находилась почти половина московских купцов, которые работали у них сидельцами в лавках и приказчиками. Все они, помимо внутренней торговли, которую вели во многих губерниях страны, занимались также внешней торговлей, некоторые владели железными, полотняными и шелковыми мануфактурами.

Таким образом, Москва стала центром, где сходились основные нити всероссийского рынка, местом средоточия иностранных товаров, импортируемых в страну.

Складывается ряд обширных по территории районных рынков. Один из них — Центральный район, который охватывал города и села волжско-окского междуречья, Север страны, Поволжье и др. Внутри некоторых из них имелись крупные областные рынки. Например, в Центральном районе центрами таких областных рынков являлись Ярославль, Кострома, Тверь, торговые обороты которых достигали миллиона рублей в год.

Если складывание названных районных и областных рынков можно проследить еще в XVII столетии, то в XVIII в. возникают и новые. Самый большой из них — Северо-Западный районный рынок, центром которого стала новая столица Петербург. В середине 60-х годов в Петербурге числилось 1868 купцов,

из которых 452 человека вели торговлю, а остальные служили в сидельцах, приказчиках, состояли на государственной службе и т.д. И здесь прослеживается концентрация капиталов в руках купеческой верхушки. Об этом свидетельствует тот факт, что 26,5% общего числа торговых лавок города находилось только у 3,7% гильдейского купечества. Восемь человек петербургских купцов велиграничную торговлю. В связи с основанием Петербурга изменилось торговое значение Новгорода. Раньше он играл в основном роль транзитного пункта во внешней торговле, а теперь стал и крупным центром внутреннего рынка. Через Новгород благодаря сооружению Вышневолоцкого канала поступала большая часть товаров в Петербург. В частности, хлеб сюда шел из Поволжья. Из Новгорода товары отправлялись в Прибалтику — Нарву, Ревель и Ригу; на восток — в Москву и Ярославль. В свою очередь, Новгород получал товары из Москвы, Архангельска и с Макарьевской ярмарки.

В изучаемое время в сферу всероссийских торговых связей постепенно начинают втягиваться новые территории. Например, с Левобережной Украины в центр страны шли продукты животноводства и некоторые промышленные товары (селитра, стекло, порох); в то же время сама она являлась рынком сбыта изделий русских мануфактур и ремесленников. Из района Дона начали поступать хлеб, мясо, рыба, а туда из центральных и приволжских уездов шли ткани, обувь, посуда и др. Казахстан давал скот, а в обмен соседние русские районы поставляли хлеб и некоторые промышленные товары.

Большую роль в развитии торговли и складывании всероссийского рынка играли ярмарки. Наиболее крупной, имеющей всероссийское значение была Макарьевская ярмарка. Товары на нее стекались из всех районов страны: с севера — Архангельска и Вологды, с запада и северо-запада — Смоленска, Петербурга и Риги, из центра — Москвы и Ярославля, из городов Поволжья — Казани и Астрахани, а также из Сибири и Украины. Со своими товарами на нее приезжали купцы Западной Европы и Азии. На ярмарку для продажи привозили железо и драгоценные металлы, различные ткани, готовое платье, кожу, хлеб, продукты животноводства (мясо, сало, овчины), меха, соль, рыбу, европейские сукна и т.д. Закупленные на ярмарке товары также расходились по всей стране: в Москву — пушнина, рыба и др.; в Петербург — хлеб, мыло и др.; в Астрахань — готовое платье, металлические изделия и др.; в Сибирь — ткани, обувь, книги; и т.д. Товарооборот ярмарки на протяжении века увеличивался: в 1720 г. он составлял примерно 280 тыс. руб., а в 1741 г. — уже 489 тыс. руб., т.е. больше в 1,7 раза.

Наряду с Макарьевской ярмаркой общероссийское значение приобрели и другие, в том числе сибирская Ирбитская, Оренбургская и Троицкая на Урале, северные — Важская Благовещенская и Архангельская, Свенская под Брянском, Коренная в Курске и др., всего к концу века примерно 28 ярмарок. На Коренную ярмарку съезжались купцы из 127 российских городов и девяти зарубежных стран, в том числе из Германии, Италии, Турции, Китая. Ирбитская ярмарка имела связи с 60 российскими городами 17 губерний, а также с Персией и Средней Азией; Свенская — с 37 городами 21 губернии. Эти ярмарки наряду с Москвой как центром национального рынка играли особо большое значение в объединении местных, областных и районных рынков в один всероссийский рынок.

Одним из существенных явлений в истории внутренней торговли в XVIII в. является усиление в ней роли крестьян. Купечество на протяжении всего века, а особенно во второй его половине, постоянно жалуется на конкуренцию со стороны крестьян. Неоднократно вопрос о крестьянской торговле обсуждался в правительстве. При этом нередко крестьяне занимались торговлей в обход имевшихся ограничений, и поэтому их торговые операции не учитывались государственными органами, вследствие чего официальные данные по этому вопросу являются во многом заниженными. Можно утверждать, что слой торгующих крестьян, которых лишь номинально можно считать крестьянами, а

фактически они являлись уже купцами, на протяжении XVIII в. увеличивался и приобретал все большую силу. Расширялось участие в торговле и дворянства, особенно тех его представителей, которые встали на путь промышленного предпринимательства.

Важнейшими показателями общего состояния внутреннего рынка страны являются объем и динамика его товарооборота. К сожалению, имеющиеся данные на этот счет отрывочны и весьма неполны, тем не менее и они позволяют сделать определенные наблюдения. В 20—30-е годы XVIII в. товарооборот равнялся примерно 12 млн руб., а к 1753 г. — около 18 млн руб., т.е. приблизительно за 20 лет увеличился в полтора раза.

В целом за изучаемый период внутренняя торговля в России получила значительное развитие. Выросла сеть местных, а также более крупных областных и районных рынков. Теснее стали всероссийские связи, в орбиту которых вовлекались новые территории и товары. Рос внутренний товарооборот. В результате всего этого процесс формирования всероссийского национального рынка сделал, несомненно, крупный шаг вперед.

Глубокие сдвиги, происходившие в хозяйстве России, завоевание ею выхода в Балтийское море оказали большое влияние и на международные экономические связи страны, ее внешнюю торговлю.

В основе внешнеторговой политики русского правительства на протяжении всего XVIII в., несмотря на некоторые колебания, лежали принципы меркантилизма и протекционизма, т.е. стремление к достижению активного внешнеторгового баланса и покровительство развитию отечественной промышленности. Уже в начале преобразований, когда вновь построенные мануфактуры начали производство шелковых изделий, чулок, игл и полотна, Петр I, чтобы оградить эти изделия от конкуренции иностранных товаров, запретил ввоз последних из-за границы. Кроме того, многие российские владельцы предприятий получали право торговать их продукцией без уплаты пошлин.

Вся эта система мер была обобщена и закреплена в таможенном тарифе 1724 г., который носил явно покровительственный характер, способствовал развитию русской крупной промышленности и ограждал ее от конкуренции иностранных мануфактур. Наиболее высокими пошлинами, в 75% от стоимости товара, облагались ввозимые изделия, производство которых уже было налажено в стране (парусина, железо, воск, скатерти), а также предметы роскоши. Те же товары, в привозе которых страна нуждалась, так как их собственное производство было налажено недостаточно, облагались низкими, 25%-ными, пошлинами, например бумага. Пошлины на вывозимые русские товары также были направлены на развитие отечественной промышленности, так как способствовали вывозу готовых изделий, а не сырья. Например, с выделанных козлиных кож взималась пошлина в 6%, а с невыделанных — 75%.

Постройка Петербурга резко изменила направление внешнеторговых путей. Петербургский порт, расположенный на Балтийском море, несомненно, был более удобен для развития внешней торговли, чем далекий Архангельск. Поэтому Петр I предпринимает все меры к тому, чтобы именно он стал главным внешнеторговым портом. С этой целью было установлено, чтобы через Петербург отправлялось не менее трети товаров, вывозимых за границу. К тому же грузы, шедшие через Петербург, облагались более низкими пошлинами, чем грузы, шедшие через Архангельск. Все это дало свои результаты, и уже к 1726 г. товарооборот Петербургского порта составлял более 61% общего внешнеторгового оборота страны, т.е. значительно больше Архангельска.

Среди экспортных товаров в первой четверти XVIII в. основное место занимали лен, пенька, кожа, холст, сало, а к концу этого периода — также железо и парусное полотно. В импорте главенствовали шерстяные ткани, краски, дорогие вина, предметы роскоши, начали поступать шелк-сырец и шелковая пряжа, необходимая для строящихся русских мануфактур.

В 1726 г. общий внешнеторговый оборот только с европейскими странами составил 6,4 млн руб., в том числе стоимость экспорта русских товаров — 4,3 млн руб., а импорт иностранных — 2,1 млн руб., т.е. вывоз превышал ввоз в 2 раза. Именно такое активное сальдо во внешней торговле и было целью меркантилистской политики правительства, что обеспечивало получение крупных сумм серебряной иностранной валюты, в которой оно особенно нуждалось для перечековки её в российский рубль.

Во второй четверти XVIII в. происходит определенное отступление от принципов внешнеторговой политики Петра I. Таможенный устав 1724 г., выгодный промышленникам, не во всем отвечал интересам купечества, так как не способствовал ввозу иностранных товаров. Задевал он и интересы дворян, бывших основными потребителями импортных предметов роскоши. Поэтому в 1731 г. был принят новый таможенный устав, по которому самая высокая пошлина на ввозимые товары равнялась только 20% цены товара. Он шел навстречу интересам купечества и дворянства, но явно наносил ущерб национальной промышленности. В 1734 г. был заключен русско-английский договор, весьма выгодный английским и невыгодный русским купцам. По нему англичане могли ввозить в Россию как свои, так и купленные в других странах товары, а русские купцы в Англии могли торговать только отечественными товарами. По договору англичане получили возможность вести через территорию России транзитную торговлю с Ираном, что лишало российское купечество получаемой ранее посреднической прибыли.

Все это не могло не отразиться на внешнеторговом обороте страны. Его общий объем в 1749 г. составил 12,6 млн руб., т.е. почти удвоился по сравнению с 1726 г. Однако его активный баланс явно понизился. Если раньше вывоз превышал ввоз в 2 раза, то теперь лишь на 21%.

Структура экспорта и импорта в основном осталась прежней, но в вывозе все больше увеличивалась доля промышленных изделий — железа, парусины и льняного полотна.

Во второй половине XVIII в. продолжалось развитие торговли. Усилился протекционистский характер политики русского правительства. В частности, росли пошлины с ввоза иностранных товаров, которые производились в стране (изделия из железа, полотно, бумага и др.), и, наоборот, снижались таможенные сборы с привозимого промышленного сырья — хлопка, сахара-сырца и других видов сырья, необходимых для растущей промышленности.

В русском экспорте на первом месте по-прежнему были пенька и лен, однако удельный вес промышленной продукции сильно вырос. Среди нее главное место принадлежало железу: в 1760 г. было вывезено 790 тыс. пудов чугуна и железа, в 1772 г. — 1805 тыс., в 1783 г. — 3840 тыс. и только к концу века наметилось понижение его вывоза. Россия стала крупнейшим экспортером железа в Европу, часть его попадала даже в США. В 1793—1795 гг. пеньки было вывезено на 8,5 млн руб. в год, льна — на 5,3 млн и железа — на 5 млн руб. Далее шли льняные ткани, юфть и кожи, лес. Хлебный экспорт, свобода на который была введена в 1762 г., также занимал уже важное место: в год было вывезено 400 тыс. четвертей на 2,8 млн руб. Состав импорта почти не изменился, его главными статьями оставались сахар, сукна, краски, хлопчатобумажные и шелковые изделия, кофе, вина, фрукты.

Французский историк XVIII в. Н.-Г. Леклерк писал о причинах того, что Россия имела постоянный активный баланс в европейской торговле: “Товары, вывозимые из России, составляют первую необходимость для всех народов Европы, а большая часть товаров, которые ввозятся в Россию, служат потреблению очень незначительной части русской нации”. Основная часть российских товаров шла в Англию, чей огромный флот требовал массу парусины, канатов, леса, смолы, а промышленность — железа. В частности, промышленный переворот, начавшийся в Англии в конце XVIII в., в значительной мере обеспечивался русским желе-

зом. Оживленная торговля велась также с Голландией, Данией, Францией, Португалией. Ведущее положение во внешней торговле занимали иностранные купцы, прежде всего англичане, так как российский торговый флот был еще невелик. Но и русское купечество получало от нее немалые доходы. Например, откупщик Савва Яковлев являлся крупнейшим экспортером, его внешнеторговый оборот в середине 60-х годов достигал 500 тыс. руб.

Заметно расширилась торговля со странами Востока. В отличие от западноевропейского экспорта туда шли в основном произведения отечественной промышленности — железные изделия, льняные и пеньковые ткани, сукно, кожи, бумага, посуда и др. А из Ирана привозились шелк-сырец, хлопчатобумажные и шелковые ткани, из Средней Азии — меха, скот и ткани, мерлушки, урюк, из Китая — хлопчатобумажные и шелковые ткани, чай. В 1758—1760 гг. оборот с Востоком равнялся в год по экспорту 1,3 млн руб., а по импорту 1,4 млн руб.

В самом конце века через Одессу, Таганрог, Севастополь и другие порты начинается черноморская внешняя торговля.

Общий оборот внешней торговли страны увеличился с 14 млн руб. в год в 50-е годы до 110 млн руб. в 90-е годы XVIII в., и по-прежнему экспорт товаров значительно превосходил их импорт.

Таким образом, в течение XVIII в. Россия заняла видное и прочное место на европейском и восточном рынках. Ее внешнеторговый оборот за это время вырос почти в 19 раз. Характерной чертой его было постоянное активное сальдо. При этом, отражая рост товарного производства страны, в российском экспорте все более важное значение приобретали промышленные товары.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

История господствующего класса феодалов в XVIII в. носила противоречивый характер. С одной стороны, идут консолидация его как класса-сословия, совершенствование организационной структуры, расширение прав и привилегий, что усиливало его роль как социальной опоры абсолютной монархии. С другой стороны, шли процессы, которые подтачивали и размывали его и тем самым подрывали значение основы феодально-крепостнического строя.

Наиболее четко и определенно прослеживается первая из названных тенденций. Началом ее следует считать указ о единонаследии, изданный в 1714 г. Он юридически оформил слияние двух форм феодального землевладения — поместья, которое являлось пожизненным владением и обуславливалось обязательной службой, и вотчины как наследственного владения. Отныне поместье также объявлялось наследственной собственностью, правда, дробить ее между наследниками запрещалось, наследником становился один из сыновей. Сближение поместья с вотчиной было большой победой дворянства в его борьбе со старой боярской знатью, владевшей вотчинами, а также крупным шагом на пути объединения различных слоев феодалов в единый класс-сословие, получивший в то время общее название “дворянство”. Запрещение дробить имения вызывало недовольство дворян и вскоре было отменено.

Во время проведения ревизии и введения подушной подати в начале 20-х годов низший разряд служилого сословия, так называемые служилые люди “по прибору” (казаки, стрельцы, пушкар и др.), были переведены в категорию государственных крестьян. До этого юридически они имели те же права, что и служилые люди “по отечеству”, т.е. дворяне, однако по своему социальному происхождению и фактическому положению были значительно ближе к тяглым слоям населения. И вот теперь дворяне как бы очищаются от этой худородной прослойки, в чем нельзя не видеть стремления абсолютизма сделать это сословие более замкнутым, придать ему более корпоративный характер.

В дальнейшем вплоть до конца века растут права и привилегии дворянства, его

роль в политической и экономической жизни страны, власть над зависимыми крестьянами.

В 1731 г. для детей дворян было открыто особое учебное заведение — кадетский корпус, откуда выпускались офицеры для армии и чиновники для гражданской службы. Тем самым условия дворянской службы значительно облегчались, теперь уже для получения офицерского звания не нужно было в течение многих лет нести солдатскую службу в гвардейских полках. В 1736 г. дворянство добивается еще большего успеха — срок его службы ограничивается 25 годами. Исчисление срока службы начиналось с 20-летнего возраста, так что после окончания ее дворянин возвращался в свое имение в полном расцвете сил. Кроме того, отцу предоставлялось право оставлять дома одного из сыновей для ведения хозяйства. Манифест о вольности дворянской, принятый в 1762 г., вообще освобождал дворян от обязательной военной и гражданской службы. Губернская реформа, проведенная в 1775 г., означала более широкое привлечение местного дворянства в уездные и губернские учреждения. Наконец, изданная в 1785 г. жалованная грамота дворянству обобщала и закрепляла его права, привилегии и преимущества. Она подтверждала исключительное право собственности дворянства на землю и крестьян, освобождение от обязательной службы и государственных налогов, от телесных наказаний, давала право быть лишенным дворянского звания только по суду “равных”, создавала дворянскую сословную организацию в виде губернских и уездных собраний, которые выбирали местных должностных лиц, делали представления губернатору о своих нуждах и интересах и имели право приносить жалобы и обращаться к верховной власти.

Наряду с политическими правами дворяне получили и экономические привилегии. В 1753 г. им было дано исключительное право на винокурение. Во многом исходя из интересов дворянства, государство с 1762 г. ввело свободную продажу хлеба за границу. Нередко, особенно в середине века, казна почти безвозмездно передавала дворянам крупные предприятия. К тому же, как мы говорили выше, на протяжении века дворянство получило огромное количество земель и крестьян. По существу безграничной стала власть дворян-помещиков над своими крестьянами — они могли их продавать, отдавать в солдаты, ссылат в Сибирь и на каторгу.

Но в то же время в положении дворянства прослеживается и другая тенденция. Указ 1721 г., разрешивший купечеству покупку крестьян к своим мануфактурам, подрывал монопольное право дворян на землю и крестьян. В том же направлении действовал и процесс складывания купеческой и крестьянской собственности на землю. Но, пожалуй, еще более существенным было то, что дворяне все глубже втягивались в промышленное предпринимательство и торговлю, в результате чего происходило “обуржуазивание” определенной их части. Все сказанное, несомненно, подрывало феодальную основу дворянства.

Не были однозначными и процессы, протекавшие в среде крестьянства. Серьезное влияние на положение всех слоев сельского населения оказали первая ревизия, проведенная в 1719 г., и введение подушной подати. В результате этих мероприятий четко оформляются определенные юридические категории и разряды крестьян. Наиболее важным было, конечно, образование категории государственных крестьян. Они фактически существовали и раньше, однако в виде отдельных самостоятельных группировок и слоев: сошных крестьян Севера, пашенных крестьян Сибири, ясачных крестьян Поволжья и Урала и т.д. Теперь же все они были объединены в особую категорию государственных крестьян с единой системой налогообложения, прав и обязанностей. Они считались принадлежавшими государству, управлялись его администрацией на местах и в полной мере испытывали феодальный гнет (насильственные перемещения, приписки к заводам и т.п.). В то же время они не являлись крепостными, так как в правовом отношении были лично свободными, их не могли продавать,

закладывать, у них было больше прав поземельно-имущественных. Определенная унификация была произведена и в отношении помещичьих крестьян. В их состав были включены холопы, которые теперь наряду с другими крестьянами должны были платить государственные налоги. Известная консолидация и унификация различных отрядов крестьянского населения нашла также выражение во введении единого налогообложения в виде подушной подати, одинаковых стеснений, установленных для отхода на заработки (обязательность разрешения на него, определенность сроков отхода и др.). В дальнейшем резко ухудшается юридическое положение помещичьих крестьян, помещик получает безграничные права над личностью своего крестьянина.

В то же время происходит уменьшение некоторых групп крепостного населения. Здесь важнейшим моментом была, конечно, секуляризация церковных владений, произведенная в 1764 г., в результате чего в разряд государственных крестьян было передано около миллиона душ мужского пола. В целом помещичьи крестьяне составляли 55% крестьянского населения по первой ревизии и 60% — в конце века, государственные соответственно — 25 и 29%.

В XVIII в. образуются новые категории крестьян, такие, как приписные к заводам и купленные к заводам по указу 1721 г., получившие название посессионных. Хотя приписные крестьяне появились еще в предшествующем столетии, но массовое становление этой категории происходило в изучаемое нами время. Как уже говорилось, крепостные крестьяне получили в XVIII в. право записи в купечество, которым в немалой степени и воспользовались.

Но, конечно, самое существенное изменение в социальном положении крестьян было связано с процессом его буржуазного расслоения, о котором уже говорилось выше. Естественно, это было только начало данного процесса, и крестьянство в целом еще оставалось единым, переживая в большей мере лишь хозяйственное расслоение. Однако нельзя и недоучитывать новые явления, которые вели к выделению из среды крестьянства элементов буржуазии и пролетариата.

Для городского населения изучаемый период был временем укрепления его сословных прав на занятия торговлей и промыслами. Оно получает также более четкую организацию и структуру в виде разделения на гильдейское купечество и мещанство. Усиливается городское самоуправление. В то же время все заметнее становится проникновение в состав горожан представителей крестьянства. А само городское население начинает постепенно распадаться на буржуазию и пролетариат. Первые владеют мануфактурами или мелкотоварными мастерскими, перераставшими в мануфактуру, а вторые используются на них в качестве вольнонаемных рабочих.

* * *

Подведем краткие итоги. В течение XVIII в. в России происходит дальнейшее поступательное развитие сельского хозяйства и промышленности. Наблюдается не только количественный рост, но и определенные технические усовершенствования, рост товарности производства, общее повышение уровня товарно-денежных отношений. На этой базе растут и крепнут капиталистические отношения и примерно в 60-х годах XVIII в. складываются в определенную систему, образуя капиталистический уклад, который в дальнейшем будет занимать еще более существенное место в экономике страны. Формируются новые общественные классы — буржуазия и пролетариат, основу которых составляют крестьянство и городские слои населения. В определенной степени этот процесс захватывает и дворянство. Наряду с этим усиливается процесс разложения феодальных отношений, что находит выражение во все большей товаризации хозяйства дворян-помещиков, переводе ими части крестьян на месячину, начавшемся замедлении темпов развития промышленности, основанной на

принудительном труде, изменениях в экономической и социальной политике правительства (секуляризация церковных владений, запрещение приписки и покупки крепостных крестьян к заводам, предоставление всем свободы в заведении промышленных предприятий, в том числе крестьянам, и т.п.), наконец, в идеологических изменениях — появлении антикрепостнической и революционной мысли, о которых речь пойдет ниже. Все это позволяет, пожалуй, считать, что в последней трети XVIII в. феодально-крепостнический строй в России вступает в полосу кризиса.

Глава 4

ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СЛАВЯНО-БАЛКАНСКОГО РЕГИОНА В XVIII ВЕКЕ

Говоря о наиболее важных и характерных чертах социального и экономического развития западно- и южнославянских и других балканских стран в ту эпоху, необходимо прежде всего подчеркнуть значимость определенной преемственности рассматриваемой эпохи и предшествующего периода (конкретно — XVII в.). Это нашло свое выражение, в частности, в том господстве феодального строя во всем данном регионе, в политическом и экономическом преобладании феодальных землевладельцев, в застое или упадке многих областей и городов, который лишь постепенно (в разных странах по-разному — или уже в середине века, или только к концу его) сменяется хозяйственным оживлением, возрождением городов. Другой, не менее примечательной особенностью данной эпохи является заметный кризис феодально-крепостнической системы, который нередко приводил уже не только к стагнации, но и к разложению прежней экономической системы города и деревни, к созданию предпосылок новых, капиталистических отношений (прежде всего в городах).

Наконец, немаловажной чертой, подчеркивавшей явную преемственность процессов XVIII в. и предшествовавшей поры, следует признать и сохранение локальных различий, типологических вариантов развития внутри всего этого региона, с одной стороны, и отставание (в целом) названных стран от более развитых государств Западной Европы. Показательно, что даже несомненный прогресс отдельных славянских или балканских городов, районов, отраслей хозяйства к концу XVIII в. не смог изменить уже создавшегося ранее положения, т.е. превращения этих земель (в большинстве своем) в аграрно-сырьевой придаток западноевропейских или же центральноевропейских стран (иногда входивших в рамки тех же политических образований, что и славянские земли). Примером этого может служить положение славянских стран и Венгрии в составе державы Габсбургов либо состояние южнославянских и греческих владений Венецианской республики.

Точно так же в целом, как и в XVII в., мы можем говорить о сохранении двух “зон”, различавшихся по уровню и характерным чертам социального и экономического развития в ту пору. Первой из этих “зон” данного региона были западнославянские страны, а также южнославянские земли, входившие в состав державы Габсбургов (вероятно, сюда можно причислить и венецианские владения на Балканах, хотя ввиду общей экономической стагнации их уже скорее следовало бы отнести ко второй “зоне”). Что же происходит в этой зоне? XVIII век, как мы отмечали выше, начинается здесь также в обстановке господства феодально-крепостнической системы, которая обуславливала по-прежнему (как это было в Польше) преобладание барщинной системы в сельском

хозяйстве, общий экономический упадок или же (как это было в Чехии, отчасти в Словакии) не позволяла быстро восстановить прежний уровень хозяйственного развития. В Польше отработочная рента к середине XVIII в. возрастает до шести дней с кметского хозяйства в неделю, растут денежные и натуральные оброки, государственные повинности; столь же тяжек гнет феодалов и в Словакии, где резко увеличиваются фольварки, возрастают отработки, крестьяне лишаются земли; сходным было положение и в Чехии, и в Хорватии, где крестьяне восстают против феодального гнета (восстания крестьян в Чехии в 1738 и 1775 гг., в Хорватии — выступления крестьян-границаров в 1755 г.).

Эти восстания заставляют правительство Габсбургов перейти к аграрным реформам, регламентировать крестьянские повинности (1756 г. — Славонский урбарий, 1780 г. — Хорватский урбарий, императорские патенты для Чехии — в 1717, 1738 и 1775 г.). Наконец, патент Иосифа II (1781 г.) ликвидировал личную зависимость крестьян от феодальных землевладельцев. Все эти мероприятия габсбургского правительства, вызванные кризисом феодально-крепостнического хозяйства и сопротивлением крестьян, были весьма ограничены, встречали зачастую недовольство и крестьян, и местных дворян, однако они в известной мере облегчали развитие новых, капиталистических отношений.

Большой, как можно судить, прогресс отмечался в ту пору в городах Польши, Чехии, Словакии, отчасти словенских земель. Если в Польше в первой половине века в целом продолжались упадок городов, стагнация ремесла и торговли, разорение цехов под натиском иностранной конкуренции, то уже к середине столетия намечаются некоторые изменения экономической ситуации. Во второй четверти XVIII в. в Западном Поморье и Княжеской Пруссии появляются первые суконные мануфактуры; такие же предприятия возникают в первой половине века и в Силезии, где создание их находило поддержку австрийских властей. В других польских землях с 40-х годов этого века начались восстановление и развитие городов, заметное оживление внутренней и внешней торговли, появлялись купеческие мануфактуры с наемным трудом.

Во многом отличным и заметно противоречивым оказывалось развитие городов и промышленности в славянских землях державы Габсбургов. Так, в Чехии (где мануфактур было гораздо больше, чем в Словакии) процесс разложения городских цехов сопровождался возникновением рассеянной мануфактуры на базе сельского ремесла и аналогичных предприятий, создававшихся феодальными землевладельцами в своих имениях на базе крепостного труда. Лишь с освобождением крестьян от личной зависимости в мануфактурной промышленности возрастает роль зарождающейся буржуазии, и постепенно главной ее отраслью в Чехии становится текстильное производство.

В Словакии австрийские власти ставили преграды для развития мануфактур, созданных дворянами, и в 1771 г. вообще запретили открывать новые предприятия; к концу века большинство прежних мануфактур было здесь ликвидировано, и это окончательно превратило Словакию и Венгрию в рынок для промышленности Австрии и Чехии. В то же время интенсивно развивалась в Словакии, как и в Словении, горнорудная промышленность (например, рудники австрийской казны в Банска-Штьявнице принадлежали к числу самых передовых в Европе). В словенских землях получила развитие также текстильная, стекольная, железоделательная промышленность, в целом быстрее, чем в других южнославянских землях австрийской державы, возникали мануфактуры. Заметно отличалось от этой ситуации общее экономическое положение Дубровника и венецианских владений на Адриатике (Далмации, Истрии и др.); упадок самой Венеции, жестко регламентировавшей прежде развитие хозяйства в своей колониальной империи, повлек за собой и ухудшение положения подвластных ей южнославянских городов, замирание торговли, значительные трудности для местного населения.

Во второй “зоне” данного региона, куда входили принадлежавшие Османской

Порте южнославянские земли (Болгария, Босния, Сербия и др.), Албания и Греция, мы можем также наметить несколько основных особенностей социального и экономического развития, хотя здесь аналогичным образом прослеживаются не менее резкие локальные различия либо различия в темпах развития. Так, говоря о положении в деревне, мы можем отметить продолжение процесса создания позднефеодальных форм земельной собственности — так называемых читлуков, или чифликов (в югославской литературе этот процесс получил название “почитлученья”), причем образование этих читлуков протекало по-разному в отдельных провинциях Османской империи: в некоторых районах Болгарии их число резко увеличилось (как и их размеры) во второй и последней трети века, а в Албании и Сербии это имело место во второй половине столетия. Новый господин — чифликчия (или читлук-сахибия), которым обычно оказывался крупный феодал, откупщик или чиновник, — захватывал государственные и крестьянские земли, превращал крестьян в бесправных арендаторов или батраков, создавал иногда доменальную запашку (возделывая ее нередко с помощью наемных рабочих) и зачастую превращал свой чифлик в крупное товарное хозяйство, производившее для продажи зерно и другие продукты земледелия. В деревне появлялись уже и новые сельскохозяйственные культуры, в известной мере возрастала товарность производства, взаимосвязанная с ростом городов и торговли и способствовавшая выделению сельской верхушки, зарождавшейся сельской, торгово-ростовщической буржуазии. Так, заметно увеличивалась эта сельская буржуазная верхушка в Северной Сербии (Смедеревский пашалук), где ее обогащению и укреплению заметно способствовали подъем скотоводства и наличие надежного рынка сбыта в австрийских владениях.

Важной чертой экономического и социального развития османских владений на Балканах в XVIII в. был достаточно быстрый и почти повсеместный рост городов, внешней и внутренней торговли, местного ремесла, который был особенно заметен в Болгарии и отчасти в некоторых районах Албании. В рамках Османской империи Болгария стала тогда одной из наиболее экономически развитых провинций, что было вызвано подъемом местных ремесел, их специализацией, укреплением их центров в небольших городках (с болгарским населением) по склонам Стара-Планины и Средна-Горы (таковы Габрово, Копривница, Панагюриште и др.). Аналогичные процессы протекали и в других провинциях балканских владений Порты. Например, в албанском г. Эльбасан было тогда до 30—40 эснафов (цехов), объединявших ремесленников разных специальностей, в г. Воскопоя — до 50 эснафов. Во второй половине XVIII в. оживление внешней и внутренней торговли было связано не только с расцветом многих городов, появлением крупных ярмарок, но и с активностью балканских купцов за пределами Османской империи.

В балканских городах появляется прослойка богатых купцов и ремесленников — греков, болгар, албанцев, влахов. Их роль особенно заметна в Софии, Пловдиве, Дурресе, Воскопое, Монебасии, Салониках, Русе и других городах, на Узунджовской ярмарке, получившей большую известность с 30-х или 40-х годов этого века. Правда, большинство ремесленников еще и во второй половине столетия работали по заказам в своих или арендованных мастерских, но уже в конце века начинает возникать рассеянная мануфактура. Разумеется, в балканских владениях Порты мануфактур было гораздо меньше, нежели в рассмотренной выше первой “зоне”, однако и в этом случае необходимо отметить появление первой в болгарских землях мануфактуры (шелковой) габровского купца Христо Радичкова, а в Греции (Амбелакья в Фессалии) — бумажной мануфактуры, которая была разорена в начале XIX в. английской конкуренцией. Вполне понятно, что зачастую местные купцы и предприниматели не рисковали конкурировать с товарами и купцами западноевропейских стран, превращаясь нередко в их компаньонов, посредников и факторов — нными сло-

вами, в компрадорскую прослойку зарождавшейся местной буржуазии города и деревни.

Наконец, рассматривая основные особенности экономического и социального развития славянских и других балканских стран, мы можем отметить, что итогом протекавших в XVIII в. процессов было постепенное нарастание глубоких противоречий между османской военно-феодальной системой и боровшимися за свое освобождение южнославянскими народами, греческим народом, во главе которых закономерно (в силу приобретенных социальных позиций) стояла зарождавшаяся славянская и греческая буржуазия. Вполне понятно, что мусульманское население балканских провинций (турки, боснийцы, албанцы) вовсе не было однородным, но дифференциация в их среде может быть нами прослежена лишь на гораздо более скупом материале источников. Бесспорно преобладание в их среде крупнейших феодалов (турецких, боснийских, албанских), не вызывает сомнения и наличие купцов-мусульман, беднейшего и зажиточного крестьянства, однако проследить социальную динамику внутри этой мусульманской общности нам еще пока не всегда удастся.

Оценивая в целом социальное и экономическое развитие славянских и балканских народов в XVIII в., необходимо учитывать, что подавляющее большинство этого населения находилось в условиях инонационального и иноверного гнета, т.е. отсутствия самостоятельной государственности, и данное обстоятельство для названных выше процессов имело огромное значение.

Глава 5

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Период в истории Европы, хронологически заключенный между буржуазными революциями в Англии и Франции, ознаменован становлением, расцветом и кризисом того комплекса идей, общественных настроений, форм исторического поведения и культурных предпочтений, которые вошли в память человечества под именем *просветительских*.

Просвещение — именно это слово стало в немалой степени определяющим не только для последующей оценки, но и для самооценки всей рассматриваемой эпохи. “Дух Просвещения”, однако, оказался таков, что стал не только важнейшей характеристикой этой эпохи, но и существенно перекрыл ее хронологические и социально-исторические рамки, обрел статус одной из значительнейших общечеловеческих ценностей.

Практически все политические и идеологические течения, возникшие в последующие времена, так или иначе наследовали Просвещению — притом не только тогда, когда рассматривали себя программно, в качестве наследников просветителей, но и когда, не менее программно, от этого наследия отказывались.

Не будет преувеличением сказать, что вопрос о Просвещении и просветительстве остается пробным камнем для всякого направления общественной мысли, для всякого культурно-исторического движения, художественного течения.

Связь может быть явной и неявной, прямой и косвенной, полемически заостренной или (вольно или невольно) глубоко скрытой. Однако в любом случае связь существует и касается жизненно важных проблем социальной и духовной истории.

Просвещение само остро ощущало свое особое место в историческом процессе, в определении человечеством своего отношения к прошлому и в

ориентации на будущее. На излете самой эпохи была дана ее итоговая оценка таким авторитетным автором, как И. Кант. “Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения”¹.

Цитированная только что статья “Ответ на вопрос: что такое Просвещение?”, датируемая 1784 г. и прямо примыкающая к другой кантовской работе, носящей не менее знаменательное название — “Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане”, сразу же вводит в наше рассмотрение коренные идеи и принципы эпохи, в то время, как многим казалось, еще процветавшей, но уже уходящей, уже осмысливавшейся *критически* во всем богатстве ее накоплений и нереализованных замыслов. Добавим тут же, что, пожалуй, ни одна из важнейших эпох в европейской истории не пострадала столь решительно в последующей историографии, как Просвещение. Слишком много накопилось общих мест, трактующих “ограниченность просветительства”, по-школярски бойко суммирующих то, что Просвещение “не поняло”, “не смогло правильно интерпретировать”.

И тут тоже необходимо проблемное замечание общего порядка, выявляющее особый смысл и особое место той итоговой самохарактеристики “века Просвещения”, которая исходила от Канта. Просветителям нередко вменяют в вину, не всегда безосновательно, то, что их исторический оптимизм легко был способен трансформироваться в своего рода историческое самодовольство, в поклонение “линейной” схеме исторического процесса (и соответственно прогресса), причем на вершине этой восходящей линии обнаруживается не что иное, как “текущая действительность”. К тому же законы этого наличного мира, признаваемого “лучшим из миров”, то и дело подверстываются под умозрительно сконструированный канон если не достигнутого, то достигаемого сейчас, сию минуту путем последовательного осуществления неких “правильных” установлений, просветителями же предложенных, у просветителей заимствованных, с просветителями согласованных.

Все так, и, говоря пока весьма кратко, примеров тому множество. Достаточно назвать и саму идею, и практику “просвещенного абсолютизма”, когда наступление “золотого века” прямо соотносится с конкретной фигурой того или иного монарха (Фридриха II, Екатерины II, Иосифа II и др.). Достаточно вспомнить пресловутую “рассудочность”, вне которой иные просто не мыслят по сей день культуру, связанную с Просвещением. (Отсюда устойчивый историко-культурный стереотип, согласно которому Просвещение оказывается эпохой, не только не давшей творческого стимула, например изобразительным искусствам, но даже пагубно повлиявшей на их развитие.)

Но в то же время в таких общих характеристиках и приговорах нередко обнаруживается не столько историзм подхода к Просвещению, сколько некритическое следование его, Просвещения, наиболее уязвимым иллюзиям. Это с одной стороны.

С другой же — парадокс в оценках Просвещения состоит еще в том, что именно этой эпохе более, чем какой-либо иной, “не прощаются” иллюзии, свойственные историческому сознанию далеко не одного только этого времени. Если Вольтер и Дидро увидели возможность осуществления просветительского идеала в делах Екатерины II; если для того же Вольтера (на каком-то этапе), для Альгаротти и Канта деятельность Фридриха II позволяла отождествлять “век Просве-

¹ Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1963—1966. Т. VI. С. 27.

щения” и “век Фридриха”, то здесь очевидны издержки сознания эпохи, ее самооценок. Хотя, подчеркнем, менее всего в таких отождествлениях следует видеть проявление “льстивости” просветителей по отношению к сильным мира сего. Историческая концепция требовала появления механизмов, позволяющих концепцию эту реализовать, — и кажущиеся чрезмерными панегирики “философам на троне” практически оказываются формой активного действия, способом “подталкивания” истории, попыткой не только выявить такие механизмы, но действительно сформировать их, повлиять на целенаправленность и интенсивность их функционирования.

И не случайно, что десятилетия спустя после того, как “век Просвещения” отошел в прошлое, и Гегель, и Карамзин с той же настойчивостью “завершали” исследуемый и оцениваемый ими ход истории “текущей действительностью” как высшим воплощением исторического процесса, как своего рода идеальным осуществлением и внутреннего смысла истории, и человеческих действий, чаяний, устремлений.

Сегодня, трезво оценивая и собственный путь развития в послеоктябрьский период, мы не можем не отметить, что подобный комплекс оказался свойственным и нашему обществу, нашему общественному сознанию. Очевидно, тяга к “зрелости”, “развитости”, темпы выхода из того “состояния несовершеннолетия”, о котором писал Кант, — все это проблемы, выходящие за рамки “века Просвещения” и просветительской идеологии. Но с небывалой остротой поставленные именно той эпохой, отчего и актуальность эпохи, как уже отмечено, со временем лишь возрастает. Тем более, что речь приходится вести не только об остроте постановки проблемы, но и о небывалой дотоле полноте, универсальности.

И тут следует еще раз обратиться к цитированной уже статье Канта. “Если задать вопрос, живем ли мы теперь в *просвещенный* век, то ответ будет: нет, но мы живем в век *просвещения*”². Формулировка, дорого доставшаяся и дорого стоящая.

Как всякая значительная культурно-историческая эпоха, Просвещение сформировало свой идеал, вернее, формировало его непрестанно в противоборствах и компромиссах, со столь естественным стремлением осуществить этот идеал как можно скорее и как можно полнее, но и со все возраставшей потребностью и способностью к критике, к критической оценке сделанного, к сопоставлению идеала и действительности. Открытие истории как процесса заложено в недрах рассматриваемой эпохи, и в этом — одно из важнейших достижений, заветов. Другое дело, конечно, то, что не всегда это открытие становилось явственным даже для самых мощных умов Просвещения, не всегда обретало характер практического руководства к действию.

Эпоха между Английской и Французской буржуазными революциями, насыщенная критическим пафосом и подвергнувшая переоценке, переосмыслению буквально все, что относилось к “миру внешнему и миру внутреннему” человеческого бытия, билась в тенетах кричащих противоречий. И противоречия эти были в равной мере и “внешними” и “внутренними”. Притом приходилось констатировать, что в течение достаточно длительного времени при оценке эпохи нередко на первый план выходили “слабости” ее, а не прозрения. Так, лишь в недавнее время традиционная формула, согласно которой мироотношение и мышление просветителей были последовательно антидиалектичными, оказалась активно пересмотренной — в том смысле, что все явственной стал обнаруживаться замечательный парадокс эпохи. Скажем, у Дидро открылась исключительная острота и исторического чувства, и диалектического мироотношения, но не там, где один из величайших просветителей на уровне теоретического умозрения строил концепции и гипотезы, а у Дидро-художника.

² Там же. С. 33.

В данном случае мы имеем дело с еще одной важнейшей чертой эпохи — с длительной аберрацией при оценке просветительства в его истоках, конкретных проявлениях, во всех перипетиях мироотношения. Можно сказать, что эпохе слишком поверили на слово там, где она тотально идеологизировала саму себя, где поклонение тотальному и самодовлеющему рассудку определяло всю систему мироотношения.

Итак, проблема Просвещения и его роли в истории Европы есть проблема выявления и оценки той *целостности*, которая — как всякая историческая целостность — не может быть сведена к какому-либо одному своему компоненту или же к системе изолированных друг от друга составляющих. В самом общем виде, какой бы стороны дела мы ни касались (историко-идеологической, историко-культурной и т.д.), проблема Просвещения есть одна из центральных для эпохи буржуазных и буржуазно-демократических революций XVI—XX столетий.

Если говорить о социальной стороне дела — эпоха буржуазных революций впервые с такой остротой и вынятностью поставила проблему “идеология и революция”, “революция и культура”, “искусство и революция”. Опыт этой эпохи остается по сей день весьма актуальным и во многом еще не осмысленным — в немалой мере оттого, что естественные привязки к “ведущему началу” буржуазной революции нередко оставляли в тени явления более широкого, с исторической точки зрения, много более конструктивного плана. Общедемократический (а значит, и обретающий общечеловеческий статус) элемент эпохи — как раз то, что позволяет оценивать, обнаруживать искомую целостность, уходить от ограничительных критериев, которые сама эпоха нередко себе изобретала.

Впрочем, нередко это скорее “изобретения” более поздних времен либо естественные в пылу борьбы крайностей, относительный характер, “инструментальную” природу которых сама же эпоха вполне умела осознавать и по мере сил преодолевать. (Тут важно констатировать хотя бы тягу, открываемую эпохой потребность в таком преодолении.)

Есть и другая сторона дела. Выражаясь современным языком, “модели”, предлагавшиеся просветителями либо вычленившиеся ими из живого исторического процесса, нередко воспринимались и в ту пору, и в последующие времена как некие абсолюты, возникшие взамен абсолютам старым, рухнувшим или обреченным на то, чтобы рухнуть. Но тут важно учитывать, где на самом деле имела место подобная — механическая — замена или попытки таковой, где же шел напряженный поиск оптимального варианта обновления. Важно в первую очередь оценить саму по себе осознанную потребность в обновлении. И тогда даже идолопоклонство “текущему моменту” и его возможностям окажется не столь однозначным, как на первый взгляд.

Тут мы подходим к целому комплексу острейших (и по сей день сохраняющих свою актуальность, резко актуализирующихся по мере исторического движения человечества) проблем, общий смысл которых можно определить как соотношение исторического сознания (как основы поведения и деятельности) и исторического знания.

Просветительное сознание, подойдя к необходимости создать целостную историософскую концепцию, не случайно увидело в истории *хаос*. По крайней мере именно вольтеровский вывод оказался таков. Объективно историческое предстало как “алогичное”, лишенное системности, исполненное “детскости” — в противовес тому, что открывалось сегодня, в процессе интенсивного самопознания, в условиях научного переворота, совершающегося на глазах и открывающего в природе замечательную упорядоченность, стройность, подчиненность общим законам.

Если рискнуть на краткую характеристику одного из коренных “комплексов” эпохи, его можно было бы назвать “тоской по упорядоченности” во всех сферах бытия. Притом в ситуации, когда извечный источник упорядоченности, “божест-

венный промысел”, оказывается одной из главных мишеней всепроникающего и во всем сомневающегося разума. Такая ситуация с неизбежностью придает эпохе героические черты, подвигает на “преодоление судьбы”. Раскрепощенный разум с такой же неизбежностью и представляется орудием такого преодоления.

Вопрос, который пришлось решать эпохе впервые в столь острых формах, — это давно известный вопрос о достоинстве человека перед лицом и природы, и истории. В разных сферах деятельности он трансформировался по-разному, но неизбежно приводил к принципиально новым, новаторским по своей сути открытиям. Если говорить об искусстве, например, то не случайно именно эта эпоха столь неожиданно для себя, но столь результативно вынуждена была откликнуться не только на проблему “искусство и революция”, но и на проблему художественного открытия, рожденного в недрах формирующегося нового типа сознания. Конкретизируя, припомним, что “Клятва Горациев” Давида оказалась первым в истории искусства произведением, в котором еще до революции современники увидели символ грядущего социального взрыва. Символ, перекрывающий рамки собственно сюжета и проистекающий из пластики как таковой, из интуитивно уловленных художником ритмов исторического движения, интонаций эпохи.

Говоря об идее “хаоса” и идее “порядка” как коренных идеях эпохи, проще всего их противопоставить. Однако это традиционное противопоставление было бы как раз той ошибкой, в которую впадают многие исследователи “века Просвещения”. Точнее говорить об идее упорядочения действительности, которая допускала и свободное оперирование “моделями”, и навязывание ей, действительности, некоего диктата; и конструирование устойчивых структур, и восторг перед непредсказуемым, неожиданным.

Отсюда и своеобразие конфликта между историческим сознанием эпохи и вырабатывавшимся ею же историческим знанием — конфликта тем более обострявшегося, чем обстоятельнее определяла сама эпоха свои исторические предпочтения, особую роль в текущем и грядущем развитии человечества.

АНГЛИЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Особая роль Англии в истории европейского Просвещения заключалась прежде всего в том, что она была его родиной и во многих отношениях первопроходцем. XVII век с его сложными процессами в области социально-экономического развития, буржуазными революциями, духовными исканиями продвинул Англию по пути исторического развития значительно дальше большинства других европейских стран. Все это делало ее своего рода образцом общественного прогресса. Не случайно в XVIII в. все основные течения английской общественной мысли находили свое продолжение и развитие на европейском континенте.

Английское Просвещение отразило и те эпохальные социокультурные сдвиги, которые происходили в стране в течение XVIII в. и которые до поры до времени не имели параллелей на континенте. Прежде всего следует отметить раннее развитие современного парламентаризма с присущими ему правовыми способами политической борьбы и разрешения общественных противоречий. Огромное значение имело повышение уровня культурного и политического просвещения широких слоев населения. Этому способствовала не только относительно высокая грамотность, но в особенности периодическая печать, переживавшая в XVIII в. быстрый рост. Первая ежедневная газета стала выходить в Лондоне в 1702 г. К концу века их число в столице превысило два десятка. В 1727 г. в провинции издавалось 25 газет. Большой популярностью пользовались развлекательные и нравоучительные еженедельники, которых в разное время выходило свыше двухсот. Одними из самых первых и самых знаменитых были “Тэтлер” (“Болтун”) и “Спектейтор” (“Зритель”). Периодическая печать в одно и то же время и формирова-

ла общественное мнение и зависела от него, поскольку подавляющее большинство изданий носило коммерческий характер и материально зависело от вкусов и пристрастий своих читателей. Все эти процессы влияли на поведение интеллектуальной элиты, делая ее представителей более отзывчивыми на злобу дня, заставляя философов спускаться из заоблачных вышей отвлеченных теорий на землю людей с их нуждами и запросами.

В отличие от своих собратьев на континенте большинство просветителей не проявляли особой склонности к абстрактному теоретизированию. Соответственно они предпочитали более легкие и подвижные литературные формы выражения своих идей. В XVIII в. пору расцвета переживала публицистика. Нормой стала яростная газетно-журнальная полемика, а одним из излюбленных литературных жанров — памфлет. Заботясь о том, чтобы их философские, политические или экономические идеи оказались достоянием как можно большего круга людей, просветители стремились облечь их в форму занимательного рассуждения, а то и сатирического обличения. Рост числа и тиражей печатных изданий отражал успех этой политики, причем не только у себя в стране: английскую прессу охотно читали и за рубежом. В разных странах издатели пытались даже копировать методы английской журналистики.

На характер английского Просвещения повлияли также его взаимоотношения с религией и церковью. Видные его деятели за редким исключением придерживались догматов христианства, не впадая, впрочем, и в чрезмерное благочестие. Во многом это объяснялось тем, что англиканская церковь не противопоставляла себя Просвещению и в какой-то мере отвечала его идеалам веротерпимости. Она давно уже обрела независимость от римской курии и очистилась от таких одиозных атрибутов католицизма, как инквизиция и орден иезуитов. Англиканское духовенство контролировало духовную жизнь прихожан посредством религиозного обучения и таинства исповеди, которые широко практиковала католическая церковь. То обстоятельство, что интересы Просвещения и церкви в Англии нигде существенным образом не сталкивались, имело далеко идущие последствия для всего культурного развития страны. Это позволяло сохранять известное равновесие между традиционными ценностями, хранителем которых выступала церковь, и новаторскими, которые несло Просвещение. Это равновесие было динамичным, ибо оно не означало застоя и не закрывало пути переменам.

Все, кто привык рассматривать Просвещение как идеологическую подготовку буржуазных революций, с разочарованием отметили бы отсутствие в политической программе английских просветителей радикальных и боевых призывов. Но нельзя спешить на этом основании зачислять ее в разряд умеренных. Ведь в Англии в отличие от Европейского континента большинство политических целей Просвещения было достигнуто еще в начале XVIII в.

В основных чертах политическая программа английского Просвещения была сформулирована философом Джоном Локком. Как и другие мыслители XVII в., он считал, что возникновению государства предшествовало естественное состояние. По его словам, это было «состояние полной свободы (людей. — А.Р.) в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и

Джон Локк

личностью”, а также “состояние равенства, при котором всякая власть и всякое право являются взаимными”. Но в отличие от такого своего предшественника, как философ Томас Гоббс, который рассматривал естественное состояние как “свободу делать все” в условиях “войны против всех”, Локк полагал, что полная свобода ограничена законом природы: “...поскольку все люди равны и независимы, постольку ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого”.

По Локку, переход от естественного состояния к гражданскому обществу был следствием общественного договора. Но этот договор предполагал перераспределение лишь властных функций и не влек значительных перемен в положении людей. Государство должно было руководствоваться тем же законом природы, который регулировал отношения людей и в естественном состоянии, и поэтому не могло покушаться на неотчуждаемые права граждан. Здесь отчетливо проявилось расхождение Локка с Гоббсом, который считал, что люди, заключая общественный договор, добровольно отказываются от большинства своих прав и уже не могут вернуть их. Локк предусмотрел специальный конституционный механизм, не допускающий превышения государством своих прерогатив. Это разделение государственной власти на законодательную (в лице парламента), исполнительную (суды, армия) и “федеративную”, которая бы ведала отношениями с другими государствами (король, министры). Кроме того, сползанию государства к деспотизму должен был, как предполагал Локк, препятствовать и принцип законности, согласно которому “ни для одного человека, находящегося в гражданском обществе, не может быть сделано исключение из законов этого общества”. В крайнем случае Локк предвидел возможность разрыва народом соглашения с правительством — восстание за восстановление попранных прав и свобод.

Конституционные идеи Локка в значительной мере нашли воплощение в политическом строе Англии, как он оформился в первые десятилетия после “славной революции” 1688 г. Поскольку в этом строе реализовался классовый компромисс буржуазии и дворянства, который подвел черту под их конфликтами середины XVII в., Локка называют идеологом этого компромисса. Много сказано о классовой ограниченности английской “конституции” XVII в. и сказано справедливо. Но она закрепляла основные права и свободы граждан, представительное правление, религиозную терпимость, неприкосновенность собственности. Тем самым она создала правовые предпосылки социального прогресса, включая рост предпринимательской активности, повышение благосостояния, дальнейшее расширение прав и свобод. Все это в полной мере соответствовало целям Просвещения, поэтому деятельность просветителей не наталкивалась в Англии на столь мощные преграды, как в большинстве стран Европейского континента. Не испытывая необходимости в ниспровержении существующего строя, просветители и не ставили его в целом под сомнение. Наоборот, они нередко идеализировали общественный и политический строй Альбиона, и это в особенности было свойственно их единомышленникам на континенте. Он подвергся радикальной критике в основном лишь в конце XVIII в., когда в стране под влиянием североамериканской и французской революций развернулось широкое демократическое движение.

Все эти обстоятельства обусловили нацеленность английского Просвещения на практические дела, непосредственно на результаты конкретные и ощутимые. Этот практический уклон отразила его этика, так же как и политическая программа, разработанная в основных чертах Дж. Локком. Он сводил мораль к совокупности твердо установленных и всем хорошо известных правил, например к библейским заповедям, изложенным в Нагорной проповеди. Моральные правила Локк отличал как от естественных импульсов, так и от искусственных правил, основанных на традиции. Поскольку люди, по его мнению, соотносят свои понятия с требованиями повседневной жизни, поэтому и правила, ре-

гулирующие их отношения, должны отличаться удобством, целесообразностью и полезностью. «Вещи бывают добром и злом, — писал Локк, — только в отношении удовольствия и страдания. "Добром" мы называем то, что способно вызвать у нас или увеличить удовольствие, либо уменьшить наше страдание... "Злом", напротив, мы называем то, что способно причинить нам или увеличить какое-нибудь страдание, либо уменьшить какое-нибудь удовольствие... Под "удовольствием" и "страданием" я разумею либо то, что относится к телу, либо то, что к душе». Таким образом, всякий опыт рассматривался Локком лишь в плане непосредственной пользы в повседневной жизни. По меткому выражению исследователя, его этика является "учением о добродетелях джентльмена, думающего лишь о своей выгоде, но избегающего при этом крайностей, не желающего рисковать".

Провозглашая высшей целью счастье человека, английские просветители имели в виду прежде всего личное преуспеяние. Адекватными средствами достижения этой цели они считали развитие творческих способностей человека. Тот же Локк подчеркивал: "Мы рождаемся на свет с такими способностями и силами, в которых заложена возможность освоить почти любую вещь и которые во всяком случае могут повести нас дальше того, что мы можем себе представить; но только упражнение этих сил может сообщить нам умение и искусство в чем-либо и вести нас к совершенству". Подчеркивая значение личного творческого усилия каждого человека, его знаний и опыта, английские просветители как нельзя лучше уловили потребности общества XVIII в., осуществлявшего беспрецедентный поворот в производительных силах и производственных отношениях — переход к крупной индустрии с ее новым типом отношений людей к производству и друг к другу. Просвещение способствовало закреплению в национальном характере англичан таких черт, как предприимчивость, изобретательность, практицизм. В XVIII в. и позже иностранные путешественники неизменно отмечали деловую сметку англичан, их высокий профессионализм и компетентность.

Последовательно выступая в защиту индивидуальных прав и свобод, английские просветители признавали и право каждого человека преследовать свой частный интерес. В свою очередь, это нередко вело к прямому моральному оправданию эгоизма. На просветительское мышление большое влияние оказало учение Т. Гоббса об эгоистической природе человека. В XVIII в. этику себялюбия или разумного эгоизма развили Мандевиль и Бентам. Социально-экономическая подоплека защиты просветителями частного интереса совершенно очевидна — они выступали за свободу частной собственности. Но в этом проявился и оптимизм их мировоззрения, ибо они видели в эгоизме источник развития и прогресса общества.

Эту мысль детально обосновал в своем творчестве Бернар Мандевиль. Он считал, что поведение людей является производным от их себялюбия, которое представляет собой не что иное, как чувство самосохранения, побуждающее человека вести борьбу за жизненные средства, против сил природы и противостоящих ему интересов других людей. Все пороки эгоизма Мандевиль выводил из деятельности, направленной на самосохранение, но при этом рассматривал их как величайшее благо для общества в целом. "Ни одно общество, — писал он, — не может возвыситься и стать богатым и могущественным королевством или, возвысившись подобным образом, поддерживать свое богатство и могущество в течение сколь-нибудь продолжительного времени без пороков людей". В своей "Басне о пчелах" он проиллюстрировал эту мысль многочисленными примерами из повседневной жизни. Мандевиль оказался столь же остроумен, сколь и проницателен. Его парадокс "Пороки частных лиц — блага для общества" отражал реальность рыночной экономики, развитие которой составляло как бы равнодействующую множества пересекающихся стремлений к личной выгоде.

Признавая эгоизм законом природы, просветители вместе с тем помогали современникам осознать самоценность человеческого существования, способствовали их духовному раскрепощению, в частности, освобождению от жестких предписаний кальвинистской морали. В XVIII в. коллективное сознание англичан претерпевало заметные перемены. Интенсивная духовная и общественно-политическая жизнь страны свидетельствовала о растущей потребности граждан к самовыражению, об отмирании или хотя бы ослаблении многочисленных запретов и стереотипов, которые регламентировали поведение людей в традиционном обществе. Более богатой и разнообразной стала эмоциональная жизнь англичан, по крайней мере представителей состоятельных классов. Заметно изменился их быт в связи с пробудившейся тягой к комфорту, увлечением модой и распространением своего рода потребительской психологии. Эти процессы отражали возникновение некоего подобия массового рынка потребительских товаров и услуг. Вместе с тем они свидетельствовали и о сознательном стремлении к повышению социального статуса, внешним выражением которого является уровень потребления. Перемены затронули отношения между полами: более свободным стал выбор супругов, повысилась роль эмоциональных мотивов вступления в брак, постепенному размыванию подверглась авторитарная модель семьи. Все это благоприятно отразилось на положении детей в семье, привело к смягчению методов семейного воспитания. В жизни англичан возросла роль литературы и искусства, причем развитие книготорговли и возникновение рынка произведений искусства позволили писателям, художникам, музыкантам освободиться от чрезмерной, сковывающей их творческую самостоятельность опеки богатых или знатных меценатов. Повышение культуры состоятельных классов в конечном счете способствовало общей гуманизации нравов, что находило свое выражение в распространении милосердия, кампаниях за отмену рабства в колониях, выступлениях в защиту животных от жестокого обращения и т.д.

И все же у англичан не было полной уверенности в том, что стремление к личному преуспеянию, свободе “для себя” наряду с ослаблением узды традиционной кальвинистской морали не приведет к анархии, развалу общества. Горький, кровавый опыт революции и гражданских войн середины XVII в. напоминал им об опасностях, проистекающих от уравнилельных требований неимущих низов. С другой стороны, распушенность королевского двора времен Реставрации также служила предостережением, что безудержный гедонизм высших классов деморализует общество и готовит возврат к тирании и папству. Многие англичане готовы были прислушаться к пророчеству Гоббса, что лишь Левиафан в состоянии оградить общество от постоянных проявлений эгоистических страстей. Тем более что исторический опыт казалось бы подтверждал его справедливость.

Следовательно, Просвещение в Англии столкнулось со сложнейшей этической проблемой: как уберечь эгоизм от саморазрушения, как обеспечить порядок в индивидуалистическом обществе? И просветители сделали много, чтобы решить эту проблему не только в теоретическом, но и практическом плане. При этом они должны были учитывать две существенные черты английского общества XVIII в. Во-первых, растущее самосознание социальных низов, которые, добившись своих гражданских прав, отнюдь не были склонны раболепствовать перед верхами. Отвергая грубые, неправовые методы подавления народных масс, просветители закономерно должны были сделать ставку на своеобразный диалог с ними. Во-вторых, растущий общественный вес и влияние так называемых средних слоев. Ускорение темпа развития английской экономики в XVIII в. было во многом обусловлено расширением потребительского спроса этих слоев, а следовательно — и ростом их благосостояния. В условиях коммерциализации досуга, литературы, искусства, даже науки они получили возможность, голосуя своим кошельком, оказывать все большее влияние на развитие культуры, некогда находившейся под почти безраздельным контролем традиционных элит.

Выработанные просветителями способы социализации эгоизма были разно-

образны. Один из главных заключался в том, чтобы приобщить к ценностям Просвещения всех, кто независимо от происхождения трудом, знаниями, гражданскими поступками или богатством доказал свою способность их принять. Непреодолимых социальных препятствий осуществлению этого плана просветители не видели. Хотя инициатором просветительского движения были действительно представители элитарных групп состоятельных классов, провозглашенные ими ценности в принципе носили общечеловеческий характер. Апеллируя к разуму, просветители как бы признали несущественность всех прочих — национальных, родовых, социальных — различий между людьми. Добиваясь влияния на все общество, они действовали исключительно убеждением. Как никто другой, они понимали силу печатного слова и поэтому главное внимание уделяли пропаганде своих взглядов в литературе, публицистике, периодической печати. Но широким основанием их культурно-образовательной деятельности служила благотворительность, посредством которой они распространяли свое влияние на общественные низы. Не случайно, что эпоха Просвещения ознаменовалась появлением большого числа благотворительных учреждений, таких, как школы, больницы, приюты и т.д., которые существовали на пожертвования частных лиц.

Повышению влияния просветителей на широкие массы способствовала известная открытость образа жизни высших классов, элитарные слои которых являлись носителями высших ценностей. Дело было не только в том, что их представители, занимаясь какой-либо профессиональной деятельностью, соприкасались с простонародьем. Важно было ставшее привычным для Англии XVIII в. постоянное перемешивание классов, которым сопровождалось различные формы коллективного досуга и политической жизни — спортивные зрелища, театральные представления, народные гуляния, избирательные кампании и т.д. Благодаря прямому контакту с просветительской элитой более широкие слои населения получали возможность первоначального, хотя и чрезвычайно поверхностного, приобщения к новым ценностям посредством подражания ее вкусам, привычкам, предпочтениям.

В течение XVIII в. значительная часть англичан действительно восприняла в большей или меньшей мере основные ценности и цели Просвещения. Это позволило избежать той глубокой пропасти между народной культурой и культурой властвующей элиты, которая расколола общество в ряде стран Европейского континента. Значение этого обстоятельства в полной мере проявилось в ходе социально-политических бурь, пронесшихся над Европой в конце XVIII — начале XIX в. Общие ценности оказались более надежным средством стабилизации общества, чем формальная дисциплина, опирающаяся на принуждение. При этом ценности, консолидировавшие английское общество, имели отчетливо выраженный индивидуалистический характер. Это свидетельствовало о том, что просветительский идеал человека и общества, в основе которого лежало признание стремления к обогащению, личному преуспеянию, ибо только богатство открывает возможности более полного удовлетворения индивидуальных и коллективных потребностей, проник в широкие слои населения.

Английских просветителей вообще характеризовало стремление к преодолению крайностей. Так, если французские философы воспринимали мир прежде всего как борьбу противоположностей, то англичане — как их единство. Показательны в этой связи особенности сенсуализма Дж. Локка. Он не противопоставлял ощущение и рефлексию, как это делал Р. Декарт. Не сводил он все рациональные способы и формы знания к ощущению, подобно Э. Кондильяку. Избегая как картезианского дуализма, так и плоского сенсуализма, Локк признавал в равной мере источником знания и ощущение, и рефлексию. "Наше наблюдение, — писал он, — направленное или на внешние ощущаемые предметы, или на внутренние действия нашей души, воспринимаемые или рефлекслируемые нами самими, доставляет нашему разуму весь материал мышления".

Во многом усилиями просветителей XVIII в. была создана работающая модель рационального типа жизненно-практических отношений между людьми, вполне соответствующая той роли, которую в жизни англичан играло гражданское общество. В соответствии с этой моделью одним из важнейших этических качеств человека считалась его способность к общению, взаимодействию с другими людьми, участию в коллективной созидательной деятельности. Не без влияния просветителей членство в каком-либо добровольном объединении наподобие клуба или масонской ложи стало считаться непременным условием принадлежности к элите. А в средних слоях общества для поддержания репутации столь же обязательно было регулярное посещение политических собраний или встреч по интересам, например, в кафе, входивших в моду как место неформального общения и культурного досуга. Английская литература и публицистика эпохи Просвещения содержит детально разработанный свод правил общения, позволяющих поддерживать непринужденные, добрые и полезные отношения с людьми во всех случаях жизни. Рационализации этой сферы общественной жизни вполне отвечала требованиям капиталистического развития.

Примечательно, что при огромном внимании к межличностным отношениям просветители не проявляли особого интереса к отношениям между личностью и государством. Государство занимало так мало места в размышлениях англичан, очевидно, потому, что они не предвидели с его стороны противодействия своим замыслам, да и не рассчитывали на его активную помощь. Ему отводилась роль гаранта закрепленных в законе прав и свобод, тогда как забота об осуществлении идеалов Просвещения полностью предоставлялась частной инициативе, самим гражданам, гражданскому обществу. И надо признать, что вера английских просветителей в благотворную силу свободы в сочетании с частным интересом в значительной мере оправдалась. Во всяком случае, на протяжении XVIII в. глубокие перемены во всех сферах английского общества происходили без того, чтобы возникла необходимость прибегать к грубой силе — как со стороны государства, так и со стороны гражданского общества. Жизнеспособность той линии, которой придерживались просветители, коренилась в консенсусе, который охватывал достаточно широкие слои населения.

Но в конце XVIII в. надежды просветителей на создание свободного, динамичного и вместе с тем стабильного общества померкли. В условиях развернувшейся промышленной революции обострились все общественные противоречия, что пошатнуло веру в возможность осуществить совмещение социальной гармонии с индивидуализмом. Французская революция еще более ожесточила споры о настоящем и будущем страны. В итоге Просвещение как широкое социокультурное движение быстро политизировалось и распалось на отдельные противоборствующие группировки и течения. Тираноборческие мотивы просветительской идеологии взяли на вооружение радикалы. Более умеренная часть демократов заимствовала у Просвещения программу постепенных реформ. А либералы интерпретировали просветительский индивидуализм в духе железных законов рикарданской политической экономии. Отказавшись от мечты о социальной гармонии, они потребовали ужесточить трудовую дисциплину и усилить карательные функции государства. Кризис Просвещения усугубила критика его целей и ценностей, поднявшаяся на волне недовольства Французской революцией.

ШОТЛАНДСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

На протяжении всего XVIII в. культурная жизнь Шотландии испытывала последствия того политического потрясения, которое постигло эту страну в самом начале столетия. Согласно договору об унии с Англией, заключенному в 1707 г., Шотландия лишилась своих автономных прав. Был упразднен национальный парламент, заседавший в Эдинбурге. Общественное сознание, травмированное этими событиями, так до конца и не смогло примириться с утратами. История

общественной мысли Шотландии XVIII в. — это история мучительных поисков выхода из того унижительного положения, в котором, по убеждению многих просвещенных шотландцев, оказалась их родина, получив статус провинции Соединенного королевства. Искать ли этот выход на пути политической борьбы за восстановление утраченных прав и свобод или же можно поднять престиж родины иными, не политическими путями, способствуя ее экономическому, социальному, культурному процветанию? Вокруг этой дилеммы по существу сосредоточились споры в общественных кругах Шотландии.

Постепенно шотландцы пришли к убеждению, что политическими средствами они не смогут исправить положение. В мировоззренческом плане эта смена приоритетов выразилась в глубоком пересмотре принципов взаимоотношений между личностью и обществом, а также гражданином и государством. Согласно гуманистической традиции, нравственная свобода человека была возможна лишь при условии подлинно гражданского поведения — обязательного участия в делах государства и защите его конституции. Шотландские просветители дали более широкое истолкование условий реализации нравственной свободы и гражданской доблести. Они первыми глубоко обосновали вывод, что того же можно достигнуть участием в хозяйственном развитии, общественной деятельности, интеллектуальных занятиях. Разработанная ими гражданская этика и представляла собой специфический вклад Шотландии в европейское Просвещение. В своем окончательном виде она сложилась к началу 60-х годов.

Она многим обязана философу Эндрю Флетчеру, которого называют отцом шотландского Просвещения. Считая “зависимость” от Англии причиной всех бедствий Шотландии, он показал, что рассчитывать на возвращение “свободы” не приходится. Она безвозвратно ушла в прошлое вместе со всем “готическим” укладом жизни в средние века, одним из проявлений которого она являлась. Остается лишь надеяться на расширение самостоятельности в составе британского государства или, по терминологии Флетчера, “независимости” от власти королевского правительства в Лондоне. В идеале он представлял себе Британию как свободное государство, состоящее из четырех самостоятельных провинций, включая Шотландию; каждая из них сохраняла бы свою милицию, самобытные политические, общественные и культурные институты. Мечтая о восстановлении шотландского парламента и других органов власти, Флетчер связывал успех этого плана с экономическим возвышением родины. В противном случае он предвидел массовую эмиграцию жителей и еще большую зависимость от Англии.

Под влиянием воззрений Флетчера в просветительских кругах распространялось мнение, что для будущего Шотландии гораздо большее значение имеет экономика и культура, чем политические символы. Это стимулировало поиски альтернативных политике способов исполнения людьми своего гражданского долга перед отечеством.

В этих поисках шотландское просвещение опиралось на мощный интеллектуальный потенциал, которым располагали университеты Эдинбурга, Глазго и Абердина. Они сразу откликнулись на изменение общественных запросов и довольно быстро превратились из посредственных семинарий, готовивших проповедников для пресвитерианской церкви, какими они были еще на рубеже XVII—XVIII вв., в первоклассные по высшим европейским меркам учебные заведения. Слушать лекции шотландских профессоров съезжались студенты из многих стран Европы. Напряженной и разнообразной была интеллектуальная деятельность и вне стен университетов. Их выпускники заполняли судебные присутствия, церкви, любительские академии и научные общества. В аристократических салонах блистали своими знаниями и талантами университетские профессора и другие представители интеллектуальной элиты Шотландии. Создавались разнообразные клубы и общества по интересам, которые занимались культурно-образовательной деятельностью, устраивали философские и литературные диспуты и т.д.

Зачастую такого рода деятельность протекала в форме собраний, происходивших в кафе и тавернах, доступ на которые был открыт практически всем желающим. Чем бы конкретно ни занимались эти клубы, общества и собрания, их члены и участники были пренеполнены заботой о будущем процветании родины и искренне верили, что тем самым отдадут ей гражданский долг. Внешних препятствий своей деятельности они не встречали — ни со стороны государства, которое не вмешивалось в частную жизнь граждан, ни со стороны пресвитерианской церкви. Последняя некогда занимала сильные позиции в шотландском обществе. Однако затяжной внутренний конфликт на рубеже XVII—XVIII вв. поколебал их, чем не преминуло воспользоваться английское правительство, добившееся принятия законов о государственном контроле над шотландским духовенством.

В этой благоприятной для интеллектуального роста атмосфере, создавшейся в Шотландии благодаря университетам и разнообразным формальным и неформальным клубам и обществам, только и могла появиться плеяда замечательных ученых. Среди них выделялась фигура Дэвида Юма. Этому философу, историку, экономисту принадлежала ведущая роль в истории шотландского Просвещения. Понимая озабоченность своих современников этическими вопросам, он задался целью обновить науку о нравственности. Юм исходил из того, что всем людям свойствен особый социальный инстинкт, который он называл симпатией; этот инстинкт представлял собой чувство сопереживания, переходящее в чувство коллективизма. Закреплялся и усиливался он в процессе общения людей. Созерцание счастья других, по мнению Юма, пробуждало в человеке приятные переживания. Человек стремился к их повторению. И постепенно это стремление переходило у него в устойчивое желание радости и пользы всем окружающим.

Юм считал, что счастье неотделимо от добродетели, а добро в моральном смысле — это все то, что полезно для всех людей без исключения. Добродетель же гражданственна по своей сути, ибо общество и государство возникают из тяготения людей к общению и из их полезности, поскольку они увеличивают возможности удовлетворения потребностей людей. Не может быть счастья и без политической стабильности, от которой зависит всякая упорядоченная жизнь. В свою очередь, сохранение политической стабильности предполагает признание социального опыта рядовых граждан, а следовательно, совокупности тех идей и убеждений, которые он им внушает. Современное общество Юм изображал как плюралистическое, основанное на сложном разделении труда, различиях в положении людей, которые по этой причине отличаются и своими представлениями о нравственности и справедливости. По мнению Юма, не могло быть стабильным современное общество, не признающее и не уважающее все многообразие социальных и региональных различий между людьми. В равной мере не может быть добродетельным и гражданин, не признающий, что его личное счастье в конечном счете связано со счастьем всего общества, а также не понимающий важности сохранения политической стабильности отдельных регионов государства.

Влияние Юма на шотландскую культуру с особой силой проявилось в деятельности философского общества, созданного в Эдинбурге. Юм был секретарем этого общества, а вокруг него объединились лучшие умы Шотландии того времени — профессор моральной философии А. Фергюсон, экономист А. Смит, анатом А. Монро, хирург У. Каллен, химик Дж. Блэк, профессор риторики и литературы Х. Блейр и др. Деятельности этого кружка во многом обязан культурный расцвет Эдинбурга во второй половине XVIII в. Впоследствии кружок послужил основой для создания Королевского научного общества Шотландии. На заседаниях философского общества главное внимание уделялось роли права, политических институтов в развитии многообразных общественных связей. Причем темы дискуссий часто бывали подсказаны Юмом. Под его же влиянием члены общества избегали таких политических определений, как

“монархия”, “республика”, “аристократия”, и предпочитали оперировать понятиями “нация”, “страна”, “народ”. Это явно свидетельствовало об их более широком, чем чисто политическое, видении общественной жизни.

Новый этап поисков шотландскими просветителями альтернативных форм гражданского поведения связан с именем Адама Смита. Назначенный в 1752 г. на кафедру нравственной философии университета в Глазго, он одиннадцать лет читал там лекции по этике и юриспруденции. Смит был последовательным защитником товарно-денежных отношений, которые, по его убеждению, освободили человека от развращающей системы зависимости при феодализме. Лишь находясь друг с другом в отношениях производителя и потребителя, считал Смит, люди воспитывают в себе чувство справедливости и вырабатывают навыки цивилизованного общения. Все общество он представлял как бы гигантской мануфактурой, а разделение труда — всеобщей формой сотрудничества людей в интересах “богатства народов” (так назывался его экономический труд). В своей теории Смит отвел рынку ту же функцию, которую его предшественники поручали государству или клубу, — функцию социализации людей. А место гражданства в его системе занял “экономический человек”, моральная свобода которого была обусловлена его ролью в экономической жизни.

Концепцией “экономического человека” Смит поставил чрезвычайно важный и новый для того времени вопрос о мотивах и стимулах хозяйственного поведения. И при этом дал на него глубокий, ничуть не устаревший ответ. Согласно Смиту, главным мотивом хозяйственной деятельности человека является своекорыстный интерес. Но преследовать его человек может, лишь оказывая услуги другим людям. Поэтому каждый отдельный человек, хотя и заботится только о своих интересах, невольно содействует и общественной пользе, или, по словам самого Смита, “он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем не входила в его намерения... Преследуя свои собственные интересы, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это”.

В целом А. Смит исключительно много сделал для развития экономической науки. Достаточно отметить его вклад в разработку трудовой теории стоимости, его анализ структуры общества по отношению людей к средствам производства (что позволило ему говорить о трех общественных классах — наемных рабочих, капиталистах и землевладельцах), известный подход к понятию прибавочной стоимости и т.д. Все это дает основания считать творчество Смита вершиной экономической мысли XVIII в.

Интерес просветителей к экономической теории отражал общее повышение престижа хозяйственной деятельности, наблюдавшееся в Шотландии на протяжении столетия. Тому имеются многие подтверждения, в частности создание в 1723 г. аристократического “Общества поощрения сельскохозяйственных знаний”, которое активно разрабатывало планы подъема шотландской экономики и даже подготовило с этой целью ряд законопроектов, принятых впоследствии парламентом. Один пример показывает, что для части шотландского дворянства участие в подготовке экономических проектов было приемлемой альтернативой политике. Однако немаловажно и то, что эти и другие инициативы в области экономики, исходившие от шотландской просвещенной элиты, так или иначе замыкались на парламенте, государственной власти.

Стремление получить государственную поддержку своим экономическим планам и вся связанная с ними околопарламентская деятельность отражали важную особенность умонастроений шотландской элиты середины XVIII в. Состоявшая в значительной мере из крупных землевладельцев-дворян, она испытывала сильное недоверие к свободной игре стихийных рыночных сил. Не кто иной, как А. Смит, воспевающий преимущества рынка, выражал опасения, что экономические законы, на которых основываются отношения производителей и потребителей, могут привести к социальной и нравственной деградации класса наемных рабочих. “С

развитием разделения труда, — писал он, — занятие подавляющего большинства тех, кто живет своим трудом... сводится к очень небольшому числу простых операций...” Отупляющий труд самым пагубным образом влияет на рабочих. “...В такое состояние, — продолжал Смит, — должны неизбежно впадать трудящиеся бедняки... если только правительство не прилагает усилий для предотвращения этого...” Последнее замечание показывает, что Смит предчувствовал негативные последствия свободного развития рыночных отношений и не видел иной силы, кроме государства, которая могла бы их предотвратить.

Пессимистические нотки относительно перспектив свободных рыночных отношений проскальзывали и в воззрениях Адама Фергюсона. Он исходил из признания в человеке борьбы двух противоположных начал — любви к конформизму и к конфликту. Первое начало выражало стремление человека к благополучию и комфорту, второе — к совершенству. Именно это второе качество, по мнению Фергюсона, и лежало в основе способности человека к добродетели. Производными от него являлись стремление к общению, любовь к родине, жажда приключений, влечение к новым ощущениям, удовлетворяя которые человек только и мог обеспечить себе счастье и процветание общества. Но разделение труда в результате развития товарно-денежных отношений привело к чрезмерному обособлению функций, выполняемых людьми. А это, в свою очередь, опасался Фергюсон, грозило снижением духа соревновательности у людей, ограничивало их возможности проявить себя в новых сферах деятельности, что неизбежно обрекало общество на загнивание.

Однако ближе к концу столетия ведущее место в жизни шотландской элиты заняли ассоциации, члены которых не испытывали страха перед рыночными силами. Их по-прежнему горячо волновали перспективы экономического и социального развития Шотландии, однако они ничего не просили у лондонского парламента, да и вообще не связывались с политикой. Представители нового поколения шотландской просветительской интеллигенции, они окончательно отвергли классический республиканский идеал гражданина. Для них образцом гражданского поведения стал специалист в какой-либо области профессиональной деятельности, знания и усердие которого приносили непосредственно ощутимую пользу. Одним из проявлений новой гражданской этики, выработанной шотландским просвещением, явилось создание многочисленных общественных советов по поощрению различных отраслей экономики.

Умонастроение этого поколения шотландских просветителей лучше всех выразил преемник Фергюсона на кафедре моральной философии Эдинбургского университета Д. Стюарт. Он выдвинул теорию гражданственности, которая обосновывала идеал специалиста-профессионала. Стюарт исходил из того, что подъем торговли и прогресс общества ведут к более равномерному распределению не только богатства, но также свободы и счастья. В отличие от Смита он не считал, что разделение труда и связанные с ним технологические нововведения пагубно влияют на нравственность. Напротив, они избавляют человека от монотонного труда и позволяют ему сосредоточиться на развитии своих духовных качеств. Стюарт полагал, что угроза нравственности исходит от скептицизма, порождающего в человеке сомнения и потому фатального для благосостояния индивида и всего общества. Этому источнику порчи нравов Стюарт противопоставлял “интеллектуальную культуру” элиты, единственно посвященной в истинные принципы человеческой природы. Последняя же постигалась главным образом интуитивно. Фактически Стюарт выступил с апологией нового общественного типа, сложившегося в Шотландии в течение XVIII в. и получившего все более широкое распространение, — представителя сферы профессиональной деятельности, образованного, уверенного в своих силах, устремленного в будущее и озабоченного больше всего эффективностью экономического и социального управления в интересах собственного обогащения, которое является залогом благосостояния и спокойствия всего общества.

ФРАНЦУЗСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Первым произведением литературы, написанным в духе идей Просвещения во Франции, считаются "Персидские письма" Ш. Монтескье, опубликованные в 1721 г. Они появились вскоре после смерти Людовика XIV, повлекшей некоторое смягчение цензуры и ослабление бюрократического контроля за общественной жизнью. Годы Регентства с их относительно большей свободой самовыражения способствовали оживлению критической мысли в обществе и зарождению просветительского движения.

Основными теоретическими источниками французского Просвещения были картезианство и английская философия XVII в., в особенности взгляды Дж. Локка. Философия Декарта ориентировала на объяснение явлений природы естественными причинами, и эта линия была развита в XVIII в. французскими философами-материалистами. Еще более широкое применение нашел в Просвещении разработанный Декартом метод, согласно которому истина должна четко и ясно усматриваться человеческим разумом. Рационалистический метод предписывал философской мысли не преклоняться ни перед какими религиозными догмами и авторитетами. Что касается Локка, то его влияние не ограничивалось областью теории познания, защитой сенсуализма и критикой врожденных идей. Большое влияние на французских просветителей оказали этические воззрения этого философа, а также его учение об обществе и государстве.

В истории Франции XVIII в. периоды некоторого послабления свободомыслию сменялись новыми гонениями, когда правительство пыталось ограничить, сдержать напор новых идей. Добиться этого ему не удалось. Но в результате таких действий между абсолютистским режимом и просветительской элитой постепенно образовалась стена недоверия и вражды. Это политическое противостояние придало яркое своеобразие французскому Просвещению, способствуя радикализации его программы. Таким образом, в процессе своего развития Просвещение изменилось, во многом отошло от своих первоначальных идей и идеалов. Доктринальные изменения сопровождались острыми столкновениями мнений и подходов. Многообразие путей, которыми шло французское Просвещение, сделало его уникальной лабораторией человеческой мысли.

Во Франции Просвещение испытало сильное влияние аристократической культуры. Более того, его возникновение было во многом обусловлено новыми духовными запросами великосветского общества, свободно вздохнувшего после величественного, но удушливого правления "короля-солнце" и жаждавшего новых ощущений и идей.

Аристократическая культура породила едва ли не самую устойчивую и универсальную форму общения элитарных слоев общества — салон. Он служил и способом проведения коллективного досуга, и ареной политической, литературно-художественной и другой интеллектуальной деятельности. Его отличительными особенностями были доверительная, почти интимная атмосфера общения "у домашнего очага", предполагавшая близкие родственные, сословные, служебные и иные отношения между хозяевами и гостями; известная иерархичность межличностных отношений в этом микромире, потому что устроителями салонов являлись без исключения наиболее знатные, высокопоставленные или богатые представители своего круга; активная роль женщин, которые нередко были "душой общества". Кстати говоря, именно благодаря салону женщины заняли значительное место в общественной жизни Франции, какое им не принадлежало еще нигде в Европе, по крайней мере в первые десятилетия XVIII в. Но способствуя установлению большего равенства между полами, эта форма общения отражала отношения социального неравенства. В своем классическом варианте она не допускала сколько-нибудь значительного перемешивания классов и сословий, резервируя все почетные места в великосветских гостиных, как правило, только за представителями аристократии.

Разновидностью аристократической формы общения, особенно распространенной в провинции, были академии. В отличие от салонов, общение в них носило более специализированный характер и было отделено от семейного быта. Но членами академий были также почти исключительно представители дворянства и духовенства. Сословная обособленность салонов и академий препятствовала сближению аристократии с торгово-промышленными кругами третьего сословия. В результате культурная жизнь великосветского общества во Франции была гораздо в большей мере оторвана от интересов и запросов сферы экономической деятельности, чем в Англии.

Просветители заимствовали у аристократической культуры прежде всего салонную форму общения. Некоторые из них сами устраивали салоны, например Гельвеций и Гольбах. Другие же — незнатного происхождения (а таковыми были многие из них — Вольтер, Дидро, Руссо и др.) — довольствовались тем, что были радушно приняты в домах аристократов. В любом случае участие просветителей придавало салонной жизни ярко выраженный оттенок свободомыслия и философско-литературную направленность. Так, по свидетельству современников, в салоне Гольбаха обсуждались философские, политические и религиозные вопросы. Его изюминкой была библиотека, в которой широко была представлена антирелигиозная литература, в том числе и запрещенная цензурой.

Под влиянием аристократической культуры французское Просвещение приобрело особую изысканность и утонченность, даже некоторую фривольность, отчетливо ощутимую во многих произведениях просветительской литературы начиная с упоминавшихся “Персидских писем”. Атмосфера избранности, царившая в салонах, далеких от повседневных нужд и забот громадного большинства французов, проявилась в очевидной склонности просветителей к отвлеченному теоретизированию. Их гораздо больше порой заботила теоретическая смелость, оригинальная форма выражения идеи, чем возможность ее практического применения.

Но имелись и веские политические причины того, почему французские философы рассматривали свои теоретические занятия как самоцель. В отличие от единомышленников в Британии они большей частью и думать не смели о непосредственном — здесь и сейчас — осуществлении своих замыслов. Сменявшие друг друга монархии и правительства, при которых им довелось жить, нельзя было в полной мере назвать ни просвещенными, ни деспотическими. Почти все просветители подвергались того или иного рода преследованиям: Дидро отсидел свой срок в Венсенском замке, Вольтер — в Бастилии, Гельвеций под градом нападков был вынужден подписать отречение от своей книги “Об уме”. Хотя эти преследования не были настолько суровы, чтобы подавить всякое проявление свободной мысли, они в то же время были достаточно жестки, чтобы привести к отчуждению просветителей от правительства. По крайней мере вплоть до 70-х годов они были лишены всякой возможности влиять на политику правительства. В отличие от других абсолютистских монархий Европы во Франции просветители даже не могли рассчитывать на то, что власть имущие их заинтересованно выслушают. Все это отнюдь не побуждало их спешить с разработкой законопроектов. Даже великосветское общество больше ценило в них остроту и блеск ума, чем глубину анализа и тщательность разработки планов будущих преобразований.

Просветители были вынуждены обособиться и от правительства, и от аристократического общества, в котором они были благосклонно приняты, но чувствовали себя в одиночестве. Они стремились к более тесному, неформальному общению с единомышленниками, которого не мог предложить им салон. Так стали проявляться многочисленные кружки по интересам — философские, научные, литературные. Среди них самым значительным, оставившим неизгладимый след в истории культуры, был кружок энциклопедистов, как называли группу создателей знаменитой “Энциклопедии”, выходившей в свет отдельными томами с 1751 по 1772 г. Центром кружка был философ Дени Дидро, его активными членами — Гольбах, Гельвеций, Руссо, Кондорсе, Кондильяк и др. В живом, почти ежеднев-

ном общении они оттачивали свои идеи и вынашивали новые творческие замыслы. Трудности, с которыми столкнулся кружок, в значительной мере отражали положение в обществе и государстве французского Просвещения в целом. Печатаение “Энциклопедии” не раз приостанавливалось по цензурным причинам, авторы и редактор подвергались преследованиям, а тексты — искажениям.

Так силой обстоятельств французские просветители оттеснялись на положение перманентной оппозиции. Политическое противостояние правительству и создало им репутацию потрясателей основ и радикалов, прочно обосновавшихся на левом фланге европейского Просвещения. Но насколько относителен был их радикализм, видно хотя бы из сравнения воззрений таких во многом противоположных мыслителей, как француз Шарль Монтескьё и англичанин Эдмунд Бёрк.

Первый из них прослыл сторонником глубоких конституционных реформ. Будучи решительным противником соединения в одних руках законодательной, исполнительной и судебной властей, Монтескьё требовал не просто разделения функций между различными государственными органами, но и разделения этих властей как политических сил, так чтобы каждая из них могла сдерживать другую. Судебная власть, по его мнению, должна была принадлежать не учреждению, а лицам, по установленному порядку привлекавшимся из народа в состав суда. Законодательную власть народ должен был осуществлять через своих представителей. И лишь исполнительную власть Монтескьё предполагал оставить в руках монарха. В отличие от Монтескьё Бёрка считают закоренелым консерватором. Действительно, он резко критиковал планы общественных преобразований, предлагавшиеся просветителями. В особенности он прославился своими нападками на Французскую революцию конца XVIII в. Причем его критика была продиктована не только осуждением насилия, оттолкнувшего от революции широкие круги просветителей, но и решительным неприятием радикальных перемен вообще.

Но если присмотреться к обоим мыслителям повнимательнее, то между ними обнаружится поразительное совпадение ценностных подходов. Окажется, что оба они выступали рьяными защитниками гражданских прав и свобод. Монтескьё подчеркивал связь политической свободы с правом и ее реальным осуществлением. “Свобода, — писал он, — есть право делать то, что дозволено законами. Если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и прочие граждане”. Со своей стороны Бёрк осуждал стремление короля к единоличной власти, вел кампанию против злоупотреблений колониальной администрации в Индии, требовал уважения прав Ирландии и североамериканских колоний, наконец, добивался гласности дебатов в парламенте и расширения свободы печати.

Более того, они ощущали пределы, в которых только и возможно изменить существующее общество. Монтескьё, разрабатывая свой конституционный проект, исходил не из абстрактной природы человека, а из совокупности объективных предпосылок, определяющих “дух законов” того или иного народа. Среди них он перечислял климат, характер почвы, размеры государства, ландшафт, образ жизни народа, религию, численность населения, хозяйственную деятельность и т.д. Так, он считал, что холодный климат порождает крепких и мужественных людей, жаркий же — расслабленных и малодушных; что в странах с плодородной почвой легче устанавливается дух зависимости, тогда как бесплодие делает людей воздержанными, мужественными и воинственными; что небольшие размеры государства способствуют республиканскому правлению, средние — монархическому, большие — деспотическому и т.д. Но и Бёрк категорически отвергал мысль о возможности перестроить общество по собственному усмотрению. Он критиковал рационалистические концепции Просвещения именно за непонимание органической природы государства и права. Бёрк предупреждал радикалов, что забвение традиций приведет их не к еще большей свободе, как они того хотели, а к анархии, а от нее — к тирании, так что результат будет прямо противоположным ожидаемому.

Что в конечном счете разводило Монтескье и Бёрка на противоположные фланги политического спектра, так это различие в общественно-политических условиях Франции первой половины XVIII в. и Англии второй половины того же столетия. Бёрк мог сколько угодно критиковать порядки у себя в стране и политику лондонского правительства, но при этом продолжал считать английскую конституцию лучшей в мире. Что касается Монтескье, то он, даже признавая целесообразность тех или иных действий правительства своей страны, ни минуты не считал ее государственный и общественный строй разумным и заслуживающим поддержки.

Находясь в оппозиции, французские просветители большей частью были лишены возможности испытать себя практическими делами. Ощукая себя как бы вне времени, они легко поддавались идеализации минувших эпох, особенно республиканского строя античности. Например, Жан-Жак Руссо противопоставлял прямую демократию Римской республики или древнегреческих городов-государств всем формам представительного правления, сложившимся в новое время, даже английскому парламентаризму. “Всякий закон, — писал он в трактате “Об общественном договоре”, — если народ не утвердил его непосредственно сам, недействителен... Английский народ считает себя свободным: он жестоко ошибается. Он свободен только во время выборов членов парламента: как только они избраны — он раб, он — ничто... В древних республиках и даже в монархиях народ никогда не имел представителей; само это слово было неизвестно”. Подобные взгляды наложили глубокий отпечаток на умонастроения французов, вступивших в возраст зрелости незадолго до революции. Став ее участниками, они попытались осуществить идеал античной прямой демократии.

На фоне такого рода непримиримых оппозиционеров и приверженцев идеального “царства разума”, которые от сознания своего бессилия что-либо изменить нередко предавались мессианским мечтам, выделялись физиократы. Эта группа экономистов занимала особое место во французском Просвещении. Физиократы могли гордиться, что к их мнению прислушивались в правительственных кругах. Им даже приходилось держать в руках рычаги государственного управления. В отличие от большинства философов они отдавали силы решению конкретных проблем управления страной.

Общепризнанным главой школы физиократов был Франсуа Кенэ. Являясь личным врачом маркизы Помпадур и одним из медиков короля Людовика XV, он четверть века прожил в Версальском дворце, где на его квартире собирались ученые, философы, писатели. В дискуссиях с Дидро, Д’Аламбером, Гельвецием, Тюрго и другими участниками этих собраний оформились экономические взгляды Кенэ. Основное внимание он уделял развитию сельскохозяйственного производства, считая, что “земля есть единственный источник богатств и что одно только земледелие умножает последние”. В зависимости от отношения к земле Кенэ разделил современное общество на “три класса граждан” — производительный класс, класс собственников и бесплодный класс. К производительному классу он относил земледельцев, которые не только возмещают затраты и кормят себя, но и создают чистый продукт. Получает этот продукт класс собственников — землевладельцы, двор, чиновники государственного аппарата и т.д. К бесплодному классу Кенэ относил ремесленников, промышленных рабочих, фабрикантов, торговцев, прислугу и других, занятых вне сельского хозяйства. Он считал, что все эти категории работников не увеличивают богатства нации, а либо ничего не производят, либо лишь видоизменяют форму продукции, созданной в сельском хозяйстве. Поэтому Кенэ требовал всемерного поощрения производительного класса, прежде всего богатых фермеров, способных интенсифицировать производство. “В деревни следует привлекать не столько людей, сколько богатство”, — подчеркивал он. Выступал он и за реформу налоговой системы с тем, чтобы основная тяжесть налогового бремени была переложена с производителей и потребителей на земельных собственников. Наконец, чтобы торговля и

промышленность возможно дешевле обходились сельскому хозяйству, у которого они были как бы “на содержании”, Кенэ предлагал ввести свободу внутренней и внешней торговли.

Ряд существенных поправок в воззрения физиократов внес другой замечательный представитель этой школы — Тюрго. В частности, внутри классов собственников и бесплодного он увидел различие между “двумя разрядами людей” — предпринимателями-капиталистами и наемными рабочими. Тем самым он приблизился к точке зрения британских экономистов, подразделявших общество на землевладельцев, капиталистов и наемных рабочих, хотя и не избавился от принципиального разграничения промышленности и сельского хозяйства. И все же наибольшую известность Тюрго принесли не теоретические изыскания, а предпринятая им попытка осуществить программу физиократов, когда после смерти Людовика XV в 1774 г. он неожиданно получил должность генерального контролера финансов. Тюрго сразу же приступил к коренной реформе налоговой системы, предполагая ликвидировать откупа, обложить доходы от земельной собственности (фактически отменить налоговый иммунитет дворянства) и облегчить положение промышленности и торговли. Одновременно он ввел свободную торговлю зерном, мукой, добился издания эдиктов об отмене дорожных повинностей крестьян и об упразднении ремесленных цехов и гильдий. Однако все эти меры натолкнулись на ожесточенное сопротивление тех социальных сил, которые были ими угнетены, — придворных кругов, дворянства, цеховой верхушки и т.д. Отставка Тюрго в 1776 г. предreshила судьбу его реформ — почти все они были вскоре отменены.

Провал реформ еще более усилил отчуждение между просветителями и старым порядком. Главная опора последнего (крупные землевладельцы) осталась глуха к призыву физиократов повысить доходность сельского хозяйства путем введения свободы торговли и улучшения агрикультуры. Они предпочли путь усиления феодальной эксплуатации, оказавшийся губительным для старого порядка. Лишь в условиях предреволюционного кризиса вновь забрезжила возможность осуществления реформ в духе Просвещения.

Значительное влияние на облик французского Просвещения оказал и его конфликт с католической церковью, которая была не только одной из опор, но и частью системы абсолютизма. Особое недовольство просветителей вызывала церковная цензура, открыто преследовавшая свободомыслие и причинившая им немало страданий. Возможность компромисса, наподобие того, который сложился между англиканской церковью и Просвещением в Англии, исключала идеологическая жесткость галликанской церкви, не допускавшая отступления от догм католического вероучения. В этих условиях отношения просветителей с церковью неизбежно политизировались. Свойственный большинству из них философский деизм приобрел воинственно антиклерикальный оттенок, а критику религиозных догм, даже самую умеренную, окружил ореол отчаянной смелости и радикализма. Без учета этого обстоятельства нельзя понять противоречий, например, в воззрениях Вольтера. Известно, что свои письма к единомышленникам этот философ часто заканчивал призывом: “Раздавите

Тюрго

гадину!” — вроде того, как Катон в свое время призывал к разрушению Карфагена. Подчеркнуто антиклерикальный характер носили и многие его сочинения начиная с философских повестей и кончая многотомным “Опытom о нравах и духе народов”. Но этот мотив творчества Вольтера отнюдь не свидетельствовал о его полном отходе от церкви и религии. Он утверждал, что религия необходима как опора морали. “Вера в бога, — писал Вольтер, — вознаграждающего за добрые поступки и наказывающего за дурные, а также прощающего небольшие проступки, является для человеческого рода самой полезной верой.” Антиклерикализм Вольтера скорее выражал его гневный протест против преследований за инакомыслие.

Начиная с середины XVIII в. антицерковную тональность французского Просвещения еще больше усилила деятельность философов-материалистов — Дидро, Гольбаха, Гельвеция и др. Их критика религии и церкви, не всегда отличавшаяся большой последовательностью, была несравненно глубже, а порой и резче, чем у деистов. Так, многие из них, стремясь освободить народы от пут традиционных религий, прежде всего христианства, выражали мнение о необходимости некоей “естественной” религии для народа. Лишь Гольбах выступал за освобождение человечества от гнета всякой религии, утверждая: “Нет никакой реальной разницы между религией и самым рабским и невежественным предрассудком”.

В последние десятилетия перед революцией конца XVIII в. один за другим ушли из жизни мыслители, с именами которых были связаны возникновение и расцвет французского Просвещения. Его основополагающие ценности и в то время остались неизменными. Однако внутри движения произошла дифференциация. Часть просветителей нового поколения, разочаровавшись в спекулятивной философии, повернулась лицом к животрепещущим проблемам социального и экономического развития. Это были физиократы и последователи их учения — Тюрго, Неккер, а также ученые-естествоиспытатели, такие, как Лавуазье, или мыслители с ярко выраженными естественнонаучными интересами вроде Кондорсе. Им отчасти удалось преодолеть то состояние отчужденности, в котором пребывали просветители старшего поколения, хотя о полной интеграции с государственной и общественной системой нельзя говорить. В правительственных “верхах” к их мнению иногда уже прислушивались, однако из этого практически мало что следовало.

Другая часть просветителей еще дальше ушла по пути неприятия действительности. Они окончательно разочаровались в рационалистическом методе познания человека и общества, целиком обратились к чувству. Это настроение ярко отразил в своем творчестве Ж.-Ж. Руссо, которого небезосновательно считают идеологом предромантизма. “Нет ничего в интеллекте, чего бы не было в чувствах”, — заявлял он. Свой протест против действительности сторонники такого взгляда обосновывали высшими моральными ценностями.

Учение Руссо сводилось к требованию вывести общество из состояния всеобщей испорченности нравов. Выход виделся ему не только в правильном воспитании князей или материальном и политическом равенстве граждан. Радикализм позиции Руссо коренился в его моральном мышлении: “...Всякий человек добродетелен, когда его частная воля во всем соответствует общей воле”. Он прямо связывал мораль с политикой, общественным строем. Главный вопрос, который он ставил перед социальной философией, гласил: “...Какова природа государственного устройства, способного создать народ самый добродетельный, самый просвещенный, самый мудрый?..” Этика Руссо во многом противостояла сенсуализму Локка, Гельвеция и других философов, исходивших из понятия себялюбия, разумного эгоизма, правильно понятого интереса и т.д. В отличие от них Руссо стремился осуществить непосредственно соответствие между внутренним миром человека и общественным интересом, общим благом. Требование экономического равенства собственников и равноправия граждан он дополнял идеей полного братства людей.

Руссо и его последователи разделяли общую веру просветителей в природу как гармоническую систему, частью которой был человек, ведомый провидением. Их выделяло главным образом убеждение, что сам человек разрушил это гармоническое “естественное состояние” и окружил себя противоречащими закону природы учреждениями, которые извратили его собственную природу, обрекли его на бедствия и страдания. “...Исчезло равенство, появилась собственность... — писал Руссо, — и обширные леса превратились в радующие глаз нивы, которые надо было орошать человеческим потом и на которых вскоре были посеяны и выросли вместе с урожаем рабство и нищета”. Цивилизация настолько изменила людей, что отказаться от нее они уже не могли. Но если нельзя было вернуться к “естественному состоянию”, то еще можно было, устранив чрезмерное неравенство в обществе, восстановить утраченные добродетели как бы на новой основе. Сделать это неимоверно трудно, потому что на страже неравенства стоит деспотизм, силой удерживающий подданных в повиновении. И чтобы низвергнуть его, тоже требуется сила: “Восстание, которое приводит к убийству или к свержению с престола какого-нибудь султана, — это акт, столь же закономерный, как и те акты, посредством которых он только что распоряжался жизнью и имуществом своих подданных”. Этой мыслью вдохновлялось целое поколение революционеров конца XVIII в.

Это поколение глубоко впитало отвращение Руссо к себялюбию и эгоистической морали, а вместе с этими моральными качествами — и ко всему общественному укладу, основанному на свободной игре рыночных сил. Критикуя, как физиократы, средневековую регламентацию торгово-промышленной деятельности, Руссо тем не менее был противником свободы торговли. Он считал, что государство должно направлять торговлю и промышленность в соответствии с общим благом, следить за правильным распределением продуктов питания, денег и товаров. Отрицательное отношение к свободе торговли имело у Руссо и его последователей этическое обоснование. Они считали, что торговля, равно как и другие атрибуты цивилизации — богатство, науки, искусства, способствует порче нравов. Стремясь возродить утраченные добродетели, они объявляли основным носителем последних народ, трудящиеся низы общества, поскольку они меньше всего подверглись пагубному воздействию цивилизации и поэтому в наибольшей мере сохранили нравственность и здоровье. Но простодушный народ, рассуждали они дальше, не способен понять, в чем состоят его истинные интересы. Это его делает легкой добычей всяких авантюристов и лжепророков. Чтобы уберечь народ от опасностей, ему нужен преданный его интересам и мудрый поводырь, предназначения которого воплощаются в законах и политике государства. Считая государство главным инструментом исправления нравов, руссоисты придавали большое значение созданию государственной системы образования, а также государственной религии, которая санкционировала бы моральные ценности обновленного мира.

Идея нравственного возрождения общества политическими методами — народным восстанием, огосударствлением широких сфер общественной жизни —

Вольтер

придала яркое своеобразие французскому Просвещению последних пред-революционных десятилетий. В ней преломились две тенденции в общественном сознании — его политизация и рост традиционных хилиастических настроений в условиях нарастания общественно-политического кризиса. Нигде в Европе эта идея не была сформулирована с такой четкостью и не получила такого широкого распространения в обществе, как во Франции. Якобинский террор, для обоснования которого она была использована, еще больше усилил размежевание в европейском Просвещении. В свою очередь, стремление к нравственному идеалу, даже почерпнутому в прошлом, дало толчок беспрецедентному росту критически-утопической мысли, все более уповавшей на магическую силу государственной власти.

ИТАЛЬЯНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

В такой раздробленной стране, как Италия XVIII в., просветительское движение в свою очередь не было единым. Оно распадалось на отдельные региональные группы, слабо связанные между собой. Положение просветителей в Италии осложнялось тем обстоятельством, что здесь власть папского престола ощущалась несравненно сильнее, чем в других католических странах Европы. Церковный обскурантизм был для них серьезнейшим препятствием, не считаться с которым было невозможно. В этих условиях большинство просветителей демонстрировало лояльность по отношению к католической церкви, максимально приглушая те мотивы в своем творчестве, которые могли бы вызвать ее гнев. Лишь немногие открыто выступали с антиклерикальных позиций, сознательно обрекая себя на лишения и жертвы. В целом отсутствие достаточно широких политических и духовных горизонтов обусловило преимущественно практический уклон итальянского Просвещения, основные достижения которого связаны с разработкой практических проблем экономики, управления, юстиции и т.д.

Очагами Просвещения в Италии были университеты, вокруг которых группировалась свободомыслящая интеллигенция. Старейшие в Европе, они пользовались исключительно высокой репутацией в эпоху Возрождения, но к началу XVIII в. во многом сдали свои позиции. Все же вековые научные и педагогические традиции, богатые библиотеки и относительные академические свободы позволили университетам остаться крупными центрами культуры, поддерживавшими престиж столичных городов.

В начале XVIII в. Неаполь был столицей испано-австрийских владений на Юге Италии, и лишь с 1734 г. — независимого королевства. Атмосферу этого города определяли праздность и утонченный гедонизм дворянства, а также вездесущность духовенства. В Неаполе насчитывалось несколько десятков монастырей. Имелся и представитель “святейшей инквизиции”. Обычным делом были публичные обличения еретиков, после чего нередко происходили аресты среди интеллигенции. Между тем именно в Неаполе раскрылся талант одного из самых оригинальных мыслителей итальянского Просвещения — Джамбаттиста Вико, который несколько десятилетий преподавал в университете, пока не получил должность придворного историографа.

Первым из философов нового времени Вико глубоко обосновал идею объективного характера исторического процесса. Он показал, что возникновение государственности и изменение ее форм обусловлены социальными причинами, а именно противоречиями различных общественных сил. Вико считал, что первые государства были созданы в результате борьбы патриархов с непокорными рабами. Они возникли в форме аристократических республик. Но концентрация власти в руках аристократов еще более усилила социальное неравенство, получившее закрепление в правовой и идеологической сферах. Это послужило источником “великих движений и революций”, благодаря которым

порабощенные постепенно отвоевали свои права, прежде всего право собственности на занимаемые ими участки земли. А когда они освободились и от личной зависимости, рухнули самые основы господства аристократии.

Будучи сыном своего века, Вико придавал большое значение борьбе сословий за равноправие. Но он явно не был склонен к идеализации той демократии, которая должна была возникнуть в результате этой борьбы и законы развития которой он изучал на античном материале. Устранение аристократии, по его мнению, давало свободу стремлению к наживе, что лишало общество механизмов самосохранения, дробило его на массу "распыленных", частных интересов. Накопление богатств у отдельных граждан приводило к усилению социального неравенства, возникновению противоборствующих партий, стремящихся к расширению своей власти и уничтожению соперников. Между ними вспыхивала гражданская война, окончательно погружавшая общество в анархию. Но взаимное истребление обескровливало враждующие группировки, и в условиях некоего вакуума власти на сцену выступала авторитарная личность, провозглашавшая себя единственным правомочным выразителем "народной воли". Так учреждалась монархия — последняя и наиболее устойчивая форма государственности. Вико ставил себе в заслугу открытие этого "вечного и естественного Царского закона" превращения демократии в монархию: "От пагубной подозрительности Аристократии, через волнения Народных Республик, нации в конце концов приходят к тому, что находят покой в Монархиях".

Историзм воззрений Вико на развитие общества не был, однако, по достоинству оценен современниками. Более того, в какой-то мере он оказался даже неприемлем для просветителей. Вывод о том, что общество развивается по каким-то внутренним законам, которые нельзя отменить, и что это развитие заключается в определенной смене его состояний, прежде всего государственных форм, которые нельзя выбрать по собственному усмотрению, легко было истолковать в духе оправдания действительности. Но большинству просветителей хотелось верить в возможность переустройства мира в соответствии с доводами разума, не считаясь с тем наследием, которое предстояло "преодолеть". Судьба Вико — это судьба мыслителя, опередившего свое время. Его труды прошли почти незамеченными современниками и лишь в XIX в. привлекли к себе внимание.

В этом смысле повезло больше Антонио Дженовези, который возглавлял в университете Неаполя кафедру политической экономии — первую такого профиля в Европе. Его доводы в пользу подъема сельскохозяйственного производства, критика феодальных порядков и предложения о перераспределении земельной собственности нашли поддержку в просветительских кругах, особенно после того, как Неаполь испытал в 1764 г. смертельный голод. Его популярности способствовала и общеполитическая ситуация в Неаполитанском королевстве в 60—70-х годах, когда правительство возглавлял сторонник умеренных реформ Тануччи. Последователи Дженовези пошли в критике существующих порядков еще дальше. Они распространили его вывод о необходимости упразднения внутренних пошлин в Неаполитанском королевстве на всю Италию, выразив сомнение в целесообразности таможенных барьеров и в пределах всего полуострова. Тем самым итальянское Просвещение сформулировало, хотя и косвенно, важную политическую цель — объединение страны.

По сравнению с Неаполем общественная атмосфера Милана более благоприятствовала просветителям. Правительства императрицы Марии Терезии и ее сына Иосифа II, власть которых распространялась на Ломбардию, проводили во второй половине XVIII в. реформы в духе просвещенного абсолютизма, совершенно немыслимые на юге. Но если политически Милан подчинялся Вене, то интеллектуально он находился под влиянием Парижа. Именно в кружке молодых миланцев, увлекавшихся трудами французских просветителей, оформились идеи Чезаре Беккариа, изложенные им в трактате "О преступлениях и наказаниях".

Беккария прямо исходил из концепции общественного договора Руссо, считая, что люди отказались от естественной свободы и создали гражданское общество по взаимному согласию. Но, объединившись в общество, они не отвергли свободу вообще. Они “пожертвовали лишь долей свободы, чтобы затем спокойно и в безопасности наслаждаться остальной ее частью”. Целью гражданского общества Беккария провозгласил “возможно большее счастье для возможно большего числа людей”. Автором формулы был шотландский моралист Ф. Хатчесон. Но Беккария первым дал ей общественно-политическое толкование, и именно с его легкой руки она в дальнейшем вошла в политическую литературу. Беккария заявлял, что государство и законы призваны обеспечивать безопасность и свободу граждан. А поскольку в действительности все обстояло наоборот, он выдвинул задачу коренного преобразования правовых и политических институтов, их приведения в соответствие с принципами естественного права. Причем осуществление этой реформы он связывал с решением более общей задачи нравственного обновления человечества путем просвещения.

Все же главное внимание Беккария уделял критике феодальной юстиции и обоснованию гуманистических принципов уголовного права. Существующее уголовное право, по его мнению, было не правом, а насилием, поскольку противоречило естественному закону. В частности, Беккария решительно осуждал пытки и другие методы принуждения обвиняемого к даче порочащих его показаний. Он считал, что деятельность органов правосудия должна быть основана на законе, требовал буквального толкования законов и признания преступлением только того, что предусмотрено законом. Он был решительно против произвольного отнесения каких-либо поступков к числу юридически наказуемых. Беккария обосновал подход, согласно которому правонарушениями считаются только действия, посягающие на свободу человека в гражданском обществе или препятствующие осуществлению его прав. Тем более, по его мнению, было недопустимо рассматривать в качестве правонарушений слова или мысли людей. Беккария подчеркивал преимущества гласного судопроизводства, выступал против смертной казни, считая возможным заменить ее пожизненным заключением; доказывал, что лучше предотвратить преступление, чем потом наказывать преступника.

Трактат “О преступлениях и наказаниях” мгновенно сделал Беккария европейской знаменитостью. Хвалебный отклик на него опубликовал Вольтер, свое восхищение выражал И. Бентам, появились многочисленные переводы на иностранные языки. Разумеется, не было недостатка и в критических выпадах. Автор одного из них, отец Ф. Факкини, объявил Беккария врагом христианства, его теорию назвал “социализмом”, а ее сторонников — “социалистами”.

Просветительские кружки существовали и в других крупных городах Италии — Венеции, Риме, Парме, Модене, Генуе и др. Члены их знакомились с просветительской литературой, обсуждали злободневные проблемы, предлагали пути повышения продуктивности сельского хозяйства, пытались бороться с засильем церкви. Однако по масштабу своей деятельности и силе влияния они, бесспорно, уступали таким культурным столицам итальянского Просвещения, как Неаполь и Милан. Тому имелись объективные причины: далеко не везде можно было найти покровителей в лице просвещенных монархов, как это было в Ломбардии и другом итальянском владении австрийских Габсбургов — Тоскане, или пользоваться поддержкой министров-реформаторов, как в Неаполе.

К Просвещению тесно примыкало реформаторское движение внутри католической церкви, близкое по духу французскому янсенизму. Участники этого движения в большинстве были учеными-богословами, преподавателями католических семинарий, хранителями монастырских библиотек и т.д. И хотя предметом их забот были преимущественно внутрицерковные дела, многое их сближало с просветителями. Итальянские янсенисты осуждали церковный

обскурантизм, защищали науку и просвещение, боролись за удаление иезуитов из учебных заведений. Подобно просветителям они стремились к неформальному общению между собой, регулярно собирались для обсуждения волнующих тем. Их выступления в печати, по необходимости весьма умеренные и осторожные, тем не менее привлекали внимание общественности и вызывали споры.

Страна таких контрастов, которые едва ли не во всех сферах жизни отличали Италию XVIII в., породила и совершенно необычные типы деятелей просветительского движения, почти не имеющие параллели в других европейских странах. Один из них, несомненно, был представлен легендарным корсиканцем Паскуале Паоли. Воспитываясь в Неаполе, он проникся идеями Просвещения, достаточно свободно обсуждавшимися общественностью этого города. Молва, правда, приписывала ему посещение лекций Дженовези. Однако скорее всего Паоли был самоучкой или, как выразился один историк, “любителем итальянского Просвещения”, который читал Монтескьё и античных историков, верил в силу воспитания, стремился к мудрому правлению для своей страны, ненавидел обскурантизм и папство, наконец, желал более справедливого разделения благ. Вернувшись в 1754 г. на Корсику, Паоли встал во главе восстания против генуэзских властей, которое за несколько лет превратило разделенные на феодальные кланы соперничающие общины и враждующие семьи корсиканцев в народ, борющийся за свою свободу против чужеземного деспотизма. Общество, возникшее в результате этого восстания, представляло собой причудливую смесь патриархальных порядков с элементами государственности вполне в духе Просвещения. Неудивительно, что корсиканский “эксперимент” привлек внимание просветителей во всей Европе, которые расценили его как попытку реализовать цели их движения. Руссо даже подготовил “Проект конституции для Корсики” в надежде “помочь народу установить у себя в стране такое правление, которое сохранит ему крепость и здоровье”.

Своеобразной фигурой итальянского Просвещения являлся и Фердинандо Гальяни. Писатель, археолог и экономист, он внезапно прославился благодаря своей книге “Диалоги о торговле хлебом”, опубликованной в Париже, где он занимал должность секретаря неаполитанского посольства. В этой книге Гальяни подверг критике тезис физиократов об универсальном значении принципа свободы торговли. Он считал, что нужно учитывать различия в экономических условиях, ибо страны бывают аграрные и промышленные, отсталые и развитые, бедные и богатые природными ресурсами. В особенности же не согласен был Гальяни с мнением физиократов, что главной отраслью экономики всегда и везде является сельское хозяйство. История подтвердила проницательность Гальяни. Однако в просветительских салонах Парижа его книга вызвала раздражение, физиократы заклеили его как реакционную. Так что эта полемика лишь оттенила отличия итальянского Просвещения от французского — меньшую степень его политизации и — вследствие этого — меньшую приверженность идеологическим клише.

ПРОСВЕЩЕНИЕ В ГЕРМАНИИ

Просвещение на немецкой земле представляло собой еще более сложное и противоречивое явление, чем в охарактеризованных выше странах. Начать хотя бы с того, что Германия XVIII в. была конгломератом нескольких относительно крупных и множества мелких и мельчайших государств, существенно различавшихся в социально-экономическом, политическом и конфессиональном отношении. Разнообразие условий наложило отпечаток и на просветительское движение. Зачастую многое в его судьбе зависело от тех пределов свободы-мысли, которые иной государь считал допустимыми в своих владениях. А поскольку в XVIII в. религия во многом определяла духовную жизнь общества,

различия между протестантским Севером и католическим Югом также отразились на немецком Просвещении.

В протестантских землях новые идеи стали предметом широкого обсуждения начиная приблизительно с 60-х годов, а в католических — и того позже. В их распространении большую роль сыграли университеты. Однако главным проводником этих идей являлась лютеранская церковь. Ее роль была настолько значительна, что на немецкой земле идеология Просвещения превратилась в своего рода светскую теологию протестантизма. Лютеранство во многом послужило источником Просвещения и на католическом Юге.

Распространению новых идей способствовала интенсивная культурная жизнь провинций. Развитием этой сферы общественной жизни Германия как бы компенсировала свою раздробленность, обрекавшую страну на политическое ничтожество. Многие германские монархи, не имея возможности утвердить свой авторитет великодержавными методами, стремились прославиться меценатством. И действительно, в XVIII в. Германия поражала плотностью размещения различных культурных учреждений. Только в пределах Священной Римской империи (которые не совпадали с границами немецкого этноса) насчитывалось 37 университетов, в том числе в Саксонии с населением около 2 млн человек — 3 университета. Предметом гордости монархов были придворные композиторы, музыканты, артисты, художники. Один из самых блестящих дворов в Германии, саксонский, содержал в 1716 г. оркестр, французский хор и балет, а также театр. Нельзя не учитывать и почета, которым была окружена в Германии французская культура, что также облегчало проникновение в страну идей французского Просвещения.

Один из парадоксов немецкого Просвещения заключался в том, что оно нередко получало импульсы “сверху”. Например, в Пруссии инициатором публичного обсуждения новых идей выступил сам король Фридрих Великий. В дискуссии, проводившейся на страницах периодической печати и растянувшейся на несколько лет, принял участие профессор логики и метафизики университета в Кенигсберге Иммануил Кант. Тогда он и сформулировал свою концепцию Просвещения как освобождения индивида, но лишь в моральном и интеллектуальном смысле этого слова, а отнюдь не политическом. Тем самым выдающийся философ обозначил одну из характерных черт немецкого Просвещения — его преимущественно теоретический характер. В ней, как в капле воды, отразилось состояние немецкого общества второй половины XVIII в., провинциальный уют и спокойствие которого еще не были потревожены отдаленными раскатами грома надвигающихся социальных и политических потрясений.

Разумеется, и в Пруссии Просвещение было не только литературным и философским движением. Но разработанные в его рамках планы реформ не ставили целью глубокие преобразования в общественном строе. Большинство немецких просветителей испытывали священный ужас перед политическим радикализмом. Лишь некоторые из них выражали готовность встать под знамя “абсолютного просвещения” всего общества, начиная с самых его низов. В дальнейшем из этого течения сформировалась “партия” немецких якобинцев. Но остальные просветители стояли на позициях “относительного просвещения”. Они считали, что представители всех социальных слоев должны получать образование в соответствии с их положением в обществе. Это позволило бы им лучше справляться с теми обязанностями, которые налагали на них общество и государство. Поэтому центральным пунктом их программы была реформа образования. Нужно признать, что деятельность просветителей в этой области принесла ощутимые позитивные плоды. Они добились расширения сети начальных школ. При их активном участии была разработана и осуществлена концепция профессионального и специального обучения в целях подготовки квалифицированных кадров для ремесла, сельского хозяйства, торговли и госу-

дарственной службы. Коммерческие училища, созданные по инициативе просветителей, с успехом функционировали и в XIX в. Но такое утилитарное истолкование задач обучения, разумеется, было недемократичным. Просветители не ставили вопрос о предоставлении политических прав и свобод всем гражданам.

Утилитаризм и политическая робость просветительского движения в Германии во многом объяснялись его социальным обликом. Новые идеи получили распространение главным образом среди дворян, являвшихся господствующим классом, и разнообразных профессиональных категорий служилого люда — армейских офицеров, дипломатов, чиновников гражданской службы, преподавателей учебных заведений и т.д. Представители этих социопрофессиональных категорий и образовали просветительскую элиту в Германии. Как и в других странах Европы, она выработала свои специфические формы общения и общественной деятельности, такие, как общества по интересам, масонские ложи, и пр. Члены этой элиты составляли значительную часть подписчиков и читателей периодических изданий, являвшихся в 70—80-х годах рупорами просветительских идей. О том, насколько была немногочисленна их аудитория, свидетельствуют весьма скромные, даже по европейским меркам того времени, тиражи основных органов печати. Так, одно из самых влиятельных изданий, "Литератур-цайтунг" ("Литературная газета"), выходило лишь двумя тысячами экземпляров. А нравоучительные еженедельники, столь популярные в Англии, вообще влачили эфемерное существование. Да и на что могли рассчитывать издатели газет и журналов, если общее число книг, напечатанных в Германии в 60-е годы, не превышало уровня начала XVII в.

Но все же самой поразительной чертой этой элиты была не малочисленность, а то, что она была тесно связана с государством и зависима от него. Государственная служба являлась для значительной части основным каналом повышения социального статуса и, можно предполагать, немаловажным источником дохода. Именно в этом обстоятельстве можно усмотреть главный корень того прикладного толкования, которое давалось Просвещению в Германии, — ведь обязательным условием поступления на государственную службу и было соответствующее образование и воспитание. Весьма точно положение просветительской элиты в обществе и государстве отразил известный афоризм: "Образование делает свободным". Для просвещенного немца второй половины XVIII в. свобода заключалась прежде всего в слиянии с государством.

Кроме личных мотивов, просветителей связывали с государством еще и религиозные и философские традиции. Учитывая известную близость между протестантской теологией и Просвещением, вряд ли можно сомневаться, что учение Лютера о божественном происхождении светской власти и абсолютной необходимости ей повиноваться оказало большое влияние на мировоззрение просветителей. Вместе с тем на отношение просветителей к государству повлияли и традиции средневековой камералистики, хранителями которой были университеты. Предназначенные для подготовки чиновников государственного управления лесным, сельским и т.д. хозяйством, так называемые "камеральные науки" служили теоретическим обоснованием всестороннего вмешательства государства в жизнь общества и в этом качестве оказались небесполезны и в эпоху просвещенного абсолютизма.

С конца XVII в. в немецкой общественной мысли теории естественного права и договорного происхождения государства уживались с апологетикой абсолютной монархии. Их соединил еще Самуэль Пуфендорф, которого иногда называют пионером немецкого Просвещения. В качестве носителя единой верховной власти в государстве он предпочитал видеть неограниченного монарха, которому бы принадлежало право жизни и смерти над своими подданными. Абсолютистски-монархическая форма правления устраивала и Христиана Томазия. Ему хотелось бы только, чтобы эта власть заботилась о благе

подданных, оберегала покой и мир в государстве, поддерживала справедливость. Воззрения Христиана Вольфа мало чем отличались от трактовки основных проблем государственности Пуфендорфом и Томазием. В общем усилиями этих философов к середине XVIII в. в немецкой общественной мысли сложилось понимание монарха как единственного толкователя и проводника естественного права. Объективно тем самым снималось противоречие между естественным и позитивным правом. Из орудия критики существующего государства естественное право превращалось в его главную идеологическую опору.

На фоне общей робости политико-правовой мысли Германии смелостью и последовательностью отличались воззрения И. Канта. Справедливо считается, что он своим творчеством подвел итог теоретическим изысканиям эпохи Просвещения. Вместе с тем этот философ решительно выступил против утилитарной редукции морали, лежавшей в основе большинства современных ему концепций государства и права. Убеждение, что добрые дела можно совершать лишь “с задней мыслью”, в расчете на успех или награду, он отвергал как “радикальное зло”. Ибо такая нравственная установка требует от человека приспособления к обстоятельствам, из которых самое важное — отношение к нему власть имущих. Поэтому эгоизм, даже разумный, толкает к релятивизации норм нравственности — раболепию “бесправных” низов общества, лицемерию неуверенных в своем завтрашнем дне “средних слоев” и гедонистической беззастенчивости упоенных властью “верхов”. Кант показал, что эгоизм является стержнем всех жизненно-практических отношений в условиях неограниченной монархии. Тем самым он выразил свое отношение к абсолютизму, столь милому сердцам многих его просвещенных соотечественников. Этому принципу он противопоставил императивное истолкование нравственности: “Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился к нему так же, как к средству”. Объявляя личность самоцелью общественной организации, Кант боролся с представлениями об оправданности безоговорочного подчинения личности государственным интересам.

Кант являлся одним из создателей концепции “правового государства”, согласно которой назначение последнего не в заботе о практических потребностях членов общества, а в поддержании режима справедливости между ними, в совершенствовании права и т.д. В кантовском истолковании “общественный договор” заключали между собой морально полноценные люди, которые не нуждались в отеческой опеке со стороны государства. “... *Правление отеческое*, — писал он, — при котором подданные, как несовершеннолетние, не в состоянии различить, что для них полезно, что вредно... такое правление есть величайший *деспотизм*...” Заключая общественный договор, люди не жертвовали своей свободой, а лишь создавали правовые условия для более надежного и упорядоченного пользования ею.

Кант разделял идею государственного суверенитета, включая и то положение, что каждый человек сам знает, что следует предпринять властям по затрагивающему его делу. Гарантию от деспотизма он видел не в формах правления (республика, монархия), а в разделении законодательной и исполнительной власти. Кант допускал, что и при демократии часть граждан будет несогласна с политикой правительства и захочет ее изменить. Но оправданными Кант считал лишь такие их действия, которые не нарушают существующие законы, не дискредитируют государство и не направлены на его ниспровержение. Он выступил с обоснованием правовых форм и методов борьбы за изменение общественно-политического строя, которые предполагают путь постепенных реформ “сверху” и исключают грубое насилие “снизу”.

Таким образом, в идеологическом плане немецкое просвещение представляло собой причудливую смесь новаторства и традиций, результатом чего явилось ярко выраженное стремление к утилитаристским реформам в рамках

традиционного социально-политического порядка. Это стремление нередко встречало поддержку и в правительственных “верхах” германских государств, причем не столько из-за сочувствия власти имущих к просветительским целям, сколько благодаря их склонности к патернализму. И тогда удавалось осуществить некоторые реформы, например, в области образования или аграрных отношений.

Глава 6

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И КУЛЬТУРА РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

В России, как и в других европейских странах, переходная эпоха от феодализма к капитализму породила идеологию Просвещения, которая стала наиболее важным и ярким течением русской общественной мысли в XVIII в.

Вопрос о сущности, особенностях и хронологических гранях русского Просвещения до сих пор не получил в отечественной историографии общепринятого решения. Особенно большие разногласия вызывает определение его начального этапа. Одни историки относят зарождение русского Просвещения к 20—30-м годам XVIII в. и связывают его с именами таких мыслителей, как И.Т. Посошков, В.Н. Татищев, А.Д. Кантемир. Другие не согласны с этим и отводят названным деятелям в лучшем случае роль “предтеч”, предвестников идеологии Просвещения. Рассмотрим тот период русского Просвещения, который ни у кого не вызывает сомнений. Он охватывает вторую половину XVIII в. и начинается с деятельности М.В. Ломоносова, который многое сделал для того, чтобы широкие массы народа получили доступ к просвещению и науке. Особенно важно подчеркнуть его борьбу за то, чтобы представители народа, крестьянства могли получить не только обычное, школьное образование, но и высшее, университетское. Сам выходец из простого народа, Ломоносов знал, какие неисчерпаемые силы таятся в нем, и делал все, чтобы освободить народ от крепостнических пут, создать условия для наиболее полного его развития. Ломоносов вообще придавал большое значение делу распространения просвещения и научных знаний в стране и своей первой обязанностью считал заботу о том, чтобы “в России ученые мужи размножались и науки распространялись и процветали”.

Важной стороной взглядов и деятельности М. Ломоносова как просветителя была его борьба за освобождение науки от засилья религии. Ф. Энгельс писал об эпохе Просвещения, что “теперь наука восстала против церкви”¹. В России это восстание возглавил Ломоносов. Он открыто выступил за самостоятельность науки и независимость научных исследований, против претензий богословов заменить науку религией, требовал, чтобы духовенство “не привязывалось” к науке и не смело “ругать наук в проповедях”. Он боролся против учреждения богословского факультета в основанном по его инициативе Московском университете, так как считал, что “по псалтыри” нельзя научиться “астрономии и химии”, и замечал, пусть уж “богословский” останется “синодальным училищем”. Большую известность приобрел его памфлет в стихах “Гимн бороде”, который в рукописных копиях тайно распространялся в Петербурге. В нем он зло высмеивал невежество, тупость и ложь определенной части служителей церкви, и члены Синода обвиняли его, что тут он “всех святых отец учении и предания похулил”.

Ломоносов, как и многие другие просветители его времени, большие надежды возлагал на деятельность “просвещенных монархов”, к которым в России он

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 307.

относил Петра I. По его мнению, правители не только сами должны быть просвещенными, но и заботиться о распространении образования и просвещения в народе, вообще проявлять заботу о народном благе. Именно они должны были проводить в жизнь идеи и предложения, которые высказывали просветители.

На смену Ломоносову в 60—80-е годы XVIII в. приходит новое поколение русских просветителей. Среди них почетное место занимают А.Я. Поленов, Я.П. Козельский, Г.С. Коробьин, С.Е. Десницкий, Д.С. Аничков, Н.И. Новиков, Д.И. Фонвизин, А.Н. Радищев и ряд других выдающихся ученых публицистов и писателей. Их идеология и деятельность характеризуются следующими общими чертами.

Главным, центральным вопросом для русских просветителей этого времени был крестьянский вопрос, проблема освобождения крестьян от крепостной неволи. Эта особенность русского просветительства не была случайной, она определялась и обуславливалась всей обстановкой в стране. Как мы видели выше, именно в те годы власть дворянства над крестьянами и крепостнический гнет достигают своего апогея. Вместе с тем становится все более очевидным, что крепостное право превратилось уже в тормоз для дальнейшего развития экономики и культуры. Не могла не влиять на позицию передовых людей своего времени и героическая борьба крестьян за освобождение, их непрерывные волнения и восстания, переросшие в середине 70-х годов в самую мощную в истории России крестьянскую войну. Большое влияние на воззрения русских просветителей оказывали идеи западноевропейского, особенно французского и немецкого, Просвещения, широко известные в России благодаря многочисленным публикациями. Однако главное, что формировало идеологию русских просветителей, была сама российская действительность того времени.

В 1766 г. Вольное экономическое общество объявляет конкурс на тему о целесообразности предоставления крестьянам земельной собственности, в котором принял участие и А.Я. Поленов, бывший солдатский сын, работавший переводчиком в Академии наук. Он представил на конкурс записку под названием "О крепостном состоянии крестьян в России". В ней он, исходя из теории естественного права, выступает против положения об извечном существовании рабства и утверждает, что когда-то крестьяне были свободными и лишь потом были закрепощены. Вообще все сочинение Поленова проникнуто сочувствием крестьянам, защитой интересов их, а не дворян, как у большинства участников конкурса. Он рисует тяжелое положение крестьян, которые "печальным своим примером могут доказать, сколь пагубно конечное угнетение для людей". Но Поленов еще не ставит вопроса об уничтожении крепостного права, выступая лишь за предоставление крестьянам права собственности на землю и ослабление их личной зависимости от помещика.

С решительным осуждением тяжелого положения крепостных крестьян выступили многие депутаты Комиссии по составлению нового уложения на ее заседаниях, проводившихся в 1767—1768 гг. Депутат от дворян Г. Коробьин заявлял, что, хотя крестьянин и без того имеет "малый достаток", помещик в любое время может лишить его и этой малости, вынуждая к побегам. Помещики, разоряя крестьян, разоряют тем самым и государство. А крестьянский депутат И. Чупров говорил о помещиках, "безмерно мучающих крестьян своих и несносные дани собирающих". Его поддержал другой депутат от крестьян, А. Маслов, предложивший, чтобы государство отобрало у помещиков землю и крестьян.

Резкой критике крепостнические порядки в деревне были подвергнуты на страницах сатирических журналов "Трутенъ" и "Живописец", издаваемых в 1769—1773 гг. одним из самых ярких представителей русского Просвещения, Н.И. Новиковым. Авторами статей в них были как сам Новиков, так и А.Н. Радищев и Д.И. Фонвизин, написавший широко известные комедии "Недоросль" и "Бригадир", обличавшие нравы помещиков. В статьях была нарисована страшная картина невыносимого положения, в котором находились крепостные

крестьяне. Бедность и нищета, непрестанная работа на господ, полное бесправие и незащищенность от помещичьего произвола — вот их удел. При этом Новиков и его сторонники не только критикуют крепостное право с экономической и правовой стороны, но и показывают его разлагающее моральное влияние и на крестьян, и в еще большей степени на дворянство, на тех, кто пользуется благами крепостничества. Праздность, паразитизм и другие пороки, которые вошли в плоть и кровь многих помещиков, превратили их в моральных уродов, они стали смотреть на своих крестьян как на рабочий скот, нередко истязая их ради собственного развлечения. Критика была направлена и против правительства, которое запретило крестьянам жаловаться на своих владельцев. Всем было ясно, в том числе и Екатерине II, что осуждаются и критикуются не отдельные факты и явления, а вся крепостническая система в целом.

Важное место в идеологии русских просветителей занимал вопрос о развитии промышленности и торговли, о значении, которое имеют в жизни общества заводчики, купцы и ремесленники. Наибольшее отражение он получил в сочинениях Поленова, Десницкого и Новикова. В общем виде их взгляды в этой области сводились к следующему. Сила и процветание страны, считали они, зависят от состояния в ней “коммерции”, “наук, купечества и художеств” (понимая под последним ремесла и промышленность). Однако привилегированное сословие дворян считает для себя зорыным заниматься такой деятельностью, и вся она ложится на плечи городского населения, или “мещанства”. Городскому населению, особенно купечеству, и нужно передать всю власть в городах и уравнивать его в правах с дворянами. Вообще необходимо ликвидировать разные сословные права и привилегии и сделать всех равными перед законом, а также ввести свободу экономической деятельности. Отсюда вытекало и требование равных возможностей для получения образования и занятий науками непривилегированными сословиями, в чем просветители 60—80-х годов выступали прямыми продолжателями Ломоносова.

В тесной связи с требованием распространения просвещения и научных знаний решался просветителями вопрос об отношении к церкви. В данном плане в первую очередь надо назвать диссертацию профессора Московского университета Д.С. Аничкова, посвященную проблемам происхождения религии. Он писал, что для того, чтобы выяснить причины возникновения религиозных представлений, необходимо изучить условия жизни отсталых народов, и пришел к выводу, что таких основных причин три — страх перед непонятными явлениями природы, фантастическое истолкование явлений внешнего мира и их обожествление, а также обоготворение отдельных, наиболее выдающихся людей. Поэтому, несмотря на то что Аничков не отрицал существования бога и необходимости веры в него, сама трактовка им причин происхождения религии как естественных и вытекающих из самой реальной жизни людей резко противоречила многим церковным догматам и библейским мифам, носила по существу антицерковный характер.

Большое внимание русские просветители уделяли государственному и политическому строю страны, внутренней политике и деятельности монарха. В

М.В. Ломоносов

60-е годы большинство из них возлагало надежды на просвещенного монарха, который, заботясь о благе своего народа, осуществит их идеи и предложения. Такого правителя они видели в то время в Екатерине II, которая проводила в начале своего царствования политику “просвещенного абсолютизма”. Эта политика, направленная на сохранение основ существующего строя, одновременно включала в себя и некоторые мероприятия, отвечающие стремлениям просветителей. Все это в известной мере определяло и умеренность их позиций в области конкретных мер, особенно по крестьянскому вопросу. Резкая критика крепостного права сопровождалась не требованием его отмены, а лишь предложениями по устранению его наиболее отрицательных проявлений. Однако некоторые просветители и тогда выступали с более радикальными идеями. Так, выходец из мещан С.Е. Десницкий, ставший профессором Московского университета, предложил в 1768 г. программу преобразований государственного строя России, которая в известной степени придавала российскому самодержавию черты конституционной монархии. В частности, она предусматривала создание Сената с широкими законодательными и судебными полномочиями, который тем самым имел возможность ограничивать волю императора. В том же году Я.П. Козельский публикует книгу “Философические предложения”, в которой предупреждал, что накопившиеся обиды могут превысить терпение крестьян и их выступление против обидчиков будет подобно напору реки, прорвавшей плотину; и в таком случае “по справедливости почесть их можно почти за невинных”.

Дальше всех пошел А.Н. Радищев, идеи которого стали как бы вершиной русского Просвещения XVIII в. и в то же время свидетельствовали о переходе его в новое качество. Выходец из небогатой дворянской семьи, он получил образование в Пажеском корпусе и затем в Лейпцигском университете, где познакомился с французской и немецкой философией. Возвратившись на родину, Радищев поступил на государственную службу и одновременно занялся литературной деятельностью. Именно в литературно-публицистических сочинениях и нашли отражение его общественно-политические взгляды.

Крах надежд на екатерининский “просвещенный абсолютизм” и в то же время пример успешных буржуазных революций в Северной Америке и Франции приводят Радищева к убеждению, что от самодержавия и господствующих верхов бесполезно ждать освобождения народа, что оно может быть найдено только на путях революционной борьбы. Уже в примечаниях к переведенной им и опубликованной в 1773 г. книге Мабли “Размышления о греческой истории” Радищев дает свое определение сущности абсолютизма: “Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние”. Позднее, в “Письме другу, живущему в Тобольске” Радищев утверждает, что “нет и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своей власти”. А в своем знаменитом “Путешествии из Петербурга в Москву”, вышедшем в 1790 г., он отвечает на вопрос, что же делать, если монархи добровольно не поступаются своей властью. В этом случае “человечество возревет в оковах и, направляемое надеждою свободы и... правом.., двинется” на власть, которая “развеется в одно мгновение”, и это будет “день, избраннейший всех дней”. После революции, сокрушившей самодержавие, на престол “воссядет народ” и воцарится “вольность, дар бесценный, источник всех великих дел”.

Радищев, выступая за полное освобождение крестьян от крепостного права, не исключал того, что оно могло бы быть осуществлено и путем реформ. Вместе с тем он понимал, что царизм не пойдет на это, и поэтому крестьянская свобода зависит только от свержения самодержавия.

Екатерина II, познакомившись с “Путешествием”, заявила, что находит “тут рассеивание заразы французской”, а автор его — “бунтовщик хуже Пугачева”. Судьба Радищева была решена, вскоре последовал его арест и ссылка в Сибирь.

Историческая заслуга Радищева в том, что он первый провозгласил право народа на революцию, в результате которой только и можно добиться

уничтожения крепостного права и самодержавия. Тем самым он положил начало новому, революционно-демократическому направлению в русской общественной мысли.

В 50—70-е годы важной общественно-политической и культурной силой стала разночинная интеллигенция, которая формировалась из представителей непривилегированных, податных сословий. Демократическая интеллигенция создала многочисленные оригинальные сочинения, написанные в духе Просвещения, перевела большое количество произведений западноевропейской литературы (Вольтера, Руссо, Гельвеция, Лессинга и др.). В 70-е годы правительство поставило выходцам из разночинной среды серьезный заслон на пути к образованию, особенно высшему, поэтому их роль в развитии общественной мысли стала в последующем менее заметной.

Ускоренное экономическое развитие, разложение феодализма и вызревание в его недрах буржуазных отношений, ожесточенная классовая борьба, общий подъем культуры — все это, что характеризует Россию, как и вообще Европу в XVIII в., вызвало к жизни и новую систему идей, взглядов и представлений, или идеологию Просвещения. Она явилась новым и важным этапом в истории русской общественной мысли, вообще в духовной жизни народа. В своем развитии Просвещение породило революционную мысль. Идеи Просвещения и революции стали той почвой, на которой выросло первое поколение российских революционеров-декабристов. Они оказали огромное влияние на развитие русской национальной культуры и нашли отражение в науке, художественной литературе и искусстве. Русские просветители не только творчески освоили наиболее передовые идеи европейского Просвещения, но и внесли свой немалый вклад в его историю.

В общественной мысли России XVIII в. наряду с просветительским существовали и другие направления. Наиболее заметным среди них было консервативно-дворянское течение. Его сущность нашла свое выражение в публицистических произведениях видного историка второй половины XVIII в. М.М. Щербатова. Как и просветители, он критиковал многие стороны российской действительности, обличал отдельные проявления самодержавного правления, придворную жизнь. Однако это была критика справа. Он выступал с позиций дворянской аристократии, которая стремилась к ограничению монархической власти, стояла за сохранение и укрепление феодально-крепостнического строя, за полное господство дворянства в обществе. Но это была позиция, которая уже не имела будущего.

Важной составной частью общего культурного подъема была школа, вся система народного просвещения, претерпевшая коренные изменения.

Начало им было положено реформами Петра I. Для быстро растущей промышленности, вновь созданной регулярной армии и флота и реорганизованного государственного управления требовалось большое количество специалистов. Подготовку их должна была решить целая система профессиональных школ, созданная уже в самом начале века. Так, были организованы Навигационная школа, которая готовила кораблестроителей и мореплавателей, Артиллерийская школа, Школа переводчиков, Медицинская школа, Инженерная школа. В дальнейшем создаются горные школы при Олонецких и Уральских заводах и Школа для подготовки канцеляристов. В этих школах вначале обучали общей грамоте, а затем давалась профессиональная подготовка. Наряду с профессиональными учебными заведениями были организованы и общеобразовательные школы начального типа. Для детей дворян, чиновников и купечества создавались так называемые цифирные школы, кроме них — гарнизонные школы, в которых обучались солдатские дети, и, наконец, для детей духовенства — епархиальные школы.

Одновременно принимаются меры для постановки среднего и высшего образования. С этой целью предусматривалась организация гимназии при

Академии наук, основанной в 1724 г. Из предыдущего столетия в петровское время перешло два высших учебных заведения — Московская славяно-греко-латинская академия и Киевская духовная академия. Они готовили кадры не только для церкви, но и для других сфер — переводчиков, редакторов книг для Печатного двора, преподавателей. Теперь создаются высшие учебные заведения в профессиональном образовании — Морская академия и Инженерные роты. Высшим учебным заведением общего типа становится Университет при Академии наук.

Всего в первой четверти XVIII в. было создано более 150 школ разного типа, что для того времени было большим успехом. Тем самым были заложены основы государственной системы светского образования, начала также практиковаться посылка для учебы за границу. Но наряду с этим продолжала существовать и частная школа.

В середине XVIII в. заканчивается формирование сети чисто сословных школ для дворянства — создаются Сухопутный шляхетский корпус, Морской корпус, Артиллерийский и Инженерный корпус и др. Эти учебные заведения дали значительное количество кадров для армии и государственного аппарата. Получает развитие церковная школа, организуются средние духовные заведения — семинарии. Расширяется сеть гарнизонных школ, к которым присоединяются и цифирные школы. Важнейшим событием стало открытие в 1755 г. Московского университета, в создании которого выдающуюся роль сыграл Ломоносов. Университет отличался демократическим составом студенчества и более совершенной системой преподавания и вскоре стал важнейшим центром образования и просвещения в стране. Много усилий Ломоносов приложил и для того, чтобы поднять уровень образования в Академическом университете и Академической гимназии. В 1757 г. была основана Академия художеств как высшее учебное заведение в области изобразительного искусства.

Важным этапом в истории народного образования стала школьная реформа, проведенная в 1782—1786 гг. По ней создавались народные училища: в уездных городах — малые народные училища с двухгодичным сроком обучения и в губернских городах — главные народные училища с пятилетним сроком обучения. Малые училища давали начальное образование, а главные училища — среднее. Училища носили бессословный характер, но детей крепостных крестьян в них обучалось еще немного. В результате этой реформы завершилось создание системы государственной средней общеобразовательной школы. Но вместе с тем полностью сохранялись и развивались учебные заведения чисто сословного характера: кадетские и пажеский корпуса, благородные пансионы — для дворян, семинарии — для духовенства, гарнизонные школы — для солдатских детей. Продолжали существовать и частные школы.

Таким образом, в XVIII в. по сравнению с предшествующим временем в области народного просвещения был сделан огромный шаг вперед. Была создана государственная система общеобразовательной школы, по существу заново родилось высшее образование, нельзя недооценивать и роль учебных заведений сословного характера. Все эти достижения имели весьма важное значение не только сами по себе, но и потому, что явились той основой, на которой выросла вся большая и во многом новая культура России XVIII в. Вместе с тем нужно сказать, что подавляющее большинство народа, особенно крепостного крестьянства, не получило еще доступа к образованию и оставалось неграмотным.

Впечатляющих успехов в XVIII в. достигла русская наука и техника. Уже в первой четверти века велись научные исследования, имевшие большое значение. Среди них нужно назвать в первую очередь географические экспедиции, обследовавшие Каспийское, Азовское, Черное и Балтийское моря. Впервые была составлена карта Каспийского моря, высоко оцененная Французской академией. Подготовлена первая Камчатская экспедиция под руководством

капитана В. Беринга для выяснения вопроса, разделяется северо-восточная оконечность Азии с Америкой проливом или нет. Проведены большие геологические изыскания, в результате которых открыты богатейшие запасы железной руды на Урале. Были созданы важные исторические труды, в подготовке некоторых (например, “Свейской войны”) принимал активное участие сам Петр I. Велись широкие астрономические наблюдения, а при Навигационной школе в Москве была основана обсерватория. Г.Г. Скорняковым-Писаревым было написано и издано первое русское руководство по механике. В Петербурге были созданы Кунсткамера — первый научный музей и научная библиотека из рукописей и печатных книг, привезенных из Москвы, которая стала основой Библиотеки Академии наук, существующей до сих пор.

В бурное петровское время много изобретений и открытий было сделано в технике. Самым выдающимся изобретателем стал А.К. Нартов. Наиболее крупным достижением его были токарные станки, в которых он впервые в мире применил супорт — механический держатель резца. Нартов издал три книги, в которых он описал большое количество различных машин и инструментов, в том числе и собственные изобретения. Большую известность приобрел М.И. Сердюков, талантливый гидротехник, автор проекта Вышневолоцкого канала. Солдат Я. Батищев создал машину, которая впятеро сокращала время при обработке ружейных стволов.

Несмотря на эти успехи, определенное отставание в области науки и техники все же имелось. Не было, в частности, специального учреждения, которое занималось бы научными исследованиями. После длительной подготовки и обсуждений такое учреждение было создано. Им стала Академия наук, основанная в январе 1724 г. в Петербурге.

Академия наук скоро превратилась в основной центр российской науки. Она состояла из трех “классов”, или отделений: “математические науки и которые от них зависят” (изучались математика, астрономия, география, навигация и механика), “все части физики” (физика, теоретическая и экспериментальная, химия, анатомия и ботаника) и гуманитарные науки (история, право, политика, этика, красноречие). Уже из структуры Академии видно, какие широкие научные задачи ставились перед ней. В состав Академии передавались Кунсткамера и библиотека. При ней организовывались также университет и гимназия.

В первые годы правительство пригласило работать в Академию наук иностранных ученых. Среди иностранцев наряду со случайными людьми были крупные ученые — знаменитый математик Л. Эйлер, математики Н. и Д. Бернулли, историк Г.Ф. Миллер и др. Они многое дали русской науке и культуре.

Но уже скоро и русские ученые появились в стенах Академии наук. Среди них прежде всего надо назвать гениального ученого-энциклопедиста М.В. Ломоносова. Выходец из поморских государственных крестьян, он рано овладел грамотой, а затем продолжил образование в Московской славяно-греко-латинской академии. В декабре 1735 г. он был послан в Петербург для продолжения обучения в Академии наук. Менее чем через год он, как один из наиболее способных учеников, был направлен в Германию для получения научной подготовки. Здесь Ломоносов пробыл пять лет, изучая основы физики, химии, математики и горного дела, овладел немецким и французским языками и в середине 1741 г. вернулся на родину. В 1742 г. он получил в Академии наук должность адъюнкта по физике, а в 1745 г., утвержденный профессором химии, стал полноправным членом Академии наук.

Ломоносов оставил глубокий след во всех областях знания. Но прежде всего он был естествоиспытателем, физиком и химиком. Наиболее выдающимся его достижением стал сформулированный им закон сохранения материи и движения, являющийся одним из основных законов природы. В последующее время закон был уточнен и дополнен, но в сущности своей остался верным, потому что правильно отражал материалистический взгляд на мир. Много сил и энергии

Ломоносов отдал атомно-молекулярной теории строения вещества. Она зародилась еще в древности, однако в течение многих веков носила умозрительный характер, не подкрепленная опытом. Ломоносов дал ей научное и опытное обоснование, создав новую науку, физическую химию, которая при объяснении физических и химических явлений исходила из взаимодействия атомов. Одним из важных его открытий было установление причин возникновения тепла и тепловых явлений. Исходя из теоретических посылок и данных опыта, он пришел к выводу, что теплота является результатом движения и взаимного трения внутренних частиц, из которых состоит вещество. Его теория теплоты отвергала признававшееся наукой того времени существование особого вещества, так называемого “теплорода”, и тем самым на место вымышленных ставила действительные физико-механические связи и взаимодействия в природе, хотя и упрощенные с сегодняшней точки зрения.

Ломоносов внес большой вклад и во многие другие отрасли тогдашней науки и техники. Он занимался теорией газов и электричества, выдвинув здесь ряд гипотез о характере электрических явлений в атмосфере. В астрономии он открыл в 1761 г. атмосферу Венеры, опередив на 30 лет В. Гершеля и Шретера, изобрел новую оптическую трубу для астрономических наблюдений. В метеорологии он создал целый ряд методов и приборов, намного опередивших свое время (самопишущие инструменты, новый термометр и др.). В геологии разрабатывал вопросы движения земной коры, происхождения гор и землетрясений, образования металлов и др. Большой вклад Ломоносов внес в изучение экономики и географии России. В своих сочинениях он неизменно выступал за всемерное развитие промышленности и торговли. Он придавал большое значение изучению Северного морского пути, для чего им была подготовлена специальная экспедиция.

Ломоносов был величайшим из русских ученых XVIII в. и получил признание не только у потомков, но и у современников. Великий математик Л. Эйлер писал: “Желать должно, чтобы и другие члены Академии в состоянии были произвести такие откровения, какие показал г-н Ломоносов”. А вот как характеризовал Ломоносова Пушкин: “Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом”. Ломоносов являл собой ученого мирового значения. Его исследования в ряде отраслей на целое столетие опережали современную ему науку и были оценены по достоинству только позднее.

В Академии наук работали и другие русские ученые, которые оставили заметный след в истории науки. Среди них нужно назвать астронома и математика С.Я. Румовского, химика Н.П. Соколова, математика С.К. Котельникова, географов С.П. Крашенинникова, И.И. Лепехина и др.

Наряду с Петербургской Академией наук в дальнейшем появляются и другие крупные научные центры. Одним из них стал открытый в 1755 г. Московский университет. В нем работали профессора медицины Н.М. Максимович-Амбодик и С.Г. Зыбелин, профессор ботаники П.Д. Вениаминов, профессора права С.Е. Десницкий и И.А. Третьяков, профессор философии Д.С. Аничков, физик В.В. Петров и др. В 1783 г. была основана Российская академия, главной задачей которой являлось изучение русского языка и литературы. Ее возглавила разносторонне образованная и талантливая Е.Р. Дашкова, ставшая незадолго до этого и президентом Петербургской Академии наук. Членами Российской академии были крупнейшие писатели того времени Г.Р. Державин, Д.И. Фонвизин, М.М. Херасков, ученые М.М. Щербатов, И.Н. Болтин и др.

Наибольшие успехи русской науки в XVIII в. были достигнуты в области естествознания и математики. И это не было случайно, так как стремительный рост экономики, превращение России в морскую державу требовали развития именно этих наук. Огромное значение в этом плане имели научные экспедиции, проведенные в XVIII в. Крупнейшим исследовательским предприятием была первая (1725—1730 гг.) и особенно вторая (1733—1743 гг.) Камчатские

экспедиции, возглавляемые капитаном Витусом Берингом. Научные и практические результаты их поразительны — открыт пролив, разделяющий северо-восточную часть Азии и Северную Америку, названный именем руководителя экспедиции, подробно исследована Камчатка, нанесены на карту Курильские острова, собраны богатые материалы о природных условиях и истории Сибири. Многие годы шла обработка экспедиционных материалов, и в результате были получены ценнейшие данные о растительном и животном мире, географии и минералогии, истории и этнографии местных народов. Участник второй экспедиции С.П. Крашенинников по ее итогам создал выдающийся двухтомный труд “Описание земли Камчатки”, вскоре переведенный на английский, немецкий, французский и голландский языки. Широкие географические исследования позволили Академии наук создать в 1745 г. “Атлас Российский” (19 больших карт), подобный которому из всех европейских государств имела к этому времени только Франция. В дальнейшем, в конце 60 — начале 70-х годов, организуется серия академических экспедиций, охвативших Поволжье, Урал, Алтай, Сибирь, Кавказ. В них приняли участие известные ученые П.С. Паллас, С.Г. Гмелин, И.И. Лепехин, Н.Я. Озерецковский и др. Экспедиции собрали богатые материалы по ботанике, зоологии, этнографии и археологии, которые не потеряли значения и в настоящее время.

Из гуманитарных наук наибольшее развитие получает история. Именно в это время из исторического познания она превращается в историческую науку. Это связано с созданием во второй четверти XVIII в. В.Н. Татищевым многотомного труда “История Российская”, в котором он порывает с провиденциализмом в объяснении исторических явлений и освещает отечественную историю с позиций рационалистической философии. Во введении к своему труду он определяет предмет науки истории, дает характеристику источников и методов работы с ними, намечает периодизацию отечественной истории, в основу которой положена история самодержавия. Серьезным вкладом в историческую науку были труды Ломоносова. Им был подготовлен первый том “Древней Российской истории”, он вел борьбу с так называемой “норманнской теорией”, в искаженном виде рисующей происхождение древнерусского государства. Он ставил перед историей не только чисто познавательные, но и патриотические и воспитательные задачи, высказывал мысль о роли народных масс в историческом процессе. Большое количество новых и ценных источников по русской истории было опубликовано в 30-ти томах “Древней российской вивлиофики”, изданных Новиковым в 1770—1790-х годах. Наиболее крупными историками последней трети XVIII в. были М.М. Щербатов и И.Н. Болтин. Перу Щербатова принадлежит семитомная “История российская от древнейших времен”, вышедшая в конце века. Как уже говорилось, он являлся сторонником самодержавия, ограниченного дворянской аристократией. Отсюда его особое внимание к истории боярства, влиянию последнего на характер государственной власти. Обращает на себя внимание его реалистический подход к объяснению причин событий начала XVII в., в частности народного движения — закрепощение крестьян, голод, борьба за власть и т.д. Болтин критиковал Щербатова с позиций рядового дворянства. Из общих положений в его сочинениях привлекает мысль о значении природных условий в истории.

В области языкознания необходимо отметить словарь, подготовленный Российской академией. Работа над ним длилась всего шесть лет, как отмечали современники, срок необычайно короткий, если сравнить с подготовкой аналогичных изданий в западноевропейских странах. И в то же время “Словарь Российской академии” (шесть томов, более 43 тыс. слов) отличал высокий научный уровень. Его очень ценили Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, его большое значение отмечают и современные отечественные лингвисты.

Наряду с наукой заметное развитие получает и техника. Как отмечают специалисты, технический уровень мануфактурного производства вполне

отвечал тогдашним требованиям, а в ряде отраслей, например в металлургии, Россия занимала передовые позиции в Европе и мире. В послепетровское время работал целый ряд выдающихся изобретателей, которым по праву может гордиться русская техника. Первым среди них нужно назвать, конечно, И.И. Ползунова. В 1766 г., за 20 лет до Джеймса Уатта, на Колывано-Воскресенском металлургическом заводе начала работать изобретенная Ползуновым первая в мире усовершенствованная паровая машина непрерывного действия. Он не дождался реализации своего великого изобретения, да и само оно не получило распространения и вскоре было забыто. Такая же участь постигла и большинство изобретений другого знаменитого русского изобретателя И.П. Кулибина, который руководил механическими мастерскими Академии наук. Наиболее выдающимся достижением его был проект постройки через Неву одноарочного моста длиной в 298 м. Испытания модели моста, произведенные весьма авторитетной комиссией, в состав которой входил и Эйлер, показали абсолютную точность расчетов Кулибина. Среди других его крупных изобретений нужно назвать оптический телеграф, прожектор, сеялку. Но громкую известность среди современников он получил за создание сложных механических часов в форме яйца, хотя другие его изобретения, конечно, имели неизмеримо большее значение. Р. Глинка изобрел новые текстильные машины: чесальная машина с ручным приводом увеличивала производительность труда в 15 раз, а прядильная с водяным приводом — в 5 раз. Глинка опередил в этой области англичанина Р. Аркрайта.

Как видим, русская наука и техника достигли в XVIII в. крупных успехов. В то же время совершенно очевидно, что господствующий феодально-крепостнический строй тормозил их развитие, особенно внедрение научных и технических достижений в практику.

В истории литературы XVIII век был временем, когда в ней зарождается и расцветает направление, получившее название "классицизм". По своей сущности русский классицизм был тесно связан с западноевропейским, но ему был присущ и ряд особенностей, придававших ему национальное своеобразие — горячий патриотизм, преимущественное обращение к событиям отечественной истории, обличительно-критический пафос, просветительские и гуманистические черты. Вместе с тем под крышей одного литературного направления находились люди, выступавшие с различных общественных и идейных позиций, одни защищали абсолютизм и крепостное право, хотя и критиковали их крайности, а другие, правда не всегда открыто, выступали против них.

Ближайшими предшественниками классицизма в 30—40-х годах были А.Д. Кантемир (1708—1744) и В.К. Тредиаковский (1703—1769). Кантемир в своих сатирах обличал жестокость помещиков, церковников, туенядцев; это был, по словам В.Г. Белинского, "первый светский поэт на Руси". Тредиаковский многое внес в формирование литературного языка, был реформатором русского стихосложения. В специальной статье он доказывал, что русскому языку свойственно не силлабическое, а силлаботоническое стихосложение, и с этого времени последнее окончательно утвердилось в русской поэзии. Трудно переоценить заслуги Ломоносова в развитии русской словесности. Написанная им и изданная в 1755 г. "Российская грамматика" надолго стала первой научной грамматикой русского языка. Своими поэтическими произведениями он обогащал русский литературный язык и делал его проще и доступнее широким массам.

Самым ярким представителем русского классицизма был А.П. Сумароков (1717—1777), расцвет творчества которого падает на вторую половину века. Он писал во многих жанрах, но наибольшую славу ему принесли трагедии. Уже его первая трагедия "Хорев" получила широкую известность и была включена в репертуар русского театра. Сумароков защищал интересы дворян, выступая с позиций просвещенного абсолютизма. В то же время он критиковал и осуждал

крайности крепостного права и самодержавия, беззаконие и произвол, проводил в своем творчестве идею долга, особенно перед своей родиной, воспитывал чувство собственного достоинства, личной высокой нравственности. Представителем позднего классицизма был М.М. Херасков (1733—1807), его наиболее значительное произведение — эпическая поэма "Россиада".

В последние десятилетия века наряду с классицизмом в художественной литературе зарождается новое течение — сентиментализм. В противоположность известной отвлеченности и схематизму классицизма сентиментализм изображал конкретных людей в определенной обстановке, старался раскрыть психологию своих героев, шире вводил персонажи из простого народа. Наиболее полное свое выражение сентиментализм нашел в повестях Н.М. Карамзина (1766—1826) "Бедная Лиза" и "Наталья, боярская дочь", которые являются яркими художественными произведениями своей эпохи. Карамзин приобрел большую известность и авторитет как писатель и оказал заметное влияние на дальнейшее развитие русской литературы. Значительные элементы реализма прослеживаются в творчестве Д.И. Фонвизина (1744—1792) и Г.Р. Державина (1743—1816). С особой силой талант Фонвизина проявился в его комедии "Недоросль", в которой едко высмеивается и осуждается мир крепостников-помещиков. Комедия является первым реалистическим произведением русской драматургии и до сих пор не сходит со сцены. Самым крупным поэтом века был Державин. Его знаменитые оды, написанные в формах классицизма, в то же время наполнены жизнью, отличаются красочностью описаний и сочностью языка.

Важные перемены происходят в театральном искусстве. Уже в петровское время открывается первый публичный театр. Однако театральные труппы и репертуар были еще в основном иностранными. Знаменательной датой стал 1756 г., когда в Петербурге был создан первый русский государственный театр, в который вступила часть труппы, организованной в Ярославле Ф.Г. Волковым. Во второй половине века широкое распространение получили любительские и крепостные театры. Среди последних особой известностью пользовался театр графа Шереметева, на сцене которого выступала прославленная крепостная актриса П.И. Жемчугова-Ковалева.

В архитектуре продолжали развиваться традиции народного деревянного зодчества. Шедевром народного творчества стала 22-главая Преображенская церковь на о-ве Кижи на Онежском озере, построенная в 1714 г. Вместе с тем в конце XVII — начале XVIII в. зарождается и получает распространение новый архитектурный стиль — барокко. В культовом зодчестве он представлен выдающимися работами И.П. Зарудного — церковь Архангела Гавриила (Меншикова башня) в Москве, величественный иконостас Петропавловского собора в Петербурге и др. В светской архитектуре вершиной нового стиля являются творения великого зодчего В.В. Растрелли (1700—1771) — Зимний дворец в Петербурге, Большой Царскосельский дворец, Большой дворец в Петергофе. В пригородах новой столицы появляется ряд загородных царских резиденций. Среди них особо выделяется Петергоф (Петродворец), созданный на берегу Финского залива трудами Ж. Леблона, М.Г. Земцова, Т. Усова, Д. Кваренги и других зодчих. Этот великолепный парк с его неповторимыми дворцами и грандиозными фонтанами сыграл исключительную роль в развитии русской архитектуры и садово-паркового искусства и вообще в истории русской культуры.

На смену пышности и парадности барокко постепенно приходит классицизм с его строгостью, простотой и величием, который должен был лучше отразить мощь и величие новой империи. Классицизм приобрел наибольшее распространение во второй половине XVIII в. Гениальным русским зодчим той эпохи был В.И. Баженов (1734—1799). Сохранилась лишь малая доля того, что было построено Баженовым, и в их числе непревзойденный по красоте дом Пашкова в Москве. Он создал проект и модель Большого Кремлевского дворца,

который по отзывам современников должен был стать “восьмым чудом света”. Однако правительство не выделило нужных средств, и замысел не был осуществлен. В Москве творил другой великий русский архитектор М.Ф. Казаков (1738—1813). Им созданы такие великолепные памятники, как здания Московского университета, Сената в Кремле, Дворянского собрания (Дом Союзов с Колонным залом).

В целом русская архитектура в XVIII в. переживает необычайный взлет, и, думается, не будет преувеличением сказать, что он стал золотым веком в ее истории.

Скульптура XVIII в. отмечена, прежде всего, именами таких выдающихся мастеров, как Ф.И. Шубин (1740—1805) и М.И. Козловский (1753—1802). Земляк Ломоносова, Шубин был автором многих психологически глубоких скульптурных портретов. Резцу Козловского принадлежит знаменитая фигура Самсона для Большого каскада в Петергофе и памятник Суворову в Петербурге.

Русская живопись в XVIII в. наибольших успехов достигла в области портрета. Начало ему было положено уже в петровское время работами крупных живописцев А. Матвеева и И. Никитина. Во второй половине века это направление было продолжено в творчестве талантливых художников А.П. Антропова, Ф.С. Рокотова, Д.Г. Левицкого и В.Л. Боровиковского. Ими создана целая галерея портретов их современников, которые предстают перед нами во всей своей человеческой индивидуальности. В развитии русского изобразительного искусства большую роль сыграло основание в 1757 г. Академии художеств. А в конце века возникает Эрмитаж — один из самых крупных и известных художественных музеев мира.

В истории русской музыки XVIII век характерен прежде всего тем, что культовая церковная музыка отходит постепенно на второй план и все большее значение приобретает светская музыка в ее общественной функции. Она начинает широко использоваться на различных публичных торжествах. В начале века организуется Придворная капелла и ряд частных капелл, которые становятся школами воспитания высокочлассных певцов и музыкальных исполнителей. В дальнейшем заметное место в музыкальной жизни страны занимают спектакли приглашенных ко двору итальянской и французской оперы. Последние десятилетия века имеют особое значение, так как именно в это время появляется национальная русская опера, складывается самостоятельная композиторская школа. Первой русской оперой стала “Анюта”, поставленная в 1772 г. (музыка В.А. Пашкевича). В дальнейшем широкую популярность приобрели оперы “Мельник — колдун, обманщик и сват” М.М. Соколовского, “Ямщики на подставе” Е.И. Фомина и др. Большой вклад в развитие русской музыки внес Д.С. Бортнянский, автор духовных хоровых сочинений, опер, инструментальных произведений и романсов. В качестве самостоятельного музыкально-драматического жанра утверждается русский балет. Увеличивается интерес к собиранию и изучению народного музыкального творчества, издаются сборники русских песен.

Подводя общие итоги, можно сказать, что общественная мысль и культура России в XVIII в. сделали крупный шаг вперед. Опираясь на наследие предшествующей эпохи, был достигнут новый, более высокий уровень во всех сферах культурного развития. Выдвинулась целая плеяда выдающихся деятелей, обогативших культуру блестящими научными и художественными достижениями. В ряде областей науки и техники, в архитектуре и портретной живописи были заняты передовые позиции в мировой культуре. А в целом был подготовлен новый, еще более могучий взлет русской культуры в XIX в., ставшем ее золотым веком.

Глава 7

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ
СЛАВЯНСКИХ И БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ
В XVIII ВЕКЕ

Зарождавшиеся у народов остэльбского региона идеологии просветительского типа, будучи в определенной мере составной частью общеевропейского духовного движения эпохи Просвещения, обладали существенными чертами регионального своеобразия. Они породили комплекс общественно-культурных представлений и действий, нацеленных против феодально-клерикальных воззрений и в идеологической форме отразивших конкретные потребности развития славянских и балканских народов в период начавшегося перехода от феодализма к капитализму и становления наций, происходившего для подавляющей части народов ареала в обстановке борьбы с иноземным угнетением. Поэтому данный этап общественно-культурного развития у славянских и балканских народов Центральной и Юго-Восточной Европы может быть охарактеризован как национально-просветительский.

Сторонники национально-просветительского направления в культуре и общественной мысли славянских и балканских народов выступали за очищение местной этнокультурной традиции от груза феодально-клерикальных представлений и за сочетание ее с философскими принципами европейского Просвещения. При этом, наряду с использованием и критическим усвоением опыта зарубежной, прежде всего английской, французской и немецкой общественной мысли, просветители рассматриваемого региона были во многом связаны друг с другом, проявляли значительный интерес к общественно-культурному развитию России, что способствовало укреплению международных культурных связей и интернационализации духовной жизни народов Восточной Европы в целом.

В Польше и чешских землях регулярное знакомство с зарубежной общественной мыслью приняли относительно устойчивый характер в 1730—1740-е годы. Начало активных выступлений просветителей относилось к 60—80-м годам XVIII в. Национально-просветительское течение, представленное общественной и научно-литературной деятельностью историков Г. Добнера (1719—1790), М.А. Фойгта (1733—1787), естествоиспытателя И. Борна (1742—1791) и их единомышленников, складывается и оформляется организационно на рубеже 60—70-х годов. Крупнейшим чешским просветителем последней трети XVIII в. был гениальный филолог и выдающийся общественный деятель Й. Добровский (1753—1829), один из основоположников славяноведения. В начале 1770-х годов выступают замечательные представители венгерского просвещения — мыслитель и литератор Д. Бешеньей (1747—1811), писатели Ф. Казинци (1759—1831), Й. Пейчели и др.

Новые веяния затронули в эти десятилетия и общественную мысль балканских народов. В 1762 г. Паисий Хилендарский (1722—1774) создал “Историю славяноболгарскую”, которая открыла новую страницу в духовном развитии Болгарии. Пропагандистом просветительских взглядов в сербской среде стал в 1760-е годы З. Орфелин (1726—1785). Почин его был продолжен замечательным общественным деятелем и ученым Д. Обрадовичем (1742—1811), явившимся подлинным основоположником сербского Просвещения. В конце 1760-х годов выступает первый словенский просветитель М. Похлин.

У истоков просветительского этапа румынской общественной мысли и культуры стояла так называемая “трансильванская триада” — С. Мику-Клайн, П. Майор и Г. Шинкаи. С начала 1770-х годов открывается эпоха греческого Просвещения, родоначальниками которой были выдающиеся ученые и педагоги Е. Вулгарис (1716—1806) и Н. Теотокис (ум. 1800), которые переселились в

Россию. Важный вклад в греческую национально-просветительскую идеологию внесли А. Коранс (1748—1833), А. Газис, П. Миснодакис, А. Псалидас, Р. Велестинлас и другие ученые и писатели. Греческая просветительская мысль оказала определенное влияние на духовную жизнь ряда балканских народов. Одним из первых словацких просветителей был А.Ф. Коллар (1718—1783), а в 1780-е годы в Словакии началась деятельность плеяды просветителей, среди которых ведущее место принадлежало историкам Я. Гридличке и Ю. Папанеку, а затем филологам, историкам и писателям И. Байзе (1755—1836), А. Бернолаку (1762—1813), Ю. Таблицу (1769—1832), Ю. Рибая (1754—1812), Ю. Фандли (1750—1811) и др. В конце XVIII в. просветительские идеи проникали в хорватскую, а отчасти и албанскую среду.

Усвоение западноевропейских идей, содействовавшее выработке национально-просветительских воззрений, отразило глубокие сдвиги в общественной психологии, сопровождавшиеся существенными изменениями в видении мира. Прямым следствием этого была стилевая эволюция культуры славянских и балканских народов, характеризовавшаяся постепенным отходом от спиритуализма поэтики барокко, усилением в ней черт рационализма и последующей выработкой новых способов художественного воплощения идейно-эстетических представлений эпохи. Ввиду ускоренного развития культур народов Центральной и Юго-Восточной Европы это приводило к возникновению, наряду с классицизмом и предромантизмом, синкретических стилей, в которых в переосмысленном виде присутствовали элементы поэтики позднего барокко, а отчасти (особенно в болгарской и сербской культурах) и отдельные черты стиля предшествующих эпох. Все это придавало не только искусству, но и остальным сферам культуры и быта славянских народов рассматриваемого региона черты регионального и национального своеобразия.

В эпоху Просвещения появились новые организационные формы культурной деятельности у многих народов. Первым опытом в этой области явилось “Общество неизвестных литераторов”, возникшее в моравском городе Оломоуц в 1746 г. Это, еще достаточно космополитическое, научно-литературное объединение, просуществовавшее до 1751 г., имело собственный устав и издавало журнал “Ежемесячные извлечения о древних и новых ученых предметах”. Наряду с учеными из Чешских земель в деятельности оломоуцкого общества участвовали словацкий и венгерский историк М. Бель (1680—1749), венский астроном и математик Д. Маринони (1670—1755), итальянский историк А. Муратори (1672—1750) и ряд других видных ученых и литераторов того времени. Журнал общества сообщал о книгах разнообразного содержания, публиковал хронику культурной жизни разных стран Европы; в 1747 г., например, на его страницах была помещена подробная информация о второй камчатской экспедиции В. Беринга и А.И. Чирикова. В 1770-е годы в Праге возникло и успешно развивалось Ученое общество, которое практически выполняло функции чешской национальной академии наук. В 1779 г. венгерский писатель и философ-просветитель Д. Бешеньей ставил вопрос об основании академии наук Венгерского королевства. На протяжении второй половины XVIII в. неофициальные просветительские научно-литературные объединения возникали в разных землях Центральной Европы. Значительную роль в истории польского Просвещения сыграло объединение вокруг Г. Коллонтая (1750—1812), так называемая “Коллонтаевская кузница”. На Балканах, где благоприятная обстановка для создания подобных объединений отсутствовала, их роль в культурной жизни южнославянского, восточнороманского и греческого населения выполняли отчасти кружки ученых книжников при некоторых православных монастырях.

Подобные объединения являлись, кроме всего прочего, важными формами зарождавшегося национально-освободительного движения. По мере развития и расширения его социальной базы, на исходе XVIII в. наряду с культурно-прос-

ветительскими объединениями у некоторых народов ареала создаются конспиративные кружки и союзы, в которых все большее влияние приобретали радикально-демократические настроения. На их рост заметное воздействие оказывали революционные события во Франции, особенный отклик получившие на польских землях и в Венгерском королевстве, где возникли организации и группы, участники которых получили название якобинцев.

Сохранявшиеся в XVIII в. различия в темпах и уровне духовного развития отдельных стран весьма ощутимо отразились на народном образовании. В Польше и Габсбургской монархии оно к началу рассматриваемого периода контролировалось католической церковью и почти полностью находилось в руках монашеских орденов, прежде всего иезуитов и пиаров. Между тем нужды социально-экономического развития требовали распространения грамотности и придания школьному делу светского характера. Сам ход исторического развития подводил правящие круги к столкновению с церковной иерархией, подрывал один из устоев политики Контрреформации. Ранние симптомы конфликта выявились еще в первой половине XVIII в. В Польше С. Конарский (1700—1773), возглавивший учебные заведения ордена пиаров, добился в 1740-е годы важных преобразований, которые усиливали светский характер образования. В 1740 г. в Варшаве была открыта по инициативе С. Конарского средняя школа Коллегиум Нобилеум с хорошо оборудованными физическими кабинетами, в 1747 г. открылась библиотека Залусских, насчитывавшая около 300 тыс. томов книг. Эти усилия были продолжены затем польскими просветителями, услугами которых в этом отношении решил воспользоваться король Станислав Понятовский. В 1773 г. в Польше была учреждена так называемая Эдукационная комиссия, явившаяся первым в Европе министерством культуры и просвещения. Благодаря усилиям передовых польских ученых и общественных деятелей Г. Коллонтая и Я. Снядецкого (1756—1830) на рубеже 70—80-х годов была проведена реформа старейшего Краковского университета, в котором преподавание стало осуществляться на польском языке и в просветительском духе.

Сложную картину представляло собой дело народного образования в землях Австрийской монархии, где университеты и средняя школа находились в руках католической церкви, исключая отдельные районы Венгерского королевства и Трансильвании, в которых существенную роль играли протестантское и православное духовенство. В начале 1750-х годов австрийское правительство предприняло первые и весьма робкие шаги по реформе программ университетского образования. В 1760 г. в венгерском университете в Надьсомбате (Трнава) было введено чтение ряда естественнонаучных предметов, в 1769 г. открылся медницкий факультет, а в 1777 г. университет был переведен в Буду.

Для подготовки реформы всей системы народного образования в Австрийской монархии в 1760 г. в Вене была образована специальная учебная комиссия. Однако практическое осуществление реформы началось только в 1773 г. после официальной ликвидации на основании папской буллы ордена иезуитов. В 1774 г. был издан закон о государственной школе, вводящий обязательное обучение. Если в 1775 г. в Чехии насчитывалось около 1000 школ и около 30 тыс. учащихся, то на рубеже 80—90-х годов количество школ возросло в 2,5 раза и число учеников — в 6 раз. В итоге обучением было охвачено около 75% всех детей школьного возраста. Преподавание, кроме первых классов начальной школы, велось, однако, на немецком языке. Возникшая в связи с этим угроза германизации, усугублявшаяся другими мерами австрийского правительства, встречала сопротивление, особенно в Венгерском королевстве, сохранившем достаточно широкую автономию и организовавшем, например, издание школьных учебников на венгерском языке. Не уступая в главном, Вена вынуждена была делать мелкие уступки. Так, в 1793 г. при Пражском университете была учреждена кафедра чешского языка и литературы, которую возглавил известный чешский историк Ф.М. Пельцль (1734—1801). В 1790-е годы преподавание

географии и богословия на румынском языке началось в трансильванском городе Блаже.

Труднее обстояло дело у южнославянских народов, хотя в Воеводине, которая входила в состав австрийской монархии, положение было все же более благоприятным, нежели в сербских землях Османской империи. Именно поэтому Воеводина стала центром притяжения сербских культурных сил. Важную роль играла и помощь со стороны России. В 1726 г. в г. Сремски Карловцы прибыл русский педагог и переводчик Максим Суворов, который с 1716 по 1720 г. жил в составе группы русских переводчиков в Праге, где, по собственному почину, окончил полный курс философского факультета. С собой из Петербурга М. Суворов привез отпечатанные в России книги — 100 экземпляров “Грамматики” М. Смотрицкого и 400 экземпляров “Букваря” Феофана Прокоповича. Они явились учебниками первой сербской светской школы, созданной М. Суворовым и работавшей до 1731 г.

Затем воспитанники Киевской академии основали четыре сербские школы, причем одну в Белграде. Директором восстановленной школы в Карловцах в 1733—1737 гг. был киевлянин Эммануил Козачинский. В эти же годы некоторые представители сербской молодежи ездили для получения образования в Киев. В 20—80-е годы XVIII в. в Киевской академии обучалось около 20 южных славян, в том числе сербский историк Йован Раич (1726—1801). Австрийское правительство весьма подозрительно смотрело на усиливавшиеся русско-славянские контакты. Запретив ввозить русские книги, оно распорядилось создать в Вене в 1771 г. типографию, которая призвана была печатать книги для сербского населения монархии.

Что касается земель европейской Турции, то там положение с народным образованием оставалось примерно таким же, как в XVII в. К середине XVIII в. на территории Болгарии имелось всего 2 городских и 12 сельских училищ, находившихся в руках православного духовенства. Первая высшая школа в Бухаресте открылась в 1678 г., однако преподавание велось на греческом языке. Во второй половине XVIII в. Георге Шинкай (1754—1816), Георге Лазер (1779—1823) и другие румынские просветители начали борьбу за высшее образование на родном языке. Но их замыслы были реализованы только в начале XIX в. открытием Инженерной школы в Яссах (1814 г.) и высшей школы в Бухаресте (1816 г.).

Активными проводниками просветительских идей становятся в XVIII в. книга, периодическая печать и библиотеки. Как и в остальных областях культуры, в книжном деле преобладающей делается тенденция приближения к потребностям и задачам национального развития. Одним из ярких выражений этой тенденции было создание национального книгопечатания, отказ от инонациональной языковой формы и переход к публикации на языках славянских и балканских народов.

Первый в Польше журнал на польском языке появляется в 1758 г. Он выходил всего три года и назывался “Новые экономические и ученые ведомости, или Собрание вещей, для счастья человеческой жизни необходимых”. Подлинным родоначальником польской журналистики в прямом смысле этого слова стал журнал “Монитор” (1765—1785), в котором пропагандировались умеренные просветительские идеи. К исходу XVIII в. польская журналистика достигает значительного развития, причем в ней все более уверенно звучали прогрессивные, радикальные требования.

Первая газета на чешском языке начала издаваться в Праге в 1719 г. известным типографом К. Розенмюллером (1678—1727) под названием “Чешский почтальон”. Хотя информация, помещавшаяся в газете, в том числе и о России, сыграла определенную роль в оживлении культурной жизни Чешских земель, она прекратила свое существование в 1772 г. из-за недостатка подписчиков. В 1790 г. Вацлав Крамериус (1753—1808) создал издательскую и книготорговую

фирму “Чешская экспедиция”, которая возобновила издание газеты на чешском языке и выпускала книги для широкого народного читателя.

В Венгрии печатная газета появилась впервые в период освободительной антигабсбургской войны под руководством Ференца Ракоци. Она называлась “Венгерский Меркурий” и весьма нерегулярно выходила на латинском языке в 1705—1710 гг. (всего вышло семь номеров). На венгерском языке газета “Венгерский вестник” стала издаваться в 1780 г. В последующие годы появляются первые научные журналы, а в 1789 г. — первый литературный журнал на венгерском языке “Венгерский музей”.

Перед национальным книжным делом на Балканах, как и прежде, стояли непреодолимые трудности, в связи с чем южнославянское и греческое книгопечатание могло, да и то в весьма скромных масштабах, существовать только вне пределов коренной этнической территории или за рубежом. В Венеции, например, приступил в 1768 г. к выпуску первого сербского журнала “Славяносербский магазин” З. Орфелин. Первая греческая газета “Эфирис” издавалась в Вене в 1790—1797 гг.; первые газеты на румынском языке появились только в 1829 г. В таких условиях рукописная традиция сохраняла свою жизненность и господствовала не только в пределах Османской империи, но в первой половине XVIII в. и в Воеводине. Здесь, в г. Сремски Карловцы монахи братья Киприан и Еротей, прибывшие из сербского монастыря Рачи-на-Дрине, и их сподвижник Гаврило Стефанович Венцлович организовали мастерскую по изготовлению рукописных книг и положили начало так называемому славяносербскому языку, сочетавшему элементы народного сербского и книжного старославянского языка.

Воздействие идеологии просветительского типа с особой отчетливостью проявилось в распространении научно-технических знаний, в росте общественного интереса к естественным и точным наукам. В польской, чешской, словацкой, венгерской, словенской среде выдвигаются ученые, внесшие вклад в разработку ряда естественных и точных наук и в их пропаганду среди населения. Таковы, например: в Польше — геолог и естествоиспытатель Кшыштоф Клюк, уже упоминавшийся астроном, математик, географ и филолог Ян Снядецкий, его брат, химик и естествоиспытатель, Анджей Снядецкий (1768—1838); в Чешских землях — минералог и иностранный член Академии наук в Петербурге Игнац Борн, математик и физик Ян Тесанек (1728—1788), физиолог-материалист Иржи Прохазка (1749—1820); в Словакии — естествоиспытатель и геолог Ян Скополи (1727—1788) и автор учебника горного дела, переведенного вскоре на французский язык, минералог Христофор Делиус; в Венгрии — медики Шамуэль Рац, Иштван Веспреми, а также Ференц Керестури, ставший профессором Московского университета; в Дунайских княжествах — ученый-энциклопедист Дмитрий Кантемир (1673—1723). Эти и другие ученые внесли вклад в развитие европейской науки эпохи Просвещения.

Особое значение в общественно-культурной жизни славянских и балканских народов Центральной и Юго-Восточной Европы имели в рассматриваемый период гуманитарные области знания, прежде всего историческая наука и филология. И это естественно, ибо обращение к опыту прошлого, разработка норм формировавшихся национальных литературных языков способствовали лучшему осмыслению современного положения этих народов, стимулировали развитие национального самосознания, подготавливали разработку идеологических программ национально-освободительных движений.

В Польше у истоков этого стояли Г. Коллонтай, С. Сташиц (1755—1826), А. Нарушевич (1733—1796), Ф. Богомолец и ряд других ученых и общественных деятелей, связанных с просветительскими идеями. Монументальная “История польского народа” в семи томах (1780—1786) А. Нарушевича занимает важное место в польской историографии. Хотя изложение событий в ней доведено только до конца XIV в., “История” была актом не только науки, но и пуб-

лицистики — автор выступал сторонником сильной королевской власти и стремился показать гибельность для Польши шляхетской вольницы.

Принципиальное значение для чешской культуры и общественной мысли имел многотомный критический комментарий к “Чешской хронике” В. Гайка (XVI в.), который был составлен Г. Добнером. Первый том этого труда увидел свет в 1761 г. и вскоре возбудил против автора негодование в среде сторонников лагеря Контрреформации. Используя широкий круг источников и литературы (включая “Краткий российский летописец” М.В. Ломоносова), Г. Добнер решительно порывал с проникнутыми духом клерикализма историческими стереотипами своих предшественников. Он стремился доказать демократический характер общественного строя древних славян и наносил удар по генеалогическим построениям многих крупнейших чешских и польских феодальных родов.

Во многом сходными чертами проникнуты исторические труды словацкого и венгерского историка-энциклопедиста Матея Беля (1684—1749), который, в частности, выпустил пятитомное “Новое географическое и историческое описание Венгрии” (1735—1742), а также сборник документов по истории народов Венгрии (1735). Активными пропагандистами просветительских идей в исторической науке были словацкие историки Я. Грдличка и Ю. Папанек, которые в своих работах 1780-х годов отстаивали право словацкого народа на самобытное развитие.

В середние XVIII в. в Трансильвании началась деятельность так называемой “трансильванской триады”, в которую входили униатские священники: упоминавшиеся выше С. Мику-Клайн и Г. Шинкаи, а также П. Майор. Они отстаивали “дакороманскую идею”, согласно которой предки восточных романцев являлись автохтонами на данной территории, а их язык происходил от римской латыни. Способствуя формированию и пропаганде румынского национального самосознания в Дунайских княжествах, они помогали развитию буржуазно-национальных воззрений.

Историческая проблематика получила также разработку во второй половине XVIII в. и в южнославянской и греческой среде. Выдающимся памятником болгарской культуры того времени стала “История славяноболгарская” Паисия Хилендарского, в которой он доказывал необходимость развития и обогащения болгарского литературного языка и призывал соотечественников бороться за достижение национальной независимости. Патриотическими идеями были проникнуты труды словенских авторов — М. Похлина, написавшего в 1770—1778 гг. “Краинскую хронику”, и “Опыт описания истории Краины и прочих южных славян Австрии” (1778—1791) крупнейшего словенского просветителя и приверженца идей Французской буржуазной революции Антона Линхарта (1756—1795). Сербский просветитель Иован Раич, воспитанник Киевской академии, в своей “Истории разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов” (1794—1795) проповедовал единство южных славян и мысль об укреплении их связи с Россией. Видный представитель греческого Просвещения Е. Вулгарис отстаивал мысль о необходимости восстановления Византийского государства.

Интенсивно разрабатывались в XVIII в. и вопросы филологии. Наиболее характерным для всех трудов в этой области было подчеркивание важности развития и совершенствования литературных языков, введения в них научной терминологии и обогащения народной лексики. Особое значение имело это для таких народов, как сербы, хорваты, словенцы, влахи (румыны), у которых общенациональные литературные языки еще не успели сложиться, а также для словаков, употреблявших в качестве письменного чешский литературный язык. Однако задачи развития языка были не менее актуальными и для польского, венгерского и чешского литературных языков, обладавших непрерывной и длительной традицией. Огромный вклад в изучение и разработку не только чешского языка, но и славянской филологии в целом внес Й. Добровский.

Огромная общественная значимость борьбы за развитие национальных языков и устранение стоявших перед ними препятствий породила публицистические трактаты, в которых разбор собственно лингвистических вопросов сочетался с оценкой их культурно-патриотического смысла. В чешской и словацкой среде это были так называемые “языковые защиты”, образцом для которых являлась “Защита” Б. Бальбина, лишь в 1775 г., спустя столетие после написания, увидевшая свет в Праге на латинском языке. Широкий резонанс вызвала вышедшая там же в 1783 г. “Защита чешского языка от злобных его хулителей” В. Тама (1765—1816) — первый публицистический трактат такого рода, написанный по-чешски. Во многом сходные по смыслу произведения появлялись и у других народов. Так, в середине XVIII в. словенец А. Качич-Мношич выступил с патриотическим трактатом “Разговор, угодный народу словенского”.

С особой силой общественного и эмоционального воздействия национально-просветительская проблематика получает воплощение в художественной культуре славянских и балканских народов. Выдающимся и наиболее целостным явлением художественной культуры остальбского региона — по богатству жанров и их взаимосвязанности — стало польское искусство. Стремясь укрепить государственные устои, чтобы избежать национальной катастрофы, польские просветители подвергали резкой критике своевольные шляхты, поддерживали королевскую власть. Со своей стороны король Станислав Август, заинтересованный в привлечении на свою сторону общественного мнения, проводил курс на поддержку национальной художественной культуры, хотя действия короля-мецената нередко отличались мелочностью и сковывали творческие силы деятелей искусства. У остальных народов ареала ситуация была иной — понятно, что ни австрийская монархия, ни тем более Османская империя ни в коей мере не были заинтересованы в поддержке художественной культуры подвластных народов. Наоборот, они чинили ее развитию всяческие препятствия. Поэтому особую роль в художественной жизни этих народов приобрела общественная поддержка, а в отдельных случаях — меценатство со стороны патриотически настроенных представителей господствующих классов.

Среди разных форм художественной культуры наибольшую роль играли литература, театр, а также изобразительное искусство и музыка. Большим жанровым разнообразием отличалась польская литература. В ней были представлены такие популярные в эпоху Просвещения жанры, как роман, сатирическая и комическая поэзия, басни, пьесы и т.п. В творчестве И. Красицкого (1735—1801), С. Трембецкого (1735—1812), Т.К. Венгерского (1755—1787), Ф. Дмоховского (1762—1808), Ф. Заблоцкого (1750—1821) и ряда других поэтов, писателей и драматургов второй половины XVIII в. звучали темы гуманизма, защиты обездоленных крестьян, обличался эгоизм шляхты и духовенства. Хотя по большей части подобные произведения оставались в рамках умеренного просветительства, отдельные польские литераторы поднимались до воспевания идей революционного преобразования общества. Такого, например, творчество поэта Я. Ясиньского (1758—1794).

Для литератур остальных народов остальбского региона, не отличавшихся столь значительным жанровым разнообразием, также характерен был лейтмотив борьбы за свободное развитие народа, осуждение общественных пороков, прославление любви к родине и патриотизма. Подтверждением этому может служить “Трагедия Агиса” Д. Бешеньен, которой начинается развитие литературы венгерского Просвещения. Этими чувствами были проникнуты и появляющиеся во второй половине XVIII в. литературные произведения у балканских народов. Так, в поэме “Плач Сербин” (1761) З. Орфелин осуждал поведение не только австрийских властей, но и православного духовенства. Тема любви к родине, борьбы за свободу пронизывали творчество греческих поэтов К. Дапонтеса и М. Ионау. В XVIII в. появляются сочинения Н. Фракулы и других

албанских поэтов, в которых воспевалась борьба народа с османскими угнетателями.

Специфическим средством пропаганды национально-просветительских идей в массовой аудитории стал у многих народов в то время театр. Осуждение и осмеяние реакционных кругов польского общества, проповедь идей добра и социальной справедливости звучали, например, в пьесах польских драматургов Ф. Богомольца (1757—1784), В. Богуславского (1757—1829), Ю. Немцевича (1757—1841). В 1765 г. в Варшаве был открыт Национальный театр. Борьба за создание профессионального театра, который стал бы общественно-политической трибуной, занимает одно из важнейших мест и в усилиях чешских просветителей второй половины XVIII в. Среди них значительную роль сыграли В. Там, К. Там (1763—1816) и В. Стах (1754—1831).

В таких сферах художественной культуры, как живопись и музыка, все большее значение приобретали произведения национально-патриотической тематики, прославлявшие прошлое своих народов, показывавшие жизнь не только аристократов, как обычно было прежде, но в первую очередь простых людей — крестьян, ремесленников, интеллигенции. Преимущественно по заказу средних городских слоев, например, работали польские художники К. Войняковский (1771—1812), чешский художник Н. Грунд (1717—1767), словенский портретист Ф. Берган (1721—1769) и др. В ряде городов Центральной Европы создаются в эти десятилетия школы живописи и рисунка. Значительного размаха достигает и музыкальная культура, в которой ведущее место занимают опера и инструментальная музыка, например, знаменитые полонезы М. Огиньского (1765—1833). В музыкальной культуре особенно наглядно проявляется взаимосвязь и взаимовлияние культур. Так, видный композитор Ю. Козловский (1757—1831) позднее переехал в Россию и принимал участие в местной художественной жизни. Существенный вклад в польское оперное искусство внес словак М. Коменский (1734—1821). Тесные связи с чешской средой установились у гениального В. Моцарта. Большой известностью в Польше и землях Австрийской монархии пользовалась музыка итальянских, французских и других зарубежных композиторов. В то же время ввиду неблагоприятных условий, существовавших на родине, многие деятели искусства были вынуждены жить и творить в Германии, Италии, Англии, России и других странах Европы. Так, замечательный чешский композитор и дирижер, учитель и друг Моцарта, “божественный чех” Й. Мылшивечек (1737—1781) с 1763 г. работал в Италии. В Россию переехал чешский музыкант Я.А. Мареш, организовавший в середине XVIII в. в Петербурге оркестр роговой музыки, получивший затем широкую известность не только здесь, но и во многих странах Европы.

Характерной чертой культуры славянских и балканских народов XVIII в. было развитие фольклора и различных жанров искусства, ориентированных на народную среду и получавших в ней значительную популярность. В Чешских землях, например, в первой половине этого столетия создавались сатирические произведения из жизни горожан, а затем сложилось направление так называемой полународной литературы. В середине XVIII в. в Моравии родилась “Ганацкая опера”, представлявшая собой народную вариацию комической европейской оперы. В Венгерском королевстве появился вербукон, сочетавший элементы мадьярского, славянского, балканского и ближневосточного мелоса. Наряду с труппами бродячих актеров у многих народов Центральной и Юго-Восточной Европы важную роль играл кукольный театр, нередко являвшийся средством пропаганды передовых, свободолобивых идей. Примечательной чертой культурной жизни южнославянского и восточнороманского населения было возрождение эпического творчества, основным жанром которого был гайдуцкий эпос. Наряду с исполнением традиционных произведений фольклора, в XVII—XVIII вв. возникают новые его образцы — цикл песен о Косовской битве в сербской среде, о царе Шишмане у болгар и т.д. Характерно обращение

фольклора того времени не только к наиболее важным, драматическим событиям жизни народа в прошлом, но и к войнам европейских государств с Османской империей, воспевание подвигов народных героев. Переосмысление истории с точки зрения современности отразило свободолобивые устремления славянских и балканских народов, их веру в конечное торжество социальной справедливости. Народная культура сыграла необычно важную, во многом решающую роль в складывании системы национальной культуры, формировавшихся наций в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Этот процесс, на который влияли идеи Просвещения, протекал в упорной борьбе с реакционными и консервативными силами — приверженцами феодально-клерикальной идеологии в различных ее разновидностях, а также с гегемонистскими устремлениями правящих кругов австрийской монархии и Османской империи в отношении подвластных и зависимых от них народов. Поэтому в целом борьба за развитие культуры этих народов имела в XVIII в. прогрессивный, общедемократический характер.

С социально-экономической точки зрения эта борьба, отразившая начальный этап формирования буржуазного общества, не могла не нести в себе будущих классовых конфликтов. Это со всей очевидностью и в немалой степени под влиянием событий Французской революции стало проявляться на рубеже XVIII—XIX вв. и в последующие десятилетия, но зародыши подобных антагонизмов наблюдались уже в культурной жизни XVIII в., которая отражала не только идейно-эстетическое, но и общественно-политическое развитие своей эпохи. Поэтому борьба за просветительское истолкование задач науки и искусства, усилия по развитию и совершенствованию национальных литературных языков и созданию на них литературы, стремление создать основы целостной системы национальной культуры — все это оказывалось важнейшим (а для значительной части славянских и балканских народов единственно возможным) способом развития национально-просветительской общественной мысли.

Примечательным аспектом деятельности сторонников просветительских идей были усиливавшийся интерес к философской проблематике и к опыту европейской общественной мысли XVII—XVIII вв. Прежде всего это проявилось в ознакомлении с многими трудами английских, французских, немецких и других европейских просветителей и в распространении ряда их произведений как в оригиналах, так и в переводах. Это было тем более примечательно, что в Польше до середины XVIII в., а в Австрийской монархии отчасти и позднее важнейшие труды передовых европейских мыслителей были под запретом. Во второй половине XVIII в. положение постепенно начинает меняться. В Габсбургских землях, например, с 1752 по 1790 г. на немецком (в Вене и Праге) и венгерском языках было выпущено 56 переводов сочинений Вольтера, два раза в Вене (1779) и один раз в Праге (1781) выходили произведения Ш. Монтескье, а продажа его “Духа законов” на французском языке была дозволена еще в начале 1750-х годов.

Одновременно появлялись и первые опыты самостоятельной разработки философских вопросов, хотя они носили еще робкий характер и несли на себе печать непоследовательности и компромисса между философским рационализмом и религиозным провиденциализмом — таковы, например, работы Я. Бергхауэра (1684—1760) в Чешских землях, А. Яслинского (1715—1784) и Я.Б. Хорвата (1732—1800) в Словакии, хотя у последнего уже встречается критический подход к учению Канта. Более характерным, однако, для просветителей в Центральной и Юго-Восточной Европе было включение общеполитической проблематики в труды по истории, филологии и естественным наукам, а также в публицистические выступления. Об этом, в частности, свидетельствовало творчество таких выдающихся общественных деятелей, литераторов и ученых, как Г. Коллоитай, Ф. Езерский и С. Сташиц в Польше, Д. Бешеньей, Ф. Казинци и Г. Берзевици в Венгрии, И. Борн, Й. Добровский и И. Прохазка в Чешских землях, А. Линхарт в Словении,

Д. Обрадович в Сербии и т.д. Общефилософская проблематика получила отражение в трактате Паисия Хилендарского и в воззрениях ближайшего его предшественника Д. Брадати (ок. 1690—1760). Спецификой этого процесса было то, что значительная часть просветителей у славянских и балканских народов либо принадлежала к духовному сословию, либо была связана с ним по происхождению и воспитанию. Это не могло в ряде случаев не накладывать отпечатка на развитие общественной мысли, ослабляя или сглаживая остроту борьбы с клерикализмом, которая за немногими исключениями велась не против религии как таковой, а против некоторых устаревших и ставших одиозными церковных институтов.

Наиболее целостным феноменом общественной мысли XVIII в. в остальбском регионе было польское Просвещение. Наряду с ним высокого уровня развития достигли идеи просветительского типа в венгерской, чешской, словацкой и греческой среде, а также у сербов и словенцев. При этом у ряда балканских народов задачи просветительского этапа общественной мысли решались порой с использованием некоторых приемов поэтики барокко, что придавало процессу идейного развития черты регионального своеобразия. Таким образом, если далеко не во всех случаях представляется возможным говорить о национально-просветительских воззрениях как о всеохватывающей идейно-культурной системе, в главных, основных чертах это течение общественной мысли у всех славянских и балканских народов ареала имело все же немало сходного. Представители этого направления подвергали критике феодально-клерикальную идеологию, осуждали суеверия и религиозный фанатизм, отстаивали требования духовной свободы и веротерпимости, эмансипации личностей как части национального коллектива, а в ряде случаев высказывались за смягчение или отмену крепостного права и проведение реформ, которые объективно отвечали развитию буржуазных отношений.

Само по себе движение эпохи Просвещения в остальбском регионе не было единым, поскольку по ряду принципиальных вопросов между просветителями существовали серьезные расхождения. Если, например, поэты С. Трембецкий и И. Красицкий или историк А. Нарушевич тяготели к умеренному крылу польского Просвещения, то выразителем его левого, революционного направления был поэт Я. Ясиньский. Представителями радикального лагеря венгерского Просвещения были Г. Берзевици и особенно Й. Хайноци, один из участников заговора венгерских якобинцев 1793—1794 гг. Вызревание радикального направления происходило и в общественной мысли греческого Просвещения, один из видных представителей которого, Р. Велестинлис, вдохновленный идеями Французской революции, подготовил проект конституции для Греции и других балканских земель, восстановление независимости которых он предвидел. Наоборот, в чешской и словацкой общественной мысли эпохи Просвещения не возникло радикального, а тем более революционного крыла, хотя, например, такие деятели чешского национально-просветительского течения, как Ф. Штейнский, Я. Опиз (1741—1812) и Й. Добровский, и высказывали в 1780-х — начале 1790-х годов некоторые радикальные идеи по вопросам общественного устройства и религии. Все же никто из чешских и словацких просветителей никогда не принимал идеи революционного переустройства общества, оставаясь приверженцами просвещенного абсолютизма. Политическая система австрийского йозефизма питала их надежды на возможность мирным путем достичь того, на что в противном случае потребовалось бы бессмысленное, по их мнению, кровавое насилие. И такая позиция была во многом близка большинству деятелей остальных народов ареала.

Несмотря на ограниченность и преобладающую умеренность в социально-политической области, сторожки идей Просвещения сыграли огромную роль в развитии национального сознания угнетенных народов рассматриваемого региона, в мобилизации сил зарождавшихся национально-освободительных движений. Общественная мысль большей части XVIII в. составила подготовительный этап и начальную фазу идейного развития периода, который в истории большинства народов данного региона получил наименование эпохи национального возрождения.

Глава 8

РАННИЕ БУРЖУАЗНЫЕ ГОСУДАРСТВА И “ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ” В ЕВРОПЕ XVIII ВЕКА

В первой половине XVIII в. процесс преобразования на капиталистических основах дальше всего зашел на северо-западе Европы, где результаты буржуазных революций принесли свои плоды: Великобритания и Нидерланды, будучи эпицентром капиталистической эволюции, наглядно продемонстрировали преимущества нового строя. Именно эти страны шли в авангарде не только экономического и политического, но и идеологического переустройства общества, что выразилось прежде всего в секуляризации общественного сознания. Именно из этого региона шли наиболее яркие достижения новой идеологии, рожденной победоносными буржуазными революциями, — механика Ньютона, идея общественного договора и сенсуализм. В остальной Европе продолжали господствовать феодальные порядки, а политический строй являлся, как правило, абсолютной монархией, хотя повсюду зародились уже капиталистические отношения.

В политическом отношении в наиболее развитых государствах Европы, вступивших на капиталистический путь, прежде всего в Англии, складывались новые, свойственные капитализму формы государственной власти. Именно первая половина XVIII в. стала для Англии тем временем, когда старые формы — в частности, парламент — во все большей степени наполнялись новым содержанием. Дверь этому открыла “славная революция” 1688 г., окончательно поставившая у власти обуржуазившуюся земельную аристократию и верхушку торгово-промышленной буржуазии. Установился режим конституционной монархии, конституционной по сути, поскольку какого-либо основного закона или конституции как таковой в Англии так и не было принято. Вильгельм III Оранский получил власть с рядом ограничений, сформулированных в “Декларации прав” и затем в “Билле о правах”: король уже не мог приостанавливать действия законов и взимать налоги. Значительно усиливалась власть парламента, который практически должен был теперь собираться ежегодно, так как сбор налогов и гражданский лист вотиrowались всего на год. Была провозглашена свобода прений в парламенте и подачи в него петиций. В 1701 г., незадолго до смерти Вильгельма III, парламент принял “Билль о престолонаследии и статут об устройстве королевства”, отрезавший Стюартам возможность возврата на британский престол. Прав на него был лишен находившийся в эмиграции сын Якова II, реакционер и католик, а наследницей провозглашалась бездетная дочь Якова II Анна. После нее престол должен был перейти к представителям Ганноверской династии, потомкам дочери Якова I. Главным же было введение парламентаризма — ответственности министров перед парламентом. Кроме того, отныне принятые в парламенте законы вступали в силу не только после подписания их королем: они должны были быть контрассигнованы министром, внесшим этот законопроект в парламент. К парламенту теперь переходило и право назначать и смещать судей.

Вступление на престол после кончины Вильгельма III Оранского безвольной, ограниченной и малообразованной Анны (1702—1714) лишь способствовало дальнейшему фактическому усилению всевластия парламента. Этот процесс был продолжен унией Англии с Шотландией 1707 г., которая упраздняла шотландский парламент. Представители от Шотландии были включены в состав английского парламента. Именно с этого времени стало употребляться название “Великобритания.”

В первые десятилетия XVIII в. в двухпалатном парламенте Великобритании — палате лордов, куда входила верхушка землевладельческой аристократии, и пала-

те общин — господствовали попеременно две партии (парламентские группировки) “виги” и “тори”, боровшиеся между собой за большинство и, соответственно, за власть. Если виги были большей частью коммерсанты, финансисты, крупные предприниматели, составившие себе состояние на заморской торговле и колониальных авантюрах, а также обуржуазившиеся землевладельцы-аристократы, то тори поддерживались в основном среднепоместными сквайрами-помещиками, более консервативными по своей сути.

Дальнейшая деградация королевской власти в Великобритании нашла отражение в первых королях Ганноверской династии, при Георге I (1714—1727), который почти совсем не занимался английскими делами и даже перестал со временем посещать заседания Тайного совета, превратившегося окончательно из совещательного органа при короле в независимый от него кабинет министров, подотчетный уже только парламенту. На практике полностью утвердился парламентаризм, так как король стал назначать кабинет из представителей партии, имевшей большинство голосов в парламенте. При втором представителе Ганноверской династии — Георге II (1727—1760) король потерял право вето в отношении принятых парламентом законов и право принимать участие в заседаниях правительства.

Усиление власти парламента привело к обострению борьбы между вигами и тори за большинство. Во главе вигов, сформировавших кабинет в 1702 г., стоял видный полководец, при этом карьерист и взяточник, герцог Мальборо. Но уже в 1710 г. тори, воспользовавшись трудностями в войне за “испанское наследство”, одержали на выборах победу, сформировали свой кабинет, где первую скрипку играл виконт Болингброк, один из виднейших представителей английской политической мысли первой половины XVIII в. Стремясь упрочить господствующее положение землевладельцев, тори приняли в 1711 г. статут, установивший имущественный ценз для депутатов от графств в 600 ф. ст. годового дохода с недвижимости, а для депутатов от городов — в 200 ф.ст. Однако эта мера не помогла им сохранить власть. После вступления на престол Георга I виги вернулись и, стремясь закрепить за собой победу, в 1716 г. приняли закон об увеличении срока полномочий депутатов с трех лет до семи.

Столь превозносимая многими авторами английская парламентская система в том виде, как она установилась в первые десятилетия XVIII в., была весьма далека от народа. Избирательными правами пользовалось всего 5% населения. Кроме того, выборы оставались открытыми, широко применялся подкуп, на избирателей оказывалось прямое давление. Сами же депутаты были весьма податливы к подкупу, коррупции, осуществлявшейся посредством пенсий, подачек, а также раздачей выгодных должностей. Именно в первой половине XVIII в. в Великобритании появился ставший в наши дни столь обычным тип профессионального буржуазного политика, точнее политикана, в практике которого характерными чертами были предприимчивость, беспринципность, изворотливость, смешивание дел политических с собственным обогащением. Таким деятелем нового, буржуазного типа и был лендлорд и финансист Роберт Уолпол, с 1721 по 1742 г. лидер партии вигов и премьер-министр.

Конституционная по сути и парламентарная монархия, установившаяся в Великобритании в первой половине XVIII в., оказалась именно предтечей того политического строя, установление которого влекло за собой укрепление и победу новых капиталистических отношений. Естественно, современники, как восхищавшиеся английскими порядками, к примеру Монтескье или Вольтер, так и замечавшие их пороки, не могли адекватно оценить происшедшие перемены. Более того, в ослаблении королевской власти в Великобритании подчас видели источник слабости. Это объяснялось отчасти тем, что главной тенденцией развития политических институтов в большей части Европы было укрепление власти монарха, а государства, где такой сильной централизованной власти не было, такие, как Речь Посполитая или старые патрицианские республики Венеция и Генуя, явно находились в тот период в состоянии упадка.

Однако влияние британского примера совершенно особым образом проявилось тогда в Швеции, где в 1718 г. военно-бюрократический абсолютизм рухнул вместе с его носителем Карлом XII, сраженным пулей темной ночью под стенами норвежской крепости Фредрикстен. Здесь политическое развитие в направлении установления новых, свойственных капитализму форм было весьма своеобразным. В 1718—1720 гг. в Швеции установилась система сословного парламентаризма, где полнота государственной власти оказалась в руках парламента, состоявшего издавна из четырех сословий (дворянства, бюргерства, духовенства и крестьянства), формируемых им органов правительства и Секретной комиссии. Фактически власть оказалась в руках аристократической олигархии. Однако в установившемся в тот период политическом строе имелись определенные возможности для развития его в буржуазном направлении. Сословный парламентаризм был установлен под непосредственным влиянием идей Английской буржуазной революции XVII в., окончательного закрепления в Великобритании буржуазно-парламентского строя. Конституция Швеции 1719 г., так называемая Форма правления, была составлена под влиянием Джона Локка. В шведском сословном парламенте — риксдаге развернулась борьба между парламентскими партиями — неоформленными политическими группировками депутатов. В 30-е годы XVIII в. сложились две такие группировки (партии) — “шляп” (hattar) и “колпаков” (mössor), различавшиеся в основном по своей внешнеполитической ориентации. “Шляпы” ориентировались на Францию и выступали за реванш против России, а “колпаки” были за поддержку мирных, добрососедских отношений с восточным соседом. Довольно быстрое развитие капиталистического уклада в Швеции, тесно связанной экономически с Великобританией, привело к возникновению в 1760-х годах новой ситуации, когда в политическом развитии Швеция вырвалась вперед.

Место Швеции в складывающемся общеевропейском рынке благодаря экспорту важнейшего товара — железа — способствовало укреплению капиталистического уклада. Более того, процесс обуржуазивания начал широко затрагивать дворянское сословие. Сословная структура стала размываться, часть дворянства обуржуазивалась, появились новые внесословные социальные слои, уже походившие на буржуазию в современном понимании больше, чем традиционное бюргерство. Это повлекло за собой изменение характера государственного строя — сословный парламентаризм именно в 60-е годы XVIII в. терял характер власти дворянско-аристократической олигархии, наполнился новым содержанием. Парламентские партии “шляпы” и “младшие колпаки” постепенно превращались в общенациональные организации. В политической борьбе в Швеции проявились буржуазно-демократические тенденции: в 1766 г. была, например, расширена свобода печати до невиданной в феодальной Европе того времени степени. Межпартийная борьба стала восприниматься в Швеции как норма политической жизни. К концу десятилетия в стране резко обострилась классовая и межпартийная борьба, подстрекавшаяся еще к тому же соперничавшими за политическое влияние в Швеции великими державами. Франция продолжала традиционно поддерживать “шляп” и стремившуюся к реставрации абсолютизма “придворную партию”. “Младшие колпаки”, все более отчетливо выражавшие интересы провинциальной буржуазии и выступавшие с программой ограниченных буржуазных реформ, пользовались поддержкой как буржуазной Англии, так и Дании и России, явно не желавших восстановления в Швеции сильной королевской власти с ее реваншистскими устремлениями.

Однако все более обострявшаяся к концу 1760-х годов революционная ситуация в Швеции поставила режим сословного парламентаризма на грань кризиса. Имевшиеся налицо потенции в направлении буржуазного развития в политической сфере все же оказались недостаточными — капиталистический уклад в стране охватывал еще малую часть населения, страна оставалась феодальной и даже патриархальной. В результате пришедшие к власти в 1765 г. “младшие колпаки” не смогли последовательно осуществить буржуазные

демократические реформы. Консервативные силы при поддержке короны оказывали все возрастающее сопротивление. Дворянство было крайне обеспокоено громко звучащими требованиями буржуазно-радикальных кругов об отмене привилегий и введении двухпалатного риксдага, дальнейшем ограничении власти короля. Этим воспользовался молодой король Густав III и в августе 1772 г., опираясь на дворянство и армию, осуществил переворот. Парламентарному эксперименту с его буржуазно-демократическими тенденциями в Швеции был положен конец.

Политическое развитие подавляющего большинства государств Европы, где еще господствовали феодальные порядки, пошло в ином направлении.

Во второй половине XVIII в. в связи с общеевропейским экономическим и демографическим подъемом в правящих кругах европейских государств все более нарастало осознание необходимости модернизации экономической и политической системы. Это общеевропейское явление, которое в большей или меньшей степени захватило подавляющее большинство феодальных государств Европы, традиционно, хотя и не всегда точно именуется "просвещенным абсолютизмом", или в англо-французской литературе "просвещенным деспотизмом". Словесная конструкция "просвещенный абсолютизм" была изобретением немецких историков середины XIX в. Эта конструкция имеет право на существование, поскольку она относительно верно отражает суть явления и стала привычной. Философы Просвещения — Вольтер, Дидро — писали о королях-философах, о просвещенных государях. Физиократ Мерсье де ла Ривьер в 1767 г. обнародовал труд, где ратовал за своеобразную буржуазную утопию — "легальный деспотизм", неограниченную власть государя, познавшего естественные законы и управляющего в соответствии с ними.

В изучении истории большинства европейских государств XVIII в. проблемы, связанные с "просвещенным абсолютизмом", или "просвещенным деспотизмом", заняли без преувеличений центральное место. Многие историки Германии, Австрии, Испании, Португалии, Италии, Скандинавских стран, а также видные представители дореволюционной русской исторической школы, например Н.А. Кареев, М.М. Ковалевский, старались представить политику "просвещенных деспотов", проведенные ими реформы как своего рода альтернативу буржуазной революции. Великую французскую революцию они объясняли в большей или меньшей степени тем, что во Франции попытки ввести "просвещенный абсолютизм" (Мопу, Тюрго, Неккер) из-за сопротивления консервативных сил потерпели полную неудачу. Н.А. Кареев считал, что общество можно преобразовать двояко: либо снизу, силой народного движения, либо сверху, путем действия государственной власти, поэтому для него "просвещенные деспоты" XVIII в. были "как бы предшественниками революции, поскольку и они, и революционные деятели иногда ставили себе одни и те же задачи и исходили из одних и тех же идей"¹. Он писал: "У просвещенного абсолютизма и революции было много общего, вследствие чего оба явления можно подвести под одно общее понятие преобразовательного движения XVIII века под знаменем общественных идей этого столетия"².

В 30-е годы нашего столетия историки Западной Европы сделали попытку комплексно и всесторонне изучить проблему "просвещенного абсолютизма", выйдя из географических рамок Европы и временных рамок XVIII столетия. Попытка оказалась неудачной, поскольку "просвещенный абсолютизм" в конце концов рассматривался здесь не как конкретное историческое явление европейской истории XVIII в., эпохи начинающегося перехода от феодальной к капиталистической формации, а как модель государственного вмешательства в экономическую и политическую жизнь с использованием просвещения, науки,

¹ Кареев Н.А. История Западной Европы в новое время. СПб., 1908. Т. II. С. 2.

² Там же. С. 5.

философии. “Просвещенный абсолютизм” был “обнаружен” и в глубокой древности, и в новейшее время не только в Европе, но и на других континентах. В это понятие включили и деятельность Перикла в Древней Греции, и Макиавелли, и революцию Мейдзи в Японии, и даже фашистскую диктатуру Муссолини в Италии. После второй мировой войны этот антиисторический подход был отброшен и основное внимание историков сконцентрировалось на конкретно-историческом изучении реформ, проводившихся в 1740—1780-е годы в ряде европейских государств. В последние десятилетия к проблеме “просвещенного абсолютизма” замечен стойкий интерес и зарубежных и отечественных историков. Значительным достижением стал, в частности, выпуск в 1985 г. коллективного исследования “Просвещенный абсолютизм” под редакцией А. Соболя и Б. Кепечи³.

Суть политики “просвещенного абсолютизма” состояла в том, чтобы, не меняя по существу государственных форм абсолютной монархии, в рамках этих форм, сверху проводить реформы в экономической, политической, культурной областях, направленные на модернизацию, устранение наиболее одиозных, устаревших, явственных всего тормозящих движение вперед проявлений феодального порядка.

Реформы “просвещенного абсолютизма” прежде всего диктовались объективно назревшими потребностями преобразования всего Европейского континента на началах новой социально-экономической формации — капитализма. Усиливающаяся необходимость перемен, необходимость объективная, во все большей степени осознавалась мыслящими людьми той эпохи. Нравственным стимулом таких реформ была получившая распространение идеология Просвещения, ярче всего представленная во Франции, призывавшая подвергнуть все суду разума и перестроить общество на разумных началах. Для французских просветителей Англия и Голландия, несмотря на явный упадок последней, упадок, впрочем, относительный (просто Нидерланды вернулись в разряд держав второго ранга в силу своих размеров и численности населения), были эталоном для подражания (Вольтер, Монтескьё).

Еще одним важным доводом, который во многом способствовал убеждению в необходимости реформ сверху для усиления собственного государства, был пример петровской России. Далекая, плохо известная Московия, как часто по традиции именовали в Западной Европе возникшее на востоке континента огромное государство, в результате преобразований конца XVII — первых десятилетий XVIII в. превратилась в первоклассную могучую великую державу — Российскую империю. Не случайно именно Вольтер, главный проповедник идей “просвещенного абсолютизма”, видел в Петре Великом образец того идеального монарха, который своей властью может преобразить страну на началах разума.

Просветительские и реформистские идеи были восприняты различными группами привилегированного феодального класса, интерпретировавшими их в соответствии с собственными интересами. Проблемы, которые все острее и острее ставила перед ними усложняющаяся действительность Европы XVIII в., усиливали осознание необходимости перемен, реформ, хотя здесь еще не ставилась и не могла ставиться задача смены феодального строя чем-то новым.

На почве идеологии Просвещения возникли не только идеи “просвещенного абсолютизма”, но и конституционалистские теории. Если “просвещенный абсолютизм” стремился преобразовать старое общество, укрепляя неограниченную власть монарха, при помощи этой власти, то представители просвещенного дворянства считали необходимым, черпая идеологическое обоснование прежде всего у Монтескьё, модернизировать старую представительную феодальную сословную систему, сделать именно ее орудием преобразований общества.

Просвещенная аристократия наиболее громко заставила говорить о себе в

³ L'absolutisme éclairé. Budapest, 1985.

Речи Посполитой, а также в Швеции “эры свобод”, но идеи перехода власти к просвещенной аристократической олигархии можно встретить и в государствах, где утвердился абсолютизм, в России, например, или в Габсбургских владениях, прежде всего в непокоренной Венгрии. Здесь просвещенная аристократия, вдохновляясь отчасти идеями Просвещения, пыталась противопоставить свою альтернативу “просвещенному абсолютизму”, выступая в качестве оппозиции.

Тем не менее в целом, в смысле отражения интересов привилегированных классов, система “просвещенного абсолютизма” была гораздо более распространенной. Просвещение создало с разными вариациями утопический образ мудрого монарха с неограниченной властью, способного осуществить преобразование общества на началах разума. Вольтер прежде всего в своих философских, исторических и литературных произведениях (“Генриада”, “Задиг”, “Век Людовика XIV”) высказывал сочувствие идее просвещенного монарха, подчеркивая заслуги монархической власти в борьбе с феодальной анархией. От государя-философа, монарха, воспитанного на идеях Просвещения, Вольтер ждал отмены наиболее одиозных пережитков феодализма, покровительства просвещению и борьбы с суевериями и религиозной нетерпимостью. Для Вольтера “добрый, просвещенный монарх” с его реформами был как бы мостом к ограниченной монархии, к конституционализму. Свой идеал он видел в Генрихе IV и Людовике XIV, а в его время — во Фридрихе II и Екатерине II. Таким просвещенным монархом Вольтер считал и Петра I. Он приветствовал государственный переворот 1772 г. в Швеции, считая, что Густав III, восстановивший полуабсолютистский государственный строй, нанес удар по феодально-олигархической системе. Большие надежды Вольтер возлагал на реформаторскую деятельность Тюрго. Своеобразное идеологическое оформление доктрины “просвещенного абсолютизма” было дано также физиократами, называвшими эту систему “легальным деспотизмом”. Физиократы, прежде всего Мерсье де ла Ривьер, считали, что сильная королевская власть нужна для обеспечения естественных свобод и прав человека — права собственности и экономических свобод. Абсолютный монарх, познавший естественные законы, стоящий на их страже, — вот идеал физиократов.

Идеи французских просветителей нашли самое широкое отражение в трудах идеологов “просвещенного абсолютизма” в разных странах — от России до Португалии. Попав на иную социально-экономическую почву, эти идеи трансформировались в зависимости от интересов тех слоев, представители которых на них откликались. Если у французских просветителей “просвещенный монарх” в конечном счете должен был построить царство разума, т.е. буржуазное общество, то главной и основной целью самих “просвещенных монархов”, при всей их просветительской фразеологии, оставалось укрепление существующего строя, сохранение господства феодального класса, усиление абсолютистского государства, его финансовой и экономической мощи.

Наиболее углубленно монархическую концепцию “просвещенного абсолютизма” дали коронованные “философы”, прежде всего Фридрих II, а также Екатерина II в своих историко-публицистических произведениях, а затем в знаменитом наказе Уложенной комиссии 1767 г., где, опираясь на теорию естественного права, она обосновывала принципы самодержавного правления. С одной стороны, философствовавшая императрица депларировала прогрессивные просветительские идеи, а с другой — выступала за сохранение самодержавия, всевластия дворянства, сословного строя и, что самое главное, крепостного права.

Хотя именно идеи французского Просвещения оказали первостепенное влияние на формирование идеологии “просвещенного абсолютизма”, но их восприятие было подготовлено политической мыслью в различных странах, прежде всего теоретиками абсолютизма. Видное место здесь занимает Самуэль Пуфендорф, теоретик естественного права, который выдвинул мысль о государе как о первом слуге государства, воспринятую впоследствии Фридрихом II и Иосифом II в качестве основополагающего принципа “просвещенного абсолютизма”. Идея

религиозной терпимости отстаивалась Лейбницем, продолжателем которого Христиан Вольф выдвинул идею о всемогущем государстве на службе общественного блага. В монархии Габсбургов венская юридическая школа Риггера, Мартини и Юсти развивала традиции Пуфендорфа, что легло в основу йозефинизма. Признавая принцип общественного договора, венские юристы настаивали на том, что неограниченная власть должна служить общему благу. Они также развивали принцип подчиненности церкви светскому государству. В средиземноморских странах тенденции идеологии “просвещенного абсолютизма” проявились прежде всего в религиозной области. Итальянские мыслители Джанноне, Муратори и другие также отстаивали независимость государственной власти от церкви и римской курии. Аналогичные тенденции прослеживались и в Испании. Не случайно, религиозные вопросы заняли первостепенное место именно в католических странах.

Фридрих II

Страны Северной Европы — Датско-норвежское королевство и Швеция — были близки к германским протестантским государствам, испытывая двойное — французское и германское — идеологическое влияние. В Швеции в обстановке кризиса 60-х годов, резкого обострения классовых и сословных противоречий, появления революционной ситуации в конце периода “эры свобод” распространение идеологии “просвещенного абсолютизма” способствовало успеху государственного переворота 1772 г. Густава III.

Во Франции, ведущей европейской стране XVIII в., где отчетливее всего были видны обострившиеся внутренние противоречия между феодальными формами и потребностями страны в капиталистическом развитии, наиболее дальновидные представители правящих кругов осознавали необходимость каких-то реформ, которые вывели бы страну из все более назревавшего и углублявшегося кризиса. Некоторые из этих попыток носили на себе явную печать Просвещения. В 60—70-е годы правительство издавало указы, поощрявшие огораживания, ликвидацию общинных сервитутов, разделы общинных земель, т.е. акты, по сути направленные на поощрение буржуазной эволюции сельского хозяйства. Канцлер Мопу в 1770—1774 гг. попытался реформировать архаичную систему судопроизводства. Однако при Людовике XV все реформы наталкивались на сопротивление и терпели полную или частичную неудачу. Провалились и реформы, которые попытался провести в 1774—1776 гг. после вступления на престол Людовика XVI генеральный контролер финансов Тюрго, отменивший регламентацию хлебной торговли, упразднивший цеховые корпорации, освободивший крестьян от государственной дорожной барщины, заменив ее поземельным денежным налогом, которым теперь должны были облагаться все сословия. Хотя реформы, что пытались провести Мопу и Тюрго, во многом идентичны преобразованиям, которые были проведены в других европейских государствах в те времена, вряд ли можно говорить об установлении во Франции системы “просвещенного абсолютизма” как таковой. Реформы были неудачными, а их инициаторы стояли у руля власти короткое время.

Реформы “просвещенного абсолютизма” начались в Пруссии в 1740 г., когда

короля-солдафона Фридриха-Вильгельма I сменил его образованный и интеллигентный сын Фридрих II, вошедший в западную историографию под именем Великого, философ и литератор, оставивший после себя 30 томов сочинений. Почти все его литературное и эпистолярное наследие написано по-французски. Главной задачей, которую ставил перед собой Фридрих II на протяжении всего своего царствования, было укрепление феодально-абсолютистского государства, придание Пруссии ранга великой державы путем внешней экспансии. Для осуществления этой цели нужна была крепкая экономика. В то же время Фридрих, как человек нового “просвещенного” склада, понимал значение расширения образования, развития науки и культуры. Первые мероприятия молодого короля произвели в Европе сенсацию, поскольку, при всей их ограниченности, они, казалось, предвещали новую эпоху по сравнению с откровенно казарменным режимом отца. Было объявлено о восстановлении Академии наук, была отменена цензура (правда, вскоре восстановлена), был принят декрет о веротерпимости. Однако основная черта прусского абсолютизма — его милитаристский характер не только сохранился, но и укрепился. Пруссия, занимая 10-е место по площади и 13-е по населению, имела третью по численности армию в Европе. 70—80% бюджета страны шло на ее содержание. Широко известная слаженность в работе государственного аппарата и администрации во многом объяснялась их военизированным характером. Пруссия Фридриха II на протяжении всего времени его царствования оставалась полицейским государством, где “творец патриархального деспотизма, друг просвещения с помощью розги”, как характеризовал короля К. Маркс⁴, подавлял всякое свободомыслие, чем разочаровал просветителей, увидевших в нем свой идеал.

Проводимые Фридрихом II реформы в целом не выходили за рамки феодально-абсолютистского строя. В области экономики он во многом продолжил меркантилистскую политику отца. Главные предметы ввоза готовой продукции подвергались очень высокому таможенному обложению, а после Семилетней войны был запрещен импорт около 500 названий товаров. Вывоз сырья также запрещался. Продолжалась жесткая мелочная регламентация работы фабрик и мануфактур. Экономические меры Фридриха II в конечном счете, не создав общепрусского рынка, ставили барьеры на пути создания общегерманского рынка, таким образом препятствуя развитию капитализма и соответственно объединению Германии. Политика веротерпимости также объяснялась экономическими интересами — привлечением переселенцев и борьбой с католической Австрией.

В социальной области прусский “просвещенный абсолютизм” оказался весьма консервативным. Господствующее положение дворянства еще больше укрепилось: дворяне получили полное преимущество в армии и государственном аппарате. Разночинные элементы теперь почти не допускались к офицерским и высшим чиновничьим должностям. Дворянство, за исключением западных владений и присоединенной в 1741 г. Силезии, было освобождено от налогов.

Политика Фридриха II в отношении крестьянства диктовалась соображениями фиска и рекрутчины. Были предприняты некоторые попытки улучшить положение крестьян — держателей коронных земель. В 1777 г. им были гарантированы права собственности и наследования. Правительство пыталось также препятствовать сгону помещиками крестьян. Фридрих попытался было отменить крепостное право в Померании в 1763 г., но, натолкнувшись на сопротивление дворянства, был вынужден пойти на попятную.

Более последовательными оказались реформы в области судопроизводства, проводившиеся королем на протяжении всего его царствования двумя этапами — до Семилетней войны и затем в 70—80-е годы: были отменены пытки,

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 519.

установлена независимость судей от администрации, введено новое уложение, значительно модернизировавшее под влиянием идей естественного права архаичную систему судопроизводства. При этом новое прусское законодательство сохранило еще элементы сословного неравенства, и поэтому нет оснований превозносить его, как это делали некоторые прусские историки, ставя его выше гражданского кодекса Наполеона.

“Просвещенный абсолютизм” Фридриха II, которым восхищались многие современники и затем многие представители германской историографии, не означал качественного поворота в судьбе страны, отнюдь не был “революцией сверху”, а лишь укрепил феодальную структуру. Крах этой политики проявился позднее, под Йеной и Ауэрштедтом в 1806 г.

“Просвещенный абсолютизм”, его идеология оказали весьма значительное влияние на остальные германские государства, в большинстве которых были в той или иной степени проведены реформы, способствовавшие модернизации, но не преступившие рамок феодального строя. В двух крупнейших государствах (после Пруссии) Саксонии и Баварии основными деятелями реформы были министры или советники буржуазного происхождения, чьи идейные позиции сформировались под влиянием Просвещения. Эти люди были убеждены в необходимости сильных мер, укрепления государства. Кроме того, объективная необходимость реформ была усилена плачевными и разорительными результатами войн: для Баварии — войны за “австрийское наследство”, а для Саксонии — Семилетней войны. В этих государствах именно войны непосредственно подтолкнули их правителей к реформам. Объективной целью реформ были укрепление мощи государства, увеличение его доходов, а средствами: в Саксонии — поощрение ремесел, мануфактур, буржуазии, а в Баварии — сельского хозяйства и среднего крестьянства. В Саксонии на реформаторов значительное влияние оказал пиетизм, а в Баварии — католическое Просвещение.

Главным противоречием в курфюршестве Саксония в тот период являлось противоречие между продвинувшимся вперед капиталистическим укладом и архаичными отношениями в сельском хозяйстве. Основные реформы были проведены в 1762—1763 гг. по инициативе двух государственных деятелей, аnobлированных богатых буржуа, Томаса фон Фриша и Петера фон Гогенталя. Значительно уменьшилось влияние цехов-корпораций. В Саксонии была введена свобода торговли и отменены монополии, проведена перепись населения, упорядочена администрации, обновлены школы и академии.

В Баварии реформы в духе “просвещенного абсолютизма” пришлось на период правления курфюрста Максимилиана III (1745—1777). Была улучшена денежная система, созданы учреждения для руководства экономикой, проведена перепись населения и профессий. Были разработаны и приняты новые гражданский и уголовный кодексы. Однако реформа финансов потерпела неудачу. В 1759 г. в Мюнхене по инициативе ряда эрудитов буржуазного происхождения была создана Баварская Академия наук, ставшая центром распространения идей Просвещения. Эти реформы проводились курфюрстом под влиянием его советников-юристов, по происхождению разночинцев, Икштатта, Лори и Остервальда, последователей Христиана Вольфа, стремившихся примирить христианство и рационализм. Важное место в Баварии, остававшейся католической, заняли в отличие от протестантской Гермаини реформы взаимоотношений церкви и государства в духе йозефинизма. Было отменено “право мертвой руки”, значительными налогами обложены монастыри, поставлены под контроль связи местного духовенства с Римом. После упразднения ордена иезуитов было реформировано образование — созданы так называемые реальные школы для подготовки в области экономики и администрации, а также гимназия, где большое внимание уделялось классическим предметам. После 1777 г., когда Максимилиана III сменил Карл Теодор (до 1799 г.), проведение многих реформ приостановилось, за исключением религиозных. После того как в 1785 г. было раскрыто тайное общество иллю-

минатов — сторонников просветительства, правительство Баварии встало на откровенно реакционный курс. Баварский абсолютизм в эпоху своей “просвещенной” стадии не смог стать полным — так, Максимилиану III не удалось лишить сословия права вотировать налоги.

Наиболее последовательным “просвещенный абсолютизм” в Германии оказался в небольшом западногерманском государстве Бадене, где маркграф, а затем великий герцог Карл Фридрих (1746—1812) провел широкую серию реформ, прилагая большие усилия для улучшения сельского хозяйства согласно идеям физиократов, с которыми он состоял в личной переписке. Реформы Карла Фридриха шли на пользу среднему крестьянству, способствовали развитию виноградарства и ремесла, но в то же время они больно ударили по интересам беднейших слоев сельского населения.

Влияние идей “просвещенного абсолютизма” затронуло и многие захолустные германские дворы. Даже известный тиран герцог Карл Евгений Вюртембергский (1744—1793), гонитель Шиллера и Шубарта, в 1778 г. отказался от пиетизма, стал покровителем сельского хозяйства, ремесел, торговли и образования. Принципы просветительской философии старался внедрить, по крайней мере на словах, граф Вильгельм фон Шаумбург-Липпе (1764—1777), философ и франк-масон, переписывавшийся с Кантом, Гердером и Мендельсоном.

Во многих же других государствах Германии, включая и Ганновер, которым от имени курфюрста, короля Англии, управляла дворянская олигархия, реформаторская деятельность проводилась в самых минимальных размерах. На деспотический абсолютизм часто Просвещение не оказывало никакого влияния: например, маркграф Гессен-Касселя даже продавал своих подданных в качестве солдат для войны в Северной Америке.

В 40-х годах XVIII в. реформы начались во владениях Габсбургов, причем вначале они не носили “просвещенного” характера, а были лишь средством укрепления абсолютистской власти государства. Уже в начале 1740-х годов императрица Мария Терезия, которую едва ли можно назвать “просвещенным монархом”, под влиянием тяжелых испытаний, вызванных ходом войны за “австрийское наследство”, с помощью способных советников Кауница, Гаугвица и Хотека начала реорганизацию центральной администрации в Вене в целях улучшения финансового положения страны. И императрица и ее советники понимали необходимость реформы провинциального и местного управления. Однако из-за чрезвычайно пестрого состава владений Габсбургов вначале было решено ограничиться так называемым ядром империи — Австрией и Чехией.

Главными задачами Габсбургов были реорганизация армии и перестройка финансов. На исходе войны за “австрийское наследство”, в 1748 г., старая система комплектования армии, когда в нее включались контингенты, направляемые землями по решению собраний сословий, была заменена упорядоченным и централизованным набором. Это был первый шаг к укреплению центральной власти и ослаблению местных сословных учреждений. Одновременно была проведена реформа, по которой провинции вотировали налог не ежегодно, а сроком на десять лет вперед. Потом был издан декрет о всеобщем подоходном налоге, что являлось важным шагом к утверждению буржуазного права. В 1749 г. была создана единая Директория — правительственный орган для Австрии и Чехии, затем — провинциальные органы управления, независимые от местных сословных собраний и подчинявшиеся центральной администрации в Вене. В 1760 г. Мария Терезия учредила Высший государственный совет в качестве совещательного органа.

В конце 60-х — начале 70-х годов австрийское правительство пошло на реформы в сельской местности: в 1769 г. у помещиков было отнято право судить и наказывать крепостных, в 1773 г. отработки были заменены денежными платежами. С 1771 по 1778 г. издан ряд указов о сокращении барщины, о выкупе крестьянами права на наследственное владение земельными наделами, которые они об-

рабатывали. Однако для крестьян эти реформы оказались недостаточными: среди них ходили упорные слухи о том, что правительство хочет отменить крепостное право окончательно, но помещики препятствуют ему в этом. В ряде мест разразились даже крестьянские восстания, жестоко подавленные, например большое восстание в Чехии в 1775 г. Итогом царствования Марии Терезии стало становление единого абсолютистского государства в Австрии и Чехии.

В Венгрии Мария Терезия пыталась хотя бы частично распространить действие реформ, прежде всего с целью улучшить поступление налогов и набор рекрутов. Однако собрание венгерских сословий отвергло нововведения. Венгерское дворянство, поддержавшее Габсбургов в войнах первой половины XVIII в. и за это сохранившее значительное самоуправление, не соглашалось на какие-либо реформы.

В 1767 г. Марии Терезии вопреки его противодействию удалось провести крестьянскую реформу, гарантировавшую определенный размер надела и регулировавшую барщину и денежные повинности крестьян. Помещикам был запрещен также самовольный захват крестьянской земли.

Наиболее последовательно и глубоко реформы Марии Терезии затронули судопроизводство. Именно при ней в духе Беккария были отменены пытки, резко сокращено применение смертной казни, тюрьмы стали превращать в доходные мастерские и мануфактуры. Важное значение для страны имели и реформы в деле просвещения: именно в Австрии в ту эпоху были сделаны далеко идущие шаги в создании начальных школ. Средняя и высшая школа после упразднения ордена иезуитов полностью перешла под контроль государства.

С 1765 г., после смерти отрешенного полностью от государственных дел венценосного супруга Марии Терезии — Франца I, ее соправителем был провозглашен сын Иосиф II, восхищавшийся Фридрихом II и одновременно ненавидевший его. С именем Иосифа II, единолично правившего с 1780 (после смерти матери) до 1790 г., связан окончательный переход реформ на "просвещенную" стадию.

В ноябре 1781 г. был принят указ об отмене крепостного права в Чехии, Моравии и присоединенной по первому разделу Польши Галиции, затем эта отмена была распространена и на собственно австрийские провинции — Штирию, Каринтию, Крайну, а затем и на Венгрию. В 1789 г. были определены повинности крестьян, барщина полностью заменялась денежным сбором. В 1781 г. были приняты эдикты о религиозной терпимости, что уравнивало в правах протестантских и православных подданных Габсбургов с католиками, а на следующий, 1782 г. был принят аналогичный закон в отношении евреев, для которых отныне отменялись запрещения заниматься любыми профессиями, упразднялись гетто. Иосиф II, в отличие от матери проникшийся в отношении религии духом века Просвещения, смотрел на церковь с чисто прагматической точки зрения. Церковь должна была стать важной составной частью аппарата абсолютистского государства. Было значительно уменьшено количество религиозных праздников,

Императрица Мария Терезия

Иосиф II

закрыты многие монастыри, а их имущество секуляризировано. Были ослаблены связи церкви с Римом. Эта сторона реформ Иосифа II носила объективно прогрессивный характер.

Однако состав империи побуждал императора к политике централизации: реакционная утопия Габсбургов получила свое “просвещенное” обличье. Иосиф положил конец автономии земель и провинций, перейдя затем к политике германизации Венгрии. В 1784 г. здесь вместо принятой ранее латыни был введен в органах управления немецкий язык. Кроме того, император поощрял германскую колонизацию Венгрии, Трансильвании, Баната и Галиции.

Именно политика унификации привела “просвещенный абсолютизм” Габсбургов к поражению: к 1789 г. Венгрия оказалась на грани восстания, в 1788 г. вспыхнули волнения в Австрийских Нидерландах (Бельгии). В 1790 г. Иосиф II в возрасте 49 лет скончался. Вступивший на престол его брат Леопольд II, который до того снискал себе известность как

один из самых последовательных “просвещенных” государей в Великом герцогстве Тосканском, был вынужден отменить многие реформы своего предшественника.

Внешняя резкость и необычная твердость в проведении курса реформ, относительная последовательность Иосифа II снискали ему у некоторых историков славу революционера на троне, хотя феодальная система не была уничтожена, а централизаторская политика по сути противоречила одной из главных тенденций эпохи перехода от феодализма к капитализму — созданию национальных государств.

Аналогичные реформы в духе “просвещенного абсолютизма” проводились в габсбургском владении в Италии — в Ломбардии. В 50-е годы была проведена налоговая реформа, введен всеобщий налог на имущество. С 1760 по 1786 г. проводился так называемый “выкуп регалий”, заключавшийся в том, что государство постепенно выкупило у частных лиц право на внутренние таможенные пошлины, дорожные и мостовые пошлины и другие косвенные налоги. Была значительно упрощена налоговая система, с 1776 г. введена свобода внутренней торговли хлебом, а через десять лет — свободная продажа и купля недвижимости. В 50-е годы была осуществлена административная реформа. Мария Терезия провела также ряд реформ, которые в большей степени подчинили церковь государству. При Иосифе II реформаторская деятельность стала более интенсивной. Первоначально в ней активно участвовали итальянские просветители, прежде всего Пьетро Верри и Беккария, но их содействие было временным. Централизаторский характер реформ привел к тому, что интересы буржуазии и обуржуазившегося дворянства, начинавших осознавать итальянские национальные интересы, пришли в противоречие с политикой Иосифа II.

В относительно крупном итальянском государстве, Великом герцогстве Тосканском, эпоха реформ в духе “просвещенного абсолютизма” началась в 1765 г., с правления Петра Леопольда, сына Марии Терезии, младшего брата Иосифа II. Будучи своеобразным придатком габсбургских владений, Тоскана обрела при

Петре Леопольде большую самостоятельность. “Просвещенный абсолютизм” зашел в Тоскане значительно дальше, нежели в империи. С 70-х годов здесь был проведен ряд реформ, направленных на расширение свободы торговли, упразднение всех внутренних сборов, введен единый таможенный тариф на границах, разрешена свободная продажа недвижимости. Сначала во Флоренции, а затем и в остальных городах были упразднены цехи, упрощена налоговая система. В отличие от основных габсбургских владений Петр Леопольд ввел в Тоскане местное самоуправление. Были значительно ограничены права церкви, в частности право “мертвой руки”, упразднены инквизиция и орден иезуитов. В духе просветителей было пересмотрено уголовное право: по введенному в 1786 г. уголовному кодексу отменялись пытки и смертная казнь. Таким образом, в области уголовного законодательства Тоскана стала самой передовой страной Европы.

Однако “просвещенный абсолютизм” Петра Леопольда отличался еще одной чертой: в духе идей Вольтера великий герцог рассматривал “просвещенный абсолютизм” как переходную стадию к конституционной, ограниченной монархии и даже предписал в 1781 г. начать разработку конституции страны. Предусматривалось создать монархию, ограниченную представительными органами с совещательными функциями и правом контроля за финансами. Однако далее проектов дело не пошло. Несмотря на последовательность и глубину проведенных в Тоскане реформ, основы феодализма уничтожены здесь не были: экономическая и даже личная зависимость крестьян от помещиков сохранялась, хотя и в смягченной форме.

В других итальянских государствах также проводились реформы в духе “просвещенного абсолютизма”. В герцогстве Парма уже в 60-е годы они носили резко выраженный антиклерикальный характер: была ограничена церковная собственность, упразднена инквизиция, изгнаны иезуиты. Затем фактически были отменены налоговые привилегии дворянства и духовенства, принята свобода внутренней торговли, проведена реорганизация системы просвещения, которое, как и в других католических государствах, было отнято государством у иезуитов. Однако уже с 1771 г. реакция перешла в наступление, позиции клерикалов были во многом восстановлены, в 1786 г. была даже воссоздана инквизиция. В Неаполитанском королевстве в 40—50-е годы проводились реформы, связанные с именем Карла III и Тануччи, но они были весьма поверхностными. Основной их целью было укрепление абсолютной власти короля. Подчинению церкви государству способствовали упразднение налогового иммунитета церкви, сужение юрисдикции церковного суда, духовных орденов, упразднение многих монастырей, высылка иезуитов и конфискация их имущества. В духе Беккария было реформировано уголовное законодательство.

На Сицилии реформы пытался проводить в 1781—1786 гг. вице-король маркиз Доменнио Караччоло, поклонник философских идей Просвещения. Долгое время он пытался централизовать все управление, ограничил власть церкви, упразднил инквизицию. Караччоло провел ряд реформ, направленных против феодальных прав сицилийских баронов, — он ограничил их судебные прерогативы, возможность наследования ими имущества умерших крестьян, уничтожил остатки крепостного права. Однако провести налоговую реформу ему не удалось из-за сопротивления феодалов, которые добились его отзыва в Неаполь. Следующий вице-король, князь Караманнио (1786—1794), также просветитель и масон, продолжал политику реформ, но очень осторожно, удачно раскалывая ряды баронов. Ему удалось упразднить все виды личной зависимости крестьян. Однако провести налоговый кадастр и превратить феодальную собственность, как он стремился, в буржуазную ему тоже не удалось.

В других итальянских государствах были проведены самые незначительные реформы. В Пьемонте реформы не носили “просвещенного” характера: они способствовали усилению милитаризации и бюрократизации управления. В герцогстве Модена было осуществлено лишь некоторое уравнивание в налогах. В

папском государстве запоздавшая серия ограниченных реформ была проведена во второй половине 80-х годов: упразднены многочисленные налоговые иммунитеты, введен единый государственный налог, и только в 1793 г. отменены внутренние таможи и пошлины.

Таким образом, в итальянских государствах, за исключением Тосканы и, может быть, Ломбардии, реформы не принесли каких-либо значительных изменений, да и в наиболее передовых районах они имели половинчатый характер. Причиной их неудач в целом, несмотря на некоторые частичные успехи, было отсутствие в Италии сильного буржуазного класса. Кроме того, итальянские государи проводили политику сугубо в эгоистических интересах своих домов и вопроса об объединении страны, об объединении уже сформировавшейся итальянской нации не ставили.

В Испании эпоха “просвещенного абсолютизма” началась со вступления на престол в 1759 г. Карла III, бывшего неаполитанского короля. Первую скрипку здесь играл поначалу граф Аранда, сторонник и друг французских просветителей, масон, стоявший во главе правительства с 1766 по 1777 г. В тот период у руля испанского государства находилась также замечательная плеяда других реформаторов — Кампоманес, Флоридабланка, Ховельянос. Аранда развернул широкую реформаторскую деятельность, главными целями которой было дальнейшее укрепление власти монарха, ослабление влияния церкви. Следуя примеру Франции и Португалии, в 1767 г. Аранда добился изгнания иезуитов. В 1770 г. была проведена аграрная реформа, правда, очень ограниченная; в аренду крестьянам сдавалась коронная необрабатываемая земля. Ни одна из главных проблем развития сельского хозяйства решена не была: все привилегии аристократии сохранялись. В конце 60-х — начале 70-х годов один из реформаторов, Олаvide, выдвинул и стал осуществлять грандиозный проект заселения немецкими и французскими иммигрантами пустынных земель внутри страны — проект, в конечном счете провалившийся.

Хотя реформы Аранды и не покушались на основные привилегии аристократии и дворянства, они вызвали недовольство в феодальных кругах. Инквизиция, на которую Аранда не рискнул посягнуть, добила его смещения. На смену пришел другой реформатор, граф Флоридабланка, более осторожно продолживший реформы предшественника. Если в 1773 г. идалго, низшему дворянству, было разрешено участвовать в торговле, то в 1783 г. совместимым с дворянским достоинством было объявлено занятие ремеслом. Флоридабланка и Кампоманес, министр финансов с 1762 по 1791 г., постепенно сняли многочисленные запреты на торговлю с латиноамериканскими и тихоокеанскими колониями. В 1778 г. все испанские порты получили право свободно торговать с Латинской Америкой, за исключением Венесуэлы и Мексики (запрет снят соответственно в 1785 и в 1789 гг.). Благодаря экономической политике — поощрению мануфактур, отмене цеховых привилегий, протекционизму — резко выдвинулись вперед Валенсия, Астурия, Баскские провинции и особенно Каталония, которая резко контрастировала с остальной отсталой частью страны. Каталонская хлопчатобумажная промышленность в конце XVIII в. даже заняла второе место в Европе после британской.

Другим признаком влияния Просвещения было создание в ряде городов страны экономических обществ. Однако в целом, за исключением Каталонии, ремесло преобладало над мануфактурой.

Смерть Карла III в 1788 г., а затем начавшаяся революция во Франции положили конец реформам. На поборников реформ, прежде всего на Кампоманеса и Ховельяноса, обрушились репрессии инквизиции.

В Португалии “просвещенный абсолютизм” связан с именем министра внутренних дел короля Жозе I (1750—1777) маркиза Помбала, фактически всевластного диктатора страны. Начавший свою карьеру как дипломат в Вене и Лондоне, Помбал стремился преобразовать застывшую, впавшую в крайний упадок Порту-

галию. Он выдвинулся на первый план в 1756 г. после того, как под его руководством было проведено восстановление Лиссабона, разрушенного в 1755 г. ужасным землетрясением.

Помбал стремился к централизации управления, поощрению промышленности и торговли. Реформы он проводил безжалостно и даже жестоко, превратив Португалию в настоящее полицейское государство. Помбал вел политику протекционизма и меркантилизма, поощряя увеличение производства хлеба в стране и уменьшение его импорта. Чтобы поднять цены на вино, один из основных предметов экспорта, сокращались площади виноградников. Организовывались монополистические компании, в частности Генеральная сельскохозяйственная компания виноградников Алту-Дору (создана в 1756 г.), Азиатская компания, ряд компаний для торговли с бразильскими провинциями и др. Создавались королевские мануфактуры. Помбал считал католическую

Струэнзе

церковь препятствием на пути модернизации страны и резко ограничил сферу ее влияния, 50-е годы прошли под знаком ожесточенной борьбы с иезуитами, которая завершилась в 1759 г. сначала конфискацией их имущества, а затем высылкой из страны. В 1759 г. начались реформы в области образования. Открывались школы. Радикально был преобразован университет Коимбры; для детей буржуазии была создана в Лиссабоне Торговая школа.

Однако Просвещению в собственном смысле слова дверь в Португалию была в сущности закрыта: хотя церковную цензуру отменили, но была создана не менее строгая государственная цензура. Книги Дидро, Руссо, Локка, Спинозы и других философов оставались запрещенными. Поэтому для Португалии понятие “просвещенный абсолютизм” может быть лишь довольно условным.

Помбал покровительствовал буржуазии, но это делалось с целью опять-таки использовать ее и ее богатства в интересах укрепления абсолютистского государства. Господство дворянства и аристократии, несмотря на репрессии против некоторых оппозиционно настроенных ее представителей, оставалось неизменным, в том числе и в экономической области. Политика Помбала натолкнулась на сопротивление, причем не только представителей консервативных верхов. Его сельскохозяйственные меры, в частности уничтожение виноградников, вызвали восстание в провинции Порту в 1757 г., очень жестоко подавленное. Мелкая и средняя буржуазия также не всегда была довольна политикой создания монополий. Не случайно, что смерть Жозе I, покровителя Помбала, привела к краху политики “просвещенного абсолютизма”, к низложению всемогущего диктатора.

Дальше всего реформы “просвещенного абсолютизма” зашли в Датско-норвежском королевстве, однако осуществление их с первого захода потерпело сокрушительную неудачу. Первая попытка реформ была предпринята в 1770—1772 гг. и связана была с прогремевшим на всю Европу именем немецкого врача Иоганна Фридриха Струэнзе, придворного лекаря короля Кристиана VII и любовника его жены Каролины Матильды. Обеспечив себе почти диктаторскую власть и располагая подписью душевнобольного короля, Струэнзе опубликовал

за 16 месяцев 1069 декретов: была отменена цензура, преобразован Тайный совет, запрещена продажа должностей, установлена независимость судебной власти от исполнительной, провозглашено равенство всех перед судом, запрещены пытки, реорганизованы финансы, учреждена финанс-коллегия. Было существенно изменено положение в деревне. Струэнзе не рискнул, правда, отменить военно-приписную систему, однако все натуральные повинности были конвертированы в денежные, поступавшие отныне не помещику, а в казну. 20 февраля 1771 г. была установлена барщина в зависимости от цены земли и расстояния крестьянского двора от усадьбы господина. Военно-приписная зависимость распространялась отныне лишь на лиц мужского пола от 15 до 34 лет (раньше от 4 до 40 лет). Началась разработка закона о полной отмене и ее, и барщины. Была продолжена и расширена продажа коронных земель крестьянам. Фактически был ликвидирован цеховой строй. Впервые в Европе была провозглашена полная свобода совести для любых христианских и нехристианских исповеданий. Неслыханными также являлись законы в области семейных отношений: отменена дискриминация внебрачных детей, даже запрещался термин “незаконнорожденные”, был принят закон, разрешавший крестить детей не в церкви, а дома, отменена ответственность за адюльтер. Впервые организовали дом для подкидышей. Были отменены сословные ограничения для горожан в быту. Струэнзе покушался также на права аристократии и дворян в армии и гвардии.

Реформы Струэнзе, введенная им свобода печати послужили толчком для проявления национально-сепаратистских настроений в Норвегии.

Однако эти реформы не получили какой-либо поддержки ни в высших классах, ни в народе. Струэнзе игнорировал национальное чувство датчан: все его указы были составлены по-немецки, а сам временщик не знал датского языка. Реформы были часто не продуманы, поспешны, проведение их в жизнь не подготовлено. Заккрытие нерентабельных мануфактур привело к росту безработицы, вспыхнули волнения среди моряков и рабочих закрытой шелковой мануфактуры. Аристократическая верхушка готовила заговор: в ночь на 17 января 1772 г. переворот совершился. Струэнзе и 17 его сподвижников были арестованы, затем состоялся судебный фарс, и в апреле Струэнзе и один из его ближайших помощников были варварски казнены. Все реформы были отменены, кроме дома для сирот.

В Дании и Норвегии установился реакционный режим вплоть до 1784 г., когда в результате опять-таки дворцового переворота к власти пришли сторонники проведения реформ, которые группировались вокруг кронпринца Фредерика, ставшего отныне регентом при душевнобольном Кристиане VII. Экономические и социальные реформы, проведенные в Дании — Норвегии в последние полтора десятилетия XVIII в., стали важнейшей фазой “просвещенного абсолютизма”. Самыми главными явились преобразования в сельском хозяйстве.

Уже в 1786—1787 гг. помещикам запретили физически наказывать своих крестьян. Затем в сельской местности были созданы независимые от помещиков суды. И наконец, в 1788 г. была окончательно отменена военно-приписная система (ставнсбонд). Указом 1790 г. арендный договор крестьянина с помещиком был в обязательном порядке сделан пожизненным. Затем реформы стали носить характер экономической рационализации сельского хозяйства в духе перестройки его уже на чисто буржуазных рельсах: начались передел земель, раздел общинной собственности, хуторизация, преобразования арендованных участков в крестьянскую собственность путем продажи.

Устранялись многие ограничения торговли: был отменен запрет на импорт хлеба из-за границы в Данию и Южную Норвегию — тем самым датские производители теряли монополию на норвежском рынке, была отменена монополия земельных магнатов на экспорт скота. Таможенная реформа 1797 г., разработанная выходцем из Норвегии К. Кольбьёрнсенем, вводила весьма

умеренные тарифы, отменяя многочисленные запреты. Закон о ремесленниках 1800 г. уменьшал власть корпораций и цехов, продвижение подмастерьев в мастера облегчалось.

В 1784 г. была также восстановлена относительная свобода печати, при которой стало возможно обсуждать экономические вопросы, но не затрагивать существующий политический режим.

Реформы "просвещенного абсолютизма" в Датско-норвежском королевстве проводились уже в тот период, когда "просвещенный абсолютизм" как общеевропейское явление в целом сошел со сцены. Более того, они осуществлялись, когда уже в Париже началась великая революция. Эти реформы фактически вышли за рамки "просвещенного абсолютизма", поскольку они затрагивали не только надстроечные явления, но и базисные отношения. Во многом они стали составной частью перехода от феодальных отношений к капиталистическим, своего рода "революцией сверху", хотя в политическом отношении Датско-норвежское королевство оставалось абсолютной монархией. Именно это и отличало реформы датского "просвещенного абсолютизма" от реформ в других европейских странах, не вышедших за рамки феодального строя.

В Швеции к концу 60-х годов XVIII в. режим сословного парламентаризма "эры свобод" вступил в полосу кризиса, вызванного обострением внутривнутриполитической борьбы (см. выше). Выход из кризиса был найден инициативным и молодым королем Густавом III, осуществившим 19 августа 1772 г. государственный переворот: правительство партии "младших колпаков" было низвергнуто, всевластие риксдага и его органов уничтожено, восстановлен полуабсолютистский строй. Новая конституция оставляла за собранием сословий лишь вопросы налогового обложения.

Густав III был своего рода моделью просвещенного монарха. Воспитанный на французской культуре, поклонник Вольтера и физиократов, он был к тому же драматургом и писателем, подобно его дяде по матери, Фридриху II, и кузине, Екатерине II. Философы, в частности Вольтер, с восторгом встретили весть о перевороте. Они считали, плохо разбираясь в шведских реалиях, что здесь речь шла о столкновении феодальной аристократии с монархом. Несмотря на это, уже первые мероприятия короля не во всем вписывались в программу "просвещенного абсолютизма". Новый закон о свободе печати был значительно строже, нежели принятый еще в 1766 г., носивший уже буржуазно-демократический характер.

Однако в экономической области реформы Густава III во многом вдохновлялись идеями физиократов. В 1775 г. была разрешена свободная торговля хлебом. В 1783 г. было принято новое положение о межевании для ликвидации чересполосицы. Густаву III удалось во многом стабилизировать денежную систему. Торговые привилегии крупных городов были ограничены, и монополия ремесленных цехов урезана. В то же время в интересах помещиков Густав III запретил крестьянам выкупать коронную землю. Дворянам, основной движущей силе переворота, король гарантировал преимущество в продвижении по службе, прежде всего в армии.

В духе идей Просвещения Густав III в 1781 г. принял закон о провозглашении свободы отправления религиозного культа для нелютеран, что привлекло в Швецию богатых купцов-евреев из Германии. Был принят ряд мер гуманитарного характера: улучшен статус незаконнорожденных детей, в судопроизводстве запрещена пытка, сокращено применение смертной казни. Густаву III удалось покончить в основном с процветавшей в "эру свобод" коррупцией должностных лиц и судов. Противоречивость в политике самого короля проявлялась даже чисто внешне, когда, с одной стороны, он вводил некоторые архаичные ритуалы, заимствованные у Людовика XIV (lever), поощрял аристократическую кичливость, а с другой — в практической деятельности опирался на выходцев из разночинцев.

Однако реформы Густава III не смогли решить вставшие перед страной проблемы. К концу 80-х годов оппозиционные настроения, особенно в дворянстве, значительно выросли. Попытка короля найти выход во внешней экспансии (планы присоединить Норвегию, затем спровоцированная война против России в 1788 г.) привела к острому кризису. Король пошел в 1789 г. на новый государственный переворот, поддержанный на этот раз податными сословиями в борьбе против дворянства. Власть монарха была им усилена, абсолютизм был восстановлен почти полностью.

Несмотря на некоторые положительные результаты, нигде в Европе, за исключением Дании, “просвещенный абсолютизм” не привел и не мог привести к замене феодального строя капиталистическим. Но в то же время нельзя сказать, что его эпоха прошла бесследно. Устраняя наиболее одиозные пережитки феодализма, просвещенные монархи объективно готовили, очищали путь для дальнейшего развития созревающего в недрах феодализма капиталистического уклада. Политика централизации и унификации способствовала складыванию буржуазной интеллигенции, все в большей степени являвшейся носителем новых идей.

Глава 9

РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В XVII—XVIII ВЕКАХ

Немногие эпохи в истории Европы можно сравнить с тем переломом, который произошел в духовной жизни народов европейской цивилизации в XVII—XVIII вв. Именно в этот период в сознании европейского общества начался переход от теоцентрического к секуляризованному, индивидуалистическому мироощущению.

В самом деле: если в начале этой эпохи, в первые десятилетия XVII в., идут ожесточенные религиозные споры, втягивающие Европу в Тридцатилетнюю войну, а в Англии под религиозными же лозунгами совершается революция; если европейский мир кишит разнообразнейшего толка религиозными сектами и ересями, а человек на первое место в своих исканиях ставит отношение к Богу, проблемы личного греха, спасения и стяжания благодати, то уже к концу XVII в. и особенно в XVIII в. человек словно бы отдаляет Бога от себя, начинает больше доверять собственному разуму и данным науки. На смену ощущению постоянного присутствия Бога в жизни каждой отдельной личности приходит деизм, признающий невмешательство Бога в дела человеческие после акта творения; на смену пламенной вере — стремление к личному рационализованному благочестию.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В XVII—XVIII вв.

Вызванный Реформацией раскол западной ветви христианства изменил религиозную карту Европы. Наряду с западной (римско-католической) и восточной (греко-православной) появилась северная (протестантская) церковь. Безраздельно господствовавшая в Западной Европе римско-католическая церковь была вынуждена уступать место молодым протестантским церквям, в кровопролитных войнах завоевавшим право на существование и независимое развитие.

Новые конфессиональные границы европейского христианского мира еще не стали стабильными, они были еще нечетки и подвижны. Относительная определенность была достигнута лишь после окончания Тридцатилетней войны и подписания системы Вестфальских мирных договоров 1648 г.

Религиозные аспекты Вестфальского мира обсуждались в Оснабрюке, где в 1648 г. был подписан договор, имевший большое значение для дальнейших судеб христианских церквей не только в Германии, но и в Европе. Этим документом была провозглашена общая религиозная амнистия и реституция (возвращение) секуляризованного церковного имущества участвовавших в войне стран на состояние 1618 г. Соответственно восстанавливались и церковные владения противоборствовавших сторон. Были подтверждены решения Аугсбургского религиозного мира, которыми было дано юридическое право на существование лютеранской конфессии. Вестфальский мир официально закрепил право на существование еще одной протестантской конфессии — кальвинистской, или реформатской.

Система Вестфальских договоров гарантировала всем подданным империи возможность сохранять и исповедовать свою веру. Если правитель переходил из одного вероисповедания в другое, он имел право ввести его при своем дворе, а также разрешить новое богослужение перешедшим вместе с ним в новую конфессию христианским общинам. Однако правитель должен был оставить неприкосновенным церковное устройство страны в целом.

Эти новшества вызывали недовольство у римских пап, глав некоторых католических государств и представителей католической иерархии. Папа Иннокентий X (1644—1655) выступил с протестом и осуждением религиозных аспектов Вестфальского договора. В посвященной этому булле “*Zelo domus dei*” он объявил договор “недействительным и ничтожным”, но никаких политических последствий этот демарш папы не имел.

Оценка роли и места католической церкви в Европе должна быть далеко не однозначной. Кризисные явления и утрата католицизмом своих позиций были лишь одной из сторон вопроса. Одновременно велась огромная работа по обновлению различных сфер церковной жизни, претерпевавшей период качественных изменений. Католицизм оборонялся при помощи католической реформы и Контрреформации. Религия, политика и экономика были здесь настолько тесно и сложно переплетены, что разделить их иногда просто невозможно. Католицизм использовал в ходе Контрреформации такие методы, как инквизиция, ужесточение цензуры и публикация “Индекса запрещенных книг”, апелляция к светским католическим правителям, издание апологетических трудов, совершенствование методов пропаганды. Бесспорным лидером и движущей силой Контрреформации стал созданный в 1540 г. орден иезуитов. Одним из аспектов Контрреформации была миссионерская деятельность католиков за пределами европейского континента. С этой целью в 1622 г. была создана Конгрегация пропаганды веры. Это “министерство по делам миссий” с самого начала планировало свою деятельность в масштабах всего мира.

Одновременно с Контрреформацией римско-католическая церковь проводила католическую реформу, центральное место в которой занимает Тридентский собор 1545—1563 гг. Его участникам удалось выработать целый ряд новых догматических положений и определений, уточнить и скорректировать уже существовавшие формулировки. На решения собора значительное влияние оказывала протестантская реформация, поэтому они отмечены антипротестантской направленностью. Собор осудил протестантские учения об оправдании одной верой и о Священном писании как единственном источнике истины. Были осуждены предложения об отказе от celibата (безбрачия) священников, о причастии под двумя видами и т.д. Некоторые новые элементы церковной практики были осуждены лишь потому, что они использовались протестантами: например, богослужение на национальном языке. Собором были приняты решения об укреплении церковной дисциплины, о регламентировании и унификации литургии, о развитии теологических исследований, о цензуре и повышении эффективности пропаганды, о евангелизации и миссионерской деятельности. Одним из решений, имевшим далеко идущие последствия для церкви, было

решение о создании сети новых учебных заведений и систематической подготовке кадров священников.

Принятая собором программа реформы римско-католической церкви была столь широкой, а трудности ее претворения в жизнь столь большими, что ее реализация продолжалась еще в XVIII в. После разработки правил реализация декретов и решений собора были опубликованы “Римский катехизис”, “Римский breviарий” (служебник католического духовенства) и “Римский миссал” (тексты для мессы, молитвы и песнопения). Был утвержден единый текст для мессы и запрещены любые формы литургии, использовавшиеся в католической церкви менее 200 лет. Папа Григорий XIII (1572—1585) реформировал календарь, используя данные астрономии, и перешел с юлианского на грегорианский стиль.

Практическая реализация решений собора в отдельных странах во многом зависела от желания и интересов их правителей, поэтому она протекала везде по-разному. Разбуженные и экзальтированные Реформацией антипапистские, антиримские тенденции усиливались действиями монархов. Европейские государи стремились добиться максимальной независимости от Рима. Так, во Франции решения Тридентского собора даже опубликованы были лишь в XVII в.

История католической церкви Франции показывает, насколько сложны и противоречивы были отношения между папой, королем, французским епископатом и светскими властями. При Людовике XIV своего апогея достигло религиозно-светское движение галликанства, уходившее корнями в XIII в. Его сторонники добивались особого статуса французской церкви в рамках католической церкви и доказывали свои права на большую автономию по отношению к папе. Существовали политическое (королевское и парламента́тское) и церковное (епископское) галликанство. Иногда политическое и церковное направления объединялись (если, например, Людовик XIV ссорился с папой), иногда разделялись (если Людовик XIV искал себе поддержку в духовном авторитете папы). По настоянию Кольбера епископом Боссюэ была составлена четырехстатейная Декларация галликанского духовенства, в первой статье которой подтверждалась независимость королей в светских делах от церковной юрисдикции. Во второй статье напоминалось о том, что, согласно депрета́м собора в Констанце, над авторитетом папы стоит авторитет вселенского собора. В третьей — подтверждалась значимость традиционных свобод и канонов галликанской церкви. Четвертая статья определяла, что декреты римского папы по вопросам веры вступают в силу лишь после их одобрения французской церковью. В 1682 г. “Декларация 4-х статей” была одобрена и принята Национальной ассамблеей французского духовенства. Людовик XIV встал на защиту своих прелатов. Папа Иннокентий XI не мог одобрить притязания французской церкви, но не стал и официально осуждать декларацию из-за боязни вызвать раскол. Папа в ответ отказался утвердить назначенных Людовиком XIV 35 галликанских епископов. В результате конфликта все эти епархии несколько лет оставались без утвержденных Римом прелатов, пока король не отступил, заверив папу, что галликанская декларация не будет применяться на практике.

Людовик XIV, действуя по принципу “Один Бог, один король, один закон, одна вера”, при активной поддержке католического духовенства стал все более ограничительно толковать Нантский эдикт для того, чтобы заставить протестантов принять католицизм. Жесткие репрессивно-ограничительные меры вынудили многих протестантов превратиться в “новых католиков”. В 1685 г. Людовик XIV, принимая желаемое за действительное, считал, что протестантов во Франции уже нет, и отменил Нантский эдикт, предписав своим подданным исповедовать только католическую веру.

Идейные споры в рамках католической реформы привели к возникновению в XVII в. *янсенизма*, получившего особое распространение во Франции. Янсенизм иногда называют континентальным отражением английского пуританизма; его

основными темами являлись греховность человеческой природы, милость Бога, от которой зависит спасение, и предопределение. Толкование янсенистами последнего очень близко к кальвинистскому. Янсенистские споры и конфликты то затухали, то вновь разгорались в течение XVII и XVIII вв.

Фламандский епископ Корнелиус Янсений (1585—1638), который был профессором в Лувене, в книге "Августин" (опубликована после его смерти, в 1640 г.) выступил с отрицанием догмата о свободе воли и защитой идеи предопределения. Он учил, что обращение приходит через благодать, которая является неотвратимой и которую не может познать рассудок. Янсений доказывал, что человеческая природа порочна, поэтому спасение доступно лишь немногим избранным и зависит только от милости Бога. Воззрения Янсения широко распространились среди благочестивых французов. Расположенный неподалеку от Парижа монастырь Пор-Рояль стал центром янсенизма. У янсенистов были сторонники среди французского епископата и клира, докторов теологии и рядовых верующих, среди парламентариев и влиятельных особ королевского двора. В защиту янсенистов в середине XVII в. выступал знаменитый математик Блез Паскаль, который принял это учение и был тесно связан с монастырем Пор-Рояль, где его сестра Жаклина была монахиней.

В 1653 г. папа Иннокентий X осудил учение янсенизма. Папа Климент IX (1667—1669) потратил много сил на споры с янсенистами, которые пошли на компромисс, и было достигнуто временное перемирие.

Нападки иезуитов на учение Янсения были связаны с отстаиванием им внутренней религиозности человека и отрицанием обязательности спасения через угодные католической церкви "добрые дела". По сути спор шел между двумя концепциями христианской жизни: одну отстаивали янсенисты, другую — иезуиты. Янсенисты выступали за суровый, аскетический образ жизни при страстной вере в Бога. Они добивались усиления роли низшего клира и мирян в жизни церкви, многие из них ратовали за использование на литургии французского языка вместо латыни. Янсенисты и их сторонники активно выступали с критикой казуистики и иезуитской морали, оправдывавшей любые действия, совершаемые "на благо" католической церкви. Поскольку вопреки воле французского короля часть епископата и теологов Сорбонны поддерживала янсенистов, это еще больше осложняло отношения французской церкви с Римом.

Новый лидер янсенистов, ораторианец П. Кенель, в 1693 г. выпустил "Новый завет с моральными размышлениями", который не вызвал негативной реакции ни в Риме, ни в Париже. Однако после выхода в свет в начале XVIII в. его следующей книги "Одна проблема совести", в которой он выразил сомнение в априорной непогрешимости любого решения церкви для каждого конкретного случая, разразился скандал. Позицию Кенеля поддержали доктора Сорбонны, часть французского епископата и парламентарии. Ни увещания, ни угрозы не помогали, и Людовик XIV обратился за помощью к римскому папе. По просьбе короля папа Климент XI (1700—1721) издал в 1705 г. буллу, в которой осуждались тезисы Кенеля о приоритете права совести верующего. Однако булла вызвала возражения у части французского епископата, которая отказалась ее принимать. Тогда Людовик XIV начал прямые репрессии против янсенистов. Часть епископов и богословов заставили отказаться от своей позиции, наиболее строптивых отправили в тюрьмы, отстранили от занимаемых мест. Монастырь Пор-Рояль был расформирован, и по указу короля в 1709 г. сами его здания были разрушены. Поскольку часть французских янсенистов нашла убежище в Нидерландах, то их стали представлять политическими противниками Франции.

Тем временем иезуиты отыскивали янсенистскую крамолу и в первой книге Кенеля, и по их ходатайству папа передал ее на рассмотрение специальной комиссии. Итогом этого стала булла Климента XI "Unigenitus", опубликованная в 1713 г. В этой булле папа осудил все теологические тезисы Кенеля. Одновременно были осуждены призывы янсенистов вернуться к раннехристианской

церкви и предоставить всем христианам право самостоятельно читать и толковать Библию.

Однако и эта папская булла не была безоговорочно принята французским епископатом. Часть духовенства потребовала для решения этого вопроса созвать вселенский собор. Французский клир разделился на тех, кто подчинился церковной дисциплине и принял буллу, и тех, кто ее не принимал и требовал созыва собора. В 1718 г. новой буллой папа осудил сторонников созыва собора и под угрозой отлучения вновь потребовал признать буллу “Unigenitus”. Попытки разрешить вопрос с помощью репрессивных мер со стороны королевской власти и церковной иерархии не могли утихомирить страсти. В правление Людовика XV были найдены компромиссные решения. К середине XVIII в. и сам янсенизм начал вырождаться, однако янсенистские споры продолжались (постепенно затухая) до конца XVIII в.

В Нидерландах янсенизм привел к расколу церкви. После Реформации, уничтожившей большинство католических епархий, голландская церковь управлялась апостолическим викарием с резиденцией в Утрехте, который благодаря этому сохранил ранг архиепископства. В начале XVIII в. апостолический викарий перешел на позиции янсенистов и официально заявил об их поддержке. Папа низложил его, но голландский епископат отказывался принимать новых назначавшихся папой апостолических викариев. Генеральные Штаты, враждебно настроенные к папскому престолу, поддерживали голландское янсенистское духовенство. Кафедра оставалась вакантной 20 лет, а в 1723 г. голландский епископат сам назначил архиепископа Утрехта. Рим не одобрил этот выбор, как не одобрил и следующего избранника. Но голландский клир оставался на позициях янсенизма. В 1763 г. был проведен национальный собор: утрехтская церковь признала верховенство папы, осудила некоторые тезисы янсенистов, но отказалась признать буллу “Unigenitus”. Попытки папы Климента XIV преодолеть раскол успеха не имели. Позднее янсенистская церковь объединилась с голландскими старокатоликами.

Основными оппонентами янсенистов были иезуиты, всегда находившиеся в центре не только теологических, но зачастую и светских споров. “Черные гвардейцы” папства были основной движущей силой Контрреформации. Они завоевали сильные позиции в сфере образования, вели издательскую деятельность, активно и плодотворно занимались иностранными миссиями, участвовали во всех теологических спорах и дискуссиях, отстаивая интересы папства. Во многих католических странах члены “Общества Иисуса” были духовниками и советниками монархов. Искусные дипломаты и хитрые политики, не гнушавшиеся никакими средствами для достижения поставленных орденом целей, иезуиты во многом способствовали восстановлению и укреплению подорванных Реформацией позиций католической церкви в европейских странах. Именно иезуиты приложили много стараний для того, чтобы использовать в интересах церкви достижения гуманитарных наук и культуры XVII в.

Золотое время переживала казуистика и полемическое богословие. Иезуиты в своих трактатах путем всевозможных толкований и логических ухищрений умудрялись оправдывать практически любое действие, вплоть до убийства, совершенное в интересах католической церкви.

Амбиции ордена иезуитов вызывали сначала отдельные опасения, а затем растущую оппозицию во многих европейских странах. Усиление позиций иезуитов в сфере образования вызывало недовольство университетских докторов теологии и епископата. Сами короли с опаской смотрели на рост могущества иезуитов. Возникали конфликты даже непосредственно с папским престолом. Папа Бенедикт XIV (1740—1758) часто жаловался приближенным на упрямство и неповиновение иезуитов. Папе пришлось напоминать генералу ордена о канонических правилах. Бенедикт XIV запретил иезуитам заниматься коммерцией и участвовать в работоторговле.

Во второй половине XVIII в. недовольство орденом охватило несколько королевских дворов, царствующих династий и широкие круги аристократии. Против иезуитов объединились янсенисты и сторонники галликанства, духовенство и философы, энциклопедисты и масоны. Раздались первые требования о ликвидации “Общества Иисуса”.

Преследования иезуитов начались в Португалии, где орден активно выступал против политического курса, проводившегося министром Помбалом. Последний развернул активную кампанию борьбы с иезуитами, особенно после того, как в 1756 г. стал премьер-министром и фактическим правителем государства. Часть монастырей была закрыта, а принадлежавшие им земли переданы государству.

После покушения на короля Португалии Жозе I в 1758 г. иезуитам было предъявлено обвинение в организации широкого антикоролевского заговора. В 1759 г. на этом основании многие португальские иезуиты были отправлены в тюрьмы, а остальные вывезены из страны морем и высажены на берега Папской области.

Новая гроза разразилась над иезуитами уже во Франции в 1760 г. Против иезуитов объединились все, кто выступал за ограничение власти папы и видел в них основную опору папства. Предлогом стало дело иезуита Лавалетта, владельца большого торгового дома на Мартинике. Он оказался разорен, объявил о банкротстве и неспособности выплатить задолженность в 3 млн ливров. Кредиторы, марсельские купцы, подали в суд, предъявив претензии непосредственно ордену. Орден, исключив отца Лавалетта из своих рядов, отказался брать долг на себя. Но иезуиты проиграли судебный процесс сначала в Марселе, а затем в Париже. Судебное разбирательство накалило страсти — общественность Франции с радостью и злорадством встретила приговор.

Вскоре началось еще одно судебное разбирательство — иезуитов обвинили в том, что их внутренние правила противоречат законам Франции, что в своих трудах и в учебных заведениях они распространяют пагубные для Франции идеи. В 1761 г. некоторые книги иезуитов были запрещены, французским подданным запретили вступать в орден, а самим иезуитам — вести преподавательскую деятельность. Однако король приостановил вступление в силу этого приговора на один год.

Попытки иезуитов и их сторонников использовать передышку были безуспешны. В 1762 г. в Руане вынесли первый приговор об упразднении ордена иезуитов: их обвинили в пропаганде извращенной морали и доктрины, в том, что они создают государство в государстве. Другие провинциальные парламенты высказались менее радикально — орден был запрещен не везде. Окончательное решение было за королевским советом. Людовик XV долго колебался, но в 1764 г. подписал эдикт о запрете “Общества Иисуса” во Франции. После этого конгрегация иезуитов во Франции распалась, хотя они и не были высланы из страны. Иезуитам было разрешено вести ограниченную проповедническую деятельность под надзором местного епископа галликанской церкви.

После того как орден потерял французскую и португальскую ветви, папа Климент XIII в булле “*Apostolicum pascendi*” от 1765 г. дал обществу новую апробацию и попытался опровергнуть выдвигавшиеся против иезуитов обвинения. Стремление папы спасти орден успеха не имело. Против “Общества Иисуса” выступила даже католическая Испания, где Карл III ограничил сферу активности иезуитов как в самой стране, так и в ее американских колониях. Они были смещены с высоких должностей, а два года спустя, в 1767 г., все иезуиты были арестованы и депортированы в Папскую область. Уже затем был издан ордонанс о запрете ордена. Аналогичные действия были предприняты в Неаполе сыном Карла III Фердинандом IV. В 1768 г. под предлогом столкновения с папским престолом из-за предпринятых церковных реформ герцог Пармский, внук Людовика XV и племянник испанского короля Карла III, изгнал орден из своих владений.

В ответ на эти действия папа Климент XIII направил представителям Бурбонской династии увещательное послание, которое их возмутило. Поскольку герцог Пармский был вассалом папы, Климент XIII объявил о лишении его власти, что еще более раззадорило Бурбонов. Франция и Неаполь перешли к активным наступательным действиям, напав непосредственно на папские владения: Франция заняла Авиньон, Неаполь начал осаду Понтекорво и Беневенто.

После смерти Климента XIII Франция и Испания постарались посадить в Риме послушного им первосвященника. Еще на конклаве францисканец Ганганелли, избравший после вступления на папский престол имя Климента XIV, передал испанскому кардиналу записку, в которой писал, что с точки зрения канонического права упразднение иезуитского ордена возможно, отметив, что мир папского престола с европейскими державами дороже ордена иезуитов. Вскоре после избрания Климент XIV дал более определенные обещания на этот счет, но с принятием решения медлил. Его попытки умиловить Бурбонов потерпели провал, и в 1773 г. опубликованием бреве *“Dominus ac redemptor”* Климент XIV упразднил орден.

Иезуитам предписывалось перейти в другие ордена, либо подчиниться местным церковным властям и по предписанию епископа отправиться в любое назначенное им место для выполнения пастырских обязанностей. По требованию европейских государей, генерал ордена иезуитов Риччи, его помощники и некоторые члены ордена были арестованы с целью воспрепятствовать возможным попыткам восстановить орден. Большинство иезуитов подчинилось решению папы. После этого орден просуществовал еще три года в Польше и в прусской Силезии под защитой Екатерины II и Фридриха II. Новый папа Пий VI (1775—1799) благосклонно закрывал на это глаза. В 1775 г., после смерти Риччи, судебный процесс, начатый против арестованных иезуитов, был прекращен.

Упразднение ордена иезуитов было результатом объединенных усилий прежде всего глав католических европейских держав. “Просвещенные” монархи навязали свою волю переживавшему период упадка политического влияния папскому престолу. Папство показало себя полностью зависимым от европейских правителей, во имя мира с которыми глава римско-католической церкви жертвовал своим самым действенным орудием и самой надежной опорой.

Ограничивалась деятельность и других религиозных орденов. Во Франции по указу короля в 1766 г. была сформирована комиссия для проведения монастырской реформы. Орденам запретили иметь более двух зданий в Париже и более одного в других городах. Пострижение в монашество разрешили лишь с 21 года мужчинам и с 18 лет женщинам; каждому монастырю был установлен лимит численности, прием новых лиц сверх этого количества запрещался под угрозой закрытия монастыря. Если же число монахов было меньше нормы, монастырь закрывали. В результате во Франции за 12 лет прекратили действовать 9 религиозных обществ, в том числе сервиты, целестинцы и антониты. В следующие 20 лет были закрыты 386 монастырей.

Аналогичные ограничительные меры были приняты в Австрии. В середине XVIII в. императрица Мария Терезия провела здесь ряд церковных реформ. Она запретила увеличение числа монастырей, ограничила рост церковного имущества, управление которым было поставлено под контроль представителей государства. Был введен запрет давать монашеский обет лицам до 25-летнего возраста, уничтожены налоговые привилегии духовенства, введено право королевской апробации на публикацию получаемых папских документов. Была реорганизована система теологического образования, иезуиты были лишены права преподавания. Из-под контроля церкви был выведен Венский университет. Из-за обширности епархий и связанных с этим трудностей по управлению ими был создан ряд новых церковных округов, на 24 уменьшено число нерабочих религиозных праздников. По всем пунктам реформ императрица и правительство

старались добиться одобрения папского престола, поэтому реализация реформ проходила без значительных затруднений.

На многочисленные реформы Марии Терезии большое влияние оказала доктрина Феброния, которую в Австрии пропагандировал В. Эйбель, профессор канонического права Венского университета. Фебронизм можно назвать германской ипостасью галликанизма. В 1763 г. епископ И.-Н. Гонтгейм опубликовал книгу, в которой обосновывал систему организации церкви, аналогичную галликанской. Книга вышла под псевдонимом Ю. Феброний. Ее автор призывал вернуться к раннехристианской церкви и доказывал, что устройство истинной церкви не может быть монархическим. Иисус Христос не даровал епископу Рима то верховенство, которым тот пользуется сегодня. Конечно, папа является главой церкви и должен следить за выполнением канонов и сохранением чистоты веры. Но в отношении других епископов он не имеет никаких особых юридических прав. Папа просто присвоил себе право утверждать или отстранять от кафедры епископов, быть представленным апостольскими нунциями перед европейскими государствами. Его суждения по вопросам веры и морали могут вступать в силу лишь после их одобрения вселенским собором. Феброний предлагал папе римскому отказаться от присвоенных им себе привилегий и призывал католических государей заставить папу сделать это. Книги Феброния в 1765—1770 гг. выдержали три издания и были переведены на многие европейские языки.

Доктрина Феброния вызвала критику католического духовенства, теологов, в том числе и протестантских. Папа Климент XIII осудил книгу в 1764 г. В Риме сочинения Феброния были внесены в "Индекс запрещенных книг", и немецким католическим епископам было предписано публично выступить с осуждением нового учения. Папа Пий VI (1775—1799) категорически потребовал от автора подчинения церковной дисциплине, и в 1778 г. Гонтгейм написал требуемое самоопровержение. Но у Гонтгейма были и сторонники, в том числе и из епископата. Немецкие архиепископы-курфюрсты пытались урегулировать отношения с Римом, добившись для немецкой церкви большей самостоятельности. В 1786 г. собравшееся в Эмсе германское духовенство представило папскому престолу петицию из 23 статей. Рим на уступки не пошел и категорически отказался удовлетворить эти пожелания.

После смерти в 1780 г. Марии Терезии ее сын, император Иосиф II, под влиянием князя Кауница решил продолжать религиозные реформы авторитарными методами. Он проводил их так, как считал нужным, полагая себя главой национальной церкви и не обращая внимания ни на римского папу, ни на каноническое право, ни на национальный епископат. Подобное вмешательство светского государя в дела церкви получило название "иосифизм". Император распространил необходимость государственного утверждения на епископские распоряжения, упразднил существовавший особый церковный суд для лиц духовного звания, в 1786 г. разрешил использовать на литургии немецкий язык. Были запрещены все монастыри чисто созерцательного направления (картузианские, камальдаленские, кармелитские, францисканские и капуцинские), а также значительная часть нищенствующих орденов. В целом было закрыто около 600 монастырей и духовных братств. Многим монастырям было запрещено принимать новых членов в течение 12 лет.

На доходы с имущества упраздненных монастырей были учреждены новые церковные округа. Реформатам, лютеранам и православным было разрешено отправлять богослужение по обрядам своей веры (правда, был запрещен колокольный звон). Епархиальные семинарии были заменены пятью генеральными семинариями, учителями в которых назначались лишь те лица, которые разделяли основные реформаторские идеи императора. Даже порядок богослужения был до мельчайших деталей регламентирован особым императорским ординасом. Казалось, что Иосиф II хочет полностью изолировать австрийскую церковь от Рима.

Разнохарактерность принимаемых решений, авторитарное и часто оскорбительное для духовенства вмешательство Иосифа II в сферу чисто церковной компетенции вызывали недовольство и противодействие значительного числа епископов и высшего духовенства. Папа Пий VI, обеспокоенный неумеренной активностью Иосифа II, в 1782 г. сам отправился в Вену для того, чтобы оказать давление на императора. Однако месячное пребывание Пия VI в Вене не принесло ничего: император не хотел обсуждать свои церковные реформы с папой.

Второй сын Марии Терезии, великий герцог Тосканский Леопольд, сначала шел по стопам матери, но затем начал действовать методами брата. Перенеся свою активность в сферу чисто религиозную, он избегал любых переговоров с Римом. Леопольд хотел провести коренные реформы в церкви через епархиальные синоды и утвердить их на Тосканском общенациональном синоде. Но из 18 епископов великого герцогства Тосканского взгляды Леопольда разделили лишь трое. Из-за оппозиции епископов Леопольд был вынужден отказаться от проведения национального синода и попытался провести реформы авторитарно, но затем отказался и от этого.

Во второй половине XVII в. в католицизме возникло учение мистической направленности — квиетизм (от лат. *quietus* — спокойный). В 1675 г. испанский священник М. де Молинос (1628—1696), живший в Риме, опубликовал сочинение “Духовный путеводитель”, где доказывал, что христианское совершенство — это полный покой, пассивная созерцательность и отрешенность души при абсолютной внутренней преданности Богу. Молинос предлагал предаться божественной любви, призывал к мистическому созерцанию Бога, к отказу от любых действий и желаний, к абсолютному покою и принятию любой судьбы как Божьего дара. Он утверждал, что ни молитвы, ни таинства, ни добрые дела, ни даже соблюдение принципов христианской морали не имеют никакого значения. В 1687 г. Молинос был осужден на пожизненное заключение по обвинению в ереси и аморальности. Его учение было осуждено папой Иннокентием XI.

Во Франции аналогичные мистические идеи проповедовали барнабитский священник отец Лакомб и Жанна Гюйон (1648—1717), которая целью мистического опыта считала пассивное созерцание божественного света и чистой божественной любви. Архиепископ Камбрэ Ф. Фенелон после знакомства с Гюйон увлекся ее мистическим учением и написал несколько работ о своем понимании христианского совершенства, высшей степенью которого является чистая, немотивированная любовь. Под давлением Людовика XIV и такого авторитета французской церкви, как Боссюэ, в 1699 г. работы Фенелона были осуждены церковью, которая обвинила его в безразличии к загробному воздаянию. Фенелон подчинился Риму и оставил свои мистические увлечения. Лакомб и Гюйон были приговорены к 17 и 10 годам соответственно. Рассчитанный на элитарную аудиторию квиетизм широкого распространения не получил.

Реформирование и обновление католической церкви происходило благодаря тем, кто посвящал этому все свои силы. Устранялись злоупотребления, упорядочивались формы церковной жизни, систематизировалось и совершенствовалось обучение кадров священников. Рождались новые формы религиозной духовности, обновлялись и создавались новые религиозные ордена. Развертывалась работа по евангелизации и христианскому просвещению широких масс верующих, прежде всего в сельских районах. Во Франции общество сульпицианцев занялось обучением будущих священников. Венсан де Поль (1576—1660) основал Конгрегацию миссии (лазаристы) для евангелизации сельских жителей и конгрегацию “Сестры милосердия” для работы среди бедняков.

Стремясь улучшить подготовку будущих священников, Венсан де Поль одним из первых во Франции ввел одиннадцатидневные курсы, на которых преподавали основы теологии и богослужения. С середины XVII в. во многих епархиях начали создаваться собственно духовные семинарии, и к началу XVIII в. семинарии

действовали практически во всех епархиях. Как правило, руководство обучением будущих священников поручалось представителям религиозных орденов: ораторианцам, сульпицианцам, лазаристам. В начале XVIII в. продолжительность обучения увеличилась до двух лет. Постепенно деятельность по обучению священников начинала приносить плоды: клир омолаживался, его профессиональный уровень качественно улучшался, формировался новый тип католического священника.

С помощью новых кадров низшего духовенства была налажена работа по евангелизации и религиозному просвещению широких масс верующих. На уровне массового сознания активизировался медленный процесс очищения вероучений от языческих примесей, суеверий и магии. Приходские священники начали систематическую работу с детьми и неграмотным населением. В приходских структурах начали создавать небольшие школы, действовавшие, как правило, на средства, пожертвованные прихожанами. Во всех епархиях были введены учебные катехизисы.

Развитие системы религиозного образования не успевало за развитием гуманитарных и естественных наук. Между наукой и теологией начали возникать все более частые конфликты. Традиционная библеистика столкнулась с результатами библейских научных исследований. Множились переводы и комментарии Библии, развивалась критическая экзегетика. Французский ораторианец Р. Симон (1638—1712) в “Критической истории Ветхого завета” и других работах убедительно показал, что Моисей не мог быть единственным автором Пятикнижия. Интересно, что именно Боссюэ добился осуждения его критической истории Библии и исключения Симона из ордена.

Была развернута большая работа по научному изучению теологических источников. Бельгийский иезуит ван Болланд начал систематическую публикацию житий святых. На этой основе было создано Общество болландистов. Бенедиктинцы Конгрегации св. Мавра (мавристы) в своем аббатстве Сен-Жермен-де-Пре публиковали многочисленные труды отцов церкви и источники по истории французской церкви. Яркой фигурой среди мавристов был один из основоположников латинской палеографии и дипломатики, Жан Мабильон (1632—1707).

Была централизована и структурирована благотворительная деятельность католической церкви. Уходу за больными, развитию христианского образования и воспитанию нравов в христианском духе посвятили свою деятельность такие религиозные общества, как “Сестры милосердия”, “Братья христианских школ”, “Сестры убежища”, салезианки.

Католическая литература в XVII и XVIII вв. в связи со спорами с протестантами и многочисленными ересями носила преимущественно полемический характер. Среди ярких полемистов и апологетов католической церкви XVII в. можно назвать иезуита кардинала Беллармина и епископа Боссюэ. Широкую известность получили блестящие проповеди и выступления Боссюэ, иезуита Бурдалу, архиепископа Фенелона, епископов Флешье и Масильона.

В XVIII в. усилия католической церкви по обновлению религиозной жизни помогли ей выдержать атаки Просвещения, когда французские философы и энциклопедисты противопоставили Разум Откровению и призвали к прогрессивному развитию человечества на основе естественных законов. Христианская догма контрастировала с разумом и рациональностью природы, отказываясь следовать законам природы христианство становилось помехой и вызывало резкую критику.

Век Просвещения способствовал новому отношению к религии. Этому активно содействовали просветительская философия, развитие естественных и гуманитарных наук. Религиозное сознание уступало место светскому: разум брал верх над откровением, набирали силу антиклерикальные тенденции, рождались новые, светские формы духовной жизни. Во многих европейских странах

отмечалось падение религиозной активности. Этому во многом способствовало и то, что католическая церковь не вырабатывала собственный подход к актуальным проблемам социально-экономической и политической жизни общества. Наблюдались упадок деятельности католических братств, обществ и орденов, пренебрежение принципами христианской морали, отказ от чтения религиозной литературы и участия в благотворительной деятельности.

Однако идеалы Просвещения способствовали и позитивным изменениям в католицизме. Во Франции вышел в свет “Философский катехизис” и “Катехизис гармонии между разумом и религией”. В Германии влияние Просвещения привело к развитию веротерпимости и диалога с протестантами. Были подготовлены катехизисы, которые могли использоваться как католиками, так и протестантами.

В целом во второй половине XVIII в. прогресс в плане достижения большей веротерпимости стал характерен для многих европейских стран. В Силезии Фридрих II в 1742 г. уравнивал в правах католическую и протестантскую церкви. В Австрии Иосиф II в 1781 г. эдиктом о веротерпимости предоставил протестантам свободу отправления культа и полные гражданские права.

Во Франции положение протестантов после отмены Нантского эдикта оставалось тяжелым. Действовали жесткие меры против протестантов в сфере гражданского законодательства. Лишь при Людовике XVI практика применения законодательных ограничений была значительно смягчена, и в 1787 г. был издан эдикт о предоставлении протестантам тех гражданских прав, которых они были лишены целое столетие. Правда, некоторые ограничения еще не были сняты.

ГЛАВНЫЕ ПРОТЕСТАНТСКИЕ ЦЕРКВИ

В результате Реформации, происшедшей в Европе в основном в XVI в. (некоторые исследователи, впрочем, полагают, что Реформация продолжалась до 1648 г. — до Вестфальского мира), в ряде государств образовались национальные протестантские церкви. Лютеранская церковь доминировала в Германских княжествах и Скандинавии. Кальвинизм обосновался в Швейцарии и Шотландии, нашел своих приверженцев в Голландии, Германии, Франции, Англии и Венгрии. В Англии господствовала англиканская церковь. И хотя в основе всех перечисленных вероучений лежали христианские догматы, сформулированные в Никейском символе веры (все они придерживались учения о Троице, о богочеловечестве и воскресении Христа, о Библии как божественном откровении, о первородном грехе и искуплении), существовали и серьезные различия между ними. Кроме того, внутри каждой из этих протестантских церквей имелись свои сложности, разногласия и конфликты, зачастую приводившие к расколам.

Наиболее близкой к католической церкви и по догматике, и по устройству была англиканская церковь, образовавшаяся в результате “реформации сверху”, проведенной Генрихом VIII в первой половине XVI в., и упроченная в правление королевы Елизаветы (1558—1603). Символ веры англиканской церкви — “Тридцать девять статей”, — утвержденный парламентом в 1563 г., предусматривал, что “единственным верховным правителем” в духовных и церковных делах является английский монарх. Обряды были по существу теми же, что и в католической церкви, за исключением разве что причащения мирян под обоими видами — и хлебом, и вином. Система управления осталась епископальной. Молиться все должны были по единому молитвеннику; непосещение церкви в дни установленных богослужений наказывалось штрафом. Все пасторы должны были поставить свою подпись под этим символом веры, который сохранился и по сей день.

Реформы эти осложнили и без того нелегкие отношения между Англией и Ирландией, которая оставалась католической и подчинялась папе. Попытки

силой насадить в этой стране англиканство, сопровождавшиеся конфискациями земельных владений, преследованием духовенства и введением присяги, обострили враждебность к англичанам, издавна существовавшую в связи с попытками метрополии колонизировать “Зеленый остров”, и привели к ряду восстаний, из которых самым кровавым было восстание 1641 г. Следствием было жесточайшее покорение острова войсками Кромвеля. В конце XVII — начале XVIII в. католики в Ирландии были лишены практически всех политических прав, а также значительной части экономических свобод. Продолжались конфискации земель и принятие так называемых “карательных законов” против католиков. Лишь во второй половине XVIII в. начались послабления в исполнении законов против католиков.

Утверждение англиканской церкви открыло народу Библию на родном языке. Дешевые английские издания, тайно перевозившиеся из Женевы и распространявшиеся среди пуритан, сменились в 1613 г. новым, санкционированным Яковом I переводом, осуществленным группой ученых Кембриджского университета. Он отличался блестящим стилем, благородным языком, умелым воссозданием восточной атмосферы оригинала. Этот перевод открыл читателям совершенно новый мир, оказавший огромное влияние на их мировоззрение. С этих пор Библия стала главной книгой для широких слоев английского народа. Она воспринималась как высший, сакральный, вдохновленный самим Богом авторитет во всех областях жизни, руководство к действию во всех случаях. Она давала английскому читателю выражения и аргументы, предписания и примеры, богатейший мир образов для литературы, поэзии, политической публицистики. Творчество такого гиганта английской литературы XVII в., как Милтон, насквозь пронизано библейскими образами и библейской моралью. Перевод Библии вдохновлял и побуждал к действию движение пуритан, которое в конечном итоге привело к отмене (на 15 лет) англиканской церкви и падению монархии.

После реставрации Стюартов в 1660 г. англиканская церковь вернулась к власти. С 1661 г. от любого лица, вступавшего на государственную или муниципальную должность, требовалось принесение присяги по англиканской формуле. В 1664 г. был принят “Акт о незаконных сборищах”, запретивший всякие отправления религиозных культов помимо официальной церкви. Если в доме собирались на молитву, кроме хозяина и его семьи, свыше пяти человек, это считалось уголовным преступлением и каралось тюрьмой или ссылкой. Бедный лудильщик Джон Баниан, впоследствии знаменитый религиозный писатель, в 1660 г. попал в тюрьму на 12 лет за проповедь Евангелия в пуританском духе.

Англиканские священники и епископы развернули с церковных кафедр широкую пропаганду против пуритан. Распространение пуританской литературы запрещалось. Шпионы выслеживали тайных нонконформистов; по доносу на них налагались огромные штрафы. Религиозные собрания пуританских сект разгонялись с неистовой жестокостью: проповедников и их слушателей побивали камнями, тащили в тюрьмы, выслеживали, штрафовали. На пуританскую литературу королевской цензурой были наложены запреты. Правда, полностью к дореволюционному господству англиканская церковь не вернулась: она не оперировала больше судом Высокой комиссии, епископы не занимали ведущих государственных должностей. Однако свое доминирующее положение в стране и статус государственной церкви англиканство сохранило и после “славной революции”.

Лютеранская церковь с начала XVII в. переживала то, что исследователи называют периодом ортодоксии, разрабатывая и оттачивая свою конфессиональную теологию. Библия для лютеран являлась главным фокусом и единственным источником их вероучения. Поскольку сам Лютер, подчеркивая абсолютный авторитет Писания, не развил теории его происхождения и инспирации, лютеранские теологи XVII в. сосредоточились именно на этих вопросах. При этом они отнюдь не отвергали аристотелевой метафизики, господствовавшей в

теологической мысли средних веков. Более того, они попытались применить к изучению Библии аристотелианский принцип различения между материей и формой. Они полагали, что материей в Библии является сам ее текст, состоящий из букв, слов и предложений; формой же — смысл текста, те идеи, которые Бог хотел через нее сообщить человеку. При этом они подчеркивали, что, хотя различие между физическим текстом Писания и спиритуальным Словом Божиим существует, реального разделения между ними не происходит.

Текст Писания вдохновлен Святым Духом; но это не результат индивидуального откровения пророков или апостолов. Это влияние Святого Духа, связанное именно с написанием священного текста; оно действовало только в тот момент, пока Слово писалось; вне этого акта писавший его не являлся носителем или восприимчиком Святого Духа. Этот последний тезис был специально направлен против католической доктрины, утверждавшей, что Святой Дух, сошедший на апостолов, передавался от них церковным иерархам.

Богодухновенность Писания, считали лютеранские теологи, является полной и буквальной; каждое слово в Библии прямо продиктовано Святым Духом, хотя оно и носит отпечаток индивидуальности писавшего. С течением времени буквалистские тенденции в сочинениях лютеранских богословов становились все более определенными.

Стараясь защитить свое учение от настойчивых попыток (проявившихся особенно в конце XVII в.) научно-критического изучения Библии, лютеранские теологи утверждали, что теология не наука, а вероучение. Ее главный объект не кто иной, как сам Христос, которого познать можно только верой, а ее основная цель — достижение спасения души через веру и благочестие. Они решительно отвергали всякие попытки объявить теологию теоретической дисциплиной, которую каждый, даже неверующий, может изучать из простого любопытства. Кроме того, им пришлось обороняться и от социнианского рационализма (о социнианах в XVII в. будет сказано ниже), принимавшего в Писании только то, что подвластно исследованию разума. В этом учении лютеранам виделась страшная угроза отрицания богодухновенности Слова Божия и превращения разума в главного арбитра в вопросах веры. Отвечая на эту угрозу, лютеранские богословы постоянно подчеркивали, что в основе всех утверждений Библии лежит откровение и что критиковать их — значит впадать в грех гордыни.

Такой путь развития лютеранского богословия, господствовавшего в германских университетах, получил название “протестантская схоластика”, тем более что лютеранские теологи, подобно своим врагам — иезуитам, широко использовали аристотелианскую метафизику и далеко отошли от первоначальной свежести, искренности и свободы учения самого Лютера. Попытка систематизации и детализации всех доктрин и постулатов вероучения омертвляла его, делала сухим и догматическим. Она, однако, помогла значительной части европейских христиан сохранить свою веру в последующий век рационализма, религиозного индифферентизма и деизма.

Не меньшее значение, чем лютеранская церковь, имела в Европе XVII в. кальвинистская, или реформатская, церковь, которая тоже претерпела существенные изменения. Ее зачинателями в XVI в. были швейцарские реформаторы Цвингли и Кальвин, разработавшие теологию предопределения — божественного избранничества и предназначения ко спасению и вечной жизни одних (немногих) и извечного проклятия и обреченности геенне других. В отличие от лютеран, признававших истинное присутствие тела и крови Христа в момент литургического пресуществления хлеба и вина, реформаты считали обряд причащения лишь напоминанием о Тайной вечере, знаком веры и духовного приобщения ко Христу (Христос, по учению Кальвина, лишь духовно присутствует по вере в сердцах участников этого таинства). Другим отличием доктрины кальвинизма от лютеранства было то, что кальвинисты настаивали на абсолютной греховности всех людей и полностью отвергали значение добродетели и

добрых дел для спасения: для них все в человеческой судьбе было заранее предопределено непреложной божественной волей. Христос на кресте умер лишь для тех, кто избран ко спасению.

История кальвинизма в Германии в XVII в. практически совпадает со сложной политической историей страны, где он по условиям Вестфальского мира стал одним из трех государственных вероисповеданий, официально признанных в Священной Римской империи.

Во Франции кальвинистов называли гугенотами. По Нантскому эдикту 1598 г. им была дарована свобода вероисповедания, но в 1659 г. корона запретила заседания национального кальвинистского синода, а в 1685 г. Людовик XIV отменил Нантский эдикт, и около полумиллиона его подданных, принадлежавших в основном к богатым купеческим слоям, вопреки запрету, покинули страну.

В Голландии большинство протестантов были кальвинистами с середины XVI в. После того как на проходившей в 1618—1619 гг. в Дордрехте международной ассамблее кальвинистов было осуждено учение Якоба Арминия (1559—1609), отрицавшего абсолютный характер предопределения, здесь утвердилось классическое учение кальвинизма. На арминиян начались гонения. Их испытал и выдающийся голландский ученый-правовед и теолог Гуго Гроций (1583—1645), защитник терпимости и умеренности, вынужденный провести большую часть своей жизни в изгнании.

В Англии кальвинистов с XVI в. стали называть пуританами (от латинского “пурус” — чистый), т.е. сторонниками очищения церкви. Поначалу они не порывали с официальной англиканской церковью, а лишь требовали провести в ней ряд реформ: освободить от доставшихся в наследство от католицизма дорогостоящих пышных обрядов, икон, скульптур и облачений, от органной музыки, т.е. всего, что противоречило идеалу бережливости, мирского аскетизма, “дешевой церкви”. Они возражали против празднования дней святых, обычая преклонять колени во время причастия, осеять себя крестом и иметь крестных, а также осуждали полновластие епископов и церковных судов. Пуританами становились в основном представители новых классов: купцы, ремесленники, мануфактуристы, адвокаты и многочисленные сельские дворяне-джентри.

Среди пуритан выделилось пресвитерианское направление, полностью отрицавшее епископат и ратовавшее за управление приходами с помощью выборных служителей — пресвитеров, а церковь в целом — путем состоящего из пресвитеров синода. Другое направление в пуританском движении, приверженцев которого называли “индепендентами” (независимыми), считало, что каждая конгрегация верующих должна быть свободна и независима от другой и от государства и избирать собственного пастора. Среди индепендентов тоже имелись различные течения и группы. Индепендентство было выражением протеста против узкой замкнутости пресвитериан: оно давало широкий простор инициативе верующих и способствовало образованию многочисленных народных сект. В индепендентские конгрегации объединялись средние слои джентри, владельцы небольших мастерских и мануфактур, мелкие лавочники, ремесленники, подмастерья, крестьяне-арендаторы.

Пуританизм создал свою особую культуру, значительно отличавшуюся от культуры предшествующей эпохи. Пуритане резко выступали против театров, маскарадов, петушиных боев и прочих развлечений. Позднее, уже в ходе революции, они громили храмы, разбивали органы, витражи и скульптуры, уничтожали иконы. Так они выражали протест против роскоши и распутства двора, против ханжества и безнравственности духовенства. Однако существовала и другая сторона пуританства — дух скромности и самоограничения, безусловной честности перед Богом и людьми, высокой нравственности, гражданской и деловой активности. Библейская культура рождала новую, пуританскую этику, проводившую в жизнь идеалы общинности, народности, гражданственности, трудолюбия. В семье культивировались дружба, сплоченность между всеми ее членами; большое вни-

мание уделялось воспитанию детей, ценились воздержанность, умение владеть собой, непритязательность. Все это сделало ранний пуританизм идейным знаменем борьбы широких слоев общества против англиканской догматики, королевского абсолютизма и феодального строя.

Пуританская оппозиция в парламентах ранних Стюартов тесно переплетала требования реформы церкви с требованиями политических и социальных реформ. В тесном сращении социальных, политических и религиозных проблем состоит одна из важнейших особенностей Английской революции, отличающая ее от всех других европейских революций позднейших времен. Можно даже сказать, что Английская революция была последней европейской революцией, где доминирующую роль, по крайней мере вначале, играли не социальные или политические устремления, а религиозные убеждения.

В 1643 г. парламент упразднил епископальную англиканскую церковь и созвал Вестминстерскую ассамблею, в состав которой входили представители пресвитерианского духовенства и богословов. Они разработали символ веры и принципы устройства пресвитерианской церкви, которая стала государственной церковью Англии в 1648 г. Однако армия, состоявшая в основном из индепендентов, требовала более радикальных реформ, в частности полной религиозной терпимости, и под напором ее требований полковник Прайд в декабре 1648 г. изгнал из парламента пресвитериан, чем ускорил казнь короля и установление индепендентской республики. В годы республики и протектората в Англии была установлена довольно широкая религиозная терпимость (преследованиям подвергались лишь католики и лица, отрицавшие догмат о св. Троице). В 1656 г. по разрешению Кромвеля в Англию вернулись иудеи, изгнанные из нее в 1290 г.

После реставрации Стюартов в Англии произошла мирная смерть пуританизма, до сих пор удивляющая многих исследователей. Отчасти это объяснялось репрессиями, которым подверглись правившие в годы республики индепенденты после прихода к власти Карла II. Но главным образом мощный пуританский импульс изжил сам себя в ожесточенной полемике, кровавых стычках гражданских войн, зверском завоевании и разграблении Ирландии и своекорыстном правлении “охвостья” Долгого парламента. Массы людей, обманутые в своих надеждах на скорый приход нового, справедливого царства, измученные неустройствами, войнами и армейскими постоями, вернулись в лоно англиканской церкви (к чему их усиленно принуждало правительство Реставрации) или замкнулись в полуполигальных сектах. “Славная революция” даровала религиозному сектантству терпимость, но это не привело к возрождению пуританизма.

В конце XVII—XVIII в. в мире протестантизма возникают два значительных движения, явившиеся своего рода реакцией на те процессы, которые происходили в них в течение предыдущего периода. Эти движения, во многом схожие между собой, — пиетизм на континенте и методизм в Англии.

Движение пиетистов в Германии родилось как внутренний протест приверженцев Евангелия против холодной и сухой ортодоксии лютеран, выработанной их богословами в XVII в. В противовес этому пиетизм являлся основанным на Библии морализаторским вероучением, призывавшим своих последователей к личному покаянию, борьбе с грехом и благочестивому изменению жизни, что должно было повести к личному обращению, опыту прощения грехов через искупительную силу креста, святой жизни и эмоциональному переживанию богослужений. Ни доводы разума, ни интеллектуальные рассуждения богословов, ни авторитеты не имели для пиетистов значения: гораздо большую роль играли чувства покаяния, умиления и любви, которые выражались в благочестивой жизни и служении ближним. Подобно английским пуританам и отделившимся от них в середине века квакерам, пиетисты считали, что истинное христианство проявляет себя в повседневной жизни верующих во Христа.

Отцом пиетизма являлся лютеранский пастор и богослов Филипп Шпенер

(1635—1705), в молодости много путешествовавший по университетам Европы и испытывавший влияние Й.К. Доннхауэра (1603—1666), который проповедовал в университете Страсбурга вовлечение мирян в дела церкви, и Жана де Лабади (1610—1674), женеvского реформата, пытавшегося соединить янсенизм с кальвинистским благочестием, дабы создать новое течение в протестантизме, основанное на религиозном опыте и мистических откровениях. В 1666 г. Шпенер стал пастором во Франкфурте, где организовал кружки людей, стремившихся к личному благочестию: они вместе читали Библию и молились. В книге “Благочестивые желания” и других сочинениях он рекомендовал следующие средства для истинно благочестивой жизни: внимательное и ежедневное чтение Писания; участие мирян в делах церкви; практические дела благочестия — помощь бедным, увечным, сиротам и т.п.; сохранение духа любви во время любых межконфессиональных споров; улучшение богословского образования путем нравственного и духовного совершенствования прежде всего преподавателей; убедительная и доходчивая проповедь. Шпенер искренне верил, что эти меры помогут обновлению церкви, обращению в христианство иудеев и окончательному падению папской власти.

С распространением учения Шпенера по Германии на автора его обрушилось множество нападок. Так, теологи Виттенбергского университета обвинили его в причастности к 284 ересям; его называли розенкрейцером, квакером, хилиастом, фанатиком и т.п. Последние годы жизни он провел в Берлине, отвечая на эти обвинения и систематизируя свое учение.

Ближайший ученик Шпенера Август Франке (1663—1727), энергичный организатор и проповедник нового учения, вместе со своими сподвижниками основал группу изучения Библии в Лейпцигском университете. В 1692 г. Франке стал профессором университета в Галле, который вскоре сделался центром пиетизма: он организовал там бесплатную школу для детей бедных родителей и среднюю школу, дом для сирот и Библейский институт для публикации и распространения Писания. Он вдохновил многих из своих студентов для миссионерской деятельности в Африке, Америке, Азии и на островах Тихого океана. В целом деятельность пиетистов оживила лютеранскую церковь, влила в нее свежее духовное рвение и искреннее стремление к благочестивой христианской жизни.

Английским пиетизмом можно назвать движение методизма внутри англиканской церкви, зародившееся в XVIII в. и приведшее к образованию методистской церкви, которую некоторые исследователи считают спасительницей страны от новой разрушительной революции.

После реставрации монархии в Англии воцарилась специфическая духовная атмосфера, оказавшая значительное влияние на состояние умов и сердец. Произошло разительное изменение этических ценностей. Кромвель и его единомышленники верили, что ведут свой народ к земле обетованной по путям, предназначенным Богом; писатели и публицисты второй половины XVII в. стали утверждать, что важнейшим импульсом человеческого существования является “интерес наживы”. Теория божественного Провидения уступала место теории экономической выгоды. Это отразилось и в историографии, и в политических теориях, и в литературе, и в драматургии. Но именно такое отчужденное от поисков высшего идеала стремление имущих классов к экономическому предпринимательству и процветанию привело к бездуховности, цинизму, моральной распущенности. Стали процветать взяточничество, коррупция. Карл II и его двор поражали своим распутством. Театр был вопиюще аморален. Граф Рочестер вслед за Гоббсом изображал человека как подлое, жадное, похотливое, лицемерное создание. Что касается побежденных пуритан, то в их среде возобладал дух отчаяния, разочарования, неверия. Репрессии и подавление свободной мысли усугубляли эти настроения. Многие бежали на континент или в американские колонии: сектанты перенесли свои надежды на царство Божие в

потустороннем мире; квакеры публично заявили о своем пацифизме и проводили молитвенные собрания в полном молчании.

“Билль о правах”, принятый в результате “славной революции”, провозгласил религиозную терпимость, которая носила ограниченный характер; католики и сектанты, отрицавшие догмат о троичности божества, преследовались по всей строгости закона. Свободу вероисповедания получили пресвитериане, не добившиеся, однако, прежнего могущества, и индепендентские конгрегации.

В религиозной и философской мысли стали преобладать деизм и рационализм, отвергавшие живую веру и личный религиозный опыт. Проповеди в государственной церкви, все еще наиболее многочисленной, сводились к долгим увещаниям, наполненным банальными нравоучениями; само же богослужение было сухим и формальным. В то время как высший клир пользовался всеми преимуществами своего положения и жил в роскоши, рядовое духовенство получало весьма низкий доход и часто попадало в зависимость от местных сквайров, принимая участие в их пирушках, увеселениях и часто весьма сомнительных с нравственной точки зрения забавах. Среди них процветали пьянство (Англия была наводнена дешевым джином) и азартные игры. Историки называют это время “больным веком”, лишенным благочестия и нравственного усердия.

В этих обстоятельствах сын пастора Джон Уэсли (1703—1791) и его брат Чарлз (1708—1788) организовали религиозный кружок в Оксфордском университете для изучения Библии, совместных молитв, постов и частого причащения. Их целью было строгое и серьезное исполнение не только евангельских заветов, но и установлений англиканской церкви. Остальные студенты называли их “святым клубом”, “библейской молью” или “методистами”. Впоследствии Джон Уэсли стал сам священником и духовным главой нового движения, за которым сохранилось название методизма. Они по-прежнему регулярно изучали Библию, усердно молились и соблюдали все обряды, проповедовали в тюрьмах и домах для бедных.

С 1735 по 1738 г. Джон Уэсли вел миссионерскую работу в Америке, где познакомился с пиетистским движением моравских братьев, живая вера которых произвела на него глубокое впечатление. Вернувшись в Англию, он пережил мистическое откровение, которое дало ему уверенность в своем личном спасении и воодушевило на проповедь. После этого он объехал верхом всю Англию, Шотландию и Ирландию, прочитал более 42 тыс. проповедей, написал около 200 книг и обучил множество последователей. Он организовал методистское общество и построил в Бристоле часовню, а в Лондоне основал центр методизма. Его сторонниками и помощниками были его брат Чарлз, написавший много религиозных гимнов, которые методисты до сих пор распевают в ходе своих богослужений, и Джордж Уайтфилд, который проповедовал прямо на улицах.

При этом Уэсли не порывал с англиканской церковью: он организовывал своих последователей в сообщества по 10—12 человек, подобно шпенеровским “коллегиям благочестия”. Во главе их стоял руководитель-мирянин, поддерживавший в группе духовное здоровье. В 1746 г. Уэсли разделил Англию на семь округов. В 1791 г., уже после смерти Джона Уэсли, методисты в Англии образовали свою методистскую церковь, отделившись от англиканства. Там сохранились епископальный строй и основные обряды.

Главной особенностью методистской церкви стал тезис оправдания верой через непосредственное чувство возрождения. Методистские проповедники подчеркивали значение христианской любви и христианского совершенства, которое возможно в этой жизни благодаря любви Божией, проникающей в сердце верующего, изгоняющей грех и содействующей святости жизни. Это учение было изложено в главном труде Дж. Уэсли “Учение о христианском совершенстве”.

Благодаря движению методизма, охватившему всю Англию, особенно ремесленников, подмастерьев и рабочих мануфактур, нравственное состояние общества претерпело весьма положительные изменения. Прекратилось неумеренное

употребление спиртных напитков, заметно снизилось социальное ожесточение. Началось движение за отмену рабства в Америке; была образована первая амбулатория для бедняков; началось движение за реформу тюрем. Преображающая вера оказала влияние на состояние умов, на литературу и искусство.

Пиетистские тенденции характеризовали и моравскую церковь, которая в то же время имела и некоторые черты, объединявшие ее с сектантскими народными движениями. Она включила в себя уцелевшие общины той церкви, которая была создана в XV в. гуситами. После Тридцатилетней войны согнанные со своих земель и гонимые повсюду моравские общины нашли себе прибежище в Германии, на земле, принадлежавшей аристократу-лютеранину графу Николасу Людвигу фон Цинцендорфу (1700—1760).

Цинцендорф воспитывался в пиетистском духе; он был крестником Шпенера и посещал его школу в Галле. Не имея возможности как член аристократической фамилии стать пастором (к чему он горячо стремился с юности), он после окончания Виттенбергского университета стал советником при саксонском дворе. Получив в наследство довольно обширные земли и снедаемый желанием проявить себя на ниве благочестия, он решил посвятить свою жизнь заботе о людях, живших на его земле. В 1722 г. на ней обосновались моравские беженцы, и он, пораженный их учением и строгой моралью, принял участие в создании общины Гернгут и в 1727 г. стал ее руководителем. Впоследствии моравских братьев стали называть также гернгутерами. Их церковь отделилась от лютеранской и получила самостоятельность в 1742 г.

Сам Цинцендорф при этом продолжал оставаться убежденным лютеранином, хотя и не сторонником сухого богословия лютеранской ортодоксии. Вместе со своими единомышленниками — гернгутерами он признавал Аугсбургский символ веры, но всегда подчеркивал, что личная преданность Христу и благочестивая жизнь гораздо важнее любых теологических формулировок. Центром духовной жизни для него было сосредоточение на символе крестных мук и вообще на личности Иисуса Христа. Создался даже особый культ ран Иисуса, в прославление которых было сочинено множество гимнов, в том числе самим Цинцендорфом. Такое сосредоточение вело верующего к убеждению, что его грехи прощены, а вся жизнь его вверена Божьему промыслу. Именно эта уверенность так поразила Уэсли, когда он встретил моравских братьев, пересекая Атлантический океан.

В организационном отношении моравская церковь была близка лютеранской. Ее возглавляли епископы, пресвитеры и диаконы. В обычаях общины были братское лобызание, взаимное омовение ног, ежедневное богослужение, религиозное воспитание детей, практика аскетизма и строгая мораль. Цинцендорф отличался также широкой терпимостью и вынашивал планы воссоединения протестантских церквей с католиками и православными.

Моравская церковь не отличалась многочисленностью, но ее влияние на развитие пиетизма в Европе, в частности на методизм в Англии, было велико. Гернгутеры широко занимались и миссионерской деятельностью, особенно в Северной Америке, где они обращали в свою веру не только индейские племена и черное население, но и членов других протестантских церквей и сект.

В целом пиетизм оказал существенное влияние на многие области христианской жизни в Европе. Он сосредоточил внимание теологов и рядовых верующих на личности Христа и его искупительной жертве и пронизывал жизнь людей благочестивым стремлением к делам благотворения и милосердия. Он звал к совершенной честности, бескорыстию, простоте жизни и братской любви. Под его влиянием находились величайшие композиторы XVIII в. И.С. Бах и Г.Ф. Гендель. Пиетисты издали большое количество духовной литературы с глубоко назидательным содержанием. Они оказали заметное сопротивление новому, рационалистическому богословию, уверенно наступавшему на традиционные верования в XVIII в.

НАРОДНЫЕ СЕКТЫ И ЕРЕТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

Реформация в Европе разбудила народное сознание, открыв рядовым людям сокровищницу Библии и освободив его от порабощения церковными установлениями и церковной иерархией. Результатом явилось не только образование новых, протестантских церквей, но также и появление множества чрезвычайно разнообразных народных сект. Часть из них, вроде анабаптистов или моравских братьев, корнями своими уходила в средневековье, большинство же явились новыми образованиями, часто называвшимися по имени того проповедника, который становился зачинателем движения. Одно перечисление таких сект заняло бы несколько страниц, поэтому здесь мы дадим краткую характеристику лишь важнейших из них.

Весьма распространенным по всей Европе было движение анабаптистов. Оно возникло в Швейцарии в начале XVI в.; его основателем был Конрад Гребель (1498—1526), испытавший сильное влияние Цвингли. Одной из характернейших черт анабаптистов было убеждение, что крещение — серьезнейший акт, который люди должны принимать совершенно сознательно, уже вникнув в христианское учение и согласившись с ним. Они поэтому отрицали крещение младенцев и “перекрещивали” верующих, достигших сознательного возраста (отсюда и их название: анабаптисты — значит перекрещенцы). Они верили также в скорый конец света и наступление Тысячелетнего царства на Земле, когда править “своим народом” будет сам Христос.

Из Швейцарии движение распространилось на Германию, Моравию, Голландию, позднее — Англию. Его последователями становились мелкие крестьяне, ремесленники, немущие. Их социальные и политические взгляды были весьма радикальными: многие из них ратовали за передел и уравнивание, а то и за обобществление имуществ, а также за общность жен. Анабаптисты принимали активное участие в Мюнстерском восстании 1535 г., что повлекло за собой разрыв их с Лютером, Цвингли и их последователями. В Голландии главой анабаптистов стал Менно Симонс (1496—1561), проповедовавший в отличие от германских анабаптистов миролюбие и непротивление. Его последователи стали называться меннонитами. Они получили свободу вероисповедания в 1676 г. Из Голландии движение анабаптистов проникло в Англию, где в 1612 г. была образована первая английская баптистская церковь. Верующие этой группы крестили взрослых обливанием; они были известны как “общие баптисты”, поскольку проповедовали, что Бог спасет всех уверовавших, а не только избранных. В 30-е годы XVII в. от них откололись “частные” баптисты, которые крестили погружением и придерживались более строгого кальвинистского богословия.

К анабаптистам примыкала секта “братства”, возникшая в Германии, в Шварценкау, под руководством Александра Мака (1679—1735). Они крестили взрослых путем тройного погружения и были убеждены, что Евангелие требует от верующих объединяться небольшими, полностью независимыми группами. Новая секта обосновалась в графстве Витгенштейн, к северо-востоку от Франкфурта, и поначалу пользовалась свободой вероисповедания, однако впоследствии под напором католической церкви была вынуждена эмигрировать сначала в Нидерланды, а затем в Новый Свет. “Братья” практиковали трапезы любви и совместные причащения, омовения ног друг другу, помазание больных освященным маслом, лечение наложением рук. Они сами управляли своими конгрегациями и отвергали всяческие войны, клятвы, предметы роскоши и мирскую одежду. Церкви “братства” были созданы в Швейцарии, Пфальце и некоторых других германских княжествах. К середине XVIII в. большинство их переселилось в Америку, а те, кто остался в Европе, влились в другие анабаптистские, в частности меннонитские, группы.

В Европе XVII в. существовало и много других анабаптистских сект. Общими

для всех них были следующие положения: Библия является конечным и непогрешимым правилом жизни и веры; чистая церковь должна быть свободной ассоциацией, полностью отделенной от государства и любой государственной церкви; крещение младенцев осуждалось как не соответствующее Писанию и практиковалось перекрещение взрослых; многие анабаптисты (в частности меннониты) склонялись к пацифизму, отрицали произнесение разного рода клятв, участие в войне и государственной службе; многие были хилиастами и ожидали скорого пришествия Царства Божия на Землю.

Широко распространенным радикально-религиозным движением в Европе XVII в. было социнианство. Его основателем являлся итальянец Лелио Социни (1525—1562). Племянник Лелио, Фаусто Социни (1539—1604), спасаясь от преследований инквизиции, переехал в Польшу, где приобрел множество последователей. Главным документом социниан стал написанный Фаусто “Раковский катехизис”, который был опубликован в 1605 г. В нем говорится, что Христу следует поклоняться не как Богу, а как человеку, который обрел божественную сущность благодаря своей совершенной жизни. Его смерть явилась не искуплением грехов, а примером повиновения, которого Бог желает от своих последователей. Социниане отрицали первородный грех, доктрину предопределения и главное — учение о св. Троице, за что многие звали их антитринитариями. Движение это было подавлено иезуитами в Польше, но распространилось в Голландии и Англии, а затем в Америке под названием унитарной церкви. Дж. Милтон в бытность свою латинским секретарем Английской республики дал разрешение на публикацию “Раковского катехизиса” в Англии.

Вообще надо сказать, что Англия в XVII в. стала настоящим рассадником народных сект, которых насчитывались сотни. Религиозное движение пуританизма, в котором необычайно сильны были сепаратистские тенденции, растущий протест против установленной господствующей англиканской церкви, борьба парламентов при Стюартах за свободу вероисповедания, а также веротерпимость, пришедшая с началом революции, — все это способствовало возникновению самых причудливых народных сект. Каждая из этих сект имела свои особенности, но общими для всех чертами были: низкий социальный статус (к сектантам принадлежали, как правило, беднейшие, подчас люмпенизированные, слои общества); отрицание всякого посредничества между человеком и Богом; принцип крайнего индивидуализма в делах веры; признание Бога главным и единственным сувереном не только в религиозных, но и государственных делах; широкая взаимопомощь и социальная работа. Здесь мы остановимся на трех наиболее характерных из народных сект Англии этого периода: на милленариях, рантерах и квакерах.

Движение милленариев, или “людей Пятой монархии”, возникло после казни короля, потрясшей всю Англию, и установления республики. К нему принадлежали рабочие мануфактур, в основном текстильных, и мелкие городские ремесленники. “Люди Пятой монархии” полагали, что конец света близок: некоторые даже называли точную дату; что в результате мирового катаклизма Христос вторично придет на Землю и будет править с помощью своих “святых”. Дабы приблизить его царствие, нужно уже сейчас добиться ряда законодательных и социальных реформ: упростить право, отменить церковные десятины, допустить к власти людей из народа. Политические требования “людей Пятой монархии” были близки к левеллерским; однако в начале 50-х годов они в гораздо большей степени полагались на Кромвеля и его реформы. Этому способствовало то обстоятельство, что к милленариям принадлежали многие солдаты и офицеры кромвелевской армии, в частности ближайший соратник Кромвеля полковник Томас Гаррисон.

“Люди Пятой монархии” не создали сколько-нибудь стройной организации. Лидерами движения стали Джон Роджерс, принимавший участие в назначении

Малого парламента, который состоял из членов религиозных конгрегаций, Томас Веннер и др. После роспуска парламента и установления протектората в 1653 г. часть “людей Пятой монархии” перешла в оппозицию к протекторату, и Джон Роджерс был заключен в тюрьму в 1654—1657 гг. Веннер же в 1657 г. поднял вооруженный мятеж, подавленный правительственными войсками. Во второй половине 50-х годов секта переживает упадок: ее раздирают внутренние разногласия между лидерами-идеологами и рядовыми членами, выдвигавшими социальные и экономические требования. Общей программы у них не существовало, хотя требования их имели некоторые общие черты: они предсказывали, что в будущем царстве Христа не будет богатых и бедных, выступали против таможенных налогов и акцизов, за продолжение войны с Голландией — конкурентом Англии на текстильном рынке; они обличали продажных юристов, духовенство, отказывались платить десятину в пользу церкви.

После реставрации монархии миллениарии, руководимые Веннером, еще раз подняли мятеж в Лондоне в январе 1661 г., выдвинув утопическое требование установления “правления святых”. Их программа, высказанная в манифесте “Поднятое знамя”, носила почти исключительно светский характер и в основном повторяла политические и социальные требования левеллеров. Восстание было потоплено в крови, и после него движение уже не возродилось. Деятельность “людей Пятой монархии” показала, что политическими действиями царство Божие на земле установить невозможно, и сама идея земного правления святых была дискредитирована. Но это не значит, что из сознания людей исчезла идея Второго пришествия и Тысячелетнего царства Христа на Земле. Ее продолжали проповедовать Милтон, вождь квакеров Джордж Фокс и даже великий ученый Исаак Ньютон.

Весьма любопытной сектой, возникшей также в начале 50-х годов, были рантеры. Первые сведения о рантерах появились весной 1649 г., вскоре после разгрома майского восстания левеллеров. Название секты происходит от глагола “to rant” — напыщенно, шумно разглагольствовать, витийствовать, раздражаться тирадами, суесловить; а также шумно веселиться, громко петь, буянить. Слово “рантеры” создавало представление о диком, неистовом, богохульном поведении, отмечающем любые устои и условности. Рантерами, как показали новейшие исследования, становились выходцы из лондонских трущоб, обнищавшие ремесленники и чернорабочие, пострадавшие в результате гражданских войн, поставленные на грань нищеты жители других городов, поденщики, бродячие мелкие ремесленники, а также лишенные крова и работы крестьяне-коттеры. Возможно, и кое-кто из левеллеров, участников восстания, вынужденных теперь скрываться от властей, примкнул к их веселым сборищам. Вожди рантеров — Э. Коппе, Л. Кларксон, Дж. Салмон, Дж. Фостер — называли Бога “главным левеллером”, который вскоре придет на землю, чтобы сровнять горы с долинами, высоких с низкими, богатых и сильных с бедными и слабыми.

Отиранным пунктом рантерской проповеди являлось почти полное отождествление Бога с понятием сотворенного им мира, что можно охарактеризовать как “материалистический пантеизм” (термин К. Хилла), граничащий с атеизмом. Рантерские проповедники, вещавшие на церковных папертях, на базарных площадях и в тавернах, дерзко отрицали всякую старую религию — будь то “папизм”, англиканство или пресвитерианство; они нападали и на индпендентов, и на анабаптистов. Они отвергали также авторитет Писания, храмы, богослужение, обряды и таинства. Самого Бога они не отрицали, он представлялся им бесконечным духом, пронизывающим все творение, не поддающимся человеческому определению. Дж. Салмон утверждал в одном из своих сочинений, что Бог движет любым действием человека, и добрым, и дурным; что он направлял тиранию монархии, руководил всеми партиями в революции, действовал посредством армии. Дж. Ботумли заявлял, что Бог находится во всех тварях, в

каждом человеке и животном, в рыбе, птице, растениях, а также в вещах, сделанных человеком, — в столе, например, или табурете. Некоторые рантеры считали, что Бога вообще не существует, а все произошло из ничего, “от природы”, и вериется к тому же.

Немаловажной особенностью воззрений рантеров было отождествление “в Боге” понятий добра и зла, светлой и темной стороны бытия, добродетели и греха, дозволенного и недозволенного. Этот взгляд восходит к антиномизму, отрицавшему обязательность морального закона для тех христиан, которые живут “по закону благодати”. В Англии антиномизм проповедовали многие народные секты в 40-х годах XVII в., но рантеры доводили его до крайности. Ими делался вывод о том, что нечистые или греховные поступки существуют только в воображении человека, а на самом же деле все чисто перед Богом. Поэтому они оправдывали и сами совершали такие действия, как богохульство, ложесвидетельство, пьянство, разврат, супружеские измены и пр.

Рантеры бродили по дорогам, проповедовали, собирая деньги с доверчивых слушателей, а потом пропивали и проедали эти деньги в дешевых тавернах. Вместе с ними шли женщины, и нельзя было понять, кто у них муж, кто — жена, от кого рождаются дети; они соврашали жеи местных жителей, курили табак, что в те времена было редкостью и возмущало благочестивых пуритан. Оргии их носили буйный характер: девушки танцевали нагими, а мужчины пели на мотив церковных литаний похабные песни. Известны случаи, когда, обедая, кто-нибудь из них разрывал руками кусок мяса и говорил, подражая акту евхаристии: “Сие есть тело Христово, берите и ешьте”. И, плеснув пива в огонь, добавлял: “А это — кровь Христова, пейте ее все”.

Многие из рантеров были хилиастами, а проповеди некоторых носили угрожающий и обличительный характер. Они обвиняли власть имущих, говорили о тяжких бедствиях простого народа и повторяли, что Бог ныне избрал бедных и невежественных, чтобы явить миру возмездие, отнять у богатых неправдой нажитое добро и уравнять состояний. Именно эти горячечные угрозы заставили парламент в августе 1650 г. издать акт против рантеров, согласно которому при первом уличении в совершении “богохульных и нечестивых” поступков они подлежали 6-месячному тюремному заключению, при втором — изгнанию за пределы Англии; самовольное возвращение преступника каралось смертной казнью. После этого акта и усилившихся затем репрессий рантерство быстро сошло со сцены. Некоторые из его вождей, в частности Л. Кларксон, раскаялись и опубликовали полные самобичевания памфлеты. Некоторые присоединялись к квакерам.

Среди множества народных сектантских движений эпохи Английской революции движение квакеров выделяется по количеству приверженцев, по глубине и истовости верований, по роли в общественной и политической жизни, по социальному радикализму своей программы, по стойкости и долговременности существования. “Квакерами”, что значит “трепещущими”, “дрожущими”, их в насмешку называли противники. Сами же они именovali себя “детьми света”, “друзьями в истине”, или просто “друзьями”. Основатель движения, сын ткача Джордж Фокс (1624—1691) в 1647 г., в возрасте 24 лет, пережил внутреннее озарение, которое сказало ему, что Бог обитает не в небесах и не в рукотворных храмах, а в душе каждого человека и проявляет себя как внутренний свет добра и любви ко всему живому. Те, кто почувствует в себе этот свет, освободятся от власти первородного греха и проклятия, обретут мир и чистую совесть.

Испытав это духовное потрясение, Фокс бросил свои занятия и отправился проповедовать по селам и городкам Северной Англии. За ним стали ходить толпы народа; некоторые, пораженные его проповедью, тоже оставляли свой дом и привычное дело и присоединялись к его странствиям. Иногда Фокс находил в каком-то месте целую группу людей, чьи взгляды и верования совпадали с его собственными: это были сикеры, уэйтеры, беменисты, милленарии и т.п. Они

объединялись и в результате образовали новое мощное движение, оформившееся в начале 50-х годов. Его вождями, помимо Фокса, были Джеймс Нейлор, Ричард Фарнуорс, Эдвард Бэрроу, Айзек Пеннингтон, Ричард Хабберторн.

Идеи квакеров во многом испытали влияние силезского мистика Якоба Беме, сочинения которого были переведены на английский язык и распространялись в Англии в 40-х и 50-х годах. В учении Беме главное внимание уделялось внутреннему миру человека, индивидуальному общению с Богом, который обитает в душе каждого. Общение с Богом “в духе” Беме ставил выше авторитета Священного Писания и церкви, выше земной власти и вообще любого земного авторитета.

Это учение находило горячих последователей в среде самых угнетенных слоев общества: квакерами становились мелкие лавочники, ремесленники, подмастерья, батраки, наемные рабочие, малоземельные крестьяне-коттеры. Помещение абсолюта во внутренний мир верующего, признание возможности для каждого человека достичь внутреннего просветления и индивидуального общения с Богом находило у них отклик потому, что вело к отрицанию церковной организации, каких бы то ни было посредников между верующим и Богом, а значит — к отрицанию таинств, иерархии, клира, к отказу от уплаты налогов, в первую очередь церковной десятины, и к проповеди широчайшей религиозной терпимости.

Проповедь вселенской божественной любви, открытой всем людям, богатым и бедным, просвещенным и невежественным, язычникам и христианам, вплоть до мусульман, иудеев и американских индейцев, являлась по существу проповедью полного равенства всех людей перед Богом, проповедью всемирного братства и взаимопомощи. Социальная, расовая принадлежность, вероисповедание, в котором человек воспитывался, его пол — все это теряло значение, коль скоро в душе его открывался источник “истинного света”.

Хилизм квакеров носил социальную окраску. Ожидание скорого второго пришествия Христа на Землю они не мыслили себе без активной деятельности на благо ближнего. Главную цель своей жизни Фокс и его последователи видели в том, чтобы переделать существующий мир и людей соответственно “духу Христа”, дабы общество здесь, на Земле, могло уподобиться царствию небесному. Они отрицали любую из существующих церквей, называя церковные здания “дом с колокольней”, все формы культа, проповеди священнослужителей, получавших за них плату. У самих “друзей” форм культа вообще не существовало: они собирались на площадях, в гостиницах, иногда в домах друг у друга и вместе предавались религиозным размышлениям. Тот, на кого “нисходил дух”, проповедовал. Это мог быть представитель любой социальной прослойки, мужчина или женщина. Сборов на содержание проповедников не производилось: каждый из них зарабатывал себе на жизнь профессиональным трудом.

В годы революции квакеры вели активную проповедническую и социальную деятельность, за что часто подвергались преследованиям и тюремным заключениям. В годы Второй республики они обращались с петициями в парламент, занимали должности мировых судей, соглашались участвовать в делах управления страной. Они требовали отмены штрафов и феодальных платежей лордам, создания фонда для помощи бедным, отмены церковной десятины. Верные своему идеалу равенства, они всем говорили “ты”, не снимали шляп перед властью имущими, отказывались клясться в судах. В то же время они выступали против всяких войн, не носили оружия и никогда не отвечали насилием на насилие.

После реставрации Стюартов квакеры подверглись жестокому преследованиям, особенно в связи с мятежом “людей Пятой монархии” в 1661 г. Глубина веры, стойкость и постоянная взаимопомощь помогли им выжить в условиях гонений; к тому времени, как “Билль о правах” даровал им свободу вероисповедания, они превратились из разрозненного, неоформленного движения в хорошо организованную структуру с регулярными собраниями, фондом для бедных, библиотеками и школами. Р. Баркли (1648—1690) написал “Апологию

истинного христианского Божества”, где излагал основные принципы вероучения, традиции и обычаи квакеров; эту книгу принято считать основным трудом по теологии “друзей”. В конце XVII в. квакеры У. Пенн и Дж. Беллерс создали проекты международного мира и объединения стран Европы; Беллерс, кроме того, написал социальную утопию, предлагая создать “производственные содружества”, где бедняки, поддержанные богатыми членами общества, могли бы трудиться сообща и зарабатывать на жизнь. Пенн основал колонию Пенсильвания в Америке, где предоставил полную религиозную свободу квакерам и другим сектам.

В XVIII в. движение квакеров переживает застой; старательные усилия сохранить себя в годы преследований привели к замкнутости и осторожности: браки заключались только между членами сообщества, дети воспитывались в изоляции от внешнего мира, сохранялись архаическая форма одежды и особые обычаи. Из народного движения квакерство превратилось в секту; от пламенного духа Фокса и первых “друзей” мало что сохранилось

ДЕИЗМ И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Поворот к секуляризации европейского интеллектуального сознания произошел прежде всего благодаря новым открытиям в науке. Созданная в XVI в. Николаем Коперником гелиоцентрическая теория строения Вселенной, развитая и популяризированная Галилеем в XVII в., разрушила средневековые представления о том, что Земля является центром мира. Основополагающую роль сыграли научные открытия Исаака Ньютона (1643—1727). В 1687 г. он опубликовал “Математические начала естественной философии”, где выдвинул идеи о законе гравитации, который говорил о физическом единстве строения Вселенной.

Секуляризации сознания способствовали и великие географические открытия. Европейцы благодаря развитию мореплавания получили возможность посещать отдаленные земли и знакомиться с нехристианскими религиями. Они смогли убедиться, что многие религии сходны друг с другом в неких основополагающих принципах. В результате стали возникать представления о некоей общей естественной религии, которую люди получают не из Библии и не от священников или проповедников, а из глубины своего существа, потому что они “так устроены”.

Наконец, перевод Библии на европейские языки дал толчок научному ее изучению и критике. Ученые могли сравнивать древнееврейский, греческий и латинский тексты и выявлять ошибки в переводах и смысловые несообразности, а простые люди получили возможность читать и понимать Священное Писание по своему усмотрению, прежнее благоговение заменяя рассудочными толкованиями.

С начала XVII в. появляется и новая философия: эмпиризм и рационализм. Начало ей положил Фрэнсис Бэкон (1561—1626). В появившемся в 1620 г. труде “Новый органон” он разработал индуктивный метод познания природы, который, как полагал автор, должен был заменить собой широко распространенный дедуктивный метод Аристотеля, принятый в средневековой науке. Вместо следования за авторитетами этот метод предлагал самостоятельное изучение фактов, эксперименты, на основании которых должны делаться обобщения и вырабатываться научные законы. Эмпирическую и рационалистическую философию создавали Джон Локк (1632—1704), Рене Декарт (1596—1650), Барух Спиноза (1632—1677). Эти ученые полагали, что Бога, как и природу, можно понять с помощью человеческого рассудка, опираясь на научный метод.

Такой религией рассудка стал деизм, который возник в XVII в. в Англии и распространился оттуда на Францию, Германию и Америку. Деисты верили, что трансцендентный Бог покинул свое творение после того, как его создал, дав ему природные законы. Эти законы человек может постичь с помощью рассудка и

строить свою жизнь в соответствии с ними. Бог, таким образом, удалялся от человека и мира, становился “отсутствующим Богом”. Деисты отрицали чудеса, богодухновенность Библии, откровения и пророчества, а также богочеловечество Христа. Христос для них был лишь моральным учителем, призывавшим поклоняться единому Богу и проповедовавшим добродетель и благочестие, которым деисты придавали большое значение; они и означали для них поклонение Богу. Соответственно и Библию они рассматривали более всего как свод нравственных законов и правил. Деисты верили в бессмертие души и посмертное воздаяние, но и эти представления пытались подчинить соображениям рассудка.

Такие взгляды были впервые высказаны Эдвардом Гербертом, лордом Чербери (1583—1648). В своем труде “Об истине” он сформулировал главные идеи деизма: существование Высшего разума, или Бога; необходимость для человека поклоняться и служить ему; важность добродетели и благочестивой жизни для служения Богу; необходимость покаяния; признание, что за земной жизнью следует иная, в которой человек получит справедливое воздаяние за свои земные дела. Эти положения были развиты Чарлзом Блаунтом (1654—1693), Джоном Толандом (1670—1722), нарисавшим известный трактат “Христианство без тайн”, лордом Шефтсбери (1671—1713). Они доказывали, что в христианстве нет никакой мистики, что основные его положения могут быть доказаны с помощью разума, а то, что не поддается разуму, должно быть отвергнуто.

Сочинения деистов в конце XVII и в XVIII в. вызвали полемику со стороны ортодоксального христианства. Уильям Лоу (1686—1761) в трактатах “Серьезный призыв к усердной и святой жизни” и “Дело рассудка” доказывал, что человек не может постичь религиозные истины только с помощью разума потому, что Бог является Высшим разумом. Джозеф Батлер (1682—1752) в “Апологии религии” утверждал, что ортодоксальное христианство лучше отвечает на вопросы бытия, чем деизм. Уильям Пэйли (1743—1805) обосновывал существование Бога, который открыл себя в Библии, в Христе и в чудесах, дабы человек смог вести праведную жизнь и обрести спасение. Известный философ-идеалист Дэвид Юм (1711—1776) в “Диалогах о естественной религии” писал, что поскольку деисты принимают все, что может быть доказано с помощью разума, то наилучшим образом эту задачу может выполнить ортодоксальная теология. Ответом деизму явилась и субъективно-идеалистическая философия англиканского епископа Джорджа Беркли (1685—1753).

Несмотря на все нападки, деизм в первой половине XVIII в. быстро распространился по Европе. Герберт и Шефтсбери путешествовали по Франции, их книги были переведены и опубликованы там, и их идеи нашли отклик у французских энциклопедистов, которые также были деистами. Толанд и Вольтер пользовались признанием в Германии, что способствовало развитию немецкого деизма. Его виднейшими представителями были Г.С. Реймарус (1694—1768) и Г.Э. Лессинг (1729—1781). Наконец, философия деизма распространилась в североамериканских колониях.

Деизм сыграл огромную роль в становлении менталитета современного человека. С его помощью было разработано учение о государстве, ответственном перед суверенным народом, о природной праведности и доброте человека и неограниченных возможностях его разума, что помогло созданию теории прогресса, о воспитании разумного и деятельного члена общества. Деизм позволил человеческой мысли сделать следующий шаг в отношении к Богу: отвергнуть Его вовсе. Именно в XVII—XVIII вв. появляются первые серьезные обоснования атеистического взгляда на мир — сочинения английского философа Томаса Гоббса, французского священника Жана Мелье; к атеизму был близок и Вольтер.

В то же время деизм оказал и некоторое положительное влияние на развитие христианского мировоззрения. Разумный подход к миру рассеял веру в ведовство и тайные общения с дьяволом. В первой половине XVII в. ведовские процессы

проходили еще по всей Европе. Люди серьезно верили, что многие женщины и некоторые мужчины заключили договор с дьяволом и посещают его шабаша, перелетая с помощью помела или черного козла. На этих шабашах (от еврейского “шаббат” — суббота) они творят черную мессу, поклоняются самому сатане и участвуют в сексуальных оргиях. В обычной жизни они могут наслать порчу на людей или на скот, вызвать болезни, эпидемии, неурожай. По доносу подозреваемых в ведовстве хватили, под пытками вынуждали их признаться в своей связи с дьяволом, а затем отправляли на костер. Такие жестокости творили и католики, и последователи разного рода протестантских конфессий. И только в конце XVII в. под влиянием научных теорий и рационалистического подхода к религии ведовские процессы прекратились и сама вера в ведовство стала затухать.

Деизм поддерживал идею религиозной терпимости и способствовал уменьшению межконфессиональной враждебности. К концу XVIII в. в Германии нередко происходил обмен проповедниками между католической и протестантскими церквями. Всесильный некогда орден иезуитов потерял свой былой авторитет и был уничтожен. Деисты сотрудничали с ортодоксальными христианами в ряде гуманитарных исследований, в частности в изучении Библии, сверке текстов, расшифровке неясных мест в переводах. Они способствовали повышению образованности и просвещенности в обществе.

В то же время деизм привел к распространению холодного рационализма среди верующих протестантских церквей. Былые горячие споры прекратились; родилось так называемое “новое богословие”, пронизанное критикой Священного Писания. Из 14 посланий апостола Павла без сомнения были оставлены только четыре (послания к Римлянам, Коринфянам и Галатам). Делались попытки согласовать учение церкви с новейшими данными науки. Центром этого нового рационалистического богословия стал Тюбингенский университет в Германии; затем оно распространилось по богословским факультетам всех европейских университетов. Новые богословы-рационалисты отрицали богодухновенность Библии и, подобно социнианам, считали истинным в ней только то, что “соответствует разуму”.

Наиболее глубокий ответ деизму был дан в творениях величайшего немецкого философа Иммануила Канта (1724—1804), который пытался совместить рационализм с христианской ортодоксией. В знаменитой работе “Критика чистого разума” Кант показал, что наука и разум не могут доказать существование Бога, нравственного закона и бессмертия, ибо наука только описывает существующий физический мир. В то же время в человеческом опыте существуют понятия красоты, совести и религиозное чувство, в реальности которых не приходится сомневаться, но которые невозможно познать научными методами. Эти врожденные понятия посеяны в душе человеческой Богом, дабы научить человека отличать добро от зла; их Кант назвал “категорическим императивом”, который позволяет человеку выбирать правильные пути в этой жизни. Таким образом, Кант еще в XVIII в. показал ограниченность рационалистической науки и наивность философов-деистов.

МИСТИКИ-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА

Своего рода противовесом рационалистическому взгляду на мир, который все больше завоевывал позиции не только в светской науке и философии, но и в протестантской теологии, стал мистицизм, который проявлялся, как мы видели, в учениях и хилиастических ожиданиях народных сект. Существовали и одинокие мыслители, создавшие ряд примечательных мистических теорий и систем, на основе которых в свою очередь формировались сектантские мистические группы. Основой их богословия становились внутреннее озарение и индивидуальный духовный опыт.

При этом особенно в первой половине XVII в. в умах некоторых мыслителей рациональные научные подходы причудливо переплетались с мистическими озарениями и верой в особые, тайные науки, с помощью которых можно познать не только видимый земной мир, но и миры невидимые, потусторонние. Примером может служить известный чешский ученый и педагог Ян Амос Коменский (1592—1670). Он принадлежал к церкви моравских братьев, ведущей свое начало от гуситов, и после начала Тридцатилетней войны вынужден был покинуть родину. Он пытался объединить бэкониянскую науку с оккультными учениями древности, с так называемыми "герметическими науками", ведущими свое начало от легендарного Гермеса Трисмегиста. Приглашенный в Англию в самом начале революции, Коменский вместе с Сэмюэлем Хартлибом и его кружком, состоявшим из социальных реформаторов, ученых, инженеров, изобретателей, педагогов, работал над созданием "Невидимого Содружества" ученых, призванного облагородить человечество и способствовать его благоденствию. Работы Коменского о "Пансофии" — распространении образования, в том числе тайнознаний, и правлении элиты ученых во всем мире — были опубликованы Хартлибом в Англии и получили большую известность.

Самым выдающимся мистиком XVIII в. был, без сомнения, великий шведский ученый Эммануил Сведенборг (1688—1772). Сын лютеранского богослова и епископа, Сведенборг получил хорошее образование в Уппсальском университете; он изучал филологию, философию, математику, астрономию, рудное дело и вообще естественные науки. Он не был женат, вел уединенную благочестивую жизнь. Откровение явилось ему в 1745 г., когда ему было уже 57 лет. После легкой дрожи во всем теле он впал в транс, во время которого получил возможность общаться с духовным миром. Во вступлении к своей первой книге "Небесные тайны" сам Сведенборг свидетельствовал, что после этого первого откровения он в течение нескольких лет находился в постоянном общении с духами и ангелами, слыша их речь и говоря с ними. Он познакомился с потусторонним миром, с различного рода духами, с состоянием души после смерти, с мучениями погибших и блаженством спасенных, пребывающих на небесах; а также с тем вероучением, которое "признается во всем небе".

Свою миссию на Земле Сведенборг видел в том, чтобы убедить людей в реальности духовного мира и бессмертии души. Он полагал, что духовные истины соответствуют естественным, и поэтому Бог ввел его сначала в естественные науки и таким образом подготовил к восприятию наук духовных. После посетившего его откровения и осознания своей миссии Сведенборг отошел от академических занятий и от должностей при дворе шведского короля и всецело отдался созданию теологических трудов. Его главные работы — многотомные труды "Небесные тайны", "Объяснение Апокалипсиса", "Откровенный Апокалипсис", а также меньшие по объему: "Божественная любовь и божественная мудрость", "О небе и об аде", "Учение жизни", "Истинная христианская религия" и др. После смерти Сведенборга его последователи образовали секту сведенборгианцев, или церкви Нового Иерусалима, которая до сих пор существует в Европе и Америке.

В целом следует сказать, что стремление к духовидению и овладению тайными науками — астрологией, алхимией, магией — являлось типичной чертой общественного сознания людей XVII и XVIII вв. Большой популярностью пользовались предсказания Нострадамуса и астролога XVII в. Уильяма Лилли. К астрологии прибегали люди, принадлежавшие к самым разным социальным слоям: короли и аристократы, политики, пуритане, анабаптисты, рантеры и квакеры. Занятия алхимией для многих были внешней попыткой достичь внутреннего просветления и очищения; поэтому процветала алхимическая медицина. Поиски философского камня связывались с поисками Нового Иерусалима, Тысячелетнего царства, в котором, как утверждали некоторые, улицы будут вымощены золотом, полученным в результате алхимических

опытов. Широкое распространение получили труды Парацельса и других знатоков оккультных наук. Эти мистические учения тесно переплетались с рационализмом и эмпиризмом в науке, с озарениями народных сект и просветительским рвением ученых.

Одним из наиболее характерных феноменов этой смеси явилось масонство, активно заявившее о себе именно во второй половине XVII и особенно в XVIII в. Исследователи масонства ведут его происхождение от средневековых общин каменщиков — строителей храмов. Они владели особыми тайнами мастерства и держались всегда особняком от прочих ремесленных гильдий. Они назывались также “франкмасонами”, т.е. вольными каменщиками, так как освобождались от несения караульной службы и некоторых других повинностей по отношению к городу или сеньору. Некоторая таинственность объединений каменщиков (называвшихся ложами) сделала их особенно притягательными для ученых-эрудитов, стремившихся овладеть тайнознанием. Немаловажное значение имело, по-видимому, и то обстоятельство, что легенда связывала ложи каменщиков со средневековым орденом тамплиеров, или храмовников, который был уничтожен в начале XIV в. Великий магистр ордена Жак де Моле и другие его руководители были сожжены на костре по обвинению в отречении от Христа, глумлении над церковными обрядами и поклонении дьяволу Бафомету. История же самого ордена, опять же согласно легенде, восходит к библейскому строителю Соломонова храма Хираму, или Адонираму, убитому заговорщиками в древнем Иерусалиме.

Уже в средние века в союзы франкмасонов входили, помимо строителей-ремесленников, и представители тогдашнего ученого мира, которые становились покровителями и идеологами масонских лож. Они-то, по-видимому, и разработали идею строительства не только храма из камня как места для отправления культа, но храма духовного, невидимого. Соответственно была создана и иерархия входивших в ложи — от простых каменщиков-строителей (“практических масонов”) до великих магистров, строивших этот второй храм усилиями своего духа. В промежутке существовало много других степеней посвящения.

В XVII в. особенно много лож насчитывалось в Англии и Шотландии. В них входили, помимо собственно каменщиков, представители дворянства, люди с мистическим складом ума и развитым воображением. Их влекло туда любопытство, интерес к таинственным ритуалам, которыми сопровождалось заседания лож, мода, иногда тщеславное желание стать патроном ложи. В Эдинбургскую ложу каменщиков входил кромвелевский генерал Монк, усилия которого привели к реставрации Стюартов в Англии. “Практическим масоном” был знаменитый придворный архитектор короля Карла II Кристофер Рен, отстраивавший Лондон, в частности собор св. Павла, после разрушительного пожара 1666 г.

В начале XVIII в. масонские ложи в современном смысле слова уже преобладали над профессиональными объединениями каменщиков; но “практические масоны” по-прежнему в них входили. Был разработан сложный и таинственный ритуал посвящения, восходивший к ритуалам древних мистерий. Принимаемый в масоны подвергался множеству символических испытаний — водой, огнем, железом, страхом и самой смертью. Задачей этих испытаний было стремление вызвать у новичка ощущение, что он окончательно порывает со своей прежней жизнью и “рождается заново”, чтобы стать полноправным членом (на уровне своей степени) вселенской мистической иерархии.

Первая объединенная масонская ложа, получившая название “Великая”, была учреждена в Лондоне в 1717 г. В 1723 г. была опубликована “Новая книга уставов”, где излагались легендарная история масонства, а также правила поведения члена ложи. Он должен был подчиняться законам морали и не быть “ни тупым атеистом, ни нечестивым распутником”. Вероисповедание масонов сами они определяли как “всеобъемлющую, объединяющую людей религию, которая состоит в обязанности каждого из нас быть добрым и верным долгу,

быть человеком чести и совести, каким бы именем ни называлось наше вероисповедание и какие бы религиозные догматы ни отличали нас от других людей". Это означало, что масоны готовы принять любое христианское вероисповедание и относиться друг к другу с терпимостью.

С 1726 г. английские масоны начали заниматься филантропической деятельностью. В ложи входили многие представители королевского дома и высшей аристократии. Во второй половине XVIII в. появляются другие ложи — "Великая английская ложа старых уставов", "Священная королевская арка". Появились ложи и на континенте. Вначале они создавались якобитами — сторонниками короля Якова II, вынужденными бежать из страны после "славной революции" 1688 г. Так во Франции возникли "Ложа совершенного равенства" и "Ложа чистосердечия", а в противовес им — подчинявшаяся "Великой ложе Англии" "Ложа святого Томаса".

Вскоре в Париже, а затем и в других французских городах — Руане, Марселе, Меце — возникают собственно французские масонские ложи по образцу английских и шотландских. С 1760 г. некоторое распространение получают женские ложи, подчиненные местным мужским ложам, куда доступ женщинам был закрыт. В 30-е годы XVIII в. масонские ложи появляются в Италии. Их создают английские купцы-путешественники и аристократы; ложи эти пользуются покровительством местных князей. Во второй половине века масонство получает широкое распространение во владениях Габсбургов; ему покровительствует император Иосиф II. Ложи возникают также в Голландии, австрийских Нидерландах, Швеции, Дании и России. Все они испытывают влияние английских лож.

В 1738 г. папа Климент XII опубликовал буллу, в которой все члены масонских лож отлучались от церкви. Эта булла была повторена в 1751 г. Бенедиктом XIV и в 1786 г. Пием VI. Однако эти отлучения не возымели действия: в век религиозного индифферентизма папские проклятия мало кого могли испугать. Масонами становились даже католические священники.

К масонству примыкал во многом загадочный орден розенкрейцеров, корни которого уходят в легенды средневековья и древнюю символику св. Грааля. Легендарным основателем ордена считался Христиан Розенкрейц, немецкий дворянин, который в XIV в. путешествовал на Восток и познакомился с премудростью восточных магов. Орден был окружен необычайной таинственностью: встречи его членов происходили раз в год и держались в совершенном секрете; они скрывали даже места погребения своих почивших членов. О них распространялись таинственные слухи: что будто бы они не нуждаются в пище, способны становиться невидимыми и неограниченно передвигаться в пространстве, повелевать духами. Они ставили своей целью овладение утраченными тайнами древних наук, достижение долголетия и обогащение монархов с помощью философского камня.

После начала Тридцатилетней войны розенкрейцеры в Германии исчезли или ушли в глубокое подполье: отдельные группы действовали в Нидерландах, а с 40-х годов — в Англии. К ним был близок, как говорили, знаменитый немецкий философ Лейбниц. Их преследовали иезуиты, а также протестантские церкви: розенкрейцеров обвиняли в связи с дьяволом, колдовстве, в занятиях магией и вольнодумстве. Правдой было то, что духовные и научные поиски членов братства отражали картину тогдашнего состояния науки, причудливого смешения химии с алхимией, астрономии и математики с астрологией, медицины с магией. Розенкрейцеры вступали в масонские ложи, и их история тесно переплетается с историей масонства.

Во второй половине XVIII в. весьма популярным в аристократических кругах стал орден золотых розенкрейцеров, происхождение которого также теряется во тьме легенд и времен. Золотые розенкрейцеры действовали в Германии, Австрии и других владениях Габсбургов, а также в Польше. Члены ордена

делились на семь классов. Среди них, как сообщалось, было 77 “магов”, 2700 “верховных философов первого ранга”, 3900 “высших философов второго ранга”, 3000 “младших магов”, 1000 “адептов”, 1000 молодых членов ордена и некоторое количество только что принятых новичков. В 1775 г. управление ордена было перенесено в Везу, а в 1777 г. розенкрейцеры объявили себя высшей ступенью масонского ордена.

Европейское масонство было также связано с шотландскими ложами, которые множились и приобретали особое влияние в XVIII в. не только в самой Шотландии, но и во Франции; с ложами “строгого послушания”, возникшими в Германии в середине XVIII в. (к ним принадлежали Моцарт, Гете, Лессинг); с орденом мартинистов, названным так по имени своего основателя — французского мистика и оккультиста Луи-Клода де Сеи-Мартея; с орденом иллюминатов, в противоположность оккультным учениям ставившим своей целью распространение разума, просвещения и добродетели, и с другими тайными организациями — ложами, братствами, орденами и т.п. С деятельностью масонов связаны имена двух знаменитых авантюристов XVIII в., известных всей Европе, — графа Калиостро и графа Сеи-Жермеа.

Вопросы о взаимоотношении масонства с Просвещением и роли масонов в Великой французской революции были предметом многих исследований и споров. Здесь скажем только, что, хотя многие крупнейшие представители Просвещения — Д’Аламбер, Гельвеций, Вольтер, Толайд, Лессинг, Гете — являлись членами масонских лож, это отнюдь не означает, что масонство в целом можно назвать просветительским движением. Наоборот, строгая секретность ряда обществ, таинственность и мистико-оккультная окраска учений и ритуалов, иерархическая запутанность легенд противостояли культу разума и науки, который проповедовали просветители. Между масонами и просветителями велась полемика, часто весьма ожесточенная и полная сарказма. Что касается Французской революции, то масонами были члены обоих противостоящих лагерей — и революционного, и монархического.

Подводя итоги, отметим еще раз основную тенденцию развития духовной и религиозной жизни Европы за два столетия: это движение образованных кругов от живой истовой веры к сомнению и скептицизму; от культа св. Троицы к культу разума и научных исследований; от пламенной проповеди к сухой ортодоксии. Это движение рождало в качестве реакции у значительной части общества стремление к мистицизму, к общению с потусторонним миром, к организации тайных обществ, занятиям магией и оккультными науками.

Глава 10

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

Наиболее характерные черты государственного строя России XVIII в. наметились еще в предшествующем столетии, когда началось перерастание сословно-представительной монархии в абсолютную. О причинах и предпосылках этого процесса подробно говорилось выше, поэтому здесь лишь кратко укажем, что в основе его лежали серьезные изменения в социально-экономическом развитии страны, вызванные генезисом капиталистических отношений, резким обострением борьбы крепостных крестьян против феодального гнета, а также усилением противоречий внутри класса феодалов. В первой четверти XVIII в. переход к абсолютизму был ускорен длительной Северной войной и получил свое завершение. Именно в петровское правление создаются регулярная

армия и бюрократический аппарат государственного управления, происходит как фактическое так и юридическое оформление абсолютизма.

Регулярная армия и флот были созданы Петром I уже в самом начале XVIII в. Рядовой состав комплектовался на основе рекрутских наборов из числа крестьян и посадских людей, а офицерский корпус состоял в большинстве своем из дворян. Служба в армии как для солдат, так и офицеров стала пожизненной. Кроме того, офицеры перестали получать за службу поместные оклады земель и крестьянами и были переведены на государственное денежное жалованье (солдаты также получали жалованье). Все это во многом отрывало солдат и офицеров от их классовой базы, ставило в большую зависимость от царской власти и тем самым превращало армию в надежную опору абсолютизма.

Помимо своей основной внутренней функции по подавлению народных волнений и восстаний, армия выполняла и другие: с петровского времени наблюдается ее широкое использование в государственном управлении в качестве принудительной силы. Большое распространение получила практика посылки воинских команд на места для понуждения администрации к лучшему выполнению правительственных распоряжений и указаний. Но иногда и центральные учреждения ставились в такое же положение, например даже деятельность Сената в первые годы после его создания находилась под контролем гвардейских офицеров. Офицеры и солдаты занимались также переписью населения, сбором налогов и недоимок и т.д.

Наряду с армией для подавления своих политических противников абсолютизм использовал и специально созданные для этой цели карательные органы — Преображенский приказ, Тайную канцелярию и др. При Петре I было положено начало и организации самостоятельных полицейских учреждений.

В первой четверти XVIII в. возникает и вторая опора абсолютной монархии — бюрократический аппарат государственного управления. Органы центральной власти, унаследованные от прошлого времени (Боярская дума, приказы), ликвидируются, появляется новая система государственных учреждений — Сенат, Синод, коллегии, губернские и провинциальные учреждения. Среди них нужно особо отметить органы, впервые созданные для того, чтобы способствовать развитию промышленности и торговли, а также для управления городским населением. В этом нельзя не видеть определенной политики абсолютизма, направленной на поддержку формировавшейся буржуазии и в то же время использование ее для укрепления экономической силы дворянского государства.

Общий порядок военной, гражданской и придворной службы определяла “Табель о рангах”, изданная в 1722 г. Служба монарху, олицетворявшему собой государство, стала для дворян обязанностью, причем гражданская и придворная служба, как и военная, практически носила пожизненный характер и вознаграждалась не поместьями, как раньше, а жалованьем, которое бралось из государственной казны, находившейся в полном и бесконтрольном распоряжении монарха. Вся служебная лестница делилась на 14 рангов или ступеней, причем закон требовал, чтобы службу дворяне начинали с самых низших чинов и лишь постепенно продвигались к высшим. При этом продвижение по служебной лестнице в принципе зависело не от родовитости и происхождения, как прежде, а от личных заслуг, способностей и образования. На практике, конечно, это не всегда соблюдалось, и феодальная знать получала определенные преимущества при получении чинов и замещении должностей. Но в целом закон был выгоден прежде всего рядовому дворянству, его представители получали реальную возможность подниматься на самые вершины власти, которой они не имели раньше. Важной особенностью “Табели о рангах” было и то, что чиновники из непривилегированных сословий, дослужившись до определенного чина, получали личное, а затем и потомственное дворянство.

В результате политическая роль и значение дворянства, составлявшего соци-

альную опору абсолютизма, заметно выросли и укрепились. В то же время новый порядок службы означал бюрократизацию правящего класса феодалов и усиление его зависимости от власти монарха. Низшие чиновники, получив перспективу стать дворянами, вообще превращались в послушное орудие абсолютизма. Все это вело к увеличению относительной независимости абсолютной монархии по отношению к господствующему классу и усилению ее власти.

Фактически сложившийся в итоге преобразований Петра I режим абсолютной монархии требовал и своего юридического оформления, что и происходит в последние годы его правления. Наиболее четко и определенно мысль о неограниченном характере царской власти впервые была высказана в Воинском уставе 1716 г., в котором говорилось, что “его величество есть самовластный монарх, который на свете о своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воли и благомнению управлять”. В 1720 г. эта же мысль почти дословно повторяется в Морском уставе. В 1721 г., когда праздновалось заключение мира со шведами, Сенат присвоил Петру I титул императора. А в принятом в том же году Духовном регламенте вновь подчеркивался абсолютный характер власти монарха: “Император всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться его верховной власти не токмо за страх, но и за совесть, сам бог повелевает”. Юридическое оформление абсолютизма было завершено “Уставом о наследии престола”, изданным в 1722 г. В противовес традиции, по которой царская власть переходила по наследству к старшему сыну монарха, Петр I установил новый порядок престолонаследия: царствующий император назначает наследника престола по своему усмотрению.

Так в первой четверти XVIII в. в России утвердился абсолютизм. Если раньше царь правил страной вместе с Боярской думой и земскими соборами, то теперь его опорой стали бюрократические учреждения, целиком зависевшие от царя и беспрекословно ему подчинявшиеся. В отечественной историографии высказывалось мнение, согласно которому одним из периодов “просвещенного абсолютизма” является и время правления Петра I. Другие считают, что при нем только созревали отдельные зачатки политики “просвещенного абсолютизма”, а третьи не находят возможным говорить и о таких зачатках. Поэтому вопрос, как видим, нуждается в дополнительном изучении.

Не вызывает сомнений отнесение к периоду “просвещенного абсолютизма” времени правления Екатерины II, в особенности первых двух его десятилетий. Идеология и политика “просвещенного абсолютизма” обуславливались всей социально-экономической обстановкой, сложившейся в 60-е годы XVIII в. в стране. Элементы капиталистических отношений, развивавшиеся в предшествующую эпоху, складываются в это время в определенную систему и превращаются в капиталистический уклад. В состав нарождающейся буржуазии входили не только представители купечества, но и крестьянства, переживавшего процесс буржуазного расслоения. В известной мере новые капиталистические отношения начинали проникать и в помещичье хозяйство, которое все более становилось на

Петр I

путь промышленного предпринимательства. Все это требовало определенных изменений в экономической политике. Они еще более настоятельно требовались в социальной области в связи с обострением классовой борьбы. Уже к началу 60-х годов крестьянское движение приняло бурные формы. Говоря о первых годах своего правления, Екатерина II писала, что "заводские и монастырские крестьяне почти все были в явном непослушании властей, и к ним начали присоединяться места и помещичьи". В такой сложной и грозной обстановке и началось ее царствование.

Основную цель своей социальной политики Екатерина определила уже в манифесте 3 июля 1762 г. при восшествии на престол: "Намерены мы помещиков при их имениях и владениях ненарушимо сохранять, а крестьян в должном им повиновении содержать". Однако она хорошо понимала, что только одними репрессиями и вообще старыми методами этой цели не достигнешь, что нужны и некоторые уступки веяниям и требованиям своего времени. Так, в одной из секретных инструкций генерал-прокурору Сената А.А. Вяземскому она писала: "Положение помещичьих крестьян таково критическое, что кроме тишины и человеколюбивыми учреждениями ничем избежать не можно". В приведенных словах уже намечаются те новые формы, в которых намерена была императрица проводить свою внутреннюю политику, получившую название "просвещенного абсолютизма". Смысл ее заключался в том, чтобы сохранить основные устои феодализма и господствующее положение дворянства путем частичной модернизации режима, проведенной с использованием просветительской фразеологии. При этом принимались, как правило, наиболее умеренные предложения просветителей, а те, которые представляли опасность для феодального строя, решительно отвергались. Но и используемые лозунги и положения нередко искажались или их реальное содержание выхолащивалось. Однако все свои действия правительство прикрывало заверениями о том, что оно заботится о "всеобщей пользе", "всеобщем благе" и т.п.

В наиболее полном виде взгляды Екатерины на цели и задачи своего правления изложены в "Наказе", который она составила для Уложенной комиссии, созданной в 1767 г. для разработки проекта нового уложения вместо устаревшего Уложения 1649 г. Созывая комиссию из представителей различных сословий — дворянства, духовенства, купечества и государственных крестьян, Екатерина старалась укрепить свое положение на троне, а также поднять свой авторитет в Европе и одновременно лучше разобраться в ситуации, которая сложилась в стране.

При сочинении "Наказа", как признавалась сама Екатерина, она "обобрала" Монтескье, используя его знаменитое сочинение "Дух законов", а также работы его итальянского последователя Беккариа, немецких авторов Юсти и Бильфельда, экономиста-физиократа Кенэ и др. Но Екатерина не просто что-то заимствовала из произведений западноевропейских просветителей и механически компилировала, она сознательно отбирала то, что отвечало ее взглядам и представлениям и в соответствии с ними систематизировала и истолковывала материал. Кроме того, на разных стадиях работы она знакомила с ней наиболее приближенных лиц и в соответствии с их замечаниями вносила в "Наказ" изменения. Об отношении Екатерины к идеям Просвещения, которые были использованы ею, говорит уже то, что "Наказ" считался опасным сочинением и его содержание должны были знать только руководящие лица правительственных учреждений и ни в коем случае не разрешалось читать его разного рода низшим канцелярским служителям.

Приведем некоторые примеры того, как Екатерина использовала в "Наказе" отдельные идеи, выводы и предложения просветителей. В учении просветителей одно из важнейших мест занимает теория естественного права, согласно которой люди от природы являются свободными и равными между собой. Она заимствует отдельные положения и аргументы этой теории и провозглашает, что задача правителя состоит не в том, чтобы "у людей отнять естественную их вольность, но чтобы дей-

ствия их направить к получению самого большого от всех добра" (ст. 13), пишет о равенстве людей перед законом (ст. 34, 35), вообще о равенстве людей (ст. 573). Для осуществления этих положений требовался коренной пересмотр действующего права. Но в "Наказе" о таком пересмотре ничего не говорится, наоборот, допускается лишь медленная эволюция законодательства: "Для введения лучших законов необходимо потребно умы людские к тому приуготовить" (ст. 58), и вообще, считает Екатерина, "весьма худая та политика, которая переделывает то законами, что надлежит перемениать обычаями" (ст. 60).

Пытаясь доказать необходимость для России самодержавного абсолютистского правления, Екатерина также использует просветительские теории, в особенности учение Монтескьё о республике, монархии и деспотии. Так, Монтескьё считал одной из предпосылок деспотического правления "обширные размеры" страны. А Екатерина берет этот тезис и приспособливает его для оправдания российской монархии: "Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, как только соединенная в его особе, власть не может действовать сходно с пространством столь великого государства" (ст. 9). И далее: "Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит" (ст. 10). Для того чтобы предотвратить перерождение монархии в деспотию, Монтескьё предлагает определенные гарантии, в частности так называемые "посредствующие власти", понимая под ними силы, в известной мере независимые от монарха и ограничивающие его — сословия дворян и духовенства с их историческими привилегиями, а также привилегии горожан. Екатерина заимствует идею о "посредствующих властях", но видит их в бюрократических учреждениях, созданных самодержавным монархом и зависимых от него: это "малые протоки, сиречь правительства, через которые изливается власть государства" (ст. 20). В "Наказе" говорится и о сословиях, но очень обще и невнятно упоминается о их правах и ни слова о том, что они должны ограничивать власть монарха.

Более последовательно просветительские идеи проводились в статьях "Наказа", в которых намечалась программа экономической политики — провозглашалась свобода торговли и промышленности, отмена монополий, необходимость строительства городов. Однако реализация этой программы неизбежно ставила в повестку дня вопрос о крестьянах, задавленных крепостническим гнетом. Первоначальные наброски Екатерины предусматривали предоставление крепостным права собственности на имущество, охрану их от произвола помещиков. Но под давлением своего окружения она сняла эти предложения, и остались лишь общие рекомендации: без особой необходимости "не приводить людей в неволю" (ст. 260), "учредить нечто полезное для собственного рабов имущества" (ст. 261). Ближе к теориям просветителей находились статьи, которые касались суда, просвещения и воспитания.

Екатерина II

Следовательно, содержание "Наказа" носило противоречивый характер, что вполне соответствовало и всей политике "просвещенного абсолютизма", предусматривавшей сохранение феодальных устоев, но и определенные уступки развивающимся буржуазным отношениям.

"Наказ" не стал базой для работы Уложенной комиссии, прения пошли по пути выявления и защиты интересов представленных в ней сословий. В 1769 г. под предлогом начавшейся русско-турецкой войны комиссия была распущена. Однако многие материалы, собранные в процессе ее работы, как и положения "Наказа", легли в основу последующего законодательства, в котором и воплотились в известной мере принципы "просвещенного абсолютизма".

Наиболее полно они были осуществлены в сфере экономической жизни страны. Начало было положено указом 1762 г., который запрещал впредь покупать крестьян к предприятиям. Он имел очень большое значение, так как ликвидировал важный источник пополнения принудительной рабочей силой мануфактур и тем самым способствовал их развитию в капиталистическом направлении. Затем последовал ряд законов, которые отменяли монополии и провозглашали свободу торговли и промышленной деятельности. 31 июля 1762 г. была отменена монополия на торговлю смолой и объявлялась свобода на тюлений, рыбный и табачный промыслы, а также на заведение сахарных заводов и ситцевых фабрик. В том же году 23 октября издан именной указ, которым было "повелено", чтоб отныне впредь "всем, кто пожелает разного звания, фабрики и заводы... строить и размножать вне Москвы, но в прочих городах и уездах". В 1763 г. отменена монополия на производство сусального золота и серебра, бумажных и полотняных обоев и шпалерных изделий. 17 апреля 1767 г. провозглашена свобода городских промыслов. Именной указ 30 октября 1769 г. как бы подводил итог всему предшествовавшему законодательству, он разрешил всем заводить ткацкие станки и производить на них работу. Тем самым разрешалась мелкая, "безуказная" текстильная промышленность, которая в основном сосредоточивалась в руках крестьянства. Все эти законы имели большое значение для хозяйства страны, они открывали большой простор развитию капиталистических отношений.

В социальной области наиболее крупным мероприятием явилась секуляризация церковных владений, произведенная в 1764 г. Она, несомненно, облегчила положение крестьян, принадлежавших духовенству. Попытка поставить вопрос о крепостных крестьянах, выразившаяся в конкурсе Вольного экономического общества в 1766 г. на тему о целесообразности наделения их правом на движимую и недвижимую собственность, встретила сопротивление дворянства и закончилась безрезультатно.

Таковы были наиболее важные итоги политики "просвещенного абсолютизма", достигнутые в 60-е и начале 70-х годов XVIII в.

После крестьянской войны 1773—1775 гг. во внутренней политике Екатерины II наступает поворот в сторону усиления феодально-охранительных тенденций. Реформа местного управления, проведенная по "Учреждению о губерниях" 1775 г., жалованные грамоты дворянству и городам, дарованные в 1785 г., отражали прежде всего стремление укрепить господство помещиков и верхушку купечества и содержали мало черт, присущих политике "просвещенного абсолютизма". В наибольшей степени эти черты выразились лишь в создании судов, отделенных от административных учреждений, и реализации выборного начала при замещении некоторых должностей. К ним нужно отнести и принцип бессословного обучения, провозглашенный в 1786 г. при организации губернских и уездных народных училищ. В то же время началось уже преследование передовых людей того времени, в особенности наиболее выдающегося русского просветителя Н.И. Новикова. Французская буржуазная революция 1789 г. окончательно завершила поворот Екатерины II в сторону реакции, а ссылка А.Н. Радищева в 1790 г. в Сибирь и заточение в 1792 г. Н.И. Новикова в Шлиссельбургскую крепость знаменовали собой открытый конец политики "просвещенного абсолютизма".

Глава 11

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

В РОССИИ XVIII ВЕКА.

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ ЦЕРКОВНЫХ ВЛАДЕНИЙ

В истории русской православной церкви XVIII столетие занимает особое место. Пожалуй, ни один другой период не принес ей столько перемен, как это время. Главными были секуляризация церковных земельных владений и изменение высшего церковного управления в результате замены патриаршества Синодом. Этими преобразованиями абсолютистское государство добивалось решения своей основной цели во взаимоотношениях с церковью – ее полного подчинения государству, превращения в послушное орудие правительства и одновременно усиления ее идеологического влияния на народные массы. В их проведении отчетливо прослеживаются три периода: первая четверть XVIII в., 20–50-е годы и последняя треть XVIII в., каждый из которых заслуживает самостоятельного рассмотрения.

В первой четверти XVIII в. Петр I провел знаменитую церковную реформу. Начало ей было положено именным указом 24 января 1701 г., которым создавался Монастырский приказ во главе с боярином Иваном Алексеевичем Мусиным-Пушкиным. Приказу было поручено “ведати” дом святейшего патриарха, архиерейские дома и монастыри, т.е. для управления духовенством создавалось чисто светское учреждение.

На первом этапе реформы, который продолжался до 1705 г., все административное управление патриаршими, архиерейскими и монастырскими вотчинами и их населением перешло в руки Монастырского приказа и его представителей на местах. Кроме того, приказ получил право сбора с церковных имений всех вотчинных доходов и полного распоряжения ими. Одна часть этих доходов расходовалась приказом на содержание духовенства, а другая передавалась в казну. Без разрешения царя и Монастырского приказа духовенство, даже в лице его высших иерархов – митрополитов, епископов и настоятелей монастырей, не имело права расходовать никаких денежных сумм. Стефан Яворский, ставший в декабре 1700 г., после смерти патриарха Адриана, местоблюстителем патриаршего престола, вообще был отстранен от управления патриаршими вотчинами. Все это позволяет сказать, что церковь в это время потеряла свои земельные вотчины и они перешли в руки государства, или, другими словами, была произведена фактически полная секуляризация церковных земельных владений. Юридически они еще принадлежали духовенству, так как закона об отнятии у него права владеть землями и крестьянами не было, но фактически ими распоряжалось уже государство.

В 1702–1704 гг. по различным указам около 1800 дворов церковных крестьян и значительное количество ненаселенных земель было роздано разным лицам в “вечное владение”, продано, сдано на оброк и приписано к государственным ведомствам. Все оброчные владения духовенства (рыбные ловли, мельницы, мосты, перевозки и т.п.) в 1704 г. были отобраны у церкви в казну, что привнесло ей доход в размере, примерно, 54 000 руб. в год.

Реформа затронула и внутренний быт духовенства, особенно черного. Резко ограничивался переход монахов из одного монастыря в другой, он допускался в исключительных случаях. Эта мера была направлена против широко распространенных в то время переходов и бродяжничества монахов и преследовала цель сделать численность монашествующих в монастырях более постоянной, чтобы легче было управлять ими. Монахам запрещалось писать в кельях, а поэтому и держать здесь бумагу и чернила; отныне писать они могли только в специально отведенном месте в трапезной и лишь в случае особой необходимости,

непрерывно с разрешения начальника, и писать "явно, а не тайно". Данное распоряжение вызывалось подозрениями, что именно монахи являются сочинителями и распространителями разного рода антиправительственных и антипетровских подметных писем, и было направлено на пресечение такой деятельности. Из монастырей высылались все жившие там мирские люди — дьячки, чтецы, певцы, переписчики, а их обязанности возлагались на монахов, чем достигалась экономия в монастырских расходах.

Таким был первый этап церковной реформы Петра I. Главная цель ее тогда состояла в том, чтобы использовать богатства духовенства на государственные нужды. Для достижения этой цели и была проведена фактически секуляризация всех вотчинных владений церкви. После выдачи монастырям и архиерейским домам содержания оставалось примерно 50 000 руб., которые изымались в казну. А всего вместе с доходами от оброчных владений, отобранных у церкви, государство стало получать с церковных имений около 100 000 руб. в год.

Второй этап петровской церковной реформы охватывает 1705–1720 гг. В начале его, вероятно в 1705 г., из ведения Монастырского приказа изымаются Новгородская, Псковская, Киевская, Астраханская и Сибирская епархии, и все находившиеся в их пределах церковные имения возвращаются в управление и распоряжение их прежних владельцев. Таким образом, происходит отступление от уже проведенной реформы. Основная причина этого отступления состояла в том, что подавляющее большинство монастырей в названных епархиях были маловотчинными и имели очень небольшие доходы, которых хватало только для удовлетворения собственных нужд. Среди них немало было и таких монастырей, которые вообще не имели крестьян и существовали только за счет государственной помощи (руги). Другими словами, здесь государство мало что могло получить с владений духовенства. Кроме того, все эти пять епархий являлись окраинными или пограничными, причем три из них, Новгородская, Псковская и Киевская, стали прифронтовыми, их территория превратилась в арену боевых действий в ходе начавшейся Северной войны. В данных условиях правительство Петра I было особенно заинтересовано в поддержке духовенства этих областей и, чтобы не раздражать его, вернуло ему прежние права и владения.

Примерно в то же время, в 1705–1706 гг., происходит еще одно существенное изменение первоначального плана реформы. Проводится так называемое "определение" содержания духовенству, т.е. выделение ему на потребление строго определенных денежных сумм, хлеба и земли. В результате все архиерейские дома и монастыри были разделены на две большие группы — "неопределенные" и "определенные".

В первую группу вошли владельцы, которые не подлежали "определению", и поэтому им возвращались в управление все их вотчины и доходы с них, на которые они и должны были содержать себя. Большей частью это были малосостоятельные владельцы, с которых государству нечего было взять. Лишь единицы в этой группе являлись крупными и богатыми вотчинниками, которых правительство, исходя из своих особых интересов, освободило от "определения" и тем самым вывело из-под удара. Всего "неопределенными" оказались 4 архиерейских дома и 238 монастырей.

Вторую группу составили "определенные" архиерейские дома и монастыри. Вотчины большинства из них делились на две части: с одной части доходы шли на содержание монастыря или архиерейского дома, эти вотчины и доходы с них стали называться "определенными", управление ими было возвращено их владельцам; с другой части вотчин доходы поступали в Монастырский приказ, эти доходы и вотчины получили название "заопределенных", и непосредственное управление ими по-прежнему оставалось в руках Монастырского приказа. У небольшой части "определенных" владельцев вотчины не делились на указанные две части, и "заопределенные" суммы брались из их общих доходов. "Определение" продолжалось до 1710 г., всего было "определено" 11 архиерейских

домов и 60 монастырей, большая часть которых находилась в центре страны. По своим размерам и доходам это были крупнейшие феодалы.

Таким образом, на втором этапе реформы из-под управления Монастырского приказа были выведены все церковные владения окраинных епархий, в других епархиях – маловотчинные монастыри и архиерейские дома, а также “определенные” вотчины “определенных” владельцев. В итоге пределы ведомства Монастырского приказа резко сократились, в его непосредственном подчинении остались только “заопределенные” вотчины “определенных” монастырей и архиерейских домов. Если дать оценку происшедшим изменениям, то можно сказать, что на втором этапе церковной реформы правительство отступило от политики полной секуляризации церковных владений и перешло на позиции частичной их секуляризации. Главная причина такой переориентации была в том, что правительство убедилось в невозможности иметь какие-то доходы с маловотчинных духовных владельцев. Как и в первые годы реформы, оно получало теперь с церкви примерно 100 000 руб. в год.

Помимо сказанного, в это время происходит и еще одно очень важное событие. В конце второго этапа реформы Петр I приходит к мысли о необходимости реорганизации высшего управления церкви, точнее, о ликвидации патриаршества и замене его Духовной коллегией. В 1718 г. царь поручает видному церковному деятелю, псковскому архиепископу Феофану Прокоповичу подготовить особый документ, получивший название “Духовный регламент”, в котором бы давалось обоснование намечавшемуся преобразованию и одновременно излагались функции и задачи нового органа высшей церковной власти.

На 1720–1721 гг. падает третий этап церковной реформы. Именно, указом от 17 августа 1720 г. закрывается Монастырский приказ, а указом 6 октября 1720 г. устанавливалось, что “заопределенные” вотчины, которыми ведал Монастырский приказ, возвращаются в управление их владельцев, но положенный с них “оклад Монастырского приказа”, т.е. так называемого “заопределенные” сборы, должны поступать в государственную казну. Таким образом, с этого времени все земельные вотчины возвращались в управление их владельцев, однако часть доходов с них стала изыматься в пользу государства.

25 января 1721 г. Петр I издает манифест о ликвидации патриаршества и замене его Духовной коллегией, а также об утверждении “Духовного регламента”. Духовная коллегия, как и другие коллегии этого времени, состояла из 11 членов во главе с президентом, которым стал бывший местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский, все остальные члены коллегии также должны были быть духовными лицами. Спустя два дня члены коллегии, как и другие государственные чиновники, приняли присягу на верность и послушание царю, признавая в нем “крайнего судию Духовной сей коллегии”, т.е. свою полную зависимость от монарха. В манифесте и введении к регламенту дается обоснование реформы высшего управления церковью. Простой народ, видя честь и славу, которыми окружен патриарх, может прийти к мысли, что “есть то второй государь, самодержцу равносильный”. А этим могут воспользоваться люди, замышляющие недоброе против царя. Да и сами патриархи выступали против монархов, начиная с древнейших времен и кончая “у нас бывшими замахами” (явный намек на патриарха Никона, который попытался возвыситься над царем Алексеем Михайловичем). Как видим, главной целью реорганизации было укрепление абсолютистской самодержавной власти, которая не могла терпеть “замахов” на нее со стороны патриарха и высшего духовенства, стремилась сделать церковь послушной исполнительницей воли царя.

14 февраля 1721 г., в день открытия Духовной коллегии, она была переименована Петром I в “святейший правительствующий Синод”, которому было поручено и управление церковными вотчинами. Эти изменения сделали Синод, высший орган церковного управления, более представительным учреждением, чем должна была быть Духовная коллегия, и в известной степени приравнивали

его к Сенату. Но, с другой стороны, Синод вскоре ставится в еще большую зависимость от царской власти. Это выразилось в том, что в 1722 г. должность президента Синода, назначаемого из духовенства, ликвидируется, и вместо него Синод должен был возглавляться обер-прокурором из офицеров. Обер-прокурор осуществлял полный контроль над Синодом и непосредственно подчинялся царю.

Синод стал высшим государственным органом по управлению делами православной церкви. Он назначал на духовные должности, истолковывал христианские догматы, вел борьбу с различного рода “ересями” и отступлениями от официального вероучения, обладал судебными правами в делах веры, брака и по некоторым преступлениям духовенства. На него возлагались также задачи по “исправлению духовного чина” с тем, чтобы поднять его авторитет и тем самым усилить идеологическое влияние церкви на народ.

Четвертый и последний этап реформы приходится на 1721–1725 гг. Для него характерно стремление Петра I ввести в монастырях и архиерейских домах строго определенные штаты. Для этого велась большая подготовительная работа, собирались последние данные о хозяйственном состоянии церковных вотчин, были изданы некоторые распоряжения о нормах штатов. Однако из-за смерти Петра I в январе 1725 г. его намерения не были осуществлены.

Таково содержание и этапы церковной реформы, проведенной Петром I в 1701–1725 гг. Она была задумана в целях использования церковных богатств в интересах государства, для чего в начале реформы была проведена фактически полная секуляризация духовных вотчин. Однако, как оказалось, значительное число духовных владельцев получало небольшие доходы, которые не могли стать источником пополнения государственной казны. Поэтому правительство постепенно отходит от своего первоначального замысла, и реформа заканчивается частичной секуляризацией церковных доходов или их изъятием в пользу государства. Но и этот результат следует признать весьма важным, поскольку это была по существу первая реальная секуляризация церковных богатств с тех пор, как этот вопрос был поставлен двести лет тому назад, в конце XV – начале XVI в. Еще большее его значение в том, что церковь так и не оправилась от этого удара. Вопрос о “заопределенных” вотчинах и доходах с них, поступавших в казну, и вообще о церковных крестьянах уже не сходил больше с повестки дня всех последующих правительств, пока не закончился решением о полной секуляризации в 1764 г. Другой важный результат – реорганизация высшего церковного управления, ликвидация патриаршества и замена его государственным учреждением – Синодом.

Все это, безусловно, сильно подорвало экономические и политические позиции церкви и поставило ее в большую зависимость от абсолютизма, чем это было прежде. Однако вопреки мнению некоторых историков она еще не стала полной служанкой государства, о чем с несомненностью свидетельствует последующая история церкви.

Следующий важный период во взаимоотношениях церкви и государства – середина 20-х – 50-е годы XVIII в. Сразу после смерти Петра резко обострилась борьба светской власти и духовенства. Один из руководителей Синода, его вице-президент и новгородский архиепископ Феодосий Яновский, открыто выступил против церковной реформы. Он требовал возвращения к прежним порядкам, в частности восстановления права церкви на полное распоряжение церковными доходами. Несомненно, что он отражал настроения значительной части духовенства, особенно высшего. Однако эта вспышка протеста была быстро подавлена, Феодосий лишен сана архиепископа, разжалован в монахи и сослан в отдаленный Корельский монастырь.

Как бы в ответ на это выступление правительство предпринимает меры, которые должны были усилить контроль светской власти за духовенством, особенно за его вотчинами. С этой целью указом от 12 июля 1726 г. Синод был разделен на два департамента. Первый департамент получил название “Духовного соборного правительства”, но практически сохранил название “Синод”.

Он должен был ведать только религиозными делами (вопросы веры, христианской нравственности и т.п.) и мог непосредственно сноситься с Верховным тайным советом, которому представлял и финансовые отчеты. Второй департамент стал называться "Коллегия экономии синодального правления", он призван был управлять вотчинами духовенства и решать судебные вопросы. По своим делам он должен был входить с донесениями в Сенат.

Проведенная реорганизация, бесспорно, подорвала положение Синода и, следовательно, духовенства. Если раньше Синод имел право непосредственного сношения с монархом и подчинялся только ему, то теперь он ставился в подчиненное положение к Верховному тайному совету, являвшемуся совещательным органом при царе. Коллегия экономии, ведавшая экономическими делами, хотя формально и входила в Синод, но практически уже больше зависела от Сената. В итоге, можно сказать, светская власть усилила свое влияние на церковь.

Но борьба на этом не закончилась. В 1726–1730 гг. церковь приняла участие в протиноборстве новой знати, возвысившейся при Петре I и выражавшей интересы основной массы дворянства, и старой родовитой аристократии, стремившейся к олигархическому правлению и ограничению абсолютистской власти. На стороне этой аристократии выступала и церковь. Вначале, при Петре II, ей удалось достичь определенных успехов. В частности, в составе Синода ведущее положение заняли представители духовенства, жаждавшие восстановления в церкви старых дореформенных порядков. Однако в борьбе, развернувшейся в начале 1730 г. в связи с избранием на престол Анны Ивановны, "верховники", стремившиеся к ограничению ее власти, и негласно поддерживавшая их церковная верхушка потерпели поражение. Вследствие этого в Синоде вновь оказались наверху сторонники петровских преобразований. Несколько позднее правительство Анны Ивановны наносит еще один удар по церкви. Воспользовавшись тем, что на церковных крестьянах накопились большие недоимки по сборам, оно обвинило в этом Синод, в 1738 г. изъяло из его ведения Коллегию экономии и передало ее в полное подчинение Сенату.

В 1741 г. на престол взошла отличавшаяся набожностью Елизавета Петровна. Идя навстречу пожеланиям духовенства, она в 1744 г. ликвидировала Коллегию экономии и управление церковными вотчинами вновь передала Синоду. Однако ей вскоре пришлось изменить свою политику. Недоимки на церковных крестьянах снова начали расти. Помимо этого, в духовных вотчинах развернулось широкое крестьянское движение. Все это, а также нужда в деньгах заставили императрицу встать на путь секуляризации церковных земельных владений. Для оправдания его она выдвинула прежний аргумент: "Дабы духовный чин не был отягчаем мирскими попечениями". Указом от 30 сентября 1757 г. Сенату и Синоду предписывалось изменить управление церковными крестьянами, поручив его отставным офицерам. Однако духовенству удалось затормозить проведение этого указа в жизнь.

Если брать рассматриваемый период в целом, то можно считать, что в это время церковь попала в еще большую зависимость от светской самодержавной власти, хотя и всячески сопротивлялась этому. Упала роль Синода в системе государственного управления, а в конце 50-х годов XVIII в. со всей остротой был поставлен вопрос о полной секуляризации церковных вотчин.

Наступил решающий момент в судьбах церковных земельных владений. Хотя духовенству и удалось затормозить проведение секуляризационных мероприятий Елизаветы Петровны, оно было уже не в силах предотвратить решение этого назревшего вопроса. Положение крестьян в духовных вотчинах все более ухудшалось, а их волнения и восстания приняли еще больший размах.

21 марта 1762 г. Петр III издает указ о секуляризации церковных имений. Все монастырские и архиерейские крестьяне с их землями передавались в ведение восстановленной Коллегии экономии, которая подчинялась Сенату. Помимо подушной подати, крестьяне должны были платить в казну рублевый оброк. Естественно, духовенство, особенно крупное, было крайне недовольно этой мерой. Поэтому Екатерина II, вступившая в июне 1762 г. на престол в результате

дворцового переворота и старавшаяся вначале завоевать расположение духовенства, своим указом от 12 августа 1762 г. отменила секуляризацию, наметавшуюся ее мужем Петром III.

Но это был временный шаг. Екатерина II скоро поняла, что позиции духовенства в стране ослаблены, дворянство его не поддерживает, так что с этой стороны ей не угрожает опасность. В то же время движение церковных крестьян ширилось и росло. Несколько позднее она писала Вольтеру, что при ее воцарении движение охватило “более 100 тыс. церковных крестьян, взявшихся за оружие потому, что терпели тираническое притеснение”.

Поэтому 26 февраля 1764 г. Екатерина II специальным манифестом объявила о секуляризации церковных вотчин и населявших их крестьян. В речи, произнесенной по этому случаю в Синоде, она объяснила причины своего акта. Екатерина прямо заявила, что духовные вотчины “похищены” у государства и церковники не могут “владеть ими”, не будучи “несправедливы” к государству. Их прямое дело не во владении земными богатствами, а в толковании догматов веры, в распространении христианского учения. Она потребовала от духовенства: “Если вы повинуетесь законам, если вы – вернейшие мои подданные, то не замедлите возвратить государству все то, чем вы неправильным образом владеете”. Все церковные крестьяне передавались в управление коллегии эконومیи и стали называться экономическими. Всего ей было передано около миллиона душ крестьян и более 8 млн десятин земли. Крестьяне, помимо подушной подати, должны были платить государству уже не рублевый оброк, как следовало по указу 1762 г., а полуторарублевый, что составляло примерно 1,5 млн руб. в год. Из этой суммы около трети должно было пойти на содержание архиерейских домов и монастырей, а остальная часть – в государственную казну. Число монастырей сокращалось вдвое, с 814 до 396, а остальные, главным образом мелкие, упразднялись. Закон о секуляризации распространялся только на Великороссию и Сибирь, на Украине секуляризация была проведена в 1786 г.

Церковь в основном без сопротивления встретила секуляризацию. Против нее открыто и решительно выступил только ростовский митрополит Арсений Мацеевич. Такая реакция в значительной степени объяснялась тем, что в результате секуляризации церковь оказалась отнюдь не разоренной, как пытаются утверждать клерикальные историки. Помимо денежных средств, на содержание духовенству давалась и земля: для монастырей до 30 десятин, а для архиерейских домов 6–9 десятин. В дальнейшем, в 1797 г., их штатное содержание было значительно увеличено. Денег стало выделяться около 1 млн руб., т.е. почти вдвое больше, а земельные наделы возросли до 60 десятин монастырям и 30 десятин архиерейским домам, кроме того, им начали даваться и леса.

Так закончилась длившаяся почти триста лет борьба между светской властью и духовенством по вопросу о церковных земельных владениях.

Подведем общие итоги развитию взаимоотношений между русской церковью и государством в XVIII в. В целом они характеризуются острой борьбой, в ходе которой церковь потерпела серьезное поражение. Ликвидация патриаршества и секуляризация владений ставили ее в окончательную зависимость от абсолютистского государства. Именно с этого времени, с последней трети XVIII в., можно уже говорить, что она действительно превращается в полную служанку самодержавия. Но секуляризация церковных имений имела и более общее значение для развития страны. К. Маркс писал, что “церковная собственность составляла религиозную твердыню традиционных отношений земельной собственности. С падением этой твердыни не могли устоять и эти отношения”¹. В России секуляризация не привела к краху всей системы феодально-крепостнических отношений, но, несомненно, она их расшатывала и подрывала и тем самым способствовала торжеству новых буржуазных отношений.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 734.

Глава 12

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

Классовая борьба в России XVIII в. принимает еще более широкий и угрожающий для господствующего класса феодалов характер, чем в предшествующее время. Это объясняется тем, что она развертывалась в новых, более сложных социально-экономических и политических условиях. С одной стороны, усиливается власть феодального государства, принявшего форму абсолютизма, растет помещичья эксплуатация, достигает своего апогея бесправие крепостного крестьянина. С другой – углубляется процесс разложения феодализма, все явственнее проступают новые буржуазные отношения, вызванные развитием производительных сил и товарного производства. Все это, вместе взятое, чрезвычайно обострило социальные антагонизмы и придало классовой борьбе в XVIII в. небывалый размах и накал.

АСТРАХАНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1705–1706 гг.

Астраханское восстание 1705–1706 гг. стало первым крупным антифеодальным движением народных масс в начале XVIII в. Астрахань, расположенная в устье Волги, была в то время крупным торгово-промышленным городом и важной военной крепостью. Находясь на перекрестке караванных и водных путей сообщения, она играла особенно большую роль в торговле со странами Востока. Здесь постоянно жили и торговали шелком, тканями и другими товарами купцы из Персии, Армении, Бухары и Индии. На Волге и в Каспийском море имелись богатые рыбные промыслы, недалеко от города находились селитренные заводы, а в степи – соляные озера, в которых добывалось около миллиона пудов соли в год. Поэтому в городе и его округе проживало много рабочих людей. В нем имелся и довольно большой гарнизон из солдат, стрельцов и иноземцев, находившихся на русской службе.

Главными причинами Астраханского восстания явились условия феодального гнета, рост налогов, произвол местных властей. С населения стали взимать много новых налогов (с бань, погребов, печей и др.), были повышены торговые пошлины. Вдвое возросла казенная цена на соль, которая не только являлась предметом первой необходимости, но без которой нельзя было заниматься рыболовным промыслом. Зрело недовольство среди солдат и стрельцов. На них была возложена дополнительная тяжелая повинность по снабжению казенных селитренных заводов дровами. Кроме того, им вдвое снизили хлебное жалованье. Среди офицеров было немало иностранцев, свысока относившихся к русским солдатам и вводивших в полках жесткую дисциплину. К этому прибавились произвол и насилие со стороны местной администрации, особенно отличался астраханский воевода боярин Т. Ржевский. Привыкший к самоуправству и произволу, он раздавал своим приближенным наиболее богатые рыбные ловли, заставлял подчиненных, в том числе и солдат, работать на него, самовольно устанавливал разные поборы.

Недовольство и глухой ропот охватили все слои населения Астрахани. В этих условиях среди солдат и стрельцов, поддержанных посадским населением, возник заговор.

Непосредственным поводом к восстанию послужил царский указ, запрещавший носить бороды и русское платье. Воевода не дал времени сшить одежду по новым образцам и начал насильно обрезать у жителей длинное платье, бороды и усы. Восстание вспыхнуло в ночь на 30 июля 1705 г. Отряд стрельцов и солдат ворвался в астраханский Кремль и начал истреблять “начальных людей”, т.е. чиновников и офицеров. Воеводу Ржевского, спрятавшегося в курятнике,

нашли и убили. Организаторов восстания поддержало почти все посадское население, особенно городская беднота и работные люди. К утру город был уже в руках восставших.

На следующий день состоялся общегородской сход (круг), к которому перешла вся власть в городе. Вместо воеводы был избран совет старшин, в состав которого вошли выборные люди из горожан, солдат и стрельцов во главе с богатым купцом Яковом Носовым. Народная власть в городе ликвидировала откупа и торговые монополии, отменила все новые налоги, а также указ о ношении иноземного платья и брадобритии. Стрельцы и солдаты стали получать более высокое хлебное и денежное жалованье, в полках была введена выборность командиров и начальников. Скоро к восстанию присоединились ближайшие городки-крепости Красный Яр, Черный Яр, Гурьев и Терский город на Северном Кавказе.

Руководители восстания предприняли попытки расширить движение. В первую очередь думали поднять донское казачество, однако неудачно. Казацкая старшина, отказавшаяся поддержать астраханцев, получила за это от Петра I благодарность. Одновременно было решено выступить вверх по Волге с целью дойти до Москвы. Но передовые силы под командованием стрельца Ивана Дериглаза дошли только до Царицына, взять его не смогли и отступили назад. А отряд терского стрельца Андрея Хохлача был остановлен правительственными войсками и продвинулся еще меньше. В конце 1705 г. отряды восставших действовали только в окрестностях Астрахани и Красного Яра. Однако вести об астраханском восстании распространились по всей стране, особенно в центральных уездах. В самой Москве брожением были охвачены низы посадского населения, а городские власти начали подготовку к обороне столицы.

На подавление восстания правительство бросило войска под командованием фельдмаршала Б.П. Шереметева и конницу калмыцкого хана Аюка. В то же время с целью внести раскол в среду восставших в Астрахань и на Терек были посланы царские грамоты с призывом принести повинную и обещанием в этом случае прощения и "милости". И этот шаг дал определенный успех. Верхушка купечества и стрельцов отошла от восстания. Их посланцы вместе с представителями духовенства встретили Шереметева в тридцати верстах от города и выразили ему свое повиновение. Однако городская беднота, работные люди и бурлаки, ремесленники, простые стрельцы и солдаты решили не покоряться и защищать город. Во главе их встали казаки Елисей Зиновьев, Иван Шелудяк, Прохор Носов и др.

Царские войска вынуждены были брать город штурмом. В первый день, несмотря на героическое сопротивление, оборонявшиеся отступили и засели в крепости. Лишь на следующий день, 13 марта 1706 г., после сильной бомбардировки артиллерией правительственные войска полностью овладели городом.

Начались следствие и расправа над восставшими. Было казнено и погребено от пыток более 300 человек, многие сосланы на каторгу.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА 1707–1709 гг.

ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ К.А. БУЛАВИНА

Не успело затихнуть Астраханское восстание, как вспыхнула крестьянская война под предводительством Кондратия Афанасьевича Булавина. Она явилась самым мощным народным движением в начале XVIII в.

Крестьянская война началась на Дону. Она была вызвана в основном теми же причинами, что и предшествовавшие крестьянские войны: усилением феодально-крепостнического гнета, ростом помещичьей эксплуатации крестьян, произволом царской администрации. Определенную роль сыграли обострение отношений между Войском Донским и правительством, а также социальные противоречия внутри донского казачества.

Донское казачье войско занимало особое положение. За свою службу по охране южных границ государства оно получило автономное управление: на казачьем сходе, или кругу, выбирался атаман, являвшийся главой войска, а также другие начальники и командиры, составлявшие казацкую старшину. Правительство посылало им и "жалованье" – деньги, оружие, сукно. В ряде случаев донские казаки имели право самостоятельного сношения с другими государствами. Дон издавна являлся убежищем разных беглых людей, и в первую очередь крепостных крестьян, бежавших от своих господ, поскольку здесь действовал старинный неписанный закон: "с Дона выдачи нет".

Все эти казачьи вольности и привилегии в конце XVII – начале XVIII в. стали постепенно сокращать. Правительство потребовало от донских казаков более строгой и постоянной службы по охране границ. С присоединением в 1696 г. Азова были прерваны их дипломатические сношения с другими государствами, за чем должен был строго наблюдать азовский губернатор. Одновременно для казаков были закрыты рыбные ловли в устье Дона. По указу 1704 г. сильно ограничивалось право невыдачи с Дона беглых людей. Отныне наказанию и возвращению на прежнее местожительство подлежало все население, самовольно пришедшее на Дон после 1695 г.; естественно, запрещалось принимать и новых людей. Наряду с ограничением казацких вольностей помещики и духовные феодалы начали захватывать казацкие земли в верховьях Дона, а правительство не только не препятствовало этому, но и само стало раздавать их. Так, незадолго до восстания богатые земельные угодья по рекам Хопру и Савале были отданы тамбовскому епископу Игнатию, а затем сданы на оброк гостю Ивану Анкудинову.

Обострились социальные противоречия внутри самого донского казачества. В низовьях Дона вокруг города Черкаска, который являлся административным центром Войска Донского, жили в основном зажиточные казаки. Они вели торговлю с Москвой и другими крупными городами, с Турцией, финансировали казачьи морские походы, получая от них крупную добычу. Они в основном занимали и наиболее важные выборные должности, составляя казацкую старшину. Последняя в это время стала превращаться по существу в царскую администрацию и одновременно в местных помещиков, захватывая лучшие земли и промыслы. Но среди казаков немало было и бедноты, так называемых "голутвенных казаков", которые находились в кабале у богатеев. Особенно много их проживало в верховьях Дона, куда стекались главным образом беглые крестьяне, из которых прежде всего и формировалось казачество. В целом Донское войско к этому времени уже совершенно четко разделилось на "низовое", богатое, и "верховое", бедное казачество. Последнее по своему положению было очень близко к положению основной массы крепостного крестьянства.

Крестьянская война 1707–1709 гг. охватила огромную территорию Дона, прилегающие к нему районы Поволжья и центральные уезды, а также часть Украины. Основной движущей силой ее было крестьянство. Важную роль в восстании играли бедные казаки, которые составляли ядро повстанческих войск и часто выступали как зачинатели и руководители движения. Богатое казачество, особенно в низовьях Дона, выступило на стороне правительства. В восстании участвовали также мелкие служилые люди, стрельцы и городские низы.

Восстание возглавил казак Трехизбянской станицы Кондратий Афанасьевич Булавин. До этого он уже имел столкновение с царскими властями. В 1705 г. разгорелась борьба за обладание Бахмутскими соляными промыслами между изюмскими служилыми казаками и донской казацкой "голытьбой", возглавляемой Кондратием Булавиным. Во время этого конфликта Булавин не допустил к переписи спорных бахмутских земель присланного из Воронежа дьяка Алексея Горчакова и некоторое время держал его под арестом, а потом сжег соляные заводы.

С осени 1707 г. на Дону начал действовать отряд войск под командованием

князя Ю.В. Долгорукова по сыску и высылке беглых людей. Казацкая старшина активно поддерживала его. Войсковой атаман Лукьян Максимов выделил Долгорукову в помощь отряд казаков, за что Черкасск был освобожден от сыска. Но действия Долгорукова и его подчиненных вызвали возмущение казацкой бедиоты, беглых крестьян и батраков, работавших на старшину. Они начали собираться в Ореховом буераке около Новоайдарского городка и договорились расправиться с Долгоруковым. Во главе их встал Булавин.

В ночь на 9 октября 1707 г. отряд под командованием Булавина напал на группу отряда Долгорукова, ночевавшую в Шульгинском городке, и перебил ее. Погиб и сам Долгоруков. Крестьянская война началась.

На призыв восставших к ним начало присоединяться население станиц и городков верхнего Дона. Силы их росли. Главной целью их в это время было уничтожение других групп отряда Долгорукова, а также казацких старшин и станичных атаманов, которые помогали сыску беглого населения. В частности, были разбиты группы, которыми командовали князь Тенибеков и капитан Хворов. Однако и сами повстанцы потерпели ряд поражений. В конце года Булавин отправился в Запорожскую Сечь, чтобы найти там поддержку. На этом заканчивается первый этап крестьянской войны.

В начале второго этапа, в зимние месяцы 1708 г., шло накопление сил повстанцев. Булавин не ошибся, рассчитывая найти поддержку у запорожцев. Он несколько раз выступал в Сечи и призывал примкнуть к нему казаков, указывая, что борьба не ограничится Доном, он пойдет и на “великороссийские города”. Верхушка запорожцев не поддержала Булавина, однако рядовые казаки встали на его сторону, и уже в январе 1708 г. собралось около 1500 запорожцев, горевших желанием идти “на Русь бить бояр”.

В марте 1708 г. Булавин возвратился на Дон и сделал своим центром Пристанский городок (на р. Хопре). В конце этого же месяца здесь состоялся “съезд” повстанцев, от имени которого стали рассылаться воззвания, или “прекрасные” письма, “в русские города... села и деревни”, а также к казакам в разные концы донской земли. В этих и других документах булавицев ярко выражена антикрепостническая сущность движения. Они проникнуты ненавистью к князьям и боярам, правительственным чиновникам, разным “прибыльщикам” и “худым людям” и содержат призыв ко всем “черным” людям подняться против них и против всякого угнетения, несправедливости и “обид”. В обращениях звучит и религиозный мотив, указывается, что участники движения встали “за старую веру”, т.е. социальная, антифеодальная борьба в известной мере прикрывалась религиозной оболочкой. В ответ на призывы к Булавину начали стекаться крестьяне, казаки, работные люди, бурлаки, они целовали ему крест, т.е. присягали на верность. Скоро у него уже собралась почти 7-тысячная армия.

Самой важной задачей в этот момент было обезопасить себя со стороны Черкасска с его казацкой старшиной, которая по-прежнему враждебно относилась к повстанцам. Булавин со своим войском двинулся на Черкасск. На встречу ему вышла колония изовых казаков под командованием войскового атамана Лукьяна Максимова, в которую входила также конница полковника Васильева и калмыков. Встреча противников произошла 8 апреля 1708 г. на р. Лисковатке около Паишина городка. Рядовые казаки из отряда Максимова не приняли боя и начали брататься с восставшими.

После этой победы Булавин, встречаемый всюду хлебом-солью, продолжал движение на Черкасск и 28 апреля подошел к нему. Город был хорошо укреплен, его обороняли полсотни пушек, он был окружен кольцом из нескольких станиц. Но брать город силой не пришлось. После трехдневных переговоров черкасские казаки перешли на сторону булавицев и 1 мая сдали город. Войсковой атаман и шесть человек из казачьей старшины были арестованы и через несколько дней казнены, а их имущество и церковная казна разделены между восставшими. 9 мая на войсковом кругу Булавин был избран атаманом Войска Донского.

Обстановка в Черкасске была не простой. Между богатыми казаками и голытьбой шла как открытая, так и тайная борьба. Беднота требовала расправы над 20 арестованными знатными старшинами и раздела их имущества. Между тем тайные сторонники правительства вели определенную работу. Они сумели сделать помощниками Булавина своих ставленников Илью Зерщикова, Тимофея Соколова и Степана Ананьина. Последние не только спасли жизнь арестованным старшинам, но завели тайные сношения с командующим правительственными войсками В.В. Долгоруковым и азовским губернатором И.А. Толстым и уже в мае организовали против Булавина заговор. Спустя два месяца им удалось осуществить свой подлый замысел.

После избрания войсковым атаманом Булавин стремился, с одной стороны, договориться с правительством, получить от него признание своей власти и приостановить движение царских войск, с другой – расширять восстание, собирая под свои знамена всех недовольных крепостническими порядками. В грамотах, которые он посылал Петру и царским военачальникам, идущим на Черкасск, а также в обращениях к донским казакам он старался разъяснить происшедшие события, указывая, что войсковой атаман и некоторые старшины были казнены “по их вине”, а другие смещены со своих постов за их “неправды и воровство”. Тут же он заверял царя в своей верности. Однако в этих посланиях содержится и угроза: если царь не отзовет свои войска, то восставшие будут противиться ему и все Войско Донское уйдет к казакам, бежавшим на Кубань и признавшим здесь власть турецкого султана. Колебания Булавина продолжались недолго, суровая логика классовой борьбы быстро положила им конец, и уже вскоре он отдает приказ выступить против правительственных войск.

В середине мая из Черкаска вышло несколько крупных повстанческих отрядов. На запад, в сторону Слободской Украины направился отряд под командованием атамана Семена Драного. Вскоре он пополнился запорожскими казаками и 8 июня около Валук разбил Сумской полк под командованием бригадира Шидловского. В том бою принимал участие и отряд Тихона Белгородца, состоявший из работных людей. Но в дальнейшем на своем пути повстанцы встретили многочисленную армию Долгорукова и 2 июля в бою в урочище Криная Лука под Тором были разбиты, погиб и их атаман Семен Драный. Несмотря на это поражение, восстанием был охвачен весь район вплоть до Днепра. Тут действовали многочисленные местные отряды повстанцев, они предлагали заготовить острые колья, на которые “сажать старшин да подъячих”.

На Волгу ушел отряд Ивана Павлова, состоявший в основном из бурлаков, ярыжек и беглых, а спустя некоторое время сюда направилось и войско под командованием казака-старовера Игната Некрасова. 7 июня они овладели большей частью Царицына, осадив внутри его “малую крепость”. Однако попытки взять Саратов окончились неудачей: трудно было выстоять перед 4-тысячной калмыцкой конницей, прислаивной сюда ханом Аюком. Но восстание распространилось на все Поволжье. В Нижнем Новгороде на кремлевской стене появилась надпись “Быть бунту”.

В центре, а также в верховьях Дона и на Хопре действовало повстанческое войско под предводительством атамана Никиты Голого. В своих “прелестных письмах” он призывал к себе “нагих и босых”, чтобы идти на “бояр” и перебить их. Здесь движение распространилось и на ближайшие к Дону уезды – Воронежский, Тамбовский, Борисоглебский, Козловский, Пензенский и др.

В конце июня из Черкаска в Азов вышло походное 5-тысячное войско во главе с атаманом Хохлачем. 6 июля повстанцы вступили в Азов и заняли часть его. Однако затем в ходе боя они не выдержали мощного артиллерийского огня и наступления правительственных войск и вынуждены были отступить.

Поражение под Тором и Азовом ободрило заговорщиков. Собравшись на тайный совет, они решили немедленно воспользоваться ослаблением позиций Булавина, выступить против него и тем самым заслужить прощение властей.

7 июля они окружили дом Булавина в Черкасске, в котором он жил, и, несмотря на упорное сопротивление обороняющихся, ворвались в него и застрелили Булавина, а примерно 50 человек его товарищей арестовали. Тогда же И. Зерщиков был избран новым атаманом Войска Донского. На этом заканчивается второй этап крестьянской войны под руководством Булавина, когда она достигла своего наивысшего подъема.

Правительство, естественно, было весьма обрадовано вестью о гибели Булавина, считая, что тем самым покончено и с восстанием. По этому поводу в Москве хотели организовать даже “молебствие” и праздничную “пушечную пальбу”, но, опасаясь народных волнений, не решились на это.

Однако власти поторопились праздновать победу. Начался третий этап крестьянской войны, и хотя он был этапом отступления и подавления движения, восставшие не сдавались без боя. Преследуемые и окруженные карателями, они храбро сражались и в отдельных случаях даже одерживали победы. Особенно упорную борьбу вели сподвижники Булавина Иван Павлов, Никита Голый и Игнат Некрасов.

Так, 17 июля повстанцы под командованием Павлова полностью овладели Царицыном, хотя через несколько дней под напором правительственных войск вынуждены были сдать его. Но, уходя от преследования вверх по Волге, Павлов через некоторое время сумел вновь организовать отряд из 3 тыс. человек. В районе Паншина городка действовал Некрасов. Он держался до конца августа и лишь поражения под Есауловым и Паншиным заставили его вместе с 2 тыс. повстанцев, в том числе с женщинами и детьми, бежать на Кубань. Здесь они хотя и оказались под властью турок, но основали вольную казацкую республику. Дольше всех держался Никита Голый. 27 сентября у Донецкого городка он одержал свою последнюю крупную победу, разбив полторатысячный отряд полковника И. Бильса и захватив хлебный караван из 170 будар. Но в сражении у Решетовской станицы 5 ноября Голый был разбит войсками Долгорукова. С горсткой своих соратников ему удалось уйти, однако 2 февраля 1709 г. он был схвачен и вместе с другими отправлен в Воронеж для следствия. Восстание на Дону было в основном подавлено.

На третьем этапе движение происходило не только на Дону, но и в других районах. Всего в 1708 г. выступления крестьян происходили в 48 уездах, они продолжались и в 1709 г. Крестьянским движением были охвачены не только южные уезды и Поволжье, но и центр страны – Звенигородский, Тверской, Старицкий и Бежецкий уезды, запад – Смоленский, север – Костромской и другие уезды. Повстанческие отряды громили помещичьи усадьбы, а в городах приказные избы и дома местной администрации и богатеев, успешно сражались с правительственными войсками. Особенно активно действовали в 1708–1709 гг. в Костромском, Нижегородском, Кинешемском и Лухском уездах отряд атамана Гаврилы Старченка, в Галичском уезде – атамана Сеченого, в Ярославском – атамана Боровиченка. Весной 1709 г. отряды крестьян и казаков вели бои в Поволжье под г. Петровском, а летом у Саратова и Бузулука. В верховьях Дона, на реках Хопре и Бузулук успешно сражались, захватывая городки и села, отряды булавинца Василия Булакина-Мельникова. В 1709 г. и позднее на Дон и Украину присылал своих агитаторов ушедший на Кубань Игнат Некрасов. Однако все эти многочисленные, но разрозненные и не связанные друг с другом выступления были к концу 1709 подавлены правительством.

Расправа с восставшими была жестокой. Были тысячи казненных, по Дону плыли плоты с повешенными, верховые казацкие городки сжигались, а их мужское население уничтожалось.

По своему размаху, основным движущим силам и антифеодальной направленности восстание под предводительством Кондратия Афанасьевича Булавина было такой же крестьянской войной, как и восстания Болотникова, Разина и Пугачева. Его особенностью по сравнению с ними было более широкое участие казачества в движении.

Несмотря на то, что в результате восстания донское казачество лишилось некоторых прежних вольностей и части своей территории (верховья Дона были включены в Воронежскую провинцию), в целом оно имело большое историческое значение. На территории Донской земли временно был прекращен сыск беглых крестьян и сняты некоторые ограничения на ведение земледелия. В известной степени восстание препятствовало росту эксплуатации крестьян. Кроме этих непосредственных результатов, движение имело и более глубокие последствия. Оно способствовало росту классового самосознания крестьян, выработке ими собственного политического идеала в виде вольной казацкой республики.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА 1773–1775 гг. ПОД РУКОВОДСТВОМ Е.И. ПУГАЧЕВА

Крестьянская война 1773–1775 гг. была последней, но по своему размаху и мощи самой крупной крестьянской войной в истории феодальной России. Все увеличивавшаяся эксплуатация крестьянства, усиление над ним власти помещиков, тяжелое положение заводских работных людей – вот основные причины, вызвавшие народное движение 1773–1775 гг. Особенно тяжелым было положение помещичьих крестьян. Зачастую им приходилось трудиться на барской пашне три-четыре, а иногда и шесть дней в неделю. Некоторую часть крестьян помещики вообще перевели на “месячину”, т.е. они уже лишились и земельных наделов, и рабочего скота и, получая месячное содержание, все время работали на своего владельца. Увеличивался и денежный оброк, составляя 2–3 руб. с души мужского пола в год.

В 60-е годы XVIII в. принимаются один за другим указы, по которым помещикам разрешалось без суда ссылать крестьян на поселение и каторгу и одновременно запрещалось крестьянам жаловаться на своих господ. Яркую картину бедственного существования, которое влачили крестьяне, нарисовал А.Н. Радищев, писавший, что “бедность и рабство повсюду встречались со мною в образе крестьян”. Сама императрица Екатерина II в своих записках вынуждена была признать, что нет такого помещичьего дома, в котором “не было бы железных ошейников, цепей и разных других инструментов для пытки при малейшей провинности тех, кого природа поместила в этот несчастный класс”.

Тяжелый труд и бесчеловечное отношение владельцев и администрации были уделом работных людей на заводах. На предприятиях Урала многие рабочие попадали в такую кабалу к своим хозяевам, что “никакого денежного расчета с ними уже не производилось, а только давали им пропитание и одежду”.

В народе зрело глубокое недовольство, которое все чаще прорывалось вспышками активного протеста то в помещичьей вотчине, то на уральском заводе, то в казацкой станице. Только с 1762 по 1772 г. произошло более 160 восстаний помещичьих и государственных крестьян. В начале 60-х годов XVIII в. развернулось широкое движение монастырских крестьян, которое ускорило проведение секуляризации духовных имений и передачу их в руки государства. В то же время поднялись на борьбу заводские работные люди. Волнения среди них начались в центре страны, но особенно большого размаха и остроты они достигли на металлургических заводах Прикамья, Урала и Западной Сибири. Страна была накануне бурных событий. Сама Екатерина ожидала “грозящую беду” и предчувствовала, что “бунт всех крепостных воспоследует”.

Великая крестьянская война 1773–1775 гг., как и предшествовавшие крестьянские войны, началась на окраине. На этот раз среди яицкого казачества, где было особенно неспокойно. Здесь только что, в начале 1772 г., было подавлено восстание казаков, направленное против засилья местной старшины и произвола царской администрации. Однако они не смирились с поражением и говорили: “То ли еще будет! Так ли мы тряхнем Москвой!”. В такой напряженной обстановке

на Яике и появляется под именем императора Петра III донской казак Емельян Пугачев.

По словам очевидцев, Пугачев был среднего роста, строен, имел продолговатое смуглое лицо, большие карие глаза, тонкий, с небольшой горбинкой нос, темно-русые, подстриженные по-казацки волосы, черную, с редкой проседью, бороду, имел привычку прищуривать один глаз. Одевался в яркое казацье платье и всегда носил желтые сафьяновые сапоги. Говорил он просто и образно, любил шутку, пересыпал речь пословицами и поговорками. Это был жизнерадостный и чрезвычайно смелый, решительный человек. Его отвагу признавали даже враги. Вместе с тем Пугачев действовал осмотрительно и не рисковал своей жизнью ради одной удали. Пройдя большую и суровую армейскую службу, он хорошо знал военное дело, особенно артиллерию.

Емельян Иванович Пугачев родился в 1742 г. в донской станице Зимовейской, где за сто лет до него родился другой крестьянский вождь – Степан Тимофеевич Разин. И дед и отец его были простыми рядовыми казаками. С детства он “боронил за отцом землю”, а в 17 лет, женившись, сам пахал “свой казацкий участок земли”. В составе казацкой команды он участвовал в Семилетней войне, с которой вернулся через три года. Спустя некоторое время был послан в Польшу для сыска и возвращения раскольников. В дальнейшем Пугачев участвовал в русско-турецкой войне, где за боевые заслуги получил первый казачий офицерский чин хорунжего, но по болезни был отпущен домой. За участие в подготовке побега донских казаков на Терек Пугачев был арестован, но бежал. Однако жить дома было опасно, и в декабре 1771 г. он уходит снова на Терек. Здесь Пугачев скоро завоевал уважение местных казаков, которые поручили ему ехать в Петербург с ходатайством о повышении им денежного жалованья. Но в пути, в Моздоке, он был задержан, снова бежал. Вернулся домой, здесь – новый арест, опять побег. Осенью 1772 г. Пугачев едет в Поволжье, где связывается с игуменом раскольниковских скитов на Иргизе Филаретом Семеновым. Последний рассказал ему о восстании яицких казаков и посоветовал пробираться в Яицкий городок. В ноябре 1772 г. Пугачев прибыл в Яицкий городок и остановился у казака-раскольника Дениса Пьянова. Назвавшись императором Петром III, Пугачев обещал помочь казакам бежать с Яика на Кубань. По доносу он был снова арестован и отправлен в Казань.

В мае 1773 г. Пугачев бежал из казанской тюрьмы и в августе уже опять был на Яике, остановившись на Таловом хуторе у своего старого знакомого отставного солдата Степана Оболяева. Он снова объявил себя Петром III и начал подготовку к восстанию. Это был уже не бунтарь-одиночка, искавший волю где-то за рубежом. Он понял, что его сила в поддержке народа, “черии”. “Для нее-то, – говорил он, – я хочу теперь показаться, и она ко мне пристанет”. Весть о появлении “царя-избавителя” широко распространилась среди казаков, которым он обещал дать все то, за что они боролись. Вокруг Пугачева образовалась активная группа казаков: Иван Никифорович Зарубин, по прозвищу Чика, Максим Шигаев, Иван Почिताлин и др. Некоторые из них знали, что Пугачев не царь, а простой казак, но связывали с ним осуществление своих надежд и поэтому не выдавали его.

17 сентября 1773 г. отряд восставших казаков под командованием Пугачева вышел из хутора казаков Толкачевых и двинулся в поход для взятия Яицкого городка. Крестьянская война началась. Ее ход можно разделить на три основных периода: 1) с сентября 1773 по апрель 1774 г., когда движение охватило яицких казаков, Башкирию и горнорабочих Приуралья; 2) с мая по июль 1774 г., когда после ряда серьезных неудач восстание вновь поднялось в горнозаводских районах Урала, на территории Башкирии, в Среднем Заволжье; 3) с июля 1774 по 1775 г., когда движение перекинулось на правый берег Волги и достигло наивысшего подъема, но затем потерпело поражение. Один период от другого отличался не только географическим охватом, но и составом участников

движения, степенью понимания ими своих интересов, а также лозунгами борьбы.

18 сентября 1773 г. Пугачев подошел к Яицкому городку. Отряд его состоял уже из 200 человек. Высланная против восставших казачья команда перешла на их сторону. Среди примкнувших к Пугачеву казаков находились Андрей Овчинников и старшина Андрей Вишнов, ставшие потом наиболее видными руководителями движения. Однако гарнизон Яицкого городка значительно превосходил силы Пугачева, и он не решился на его штурм. Он двинулся вдоль Яицкой укрепленной линии, соединявшей Яицкий городок с Оренбургом, и, почти не встречая сопротивления, занимал ее крепости и форпосты. 4 октября Пугачев взял казачью слободу Берду, находившуюся в 5 км от Оренбурга и ставшую с этого времени основным центром восстания, как бы его столицей, а вечером 5 октября 1773 г. подошел к Оренбургу. Армия Пугачева насчитывала 2500 человек при 20 орудиях. Оренбургский гарнизон был сильнее ее, особенно в артиллерии, поэтому он успешно отбил первые атаки повстанцев. Пугачев, чтобы напрасно не губить людей, решил взять Оренбург измором

и начал его длительную осаду. Оренбургский губернатор Рейнсдорп направил в лагерь восставших освобожденного из тюрьмы Хлопушу (Афанасия Тимофеевича Соколова) с тем, чтобы он уговорил их покинуть Пугачева, а самого его привести в Оренбург. Хлопуше за это были обещаны прощение и деньги. Однако царский сановник просчитался. Бывший крепостной крестьянин, затем рабочий на уральских заводах, осужденный на пожизненную каторгу, Хлопуша явился в лагерь Пугачева и перешел на его сторону. Впоследствии он стал одним из самых выдающихся руководителей крестьянской войны.

Движение стало быстро распространяться за пределы яицких земель. Большую роль в этом играли манифесты и указы, рассылаемые Пугачевым. В них провозглашались требования и лозунги, носившие совершенно определенный антикрепостнический, антифеодальный характер. Уже в первом своем манифесте от 17 сентября 1773 г., обращенном к яицким казакам, который был выслушан ими “в великом молчании... прилежно”, Пугачев обещал казакам все те права и вольности, за которые они боролись: беспопытное пользование рыбными ловлями, землю, денежное и хлебное жалованье, оружие. В указе от 1 октября, poslanном в Башкирию, он приглашал “башкирцев, калмыков и мухаметанцев” присоединиться к восстанию. В октябрьских указах, посланных на уральские заводы, Пугачев жаловал их рабочих “вечною вольностью”, т.е. освобождал от тяжелой заводской работы. В обращении к крестьянам, poslanном в декабре месяце, он призывал крестьян “лишать жизни” помещиков, а “дома и все их имения брать себе в награждение”. Зная, что в Заволжье, особенно по Иргизу и в Приуралье, в том числе и среди видных казаков, много староверов, Пугачев жаловал их “крестом и бороною”. Все эти многочисленные указы,

Е.И. Пугачев

манифесты и обращения зачитывались на общественных сходах, в церквях и на базарах и вызывали горячее одобрение народа.

Одновременно с письменной агитацией Пугачев посылал на места своих наиболее близких сподвижников для организации повстанческого движения. На заводах Южного Урала действовал Хлопуша: он сменял заводскую администрацию, организовывал для восставших производство пушек и другого оружия, сколачивал из горнозаводских рабочих боевые отряды. В Башкирию ездили Овчинников и Чика-Зарубин, по крепостям Яицкой линии – Шигаев и Толкачев.

Как показывали потом участники восстания, народ “с радостью со всех сторон стекался кучами в нашу толпу”. К середине ноября 1773 г. армия Пугачева под Оренбургом насчитывала уже 15 тыс. человек.

К этому времени были одержаны и первые крупные победы над царскими войсками. О восстании правительство узнало лишь в середине октября и вначале не придавало ему серьезного значения, рассматривая его как “местный бунт шайки непослушных казаков”. Однако на подавление восстания сразу были брошены довольно крупные силы. Главнокомандующим всеми войсками, направленными против Пугачева, был назначен генерал-майор Кар. Он настолько был уверен в своем успехе, что опасался лишь того, как бы восставшие при его приближении не разбежались без боя. Но Кар глубоко ошибался. В бою 9 ноября у д. Юзеевой (к востоку от г. Бугульмы) его отряд, состоявший из 1500 человек, при 5 орудиях, был наголову разбит повстанцами, которыми командовали Чика-Зарубин и Овчинников. Оправдывая свое поражение, Кар вынужден был высоко оценить боевые действия восставших, особенно использование ими артиллерии: “А артиллерией своею чрезвычайно вредят... истребляют не так, как бы от мужиков ожидать должно было”. В ночь на 13 ноября недалеко от Оренбурга Пугачевым был окружен и почти весь взят в плен отряд полковника Чернышева – более 2200 человек при 32 офицерах и 15 орудиях. Лишь бригадиру Корфу со своими войсками удалось прорвать кольцо осаждавших Оренбург пугачевцев и тем самым усилить гарнизон города. Таким образом, первые попытки правительства подавить восстание окончились неудачей.

В это время, в конце 1773 г., Пугачев не только расширял границы восстания и отражал наступление правительственных войск, но и стремился поднять свой “царский” авторитет, а также лучше организовать повстанческую армию и все возглавляемое им движение.

Как уже говорилось, ставка Пугачева находилась в пяти верстах от Оренбурга, в слободе Берда, которую он назвал “Новой Москвой”. На крыльце и вокруг дома, в котором он жил, постоянно стоял караул из 25 яицких казаков, которых называли “гвардией”. В доме висел портрет великого князя Павла Петровича, и Пугачев широко распространял слухи о своих сношениях с ним, как “сыном” и наследником престола. Он присвоил некоторым своим сподвижникам имена и звания царских сановников. Так, Чика-Зарубин стал именоваться “графом Иваном Никифоровичем Чернышевым”. Пугачев имел печать с надписью: “Большая государственная печать Петра III, императора и самодержца Всероссийского”. Он учредил свой орден – восьмигранный крест из латуни с надписью: “Царь Петр Федорович жалует тебя крестом, бородой и волей казацкой. 1773 г.”, которым награждал наиболее отличившихся сподвижников. Все это делалось Пугачевым для того, чтобы поддержать молву о своем царском происхождении и иллюзии широких масс о “хорошем” царе, способном облегчить положение народа.

В то же время вся эта внешняя “обрядность” отвечала стремлению Пугачева и его окружения придать своему движению более организованный характер, установить определенный порядок и дисциплину на охваченной восстанием территории. С этой целью ими предпринимались и другие, более конкретные меры. Так, в ноябре 1773 г. была создана “Государственная военная коллегия”, которая стала центральным органом власти восставших. Она была организована

по образцу официальных коллегий и состояла из четырех судей, секретаря, думного дьяка, четырех повытчиков и переводчиков, должности которых занимали казаки и горнозаводские рабочие. Коллегия занималась вопросами комплектования и снабжения армии, руководила повстанческими отрядами, составляла указы и манифесты, осуществляла суд и защиту населения от незаконных действий некоторых повстанцев, назначала командиров.

Главная армия повстанцев, стоявшая под Оренбургом, начала перестраиваться на регулярный манер. Во главе ее был поставлен общевойсковой атаман, которым назначили Андрея Овчинникова, а начальником артиллерии сделали Федора Чумакова. Войска делились на полки, а последние – на сотни и десятки. Полки формировались по признаку сословной принадлежности (полк заводских крестьян, полк яицких казаков и др.) или национальному признаку (полк башкир и др.). Полками командовали полковники, более мелкими подразделениями – есаулы (сотники) и хорунжий. Командиры назначались, как правило, из той же социальной среды или национальности, к которой принадлежало и большинство членов части. В войсках проводилось обучение военному делу (стрельба, штыковой бой, рубка). Но, конечно, меры, которые Пугачев и его соратники предпринимали для устройства своей армии, не могли создать правильной военной организации. Особенно неблагоприятно в этом отношении обстояло дело на периферии, где основной военной единицей были отряды, как правило, стихийно возникшие и самого разнообразного характера по составу и численности. Иногда несколькими отрядами на той или иной территории командовали атаманы, которые присылались из ставки Пугачева или выдвигались из местного населения. Но в целом элементы организации, дисциплины и порядка в крестьянской войне 1773–1775 гг. наблюдались в значительно большей мере, чем во всех предшествовавших крестьянских войнах.

В то время как главная армия Пугачева вела осаду Оренбурга, движение распространилось на огромную территорию от Волги до Урала и от оренбургских степей до Камы.

Восстанием был охвачен почти весь горнозаводской Урал. В феврале 1774 г. большая часть предприятий района, 92 завода, находилась уже в руках восставших. Заводские работные люди частью оставались на месте и изготовляли для Пугачева оружие, другие уходили в повстанческие отряды, третьи, прежде всего приписные крестьяне, возвращались в свои села и деревни. Здесь особенно успешно действовал бывший рабочий Осокинского завода, отставной канонир Иван Наумович Белобородов. Он получил звание атамана и возглавил повстанческие силы на среднем Урале, осадив Екатеринбург. В этом районе также активно проводили боевые операции отряды Ивана Грязнова, овладевшего Челябинском, и Ивана Кузнецова.

Движение распространилось на всю Башкирию. Тут действовали десятки отрядов, которые возглавляли Канзафар Усаев, Кинзя Арасланов и др. Особо отличался смелостью Салават Юлаев, взявший Красноуфимск. Сюда на помощь и для общего руководства движением был послан Чика-Зарубин, и в декабре он уже осадил Уфу.

Широкий размах приобрело восстание на левобережье Волги, особенно в районе Самарской излучины, заселенной преимущественно помещичьими крестьянами, к которым примкнули жившие здесь же калмыки, чуваша и другие народы. Посланный от Пугачева отряд во главе с крепостным крестьянином Ильей Араповым в начале декабря занял крепость Бузулук, а в конце того же месяца вступил в Самару. В середине января 1774 г. отряд под командованием калмыка Федора Дербетева захватил Ставрополь. На юге казаки во главе с Толмачевым овладели Яицким городком (кроме его цитадели, взять которую так и не удалось).

В начале 1774 г. отдельные пугачевские отряды появились уже в Западной Сибири и на Слободской и Левобережной Украине. Непокойно было и в самой

Москве. В середине декабря 1773 г., проезжая через Москву, генерал А.И. Бибииков писал: “Вся многочисленная чернь московская, шатаясь по улицам, почти явно оказывала буйственное свое расположение и приверженность к самозванцу, который, по словам их, несет им желаемую ими свободу”.

Напуганное огромным размахом движения, правительство Екатерины II принимает более серьезные меры для его подавления.

Главкомандующим над всеми карательными войсками был назначен генерал-аншеф А.И. Бибииков, обладавший боевым опытом и хорошо знавший местные условия в основных районах восстания. В Казани создается Секретная комиссия по борьбе с восстанием. Семья Пугачева был арестована и отправлена в Казань, а его дом в станице Зимовейской сожжен, место его посыпано солью и окопано рвом. Приехав в Казань, Бибииков застал здесь полную растерянность среди властей и местного дворянства, все были охвачены “трепетом и ужасом”. В отличие от Кара, Бибииков понимал, какой силы достигло движение и какую опасность оно представляет. Он писал: “Не неприятель опасен..., но народное колебание, дух бунта и смятение”. В его распоряжение поступили крупные силы регулярных войск, а также местные гарнизоны и дворянское ополчение. Для поднятия духа дворянства Екатерина II объявила себя “казанской помещицей” и приняла участие в организации ополчения.

Накопив силы, Бибииков в середине января 1774 г. перешел в общее наступление против восставших. Решающее сражение произошло 22 марта под Татищевой крепостью. Несмотря на то что у Пугачева здесь было больше сил, чем у возглавлявшего правительственные войска генерала П.М. Голицына, он потерпел серьезное поражение, так как его армия была хуже вооружена и организована. Тем не менее Голицын высоко оценил военное мастерство повстанцев: “Дело столь важно было, что я не ожидал такой дерзости и распоряжения в таковых непросвещенных людях в военном ремесле, как сии побежденные бунтовщики”. Вслед за тем 24 марта под Уфой был разбит Чика-Зарубин. 1 апреля под Самарским городком Голицын нанес второе крупное поражение Пугачеву, и последний с небольшим отрядом вынужден был уйти на Урал. На этом заканчивается первый период Крестьянской войны. В конце его правительственные войска добились больших успехов: была снята осада с Оренбурга и Уфы, отвоеваны Самара, Бузулук, Красноуфимск и другие крупные города. Ряд выдающихся руководителей восстания – Чика-Зарубин, Хлопуша, Шигаев, Почиталин и Витошнов попали в плен. Но крестьянская война на этом не закончилась, ее высший подъем был еще впереди.

Во второй период крестьянская война охватила горнозаводской Урал и Башкирию. Пугачев двинулся на Казань, чтобы выйти в Поволжье и поднять на борьбу населявших его крепостных крестьян. Несмотря на поражение, Пугачев говорил: “Народу у меня, как песку, и я знаю, что вся чернь меня с радостью примет”. И действительно, уже в апреле 1774 г. на Белорецком заводе, где остановился Пугачев, у него было 5 тыс. человек, здесь возобновила свою деятельность и его “Государственная военная коллегия”. Собрав силы, в начале мая Пугачев выступил в поход и вскоре взял крепость Магнитную. Тут к нему присоединились большой отряд горнозаводских рабочих во главе с Белобородовым и отряд Овчинникова, прибывший с Яика. В середине мая повстанцы, которых уже насчитывалось около 10 тыс. человек, овладели крупной Троицкой крепостью.

В дальнейшем, в одном из боев с корпусом генерал Деколонга, Пугачев потерпел поражение, но быстро оправился от него. Вскоре к нему подошел с большим отрядом башкир Салават Юлаев. И снова, не встречая серьезного сопротивления, Пугачев стал занимать один за другим заводы и города. Когда он подошел к Казани, у него уже было 20-тысячное войско, правда слабо вооруженное (имелось всего 12 пушек). 12 июля штурмом Казань была взята, лишь остатки гарнизона сопротивлялись в Кремле. Но в тот же день на помощь ему

подошел большой отряд подполковника И.И. Михельсона, который уже давно шел по пятам Пугачева. Решающее сражение произошло 15 июля, войска Пугачева были разбиты, он потерял много убитыми и пленными, в плен попал и его ближайший сподвижник И.Н. Белобородов. Большая часть башкир вернулась обратно, в Башкирию. А Пугачев с небольшим отрядом оторвался от погони и 17 июля переправился на правый берег Волги.

Так закончился второй период крестьянской войны. Хотя повстанцы и на этот раз потерпели поражение, однако временное занятие Казани, одного из крупнейших городов страны, произвело огромное впечатление. Характер движения показал также, что Пугачев пользуется широкой поддержкой народа.

Третий и последний период крестьянской войны наступил с переходом Пугачева на правый берег Волги. Он вскоре взял Цивильск, а 20 июля – г. Курмыш. Перед ним открывался путь в глубь страны – на Нижний Новгород и далее на Москву. Однако Пугачев не решился на такой шаг и от Курмыша повернул не на запад, а на юг, стремясь попасть на Дон. Такое решение Пугачева объяснялось как его боязнью встретить при движении на Москву крупные силы правительственных войск, так и тем, что, будучи казаком, он именно в казаках видел главную силу для продолжения восстания и поэтому торопился попасть в свои родные края. Начался его стремительный марш в Нижнее Поволжье. Двигаясь вдоль реки Суры, он занимал один за другим города Алатырь, Саранск, Пензу и 6 августа был уже в Саратове.

Появление Пугачева на правом берегу Волги стало как бы сигналом к всеобщему восстанию крепостных крестьян. Большую роль в этом, несомненно, сыграл его знаменитый манифест от 18 июля. Он был издан сразу же после перехода Волги, и в нем наиболее ярко проявилась антифеодалная направленность всего пугачевского движения. Пугачев объявлял об отмене крепостной неволи и рекрутчины, всех податей и сборов, о передаче крестьянам земли и, главное, призывал истреблять дворян как “противников нашей власти и возмутителей империи, и разорителей крестьян, ловить, казнить и вешать, и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами”. Восстание охватило не только районы, прилегавшие к пути следования главной армии Пугачева. Оно распространилось на большую часть Нижегородской, Казанской, Пензенской и Тамбовской губерний. Повсюду возникали многочисленные отряды крестьян, действовавшие под предводительством местных атаманов и вожаков. Они расправлялись с помещиками и наиболее ненавистными чиновниками, разоряли дворянские усадьбы, раздавали крестьянам помещичье имущество, казну и т.д. Имелись случаи, когда расправлялись и с богатыми крестьянами, выступавшими против восстания.

Пожар крестьянской войны готов был перекинуться в центр страны. Московские дворяне были уверены, что еще до приближения Пугачева к Москве в ней вспыхнет “пламя бунта и народного мятежа”; рязанские крестьяне “в великом азарте” решали на своих сходках не повиноваться властям и говорили о Пугачеве; беспокойно было среди “ружейных мастеровых” Тулы. Генерал П.И. Панин, новый главнокомандующий правительственными войсками по борьбе с восстанием, 13 августа доносил Екатерине II: “Искры ядовитого огня от настоящего самозванца и употребляемых от него ко всей черни прельщений, зачинают пламенем своим пробиваться не только в тех губерниях, коими сам злодей проходил... но обнимают и здешнюю Московскую и Воронежскую губернии”.

Можно сказать, что крестьянская война в это время достигла наивысшего своего размаха и подъема.

Правительство видело грозящую ему опасность и мобилизовало все силы для подавления восстания. Освободившиеся после заключения мира с Турцией войска перебрасывались в Поволжье, на Дон и в центр страны. На помощь П.И. Панину из Дунайской армии был послан А.В. Суворов. Москва усиленно укреплялась.

Власти и Синод обращались к населению с призывами и увещеваниями. За поимку Пугачева была обещана большая награда.

21 августа Пугачев был у Царицына, но не смог взять его и двинулся дальше на юг, к Черному Яру. 24 августа у местечка Сальникова Ватага произошло последнее крупное сражение восставших с правительственными войсками, которыми командовал Михельсон. Пугачев был разбит, потерял более 8 тыс. человек убитыми и плененными и вынужден был с небольшим отрядом бежать за Волгу. В этом бою погиб один из выдающихся руководителей восстания – Овчинников, был взят в плен последний секретарь “Государственной военной коллегии” Дубровский. Пугачев намерен был продолжать борьбу. Но среди сопровождавших его богатых яицких казаков во главе с Твороговым и Чумаковым возник заговор, чтобы выдать Пугачева правительству и тем самым заслужить себе прощение. Заговорщики схватили Пугачева 15 сентября на р. Узени и закованного в колодки привезли в Яицкий городок и сдали властям. Отсюда Пугачева перевезли в Симбирск и затем в Москву.

10 января 1775 г. на Болотной площади в Москве Пугачев и его соратники Перфильев, Шигаев, Падуров и Торнов были казнены. Еще раньше были казнены Хлопуша, Белобородов, Чика-Зарубин и некоторые другие руководители восстания. Почиталин и Салават Юлаев были сосланы на каторжные работы.

Крестьянская война продолжалась и после казни Пугачева в Поволжье, Прикамье, Башкирии и на Украине. Но судьба восстания была уже решена. Карательные войска с исключительной жестокостью расправлялись с восставшими.

Так закончилась крестьянская война 1773–1775 гг. Она потерпела поражение, потому что, несмотря на более существенные элементы организованности и сплоченности, присущие ей по сравнению с предшествовавшими крестьянскими войнами, в целом она носила стихийный характер, была лишена единого руководства, ее участники были заражены еще царистскими иллюзиями.

Социальные требования и лозунги последней крестьянской войны были более четкими и определенными, чем в движениях Болотникова, Разина и Булавина. Восставшие боролись не за отдельные уступки в рамках существующего феодально-крепостнического строя, не за “улучшенный” феодализм, а против всей системы крепостничества, за свое полное освобождение. Они требовали “земли и воли”.

Для осуществления своих требований они хотели ввести в значительной мере и новое государственное устройство. Обычно подчеркивается, что крестьяне выступали за сохранение монархического правления, стремясь лишь заменить “плохого” царя “хорошим”, т.е. выступали за такого царя, который бы защищал интересы не дворян-крепостников, а интересы широких народных масс. Но нужно также отметить и другой момент, а именно, что крестьяне выступали и за “законного” царя, который занимает трон в соответствии с принятыми обычаями и законами. Так что “мужицкий” царь лишь по форме напоминал дворянского, а на деле должен был быть монархом совсем другого типа. Помимо этого, восставшие ломали существовавшие органы местной власти, заменяя их более демократическими, основанными на принципах выборности и равенства.

В целом объективное содержание требований восставших имело, несомненно, буржуазный характер, соответствовавший потребностям дальнейшего развития сложившегося к тому времени капиталистического уклада.

Непосредственным ответом самодержавия на крестьянскую войну 1773–1775 гг. было усиление дворянской реакции. Вместе с тем в определенной мере правительство пошло навстречу крестьянству, облегчив его торгово-промышленную деятельность. Однако значение крестьянской войны нельзя сводить только к ее непосредственным результатам, отразившимся в политике царизма.

Еще большее значение крестьянских войн XVII–XVIII вв., в том числе и восстания Пугачева, состояло в их более отдаленных и глубоких исторических последствиях. И прежде всего в том, что в ходе их крестьянские массы при-

обретали огромный и исключительно важный опыт борьбы за свое освобождение. Народ навсегда запечатлел в своей памяти эти грандиозные события. Хорошо помнила их и господствующая элита. Недаром призрак новой “пугачевщины” стоял перед самодержавием и дворянством в 1861 г., заставив их пойти на освобождение крестьян “сверху”, не дожидаясь, когда они начнут свое освобождение “снизу”. Крестьянские войны оказали огромное влияние на развитие передовой общественно-политической мысли, на формирование революционного мировоззрения. Взгляды русских просветителей, революционера-республиканца А.Н. Радищева, дворянских революционеров-декабристов во многом были порождены и обусловлены той грандиозной классовой борьбой, которую вело крестьянство. В целом крестьянские войны, сотрясая основы феодально-крепостнического строя России XVII–XVIII вв., имели большое прогрессивное значение. Они ускоряли исторический процесс и тем самым приближали победу новых общественных отношений.

Крестьянская война 1773–1775 гг. была последней крестьянской войной в истории России. Выяснение причин этого требует еще своего специального углубленного исследования. Но, видимо, сказывался целый ряд факторов. Меняет свой характер само крестьянское движение, оно становится более массовым и повсеместным, т.е. поднимается на более высокий уровень, становясь одним из элементов назревающей революционной ситуации в стране. Усиливается процесс социального расслоения крестьянства, что вело к отходу его буржуазной верхушки от борьбы. Серьезную эволюцию претерпевает казачество, утрачивая свою роль застрельщика крестьянских войн. Определенное значение, безусловно, имело и укрепление военно-политического аппарата царизма, особенно на местах.

Глава 13

НАЧАЛО ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В АНГЛИИ

Переход к стадии промышленного капитализма осуществился в результате скачка в развитии производительных сил, который получил в литературе наименование промышленного переворота. Нередко, желая подчеркнуть глубину, стремительность процесса и его грандиозные последствия, его именуют промышленной революцией.

Этот переворот произошел в промышленном производстве, откуда и получил свое название. Но он не ограничился промышленностью, а затронул все сферы труда и производства, в том числе сельское хозяйство, вызвал рост городов, оказал глубокое влияние на все стороны жизни и быта, преобразив внешний вид страны. Конечным результатом промышленного переворота было возникновение современной материальной цивилизации — с ее новыми средствами транспорта, фабриками и заводами, электричеством и авиацией.

Впрочем, в XVIII в. еще ничто не обещало этих грандиозных изменений. Как это нередко бывает в истории, все началось с небольших изобретений и усовершенствований, в которых современники не могли еще увидеть будущего.

Первой ласточкой, сообщившей о начале перелома, было изобретение прядильной машины, которая вместо одной нити пряла сразу несколько¹.

¹ Довольно часто эту машину отождествляют с “самопрялкой”. В действительности самопрялка — предшественница “дженни” — появилась во второй четверти XIV в. Ее отличительная особенность — ножной привод, что освобождало руку прядильщицы для выполнения рабочего процесса.

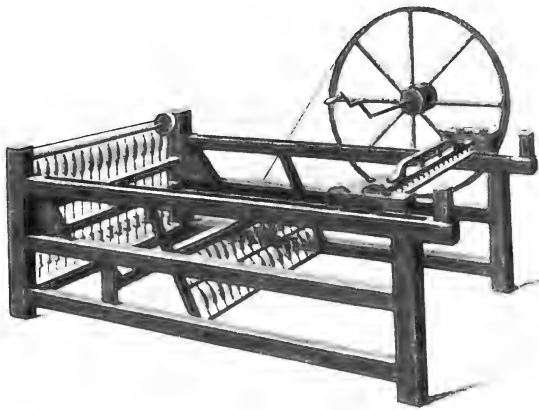
Изобретатель назвал ее в честь своей дочери “Дженни”. “Дженни” Харгривса представляла комбинацию самопрядки и принципиально нового органа прядильной машины — вытяжного прибора, изобретенного еще в 1735 г. Дж. Уайеттом. Заслуга Харгривса состояла в том, что, дополнив машину особым аппаратом — вытяжным прессом, он освободил руку рабочего и создал условия для одновременной работы сначала 8, затем 16, а в дальнейшем 80 и более веретен. Теперь прядильщик выполнял лишь двигательные функции, тогда как технологические осуществлялись механизмами машины. Это было в 1765 г. А спустя два года Ричард Аркрайт взял патент на другую прядильную машину, работавшую по совсем иному принципу. В ней вытягивание нити производилось системой валиков: каждая пара вращалась быстрее предыдущей. Важность этого открытия заключалась в том, что было найдено практическое решение реализации принципа непрерывности работы. К тому же Аркрайт в отличие от Харгривса уже изначально приспособил машину к эксплуатации в связке с механическим двигателем: машина получила название ватерной потому, что приводилась в движение водой наподобие мельничного колеса (по-английски вода — water).

В этих двух машинах — прядке “дженни” и ватерной машине — на первый взгляд не было ничего значительного. Однако именно они открывают новый этап в истории техники и являются отправной точкой промышленного переворота. Человек до этого придумал немало машин, облегчавших и ускорявших труд, но все они не вносили в него ничего нового. Прядка “дженни” и ватерная машина не просто помогали человеку, но были способны освободить его руки и заменить труд нескольких человек. Это было то принципиально новое, что открывало путь к небывалому повышению производительности.

За первыми машинами последовали новые. В последней четверти XVIII в. в суконной промышленности ручное кардирование шерсти было заменено машинным: система, состоявшая из трех машин — грубочесальной, кардной и ровничной, выполняла операцию качественнее и быстрее (только одна грубочесальная машина заменяла труд 20 шерсточесальщиков). Механизация подготовительных операций и прядение не могли не выдвинуть новой, более сложной задачи — создания механического ткацкого станка. Толчком к созданию машины явилось изобретение английского механика и ткача Дж. Кея. В 1733 г. он изобрел “самолетный” челнок, который при помощи шнура и блока приводился ткачом в движение. Но полностью механический ткацкий станок был создан лишь в конце XVIII в. В 1785 г. Э. Картрайт создал первую, а в 1792 г. вторую модель механического ткацкого станка: все операции — прокидка челнока, подъем ремизного аппарата, уплотняющие удары по уточной нити бердом, намотка нитей основы, шлихтование и т.д. — осуществлялись автоматически, без вмешательства оператора. Дальновидность Э. Картрайта проявилась и в том, что его детище с самого начала было приспособлено к работе с паровым двигателем. Однако технические трудности полностью тогда преодолеть не удалось — низкая производительность (ткач пробрасывал вручную самолетный челнок через зев основы до 60 раз в минуту, тогда как в механическом ткацком станке челнок совершал только 42 хода) сдерживала его массовое применение. Впрочем, техническая мысль, получив толчок, продолжала работать.

Из года в год число технических изобретений нарастало. Как в текстильном производстве машинное прядение вызвало появление машинного ткачества, так и в других отраслях машина, появившаяся в одной из операций, довольно быстро вытесняла ручного умельца из всего технологического цикла.

Новые машины требовали по-новому организовать производство. В канун промышленной революции организация производства в английской промышленности отличалась заметной пестротой. В текстильной, а также в некоторых областях обрабатывающей промышленности — производство оловянной посуды,

Прялка "джени"

металлообработка, оружейное дело, ювелирное производство и др. — все еще сохранялись регулируемые компании, генетически связанные со старинными цеховыми корпорациями. Они были сравнительно небольшими как по размерам, так и по экономическим возможностям. Однако уже к середине XVIII в. быстрые темпы стал набирать новый процесс — развитие предприятий, основанных на принципе свободы предпринимательства и экономической инициативы (судостроение, горнодобыча, металлургия, стеклодувная и бумагоделательная промышленности).

По форме организации производства новые заведения представляли собой либо простую капиталистическую кооперацию, которая, впрочем, тогда так и не стала устойчивой или типичной, либо различные виды мануфактуры: централизованная, смешанная, децентрализованная².

Известно, что К. Маркс очень большое внимание уделял процессам генезиса капиталистического производства. Раскрывая исторический смысл и значение мануфактуры в развитии капиталистических производительных сил, он показал, что на этом этапе исторического развития происходит длительный процесс приспособления ручной, субъективной техники (в основе этой техники лежит непосредственная, личная связь работника с его орудием) к принципам техники объективной³. Если в области экономики это приспособление разрешалось в результате создания крупной промышленности, то в области техники — в процессе образования системы машин. Мануфактура обеспечивала развитие предпосылок для появления механической техники — машины-орудия.

Техническое строение мануфактуры покоится, как известно, на сочетании двух элементов — частичного рабочего и частичного инструмента. Механические средства труда эту технологическую пару разрывают: двигательная сила машинного производства предстает уже не в виде суммы мускульных сил частичных рабочих, а как центральная двигательная машина, к тому же связь

² Английские исследователи промышленности XVIII в. все крупные заведения стекольной, бумагоделательной, судоостроительной, пивоваренной, текстильной и оружейной отраслей по традиции обозначают "фабриками". Непонимание сущности и характера мануфактуры приводит к бесплодным поискам разнообразных ее "заменителей", например "протофабрики".

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 47. С. 340; Т. 23. С. 350—351.

операций теперь осуществляется не через организационное объединение частичных рабочих, как это было в мануфактуре, а при помощи особого — передаточного — технологического механизма, использование которого в производстве, между прочим, было характерно только для определенного уровня развития производительных сил. Эта триада (двигательная машина — передаточный механизм — машина-орудие) обеспечивала техническое единство механическому производству, т.е. фабрике.

Такое единство, однако, появилось не сразу. Первоначально производство вооружалось только рабочими машинами, не требовавшими, как правило, крупных энергозатрат (так называемая “деревянная механизация” — “дженни”, например), а следовательно, и механической двигательной силы. В таком производстве технологическая пара разрывалась не полностью: частично рабочий все еще объединял в одном лице функции и двигательного и передаточного механизмов. Не став еще фабрикой, оно уже переставало быть и мануфактурой. Эта переходная форма отражала противоречия незрелого технического базиса капиталистической промышленности, сохранявшей во второй половине XVIII в. черты, свойственные мануфактуре. Маркс называл такое производство “современной мануфактурой”, которая по своей сути являлась мануфактурой, переходящей в фабрику. На протяжении десятилетий заведения подобного типа действовали в хлопчатобумажном, суконном и камвольном прядении, шерсточесании.

Параллельно мануфактуре, переходящей в фабрику, развиваются и другие формы организации производства. Если “дженни” в силу своей простоты и дешевизны можно было установить в любом, даже жилом, помещении, то ватерная машина была уже не под силу простому рабочему. Тот же Аркрайт построил специальное здание для своих машин, приводимых в движение от водяного колеса. Уже через пару лет на фабрике работали сотни машин, а на их обслуживании было занято 1500 рабочих. Так возникла новая организация производства и родилась современная фабрика.

По мере увеличения числа машин встал вопрос о двигательной силе. До поры до времени использовали силу воды и ставили заводы по течению рек наподобие мельниц. Это оставило след в английском языке: до сих пор в Англии завод обозначается словом *mill* (мельница). Использовались также тягловый скот и сила ветра. По мере размножения фабрик все эти источники двигательной силы оказывались недостаточными. Выход был найден с изобретением “паровой мельницы”. Ее конструктор шотландский изобретатель Джеймс Уатт потратил более десяти лет на ее разработку: между первым патентом, взятым в 1769 г., и последним 1782 г. он внес множество улучшений, придав ей наконец современную форму. Паровая машина Уатта радикально решила проблему двигательной силы, открыв неограниченные перспективы для машинного производства.

Первоначально значительная часть паровых машин устанавливалась на хлопчатобумажных фабриках. В других отраслях текстильной промышленности они в XVIII в. не прижились. Причин тому несколько. Во-первых, первые двигатели были малоэкономичными, довольно сложными в эксплуатации; во-вторых, неравномерное развитие инфраструктуры сдерживало их распространение вширь (в Йоркшире, например, тонна угля стоила в среднем 5 шилл., а в Траубридже — уже 12 шилл. 9 пенсов); в-третьих, большими дефектами страдал передаточный механизм — вплоть до 30-х годов XIX в. на фабриках и мельницах применялась в основном зубчатая передача, поглощавшая основную часть производимой энергии — более 80%. Вместе с тем по мере совершенствования конструкции универсального парового двигателя и кривошипно-шатунного механизма он уже в XVIII в. нашел применение в металлургии, обработке железа и угольных коях.

Долгое время основным материалом для изготовления машин служило дерево, из металла делали только наиболее ответственные и сложные детали. По мере усложнения механизмов, увеличения скорости их работы металл при их

изготовлении применялся все шире. Однако нехватка металла тормозила этот процесс. Англии приходилось ввозить все больше железа и стали, хотя в самой Англии имелись значительные запасы руды. Их использование упиралось в нехватку древесного угля: уже к началу XVIII в. леса в этой стране были истреблены.

Попытки плавить руду на каменном угле, которым так богаты британские острова, делались уже давно, но без успеха. В 1783 г. эта проблема была решена. Питер Онъон, мастер одного из заводов в Южном Уэльсе, и владелец небольшого металлургического предприятия Генри Корт одновременно и независимо друг от друга открыли новый способ выплавки железа — пудлингование. В течение короткого периода времени пудлингование получило широкое признание и применение. К концу XVIII в. Англия из импортера превратилась в экспортера железа. В свою очередь, выплавка в значительных объемах железа и чугуна стимулировала развитие машиностроения, расширила применение металла в других отраслях.

Применение металла в качестве основного конструкционного материала породило новую проблему — создание эффективного универсального металлообрабатывающего станка, который в конце 90-х годов XVIII в. стал реальностью. В 1794 г. талантливый изобретатель Г. Модсли, работавший на многих промышленных предприятиях, включая известный Вулвичский арсенал, разработал конструкцию подвижного суппорта. После ряда усовершенствований как самого суппорта, так и систем крепления деталей в патроне — У-образной направляющей, ходового винта, ставшей подвижной задней бабки и т.п. — его станок принял вполне современный вид. Примечательно, что самоучка Модсли одним из первых понял важность выпуска стандартных изделий — именно ему принадлежит приоритет в создании стандартов резьб на винтах и гайках.

Таковы важнейшие изобретения XVIII в., составившие этапы промышленного переворота. Однако следует иметь в виду, что в эти десятилетия переворот только начинался и затронул лишь некоторые отрасли. Тем не менее даже эти первые шаги промышленного развития привели к существенным сдвигам в жизни Англии, не только в ее экономике, но и в социальной структуре, размещении населения по стране и даже в его быте.

Главной ареной промышленного переворота была текстильная промышленность, точнее, одна ее отрасль — обработка хлопка и изготовление изделий из него. Этот товар в силу своей дешевизны находил самого массового покупателя, и затраты на его производство быстро окупались. К тому же это была новая отрасль, и поэтому она менее всех других была стеснена различными ограничениями и регламентами, что облегчало ее развитие.

О росте хлопчатобумажной промышленности можно судить по ввозу хлопко-сырца, который полностью ввозился из-за границы. Общий объем его ввоза, до 60-х годов XVIII в. колебавшийся в пределах 2—3 млн фунтов, в начале 70-х годов начал быстро расти и в 1789 г. превысил 32 млн фунтов. Подъем испытали и другие отрасли производства. В те же годы начали расти импорт шерсти и добыча угля. По неполным данным, в тогдашних основных районах добычи угля — Ньюкасле и Сандерленде — с 60-х годов до 1789 г. его добыча возросла примерно вдвое. Производство чугуна с 1720 по 1788 г. выросло почти в 3 раза. Все эти факты свидетельствовали о том, что Англия вступила в полосу быстрого промышленного развития.

Сдвиги в области производства оказали влияние на многие стороны тогдашней жизни, например на транспорт. Англия долго страдала от плохого состояния дорог. Многие товары приходилось переправлять выючными лошадьми, что значительно удорожало доставку. Развитие промышленности и торговли властно требовало улучшения и удешевления транспорта. Первым шагом в этом направлении было возникновение дорожных трестов, которые занимались постоянным ремонтом дорог и за это взимали с проезжающих плату.

Прогресс в технике дорожного строительства в Англии связан с именем Джона Меткара — “Слепого Джека из Незборо”. Действительно, Меткар в возрасте шести лет ослеп от оспы. Однако, несмотря на это, его поразительная способность ориентироваться позволяла ему при прокладке дорог в родном Йоркшире находить самые выгодные пути на пересеченной местности, обходить овраги и спрямлять дорогу. Но главная заслуга Меткара состояла в том, что он первым стал делать дорогу выпуклой для стока воды, а по краям с той же целью прокладывал канавы. Поверхность дороги он укреплял щебнем.

Улучшение дорог позволило на более оживленных направлениях завести дилижансы — большие пассажирские кареты, совершавшие регулярные рейсы. Через определенные промежутки лошадей меняли, что позволяло заметно увеличить скорость на протяженных рейсах. После введения станций замены лошадей почтовая карета стала проделывать путь от Лондона до Манчестера за 28 часов, а ведь еще в 1754 г. для этого требовалось три с половиной дня.

В перевозке грузов прогресс был медленнее: дороги не выдерживали тяжелых грузов. Выход был найден в строительстве каналов. Перевоз тяжелых грузов, например с западного побережья страны на восточное, даже если по суше было совсем близко, по морю обходился гораздо дешевле.

Расположение речных путей в Англии подсказывало их использование для транспорта. Верховья многих рек расположены довольно близко друг от друга, а водоразделы между ними не представляли непреодолимых препятствий. Еще в первые годы XVIII в. многие реки были улучшены: дно углублено, сооружены плотины и шлюзы, что позволило сделать эти реки судоходными почти на всем их протяжении.

Затем наступила эпоха строительства каналов. К середине века Англия накопила уже значительный инженерный опыт для решения крупных проблем этого рода. Самым важным предприятием явилось сооружение канала, связавшего две большие реки — Мерси и Трент, Первая течет на запад и впадает в море у Ливерпуля, вторая течет на восток и впадает в Северное море у Гулля. Канал избавил суда и грузы, идущие в обоих направлениях, от долгого пути вокруг всей страны. Кроме того, канал прошел через густонаселенные промышленные районы центральной Англии, облегчив им связь с внешним миром. Это, а также высокая окупаемость строительства явились причиной начавшейся в конце века каналокопательной лихорадки. В течение только 1788—1795 гг. в прокладку каналов было инвестировано более 8 млн ф. ст. Если учесть, что строительство 1 мили канала обходилось в то время примерно в 10 тыс. ф. ст., то несложные подсчеты показывают, что в сравнительно короткий срок было введено около 800 миль удобных водных путей. Всего же к 20-м годам XIX в. более 4 тыс. судоходных каналов связали крупнейшие промышленные и торговые центры страны. Перевозка товаров значительно упростилась и подешевела.

Быстрое развитие машинного производства не могло не сказаться на положении внутреннего рынка — его рамки оказались слишком узкими, чтобы полностью поглотить лавинообразный поток продукции — в основном хлопчатобумажные ткани и изделия из металла. Поэтому в последней четверти XVIII в. все большее значение начинает приобретать вывоз товаров на внешние рынки. Правда, статистика внешней торговли XVIII в. является отрывочной и неполной, а данные по внутренней торговле вообще отсутствуют. Однако данные о вывозе важнейшего экспортного товара — печатных ситцев — за вторую половину XVIII в. свидетельствуют, что с середины века до 1789 г. он вырос примерно в 2 раза. Свои товары английская буржуазия сбывала повсюду. На первом месте стояли заокеанские страны, особенно колонии. В Африку, например, направлялись хлопчатобумажные ткани, сукно, головные уборы, скобяные изделия и оловянная посуда, оружие и т.п. Важная статья экспорта — товары, обслуживавшие работорговлю: цепи, кандалы, клейма для рабов.

Внешняя экономическая экспансия английской буржуазии, особенно в Азии и тихоокеанском регионе, находила полную поддержку правительства.

Во второй половине XVIII в. на одно из первых мест среди торговых партнеров Англии вышли Северная Америка и Вест-Индия. Только за период между 1716/1720 и 1784/1788 гг. английский экспорт и реэкспорт сюда увеличился на 240%. Энергично развивающиеся североамериканские колонии Англии стимулировали поставку текстильных товаров, изделий из железа, увеличивая тем самым емкость рынка для продукции английской промышленности. Если, например, экспорт продукции английских ремесел и мануфактур в континентальную Европу за первые 70 лет XVIII в. вырос всего лишь на 6%, то за тот же период вывоз аналогичных изделий в Северную Америку подскочил на 687%. Впрочем, значение внешних рынков сырья и сбыта продукции промышленности не стоит переоценивать. В конце XVIII в. они были еще мало освоенными и слабо изученными. В 1770 г. вся продукция английской промышленности оценивалась примерно в 43 млн ф. ст., а вывезено было товаров из страны лишь на сумму в 10 млн ф. ст. (23%). Спустя 40 лет из товаров, произведенных на сумму 130 млн ф. ст., было вывезено их на сумму 40 млн ф. ст. (30%). Не представляет сомнений, что темпы освоения внешних рынков уступали темпам роста английской промышленности.

Влияние сдвигов, происходивших в промышленности, не ограничивалось сферой экономики. Однако воздействие промышленной революции на прочие стороны, прежде всего социальную сферу, только начинало сказываться и проявлялось поэтому еще не в полной мере.

Районы растущей промышленности притягивали к себе население из других районов: в то время как аграрные области теряли жителей, быстро росли новые промышленные города. Манчестер, который в начале XVIII в. представлял собой небольшую деревню, в 80-е годы стал крупным промышленным центром. Вследствие урбанизации численность городских жителей в целом по стране возросла. В середине века они составляли только 15%, а к 1800 г. уже каждый четвертый англичанин стал горожанином. Наряду с ростом городов начинает складываться и все более прогрессирующая специализация отдельных районов страны. Особенно яркие примеры такой локализации промышленности дает текстильное производство: английские ситцы печатались в Ланкашире, сукна и камвольные ткани выпускались на фабриках Уэст-Райднга.

Все большее число людей теряло связь с сельским хозяйством. Англия из страны аграрной постепенно превращалась в индустриальную. Такое превращение не могло не затронуть интересы миллионов людей и пройти безболезненно. Прежде всего резко возросли социальные контрасты: обогащение немногих и рост крупных состояний сопровождался увеличением числа немущих и бедняков, усилением их нужды и страданий. Этот процесс был закономерным результатом развития капитализма. Он происходил во всех странах, где развивались капиталистические отношения, и отличие Англии заключалось лишь в том, что эти контрасты были более резкими и бросались в глаза наблюдателям.

Одновременно происходили изменения внутри имущих классов: на первый план все более выдвигалась буржуазия, прежде всего промышленная — владельцы фабрик и заводов. Они обогащались особенно быстро. Так, простой сельский парикмахер Ричард Аркрайт, о котором упоминалось выше, за два-три десятилетия на своих хлопкопрядильных фабриках нажил огромное богатство и умер миллионером. Правительство возвело его в дворянство. Так же быстро богатели и другие фабриканты, например владелец ситцепечатного заведения Роберт Пиль: и он был возведен в дворянство, а умирая, оставил более миллиона фунтов стерлингов. Его сын стал политическим деятелем и был одно время премьер-министром.

Стремительное обогащение промышленной буржуазии вело за собой измене-

ния в составе и соотношении социальных сил. Земельная аристократия и дворянство, до сих пор державшие в своих руках нити управления страной, были вынуждены все более считаться с интересами и пожеланиями богатеющих промышленников. Наиболее смелые и решительные их представители поговаривали о необходимости реорганизовать состав парламента, предоставив прямое представительство промышленникам. Однако эта реформа была осуществлена лишь много позднее.

Вместе с усилением промышленной буржуазии усиливался и ее антагонист — промышленный рабочий класс. Он существовал издавна, и без него был бы невозможным промышленный переворот. Но в ходе этого переворота изменилась не только его численность, но и состав. До сих пор основную массу рабочего класса составляли люди, которые совмещали наемный труд на дому с ведением собственного небольшого хозяйства: они возделывали огород, держали скот и птицу. Сами они считали себя хозяевами и не оставляли надежду на лучшие времена, когда им удастся расширить свой земельный участок и вернуться в ряды самостоятельных крестьян.

Появление фабрично-заводской промышленности изменило положение рабочего: он превращался в неимущего пролетария, который целиком зависел от наемного труда и без него был обречен на голодную смерть. Иллюзорные надежды “выбиться в люди” и обзавестись своим делом уходили в прошлое. Заводской пролетариат современного типа проникался новой психологией — он приходил к пониманию, что его положение не временное, а постоянное. Он проникся пониманием своей принадлежности к классу пролетариев. Рабочее движение вступало в новый этап — этап сознательной и организованной борьбы.

Условия, определявшие материальное положение английских рабочих, претерпели существенные изменения в течение века. Своеобразие пролетариата этого периода состояло в том, что он находился в переходном состоянии: еще не победила фабричная система — происходило постепенное превращение ремесла в мануфактуру, а мануфактуры в фабрику. И если первый процесс проходил завершающую стадию, то второй только разворачивался. Это и определяло пестроту положения английских рабочих XVIII в.

Действительно, в начале века английский капитал все еще был не в состоянии в полной мере обеспечить реализацию всех потенций нового способа производства. В этих условиях буржуазия была не прочь опереться на плечо государственной власти. Так, минимальная продолжительность рабочего дня определялась в первой половине XVIII в. все еще действовавшим законом 1562 г.: летом — с 5 часов утра до 7—8 часов вечера, зимой — с 5 часов утра до захода солнца, с перерывами на завтрак, обед и ужин. Что же касается его максимальных размеров, то они — и это было выгодно предпринимателям — устанавливались хозяевами заведений самостоятельно. И если в условиях повсеместной распространенности работы на дому в первой половине века, где каждый занятый в производстве сам определял продолжительность своего рабочего дня, проблема эта не стояла очень остро, то в конце века, когда реальностью стали новая фабричная дисциплина и фабричная регламентация труда, вопрос о продолжительности рабочего дня стал одним из важнейших. Владельцы фабрик и мануфактур теперь уже не церемонились и поднимали рабочее время до 17—19 часов в день.

Одним из важнейших показателей экономического положения рабочих является заработная плата. На ее размер влияли многие факторы. В городах, например, рабочие получали более высокую заработную плату, чем в деревнях, существовали и региональные различия. Многое зависело и от состояния экономической конъюнктуры в стране, регионе, отрасли. Наиболее высокооплачиваемыми были тогда рабочие льняной промышленности, трикотажники, красильщики. Словом, высокая заработная плата сохранялась там, где в цене было мастерство и машина еще не в состоянии была заменить мастера-

искусника. Но стоило машине овладеть операцией или процессом, как все менялось самым решительным образом. Массовое применение машин во второй половине XVIII в. вызвало существенное снижение реальной заработной платы, причем не только у рабочих фабрик и заводов, но и у занятых ремеслами — в этом проявилось обратное влияние фабрики на мануфактуру и работу на дому.

Для того чтобы при низких доходах главы семьи можно было хоть как-то свести концы с концами, необходим был заработок и других ее членов — детей, жены. Последняя четверть XVIII в. — начальный этап активного привлечения женщин и детей на фабрики и мануфактуры сначала в хлопчатобумажной, а позднее и в других отраслях текстильного производства. Дети и женщины подвергались неограниченной эксплуатации. Их рабочий день ничем не ограничивался. Предприниматели охотно шли на замену рабочих-мужчин женщинами и детьми — их труд был более дешевым (платили им в 2—3 раза меньше, чем взрослым мужчинам), к тому же они были более послушными и менее способными к сопротивлению. Пополняя рынок наемного труда, они заняли рабочие места мужчин не только в текстильной, но и в других отраслях.

Таковы в кратком описании те процессы, которые происходили в английской промышленности XVIII в. и которые получили наименование промышленной революции. Их сущность заключалась в том, что в развитии производительных сил Англии произошел скачок: на смену медленному, почти незаметному их росту пришла полоса их быстрого и непрерывного подъема⁴.

* * *

Процессы, происходившие в английской промышленности, носили бурный и стремительный характер. Вслед за Англией по этому пути двинулись и другие страны. Промышленная революция являлась как бы порогом, через который переходили все страны, встречавшие эпоху крупной машинной индустрии и оставлявшие позади себя доиндустриальную эпоху.

Как уже отмечалось, Англии удалось ранее других осуществить промышленную революцию благодаря стечению ряда благоприятных обстоятельств. Длительное развитие товарно-денежных отношений привело к появлению повышенного спроса на готовые изделия и товары. Изгнание крестьян с земли крупными землевладельцами способствовало созданию значительных кадров рабочих, вынужденных заниматься наемным трудом, а заморская торговля и колониальная политика ускорили образование больших состояний, необходимых для крупных предприятий. Революция середины XVII в. подорвала всецелое владычество феодалов, а переворот 1688 г. поставил у власти те круги земельного дворянства, которые были тесно связаны с торговлей и капиталистическим предпринимательством: их политика поощряла развитие капитализма. Положительное влияние оказали также другие факты, в частности то обстоятельство, что английская территория на протяжении многих веков не знала иноземных вторжений, обладала значительными запасами горючего (каменный уголь) и других ископаемых и занимала удобное географическое положение на мировых торговых путях. Все это, вместе взятое, создало благоприятные условия для быстрого развития в Англии капиталистических отношений.

В результате уже к началу XVIII в. в Англии появились два важнейших условия промышленного переворота — складывание свободных капиталов и формирование резервной рабочей силы — две стороны первоначального накопления.

Эти процессы не представляли собой монополии Англии: в других странах Западной Европы происходили аналогичные процессы, хотя и в более медленном

⁴ Об этом говорили многие признаки, в частности рост числа изобретений: так, за всю первую половину XVIII в. в Англии было взято 199 патентов на изобретения, т.е. примерно по 4 патента в год, в то время как только за одно десятилетие (1781—1790) был взят 451 патент, или по 45 патентов в год.

темпе. Особенность Англии заключалась в том, что здесь все шло гораздо быстрее и в более чистых, отчетливых формах. Англия не всегда занимала лидирующие позиции в европейской экономике. До начала XVIII в. на эту роль претендовала Голландия с огромным торговым флотом и мировой торговлей. Голландские банки кредитовали мировую торговлю. Однако удержаться на этой позиции Голландии не удалось. Ограниченные размеры территории, отсутствие естественных ресурсов и незначительная численность населения лимитировали экономическое развитие страны.

До середины XVIII в. на роль лидера в европейской экономике претендовала также и Франция. У этой страны были известные преимущества перед Англией. Ее население по численности превосходило население Англии более чем вдвое. Значительно больше и богаче была территория Франции. Ее промышленность и торговля, в том числе заморская, делали большие успехи. По числу технических изобретений в середине века Франция обгоняла Англию.

Однако с середины XVIII в. Англия начала явно выдвигаться вперед, превосходя Францию по ряду показателей, прежде всего по торговым оборотам. Одной из причин отставания Франции был тяжелый груз феодальных пережитков. В то время как в Англии революция середины XVII в. устранила все остатки феодальной системы, которые тормозили развитие капиталистических отношений, во Франции эта система держалась вплоть до 1789 г. Бюрократический произвол властей в центре и на местах стеснял инициативу, а таможенные рогатки между провинциями ограничивали развитие внутреннего рынка.

Глава 14

СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЕВРОПЕ В XVIII ВЕКЕ (до 1789 г.)

Гегемонистские планы Людовика XIV, опиравшиеся в большой мере на ресурсы, которые доставляло абсолютистской монархии во Франции быстрое развитие буржуазного уклада, потерпели неудачу прежде всего из-за консолидации раннебуржуазных государств и утверждения превосходства Англии как страны промышленного капитализма над страной торгового капитализма — Голландией. Постепенное складывание новой системы государств, в которой решающая роль принадлежала пяти наиболее сильным державам — Франции, Англии, России, Австрии и Пруссии, выявило и главные сферы их борьбы на континенте, к которым относились раздробленные Италия и Германия, Польша и находившиеся под турецким владычеством Балканы. На протяжении XVIII в. главными конфликтами между европейскими державами была борьба Англии и Франции за морскую и колониальную гегемонию, Австрии и Пруссии — за преобладание в Германии, России — за выход к Балтийскому и Черному морям, что сталкивало ее прежде всего со Швецией и Османской империей. К этим решающим для судеб континента противоречиям, которые нередко самым причудливым образом переплетались друг с другом, примыкали конфликты меньшего значения — сходявшая на нет франко-австрийская борьба за Южные Нидерланды, австро-турецкая — за Балканы, конфликт между Англией и Испанией из-за торговли с испанскими владениями в Западном полушарии и другие, к которым в начале последней четверти века прибавилась освободительная борьба британских колоний в Северной Америке против угнетавшей их метрополии.

При коренном различии раннебуржуазных и феодальных государств в их социальном и политическом строе было немало общих черт. Это было связано с

сохранением многочисленных пережитков феодализма в раннебуржуазных государствах и влиянием, которое оказывал растущий капиталистический уклад на политику, особенно внешнюю, абсолютистских монархий. В борьбе за морское торговое и колониальное преобладание были прямо заинтересованы как верхушечные слои буржуазии, так и значительная часть дворянства, получавшие, хотя и в различной форме, большие выгоды от захвата внешних рынков и грабежа заморских владений. Именно поэтому и у тех и у других государств при определении внешнеполитических задач могли фигурировать сходные торговые, династические, а иногда даже и религиозные мотивы. Это подобие, все же было лишь частичным и порой даже чисто внешним, простым облачением в привычные одеяния целей, которые преследовались различными общественными группами и успешная или безуспешная борьба за которые имела объективно разные общественные результаты. Однако существующая степень схождения внешнеполитических целей создавала у современников — будь то монархи и их министры или просветители, критиковавшие политику правительства, — представление об однородности этих целей и побуждала дипломатов исходить в своих действиях из такого убеждения.

В условиях сосуществования раннебуржуазных и феодально-абсолютистских государств, быстрого прогресса буржуазного уклада в феодальных странах новые интересы нередко находили выход в попытках отдельных государств расширить свои владения путем династических браков, использования права наследования или ссылками на старинные права и привилегии. При различии объективных исторических условий внешне сходные династические мотивы служили выражением различных социальных интересов, имели объективно разное историческое значение. Ими обосновывались и стремление к сохранению новых буржуазных порядков, и требование реставрации абсолютизма, и сопротивление иноземным захватчикам, и борьба за воссоединение народностей в исторически устоявшихся границах, и процесс их консолидации, и тенденции к увековечению раздробленности. Однако чаще всего династические мотивы служили привычным прикрытием борьбы за захват чужих земель, за раздел колониальной добычи, за торговое преобладание, в которой с равным рвением участвовали господствующие классы и феодальных, и раннебуржуазных государств.

В XVIII в. религиозный мотив практически не играл сколько-нибудь серьезной роли в сфере межгосударственных отношений. Уже во времена Людовика XIV столпы протестантизма — Англия и Голландия — вступили в союз с австрийскими Габсбургами. А в борьбе за австрийское наследство в 40-е годы XVIII в. протестантская Пруссия действовала в союзе с католическими Францией, Баварией и Испанией против императора и Англии. Очень характерно, что религиозный вопрос редко поднимался — даже в целях пропаганды — и тогда, когда дипломатическая ситуация приводила к формированию коалиций, в одну из которых входили преимущественно протестантские, а в другую — католические государства. Так было во время Семилетней войны.

Большинство войн XVIII в. были, как и в предшествующий период, коалиционными войнами. Это способствовало дальнейшему развитию дипломатии. Во многих странах были созданы ведомства иностранных дел с четкой структурой и штатом чиновников, включавшем, помимо дипломатов, также переводчиков, шифровальщиков и архивистов. Значительно увеличилось число постоянных дипломатических миссий во всех европейских столицах, которые также обзаводились специально подготовленным персоналом. Вместе с тем занятие главных должностей во внешнеполитическом ведомстве было по-прежнему дворянской привилегией, и дипломаты различных стран рассматривали себя как членов своего рода закрытого аристократического сообщества, установившего обычаи и нормы поведения. Французский язык в XVIII в. фактически полностью вытеснил латынь в качестве международного языка дипломатов, как и всего космополитически настроенного дворянства (единственным, притом частичным, исключением

здесь оставалась Великобритания). По-прежнему о ходе дипломатических переговоров были осведомлены в большинстве стран лишь монархи и узкий круг их приближенных.

Этот круг еще более сузился в абсолютистских государствах после ликвидации сепаратизма вельмож и их контактов с иностранными правительствами. Фридрих II считал, что "публика", состоявшая в большинстве своем из людей, не обладающих достаточным умом, знаниями и рассудительностью, к тому же вдобавок незнакомя с проблемами, которыми приходится заниматься дипломатам, не имеет права вмешиваться в политику. Прусский король, давая аристократическую трактовку любимой идее просветителей о Разуме как высшем суде, объявлял, что им обладают только немногие избранные, а государственным Разумом — исключительно лица, стоящие на вершине власти. Лишь в раннебуржуазных государствах (а также в старых итальянских торговых городах-республиках и некоторых германских имперских городах, утративших прежнее значение в международной политике) несколько тысяч человек, составлявших верхушку правящих классов, имели право быть осведомленными о том, как осуществляется правительством внешняя политика их стран.

Идея преемственности внешней политики при смене у кормила правления монархов и министров далеко не была утвердившейся практикой. Эта тенденция начинала пробивать себе дорогу в раннебуржуазных государствах, особенно в Англии, где победа на выборах партии тори или вигов лишь в редких случаях, и то частично, приводила к нарушению преемственности в проведении внешнеполитического курса.

Эти новые веяния в дипломатии сопровождало утверждение идеи баланса сил как господствующей теории международных отношений, пришедшей на смену прежним устаревшим концепциям христианского единства или божественного права монархов. Впрочем, нередко действия на основе принципа баланса сил оказывались невыгодными, и не только потенциально наиболее сильной державе. Как уже отмечалось, Кромвель заключил союз с Мазарином, чтобы лишить французской поддержки находившегося в изгнании Карла II и оставить ему лишь возможность искать помощи у ослабевшей Испании. В 1672 г. пресловутое "министерство Кабал" по указанию Карла II предало партнера Англии по Тройственному союзу — Нидерланды, предпочитая воевать вместе с могущественным Людовиком XIV против голландцев, чем с голландцами против французского короля. "Великий курфюрст" Фридрих-Вильгельм постоянно колебался между участием в антифранцузских коалициях и попытками убедить Людовика XIV, что Пруссия может успешно заменить Швецию в качестве младшего партнера Франции в Центральной и Восточной Европе.

В последней трети XVII в. доктрина равновесия, еще недавно использовавшаяся Францией в борьбе против Габсбургов, стала рассматриваться в Версале как направленная против французских интересов. Уже в 1665 г. в инструкциях послу Людовика XIV в Венеции говорилось, что ее война против Турции — во французских интересах, поскольку республика Св. Марка наверняка поддержит противников Франции. Ведь принципом Венеции является "поддержание равновесия силы, и с этой целью она всегда принимает сторону менее сильного". Напротив, после заключения в 1697 г. Рисвикского мира британская палата общин объявила, что он "дал возможность Англии поддержать баланс сил в Европе". И позднее целью ежегодно вотируемых парламентом финансовых ассигнований на содержание армии объявлялось "поддержание баланса сил в Европе". В самой Франции пропаганда идеи баланса сил стала формой скрытой критики завоевательных войн Людовика XIV.

Идея равновесия сил получила дальнейшее развитие после Утрехтского мира, поскольку на протяжении длительного времени в Европе не существовало четко оформленных двух лагерей, возглавляемых наиболее сильными государствами. Пытаясь выявить, не возникают ли из столкновения эгоистических интересов

отдельных государств законы, определяющие функционирование всей системы международных отношений, многие политические теоретики считали, что таким законом является утверждение баланса сил. В определяемом опытным путем балансе сил принимались во внимание не только размеры территории и многочисленность населения или даже размеры национального богатства. Пруссия с ее скудными экономическими ресурсами сумела занять место в ряду великих держав, тогда как Нидерланды, оставаясь в XVIII в. одной из богатейших европейских стран, превратились во второразрядное государство. В расчет принимались потенциальные материальные средства, которые правительство могло мобилизовать для содержания вооруженных сил, численность и качество армии, которую оно было в состоянии выставить против неприятеля, срок, в течение которого оно могло выдерживать бремя, связанное с ведением военных действий.

После Утрехтского мира, не теряя своего значения как единственной в то время возможности временного сохранения мирных отношений между тогдашними государствами, доктрина баланса сил постоянно использовалась и как обоснование войны, которые велись якобы в целях поддержания “европейского равновесия”. Именно поэтому эта доктрина вызывала противоречивое отношение к себе в лагере просветителей. Идея баланса сил была явно близка идее равновесия внутренних социальных сил, баланса политических инструментов — законодательной, исполнительной и судебной власти. Эта идея после Монтескье считалась большинством идеологов Просвещения необходимым условием рационального общественного и государственного устройства. В середине века знаменитый философ и историк Д. Юм в специальном труде доказывал, что поддержание равновесия сил обеспечивает “свободу Европы”. А известный шотландский историк У. Робертсон считал, что баланс сил “создает систему общественной безопасности”, является “великой тайной современной политики”, мерил прогресса, достигнутого народами Европы. Даже Руссо признал равновесие внешнеполитических сил “творением природы”. Этот вывод в известном смысле отображал исторический оптимизм идеологов Просвещения, их веру в возможности достижения мирным путем состояния общественной гармонии. Вместе с тем просветители критиковали теорию баланса сил как создающую предлог для развязывания войн.

Заигрывавший с идеями Просвещения прусский король Фридрих II еще в своем юношеском сочинении “Антимакиавелли” писал, что мир в Европе может быть обеспечен только путем сохранения равновесия сил. Как показал опыт, Фридрих II долгое время пытался утвердить за Пруссией роль государства-балансира между Францией и Англией, с тем чтобы обеспечить себе тыл для осуществления завоеваний в Центральной Европе. В самой Германии Фридрих считал необходимым, особенно в 1740-х годах, укреплять Баварию как противовес Австрии. Фридрих II, выражая распространенное мнение, утверждал, что “основным правилом правительств является принцип расширения подвластных им территорий”, а также, что для “безопасности и роста благосостояния государства следует при определенных обстоятельствах нарушать договоры”. Вместе с тем даже во время своих завоевательных походов, и особенно когда надо было закреплять захваченные территории, прусский король объявлял себя в принципе поборником идеи равновесия сил как гарантии “независимости и свободы Европы”¹. Напротив, Екатерина II сразу же в 1771 г. отвергла этот принцип, когда с его помощью Россию пытались заставить отказаться от плодов победоносной войны против Османской империи.

Особо часто к идее баланса сил апеллировали в Англии. В анонимном памфлете, изданном в 1748 г., указывалось, что под “балансом сил англичанин

¹ Gollwitzer H. Europabild und Europagedanke: Beiträge zur deutschen Geistengeschichte des 18. und 19. Jahrhunderts. 2. Aufl. München, 1964. S. 76 f.

понимает такое соотношение различных интересов за рубежом, при котором обеспечиваются торговля, мир, свобода и религия его страны". Идея равновесия воспринималась в Англии как принцип, наилучше способствующий сосредоточению главного внимания и материальных ресурсов на завоевании торговой и колониальной гегемонии, а автоматизм действия "баланса" должен был избавлять Англию от излишних расходов на поддержку континентальных союзников. У. Питт Старший во время войны за "австрийское наследство" доказывал, что, поскольку все европейские страны заинтересованы в поддержании равновесия сил на континенте, которое невозможно без ослабления могущества Франции, для Англии нет нужды проявлять больше других рвения в этом деле. Министр иностранных дел Франции Шуазель в 1750 г. не без основания отмечал, что Англия, "претендуя на то, что поддерживает баланс сил на суше, которому никто не угрожает, полностью разрушает баланс сил на море, который никто не защищает".

Меркантилистские доктрины сохраняли господство над умами. Точку зрения, согласно которой вред для иностранного государства является пользой и выгодой для отечества, еще в середине века отстаивал не только прусский "король-философ" Фридрих II, этого же воззрения придерживался и Вольтер. Однако уже через четверть века Мирабо называл подобный взгляд "гнусным и достойным государственного деятеля XI столетия".

В мануфактурный период развития капитализма торговая гегемония влекла за собой промышленное преобладание. Путь к быстрому развитию мануфактуры, долгое время ощущавшей отставание внутреннего рынка от ее растущих производственных возможностей, лежал через утверждение как можно более прочного положения на мировом рынке. Завоевание его в условиях протекционистской политики всех европейских держав, стремления метрополий к монополизации торговли с колониями представлялось возможным только в результате успешных войн против торговых соперников. В середине века емкость внутреннего и внешнего рынков стала постепенно обгонять возможности мануфактурного производства, что послужило сильным импульсом к развертыванию промышленной революции в Англии. Однако первоначально это расширение рынков ощущалось только как возрастание размеров добычи, за которую велись торговые войны, и лишь способствовало увеличению масштабов этих войн.

Торговое соперничество между Англией и Францией продолжало развиваться в течение всего XVIII в. В определенном смысле оно являлось звеном объективно развертывавшегося экономического соревнования между феодализмом и капитализмом. Это соревнование в течение первой половины века развивалось отнюдь не всегда в пользу буржуазной Англии, чему способствовал целый ряд причин, прежде всего наличие феодальных пережитков в экономике и государственном строе, тормозивших развитие британского капитализма, и то, что ему противостоял французский феодализм в союзе с мануфактурным капитализмом, по темпам развития даже временами догонявшим своего соперника за Ла-Маншем. Это резко увеличивало и без того мощные ресурсы, находившиеся в распоряжении Версальского двора.

Многokrатно становилась реальной и никогда полностью не исчезала возможность французского десанта на английской территории. Иногда эта угроза сознательно муссировалась Парижем, чтобы оттянуть британские войска с других театров военных действий. Французская армия, которую можно было высадить в Англии, обычно численно намного превосходила британские войска, включая даже плохо обученное и вооруженное ополчение — милицию графств. Британия, правда, обладала превосходством на море, но оно редко бывало неоспоримым, особенно когда Франция могла рассчитывать на помощь союзников. Кроме того, в эпоху парусного флота непредсказуемые перемены ветров могли помешать английским эскадрам преградить путь французским кораблям, направлявшимся с десантом к берегам Великобритании или Ирландии.

Наиболее коротким был путь через Ла-Манш в Юго-Восточную Англию. Однако французские порты Кале, Булонь, Дьепп, Гавр, Сен-Мало каждый в отдельности были слишком малы, чтобы в них можно было сконцентрировать транспорты, способные перевезти большую армию. К тому же узкий вход в эти гавани мешал быстрому отплытию всего флота: вышедшим в море кораблям приходилось дожидаться остальных судов, которые не успевали покинуть порт за время прилива, и подвергаться опасности нападения со стороны англичан. Обычное направление ветров давало французской эскадре либо возможность укрыться от нападения более сильного неприятеля в устье Шельды во Фландрии — а оно находилось большую часть времени в руках противников Франции, — либо для возвращения на родину огибать с севера Британские острова. Пример испанской Непобедимой Армады (1588 г.), которая на этом пути растеряла добрую половину своих кораблей, был хорошо усвоен в Версале. Именно эти факторы придавали особое стратегическое значение устью Шельды и всей Фландрии в борьбе между европейскими державами.

Наряду с возможностью высадки большой армии на Юге Англии не исключалась возможность французского десанта в Ирландии и Шотландии, где неоднократно вспыхивали руководимые якобитами (сторонниками свергнутой династии Стюартов) восстания против английского правительства. Такого рода попытки предпринимались, но не дали ощутимого результата. Неудачей окончились и английские нападения на французские гавани на побережье Ла-Манша, при планировании которых в Лондоне порой рассчитывали на помощь подвергавшихся преследованию французских гугенотов и даже на поддержку со стороны участников крестьянских и городских восстаний.

Войны XVIII в. иногда называют кабинетными. Известный немецкий военный теоретик Клаузевиц писал, что “кабинет считал себя по существу владельцем и управляющим крупным имением, которое он всегда стремился расширить, но подданные этого имения не были заинтересованы в этом расширении... так как правительство все больше отделялось от народа и лишь себя считало государством, то и война стала только деловым предприятием правительства, проводимым на деньги, взятые из своих сундуков, и посредством бродячих вербовщиков, работавших как в своей стране, так и в соседних областях”²

В конце XVII и первой половине XVIII в. произошло повсеместное введение прикрепляемого к дулу штыка и ружейного кремневого замка, упростившего процесс заряжания. Были фактически упразднены пики. Пехота получила устойчивую единообразную организацию, армия состояла из батальонов в 500—700 человек, являвшихся тактическими единицами. Батальон для специальных целей подразделялся на роты. Несколько батальонов образовывали полк. Пехота сражалась в сомкнутом строю, построенная в две линии по три-четыре шеренги в каждой. Линейная тактика, крайне ограничивавшая подвижность и маневренность армии, была следствием изменения не только в вооружении, но и в составе солдатской массы. Служба простым солдатом, которая еще в начале XVII в. совмещалась с общественным положением незнатного дворянина, в XVIII в. стала считаться несчастьем.

Обращение к моральному фактору в обучении рекрутов, к чувству патриотизма было чуждо армии, нередко состоящей в значительной части из иностранных наемников. Загнанных крайней нуждой, завлеченных хитростью или обманом людей можно было удерживать в повиновении лишь с помощью самых суровых наказаний за малейшие провинности. Только страх заставлял солдата выносить жизнь, полную лишений, скудную пищу, нященскую плату и непрерывную изнурительную муштру с целью заставить его механически исполнять любые приказы в бою. По мнению прусского короля Фридриха II, на

² Клаузевиц К. О войне М., 1934. С. 541.

храбрость солдат можно было рассчитывать, только если они боялись своего офицера больше, чем неприятеля. Единственным способом спасения от казарменного ада было дезертирство, и этим средством широко пользовались при любой представившейся возможности.

Однако никакая дисциплина не могла сохранить такую солдатскую массу в повиновении, если не была налажена более или менее исправная работа интендантской службы, которая должна была действовать в условиях бездорожья на большинстве театров военных действий. Во время войн Людовика XIV была введена так называемая пятимаршевая система, при которой войско не могло удаляться от своей базы снабжения более, чем на пять дневных переходов. После этого следовала остановка, продолжавшаяся до тех пор, пока не производилась передислокация складов и пекарен. Но и с грехом пополам накормленного солдата можно было удерживать на поле боя только в сомкнутых шеренгах его батальона, лишь под постоянным присмотром офицеров.

Дороговизна содержания постоянных армий, длительность срока, требовавшегося для обучения новобранцев, крайне усложняли задачу восполнения потерь, понесенных в ходе военных действий. Все это (наряду, конечно, с нередко ограниченными целями самой войны) побуждало полководцев без крайней необходимости не вступать в крупные битвы. Многие кампании, как, например, война за польское наследство (1733 г.) или за баварское наследство (1778 г.), обошлись вообще без единого сражения.

В новых постоянных армиях была введена военная форма, а поставка сукна для мундиров явилась важным рынком для шерстяных мануфактур, так же как превратилась в значительную отрасль торговли продажа продовольствия на армейские склады. Большие постоянные армии нового времени в Западной Европе стали возможны лишь на определенном этапе развития абсолютизма, когда он, покончив с сепаратизмом знати, уже обладал централизованной машиной управления, когда достиг значительного развития буржуазный уклад, экономические ресурсы которого были необходимы для содержания и боевого снаряжения этих армий. В то же время создание постоянных армий отвечало классовым интересам дворянства, сохранявшего почти монопольные права на занятие офицерских должностей. В раннебуржуазных странах существовало прочное предубеждение буржуазии против постоянных армий как средства, которое монархия могла использовать в попытках реставрации абсолютизма. Против постоянных армий ополчились просветители. Монтескьё, Вольтер называли солдат наемными убийцами, палачами нации. Об этом же писала “Энциклопедия”. Физиократы предлагали заменить дорогостоящее войско ополчением. С таким же предложением выступал и Руссо, ссылавшийся на пример Швейцарии, не имевшей постоянной армии.

В конце XVII в. представление об исторически сложившейся общности европейских народов быстро освобождалось от религиозной оболочки. На смену прежнему представлению о христианском единстве пришло представление об определенном единстве исторических судеб и даже интересов народов континента. Монтескьё в “Размышлениях об универсальной монархии в Европе” писал: “Европа — не что иное, как большая нация, составленная из малых”. Вольтер в “Веке Людовика XIV” (1751) считал, что Европа является большой республикой, включающей государства, в которых существует монархическая или смешанная форма правления, с единой религией, хотя и разделенной на несколько вероисповеданий, но являющейся общей основой гражданского и политического законодательства. Это определение Европы как своего рода республики восприняли даже авторы трактатов по теории международного права. На деле националистические чувства вряд ли ослабели. Английский писатель Оливер Голдсмит рассказывает об услышанных им высказываниях рьяных “патриотов”, уверявших, что “голландцы — кучка алчных негодяев, французы — сборище угодливых льстецов, немцы — запойные пьяницы и обжорливые скоты, испанцы — чванливые и грубые тираны и что в храб-

рости, великодушии, милосердии и всех других добродетелях англичане превосходят весь остальной мир". Особенно усердно повторялось утверждение, что французы — жалкие идолопоклонники, которые каждое воскресенье ходят слушать мессу и боготворят римского папу, и что они извечные враги английского народа. А на другой стороне Ла-Манша учили презирать англичан как грубых необразованных варваров, чуждых изящному вкусу и гуманности. В XVIII в. общественное мнение еще не было "гуманизировано" и было незачем скрывать зависть и вражду наций, порожденную торговым соперничеством.

Дворянский космополитизм правящих кругов, накладывавший свой отпечаток и на дипломатию, и на ведение войн, находил своеобразное дополнение в историческом идеализме большинства деятелей Просвещения, видевших во внешней политике и вооруженном противоборстве государств лишь наследие варварского феодального прошлого, "забаву монархов", наследие, которое противоречит велениям разума и жертвами которого становятся народы и дело общественного прогресса. Прав был Ф. Меринг, отмечавший, что западно-европейские войны XVIII столетия, поскольку они презирали всякую моральную силу, не могли иметь влияния на дух народов или пробудить в них национальный дух³. Сравнительно ограниченные цели враждующих сторон, ведение войны с помощью постоянных наемных армий также способствовали такому отчуждению войн XVIII в. от мирного населения. Несмотря на приносимые ими бедствия, войны занимали сравнительно скромное место в духовной жизни народов Европы. В переписке Лессинга, в самый разгар Семилетней войны жившего в Лейпциге — центре Саксонии, захваченной и разграбленной пруссаками, например, в 1757 г., в месяцы, когда неподалеку происходили крупнейшие сражения, среди пространных рассуждений по различным проблемам филологии нет даже упоминаний о войне или тем более каких-либо проявлений чувств по поводу побед и поражений той или иной из враждующих сторон.

* * *

Утрехтский договор подвел черту под планами утверждения гегемонии Франции, хотя внук Людовика XIV, Филипп V, и сохранил испанскую корону. Фактически Утрехтский мир оформил реальное соотношение сил в Западной Европе, которое не претерпело существенных изменений в течение последующих трех десятилетий.

В правление Людовика XIV Франция была последним по времени феодальным государством, претендовавшим на общеевропейское преобладание. Система государств, сложившаяся после 1715 г., сделала нереальным выдвижение таких притязаний. Быстрое возрастание могущества России, превращение ее в великую державу, наиболее мощную силу в Восточной Европе, исключило возможность успеха таких планов гегемонизма. Резкое сокращение удельного веса Швеции, нередко игравшей роль младшего партнера Франции, лишило Версальский двор возможности заставлять своего традиционного противника — Австрию вести борьбу по крайней мере на два фронта. Что же касается третьего фронта — против Османской империи, то он стал отвлекать значительно меньше австрийских сил, благодаря тому, что Вена могла вести эту борьбу вместе с Россией, и вследствие значительного ослабления Турции. На Западе Европы постоянно усиливалась экономическая мощь Англии, заинтересованной в том, чтобы не допустить господствующего положения на континенте какой-либо одной державы и чтобы самой играть роль арбитра в спорах между другими европейскими государствами. Быстрое усиление Пруссии, создавшей противовес Австрии в Германии, сделало вместе с тем невозможным ни для одной из них занять преобладающее положение в Центральной Европе.

³ Меринг Ф. Очерки по истории войны и военного искусства. М., 1925, С. 223.

До Утрехтского мира коалиционная война являлась борьбой разнородной группировки государств против державы, претендующей на европейскую гегемонию, и ее вассалов. В последующие десятилетия войны велись между двумя враждебными коалициями государств, каждое из которых преследовало цели, далеко не совпадающие с целями своих союзников. Это различие было часто причиной медлительности действий союзников, затяжных дипломатических согласований общей стратегии, длительного формулирования общих военных планов. Полное военное сокрушение противника, которое повлекло бы за собой изменение баланса сил, могло входить в планы одного, но никак не всех участников коалиции. А сравнительная ограниченность целей войны, порожденная в немалой степени характером тогдашних армий, в свою очередь оказывала воздействие на их стратегию и тактику.

В войнах конца XVII и начала XVIII в. оказались слитыми борьба между Францией и морскими державами за торговую и колониальную гегемонию с борьбой европейских держав против угрозы утверждения французской политической гегемонии на европейском континенте. Исчезновение после Утрехтского мира угрозы французского преобладания при всех выгодах, которые это давало Англии, имело, с точки зрения британских дипломатов, и серьезный минус. Оно крайне усложняло формирование антифранцузских коалиций в составе Англии и континентальных держав, которые позволяли бы Лондону воевать на суше преимущественно чужими руками. Устранение французской опасности выдвинуло на первый план как тлевшие старые, так и возникавшие новые разногласия между бывшими участниками коалиции против Людовика XIV. Это делало создание столь широких союзов, которые включали, кроме Франции, все главные западноевропейские державы (как во время прежних войн), уже неразрешимой задачей. Впрочем, в первые десятилетия после 1715 г. английская дипломатия и не ставила себе подробной цели.

Владения, которых Испания лишилась по Утрехтскому миру, в своей основной части перешли к императору. Правительство нового испанского короля Филиппа V считало эти уступки вынужденными и временными. Правда, было бесперспективным стремиться к возвращению ставших австрийскими Южных Нидерландов — морские державы ни за что не допустили бы перехода этой страны под власть монарха из дома Бурбонов. Напротив, казалось вполне разрешимой задачей возвращение утраченных итальянских территорий, которые сотни лет находились во владении Испания и в защите которых император не мог рассчитывать на поддержку потенциальных союзников. Большое влияние на политику мадридского двора оказывала вторая жена Филиппа V, итальянка Елизавета Пармская, мечтавшая выкроить из отвоеванных территорий княжества для своих сыновей. Ее ставленник — первый министр Альберони приступил к осуществлению этих планов. В 1717 г. испанцы отняли у императора остров Сардинию и начали вытеснять австрийцев из Сицилии.

Против попытки нарушить установленный баланс сил выступили наряду с императором не только морские державы, но неожиданно и Франция; они образовали Четверной союз. Дело в том, что после смерти Людовика XIV отношения между обоими бурбонскими дворами стали очень натянутыми. Филипп V не признавал права герцога Орлеанского являться регентом во время малолетства короля Людовика XV. Разумеется, у Мадрида не было никаких шансов в борьбе против Четверного союза. Английский флот, разбив испанцев у мыса Пассаро, отрезал их войска в Сицилии. Правительство Филиппа V должно было пойти на переговоры, временно отказавшись от своих далеко идущих планов. Австрия, в обмен на передачу Испании Сицилии, вернула себе Сардинию, сделала более компактной цепь своих владений в Италии. В Мадриде рассчитывали, что в случае смерти Людовика XV, который в детские годы часто болел, французский престол перейдет к Филиппу V. Тем временем испанский посол в Париже князь Челламаре организовал заговор против регента, которого

намеревались отстранить от власти и передать его пост сыну Людовика XIV от его фаворитки Монтеспан герцогу Мэну. В декабре 1718 г. заговор был раскрыт, рядовые его участники были отправлены на эшафот, и все это никак не улучшило отношения между бурбонскими дворами.

Направленный первоначально против Испании, Четверной союз пытался вмешаться в роли посредника в Великую Северную войну и лишить Россию большей части плодов ее побед. Главной движущей силой антирусской политики выступила Англия, пытавшаяся использовать против Петра I как Австрию, так и Францию. Однако план совместного военного выступления Англии, Франции, Австрии, Османской империи и ряда других держав против России потерпел в 1719—1720 гг. полную неудачу.

Четверной союз был сугубо временной дипломатической комбинацией. Он состоял из государств, разделяемых острым соперничеством в торговых и колониальных вопросах. Правда, в то время как правительство регента, готовившееся передать власть Людовику XV и к тому же учитывавшее, что Франция еще далеко не оправилась от войны за испанское наследство, так и Англия, где кабинет Р. Уолпола был озабочен прежде всего упрочением политического устройства 1688 г., утвердившегося с воцарением в 1714 г. Ганноверской династии, избегали открытой конфронтации.

Неустойчивое англо-французское сотрудничество обосновывалось стремлением обеих сторон поддерживать зафиксированный Утрехтским миром баланс сил в Западной Европе. Эта выжидательная позиция главных соперников создавала почву для образования и разрушения ряда эфемерных дипломатических комбинаций, являвшихся скорее прологом к внешнеполитическим союзам последующего полустолетия. В начале 20-х годов в результате секретных переговоров было достигнуто соглашение о возобновлении альянса между Парижем и Мадридом, который должен был быть скреплен женитьбой Людовика XV на испанской инфанте. Однако в Париже не стали ждать достижения невестой совершеннолетия и в стремлении поскорей обеспечить рождение наследника престола принялись подыскивать другие кандидатуры.

Обещанная Францией поддержка притязаний инфанта дона Карлоса на Тоскану и Парму также не была сколько-нибудь действенной. Тогда Мадридский двор, совершив крутой поворот, попытался договориться с императором. Однако и заключенный в 1725 г. Венский договор не приблизил испанское правительство к достижению его целей. Из испано-австрийского сближения ничего не вышло, и правительство Филиппа V снова стало стучаться во французскую дверь.

Благоприятный отклик последовал далеко не сразу, поскольку Версальский двор не собирался предпринимать какие-либо серьезные действия против императора, не заручившись поддержкой Англии. А правительство Уолпола явно не считало, что переход под власть Австрии тех итальянских территорий, на которые зарилась Испания (в 1730 г. австрийские войска заняли Парму), сколько-нибудь подрывает “европейское равновесие” или, точнее говоря, вредит английским интересам. Поэтому в Лондоне не только холодно отнеслись к испанским домогательствам, но и заключили в 1731 г. новое соглашение с Веной. По этому соглашению император получил поддержку Англии (как еще до того он добился такой поддержки от некоторых других держав) в наиболее важном тогда для него вопросе — о порядке престолонаследия в австрийских владениях. У Карла VI не было сыновей, только дочь — Мария Терезия, к которой по совокупности старинных законов должна была перейти лишь часть наследственных габсбургских владений. В 1719 г. Карл VI издал так называемую Прагматическую санкцию, согласно которой Мария Терезия объявлялась единственной преемницей своего отца. Под ее властью должны были и сохраняться все наследственные земли Габсбургов — Австрия, Венгрия, Чехия, Южные Нидерланды и владения в Италии.

Карлу удалось добиться признания Прагматической санкции в габсбургских

владениях, но его было явно недостаточно без твердых международных гарантий. Получить такие гарантии и стало целью австрийской дипломатии. Заручившись еще в 1726 г. гарантией России, а в 1731 г. Англии, Вена в том же году достигла такого же одобрения Прагматической санкции со стороны Испании в обмен на очищение от австрийских войск Пармы, которая была уступлена дону Карлосу. Но эти уступки не удовлетворили Испанию, в 1733 г. заключившую наконец союзный договор с Францией. Во время войны за польское наследство Австрия, выступавшая совместно с Россией в Восточной Европе и с трудом сдерживавшая новый натиск турок, которых подстрекал Версальский двор, не имела сил для противодействия войскам Франции и Испании.

По Венскому мирному договору, заключенному в 1738 г., Лотарингия была уступлена изгнанному из Польши Стаииславу Лещинскому, на дочери которого был женат Людовик XV. Неаполь и Сицилия были переданы дону Карлосу, который неохотно отказался в пользу австрийцев от Пармы. Тоскана перешла к супругу Марии Терезии — Францу Стефану Лотарингскому, потерявшему свое прежнее владение, Франция согласилась гарантировать Прагматическую санкцию, от признания которой, однако, по-прежнему уклонялся ряд европейских государств. Этот крайне неудачный для Австрии договор был дополнен Белградским миром 1739 г., по которому была утеряна большая часть приобретений, сделанных Австрией на Балканах в ходе войн против турок в течение предшествовавшего столетия.

К этому моменту снова выдвинулось на передний план и прежде острое торговое соперничество между Англией и Францией. За столетие между “славной революцией” 1688 г. и Великой французской революцией около 35 лет приходится на войны между Францией и Англией. И это не считая того времени, когда происходила вооруженная борьба в Северной Америке без формального объявления состояния войны между обоими государствами. Хотя французские купцы и не добились права установления прямых торговых связей с испанскими колониями, им удалось оттеснить англичан в разрешенной мадридским правительством торговле через порт Кадис и в контрабандном ввозе товаров в Южную и Центральную Америку. Острая конкурентная борьба развернулась между английскими и французскими купцами, торговавшими текстильными изделиями на рынках Османской империи. Французам удавалось повсеместно в Европе продавать колониальные товары по ценам на целую треть меньшим, чем брали за эти продукты британцы. Быстрое экономическое развитие французских владений в Карибском бассейне, поставлявших колониальные продукты, рост рыболовства у берегов Канады способствовали увеличению французского торгового флота. Соответственно возрос и военный флот Франции, ассигнования на который увеличились к 1739 г. в полтора раза по сравнению с началом 20-х годов.

Англо-французские войны лишь постепенно приобретали характер чисто торговых войн. Первоначально торговые мотивы занимали только подчиненное место в соображениях, которыми руководствовалось правительство Людовика XIV в отношениях с Англией. Главным было добиться либо неучастия Англии в антифранцузских коалициях, либо победы над нею, как и над другими участниками этих союзов, ставших на пути великодержавных кланов “короля-солнца”. В свою очередь, для английской буржуазии Франции Людовика XIV была прежде всего опасным претендентом на гегемонию в Западной Европе, тем более опасным, что она владела или пыталась овладеть портами, откуда с наибольшими шансами на успех можно было произвести высадку десанта в Англии. Версальский двор являлся потенциальным союзником тех сил в самой Великобритании, которые строили планы утверждения королевского абсолютизма и католической контрреформации, воплощавшиеся после переворота 1688 г. в попытках новой реставрации Стюартов. Долгое время Франция, как и Испания, являлась для английской буржуазии не только торговым соперником,

но и страной, захватившей обширные колониальные владения в Западном полушарии и препятствующей английской торговле с этими владениями. Английскую буржуазию особенно страшила возможность объединения испанских и французских колоний под властью Людовика XIV. Вместе с тем еще были возможными союзные соглашения и даже совместные действия Франции и Англии, когда переставала быть реальной угроза французского преобладания на континенте. Лишь в ходе дальнейшего экономического развития буржуазной Англии и капиталистического уклада в феодальной Франции, быстрого роста торговли обеих стран англо-французское торговое соперничество и борьба за колонии стали постоянными факторами, определявшими отношения между Лондоном и Парижем. Это изменение окончательно произошло примерно в 30-е годы XVIII в.

В октябре 1739 г. вспыхнула война Англии против Испании, по существу же против попыток Мадрида воспрепятствовать развитию английской контрабандной торговли с его испанскими колониями. В 40-е годы, после почти 30-летнего перерыва, войны в Западной Европе снова, как при Людовике XIV, развертывались под знаком борьбы между Англией и Францией за торговое и колониальное преобладание. Однако они происходили, как уже отмечалось выше, в условиях изменявшегося баланса сил в Европе, прежде всего резкого усиления удельного веса России, а также выдвижения Пруссии в ряды первоклассных держав, что делало нереальной перспективу установления французской гегемонии, несмотря на восстановление союза между обоими бургонскими дворами. Австро-пруссский дуализм возник и получил развитие на фоне англо-французской борьбы за гегемонию. Если Австрия устанавливала союзнические отношения с Англией, Пруссия обращала свои взоры к Франции. В другом случае Вена выступала союзником Франции, а Пруссия становилась на сторону Англии. Инициатива этих изменений могла принадлежать как Вене, так и Берлину или же исходить от Парижа либо Лондона, но неизменно Австрия и Пруссия находились в противоположных лагерях. Переплетение англо-французского противоборства и австро-прусского соперничества имело далеко идущие последствия для Германии. Оно постоянно превращало ее в главный театр военных действий, вместе с тем в какой-то степени ограничивая возможности аннексий Францией значительных кусков германской территории.

Непосредственным поводом к новому туру войн в 40-е годы послужили ослабление Австрии после ряда предшествовавших конфликтов и непризнание Прагматической санкции многими европейскими странами, которое ставило под вопрос само существование разнородных наследственных владений Габсбургов в качестве единого государства. Этот вопрос был поставлен в повестку дня европейской политики после кончины в 1740 г. императора Карла VI, которой предшествовало за несколько месяцев вступление на прусский престол Фридриха II. Карл VI умер в октябре 1740 г. Воспитанная иезуитами и слабо подготовленная к роли правительницы обширного конгломерата владений Габсбургского дома, Мария Терезия, несмотря на это, проявила себя проницательным и энергичным политиком, не в пример своему меломану-отцу, проглядевшему за своими музыкальными увлечениями падение боеспособности армии и расстройство финансов.

Прусский “король-философ”, учитывая сложность положения, в котором находилась Мария Терезия, и надеясь на превосходство своих тщательно вымуштрованных войск, под предлогом восстановления старых и более чем зыбких “прав” прусской короны на Силезию, вторгся в эту австрийскую провинцию. Это вторжение было подготовлено всем ходом событий в Центральной Европе. Возвышение Пруссии до положения, почти равного по силе Империи, доводило до крайности раскол Германии. Вместе с тем, дальнейшее усиление Пруссии было невозможно без прямого столкновения с Австрией и серьезного изменения сил в рамках уже не только Германии, но и

всей Европы. Достичь прочного успеха в борьбе против Австрии, которая всегда могла найти себе сильного союзника, было невозможно для Пруссии без помощи хотя бы одной из наиболее сильных европейских держав — Франции, России или Англии (поддержка последней могла выражаться главным образом в форме субсидий). Наиболее логичным было первоначально использовать помощь традиционного соперника императора — Франции, и Фридрих II прежде всего и обратился со своими предложениями к Версальскому двору. Менее всего при этом его смущали какие-либо соображения о германских национальных интересах. Фридрих видел в Германии — как и в Польше — лишь территорию для завоевания, при котором приходится часть добычи уделывать другим. “Я, кажется, сыграю Вам на руку; если ко мне придут козыри, мы поделимся”, — заметил король французскому послу, отправляясь на завоевание Силезии.

9 апреля 1741 г. с трудом собранная австрийская армия встретила в Силезии с прусскими войсками в битве при Мольвице. Австрийская кавалерия оттеснила прусскую, вместе с которой, считая все потерянным, бежал с поля боя и сам Фридрих II, едва не попав при этом в плен. Однако прусская пехота, вышколенная отцом Фридриха — королем-солдафоном Фридрихом Вильгельмом I, устояла и обеспечила победу без участия своего коронованного полководца.

Вторжение пруссаков в Силезию стало первым звеном в цепи событий, растянувшихся почти на четверть века и дважды воспламенявших пожар общеевропейской войны. Завоевание Фридрихом Силезии вызвало различную реакцию в европейских столицах. В Париже руководитель французской политики кардинал Флери выжидал, сдерживая сторонников вступления в войну на стороне Пруссии. В Лондоне полагали, что возросшая мощь прусского короля представляет собой большую опасность для Ганновера — наследственного владения короля Георга II и что поэтому Фридриха следует заставить признать Прагматическую санкцию. К февралю 1741 г. против Пруссии сформировалась сильная, хотя и плохо сколоченная, группировка держав в составе Австрии, России, Англии и Голландии, а из германских княжеств — Саксонии. Вместе с тем успехи Фридриха II побудили в конечном счете к вмешательству в конфликт традиционного соперника Габсбургов — Францию и ее союзника — Испанию, только недавно окончившую воевать с императором и продолжавшую выдвигать притязания на австрийские владения в Италии. Версальский и мадридский дворы, заключив союз с Фридрихом, активно поддержали кандидатуру баварского курфюрста Карла Альберта на вакантный трон императора Священной Римской империи.

Первая силезская война переросла в войну за австрийское наследство. В 1741 г., казалось, дело шло к полному распаду Габсбургской державы. Однако это противоречило интересам австрийского и венгерского дворянства, которое сплотилось вокруг Марии Терезии.

Союзники Пруссии не торопились вступать в борьбу. Тем не менее в августе 1741 г. первые французские полки пересекли Рейн, а в сентябре баварцы вторглись в Австрию, угрожая самой Вене. В этих условиях австрийское правительство решило уступить требованиям Пруссии, чтобы развязать себе руки для борьбы против других своих врагов. При посредничестве Англии 9 октября 1741 г. была заключена тайная Клейншнелддорфская конвенция. В обмен на признание Веной перехода в прусское владение части Силезии Фридрих II обязался приостановить военные действия. А для того, чтобы обмануть союзников Фридриха, было решено делать вид, что война продолжается, но вести ее в незначительных масштабах. Вдобавок ко всему Фридрих II настоял на строжайшем соблюдении тайны и на том, что ее разглашение освобождает его от взятых на себя обязательств. Король был уверен, что в Вене не сохраняют секрета. Считая, что он заключил выгодную сделку, и оправдывая свое двуличие Фридрих писал: “Раз должно произойти надувательство, то лучше уж надувать будем мы”. Но фактически он оказался обманутым обманщиком, предав

союзников с малыми преимуществами для себя и большой пользой для неприятеля. Правда, прежде всего он сам стал опасаться усиления собственных союзников — баварцев и саксонцев, занявших Прагу, и решил возобновить борьбу.

Однако успехи баварцев без прусской помощи сменялись неудачами. В то время, как баварский курфюрст 25 января 1742 г. во Франкфурте был избран на императорский престол, который столетиями занимали представители династии Габсбургов, австрийские войска перешли границу Баварии и через несколько дней заняли ее столицу — Мюнхен. Вторгшиеся в Чехию войска Фридриха и его союзников не сумели удержаться в этой стране. 11 июня прусский король вновь, во второй раз менее чем за год, предав своих союзников, заключил мирный договор с Веней. К Пруссии переходила Силезия с обязательством выплачивать лежавший на провинции долг Англии в размере 1,7 млн талеров. Фридрих выходил из антавстрийской коалиции. Король учитывал при этом, что интересам большинства противников Австрии, в особенности Франции, вовсе не соответствовало ее исчезновение с политической карты Европы или даже низведение до роли второразрядного государства, особенно при одновременном быстром возвышении Пруссии.

В начале 1744 г., получив известие о заключении союза между Австрией, Англией, Сардинией и Саксонией, Фридрих подписал новый тайный договор с Францией и Баварией. По договору он должен был действовать в роли союзника баварского курфюрста, ставшего императором Карлом VII, и получить за это большую часть Чехии. В августе Фридрих открыл военные действия, ставя главной целью завоевание Чехии. Заняв Прагу, прусская армия, как и в 1742 г., столкнулась с враждебностью населения. Начавшаяся партизанская война нарушила снабжение прусской армии. В январе 1745 г. умер Карл VII, его преемник заключил мирный договор с Австрией, отказавшись от притязаний на императорскую корону. Фридрих II должен был перейти к обороне и поставить все на карту в битве при Хохенфриденберге. Фридрих выиграл сражение. 25 декабря 1745 г. был заключен еще один сепаратный договор с Австрией. По этому Дрезденскому миру Силезия осталась за Пруссией, в обмен прусский король признал избрание Франца Стефана — супруга Марии Терезы — германским императором.

Однако другие участники борьбы еще далеко не уладили собственные счета. Французы решили ограничить свои цели в Европе поддержкой испанских притязаний в Италии. Это означало вместе с тем стремление сосредоточить силы на борьбе против Англии, которая предоставляла обильную финансовую помощь Австрии и еще с 1739 г. вела войну с Испанией фактически за право торговли с необъятными испанскими владениями в Южной и Северной Америке. После возобновления в 1743 г. формального союза между Парижем и Мадридом началась англо-французская война, которая наряду с Европой охватила Западное полушарие. В 1745 г. англичане захватили порт Лунсбург в устье реки св. Лаврентия, являвшийся ключом к французской колонии Канада. Напротив, французы в 1746 г. осадили и заняли главный опорный пункт англичан в Индии — Мадрас. Весной 1745 г. принц Карл Эдуард, внук свергнутого во время «славной революции» Якова II, с горсткой приверженцев высадился в Шотландии и во главе ополчения горных кланов двинулся на юг, пользуясь тем, что почти все английские войска находились за границей. Авантюра Карла Эдуарда с самого начала оказалась обреченной на провал уже вследствие одного только английского преобладания на море. Британский флот воспрепятствовал высадке в Шотландии крупного французского десанта и обеспечил быструю переброску из Фландрии регулярных войск, которые и разгромили отряды якобитов.

Ведя борьбу против Франции и тесно связанной с ней Испании, Англия не только не видела для себя никакой пользы от войны своего союзника Австрии против Пруссии за преобладание в Германии, но и считала, что этот конфликт

прямо противоречит британским интересам. Идеальным, с точки зрения Лондона, было бы положение, при котором Австрия и Пруссия совместно обратили свое оружие против Франции, что крайне облегчило бы достижение англичанами победы в борьбе за торговое и колониальное преобладание. В этой англо-французской борьбе ни одной из сторон нигде не удалось добиться полного успеха. По Аахенскому договору 1748 г. Франция и Испания признали Прагматическую санкцию. Передача испанскому принцу дону Филиппу Пармы при сохранении Тосканы во владении Вены привело к постепенному затуханию испано-австрийского соперничества в Италии.

* * *

Преодолев угрозу распада своих владений и снова овладев императорским тронem, венское правительство отнюдь не собиралось мириться ни с потерей Силезии, ни с превращением Пруссии в державу, равную по мощи Австрии и оспаривавшую у нее первенствующее положение в Германии. Не получила решения и англо-французская борьба за колонии и торговое преобладание. Начиная со времени войны за австрийское наследство и особенно после заключения в 1743 г. "Семейного пакта" между Парижем и Мадридом, т.е. между двумя правящими ветвями династии Бурбонов, франко-английское соперничество вновь, на этот раз на многие десятилетия, выдвигается в центр международных отношений на европейском континенте. Но как в Париже, так и в Лондоне далеко не сразу решили, где будет находиться главный театр военных действий в фактически не прекращавшейся борьбе между обеими державами. В Версале долгое время считали, что ее исход будет решен тем, удастся ли французам и их союзникам добиться победы над континентальными союзниками Великобритании. В таком случае будет возможно заставить Англию пойти на решающие уступки в колониях, даже если не удастся добиться успехов в войне на море.

Время показало близорукий характер этих расчетов, поскольку Англии с помощью финансовых субсидий всегда удавалось найти новых союзников, используя, по выражению Фридриха II, европейские страны как хорошую пехоту. Однако и в Лондоне далеко не сразу пришли к выводу, что можно ограничиться на континенте почти целиком войной чужими руками, сосредоточив собственные силы на укреплении превосходства английского военного флота, на борьбе против французов на океанских просторах, в Западном полушарии и Ост-Индии. При таком ведении дел как раз англичане, а не французы имели наилучшие шансы, по распространенному тогда крылатому выражению, завоевать Америку в Европе.

Война за австрийское наследство ничего не решила в англо-французском споре. Успехи французских войск, оккупировавших Южные Нидерланды и угрожавших занять Голландию, если не привели к завоеванию французами Америки в Европе, то все же заставили Англию отказаться от своих завоеваний в Новом Свете и от преимуществ, которые создало для нее превосходство британского флота, фактически перекрывшего все пути французской заморской торговле. Аахенским договором были, таким образом, недовольны едва ли не все заключившие его державы. Австрия считала, что имела совершенно недостаточную поддержку со стороны Англии. Испания также выражала неудовольствие помощью, которую она получила от Франции. Понесшая серьезные потери Голландия предпринимала меры к тому, чтобы остаться нейтральной в случае новой общеевропейской войны. Война привела к свертыванию французской морской торговли, не уравновешенному какими-либо значительными выгодами. В Англии также не скрывали разочарования отсутствием побед в затяжной борьбе с Францией. Аахенский мир заключал в себе семена будущего, еще более крупного, противоборства европейских держав.

После окончания войны за австрийское наследство спорадические вооружен-

ные столкновения между английскими и французскими колонистами в Северной Америке фактически не прекращались и в 1755 г. переросли в боевые действия между регулярными войсками, которые лишь в следующем году были дополнены официальным объявлением войны. В то время мощь Франции расценивалась по-прежнему высоко. Укреплялись и ее экономические позиции на международной арене в результате роста внешней торговли. Однако от внимательных современников не ускользнули уже явно проявлявшиеся признаки кризиса французской монархии. Английский государственный деятель лорд Честерфилд, один из самых проникательных умов того времени, в 1753 г. вынес категорический вердикт: “Все признаки, которые в прошлом являлись предвестниками великих революций, наблюдаются ныне во Франции и увеличиваются с каждым днем”. Быть может, одним из наиболее заметных воплощений этого были легкомысленные и нередко бесчестные ничтожества из версальских придворных салонов, которым Людовик XV поручал руководство своими армиями и флотом. Версальский двор не сумел использовать немногие годы неустойчивого перемирия после окончания войны за австрийское наследство.

Опыт этой многолетней войны выявил реальное соотношение сил и основные внешнеполитические устремления ведущих европейских держав. Для венского правительства, поставившего задачу добиться пересмотра итогов войны, было очевидно, что его невозможно будет осуществить, пока сохраняются неизменными прежние системы союзов. После Аахенского мира 1748 г. на протяжении почти четырех десятилетий австрийская политика неизменно была ориентирована на противодействие планам Фридриха II. Олицетворением этой политики венского двора стал граф (позднее князь) Венцель Антон Иозеф фон Кауниц, с 1753 г. первый министр Габсбургской монархии. Широко образованный государственный деятель, он был также гибким дипломатом, годами, несмотря на все препятствия, двигавшимся к раз поставленной цели и вместе с тем умевшим трезво взвешивать реальную политическую ситуацию и не давать вовлекать себя в опасные авантюры.

В лице Кауница Фридрих II приобрел ловкого и стойкого противника, и их борьба оставила большой след в дипломатических летописях XVIII столетия. В начале 50-х годов Кауниц постепенно становился руководителем австрийской внешней политики; он считал, что сформировавшийся еще в войнах против Людовика XIV союз Австрии и Англии не сможет обеспечить победу над новым противником — Пруссией. Причиной тому было и то, что Фридрих II мог опираться на мощную поддержку Франции и что Англия, которую не разделяли с Пруссией никакие существенные противоречия, выступала против нее преимущественно как против французского союзника. Поэтому английская помощь Вене в попытке отвоевания Силезии могла быть в лучшем случае ограниченной, обусловленной менявшейся дипломатической конъюнктурой, к тому же выражавшейся главным образом в субсидиях и в отвлечении части французских ресурсов на борьбу на море и в колониях. Иными словами, союз с Англией не вел к цели. Правда, Австрия имела союзные отношения с Россией в целях совместной борьбы против Османской империи. В Вене, конечно, знали о том, что в Петербурге с неудовольствием и тревогой наблюдали за завоеваниями Фридриха II, дестабилизировавшими обстановку в Европе. Однако не секрет, что в российском правительстве были и противники австрийского союза и что оно не проявляло склонности таскать каштаны из огня ни для Вены, ни для Берлина.

В таких условиях надежды на успех появились бы, если бы удалось не только лишить Фридриха II помощи Франции, но и перетянуть Версальский двор в лагерь его противников. Однако путь к созданию австро-французского союза преграждали воспоминания о вековом соперничестве Габсбургов и Бурбонов. Эти еще совсем свежие воспоминания подкрепляли убеждение, что Франция несколько не заинтересована в коренном ослаблении Пруссии, ставшей противовесом влиянию Вены в Германии. Напрасно Кауниц, направленный

австрийским послом в Париж, убеждал своих французских собеседников, ссылаясь на недавний опыт, что Фридрих снова изменит им, как уже не раз изменял во время войны за австрийское наследство. В Париже, нисколько не строя иллюзий в отношении надежности слова и обещаний Фридриха, рассчитывали, что вполне в силах французской дипломатии лишить "короля-философа" возможности в удобный момент предать своих союзников. Фридрих II доказал ошибочность этих расчетов, поддавшись все-таки представившемуся соблазну, но, как вскоре выяснилось, отнюдь не сумев извлечь ожидаемой выгоды от смены союзов.

Поводом для нового общеевропейского военного пожара послужило стремление Лондона лучше обеспечить на случай войны судьбу Ганновера. С 1714 г., на протяжении более чем столетия, его курфюрсты являлись одновременно королями Великобритании. Уния с Ганновером, создавая для Англии форпост на континенте, вместе с тем впутывала ее в различные конфликты в Германии и Северной Европе, серьезно не затрагивавшие британские интересы. Англо-французская война сразу вовлекала в свою сферу и наследственные владения королей Ганноверской династии в Германии. Между тем, ни сама ганноверская армия, ни посылавшиеся ей сравнительно немногочисленные английские подкрепления не могли отразить нападения значительно более мощных сил континентальных держав, и это положение нисколько не менялось от успехов англичан на других театрах войны на море и в колониях. Более того, в случае захвата французами Ганновер превращался в выгодный залог в их руках, обладание которым могло быть использовано при заключении мира. Опасаясь занятия Ганновера Фридрихом II, как союзником Франции, Лондон пытался обеспечить себе помощь России на случай таких действий прусского короля. Это и было одной из целей, которые преследовала английская сторона при заключении в 1755 г. Санкт-Петербургской конвенции.

Что касается Фридриха, то он, готовясь к войне, до предела завинчивал налоговый пресс. Полученных денег не доставало. В стремлении добыть нужные средства "король-философ" в 1753 г. обратился даже к услугам алхимиков. Лишь глубокая тайна, в какой производились алхимические опыты, спасла Фридриха от того, чтобы превратиться в посмешище всей Европы, подобно другим легковверным, попавшимся на удочку шарлатанов. Немецкие националистические историки прошлого века, начиная с наиболее известного из них — Ранке, утверждали, будто Фридрих вступил в Семилетнюю войну 1756—1763 гг. с целью не допустить французского вторжения в Германию. Вернее было бы сказать — потому что он не сумел побудить французов к такому вторжению, которое разбило бы сложившуюся против него коалицию. Весной 1755 г. Фридрих пригласил в Потсдам французского посла и сказал в подчеркнуто резком тоне: "Знаете ли, сударь, какое бы я принял решение при создавшемся положении, если бы я был французским королем. После того, как англичане своим поведением на Средиземном море показали свою враждебность к Франции, я бы отправил в Вестфалию солидный военный корпус, чтобы бросить его затем непосредственно против Ганновера. Это единственное средство заставить Англию сделаться посговорчивее". Однако в отличие от событий 15-летней давности (начало войны за австрийское наследство) в Париже не клюнули на приманку.

И в новейшей западной историографии можно встретить пересказ придворных сплетен насчет того, будто "дипломатическая революция" 1755 г. была вызвана тем, что Фридрих II не ответил на письмо всесильной фаворитки Людовика XV маркизы Помпадур и называл ее *Fräulein Fisch* ("Фрейлейн Рыба"), что являлось немецким переводом ее девичьей фамилии *Poisson*, и нарек именем маркизы одну из своих собачек. Однако такими обидами не руководствовались в Версале. К тому же на деле прусский посол имел инструкции оказывать всяческие знаки почтения маркизе. Стоит добавить, что вошедшая в поговорку дурная репутация

Помпадур, хотя и была вполне заслуженной, первоначально родилась из-за того, что, будучи буржуазного происхождения, маркиза нарушила дворянскую монополию на поставку королевских любовниц и вдобавок обнаружила отсутствующий у ее соперниц интерес к политике. Именно он и сделал ее выразительницей настроений и мнений влиятельной “австрийской партии” при Версальском дворе. Эта “партия” не без основания полагала, что от Фридриха не приходится ждать помощи в борьбе против Англии. Напротив, союз с прусским королем снова вовлекал бы Францию в становящуюся бесполезной для нее, и поэтому вредной, войну против Австрии, которая только распыляла бы французские силы и велась к выгоде прусского короля. Вдобавок Кауниц намекнул на возможность уступить Франции (в обмен на помощь в отвоевании Силезии) Фландрию, которой французы неудачно пытались овладеть во многих войнах против императора и морских держав. Получить Фландрию из рук австрийцев было куда удобнее, чем отвоевывать ее у них, как это любезно рекомендовал французам Фридрих II.

Казалось, у французского правительства должны были отпасть поводы для колебаний. Тем не менее Людовик XV никак не мог решиться на полное изменение традиционной системы союзов. Со своей стороны прусский король хотел бы сохранить союз с Францией. С его помощью Фридрих присоединил Силезию. Он считал франко-прусский союз естественным продолжением традиционной политики Франции еще со времен Ришелье: поддержки ею германского протестантизма против Габсбургов. Фридрих даже называл Эльзас с Лотарингией и Силезию двумя сестрами, одна из которых выдана замуж за французского, а другая — за прусского короля. На протяжении 1755 г. усилия Фридриха были направлены на заключение союза с Англией при сохранении союза с Францией, тогда как эти государства уже вступили в вооруженную борьбу в колониях. Трудность задачи заключалась в том, что основой для союза с Англией должна была стать помощь Пруссии в защите Ганновера от нападения Франции. Для решения этой головоломной задачи не хватало всей дипломатической ловкости прусского короля.

По заключенной в Лондоне в январе так называемой Вестминстерской конвенции Пруссия обязалась соблюдать сама и добиваться от других германских государств поддержания нейтралитета в случае войны между Англией и Францией. С помощью этой конвенции Лондон попытался вывести европейский конфликт из сферы надвигавшейся англо-французской войны. Хотя такое положение и предоставило возможность французам не отвлекать часть своих ресурсов для войны на Европейском континенте, зато оно давало возможность Лондону не мериться силами там, где перспективы для него не казались благоприятными, и перенести борьбу в те области, где он был убежден в победе. Однако при всем том Вестминстерская конвенция оказалась классическим примером дипломатического просчета для обеих подписавших ее держав. Заключение этой конвенции и нейтралитета между Великобританией и Пруссией побудило Версальский двор принять наконец предложение Кауница. Если, заключая Вестминстерское соглашение, Фридрих фактически разрывал с Францией, то Великобритания, подписывая это соглашение, по сути дела, нарушала свои сложившиеся отношения с Россией, которая тем самым также получала дополнительный мотив для поддержки “дипломатической революции”, предлагаемой Кауницем. Вестминстерская конвенция не являлась соглашением об англо-прусском союзе, но она означала ликвидацию фактически существовавшего до того времени франко-прусского союза.

Теперь дипломатия Кауница стала приносить плоды. 1 мая 1756 г. в Версале был подписан франко-австрийский договор о нейтралитете и обороне, по которому обе стороны обязывались прийти друг другу на помощь, если одна из них подвергнется нападению со стороны какого-либо государства, кроме Англии (такой державой могла быть только Пруссия). Одним из последствий соглашения

между Парижем и Веной было то, что устранялась перспектива оккупации французами Южных Нидерландов и тем самым отпадал главный мотив, побуждавший голландцев в прошлом участвовать в антифранцузских коалициях. По тайному пункту договора Франция отказывалась от данной ею Фридриху II гарантии сохранения Силезии в составе Пруссии.

За франко-австрийским соглашением последовало заключение союза между Веной и Петербургом, начались переговоры о русско-французском союзе. Еще в мае 1753 г. российский сенат постановил, что неотложной потребностью является оказание сопротивления возрастающему могуществу Пруссии. Отчетливо возникали контуры Тройственного союза, иногда называемого историками коалицией Кауница. Начатая Фридрихом "дипломатическая революция" привела к изоляции как Англии, так и Пруссии. Однако для англичан, защищенных мощным флотом, возникшая ситуация была куда менее опасной, чем для прусского короля, возбудившего против себя враждебность остальных трех главных континентальных держав.

Военные планы Австрии и Франции предусматривали раздел владений Пруссии. В случае достижения этой цели и значительного территориального расширения Австрии Франция должна была бы получить компенсацию в виде Южных Нидерландов. 19 мая была заключена русско-австрийская конвенция о совместных боевых действиях против Пруссии. Венский двор стремился не только вернуть потерянную Силезию и другие земли, но и низвести Пруссию до роли третьестепенного государства. В Вене стали думать о восстановлении габсбургского господства в Германии. Это были пустые мечты. Повторение попытки, предпринятой в XVI столетии императором Карлом V, а через век снова, во время Тридцатилетней войны, было бы полным анахронизмом в середине XVIII в. — такого господства не допустили бы не только противники Австрии, но и ее союзники — Франция и Россия, каждая из которых была явно сильнее императора.

Спекулируя на этих нереальных австрийских планах, прусский король еще в 1756 г. сочинил проект манифеста, заканчивавшегося призывом "защитить дело протестантизма и немецкой свободы от угнетательских устремлений Венского двора". Фридрих II стремился, по его словам, "разжечь ярость во всех тех, кто имел хоть слабую склонность к Мартину Лютеру". Для этой цели он даже изготовил массу фальшивых бумаг, в том числе подложную грамоту римского папы о награждении австрийского фельдмаршала Дауна священными каской и шпагой (выдумка была тогда же разоблачена венским правительством). В изданном Фридрихом манифесте открыто оправдывалась превентивная война: "Нападающим является не тот, кто делает первый выстрел, а тот, кто строит планы нападения на соседа и это открыто демонстрирует своим угрожающим поведением"⁴.

Фридрих II начал войну нападением на Саксонию, которую он быстро занял и основательно ограбил путем наложения разорительных контрибуций на отдельные области и города. 5 ноября 1757 г. ему удалось одержать крупную победу над более многочисленной франко-австрийской армией при Росбахе в Саксонии. Однако попытка занять Чехию натолкнулась на ожесточенное сопротивление австрийских войск. Несмотря на значительные успехи, перемежавшиеся, впрочем, с не менее чувствительными неудачами, стратегическое положение Пруссии после прибытия на театр военных действий русской армии стало безнадежным. Фридрих отлично понимал, что не имеет шансов нанести решающий удар по Австрии, не говоря уже о двух других своих противниках — России и Франции. Осталось лишь обороняться, нанося контрудары, но и это оказалось ему не под силу после того, как русские войска заняли Восточную Пруссию и Померанию, разгромив прусскую армию в двух сражениях — при Грос-Егерсдорфе

⁴ *Mittenzwei I. Friedrich von Preußen. B., 1959. S. 103.*

и Кунерсдорфе, и вступили в Берлин. Доведенный до крайности Фридрих всегда держал наготове в кармане пузырек с ядом. Во время Семилетней войны в первый год произошли четыре крупные битвы, но потом с каждым годом их число сокращалось, а в последние два года вообще не происходило значительных сражений.

Ни поражения, ни победы Фридриха не производили глубокого впечатления на большинство населения германских государств. Правда, немалое число немецких просветителей взяли сторону Пруссии. Победа Фридриха над французами в битве при Росбахе вызвала подъем лишь в немногочисленных кругах немецкой буржуазной интеллигенции, понимавшей, что французский абсолютизм был главной иноземной силой со времен Вестфальского мира, поддерживавшей все отжившее, средневековое в политическом строе Германии. В "Пруссских военных песнях" Вильгельма Людвига Глейма Пруссия отождествлялась с германской нацией. Однако по мере того, как возрас-

Уильям Питт Старший

тали лишения и страдания, вызванные войной, наступало отрезвление. Когда Глейм в 1757 г. предложил Петеру Уцу возвеличить Фридриха, тот ответил: "Война и герои — неподходящий материал для моих песен" и, напротив, в своей "Оде господам каноникам" резко осудил страсть монархов к войнам. Эту позицию полностью разделял и Лессинг.

Не меньшее влияние на судьбы континента, чем битвы на европейских театрах военных действий, имело вооруженное противоборство на море и в колониях — в Западном полушарии и в Ост-Индии. В июне 1756 г. в ответ на английские действия в Америке французский флот занял остров Менорку в Средиземном море, со времен Утрехтского мира удерживавшийся Великобританией. Франция получила возможность, обещая вернуть Менорку Испании, добиваться участия Мадрида в войне с Англией. Попытка спешно отправленной в Средиземноморье эскадры адмирала Бинга отбить остров у французов потерпела полную неудачу, которая вызвала взрыв негодования в Англии неспособностью министерства.

С ноября 1756 г. в Англии фактическое руководство ведением войны перешло в руки Уильяма Питта Старшего, прежнего главного критика правительства. Питт, хотя и не вполне поддерживаемый другими министрами, ставил задачу лишить Францию положения перворазрядной колониальной державы. При этом он считал необходимым добиться полной победы, которая сделала бы невозможным для Франции возобновление борьбы. Такие же цели преследовал в отношении Англии герцог де Шуазель, руководивший в те годы внешней и военной политикой французского правительства.

Уильям Питт опирался на широкую поддержку английских торговых и финансовых кругов. Впервые со времени начала торговых войн (столетие назад) в военные годы происходило не сокращение, а, наоборот, быстрое возрастание английской внешней торговли. Подлаживаясь под настроения короля Георга II, озабоченного судьбой Ганновера, Питт послал британские полки на континент. Они, однако, были разбиты французами: британский командующий герцог Камберленд подписал в сентябре 1757 г. конвенцию, по которой ему разрешили эвакуировать свои войска в обмен на очищение Ганновера. Питт отказался

утвердить заключенную конвенцию, и весной 1758 г. англичанам удалось вытеснить французов из Ганновера. К 1760 г. в Германии действовала 20-тысячная английская армия. Тем не менее Питт считал это лишь второстепенной операцией. Главное внимание было сосредоточено на том, чтобы выиграть войны в Америке и Индии. Питт сумел мобилизовать и использовать военный потенциал Англии. Было призвано под знамена ополчение, а регулярные войска были отправлены за океан, где к ним присоединилась милиция колонистов.

Английскому правительству удалось избежать ошибок, которые совершались в прежних войнах, когда сухопутные войска и морские корабли распылялись между многими местными театрами военных действий и неожиданное прибытие к неприятелю подкреплений из Европы могло изменить соотношение сил и исход операций в том или ином районе. Питт настоял на установлении круглогодичной блокады французских портов, которая отрезала метрополию от ее колоний. Эта блокада фактически изолировала французские эскадры, находившиеся в различных, отдаленных друг от друга, гаванях, сделала невозможными любые попытки десанта в Англию и заставила губернаторов французских владений полагаться только на собственные силы в борьбе против неприятеля.

Военные действия в Западном полушарии велись с переменным успехом, но постепенно сказалось превосходство англичан в людях и материалах. В 1758 г. был занят Луисбург, в сентябре следующего года — Монреаль. Канада перешла в руки победителей. Войска английской Ост-Индской компании в 1757 г. захватили Бенгалию, что стало важнейшим шагом на пути установления полного британского господства в Индии, а в 1761 г. заняли Пондичери, являвшийся центром французских владений на субконтиненте. Были завоеваны и некоторые французские колонии в Западной Африке. Эти успехи были, правда, куплены ценой крайнего напряжения сил, увеличения налогового бремени, позволившего противникам Питта настроить против него те круги буржуазии и дворянства, которые не извлекали прямой выгоды из дорого достававшихся побед. Возникла и, правда пока еще проблематичная, опасность, что континентальные державы могут объединиться против Англии, считая, что ее заморские завоевания подрывают баланс сил в Европе. Упомянув об опасности создания тайной антибританской "конфедерации", один из соперников Питта, герцог Бедфорд, вдобавок задавал вопрос, не является ли французское присутствие поблизости от британских владений в Северной Америке "наиболее прочной гарантией их зависимости от метрополии", и не ослабнет ли она, "когда исчезнет французская опасность" (как известно, так и произошло в последующее десятилетие).

В апреле 1761 г. начались переговоры между Англией и Францией, но мира не хотели ни Шуазель, надеявшийся втянуть в войну Испанию, ни Питт (кстати, отлично осведомленный британской разведкой, которая перехватывала секретную испанскую дипломатическую корреспонденцию, об этих намерениях Парижа). Согласие Мадрида на возобновление Семейного договора было продиктовано прежде всего убеждением в том, что, добившись победы над Францией, Англия приступит к захвату испанских колониальных владений. Хотя Питт вышел в отставку, не получив поддержки других членов правительства, которые опасались втягивания страны в вооруженный конфликт с еще одной державой, в январе 1762 г. последовало объявление Мадридом войны Англии. Испания оказалась совершенно не подготовленной к войне. Начавшееся было наступление против Португалии, тесно связанной с Англией, окончилось полной неудачей. Английские войска заняли главный город испанской колонии Кубы — Гавану и одержали другие успехи.

По Парижскому миру 10 февраля 1763 г. Англия вернула лишь некоторые из захваченных французских и испанских владений, сохранив в своих руках Канаду и большинство новых приобретений в Индии, а также испанскую Флориду, в качестве компенсации за которую Франция уступила Испании обширные районы к западу от реки Миссисипи. В результате Франция лишилась всех своих

владений на Североамериканском материке, ей были возвращены лишь Мартиника, Гваделупа и некоторые другие острова (как и Куба — Испании), да и то потому, что британские вестиндские плантаторы не хотели присоединения этих владений, которые стали бы их конкурентами в поставке колониальных товаров на внутренний рынок Англии. Франции вернули Пондишери, но вопрос в том, какая из двух держав подчинит себе Индию, был решен в пользу Великобритании. Сторонники Питта громко порицали министров и особенно лорда Бьюта, фаворита нового короля Георга III, за то, что они согласились на подписание мирного договора, который лишил Англию многих плодов ее побед. Однако, несмотря на крайнюю непопулярность Бьюта, заключение мира не вызвало никаких широких протестов.

Фридриха II мог спасти только распад неприятельской коалиции, что и произошло после смерти императрицы Елизаветы (5 января 1762 г. н.ст.) и вступления на российский трон Петра III, рыцаря-поклонника прусского короля. 15 февраля 1763 г. был заключен Губертсбургский мир Франции и Австрии с Пруссией на основе сохранения "статус-кво".

* * *

После Парижского мира на протяжении почти трех десятилетий континент был избавлен от общеевропейской войны и от военных действий между главными европейскими державами. Это было следствием установления мирных отношений между Россией и Пруссией, к ним присоединилась сохранившая тесные связи с Францией Австрия. Однако такое относительное согласие было скреплено участием в разделах Польши, совместными действиями России и Австрии против Османской империи.

В итоге Семилетней войны карта Европы не претерпела существенных изменений, Австрия не получила обратно Силезии и убедилась в несбыточности надежды вернуть себе преобладающее положение в Германии, подорванное возвышением Пруссии. Император Иосиф II, ставший с 1765 г. соправителем своей матери Марии Терезии, вполне усвоил общие принципы политики Кауница, но считал, что канцлер не всегда осуществляет их с достаточной последовательностью. Кроме того, Иосиф II был полон решимости сам руководить внешней политикой, отводя канцлеру лишь роль советника и министра, исполняющего волю монарха. Сохраняя союз с Францией, который был закреплен в 1770 г. браком наследника французского престола будущего Людовика XVI с Марией Антуанеттой, дочерью Марии Терезии, Вена попыталась укрепить свое положение иным путем. Иосиф II поставил целью добиться присоединения Баварии, курфюрст которой должен был получить взамен Южные Нидерланды, отдаленные от остальных габсбургских земель и порождавшие трения с Англией и Голландией.

Это могло, по мысли императора, серьезно способствовать консолидации габсбургских земель, которые были не столько единым государством, сколько сложным, искусно сбалансированным и частично централизованным организмом, состоявшим из лишь механически склеенных воедино, до крайности разнородных частей. Проект обмена не казался неосуществимым. Считалось, что мнением самой Баварии можно было и пренебречь. Фридрих II заметил как-то, что Бавария его времени была земным раем, населенным животными. Но даже и без злословия "короля-философа" трудно было не заметить экономической отсталости и застоя, упадка и запустения, до которого была доведена эта страна. Огромные суммы тратились на содержание пышного двора курфюрста Максимилиана III, его многочисленных любовниц и внебрачных детей. Административный аппарат находился в хаотическом состоянии. Армия состояла всего из 15 тыс. плохо обученных и вооруженных солдат; зато на каждые десять рядовых приходилось по одному генералу.

Надежды Вены добиться согласия держав на планы округления ее владений

оказались безосновательными. В 1777 г. умер баварский курфюрст, не оставивший прямого наследника престола. Император Иосиф II считал момент подходящим для осуществления своего проекта. Однако прусский король решительно выступил против этого плана, утверждая, что присоединение Баварии к Австрии нарушит баланс сил в Германии. Фридрих II сумел создать союз германских князей против императора. В 1778 г. стороны вплотную приблизились к началу войны, армии уже были мобилизованы и приведены в боевую готовность. Однако Вена не получила поддержки со стороны Франции, и война за баварское наследство закончилась без выстрела поражением Австрии. Франция как раз в то время вступила в войну против Англии и стремилась не допустить конфликта на континенте, который, как в прошлом, отвлекал бы французские силы от борьбы с главным противником на море и в колониях. По Тешинскому миру 1779 г. Австрия должна была удовольствоваться получением небольшой части территории Баварии, которая сохранила независимость.

Позиция Парижа в баварском вопросе подорвала устойчивость союза между Версальским и Венским дворами. В свою очередь Фридрих II после Семилетней войны не верил в прочность союза между Петербургом и Веной, учитывая растущую ревность Австрии к успехам русского оружия в войне против Османской империи и возрастающему влиянию России на Балканах. Сам Фридрих, напротив, на собственном опыте испытывавший силу ударов русской армии, полагал, что Россию и Пруссию не разделяют никакие непримиримые противоречия и что в перспективе возможно даже будет добиться поддержки Петербурга против Вены. (Это, впрочем, не мешало прусскому королю подумывать о союзе против России и даже предлагать его Австрии.)

На развитие международных отношений в Европе в конце 70-х и начале 80-х годов сильнейший отпечаток наложило новое обострение соперничества между Англией и Францией. Затяжной характер этой борьбы имел глубокую экономическую основу. Долгое время существовало слабое различие между формами эксплуатации колоний, осуществлявшимися феодально-абсолютистскими и раннебуржуазными государствами. Абсолютизм предоставил верхушке буржуазии и связанным с ней кругам дворянства фактическую монополию на экономическое освоение колоний. Такую же монополию установили для себя и стоявшие у власти в Англии и Голландии привилегированные слои буржуазии. Однако именно поэтому, если речь идет не о переселенческих колониях, сравнительно быстро вставших на путь капиталистического развития, остальные заморские владения Англии, Франции или Испании имели сходный облик. В этих обстоятельствах природные условия, в особенности плодородие почвы и благоприятный климат, могли приводить и нередко приводили к более быстрому развитию колоний феодальных стран по сравнению с владениями, принадлежавшими раннебуржуазным странам. Это особенно было характерно для вест-индских колоний европейских держав.

Начиная с последней трети XVII и на протяжении почти всего XVIII в. в растущей внешней торговле быстро увеличивался удельный вес ввоза и вывоза из колоний. При общем пятикратном возрастании объема французского вывоза и ввоза за 1715—1789 гг. торговля с европейскими странами выросла в 4 раза, а с колониями — в 10 раз. При этом большая часть импортируемых колониальных продуктов реэкспортировалась в другие европейские страны. Так, из Бордо, на который приходилась примерно четвертая часть заморской торговли, реэкспортировалось 3/4 ввозимого сахара и 4/5 кофе. Примерно такой же была доля реэкспорта и в голландской внешней торговле. К началу XVIII в. треть английского вывоза, который ранее традиционно состоял преимущественно из шерстяных изделий, занял реэкспорт сахара из Вест-Индии, табака из североамериканских колоний и ост-индских хлопчатобумажных тканей. По общему объему английская торговля по-прежнему превосходила французскую, но росла значительно более медленными темпами.

Примерно к 1730 г. французам удалось заметно потеснить своих британских конкурентов с европейского рынка колониальных товаров, продавая по более дешевым ценам сахар и кофе, а реэкспорт англичанами ост-индских хлопчатобумажных изделий наталкивался на многочисленные тарифные рогатки, установленные европейскими правительствами для охраны своих льняных и шерстяных мануфактур. В результате английский реэкспорт к середине века составлял около половины всего вывоза, а весь объем внешней торговли за 1716—1788 гг. увеличился почти в 2,5 раза, т.е. все же возрастал вдвое медленнее, чем внешняя торговля Франции. Большое значение для англичан в первой половине XVIII в. имело господствующее положение на португальском рынке, который поглощал от 10 до 20% британского экспорта. Однако еще до этого резко возросло значение рынка британских колоний в Северной Америке, доля которого с 1701 до 1790 г. выросла с 6 до 30% английского вывоза, и поставки дешевого риса и индиго в 70-е годы были причиной сравнительно высоких темпов роста реэкспорта.

Распространенная точка зрения, что Семилетняя война разрешила англо-французское соперничество в пользу Великобритании, может быть принята не без серьезных оговорок. Окончательно этот спор был решен позднее, после широкого развертывания в Англии промышленного переворота. В первые же годы после Семилетней войны французские колонии переживали время быстрого экономического роста и уже к 1767 г. превзошли британские владения по размерам вывоза своих продуктов. И в торговле со странами Леванта (Ближнего Востока) Франция обогнала Великобританию, впереди которой оказались также Нидерланды и Венеция. К 1789 г. французская заморская торговля превысила английскую по общему объему и стоимости. Англичане имели явное превосходство только в торговле с Индией и Китаем и сохраняли почти монопольное положение на североамериканских рынках. Еще в 60-е годы Шуазель пытался усилить французский флот, строились планы возобновления борьбы против Англии за возвращение областей, потерянных в Семилетней войне. Однако осуществление крупных военных приготовлений было невозможным из-за плачевного состояния французских финансов. Опасаясь банкротства, Людовик XV предпочел внезапно в декабре 1770 г. дать отставку Шуазелю, 12 лет руководившему внешней политикой Франции. Впрочем, увольнение этого неглупого, хотя и малоудачливого дипломата было связано и с тем, что он, во многом державшийся благодаря поддержке маркизы Помпадур, успел вызвать неудовольствие новой королевской фаворитки Дюбарри.

Небезынтересно отметить, что через призму соперничества с Францией и вообще конкуренции с другими государствами рассматривали привилегированные слои буржуазии, стоявшие у власти в Англии, рост капиталистического уклада в странах континента и даже развитие идеологии во Франции, особенно политических идей. Следование другими странами в этой сфере английскому примеру вызывало не столько удовлетворение национального самолюбия, сколько опасения, что такое "подражание" может привести к усилению торговых конкурентов. Недаром даже журнал "Мансли ревю", выражавший в 60-е годы настроения радикальной оппозиции, приветствуя защиту знаменитой "Энциклопедией" "благородной системы гражданской свободы", все же добавлял, что тем не менее: "Мы, как англичане, не имеем основания радоваться постепенному распространению этой системы у наших соперников"⁵.

Успехи Англии в Семилетней войне, которые являлись в большой степени следствием далеко зашедшего кризиса французского абсолютизма, породили в Лондоне убеждение, что вековое соперничество в основном уже завершилось в пользу Великобритании. В результате английское правительство уже в конце

⁵ Monthly Review. 1768. Vol. XXIX. P. 545; England's Rise to Greatness, 1660—1765 / Ed. S.B. Baxter. Berkeley, 1983. P. 12—13.

Семилетней войны потеряло интерес к своему прусскому союзнику. На протяжении последующего десятилетия в Европе возникла новая расстановка сил, при которой Англия не могла твердо рассчитывать на поддержку ни одной из главных европейских держав в случае нового конфликта с Францией. Победа в Семилетней войне даже способствовала возникновению для Англии новых проблем в Западном полушарии. Несомненно, что имевший глубокие социально-экономические корни спор между Великобританией и ее колониями резко обострился после того, как англичане при активном участии колониальной милиции захватили Канаду. Ведь там самым устранялась французская угроза, которая создавала зависимость колонистов от военной мощи метрополии.

В 1775 г. началась война британских колоний за независимость — американская революция. После первоначальных неудач колонисты в октябре 1777 г. при Саратоге окружили и заставили капитулировать отряд английского генерала Бургойна.

Вопрос о любой форме контрреволюционного интервенционизма других европейских держав даже не возникал. Просьба английского короля Георга III о посылке 20-тысячного русского корпуса в Америку была с порога отвергнута Петербургом, где события в Новом Свете рассматривались через призму англо-русских отношений и возможного влияния провозглашения независимости колоний на европейскую политику. В ответном письме английскому монарху, посланном 23 сентября (4 октября) 1776 г., Екатерина II даже не без скрытой иронии писала о возможных неблагоприятных последствиях "подобного соединения наших сил единственно для усмирения восстаний, не поддержанного ни одной из иностранных держав". А летом 1779 г. в секретном докладе Коллегии иностранных дел Екатерине II, выражавшем мнение первоприсутствовавшего Н.И. Панина и вице-канцлера И.А. Остермана, прямо отмечалось, что английские колонии в Америке превратились "собственной виной правительства Британского в область независимую и самовластную"⁶.

Единственно, на что мог рассчитывать Лондон, это на военное содействие второстепенных держав в обмен на компенсации политического или чисто финансового характера (как при покупке солдат у германских князей). На деле же с самого начала речь пошла о вооруженном выступлении монархических держав Европы не против, а в поддержку восставших колоний.

Война против Англии на стороне колонистов была бы, по мнению министра иностранных дел Верженна, самым верным средством вернуть Франции ее прежние "престиж и преобладающее влияние". Даже колебания французского правительства в вопросе о поддержке колонистов были лишь в довольно слабой степени связаны с идеологическими мотивами. Более весомыми причинами были сомнение в способности колонистов выстоять в борьбе против метрополии, опасение непосредственного вовлечения Франции в военные действия — крайне нежелательного из-за плохого состояния финансов, наконец надежды на то, что Англия будет готова щедро заплатить за французский нейтралитет и тем самым позволит Парижу без боя взять реванш за поражение в Семилетней войне. Европейские державы учитывали, что на долю колоний приходилось почти 40% английского торгового флота, и они явно опасались американской конкуренции в Западном полушарии. Особенно озабочена была Испания, имевшая огромные владения в Западном полушарии. В Париже тоже прорывались скрытые опасения в связи "с американскими планами завоеваний". Французский посол в Мадриде Монморен крал 12 ноября 1778 г. Верженну, что Испания считает объединенные колонии своим возможным противником в ближайшем будущем и стремится не допустить приближение американцев к границам своих владений в Новом Свете. Верженн в ответе Монморену 27 ноября 1778 г. пытался рассеять эти страхи, полагая, что трудно считать, будто

⁶ Болховитинов Н.Н. Россия и война США за независимость, 1775—1783. М., 1976. С. 19.

Англия представляет меньшую угрозу, чем новое американское государство, которое обречено быть конгломератом слабо связанных между собой и разделяемых противоречивыми интересами штатов⁷.

Стараясь вместе с тем успокоить поборников "священного права монархов", Верженн не очень убедительно уверял, что, поскольку, мол, колонисты провозгласили независимость, они уже не являются подданными Георга III и могут выступать как союзники иностранной державы. Оправдывая союз с США, заключенный 8 февраля 1778 г., французское правительство разъясняло монархической Европе, что оно лишь предотвратило англо-американский союз (стоит отметить, что к этому времени во внутренней политике французский абсолютизм сделал выбор в пользу консервативного курса, отказавшись от либеральных реформ Тюрго). Когда в 1776 г. в Америку отправились французские добровольцы во главе с маркизом Лафайетом, они руководствовались не столько симпатиями к идеологии колонистов, сколько стремлением бороться за "свободу морей", иными словами, против преобладания Англии на море.

В отличие от своей формальной союзницы — Франции Австрия с целью угодить Лондону поддерживала "непризнание" восставших колоний. Император Иосиф II заявил британскому послу в Вене Роберту Кейту: "Дело, в которое вовлечена Англия, является делом всех государей, имеющих общую заинтересованность в поддержании должной субординации и повиновении закону во всех соседних монархиях. Я наблюдаю с удовлетворением могучие проявления национальной мощи, используемые (английским. — *Е. Ч.*) королем, чтобы привести к покорности мятежных подданных, и я искренне желаю успеха принятым мерам"⁸. Однако на практике монархическая принципиальность Иосифа II свелась к неудавшимся попыткам извлечь выгоды из сложившейся обстановки — он выступал в роли посредника между воюющими сторонами.

По мнению ряда новейших американских исследователей, колонисты вряд ли добились бы победы без помощи европейских государств. По подсчетам профессора М. Смелсера, общая сумма субсидий, которые американцы получили от своих союзников, в переводе на стоимость денег в наши дни составляла примерно 2,5 млрд долл., а сами израсходовали на борьбу 1 млрд долл.⁹ Из Франции колонисты получали 90% нужного им пороха до битвы при Саратоге. В 1777 г. Франция поставила колонистам 30 тыс. ружей — огромная цифра, если учесть тогдашние масштабы военных действий¹⁰. Французский и испанский флоты весной и летом 1779 г. готовились к вторжению в Англию. В 1780 г. императрица Екатерина II, союза с которой тщетно пыталась добиться английская дипломатия, образовала Лигу вооруженного нейтралитета, к которой присоединились Австрия и Пруссия. В октябре 1781 г. при Йорктауне была принуждена капитулировать британская армия, зажата в тиски между французской эскадрой и войсками колонистов под командой генерала Вашингтона. Англия проиграла войну, временно она потеряла господство на море. Правда, англичане одержали ряд морских побед. В апреле 1782 г. британский адмирал Родней разгромил французскую эскадру адмирала де Граса. В октябре того же года полной неудачей окончилась испано-французская осада крепости Гибралтар.

По Версальскому (Парижскому) договору 3 сентября 1783 г. Англия должна была признать независимость колоний. Приемлемого мира британской дипломатии удалось добиться, играя на опасениях, которые вызывали у американцев экспансионистские планы Франции и Испании в Западном полушарии. По условиям Парижского договора Франция вернула себе некоторые владения в Вест-

⁷ Despatches and Instruction of Conrad Alexandre Gérard, 1778—1780. Baltimore, 1939. P. 186N.

⁸ Morris. The Peacemakers: The Great Powers and American Independence. N.Y., 1965. P. 153.

⁹ См. об этом: Яковлев Н. Вашингтон. 2-е изд. М., 1976. С. 407—410.

¹⁰ Некоторые американские историки полагают, что расходы на помощь США помешали провести реформы во Франции, которые укрепили бы абсолютизм.

Индии и Западной Африке. Флорида, а также остров Менорка в Средиземном море были возвращены Испании, напротив, голландцы были вынуждены уступить англичанам Цейлон. Тем не менее многие современники считали отпадение колоний началом заката Англии как главенствующей морской и торговой державы. На деле же признание реального положения вещей, необратимости результатов революции в Северной Америке проложило путь к восстановлению международных позиций Англии, которое опиралось на быстрое экономическое развитие страны в результате начавшегося промышленного переворота. А французский абсолютизм оказался совершенно неспособным извлечь преимущества из исключительно благоприятно сложившейся для него после Парижского мира внешнеполитической обстановки.

Развитие международных отношений в 80-е годы показало, насколько непрочными оказывались дипломатические успехи переживавшего глубокий внутренний кризис феодально-абсолютистского режима, и даже когда его буржуазный противник был вовлечен в борьбу с восставшим против него угнетенным народом. После Парижского мира промышленное превосходство буржуазной Англии позволило британской дипломатии в течение нескольких лет не только свести на нет успехи Франции, но и более искусным маневрированием переиграть соперницу, поставить ее в значительно более уязвимое положение, чем то, в котором она находилась даже после крайне неудачной для нее Семилетней войны.

Глава 15

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

В конце XVII в. перед Россией стояли три главные внешнеполитические задачи: получение выхода к Балтийскому морю; освобождение западных древнерусских земель, или правобережной Украины и Белоруссии, оказавшихся под властью Польши; получение выхода к Черному морю.

Петр I, став единоличным правителем России, сосредоточил вначале свое внимание на решении последней из названных задач и вскоре добился большого успеха, овладев в 1696 г. сильной турецкой крепостью Азовом, расположенной в устье Дона и запиравшей выход в Азовское море. Для продолжения борьбы с Турцией и Крымом необходимо было активизировать действия западноевропейских союзников. С этой целью в марте 1697 г. за границу было послано "великое посольство", в состав которого входил и сам Петр под именем десятника Петра Михайлова. Посольство должно было также нанять на русскую службу различных специалистов, нужных для строительства флота. Но ознакомление с положением на месте показало, что Австрия и Венеция, являвшиеся союзниками России по войне с Турцией, не только не желают продолжения войны, но и пошли на заключение с ней мира.

В этих условиях необходимо было менять внешнеполитические планы, что и было произведено Петром I с присущей ему решительностью и здравым подходом к делу. Обстановка складывалась так, что появились реальные возможности для борьбы со Швецией. Уже в ходе "великого посольства" готовность к этому выразили бранденбургский курфюрст Фридрих III и саксонский курфюрст Август II, ставший в 1697 г. с помощью России также королем польским. Соответствующую склонность проявила и Дания. Основой, на которой могла быть создана антишведская коалиция, было стремление вернуть захваченные Швецией земли. Благоприятно складывалась и общеевропейская обстановка: Англия, Франция и

Голландия, имевшие со Швецией союзные договоры, не могли ей оказать помощь, потому что готовились к войне за испанское наследство. После возвращения Петра I из-за границы начались соответствующие дипломатические переговоры. Они закончились подписанием 11 ноября 1699 г. в с. Преображенском под Москвой союзного договора с Августом II и примерно в то же время — договора с Данией. Между Данией и Польшей уже имелось соглашение об обороне, заключенное в 1698 г. Так образовался Северный союз в составе России, Польши и Дании. По нему Польша и Дания обязывались немедленно начать войну против Швеции, а Россия должна была сделать это после заключения мира с Турцией.

В начале 1700 г. Дания и Польша открыли военные действия против Шведского государства. Датчане напали на Голштинию, являвшуюся союзницей Швеции, но вскоре остановились под крепостью Тоннинген. Войска Августа II вторглись в Лифляндию, принадлежавшую в то время шведам, и осадили Ригу. Мир с Турцией России удалось заключить 3 июля 1700 г., и, как только в начале августа Петр I узнал об этом, он тут же приказал двинуть войска против Швеции. Так началась Северная война, длившаяся 21 год. План русского командования заключался в том, чтобы овладеть Нарвой, сильной крепостью на берегу Финского залива, захваченной шведами, что давало возможность действовать против шведских войск, расположенных как в Прибалтике, так и на побережье Финского залива. В сентябре русская армия осадила Нарву.

Но к тому времени Дания уже была выведена из войны. Шведский король Карл XII, возглавивший свои войска, не без помощи англо-голландского флота высадился около датской столицы Копенгагена, которая оказалась беззащитной, и заставил датчан подписать с ним в августе 1700 г. Травендальский мирный договор. Это дало возможность ему перебросить свою армию в Восточную Прибалтику и двинуться на помощь гарнизону Нарвы. 19 ноября 1700 г. он неожиданно напал на осаждавшие ее русские войска и наголову разбил их. Причины этого тяжелого поражения были в том, что вновь набранная армия была недостаточно обученной, не на высоте оказалась старая дворянская конница, а главнокомандующий армией герцог де Круа и некоторые офицеры-иностранцы, находившиеся на русской службе, изменили и перешли на сторону шведов. Карл XII считал, что русская армия уже не поднимется и перенес свои главные действия против Августа II, оставив в Прибалтике небольшие гарнизоны.

Однако Петр I не смирился с поражением, наоборот, он развил кипучую деятельность по реорганизации армии. Был произведен новый набор рекрутов в войска, вместо дворянской создана регулярная конница из 10 драгунских полков, изготовлено более 300 пушек. И эта новая русская армия уже в конце 1701 г. и в течение 1702 г. нанесла шведским войскам в Прибалтике первые удары. Затем она перенесла свои боевые действия в Ингрию, как шведы называли захваченные ими русские земли, прилегавшие к Финскому заливу. К весне 1703 г.

Карл XII

она освободила весь бассейн р. Невы и вышла на берега Балтийского моря. 16 мая 1703 г. на острове в устье Невы была заложена Петропавловская крепость, чем и было положено основание Петербургу. В последующие три года русская армия одержала новые успехи, она набиралась боевого опыта, превращаясь в грозную силу.

Между тем положение Августа II становилось все более ненадежным. Шведские войска заняли Варшаву и Краков; под их угрозой польский сейм в 1704 г. объявил Августа низложенным и провозгласил королем шведского ставленника Станислава Лещинского. В ответ была создана Сандомирская конфедерация, которая отказалась признать Лещинского польским королем и объявила войну Швеции. Но шведская армия продолжала наступление, вступила в пределы Саксонии, заняла Лейпциг и заставила Августа II капитулировать. В октябре 1706 г. между Саксонией и Швецией тайно был заключен Альтранштадтский мирный договор, по которому Август II отказывался от польской короны и разрывал союз с русским царем.

Таким образом, Россия осталась в одиночестве в войне со Швецией. Правда, Сандомирская конфедерация подтвердила свой союз с Россией, однако практически никакой военной помощи она не могла оказать. Петр I должен был рассчитывать только на собственные силы. А шведская армия в августе 1707 г. через Польшу двинулась на восток к русским границам. Карл XII рассчитывал главный удар нанести через Смоленск на Москву и там победоносно закончить войну. Русское командование разработало свой стратегический план. Согласно ему решено было дать шведам генеральное сражение не на польской, а на своей, русской территории и в наиболее удобное время и выгодной обстановке, а до этого отступать, нанося шведам частные, но чувствительные удары. Одновременно Петр I приказал укрепить приграничные районы, а население призвал к партизанской войне против иноземных захватчиков.

Расчеты русского командования оказались более правильными. На протяжении 1708 г. по мере продвижения шведских войск в боях у местечка Головчина, с. Доброго и д. Раевки они потеряли несколько тысяч человек. В то же время не удались и попытки шведов атаковать Петербург. В результате Карл XII, дойдя почти до самой русской границы, не решился продолжать дальше наступление на Смоленск и повернул на юг. Он рассчитывал здесь дать зимой своей армии передышку, пополнить запасы продовольствия, получить подкрепление польскими войсками Станислава Лещинского, а также войсками украинского гетмана Мазепы, изменившего России. За это же время он надеялся привлечь на свою сторону Крым и Турцию. Уже то, что удалось заставить Карла XII временно отказаться от своего первоначального плана, похода на Москву, было большой победой русской армии. Еще более ее боевой дух поднялся после того, как в бою 28 сентября 1708 г. при д. Лесной на р. Соже меньшими силами был разбит сильный корпус генерала Левенгаупта, который шел на соединение с главной армией шведов.

Надежды Карла XII не оправдались. Украинский народ не пошел за изменником Мазепой, и последний привел к шведам лишь небольшой отряд. Украинское население не давало захватчикам продовольствие, непрерывно нападало на шведские войска, в результате чего они теряли свои силы. Специально выделенный русский отряд не дал Лещинскому возможности придти на помощь Карлу. Турция и Крым также не торопились поддержать шведов, ожидая, чем закончится их схватка с русскими.

В апреле 1709 г. Карл XII осадил Полтаву, надеясь здесь захватить большие запасы продовольствия. Со своей стороны, Петр I решил дать под Полтавой генеральное сражение шведам, которое и произошло 27 июня. В результате прославленная шведская армия была наголову разбита. Она потеряла более 9 тыс. человек убитыми и около 20 тыс. человек попали в плен. Потери русских составили 4635 человек убитыми и ранеными. Карлу XII, раненому в боях, и изменнику Мазепе с небольшим отрядом удалось бежать на территорию Турции.

Полтавская победа продемонстрировала храбрость русской армии и большое военное искусство Петра I и его соратников и означала закат шведской армии. Она предопределила победоносный исход Северной войны и тем самым спасла Россию от иностранных захватчиков.

Международное положение России после разгрома шведов резко улучшилось. Почти сразу Дания и Август II, изгнавший из Польши Лепцинского, возобновили союз с Россией, но взаимоотношения между союзниками стали уже другими. Если раньше они являлись равноправными партнерами, то теперь Россия стала играть главную роль, а ее союзники — второстепенную. Вскоре к антишведскому союзу присоединилась и Пруссия. Наиболее крупные европейские державы в лице Англии, Голландии, Австрии и Франции, которые вели войну за испанское наследство, стремились теперь привлечь Россию на свою сторону.

В то же время они, особенно Франция, не прочь были подтолкнуть против России Турцию, которая жаждала реванша за поражение во время войны за Азов и в ноябре 1710 г. объявила России войну. Русская армия двинулась на юг к турецким границам. Однако в результате ряда ошибок, допущенных в этом походе, в июле 1711 г. на р. Прут она оказалась окруженной турецко-татарскими войсками, которые почти в 3 раза превосходили численность русских войск. После того как атаки турок были отбиты, они пошли на переговоры. 12 июля 1711 г. был подписан Прутский мирный договор, по которому Россия возвращала Турции Азов, а также обязывалась разрушить Таганрог и другие построенные на азовском побережье города. Одним из условий было обязательство не препятствовать возвращению Карла XII в Швецию.

Еще до Прутского похода русская армия овладела почти всей Прибалтикой и начала вести успешные боевые действия в Финляндии, а совместно с датчанами и саксонцами — в шведских владениях в Германии. Молодой Балтийский русский флот одержал 27 июля 1714 г. около мыса Гангут блестящую победу над шведским флотом и вскоре завоевал господствующее положение на Балтийском море. В этих условиях Россия стала стремиться к тому, чтобы заключить со Швецией выгодный мир и на этом закончить войну. Однако для этого потребовалась большая и длительная дипломатическая работа, а также новые военные удары. Особенно большое сопротивление заключению мира оказывала Англия, всячески подталкивая шведов к продолжению войны. В то же время Россия сумела лишить Швецию поддержки ее старого союзника, Франции, заключив с ней и Пруссией в августе 1717 г. Амстердамский договор. Швеция оказалась в отчаянном положении и вынуждена была начать мирные переговоры. Они закончились подписанием в городе Ништадте в Финляндии 30 августа 1721 г. мирного договора. По нему за Россией оставалась часть Карелии с Выборгом, Ингрия с Петербургом, Эстляндия и Лифляндия с Ревелем, Нарвой и Ригой, а также балтийские острова Эзель, Даго и Мен. По Ништадтскому миру Россия возвращала Швеции Финляндию, занятую русскими войсками, и уплачивала ей 1,5 млн руб. денег. Так закончилась Северная война.

В результате победы, одержанной в этой войне, Россия получила выход в Балтийское море и тем самым решила одну из важнейших задач своей внешней политики. Конечно, это отвечало прежде всего интересам господствующего класса дворян и нарождающейся буржуазии. В то же время возвращение древнерусских земель на Балтике и завоевание выхода к морю отвечало и общенациональным интересам, так как усиливало обороноспособность страны и способствовало ее дальнейшему экономическому и культурному развитию. Сенат торжественно преподнес Петру I титул императора, а Россия превратилась в империю. Одновременно изменилось и международное положение России. Она стала одной из великих европейских и мировых держав, и теперь уже ни один сколько-нибудь важный вопрос международной политики не мог решаться без участия России.

Во второй четверти XVIII в. основные задачи внешней политики русского

правительства сводились к тому, чтобы на северо-западе сохранить без изменений установленные Ништадтом границы со Швецией, в Польше закрепить свое влияние или, во всяком случае, не допустить ее переориентации против России, а на юге прочно обезопасить свои границы, вернуть Азов и бороться за выход к Черному морю. Поскольку Англия и, особенно, Франция вели в то время враждебную по отношению к России политику, русское правительство для достижения своих внешнеполитических целей стремилось найти себе союзников и преуспело в этом. В 1726 г. были заключены союзные договоры с Австрией и Пруссией, что значительно укрепило международные позиции России на данном этапе.

В феврале 1733 г. умер Август II, и началась борьба за польский престол, в которой самое активное участие приняла Россия. Франция, проводившая политику создания "восточного барьера" против России, стала поддерживать Станислава Лещинского. Россия и Австрия выступили за кандидатуру Августа III, сына умершего Августа II. Среди польско-литовской шляхты также образовалось два лагеря, хотя большинство выступало за Лещинского. Тогда меньшинство обратилось за помощью к России, которая направила в Польшу войска, после чего Лещинскому пришлось бежать и польским королем стал Август III.

Потерпев поражение в польском вопросе, Франция с тем большей настойчивостью стала настраивать против России Турцию и Швецию. Россия, в свою очередь, также считала, что столкновение с Турцией неизбежно, и начала готовиться к нему. Военные действия начались фактически в 1735 г. с похода крымского хана на земли Ирана, возвращенные последнему Россией. По пути туда хан вторгся на русскую территорию, и произошло столкновение с русскими войсками, а весной 1736 г. Россия официально объявила Турции войну. Примерно через год на стороне России выступила Австрия, но ее войска действовали неудачно, и 1 сентября 1739 г. австрийцы заключили с Турцией сепаратный мир. Русская армия действовала с переменным успехом, громкие победы сменялись серьезными поражениями. Военные трудности, выход из войны Австрии, а также опасность нападения Швеции заставили русское правительство пойти на заключение 18 сентября 1739 г. Белградского мирного договора с Турцией. По нему Россия получила только Азов, хотя и без права держать там войска, все другие территориальные приобретения возвращались туркам. Большая и Малая Кабарда на Северном Кавказе объявлялась нейтральной полосой между Россией и Турцией. Итак, несмотря на большие жертвы, выхода к Черному морю завоевать не удалось, проблема осталась нерешенной.

Несмотря на доброжелательные отношения, установившиеся между Россией и Швецией после окончания Северной войны, в Швеции имелись и противники мира с русскими, которые рассчитывали взять реванш за поражение и вернуть земли, уступленные по Ништадтскому миру. Они опирались на поддержку Франции, а также Пруссии, король которой Фридрих II в 1740 г. напал на Австрию, стремясь отнять у нее Силезию, и поэтому старался удержать Россию от вмешательства в эту войну, натравив на нее шведов. 27 июля 1741 г. Швеция объявила войну России. Но в первом же крупном бою в 1742 г. у крепости Вильманstrand шведская армия потерпела жестокое поражение, после чего уже не оказывала почти никакого сопротивления, и русские войска заняли всю Финляндию. Швеция вынуждена была просить мира, который и был заключен 7 августа 1743 г. в Або. По нему Россия удержала лишь небольшую часть завоеванной финской территории, а все остальное возвращала шведам, проявив еще раз умеренность в сношениях с ними.

Крупнейшим международным конфликтом в середине XVIII в., в котором участвовала Россия, была Семилетняя война 1756—1763 гг. В основе его лежало два главных противоречия: во-первых, борьба Англии и Франции за господство над колониями и, во-вторых, соперничество Пруссии и Австрии за гегемонию в Германии. Внешняя политика Англии и Франции в Европе направлена была на

то, чтобы найти здесь союзников и, втянув своего соперника в европейские дела, нанести ему поражение в колониях и на море. С другой стороны, Австрия никак не могла примириться с потерей Силезии, захваченной Пруссией, и обе державы энергично готовились к новой схватке. Политика России в европейских делах в то время определялась ее опасением перед растущей агрессией Пруссии, вставшей на путь захвата чужих земель. Особое беспокойство вызвало то, что прусский король Фридрих II стремился натравить на Россию Турцию и Швецию, а также не прочь был захватить часть Польши, Курляндию и Лифляндию. Накануне войны определилась следующая расстановка сил. С одной стороны выступали Франция и Австрия, заключившие 1 мая 1756 г. Версальский договор о взаимной военной помощи в случае агрессии против одной из них, а также Россия, готовая оказать им поддержку. С другой стороны находились Англия и Пруссия, заключившие так называемое Уайтхоллское соглашение, по которому обе стороны обязывались объединить свои силы для борьбы с иностранными войсками, вторгшимися в пределы Германии.

Фридрих II начал действовать первым. В августе 1756 г. без объявления войны он напал на Саксонию, разбил шедшие ей на помощь австрийские войска и вынудил Саксонию капитулировать. В то же время это нападение ускорило окончательное оформление антипрусской коалиции. В конце декабря 1756 г. Россия официально присоединилась к Версальскому договору Австрии и Франции, а в январе 1757 г. подписала с Австрией конвенцию, по которой каждая из сторон обязывалась выставить 80-тысячную армию и не заключать без взаимного согласия мира с Пруссией. А 1 мая 1757 г. между Австрией и Францией был заключен второй Версальский договор, по которому Франция обязывалась выставить против Пруссии 105 тыс. войск, или почти в 5 раз больше, чем по первому договору. Соблазнившись обещанием получить Померанию, против Пруссии выступила и Швеция.

В этой войне против Пруссии наиболее успешно действовала русская армия. В сражении при деревне Гросс-Егерсдорф 19 августа 1757 г. она нанесла пруссакам крупное поражение и в начале 1758 г. заняла всю Восточную Пруссию, в том числе Кёнигсберг, выйдя к нижнему течению Вислы. Самую большую победу русская армия над прусской одержала 1 августа 1759 г. близ Одера на высотах около деревни Кунерсдорф. Здесь прусские войска потеряли около 18 тыс. убитыми и ранеными, а сам король Фридрих II бежал с поля боя. В компанию 1760 г. русские войска 28 сентября заняли прусскую столицу Берлин. Однако все эти успехи из-за разногласий с австрийским союзником, разных дворцовых интриг, а иногда и бездарности командования не были использованы для окончательного разгрома Пруссии.

И все же ее положение к концу 1761 г. было уже безнадежным. Пруссию спасла неожиданная смерть Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 г. Взошедший на престол Петр III был горячим поклонником Фридриха II, а все его ближайшее окружение, состоявшее из немцев-голландцев, также ориентировалось на Пруссию. Поэтому Петр III не только прекратил войну с Пруссией, но заключил с ней военный союз, по которому русские войска должны были начать военные действия против вчерашних союзников. Однако антinationальная политика нового императора вызвала недовольство среди русского дворянства, и 28 июня 1762 г. в результате дворцового переворота он был свергнут и на престол взошла его жена, Екатерина II. Она отказалась от союза с Пруссией, но и войну с ней не возобновила. Но без помощи России Австрия и Франция не могли продолжать войну, и в 1763 г. она была закончена.

В результате Семилетней войны Россия не получила каких-либо территориальных выгод, но Пруссия, один из опасных ее врагов, была обессилена и на некоторое время выведена из строя. В ходе войны Европа еще раз убедилась в силе и мощи Русского государства и его армии, еще более вырос его международный авторитет.

Несмотря на успехи, достигнутые Россией в Семилетней войне, основные внешнеполитические задачи, стоявшие перед ней, — обеспечение выхода к Черному морю и воссоединение украинских и белорусских земель — все еще не были решены. На пути к достижению этих целей стояли не только Турция и Польша, но и некоторые другие государства, в особенности Франция, которую поддерживала Австрия. Франция боялась утверждения России на Черном море, так как это угрожало бы ее позициям на Ближнем Востоке. В свою очередь, Австрии не нравились усиление русского влияния в Польше, а также связи России с балканскими славянскими народами, часть которых входила и в состав Австрии. Ожесточенная борьба с Францией, нужда в русском железе, парусном полотне и лесе заставляли Англию искать сближения с Россией, но в то же время стремление последней овладеть берегами Черного моря и получить для флота право выхода в Средиземное море вызывало противодействие англичан.

В этих условиях естественным союзником России могла быть Пруссия, которая не имела непосредственных интересов в Турции и стремилась поживиться за счет Польши. Но осуществить эти планы Пруссия могла только в союзе с Россией, поэтому сама искала соглашения с ней. Все это привело к тому, что 31 марта 1764 г. между Россией и Пруссией был заключен оборонительный союз, по которому Пруссия обязывалась оказывать России денежную помощь в размере 400 тыс. руб. в случае ее войны с Турцией. Ни о каких территориальных требованиях к Польше в договоре не было речи. Заключение этого союза явилось началом нового курса во внешней политике России, который стал проводиться с воцарением Екатерины II. В 1765 г. был заключен договор с Данией, которая в обмен на уступку ей голштинских владений великого князя Павла Петровича обязывалась оказывать помощь России в случае ее войны с Турцией и Швецией. А в 1766 г. заключен торговый договор с Англией. В эти же годы усилилось влияние России в Польше, где после смерти Августа III на престол был избран ее ставленник Станислав Понятовский. Все эти соглашения создавали благоприятные условия для осуществления внешнеполитических задач России.

С другой стороны, они вызвали еще большее беспокойство у Франции и Австрии, которые с новой силой стали настраивать Турцию против России, обещая ей помощь и поддержку. Воспользовавшись небольшим пограничным инцидентом, Турция в октябре 1768 г. объявила России войну.

Турецкие войска с самого начала терпели поражение. В 1769 г. русская армия заняла Молдавию и Валахию, успешно действовала на Северном Кавказе и в Закавказье. Местное население с радостью встречало русские войска, которые несли им освобождение от турецкого гнета. В 1770 г. войска под командованием П.А. Румянцева в боях у Рябой Могилы и на реке Кагул наголову разгромили превосходящие силы турецко-татарской армии. Эскадра под командованием адмирала Г.А. Спиридова, прошедшая с Балтики в Средиземное море, 26 июня 1770 г. в Чесменской бухте в ожесточенном бою уничтожила турецкий флот. Русские войска высадились в Греции и на островах Эгейского моря, население которых встречало их как освободителей. В 1771 г. русская армия заняла Крым и ряд крепостей на Дунае.

Используя благоприятную обстановку, сложившуюся на фронтах, Россия предложила Турции начать мирные переговоры. Но последняя отклонила эти предложения, надеясь на помощь союзников. Возникла опасность прямого вступления Австрии в войну на стороне Турции. Помимо этого Пруссия, напуганная русскими военными победами, стала искать сближения с Австрией. В этих условиях России пришлось согласиться на раздел Польши, на чем уже давно настаивали Пруссия и Австрия и фактически уже начали его. Польша в это время находилась в состоянии полного политического разброда. Центральное правительство фактически не имело власти. Отдельные группировки феодалов, борясь за влияние, не гнушались иностранной помощью и нередко предавали национальные интересы. Все это создавало почти неограниченные возможности

для иностранного вмешательства в польские дела. Уже в 1770 г. Австрия и Пруссия под разными предлогами заняли ряд польских пограничных районов. По договору, заключенному в 1772 г. Австрия получила Галицию (Западную Украину), Пруссия — Поморье (без городов Гданьск и Торунь) и часть Великой Польши, а Россия — часть Восточной Белоруссии (воеводства Полоцкое, Витебское, Мстиславское и часть Минского) и Ливонии. Присоединение белорусских земель к России отвечало исконным стремлениям белорусского народа к воссоединению с братским русским народом.

В 1773 г. началась Крестьянская война под предводительством Пугачева, царское правительство решило как можно скорее окончить войну с Турцией, чтобы высвободить войска для подавления восстания. Было решено нанести Турции еще один сильный военный удар, что и было сделано в июне 1774 г. Русские войска перешли Дунай и нанесли туркам крупное поражение при Козлудже, осадили сильную крепость Шумлу, а некоторые части уже действовали за Балканами. Положение Турции стало безнадежным, и она запросила мира.

10 июля 1774 г. в болгарском селении Кючук-Кайнарджин между Россией и Турцией был подписан мирный договор, условия которого были продиктованы командующим русской армией Румянцевым. По нему к России переходили земли между Днепром и Южным Бугом, крепости в Крыму (Керчь, Еникале, Кинбурн), Азов и все земли до Кубани, а также Кабарда. Турция признавала независимость Крымского ханства. Русский торговый флот получил право свободного прохода по Черному морю и через проливы Босфор и Дарданеллы. Турция уплачивала России 4 млн рублей контрибуции. Народы Молдавии и Валахии формально оставались под властью Турции, но фактически были уже под протекторатом России. В мирном договоре имелись также статьи, которые облегчали положение угнетенных народов Балканского полуострова и Кавказа. Роль России на международной арене еще более выросла.

В последующие годы главные усилия русской дипломатии были направлены на то, чтобы до конца решить черноморскую проблему, поскольку Кючук-Кайнарджийский мир, несмотря на всю его выгодность, не сделал этого. Из перешедших к России портов только Керчь была пригодна для морского судоходства. Турция, хотя и признала независимость Крыма, не оставляла надежды вновь захватить его. Уже в 1775 г. она поставила ханом Девлет-Гирея. В ответ на это Россия ввела в Крым войска и провозгласила ханом Шагин-Гирея. Однако в 1782 г. сторонники Турции изгнали Шагин-Гирея. К берегам Крыма подошла турецкая эскадра. Тогда русское правительство вновь ввело в Крым войска. Крымский вопрос приобрел необычайную остроту, и его надо было как можно быстрее решать. В ходе переговоров с Г.А. Потемкиным Шагин-Гирей отказался от власти, и 8 апреля 1783 г. Екатерина II издала манифест о включении Крыма в состав России. В это же время была присоединена и территория между реками Ея и Кубань. В январе 1784 г. Турция подписала конвенцию, по которой признала присоединение Крыма и Прикубанья к России.

Присоединение Крыма и Северного Причерноморья к России имело большое историческое значение. Навсегда был положен конец разбойничьим набегам крымских и турецких феодалов на русские и украинские земли. Это привело не только к укреплению южных границ, но и к усилению экономического развития этих районов.

Одновременно с присоединением Крыма Россия добилась больших успехов на Кавказе. В результате длительных переговоров, которые велись между русским правительством и царем Картли и Кахетии Ираклием II, в июле 1783 г. в Георгиевске был подписан трактат, по которому Ираклий II вступал под покровительство России и признавал ее верховную власть. Тем самым Грузия получила новые, более благоприятные возможности для своего экономического и культурного развития.

Турция не хотела мириться с потерей Крыма и снова готовилась к войне, которую она и объявила России в августе 1787 г. А в июне 1788 г. Швеция, подталкиваемая Англией и Пруссией, также объявила войну России. В ходе военных действий русская армия и флот нанесли противникам сокрушительные удары. Среди них нужно отметить блестящие победы, которые были одержаны войсками под командованием А.В. Суворова под Фокшанами в июле 1789 г. и на реке Рымник в сентябре того же года. А на Балтийском море русский флот 13 августа 1789 г. в бою у Роченсальма почти целиком уничтожил шведскую флотилию. На суше по шведским войскам также был нанесен ряд ударов, в результате которых Швеция была выведена из войны. 3 августа 1790 г. в финской деревне Вереле между Россией и Швецией был заключен мир. Он значительно облегчил положение России, тем более что в это время произошли события, неблагоприятные для нее. Особенно важным было то, что под давлением Англии и Пруссии союзная с Россией Австрия заключила с Турцией перемирие. Воинственную позицию заняло английское правительство У. Питта, готовое начать с Россией войну. В этих условиях исход войны решили новые успехи русской армии. Особое значение имел штурм и взятие Суворовым 11 декабря 1790 г. Измаила, самой мощной турецкой крепости на Дунае, а в 1791 г. Черноморский флот под командованием Ф.Ф. Ушакова у мыса Калиакрии разгромил турецкий флот. После этого Турция прекратила борьбу.

В Яссах 29 декабря 1791 г. был подписан мир, по которому Турция подтверждала Кючук-Кайнарджийский договор, признавала присоединение Крыма к России, отдавала ей крепость Очаков, а граница России и Турции переносилась с Буга на Днестр. Ясский договор еще более укрепил положение России на Черном море. Новые успехи России вдохновляли балканские народы на борьбу против турецкого ига.

В конце XVIII в. царское правительство, как и вся феодальная Европа, враждебно встретило Французскую буржуазную революцию. Вместе с Англией, Пруссией и Австрией оно выступило в качестве инициатора удушения революционной Франции. Вместе с Австрией и Пруссией Россия участвовала во втором и третьем разделе Польши, которые были произведены в 1793 и 1795 гг. и в результате которых Польша как самостоятельное государство перестала существовать.

В целом в XVIII в. Россия достигла больших успехов в осуществлении своих внешнеполитических задач. Она добилась выхода к Балтийскому и Черному морям, возвратила все древнерусские земли, что имело жизненно важное, общенациональное значение для страны. В ходе решения внешнеполитических задач были созданы передовые армия и флот, одержавшие блестящие победы. Одновременно во внешней политике царизма начали сказываться и реакционные черты, особенно ярко проявившиеся в ликвидации польской государственности и в отношении к Французской буржуазной революции. В конце XVIII в. Россия заняла выдающееся положение на европейской и мировой арене.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс перехода Европы от феодализма к капитализму в XVII—XVIII вв. отличался крайней противоречивостью. Необходимо учитывать, что смена общественного строя и политических структур происходит асинхронно в разных исторических регионах и странах. Данная эпоха может быть переходной в масштабах общемирового развития, но не для отдельной страны или региона. Все зависит от того, в какой степени процессы, происходящие в данной стране, по характеру своему стадияльно опережают эпоху, совпадают с ней или отстают от нее и выпадают из ее исторического содержания.

Середина XVII в. — начало конечной стадии кризиса европейского феодализма. С того времени генезис нового, капиталистического строя приобрел необратимый характер в общеевропейском масштабе. Для этого требовалась совокупность экономических условий, наиболее важными среди которых являлись: во-первых, возобладание мануфактуры в промышленном производстве над ремеслом — положение, возможное лишь при условии укоренения ее в деревне; во-вторых, достижение мануфактурой такой эффективности, когда она приобретает способность самостоятельного роста, иначе говоря, когда получаемая прибыль оказывается достаточной, чтобы питать непрерывный процесс расширенного производства, и, наконец, в-третьих, превращение идеи меркантилизма в основу государственного регулирования промышленного производства внутри страны, защита интересов “национальной мануфактуры” на внешних торговых путях и рынках. Однако перечисленные выше условия сами по себе не могли гарантировать необратимости процесса генезиса капитализма в континентальном и всемирном масштабе без решающего политического условия, каким явилась победа нового строя в Англии.

Схематично типологии процесса генезиса капитализма в мануфактурный период предстает в следующем виде:

I. Раннебуржуазный регион: Англия, Голландия.

II. Регион феодальных стран с необратимым развитием капиталистического уклада, центром которого стала Франция и который включал наряду с ней некоторые районы Западной Германии, Северной Италии, Южных Нидерландов, Швеции. На протяжении XVIII в. к этому региону примкнули отдельные области Центральной Германии, Чехии, Испании (Каталония).

III. Регион обратимого развития капиталистического уклада: отдельные области Италии, Испании, Юго-Западной Германии, Австрии.

IV. Регион крепостного права.

Европа первой в мире вступила в период мануфактурного капитализма. Его закономерности проявились здесь в относительно чистом виде прежде всего в раннебуржуазном регионе. Вместе с тем эволюция всех регионов в разных формах отражала течение ведущего и определяющего процесса — превращения буржуазного уклада в господствующий, развитие (в мануфактурной форме) капиталистического производства в промышленности, переход к аренде предпринимательского типа в сельском хозяйстве. В рамках общеевропейского процесса резко возрос удельный вес раннебуржуазного региона и отчасти региона феодальных стран с необратимым развитием капиталистического уклада за счет снижения роли стран Юго-Западной Европы, бывших передовыми на заре капиталистической эры. Именно на первые два региона приходится основная масса научных открытий, а на раннебуржуазный регион — и внедрение

технологических нововведений в производство. Это было прямым воплощением хода объективно происходившего (хотя почти не осознававшегося современниками и, стоит добавить, еще не освещенного в историографии) экономического соревнования между феодальной и шедшей ей на смену капиталистической системой, соревнования как в национальных пределах, так и в региональном и континентальном масштабе.

В чем выразились главные тенденции нового периода в развитии мануфактуры в Европе? Прежде всего в том, что во второй половине XVII в. резко возрастает удельный вес в капиталистическом производстве централизованных мануфактур. Ряд факторов содействовал этому. Мировая торговля расширила в значительной степени сырьевую базу европейской промышленности (шелк, хлопок, красители, сахар и т.д.) и тем самым содействовала основанию многих новых отраслей промышленности. Этот же фактор дал мощный толчок судостроению. Рост спроса на металлы и металлические изделия обусловил интенсивное укрупнение в таких старых отраслях промышленности, как горнодобывающая, металлургия, обработка металлов. Наконец, правительства, заинтересованные в производстве оружия и военного снаряжения (в связи с переходом к регулярным постоянным армиям), всячески поощряли основание централизованных мануфактур. Во второй половине XVII в. усиливается процесс перебазирования промышленности из города в деревню. Вместе с тем следует подчеркнуть, что рассеянная мануфактура оставалась вплоть до конца собственно мануфактурного периода основной, доминирующей формой капиталистического производства.

В распространении в деревне работы на скупщика, несомненно, важную роль сыграли и стремление предпринимательских элементов освободиться от стеснительных рамок господствовавших в городах цеховых статуты, и экономическая целесообразность приближения промышленности — в случае основания централизованных мануфактур — к источникам сырья и энергии (водным потокам). Однако не в этих, хотя и немаловажных, соображениях следует усматривать движущий мотив подобных начинаний. Решающая предпосылка "великого исхода" промышленности из города в деревню заключалась в разорении значительного слоя в прошлом самостоятельных землевладельцев.

Речь идет не только о следствии "спойтанной" социально-имущественной дифференциации крестьянства в условиях товарного производства, но и о сознательно осуществлявшейся землевладельческим классом политике вытеснения из землепользования хозяйственно слабых слоев традиционных держателей, как это имело место в Англии, с целью либо увеличить площади собственных доменов, либо заменить традиционный экономический быт выгодной для землевладельцев социальной средой. Предпринимателей же привлекал в деревню прежде всего неисчерпаемый резерв дешевой рабочей силы при самых незначительных изначальных затратах капитала на организацию производства. Рассеянная мануфактура обеспечивала предпринимателям прибыли, успешно конкурировавшие с доходами членов многих заморских торговых компаний, при минимальном риске убытков. Образно говоря, рассеянная мануфактура оказывалась "золотой россыпью Нового Света", обнаруженной в нескольких милях от родного города. Вторая половина XVII в. и XVIII в. — время подлинного расцвета этой мануфактуры, являвшейся самым репрезентативным воплощением собственно мануфактурного периода капитализма.

Таким образом, развитие мануфактуры в Англии не только было тесно связано, но в определенном смысле стало прямым следствием продолжавшегося аграрного передела, принявшего в XVIII в. форму "парламентских огораживаний". Это легализованное массовое обезземеливание английского крестьянства не только обеспечивало мануфактуру дешевой рабочей силой, но и было наиболее ярким проявлением того процесса смены мелкокрестьянского хозяйства капиталистическими формами сельскохозяйственного и промышленного производства, которому принадлежало будущее.

Можно ли, однако, говорить об общеевропейском характере кризиса феодализма, если известно, что в странах к востоку от Эльбы феодальные отношения именно в XVII в. приняли наиболее жестокий характер крепостничества? Для объективной оценки того, что произошло к востоку от Эльбы, необходимо совершить небольшой экскурс в экономическую историю феодализма. Известно, что элементы “кризиса феодализма” проявились в Европе уже в XIV—XV вв., еще в условиях простого товарного производств. Однако в действительности в этом случае шла речь всего лишь о кризисе сеньориальной формы феодального присвоения, а вовсе не о кризисе феодализма как общественного строя. Вызванное развитием товарности сельского хозяйства стремление сеньоров к увеличению доходов в условиях происшедшего в предшествующий период укрепления экономических и в известном смысле юридических оснований крестьянского хозяйства требовало введения в действие новых рычагов внеэкономического принуждения. Только политическая централизация и в конечном счете утверждение абсолютизма смогли подключить к источникам, питавшим феодальную систему, наряду с сеньориальными рентами налоги и доходы, приносимые политикой меркантилизма — покровительства капиталистическому укладу. На этом фундаменте зиждилась восходящая фаза абсолютизма. Однако в XVII—XVIII вв. в общеевропейском масштабе абсолютизм вступил в свою нисходящую фазу. Идея “государственной целесообразности” не могла больше оправдывать в глазах подданных гнет этой государственности, разорявшей поборами деревню и все больше стеснявшей своими регламентами и препонами деятельность буржуазии.

На этом историческом переломе в различных регионах проявились признаки назревающего общественного кризиса. В каждом регионе и стране конкретные причины этого кризиса и формы, в которые он выливался, были различными. В одних случаях они свидетельствовали лишь о кризисе данной политической формы феодализма, а в других — о кризисе феодализма как экономической системы. В целом же они говорили об общеевропейском характере кризиса, охватившего все области жизни начиная с экономики и кончая традиционным общественным сознанием.

Но как же в таком случае вписать в эту картину восточно-эльбский регион, который, будто ей вопреки, проделал в период мануфактурного капитализма эволюцию, настолько противоречившую опыту Западной Европы, что одни историки расценивают это как расцвет феодальных форм эксплуатации, другие — как попятное движение к наиболее примитивным из этих форм, а третий, наоборот, — как переход к буржуазному типу хозяйства?

Так называемый аграрный дуализм начал складываться в Европе в конце XIV и в XV в., когда в странах Западной Европы получила преобладание денежная (или натуральная) рента, а на востоке от Эльбы движение наблюдалось в обратном направлении — от натуральной и денежной формы к ренте отработочной. Окончательно же аграрный дуализм утвердился в XVI в. Очевидно, что приблизиться к разгадке явлений аграрного дуализма в Европе можно лишь при одном условии — рассмотрении их сквозь призму общеевропейского разделения труда, сложившегося в результате формирования общеевропейского и мирового рынка.

В условиях генезиса капитализма в странах Европы и обусловленного им характера международного обмена восточно-эльбскому региону выпала роль продовольственно-сырьевого хинтерланда. То же обстоятельство, что землевладельцы в странах этого региона захватили в свои руки ключевые позиции как на внутреннем рынке, так и на путях торгового обмена с Западом, объясняется уже спецификой социальной и политической структуры соответствующих обществ. Попытка землевладельческого дворянства подчинить барщинное хозяйство цели получения максимального рыночного продукта, нашедшая выражение в системе крепостничества, являлась в глубинной своей основе таким же признаком вырождения и разложения феодального способа производства, как и явления сеньориальной реакции в странах Западной Европы. Иначе говоря, под покровом внеш-

ней “рефеодализации”, “укрепления”, “расцвета” феодальных форм производства система, утвердившаяся в восточно-эльбском регионе, приняла такую форму приспособления к стихии товарного рынка, которая в исторической перспективе вела к полному истощению самой подосновы барщинной системы крестьянского хозяйства и, тем самым, к краху этой системы.

Итак, процесс генезиса капитализма являлся в XVII—XVIII вв. ведущим фактором социально-экономических сдвигов в Европе в целом, безотносительно к тому, какими конкретными региональными формами общественного развития данный процесс в каждом случае оборачивался. В этом и проявляется принципиальное различие между всемирно-историческим уровнем видения процесса истории и локальными, региональными его формами и условиями. Этим только подтверждается невозможность научного постижения каких-либо явлений или процессов в отдельно взятой стране, рассмотрения их в отрыве от целостного представления о континентальном, всемирно-историческом горизонте современной им эпохи.

Особенности конкретно-исторического развития отдельных стран и регионов не должны затемнять воздействия интегрирующего в континентальном масштабе фактора — поступательного движения всего европейского общества во второй половине XVII—XVIII в., возникновения международного рынка, на который все большее влияние оказывал уже новый, капиталистический способ производства.

Очевидно, что только в рамках указанного универсализма, единства и целостности европейской истории в мануфактурный период капитализма возникают предпосылки для типологического осмысления региональных процессов. Сопоставление развития двух полярных регионов Европы — в плане социально-экономическом — подтверждает это заключение с предельной очевидностью. Одной из бросающихся в глаза особенностей экономического развития Европы являлось то обстоятельство, что особо быстрый рост промышленности в XVII—XVIII вв. наблюдался на двух ее полюсах: на крайнем Западе, в раннебуржуазной Англии (а также во Франции, с ее уже развитым буржуазным укладом), и на востоке континента — в России, где, несмотря на господство феодального строя, отмечалось ускоренное развитие централизованной мануфактуры (хотя и основанной на крепостном труде).

Однако условия развития мануфактуры серьезно отличались в раннебуржуазных и феодальных странах. Хотя возможности одновременного существования феодализма и мануфактурного капитализма в рассматриваемый период оставались еще не исчерпанными на национальном, региональном и континентальном уровне, это отнюдь не исключало экономического соревнования между двумя различными социальными системами. В рамках отдельной страны оно проявлялось как взаимодействие и борьба между различными хозяйственными укладами. Это соревнование, хотя оно лишь в ограниченной мере было осознано современниками, велось в сфере экономики и политики и наложило определенный отпечаток на идеологию Века Просвещения.

Хронологический разрыв в складывании капиталистических отношений в различных странах и регионах способствовал тому, что развитие ряда стран, в частности Центральной Европы, приобретало черты застоя и упадка, преодолевавшегося позднее в результате воздействия общемирового развития.

Выравнивающую роль в экономическом взаимодействии регионов со столь различными общественными укладами играла, как уже отмечалось выше, внешняя торговля, в ходе которой складывался европейский и мировой рынок периода мануфактурного капитализма. Первые две трети XVIII в. были временем более быстрого развития внешней торговли по сравнению с развитием мануфактуры. Это, однако, не означало, что спрос на мануфактурные изделия постоянно обгонял предложение — в большинстве случаев дело обстояло как раз наоборот. Внешняя торговля обгоняла промышленность по темпам роста в очень большой мере благодаря увеличению ввоза колониальных продуктов в страны-метрополии и их последующего реэкспорта в другие государства. Росту спроса на про-

мышленные изделия, помимо внутренних причин в каждой стране, мешали раздробление мирового рынка на отдельные части, каждая из которых монополизировалась определенной страной, а также неповоротливость самого производства, неразвитость кредитной системы; в сложившихся условиях концентрация капитала в торговле, как правило, по-прежнему обгоняла его концентрацию в промышленности. Капиталы верхушечных слоев буржуазии были заняты преимущественно вне промышленности — в торговле, банковском деле, не говоря уже о таких непроизводительных сферах, как откуп налогов, государственные займы, покупка государственных должностей.

Влияние внешней торговли на развитие промышленности может быть различным и даже прямо противоположным по своим последствиям в зависимости от состояния мануфактуры в данной стране. В раннебуржуазном регионе рост внешней торговли служил стимулом для промышленности, но до тех пор, пока на последнем этапе развития мануфактуры это соотношение не претерпело коренного изменения. Благодаря высокой конкурентной способности мануфактура стала сама создавать рынок для своих товаров. Это, конечно, не исключало того, что причины колебания спроса на иностранных рынках находились вне непосредственного воздействия мануфактуры, поскольку они коренились как в закономерностях функционирования экономики феодальных стран, так и в привходящих обстоятельствах (войны и т.п.). Значительно более стабильным был спрос на колониальных рынках, но рост его зависел от ряда причин, связанных с особенностями развития колоний, находившихся во владениях феодальных и раннебуржуазных государств.

В XVIII в. Англии удалось превратить свои владения в Америке в обширный, быстро расширяющийся рынок для своих мануфактурных товаров, прежде всего изделий из металла, а также шерстяных, полотняных и хлопчатобумажных тканей. Реэкспорт колониальных товаров наряду с вывозом мануфактурных изделий привел к заметному возрастанию балтийской торговли. Он увеличил заинтересованность дворянства и купечества стран Восточной Европы в вывозе продукции сельского хозяйства и добывающей промышленности, чтобы получить средства для приобретения все более входивших в потребление колониальных товаров, не говоря уже о европейских промышленных изделиях. Играя большую роль в выравнивания экономического развития регионов, внешняя торговля оказывала и противоположное этому влияние, консервируя посредством международного разделения труда многоукладность европейской экономики, в том числе наиболее отсталые ее формы.

Столь же внешне пестрой была картина становления политической системы нового европейского общества. Раннебуржуазный регион был пока единственным, в котором государственность, установившаяся в результате победоносных революций к концу XVII в., была в целом приведена в соответствие с социальной структурой, присущей мануфактурной стадии развития капитализма. Напротив, для большей части континента характерным было укрепление абсолютизма.

Глубинной экономической причиной относительной устойчивости социально-политического строя большинства европейских феодальных государств за полтора столетия между серединой XVII в. и 1789 г. была возможность сравнительно длительного экономического сосуществования господствующего феодального и растущего капиталистического укладов. Перестройка административного аппарата европейских монархий, жесткая централизация бюрократической машины и вновь созданных регулярных армий, подчиненных центральному правительству, обеспечили абсолютизму дополнительно целый период исторического существования. Эта перестройка, отвечавшая интересам феодального дворянства как класса, вместе с тем позволяла в большей мере, чем прежде способствовать удовлетворению устремлений верхушки непривилегированных сословий. В свою очередь абсолютизм мог выполнять свою роль, только опираясь в растущей степени на материальные ресурсы капиталистического сектора эко-

номики. Несмотря на внешнее укрепление абсолютизма, на приобретение им "просвещенного" характера, с неотвратимостью наступило время его нисходящей стагни, когда он во все большей мере зависел от поддержки со стороны влиятельных слоев буржуазии.

Утверждение рассеянной мануфактуры, внешне не изменяя веками сложившегося строя жизни, создавало новую систему экономических отношений в тысячах и тысячах селений по всему континенту, связывало их прочными нитями с местными, областными и национальными рынками. Не только в раннекапиталистических, но и в некоторых других европейских странах неуклонно возрастало богатство буржуазии, прежде всего ее верхушечных слоев — денежных тузов, откупщиков налогов, судовладельцев и купцов, капиталы которых были вложены во внешнюю, особенно колониальную, торговлю. Эти верхи буржуазии всячески пытались проникнуть в ряды привилегированных сословий, в частности, путем покупки государственных должностей и приобретения дворянских земель.

На протяжении всего мануфактурного периода развития капитализма наряду с возможностью обуржуазивания части дворянства сохранялись также возможности одворянивания части буржуазии. При этом одворянивание (даже частичное) буржуазии в мануфактурный период было реальным изменением социальной сущности этой части буржуазии, а не просто приобретением дворянских титулов в новом буржуазном обществе или "сращиванием" с дворянством на чисто буржуазной основе (как это имело место позднее в Англии, Франции, Германии и ряде других стран). В этом отношении процесс одворянивания буржуазии явно отличается от процесса обуржуазивания дворянства, имевшего одинаковый социальный смысл в период мануфактурного и позже — промышленного капитализма. Абсолютизм, способствуя или, по крайней мере, не препятствуя одворяниванию верхушки буржуазии, сохранял тем самым дополнительное средство воздействия на значительные ее слои. Вместе с тем одворянивание буржуазии в определенных условиях являлось начальным этапом обуржуазивания дворянства.

Для успеха борьбы против абсолютизма в XVIII в. нужен был значительно более высокий, чем в середине XVII в., уровень развития политического сознания социальных групп, угнетавшихся абсолютизмом. Наиболее адекватным идеологическим выражением интересов буржуазии, совпадавших с интересами общественного прогресса в целом, стало Просвещение. Оно явилось следствием неодолимости того нового, что было привнесено в духовную жизнь европейских народов вопреки стабилизации феодального уклада в экономической и абсолютизма в политической сферах в большинстве европейских стран. Во второй половине XVII в. на смену картезианству пришли идеи Локка и Ньютона. На основе прогресса естественных наук получило преобладание материалистическое течение в идеологии Просвещения. Идеиные устои феодального строя были подорваны, что оказало существенное воздействие и на сдвиги в сфере социальной психологии.

Переходная эпоха порождала новые противоречия: между стремительным взлетом научного знания и замедленным характером технического прогресса в условиях мануфактурного производства; между достигнутой зрелостью мануфактуры и отсутствием (за исключением Англии) необходимых условий для развертывания промышленного переворота; между широким распространением передовых идей, ростом народного недовольства и относительной стабильностью абсолютистского строя. Совокупность этих противоречий находила лишь частичное отражение в идеологии Просвещения, а их подлинная суть оставалась неясной для просветителей. Стремясь к замене существующего порядка грядущим строем гармонии, они, за немногими исключениями, надеялись шагнуть в будущий "золотой век" путем распространения просвещения благодаря реформам, проводимым просвещенными монархами. Между тем реформы просвещенного абсолютизма в основном были попытками модернизации того самого строя, который осуждался передовой мыслью "века Разума".

ЛИТЕРАТУРА

ОБЩИЕ РАБОТЫ

- Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д. Краткая история Албании. М., 1965.
- Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983.
- История Болгарии. М., 1954. Т. 1.
- История Венгрии. М., 1971. Т. 1.
- История дипломатии. М., 1959. Т. 1.
- История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 3.
- История Норвегии. М., 1980.
- История Польши. М., 1956. Т. 1.
- История Чехословакии. М., 1956. Т. 1.
- История Швеции. М., 1974.
- История Югославии. М., 1963. Т. 1.
- История южных и западных славян. М., 1979.
- Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. СПб., 1908. Т. 11.
- Рюде Дж. Народные низы в истории, 1730—1848. М., 1984.
- Сказкин С.Д. Очерки по истории западно-европейского крестьянства в средние века. М., 1968.
- Abel W. Massenarmut und Hungerkrisen im vorindustriellen Europa: Versuch einer Synopsis. Hamburg; B., 1974.
- Bloch M. Les caractères originaux de l'histoire rurale française. P., 1952—1956. Vol. 1—2.
- Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe—XVIIIe siècle. P., 1979. Vol. 1—3.
- The Cambridge Economic History of Europe. Cambridge, 1967—1977. Vol. 4—5.
- Chaunu P. La civilisation de l'Europe classique. P., 1970.
- Deyon P. Le mercantilisme. P., 1969.
- The Fontana Economic History of Europe. L., 1972—1978. Vol. 2—4. From Absolutism to Revolution, 1648—1848. N.Y., 1968.
- Gould J.D. Economic Growth in History. L., 1972.
- Histoire des relations internationales. P., 1955. Vol. 3. (Zeller G. Les temps modernes, II. De Louis XIV à 1789).
- Histoire économique et sociale du monde. P., 1978. Т. 2.
- Histoire générale de l'Europe. P., 1980. Т. 2: L'Europe du début du XIVe à la fin du XVIIIe siècle.
- History of technology. Oxford, 1958. Vol. 3.
- Kula W. Théorie économique du système féodal. P., 1970.
- Léon P. Economies et sociétés préindustrielles. P., 1970. Т. 2: (1650—1780).
- Le Roy Ladurie E. Histoire du climat depuis l'an mil. P., 1967.
- McKay D., Scott H.M. The rise of the great powers, 1648—1815. L.; N.Y., 1984.
- Mousnier R. Fureurs paysannes: Les paysans dans les révoltes du XVIIe siècle (France, Russie, Chine). P., 1967.
- The New Cambridge modern history. Cambridge, 1970. Vol. 4—7.
- Propyläen Geschichte Europas. Frankfurt a. M., 1976. Bd. 3. (Mandrou R. Staatsräson und Vernunft, 1649—1775).
- Rostworowski E. Historia powszechna, wiek XVIII. W-wa, 1980.
- Slicher van Bath B.H. The Agrarian History of Western Europe A.D. 500—1850. L., 1963.
- Slicher van Bath B.H. The Yields of Different Crops 1810—1820 // Acta Historica. 1967.
- Spooner F. The International Economy and Monetary Movements in France, 1493—1725. Cambridge (Mass.), 1972.
- Vansittart P. World and Underworlds: Anglo-European History through the Centuries. L., 1974.
- Vilar P. Or et monnaie dans l'histoire, 1450—1970. P., 1974.
- Vries J.de. The Economic History of Europe: An Age of Crisis, 1600—1750. L., 1976.
- Wallerstein J. The Modern World-System. N.Y., 1974—1980. Т. 1—2.
- Woloch I. Eighteenth-Century Europe, Tradition and Progress, 1715—1789. N.Y.; L., 1982.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

- Английская буржуазная революция XVII в. М.; Л., 1954. Т. 1—2.
- Архангельский С.И. Аграрное законодательство великой Английской революции, 1643—1648 гг. М., 1935.
- Архангельский С.И. Аграрное законодательство Английской революции, 1649—1660 гг. М., 1940.
- Архангельский С.И. Крестьянские движения в Англии в 40—50-х годах XVII в. М., 1960.
- Барз М.А. Народные низы в Английской буржуазной революции XVII в. М., 1967.
- Лавровский В.М., Барз М.А. Английская революция XVII в. М., 1958.
- Левин Г.Р. Демократическое движение в Английской буржуазной революции. Л., 1973.
- Павлова Т.А. Вторая английская республика (1659—1660). М., 1974.
- Павлова Т.А. Кромвель. М., 1980.
- Поршнев Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.

- Сапрыкин Ю.М.* Политическое учение Гаррингтона: Из истории идейно-политической борьбы в годы Английской буржуазной революции XVII века. М., 1975.
- Ashton R.* The English Civil War: Conservatism and Revolution, 1603—1649. L., 1978.
- Aylmer G.E.* The State's Servants: The Civil Service of the English Republic, 1649—1660. L., 1973.
- Ball Bryan W.* A Great Expectation: Eschatological Thought in English Protestantism to 1660. Leiden, 1975.
- Blackwood B.G.* The Lancashire Gentry and the Great Rebellion, 1640—1660. Manchester, 1978.
- Bottingheimer K.S.* English Money and Irish Land: The "Adventurers" in the Cromwellian Settlement of Ireland. Oxford, 1971.
- Bowle J.* Charles I: A Biography. Boston; Toronto, 1976.
- Brockway F.* Britain's First Socialists: The Levellers, Agitators and Diggers of the English Revolution. L., 1980.
- Burragh Ch.* Early English Dissenters. Cambridge, 1912.
- Capp B.S.* The Fifth Monarchy Men. L., 1972.
- Collinson P.* English Puritanism. L., 1984.
- Ellis P.B.* Hell or Connaught!: The Cromwellian Colonisation of Ireland, 1652—1660. N.Y., 1975.
- Fletcher J.* The Outbreak of the English Civil War. L., 1981.
- Fraser A.* Cromwell: Our Chief of Men. Bungay (Suffolk), 1973.
- Freund M.* Die grosse Revolution in England: Beginn eines heroischen Zeitalters. München, 1979.
- Gralher M.* Demokratie und Repräsentation in der Englischen Revolution: Studien zur demokratischen Repräsentation in der Pamphletistik der Leveller im England des siebzehnten Jahrhunderts. Meisenheim am Glan; Hain, 1973.
- Hill Ch.* God's Englishman: Oliver Cromwell and the English Revolution. Harmondsworth (Midd'x), 1972.
- Hill Ch.* Milton and the English Revolution. L., 1977.
- Howell R. (jr.).* Cromwell. Boston; Toronto, 1977.
- Hroch M.* Oliver Cromwell. Pr., 1968.
- Julé G.* The Independents in the English Civil War. Cambridge, 1958.
- Liu T.* Discord in Zion: The Puritan Divines and the Puritan Revolution, 1640—1660. The Hague, 1973.
- Lutaud O.* Cromwell, les niveleurs et la République. P., 1978.
- MacCormack J.R.* Revolutionary Politics in the Long Parliament. Cambridge (Mass.), 1973.
- Morrill J.S.* The Revolt of the Provinces: Conservatives and Radicals in the English Civil War, 1630—1650. L., 1976.
- Morton A.L.* The World of the Ranters: Religious Radicalism in the English Revolution. L., 1970.
- Puritans and Revolutionaries: Essays in Seventeenth-century History Presented to Christopher Hill.* Oxford, 1978.
- Radical Religion in the English Revolution.* Oxford, 1984.
- Reay B.* The Quakers and the English Revolution. L., 1985.
- Stone L.* The Causes of the English Revolution, 1529—1642. L., 1972.
- Stone L.* The Crisis of the Aristocracy, 1558—1641. Oxford, 1967.
- Trevor-Roper A.R.* Archbishop Laud. L., 1958.
- Underdown D.* Pride's Purge: Politics in the Puritan Revolution. Oxford, 1971.
- Underdown D.* Royalist Conspiracy in England, 1649—1660. New Haven, 1960.
- Veall D.* The Popular Movement for Law Reform, 1640—1660. Oxford, 1970.
- Wedgwood C.W.* Trial and Execution of Charles I. L., 1962.
- Weingarten H.* Die Revolutionskirchen Englands. Leipzig, 1868.
- Wilson J.F.* Pulpit in Parliament: Puritanism during the English Civil Wars, 1640—1648. Princeton, 1969.
- Woolrych A.* Commonwealth to Protectorate. Oxford, 1982.
- Worden B.* The Rump Parliament, 1648—1653. Cambridge, 1974.
- Wrightson R.* English Society, 1580—1680. L., 1982.
- Zagorin P.* The Court and the Country: The Beginning of English Revolution. L., 1969.
- ## Глава 2
- Малов В.Н.* Фронда // Вопр. истории. 1986. № 7.
- Поршнев Б.Ф.* Английская революция и современная ей Франция // Английская буржуазная революция XVII века. М., 1954. Т. 2.
- Поршнев Б.Ф.* Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648). М.; Л., 1948.
- Поршнев Б.Ф.* Отклики французского общественного мнения на Английскую буржуазную революцию // Средние века. М., 1956. Вып. 8.
- Bonney R.* Political Change in France under Richelieu and Mazarin, 1624—1661. Oxford, 1978.
- Bourgeon J.L.* L'île de la Cité pendant la Fronde: Structure sociale // Paris et Ile-de-France: Mémoires. P., 1962. Т. 13.
- Cans A.* Le rôle politique de l'assemblée du clergé pendant la Fronde // Revue historique. P., 1913. Т. CXIV.
- Courteault H.* La Fronde à Paris: Premières et dernières journées. P., 1930.
- Cubells M.* Le parlement de Paris pendant la Fronde // XVIIe siècle. P., 1957. N 35.
- Jacquart J.* La Fronde des princes dans la région parisienne et ses conséquences matérielles // Revue d'histoire moderne et contemporaine. P., 1960. N. 4.
- Knachel Ph.A.* England and the Fronde. Ithaca; L., 1967.
- Kossman E.H.* La Fronde. Leyde, 1954.
- Lorris P.-G.* La Fronde. P., 1961.
- Moote A.L.* The Revolt of the Judges: The Parlement of Paris and the Fronde. Princeton, 1971.
- Sainte-Aulaire L.C. de.* Histoire de la Fronde. P., 1827.
- Westrich S.A.* The Ormée of Bordeaux: A Revolution during the Fronde. Baltimore; L., 1972.

Главы 3 и 4

- Архангельский С.И.* Народно-освободительные движения в Юго-Западной Европе в период Английской революции // Докл. и сообщ. Ин-та истории. М., 1954. Вып. 3.
- Варьяш О.И. Черных А.П.* Городские движения средневековой Португалии // Городская жизнь средневековой Европы. М., 1987.
- Малов В.Н.* Франция и Португалии перед португальской революцией 1640 г. // Средние века. М., 1971. Вып. 33.
- Elliot J.A.* The Revolt of the Catalans: A Study in the Decline of Spain, 1598—1640. Cambridge, 1963.
- Faria M.S.* Alterações em Evora // Melo F.M. Epanaphoras de varia historia portuguesa. Lisboa, 1977.
- Galasso G.* Intervista sulla storia di Napoli. Roma; Bari, 1978.
- Rebello da Silva L.A.* Historia de Portugal nos seculos XVII e XVIII. Lisboa, 1971. Т. 3.
- Reis Torgal L.* Ideologia politica e teoria do Estado na Restauração. Coimbra, 1981. Т. 1.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

- Малов В.Н.* Был ли кризис XVII века? // Новая и новейшая история. 1985. № 5.
- Attman A.* The Bullion Flow between Europe and the East 1000—1750. Göteborg, 1981.
- Bang N.E.* Tabeller over skibsfart og varentransport gennem Øresund, 1497—1660. København, 1906—1933. Dd. I—III.
- Bang N.E., Korst K.* Tabeller over skibsfart og varentransport gennem Øresund 1661—1783 og gennem Storebaelt 1701—1748. København, 1930—1953. Dd. I—IV.
- Bronnen tot de geschiedenis der wisselbanken Amsterdam, Middelburg, Delft, Rotterdam / Ed. J.G. van Dillen.* s'Gravenhage, 1925. D. I—II.
- Chaudhuri K.* The Trading World of Asia and the English East India Company, 1660—1760. Cambridge, 1978.
- Chauru H., Chauru P.* Séville et l'Atlantique. Partie Ire. P., 1956. T. VI; Partie II^{re}. P., 1959. T. VIII 2/2.
- Cipolla C.M.* Mouvements monétaires dans l'Etat de Milan (1580—1700). P., 1952.
- Furber H.* Rival Empires of Trade in the Orient, 1600—1800. Minneapolis, 1976.
- Goslinga C.Ch.* The Dutch in the Caribbean and on the Wild Coast, 1580—1680. Assen, 1971.
- Hamilton E.J.* American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501—1650. Cambridge (Mass.), 1934.
- Jeannin P.* Les comptes du Sund comme source pour la construction d'indices généraux de l'activité économique en Europe, XVIe—XVIIIe ss. // Revue historique. P., 1964. N 1/2
- Meuvret J.* La conjoncture internationale de 1660 à 1715 // Bulletin de la Société d'histoire moderne. P., 1964. N 28.
- Moreneau M.* Flottes de commerce et trafics français en Méditerranée // XVIIe siècle. P., 1970. N 86/87.
- Moreneau M.* Incroyables gazettes hollandaises et fabuleux métaux américaines. L.; P., 1985.

Schipa M. Masaniello. Bari, 1925.

Villari R. La rivolta antispagnola a Napoli: Le origini (1585—1647). Bari, 1967.

Villari R. Ribelli e riformatori dal XVI al XVIII secolo. Roma, 1970.

Глава 5

- Городские восстания в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1935.
- Маньков А.Г.* Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980.
- Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947.
- Тихомиров М.Н.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969.
- Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978.
- Чистякова Е.В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века (30—40-е годы). Воронеж, 1975.

Romano R. Fra XVI e XVII secolo: Una crisi economica, 1619—1622 // Rivista storica italiana. 1962. Vol. 74, fasc. III.

Глава 2

- Феодальный крестьянин в Восточной и Северной Европе. Таллинн, 1983.
- Aubin H.* Die Anfänge der grossen Schlesischen Lenewebers im Handlung // Vierteljahrsschrift für Sozial und Wirtschaftsgeschichte, (Далее: VSWG). 1942. N 2.
- Barbour V.* Capitalism in Amsterdam in the 17th Century. Ann Arbor, 1963.
- Behtin L.* Nordwestdeutschland und die Niederlande seit den 30 Jahre Krieg // VSWG. 1939. N 2.
- Borelli G.* Un patriciato nella Terraferma Veneta tra XVII e XVIII secolo. Milano, 1924.
- Burke P.* Venice and Amsterdam: A Study of Seventeenth-century Elites. L., 1974.
- Carsten F.S.* The Origins of the Junkers // Economic History Review. 1947.
- Cole Ch.W.* Colbert and a Century of Mercantilism. N.Y., 1939. Vol. 1—2.
- Cole Ch.W.* French Mercantilism, 1683—1700. N.Y., 1971.
- Crisis and Change in the Venetian Economy. L., 1968.
- Da Silva J.G.* Banque et crédit en Italie au XVIIe siècle. P., 1969. Vol. 1—2.
- Da Silva J.G.* En Espagne: Développement économique, subsistance, déclin. P., 1965.
- De Maddalena A.* Il mondo rurale italiano nel Cinque e nel Seicento // Rivista storica italiana. 1964. N 76.
- Le deuxième servage en Europe centrale et orientale. P., 1970.
- Elliot J.A.* Imperial Spain, 1469—1716. N.Y., 1966.
- Essays in the Economic and Political History of Tudor and Stuart England. L., 1961.
- Goubert P.* The French Peasantry of the 17th Century // Past and Present. 1956. N 10.

- The Growth of English Overseas Trade in the 17th and 18th Centuries. L., 1969.
- Hanson C.A. Economy and Society in Baroque Portugal, 1663—1703. Minneapolis, 1981.
- l'histoire économique et sociale de la France. P., 1970. Т. 2.
- Holderness B.A. Pre-industrial England: Economy and Society, 1500—1750. L.; Totowa (N.J.), 1976.
- Kellenbenz H. The Rise of European Economy. L., 1976.
- Kisch H. The Textil Industries in Silesia and the Rheinland // Journal of Economic History. N.Y., 1959.
- Klima A. Mercantilism in Habsburg Monarchy with Special Reference to the Bohemian Lands // Historia. Pr., 1965. Vol. 11.
- Lévy C.F. Capitalistes et pouvoir au siècle des Lumières: Les fondateurs dès origines à 1715. P.; La Haye, 1969.
- Liebel H.P. The Bourgeoisie of South-Western Germany, 1500—1780 // International Review of Social History. 1965.
- Lipson E. Economic History of England. L., 1956. Т. 2.
- Lynch J. Spain under the Habsburgs. Oxford, 1969. Vol. 2: Spain and America, 1599—1700.
- Makkai L. La structure et la productivité de l'économie agraire de la Hongrie au milieu du XVIIIe s. // Państwo-społeczeństwo-kultura. W-wa, 1974.
- Mauro F. Portugal et l'Atlantique au XVIIe siècle. P., 1960.
- Nichtweis J. Zur Frage der zweiten Leibeigenschaft // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1953. N 1.
- Rapp R.T. Industry and Economic Decline in 17th Century Venice. Cambridge (Mass.), 1976.
- Revisions in Mercantilism. L., 1969.
- Rusinski W. Über die Entwicklungsetappen der Fronwirtschaft in Mittel- und Osteuropa // Studia Historica Oeconomicae. 1974. N 9.
- Sella D. Industrial Production in 17th Century Italy: A Reappraisal // Exploration in Entrepreneurial History. 1969. N. 3.
- Slicher van Bath B.H. The Rise of Intensive Husbandry in the Low Countries // Britain and Netherlands. L., 1960.
- Sweden's Age of Greatness. N.Y., 1973.
- Topolsky J. The Manorial Serf-Economy in Central and Eastern Europe in 16th and 17th Century // Agricultural History. 1974. N. 3.
- Vilar P. La Catalogne dans l'Espagne moderne. P., 1962. Vol. 1—2.
- Vives J.-G. An Economic History of Spain. Princeton, 1969.
- Weis E. Ergebnisse eines Vergleichs der grundherrschaflichen Strukturen Deutschlands und Frankreichs // VSWG, 1970. N 57.
- Wilson Ch.A. England's Apprenticeship, 1603—1763. L., 1965.
- Wittman T. Apuntes sobre los metodos de investigación de la decadencia castellana (siglos XV—XVI) // Nouvelles Etudes Historiques. Br., 1965.
- Глава 3**
- Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья, XVI — начало XIX в. М., 1990.
- Буганов В.И. Крестьянские войны в России XVI—XVIII вв. М., 1976.
- Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. М., 1980.
- Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. Воронеж, 1977.
- Водарский Я.Е. Население России в конце XVII — начале XVIII в. М., 1977.
- Горская Н.А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке: О сущности и формах феодально-крепостнических отношений. М., 1977.
- Дворянство России и его крепостные крестьяне, XVII — первая половина XVIII в. М., 1989.
- Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.
- Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980.
- Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968.
- Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. München, 1970.
- Иностранные известия о восстании Степана Разина. Л., 1975.
- История СССР с древнейших времен. М., 1967. Т. 3.
- История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.
- Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России, период феодализма. М., 1977.
- Копанев А.И. Крестьяне русского Севера в XVII в. Л., 1984.
- Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1954—1976. Т. 1—4.
- Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.; Л., 1966.
- Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967.
- Лунин Б.В. Степан Разин: Краткий ист. очерк. Ростов-на-Дону, 1977.
- Маньков А.Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980.
- Новосельский А.А. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в. // Тр. Ин-та истории РАН ИОН. М., 1926. Т. 1.
- Очерки истории СССР, XVII в. М., 1955.
- Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М., 1956.
- Пронштейн А.П., Минников Н.А. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. и донское казачество. Ростов-на-Дону, 1983.
- Румянцева В.С. Народное антицерковное движение в России в XVII в. М., 1986.
- Русское государство в XVII в. М., 1961.
- Сахаров А.Н. Степан Разин: (Хроника XVII в.). М., 1987.
- Степанов И.В. Крестьянская война в России 1670—1671 гг.: Восстание Степана Разина. Л., 1966—1972. Т. 1—2.
- Тихонов Ю.А. Помещичьи крестьяне в России: Феодальная рента в XVII — начале XVIII в. М., 1974.
- Устюгов Н.А. Научное наследие: Экономическое развитие, классовая борьба и культура в

Русском государстве в XVII в.: Народы Средней Азии и Приуралья в XIII—XVIII вв. М., 1974.

Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967.

Глава 4

Лабутина Т.Л. Политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов. 1660—1681. М., 1982.

Маколей Т.Б. История Англии от восшествия на престол Иакова II // Маколей Т.Б. Полн. собр. соч. СПб., 1861. Т. VI.

Ashley M. Charles II, the Man and the Statesman. L., 1971.

Ashley M. James II. L., 1977.

Chandaman C.D. The English Public Revenue, 1660—1688. Oxford, 1975.

Childs J. The Army, James II, and the Glorious Revolution. Manchester, 1980.

Coward B. The Stuart Age: A History of England, 1603—1714. L.; N.Y., 1980.

Hill B.W. The Growth of Parliamentary Parties, 1689—1742. L., 1976.

Jones J.R. The Revolution of 1688 in England. N.Y., 1972.

Kenyon J.P. Stuart England: The Revolution Settlement. L., 1979.

Lee M. Cabal. Urbana, 1965.

Lodge R. The History of England from the Restoration to the Death of William III, 1660—1702. N.Y., 1969.

Miller J. Popery and Politics in England, 1660—1688. Cambridge, 1973.

Nenner H. By Colour of Law: Legal Culture and Constitutional Politics in England, 1660—1689. Chicago; L., 1977.

Ogg D. England in the Reign of Charles II. Oxford, 1955.

Rubini D. Court and Country, 1688—1702. L., 1967.

Schwore L.G. The Declaration of Rights, 1689. L., 1981.

Thirsk J. The Restoration land Settlement // Journal of Modern History. L., 1954. N 4.

Western J.R. Monarchy and Revolution: The English State in the 1680s. L., 1972.

Глава 5

Малов В.Н. Жан-Батист Кольбер: Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991.

Anderson P. Lineages of the Absolutist State. L., 1974.

Balzer O. Historia ustroju Austrii w zarysie. Lwów, 1899.

Barudio G. Absolutismus: Zerstörung der "libertären Verfassung" // Studien zur "Karolinischen Eingewalt" in Schweden zwischen 1680 und 1693. Wiesbaden, 1976.

Bèrenger J. Finances et absolutisme autrichien dans la seconde moitié du XVIIe siècle. Lille; P., 1975.

Bluche F. Louis XIV. P., 1986.

Bryld C.-J. Hans Svane og gejstligheden på ståender-mødet 1660. Odense, 1974.

Carsten F.-L. The Great Elector and the Foundation

of the Hohenzollern Despotism // English Historical Review. L., 1950. N. 65.

Corvisier A. Armées et sociétés en Europe de 1494 à 1789. P., 1976.

Czapliński W. Dzieje Danii nowożytnej, 1500—1975. W-wa, 1982.

Dahlgren S. Karl X Gustav och reduktionen. Stockholm, 1964.

Dansk social historie. København, 1980. Bd. 3.

Dorwart R.A. The Administrative Reforms of Frederick William I of Prussia. Cambridge (Mass.), 1953.

Dorwart R.A. The Prussian Welfare State before 1740. Cambridge (Mass.), 1971.

Goubert P., Riche D. Les Français et l'Ancien Régime. P., 1984. Vol. I—2.

Hintze O. Der österreichische und der preussische Beamtenstaat in 17. und 18. Jahrhundert // Historische Zeitschrift. München; Leipzig, 1901. Bd. 86.

Kamen H. Spain in the later XVIIth Century. L., 1980.

Kathe H. Der "Soldatenkönig" Friedrich Wilhelm I., 1688—1740. König in Preussen: Eine Biographie. B., 1976.

Krause J. Die kurfürstliche Verwaltung im Herzogtum Preussen am Ende des 17. Jahrhunderts. Bonn, 1973.

Ladewig Petersen E. The Crisis of the Danish Nobility, 1580—1660. Odense, 1967.

Mandrou R. L'Europe absolutiste: Raison et raison d'Etat, 1649—1775. P., 1977.

Mandrou R. Louis XIV et son temps, 1661—1715. P., 1973.

Mehring F. Zur preussischen Geschichte vom Mittelalter bis Jena. B., 1930.

Meyer J. Colbert. P., 1981.

Mousnier R. La monarchie absolue en Europe du Ve siècle à nos jours. P., 1982.

Mousnier R. Les institutions de la France sous la monarchie absolue. P., 1974—1980. Vol. I—2.

Nordmann C. Grandeur et liberté de la Suède, 1660—1792. P.; Louvain, 1971.

Oestreich G. Friedrich Wilhelm I.: Preussischer Absolutismus, Merkantilismus, Militarismus. Göttingen, 1977.

Oliveira Marques A.H. Historia de Portugal. Lisboa, 1976. T. I.

Schmoller G. Preussische Verfassungs-, Verwaltungs- und Finanzgeschichte. B., 1921.

Soldevila F. Historia de España. Barcelona, 1956. T. 5. Ständische Vertretungen in Europa im 17. und 18. Jahrhundert. Göttingen, 1969.

Strindberg A. Bondenöd och stormaktsdröm: En historia om klasskamp i Sverige, 1630—1718. Stockholm, 1971.

Un nouveau Colbert. P., 1985.

Глава 6

Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.): Сб. ст. к 70-летию со дня рождения и 45-летию науч. и пед. деятельности Б.Б. Кафенгауза. М., 1964.

Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

Ермолаев И.П. Государственное управление Средним Поволжьем в середине XVI—XVII в. Казань, 1982.

- Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. 3-е изд. М., 1902.
- Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906.
- Общество и государство феодальной России: Сб. ст., посвящ. 70-летию Л.В. Черепнина. М., 1975.
- Памятники русского права. М., 1963. Вып. 7: Памятники права периода создания абсолютной монархии.
- Русское государство в XVII в.: Новые явления в соц.-экон., полит. и культ. жизни. М., 1961.
- Русское централизованное государство: Образование и эволюция, XV—XVIII вв. М., 1980.
- Соборное Уложение 1649 года: Текст и комментарии. Л., 1987.
- Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования: Теорет. пробл. истории феодализма. М., 1981.
- Черепнин Л.В. Земские соборы в XVI—XVII вв. М., 1978.
- Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954.
- Hoffmann P. Rußland im Zeitalter des Absolutismus. В., 1988.

Глава 7

- The Ascendances of France, 1648—1688. Cambridge, 1969.
- Aubrey Ph. The Defeat of James Stuart's Armada 1692. Leicester, 1979.
- Baxter S.B. William III and the Defence of European Liberty, 1650—1702. N.Y., 1966.
- Doyle W. Old European Order, 1660—1800. Cambridge, 1978.
- Ekberg C.J. The Failure of Louis XIV's Dutch War. Chapel Hill, 1979.
- Európa és a Rákóczi-szabadságharc. Бп., 1980.
- Evans J.W. The Making of the Habsburg monarchy, 1550—1700. Oxford, 1979.
- Feiling K. British Foreign Policy, 1660—1672. L., 1968.
- Hatton R. Charles XII of Sweden. L., 1969.
- Hatton R. Europe in the Age of Louis XIV. N.Y., 1969.
- Howat G. Stuart and Cromwellian Foreign Policy. N.Y., 1974.
- Kamen H. The War of Succession in Spain, 1700—1715. L., 1969.
- Köpeczi B. Staatsräson und christliche Solidarität: Die ungarische Aufstände und Europa in der zweiten Hälfte des 17. Jh. Бп., 1983.
- Korr Ch.P. Cromwell and the New Model Foreign Policy: England's Policy toward France, 1649—1658. Berkeley, 1975.
- Louis XIV and Europe. L., 1976.
- Mamatey V.S. Rise of Habsburg Empire. N.Y., 1971.
- Römelingh J. De diplomatieke betrekkingen van de republiek met Denemarken en Zweden, 1660—1675. Amsterdam, 1969.
- Roosen W.Y. The Age of Louis XIV: The Rise of Modern Diplomacy. Cambridge (Mass.), 1976.
- Stoye J. Europe Unfolding, 1648—1688. N.Y., 1969.
- Symcox G. The Crisis of French Sea Power, 1688—1697. The Hague, 1974.

- Wilson Ch. Profit and Power: A Study of England and the Dutch Wars. The Hague, 1978.
- Wojna polsko-szwedzka, 1655—1660. W-wa, 1973.
- Wolf J.B. Toward a European Balance of Power, 1620—1715. Chicago, 1970.
- Wunder B. Württemberg und der Schwäbische Kreis während der Auseinandersetzungen über die Reunion (1679—1697). Stuttgart, 1971.

Глава 8

- Белов М.И. Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVII—XVIII вв.: (Экономика, политика, культура). М., 1966.
- Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. М., 1953—1954. Т. 1—3.
- Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в.: Из истории межд. отношений в В. и Ю.-В. Европе. М., 1981.
- Итоги и задачи изучения внешней политики России: Сов. историография. М., 1981.
- Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. М., 1980.
- Преображенский А.А. Из истории сношений Русского государства со Средней Азией в XVII в. // Ист. зап. М., 1951. Т. 36.
- Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954.
- Пушкарев Л.Н., Семенова Л.Е. К переговорам Молдавии и Валахии с Россией в 1674 г. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.
- Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М., 1987.
- Шаркова И.С. Россия и Италия: Торговые отношения XV — первой четверти XVIII в. Л., 1981.
- Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в.: Документы из сов. архивов. М., 1978.
- Grönebaum F. Frankreich in Ost- und Nordeuropa: Die französisch-russischen Beziehungen von 1648—1689. Wiesbaden, 1968.

Глава 9

- Алферова Г.В. Русские города XVI—XVII веков. М., 1989.
- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Л., 1980.
- Гельденберг Л.А. Изограф земли Сибирской: Жизнь и труды Семена Ремезова. Магадан, 1990.
- Демин А.С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII века. М., 1977.
- Елеонская А.С. Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1978.
- Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: Духовные движения XVII века. Мюнхен, 1970.
- Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977.
- Копанев А.И. Волостные крестьянские библиотеки // Русские библиотеки и их читатель. Л., 1983.
- Лебедев Д.М. География в России XVII века. М.; Л., 1949.
- Лимонов Ю.А. Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII вв. Л., 1978.

- Луппов С.П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970.
- Очерки русской культуры XVII в. Ч. I—2. М., 1979.
- Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972.
- Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
- Преображенский А.А. Среднее Поволжье и первоначальное освоение Сибири // ВИ. 1981. № 10.
- Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972.
- Пушкарев Л.Н. Общественно-политическая мысль России: Вторая половина XVII века. Очерки истории. М., 1982.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

- Мещерякова Н.М. Пролетариат Англии в процессе формирования (первая половина XVIII в.). М., 1979.
- Рутенбург В.И. Истоки Рисорджименто: Италия в XVII—XVIII вв. М., 1980.
- Anderson M.S. Europe in the 18th Century. L., 1970.
- Bordeaux au XVIII siècle. Bordeaux, 1968.
- Bowden W. Industrial Society in England towards the end of Eighteenth Century. N.Y., 1965.
- Bucek M. Geschichte der Siedenfabrikanten Wiens im 18. Jahrhundert (1710—1792): Eine wirtschaftskulturhistorische als auch soziologische Untersuchung. Wien, 1974.
- Butel P. Les négociants bordelais: L'Europe et les Iles au XVIIIe siècle. P., 1974.
- Caizzi B. Industria, commercio e banca in Lombardia nel XVIII secolo. Milano, 1968.
- Carrière Ch. Négociants marseillais au XVIIIe siècle. Marseille, 1973. Vol. I—2.
- Chambers J. Nottinghamshire in Eighteenth Century. L., 1932.
- Chapman S. History of the Cotton Industry. Manchester, 1904.
- Chaussinand-Nogaret G. Les financiers de Languedoc au XVIIIe siècle. P., 1970.
- Clark J.G. La Rochelle and the Atlantic Economy during the Eighteenth Century. Baltimore; L., 1981.
- Cullen L.M. Anglo-Irish Trade, 1660—1800. Manchester, 1968.
- Dickson P. The Financial Revolution in England: A Study in the Development of Public Credit in England, 1688—1756. L., 1967.
- The Economic History of Britain since 1700. Cambridge, 1981. Vol. I: (1700—1860).
- Faccini L. L'economia risicola lombarda dagli inizi del XVIII secolo all'Unità. Milano, 1976.
- Fisher H.E.S. The Portugal Trade: A Study of Anglo-Portuguese Commerce, 1700—1770. L., 1971.
- Garden M. Lyon et les Lyonnais au 18e siècle. P., 1970.
- Heaton H. Yorkshire Woolen and Worsted Industries. Oxford, 1920.
- Heihard G. Handel und Krieg in der britischen Welt-politik, 1738—1768. München, 1979.
- Hovde B.J. The Scandinavian countries, 1720—1865: The Rise of the Middle Classes. Port Wachington (N.Y.); L., 1972. Vol. I—2.

- Румянцева В.С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986.
- Сапунов Б.В. Античная литература в русских библиотеках XVII в. и московское барокко // Русские библиотеки и их читатель. Л., 1983.
- Соколова В.К. Русские исторические песни XVI—XVIII вв. М., 1960.
- Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967.
- Ястребов Е.В. Поиски полезных ископаемых на Урале в XVII веке // Вопросы истории хозяйства и населения России. М., 1974.
- Specovius G. Die Russen und die Deutschen. Göttingen, 1964.

- Hufton O.H. Europe: Privilege and Protest, 1730—1789. Ithaca; N.Y., 1984.
- Jackson G. Hull in the Eighteenth Century: A Study in Economic and Social History. L.; Oxford, 1972.
- Lévy H. Histoire économique de l'industrie cotonnière en Alsace. P., 1912.
- Markovitch T. L'industrie française au XVIIIe siècle // Economies et sociétés: Histoire quantitative de l'économie française. Genève, 1968. T. 2.
- Plaza Prieto J. Estructura economica de España en el siglo XVIII. Madrid, 1975.
- Richard G. Noblesse d'affaires au XVIIIe siècle. P., 1974.
- Rudé G. Europe in Eighteenth Century: Aristocracy and the Bourgeois Challenge. N.Y., 1972.
- Rudé G. Paris and London in the Eighteenth Century: Studies in Popular Protest. N.Y., 1970.
- Savinger G. Die Manufaktur in Kurbayern. Stuttgart, 1966.
- Schumpeter E.B. English Overseas Trade Statistics, 1697—1808. Oxford, 1960.
- Shelton W.J. English Hunger and Industrial Disorders: A Study of Social Conflict during the First Decade of George III's Reign. L., 1973.
- Soboul A. France à la veille de la révolution: Economie et société. P., 1974.
- Stein R.L. The French Slave Trade in the Eighteenth Century. Madison, 1979.

Глава 2

- Бондарчук В.С. Итальянское крестьянство в XVIII в.: Аграрные отношения и социальное движение в Сардинском королевстве. М., 1980.
- Лавровский В.М. Исследование по аграрной истории Англии в XVII—XVIII вв. М., 1966.
- Лавровский В.М. Проблемы исследований земельной собственности в Англии в XVII—XVIII вв. М., 1957.
- Люблинская А.Д. Французские крестьяне в XVI—XVIII вв. Л., 1978.
- Agriculture and Economic Growth in England, 1650—1815. L., 1967.
- Chevallat G.A. Aspects de l'agriculture vaudoise à la fin de l'Ancien Régime. Lausanne, 1949.
- Dion R. Histoire de la vigne et du vin en France. P., 1959.
- Dutil L. L'état économique de Languedoc à la fin de l'Ancien Régime. P., 1911.

- Jones E.L.* Agriculture and Economic Growth in England, 1660—1750 // *Journal of Economic History*. L., 1965. N 1.
- Juillard E.* La vie rurale dans la plaine de Basse Alsace. Strasbourg, 1953.
- Kerridge E.* The Agricultural Revolution. L., 1967.
- Labrousse E.* Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siècle. P., 1932.
- Lütge F.* Geschichte der deutschen Agrarverfassung vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1963.
- Morineau M.* Les faux-semblants d'un démarrage économique: Agriculture et démographie en France au XVIIIe siècle. P., 1971.
- Saint-Jacob P. de.* Les paysans de la Bourgogne du Nord au dernier siècle de l'Ancien Régime. P., 1960.
- Soboul A.* The French Rural Community in the XVIII—XIX th Centuries // *Past and Present*. L., 1958.

Глава 3

- Александров В.А.* Обычное право крепостной деревни России, XVIII — начало XIX в. М., 1984.
- Александров В.А.* Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976.
- Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России, 1719—1728 гг. Л., 1982.
- Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере, конец XVII — начало XVIII в. М., 1976.
- Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977.
- Вилков О.Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в. Новосибирск, 1990.
- Волков М.Я.* Очерки истории промыслов России, вторая половина XVII — первая половина XVIII в.: Внукоренное производство. М., 1979.
- Голикова Н.Б.* Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII в. М., 1982.
- Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформы А.Д. Киселева. М., 1946. Т. 1.
- Заозерская Е.И.* Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах России в 20—60-х годах XVIII в. М., 1960.
- Индова Е.И.* Дворянское хозяйство в России, первая половина XVIII в. М., 1964.
- Кабузан В.М.* Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVII — первой половине XIX в. (1719—1858 гг.). М., 1976.
- Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в.: По материалам ревизий. М., 1971.
- Кафенгауз Б.П.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в.: (По материалам внутренних таможен). М., 1958.
- К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.): Сб. ст. М., 1958.
- Клокман Ю.Р.* Очерки социально-экономической истории городов северо-запада России в середине XVIII в. М., 1960.
- Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок, XVIII — начало XX в.: Опыт количественного анализа. М., 1974.
- Кривоногов В.Я.* Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII в. Свердловск, 1959.
- Любомиров П.Г.* Очерки по истории русской промышленности в XVII, XVIII и начале XIX в. М., 1947.
- Мионов В.Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Л., 1981.
- Некрасов Г.А.* Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721—1756 гг. М., 1984.
- Павленко Н.И.* История металлургии в России в XVIII в. М., 1962.
- Переход от феодализма к капитализму в России: Материалы Всесоюз. дискус. М., 1969.
- Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972.
- Прокофьева Л.С.* Крестьянская община в России во второй половине XVIII — первой половине XIX в.: На материалах вотчин Шереметевых. Л., 1981.
- Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. 2-е изд. М., 1989.
- Россия в период реформ Петра I. М., 1973.
- Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957.
- Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1881—1901. Т. 1—2.
- Сербина К.Н.* Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.; Л., 1951.
- Струмилин С.Г.* История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т. 1.
- Тихонов Ю.А.* Помещичьи крестьяне в России: Феодальная рента в XVII — начале XVIII в. М., 1974.
- Fenster A.* Adel und Ökonomie im vorindustriellen Russland: Die unternehmerische Betätigung der Gutsbesitzer in der grossgewerblichen Wirtschaft im 17. und 18. Jh. Wiesbaden, 1983.
- Rieber A.J.* Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill, 1982.

Глава 4

- Достян И.С.* Борьба сербского народа против турецкого ига, XV — начало XIX в. М., 1958.
- Драгнев Д.М.* Сельское хозяйство феодальной Молдавии (конец XVII — начало XIX в.). Кишинев, 1975.
- Иванова О.Е.* К вопросу об упадке крестьянского хозяйства в Польше во второй половине XVII — первой половине XVIII в. // Учен. зап. Ин-та славяноведения. М., 1952. Т. 6.
- Лантева Л.П.* Крестьянское движение в Чехии и Моравии в первой половине XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1966.
- Похилевич Д.Л.* Аграрные отношения в Польше и Чехии в XVI—XVIII вв. в советской историографии // Там же. М., 1970.
- Созин И.В.* К проблеме рабочих рук в магнатском хозяйстве Южной Польши во второй половине XVIII в. // Там же. Таллинн, 1971.
- Тодоров Н.* Балканский город XV—XIX вв. М., 1972.

- Фишер И.Р. Аграрное развитие Чехии XVII—XVIII вв. // Историография всеобщей истории. Куйбышев, 1976.
- Историја народа Југославије. Београд, 1960. Т. 2.
- Стопанска историја на Бугарија, 681—1981. С., 1981.
- Constantiniu F. Relațiile agrare din Țara Românească în secolul al XVIII-lea. Buc., 1972.
- Grigoraș N. Instituții feudale din Moldova. Buc., 1971. Vol. I: Organizarea de stat până la mijlocul sec. al XVIII-lea.
- Lidová protifeudální hnutí ve střední a východní Evropě. Pr., 1971.
- McGowan B. Economic Life in Ottoman Europe: Taxation Trade and the Struggle for Land, 1600—1800. Cambridge, 1961.
- Mihordea V. Relațiile agrare din secolul al XVIII-lea în Moldova. Buc., 1968.

Глава 5

- Азаркин Н.М. Монтескье. М., 1988.
- Асмус В.Ф. Иммануил Кант (1724—1794: к 250-летию со дня рождения). М., 1973.
- Век Просвещения. М.; Париж, 1970.
- Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М., 1977.
- Гулыга А.В. Гердер. 2-е изд., дораб. М., 1975.
- Гусейнов А.А., Иррилиц Г. Краткая история этики. М., 1987.
- Дворцов А.Т. Жан-Жак Руссо. М., 1980.
- Длугач Т.Б. Дени Дидро. М., 1975.
- Заиченко Г.А. Джон Локк. М., 1973.
- История учений политического права, XVII—XVIII вв. М., 1989.
- Киссель М.А. Джамбаттиста Вико. М., 1980.
- Когарян М.Т. Поль Гольбах. М., 1978.
- Кузнецов В.Н. Франсуа Мари Вольтер. М., 1978.
- Кузнецов В.Н. Французский материализм XVIII в. М., 1981.
- Кучеренко Г.С. Судьба "Завещания" Жана Мелле в XVIII в. М., 1968.
- Момджян Х.Н. Французское Просвещение XVIII в.: Очерки. М., 1983.
- Мотрошилова Н.В. Социально-исторические корни немецкой классической философии. М., 1990.
- Нарский И.С. Давид Юм. М., 1973.
- Нарский И.С. Кант. М., 1976.
- Решетников Ф.М. Беккариа. М., 1987.
- Свасьян К.А. Иоганн Вольфганг Гёте. М., 1989.
- Сиволап И.И. Социальные идеи Вольтера. М., 1978.
- Субботин А.Л. Бернард Мандевиль. М., 1986.
- Французское Просвещение и революция. М., 1989.
- Этика Канта и современность. Рига, 1989.
- The Age of Enlightenment / Ed. L.G. Crocker. L.; Melbourne, 1969.
- The Age of Enlightenment, 1743—1790. L.; Oxford, 1973.
- Aufklärung, Absolutismus und Bürgertum in Deutschland. München, 1976.
- Auldrige A.O. Voltaire and the Century of Light. Princeton (N.J.), 1975.
- Baum J.A. Montesquieu and Social Theory. Oxford, 1979.

- Bollacher M. Lessing: Vernunft und Geschichte: Untersuchungen um Problem religiöser Aufklärung in den Spätschriften. Tübingen, 1978.
- Bremner G. Order and Chance: The Pattern of Diderot's thought. Cambridge, 1983.
- Chaunu P. La civilisation de l'Europe des Lumières. P., 1971.
- Compaghino G. Gli illuministi italiani. Bari, 1974.
- Crocker L.G. Jean-Jacques Rousseau. N.Y., 1968—1973. Vol. I—2.
- The Enlightenment in National Context / Ed. R. Porter, M. Teich. Cambridge, 1981.
- Foley B. The Social Physics of Adam Smith. West Lafayette (Ind.), 1976.
- Fox-Genovese E. The Origins of Physiocracy: Economic Revolution and Social Order in Eighteenth-century France. Ithaca (N.Y.); L., 1976.
- Franklin J.H. John Locke and the Theory of Sovereignty: Mixed Monarchy and the Right of Resistance in the Political Thought of the English Revolution. Cambridge, 1981.
- Garcia Perez G. La economia e los reaccionarios al surgir la España contemporanea. Madrid, 1974.
- Gay P. The Enlightenment: An Interpretation. L., 1973. Vol. I—2.
- Gildin H. Rousseau's Social Contract: The Design of the Argument. Chicago; L., 1983.
- Goyard-Fabre S. La philosophie du droit de Montesquieu / Pref. de J. Carboanier. P., 1973.
- Hampson N. A Cultural History of the Enlightenment. N.Y., 1968.
- Hankins Th.L. Jean d'Alembert: Science and the Enlightenment. Oxford, 1970.
- Hensmann F. Staat und Absolutismus im Denken der Physiokraten: Ein Beitrag zur physiokratischen Staatsauffassung von Quesnay bis Turgot. Frankfurt a. M., 1976.
- Hume and the Enlightenment / Essays pres. to E.C. Mossner; Ed. W.B. Todd. Edinburgh, 1974.
- Jonard N. Le Siècle des Lumières et Italie. Lyon, 1979.
- Les Lumières en Hongrie, en Europe centrale et en Europe orientale: Actes du 3e Colloque de Matrafired, 28 sept. — 2 oct. 1975. Bp., 1977.
- Nuccio O. Economisti italiani del XVIII secolo: Ferdinando Galiani, Antonio Genovesi, Pietro Verri, Francesco Mengotti. Roma, 1974.
- Putz P. Die deutsche Aufklärung. Darmstadt, 1978.
- Redwood J. Reason, Ridicule and Religion: The Age of Enlightenment in England, 1660—1750. L., 1976.
- Reill P.H. The German Enlightenment and the Rise of Historicism. Berkeley; Los Angeles, 1975.
- Rendall J. The Origins of the Scottish Enlightenment. L.; Basingstoke, 1978.
- Schober J. Die deutsche Spätaufklärung (1770—1790). Bern; Frankfurt a. M., 1975.
- Venturi F. Italy and Enlightenment: Studies in a Cosmopolitan Century. L., 1972.
- Venturi F. Utopia e riforma nell'illuminismo. 2-a ed. Torino, 1973.
- Waddicor M.H. Montesquieu and the Philosophy of Natural Law. The Hague, 1970.
- Wade I.G. The Structure and Form of the French Enlightenment. Princeton (N.J.), 1977. Vol. 1—2.
- Winter E. Der Josefismus: Die Geschichte des österreichischen Reformkatholizismus. B., 1962.

Глава 6

- Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1985.
- Валицкий А.П. Русская эстетика XVIII в. М., 1983.
- Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Русская философия XI—XIX в. Л., 1970.
- Грацианский П.С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984.
- История русской литературы. Л., 1980. Т. 1.
- История русской экономической мысли. М., 1955. Т. 1.
- Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России: период феодализма. М., 1977.
- Комков Г.Д., Левишин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР: Краткий ист. очерк. 2-е изд. М., 1977. Т. 1—2.
- Краснобаев Б.И. Очерки истории русской культуры, XVIII в. М., 1972.
- Малинин В.А. История русского утопического социализма. М., 1977.
- Нечкина М.В. Вольтер и русское общество // Вольтер. Статьи и материалы. М., 1948.
- От средневековья к новому времени: Материалы и исслед. по рус. искусству XVIII — первой половины XIX в. М., 1984.
- Очерки истории исторической науки. М., 1955. Т. 1.
- Очерки истории русской этической мысли. М., 1976.
- Очерки русской культуры XVIII в. М., 1985—1990. Ч. 1—4.
- Павлова Г.Е., Федоров А.С. Михаил Васильевич Ломоносов, 1711—1765. М., 1988.
- Радищев А.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938—1949. Т. 1—3.
- Развитие естествознания в России (XVIII — начало XX в.). М., 1977.
- Русская культура IX—XVIII вв. в исследованиях советских авторов, 1917—1984 гг. М., 1990.
- Русская мысль в век Просвещения. М., 1991.
- Русское искусство XVIII в. М., 1979.
- Штрэнге М.М. Демократическая интеллигенция России в XVIII в. М., 1965.
- Blanc S. Un disciple de Pierre le Grand dans la Russie du XVIIIe siècle: V.N. Tatiščev, 1686—1750: Thèse. Lille, 1972.
- Jones W.G. Nikolay Novikov: Enlightener of Russia. Cambridge, 1984.
- Monnier A. Un publiciste frondeur sous Catherine II: Nicolas Novikov. P., 1981.
- Strycek A. La Russie des Lumières: Denice Fonvizine. P. 1976.

Глава 7

- Ермуратский В.Н. Дмитрий Кантемир — мыслитель и государственный деятель. Кишинев, 1973.
- Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Просвещение. Национальное Возрождение. М., 1982.
- Львова Е.П. Изобразительное искусство Болгарии эпохи национального Возрождения. М., 1975.

- Мыльников А.С. Русские переводчики в Праге, 1716—1721 гг. // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. Л., 1974.
- Мыльников А.С. Эпоха Просвещения в чешских землях: Идеология, национальное самосознание, культура. М., 1977.
- Национальное Возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.
- Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
- DiŃu A. Coordonate ale culturii româneşti în secolul XVIII (1700—1821): Studii şi texte. Buc., 1969.
- Les Lumières en Hongrie, en Europe Centrale et en Europe Orientale. Bp., 1977.
- Solmsen F. Intellectual Experiments of the Greek Enlightenment. Princeton, 1975.

Глава 8

- Канделоро Д. История современной Италии: Истоки Рисорджименто, 1770—1815. М., 1958.
- Коган М.А. Просвещенный абсолютизм в Дании: Реформы Струэнзе. Л., 1972.
- Митрофанов П. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги (1780—1790). СПб., 1907.
- Фор Э. Опала Тюрго, 12 мая 1776 г. М., 1979.
- L'absolutisme éclairé. Bp.; P., 1985.
- Der aufgeklärte Absolutismus. Köln, 1974.
- Awebro K. Gustaf III:s räfst med ämbetsmännen 1772—1779 aktionerna mot landshovdingarna och Göta hovrätt. Uppsala, 1977.
- Bernard P.P. The Limits of Enlightenment: Joseph II and the Law. Urbana, 1979.
- Blanning T.C. Joseph II and the Enlightened Despotism. L., 1970.
- Boberg S. Gustav III och tryckfriheten, 1774—1787. Göteborg, 1951.
- Bulferetti L. L'assolutismo illuminato in Italia (1700—1789). Milano, 1974.
- Cedergren Bech S. Struensee og hans tid. København, 1972.
- Cheke M. Dictator of Portugal: A life of the marquis of Pombal. Freeport; N.Y., 1969.
- Crankshaw E. Maria Theresa. N.Y., 1969.
- Domergui L. Censure et Lumières dans l'Espagne de Charles III. P., 1982.
- Dominguez Ortiz A. Sociedad y Estado en el siglo XVIII español. Barcelona; Caracas; Mexico, 1976.
- Domingus M. O marques de Pombal: O homem e a sua epoca. Lisboa, 1970.
- Feldpack O. Danmarks historie. København, 1986. Т. 3: 1780—1814.
- Hajdú L. II. József igazgatási reformjai Magyarországon. Bp., 1982.
- Harris R.W. Absolutism and Enlightenment, 1660—1789. N.Y., 1966.
- Haselsteiner H. Joseph II und die Komitate Ungarns. Wien; Köln; Graz, 1983.
- Hennings B. Gustav III. Stockholm, 1967.
- Herr R. The Eighteenth century revolution in Spain. New Jersey, 1958.
- Hubatsch W. Friedrich der Grosse und die preussische Verwaltung. Köln; B., 1973.
- Johansen H.Chr. Dansk økonomisk politik i årene efter 1784. Aarhus, 1968. Vol. 1: Reformår, 1784—1788.

- Johnson H.C., Barker T.N.* Frederick the Great and the making of Prussia. L., 1972.
- Klingenstein G.* Der Aufstieg des Hauses Kaunitz. Göttingen, 1975.
- Klingenstein G.* Staatsverwaltung und kirchliche Autorität: Das Problem der Zesur in der Theresianischer Reform. Wien, 1970.
- Krieger L.* An Essay of the Theory of Enlightened Despotism. L.; Chicago, 1975.
- Landberg G.* Gustav III inför eftervärlden. Stockholm, 1968.
- Laugier L.* Turgot ou le mythe des réformes. P., 1979.
- Liebel H.P.* Enlightened Bureaucracy versus Enlightened Despotism in Baden, 1750–1792. Philadelphia, 1965.
- Manceron C.* Les vingt ans du roi Louis XVI: De la mort de Louis XV à celle de Rousseau, 1774–1778. P., 1972.
- Maria Theresia und ihre Zeit.* Salzburg, 1979.
- Mittenzwei I.* Friedrich II von Preussen. B., 1979.
- Mittenzwei I.* Preussen nach dem Siebenjährigen Krieg, Auseinandersetzungen zwischen Bürgertum und Staat an die Wirtschaftspolitik. B., 1979.
- Österreich im Zeitalter des aufgeklärten Absolutismus.* Wien, 1983.
- Osterloh K.H.* Josef von Sonnenfels und die österreichische Reformbewegung im Zeitalter des Aufgeklärten Absolutismus. Lübeck, 1970.
- Otruba G.* Die Wirtschaftspolitik Maria Theresias. Wien, 1965.
- Podover S.K.* The Revolutionary Emperor, Joseph II. L., 1967.
- Pombal revisitado.* Lisboa, 1984. Vol. 1–2.
- Renda F.* Baroni e riformatori in Sicilia sotto il ministero Caracciolo, 1786–1789. Messina, 1974.
- Riformatori napolitani.* Milano, 1970.
- Rodriguez Casado V.* La política y los políticos en el reinado de Carlos III y su tiempo. Madrid, 1972.
- Salmonowicz S.* Fryderyk II. Wrocław, 1981.
- Sarrailh J.* L'Espagne éclairée de la seconde moitié du XVIIIe siècle. P., 1954.
- Schieder Th.* Friedrich der Grosse: Ein Königtum der Widersprüche. Frankfurt a.M., 1983.
- Valsecchi F.* L'assolutismo illuminato in Austria e in Lombardia. Bologna, 1931–1934. Vol. 1–2.
- Valsecchi F.* Riformismo e Antico Regime nel secolo XVIII. Napoli, 1967.
- Venturi F.* Settecento riformatore, Torino, 1972. Vol. 1–2.
- Wandruszka A.* Leopold II. Wien, 1963–1965. Bd. 1–2.

Глава 9

- Александров Н.* История христианской церкви. СПб., 1913.
- Карев А.В., Сомов К.В.* История христианства. М., 1990.
- Кернс Э.* Дорогами христианства. История церкви. М., 1992.
- Крывелев И.А.* История религий. Очерки: В 2-х т. М., 1988.
- Лавров А.* Очерки истории христианской церкви. М., 1902.
- Лозинский С.Г.* История папства. 3-е изд. М., 1986.
- Прайс Е.Д.* История религий. Краткий очерк ре-

- лигиозных вероисповеданий. СПб., 1904.
- Робертсон Д.С., Герцог И.И.* История христианской церкви от апостольского века до наших дней: В 2-х т. СПб., 1890–1891.
- Троицкий И.Е.* История христианской церкви. СПб., 1898.
- Функ Ф.К.* История христианской церкви: От времен апостольских до наших дней. М., 1911.
- Черняк Е.Б.* Тайные общества старого и нового времени на Западе. М., 1987.
- Adam A.* Du mysticisme à la révolte. Les jansénistes du XVIIe siècle. P., 1968.
- Aland K.* Geschichte der Christenheit. Gütersloh, 1980. (Bd. 2. Von der Reformation bis in die Gegenwart).
- Bainton R.H.* Christianity. N.Y., 1985.
- Bossy J.* Christianity in the West, 1400–1700. Oxford, 1987.
- Clouse R.G.* The Church in the Age of Orthodoxy and the Enlightenment: Consolidation and Challenge from 1700 to 1800. St. Louis. Concordia, 1980.
- Delumeau J.* Le catholicisme entre Luther et Voltaire. P., 1971.
- Conzaes J.L.* A History of Christian Thought. Vol. 3. From the Protestant Reformation to the Twentieth Century. Nashville; N.Y., 1975.
- Heckethorn C.W.* The Secret Societies of all Ages and Countries. L., 1875. Vol. II.
- Hill Chr.* The English Bible and the 17-Century Revolution. L., 1993.
- Hill Chr.* The Experience of Defeat. Milton and some Contemporaries. L., 1984.
- Hill Chr.* The World Tamed Upside Down. Radical Ideas during the English Revolution. L., 1973.
- Johnson P.* A History of Christianity. L., 1976.
- Jones R.M.* Spiritual Reformers in the 16th and 17th Centuries. L., a.o., 1928.
- Taveneaux R.* Le catholicisme dans la France classique. P., 1980. Vol. 1–2.
- Tawney R.H.* Religion and the Rise of Capitalism. A Historical study. N.Y., 1947.
- Thomas K.* Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in 16th and 17th Century England. L., a.o., 1988.
- Van Kley D.* The Jansenists and the Expulsion of the Jesuits from France, 1757–1765. New Haven; L., 1975.
- Walker W.* A History of the Christian Church. N.Y., 1959.

Глава 10

- Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.).* М., 1964.
- Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII в.: Очерки. М., 1958.
- Богословский М.М.* Конституционное движение 1730 г. 2-е изд. Пг., 1918.
- Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М.; Л., 1913–1941. Т. 1–2.
- Дашкова Е.* Записки. Л., 1985.
- Дитятин И.* Устройство и управление городов России. СПб., 1875.
- Записки императрицы Екатерины II.* М., 1990.
- Латкин В.Н.* Законодательные комиссии в России XVIII в. СПб., 1887. Т. 1.
- Рубинштейн Н.Л.* Уложенная комиссия

- 1754–1766 гг. и ее проект нового Уложения “О состоянии подданных вообще” // Ист. зап. 1951. Т. 38.
- Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984.
- Строев В.Н. Бироновщина и кабинет министров: Очерки внутренней политики имп. Анны. М.; СПб., 1909–1910. Ч. 1–11.
- Троцкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974.
- Флоровский А.В. Состав Законодательной комиссии 1767–1774 гг. Одесса, 1915.
- Юхт А.И. Государственная комиссия В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М., 1985.
- Coguin F.-X. La grande commission législative, 1767–1768: Les cahiers de doléances urbains (Province de Moscou). P., 1972.
- Cronin V. Catherine: Empress of all the Russians. L., 1978.
- Donnert E. Politische Ideologie der russischen Gesellschaft zu Beginn der Regierungszeit Katharinas II.: Gesellschaftstheorien und Staatslehren in der Ära des aufgeklärten Absolutismus. B., 1976.
- Gleason W.J. Moral Idealists, Bureaucracy and Catherine the Great. New Brunswick (N.J.), 1981.
- Grey I. Catherine the Great, Autocrat and Empress of all Russia. Westport (Conn.), 1975.
- Haslip J. Catherine the Great. L., 1977.
- Jessen H. Katharina II. von Russland: Im Spiegel der Zeitgenossen. Düsseldorf, 1970.
- Jonge A.de. Fire and Water: A Life of Peter the Great. L., 1979.
- Madariaga I.de. Russia in the Age of Catherine the Great. L., 1981.
- Oldenbourg Z. Catherine de Russie. P., 1966.
- Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception: Diss. ... doct. degree in law. Univ. Stockholm. Fac. law. Stockholm, 1979.
- Ransel D.L. The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New Haven; L., 1975.
- Serczyk W.A. Katarzyna II, carowa Rosji. 2-e wyd. Wrocław etc., 1983.
- Troyat H. Pierre le Grand. P., 1979.

Глава 11

- Булыгин И.А. Церковная реформа Петра I // Вопр. истории. 1974. № 5.
- Верховский П.В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. Ростов-на-Дону, 1916. Ч. 1.
- Зольникова Н.Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981.
- Комиссаренко А.И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в.: Очерки истории секуляризационной реформы 1764 г. М., 1990.
- Николюкский Н.М. История русской церкви. М., 1930.
- Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. М., 1977.
- Русское православие: веки истории. М., 1989.
- Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.): Крит. очерки. М., 1967.

- Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. ст. М., 1990.
- Cracraft J. The Church reform of Peter the Great. Stanford (Calif.), 1971.
- The Russian Orthodox Church, Xth–XXth Centuries. Moscow, 1988.

Глава 12

- Алефиренко П.К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в 30–50-е годы XVIII в. М., 1958.
- Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969.
- Буганов В.И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976.
- Волнения рабочих людей и приписных крестьян на металлургических заводах России в первой половине XVIII в. М., 1975. Ч. 1–3.
- Голикова Н.Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. М., 1975.
- Крестьянская война в России в 1773–1775 гг.: Восстание Пугачева. Л., 1961–1970. Т. 1–3.
- Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: Проблемы, поиски, решения. М., 1974.
- Курмачева М.Д. Города Урала и Поволжья в крестьянской войне 1773–1774 гг. М., 1991.
- Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в. М.; Л., 1937.
- Овчинников Р.В. Манифесты и указы Е.И. Пугачева. М., 1980.
- Орлов А.С. Волнения на Урале в середине XVIII в. М., 1979.
- Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина, 1707–1709. М., 1962.
- Черкисова А.С. Социальная борьба на заводах Урала в первой половине XVIII в. Пермь, 1980.
- Alexander J.T. Autocratic Politics in a National Crisis: The Imperial Russian Government and Pugachev's Revolt 1773–1775. Bloomington; L., 1969.
- Pascal P. La révolte de Pugachev. P., 1971.
- Peters D. Politische und gesellschaftliche Vorstellungen in der Aufstandsbewegung unter Pugačev (1773–1775). B., 1973.

Глава 13

- Ерофеев Н.А. Английская буржуазная историография о социальных последствиях промышленного переворота // Новая и новейшая история. 1983. № 2.
- Ерофеев Н.А. Английская промышленная революция в освещении буржуазной историографии // Вопр. истории. 1964. № 11.
- Калинин А.А. Современная зарубежная историография об изменении положения трудящихся Англии в период промышленной революции. М., 1980.
- Манту П. Промышленная революция XVIII столетия в Англии. М., 1937.
- Bagwell P.S. The Transport Revolution from 1770. L., 1974.
- Briggs A. Iron Bridge to Crystal Palace. L., 1979.
- Bythell D. The Handloom Weavers: A Study in the English Cotton Industry during the Industrial Revolution. Cambridge, 1969.

- Chapman S.D.* The Rise of Merchant Banking. L., 1984.
- Corfield P.J.* The Impact of English Towns, 1700–1800. Oxford, 1982.
- Cortrell P.* Industrial Finance: The Finance and Organisation of English Manufacturing Industry. L., 1980.
- Darity W.A.* Mercantilism, Slavery and Industrial Revolution // Research in Population Economics. Greenwich (Conn.), 1981.
- Davies S.* Living through the Industrial Revolution. L., 1966.
- Deane Ph.* The First Industrial Revolution. Cambridge, 1981.
- Engerman S.L.* The Slavery Trade and British Capital Formation in the XVIIIth c. // Business History Review. 1972.
- Europe and the Industrial Revolution. Cambridge (Mass.), 1972.
- Fohlen C.* Qu'est-ce que la révolution industrielle? P., 1971.
- Foster J.S.* Class Struggle in the Industrial Revolution. L., 1974.
- Glenn R.* Urban Workers in the Early Industrial Revolution. L.; N.Y., 1984.
- Hartwell R.M.* The Industrial Revolution and Economic Growth. L., 1971.
- Hasquin H.* Une mutation: le "Pays de Charleroi" aux XVIIe et XVIIIe siècles: Aux origines de la révolution industrielle en Belgique. Bruxelles, 1971.
- Hill R.* Power in the Industrial Revolution. N.Y., 1970.
- Histoire générale des techniques. P., 1968. T. 3: L'expansion du machinisme.
- Hyde C.K.* Technological Change in the British Wrought-iron Industry, 1750–1815: A Reinterpretation // Economic History Review. 1974. N 2.
- Jones E.L.* Agriculture and the Industrial Revolution. Oxford, 1974.
- Land, Labour and Population in the Industrial Revolution. L., 1967.
- Lane P.* The Industrial Revolution: The Birth of the Modern Age. L., 1978.
- McKendrick N., Brewer J., Plumb J.H.* The Birth of a Consumer Society: The Commercialization of Eighteenth-century England. L., 1982.
- Mokyr J.* The Industrial Revolution and the New Economic History // The Economics of the Industrial Revolution. L., 1985.
- Mori G.* La rivoluzione industriale: Economia e società in Gran Bretagna nella seconda metà del secolo XVIII. Milano, 1974.
- Pawson E.* The Early Industrial Revolution: Britain in the Eighteenth Century. N.Y., 1979.
- Price J.M., Clemens P.* Revolution of Scale in Overseas Trade // Journal of Economic History. 1987. N 1.
- Reeve R.M.* The Industrial Revolution, 1750–1850. L., 1971.
- Rostow W.W.* How it all Began: Origins of the Modern Economy. N.Y., 1975.
- Rule J.* The Experience of Labour in the XVIIIth Century Industry. L., 1981.
- Rule J.* The Labouring Classes in Early Industrial England, 1750–1850. L., 1986.
- Schwartz L.D.* The Standard of Living in the Long Run: London, 1700–1860 // Economic History Review. 1985. N 1.
- Solow B.I.* Caribbean Slavery and British Growth // Journal of Development Economics. 1985. N 1/2.
- The Standard of Living in Britain in the Industrial Revolution. L., 1975.
- Thomas M.* Responses to Industrialisation: The British Experience, 1780–1850. L., 1976.
- Tunzelmann von.* The Standard of Living Investment and Economic Growth in England and Wales, 1760–1850 // Technical Change, Employment and Investment. L., 1982.
- Williams J.B.* British Commercial Policy and Trade Expansion, 1750–1850. Oxford, 1972.
- Williamson J.G.* "English Workers" Living Standards during the Industrial Revolution: A New Look // Economic History Review. 1983. N 1.
- Williamson J.G.* The Impact of the Irish on British Labour Market during the Industrial Revolution // Journal of Economic History. 1986. N 3.

Глава 14

- Alstyne R.W. van.* Empire and Independence: The International History of American Revolution. N.Y., 1965.
- Anderson M.S.* Europe in the Eighteenth Century, 1713–1783. L., 1976.
- Anglo-American Political Relations, 1675–1775. New Brunswick, 1970.
- Bernard P.P.* Joseph II and Bavaria: Two Eighteenth Century Attempts of German Unification. The Hague, 1965.
- Corwin E.S.* French Policy and the American Alliance of 1778. Hamden (Conn.), 1962.
- Diplomacy and Revolution: The Franco-American Alliance of 1778. Charlottesville, 1981.
- Duchhardt H.* Gleichgewicht der Kräfte, Convenance, europäisches Konzert: Friedenskongresse und Friedensschlüsse vom Zeitalter Ludwigs XIV. bis zum Wiener Kongress. Darmstadt, 1976.
- Dull J.R.* The French Navy and American Independence: A Study of Arms and Diplomacy, 1774–1787. Princeton, 1976.
- Furieux R.* The Seven Years War. L., 1973.
- Gottschalk L., Lach D.* Toward the French Revolution: Europe and America in the Eighteenth-Century World. N.Y., 1973.
- Gulick E.V.* Europe's Classical Balance of Power. Ithaca, 1955.
- Hasswell J.* The Battle for Empire: A Century of Anglo-French Conflict. L., 1976.
- Kunisch J.* Das Mirakel des Hauses Brandenburg: Studien zum Verhältnis von Kabinettpolitik und Kriegsführung Zeitalter des Siebenjährigen Krieges. Wien, 1978.
- Morris R.B.* The Peacemakers: The Great Powers and American Independence. N.Y., 1965.
- Murphy O.T.* Charles Gravier Comte de Vergennes: French Diplomacy in the Age of Revolution, 1719–1787. Albany, 1982.
- Das Osmanische Reich und Europa 1683 bis 1789: Konflikt, Entspannung und Austausch. München, 1983.
- Patterson A.T.* The Other Armada: The Franco-Spanish Attempt to Invade Britain in 1779. Manchester, 1960.

- Peters M.* Pitt and Popularity: Patriot Minister and London Opinion during the Seven Years War. Oxford, 1980.
- Reddaway W.F.* Frederick the Great and the Rise of Prussia. N.Y., 1969.
- Schoenbrun D.* Triumph in Paris: The Exploits of Benjamin Franklin. N.Y., 1976.
- Sherrard O.A.* Lord Chatam: A War Minister in the Making. L., 1952.
- Sorel A.* The Eastern Question in the Eighteenth Century: The Partition of Poland and the Treaty of Kainardji. N.Y., 1969.
- Stribny W.* Die Russlandpolitik Friedrichs des Grossen, 1764–1786. Würzburg, 1966.
- Zeller G.* Le principe d'équilibre dans la politique internationale avant 1789 // *Revue historique*. P., 1956. N 1.

Глава 15

- Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982.
- Болховитинов Н.Н.* Россия и война США за независимость, 1775–1783. М., 1976.
- Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986.
- Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955.
- История дипломатии. М., 1959. Т. 1.
- Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981.
- Клокман Ю.Р.* Русское военное и военно-морское искусство // *Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия во второй половине XVIII в.* М., 1956.
- Коробков Н.М.* Семилетняя война: (Действия России в 1756–1762 гг.). М., 1940.
- Крылова Т.К.* Россия и "Великий союз" // *Ист. зап.* 1942. Т. 13.
- Михнева Р.А.* Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII в. (1739–1756). М., 1985.
- Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Первого. М., 1984.
- Некрасов Г.А.* Роль России в европейской международной политике 1725–1739 гг. М., 1976.
- Никифоров Л.А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадтский мир. М., 1959.
- Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.; М., 1887–1977. Т. 1–12.
- Полтавская победа: Из истории междунар. отношений накануне и после Полтавы: Сб. ст. М., 1959.
- Сибирева Г.А.* Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М., 1981.
- Смирнов Н.А.* Борьба русского и украинского народов против агрессии султанской Турции в XVII–XVIII вв. // *Воссоединение Украины с Россией, 1654–1954*: Сб. ст. М., 1954.
- Bangert D.E.* Die russisch-österreichische militärische Zusammenarbeit im Siebenjährigen Kriege in den Jahren 1758–1759. Boppard am Rhein, 1971.
- Bode A.* Die Flottenpolitik Katharinas II. und die Konflikte mit Schweden und der Türkei, 1768–1792. Wiesbaden, 1979.
- Kaplan H.H.* Russia and the Outbreak of the Seven Years' War. Berkeley; Los Angeles, 1968.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1637	“Рассуждение о методе” Декарта
1640,	
апрель–май	Короткий парламент в Англии
1640–1652	Антииспанское восстание в Каталонии
1640,	
ноябрь – 1653	Долгий парламент в Англии
1640	Антииспанское восстание в Лиссабоне и отделение Португалии от Испании
1640–1688	Правление Фридриха Вильгельма (“великий курфюрст”) в Бранденбургско-Прусском государстве
1642–1646	Первая гражданская война в Англии
1643–1715	Царствование Людовика XIV во Франции
1645–1676	Царствование Алексея Михайловича в России
1647	Восстание неаполитанского плебса во главе с Мазаньелло
1648;	
февраль–август	Вторая гражданская война в Англии
1648	Начало восстания запорожских казаков под руководством Богдана Хмельницкого против польского владычества
1648–1649	“Парламентская Фронда” во Франции
1648, июнь	Восстание в Москве (“соляной бунт”) и других русских городах
1648, 24 октября	Вестфальский мир. Окончание Тридцатилетней войны
1649, 30 января	
(9 февраля)	Казнь английского короля Карла I Стюарта
1649	Соборное Уложение царя Алексея Михайловича
1649, май	Провозглашение Англии республикой
1649–1652	Карательная экспедиция Кромвеля в Ирландию
1650–1653	“Фронда принцев” во Франции
1650	Восстания в Новгороде и Пскове
1650	Отмена поста статхаудера в Голландии
1652–1654	Англо-голландская война
1653–1658	Протекторат Кромвеля в Англии
1654, январь	Переяславская Рада: договор о воссоединении Левобережной Украины с Россией
1654	Начало никонианских реформ в России
1654–1667	Русско-польская война (1667 г. – Андрусовское перемирие)
1655–1660	Шведско-польская война, шведская оккупация Польши (“Потоп”) и освободительная война польского народа (1660 г. – Оливский мир)
1659	Пиренейский мир между Францией и Испанией
1660–1688	Реставрация Стюартов в Англии
1660	Абсолютистский переворот Фредерика III Датского
1661, март	Смерть кардинала Мазарини. Начало фактического правления Людовика XIV
1662	Основание научного Королевского общества в Лондоне
1664	Основание французских Ост-Индской и Вест-Индской компаний
1666	Осуждение в России церковным собором старообрядчества как ересн. Начало массового движения раскольников
1667–1671	Восстание Степана Разина
1672	Вторжение французской армии в Голландию. Отставка и убийство пенсионария Яна Де Витта. Восстановление поста статхаудера
1673–1679	Война между Францией и европейской коалицией (1678–1679 гг. – Нимвегенские мирные договоры)
1679,	
27 мая (6 июня)	Принятие английским парламентом акта Habeas Corpus – закона о гарантиях свободы личности
1680	Абсолютистский переворот Карла XI в Швеции
1682–1725	Царствование Петра I в России

1682	Стрелецкое восстание в Москве. Начало правления царевны Софьи
1683–1699	Война Священной лиги во главе с Австрией против Османской империи (1699 г. – Карловицкий мир)
1683, 12 сентября	Разгром турок под Веной
1685	Отмена во Франции Нантского эдикта о веротерпимости. Преследования гугенотов
1687	"Математические начала естественной философии" Ньютона
1687	Признание сеймом Венгрии наследственного права Габсбургов на венгерскую корону
1688–1697	Война Франции с Аугсбургской лигой (1697 г. – Рисвикский мир)
1688, декабрь	"Славная революция" в Англии. Вступление на престол Вильгельма III Оранского
1689, сентябрь	Государственный переворот в России. Начало фактического царствования Петра I
1689, 23 октября (2 ноября)	"Билль о правах": фиксация отношений английского короля и парламента
1697–1698	"Великое посольство" Петра I в Западную Европу
1697–1718	Правление Карла XII в Швеции
1698	Стрелецкий бунт в Москве и его подавление
1700	Переход испанского престола от Габсбургов к Бурбонам
1700–1721	Северная война (1721 г. – Ништадтский мир)
1701	Провозглашение Пруссии королевством
1701–1714	Война за испанское наследство (1713 г. – Утрехтский мир, 1714 г. – Раштаттский мир)
1703	Основание Санкт-Петербурга
1703–1711	Антигабсбургское восстание в Венгрии под руководством князя Ференца Ракоци
1707	Узаконение унии Англии и Шотландии: образование Великобритании
1707	Ликвидация Арагонской короны: оформление единой испанской монархии
1707–1709	Казацкое восстание под предводительством Кондратия Булавина на Дону и Украине
1709, 27 июня (8 июля)	Разгром шведов под Полтавой
1715–1774	Правление Людовика XV во Франции
1718–1772	"Эра свобод" в Швеции (правление риксдага)
1721	Приобретение Россией по Ништадтскому миру Эстляндии, Лифляндии, части Карелии. Провозглашение Российской империи
1730–1740	Правление Анны Ивановны в России ("бироновицина")
1735	Восстановление независимости Неаполитанского королевства
1740–1786	Правление Фридриха II Прусского
1740–1780	Правление в империи Габсбургов Марии Терезии
1740–1748	Война за австрийское наследство (1748 г. – Аахенский мир)
1741–1761	
(1762 н.ст.)	Правление Елизаветы Петровны в России
1748	"О духе законов" Монтескье
1751–1772	Издание французской Энциклопедии
1755	Основание Московского университета
1756–1763	Семилетняя война (1763 г. – Парижский мир, Губертсбургский мир)
1759–1788	Правление в Испании Карла III
1762–1796	Правление в России Екатерины II
1762	"Общественный договор" Руссо
1764	Секуляризация церковных имений в России
1764	Указ Екатерины II об уничтожении гетманства на Украине
1765	Изобретение в Англии механической прялки ("дженни")
1767–1769	Деятельность Уложенной комиссии в России
1768	Антифеодальное и антипольское восстание крестьян и казаков Правобережной Украины ("коливищина")
1768–1774	Первая русско-турецкая война (1774 г. – Кючук-Кайнарджийский мир)
1770–1772	Попытки реформ И. Струэнзе в Дании
1772	Первый раздел Польши
1772	Государственный переворот в Швеции: ограничение власти риксдага
1773	Упразднение папой римским ордена иезуитов
1773–1775	Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева
1774–1792	Правление Людовика XVI во Франции
1774–1776	Реформы Тюрго

1775	Крестьянское восстание в Чехии
1775–1783	Война за независимость североамериканских колоний
1776	“Исследование о природе и причинах богатства народов” Адама Смита
1776, 4 июля	Провозглашение независимости США
1780–1790	Единоеличное правление Иосифа II в империи Габсбургов
1781	Отмена Иосифом II личной зависимости крестьян. Введение свободы вероисповедания
1781	“Критика чистого разума” Канта
1783	Присоединение Крыма к России
1783	Георгиевский договор между Россией и Картлийско-Кахетинским царством
1784	Приход к власти в Дании партии реформ
1784	Изобретение Джеймсом Уаттом парового двигателя
1785	“Жалованная грамота дворянству” Екатерины II
1787	Принятие конституции США
1787–1791	Вторая русско-турецкая война (1791 г. – Ясский мир)
1788	Отмена военно-приписной системы в Дании
1588–1679	Томас Гоббс
1596–1650	Рене Декарт
1599–1660	Диего де Сильва Веласкес
1606–1669	Рембрандт
1606–1684	Пьер Корнель
1608–1674	Джон Мильтон
1619–1683	Жан-Батист Кольбер
1622–1673	Жан-Батист Мольер
1623–1662	Блез Паскаль
1632–1677	Барух Спиноза
1632–1704	Джон Локк
1639–1699	Жан Расин
1643–1727	Исаак Ньютон
1646–1716	Готфрид Вильгельм Лейбниц
1660–1731	Даниэль Дефо
1667–1745	Джонатан Свифт
1685–1750	Иоганн Себастьян Бах
1685–1759	Георг Фридрих Гендель
1689–1755	Шарль Луи Монтескье
1694–1774	Франсуа Кенэ
1694–1778	Франсуа Мари Вольтер
1707–1778	Карл Линней
1707–1783	Леонард Эйлер
1707–1788	Жорж Луи Бюффон
1711–1765	Михаил Васильевич Ломоносов
1711–1776	Дэвид Юм
1712–1778	Жан-Жак Руссо
1713–1768	Лоуренс Стерн
1713–1784	Дени Дидро
1715–1771	Клод Адриан Гельвеций
1717–1783	Жан Лерон Д’Аламбер
1723–1789	Поль Анри Гольбах
1723–1790	Адам Смит
1724–1804	Иммануил Кант
1728–1779	Джеймс Кук
1729–1781	Готхольд Эфраим Лессинг
1730–1800	Александр Васильевич Суворов
1732–1799	Пьер Огюстен Бомарше
1732–1809	Иозеф Гайдн
1741–1788	Жан Франсуа Лаперуз
1744–1803	Иоганн Готфрид Гердер
1744–1811	Гаспар Мельчор де Ховельянос
1749–1802	Александр Николаевич Радищев
1749–1827	Пьер Симон Лаплас
1749–1832	Иоганн Вольфганг Гете
1756–1791	Вольфганг Амадей Моцарт
1759–1805	Фридрих Шиллер

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абахай 83
Аббас I Сефевид 85
Аввакум, протопоп 122, 123, 231
Август II, король Польши, курфюрст Саксонии 456—460
Август III 460, 462
Аврийль Ф. 240
Адриан, патриарх 401
Айртон 33, 127
Акема Ф. 115
Алексеев Федот 237, 238
Алексей Алексеевич, царевич 119, 222
Алексей Михайлович, царь 70—72, 114, 122, 181—183, 188—190, 219, 222, 224, 226, 231, 233, 403
Алена, монахиня 119
Альберони 438
Альгаротти Ф. 299
Амбелакия 297
Ананьин Степан 411
Аничков Д.С. 328, 329, 334
Анкудинов Герасим 237, 238
Анкудинов Иван 409
Анна Австрийская, королева Франции 44, 48, 49
Анна Ивановна, императрица 405
Анна Стюарт, королева Англии 192, 349
Аннезе Дженнаро 68, 69
Антропов А.П. 338
Аранда 362
Арандел 51
Арапов Илья 417
Арасланов Кинзя 417
Аргайл Арчибалд, граф 132
Аристотель 231, 389
Аркайт Ричард 422, 424, 427
Арлингтон 129
Арминий Якоб 379
Арнольд Ричард 34
Арчил, царь Имеретии 226
Архангельский С.И. 127
Атласов В. 239
Афанасий, епископ 235
Аюк, хан 408, 411
- Баженев В.И. 337
Байза И. 340
Байков Федор 227
Балтимор, лорд 88
Бальбин Б. 345
Баниан Джон 377
Барг М.А. 16, 17, 99
Баркли Р. 388
Батищев Я. 333
Батлер Джозеф 390
Батый, хан 219
Бах И.С. 383
Бедфорд, герцог 450
- Бекингем, герцог 129
Беккария Чезаре 321, 322, 359—361, 398
Белинский В.Г. 336
Беллармин, кардинал 375
Беллерс Дж. 389
Белобородов Иван Наумович 417—420
Белогородец Тихон 411
Бель Маттей 340, 344
Беме Якоб 388
Бентам Иеремин 305, 322
Беранже Ж. 173
Берган Ф. 346
Бергхауэр Я. 347
Березевицы Г. 347, 348
Беринг Витус 333, 335, 340
Беркли Джордж 390
Бернолак А. 340
Бернулли Д. 333
Бернулли Н. 333
Бехер Иоганн Иоахим 98, 175
Бешеньей Д. 339, 340, 345, 347
Бёрк Эдмунд 315, 316
Бибииков А.И. 418
Бильс И. 412
Бисмарк, семья 172
Блаундт Чарлз 390
Блейк, адмирал 41
Блейр Х. 310
Блэк Дж. 310
Богомолец Ф. 343, 346
Богуславский В. 346
Боккарди Савино 64
Болинброк Генри, виконт Сент-Джон 350
Болотников Иван 412, 420
Болотов А.Т. 281
Болтин И.Н. 334, 335
Болтон 256
Болховитинов Н.Н. 454
Бондарчук В.С. 61, 67
Бори Игнац 339, 343, 347
Боровиковский В.Л. 338
Боровиченок 412
Бортнянский Д.С. 338
Боссюэ Жак Бенинь 368, 374, 375
Ботумли Дж. 386
Бофор, герцог 50
Брадати Д. 348
Бранкаччио Маркантонио 69
Бруссель Пьер 45, 46, 50
Брэдшоу 39, 127
Булавин Кондратий Афанасьевич 408—412, 420
Булакин-Мельников Василий 412
Бурбоны 154, 155, 212—215, 217, 372, 348, 444, 445
Бургойн, генерал 454
Бурдалу 375
Бутенант 115

- Буфлер, маршал 213, 217
 Бьют, лорд 451
 Бэкон Фрэнсис 389
 Бэрроу Эдвард 388
 Бэт, граф 133
- Ван Болланд 375
 Ван-Робэ 246
 Ван Сведен 115
 Васильев 410
 Вашингтон Джордж 455
 Вашконселуш Мигел ди 58
 Вебер Макс 20
 Велестинлас Р. 340, 348
 Венгерский Т.К. 345
 Вениаминов П.Д. 334
 Веннер Томас 386
 Верженн Шарль Гравье 454, 455
 Верри Пьетро 360
 Веспереми Иштван 343
 Вестовы, семья 235
 Вико Джамбаттиста 320, 321
 Виктор Амадей, герцог Савойский 216
 Вилар 217
 Вилар Пьер 51
 Виллари Розарио 60
 Вильгельм III Оранский 135—137, 202, 204, 206—212, 214, 215, 349
 Виниус А. 115
 Виниусы, семья 235
 Витзен Н. 240
 Витошнов Андрей 415, 418
 Вобан Себастьян 147, 208
 Войняковский К. 346
 Волков Ф.Г. 337
 Вольтер (Франсуа Мари Аруэ) 299, 314, 317, 318, 322, 331, 347, 350, 353, 354, 361, 365, 390, 395, 434, 436
 Вольф 217
 Вольф Христиан 326, 355
 Вулгарис Е. 339, 344
 Выговский И., гетман 218
 Вяземский А.А. 398
- Габсбурги 87, 158, 172—174, 176—178, 195, 210, 212, 215, 217, 295, 296, 432, 441—443, 445
 Габсбурги австрийские 191, 215, 295, 296, 322, 355, 358—360, 394, 432, 445
 Габсбурги испанские 153, 191, 196, 215
 Гавриил, сербский патриарх 225
 Газис А. 340
 Гайк В. 344
 Галассо Джузеппе 60, 62
 Галифакс, лорд 136
 Гальяни Фердинандо 323
 Гамильтон Э. 91, 92, 94
 Ганганелли 372
 Гандурин И. 281
 Ганноверская династия 349, 350, 439
 Гардинер С. 126
 Гаррисон Томас 34, 385
 Гаугвиц 358
 Гебдон И. 223
 Гегель Георг Фридрих Вильгельм 300
 Гезльриг 39
 Гельвеций Клод Адриан 314, 316, 318, 331, 395
- Гемпден Джон 26, 28
 Гендель Г.Ф. 383
 Генриетта, английская принцесса 201
 Генриетта Мария, французская принцесса 25
 Генрих IV, король Франции 50, 87, 149, 354
 Генрих VI Ланкастер, король Англии 15
 Генрих VII Тюдор 15
 Генрих VIII Тюдор 19, 376
 Георг-Вильгельм Бранденбургский, курфюрст 167
 Георг I, король Англии 350
 Георг II 350, 442, 449
 Георг III 451, 455
 Герберт Эдвард, лорд Чербери 390
 Гердер Иоган Готфрид 358
 Гершель В. 334
 Гёте Иоганн Вольфганг 395
 Гиз Генрих, герцог 66, 69
 Гизель И. 235
 Гильдебранд 222
 Гламорген, граф 28
 Глебов 278
 Глейм Вильгельм Людвиг 449
 Глинков Р. 336
 Гмелин С.Г. 335
 Гнинский Я. 219
 Гоббс Томас 126, 159, 304—306, 381, 390
 Гогенталь Петер фон 357
 Гогенцоллерны 166, 167, 169, 170, 171
 Годунов Петр Иванович 236
 Голдсмит Оливер 436
 Голицын В.В. 124, 220, 223, 231, 234, 235
 Голицын М.А. 223
 Голицын П.М. 418
 Головин П.П. 239
 Головин Ф.А. 228
 Головкины, крестьяне 277
 Гольый Никита 411, 412
 Гольбах Поль Анри 314, 318
 Гольза 28
 Гомер 231
 Гондомер 25
 Гонтгейм И.Н. (Феброний Ю.) 373
 Горелины, крестьяне 276
 Горчаков Алексей 409
 Грас де, адмирал 455
 Грачев Ф. 281
 Грачевы, крестьяне 276
 Гребель Конрад 384
 Грегори И.Г. 233
 Грибов Анисим 226
 Григорий XIII 386
 Гридличка Я. 340, 344
 Гроций Гуго 97, 378
 Грунд Н. 346
 Грязнов Иван 417
 Гурьевы 115
 Густав II Адольф, король Швеции 221
 Густав III, король Швеции 352, 354, 355, 365, 366
 Гуйон Жанна 374
- Д'Аламбер Жан Лерон 316, 395
 Далин В.М. 244
 Д'Андреа Винченцо 69
 Дапонтес К. 345

- Д'Аркос, герцог 63, 65, 66, 68
 Даун, фельдмаршал 448
 Дашкова Е.Р. 334
 Де Витт Ян 197, 202
 Девлет-Гирей 463
 Дежнев Семен 236—238
 Дезборо, генерал 39
 Декарт Рене 307, 313, 389
 Деколонг 418
 Деламер, лорд 135
 Делиус Христофор 343
 Дель Ферро 69
 Демидов Гаврила 78, 79, 80
 Демидов Никита 283
 Демосфен 231
 Денисов С. 123
 Дербетов Федор 417
 Деревенский Иван 227
 Державин Г.Р. 334, 337
 Дериглаз Иван 408
 Десницкий С.Е. 328—330, 334
 Дефо Даниэль 96
 Де Фриз 239
 Джанноне Пьетро 355
 Дженовези Антонио 321, 323
 Дженоино Джулио 62—67
 Джонсон С. 256
 Дидро Дени 299, 300, 314, 316, 318, 363
 Дитрих 246
 Дмитрий Донской 233
 Дмоховский Ф. 345
 Добнер Г. 339, 344
 Добровский И. 339, 344, 347, 348
 Долгорукий Я.Ф. 223
 Долгоруков В.В. 278
 Долгоруков Ю.В. 410, 412
 Дольфус 247
 Доннарумма Джироламо 64
 Доннхауэр Й.К. 381
 Д'Оссун, герцог 62, 63
 Драный Семен 411
 Дубровский 420
 Дэвенант Чарлз 131
 Дэнби, граф 129, 203, 204
 Дюбарри Жанна, графиня 453
 Дюртет Кристоф 51

 Евгений Савойский, принц 206, 216, 217
 Езерский Ф. 347
 Екатерина II, императрица 276, 299, 329, 330, 354, 365, 372, 397—400, 405, 406, 413, 418, 419, 433, 454, 455, 461—463
 Елеонская А.С. 123
 Елизавета Пармская, герцогиня 438
 Елизавета I Тюдор, королева Англии 12, 15, 19, 20, 22—24, 376
 Елизавета Петровна, императрица 405, 451, 461
 Емельянов Ф. 77, 79
 Емельяновы 78
 Еротей, монах 343
 Ефросин, инок 123

 Жаннен П. 93, 94
 Желябужский И. 224
 Жемчугова-Ковалева П.И. 337
 Жоан IV Браганса, король Португалии 58, 59, 156
 Жозе I, король Португалии 362, 363, 371

 Заболоцкий Ф. 345
 Зарубин Иван Никифорович (Чика) 414, 416—418, 420
 Залусские, дворяне 341
 Зарудный И.П. 337
 Земцов М.Г. 337
 Зен-Биндерман 247
 Зерцалов А.Н. 114
 Зерщиков Илья 411, 412
 Зиновьев Елисей 408
 Зыбелин С.Г. 334

 Иван IV Грозный 181, 189
 Игнатий, епископ 409
 Икштатт 357
 Иннокентий X 367, 369
 Иннокентий XI 205, 368, 374
 Иоаким, патриарх 122, 124
 Иов, патриарх 183
 Иоганн-Сигизмунд, курфюрст Бранденбургский 166, 170
 Иона, митрополит 232
 Ионау М. 345
 Иосиф, патриарх 75
 Иосиф I Габсбург, император 178, 217
 Иосиф II 296, 299, 321, 354, 359, 360, 373, 374, 376, 451, 452, 455
 Ираклий II 463
 Йорк, герцог 130, 131

 Кабузан В.М. 273
 Казаков М.Ф. 338
 Казинци Ф. 339, 347
 Калачников Н. 234
 Калиостро 395
 Каллен У. 310
 Калхуан П. 260
 Кальвин Жан 19, 21, 22, 39, 378
 Камберленд, герцог 449
 Кампоманес Педро Родригес 362
 Кант Иммануил 299, 300, 324, 326, 358, 391
 Кантемир А.Д. 327, 336
 Кантемир Дмитрий 343
 Капитон, старец 122
 Кар, генерал 416, 418
 Караманико Франческо, князь д'Аквино 361
 Карамзин Н.М. 300, 335, 337
 Караччоло Доменико 361
 Кардена, вице-король 56
 Кареев Н.И. 126, 248, 352
 Карл I Стюарт 15, 20, 23—28, 30, 34, 35, 39, 40, 47, 127
 Карл II Габсбург, король Испании 150, 152, 195, 200, 211—213
 Карл II Стюарт 28, 40, 41, 125—128, 130, 131, 134, 192, 195—199, 201—204, 206, 207, 223, 380, 381, 393, 432
 Карл III (дон Карлос), король Испании 215, 361, 362, 371, 439, 440
 Карл V Габсбург, император Священной Римской империи, Карл I Испанский 65, 215, 217
 Карл VI Габсбург, император Священной Римской империи 153, 212, 213, 215, 217, 439, 441
 Карл VII, император 443
 Карл X, король Швеции 163, 195

Карл XI 163—166
 Карл XII 166, 216, 351, 457—459
 Карл Евгений Вюртембергский, герцог 358
 Карл Теодор, курфюрст Баварии 357
 Карл Фридрих, маркграф, затем великий герцог Бадена 358
 Карл Эдуард, английский принц 443
 Карлейль Г., граф 224
 Каролина Матильда, королева Дании 363
 Каррезе Мазе 64
 Картрайт Э. 422
 Касицкий И. 345
 Кастро Фердинандо де 62
 Касымов Мухаммед-Юсуф 227
 Катанья Карло 64
 Кауниц Венцель Антон Йозеф фон 358, 373, 445, 447, 448, 451
 Качич-Мяошич 345
 Кваренги Дж. 337
 Кей 422
 Кейт Роберт 455
 Кенель П. 369
 Кенэ Франсуа 316, 317, 398
 Кепечи Б. 353
 Керестури Ференц 343
 Кильбургер И. 221
 Кинг Г. 17, 199, 243, 260
 Киприан, монах 343
 Кларендон Э., граф 126, 129
 Кларендон Генри 136
 Кларис 56, 59
 Кларк Самюэл 21
 Кларксон Л. 386, 387
 Климент IX 369
 Климент X 224
 Климент XI 369
 Климент XIII 371—373
 Климент XIV 370, 372
 Клифорд, лорд 129
 Клюк Кшыштоф 343
 Коббет У. 257
 Ковалевский М.М. 352
 Коза П. 80
 Козачинский Эммануил 342
 Козельский Я.П. 328, 330
 Козловский М.И. 338
 Козловский Ю. 346
 Кокни 16, 97
 Коллар А.Ф. 340
 Коллинс С. 80, 188—190, 223
 Коллонтай Г. 340, 341, 343, 347
 Кольбер Жан-Батист 102, 103, 141—146, 193, 199, 200, 203, 204, 206, 223, 368
 Кольбьерсен К. 364
 Коменский Ян Амос 392
 Коменьский М. 346
 Комов И.М. 281
 Комптон, лорд 16
 Комарский С. 341
 Конде Луи де Бурбон, принц 45—50, 52, 195, 198
 Кондильяк Э. 307, 314
 Кондорсе Антуан Никола 314, 318
 Конти, принц 47, 48, 50—53
 Коперник Николай 234, 389
 Коппе Э. 386
 Копыто И. 80

Коранс А. 340
 Корепин Савва 76
 Коробьин Г.С. 328
 Корт Генри 425
 Корф 415
 Коссман Э. 53
 Котельников С.К. 334
 Котошихин Григорий 182, 186, 188
 Крамериус Вацлав 342
 Красицкий И. 348
 Крашенинников С.П. 238, 334
 Крижанич Юрий 182, 232, 238
 Кристиан IV, король Дании 157, 221
 Кристиан V 161, 222
 Кристиан VII 363, 364
 Кристина, королева Швеции 163
 Кромвель Оливер 29, 30, 32—41, 125, 127, 195—198, 202, 223, 377, 380, 381, 385, 432
 Кромвель Ричард 41
 Кроули, семья 256
 Кроче Бенедетто 60
 Круа де, герцог 457
 Крузенштерн Ф. 221
 Кузнецов Иван 417
 Кулибии И.П. 336
 Кульман К. 124
 Куракины, дворяне 278

 Лабади Жан де 381
 Лавалетт 371
 Лавровский В.М. 16, 18
 Лавуазье Антуан Лоран 318
 Лазер Георге 342
 Лакомб 374
 Ламб Джон 246
 Ламберт, генерал 39
 Ламейрэ, маршал 45
 Ларионов Андрей 76
 Ларошфуко Франсуа де, герцог 48
 Лафайет М.Ж.П. 455
 Леблон Ж. 337
 Левенгаупт Адам Людвиг 458
 Левицкий Д.Г. 338
 Левшин Е.А. 281
 Лейбниц Готфрид Вильгельм 354, 394
 Леклерк Н.Г. 291
 Леопольд, великий герцог Тосканский 374
 Леопольд I Габсбург, император 98, 173, 175, 176, 178, 191, 195, 202, 211, 214, 217
 Леопольд II Габсбург (Петр Леопольд), император, ранее — великий герцог Тосканский 360, 361, 374
 Лепехин И.И. 334, 335
 Лессинг Готхольд Эфраим 331, 390, 395, 437, 449
 Летелье Мишель 141
 Лещинский Станислав, король Польши 440, 458—460
 Лилли Уильям 392
 Лильберн Джон 31, 34—36, 51
 Лильберн Роберт 34
 Линхарт Антон 344, 347
 Линьярес 58
 Лионн де 141
 Лихуд Иоанникий 230

- Лихуд Софроний 230
 Лод, архиепископ 26
 Лодердейл 129
 Локк Джои 6, 303—305, 307, 313, 318, 351, 363, 389, 470
 Ломоисов Михаил Васильевич 230, 327—329, 332—336, 344
 Лонгвиль, герцог 48
 Лоу Уильям 390
 Лувау Франсуа Мишель Летелье де, маркиз 141, 147, 204, 208
 Лучицкий И.В. 248
 Лызлов А. 235
 Львов В.П. 78
 Людовик XI 46
 Людовик XIII, 44, 102
 Людовик XIV 44, 69, 102, 128, 139, 141—144, 148—150, 153, 192—217, 222, 223, 354, 355, 368, 369, 374, 379, 431, 432, 437—441, 445
 Людовик XV 316, 317, 370, 371, 438—440, 445, 446
 Людовик XVI 376, 438, 451
 Лютер Мартин 325, 377, 378, 384, 448

 Мабильои Жаи 375
 Мабли Габриель Бонно де 330
 Мазаньелло (Томмазо Аньелло) 60, 64—67, 69
 Мазарини Джулио 40, 44—50, 52, 66, 67, 143, 195, 197, 206, 432
 Мазепа Иваи Степанович 458
 Майор П. 339
 Мак Александр 384
 Макарий, архиепископ, патриарх 77, 121
 Макаров 277
 Макиавелли Никколо 353
 Маколей Т.Б. 126
 Максимилиан III, курфюрст Баварии 357, 358, 451
 Максимов Лукьян 410
 Максимович-Амбодик 334
 Малышев В.И. 123
 Мальборо, герцог 216, 217, 350
 МанDEVиль Бериар 305
 Маиезиус 224
 Манчестер, граф 29
 Маргарита, вице-королева Португалии 58
 Мареш Я.А. 346
 Марианна, испанская королева-регентша 201
 Маринони Д. 340
 Мария, английская королева 135, 137, 203
 Мария Антуанетта, французская королева 451
 Мария Луиза Орлеанская, испанская королева 204
 Мария Тереза, французская королева 195, 198
 Мария Терезия, императрица 321, 358—360, 372—374, 439—443, 451
 Маркс К. 12, 261, 269, 327, 356, 406, 423, 424
 Марселис П. 115
 Марсен 213
 Мартини 355
 Марцевич Арсений 406
 Марций И.Ю. (Мери) 120
 Масильон, епископ 375
 Маслов А. 328
 Матвеев А. 338
 Матвеев А.С. 231, 235
 Медведев Сильвестр 124, 231

 Медина Сидония, герцог 212
 Мейерберг А. 80, 189, 190
 Мелье Жан 390
 Мендельсои 358
 Меньшиков А.Д. 277
 Меринг Франц 437
 Меткар Джои 426
 Мёвре Ж. 93
 Микляевы 115
 Микку-Клайн С. 339
 Миллер Г.Ф. 333
 Милославский Иван Данилович 70, 72, 114, 189
 Милтгои Джои 377, 385, 386
 Мин, династия 83, 223
 Мирабо Габриель Оиоре Рикети де, граф 434
 Мискодакис П. 340
 Михаил Федорович, царь 73, 181, 188, 221, 233
 Михайлов Иваи 232
 Михайлов Петр см. Петр I
 Михельсои И.И. 419, 420
 Миогогрешный Д. 181
 Моголы, династия 84
 Модсли Г. 425
 Моле Матьё 46
 Моле Жак де 393
 Молинос М. де 374
 Мольер Ж.-Б. 223, 234
 Мон Пьер де 87
 Монк, генерал 41, 393
 Монмаут, герцог 131—133
 Монмореи Армаи Марк 454
 Монро А. 310
 Монтескье Шарль 313, 315, 316, 323, 347, 350, 353, 399, 433, 436
 Монтеспан Франсуаза Атенаис 439
 Мопу Огюстеи де 352, 355
 Морино М. 94
 Морозов Борис Иванович 70—75, 79, 114, 229
 Москвитин Иван Юрьевич 238, 239
 Моульсуорт 160
 Моцарт Вольфганг 346, 395
 Мошницын Михаил 78
 Муратори Лодовико Антонио 340, 355
 Мусин-Пушкин Иван Алексеевич 401
 Мусины-Пушкины, дворяне 277
 Муссолини Бенито 353
 Мысливечек Й. 346
 Мэну, герцог 439

 Нагиба Иван 239
 Наклерьо 64
 Нансен 158, 159
 Наполеон I Бонапарт 271, 357
 Нартов А.К. 333
 Нарушевич А. 343, 348
 Нарышкин С.К. 277
 Нарышкины 124
 Невиль де 223
 Нейлор Джеймс 388
 Неккер Жак 318, 352
 Некрасов Игнат 411, 412
 Немцович Ю. 346
 Никитин И.М. 338
 Никитниковы, купцы 232
 Николини Ф. 60
 Никон, митрополит, патриарх 78, 79, 121, 183, 189, 225, 232, 403

Новиков Н.И. 328, 329, 335, 400
 Нордерман К. 124
 Норт Д. 256
 Носов Прохор 408
 Носов Яков 408
 Нострадамус Мишель 392
 Ноттингем, лорд 133
 Нумменс 77
 Ньюсон, полковник 30
 Ньютон Иссак 6, 349, 386, 389, 470

Оатс Титус 130
 Оболяев Степан 414
 Обрадович Д. 339, 348
 Овертон Р. 31, 36
 Овчинников Андрей 415—418, 420
 Огиньский М. 346
 Оглендер 16
 Одоевский Н.И., князь 75, 76
 Озерецковский Н.Я. 335
 Оксеншерна, граф 221
 Олавиде 362
 Олджернон Сидней 131
 Олеарий Адам 233
 Оливарес, граф-герцог (Гаспар де Гусман) 54, 56, 57, 59
 Оливейра Маркиш А. 156
 Онъон Питер 425
 Опиц Я. 348
 Ордин-Нащокин А.Л. 78, 79, 116, 219, 223, 231, 235
 Орлов А.Г. 275
 Орфелин З. 339, 343, 345
 Остервальд 357
 Остерман И.А. 454

Павел Петрович, великий князь 416, 462
 Павлов Иван 411, 412
 Падуров 420
 Пазухины, дворяне 227
 Паллас П.С. 335
 Панин Н.И. 454
 Панин П.И. 419
 Панкратьевы 115
 Паоли Паскуале 323
 Папанек Ю. 344
 Папанеску Ю. 340
 Парацельс (Гогенгейм Ауреол Теофаст Бомбаст фон) 393
 Паскаль Блез 369
 Паскаль Жаклина 369
 Пашкевич В.А. 338
 Пейчели Й. 339
 Пельцль Ф.М. 341
 Пенн У. 389
 Пеннингтон Айзек, 388
 Перикл 353
 Перфильев 420
 Петлин И. 227
 Петр I 114, 180, 183, 190, 219, 223, 228, 229, 238, 283, 290, 291, 328, 331, 333, 353, 354, 396, 397, 401—405, 408, 411, 439, 456—459
 Петр II 405
 Петр III 405, 406, 414, 416, 451, 461
 Петр Леопольд, герцог Тосканы 360, 361
 Петров В.В. 334
 Петров Семен 232

Петти 14
 Пий VI 372—374
 Пиль Роберт 427
 Пям Дж. 28
 Питт Уильям, граф Чэтэм (Питт Старший) 434, 449—451, 464
 Плей Томас 130
 Плещеев Л.С. 70—72, 75
 Плутарх 231
 Поганкины, купцы 232
 Покора И.Ф. 280
 Поленов А.Я. 328, 329
 Ползунов И.И. 284, 336
 Поликарпов Ф. 230
 Полоцкий Симеон 124, 231
 Поль Венсан де 374
 Помбаль Себастьян Жозе, маркиз 362, 369, 371
 Поммеренинг 73
 Помпадур Антуанетта Пуассон, маркиза де 316, 446, 447, 453
 Понятовский Станислав, король Польши 341, 462
 Порталес-Риго 247
 Портокарреро 212
 Поршнева Б.Ф. 42
 Посошков И.Т. 279, 327
 Потемкин Г.А. 463
 Потемкин П.И. 222, 223
 Похлин М. 339, 344
 Почиталин Иван 414, 418, 420
 Поярков Василий Данилович 239
 Прайд, полковник 30, 34, 127, 380
 Престон Джон 21
 Принс 36
 Прозоровский П., князь 118, 224
 Прокопович Феофан 342, 403
 Прохазка Иржи 343, 347
 Псалидас А. 340
 Пугачев Емельян Иванович 330, 412—420
 Пуфендорф Самуэль 325, 326, 354, 355
 Пушкин А.С. 334, 335
 Пушников Родион 227
 Пьянов Денис 414
 Пэйли Уильям 390

Радичков Христо 297
 Раич Йован 342, 344
 Радищев А.Н. 328, 330, 400, 413, 421
 Разин Степан Тимофеевич 114, 117—120, 182, 187, 412, 414, 420
 Ракоци Ференц 343
 Растрелли В.В. 337
 Рафаил, епископ 79, 80
 Рац Шамуэль 343
 Реймарус Г.С. 390
 Рейнсборо, полковник 30
 Рейнсдорп 415
 Рейтенфельс Я. 80, 188, 224
 Рембольд Ричард 132
 Рен Кристофер 393
 Рейтер, адмирал 198, 203
 Ржевский Т. 407
 Рибай Ю. 340
 Ривьер Мерсье де ла 354
 Риггер 355
 Риччи 372

- Ришелье Арман-Жан дю Плесси 43, 44, 59, 87
 Робертсон У. 433
 Родес де 221
 Роджерс Джон 130, 385, 386
 Родней 455
 Розенкрейц Христиан 394
 Розенмюллер К. 342
 Рокотов Ф.С. 338
 Романо Р. 92, 93, 107
 Романов Н.И. 71, 75
 Рот Иероним 170
 Рочестер, граф 381
 Ртищев Ф.М. 229
 Рудольф II Габсбург, император 86
 Румовский С.Я. 334
 Румянцев П.А. 462, 463
 Рупрехт, принц 28
 Руссо Жан-Жак 314, 316, 318, 322, 323, 331, 363, 433
 Савойская династия 206
 Салмон Дж. 386
 Салтанов Иван 233
 Самойлов Иван 220
 Санта Колома 54, 55
 Сване 158, 159
 Сведенборг Эммануил 392
 Светешниковы, коммерсанты 115
 Сегье П. 45
 Сеймур, лорд 136
 Сексби 51
 Семенов Филарет 414
 Сен-Жермен, граф 395
 Сен-Мартен Луи-Клод де 395
 Сердюков М.И. 333
 Сефевиды, династия 85
 Сеченый 412
 Симон Р. 375
 Симонс Менно 384
 Скипа Микеланджело 60, 63, 68
 Скополи Ян 343
 Скорняков-Писарев Г.Г. 333
 Скрупп 36
 Скотт 39
 Славинецкий Е. 230
 Смелсер М. 455
 Смит Адам 256, 310—312
 Смит Джон 14
 Смотряцкий Мелетий 230, 342
 Снядецкий Анджей 343
 Снядецкий Ян 341, 343
 Собакин Н.С. 77, 78
 Собыль А. 353
 Соколов Афанасий Тимофеевич (Хлопуша) 415, 416, 418, 420
 Соколов Н.П. 334
 Соколов Тимофей 411
 Соколовский М.М. 338
 Соловьев С.М. 219
 Сорколд Д. 246
 Софья Алексеевна, царевна 122—124, 220, 223
 Соццини Лелио 385
 Соццини Фаусто 385
 Спафарий-Милеску Николай 228, 232
 Спенсер Джон 16
 Спиноза Барух (Бенедикт) 363, 389
 Спиридов Г.А. 462
 Старченок Гаврила 412
 Стах В. 346
 Сташиц С. 343, 347
 Стейнский Ф. 348
 Степанов О. 239
 Стефан 247
 Стефан, молдавский господарь 218
 Стефанович Венцлович Гаврило 343
 Стоянов Семен 78
 Стояновы 78
 Стралленберг 238
 Страффорд Томас, граф 26, 27
 Строгановы 229
 Струэнзе Иоганн Фридрих 363, 364
 Стюарт Д. 312
 Стюарты 16—18, 20, 22—24, 26, 28, 35, 41, 99, 125—127, 131, 133, 192, 196, 197, 203, 207—209, 211, 214, 256, 349, 377, 380, 385, 388, 393, 435, 440
 Суворов А.В. 338, 419, 464
 Суворов Максим 342
 Сумароков А.П. 336
 Сухянов А. 230
 Сыроежин Никита 227
 Таблиц Ю. 340
 Таллар, маршал 216
 Талон Омер 42
 Там В. 345, 346
 Там К. 346
 Тануччи Бернардо 321, 361
 Тарле Е.В. 248
 Татищев В.Н. 327, 335
 Творогов 420
 Теймураз, царь Кахетии 226
 Тенебеков, князь 410
 Теотокис Н. 339
 Тесанек Ян 343
 Тимофеев Микла 239
 Тимур, хан 233
 Титов В. 234
 Токугава, династия 84
 Толанд Джон 390, 395
 Толкачевы, казаки 414, 416
 Толмачев 417
 Толстой И.А. 411
 Томазий Христиан 325, 326
 Томпсон, знаменщик 36, 37
 Томпсон, капитан 36, 37
 Торальдо Франческо, князь ди Масса 67, 68
 Торнов 420
 Торси Жан-Батист 206
 Траханиотов П.Т. 70—72, 75
 Тредиаковский В.К. 336
 Трембецкий С. 345, 348
 Третьяков И.А. 334
 Тромп, адмирал 198
 Тулл Джетро 269
 Тумашевы 115
 Тюдоры 14, 17, 19, 22
 Тюрго Анн Робер Жак 316—318, 352, 354, 355, 455
 Тяпкин В. 223
 Уайлдмэн Джон 33

Уайт 256
 Уайтфилд Джордж 382
 Уатт Джеймс 336, 424
 Уилчкомб Джон (Джек из Ньюбери)
 Уймоуби, лорд 16
 Уинстенли Джерард 37, 38
 Уолвин У. 31, 36
 Уоллер Эдмунд 27
 Уолли 36
 Уолпол Роберт 350, 439
 Ус Василий 117, 118
 Усаев Канзафар 417
 Усов Т. 337
 Уц Петер 449
 Ушаков Симон 233
 Ушаков Ф.Ф. 464
 Уэсли Джон 382, 383
 Уэсли Чарлз 382
 Уэстрич С.А. 51

 Факкинеи Ф. 322
 Фандли Ю. 340
 Фарнуорс Ричард 388
 Феброний Ю. см. Гонтгейм И.Н.
 Федерико Арагонский, король Неаполя 62
 Федор Алексеевич, царь 123, 190, 222, 234
 Фенелон Франсуа Салиньяк де Ла Мотт 374, 375
 Фердинанд IV, король Неаполя 371
 Фердинанд де Кастро 62
 Фердинанд Католик, король Испании 62, 65
 Фергюсон Адам 310, 312
 Ферфакс Томас 29, 37, 38
 Филипп, герцог Пармский 444
 Филипп II, король Испании 62, 104, 194, 206, 215
 Филипп IV, король Испании 54, 59, 67, 192, 195, 197, 201
 Филипп V Бурбон, король Испании 153—155, 213—215, 217, 437—439
 Филиппов Алексей 238
 Филлипс Томас 18
 Филомарино, кардинал 68
 Флери, кардинал 442
 Флетчер Эдмунд 309
 Флешье, епископ 375
 Флитвуд, генерал 39
 Флоридабланка Хосе, граф 362
 Фойгт М.А. 339
 Фокс 30
 Фокс Джордж 386—389
 Фомин Е.И. 338
 Фонвизин Д.И. 328, 334, 337
 Фонтане 67
 Фостер Дж. 386
 Фракула Н. 345
 Франке Август 381
 Франц I, император 359, 440
 Франциск I, король Франции 205
 Фредерик, датский кронпринц 364
 Фредерик III, король Дании 158, 160, 165, 221
 Фридрих I, король Пруссии 171, 217, 456
 Фридрих II (Великий), король Пруссии 217, 299, 300, 324, 354, 356, 357, 359, 365, 372, 376, 432—434, 441—449, 451, 452, 460, 461
 Фридрих-Вильгельм I, король Пруссии 171, 172, 356, 442

Фридрих-Вильгельм Бранденбургский, курфюрст 167, 168, 170, 202, 432
 Фриш Томас фон 357
 Фуке Никола, виконт де Мелен, маркиз де Бель-Иль 141—143

Хабаров Ерофей Павлович 239
 Хабберторн Ричард 388
 Хайноци Й. 348
 Харгривс 422
 Хартлиб Сэмюэль 392
 Хатчесон Ф. 322
 Хворов 410
 Херасков М.М. 334, 337
 Херреншванд Иоганн 253
 Хилендарский Паисий 339, 344, 348
 Хилков Ф.А. 78
 Хилл К. 386
 Хитрово Я.Т. 234
 Хмельницкий Богдан 11, 181
 Хованский И.Н. 78, 79, 80
 Ховельянос Гаспар Мельчор 362
 Холдернес 259
 Хорват Я.Б. 347
 Хотек 358
 Хоу Сэмюэль 21
 Хохлач Андрей 408, 411
 Хуан, испанский принц 67, 68

Цвингли 378, 384
 Цин, династия 83, 228
 Цинцендорф Николас Людвиг фон 383

Челлаамаре, князь 438
 Чемберлен Дж. 244
 Чемоданов И.И. 224
 Черкасский И.Б. 73
 Черкасский Я.К. 75
 Чернышев 416
 Честерфилд Филипп Дормер Стенхоп, граф 445
 Чиполла К. 92
 Чириков А.И. 340
 Чистой Назарий 70, 71, 186
 Чумаков Федор 417, 420
 Чупров И. 328

Шагин-Гирей 463
 Шамплен Самуэль 87
 Шаумбург-Липпе Вильгельм фон 358
 Шелборн, лорд 260
 Шелудяк Иван 408
 Шереметев 337
 Шереметев Б.П. 408
 Шереметев Ф.И. 73
 Шереметевы, графы 276, 281
 Шефтсбери, граф, лорд Эшли 129, 131, 390
 Шигаев Максим 414, 416, 418, 420
 Шидловский 411
 Шиллер Иоганн Фридрих 358
 Шинкай Георг 339, 342, 344
 Шоню П. 92, 94
 Шорин В.Г. 186
 Шпенер 381, 383
 Шретер 334
 Шуазель Этьен Франсуа, граф де Стенвиль, затем герцог де 434, 449, 453
 Шубарт 358

Шубин Ф.И. 338
 Шувалов А. 278
 Шумахер, граф Гриффенфельд 159, 161

Щербатов М.М. 331, 334, 335

Эвелин Джон 125
 Эверард 38
 Эйбель В. 373
 Эйлер Леонард 333, 334, 336
 Эмери 44
 Энгельс Ф. 269, 327, 356, 406, 423
 Эперном 48
 Эршвиллер 78
 Эссекс, граф 29
 Эшли 129

Юлаев Салават 417, 418, 420

Attman A. 90
 Bang N.E. 93
 Bérenger J. 173
 Boxer C.R. 98
 Cole C.W. 199
 Dauphin V. 244
 Deyon P. 200
 Doyle W. 199
 Elliott J.H. 55, 56
 Fléchier V.E. 143
 Forster H. 260

Юм Дэвид 310, 390, 433
 Юнг А. 249
 Юсти 355, 398
 Юстиниан, император 74

Яворский Стефан 401, 403
 Яков I Стюарт 12, 14—16, 20, 22—25, 97, 377
 Яков II Стюарт 131—137, 203, 204, 207—211, 349, 394, 443
 "Яков III" Стюарт 214
 Яковлев Савва 292
 Ямановские, крестьяне 276
 Ян Казимир, король Польши
 Яновский Феодосий 404
 Янсений Корнелиус 369
 Ясиньский Я. 345, 348
 Яслинский А. 347

Gollwitzer H. 433
 Heihard G. 259
 Kellenbenz H. 99
 Klima A. 98
 Korst K. 93
 Mittenzwei Y. 448
 Morris 455
 Ogg D. 127
 Roosen W.J. 194
 Thirsk J. 127
 Tucker J. 254

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абвиль 103, 246
 Абердин 309
 Або 460
 Абруцци 66
 Авиньон 372
 Австрия, Австрийская монархия 217, 225, 269, 296, 341, 344, 346, 347, 352, 356, 359, 372, 373, 394, 430, 433, 437—445, 447, 448, 451, 452, 455, 456, 459—465
 Восточная 262
 Нижняя 173, 263
 Адриатика 296
 Азербайджан 85
 Азия 13, 84, 86, 90, 95, 98, 100, 103, 238, 239, 257, 258, 289, 333, 381, 427
 Восточная 83
 Северо-Восточная 335
 Центральная 188, 225
 Юго-Восточная 84
 Южная 84
 Азов 86, 181, 219, 231, 409, 411, 456, 459, 460, 463

Азовское море 219, 332, 456
 Алатырь 419
 Албания 297
 Алгарви 58
 Алдан р. 238, 239
 Алентежу 57, 58
 Алжир 86
 Алтай 335
 Альманса 153
 Альпы 194, 263
 Альтмарк 168
 Аляска 238
 Амбоин о-в 84
 Америка 13, 83, 84, 86—90, 192, 237, 250, 257, 263, 333, 381—385, 389, 392, 444, 449—451, 454, 455, 469
 Испанская 89—91
 Карибская 89
 Северная 86—89, 100, 197, 217, 300, 335, 358, 383, 427, 430, 440, 443, 445, 450, 453, 455, 456
 Центральная 440

- Южная 87, 89, 440, 443
 Амстердам 94, 97, 98, 108, 197, 223, 238, 257, 258
 Амур р. 227, 236, 238, 239
 Амьен 103, 249, 255
 Анадырь р. 237
 Англия 5—7, 12—14, 18—20, 23, 25, 26, 28—30, 32—40, 47, 51, 53, 60, 85, 88, 91, 95—101, 103, 105, 106, 124—128, 130—132, 134, 135, 139, 148, 159, 190, 192, 193, 195—204, 206—211, 214—217, 220, 223, 225, 243—247, 249—251, 253, 254, 256—261, 263—271, 283, 284, 291, 302—304, 306—309, 314, 316, 317, 325, 346, 349, 351, 353, 358, 366, 376, 379—389, 392—394, 424—427, 429—435, 437—456, 459—462, 464—466, 468—470
 Западная 200
 Северная 387
 Юго-Восточная 250, 435
 Юго-Западная 252
 Ангумуа 145
 Андалусия 262, 263
 Анже 244
 Антверпен 197
 Аомынь (Макао) 83
 Апеннинский п-ов 224
 Апулия 66
 Арагон 151—154, 194, 262, 263
 Аргин 57
 Арзамас 120
 Армения 86, 225, 226, 407
 Восточная 85
 Артуа 145
 Архангельск 91, 113, 186, 221, 223—225, 236, 237, 288—290
 Астрахань 113, 118, 119, 121, 225, 227, 288, 289, 407, 408
 Астурия 151, 262, 362
 Атлантический океан, Атлантика 90, 91, 108, 200, 209, 215, 383
 Аугсбург 108, 216
 Ауденарде 216
 Ауэрштедт 357
 Афганистан 84

 Бавария 195, 205, 209, 214, 216, 245, 357, 358, 431, 433, 443, 451, 452
 Баден 262, 358
 Базиликата 66
 Байкал о. 239
 Байя 69
 Балканский п-ов 219, 225, 463
 Балканы 86, 91, 205, 295, 297, 340, 343, 430, 440, 452, 463
 Балтийское побережье 219
 Балх, Балхинское ханство 226
 Банат 360
 Банска-Штьявница 296
 Баренцево море 236
 Барселона 11, 55, 105, 153, 154, 215
 Батавия 91, 190
 Башкирия 414, 415, 417—420
 Безансон 205
 Бейра 57
 Белая гора 110
 Белгород 223
 Белгородская засечная черта 218
 Белград 342
 Белоруссия 124, 181, 188, 219, 456
 Бельгия 196, 360
 Бенгалия 85, 450
 Бендер-Аббас 85
 Бенеvento 372
 Берда 415, 416
 Березов 239
 Берлин 166, 169, 171, 441, 445, 449, 461
 Берри 263
 Бирма 84
 Бирмингем 246
 Бискайя 263
 Блаж 342
 Бленхейм (Гохштедт) 216
 Блуа 251
 Бове 103
 Болгария 297, 339, 342
 Бордо 43, 47—54, 203, 258, 259, 263, 452
 Бос 263
 Босния 206, 297
 Бостон 88
 Босфор, пролив 86, 463
 Брабант 244, 248, 262, 264, 266, 267
 Бразилия 57, 90, 155, 258
 Брамpton, манор 18
 Бранденбург 109, 110, 166, 167, 169—171, 179, 195, 202, 215, 222
 Бранденбургско-Прусское гос-во 166
 Братислава 178
 Бреда 198
 Брейзах 205
 Брест 200, 246
 Бретань 145, 248, 250
 Бри 263
 Бриджуотер 133
 Бристоль 12, 29, 133, 382
 Британские о-ва 88
 Брюссель 213, 264
 Брянск 289
 Буг р. 464
 Бугульма 416
 Буда 341
 Бузулук 412, 417, 418
 Бузулук р. 412
 Булонь 435
 Бургундия 194, 263, 264, 268
 Северная 270
 Бутальское зимовье 238
 Бухара, Бухарское ханство 226, 407
 Бухарест 342
 Бэнбери 36

 Валанс 248
 Валансьенн 195
 Валахия 86, 206, 218, 462, 463
 Валенсия 105, 151—154, 215, 262, 263, 362
 Валуйки 411
 Варшава 220, 346, 458
 Великие озера 87
 Великий Устюг 74
 Великобритания 14, 200, 207, 210, 217, 244, 250, 256, 349—351, 432, 434, 440, 444, 446, 447, 449, 451, 453, 454
 Великое княжество Лнтовское 220
 Вена 98, 178, 179, 200, 205, 206, 210, 214, 216, 217, 219, 222, 224, 321, 341—343, 347, 358,

- 362, 374, 395, 439—443, 445, 448, 451, 452, 455
 Венгрия 86, 96, 110, 175, 177—179, 206, 217, 295, 296, 341, 343, 344, 346, 347, 354, 359, 359, 360, 376, 439
 Венесуэла 362
 Венето 249
 Венеция г. и гос-во 69, 85, 93, 102, 106—108, 195, 196, 205, 224, 225, 295, 296, 322, 343, 350, 432, 452, 456
 Верела 464
 Верчелли 264
 Вест-Индия 86, 100, 103, 106, 427, 456
 Вестфалия 250, 262, 263, 446
 Виго, бухта 215
 Византия 74
 Вик 55
 Вила-Висоза 156
 Вильманстранд 460
 Вильнюс 220
 Виргиния 88, 89
 Висла р. 93, 461
 Витгенштейн 384
 Витгенберг 120
 Во 268
 Вогезы 247
 Воеводина 343
 Войска Донского обл. 273, 409
 Волга р. 115, 118, 226, 407, 408, 411, 412, 414, 417, 419, 420
 Нижняя 75
 Волжско-окское междуречье 288
 Вологда 284, 289
 Воронеж 75, 219, 288, 409, 412
 Воронежская провинция 413
 Воронич 80
 Воскопой 297
 Вуппергаль 248
 Выборг 459
 Вьенн 246
 Вюртемберг 262, 263
 Вятка 112, 119
- Гаага 197—199, 203, 206, 210, 211, 214, 223, 224
 Габрово 297
 Гавана 450
 Гавр 435
 Галисия 151, 262, 263
 Галиция 359, 360, 463
 Галле 383
 Гамбург 258
 Гангут, мыс 459
 Ганновер 205, 358, 442, 446, 447, 449, 450
 Гаронна р. 103
 Гасконь 263
 Гвадалахара 245
 Гваделупа о-в 87, 451
 Гвиана 87
 Гданьск 463
 Гдов 80
 Генуя, Генуэзская республика 69, 107, 108, 322, 350
 Германия 49, 90, 96, 106, 108, 110, 190, 202, 205, 207, 208, 210, 215, 216, 221, 235, 257, 262, 264, 265, 269, 289, 323—325, 346, 352, 356—358, 365, 367, 376, 379—381, 383, 389—391, 394, 395, 430, 433, 437, 441—446, 448—452, 459—461, 470
 Восточная 263
 Западная 106, 108, 263, 267, 271, 465
 Прирейнская 12, 104, 250
 Северная 263, 324
 Северо-Западная 108, 262
 Центральная 263, 465
 Юго-Западная 96, 108, 465
 Южная 104, 106, 108, 250, 263, 324
 Гессен 262, 263
 Гессен-Кассель 358
 Гибралтар 215
 Гиень 47—50, 53
 Гималаи 84
 Гипускоа 262
 Глазко 249, 309, 311
 Глостер 29
 Глостершир 12
 Голландия 5, 7, 12—14, 40, 53, 60, 68, 69, 85, 86, 91, 95—100, 104—106, 109, 128, 131, 135, 137, 139, 171, 193, 196—199, 201—203, 208, 209, 214, 215, 217, 220, 223, 225, 243—245, 249, 250, 256, 257, 262, 263, 265, 268, 292, 353, 376, 379, 384—386, 394, 430, 431, 442, 444, 451, 452, 457, 459, 465
 Головчина 458
 Голштиния 225, 457
 Гранада 263
 Гренобль 251
 Греция 297, 348, 462
 Гронинген 96
 Грос-Егерсдорф 448, 461
 Грузия (Иверская земля) 226
 Западная 86
 Гуанчжоу (Кантон) 83
 Гуджарат 85
 Гуль 426
- Дагестан 226
 Даго о-в 459
 Далмация 296
 Дальний Восток 91, 227, 236, 238
 Дания 40, 139, 156—163, 165, 195, 215, 220—222, 225, 265, 269, 292, 351, 364, 366, 394, 456, 457, 459, 462
 Дарданеллы 463
 Датско-норвежское королевство 355, 363, 365
 Девоншир 12, 132, 249
 Дерби 246
 Дербншир 37
 Джеймс р. 88
 Джеймствун 88
 Джунгария 227
 Днепр р. 411, 463
 Днестр р. 464
 Доброе 458
 Доброй Надежды, мыс 13, 84, 91
 Дон р. 456
 Донецкий городок 412
 Донская земля 413
 Дордрехт 379
 Дорсет 132
 Дофине 145, 246, 248
 Дубровник 296
 Дувр 201

- Дунай р. 462—464
 Дунайские княжества 343, 344
 Дуррес 297
 Дьеш 435
 Дюнкерк 195, 197
- Евразия** 236, 237
 Екатеринбург 417
 Елец 71
 Еникале 463
 Енисей р. 236, 237
 Есаулово 412
- Женева** 377
- Забайкалье 227, 239
 Забайкальско-Приамурский регион 228
 Заволжье 119, 121, 275, 415
 Среднее 414
 Закавказье 226, 462
 Западная Двина р. 220
 Запорожская Сечь 220, 410
 Заэльбия 96
 Зеландия о-в 158, 160, 262, 263
 Зея р. 239
 Зимовейская станица 414, 418
 Зунд прол. 93, 94, 158
- Иваново** 112, 276, 281
 Изборск 80
 Измаил 464
 Измайлово 232
 Изюмская засечная черта 218
 Ильль 264
 Имеретинское царство 226
 Ингрия 457, 459
 Индигирка р. 238
 Индийский океан 85, 91
 Индия 13, 83—85, 89, 91, 100, 227, 236, 407, 443, 450, 451, 453
 Индокитайский п-ов 84
 Индостанский п-ов 84, 85
 Ионическое море 86
 Ирак 86
 Иран 85, 91, 95, 225, 226, 289, 292, 407, 460
 Иргиз р. 414, 415
 Ирландия 32, 35, 36, 38, 39, 126, 200, 249, 268, 376, 377, 380, 382, 434, 435
 Испания 7, 13, 24, 40, 41, 46, 48, 49, 54, 56—59, 62, 66—68, 86, 89—93, 95—97, 100, 104—106, 139, 141, 150, 151, 153, 155, 156, 159, 192—207, 209, 210, 212—215, 217, 222, 243, 245, 247, 249, 250, 255, 263—265, 269, 352, 355, 362, 371, 372, 430—432, 438—444, 449—451, 454—456, 465
 Северная 196, 262, 271
 Истрия 296
 Италия 55, 61, 93, 106, 107, 195, 210, 213, 214, 216, 217, 246, 249, 250, 254, 257, 262—264, 269—271, 289, 320, 322, 323, 346, 352, 353, 360, 363, 394, 430, 438—440, 442—444, 465
 Северная 96, 104, 106, 107, 209, 210, 245, 250, 253, 465
 Средняя 107
 Южная 60, 66, 68, 69, 106, 262, 263, 320
- Йорк 12
 Йорктаун 455
 Йоркшир 12, 246, 249, 250, 251, 424
- Кабарда** 226, 460, 463
 Большая 460
 Малая 460
 Кабул 84
 Кавказ 86, 226, 335, 463
 Северный 226, 408, 460, 462
 Кагул р. 462
 Кадис 90, 209, 250
 Казань 112, 282, 288, 289, 414, 418, 419
 Казахстан 227, 289
 Кайенна 87
 Калабрия 66
 Кале 435
 Калиакрия, мыс 464
 Калимантан о-в 84
 Калмыцкое ханство 188, 226
 Калуга 112, 284
 Кама р. 417
 Камбрэ 374
 Каменец-Подольск 221
 Кампания 66
 Камчатка п-ов 238, 239, 335
 Канада 87, 88, 440, 443, 450, 454
 Кардисса 220
 Карелия 459
 Карибский бассейн 100, 195, 197, 440
 Каринтия 174, 359
 Каркассон 255
 Карловцы 342
 Картли 85, 463
 Каспийское море, Каспий 115, 118, 225, 227, 332, 407
 Кастилия 54, 58, 59, 104, 106, 151, 152, 154, 156, 194
 Новая 363
 Старая 363
 Каталония 54—56, 58, 59, 67, 105, 106, 151—155, 206, 249, 264, 362, 465
 Кахетия, Кахетинское царство 85, 226, 463
 Качалинский острожек 117
 Кашира 115
 Квебек 87
 Кембридж 89
 Кендал 251
 Кент 34
 Керчь 463
 Кёльн 202, 216
 Кёнигсберг 93, 166, 167, 170, 324, 461
 Киев 220, 235, 342
 Кипр о-в 86
 Китай 83, 84, 91, 227, 228, 238, 240, 289, 292, 453
 Клеве 166
 Клеве-Юлихское герцогство 166
 Кобхем 38
 Козлов 75
 Козлуджа 463
 Коимбра 363
 Коломенское 111, 232
 Колпь р. 282
 Колыма р. 238
 Коннектикут 88
 Копенгаген 93, 158, 160, 163, 222, 224, 257, 457
 Копривщица 297
- Йена** 357

- Корея 83
 Корсика о-в 323
 Кострома 282, 288
 Крайна 344, 359
 Краков 458
 Красноуфимск 418
 Красный Яр 408
 Крым 86, 118, 218, 221, 223, 274, 276, 456, 458, 462—464
 Крымское ханство 86, 181, 218, 221, 463
 Куба 450, 451
 Кубань р. 411, 412, 414, 463
 Кунерсдорф 449, 461
 Курильские о-ва 239, 335
 Курляндия 224, 461
 Курмыш 419
 Курск 75, 289
 Куэнка 105
 Кючук -Кайнарджи 463
- Ландсхут (Каменна-Гура) 250
 Ла-Манш 22, 196, 199, 202, 434, 435, 437
 Лангедок 103, 255
 Нижний 263
 Ланкашир 37, 249, 250, 260, 427
 Ланс 45
 Лапландия 221
 Левант 85, 91, 250, 255, 453
 Лейден 80, 238
 Лейпциг 437, 458
 Лейстер 254
 Лена р. 236, 237, 239
 Леон 263
 Леснан 458
 Ливерпуль 426
 Ливония 225, 463
 Лилль 103, 199, 255
 Лион 103, 108, 251, 254, 255, 263
 Лионне 145
 Лисковатка р. 410
 Литва 222
 Лиссабон 11, 57, 58, 156, 197, 215, 250, 258, 363
 Лифляндия 164, 166, 222, 457, 459, 461
 Лоланн о-в 160
 Лондон 12—14, 16, 17, 26, 28, 29, 31, 32, 34, 36, 38, 40, 41, 97, 120, 126, 130, 134—136, 197—199, 201, 202, 206, 210, 211, 214, 215, 224, 244, 254, 258, 302, 309, 362, 382, 386, 393, 438, 439, 441, 442, 444, 446, 447, 453, 454
 Ломбардия 92, 106, 107, 261, 321, 322, 360, 362
 Лотарингия 145, 440, 447
 Лувен 369
 Луисбург 443, 450
 Лысково 112
 Льеж 263
 Любек 220
 Люксембург 205—207, 210, 263
 Люнебург 262
- Масс р. 196
 Магелланов пролив 13, 84
 Магнитная 418
 Мадрас 85, 443
 Мадрид 54, 55, 57, 59, 66, 151—153, 156, 192, 193, 195, 197, 198, 209, 210, 212—214, 217, 224, 438, 439, 441, 443, 444, 449, 450, 454
 Малага 215
- Малакка 84
 Малый Антильский архипелаг 87
 Мальвиц 442
 Мальорка о-в 154
 Мальпака 217
 Мангазея 236
 Мангышлакский п-ов 227
 Манила 84
 Мантуя 262
 Манчестер 426, 427
 Марк 166
 Марокко 86
 Марсель 103, 371, 394
 Марстон-Мур 29
 Мартиника о-в 86, 451
 Марш 145
 Массачусетс 88, 89
 Мая р. 238
 Мекленбург 109, 110
 Мексика 362
 Мен о-в 459
 Менорка о-в 449, 456
 Мерси р. 426
 Мец 205, 394
 Мидленд 256
 Милан 92, 107, 212, 213, 215, 249, 321, 322
 Миланское герцогство 194, 196, 202, 212
 Мина 57
 Мирошкинская 280
 Миссисипи р. 89, 450
 Модена 322, 361
 Моздок 414
 Молдавия 86, 218, 462, 463
 Молуккские о-ва 84
 Монбельяр 208
 Монголия 227
 Южнан 83
 Монеувасия 297
 Монреаль 87, 450
 Моравия 173, 176, 346, 359
 Москва 70—79, 111, 112, 120, 121, 123, 124, 181—185, 190, 218—226, 229, 230, 232, 234, 235, 274, 277, 282, 284, 287—289, 337, 338, 400, 408, 409, 412, 413, 418—420, 457, 458
 Москва-река 288
 Мурашкино 112
 Мурман 115
 Мурсия 105
 Мэриленд 88, 89
 Мюнстер 202
 Мюнхен 357, 443
- Наварра 151, 153—155, 194, 212
 Нагасаки 84
 Надьсомбат (Трнава) 341
 Нампор 263
 Нант 249, 259
 Нарва 289, 457, 459
 Неаполитанское королевство 68, 262, 321, 361
 Неаполь 11, 61—69, 212, 249, 320—323, 361, 371, 372
 Нева р. 458
 Нерке 163
 Ниверне 263
 Нидерланды 86, 166, 192, 195—205, 207—211, 263—265, 269, 349, 384, 394, 432, 433, 453
 Испанские 98, 112

Новые 89
 Северные 262, 267, 272
 Южные 102, 196—199, 201—205, 209, 211—214, 250, 264—266, 430, 438, 439, 444, 448, 451, 465
 Нижний Мэн 248
 Нижний Новгород 411, 419
 "Никания" (Япония) 238
 Ништадт 459, 460
 Нова-Кидна 247
 Новая Англия 89
 Новая Испания 89
 Новгород 76, 78—80, 121, 190, 225, 282, 289
 Новгородско-Псковский край 112
 Новоайдарский городок 410
 Новый Амстердам (Нью-Йорк) 89, 197
 Норвегия 160, 364, 366
 Южная 364
 Норидж 12, 249, 251
 Нормандия
 Верхняя 248, 251
 Северо-Восточная 261
 Норфолк 12, 15, 17, 266, 267, 269
 Ноттингем 248, 254
 Ноттингемшир 135
 Нью-Гемпшир 88
 Ньюкасл 12, 260, 425
 Нью-Плимут 88
 Нэзби 30
 Нюрнберг 108

 Обь р. 236, 237
 Овернь 143, 145
 Оверэйссел 265, 267
 Одер р. 461
 Одесса 292
 Ока р. 112, 288
 Океания 83
 Оксфорд 28, 30, 36, 131
 Олекма р. 239
 Ольстер 250
 Оренбург 275, 415—418
 Орлеан 249
 Османская империя, Оттоманская империя,
 Порта, Османская Порта 86, 91, 206, 211, 216, 218, 219, 245, 296, 297, 343, 345, 347, 430, 433, 437, 445, 451, 452
 Оснабрюк 367
 Ост-Индия 84, 100, 444, 449
 Остров 84
 Охота р. 238
 Охотское море 239
 Очаков 464

 Павия 195
 Павлово 112, 279
 Па-де-Кале 196, 199
 Падерборн 262
 Палермо 63
 Панагюриште 297
 Паншин городок 117, 410, 412
 Папская область 195, 214, 262, 371, 372
 Париж 43—48, 50, 52, 103, 145, 197, 213, 222—224, 246, 249, 251, 254, 321, 323, 365, 369, 371, 372, 434, 438, 439, 441—444, 446, 448, 450, 452, 454
 Парижский бассейн 261, 263

Парма 322, 361, 439, 440, 444
 Пассаро, мыс. 438
 Пекин 83, 227
 Пенза 218, 419
 Пенсильвания 389
 Перекоп 218
 Персидский залив 85
 Перу 89
 Петербург 274, 276, 277, 281, 287—290, 327, 333, 337, 338, 342, 343, 445, 452, 454, 458, 459
 Петергоф (Петродворец) 337, 338
 Петровск 412
 Пикардия 248, 263
 Пиреней 194, 213
 Пиренейский п-ов 213, 268
 Плимут 12
 Пловдив 297
 Поволжье 112, 118, 273, 276, 288, 289, 293, 335, 409, 411, 412, 414, 418—420
 Нижнее 226, 419
 Среднее 188, 273—276, 279
 Полтава 166, 216, 458
 Польша 91, 93, 96, 111, 119, 166, 170, 195, 205, 220, 245, 262, 263, 272, 295, 296, 341—344, 346, 347, 359, 372, 385, 394, 414, 430, 440, 442, 451, 456—460, 462, 464
 Померания 109, 110, 168, 356, 448, 461
 Восточная 166
 Поморье 112, 114—116, 235, 463
 Западное 296
 Пондишери 450, 451
 Понтекорво 372
 Порту 57, 106, 363
 Португалия 7, 40, 56—59, 67, 68, 86, 90, 91, 96, 100, 104, 106, 155, 156, 192, 193, 197, 198, 214, 215, 243, 258, 268, 292, 352, 354, 362, 363, 371, 450
 Потсдам 446
 Поццуоли 64
 Прага 340, 342, 347, 443
 Престон 34
 Приамурье (Даурия) 227, 228, 238, 239
 Прибалтика 13, 91, 96, 104, 162, 220, 273, 277, 289, 457, 459
 Пригниц 168
 Прикамье 413, 420
 Прикубанье 463
 Приморье 239
 Присвирье 280
 Пристанский городок 410
 Приуралье 273, 414, 415
 Причерноморье Северное 274, 463
 Прованс 47, 48, 263
 Пруссия, Прусское герцогство 166, 167, 170, 179, 216, 217, 225, 324, 355—357, 430, 432, 433, 437, 441—445, 447—449, 451, 452, 455, 459—461, 463, 464
 Восточная 448, 461
 Псков 76—80, 116, 232, 282
 Пфальц 384
 Пьемонт 106, 107, 139, 264, 361
 Пэтни 33, 34

 Раевка 458
 Ревель 289, 459
 Регенсбург 206, 209

- Реймс 103, 255
 Рейн р. 166, 194, 196, 211, 245, 442
 Рейнланд-Пфальц 262, 263
 Рейнская обл. 207, 208
 Речь Посполитая 181—183, 218—222, 224, 225, 350, 354
 Решетовская станица 412
 Рига 235, 289, 457, 459
 Рим 66, 67, 322, 357, 360, 368—370, 372, 373
 Рисвик 210
 Род-Айленд 88
 Рона р. 263
 Росбах 448, 449
 Россия, Русь, Московское гос-во 13, 77, 80, 85, 86, 91, 94, 96, 111—117, 120, 123, 124, 161, 179—188, 190, 195, 216, 218—228, 230, 232—237, 239, 244, 245, 272, 273, 279, 282—284, 286, 287, 290—292, 294, 327, 328, 331, 332, 334, 336, 338, 340, 342, 346, 351, 353, 354, 366, 394, 395, 397, 405—407, 413, 421, 430, 433, 437, 439—442, 445—448, 451, 452, 456—464, 468
 Центральная 114, 227, 273
 Российские губернии
 Архангельская 273—275, 279
 Владимирская 275, 279, 281, 282
 Вологодская 273—275, 279
 Воронежская 273—276, 419
 Выборгская 273
 Вятская 275
 Казанская 274, 279, 419
 Калужская 275
 Костромская 275, 276, 282
 Курская 273—275, 279
 Липецкая 275
 Малороссийская 275
 Могилевская 275
 Московская 273, 275—277, 279, 282, 419
 Нижегородская 275, 279, 419
 Новгородская 275
 Олонецкая 275
 Оренбургская 273—275
 Орловская 275
 Пензенская 276, 278, 419
 Пермская 275
 Петербургская 275
 Полтавская 275
 Псковская 275—277
 Рязанская 274, 275, 278
 Саратовская 273, 275
 Самбирская 275
 Смоленская 275
 Тамбовская 274, 275, 419
 Тверская 273, 275
 Тульская 275
 Уфимская 274
 Харьковская 273—275
 Черниговская 275
 Ярославская 275, 276
 Районы России:
 Приуральский 275
 Северный 273—275
 Северо-Западный 273, 275, 279, 280
 Центрально-Промышленный 273—275, 279, 281
 Центрально-Черноземный 274—276
 Ростов Великий 232
 Роченсальм 464
 Руан 251, 255, 394
 Руса 297
 Рымник 464
 Рябая Могила 462
 Саар 262
 Савала р. 409
 Савойя, Савойское герцогство 195, 196, 209, 214, 215, 262, 264
 Садбери 251
 Саксония 195, 245, 268, 324, 357, 437, 442, 443, 448, 458, 461
 Нижняя 262, 263
 Южная 250
 Савоники 297
 Савьникова Ватага 420
 Самара 118, 417, 418
 Самарская излучина 417
 Самарский городок 418
 Сандерленд 260, 425
 Санга-Колома-де-Фарнес 55
 Сантарен 106
 Саранск 419
 Саратов 118, 411, 412, 419
 Саратога 454, 455
 Сардиния 262, 438, 443
 Сахалин о-в 239
 Св. Лаярентия р. 87, 443
 Св. Христофора о-в 87
 Священная Римская империя 86, 171, 173—175, 209, 219, 220, 225, 324, 379, 441, 442
 Севастополь 292
 Северная Двина р. 115
 Северное море 196, 202, 250, 426
 Северный Ледовитый океан 238
 Северный морской путь 236, 334
 Севилья 90, 92, 105
 Севр 255
 Седан 251, 255
 Седжмур 133
 Сен-Жермен 46, 47
 Сен-Мало 435
 Сентонж 145
 Сент-Этьен 255
 Сербия 206, 297, 345, 348
 Северная (Смедеревский пашалук) 297
 Серпухов 112
 Сетубал 57
 Сибирь 75, 111, 113, 115, 121, 122, 185, 225, 227, 236, 238, 239, 273, 277, 288, 289, 293, 335, 400, 406
 Восточная 238
 Западная 273, 413, 417
 Силезия 110, 173, 176, 177, 250, 251, 296, 356, 376, 441—445, 447, 451, 460, 461
 Самбирск 118, 119, 218, 420
 Сирия 86
 Сицилия 63, 106, 194, 203, 212, 244, 262, 361, 438, 440
 Скандинавия, Скандинавские страны 215, 267, 352, 376
 Сконе 158, 162
 Словакия 90, 295, 296, 340, 343, 347
 Словения 296, 347
 Смоленск 220, 225, 289, 458

Смоленщина, Смоленская земля 112, 219
 Сож р. 458
 Соединенные провинции, Республика
 Соединенных провинций 91, 96, 100, 135,
 197, 198
 Сольвычегодск 74
 Соль Камская 112, 119
 Сомерсетшир 12, 132, 251
 София 297
 Средиземное море 103, 108, 215, 446, 449, 456,
 462
 Средиземноморское побережье 105
 Средиземноморье 100, 208, 209, 248, 449
 Средна-Гора 297
 Средняя Азия 91, 225—227, 289, 292
 Сремски Карловцы 342, 343
 Ставрополь 417
 Стамбул (Константинополь) 86
 Стара-Планина 297
 Старая Русса 112
 Стокгольм 163, 224
 Страна Басков 151, 153—155, 262, 362
 Страсбург 205, 207, 208, 246, 381
 Суда р. 282
 Суматра о-в 84
 Сура р. 419
 Сурат 85
 Суррей 34, 38
 Суссекс 34
 Суффолк 15, 266

Таврия Северная 276
 Таганрог 292
 Тайвань о-в 83
 Талов хутор 414
 Тамбов 218
 Тан 247
 Тарту 74
 Татищева крепость 418
 Тауй р. 238
 Таунтон 132
 Тверь 288
 Темза р. 198
 Терек р. 408, 414
 Терский городок 226, 408
 Тимор о-в 84
 Тироль 262, 268
 Южный 263
 Тихвин 190
 Тихий океан 90, 236, 238, 239
 Тобольск 227, 238, 282
 Толедо 105
 Толмечцо 249
 Томск 72, 75
 Тоннинген 457
 Тор 411
 Торунь 463
 Тоскана, Великое герцогство Тосканское 62,
 107, 322, 360—362, 374, 439, 440, 444
 Тотьма 71
 Трансильвания 86, 341, 344, 360
 Траубридж 424
 Трент р. 426
 Трехизбянская станица 409
 Троицкая крепость 418
 Тугирский волок 239
 Тула 112, 115, 117, 419

Тулон 246
 Тулуза 263
 Турин 249
 Турция 181, 216—221, 223—226, 272, 289, 342,
 409, 419, 437, 439, 456, 457, 459—464
 Уайт о-в 34
 Уда р. 238
 Узень р. 420
 Уилтшир 132
 Уятни 251
 Украина 11, 86, 124, 181, 188, 218, 220, 225, 232,
 276, 288, 289, 406, 409, 420
 Левобережная 220, 275, 289, 417
 Правобережная 220, 456
 Слободская 119, 411, 417
 Ульм 108
 Улья 274, 416
 Уоррингтон 251
 Урал 112, 115, 120, 121, 188, 234, 273, 283, 284,
 287, 289, 293, 333, 335, 413, 414, 417, 418
 Южный 274, 416
 Уссури р. 239
 Устюжна Железопольская 72, 288
 Утрехт 96, 370
 Уфа 275, 417, 418
 Учур р. 239
 Уэльс 26, 34, 268
 Южный 425
 Уэстморленд 12
 Уэст-Райдинг 427

Фальстер о-в 160
 Федотовщина р. 238
 Фессалия 297
 Филиппины, Филиппинские о-ва 84, 90, 91, 95
 Филиппсбург 208
 Финляндия 188, 261, 459, 460
 Финский залив 337, 457
 Фландрия 67, 104, 106, 145, 194, 195, 198, 199,
 204—206, 213—216, 244, 248, 250, 257, 262,
 266—268, 435, 443, 447
 Западная 268
 Французская 261
 Флоренция 107, 224, 249, 361
 Флорида 450
 Фокшаны 464
 Франкфурт-на-Майне 381, 443
 Франкфурт-на-Одере 169
 Франция 1 i, 13, 25, 40—43, 47, 50, 52, 54, 56, 57,
 59, 60, 69, 85—88, 96, 98, 101—105, 128, 139,
 140, 142, 145—148, 150, 151, 153, 155, 156,
 159, 175, 192—217, 220, 222, 225, 233, 243—
 246, 248—252, 254, 255, 257, 259, 261, 263—
 265, 267, 269—271, 292, 313, 314, 316, 320,
 330, 335, 341, 351—353, 355, 362, 368, 371,
 372, 374, 376, 389, 390, 395, 430—434, 437—
 456, 459—462, 464, 465, 468, 470
 Восточная 250
 Северная 250, 255, 261—263
 Северо-Западная 250
 Южная 255, 262—264, 271
 Франш-Конте 145, 194, 196—199, 202, 203, 208,
 210, 268
 Фридрихсхалл 351
 Фрисландия 96, 262, 263
 Восточная 265

Халеб (Алеппо) 85
 Хангингдоншир 18
 Харлем 248
 Хива, Хивинское ханство 226
 Хиршберг (Елена-Гура) 250, 251
 Хопер р. 409—412
 Хорватия 296
 Хохенфриденберг 443
 Хугли (Калькутта) 85

Царицын 118, 408, 411, 412, 420
 Царское с. 280
 Цвейбрюккен 205
 Цейлон о. 456
 Цивильск 419

Чагодошъ р. 282
 Чебоксары 282
 Челябинск 417
 Черкасск 409—412
 Черное море 218, 332, 430, 456, 460, 462—464
 Черный Яр 408, 420
 Чесменская бухта 462
 Чехия 90, 96, 110, 173—175, 178, 245, 247, 295, 296, 340—342, 346, 347, 358, 359, 439, 443, 448, 465
 Чешир 135
 Чигирин 219, 222
 Чили 89
 Чуднов 220
 Чукотский нос (мыс Дежнева) 237, 238

Шарлеруа 199
 Швабия 262, 263
 Шварценау 384
 Швейцария 222, 249, 252, 264, 269, 376, 384, 436
 Шверин 264
 Швеция 40, 77, 96, 101, 103, 128, 139, 157—159, 161—166, 168, 195, 198, 202, 205, 207, 216, 218—222, 224, 225, 245, 263, 269, 272, 283, 351, 352, 354—356, 394, 430, 432, 437, 439—442, 445—448, 451, 452, 456—464, 468

Шельда р. 435
 Шеффилд 246
 Шилка р. 239
 Шлезвиг-Гольштейн 157, 160, 264, 265, 267
 Шопрон 178
 Шотландия 20, 38, 39, 126, 129, 132, 190, 249, 268, 308—312, 349, 376, 382, 393, 395, 435, 443

Штирия 174, 359
 Шульгинский городок 410
 Шумла 463

Эвора 58
 Эгейское море 86, 462
 Эдинбург 308—310
 Эзель о-в 459
 Экс 47
 Эксетер 29, 251, 254
 Эльба р. 6, 109, 261, 262, 467
 Эльбасан 297
 Эльбеф 251
 Эльзас 205, 208, 217, 249, 264, 267, 268
 Эмменталь 264
 Эспаньола о-в 40
 Эссекс 12, 266
 Эстляндия 74, 459

Южный Буг р. 463
 Юзевая 416
 Юкатан п-ов 89

Ява о-в 84, 91
 Яик р. 288, 414, 418
 Яицкий городок (Гурьев) 118
 Яицкий городок (Уральск) 414, 415, 417, 420
 Якутск 237, 238, 239
 Ямайка о-в 40
 Япония 84, 91, 95, 353
 Ярославль 112, 233, 282, 284, 288, 337
 Яссы 342, 464

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (Е.Б. Черняк, М.А. Барз).....	5
---	---

Часть первая. АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕВРОПА В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

ГЛАВА 1. АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА (М.А. Барз).....	11
ГЛАВА 2. ФРОНДА (В.Н. Малов).....	42
ГЛАВА 3. КАТАЛОНСКОЕ И ПОРТУГАЛЬСКОЕ ВОССТАНИЯ 1640 ГОДА (М.И. Ковальская, А.П. Черных).....	54
ГЛАВА 4. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В НЕАПОЛИТАНСКОМ КОРОЛЕВ- СТВЕ В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА (Г.А. Сибирева).....	60
ГЛАВА 5. ВОССТАНИЯ КОНЦА 40-х ГОДОВ XVII ВЕКА В РОССИИ (А.А. Преображенский).....	70

Часть вторая. ЕВРОПА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

ГЛАВА 1. ЕВРОПА И ОСТАЛЬНЫЙ МИР В XVII ВЕКЕ.....	83
Европа в политической структуре мира в середине XVII века (М.Н. Машкин).....	83
Европа в системе мировой торговли XVII века (В.Н. Малов).....	90
ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА (М.А. Барз).....	95
ГЛАВА 3. ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И НАЧАЛО ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА. ВТОРАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА. РАСКОЛ (А.А. Преображенский).....	111
ГЛАВА 4. АНГЛИЯ В 1660–1689 ГОДАХ (Т.Л. Либутина, И.В. Кеткова).....	124
ГЛАВА 5. ЕВРОПЕЙСКИЙ АБСОЛЮТИЗМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА (В.Н. Малов).....	138
ГЛАВА 6. ПЕРЕРАСТАНИЕ СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ МОНАРХИИ РОС- СИИ В АБСОЛЮТИСТСКУЮ (А.А. Преображенский).....	179
ГЛАВА 7. ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА (Е.Б. Черняк).....	191
ГЛАВА 8. РОССИЯ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ (А.А. Преображенский).....	218
ГЛАВА 9. КУЛЬТУРА РОССИИ ДО НАЧАЛА XVIII ВЕКА. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ (А.А. Преображенский).....	228

Часть третья. ЕВРОПА В ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ

ГЛАВА 1. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ ЗАПАДНОЙ И ЦЕНТ- РАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА (Е.Б. Черняк).....	243
ГЛАВА 2. ЕВРОПЕЙСКАЯ АГРИКУЛЬТУРА В XVII–XVIII ВЕКАХ (К ЗАПАДУ ОТ ЭЛЬБЫ) (М.В. Винокурова).....	261
ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В XVIII ВЕКЕ (И.А. Булыгин).....	272

ГЛАВА 4. ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СЛАВЯНО-БАЛКАНСКОГО РЕГИОНА В XVIII ВЕКЕ (Е.П. Наумов).....	295
ГЛАВА 5. ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ (<i>В.Г. Кисунько, А.В. Ревякин</i>).....	298
ГЛАВА 6. ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И КУЛЬТУРА РОССИИ В XVIII ВЕКЕ (<i>И.А. Булыгин</i>).....	327
ГЛАВА 7. КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ СЛАВЯНСКИХ И БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ В XVIII ВЕКЕ (<i>В.А. Дьяков, А.С. Мыльников</i>).....	339
ГЛАВА 8. РАННИЕ БУРЖУАЗНЫЕ ГОСУДАРСТВА И "ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ" В ЕВРОПЕ XVIII ВЕКА (<i>В.В. Рогинский</i>).....	349
ГЛАВА 9. РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В XVII–XVIII ВЕКАХ (<i>Т.А. Павлова</i> ; раздел о католицизме написан <i>В.Г. Овчинниковым</i>).....	366
ГЛАВА 10. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ РОССИИ В XVIII ВЕКЕ (<i>И.А. Булыгин</i>).....	395
ГЛАВА 11. ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В РОССИИ XVIII ВЕКА. СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ ЦЕРКОВНЫХ ВЛАДЕНИЙ (<i>И.А. Булыгин</i>).....	401
ГЛАВА 12. КЛАССОВАЯ БОРЬБА В РОССИИ В XVIII ВЕКЕ (<i>И.А. Булыгин</i>).....	407
ГЛАВА 13. НАЧАЛО ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В АНГЛИИ (<i>Н.А. Ерофеев, В.В. Мошков</i>).....	421
ГЛАВА 14. СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЕВРОПЕ В XVIII ВЕКЕ (до 1789 г.) (<i>Е.Б. Черняк</i>).....	430
ГЛАВА 15. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В XVIII ВЕКЕ (<i>И.А. Булыгин</i>).....	456
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (<i>Е.Б. Черняк, М.А. Барз</i>).....	465
ЛИТЕРАТУРА.....	471
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА (<i>Е.М. Михина</i>).....	485
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	488
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ.....	496

CONTENTS

INTRODUCTION (<i>E.B. Chernyak</i> , M.A. Barg).....	5
---	---

Part One. THE ENGLISH REVOLUTION AND EUROPE IN THE MIDDLE OF THE 17TH CENTURY

CHAPTER 1. THE ENGLISH REVOLUTION OF THE MIDDLE OF THE 17TH CENTURY (M.A. Barg).....	11
CHAPTER 2. THE FRONDE (<i>V.N. Malov</i>).....	42
CHAPTER 3. THE CATALAN AND PORTUGAL UPRISINGS (1640) (<i>M.I. Kovalskaya</i> , <i>A.P. Chernykh</i>).....	54
CHAPTER 4. THE REVOLUTIONARY MOVEMENT IN NEAPOLITAN KINGDOM IN THE MIDDLE OF THE 17TH CENTURY (<i>G.A. Sibiriova</i>).....	60
CHAPTER 5. UPRISINGS OF THE LATE 40TH OF THE 17TH CENTURY IN RUSSIA (<i>A.A. Preobražensky</i>).....	70

Part Two. EUROPE IN THE SECOND HALF OF THE 17TH CENTURY

CHAPTER 1. EUROPE AND THE WORLD IN THE 17TH CENTURY.....	83
Europe in the Political Structure of the World in the Middle of the 17th Century (<i>M.N. Mashkin</i>).....	83
Europe in the System of the World Trade in the 17th Century (<i>V.N. Malov</i>).....	90
CHAPTER 2. SOCIAL STRUCTURE OF THE EUROPEAN ECONOMY IN THE SECOND HALF OF THE 17TH CENTURY (M.A. Barg).....	95
CHAPTER 3. FEUDAL RELATIONS AND THE BEGINNING OF THE GENESIS OF CAPITALISM IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 17TH CENTURY; THE SECOND PEASANT WAR; THE SCHISM (<i>A.A. Preobražensky</i>).....	111
CHAPTER 4. ENGLAND IN 1660–1689 (<i>T.L. Labutina</i> , <i>I.V. Ketkova</i>).....	124
CHAPTER 5. EUROPEAN ABSOLUTISM OF SECOND HALF OF THE 17TH AND OF THE BE- GINNING OF THE 18TH CENTURY (<i>V.N. Malov</i>).....	138
CHAPTER 6. THE DEVELOPMENT OF THE LIMITED MONARCHY TO THE ABSOLUTE IN RUSSIA (<i>A.A. Preobražensky</i>).....	179
CHAPTER 7. CHANGES IN THE SYSTEM OF EUROPEAN STATES IN THE SECOND HALF OF THE 17TH AND IN THE BEGINNING OF 18TH CENTURY (<i>E.B. Chernyak</i>)....	191
CHAPTER 8. RUSSIA ON THE INTERNATIONAL ARENA (<i>A.A. Preobražensky</i>).....	218
CHAPTER 9. RUSSIAN CULTURE BEFORE THE BEGINNING OF THE XVIIIITH CENTURY. GEOGRAPHIC DISCOVERIES (<i>A.A. Preobražensky</i>).....	228

Part Three. EUROPE IN THE AGE OF ENLIGHTENMENT

CHAPTER 1. DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND OF TRADE OF THE WESTERN AND CENTRAL EUROPE IN THE FIRST HALF OF THE 18TH CENTURY (<i>E.B. Chernyak</i>).....	243
CHAPTER 2. EUROPEAN AGRICULTURE IN THE 17TH AND 18TH CENTURIES (TO WEST FROM THE ELBE) (<i>M.V. Vinokurova</i>).....	261

CHAPTER 3. SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE 18TH CENTURY (<i>I.A. Bulygin</i>).....	272
CHAPTER 4. ECONOMIC AND SOCIAL DEVELOPMENT OF THE SLAVIC-BALKAN REGION IN THE 18TH CENTURY (<i>E.P. Naumov</i>).....	295
CHAPTER 5. THE EUROPEAN ENLIGHTENMENT (<i>V.G. Kisunko, A.V. Reviakin</i>).....	298
CHAPTER 6. PUBLIC THOUGHT AND CULTURE OF RUSSIA IN THE 18TH CENTURY (<i>I.A. Bulygin</i>).....	327
CHAPTER 7. CULTURE AND PUBLIC THOUGHT OF SLAVIC AND BALKAN PEOPLES IN THE 18TH CENTURY (<i>V.A. Diakov, A.S. Mylnikov</i>).....	339
CHAPTER 8. EARLY CAPITALIST STATES AND THE "ENLIGHTENED ABSOLUTISM" IN EUROPE IN THE 18TH CENTURY (<i>V.V. Roginsky</i>).....	349
CHAPTER 9. RELIGION AND CHURCH IN WESTERN EUROPE IN THE 17TH AND 18TH CENTURIES (<i>T.A. Pavlova</i> ; section "Catholicism" by <i>V.G. Ovchinnikov</i>).....	366
CHAPTER 10. STATE SYSTEM OF RUSSIA IN THE 18TH CENTURY (<i>I.A. Bulygin</i>).....	395
CHAPTER 11. CHURCH AND STATE IN RUSSIA IN THE 18TH CENTURY; SECULARI- SATION OF CHURCH POSSESSIONS (<i>I.A. Bulygin</i>).....	401
CHAPTER 12. CLASS STRUGGLE IN RUSSIA IN THE 18TH CENTURY (<i>I.A. Bulygin</i>).....	407
CHAPTER 13. THE BEGINNING OF THE INDUSTRIAL REVOLUTION IN ENGLAND (<i>N.A. Erofeev, V.V. Moshkov</i>).....	421
CHAPTER 14. SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS IN EUROPE IN THE 18TH CENTURY (up to 1789) (<i>E.B. Chernyak</i>)	430
CHAPTER 15. RUSSIA'S FOREIGN POLICY IN THE 18TH CENTURY (<i>I.A. Bulygin</i>).....	456
CONCLUSION (<i>E.B. Chernyak, M.A. Barg</i>).....	465
BIBLIOGRAPHY	471
CHRONOLOGICAL TABLE (<i>E.M. Mikhina</i>).....	485
INDEX OF PROPER NAMES	488
INDEX OF GEOGRAPHICAL NAMES	496

Научное издание

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

Том четвертый

ЕВРОПА НОВОГО
ВРЕМЕНИ

(XVII—XVIII века)

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Российской академии наук

Редакторы издательства
Н.Ф. Лейн, Н.Л. Петрова

Художественный редактор
В.Ю. Яковлев

Технический редактор
И.Н. Жмуркина

Корректоры
Ф.Г. Сурова, Р.В. Молоканова

Л.Р. № 020297 от 27 ноября 1991 г.

Сдано в набор 04.12.93
Подписано к печати 07.04.94
Формат 70 × 108 1/16

Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл. печ. л. 44,8 + 0,7 вкл. Усл. кр. отт. 45,5

Уч.-изд. л. 513. Тираж 25000 экз. Тип. зак. **735**

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва В-485

Профсоюзная ул., 90.

Московская типография № 2 Комитета
Российской Федерации по печати
129301, Проспект Мира, 105

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"

в 1994 году выходят в свет:

ЕВРОПЕЙСКИЙ АЛЬМАНАХ.

История. Традиции. Культура.

1994

15 л.

"Россия и Европа" — эта тема объединяет все материалы очередного выпуска. В нем публикуются статьи, посвященные взаимоотношениям России и других европейских стран, диалогу культур, роли России в истории европейской цивилизации. Читатель познакомится с неизвестными работами выдающегося русского религиозного мыслителя П. Флоренского о православии и старообрядчестве, взглядами английского экономиста Дж. Кейнса на развитие коммунистического эксперимента в России 20-х годов XX в. Среди других материалов выпуска — статьи о судьбах христианской демократии и либерализма в истории Западной Европы и России, о "русском" католицизме, о "дипломатической революции" второй половины XVIII в.

Для широкого круга читателей.

ОДИССЕЙ.

Человек в истории.

1994:

Картина мира в учебном и народном сознании

25 л.

"Одиссей. 1994" продолжает традицию предыдущих пяти выпусков и в то же время, несомненно, имеет собственное лицо. Он открывается яркой и темпераментной статьей Л.М. Баткина, посвященной трудному и плодотворному творческому пути замечательного историка-медиевиста А.Я. Гуревича. Среди авторов основного раздела — как талантливые молодые исследователи, так и крупнейшие отечественные и зарубежные ученые — В.Н. Топоров, А.П. Каждан, Дж. Констебл. Раздел, посвященный актуальным проблемам современного гуманитарного знания, представлен статьями Ю.Л. Бессмертного и двух известных польских ученых — Е. Топольского и В. Вжозека. Завершает сборник блестящая по форме и новаторская по содержанию работа Н.В. Брагинской о "Картинах" Филострата Старшего как неизвестном доселе жанре античной литературы.

Для широкого круга читателей.

Впервые в отечественной науке поднимается вопрос о роли женщины в эпоху античности. На основании широкого круга источников вырисовывается волшебный и прекрасный образ женщины в различные периоды античной истории. Перед читателем предстают хитроумные и коварные правительницы великих государств, властные и скромные жены эллинистических царей, прославленных полководцев и великих государственных деятелей. Всесторонне освещается положение женщин в Спарте, республиканском и императорском Риме, в античных государствах Северного Причерноморья. Выявляются различные аспекты активной роли женщины в период раннего христианства, в неожиданном ракурсе подан образ Марии Магдалины.

Для историков, археологов, этнографов, преподавателей высшей и средней школы и всех интересующихся историей древнего мира.

